„Русскій Архивъ“ издается въ 1892 году на прежнихъ основаніяхъ (годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892

1.

Стр.

5. Смутное время. Дѣятельность Русскаго духовенства (1608—1613) Историческій очеркъ **Г. А. Воробьева.**

50. Сперанскій: 1) Пермское письмо его къ Александру Павловичу и 2) Оправдательная его записка. Съ предисловіемъ **Н. К. Шильдера** и послѣсловіемъ **издателя.**

81. Къ исторіи торговыхъ сношеній Москвы съ Закавказьемъ. **Д. Ѳ. Рязанова.**

86. Изъ воспоминаній о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ. **О. О.**

87. Владиміръ Павловичъ Титовъ. Письмо о немъ **К. А. Бутенева.**

91. Письмо **Д. В. Дашкова** къ А. А. Прокоповичу-Антонскому о В. П. Титовѣ (1818).

93. Письмо **А. И. Тургенева** къ князю А. Н. Голицыну по выходѣ въ отставку (1842).

95. Письмо **графа А. А. Безбородки** къ Московскому главнокомандующему князю Прозоровскому о Мартинистахъ.

96. А. С. Пушкинъ въ сельцѣ Михайловскомъ. Разсказы простолюдиновъ-современниковъ.

98. Воспоминанія юриста. **П. Н. Обнинскаго.**

139. Изъ памятныхъ замѣтокъ стараго гвардейца.

141. Изъ писемъ къ издателю „Русскаго Архива“. I. **Н. В. Ханыкова** (о Хивинскомъ походѣ 1839 года). II. **Г. Д. Щербачева** (объ офицерѣ-героѣ Мецгерѣ).

Въ приложеніи:

Записки Филипа Филиповича Вигеля. (Новое изданіе съ подлинной рукописи).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи.

на Страстномъ бульварѣ.

1892.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1891 года.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ:

Книга первая (выпуски 1—4).

Императрица Марія Θеодоровна. Ея біографія. **Е. С. Шумигорскій.**

Записки Степана Петровича Жихарева (Май—Декабрь 1806 г. и Январь—Май 1807 года).

Воспоминанія **Андрея Михайловича Фадѣева.**

Письма митрополита **Филарета** къ Θ. Я. Репнинскому. 1828—1842.

Изъ депешъ барона Баранта.

Зимній походъ (В. А. Перовскаго) въ Хиву 1839 года. По разсказамъ современниковъ. **И. Н. Захарьина.**

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Воспоминаніе графа **С. Д. Шереметева.**

Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Его біографія. **А. Л. Зиссермана.**

Воспоминанія **Григорія Дмитріевича Щербачева.**

Книга вторая (Выпуски 5—8).

Автобіографическія показанія прадѣда Пушкина **А. П. Ганнибала.**

Правительственные пріемы Екатерины Великой. (Изъ письма **В. С. Попова** къ императору Александру Павловичу.)

Императрица Марія Θеодоровна. Ея біографія. **Е. С. Шумигорскаго.**

Москва въ дни вступленія въ нее Французовъ. Современное письмо **Стендаля.** Съ предисловіемъ **В. Н. Горленка.**

Бородино. **Графа С. Д. Шереметева.**

Памятныя записки **Михаила Михаиловича Евреинова** съ біографическимъ о немъ воспоминаніемъ графа **М. В. Толстаго.**

Воспоминанія **Андрея Михаиловича Фадѣева.**

„Благодѣтели мои и моего рода". Воспоминанія священника-археолога **М. Я. Діева,** съ предисловіемъ **А. А. Титова.**

Императоръ Николай Павловичъ о Лермонтовѣ.

Къ характеристикѣ О. И. Сенковскаго. (Польскіе наѣзды на Русскій языкъ). Статья **И. Н. Корсунскаго.**

Изъ воспоминаній о моей жизни. Салтинскій походъ (1847). **Барона А. П. Николаи.**

Севастополь. Записки начальника штаба Севастопольскаго гарнизона **князя В. И. Васильчикова.**

Живописецъ Б. Л. Боровиковскій. Біографическій очеркъ. Составилъ **В. П. Горленка.** Съ приложеніемъ писемъ Боровиковскаго къ его роднымъ и списка его работъ.

Письмо **И. С. Аксакова** о Московскихъ праздникахъ по поводу открытія памятника Пушкину (1880).

Въ приложеніи:

Записки Степана Петровича Жихарева. (Май 1807). Съ азбучнымъ указателемъ.

Записки Филипа Филиповича Вигеля. (Новое изданіе съ подлинной рукописи). Часть первая, главы I—XVII.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

1892.

1.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ, въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія: Римская цифра означаетъ книгу, Арабская—страницу.

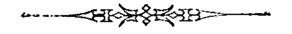
РУССКІЙ АРХИВЪ

Жизнь живущихъ не вѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна.

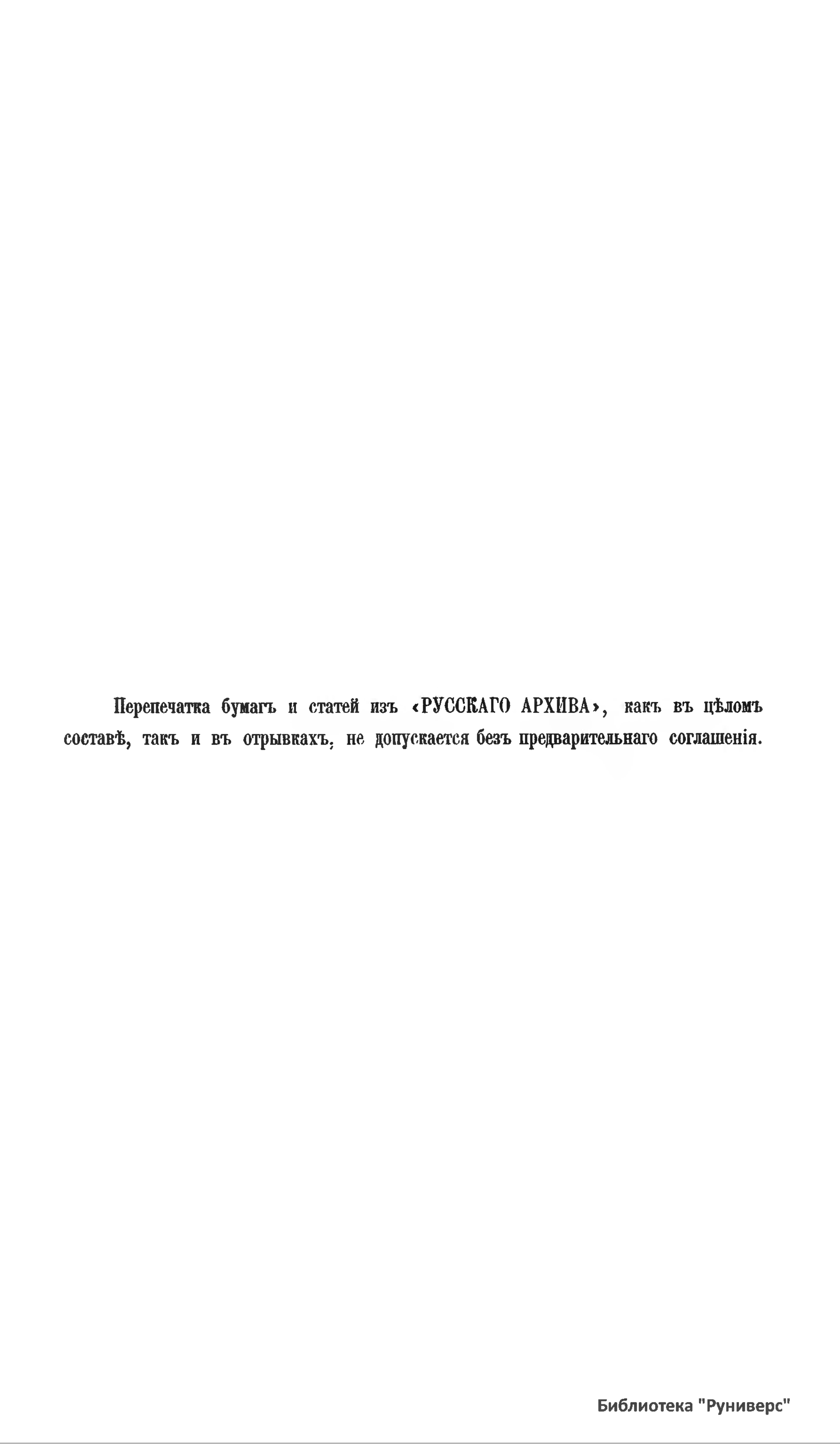
Жуковскій.

1892.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

Дѣятельность Русскаго духовенства.

(1605–1613).

(Посвящается памяти М. А. Вороб-ой).

I.

Смерть царя Бориса.—Присяга его вдовѣ и дѣтямъ.—Измѣны.—Воззваніе самозванца.—Дѣятельность патріарха Іова противъ самозванца.—Повинная грамота Москвичей самозванцу.—Степень участія Іова въ составленіи ея.—Участь семейства Годуновыхъ.—Низложеніе и ссылка Іова.—Преемникъ его Игнатій.—Біографія Игнатія до посвященія въ санъ патріаршескій.—Окружная грамота новаго патріарха.—Опасности для Православія.—Коронованіе Лжедемитрія.—Давленіе со стороны Рима на Лжедимитрія къ окатоличенію Московскаго государства.—Осторожность самозванца въ этомъ дѣлѣ.—Его религіозная политика и недовольство ею въ Римѣ.—Сношенія съ Ватиканомъ.—Марина Мнишекъ въ Москвѣ.—Обрученіе, царское коронованіе и бракосочетаніе ея съ Лжедимитріемъ.—Переворотъ въ ночь на 17-е Мая 1606 г.—Низверженіе п. Игнатія.—Его вины и объясненіе ихъ.—Заключеніе Игнатія.

13-го Апрѣля 1605 года царь Борисъ, вставъ изъ-за стола послѣ сытнаго обѣда, почувствовалъ себя дурно и около 3 часовъ пополудни скончался. Внезапная кончина его дала поводъ иностранцамъ распустить слухъ, что Борисъ отравился [1]). Въ дворцѣ были поражены неожиданностію событія, о которомъ цѣлый день не объявляли народу, и только на другой день всякаго званія люди, дѣти боярскіе, купцы и посадскіе явились въ Кремль цѣловать крестъ вдовствующей царицѣ Маріи Григорьевнѣ съ дѣтьми: царемъ Ѳеодоромъ Борисовичемъ и царевною Ксеніею Борисовною; патріархъ Іовъ объявилъ, что имъ оставилъ Борисъ престолъ свой. Во всѣ остальные города Русскаго царства разосланы грамота съ извѣстіемъ о кончинѣ Бориса и о воцареніи сына съ матерью и крестоприводная запись. Въ сей послѣдней запрещалось приставать «къ вору, который называется Димитріемъ Углицкимъ и съ нимъ и съ его совѣтники ни съ кѣмъ не ссылатись

---

[1]) *M. Bäer* и *Samuel Maskiewicz* (въ Сказ. современниковъ о Дим. Самозв. *Устрялова*, СПБ. 1859, т. I, 42 и II, 14), *Is. Massae Chronic.*, 65.

ни на кое лихо, и не измѣнити и не отъѣхати, и лиха никотораго не учинити, и государства не подъискивати... и того вора на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти» [2]). Къ войску, которое дѣйствовало противъ самозванца, посланъ Петръ Өедоровичъ Басмановъ, въ качествѣ главнаго предводителя, и съ порученіемъ приводить къ присягѣ. Но скоро, одинъ за другимъ, начали измѣнять бояре; потомъ измѣнило войско и, наконецъ, измѣнили всѣ жители Москвы: 1 Іюня, на Лобномъ мѣстѣ они выслушали воззваніе, присланное Лжедимитріемъ, и признали его за истиннаго царевича Димитрія. Патріархъ Іовъ просилъ бояръ уговаривать народъ и самъ обличалъ обезумѣвшихъ клятвопреступниковъ. Годуновы были захвачены. Выборные отъ Москвы, князь Иванъ Воротынскій и Андрей Телятевскій, 3 Іюня повезли къ Лжедимитрію въ Тулу повинную грамоту. Грамота была написана отъ лица патріарха и всего освященнаго собора, бояръ, окольничьихъ дворянъ, торговыхъ и всякихъ людей всего Россійскаго государства [3]). Нѣтъ возможности теперь рѣшить, до какой степени въ самомъ дѣлѣ участвовали поименованныя сословія въ признаніи новаго царя; но что касается п. Іова, то онъ тутъ былъ не причемъ, и все дѣлалось безъ его согласія: ибо грамота была отправлена только съ боярами, а не съ митрополитами и архіепископами, какъ слѣдовало бы и какъ того требовалъ даже Лжедимитрій. И если самозванецъ въ послѣдующихъ грамотахъ о восшествіи своемъ на престолъ (отъ 6 и 11 Іюня), говорилъ предъ Россіею, что вмѣстѣ съ боярами и другими людьми и п. Іовъ съ освященнымъ соборомъ узнали въ немъ прирожденнаго государя и били ему челомъ, то это была ложь, быть можетъ, даже не намѣренная: Лжедимитрію могли сказать прибывшіе изъ Москвы съ повинною грамотою, что и Іовъ, вмѣстѣ со всѣми, присягнулъ ему, и самозванецъ могъ легко повѣрить пріятной для него вѣсти. Дальнѣйшія событія подтверждаютъ непричастность Іова къ этому событію: въ двухъ своихъ грамотахъ о приведеніи всѣхъ жителей Россіи къ присягѣ Лжедимитрій говорилъ лишь о томъ, что въ Москвѣ и другихъ городахъ ему цѣловали крестъ бояре, а о п. Іовѣ вовсе не упоминалъ. 10 Іюня получена въ столицѣ изъ Серпухова отвѣтная грамота отъ Лжедимитрія, извѣщавшая, что онъ тогда только вступитъ въ Москву, когда враги его будутъ истреблены до послѣдняго [4]). Желаніе это было немедленно исполнено: Өеодора съ матерью умертвили; а царевну Ксенію оставили въ живыхъ на безотрадное злополучіе. Тогда же принудили и Іова оставить патріаршій престолъ. Вотъ какъ онъ самъ раз-

---

[2]) *Собр. гос. гр. и догов.* II, 192.
[3]) Тоже 200.

сказываетъ объ этомъ въ грамотѣ къ народу, изданной имъ впослѣдствіи, при Василіи Шуйскомъ: «Множество народа царствующаго града Москвы внидоша во святую соборную и апостольскую церковь со оружіемъ и дреколіемъ во время святаго и божественнаго пѣнія и, не давъ совершити божественныя литургіи, и внидоша во святой алтарь, и меня, Іева патріарха, изъ алтаря взяша, и въ церкви и по площади таская позориша»... Іовъ молилъ, чтобы его отпустили на обѣщаніе въ городъ Старицу, въ Богородицкій монастырь, и приверженцы самозванца отправили его туда на изгнаніе, въ одеждѣ простого монаха, на телѣгѣ [5]).

На мѣсто Іова новый царь выбралъ въ патріархи, своею властію [6]), безъ соборнаго избранія, Рязанскаго архіепископа Игнатія, родомъ Грека, который воспитывался въ Римѣ, былъ нѣкоторое время епископомъ Кипрскимъ, потомъ явился въ Россію и получилъ у насъ Рязанскую каѳедру. Когда самозванецъ шелъ къ Москвѣ и когда ему присягнула Рязанская земля, Игнатій первый изъ архіереевъ явился къ новому царю, чтобы заслужить его вниманіе и расположеніе [7]); къ къ тому же онъ во многомъ сходился съ царемъ: былъ нрава веселаго, любитель прекраснаго пола, снисходителенъ къ себѣ и къ другимъ, и притомъ раздѣлялъ съ Лжедмитріемъ его вѣротерпимость и расположеніе къ Западу. Такой пастырь нуженъ былъ самозванцу. Говорятъ, что когда Игнатій, для приличія, просилъ благословенія у Іова, старецъ отвѣчалъ: «по ватагѣ атаманъ, по овцамъ пастухъ» [8]). Еще не будучи посвященъ въ санъ патріаршескій, Игнатій, 20 Іюня, среди блестящаго Московскаго духовенства, встрѣчалъ Лжедимитрія при въѣздѣ его въ столицу, при чемъ предъ нимъ несли посохъ. 24 Іюня Игнатій былъ возведенъ архіереями, по приказанію самозванца, въ

[4]) *Bäer*, 46.

[5]) *Никон. лѣт.* 9.

[6]) „Сказан. о Гришкѣ Отрепьевѣ“ въ *Чт. И. Моск. Общ. ист. и древ.* 1847 г. IX, отд. 2, 17.

[7]) Послѣ, подобно Игнатію, поступили и остальные тогдашніе наши архіереи, одни, признавъ въ самозванцѣ истиннаго Димитрія по убѣжденію, а другіе—страха ради. Исключеніе составлялъ одинъ архіепископъ Астраханскій Ѳеодосій: когда возванія Лжедимитрія появились въ Астрахани, онъ старался убѣдить свою паству, что именующій себя Димитріемъ просто похититель царскаго имени; но его тогда едва не умертвили, взяли подъ стражу и по воцареніи самозванца привезли къ нему въ Москву. Здѣсь, на вопросъ Лжедимитрія „да кто-де я?“ Ѳеодосій безбоязненно отвѣчалъ: „прямое твое имя Богъ вѣсть, ибо прирожденный царевичъ Димитрій убитъ въ Угличѣ, и мощи его тамъ“. Смѣлый отвѣтъ такъ подѣйствовалъ на Лжедимитрія, что онъ не только не предалъ казни Ѳеодосія, но не велѣлъ даже его оскорблять (*Платонъ Любарскій.* Іерархія Астрах. епарх. *Чт. И. Моск. Общ. ист. и др.* 1848 г. VII, отд. IV, 65—66).

[8]) *Степ. книга Латухина* (у *Карамзина* И. Г. Р. изд. Эйнерлинга, XI, примѣч. 378).

санъ патріарха [9]). 30 числа того же мѣсяца новый первосвятитель разослалъ по Россіи окружную грамоту, въ которой, извѣщая о вступленіи на престолъ «прирожденнаго царя и великаго князя Димитрія Ивановича», а также о своемъ возведеніи на престолъ св. чудотворцевъ, предписывалъ пѣть по всѣмъ церквамъ торжественные молебны за новаго государя и молиться о немъ и объ его матери, инокинѣ Мареѣ, дабы Господь даровалъ имъ многолѣтнее здравіе и возвысилъ ихъ царскую десницу надъ Латинствомъ и Бесерменствомъ. Желаніе побѣды надъ Латинствомъ было не болѣе какъ хитрая уловка со стороны Игнатія. Какъ православный патріархъ, онъ, разумѣется, не могъ иначе говорить православнымъ; но что онъ могъ быть очень удобнымъ орудіемъ для Рима, о томъ хорошо знали въ Ватиканѣ, какъ это видно изъ письма кардинала Боргезе, отъ 3 Декабря 1605 года, къ папскому нунцію въ Польшѣ Рангони [10]).

Не замедлили появиться въ Москвѣ Іезуиты, Францисканы и ксендзы [11]). О своемъ положеніи въ Москвѣ Іезуиты писали не задолго до коронаціи самозванца: «Скоро, скоро увидимъ ожидаемый нами день, когда свѣтъ, дотолѣ помраченный, засіяетъ для всей Московіи и, если это совершится успѣшно, для всего міра. Теперь мы еще покуда молчимъ и ничего не говоримъ о нашихъ дѣлахъ со свѣтлѣйшимъ государемъ, опасаясь Москвитянъ, доколѣ онъ не утвердится на престолѣ и не убѣдитъ главныхъ бояръ дѣйствовать съ собою заодно» [12]). Желанный день насталъ. Іюля 21-го совершилось царское вѣнчаніе Лжедимитрія въ Успенскомъ соборѣ, по обычному чину, какой наблюдался въ прежнія царствованія. Отъ дворца до собора путь, по которому долженъ былъ шествовать царь, былъ устланъ дорогими матеріями; вельможи обязаны были наблюдать, чтобы никто не смѣлъ перейти его; протопопъ придворнаго Благовѣщенскаго собора Терентій окропилъ его святою водою для предохраненія отъ порчи. Въ соборѣ,

---

[9]) *Поповъ*. Изборн. статей, внесен. въ хронографы. М. 1869, 193. 235. *Временн. И. Мос. Общ. ист. и древ.* XXI, отд. 2, 94, *Чт. И. Мос. Общ. ист. и др.* 1847 г., IX, отд. 2, 18.

[10]) *Собр. гос. гр. и догов.* II, № 92; *Historica Russiae monumenta*, СПБ. 1841—1842, II, № 60.

[11]) Для исторіи Католичества въ Московской Руси въ разсматриваемую эпоху, кромѣ трактатовъ въ исторіяхъ: *Соловьева* (Ист. Рос., т. VIII) и *Макарія* (Ист. р. Цер. т. X), цѣнны спеціальные труды: *гр. Д. А. Толстаго* Le Catolicisme Rom. en Russie, 2 vol. Paris 1863 et 1864, *Лилова* О зловредныхъ дѣйствіяхъ Іезуитовъ въ Россіи въ кон. XVI и въ нач. XVII в. Казань, 1856; *о. Морошкина* Іезуиты въ Россіи, 2 т. Спб. 1867—1870; ст. *Левитскаго* Лжедимитрій I, какъ пропагандистъ Католичества въ Москвѣ, въ „*Христ. Чт.*“ за 1886 годъ.

[12]) *Дм. Цвѣтаевъ*: Изъ ист. иностр. исповѣд. въ Россіи въ XVI и XVII в. М. 1886, 296.

предъ обѣдней, патріархъ, съ обычными церемоніями, возлагалъ на царя бармы, вѣнецъ, давалъ ему въ руки скипетръ и державу, сажалъ царя на возвышенномъ (въ 12 ступеней) мѣстѣ, посреди церкви. Клиръ пѣлъ многолѣтіе царю. Всѣ поздравляли государя. Патріархъ сказалъ рѣчь, какъ положено въ чинѣ. Привѣтствовалъ царя рѣчью, къ великому изумленію православныхъ, Іезуитъ Николай Черниковскій, на Латинскомъ языкѣ. Отъ патріарха Іерусалимскаго Софронія пришла грамота, въ которой онъ не знаетъ какъ и описать радость всей Палестины, когда тамъ узнали, что «великій государь здравствуетъ». «Большіе и малые, юные и старые, мужи и жены, славятъ Бога... Мы повѣсили три лампады надъ гробомъ Господнимъ, которыя пылаютъ денно и нощно во имя Вашего Величества» [13]). Началась литургія. Въ концѣ ея царь причастился св. таинъ, а потомъ п. Игнатій совершилъ надъ нимъ помазаніе св. мvромъ. Послѣ этого Лжедимитрій, по примѣру прежнихъ нашихъ царей, посѣтилъ Архангельскій соборъ, зашелъ въ Благовѣщенскій, и удалился во дворецъ.

Теперь, когда самозванецъ утвердился на Московскомъ престолѣ, Латиняне спѣшили напомнить ему про обязательства, которыя онъ на себя принялъ [14]). Самъ папа Павелъ V писалъ ему: «Мы не сомнѣваемся, что ты хочешь привести въ лоно Римской церкви народъ Московскій, потому что народы необходимо должны подражать своимъ государямъ и вождямъ. Вѣрь, что ты отъ Бога предназначенъ къ совершенію этого спасительнаго дѣла... Воспользуйся удобностію мѣста и, какъ второй Константинъ, первый утверди на немъ Римскую церковь» [15])... Въ Римѣ уже приготовлены были для Россіи не только миссіонеры, но даже епископы. Но Лжедимитрій, связанный обѣщаніями въ пользу совращенія Россіи въ Католичество, дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи крайне осторожно. Онъ былъ готовъ предоставить католикамъ свободу богослуженія въ государствѣ, какою пользовались у насъ протестанты уже со второй половины XVI ст. [16]); но прибѣгать къ

---

[13]) Французскій переводъ этой грамоты въ Моск. Арх. М. И. Д.

[14]) Каковы были эти обязательства, видно изъ письма кардинала Боргезе къ папскому нунцію въ Польшѣ, отъ 10 Декабря 1605 г. (Димитрій „въ письмѣ къ папѣ, блаженной памяти Клименту VIII, отъ 30 Іюля 1604 г., обѣщалъ присоединить народъ свой къ св. престолу“ *Hist. Russ. monum.*, II, 61), и изъ письма самозванца къ его тестю, Сендомирскому воеводѣ Юрію Мнишку (...„мы сами соединеніе сіе приняли и станемъ накрѣпко промышлять, чтобы все Московское государство въ одну вѣру—Римскую привести“ (*Соб. гос. гр. и дог.* II, 160; *Бутурлинъ*. Ист. Смут. вр., II, пр. 14—16).

[15]) *Hist. Russ. monum.*, II, №№ 56—62.

[16]) Свидѣтельства объ этомъ Горсея, Поссевина, Одерборна, Маржерета, Массы, Петрея, Олеарія, Рингубера, и др. у *Цвѣтаева*: Изъ ист. иностр. испов. въ Р. въ XVI и XVII в.—О свободномъ отправленіи въ Москвѣ католическаго богослуженія говорятъ Іезуиты въ извѣстномъ намъ письмѣ, писанномъ предъ коронаціею самозванца: „Мы

открытымъ, а тѣмъ болѣе насильственнымъ мѣрамъ считалъ неумѣстнымъ, понимая, какъ эти мѣры были бы нелѣпы въ Россіи. Онъ не желалъ имѣть Іезуитовъ своими совѣтниками и руководителями. Ближайшія къ самозванцу лица, Поляки братья Бучинскіе, были протестанты. Благодѣтельствовалъ онъ и православнымъ архіереямъ и обителямъ. Патріархъ и всѣ епископы были назначены въ преобразованный изъ старой государственной думы (по образцу Польской Рады) Сенатъ—сенаторами [17]). При немъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ, постриженный насильно въ монахи, подъ именемъ Филарета, былъ вызванъ изъ заточенія и получилъ Ростовскую митрополію [18]). Многимъ монастырямъ были розданы руги, угодья, жалованныя несудимыя и тарханныя грамоты. Любопытно, что даже члены Львовскаго православнаго братства, знаменитаго своею борьбою съ Уніею, получили изъ царской казны, для построенія храма Пресв. Богородицы, соболей на 300 рублей [19]). Вообще Лжедимитрій наружно старался казаться православнымъ. Онъ посѣщалъ православныя церкви, покланялся св. иконамъ и мощамъ, держалъ при себѣ православнаго духовника архимандрита, и тѣмъ многихъ вводилъ въ заблужденіе относительно искренности своихъ религіозныхъ убѣжденій. Современный намъ католическій писатель (Іезуитъ Пирлингъ) съ нескрываемою досадою пишетъ: «Въ Димитріѣ мало по малу совершилась печальная перемѣна. Горячую ревность неофита во время похода на Москву смѣнилъ холодный разсчетъ политика, который думаетъ воспользоваться религіей, какъ средствомъ просвѣтительнымъ. Въ Москвѣ стало еще хуже. Онъ не только вполнѣ удалилъ Іезуитовъ, которымъ покровительствовалъ, хотя и очень мало, со времени вступленія на престолъ, но окружилъ себя совѣтниками-еретиками, и они пользуются всѣмъ его довѣріемъ» [20])... Сильное неудовольствіе возбудила въ Римѣ просьба Лжедимитрія (когда онъ началъ переговоры о своей женитьбѣ на Маринѣ Мнишекъ) дозволить невѣстѣ-католичкѣ наружно исполнять обряды Православія. Войти въ сношеніе по этому дѣлу съ папою было необходимо. Русскіе были убѣждены, что Марина не можетъ сдѣлаться супругою ихъ царя, если не приметъ Православія; Русскіе же святители

ежедневно отправляемъ богослуженіе, украшаемъ наши алтари самымъ блестящимъ образомъ, а въ торжественные дни употребляемъ звуки бубенъ и трубъ, такъ-что Русскіе начинаютъ съ удивленіемъ признавать въ Полякахъ, которыхъ они считали и называли еще такъ не давно еретиками, набожныхъ христіанъ“ (*Цвѣтаевъ*, 297).

[17]) *Соб. гос. гр. и дог.*, II, 207—210.

[18]) *Хроногр. 1617 г.* въ „Изборникѣ“ *Попова*, стр. 194.

[19]) *Соб. гос. гр. и дог.*, II, № 130.

[20]) *Pierling* Rome et Démétrius. P. 1878.

въ самой своей архіерейской присягѣ давали клятву не допускать браковъ православныхъ съ Латинами и Армянами. Казанскій митрополитъ Гермогенъ и Коломенскій епископъ Іосифъ настоятельно требовали, чтобы невѣста, какъ царица Русская, торжественно приняла Православіе, а иначе-де она не царица, и даже не можетъ быть заключенъ бракъ царя съ нею. Самозванецъ приказалъ немедленно выслать этихъ смѣлыхъ пастырей изъ столицы въ ихъ епархіи [21]). Ходатайство самозванца, разсмотрѣнное коллегіею кардиналовъ, не удостоилось одобренія и было отклонено, о чемъ и увѣдомилъ Боргезе нунція Рангони 4 Марта 1606 года [22]). Тѣмъ не менѣе Марина поступила впослѣдствіи такъ, какъ желалъ ея царственный женихъ. Видно, то, чего не разрѣшили гласно, нашли возможнымъ разрѣшить негласно: иначе Марина не осмѣлилась бы нарушить волю святаго отца.

2-го Мая (1606 г.) пріѣхала въ Москву панна Марина въ сопровожденіи огромной свиты (до 2000 человѣкъ), въ которой были Поляки и Литовцы и нѣсколько человѣкъ духовныхъ Іезуитскаго ордена. По желанію жениха, обрученіе, царское коронованіе невѣсты и бракосочетаніе были совершены въ одинъ день 8 Мая. Обрученіе совершалъ протопопъ Благовѣщенскаго собора Өедоръ, утромъ въ столовой палатѣ дворца, причемъ благословлялъ крестомъ какъ царя, такъ и его невѣсту, и она цѣловала православный крестъ. Затѣмъ обрученные пошли въ Успенскій соборъ, гдѣ ожидалъ ихъ патріархъ съ духовенствомъ и множество народа. Здѣсь и Лжедимитрій и Марина прикладывались къ иконамъ и св. мощамъ; но Марина и сопровождавшія ее Польки, не зная обычаевъ, соблюдаемыхъ у православныхъ, цѣловали иконы и мощи въ уста, вмѣсто того, чтобъ цѣловать въ руки [23]). Пошли толки. Русскіе усматривали въ этомъ оскорбленіе святыни. Затѣмъ патріархъ приступилъ къ коронованію Марины. Царь обратился къ Игнатію съ рѣчью, что, вотъ, онъ пріемлетъ супругу и желаетъ, чтобъ она была коронована царскимъ чиномъ. Игнатій благословилъ царя и Марину и отвѣчалъ также рѣчью. Потомъ духовные архіерейскаго сана носили и подавали патріарху одинъ за другимъ знаки царскаго достоинства: крестъ, бармы, діадему и корону. Патріархъ давалъ цѣловать крестъ, возложилъ на царицу руку, читалъ молитвы, возлагалъ бармы и діадему и, наконецъ, корону. По окончаніи коронованія, патріархъ совершилъ литургію и, послѣ «Херувимской пѣсни», возложилъ на Марину Юрьевну Мономахову цѣпь, а во

---

[21]) Въ „Сказ. еже содѣяся“ у *Карамзина* И. Г. Р. XI, примѣч. 474.
[22]) *Соловьевъ.* Ист. Рос. VIII, 1873, 129.
[23]) *Костомаровъ.* Смутное время, въ Ист. Моногр. СПБ. 1868, *IV*, 340

время причастнаго стиха помазалъ ее св. мvромъ и пріобщилъ св. таинъ. За литургіей послѣдовало бракосочетаніе царя съ коронованною его невѣстою по православному обряду [24]). Совершалъ его тотъ же Благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ. Въ соборѣ присутствовали лишь немногіе сановники, самые знатнѣйшіе, и въ числѣ ихъ два Іезуита: духовникъ Марины Савицкій и Черниковскій, который привѣтствовалъ ее на Латинскомъ языкѣ [25]). Наконецъ, стали впускать въ церковь, по порядку, сенаторовъ и бояръ; они приносили присягу и цѣловали руку у царя и царицы, патріархъ же прикладывался къ коронамъ ихъ величествъ [26]). Блестящіе пиры и праздники долженствовали завершить свадебное торжество. Но неистовства буйной шляхты во время этихъ празднествъ возстановили чернь противъ самозванца. Бояре, принявшіе его сторону только для того, чтобы низложить Годуновыхъ, воспользовались всеобщимъ неудовольствіемъ. Произошелъ извѣстный переворотъ. Въ ночь на 17 Мая Лжедимитрій палъ. Вслѣдъ за нимъ свергнутъ былъ патріархъ Игнатій, которому было поставлено въ вину, что «угождая еретикамъ Латынскія вѣры, въ церковь соборную Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы введе еретическія папежскія вѣры Маринку, святымъ же крещеніемъ совершеннымъ христіанскаго закона не крестилъ ю, но только единѣмъ св. мvромъ помаза, и потомъ вѣнчалъ ю съ тѣмъ разстригою, и обоимъ симъ врагомъ Божіимъ, ростригѣ и Маринкѣ, подаде пречистое тѣло Христово ясти и св. кровь Христову пити» [27]). Подобныя упущенія со стороны Игнатія, впрочемъ понятны: какъ Грекъ и притомъ долго жившій въ Римѣ, онъ равнодушно относился къ уставамъ Русской церкви и не обратилъ вниманія даже на то, что бракосочетаніе Лжедимитрія было совершено наканунѣ Николина дня. Игнатія, въ качествѣ простаго черноризца, посадили въ Чудовъ монастырь подъ начало; но этимъ дѣятельность его у насъ въ Россіи, какъ увидимъ, не кончилась.

---

[24]) *Рус. ист. библіот.*, изд. Археогр. Коммис. I, 51—72; *Собр. гос. гр. и дог.* II, № 138; *Дневники Марины* и *Польск. пословъ* въ II т. „Сказ. совр. о Д. Самозв.“—По Римско-Католич. обряду обрученіе и бракосочетаніе Марины съ Московскимъ царемъ было совершено ранѣе: 12 Ноября 1605 г. въ Краковѣ, кардиналомъ Мацѣіовскимъ, въ присутствіи Польскаго короля Сигизмунда III; мѣсто жениха занималъ посолъ его Аѳанасій Власьевъ. Торжество это воспѣлъ въ стихахъ Іезуитъ Гроховскій (подробно у *Костомарова.* Ист. моногр. IV, 270 и слѣд.).

[25]) Свидѣтельство *Вассенберга* у *Карамзина* И. Г. Р., XI. прим. 499.

[26]) Дневники: *Марины*, 157 и *Польскихъ пословъ*, 221.

[27]) Такъ сказано въ *Соборн. изложеніи п. Филарета* („Потребникъ иноческ.“ М. 1639, гл. 14, л. 214.

II.

Бояринъ князь В. И. Шуйскій—Царь.—Вѣнчаніе его на царство.—Перенесеніе изъ Углича въ Москву мощей царевича Димитрія.—Заботы царя о выборѣ патріарха.—Жизнь бывшаго п. Іова въ Старицкомъ монастырѣ.—„Духовная" Іова.—Патріархъ Гермогенъ.—Его прошлое и характеръ.—Волненія на Югѣ.—Мѣры царя и патріарха къ примиренію народа съ памятью ц. Бориса и съ п. Іовомъ: перенесеніе тѣлъ Годуновыхъ въ Сергіеву лавру и всенародное покаяніе.—Грамота Гермогена Іову и депутація къ нему.—Обрядъ покаянія.—Смерть Іова.—Распространеніе мятежа: Болотниковъ, Прокопій Ляпуновъ, Сунбуловъ, царевичъ Лжепетръ.—Духовная мѣра противъ нихъ п. Гермогена.—Тушинскій воръ.—Инструкція ему Іезуитовъ.

По низверженіи самозванца бояре возвели на престолъ князя Василія Ивановича Шуйскаго, главнаго дѣятеля въ переворотѣ 17 Мая. Желая укрѣпить себя въ царскомъ достоинствѣ, предусмотрительный князь Василій Ивановичъ спѣшилъ короноваться, не дожидаясь новаго патріарха: обрядъ царственнаго вѣнчанія, 1-го Іюня, совершилъ Новгородскій митрополитъ Исидоръ, причемъ въ привѣтственномъ словѣ высказалъ, что «нынѣ... паки благочестіе обновляется, и православная христіанская вѣра просвѣщается, и святыя Божіи церкви отъ соблазнъ свобождаются, и великій царскій престолъ пріемлетъ украшеніе благочестія» [28]).

Съ цѣлію убѣдить народъ, что низложенный съ престола предшественникъ его—не сынъ Грознаго, а самозванецъ, Василій не ограничился разсылкою по Россіи окружныхъ грамотъ, а велѣлъ перенести тѣло младенца Димитрія, убитаго въ 1591 г. въ Угличѣ и тамъ погребеннаго, въ Москву. Въ Угличъ были посланы: Ростовскій митрополитъ Филаретъ и Астраханскій архіепископъ Өеодосій съ боярами княземъ Ив. Воротынскимъ, Петромъ Шереметевымъ, а также съ Андреемъ и Григоріемъ Нагими, родными дядями царевича. Разсказывали тогда, что когда царскіе посланные открыли гробъ Димитрія, то мощи были цѣлы, ничѣмъ нерушимы, а въ иныхъ мѣстахъ часть землѣ отдана; на лицѣ и на головѣ цѣлы рыжеватые волосы; оставалось ожерельице, низанное жемчугомъ и пуговками; въ лѣвой рукѣ была ширинка, шитая золотомъ и серебромъ. Тѣло его было въ саванѣ, а сверху покрыто кафтанцемъ камчатнымъ на бѣльихъ хребтахъ съ нашивкою изъ серебра пополамъ съ золотомъ. Все было цѣло; только на сапожкахъ носки подошвъ отстали, а въ рукѣ у него нашли горсть орѣховъ. Сказывали: когда его убили, то онъ въ то время игралъ орѣшками, и эти орѣшки облились кровью, и для того ихъ положили съ нимъ во

[28]) *Акт. Эксп.* II, 105.

гробъ. У гроба происходили исцѣлѣнія отъ разныхъ болѣзней [29]). Изъ Углича несли раку, перемѣняясь, знатнѣйшія лица, воины, граждане и земледѣльцы. Царь Василій, царица-инокиня Марѳа и духовенство, при безчисленномъ стеченіи народа, встрѣтили раку за городомъ, 3-го Іюня сами осматривали мощи и велѣли явить всѣмъ, дабы «утѣшить вѣрующихъ и сомкнуть уста невѣрнымъ»; потомъ торжественно перенесли ихъ въ Архангельскій соборъ. Тамъ среди храма, инокиня Марѳа, обливаясь слезами, молила царя, духовенство и всѣхъ Россіянъ простить ей грѣхъ согласія съ Лжедимитріемъ для обмана, и святители, исполняя волю царя, разрѣшили ее торжественно «изъ уваженія къ ея супругу и сыну». Хотѣли предать землѣ останки Димитрія въ правомъ предалтаріи, гдѣ лежитъ отецъ его съ двумя братьями; но многія совершавшіяся у гроба чудеса [30]) побудили царя и святителей не скрывать «источника благодати».

Вложили мощи въ деревянную раку, обитую золотымъ атласомъ, оставили ее на помостѣ, велѣли пѣть молебны новому угоднику Божію и учредили ему празднества въ дни его рожденія, кончины и перенесенія мощей [31]). Съ того времени нетлѣнныя мощи св. царевича Димитрія открыто почиваютъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, съ правой стороны, подлѣ перваго отъ иконостаса столба.

Сдѣлавъ все, чтó считалъ нужнымъ для своего утвержденія на царскомъ престолѣ, Василій Ивановичъ позаботился и о томъ, чтобы патріаршій престолъ не оставался празднымъ.

Бывшій патріархъ Іовъ еще былъ живъ. Прошло уже около двухъ лѣтъ какъ онъ жилъ въ Старицкомъ монастырѣ «за приставы». За это время, не смотря на внимательное отношеніе братіи и игумена Діонисія (столь знаменитаго въ нашихъ лѣтописяхъ впослѣдствіи), Іовъ почти совсѣмъ потерялъ зрѣніе [32]) и быстро приближался ко гробу. У него уже была заготовлена духовная грамота. Изъ нея можно видѣть нѣкоторыя прекрасныя свойства души его. «Одинъ Богъ вѣдаетъ—говоритъ Іовъ—сколько предавался я рыданію и слезамъ съ того времени, какъ возложенъ былъ на меня санъ святительства; ибо я чувствовалъ свои немощи, сознавалъ, что не имѣю довольно для того духовныхъ силъ». Велики были милостыни и неисчетны дачи заздравныя и заупокойныя отъ царей Ѳеодора Ивановича и Бориса Ѳеодоровича и отъ ихъ семействъ, велики и патріаршіе доходы и всякіе пошлины, поступавшіе въ келейную патріаршую казну; но «Богъ сви-

---

[29]) *Акт. Эксп.* II, 111 и дал.; также *Соб. Гос. гр. и дог.* II 311—312.

[30]) Въ первый день исцѣлилось 13 человѣкъ, а на другой день 12 (*Акт. Эксп.* II).

[31]) Объ этомъ перенесеніи и явленіи св. мощей цар. Димитрія царь, 6 Іюня, возвѣстилъ всей Россіи особою грамотою.—[32]) *Поповъ*. Изборникъ, 194.

дѣтель, что я въ томъ пріобрѣтенія и корысти себѣ не стяжалъ», а пріобрѣталъ на тѣ келейныя деньги церковную утварь, строилъ храмы и помогалъ нуждающимся». Старецъ завѣщаетъ царю (Борису) и его наслѣднику (Ѳеодору) блюсти во вѣки «неизмѣнною и непоколебимою православную... вѣру Греческаго закона, которая, какъ солнце сіяетъ въ области великаго скиптродержавія» [33]). И вотъ Іову предложили патріаршій престолъ. Онъ отказался и указалъ на Казанскаго митрополита Гермогена, какъ на достойнаго быть патріархомъ, и 3 Іюля Гермогенъ посвященъ въ санъ патріарха Русскими архіереями.

Новоизбранный патріархъ родомъ происходилъ изъ Казани. Говорили, что въ молодости онъ былъ Донскимъ казакомъ *). Извѣстнымъ онъ сдѣлался въ санѣ священника Казанской гостинодворской церкви св. Николая, по случаю явленія Казанской иконы Божіей Матери (1579 г.): онъ первый удостоился, съ благословенія тогдашняго владыки Казанскаго Іереміи, принять новоявленную икону изъ земли, гдѣ она обрѣтена, въ свои руки и перенести ее въ ближайшую церковь. Послѣ онъ принялъ монашество и достигъ степени архимандрита Спасопреображенскаго монастыря въ той же Казани. Въ санѣ митрополита онъ управлялъ Казанскою епархіею 17 лѣтъ [34]), и за это время установилъ, съ разрѣшенія патріарха, въ 1592 г., панихиду по православнымъ воинамъ, павшимъ подъ Казанью въ 1553 г., построилъ много церквей [35]), составилъ (1594 г.) Сказаніе о явленіи иконы Божіей Матери Казанской; при немъ же (1595 г.) совершились обрѣтенія мощей Казанскихъ чудотворцевъ свв. Гурія и Варсонофія и перенесеніе мощей (изъ Москвы, въ 1592 г.) св. Германа, втораго Казанскаго архіепископа. Не хвалили характера новаго патріарха, укоряли его въ жестокости нрава, излишней строгости, грубой прямотѣ въ рѣчахъ и поступкахъ [36]). По своей прямотѣ онъ былъ не въ ладахъ съ царемъ; но въ тоже время эти личныя отношенія не мѣшали ему, какъ увидимъ, твердо стоять за Василія Ивановича какъ за царя вѣнчаннаго.

При вступленіи на престолъ Шуйскаго, съ него, какъ извѣстно, бояре взяли «запись», т. е. обѣщаніе не предпринимать ничего важнаго безъ совѣта съ ними. Запись эта служила лишь къ выгодѣ бояръ; отъ того народъ сталъ питать къ «боярскому» царю нерасположеніе. И

---

[33]) *Собр. гос. гр. и дог.* II, № 82, *Древ. Росс. Вивліоѳ.*, изд. 2, ч. VI, М. 1788, 107—125.—[34]) *Амвросій* Ист. Росс. іерар. ч. V, 635.—[35]) Т. же ч. III, 382; V, 628.—[36]) Хронографъ XVII в. у *Попова*: Избор. стат., внесен. въ хроногр.. 200—201.

*) Гермогенъ, какъ передавалъ намъ покойный С. М. Соловьевъ, былъ изъ роду князей Голицыныхъ, въ мірѣ Ермолай. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, князья Голицыны, въ память его, воздвигли церковь св. Ермолая въ Москвѣ на нынѣшней Садовой улицѣ. П. Б.

вотъ, во второй годъ царствованія Шуйскаго опять пошла молва въ народѣ, что Димитрій спасся отъ смерти и живетъ въ Литвѣ... На Югѣ стало не спокойно... Шуйскій, посовѣтовавшись съ патріархомъ, рѣшилъ примирить народъ съ памятью Бориса Годунова и съ патр. Іовомъ, связать тѣмъ самымъ свое царствованіе съ прежней исторіей до самозванца и возбудить еще болѣе вражды и омерзѣнія къ послѣднему. Въ присутствіи духовенства, двора и народа, въ Варсонофьевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ [37]) были открыты могилы царя Бориса, его жены и сына. Двадцать монаховъ взяли гробъ Бориса на плеча свои (царь Борисъ скончался инокомъ) и двадцать бояръ и думныхъ лицъ знатнаго званія несли гробы царицы Марьи и Θеодора. Множество монаховъ и священниковъ въ черныхъ ризахъ провожали ихъ съ надгробнымъ пѣніемъ. Позади ѣхала, въ закрытыхъ саняхъ, Ксенія, и громко вопила о гибели своего дома, жалуясь Богу и людямъ на злодѣя-вора, что́ называлcя ложнымъ Димитріемъ [38]). Печальная процессія направилась въ Сергіеву Лавру. Здѣсь тѣла были погребены въ притворѣ Успенскаго собора [39]). Въ Февралѣ 1607 г. царь и соборъ положили принести всенародное покаяніе. Для этой цѣли патріархъ Гермогенъ, посланіемъ, приглашалъ въ Москву бывшаго патр. Іова «для великаго государева и земскаго дѣла». Гермогенъ писалъ: «Молимъ со усердіемъ святительство твое и колѣна преклоняемъ; сподоби насъ видѣти благолѣпное лице твое и слышати пресладкій гласъ твой; презѣльнѣ бо желаемъ тя чувственными очима зрѣти и Богомъ благословенныя десницы твое лобзанія сподобитись, паче же о сихъ, еже благосердне препослеши о насъ молитву твою къ Трисобственнаго Естетства Владычеству, да сподобитъ премилостивый Богъ за молитвъ святыхъ твоихъ Россійское государство жити въ мирѣ и въ покоѣ и въ тишинѣ» [40]). Вмѣстѣ съ тѣмъ звать Іова были отправлены Крутицкій митрополитъ Пафнутій, Симоновскій архимандритъ Пименъ, патріаршій архидіаконъ Олимпій и дьякъ государевъ Григорій Елизаровъ; да съ ними же послана была для бывшаго патріарха изъ царской конюшни царская каптана, обитая внутри соболями, въ восемь лошадей. Іовъ пріѣхалъ и въ назначенный день, 20 Февраля, явился въ Успенскомъ соборѣ, извнѣ окруженномъ и внутри наполненномъ множествомъ людей. Приложившись къ иконамъ, онъ сталъ у патріаршаго мѣста. Гермогенъ

---

[37]) Теперь приходская церковь на Рождественкѣ.

[38]) *Russov.* Relatio, p. 69 (въ сбор. Rerum Rossicarum scriptores exteri t. I, an. 1856).

[39]) Въ настоящее время притворъ этотъ не существуетъ, и надгробницы Годуновыхъ прикрыты желѣзною кровлею.

[40]) Текстъ у *Карамзина* И. Г. Р. XII, въ примѣч. 106.

отправлялъ богослуженіе. Среди глубокой тишины и общаго вниманія выборные отъ народа поднесли Іову челобитную. При чтеніи челобитной архидіакономъ, громогласно, оказалось, что въ ней Московскіе люди, сознаваясь въ нарушеніи клятвы, данной на вѣрность царю Борису, а потомъ сыну его Өеодору и въ принятіи на царство вора Отрепьева, просятъ разрѣшенія и прощенія не только имъ однимъ, обитающимъ въ Москвѣ, но и жителямъ всей Россіи какъ живымъ отъ мала до велика, такъ и тѣмъ, которые уже отошли отъ міра сего прежде. По прочтеніи этой челобитной, тѣмъ же архидіакономъ прочитана была прощальная и разрѣшительная грамота, составленная отъ имени обоихъ патріарховъ и всего освященнаго собора. Изобразивъ въ ней величіе Россіи, созданное умомъ и счастіемъ ея государей, патріархи соболѣзновали о гибельныхъ послѣдствіяхъ убіенія царевича Димитрія, вспоминали единодушное избраніе Годунова въ цари, дивились ослѣпленію народа, прельщеннаго бродягою, припоминали всѣ измѣны, бѣдствіе отечества и церкви, воздавали хвалу царю Василію за избавленіе Россіи отъ стыда и гибели и заключили грамоту словами: «и въ тѣхъ во всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ клятвахъ и въ преступленіи крестнаго цѣлованія, азъ Ермогенъ, патріархъ Московскій и всея Русіи и азъ смиренный бывый Іовъ патріархъ царствующаго града Москвы, по даннѣй намъ благодати отъ Пресвятаго и Животворящаго Духа, и полагаяся на премилостивыя щедроты Божія, васъ вкупѣ всѣхъ православныхъ христіанъ прощаемъ и разрѣшаемъ въ сей вѣкъ и въ будущій» [41]).

Окончивъ обрядъ, Іовъ поспѣшилъ выѣхать изъ Москвы и, не доѣхавъ до Старицы, скончался 8 Марта [42]). Покойный первосвятитель, человѣкъ образованный и начитанный, былъ не чуждъ словесности и, кромѣ своихъ грамотъ и духовнаго завѣщанія, оставилъ «Посланіе къ Грузинскому митрополиту Николаю» (1589 г.), составляющее одно изъ важнѣйшихъ символическихъ вѣроизложеній нашей церкви [43]) и «Повѣсть о честнѣмъ житіи царя Өеодора Ивановича», вошедшую въ составъ Никоновской лѣтописи [44]), въ которой данъ общій обзоръ внѣшнихъ событій времени ц. Өеодора: подчиненія Сибири, учрежденія пат-

---

[41]) *Акт. Эксп.* II, № 67, сл. *Карамзина* И. Г. Р. XII, примѣч. 110.

[42]) *Амвросій* Ист. Росс. іерар., ч. I, 1807, 41; *Карамзинъ* И. Г. Р. XII, 33.—М. *Макарій*, вѣроятно, на основаніи неточной надписи на гробницѣ Іова, считаетъ днемъ смерти его 19 Іюня (Ист. Р. Цер. X, 1881, стр. 135).

[43]) Издано проф. *Н. И. Барсовымъ* въ 1869 г., въ СПБ., подъ заглавіемъ: „Изъ неизданныхъ памятниковъ древ. Русск. литературы. Посланіе Всероссійскаго патр. Іова къ Грузинскому митрополиту Николаю (съ предисл. и примѣч.)“; см. также брошюру г. Барсова: „Какъ училъ о крестномъ знаменіи Всероссійскій патр. Іовъ (1589 г.)“, СПБ. 1890.

[44]) *Ник. лѣт.* VII, 316—359.

ріаршества, Шведской войны и войны съ Крымцами въ 1591 году. По смерти Іова обнаружилась полная его нестяжательность, о которой мы читали въ его «духовной»: въ кельяхъ его нашли только 15 рублей денегъ, да нѣсколько иконъ, немного одежды и домашней рухляди [45]. Тѣло его погребено было въ Старицѣ, а въ 1652 г., по волѣ царя Алексѣя Михайловича, перевезено въ Москву и положено въ Успенскомъ соборѣ, въ гробницѣ обложенной кирпичемъ, сверху помоста [46]. Хронографы говорятъ о чудесахъ почившаго патріарха [47]; въ «Книгѣ о Россійскихъ святыхъ» онъ причисляется къ лику Московскихъ чудотворцевъ; его хотѣли причислить къ лику святыхъ, но смерть патріарха Іосифа помѣшала этому.

Между тѣмъ всѣ мѣры, предпринятыя царемъ Василіемъ пробудить Русскій народъ отъ его тяжелаго бреда самозванцами, не производили желаемаго дѣйствія. Мятежъ охватилъ Московское государство чрезвычайно быстро, шелъ какъ пожаръ. Знамя бунта поднялъ Путивльскій воевода, князь Шаховской. Въ Сѣверской Украйнѣ, взволнованной Шаховскимъ отъ имени мнимоспасеннаго царевича, во главѣ возстанія сталъ Болотниковъ, прежде бывшій холопомъ. Вокругъ него собралось большое войско изъ казаковъ, холопей и бѣглыхъ крестьянъ. Недалеко отъ Москвы съ Болотниковымъ соединились Рязанскіе мятежники: дворянинъ Прокопій Ляпуновъ и воевода Сунбуловъ. Когда Ляпуновъ и Сунбуловъ повинились предъ царемъ, Болотниковъ, разбитый племянникомъ Василія, храбрымъ княземъ Михаиломъ Скопинымъ-Шуйскимъ [48], заперся въ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и однимъ казацкимъ самозванцемъ, называвшимъ себя сыномъ Ѳедора Іоанновича Петромъ. Гермогенъ проклялъ Болотникова и его главныхъ соумышленниковъ. Самъ царь съ огромною ратью осадилъ Тулу, взялъ ее, казнилъ Болотникова вмѣстѣ съ Лжепетромъ и возвратился въ Москву.

Но въ Стародубѣ Сѣверскомъ явился новый Лжедимитрій во главѣ буйной вольницы изъ бѣглыхъ крестьянъ и холопей. Къ нему присоединились казаки и Поляки подъ начальствомъ гетмана Рожинскаго. 1-го Іюня 1608 г. самозванецъ расположился въ 12-ти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ, которое и обратилъ для себя какъ бы въ сто-

---

[45]) *Описная кн.* Старицкаго монаст. въ изд.: „Ист. Библіот. Тверск. еп.“ I, 77—80.

[46]) См. „Статейный списокъ о принесеніи мощей Іова патр. въ Москву“ въ *Акт. Эксп.* IV, 77.

[47]) *Сбор.* Московск. Румянц. музея; скороп. въ 4-ку, конца XVII и нач. XVIII в., № 364.

[48]) Подробно о побѣдахъ князя Скопина и о личности его см. въ нашей ст.: „Бояринъ и воевода, князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Его жизнь и дѣятельность въ связи съ событіями Смутнаго времени“ (*Русскій Архивъ* за 1889 г., кн. VIII).

лицу. Сюда привезли насильно къ мнимому мужу и Марину Мнишекъ. Здѣсь же, вслѣдъ за тѣмъ, окружили самозванца Польскіе Іезуиты и составили планъ введенія у насъ Уніи, въ родѣ той, какая была въ Литвѣ [49]). Мысль о ней, по этому плану, должна идти не отъ государя, а какъ бы отъ самихъ Русскихъ, для чего необходимо было католикамъ и уніатамъ, окружавшимъ царя и царицу, въ глазахъ свѣтскихъ лицъ, ронять православное духовенство; среди духовенства возбуждать распри, намекая монашествующему—о льготахъ, бѣлому—о достоинствахъ; подорвать связь съ Греческой патріархіей, удалить опасныхъ лицъ: Греческихъ монаховъ и протестантовъ; завести семинаріи съ католическими учителями, Русскихъ молодыхъ людей отправлять для обученія въ католическія страны; Москвитянамъ дозволить присутствовать при католическомъ богослуженіи, намекать на соизволеніе, ради соревнованія, постройки въ Москвѣ костела; изъ Русскихъ приближать къ государю такихъ, которые будутъ удобнѣе для цѣлей Уніи; особенно высшее духовенство, назначеніе котораго всегда въ царскихъ рукахъ, непремѣнно должно составляться изъ лицъ, склонныхъ къ Уніи. Всѣ эти и другія мѣры и средства должны примѣняться крайне осторожно и постепенно, чтобы не возбудить подозрѣнія. При особѣ государя будетъ сначала самое малое число католиковъ; письма, особенно изъ Рима, относящіяся сюда, должны отправляться тайно; надлежитъ быть весьма разборчивымъ, съ кѣмъ изъ Русскихъ заводить рѣчь, потому-что преждевременное разглашеніе можетъ повредить дѣлу. Когда почва будетъ подготовлена, издать законъ о подведеніи всего подъ древнія постановленія соборовъ и поручить исполненіе этого закона своимъ сторонникамъ. Все это приведетъ къ тому, что поднимутся споры, дойдетъ дѣло до государя, который явится какъ бы посредникомъ, примирителемъ, созоветъ соборъ, и тогда къ вопросу объ Уніи можно приступить уже прямо [50]). Но второй Лжедимитрій, котораго католики столь охотно отождествили съ первымъ и котораго они предполагали употребить орудіемъ для исполненія этого хитраго плана, побывалъ только у Московскихъ стѣнъ: возсѣсть на престолъ Москвичи его не пустили, хотя изъ Тушина не прогнали.

---

[49]) Лучшіе въ Русской исторической литературѣ труды о Польско-Литовской католической Уніи, по образцу которой у насъ думали ввести ее тогда, принадлежатъ покойному проф. *М. О. Кояловичу*.

[50]) Означенная инструкція Іезуитовъ второму самозванцу напечатана вполнѣ въ VIII т. Ист. Рос. *Соловьева*, ч. IV, стр. 200—202 (по изд. 1873 г.).

III.

Осада Свято-Троицкой Сергіевой Лавры Сапѣгою и Лисовскимъ.— Видѣнія преподобнаго Сергія.— Подкопъ подъ монастырь.— Явленіе архистратига Михаила.— Побѣда 8-го Ноября 1608 г.—Появленіе болѣзни среди защитниковъ.— Распущенность ратныхъ людей.—Жалобы ратныхъ людей па Троицкихъ властей царю.—Прибытіе изъ Москвы вспомогательнаго отряда.—Дѣятельность архимандрита Іоасафа.—Приступы 27-го—28-го Мая, 28-го Іюня и 31-го Іюля 1609 г.—Покореніе Тушинскими отрядами городовъ.—Обращеніе царя В. И. Шуйскаго за помощью къ Шведскому королю.—Дѣятельность пастырей церкви въ защиту государства.—Іосифъ, еп. Коломенскій.—Епископъ Тверской Θеоктистъ.— Галактіонъ, архіеп. Суздальскій.—Зарайскій протопопъ Димитрій.—Перелёты.—Попытка низложить Шуйскаго; рѣчь въ защиту его п. Гермогена.—Грамоты патріарха къ Тушинскимъ измѣнникамъ.—Соединеніе Шведскаго войска съ ополченіемъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго.—Снятіе осады съ Троицкой Лавры.—Вступленіе въ Россію Сигизмунда III.— Осада Смоленска.—Архіепископъ Сергій.—Уничтоженіе Тушинскаго лагеря.—Смерть князя Скопина-Шуйскаго.— Димитрій Шуйскій и Клушинское пораженіе.— Взятіе Пафнутьевскаго монастыря и подвигъ князя Волконскаго.— Недовольство В. И. Шуйскимъ.— Насильственное постриженіе царя въ монашество.

Между тѣмъ какъ Тушинскій воръ съ Рожинскимъ стояли подъ Москвою, силясь овладѣть ею, самые знаменитые изъ Литовскихъ наѣздниковъ, Янъ Сапѣга и Александръ Лисовскій, занялись осадою Троицкой Лавры, въ надеждѣ воспользоваться ея прославленными богатствами.

Особенно виднымъ этотъ монастырь сдѣлался со времени Іоанна Грознаго. Благоговѣя къ памяти преп. Сергія, Грозный ничего не щадилъ для обители его. Онъ построилъ въ Троицкой Лаврѣ великолѣпные соборы, зданія для братіи, каменный дворецъ; возвелъ игумена ея на степень архимандрита, далъ ему несудимую грамоту; освободилъ отъ оброка и пошлинъ обширныя монастырскія вотчины, въ которыхъ въ началѣ XVII в. было до 100.000 душъ крестьянъ. При Іоаннѣ же Грозномъ Троицкая Лавра была обнесена каменною стѣною, вышиною въ 4 саж., толщиною въ 3, съ башнями и глубокимъ рвомъ. Но къ описываемому времени монастырскія стѣны значительно обветшали, особенно западная стѣна была ненадежна. Запасовъ было немного. Гарнизонъ въ началѣ осады достигалъ 2.500 чел., считая въ томъ числѣ царскихъ воеводъ, слугъ монастырскихъ, жителей окрестныхъ селъ, укрывшихся въ Лаврѣ и нѣкоторыхъ изъ братіи, бывшихъ прежде въ военной службѣ; тогда какъ число непріятельскаго войска, по показаніямъ захваченныхъ въ плѣнъ, простиралось до 30.000 чел.

Враги обложили монастырь 25 Сентября, въ день памяти великаго его основателя. Черезъ четыре дня Сапѣга и Лисовскій прислали въ монастырь боярскаго сына, съ однимъ письмомъ къ воеводамъ, а съ другимъ къ архимандриту Іоасафу, предлагая добровольно сдаться, обѣщая

въ этомъ случаѣ милости мнимаго Димитрія и грозя истребленіемъ въ случаѣ упорства. Осажденные не поколебались. «Надежда наша и упованіе, говорили они, Пресвятая Живоначальная Троица, стѣна и покровъ нашъ—Пренепорочная Владычица наша Богородица, помощники наши и молитвенники о насъ къ Богу—преп. о.о. наши Сергій и Никонъ». «Темное державство, гордые военачальники, Сапѣга и Лисовскій и прочая дружина ваша! Десятилѣтнее отроча въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ посмѣется вашему безумному совѣту. Мы приняли писаніе ваше и оплевали его. Что за польза человѣку возлюбить тьму паче свѣта?... Какъ же намъ, родившимся въ виноградѣ истиннаго пастыря Христа, оставить повелѣваете христіанскаго царя и хотите насъ прельстить ложною ласкою, тщетною лестью и суетнымъ богатствомъ? Богатства всего міра не возмемъ за свое крестное цѣлованіе». Начались приступы враговъ и вылазки защитниковъ монастыря. Такъ, 13 Октября Сапѣга выступилъ изъ таборовъ съ полками, окружилъ монастырь и, съ наступленіемъ ночи, двинулся на приступъ. Осажденные мужественно встрѣтили нападающихъ и отразили, а на утро, увидѣвъ оставленныя ими осадныя орудія, предали ихъ огню и благодарили Бога за избавленіе отъ враговъ, ходя со св. иконами по стѣнамъ монастырскимъ. Великимъ утѣшеніемъ и подкрѣпленіемъ для защитниковъ служили разсказы о явленіяхъ преп. Сергія нѣкоторымъ изъ монастырскихъ братій. Такъ, пономарь Иринархъ разсказывалъ, что 23 Октября Преподобный, явившись ему во снѣ, предупредилъ, что скоро будетъ новый приступъ враговъ и велѣлъ сказать воеводамъ, чтобы они дерзали съ надеждою. Ночью дѣйствительно послѣдовало нападеніе, но отражено съ урономъ непріятеля. Вскорѣ отъ плѣнныхъ узнали, что подъ монастырь ведется подкопъ. Какъ мѣсто и направленіе подкопа были неизвѣстны, то опасеніе сдѣлалось всеобщимъ. Осажденные исповѣдывались, пріобщались св. таинъ и съ каждымъ часомъ ждали взрыва. Явленіе преп. Сергія настоятелю опять ободрило защитниковъ Лавры. Непріятель, возобновившій нападеніе, отраженъ съ урономъ. Не задолго до Михайлова дня, отъ двухъ пойманныхъ на вылазкѣ казаковъ удалось узнать направленіе подкопа и время, когда его предполагали взорвать:—то было 8 Ноября. Насталъ этотъ день. Во время вечерни ядро ударило въ полуденныя желѣзныя двери Троицкаго собора и пробило образъ архистратига Михаила, другое оставило слѣдъ на доскѣ иконы св. чудотворца Николая. Народъ переполошился; но тутъ архимандритъ возвѣстилъ народу о послѣдовавшемъ ему, во время стихирнаго пѣнія, явленіи главы небеснаго воинства, архангела Михаила, обѣщавшаго отмщеніе врагамъ, и пригласилъ совершить молебное пѣніе Пресвятой Троицѣ и архистратигу

Михаилу. Упованіе на помощь Божію еще болѣе укрѣпилось, когда, вечеромъ того дня, во время «правила», архимандритъ Іоасафъ услышалъ новое ободреніе изъ устъ преп. Сергія; а на другой день нѣкоторые старцы съ мірянами видѣли предъ утренею преп. Сергія, ходящаго по монастырю и зовущаго братію въ храмъ, гдѣ видѣнъ былъ также св. Серапіонъ. Ободренные защитники обители вышли изъ нея, за три часа до разсвѣта, разбившись на три отряда, разными дорогами, и быстрымъ нападеніемъ привели непріятеля въ смятеніе. При этомъ случайно было открыто и устье подкопа. Двое крестьянъ монастырскихъ взорвали его и сами сдѣлались жертвою своего подвига. Монастырскій историкъ [51]) сохранилъ ихъ имена потомству: это были Никонъ Шиловъ и Слота, крестьяне Клементьевской слободы. Сраженіе продолжалось весь день, при возобновляемыхъ съ обѣихъ сторонъ усиліяхъ, въ разныхъ направленіяхъ и при обоюдныхъ утратахъ, но кончилось тѣмъ, что воины монастырскіе захватили многочисленные туры непріятелей на Красной горѣ, взяли нѣсколько пушекъ, много мелкаго оружія и боевыхъ припасовъ, укрѣпленія сожгли и истребили и заставили Сапѣгу удалиться въ свои таборы.

Не смотря на неудачу Сапѣги и на храбрость защитниковъ монастыря, осадное положеніе привело однако обитель къ великимъ бѣдамъ. Пока еще можно было оставаться на воздухѣ, толпы народа помѣщались на дворѣ; настала зима, и пришлось тѣсниться въ душныхъ покояхъ. Тѣснота была невыносимая. Недостатокъ чистой воды и хорошей пищи, вонь и смрадъ въ помѣщеніяхъ были причиною появленія, съ 17 Ноября, цинготной болѣзни и поноса. Болѣзнь быстро развивалась. Въ сутки умирало человѣкъ по 20, по 30 и больше [52]). Наконецъ, некому стало ходить за больными. Монастырь наполнился смрадомъ отъ зараженныхъ и умирающихъ. Успенскій соборный храмъ каждодневно наполнялся умершими. Не столько война, сколько эта губительная болѣзнь до того уменьшила число защитниковъ, что нельзя уже было думать по прежнему о частыхъ вылазкахъ. Къ тому же ратные люди, имѣвшіе состояніе, на соблазнъ другимъ, вели въ монастырѣ пьяную и развратную жизнь. Накопленіе женщинъ при чрезвычайной тѣснотѣ располагало къ этому. Ссорились съ монахами: требовали себѣ урочнаго хлѣба для продажи; монахи, довольствуясь на трапезѣ только хлѣбомъ и водою, конечно, отказывали въ удовлетвореніи прихотей. Напрасны были увѣщанія архим. Іоасафа. Стрѣльцы жаловались на

---

[51]) *Авр. Палицынъ* „Сказ. объ осадѣ Тр. лав.“, стр. 101 и дал.

[52]) Письмо инокини Ольги (Ксеніи) Годуновой изъ Лавры къ теткѣ, кн. Домнѣ Богдановнѣ, отъ 29 Марта 1609 г. въ *Акт. Ист.* II, 213.

него царю, что не даетъ имъ продовольствія, и отказывались выходить на вылазки. Троицкія власти принуждены были отписываться [53]). Старцы и воеводы тоже не ладили между собою. Все это было извѣстно въ непріятельскомъ станѣ черезъ перебѣжчиковъ. Надо было опасаться измѣны. Положеніе осажденныхъ становилось крайне затруднительнымъ. Къ счастію, воеводамъ удалось довести до свѣдѣнія царя о своихъ бѣдствіяхъ и (благодаря вліянію Лаврскаго келаря, пребывавшаго тогда въ Москвѣ, Авраамія Палицына, и заботамъ патріарха) получить, хотя и небольшую, помощь въ видѣ отряда (чел. въ 80), которому въ Февралѣ мѣсяцѣ удалось пробраться въ монастырь. Съ наступленіемъ теплаго времени, когда люди опять могли помѣщаться па дворѣ, болѣзнь стала нѣсколько ослабѣвать. Въ ознаменованіе этого и въ благодарность Богу, архимандритъ, 8 Мая, положилъ устроить въ храмѣ Пресв. Богородицы придѣлъ, а 9 Мая, въ день святителя и чудотворца Николая, освятилъ новый престолъ, во имя этого угодника Божія. Еще не оправившись и не собравшись съ силами, осажденные должны были вынести новый сильный приступъ. Въ ночь съ 27 на 28 Мая со всѣхъ сторонъ кинулись на монастырь осаждавшіе съ лѣстницами и съ разными стѣнобитными орудіями. Но осажденные стрѣляли по нимъ изъ орудій, кололи изъ стѣнныхъ оконъ, когда они, по лѣстницамъ, добирались туда, метали на нихъ сверху стѣнъ камни, лили кипятокъ съ каломъ, сѣру, смолу и бросали мелкую известь, дабы засыпать имъ «скверныя очеса», какъ выражается Троицкій историкъ. Осаждавшіе повернули назадъ, не сдѣлавъ ничего монастырю. Тогда осажденные въ свою очередь выскочили изъ монастыря, погнались за отступавшими и взяли 30 человѣкъ «пановъ» и Русскихъ измѣнниковъ. 28 Іюня и 31 Іюля Сапѣга повторялъ приступы къ Лаврѣ, но оба раза долженъ былъ уходить съ большими потерями. Тѣмъ не менѣе враги продолжали стоять подъ монастыремъ, перестрѣливаясь съ сидѣльцами. Не теряли прежняго терпѣнія и настойчивости и сидѣльцы, а дѣлали вылазки. До нихъ дошли теперь слухи о скоромъ приходѣ Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго со Шведскимъ вспомогательнымъ войскомъ.

Тушинскіе легкіе отряды, разсѣявшись по всему государству, приводили города, одинъ за другимъ, въ подданство самозванцу. Шуйскій рѣшился обратиться къ иноземной помощи: онъ послалъ князя М. В. Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ, просить у Шведскаго короля Карла IX помощи. Смятеніе во всемъ государствѣ было несказанное, все дышало крамолой. Одни пастыри церкви стояли на стражѣ государственныхъ интересовъ: убѣждали народъ сохранять вѣрность присягѣ и

[53]) *Акт. Ист.* II, 283.

законному государю, и немного осталось изъ нихъ такихъ, которые бы не пострадали за свою ревность. Іосифъ, еп. Коломенскій, сопротивлявшійся первому самозванцу, схваченъ былъ (1608 г.) Литовскими людьми, подъ предводительствомъ Лисовскаго, которыхъ напрасно хотѣлъ вразумить, и, привязанный къ пушкѣ, влачимъ былъ бродягами [54]); при немъ его паства оставалась вѣрною долгу. Тверской епископъ Ѳеоктистъ до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною въ родномъ городѣ [55]) и, взятый въ плѣнъ мятежниками (1608 г.), удостоился мученическаго вѣнца (1610 г.) [56]). Галактіонъ Суздальскій скончался въ изгнаніи, но не хотѣлъ молиться за самозванца [57]). Протопопъ Никольскаго собора гор. Зарайска (Рязанской губ.) Димитрій, достойный сподвижникъ мѣстнаго воеводы, князя Д. М. Пожарскаго, въ защитѣ города, укрѣплялъ горожанъ въ вѣрности законному царю не допустилъ до присяги Тушинскому вору и всѣхъ благословлялъ на смерть за правое дѣло [58]). Къ сожалѣнію, мало слушали гóлоса пастырей въ то время. Изъ Москвы въ Тушино и изъ Тушина въ Москву непрестанно перебѣгали «перелёты», такъ прозванные за измѣну. Они распускали про царя Шуйскаго самыя недобрыя вѣсти, старались поколебать его власть, пытались даже свергнуть его съ престола. Первая попытка была 17-го Февраля 1609 г., въ Субботу на Масляницѣ. Крамольники, числомъ до 300, явились на Лобное мѣсто. Ударили въ набатъ. Народъ толпами повалилъ на Красную площадь. Послали звать бояръ; но тѣ уклонились, кромѣ одного князя Вас. Вас. Голицына, который самъ мѣтилъ на престолъ, а потому, сознавая свою силу, не боялся гнѣва Шуйскаго въ случаѣ неудачи. Привели патріарха и начали кричать, что Шуйскій—вина всѣхъ несчастій Россіи: живетъ нечестиво [59]), дѣлаетъ тайныя казни и убійства... «А кого же именно казнилъ Шуйскій?» спросилъ Гермогенъ. Мятежники не назвали именъ, но продолжали кричать: «Князь Вас. Шуйскій не любъ намъ на царствѣ! Изъ-за него кровь льется, и земля не умирится, пока онъ будетъ на царствѣ. Его одна Москва выбрала, а мы хотимъ избрать другаго царя.» [60]) Патріархъ на это сказалъ: «Дотолѣ Москвѣ не указывалъ ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань, а указывала всѣмъ городамъ

---

[54]) *Авр. Палицынъ*, 44.
[55]) *Бутурлинъ*. Ист. смут. вр. II, 189.
[56]) *Акт. Экс.* II, 57. 58; *Авр. Палицынъ*, 44.
[57]) *Авр. Палицынъ*, 44.
[58]) *Ник. лѣт.* 137—138.
[59]) *Хронографъ Столяровскій* (у *Карамзина*, XII, прим. 353).
[60]) *Латухинс. ст. кн.*, *Хроногр.: Ключаревс. и Столяровс.* (*тамъ же*, прим. 352 и 353).

Москва. Царь Василій излюбленъ и выбранъ и на царство поставленъ Богомъ и всѣми Русскими властями: Московскими боярами и дворянами и всѣхъ чиновъ людьми; да изъ всѣхъ городовъ при избраніи и поставленіи были въ тѣ поры многіе люди и цѣловали ему крестъ всею землею, чтобы ему, государю, добра хотѣть и лиха не мыслить. Вы, забывъ свое крестное цѣлованіе, возстали немногими людьми на царя и хотите его безъ вины съ царства свесть, а міръ того не хочетъ и про то не вѣдаетъ. Вы прежде о той враждѣ къ намъ не прихаживали и къ намъ о томъ не присылали, и мы не пристаемъ къ вашему совѣту. А что вы говорите, что чрезъ него «кровь льется и земля не умирится», такъ это дѣлается по волѣ Божіей, а не по хотѣнію вашего царя». Убѣжденія патріарха подѣйствовали. Намекъ на то, что Москва указываетъ городамъ, долженъ былъ польстить самолюбію Москвичей. При томъ же, если Василій избранъ былъ не всею землею, то все-таки не могъ онъ быть низложенъ иначе, какъ всею землею. Рѣчь патріарха ободрила сторонниковъ Шуйскаго. Въ толпѣ раздались голоса: «Сѣлъ онъ, государь, на царство не самъ собою; выбрали его большіе бояре и, вы, дворяне и служилые люди; пьянства и никакого неистовства мы въ немъ не знаемъ; да если бы онъ, царь, былъ вамъ и не угоденъ, то нельзя его безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія съ царства свести». Заговорщики, оставшись безъ поддержки, бѣжали въ Тушино.

Вслѣдъ за ними Гермогенъ послалъ туда же ко всѣмъ измѣнникамъ, одну за другою, двѣ грамоты, въ которыхъ прямо выражалъ, что измѣну законному царю онъ считаетъ измѣною вѣрѣ, отпаденіемъ отъ православной церкви, отступленіемъ отъ Бога. «Обращаюсь къ вамъ, бывшимъ православнымъ христіанамъ всякаго чина, возраста и сана, писалъ онъ, теперь же не вѣдаемъ, какъ васъ и назвать... Не достаетъ мнѣ словъ, болитъ моя душа, болѣзнуетъ мое сердце, всѣ внутренности мои расторгаются, и всѣ составы мои содрагаются; я плачу и съ рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте свои души и души своихъ родителей... Посмотрите, какъ отечество наше расхищается и раззоряется чужими, какому поруганію предаются св. иконы и церкви, какъ проливается кровь неповинныхъ, вопіющая къ Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружіе: не на Бога ли, сотворившаго васъ, не на своихъ ли братьевъ? Не свое ли отечество раззоряете?» Во второй грамотѣ, направленной къ тѣмъ, «которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ и преступивъ крестное цѣлованіе, отъѣхали и измѣнили царю-государю Василію и всей землѣ, своимъ родителямъ, женамъ и дѣтямъ и всѣмъ своимъ ближнимъ, особенно же Богу», Гермогенъ вспоминаетъ событіе 17-го Февраля, когда «солгалось про

старыхъ то слово, что *красота граду старые мужи*, а эти старые и молодымъ бѣду доспѣли (т. е. явившись противниками царю Василію), и за молодыхъ имъ въ день страшнаго суда Христова отвѣтъ дать». Въ обѣихъ грамотахъ п. Гермогенъ заклинаетъ крамольниковъ, именемъ Господа Бога, отстать отъ своего начинанія, пока еще есть время, чтобы не погибнуть до конца, обѣщаетъ молиться за нихъ, ходатайствовать передъ царемъ о помилованіи и даже не вспоминать о прежней ихъ измѣнѣ, «ибо одинъ Богъ безъ грѣха» [61]).

Тѣмъ временемъ подоспѣла военная помощь. Карлъ IX, опасаясь господства Поляковъ въ Россіи, склонился на просьбу Московскаго царя: отправилъ ему на подмогу 5.000 подъ начальствомъ генерала Делагарди. Шведское войско соединилось съ ополченіемъ, которое набралъ Скопинъ въ Сѣверозападной Россіи. Изъ Новгорода Русская рать и наемники двинулись на очищеніе государства отъ Тушинцевъ. Отпавшія области признали снова царемъ Василія.

Узнавъ объ успѣхахъ Скопина-Шуйскаго, Сапѣга ушелъ отъ Троицкой Лавры и оставилъ подъ стѣнами ея нѣсколько ротъ для наблюденія. Но, послѣ несчастной для него битвы подъ Калязиномъ, разбитый еще разъ княземъ Михаиломъ Васильевичемъ подъ Александровой Слободою (18-го Октября), онъ принужденъ быть возвратиться въ свой лагерь. Въ это время спаситель отечества Скопинъ-Шуйскій, для охраненія монастыря, послалъ отрядъ въ 900 чел. Наконецъ, Валуевъ, посланный княземъ Михайломъ съ 500 чел., на развѣдки, соединясь съ прежде посланнымъ отрядомъ, ударилъ на Сапѣгу. Поляки и Литовцы опрокинуты въ свои таборы, и лагерь ихъ зажженъ. Много было пролито крови на Красной горѣ, на прудѣ Келарскомъ, на Волкушѣ и Клементьевскомъ полѣ; но это былъ уже послѣдній бой у Троицы. Въ началѣ Января слѣдующаго (1610) года Сапѣга окончательно снялъ осаду съ Лавры.

Съ Сентября мѣсяца того же года (1609) началъ дѣйствовать въ Россіи новый врагъ—Польскій король Сигизмундъ III. Получивъ извѣстіе, что, въ Москвѣ многіе бояре желаютъ имѣть своимъ царемъ сына его Владислава, а не Шуйскаго и не Тушинскаго вора, Сигизмундъ рѣшился воспользоваться благопріятными обстоятельствами и вступилъ въ предѣлы Россіи, едвали не съ главною цѣлью распространить Католичество, какъ сообщалъ въ Римъ папскій нунцій, находившійся тогда въ Польшѣ. Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ и потребовалъ сдачи города. Смоленскимъ архіепископомъ въ то время былъ Сергій. Онъ, вмѣстѣ съ воеводою, бояриномъ Михаиломъ Борисовичемъ Шеинымъ,

---

[61]) *Соловьевъ* Ист. Рос. VIII, 238—241; *Макарій* Ист. Р. Ц. X, 142—144.

отвѣчалъ королю отказомъ, одушевлялъ защитниковъ, увѣщевалъ осажденныхъ мужественно стоять противъ врага и самъ раздѣлялъ съ ними всѣ лишенія и опасности. Польская шляхта изъ Тушина перешла къ королю. Тушинскій воръ ушелъ въ Калугу, куда прискакала и Марина. Тогда Рожинскій сжегъ лагерь и отступилъ на Западъ. Казаки, многіе Русскіе измѣнники, холопы и бѣглые крестьяне опять пристали къ самозванцу. Между тѣмъ Московское государство, благодаря побѣдамъ Скопина, стало оправляться. Скопинъ готовился идти на Сигизмунда подъ Смоленскъ, но вдругъ занемогъ и умеръ (на 24 е Апрѣля 1610 г.), отравленный на пиру у князя Воротынскаго женою царскаго брата Димитрія Шуйскаго, надѣявшагося наслѣдовать бездѣтному Василію и видѣвшаго въ племянникѣ соперника себѣ.

Этого-то Димитрія, человѣка неискуснаго въ ратномъ дѣлѣ и нелюбимаго въ народѣ, Василій назначилъ главнокомандующимъ вмѣсто Скопина. Отправленное подъ его начальствомъ къ Смоленску войско потерпѣло рѣшительное пораженіе отъ гетмана Жолкѣвскаго при дер. Клушинѣ (23—24 Іюня т. же года). Клушинское пораженіе ободрило Калужцевъ. Полчище Калужское двинулось къ Серпухову. Все еще собирая послѣднія силы, царь Василій однако нашелъ еще возможнымъ снарядить войско; но, выступивъ изъ Москвы, оно скоро вернулось назадъ.

Тушинскій воръ напалъ по слѣдамъ Московскихъ воеводъ на монастырь преп. Пафнутія Боровскаго. Тамъ укрѣпленія были хороши, а главнымъ воеводою былъ князь Михаилъ Волконскій. Когда младшіе воеводы Яковъ Змѣевъ и Аѳанасій Челищевъ измѣнили ц. Василію и тайно впустили враговъ въ заднія ворота монастыря, князь Михайлъ бился съ врагами во вратахъ церковныхъ, былъ раненъ, въ изнеможеніи побѣжалъ къ лѣвому клиросу, и тамъ изрубили его воры. Иноки и всѣ защитники обители были умерщвлены. Въ числѣ ихъ погибъ и защитникъ Сергіевой лавры, архим. Іоасафъ, удалившійся сюда на покой, по освобожденіи Лавры отъ непріятеля [62]). «Веліе жъ чудо Богъ показа надъ тѣми убіенными, сообщаетъ лѣтописецъ: того-жъ князь Михайла кровь прыснула на лѣвой клиросъ, на камень, и многажды тое кровь скребляху и мыша, но не можаху тое крови ни соскресть, ни смыти» [63]).

---

[62]) *Синодикъ Троиц. лавры.*

[63]) *Ник. лѣт.* 136; *Древ. Рос. Вивліоѳ.* изд. 2, ч. XI, 420—422.—Память о геройской кончинѣ кн. Мих. Волконскаго сохранена въ гербѣ города Боровска, пожалованномъ городу императрицею Екатериною II-ю (*серебряное поле* указываетъ на непорочность, *червленое сердце*—вѣрность, находящійся по срединѣ его *крестъ*—усердіе къ вѣрѣ, а *лавровый вѣнокъ* вокругъ сердца означаетъ символъ славы).

По смерти Скопина число враговъ Шуйскаго возрасло въ Москвѣ. Когда пришла туда вѣсть о пораженіи царскаго войска при Клушинѣ, столица возмутилась, взволнованная братомъ Прокопія Ляпунова, Захаромъ. Измѣнники снова насильно привели патріарха на лобное мѣсто, при множествѣ народа, и стали кричать, что царя Василія нужно свести съ престола, что онъ царь несчастный и т. п. На это согласились всѣ присутствовавшіе, сами даже бояре. Одинъ Гермогенъ непреклонно стоялъ за царя, со слезами увѣщевалъ удержаться отъ новаго злодѣянія, объяснялъ, что за измѣну законному царю Богъ еще болѣе можетъ наказать Россію. На сей разъ все было напрасно: 17 Іюля Василія низложили, а 19-го силою постригли въ монахи. Когда по обряду спрашивали постригаемаго: желаетъ ли онъ, и Василій громко кричалъ, что не желаетъ, кто-то изъ стоявшихъ вблизи него бояръ [64]) произносилъ за него обѣты. Ляпуновъ же крѣпко держалъ Шуйскаго за руки, чтобы онъ не отмахивался. Но и теперь, когда Василія насильно постригли въ монахи и заперли въ Чудовомъ монастырѣ [65]), Гермогенъ не переставалъ именовать его царемъ, а постриженнымъ въ монашество считалъ того, кто за Шуйскаго отрекался отъ міра и давалъ иноческіе обѣты [66]).

IV.

Семибоярщина.—Условія Польскому королевичу Владиславу.—Взглядъ на нее п. Гермогена. — Великое посольство подъ Смоленскъ.—Филаретъ.—Титулъ нареченнаго патріарха, данный ему Тушинскимъ воромъ.—Письма п. Гермогена къ Сигизмунду и Владиславу.—Послы въ лагерѣ Сигизмунда.—Занятіе Жолкѣвскимъ Московскихъ укрѣпленій.—Боярская грамота посламъ.—Отказъ Гермогена подписать ее.—Смерть Лжедимитрія II-го.—Грамота Смольнянъ и Москвичей.—Прокопій Ляпуновъ защитникомъ отечества.—Земское ополченіе.—Твердость Гермогена.—Вербное Воскресенье 17 Марта 1611 г. въ Москвѣ.—Рѣзня 19—21 Марта.—Заключеніе Гермогена подъ стражу.—Возстановленіе Игнатія, его бѣгство и конецъ.—Осажденные Поляки въ Москвѣ.—Мужество Гермогена.—Тріумвиратъ.—Смерть Ляпунова.

Правительственная власть перешла въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи бояръ, между которыми первымъ былъ князь Ѳед. Ив. Мстиславскій. Надлежало рѣшить, кому быть царемъ. Нѣкоторые

---

[64]) По свидѣтельству *Авр. Палицына* это былъ кн. Вас. Туренинъ (Сказ. объ ос. Троицк. лав., 207), по словамъ *Ник. лът.* (стр. 140) кн. Вас. Тюфякинъ; по *Латух. ст. кн.* „единъ отъ бояръ кн. Вас. Тюфякинъ или Туренинъ“ (но въ Послуж. сп. въ *Др. р. Вивл'ов.*, ч. XX кн. Тюфякина въ числѣ бояръ того времени нѣтъ); по *Столярн. Хроногр.* Ив. Салтыковъ.

[65]) Шуйскій недолго оставался въ Чудовомъ монастырѣ: его перевезли въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь, откуда Жолкѣвскій, отъѣзжая изъ Москвы подъ Смоленскъ, взялъ его съ собою. Супруга его царица Марья Петровна (урожденная княжна Буйносова-Ростовская), въ иночествѣ Елена, окончила жизнь въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ.

[66]) *Временн.* XVI, 112, XVII, 119—120; *Ник. лът.* VIII, 138—140.

держали сторону Тушинскаго Лжедимитрія; Гермогенъ совѣтовалъ или снова возвести Шуйскаго на престолъ, или избрать государя изъ среды Русскихъ бояръ; верховная семичленная дума предлагала пригласить на царство Владислава, сына Польскаго короля Сигизмунда. Появленіе гетмана Жолкѣвскаго съ войскомъ подъ стѣнами Москвы рѣшило спорный вопросъ въ пользу Польскаго королевича. Бояре составили условія въ томъ смыслѣ, что они соглашаются присягнуть Владиславу съ условіемъ, чтобы онъ принялъ Православіе, женился на Русской и правилъ съ властію ограниченною боярами и высшимъ духовенствомъ. Когда они пошли просить благословенія патріарха, Гермогенъ сказалъ: «Если вы не помышляете нарушить православную вѣру, да пребудетъ надъ вами благословеніе; а иначе на васъ ляжетъ проклятіе четырехъ патріарховъ и нашего смиренія, и пріимите вы месть отъ Бога наравнѣ съ еретиками и богоотступниками». Для окончательныхъ переговоровъ съ королемъ отправили къ Сигизмунду подъ Смоленскъ великое посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ Ростовскій митрополитъ Филаретъ [67]). Назначенный при первомъ Лжедимитріи на Ростовскую каѳедру, Филаретъ показалъ въ лицѣ своемъ образецъ добраго пастыря. Когда Сапѣга съ Литовскими людьми возмутили Суздаль и Переяславль (1608 г.), вѣрные Ростовцы, не имѣя у себя крѣпкихъ стѣнъ, предложили митрополиту удалиться вмѣстѣ съ ними въ Ярославль; но Филаретъ сказалъ, что не бѣгствомъ, а кровію должно спасать отечество, что великодушная смерть лучше жизни позорной, что есть другая жизнь и вѣнецъ мучениковъ для христіанъ, вѣрныхъ царю и Богу. Видя бѣгство народа, Филаретъ съ немногими вѣрными гражданами заперся въ соборѣ, приготовляясь съ ними къ мученической смерти пріобщеніемъ св. таинъ. Измѣнники-Переяславцы разбили церковныя двери, вломились во храмъ, перебили множество народа и осквернили святыню [68]). Митрополита повезли въ Тушинскій станъ, какъ узника, босаго, въ изорванномъ Польскомъ платьѣ и Татарской шапкѣ. Тамъ самозванецъ готовилъ ему новыя оскорбленія: встрѣтилъ его съ знаками чрезвычайнаго уваженія, какъ племянника супруги Ивана IV Анастасіи и жертву Борисовой нена-

[67]) Вторымъ посломъ назначенъ былъ бояринъ Вас. Вас. Голицынъ. Въ числѣ посольства, кромѣ Филарета, были слѣдующія духовныя лица: Новоспасскій архим. Евѳимій, келарь лавры Сергіевой Авр. Палицынъ, Угрѣшскій игуменъ Іона, протоіерей Вознесенскаго монастыря Кирилъ, 8 священниковъ, 1 ризничій и 1 духовникъ (*Соб. гос. гр. и д.* II, 450); имъ дана была особая инструкція (*Соб. гос. гр. и д.* II, № 201; *Голиковъ* Дѣянія Петра В., мудр. преобраз. Россіи, XII, 294—300).

[68]) При разграбленіи собора, единственная въ своемъ родѣ золотая рака свят. Леонтія была разсѣчена грабителями; съ того времени мощи св. Леонтія почиваютъ подъ спудомъ.

висти, подарилъ ему золотой жезлъ, образовалъ особую при немъ свиту и даже повелѣлъ быть ему нареченнымъ патріархомъ Московскимъ и всея Россіи [69]), но въ тоже время держалъ его въ тѣсномъ заключеніи, какъ непреклоннаго въ вѣрности ц. Василію. Уже послѣ двухъ-лѣтняго плѣна Филаретъ отбитъ былъ у непріятеля, подъ стѣнами Волоколамской обители, отрядомъ Скопина-Шуйскаго.

Гермогенъ, вынужденный согласиться на желаніе господствующей партіи отправить посольство подъ Смоленскъ, писалъ Сигизмунду: «Великій самодержавный король, даруй намъ сына своего, котораго возлюбилъ и избралъ Богъ въ цари, въ православную Греческую вѣру, которую предрекли пророки, проповѣдали апостолы, утвердили святые отцы, соблюдали всѣ православные христіане, которая красуется, свѣтлѣетъ и сіяетъ яко солнце; даруй намъ царя съ вѣрою принявшаго св. крещеніе во имя Отца и Сына и Св. Духа, въ нашу православную Греческую вѣру; ради любви Божіей, смилуйся великій государь, не презри этого нашего прошенія, чтобы и вамъ Богу не погрубить, и насъ, богомольцевъ, и неисчетный народъ нашъ не оскорбить»... [70]). Писалъ Гермогенъ и къ самому Владиславу и многократно умолялъ его: «прими св. крещеніе въ три погруженія, прими св. крещеніе въ нашу православную вѣру» [71]). Но когда послы прибыли къ королю подъ Смоленскъ (7 Октября), ихъ начали проводить, давая неопредѣленные отвѣты; съ ними спорили и требовали отъ нихъ сдачи Смоленска. Послы не соглашались, не имѣя на то полномочій.

Тѣмъ временемъ бояре, по настояніямъ гетмана Жолкѣвскаго, впустили въ Москву Польское войско. Оно заняло всѣ укрѣпленія. Сигизмундъ отъ своего имени сталъ присылать въ Москву указы. Число сторонниковъ короля въ столицѣ умножилось. Принадлежавшіе къ нимъ бояре написали грамоту, чтобъ Филаретъ съ послами отдались во всемъ на волю королевскую. Но когда поднесли грамоту для подписи патріарху (6 Декабря), онъ сказалъ: «Чтобы король далъ сына своего на Московское государство и королевскихъ людей всѣхъ вывелъ изъ Москвы вонъ и чтобы Владиславъ оставилъ Латинскую ересь и принялъ Греческую вѣру,—къ такой грамотѣ я руку приложу, и прочимъ властямъ велю приложить, и васъ на то благословляю. А пи-

[69]) Несомнѣнно, что въ этомъ дѣлѣ Тушинскій Лжедимитрій дѣйствовалъ подъ вліяніемъ Литовцевъ, ибо только въ Литовской митрополіи существовалъ обычай, что святители, назначаемые государемъ на ту или другую каѳедру, назывались сперва нареченными, пока каѳедра та была занята еще другимъ іерархомъ, или пока они сами не были посвящены, а въ Руси Московской такого обычая не было никогда.

[70]) *Галаховъ* Истор. Христом. I, 1848, стр. 371—373.

[71]) *Собр. гос. гр. и д.* II, 445; *Макарій* Ист. Р. Ц. X, 149.

сать такъ, что мы всѣ полагаемся на королевскую волю и чтобы наши послы положились на волю короля, того я и прочія власти не сдѣлаемъ» и вамъ не повелѣваю, и если не послушаете, наложу на васъ клятву. Явное дѣло, что по такой грамотѣ намъ пришлось бы цѣловать крестъ самому королю». Слово за слово, споръ между патріархомъ и боярами дошелъ до того, что Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ замахнулся на Гермогена ножемъ. «Я не боюсь твоего ножа, сказалъ Гермогенъ, вооружаюсь противъ него силою креста Христова; будь ты проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!» [72]) Бояре однако не послушались патріарха, и ихъ грамота 23 Декабря была привезена подъ Смоленскъ.

Филаретъ, Голицынъ и другіе, выслушавъ боярскую грамоту, объявили ее необязательною для себя, такъ какъ ихъ отпускали съ Москвы патріархъ, бояре и всѣ вмѣстѣ люди, а не одни бояре, между тѣмъ подписей патріарха и освященнаго собора подъ нею не было. Паны стали возражать, что патріархъ лице духовное и въ свѣтскія дѣла вступаться не долженъ. На это послы отвѣчали: «Изначала у насъ въ Русскомъ государствѣ такъ повелось, если великія, государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ и безъ ихъ совѣта ничего не приговорили, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честію, и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ; теперь же мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный» [73]). Наскучивъ непреклонностію пословъ, Сигизмундъ, въ Апрѣлѣ 1611 года, отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу; туда же отвезли и бывшаго царя Василія Шуйскаго съ братьями [74]).

---

[72]) *Ник. лѣт.* 152; *Собр. гос. гр. и д. II*, 491; *Латух. Ст. кн.* у *Карамзина*, XII, примѣч. 697; *Голиковъ* Дѣян. Пет. Вел. XII, 391.

[73]) *Соловьевъ*. И. Р. VIII, 364—365.

[74]) Великое Московское посольство, вмѣстѣ со своимъ бывшимъ царемъ, послужило украшеніемъ тріумфа Сигизмунда при въѣздѣ его въ Варшаву 29 Октября 1611 г. Затѣмъ послы были отправлены въ Маріенбургъ, а Шуйскій съ братьями въ Гостынинскій замокъ. До настоящаго времени сохранилась въ Гостынинѣ (нынѣ уѣздный городъ Варшавск. губ., въ 139 вер. отъ Варшавы и въ 20 съ небольшимъ отъ губ. гор. Плоцка) часть одной изъ башенъ этого историческаго замка, на развалинахъ котораго выстроена Лютеранская кирка. Шуйскій ум. 12 Сентября 1612 г. Тѣло его впослѣдствіи, вмѣстѣ съ тѣлами брата Димитрія и жены послѣдняго Екатерины, было перевезено въ Варшаву и погребено въ такъ называвшейся Московской часовнѣ на Краковскомъ предмѣстьи, гдѣ нынѣ находится 1-я гимназія. Король Сигизмундъ III воздвигъ мраморный памятникъ надъ могилою Василія, съ Латинскою надписью (буквальный переводъ этой надписи см. въ *Рус. Ст.* 1890 г., кн. I). Въ царствованіе Михаила Θеодоровича Польша отдала Россіи кости Шуйскихъ, и царь Василій, 10 Іюня 1635 г., погребенъ въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ.

Не задолго передъ тѣмъ (11 Декабря 1610 г.) Тушинскій воръ былъ застрѣленъ. Многіе, державшіе сторону Владислава изъ страха ко второму Лжедимитрію, по смерти послѣдняго перестали думать о королевичѣ, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ оспаривалъ у сына Московскую корону. Михаилъ Салтыковъ доносилъ королю изъ Москвы, что патріархъ приглашаетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ имъ, что если королевичъ не крестится въ Греческую вѣру и всѣ Литовскіе люди не выдутъ изъ Московской земли, то королевичъ намъ не государь, и что такія же слова патріархъ и въ грамотахъ своихъ писалъ во многіе города. Жители Смоленска, осажденнаго Сигизмундомъ, въ Январѣ 1611 г., первые написали грамоту къ своимъ братьямъ всего Московскаго государства и говорили, что королю и Полякамъ вѣрить нельзя, что повсюду въ Смоленской области, гдѣ только имъ повѣрили и предались, православная вѣра ими поругана, церкви раззорены и всѣ православные обращены въ Латинство, что отпустить королевича Владислава государемъ на Москву въ Польшѣ и не думаютъ, а положилъ только сеймъ овладѣть всею Московскою землею и опустошить ее, и что, если Русскіе хотятъ остаться православными и не сдѣлаться Латинянами, то должны соединиться и общими силами прогнать отъ себя Поляковъ. Прочитавъ эту грамоту, Москвичи разослали ее по другимъ городамъ вмѣстѣ со своею, въ которой умоляли «ради Бога, Судіи живыхъ и мертвыхъ», быть съ ними заодно противъ враговъ общихъ, ставя въ примѣръ Гермогена, который «душу свою полагаетъ за вѣру христіанскую несомнѣнно». Жители Нижняго-Новгорода приглашали Воложанъ идти къ Москвѣ, указывая на Прокопія Ляпунова и дворянъ Рязанской земли, что́, «по благословенію святѣйшаго Гермогена, собравшись со всѣми Сѣверскими и Украинскими городами и съ Калугою, идутъ на Польскихъ и Литовскихъ людей» [75]). И, дѣйствительно, Прокопій Ляпуновъ первый откликнулся на зовъ патріарха и пошелъ къ столицѣ со своею дружиною. Подъ предводительствомъ Ляпунова составилось ополченіе 25 городовъ.

По мѣрѣ того какъ ополченіе приближалось къ Москвѣ, Полякамъ становилось все хуже и хуже среди волнующагося населенія столицы. Въ этомъ они были сами виноваты. Своимъ буйствомъ и насиліями возбудили они противъ себя Москвичей: въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу, одинъ Полякъ выстрѣлилъ въ икону Богоматери, другой въ крестъ на церковномъ куполѣ и т. п. Хотя виновныхъ и наказывали, но раздраженіе въ народѣ противъ Поляковъ оставалось. Боярская дума убѣждала патріарха успокоить народъ. Михайло Сал-

[75]) *Собр. гос. гр. и дог.* II, №№ 226, 227 и 229.

тыковъ со своими сообщниками требовалъ, чтобы Гермогенъ не велѣлъ ополчаться городамъ. Не велю, отвѣчалъ патріархъ, «если ты и всѣ, находящіеся съ тобою, измѣнники и королевскіе люди выйдете вонъ изъ Москвы; если же не выйдете, то благословляю всѣхъ довести начатое дѣло до конца, ибо вижу попраніе истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ васъ измѣнниковъ и раззореніе св. Божіихъ церквей, и не могу болѣе слышать пѣтія Латинскаго въ Москвѣ». Гонсѣвскій и бояре-измѣнники приставили къ непреклонному іерарху воинскую стражу, чтобы къ нему никто не могъ приходить [76]); обходились съ нимъ то жестоко, то съ уваженіемъ, опасаясь народа. Въ Вербное Воскресенье, 17 Марта, они, послѣ долгихъ колебаній, выпустили Гермогена изъ-подъ стражи, чтобы онъ совершилъ торжественное «шествіе на осляти» [77]). Всѣ площади и улицы, по которымъ долженъ былъ слѣдовать крестной ходъ, были заняты Польскими и наемными Нѣмецкими войсками. И когда Гермогенъ вышелъ со своимъ клиромъ изъ Флоровскихъ воротъ на Красную площадь, съ обычнымъ торжествомъ, съ крестами и хоругвями, то былъ пораженъ невиданною пустотою и полнымъ отсутствіемъ народа, который такъ любилъ смотрѣть на торжественное шествіе на осляти. Печальный и удрученный тяжбкою скорбью, сѣлъ Гермогенъ на «осля», которое велъ за поводъ уже не царь, а бояринъ Андрей Гундуровъ, и, проливая слезы, удалился по совершеніи обряда въ Кремль, гдѣ опять ожидало его тѣсное заточеніе въ его кельи. Печально разошелся и клиръ патріаршій, и бояре, которымъ не предстояло веселаго пиршества въ патріаршей золотой палатѣ. Некому было даже и общипать нарядную вербу. Вслѣдъ за удаленіемъ патріарха, ушли съ площади и Польскія роты, мѣрно выступая и мѣрно бряцая оружіемъ; разошелся и народъ по домамъ, удрученный тягостью чуждаго гнета, озлобленный, готовый на все... Черезъ два дня, во Вторникъ на Страстной недѣлѣ, произошло первое столкновеніе между Русскими и Поляками: началась страшная рѣзня, продолжавшаяся сряду два дня, и Поляки, не имѣя силъ одолѣть Русскихъ, подожгли городъ. «Пожаръ истребилъ всю красоту Москвы, пишетъ одинъ изъ участвовавшихъ въ дѣлѣ; церквей вездѣ было множество и каменныхъ, и деревянныхъ, и все это мы въ три дня обратили въ пепелъ; уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, гдѣ мы сами укрывались отъ огня» [78]). Несчастные жители бѣ-

---

[76]) *Ник. лѣт.* 155.

[77]) Т. же 156.

[78]) *Maskiewicz,* 60 (по Русск. пер.).— Свидѣтельство Маскѣвича объ обиліи въ то время храмовъ въ Москвѣ подтверждають: *Маржеретъ* (стр. 265), *Петрей* насчитываетъ церквей до 4.500 (?) („Ист. о вел. княж. Москов." Рус. пер. въ *Чт. И. Моск. общ. ист. и др.* 1865, IV, 5—6), и *Авр. Палицынъ* („тогда бысть въ царствующемъ градѣ болѣ че-

жали вонъ изъ города, а королевскіе люди и Русскіе воры, съ торжествомъ возвратившись въ Кремль, свели Гермогена съ патріаршаго престола и отдали подъ крѣпкую стражу изъ 50-ти стрѣльцовъ, Малицкому изъ роты Малынскаго [79]). Мѣстомъ заключенія доблестнаго іерарха, по показанію иностраннаго историка, былъ Кириловъ монастырь [80]), а по словамъ отечественнаго лѣтописца [81]) Чудовъ монастырь. Заключивъ Гермогена, бояре-измѣнники вывели изъ Чудовской обители и возстановили въ патріаршескомъ санѣ Игнатія. Но послѣній самъ хорошо понималъ непрочность своего положенія и черезъ шесть мѣсяцевъ бѣжалъ въ Литву; тамъ онъ принялъ Унію и поселился въ Виленскомъ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ и прожилъ до смерти (ок. 1640 г.).

Земское ополченіе, подступивъ къ Москвѣ (1 Апрѣля въ Понедѣльникъ, на Святой), на ея мѣстѣ нашло одно пепелище, среди котораго возвышались стѣны Кремля и Китая-города, скрывавшія непріятеля. Начались почти ежедневныя сшибки Русскихъ съ Поляками. Осажденные Поляки въ Кремлѣ и Китай-городѣ находились въ крайности, и число ихъ уменьшалось. Гонсѣвскій и Салтыковъ опять принялись за патріарха. «Вели ратнымъ людямъ, стоящимъ подъ Москвою— говорили они—идти прочь; а если не послушаешь насъ, мы велимъ уморить тебя злою смертію». «Боюсь Единаго, тамъ живущаго», отвѣчалъ имъ Гермогенъ, указывая на небо, и повторялъ: «если всѣ вы, Литовскіе люди, пойдете изъ Московскаго государства, то я благословлю Русское ополченіе идти отъ Москвы; но если останетесь здѣсь, я благословляю всѣхъ стоять противъ васъ и помереть за православную вѣру» [82]). Съ общаго согласія гражданскую власть вмѣстѣ съ военною приняли на себя три вождя: князь Дмитрій Трубецкой, Иванъ Заруцкій и Прокопій Ляпуновъ. Члены тріумвирата безпрестанно ссорились, казаки безчинствовали и роптали на Ляпунова за его строгость. Подложная грамота, написанная отъ имени Ляпунова, съ мнимымъ приказомъ объ истребленіи казаковъ, подосланная въ казацкій станъ Гонсѣвскимъ, окончательно озлобила казацкую вольницу. Казаки собрались въ кругъ, призвали Ляпунова и, когда онъ, съ суровымъ выраженіемъ сталъ отрекаться отъ грамоты, изрубили его саблями.

тырехъ сотъ церквей", у *Карамзина*, X, прим. 454); указываемая Палицынымъ цифра признается ближе къ дѣйствительности, ибо п. Іовъ въ 1592 г. установилъ въ Москвѣ 8 поповскихъ старостъ, подчинивъ каждому изъ нихъ по 40 приходскихъ священниковъ (*Макарій*, И. Р. Ц. X, 61—63).

[79]) *Baër*, 141; *Maskiewicz*: „Patryarchę dano za przystawe Malickiemu, z roty Malynskiego towarzyszowi" (68).

[80]) *Baër*, 141.

[81]) *Ник. лѣт.*

[82]) *Карамзинъ* И. Г. Р. XII, прим. 745-е.

V.

Неурядица по смерти Ляпунова.—Разбои казаковъ.—Сдача Смоленска.—Взятіе Новгорода Шведами.—Подвигъ протопопа Амоса.—Открытіе мощей св. князя Θеодора.—Преп. Антоній Леохновскій.—Волненія въ Псковѣ.—Архіепископъ Геннадій.—Затворникъ св. Іоаннъ.—Замыселъ атамана Заруцкаго посадить на престолъ сына Марины Мнишекъ.—Грамота Гермогена по поводу этого.—Неистовства казаковъ, инородцевъ и Поляковъ внутри государства. — Преп. Евфросинъ.—Подвижникъ-герой Смутнаго времени преп. Иринархъ. — Нападеніе Поляковъ и измѣнниковъ на Вологду. — Преподобно-мученикъ Галактіонъ.

По смерти Ляпунова въ Россіи наступила окончательная неурядица. Ополченіе, лишившись предводителя, разстроилось. Казаки, хотя и остались подъ стѣнами столицы, но занимались болѣе грабежомъ сосѣднихъ областей, нежели осадой. Они врывались загонами въ города и поселенія, пытали огнемъ и желѣзомъ хозяевъ, вымучивали у нихъ деньги, забирали платье, рухлядь, насиловали женщинъ, не щадили даже недорослыхъ дѣвочекъ... были случаи, что женщины, спасаясь отъ безчестья, рѣзались и топились передъ глазами негодяевъ, въ избѣжаніе насилія, полунагія отъ нищеты, замерзали по лѣсамъ и полямъ. «Ляхи содрагались, говоритъ современникъ, видя такую неслыханную злобу и говорили: что́ же будетъ намъ отъ Россіянъ, когда они и другъ друга губятъ съ такою лютостію?!» [83]).

Съ безчисленными разбойничьими шайками казаковъ соединились толпы инородцевъ (Татаръ, Черемисовъ, Мордвы), задумавшихъ отложиться отъ Русскихъ, и летучіе отряды Поляковъ. Внося съ собою повсюду опустошеніе, они безчинствовали сколько хотѣли, не щадя ни святыни церквей, ни монашествующихъ. «Нападутъ на беззащитный монастырь, разсказываетъ современный намъ историкъ въ особомъ изслѣдованіи, посвященномъ той эпохѣ [84]), вымогутъ у монаховъ деньги, пытаютъ огнемъ, заставляютъ самихъ рубить дрова, мыть бѣлье, варить пиво, возить тяжести, чистить лошадей, подгоняютъ ихъ палками и толчками; разгулявшись вдоволь, для посмѣянія, паны заставляли монаховъ и монахинь пѣть срамныя пѣсни и плясать, а кто станетъ упрямиться, того ни почемъ было и убить; къ соблазну благочестивыхъ, обдирали оклады съ иконъ, брали чаши и утварь, клали на дискосы мясо, загоняли скотъ въ церкви, кормили собакъ въ алтаряхъ, изъ царскихъ дверей устраивали себѣ кровати, изъ священническихъ облаченій шили себѣ платья... играли на образахъ въ карты или въ шашки, покрывали воздухами и пеленами лошадей, на боль-

[83]) *Авр. Палицынъ*, 47.
[84]) *Костомаровъ*, Смутное время, II въ Ист. Моногр. СПБ. 1868, V. 196—198.

шихъ мѣстныхъ иконахъ творили мерзкое студодѣяніе»... Такимъ образомъ была избита вся братія въ Николаевскомъ Малоярославецкомъ монастырѣ, такъ что онъ болѣе 10 лѣтъ стоялъ въ запустѣніи [85]); въ Калязинской обители умерщвлено 68 иноковъ, а мощи преп. Макарія извергнуты изъ серебряной раки вонъ [86]); въ Спасоприлуцкомъ монастырѣ близъ Вологды сожжено въ трапезѣ 59 монаховъ и 32 убито [87]); при раззореніи Толгскаго монастыря, недалеко отъ Ярославля, убиты были всѣ иноки и служки въ числѣ 46 человѣкъ [88]). Тѣмъ не менѣе обители иноческія оказывались несокрушимыми твердынями вѣры и вѣрности.

Преподобный Евфросинъ подвизался въ основанной имъ въ 1603 г. пустыни, на берегахъ Синичьяго озера, верстахъ въ 60 отъ Устюжны Желѣзнопольской. Сюда спѣшили укрыться многіе изъ окрестныхъ мѣстъ, когда ватаги Ляховъ проникли въ округъ Устюжны для грабежа и разбоя [89]). Старецъ-отшельникъ увѣщевалъ всѣхъ твердо стоять въ вѣрѣ православной, не соблазняясь обольщеніями измѣнниковъ: особенно онъ убѣждалъ быть мужественными иноковъ, когда замѣтилъ, что одинъ изъ нихъ собирается бѣжать вмѣстѣ съ другими. «Зачѣмъ допускать въ душу страхъ малодушія? говорилъ подвижникъ; когда настаетъ брань, тогда-то и нужно мужество; мы дали обѣтъ жить и умереть въ пустынѣ; надобно быть вѣрнымъ слову, данному предъ Господомъ; въ такомъ случаѣ смерть вводитъ въ покой. Другое дѣло мірскіе люди: они не связаны обѣтомъ, и имъ надобно беречь себя и для дѣтей». Когда Ляхи явились въ Евфросинову пустынь, старецъ Евфросинъ, въ схимѣ, молился у креста, который поставилъ онъ, какъ только пришелъ туда. Грабители потребовали отъ него монастырскихъ сокровищъ; пустынникъ указалъ на церковь, какъ на единственное сокровище пустыни. Тогда одинъ изъ пришедшихъ ударилъ по шеѣ Евфросина и разсѣкъ ему голову. Старецъ упалъ полумертвый. Разбойники ворвались въ храмъ монастырскій, но въ немъ ничего не нашли и возвратились къ своей жертвѣ. Тутъ одинъ опять ударилъ чеканомъ по головѣ Евфросина и разбилъ черепъ до самаго мозга. Тѣло страдальца погребено въ основанной имъ пустыни, гдѣ и почиваетъ въ настоящее время подъ спудомъ [90]).

---

[85]) *Амвросій* Ист. Росс. іерарх. VI, 702.

[86]) *Временникъ*, XVII, 123.

[87]) *Амвросій* Ист. Росс. іерарх. VI, 233,

[88]) „Опис. Ярославс. Толгск. мон.", Я. 1860, 31.

[89]) *Сказаніе* о нашествіи Ляховъ на Устюжну Желѣзнопольскую напечатано въ *Русск. Историч. Библіотекѣ*, т. II, 793—814.

[90]) Синозерская пустынь упразднена въ 1764 г., и храмъ ея обращенъ въ приходскій для Синозерскаго погоста.

Болѣе снисходительности проявили враги къ другому затворнику Смутнаго времени, преп. Иринарху, не смотря на то, что онъ говорилъ имъ горькую правду. Преп. Иринархъ [91]) былъ сынъ крестьянина дер. Кондаковой, Ростовскаго округа, и въ мірѣ носилъ имя Ильи; постригся на 30 году отъ роду въ Борисоглѣбскомъ на Устьѣ монастырѣ, недалеко отъ Ростова Великаго, и началъ подвижничество свое тѣмъ, что сталъ ходить босой и въ рубищѣ, съ тяжелыми веригами на плечахъ и съ оковами на ногахъ, затворился безвыходно въ кельѣ и приковалъ себя цѣпью къ стулу. Наступили смутныя времена. Иринархъ сталъ постепенно увеличивать тяжести, носимыя на тѣлѣ [92]), и чѣмъ болѣе запутывались наши внутреннія дѣла, тѣмъ менѣе онъ спалъ и чаще бичевалъ тѣло свое желѣзною палкою. Такъ подвизался онъ 30 лѣтъ. Однажды, заснувъ въ затворѣ, онъ увидѣлъ Москву въ огнѣ и во власти Поляковъ, и голосъ сказалъ ему: «иди, скажи объ этомъ царю». Затворникъ явился въ Москву къ Шуйскому и разсказалъ о видѣніи; царь принялъ его съ честію и отвезъ назадъ въ своей повозкѣ. Когда Ляхи, въ 1609 г., завладѣли Ростовомъ, свирѣпый панъ Микульскій зашелъ къ затворнику и спросилъ: «кого признаешь ты царемъ»? «Я живу на Руси, отвѣчалъ Иринархъ, и знаю Русскаго царя, а другихъ не знаю». На всѣ угрозы онъ говорилъ: «вѣрѣ своей не измѣню и Русскаго царя не отвергнусь»... Послѣ того и самъ Сапѣга посѣтилъ преп. затворника. «Благослови, батько, сказалъ онъ, входя; какъ терпишь ты эту муку въ такой темницѣ»?! «Для Бога терплю, отвѣчалъ Иринархъ, а ты, панъ, воротись-ка въ свою землю, полно тебѣ воевать на Россію, не выйдешь ты изъ нея живой». Сапѣга удивился. «Я такова батька, говорилъ онъ, нигдѣ здѣсь, ни во иныхъ земляхъ крѣпка и безбоязна отъ нашего меча не наѣхалъ» [93]). Тѣмъ не менѣе онъ разстался со старцемъ любезно, даже прислалъ ему въ милостыню пять рублей. Не велѣвъ своимъ трогать монастырь, Сапѣга, по преданію, оставилъ въ немъ знамя (Русское XVI в.), которое показываютъ и теперь. Преп. затворникъ зорко слѣдилъ изъ своего затвора за побѣдоноснымъ шествіемъ Скопина - Шуйскаго къ Москвѣ,

---

[91]) Житіе преп. Иринарха издано архим. *Амфилохіемъ*, по спискамъ XVIII—XIX ст., съ приложеніемъ изображеній затворника и его праведныхъ трудовъ, подъ заглавіемъ „Жизнь преп. Иринарха затворника". М. 1863. О немъ же ст. *И. Е. Забѣлина* „Безвѣстный герой Смутнаго времени" въ *Др. и Нов. Рос.* 1875, I, 245—251.

[92]) Тяжести или „праведные труды" преп. Иринарха, сохранившіеся въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ, состоятъ изъ 142 крестовъ, тяжелаго камня, множества цѣпей, желѣзнаго кольца на голову, желѣзнаго пояса, желѣзной палки и толстаго кнута; все это, взятое вмѣстѣ, вѣситъ 9 пуд. 34 фун.

[93]) Рукоп. житіе преп. Иринарха въ Имп. Публич. Библіот., № 724 (Погодинск.), сл. *Платоновъ* Др.-Рус. сказ. и пов. о Смут. врем. 1888, 296.

ободрялъ и благословлялъ юнаго полководца, посылалъ ему благословенныя просфоры и святыя слова: «Дерзай, не бойся! Богъ тебѣ поможетъ!» Съ крестомъ преподобнаго, посланнымъ въ Переяславль, князь Скопинъ побѣдоносно дошелъ до самой Москвы [94]). Въ 1612 году снова явились Польскіе полки въ Ростовѣ. Преп. Иринархъ былъ еще живъ [95]). Къ нему пришелъ одинъ изъ пановъ съ извѣстіемъ, что Сапѣга, по предсказанію затворника, умеръ въ Москвѣ. «И вамъ не быть живыми, сказалъ старецъ, если не уйдете въ свою землю». И на этотъ разъ враги оставили Ростовъ, не сдѣлавъ никакихъ оскорбленій подвижнику и не тронувъ никого изъ жителей, по уваженію къ Иринарху.

Русскія обители въ смутную пору лихолѣтья оказывали раззоренному отечеству и посильную матеріальную помощь изъ своихъ сбереженій. Такъ еще въ началѣ царствованія Василія Шуйскаго Троицкая Лавра пожертвовала государству 18.000 рублей; потомъ, во время самой осады, не смотря на крайность своего положенія, Лавра нашла возможность послать правительству 2.000 рублей; всего въ теченіе Смутнаго времени Лавра пожертвовала отечеству до 65.000 рубл. кромѣ множества сосудовъ и утвари. Когда Москва была осаждена Тушинскимъ Лжедимитріемъ и терпѣла сильный голодъ, Троицкій монастырь дважды открывалъ свои житницы и, пуская хлѣбъ въ продажу по обыкновенной цѣнѣ, подрывалъ этимъ своекорыстныхъ торговыхъ людей, которые имѣли безсовѣстность пользоваться народнымъ бѣдствіемъ для своихъ барышей [96]). Подобныя жертвы приносили и другіе монастыри. Соловецкій монастырь въ два раза переслалъ въ Москву болѣе 17.000 рублей, а Спаоприлуцкій монастырь отдалъ на жертву отечеству всю свою наличную казну [97]).

Не отставали отъ обителей въ дѣлѣ вспоможенія раздираемому смутой государству и наши архипастыри. Въ 1608 г. Ростовскій митрополитъ Филаретъ, по указу ц. Василія, долженъ былъ собрать боярскихъ дѣтей и даточныхъ людей со всѣхъ своихъ монастырей и селъ, а также съ помѣстій своихъ боярскихъ дѣтей, съ дома по человѣку, и выслать со всякимъ ратнымъ боемъ въ Переяславль [98]). О пожертво-

---

[94]) Изображеніе креста преп. Иринарха можно видѣть, *въ очеркѣ*, въ упомянутомъ Житіи затворника, изд. архим. Амфилохіемъ и въ ксилографическомъ снимкѣ въ статьѣ И. Е. Забѣлина въ *Др. и Нов. Рос.* 1875, I.

[95]) Онъ преставился 13-го Января 1616 г.

[96]) *Макарій* И. Р. Ц. X, 223, *Знаменскій* Руководство Р. церк. ист. Казань. 1876, 213, 216.

[97]) *Акт. Экс.* II, №№ 135, 144, 145, 160.

[98]) *Макарій* Ист. Р. Ц. X, 221.

ваніи Новгородскаго митрополита Исидора лично отъ себя на нужды отечества засвидѣтельствовалъ князь-герой М. В. Скопинъ-Шуйскій [99]).

Среди печальныхъ обстоятельствъ Смоленскъ, послѣ двухлѣтней осады и послѣ того какъ изъ 80.000 жителей осталось едва 8.000, былъ взятъ приступомъ. Мужественный архіепископъ Сергій сдѣлался плѣнникомъ Ляховъ и отпущенъ въ отечество только въ 1619 г., при размѣнѣ плѣнныхъ.

Новгородъ, еще не забывшій своей древней независимости, стремился отдѣлиться отъ Москвы и отдаться подъ покровительство Швеціи. Многихъ усилій стоило м. Исидору удержать народъ отъ измѣны Шуйскому; но все-таки, въ концѣ-концовъ, Шведы заняли городъ. При этомъ оказалъ замѣчательное мужество Софійскаго собора протопопъ Амосъ. Когда непріятель ворвался въ западную часть города, и закипѣла сѣча на улицахъ, одинъ домъ на Торговой сторонѣ казался неодолимою твердынею: Шведы приступали и не могли взять его. Тамъ мужествовалъ о. Амосъ съ своими ближними и друзьями, въ глазахъ м. Исидора, который на стѣнахъ дѣтинца пѣлъ молебны и, видя такую доблесть, издали давалъ ему благословеніе крестомъ и рукою. Шведы, наконецъ, сожгли и домъ и хозяина, «послѣдняго славнаго Новгородца въ исторіи», какъ выражается Карамзинъ [100]). Къ этому же времени относится обрѣтеніе мощей св. князя Ѳеодора [101]). По извѣстію 1634 г. «Нѣмцы (т.-е. Шведскіе солдаты) въ церкви великомуч. Георгія, въ монастырѣ, ищуще поклажи, обрѣли человѣка цѣла и неразрушена, въ княжескомъ одѣяніи и, вынявъ изъ гробницы, яко жива, поставили у церковной стѣны» [102]). Исидоръ, услышавъ о томъ, выпросилъ у Шведскаго главнокомандующаго, генерала Делагарди позволеніе перенести гробъ въ Софійскій соборъ. Мощи дѣвственнаго князя не только оказались нетлѣнными, но многимъ подали исцѣленія; съ того времени они покоятся открыто. При владыкѣ Исидорѣ находился тогда старецъ-подвижникъ, Антоній Леохновскій, Тверской уроженецъ, изъ рода бояръ Вельяминовыхъ. Принявъ монашество въ молодости, Антоній основалъ обитель за Ильменемъ озеромъ, въ 45 вер. отъ Новгорода. Здѣсь, въ продолженіе 56 лѣтъ, отшельникъ служилъ для братіи образцемъ строгаго подвижничества, почтенъ былъ саномъ игумена и столько успѣлъ

[99]) *Акт. Экс.* II, № 136.

[100]) *Карамзинъ.* И. Г. Р. XII, 190.

[101]) Кн. Ѳедоръ Ярославичъ, сынъ Новгородскаго князя Ярослава Всеволодовича, родился въ 1219 г. Въ 1232 г. онъ, вмѣстѣ съ сыномъ в. кн. Георгія, Всеволодомъ, ходилъ на Мордву. Въ 1233 г. юный Ѳедоръ, цвѣтущій красотою, готовился къ браку; невѣста пріѣхала, князья и вельможи были созваны и, вмѣсто ожидаемаго пира, жениха положили въ гробъ (5 Іюня). Онъ былъ погребенъ въ Георгіевскомъ монастырѣ

[102]) *Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Др.* 1862, IV.

въ жизни духовной, что въ послѣдніе годы извѣстенъ былъ по опытамъ духовной прозорливости. Когда Шведы стали опустошать окрестности Новгорода (въ 1611 г.), м. Исидоръ вызвалъ къ себѣ уважаемаго старца. Антонію было тогда уже 85 лѣтъ. Незадолго до кончины своей, онъ предсказалъ, что тѣло его будетъ покоиться въ основанной имъ обители. И дѣйствительно, хотя, по обстоятельствамъ военнаго времени, Антонія похоронили въ Новгородѣ, но около 1620 г. тѣло его перенесено на мѣсто подвиговъ его, гдѣ и почиваетъ донынѣ, подъ спудомъ, въ храмѣ бывшей Леохновской обители, упраздненной въ 1764 году.

Псковъ, еще не такъ давно выдержавшій со славою знаменитую осаду Баторіеву, сдѣлался поприщемъ борьбы между лучшими людьми, сторонниками Московскаго правительства, и людьми меньшими, приверженцами казацкой вольницы и простонародья. Архіепископъ Геннадій старался примирить враждующихъ, принималъ мѣры къ искорененію разбоевъ въ окрестностяхъ Пскова, вооружалъ для сей цѣли крестьянъ своихъ и монастырскихъ и не могъ пережить измѣны своего города: онъ скончался «отъ кручины» [103]). Не успѣлъ образумить измѣнниковъ и затворникъ Іоаннъ († 24 Окт. 1616 г.), совершавшій изумительные свои подвиги въ городской стѣнѣ. Съ 1608 г. семь лѣтъ сряду рыскалъ около Пскова съ разбойничьими шайками своими панъ Лисовскій. Блаж. Іоаннъ во все это время только молился и постился, живя, по выраженію лѣтописи, «въ градѣ, якоже въ пустыни» [104]) и наставляя приходившихъ къ нему людей быть вѣрными Богу и отечеству.

Атаманъ Заруцкій, принявъ подъ свое покровительство вдову обоихъ самозванцевъ Марину, вздумалъ искать себѣ сообщниковъ, чтобы возвести на Московскій престолъ сына ея отъ втораго Лжедимитрія, еще младенца, Ивана. Казань уже присягнула Ивану Дмитріевичу. Услышавъ объ этомъ, Гермогенъ, не смотря на бдительный надзоръ, который былъ установленъ надъ нимъ и о которомъ не безъ злорадства говоритъ Маскѣвичъ, что патріарха «стерегли такъ *исправно*, что безъ вѣдома и позволенія Малицкаго, никого къ нему не допускали, а и самъ за порогъ не могъ переступить» [105]), нашелъ возможность отправить изъ своего заключенія, въ Августѣ мѣсяцѣ, грамоту въ Нижній-Новгородъ, въ которой говорилъ: «Пишите въ Казань къ митрополиту Ефрему, пусть пошлетъ въ полки къ боярамъ и къ

---

[103]) *Псков. лѣт.* 77.
[104]) *Пол. соб. Р. лѣт.* IV, 332.
[105]) *Maskiewicz*, 68—69.

казацкому войску учительную грамоту, чтобы они стояли крѣпко за вѣру и не принимали Маринкина сына на царство, я не благословляю... Да и во всѣ города пишите, что сына Маринки отнюдь не надо на царство; вездѣ говорите моимъ именемъ»... [106]).

И до отдаленной Вологды достигло буйство Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ. Послѣдніе, по свидѣтельству очевидца, терзали Россію болѣе нежели иноплеменники: были «путеводителями, наставниками и хранителями Ляховъ, въ лѣсахъ, въ болотахъ непроходимыхъ, указывали или готовили имъ путь»... [107]) Еще въ 1609 г. Ляхи и воры дѣлали попытку овладѣть городомъ, но безуспѣшно: Вологда уцѣлѣла невредимою по молитвамъ преп. Димитрія Прилуцкаго († 1392 г.). Вологодскій воевода тогда доносилъ царю: «Чудотворецъ Димитрій явилъ намъ свою милость, обѣщался стоять съ нами противъ враговъ государевыхъ. Онъ явился духовному старцу у своей гробницы и велѣлъ перенесть чудотворный свой образъ въ Вологду. Мы встрѣтили тотъ образъ съ великою честію, поставили его со слезами и съ молебнымъ пѣніемъ въ церковь Всемилостиваго Спаса и рѣшились смѣло стоять противъ враговъ государя и всего православнаго христіанства» [108]). Но спустя три года, Вологда пострадала отъ враговъ и мятежниковъ. Въ то время подвизался въ ней замѣчательный затворникъ преп. Галактіонъ. Когда при Грозномъ было воздвигнуто гоненіе на бояръ князей Бѣльскихъ, семилѣтній сынъ Ивана Бѣльскаго, убитаго по приказанію царя, Гавріилъ былъ укрытъ родственниками и друзьями отца. Они отправили ребенка въ Старицу. Тамъ молодой Бѣльскій скрывался въ неизвѣстности и кормился сапожнымъ ремесломъ, а пришедши въ зрѣлый возрастъ, постригся съ именемъ Галактіона, пришелъ въ Вологду, выпросилъ у жителей мѣстечко для кельи на берегу ручья Содемки и наложилъ на себя тяжкій подвигъ затворничества въ оковахъ. Онъ приковалъ себя къ стѣнѣ цѣпью. Богобоязненные люди подавали ему въ окошко пищу; когда склонялъ его сонъ, онъ становился на колѣни и, держась за цѣпь, засыпалъ сномъ легкимъ и прерывистымъ; пищею его былъ только сухой хлѣбъ съ водою. Великому подвижнику открыто было свыше о наступающихъ для Вологды бѣдствіяхъ. Онъ вышелъ изъ кельи въ цѣпяхъ своихъ, явился въ земскую избу и объявилъ: «грѣхи призвали на насъ Ляховъ и Литву; пусть начнутъ постъ и молитву и поспѣшатъ построить храмъ Знаменія Богоматери. Царица небесная избавитъ Вологду, какъ нѣ-

[106]) *Макарій* И. Р. Ц. X, 156.
[107]) *Авр. Палицынъ*, 32.
[108]) *Акт. Экс.* II, 196.

когда Новгородъ, отъ гнѣва Божія». Присутствовавшій при этомъ въ избѣ, именитый гражданинъ Нечай Щелкуновъ возразилъ: «Не о насъ, а о себѣ хлопочетъ старецъ; ему хочется только имѣть храмъ вблизи себя. А что̀ будетъ съ храмомъ, прибавилъ онъ, когда умрешь ты, старецъ?» Галактіонъ отвѣчалъ строго: «Гнѣвъ Божій близокъ къ Вологдѣ; что̀ же до меня, то на моемъ мѣстѣ прославится Богъ; построена будетъ обитель». Затѣмъ онъ объявилъ, что Троицкій храмъ, построенный Нечаемъ, будетъ сожженъ и домъ Нечая запустѣетъ. Проходя мимо храма св. Димитрія Прилуцкаго, подвижникъ предсказалъ, что и этотъ храмъ разоренъ будетъ, ибо настроили вокругъ него лавокъ и завели шумъ торговый. Предсказаніе старца не замедлило исполниться. 1612 г. Сентября 22 Ляхи пришли къ Вологдѣ и, по нерадѣнію воеводъ, не державшихъ карауловъ на городской стѣнѣ [109]), заняли ее, умертвили людей, осквернили церкви Божіи, сожгли городъ и посады, воеводу кн. Григорья Долгорукаго съ дьякомъ воеводскимъ Истомою Карташевымъ умертвили (другой воевода, князь Иванъ Одоевскій, ушелъ); епископа Сильвестра, какъ онъ самъ разсказываетъ, «взяли въ плѣнъ, держали у себя четыре ночи... и едва живаго отпустили» [110]). Лютость враговъ особенно пала на духовенство Вологодское, вѣроятно, за то, что лица духовныя поддерживали вѣрность жителей, при первомъ нападеніи Ляховъ. Въ синодикѣ Вологодскаго Софійскаго собора записано: «121 (1612) году, Сентября 22 день, Вторникъ, въ первомъ часу дня. Помяни, Господи, иже во градѣ Вологдѣ избіенныхъ и пожженныхъ священниковъ и діаконовъ отъ Польскихъ и Литовскихъ людей и отъ Русскихъ воровъ». Затѣмъ поименно исчисляются 68 человѣкъ убитыхъ и сгорѣвшихъ во время нашествія: 3 протоіерея, 34 священника, 6 діаконовъ и 6 иноковъ [111]). Въ числѣ послѣднихъ упомянутъ преподобный «іерей—инокъ Галактіонъ». Злодѣи не пощадили и смиренной келіи затворника; а его самого жестоко избили, такъ что онъ черезъ три дня скончался. Воложане погребли тѣло на мѣстѣ бывшей его келіи [112]).

---

[109]) Вологодскій епископъ Сильвестръ, въ своемъ донесеніи въ Москву о взятіи Вологды Поляками, выражается: „воеводы пропили Вологду“. (Географ. слов. *Щекатова*, I. М. 1801, 988).

[110]) Т. же.

[111]) По свидѣтельству мѣстнаго изслѣдователя старины, въ то время всѣхъ церквей въ Вологдѣ, градскихъ и посадскихъ, было до 50-ти, а священниковъ при нихъ, вѣроятно, около 60-ти, которыхъ, слѣдовательно, погибло, при нашествіи враговъ, болѣе половины (*Н. И. Суворовъ* Истор. свѣд. о іерарх. древ.-Пермск. и Вологодск. епархіи, 51—52.

[112]) Черезъ нѣсколько лѣтъ, надъ могилою страдальца поставленъ деревянный храмъ Знаменія Богоматери и возникъ монастырь, называемый „Духовымъ“, по со-

VI.

Троицкая Лавра—ковчегъ спасенія.—Архимандритъ Діонисій и Авраамій Палицынъ.—Дѣятельность Нижегородцевъ.—Благословеніе Русскаго ополченія и проклятіе измѣнниковъ п. Гермогеномъ.—Казанскій митрополитъ Ефремъ.—Земское ополченіе подъ Москвою.—Осада Кремля.—Распри въ средѣ казаковъ.—Авраамій въ станѣ князя Трубецкаго.—Сдача Кремля.—Избраніе на престолъ Михаила Θеодоровича.

Наконецъ, когда бѣдствія земли достигли крайней степени, почти всѣ области были опустошены, а опасность отъ враговъ внѣшнихъ все болѣе и болѣе усиливалась, Сергіевская Троицкая Лавра явилась истиннымъ ковчегомъ спасенія. Во главѣ братіи ея стоялъ архимандритъ Діонисій. Уроженецъ города Ржева, онъ въ мірѣ именовался Давидомъ; по желанію родителей вступилъ въ супружество, «за благочестіе» удостоенъ сана священства, но вскорѣ вдовѣлъ и вступилъ въ Старицкій Богородицкій монастырь и около 1605 г. возведенъ въ санъ архимандрита того монастыря. О кротости и смиреніи его существуетъ такой разсказъ. Однажды случилось Діонисію, когда онъ былъ еще простымъ инокомъ, быть въ Москвѣ. Пошелъ онъ на торжище, гдѣ продавались книги. Здѣсь кто-то сталъ подшучивать надъ нимъ, дѣлая намеки на то, что подобный монахъ-красавецъ едва ли способенъ удержаться отъ соблазновъ плоти. Слышавшіе эту выходку напустились на хульника, называя его невѣждою; но Діонисій сказалъ ему: «ты правъ, брать; если бы я былъ хорошій монахъ, то не шатался бы по торжищамъ, а сидѣлъ бы въ кельѣ». Насмѣшникъ былъ уничтоженъ этими словами и просилъ прощенія у Діонисія. Въ Смутное время Діонисій особенно обратилъ на себя вниманіе Гермогена, такъ что въ послѣднее время неотлучно при немъ находился. Увѣщевая духовенство, Гермогенъ ставилъ въ примѣръ Діонисія. «Смотрите, говорилъ онъ, на Старицкаго архимандрита; никогда онъ отъ соборной церкви не отлучается, на царскихъ и всемірныхъ соборахъ всегда тутъ» [113]. Царь имѣлъ въ немъ одного изъ ревностныхъ защитниковъ своего престола, такъ что, когда Іоасафъ оставилъ Троицкую обитель, управ-

---

борному храму Сошествія Св. Духа, построенному въ 1654 году. Здѣсь почиваютъ подъ спудомъ мощи преп. Галактіона. При ракѣ преподобномученика находится шапка, сдѣланная изъ двухъ желѣзныхъ полосъ, крестообразно сложенныхъ, съ обручемъ вокругъ головы, и желѣзныя вериги, соединенныя съ одной стороны такимъ же аналавомъ, а съ другой—крестомъ. На аналавѣ вырѣзана надпись: „Рабъ Божій Гавріилъ во имя Отца и Сына и Св. Духа обѣщался терпѣть до конца“.

[113]) Подъ всемірными соборами патр. разумѣлъ эти шумныя собранія народа, гдѣ противники ц. Василія требовали его низверженія, гдѣ патріархъ защищалъ царя, а Діонисій былъ подлѣ патріарха и увѣщалъ народъ, не смотря на оскорбленія, которымъ подвергались увѣщатели отъ буйной толпы (*Соловьевъ*. И. Р., VIII, 401).

леніе ею было ввѣрено Діонисію. Обитель Сергіева, послѣ продолжительной осады, требовала отъ своихъ властей ревностныхъ заботъ для возстановленія ея благосостоянія; но бѣдствующее отечество призывало ихъ еще къ новымъ усиліямъ и пожертвованіямъ. Когда Москва была разорена и казаки съ Сапѣжинцами свирѣпствовали въ окрестныхъ областяхъ, толпы нищихъ, обожженныхъ и истерзанныхъ крестьянъ со всѣхъ сторонъ стекались въ Лавру. Весь монастырь обратился въ богадѣльню; по монастырскимъ селамъ (въ Служней Слободѣ и с. Клементьевѣ) строили домà для пріюта бездомныхъ бѣглецовъ; по окрестностямъ собирали трупы погибшихъ людей и хоронили ихъ на монастырскій счетъ. Въ тоже время въ кельи архимандричьей сидѣли писцы борзые (изъ которыхъ особенно отличался Алексѣй Тихоновъ) и писали грамоты въ города, призывая всѣхъ къ очищенію земли. Еще въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1611 года, когда живъ былъ Ляпуновъ, Діонисій писалъ въ Казань, во всѣ понизовые города, въ Новгородъ, на Поморье, въ Вологду и Пермь, убѣждая посылать къ Москвѣ ратныхъ людей и доставлять казну. Когда же Ляпунова не стало, и въ ополченіи подъ Москвою господствовали казаки, Діонисій, 6 Октября, отправилъ по разнымъ городамъ новую грамоту. Въ видахъ соединенія всѣхъ силъ Русской земли въ грамотѣ умалчивалось объ убійствѣ Ляпунова и восхвалялись князь Трубецкой съ Заруцкимъ за то, что стоятъ подъ Москвою противъ Поляковъ и Русскихъ измѣнниковъ. Русскіе призывались дѣйствовать заодно съ казаками противъ Поляковъ. «Видите, писалось въ грамотѣ, приходитъ намъ конечная погибель. Все разорено, поругано, безчисленное множество народа въ городахъ и селахъ кончили жизнь подъ лютыми, горькими муками. Нѣтъ пощады ни сѣдинамъ многолѣтнихъ старцевъ, ни сосущимъ молоко младенцамъ. Сжальтесь надъ нашею погибелью, чтобы и васъ самихъ не постигла лютая смерть. Бога ради, пусть весь народъ положитъ подвигъ страданья, чтобъ всѣмъ православнымъ людямъ быть въ соединеніи; и вы, служилые люди, поспѣшайте безъ малѣйшаго замедленія къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу надлежитъ одно время, безвременное же всякому дѣлу начинаніе бываетъ суетно и безплодно. Если и есть въ вашихъ предѣлахъ недовольные, Бога ради, отложите то на время, чтобъ всѣмъ намъ единодушно потрудиться для избавленія православной вѣры отъ враговъ, пока къ нимъ помощь не пришла. Смилуйтесь и умилитесь и поспѣшите на это дѣло; помогите ратными людьми и казною, чтобъ собранное теперь здѣсь подъ Москвою воинство отъ скудости не разошлось. О томъ много и слезно всѣмъ народомъ христіанскимъ бьемъ вамъ челомъ».

Келарь лавры Авраамій Палицынъ, котораго имя, вмѣстѣ съ именемъ Діонисія, ставилось въ этихъ грамотахъ, принадлежалъ къ древнему роду, вышедшему изъ Литвы, родился близъ Ростова, въ селѣ Протасьевѣ, въ мірѣ назывался Аверкіемъ Ивановичемъ, при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, въ 1588 году, за что-то подвергся опалѣ, лишился всего имущества, которое взяли въ казну, и сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ волею или неволею принялъ постриженіе съ именемъ Авраамія. При царѣ Борисѣ, въ 1601 г., Авраамій упоминается какъ старецъ Богородицкаго Свіяжскаго монастыря; а при царѣ Шуйскомъ занимаетъ уже видное мѣсто келаря въ древней Русской обители. Онъ упросилъ Сигизмунда дать для Троицкаго монастыря грамоту на собираніе пошлинъ съ Конской площадки въ Москвѣ и, получивъ ее, уѣхалъ въ Москву. Этотъ поступокъ едва ли можно поставить Авраамію въ вину; по мнѣнію Н. И. Костомарова, это только показываетъ благоразуміе: Палицынъ предвидѣлъ, что пословъ за ихъ упорство возмутъ въ неволю и отправятъ въ Польшу, а потому разсудилъ заранѣе убраться, чтобы имѣть возможность служить Русскому дѣлу [114]). Его Сказаніе объ осадѣ Троицкой Лавры, состоящее изъ 86-ти главъ, заключаетъ въ себѣ изложеніе событій отъ воцаренія Ѳеодора Ивановича до 1618 г. Сказаніе это пользовалось большою извѣстностью въ Московскомъ обществѣ XVII в., переписывалось очень часто цѣликомъ, вносилось по частямъ въ хронографы [115]), было издано уже въ прошломъ столѣтіи, въ нашемъ вѣкѣ вызвало цѣлый рядъ замѣчаній и оцѣнокъ со стороны изслѣдователей смуты, не разъ служило предметомъ научной полемики [116]) и создало цѣлую литературу о старцѣ Авраамiи [117]).

Грамоты архим. Діонисія и келаря Авраамія повсюду возбуждали сильное одушевленіе. Во всѣхъ городахъ установили трехдневный постъ, даже для грудныхъ младенцевъ. Русская земля, какъ Ниневія, каялась и нравственнымъ очищеніемъ подготовляла свое внѣшнее очищеніе отъ враговъ и смутъ. Всѣ были въ трепетномъ ожиданіи: что-то великое, чудесное готово было совершиться... Когда-то (въ началѣ XV в.) въ подобномъ безвыходномъ положеніи находилась Франція. Державѣ Карла VII грозило Англійское завоеваніе. Когда все погибало и ру-

---

[114]) *Костомаровъ* Рус. Ист. въ жизнеопис. ея главн. дѣятелей I, 1880, 731--732.

[115]) *Платоновъ*. Др.-Р. сказ. и пов. о См. врем. XVII в., 168.

[116]) *Строева П. М.* („Библіол. Слов.“), *Голохвастова Д. П.* (въ *Москвитянинѣ* за 1842 г., ч. IV), *Горскаго* А. В. (*тамъ же*, ч. VI) и *С. И. Кедрова* (*Рус. Арх.* 1886 г., кн. VIII).

[117]) Капитальный трудъ *С. И. Кедрова* — Авраамій Палицынъ въ *Чт. И. Общ. Ист. и Др.* за 1880 г. IV и отдѣльно М. 1880.

шилось, явилась въ Лотарингіи вдохновенная Іоанна. Чего не могли сдѣлать, при всѣхъ усиліяхъ, король и его вельможи, то совершила чудесно Орлеанская дѣва. Францію освободила молодая, простодушная крестьянка. Не тоже ли видимъ въ нашемъ отечествѣ въ послѣднія времена междуцарствія? И вотъ, въ эту скорбную, безнадежную пору является въ Нижнемъ Новгородѣ мясникъ, которому суждено было спасти Россію. Одна изъ Троицкихъ грамотъ достигла Нижняго. Протопопъ прочелъ ее во всеуслышаніе въ Нижегородскомъ соборѣ. Тогда земскій староста (городской голова) Нижегородскаго посада, мясной торговецъ [118]) Кузьма Мининъ Сухорукій, сказалъ собравшимся гражданамъ: «Не пожалѣемъ ничего, продадимъ домà свои, заложимъ женъ и дѣтей и наймемъ ратныхъ людей». Нижегородцы съ радостію стали вооружаться и приносили на городскую площадь пожертвованія для найма ратныхъ людей. Составилось ополченіе, начальство надъ которымъ вручено, по совѣту Минина, князю Пожарскому, славному храбростію и ранами въ битвахъ съ Поляками; завѣдываніе казною поручено Минину.

Свѣдавъ о вооруженіи Нижегородцевъ, Поляки, находившіеся въ Москвѣ, потребовали отъ Гермогена запретить походъ низовому ополченію. Твердый духомъ старецъ не посмотрѣлъ на угрозы враговъ. «Да будетъ надъ ними милость отъ Бога и благословеніе отъ нашего смиренія», сказалъ онъ о ратникахъ; «а на измѣнниковъ да изліется гнѣвъ Божій, и да будутъ они прокляты въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ!» [119]). За эти слова великаго подвижника заперли еще тѣснѣе, и скоро онъ умеръ. Такъ какъ никого къ Гермогену не допускали, поэтому никто съ точностію не зналъ, отъ чего онъ скончался. Потому и извѣстія о кончинѣ его различны; однако, при всемъ своемъ разнообразіи, всѣ они сходятся въ одномъ, что старецъ-герой скончался насильственною смертію [120]); изъ нихъ наиболѣе распространено извѣ-

---

[118]) *Ник. лѣт.* VIII, 174.

[119]) *Костомаровъ* Смут. вр. III въ Ист. моногр. 1868, VI, 249.

[120]) Въ рукописи Филарета (въ Сбор. *Муханова*, 1866, 219) „...святѣйшій Ермогенъ патріархъ мученически за вѣру Христову скончался, *отъ зноя затхошася*“...; въ „Извѣстіи о началѣ патріаршества въ Россіи“ (*Доп. Ак. Ист.* II, 197): „...*въ велицѣмъ заточеніи* къ Богу отъиде“; въ *Никон. лѣт.* (*П. С. Р. Л.* VIII, 177): „... и *уморища его гладною смертію* и предаетъ свою праведную душу въ руцѣ Божіи въ лѣто 7120 (1612), мѣсяца Февраля въ 17 день“...; также и въ *Новомъ лѣтописцѣ* (*Временникъ* М. И. Общ., XVII, 146); въ грамотѣ ц. Мих. Θедоровича къ Константинопольскому патріарху (*Снош. Россіи съ Востокомъ*, I, 333): „...въ заточеніи *уморили*“; въ грам. объ избраніи Мих. Θеодоровича на царство (*Соб. гос. гр. и д.* I, 203 и III, 27): „въ заточеніе посадя, злою мучительскою смертью не крестьянски уморили“; въ одномъ *Сборн.* XVII в. Моск. Румянц. музея (№ 364, л. 324 об.): „немилостивіи приставники измѣнничьи *заморища его гладомъ*;

стіе, что Поляки уморили Гермогена голодомъ. Но едвали не вѣрнѣе искать причину скорой смерти патріарха вообще въ дурномъ обхожденіи съ нимъ Поляковъ, которое должно было сдѣлаться положительно невыносимымъ для узника послѣ отказа его воспрепятствовать движенію Нижегородской рати къ Москвѣ [121]).

Но имя его осталось безсмертнымъ въ исторіи Россіи и Русской церкви. Онъ ревностнѣе, мужественнѣе, непоколебимѣе всѣхъ постоялъ за ту и другую; даже болѣе: онъ спасъ ихъ въ самую критическую минуту, когда имъ угрожала крайная опасность попасть подъ власть Польши и Іезуитовъ и потерять свою самобытность.

Съ кончиною Гермогена наступилъ для нашей церкви періодъ междупатріаршества, продолжавшійся болѣе семи лѣтъ. О выборѣ новаго патріарха, разумѣется, нечего было и думать въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ. Временное управленіе церковными дѣлами перешло къ митрополиту Крутицкому, такъ какъ Крутицкіе владыки, постоянно жившіе въ Москвѣ, считались издавна помощниками Московскаго первосвятителя. Но на Крутицахъ въ то время архипастыря не было. Новгородскій митрополитъ, который считался первымъ изъ архіереевъ послѣ патріарха, также не могъ взять въ свои руки бразды церковнаго правленія, ибо Новгородъ присягнулъ тогда Шведскому эрцгерцогу Карлу. Оставался слѣдующій послѣ Новгородскаго владыки—митрополитъ Казанскій Ефремъ; ему-то и пришлось, съ согласія всякихъ чиновъ людей, стать на время во главѣ нашей іерархіи [122]).

Собранное ополченіе двинулось къ Ярославлю, чтобы захватить по пути дружины другихъ городовъ. Проходя съ кн. Пожарскимъ и съ войскомъ къ Москвѣ мимо Сергіевой обители и совершая въ ней мо-

---

меташа бо страдальцу Христову не человѣческую пищу—на недѣлю снопъ овса и мало воды; и тако претерпѣ близъ годичнаго времени и скончася о Христѣ, предаде честную свою душу въ руцѣ Божіи въ лѣто 7121 (?) Февраля въ 7 (?) день и погребенъ бысть тамо въ Чюдовѣ монастырѣ". По Польскимъ извѣстіямъ: „Гермогенъ патріархъ лишенъ достоинства, а потомъ (17 Февраля 1612 г.) *удавленъ былъ...*" (*Бантышъ-Каменскій.* Переписка м. Россіей и Польшей въ Чт. И. Моск. Общ. ист. и древ. 1861, I, 116).

[121]) Гермогена похоронили въ Чудовомъ монастырѣ, а въ 1653 г. перенесли въ Успенскій соборъ, гдѣ онъ и донынѣ почиваетъ.

[122]) О дѣятельности м. Ефрема въ качествѣ временнаго первосвятителя Русскаго, которая, кстати сказать, была весьма непродолжительна (Ефремъ † 26 Декабря 1613 г.) извѣстно, что онъ рукоположилъ, въ великомъ посту 1612 г., въ Казани, тамошняго архимандрита Спасо-Ефиміевскаго монастыря Герасима въ архіепископа Суздальскаго и Тарусскаго, что, въ исходѣ Іюля того же года, къ нему обращался кн. Пожарскій съ ходатайствомъ поставить на Крутицы митрополитомъ Сторожевскаго монастыря игумена Исаію (чего, однако, Ефремъ не исполнилъ, по неизвѣстной причинѣ), вѣнчалъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова (11 Іюля 1613 г.) и подписалъ двѣ грамоты: о сборѣ съ жителей всей земли въ пользу ратныхъ людей деньгами и вещами и „уложенную грамоту" объ избраніи на царство Михайла Ѳеодоровича.

лебное пѣніе,召Мининъ самъ сообщилъ архим. Діонисію о бывшихъ ему явленіяхъ преп. Сергія. 18-го Августа 1612 г. архим. Діонисій на Волкушѣ горѣ (въ 4 вер. отъ монастыря) благословилъ христолюбивое воинство на брань за вѣру и отечество. Движеніе ополченія непріятно подѣйствовало на казаковъ, стоявшихъ подъ Москвою: они уже присягнули было Псковскому самозванцу, третьему Лжедимитрію (какому-то дьякону Исидору). Чтобы воспрепятствовать этому движенію, Заруцкій подослалъ къ Пожарскому убійцу; но злодѣй промахнулся и ранилъ другаго. Подъ стѣнами Москвы Пожарскій вступилъ въ битву съ гетманомъ Ходкѣвичемъ, который привелъ значительныя подкрѣпленія Польскому гарнизону. Три дня продолжался съ нимъ бой. Казаки Трубецкаго отказались соединяться съ Нижегородскимъ ополченіемъ; но въ рѣшительную минуту келарь Арваамій, находившійся неотлучно при войскѣ, уговорилъ ихъ помочь Русскимъ; тогда Ходкѣвичъ былъ отбитъ и долженъ былъ удалиться. Побѣдители занялись осадой Кремля, въ которомъ заперся полковникъ Струсь. Осада продолжалась около двухъ мѣсяцевъ. Въ это время непокойные казаки опять стали враждовать съ земскимъ ополченіемъ изъ-за жалованья: одни изъ нихъ хотѣли уйти, а другіе намѣревались напасть на дворянъ, ограбить и перебить ихъ. Благодаря тому же неутомимому Троицкому келарю, удалось и на этотъ разъ предотвратить раздоръ. Авраамій отправился въ Лавру и, по его представленію, Троицкія власти, не имѣя денегъ, предложили казакамъ послѣднія сокровища обители, священныя ризы, низанныя жемчугомъ. Это такъ тронуло казаковъ, что они отослали вещи назадъ и дали обѣщаніе, во что бы ни стало, очистить Москву отъ Поляковъ. Дѣйствительно они взяли приступомъ Китай-городъ (22 Октября 1612 г.) [123]). Вслѣдъ за тѣмъ страшный голодъ заставилъ храбраго Струся сдать князю Пожарскому крѣпость, на выручку которой спѣшилъ самъ король Сигизмундъ [124]). Свѣдавъ о взятіи Кремля Русскими, король вернулся въ Польшу.

---

[123]) Въ память этого событія установлено второе празднованіе, 22 Октября, въ честь Казанской иконы Богородицы. Впослѣдствіи, въ 1630 г., иждивеніемъ кн. Дим. Мих. Пожарскаго, на углу Никольской ул. и Красной площади, сооруженъ храмъ, извѣстный подъ названіемъ Казанскаго собора.

[124]) Осажденные просили короля о помощи особою грамотою, составленною, между прочимъ, отъ имени „Арсенія, архіепископа Архангельскаго и всего освященнаго собора". Этотъ Арсеній, явившійся представителемъ духовенства „великаго Московскаго государства", по происхожденію Грекъ, былъ архіепископомъ гор. Елассона въ Ѳессаліи, въ 1589 г. сопровождалъ въ Москву патріарха Константинопольскаго Іеремію и, затѣмъ, остался въ ней. Послѣ бѣгства п. Игнатія Арсенію было поручено служить въ Архангельскомъ соборѣ, потому онъ и назывался „архіепископомъ Архангельскимъ" (*Соловьевъ* И. Р. VIII, 399). Въ 1613 г. Арсеній получилъ каѳедру въ Суздалѣ, гдѣ и

По очищеніи Москвы отъ непріятеля рѣшено было избрать новаго царя. Для этой цѣли бояре и воеводы, особыми грамотами, приглашали въ столицу на земскій сборъ выборныхъ изъ духовенства, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ, «по скольку человѣкъ пригоже». 21 Февраля 1613 года, въ Недѣлю Православія, было послѣднее собраніе собора. Каждый чинъ подалъ письменное заявленіе и, всѣ эти мнѣнія найдены сходными: всѣ чины указывали на одного человѣка—сына Ростовскаго митрополита Филарета, 16-ти лѣтняго Михаила Ѳедоровича Романова. Рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ пошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари? Народъ единодушно воскликнулъ: «Михайла Ѳеодоровича Романова!» Тогда Авраамій Палицынъ сказалъ: «Сіе бысть по смотрѣнію Всевышняго Бога».

Плоцкъ.
1891 г. Іюня 1.

Г. Воробьевъ.

скончался въ 1625 г. Арсеній былъ мужъ ученый. Его „Описаніе“ путешествія въ Московію п. Іереміи, трудъ важный для исторіи Русской церкви. „Описаніе“ написано на Ново-греческомъ яз.; оно извѣстно лишь въ Латинскомъ переводѣ (Arsenii Ellassonis episcopi descriptio itineris in Moscoviam habiti a Ieremia II etc.), помѣщенномъ у *Старчевскаго* въ Historiae Ruthenicae scriptores exteri, saeculi XVI, t. II, Берлинъ, 1841—1842.

СПЕРАНСКІЙ.

I. ПЕРМСКОЕ ПИСЬМО СПЕРАНСКАГО КЪ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

(Январь 1813 г.[1]).

Изучая исторію царствованія императора Александра I-го, я долго отыскивалъ подлинную оправдательную записку Сперанскаго, присланную знаменитымъ изгнанникомъ изъ Перми. Наконецъ, мои поиски увѣнчались успѣхомъ: она оказалась среди бумагъ графа Аракчеева и была ему отдана императоромъ Александромъ. Графъ Аракчеевъ переплелъ ее и другія важныя историческія бумаги въ одну книгу съ слѣдующимъ заглавіемъ: „Бумаги собранныя графомъ Аракчеевымъ. 1-го Января 1826 года въ С.-Петербургѣ“. На всеподданнѣйшемъ подлинномъ письмѣ Сперанскаго имѣется слѣдующая собственноручная надпись графа Аракчеева: „Получено отъ Государя 4-го Апрѣля 1823 года [2]). Читалъ 5-го Апрѣля всѣ три [3]) оныя бумаги по утру въ 5 часовъ, въ спальнѣ“.

Оправдательная записка Сперанскаго была напечатана два раза: 1) Въ книгѣ „Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому. Спб. 1862.“ 2) Въ приложеніяхъ къ сочиненію А. Н. Пыпина: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885“ (второе изданіе).

---

[1]) Неизвѣстно, когда именно письмо это дошло до Государя; Сперанскій же въ Перми, въ Январѣ 1813 года, могъ еще не знать, что, изгнавъ Наполеона изъ предѣловъ Россіи, пойдемъ мы спасать отъ него Германію. П. Б.

[2]) Т. е. вскорѣ послѣ того, какъ возвратившійся изъ Иркутска Сперанскій добился своего представленія Государю. Извѣстно, что поступленіемъ своимъ вновь на службу Сперанскій обязанъ былъ графу Аракчееву, для чего восхвалялъ военныя поселенія, о которыхъ и напечаталъ (безъ своего имени) особую книжку, можетъ быть зная, что военныя поселенія—изобрѣтеніе самаго Государя, которому желалъ онъ угодить. П. Б.

[3]) Второй и третьей бумаги въ бумагахъ графа Аракчеева не оказалось, и не встрѣчается указаній, которыя позволили бы судить о ихъ содержаніи. Если допустить, что подъ второй бумагой подразумѣвается ниже помѣщенная оправдательная записка, а подъ первой письмо, служащее къ ней введеніемъ, то все-таки остается не разъясненнымъ, что̀ графъ Аракчеевъ подразумѣвалъ подъ третьей бумагой. Н. Ш.—Можетъ быть это было первое оправдательное письмо Сперанскаго, которое онъ написалъ въ самый день своей ссылки, еще въ Петербургѣ, 17 Марта 1812 г. и которое Александръ Павловичъ показывалъ министру юстиціи И. И. Дмитріеву (См. Взглядъ на мою жизнь, Записки И. И. Дмитріева, стр. 196)? Или подъ третьей бумагой гр. Аракчеевъ разумѣетъ неоткрытое доселѣ первое письмо Сперанскаго къ Государю изъ Перми, о которомъ Сперанскій упоминаетъ въ печатаемомъ здѣсь письмѣ своемъ (см. ниже, стр. 59)? П. Б.

Но къ сожалѣнію, и Масальскій, и Пыпинъ пользовались только рукописными копіями оправдательной записки, которыя ходили по рукамъ, и по сравненіи съ подлинникомъ, оказываются преисполненными самыхъ грубыхъ ошибокъ; мѣстами даже первоначальный текстъ подвергся искаженіямъ, мѣстами встрѣчаются пропуски. На страницахъ „Русскаго Архива“ оправдательная записка Сперанскаго, эта, такъ сказать, политическая его автобіографія, является впервыя въ печати въ ея настоящемъ видѣ, свѣренная съ подлинникомъ. **Н. Шильдеръ.**

Всемилостивѣйшій Государь,

При отлученіи меня Ваше Императорское Величество, между прочими знаками милостиваго вниманія, сказали мнѣ: что «во всякомъ «другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, Вы употребили бы «годъ или два, чтобы точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія, къ «Вамъ о мнѣ дошедшія». Изъ сего я долженъ заключить, что мнѣніе Ваше о мнѣ еще не рѣшено невозвратно. Въ послѣдствіи назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная, защита Ваша утвердили еще болѣе сію надежду.

Среди дѣлъ столь высокой важности мнѣ казалось непристойнымъ развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательный, могу ли я ласкаться, что Ваше Величество удостоите исполнить то, что̀ прежде признавали справедливымъ?

Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери *), потому что всякій другой путь откровеннаго изъясненія мнѣ пресѣченъ, и не знаю еще, какъ и сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ.

Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, вниманія объясненія, при семъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей, могла бы рѣшиться; но Государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ государственныхъ.

Есмь съ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный М. Сперанскій.

Въ самомъ началѣ царствованія Ваше Императорское Величество постановили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія, и слѣдовать ему неуклонно.

---

*) Дочь Сперанскаго уѣхала изъ Перми 4 Февраля 1813 г. П. Б.

4*

Отъ сего единаго начàла постепенно возникали всѣ главныя учрежденія Ваши, учрежденія, кои, по важности и пространству своему, могли бы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, если бы или люди были справедливѣе, или обстоятельства счастливѣе.

Исполнители, коихъ Ваше Величество употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый поперемѣнно, въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія въ большемъ или меньшемъ степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами нерѣдко встрѣчались съ такъ называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего привычка и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

Не взирая на сіе, черезъ 12 лѣтъ Ваше Величество постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы; но главная мысль и намѣреніе оставались непремѣнными.

До 1808-го года я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразованій; но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда въ 1808-мъ году Вашему Величеству угодно было поручить мнѣ черезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ преобразованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

Въ концѣ 1808-го года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, Ваше Величество начали занимать меня постояннѣе предметами вышшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ вошедшія и нерѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое.

Отсюда произошелъ *планъ всеобщаго государственнаго образованія.*

Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго; но идеямъ, съ 1801-го года занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе.

Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ, посредствомъ законовъ и установленій, утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

Въ теченіе съ слишкомъ двухъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и исправленій, Ваше Величество положили, наконецъ, приводить его въ дѣйствіе.

Блистательнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана,

пріуготовивъ вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но Ваше Величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій.

Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда ихъ преслѣдовавшая.

I. *Совѣтъ.* Учрежденіе сіе, за мѣсяцъ прежде открытія, сообщено было графу Николаю Ивановичу, графу Завадовскому и к. Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили. Всѣ послѣдствія его оправдали. Но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе Французскому, хотя кромѣ раздѣленія дѣлъ ничего они не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по Государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не единымъ ли словомъ его? Но зависть и клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными.

II. Министерства. Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи министрамъ, но до 1810 года ихъ не было. Безпорядокъ и смѣшеніе, при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. Ваше Величество, стоя въ средоточіи дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учрежденія. По мыслямъ Вашего Величества составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе предсѣдателей Совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ Совѣтѣ. На семъ основанъ былъ манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составленъ общій уставъ.

Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣниться могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію Вашего Величества въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ, неоспоримомъ и очевидномъ.

Общій уставъ постановилъ самые точные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни

одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылію и прахомъ; но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

Надлежало приступить къ частнымъ уставамъ. Возложено было на самыхъ министровъ составить проекты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть въ единство.

Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми, и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства—и это былъ я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе ста тысячъ рублей. Въ самыхъ правилахъ наказа надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы, преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою, и словомъ, всѣ сіи наказы во все передѣлать. Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всякаго добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?

Другіе, можетъ быть, меня счастливѣе, совершатъ сію работу; но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно министерство движется по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія; иначе они другъ друга затруднять будутъ, какъ то опытъ уже и доказалъ и доказывать будетъ.

Между тѣмъ какъ занимались сею работою, Ваше Величество подтверждали мнѣ многократно о образованіи Сената.

III. Сенатъ. Образованіе Сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противуположныхъ.

Проектъ сего образованія прежде всего сообщенъ былъ графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письменные ихъ отзывы при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотрѣнъ въ собраніи предсѣдателей, напечатанъ и внесенъ въ Совѣтъ; мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобъ каждый у себя дома могъ его обдумать.

Изъ хода сего дѣла всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласія, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію.

Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду здѣсь упоминать о томъ, что̀ въ укоризнахъ сихъ было жестокаго и терзающаго мою личность. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій,

кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи, большею частію, происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы, и разумъ людей, его составляющихъ, не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобы признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно, надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ, наконецъ, такъ сказать ихъ ощупали, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія Ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія.

Мысль сія съ горестію вырывалась у меня въ самыхъ публичныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ. Я представилъ ее во всей силѣ Вашему Величеству и означилъ даже въ докладной моей запискѣ, которая при дѣлахъ и теперь должна находиться. Могъ-ли я тогда подумать, что сіе самое разсужденіе дастъ поводъ врагамъ моимъ сдѣлать то злобное приложеніе, какое впослѣдствіи оказалось?

Между тѣмъ, мнѣнія въ пользу проекта были многочисленны и уважительны. Съ твердостію и чистотою намѣреній, Ваше Величество не рѣшались еще остановить исполненія; двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было бы, при настоящемъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ симъ, возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили, наконецъ, Ваше Величество отложить его до времени.

Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ время сіе настало. Проектъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ, или совсѣмъ передѣланъ людьми, болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что безъ устройства Сената, сообразно устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы, нежели пользы и достоинства.

IV. Законы. Есть люди, кои и Коммиссію Законовъ считаютъ вреднымъ установленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того ходу, какого бы желалъ; но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано, въ теченіи двухъ лѣтъ, болѣе, нежели во все предъидущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ планахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ Совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки.

Со всѣмъ тѣмъ, никогда не хвалился я сими работами и охотно, и въ свѣтѣ, и передъ Вашимъ Величествомъ раздѣлялъ честь ихъ съ

коммиссіею; но несправедливости людей принуждаютъ меня, наконецъ, быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ коммиссіи, т. е. отъ г-на Розенкампфа, и есть-ли найдутъ во стѣ два параграфа, коими бы я воспользовался, я уступлю имъ всю честь сего произведенія. Сличеніе сіе не трудно: ибо компиляціи сіи всѣ остались въ моемъ кабинетѣ.

Другіе искали доказать, что уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ Французскаго, или близкое подражаніе: ложь или незнаніе, кои изобличить также не трудно, ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ Римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка, можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ Нѣмецкихъ, ни во Французскихъ университетахъ.

V. Финансы. Въ исходѣ 1809 г., тогда какъ Ваше Величество занимали меня планомъ общаго образованія, предсталъ вопросъ, дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекавшій на себя все Ваше вниманіе. Ваше Величество съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на постоянный упадокъ ассигнацій и не могли съ равнодушіемъ видѣть, что средства къ наполненію недостатковъ, Вамъ представляемыя, состояли въ умноженіи тѣхъ-же ассигнацій. Безпокойство сіе возрасло до высшаго степени, когда въ смѣтѣ на 1810 годъ, заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ въ 105.000,000 рубл., а способовъ къ замѣнѣ его никакихъ въ виду не было.

Вступало къ Вамъ множество проектовъ, но всѣ они представляли минутныя и вредныя облегченія. Ваше Величество желали открыть корень зла и пресѣчь его, доколѣ была еще возможность.

Сею одною рѣшительностію, смѣло могу утвердить, Ваше Величество спасли тогда государство отъ банкротства.

Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій, составленъ былъ *планъ финансовъ* и внесенъ въ комитетъ, который тогда въ домѣ г. Гурьева собирался. По двухнедѣльномъ предварительномъ разсмотрѣніи, онъ признанъ былъ необходимымъ и представленъ Совѣту. Были споры, но самое важное большинство его одобрило. Принялись за исполненіе.

Здѣсь, тѣ же самые члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того, чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его, и тотъ, кто долженъ былъ главнымъ быть его исполнителемъ, министръ финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

Откуда сіе противурѣчіе? Оно изъясняется слѣдующимъ. Весьма легко сказать: *прекратить выпускъ ассигнацій*; но надобно было чѣмъ нибудь ихъ замѣнить. Для сего надлежало:

1) Сократить и привести въ порядокъ издержки; а здѣсь-то и неудобства и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ-называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе и, въ концѣ всего, еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому-же правилу. Могъ-ли кому нравиться сей вещей порядокъ?

2) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія ихъ не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакоже, чтобъ кто нибудь ее понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву; меня осыпали эпиграмами, ругательствами и проч., а другіе были въ сторонѣ.

Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями во мнѣ. Отчетъ, который за 1810-й годъ имѣлъ я счастіе представить въ Февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей ихъ силѣ мои опасенія. Я предвидѣлъ, не безъ страха, всѣ личныя слѣдствія и тогда-же просилъ уволить меня отъ званія г. секретаря. Ваше Величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи, и мои желанія.

Такъ прошелъ 1810 годъ.

1811-й годъ представилъ совсѣмъ противныя явленія. Тутъ министръ Финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные. Онъ, министръ, доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ, ничто не остановилось, и передержка была малозначуща. Тѣмъ не менѣе, я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

Насталъ 1812-й годъ. Недостатокъ весьма важный и, сверхъ того, близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ чрезмѣрно крутую и тягостную. Часть ихъ принята, другая замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя отвѣтственность и, по примѣру 1810-го года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія.

Есть-ли бы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего министра: тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на

---

[1]) Отчетъ сей въ бумагахъ.

[2]) Представленіе его и журналы Совѣта въ Канцеляріи Государственной.

него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ Совѣта, а манифестъ съ примѣчаніями, толкованіями, Московскими вѣстями и ложными страхами, ходилъ по рукамъ.

Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣетъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ, она начинала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ [1]).

Но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть [2]) не дремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ.

Приступаю къ подробностямъ, весьма для меня горестнымъ.

Я не знаю съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня Ваше Величество сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительство; 3) отзывы о правительствѣ.

1) *О финансахъ.* Къ 1810 му году доходы государственные составляли около 125.000.000. Къ 1812-му они доведены были до 300.000.000. Приращеніе—въ два года 175.000.000.

Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать; а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ, перемѣнить нельзя.

Смѣло могу еще разъ утверждать, что, перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли государство отъ банкротства. Придетъ время, Всемилостивѣйшій Государь, когда благія учрежденія Ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе людей благомыслящихъ. Тогда, смѣю думать, и мое имя, и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія.

Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честью самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ государственныхъ людей, не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать, что еслибы въ свое время онъ не былъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее было бы не съ чѣмъ. И тотъ же планъ, въ обширныхъ его примѣненіяхъ, можетъ еще доставить важныя пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

Но отъ чего же столько ропоту? Отъ того, что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

Отъ чего же—еще вопрошаютъ—понизились еще болѣе ассигнаціи со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства; онъ

---

[1]) Большая ихъ часть и теперь еще существуетъ.

[2]) Разумѣю моихъ доносителей. Имена ихъ Вашему Величеству извѣстны.

состоитъ въ томъ: 1) что въ то же самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46.000.000 новыхъ ассигнацій; 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, по единому незнанію, представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было невозможно, основаны были первыя операціи. Но совсѣмъ тѣмъ, упязясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохраняли постоянно свое достоинство, и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе, по цѣнѣ ихъ, принимаются въ народѣ, нежели самое серебро. Сіе ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?

2) *О ропотѣ отъ налоговъ.* Какое странное притязаніе желать, чтобы народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами! Естественно, сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ, а со временемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ-же не бранили за налоги? Но можно ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ Февраля произвели опасный ропотъ, то куда-же дѣвалась сія опасность въ Мартѣ, въ Маѣ, въ Іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? Какимъ-же волшебствомъ тотъ же народъ, тоже дворянство, коего ропотомъ въ Февралѣ стращали, въ Маѣ и Іюнѣ готовы были всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ, во многихъ мѣстахъ усилены. Слѣдовательно, опасный ропотъ сей была басня, выдуманная людьми легкомысленными, кои, проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и Московскимъ вѣстямъ судятъ и о дѣлахъ государственныхъ и даже (горько помыслить) мнятъ управлять ими.

Не могу миновать здѣсь одного примѣчанія, которое и прежде, въ первомъ письмѣ моемъ отсюда, я старался, сколько могъ, означить.

Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества, чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели, или люди коварные и властолюбивые, могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти, и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и

лично преданныхъ,—могутъ, въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропоты опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самого Величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ произшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія, сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ Русскимъ правиламъ. Истинныя Русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между государемъ и подданными, точное отношеніе отца къ дѣтямъ; а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не Русскіе, но совѣты или малодушные, или злые, и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ; напротивъ—строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, сіе невольное сердца моего изліяніе *). Враги мои могли очернить меня передъ Вами, но никогда не отучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія.

3) *Объ отзывахъ.* Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о правительствѣ.

Если доносители разумѣютъ подъ именемъ правительства тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, то есть разныя установленія, то правда, что я не скрывался, и въ послѣднее время, съ горестію многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и, смѣю казать, и мнѣніе Вашего Величества; скрывать же сего я не имѣлъ никакой нужды.

Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горесть—видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчію и, при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ; горесть, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой-либо въ дѣлахъ успѣхъ, не взирая на всѣ Ваши желанія, горесть сія часто, а особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, Всемилостивѣйшій Государь, измученъ, дѣйстви-

*) Драгоцѣнное изліяніе, за которое, въ глазахъ потомства, многое должно быть прощено Сперанскому. П. Б.

тельно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми жестокими укоризнами, могъ-ли я быть всегда равнодушнымъ? И, впрочемъ, сіи самые члены правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ толико оскорбилась, не воздали ли мнѣ сами за сіе сторицею?

Но, чтобъ могъ я подъ именемъ правительства разумѣть особу Вашего Величества, душа моя возмущается при размышленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету иначе, какъ презрѣніемъ. Съ 1801-го года, чрезъ 12 лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душею за всѣми Вашими намѣреніями, и въ послѣдніе два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить Вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю сослаться на собственныя Ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я Вамъ подносилъ. Какимъ-же образомъ, съ какою уродливою лживостью, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ бы я порицать и злословить въ послѣднее время то, что̀ очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіе толь многихъ лѣтъ? Для чего? Какую цѣль могла имѣть сія лживость? Возбудить неудовольствіе но въ комъ?—Въ Армфельдѣ и Балашовѣ?—И на какой же конецъ? Чтобъ сдѣлать переворотъ въ правительствѣ? Но въ чью пользу? Гдѣ способы? Гдѣ сообщники? Гдѣ связи? Въ дѣлахъ 20-ти лѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двухгодичномъ моемъ *) удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, открылъ-ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой-либо связи подозрительной?

Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце. Непріятели могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ Французской системѣ; но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое столь было ясно, что если бы бумаги и дѣла мои можно было напечатать, тогда сами непріятели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе Вашего Величества на предстоявшую войну и на всѣ козни, ей пред-

*) Т. е. въ удаленіи отъ общества и въ трудовой, уединенной жизни съ 1810 г.? П. Б.

шествовавшія? Ссылаюсь на подробныя записки, многократно, въ разныхъ эпохахъ и за долгое время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобъ заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ графа Нессельрода, на краткое время, съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному, и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ Вашему Величеству открыть съ нимъ переписку, которая впослѣдствіи содѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ? И впрочемъ, еслибы и не могъ я привести сихъ и симъ подобныхъ множества подробностей и доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ тоже время всемѣрно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы; быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ; желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласятъ все сіе мои доносители: мнѣ и писать, и мыслить о семъ уже омерзительно.

Между тѣмъ, однакоже, сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія [1]), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего въ народѣ обвиненія.

Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь, Вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать: въ вѣчной правдѣ передъ Богомъ, вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать. Вы не можете тутъ имѣть во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вашею тайною, а не своею, я связанъ; слѣдовательно, вамъ-же и развязать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть Вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?

Обращаюсь еще разъ къ личнымъ отзывамъ. Отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, *а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ* [2]).

---

[1]) А паче въ Перми.

[2]) Въ подлинникѣ съ боку поставлено карандашемъ, *повидимому* рукою императора Александра, N. B. Это впрочемъ единственная помѣта встрѣчающаяся на страницахъ подлиннаго письма Сперанскаго. Н. Ш.

Если-бы въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно мнѣ было не спускаться къ симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко могъ бы показать и начало ихъ, и происхожденіе; открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы, и личные корыстолюбивые ихъ расчеты; указать всѣ лица, запечатлѣть каждое изъ нихъ своею печатью, обличить ложь въ самомъ ея средоточіи и представить на все столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть, онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? Онѣ будутъ теперь имѣть видъ *рекриминацій*, всегда ненавистныхъ. И сверхъ того враги мои, можетъ быть, и въ сію минуту стоятъ передъ Вашимъ Величествомъ, а я за 2000 верстъ, и весь почти совершенно въ ихъ власти [1]).

Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое, бывъ обвиненію постороннимъ, чрезмѣрно однакоже обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною.

Ваше Величество припомнить, безъ сомнѣнія, изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у Васъ минуту вниманія. «На что?» изволили Вы спросить. «Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ сказать канцлеру, не представивъ прежде Вамъ.» Ваше Величество сказали мнѣ, что позовете его чрезъ Геслера, что̀ дѣйствительно и исполнили и, давъ ему Ваши наставленія, дозволили и въ передъ въ подобныхъ случаяхъ также къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать, въ чистотѣ совѣсти, не считая меня чуждымъ правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома ли его или нѣтъ, но чрезъ третье лицо, въ самомъ дѣлѣ, изрѣдка и безъ связи, получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что́ они въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои, стоя въ средоточіи дѣлъ и имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ Вашему Величеству, я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они. Что̀ могли мнѣ новаго сказать какой-нибудь г. Бушъ и ему подобные жалкіе дипломаты? Слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги, даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ [2]) удостовѣритъ Васъ, всемилостивѣйшій Государь, въ маловажности; числа ихъ докажутъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи; а все вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло

---

[1]) Это не фраза, а сущая истина.

[2]) При удаленіи, я доставилъ ихъ къ в. в.

быть легкомысліе, но никто никогда не въ силахъ превратить его въ государственное преступленіе.

Со всѣмъ тѣмъ, и прежде, и теперь, я повергаю себя единственно въ Ваше великодушіе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели во всемъ правымъ.

Нужно ли, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ тѣхъ обвиненій, кои разсѣеваемы были моими врагами, о нравственныхъ моихъ правилахъ и связяхъ моихъ съ мартинистами, иллюминатами, и проч.?

Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ; вообще о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственныя мои мнѣнія и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

Когда Ваше Величество пожелали о предметахъ сего рода и въ особенности о мистической ихъ части имѣть свѣдѣнія, я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить Вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды сіи мнѣ тѣмъ были пріятнѣе, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными Вашими чувствіями. Не изъ книгъ, не изъ сектъ и партій, почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многодѣліе прервали съ лишкомъ рано сіи лестныя для меня сношенія и хотя не имѣлъ еще я времени открыть вамъ во всемъ пространствѣ истинное ихъ знаменованіе, но, судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное ваше сердце и на самыя бумаги, у васъ оставшіяся, что̀ другое въ сихъ истинахъ вы отъ меня слышали, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго? Да и когда, при какомъ случаѣ, слышали Вы, Всемилостивѣйшій Государь, отъ меня другія правила? Во все время, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ? На кого навелъ я какую-либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту терпѣливость къ ихъ слабостямъ, ту кротость и снисхожденіе, коею Богъ и природа въ благости своей васъ одарили.

Всемилостивѣйшій Государь! Въ невидимомъ присутствіи Бога Сердцевѣда, смѣю здѣсь вопросить: такъ-ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего Государя и желающій привесть его въ ненависть?

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, пространство сихъ изъясненій. Въ теченіи двухъ почти лѣтъ враги мои говорили одни. Мнѣ оставалось страдать и молчать.

Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ; въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вамъ, къ славѣ Вашей и благу государства подъятыхъ, въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ, и наконецъ въ воспоминаніе тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между Вами и мною,—прошу единой милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, поистинѣ одними трудами и горестями преизобильной.

Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную или судебную, я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню его безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только: *свободы* и *забвенія*.

Богъ, общій Отецъ и Судія государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества на пользу государства; да ниспошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ навсегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе.

II. ОПРАВДАТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

Эта записка, въ которой Сперанскій говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ и которая здѣсь въ первый разъ печатается, найдена Н. К. Шильдеромъ въ его бумагахъ. Графъ М. А. Корфъ въ извѣстномъ трудѣ своемъ (изд. 1861 г., т. 2-й, стр. 7) на ней основалъ весь разсказъ свой о постигшей Сперанскаго опалѣ. Она писана, очевидно, позднѣе вышепомѣщеннаго Пермскаго письма и не уступаетъ ему въ историческомъ значеніи. П. Б.

Dès son avénement au trône l'Empereur a conçu le grand projet de régulariser les pouvoirs de l'état par les lois et d'assurer la marche de l'administration par les règlemens et les institutions.

Ce projet, hautement annoncé dès l'année 1801, avoit essuyé à sa naissance beaucoup d'opposition. Les vues bienfaisantes de Sa Majesté avoient été méconnues, calomniées et traversées, et cependant, malgré toutes ces contrariétés, elles faisoient tous les jours des progrès. C'est à ces progrès qu'on doit attribuer: 1) La réforme du Conseil en 1801; il fut dès lors appellé Conseil d'État et reçut une instruction dont celle de 1810 n'est qu'une suite et un développement ultérieur. 2) Le rétablissement de la Commission des Lois. 3) La Charte du Sénat.

4) L'institution du Ministère en 1802. Toutes ces réformes et institutions tenaient à une seule idée, se rattachaient à un seul principe. Mais conçues dans le silence du cabinet, ébauchées à la hâte, réalisées par parties détachées et sans suite, elles paraissoient ne tenir à aucun ensemble et être jetées-là par hazard ou par un intérêt momentané. Aussi à l'époque de leur naissance toutes ces réformes ont-elles été accueillies avec une défaveur plus ou moins marquée. L'administration, dirigée par des vues partielles, marchait sans plan et sans ensemble. Les nouvelles institutions cadraient mal avec les anciennes; les desseins de Sa Majesté étoient paralisés, et les réformes les plus salutaires produisaient plus de mal que de bien.

Tel étoit l'état des choses en 1808, lorsque l'Empereur commença à introduire m-r Spéransky dans ses vues et à l'entretenir de ses desseins. Les difficultés étoient trop palpables pour se faire illusion sur le succès. Aussi ce n'est qu'avec beaucoup de lenteur et après une suite de tatonnements que m-r Spéransky s'est décidé à prendre une part active dans les affaires et de changer ainsi une existence tranquille et aisée, accompagnée de l'estime publique, pour une carrière hérissée d'obstacles et de dangers. Il ne prévoyoit pas encore alors tous les sacrifices qu'il seroit forcé de faire dans la suite.

Toute l'année 1809 avoit été employée à combiner les idées éparses sur les réformes et d'en faire un plan général. Ce plan n'est autre chose qu'un développement raisonné de tout ce qui a été conçu, médité et, en partie, exécuté par l'Empereur dès l'année 1801. Il n'étoit basé que sur la même idée principale *de régulariser les pouvoirs par les lois et d'assurer l'administration par les règlemens et les institutions.* Ce plan, discuté et approuvé par les têtes les plus saines, les plus froides, avoit été enfin adopté comme principe d'action et comme un norme invariable de toutes les réformes à faire ou à désirer. L'année 1810 avoit été désignée comme l'époque où l'on commenceroit à mettre ce plan à exécution. Le choix de cette époque eut l'influence la plus sinistre sur tout le reste. Les sentimens du public étoient alors au plus haut degrès d'exaspération sur les suites désastreuses du systême politique. Toutes les institutions, tout ce que faisoit le gouvernement avoit aux yeux du public un caractère d'asservissement et de propension forcée ou aveugle aux vues de la France. C'est à cette imputation que tous les cris des mécontens se sont ralliés; et l'ambition blessée, et la médiocrité trompée, tout se para de belle marque du patriotisme pour faire éclater des vengeances personnelles.

Une autre cause non moins active vint se réunir à celle-là. Les dérangemens de finances ont leur période de plénitude. Insensibles au commencement, c'est à cette époque qu'ils déployent presque subitement toute leur maligne influence. Malheureusement, en 1810 on touchoit justement à cette période. Il n'y avoit pas un moment à perdre; il falloit se hâter de prévenir le danger. Une banqueroute désastreuse menaçoit l'État. Mais comment rétablir les finances sans réduction, ni impôt? Or, en faisant des réductions on froisse les abus, on restreint les dépenses ambitieuses; en créant des impôts, on attaque les propriétaires. Voilà donc l'homme public aux prises tout à la fois avec les propriétaires et avec les consommateurs, c'est à dire avec la plus grande majorité de la nation.

Le sort cependant en étoit jetté; il falloit dévouer sa tête à l'indignation publique et mener de front et les réformes de l'administration, et les mesures de finances. Quel champ vaste pour exercer l'ignorance, la calomnie, l'envie, toutes les passions déchaînées! Aussi ce champ fut-il bien cultivé. M-r Spéransky étoit tour à tour un illuminé, un franc-maçon, un ennemi juré de la noblesse; enfin travesti, parodié, couvert d'épigrammes, de satyres et de carricatures, il a reçu tous les honneurs de la célébrité la plus désastreuse. Ou *lassés* ou *soumis*, ses amis peu nombreux l'abandonnoient. L'Empereur le soutenoit seul contre tous.

Mais l'instant approchoit où ce soutien même devoit lui manquer.

Tandis que le vulgaire des mécontens laissait évaporer sa bile en de vaines déclamations, des esprits plus réfléchis, plus profondement ambitieux cherchoient à tirer parti de cet état de choses. Deux personnages, jouissant déjà de la confiance de l'Empereur, proposoient à m-r Speransky de les aggréger à ses vues et d'établir un comité secret et anonyme qui eût toute la direction des affaires, tandis que le Conseil et le Sénat ne feroient que les exécuter. M-r Spéransky eût la droiture de rejetter cette proposition et la maladresse de ne pas en instruire l'Empereur. Cette faute étoit capitale. L'homme du cabinet n'a pas sû dans cette occurence délier les fils délicats de la trame déjà ourdie. Il n'a pas senti qu'une confidence de cette nature, aussitôt qu'elle est reçue, ne peut plus être traitée sans conséquence. Il falloit ou se plier ou combattre. M-r Spéransky ne fit ni l'un, ni l'autre et fut bientôt culbuté.

Le Comité s'organisa. C'est dans les opérations de finances qu'il chercha les moyens de sa consistance. Il commença par censurer tout

ce qui avoit été fait. L'attaque fut vigoureuse, parce que personne ne la repoussoit. On proposa ensuite deux cent millions de roubles à créer par un seul trait de plume *), sans aucunes taxes, ni impôts. Mais pour que cette opération miraculeuse réussit, on y attacha une condition assez dure, c'est de changer la forme de l'administration actuelle, d'exclure le Conseil d'État de toute affaire de finances, de toutes mesures importantes et de concentrer le tout dans ce Comité anonyme.

Comment l'esprit juste de l'Empereur a-t-il pu s'arrêter à un projet aussi téméraire et si visiblement intéressé? Cela s'explique aisément par l'époque où ce projet a été conçu, par le caractère des personnes qui l'ont proposé, et par la situation des affaires politiques. On étoit en février 1812. Le manifeste sur les impôts venait de paraître. Grande rumeur à Moscou et à Pétersbourg. Il falloit s'y attendre, car qui aime les impôts? Mais à l'affût de tous ces bruits étoit un des personnages du Comité secret. Étoit-il donc si difficile de les exagérer et de convertir le mécontentement de quelques propriétaires en un cri général et public? Quelques personnages arrivés de Moscou ont merveilleusement aidé à cette persuasion, de sorte que bientôt tout parût en combustion à la Cour, comme à la ville. «Et dans quelles circonstances se permet-on (c'est le langage que le Comité et ses dupes tenoient alors) d'aliéner et d'exaspérer ainsi l'esprit de la nation et surtout de la noblesse? C'est à l'ouverture de la guerre la plus périlleuse et qui demande la plus grande réunion de forces morales et physiques! Est-ce là l'époque de songer à payer des dettes imaginaires et à décrier les assignats, premier nerf de la guerre?»

Ces réflexions si frivoles dans le fond, sous une apparence de justesse, revinrent exagérées, commentées et embellies à l'Empereur; et quoique parties des foyers désignés, présentées cependant avec adresse, elles paroissoient venir de tous côtés et prendre leur origine aux sources les plus éloignées.

Comment l'esprit le plus ferme pouvoit-il resister à cette force? Quelle responsabilité l'Empereur prenoit sur lui, s'il méprisoit ces bruits? La seule probabilité de ces prédictions si multipliées et si terribles, ne suffirait-elle pas pour prendre en considération majeure tout ce que le Comité avait présenté? Loin de taxer l'Empereur d'inconstance, ne falloit-il pas plutôt l'admirer d'avoir soutenu si longtemps son secrétaire seul contre tous?

*) Ce nouveau plan de finances étoit connu de m-r Spéransky avant son départ, mais il ne croyoit pas alors qu'on eût osé le présenter; tant il lui paroissoit absurde.

La chute étoit donc naturelle. Mais une chute ordinaire (congé ou renvoi) n'assuroit pas les vues du Comité. C'étoit faire les choses à demi. ‹M-r Spéransky congédié ne pouvoit-il pas se relever, pénétrer le mystère de la nouvelle administration, l'attaquer à son tour et renverser ce frêle édifice? «Le Comité composé de courtisans consommés dans l'intrigue ne pouvoit pas méconnoître le danger. Il a été donc tout naturellement conduit à chercher les moyens d'enchaîner tellement son adversaire qu'il ne puisse écrire une ligne, prononcer une parole qui ne fût jugée et commentée par la force même qui alloit le dominer. Bref, il doit être exilé et gardé à vue. Mais sous quel prétexte? Quelles seront les preuves? Dans les grandes crises politiques, la seule présomption du danger est déjà censée suffisante pour motiver les mesures de précaution. Or, il y a ici plus que présomption. ‹Est-il possible que m-r Spéransky ait travaillé a décréditer les assignats, à proclamer des dettes imaginaires, à exaspérer la nation par les impôts, à désorganiser toutes les parties de l'administration sans plan, ni dessein? Qu'on aille saisir ses papiers, et on y verra sûrement des preuves irrécusables; et d'ailleurs, est-ce un exil que d'être renvoyé à Nijny, au centre de la Russie, où il jouira de ses richesses et soignera sa santé? Enfin, quel autre moyen plus facile pour s'assurer de ses papiers et pour découvrir ses vues?›

C'est ainsi que le meilleur des Souverains se laissa entraîner par les insinuations d'un fameux intrigant aidé de collègues dignes de lui.

Mais comment cet intrigant marqué dans toute l'Europe au coin de la réprobation générale, se trouvait-il en crédit auprés de l'Empereur? Quelle monstrueuse association de la franchise et de la loyauté, avec l'astuce et la friponnerie? Demandez-le à ce même m-r Spéransky, qui, toujours occupé des choses, ne comptoit pour rien les personnes et croyoit qu'il étoit indifférent pour lui et pour l'État qu'un homme de ce caractère approchât du Souverain.

Mais quelles étoient les vues du Comité en s'armant ainsi non seulement contre la personne, mais contre les institutions? Ses vues étoient palpables et évidentes: c'étoit de s'emparer du pouvoir, de gouverner tout et de ne répondre de rien. La chute de la personne n'étoit là qu'un objet secondaire, mais indispensable. Le but principal étoit de gouverner sous le nom de l'Empereur.

C'est au génie de l'Empereur qu'il faut attribuer que ce projet infernal soit resté sans effet. Sa Majesté a eu l'inspiration de faire

discuter le nouveau plan de finances au Conseil d'État, et elle ne tarda pas à recueillir les preuves les moins équivoques de toute l'absurdité de ces visions saugrenues. Cela suffisoit dans l'esprit juste de l'Empereur pour répandre de la défiance sur tout le reste.

Ainsi ce fameux Comité de 200 millions de ressources claires et nettes est mort avant même d'entrer en activité.

Mais tandis qu'il expirait sous la discussion saine et froide du Conseil, m-r Spéransky jetté dans une kibitka couroit en exil. Sa maison étoit devenu un objet de terreur. Ses papiers furent saisis. On se jetta à les éplucher, à les examiner.

Quelle fut la consternation de ces messieurs quand ils virent l'impossibilité de trouver rien qui pût servir à fonder leurs délations. Ne vous allarmez pas cependant, messieurs du Comité, voici une découverte précieuse: dans les piles de papiers m-r Spéransky avoit indiqué lui-même quelques vieilles dépêches déchiffrées qu'il tenoit d'un fonctionnaire public. «Comment ces dépêches se trouvoient-elles chez lui? Comment osoit-il s'emparer ainsi des secrets de l'État, qui ne lui étoient pas confiés? «Mais, oseroit-on demander à ces messieurs, ont-ils lû ces dépêches? Qu'est ce qu'elles contiennent? Ne sont-ce que des nouvelles courantes et déjà vieilles sur les bruits de la guerre? M-r Spéransky ne participoit-il pas aux affaires même diplomatiques d'une manière tout autrement importante?*). Ne tenoit-il pas de la personne même de l'Empereur des communications beaucoup plus intimes, et qu'est-ce que ces dépêches pouvoient lui apprendre de nouveau? «Tout cela peut-être vrai; c'est cependant une grande indiscrétion». Oui, il en convient; mais, mes-rs, vous avez commencé, ce semble, par l'accuser de haute trahison, vous avez cherché dans ses papiers des plans de révolution, et vous avez abouti à n'y trouver que de l'indiscrétion. Ainsi l'homme public, qui a servi l'État dans une des charges principales, sera calomnié, saisi, traité en criminel, exilé, et un simple tripotage de chancellerie servira de prétexte suffisant à toutes les rigueurs, et ce motif prévaudra seul sur

---

*) Здѣсь Сперанскій намекаетъ на слѣдующее порученіе, данное графу Нессельроде. „Въ Январѣ 1810 года (пишетъ графъ Нессельроде въ своихъ Запискахъ) мнѣ предложили отправиться въ Парижъ, подъ предлогомъ заключенія займа, въ дѣйствительности же для того, чтобъ увѣдомлять о происходившемъ тамъ императора Александра, чрезъ посредство Сперанскаго, всецѣло пользовавшагося тогда высочайшимъ довѣріемъ... Куракинъ и министръ иностранныхъ дѣлъ (т-е. канцлеръ графъ Румянцовъ) ничего о томъ не подозрѣвали. Письма мои основывались на разговорахъ съ Талейраномъ и другими лицами, противниками возраставшаго честолюбія Наполеона". Н. Ш.

tous les services qu'il a pu rendre à l'État. On relèvera cette faute, (si faute y est) avec éclat, et on ne daignera pas même jetter les yeux sur les preuves incontestables et multipliées qui se trouvent dans les mêmes papiers et tout à coté de ces mêmes dépêches, de la pureté de ses intentions, de l'intégrité de sa conduite, de son attachement inviolable à la bonne cause, de l'intérêt qu'il a mis à dévoiler les vues hostiles de la France, à signaler, bien longtems avant les autres, les dangers et les inconvenients de son systême; on ne tiendra aucun compte de sa persévérance dans les principes politiques actuellement rétablis et de tous les sacrifices qu'il a fait en soutenant ces principes contre l'assendant prédominant de ceux qui étoient alors attachés au systême de la France.

L'Empereur a été, peut-être, un des premiers à se rappeller et à reconnoître toutes ces vérités. Sa Majesté convenoit du moins qu'on n'avoit rien trouvé de préjudiciable dans les papiers de m-r Spéransky. Cet aveu étoit terrible pour le Comité. Il le devenoit surtout du moment que leur plan de finances avoit échoué. «Vous avez accusé m-r Spéransky, pourroit-on leur dire, d'avoir ruiné l'État par ses opérations financières; mais ces opérations cependant sont maintenues. Rien n'est changé au plan qu'il avoit adopté. Vous avez prétendu que la nation étoit exaspérée par les impôts et vous avez offert de les remplacer par des millions crées d'un tour de baguette; mais vos millions sont refusés et les impôts sont continués. Vous avez prétendu trouver des preuves de haute trahison dans les papiers de m-r Spéransky, mais on n'a rien trouvé qui en eut seulement l'apparence». Qu'est-ce que le Comité pouvoit répondre à ces assertions? Il ne lui restoit d'autre ressource qu'à exciter des bruits populaires, à exaspérer le public par les inculpations les plus fausses et les plus odieuses, à semer des pamphlets, des satyres et des épigrammes; et puisqu'il n'a pas réussi à découvrir la haute trahison, il s'est attaché à prouver qu'il y avoit du danger pour le Souverain de vouloir soutenir un homme, innocent ou coupable, mais devenu l'objet de la vindicte publique.

C'est ainsi que le Comité acheva brillamment la carrière de mensonges et d'intrigues qu'il s'est proposé de franchir. Voici, en résumé, l'enchaînement de ces démarches: 1) Il vouloit d'abord s'ingérer dans les affaires et les gouverner conjointement avec m-r Spéransky. 2) Sur son refus il se constitua à part et proposa un nouveau plan de finances. 3) Une des conditions indispensables de ce plan étoit l'exil de m-r Spéransky. 4) Cet exil fut obtenu, mais le plan de finance échoua; de là

5) une nécessité absolue de donner un autre prétexte à son exil. On a donc insinué à Sa Majesté qu'il étoit dangereux d'être juste et qu'il falloit ménager l'opinion publique. En attendant on tâcha de recueillir les notions les plus absurdes sur la manière de vivre de m-r Spéransky en province, et on n'a cessé de le calomnier qu'après l'avoir conduit aux portes de la Sibérie.

Couvert d'opprobre, mais fort de la pureté de sa consience, deux grandes consolations lui restent sur la terre. La première est de penser que la Providence a préservé et préservera l'Empereur et l'Empire des projets désastreux du Comité. La seconde est d'espérer que tôt ou tard on rendra justice à ses vues et à son dévouement illimité aux vrais intérêts de Sa Majesté. Si cette espérance étoit trompée, il souffrira tout en silence; mais il citera un jour ses ennemis au tribunal de Celui Qui juge les coeurs et les pensées.

(Сообщено Н. К. Шильдеромъ).

Переводъ.

Съ восшествія своего на престолъ Государь возъимѣлъ великое намѣреніе упорядочить власти законами и обезпечить ходъ управленія правилами и учрежденіями. Это намѣреніе, громко возвѣщенное съ 1801 года, встрѣтило при возникновеніи своемъ много противодѣйствій. Благодѣтельныя намѣренія Его Величества были непризнаны, оклеветаны и искажены, и тѣмъ не менѣе, вопреки всѣмъ этимъ препонамъ, они постоянно преуспѣвали. Къ такому преуспѣянію должно отнести: 1) Преобразованіе Совѣта въ 1801 г.; съ тѣхъ поръ онъ называется Государственнымъ Совѣтомъ и снабженъ уставомъ, изъ котораго произошелъ, въ дальнѣйшемъ развитіи, уставъ 1810 г. 2) Возстановленіе Коммиссіи Законовъ. 3) Грамота Сенату. 4) Учрежденіе Министерства въ 1802 г. Всѣ эти преобразованія и учрежденія держались одной мысли, проникались однимъ началомъ. Но задуманныя въ тишинѣ кабинета, наскоро составленныя, осуществленныя отрывочными частями и безъ послѣдовательности, они казались чуждыми единства и изданными случайно или для удовлетворенія временной нужды. Отъ этого при самомъ возникновеніи своемъ всѣ эти преобразованія приняты были съ болѣе или менѣе выраженнымъ нерасположеніемъ. Управленіе, направляемое частными побужденіями, не имѣло въ себѣ ни плана, ни единства. Новыя учрежденія плохо уживались съ старыми; намѣренія Его Величества не достигали цѣли, и самыя благодѣтельныя преобразованія производили болѣе зла, нежели добра.

Таково было положеніе дѣлъ въ 1808 году, когда Государь началъ вводить Сперанскаго въ свои виды и посвящать его въ свои намѣренія. Затрудненія были слишкомъ ощутительны, чтобы обольщаться относительно успѣха. Оттого-то, лишь послѣ многихъ развѣдокъ и съ великою медлительностію, Сперанскій рѣшился принять дѣятельное участіе въ дѣлахъ и слѣд. промѣнять жизнь тихую, проходившую въ довольствѣ и сопровождаемую общественнымъ уваженіемъ, на поприще преисполненное препонъ и опасностей. Тогда онъ еще не предвидѣлъ всѣхъ жертвъ, которыя вынужденъ былъ въ послѣдствіи принести.

Весь 1809 г. ушелъ на согласованіе разрозненныхъ преобразовательныхъ идей и на составленіе изъ нихъ общаго плана. Планъ этотъ есть ничто иное какъ толковое развитіе всего того что̀ было замышлено, передумано и отчасти исполнено Государемъ съ 1801 г. Онъ утверждался на той же самой главной мысли—*упорядочить власти законами и обезпечить управленіе правилами и учрежденіями.* Планъ этотъ, обсуженный и одобренный людьми наиболѣе здравомыслящими и наиболѣе хладнокровными, наконецъ былъ принятъ къ исполненію и въ неизмѣнное руководство для всѣхъ преобразованій, какія надобно было сдѣлать или какія были желательны. Назначено было съ 1810 г. начать приведеніе этого плана въ исполненіе. Время выбрано неудачно, что̀ и подѣйствовало самымъ неблагопріятнымъ образомъ на все остальное. Общество на ту пору было въ высшей степени тревожимо бѣдственными послѣдствіями тогдашней политической системы. Всѣ установленія, все что̀ правительство дѣлало, въ глазахъ общества имѣло видъ уничиженія и вынужденнаго или слѣпаго потворства видамъ Франціи. Къ этому упреку сводились всѣ крики недовольныхъ; и оскорбленное самолюбіе, и обманувшаяся въ разсчетахъ посредственность, все рядилось красивымъ уборомъ патріотизма, дабы предъявлять выраженія личной мести.

Къ этому присоединилось другое, не менѣе нудящее обстоятельство. Финансы достигли полнаго разстройства. Въ началѣ этого не замѣчали, но въ это время почти внезапно обнаружилось вредоносное вліяніе таковаго разстройства. По несчастію это случилось именно въ 1810 г. Медлить болѣе было нельзя, необходимо было поспѣшить предупрежденіемъ опасности, государству грозила гибельная денежная несостоятельность. Но какъ возстановить финансы безъ сокращенія расходовъ и безъ податей? Сокращеніемъ издержекъ затрогиваешь злоупотребителей, ограничиваешь растраты, вызываемыя самолюбіемъ; вводя налоги, дѣйствуешь противъ собственниковъ. Такимъ образомъ государственный человѣкъ вооружаетъ противъ себя въ одно и тоже время и собственниковъ, и потребителей, т. е. наибольшую часть народа.

Жребій однако былъ брошенъ; надлежало предать себя общественному негодованію и, не озираясь, вводить преобразованія въ управленіи

и улучшеніе въ финансахъ. Какое обширное поле невѣжеству, клеветѣ, зависти и всѣмъ разнузданнымъ страстямъ! И они таки поработали на этомъ полѣ. Сперанскій попеременно былъ иллюминатомъ, франмасономъ, врагомъ дворянства; его переиначивали, осмѣивали, писали на него эпиграммы, сатиры и карикатуры и, наконецъ, онъ удостоился во всѣхъ отношеніяхъ самой плачевной извѣстности. Немногіе друзья его, истомленные или покорившіеся, покинули его; Государь одинъ поддерживалъ его противъ всѣхъ.

Но приближалась минута, когда и этой поддержки онъ долженъ былъ лишиться.

Въ то время, когда пошлая толпа недовольныхъ изливала желчь свою въ пустыхъ возгласахъ, люди болѣе разсудительные, снѣдаемые болѣе глубокимъ самолюбіемъ, постарались воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ. Двѣ особы, уже пользовавшіяся довѣріемъ Государя, предложили Сперанскому пріобщить ихъ къ его намѣреніямъ и устроить тайный и безъимянный комитетъ, который бы управлялъ всѣми дѣлами, тогда какъ Совѣтъ и Сенатъ приводили бы ихъ только въ исполненіе. Сперанскій напрямикъ отказался отъ этого предложенія, но имѣлъ неосторожность не довести о томъ до свѣдѣнія Государя. Ошибка капитальная. Кабинетный человѣкъ не сумѣлъ въ этомъ случаѣ распутать тонкія нити замышленнаго противъ него кова. Онъ не понялъ, что подобнаго рода предложеніе, разъ оно сдѣлано, не могло остаться безъ послѣдствій: надлежало или согласиться или вступить въ борьбу. Сперанскій не сдѣлалъ ни того, ни другаго и скоро былъ низринутъ.

Комитетъ устроился. Въ финансовыхъ операціяхъ съискалъ онъ способы своего существованія. Онъ началъ осуждать все что̀ было сдѣлано. Нападеніе было сильно, потому что никто не противодѣйствовалъ. Затѣмъ предложили, однимъ почеркомъ пера, безъ всякихъ пошлинъ и налоговъ, создать двѣсти милліоновъ рублей [1]). Но чтобы эта чудесная операція удалась, постановлено довольно тяжкое условіе, именно: измѣнить настоящую форму управленія, устранить Государственный Совѣтъ отъ всякаго финансоваго дѣла, отъ всякихъ важныхъ мѣръ и все сосредоточить въ этомъ безъимянномъ комитетѣ.

Какимъ образомъ здравомысліе Государя могло остановиться на предположеніи столь безумномъ и столь явно своекорыстномъ? Это легко объясняется временемъ, когда предположеніе это придумано, характеромъ предлагавшихъ лицъ и состояніемъ политическихъ дѣлъ. То было въ Февралѣ

---

[1]) Про этотъ новый финансовый планъ Сперанскій зналъ до своего отъѣзда; но тогда онъ не вѣрилъ, чтобы осмѣлились его представить: такъ этотъ планъ казался ему нелѣпъ.

1812 г. Появился манифестъ о налогахъ. Страшный говоръ въ Москвѣ и Петербургѣ. Того надо было ждать: ибо кто любитъ налоги? Всѣхъ этихъ криковъ поджидало одно изъ лицъ негласнаго комитета. Нетрудно было преувеличить возбужденіе и неудовольствіе нѣкоторыхъ собственниковъ назвать всеобщимъ и общественнымъ крикомъ. Нѣкоторые пріѣзжіе Москвичи [2]) чудесно помогли этому внушенію, такъ что вскорѣ и при дворѣ, и въ городѣ все взволновалось. Комитетъ и обольщенные имъ толковали такъ: „И въ какихъ обстоятельствахъ позволяютъ себѣ отчуждать отъ себя и приводить въ отчаяніе умы народа, въ особенности дворянства? При началѣ самой гибельной войны, требующей наибольшаго единенія нравственныхъ и физическихъ силъ! Время ли теперь думать объ уплатѣ мнимыхъ долговъ и опорочивать ассигнаціи, этотъ главный нервъ войны?"

Столь пошлые въ сущности своей доводы, преувеличенные, перетолкованные и разукрашенные, доходили, подъ личиною справедливости, до Государя, и хотя они шли изъ мѣста извѣстнаго, но ловко было представлено, что они раздаются со всѣхъ сторонъ и проистекаютъ изъ самыхъ отдаленныхъ источниковъ.

Самый твердый умъ могъ ли устоять противъ такого напора? Какую отвѣтственность принималъ на себя Государь, если бы онъ не внялъ этому клику? Уже одна вѣроятность столь сложныхъ и столь страшныхъ предсказаній не должна ли была придать важности всему, что̀ представлялъ Комитетъ? Вмѣсто того, чтобы упрекать Государя въ непостоянствѣ, не слѣдовало ли скорѣе удивляться, что онъ такъ долго одинъ поддерживаетъ своего секретаря противу всѣхъ? И такъ паденіе было естественно. Но обыкновеннымъ паденіемъ (увольненіемъ или отсылкою) не достигались цѣли Комитета. Это значило бы сдѣлать дѣло въ половину. „Уволенный Сперанскій не могъ ли возстать, проникнуть въ тайну новаго управленія, напасть на него въ свою очередь и разрушить это утлое зданіе?" Комитетъ, составленный изъ царедворцевъ, искушенныхъ въ проискахъ, не могъ не сознавать опасности. И такъ онъ естественно долженъ былъ искать средствъ къ тому, чтобы сковать своего противника, лишить его возможности написать строчку, произнести слово, которыя бы не были истолкованы тою же одолѣвшею его силою. Короче, онъ долженъ быть сосланъ и находиться подъ надзоромъ. Но подъ какимъ предлогомъ? Какія будутъ доказательства? Въ великихъ политическихъ событіяхъ одно предположеніе опасности считается достаточнымъ для принятія мѣръ предосторожности. А тутъ больше чѣмъ предположеніе. „Возможно ли, чтобы Сперанскій опорочивалъ ассигнаціи, заявлялъ о мнимыхъ долгахъ, приводилъ народъ въ отчаяніе налогами, разстроивалъ всѣ части управленія, безъ всякаго

---

[2]) Тутъ разумѣется графъ Растопчинъ, столь неоглядливый въ своихъ отзывахъ, которые не могли не подѣйствовать на Государя, имѣвшаго съ нимъ личные счеты еще съ Павловскихъ временъ. П. Б.

плана и намѣренія? Пусть захватятъ его бумаги и тамъ навѣрно найдутъ неопровержимыя доказательства; и потомъ, что же это за ссылка: быть посланнымъ въ Нижній, въ сердце Россіи, гдѣ онъ будетъ пользоваться своимъ богатствомъ и блюсти свое здоровье? Наконецъ, какое же другое болѣе легкое средство овладѣть его бумагами и разоблачить его цѣли?"

Такимъ образомъ лучшій изъ государей далъ себя опутать внушеніями знаменитаго проходимца, которому помогали достойные его товарищи.

Но какимъ образомъ этотъ проходимецъ, пользующійся во всей Европѣ общимъ осужденіемъ, очутился въ довѣренности у Государя? Какое чудовищное сочетаніе откровенности и правдивости съ хитростію и плутовствомъ! Спросите о томъ у самого Сперанскаго, который, всегда занятый дѣлами, ни во что̀ ставилъ личности и думалъ, что для него и для государства неважно приближеніе подобнаго человѣка къ Государю.

Но какія были цѣли Комитета, когда онъ такъ дѣйствовалъ не только противъ лица, но и противъ учрежденія? Цѣли его очевидны и несомнѣнны: овладѣть властью, править всѣмъ и не отвѣчать ни за что̀. Паденіе лица было предметомъ второстепеннымъ, но необходимымъ; главная цѣль была— управлять подъ именемъ Государя.

Генію Государя надо приписать, что этотъ адскій замыселъ остался безъ исполненія. Его Величество, по вдохновенію, приказалъ обсудить новый планъ финансовъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и несомнительныя доказательства всей нелѣпости этихъ сумасбродныхъ мечтаній не замедлили обнаружиться. Здравомыслію Государя этого было достаточно, чтобы отнестись съ недовѣріемъ ко всему остальному.

Такимъ образомъ этотъ знаменитый Комитетъ двухъ сотъ милліоновъ чистаго и несомнѣннаго дохода исчезъ прежде, чѣмъ вступить въ дѣйствіе.

Но въ то время, какъ онъ издыхалъ отъ здраваго и хладнокровнаго разсмотрѣнія въ Совѣтѣ, Сперанскаго кинули въ кибитку и повезли въ ссылку. Домъ его сдѣлался предметомъ страха. Его бумаги забраны. Кинулись теребить и разбирать ихъ.

Каково было пораженіе этихъ господъ, когда они увидѣли невозможность найти что либо могущее подтвердить ихъ доносы! Однако не тревожьтесь, господа участники Комитета, вотъ драгоцѣнное открытіе: въ пачкахъ бумагъ Сперанскій самъ указалъ на нѣкоторыя старыя разобранныя депеши, которыя онъ имѣлъ отъ одного изъ чиновниковъ. „Какъ эти депеши очутились у него, какъ смѣлъ онъ овладѣвать государственными тайнами, которыя не были ему повѣрены?" Но смѣютъ ли спросить этихъ господъ: читали ли они эти депеши? Что̀ онѣ въ себѣ содержатъ? Не суть ли это текущія и даже устарѣвшія извѣстія о войнѣ? Развѣ Сперанскій не

принималъ участія въ иныхъ даже дипломатическихъ важныхъ дѣлахъ? Самъ Государь сообщалъ ему гораздо болѣе значительныя извѣстія, и что̀ новаго могъ онъ узнать изъ этихъ депешъ? „Все это можетъ быть правда; однако это большая нескромность“. Да, онъ согласенъ; но, господа, вы, кажется, начали съ того, что обвинили его въ государственной измѣнѣ, вы искали въ его бумагахъ плана переворота, а кончили тѣмъ, что нашли только нескромность. И такъ общественный дѣятель, служившій государству въ одной изъ главныхъ должностей, будетъ оклеветанъ, схваченъ, сочтенъ преступникомъ, сосланъ, и простая канцелярская сплетня послужитъ достаточнымъ предлогомъ ко всѣмъ жестокостямъ, и по этому только предлогу забудутся всѣ услуги, оказанныя имъ государству? Эту ошибку (если тутъ есть ошибка) выставятъ на показъ, и не удостоятъ даже бросить взглядъ на многія и неопровержимыя доказательства (находящіяся въ тѣхъ же бумагахъ и въ одномъ мѣстѣ съ этими депешами) чистоты его намѣреній, непорочности его образа дѣйствій, его неизмѣнной приверженности къ благу, его старанія разоблачать враждебные виды Франціи, его заявленій, сдѣланныхъ гораздо раньше другихъ, объ опасностяхъ и неудобствахъ Французской системы. Ни во что̀ поставится его настойчивость въ политическихъ началахъ, нынѣ вновь принятыхъ, и всѣ жертвы, имъ принесенныя для поддержанія этихъ началъ противъ преобладающей силы тѣхъ, кто въ то время оказывалъ приверженность къ Французской системѣ.

Можетъ быть, раньше другихъ вспомнилъ и призналъ эти истины Государь. По крайней мѣрѣ Его Величество соглашался, что въ бумагахъ Сперанскаго не найдено ничего предосудительнаго. Такое признаніе было страшно для Комитета, и сдѣлалось таковымъ особенно съ того времени, когда не удался его финансовый планъ. „Вы обвиняли Сперанскаго, можно было сказать имъ, въ разореніи государства его финансовыми операціями; однако эти операціи удержались. Ничто не перемѣнилось въ планѣ, который былъ имъ принятъ. Вы увѣряли, что народъ въ отчаяніи отъ налоговъ, и вы предложили замѣнить ихъ милліонами, которые создадутся отъ мановенія палочки; но ваши милліоны отвергнуты, а подати продолжаютъ взиматься. Вы увѣряли, что въ бумагахъ Сперанскаго отыщутся доказательства государственной измѣны; но въ нихъ не найдено и намека на то“. Что̀ было Комитету отвѣчать на эти утвержденія? Ему ничего больше не оставалось, какъ возбуждать народные толки, раздражать общество самыми лживыми и злостными обвиненіями, распространять памфлеты, сатиры и эпиграммы и, не успѣвъ открыть государственной измѣны, онъ принялся доказывать, что опасно для Государя поддерживать человѣка, невиннаго или виновнаго, но сдѣлавшагося предметомъ общественнаго негодованія.

Такъ блистательно кончилъ Комитетъ предначертанную имъ стезю лжей и происковъ. Вотъ, вкратцѣ, порядокъ его подвиговъ: 1) Сначала онъ хотѣлъ проникнуть въ дѣла и править ими вмѣстѣ съ Сперанскимъ. 2) Послѣ его отказа онъ сталъ дѣйствовать особо отъ него и предложилъ

новый планъ финансовъ. 3) Однимъ изъ необходимыхъ условій этого плана была ссылка Сперанскаго. 4) Ссылки добились; но планъ финансовъ не удался; отсюда 5) неизбѣжная необходимость выставить другой предлогъ его ссылки. Поэтому внушено Его Величеству, что опасно быть справедливымъ и что надобно щадить общественное мнѣніе. Тѣмъ временемъ постарались собрать самыя нелѣпыя извѣстія объ образѣ жизни Сперанскаго въ Нижнемъ и не переставали клеветать, пока не удалили его къ предѣламъ Сибири.

Онъ покрытъ позоромъ, но силенъ чистотою своей совѣсти, и на землѣ остаются ему два великія утѣшенія. Первое въ мысли о томъ, что Провидѣніе предостерегло и предостережетъ Государя и государство отъ гибельныхъ предначертаній Комитета. Второе въ надеждѣ, что рано или поздно воздана будетъ справедливость его намѣреніямъ и его безграничной преданности истиннымъ выгодамъ Его Величества. Если бы надежда эта обманула его, онъ стерпитъ все въ молчаніи; но когда нибудь позоветъ враговъ своихъ предъ Того, Кто судитъ сердца и помышленія.

*

Эта записка и Пермское письмо изображаютъ Сперанскаго во всей логической силѣ и убѣдительности его политическаго самооправданія. Тѣмъ не менѣе, внезапная его ссылка (17 Марта 1812), подобно столь же внезапному устраненію отъ дѣлъ, постигшему графа Н. П. Панина (въ Сентябрѣ 1801), представляетъ собою все еще не довольно разъясненный эпизодъ новой Русской исторіи. Трудъ графа Корфа, при всѣхъ его неоспоримыхъ достоинствахъ, для нашего времени уже недостаточенъ по очевиднымъ сокращеніямъ и недомолвкамъ. Надо надѣяться, что драгоцѣнныя бумаги, въ теченіе многихъ лѣтъ накопленныя графомъ Корфомъ для составленія біографіи Сперанскаго, сохранились и будутъ вновь переработаны. Многое, очень важное по отношенію къ его общественной и политической дѣятельности въ теченіи четырехъ царствованій, остается и до нашихъ дней неизданнымъ; а въ біографическомъ отношеніи не обращено вниманія и на то, что Сперанскій—человѣкъ происхожденія отчасти южнаго: онъ самъ сказывалъ министру юстиціи И. И. Дмитріеву, что дѣдъ его (конечно, по матери) былъ хорунжимъ въ Малороссійскомъ казачьемъ войскѣ (Записки И. И. Дмитріева, М. 1866, стр. 196).

Къ числу обвиненій Сперанскаго принадлежитъ увлеченіе его Наполеономъ, усилившееся осенью 1808 года въ Эрфуртѣ. Подробности неизвѣстны. Утверждаютъ, что Сперанскій возвратился оттуда въ Петербургъ въ полномъ восхищеніи. Владыка Запада обворожилъ главнаго Русскаго дѣятеля, котораго императоръ Александръ называлъ своею правою рукою. Этому обольщенію могло содѣйствовать въ Сперанскомъ то что́ покойный Хомяковъ называлъ „своей-землѣ-несвоеземствомъ“. Идеалы

Сперанскаго (долго жившаго у князя Куракина, супруга котораго нѣкогда находилась въ личныхъ сношеніяхъ съ Дидеротомъ и домъ котораго совсѣмъ объиностранился), женатаго на Англичанкѣ, обучившагося государственной наукѣ подъ руководствомъ Кочубея, который провелъ 1793-й годъ въ Парижѣ и тамъ наглядно убѣдился, какъ можно управлять миліонами людей посредствомъ канцелярскихъ бумагъ, были конечно на Западѣ. Находясь въ непосредственной близости къ генералъ-прокурорамъ Павловыхъ временъ, Сперанскій насмотрѣлся всѣхъ ужасовъ тогдашняго управленія. Есть извѣстіе, что ему случалось работать въ самомъ кабинетѣ Павла Петровича. Сперанскій былъ близокъ съ масонами, а масонствомъ предполагается космополитство, всегда неумѣстное въ государственномъ человѣкѣ, тѣмъ паче въ такія минуты, когда государству грозитъ непріятельское нашествіе.

Въ историческомъ дѣлѣ о Сперанскомъ замѣшаны и Поляки. Не даромъ кто-то сказалъ, что какъ въ дѣлахъ житейскихъ надо искать непремѣнно женщину (по Французской поговоркѣ cherchez la femme), такъ въ Русскихъ государственныхъ дѣлахъ уже второе столѣтіе всегда сыщется Полякъ. Покойный графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ разсказывалъ, что вскорѣ послѣ кончины Сперанскаго онъ бесѣдовалъ о немъ съ Любецкимъ (министромъ внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго при Николаѣ Павловичѣ) и услышалъ отъ него нижеслѣдующее. Въ 1812 году Любецкій былъ Слонимскимъ повѣтовымъ маршаломъ (по нашему уѣзднымъ предводителемъ дворянства) и, въ Мартѣ мѣсяцѣ пріѣхавъ въ Петербургъ, явился къ министру полиціи Балашову. Тотъ началъ его разспрашивать о состояніи умовъ въ Западномъ краѣ, узналъ отъ него многія подробности и потребовалъ, чтобы Любецкій составилъ о томъ особую записку для представленія Государю. Любецкій отказывался, Балашовъ настаивалъ. Тогда Любецкій проговорился, что такая записка уже составлена для Наполеона и по требованію Балашова принесъ ему списокъ ея, подъ которымъ яко бы значилось: *преданный вамъ Сперанскій* (votre dévoué Spéransky). Увидавъ подпись эту, Балашовъ не скрылъ своего удовольствія, и черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ отъѣздъ Сперанскаго въ Нижній. На сколько вѣренъ этотъ разсказъ, не ручаемся. (Онъ записанъ въ 1871 году въ Тёплицѣ). Конечно, записка, доставленная Любецкимъ, была подложная; но прежде чѣмъ подложность ея обнаружилась, Государь тревожился мыслію о необходимости разстрѣлять Сперанскаго, о чемъ и говорилъ тайному своему собесѣднику, Дерптскому профессору Парроту. И такъ Шведъ и Полякъ, въ важнѣйшія минуты Русской жизни, участвовали въ устраненіи самаго способнаго Русскаго человѣка отъ участія въ дѣлахъ государственнаго управленія.

Страшный погромъ, испытанный Россіею въ 1812 году, потребовалъ не военныхъ только жертвъ, и одною изъ этихъ жертвъ былъ нашъ геніальный Сперанскій. Любопытно однако, что сначала въ Нижнемъ Сперанскому

жилось хорошо: онъ устраивалъ себѣ домъ, Государь посылалъ ему даже любимаго вина. По вступленіи Наполеона въ Россію немногіе еще думали, что онъ дойдетъ до Москвы. На Макарьевской ярмаркѣ Сперанскій вымѣнивалъ ассигнаціи на золотую монету и въ одномъ письмѣ къ Масальскому проговорился, что не будетъ покоенъ, пока у дочери его Лизы не накопится подъ изголовьемъ нѣсколько тысячъ червонцевъ. Письма тогда читались, а если это письмо послано не по почтѣ, то и за Масальскимъ могли быть соглядатаи. Записки Санглена удостовѣряютъ насъ, въ какомъ ходу была эта часть. Недаромъ графъ Растопчинъ, вступивъ въ должность главнокомандующаго въ Москвѣ, поспѣшилъ распорядиться, чтобы почтовое вѣдомство перешло отъ масона Ключарева въ другія болѣе надежныя руки. Слухи о разговорахъ Сперанскаго съ купцами на ярмаркѣ доходили до Москвы. Въ народѣ, даже на своей родинѣ, въ селѣ Черкутинѣ, Сперанскій прослылъ измѣнникомъ; изъ Москвы поѣхало нѣсколько человѣкъ въ Нижній убить Сперанскаго, и его недоброжелателю графу Растопчину (вполнѣ убѣжденному однако въ его политической невиновности) пришлось черезъ своихъ сыщиковъ спасать Нижегородскаго изгнанника. По донесенію Нижегородскаго вице-губернатора о томъ, что на завтракѣ у архіерея, Сперанскій не стѣсняясь говорилъ про вѣротерпимость Наполеона, послѣдовала его ссылка изъ Нижняго въ дальнюю Пермь. Государь уже никогда не возвращалъ ему своего благорасположенія, и только по кончинѣ Армфельда, допустилъ его вновь на службу. Много позже, по возвращеніи Сперанскаго изъ Сибири, Карамзинъ неоднократно совѣтовалъ Александру Павловичу воспользоваться дарованіями и опытностью Сперанскаго и напоминалъ ему о томъ даже и въ послѣднее свиданіе, когда Государь, уѣзжая въ Таганрогъ, пилъ у Карамзина чай въ Китайскомъ домикѣ Царскаго Села. Отзывы Государя о Сперанскомъ всякій разъ бывали рѣзки и для Сперанскаго оскорбительны. (Слышано отъ графа Д. Н. Блудова). Съ своей стороны, Сперанскій называлъ Александра Павловича „Сущій прельститель“. Дружба съ Магницкимъ конечно была вредна Сперанскому; но появившійся недавно въ Дневникѣ Никитенки разсказъ о похищеніи государственныхъ бумагахъ принадлежитъ конечно къ числу сплетень. П. Б.

КЪ ИСТОРІИ ТОРГОВЫХЪ СНОШЕНІЙ МОСКВЫ СЪ ЗАКАВКАЗЬЕМЪ.

Въ развитіи торговыхъ сношеній Москвы съ Закавказьемъ сдѣланъ былъ значительный шагъ впередъ въ 1844 и 1845 годахъ; а именно, тогда были образованы Московскими фабрикантами двѣ компаніи для торговли Русскими произведеніями въ Закавказьѣ и Закавказскими въ Россіи. До тѣхъ поръ эти сношенія производились только черезъ Тифлисскихъ Армянъ *); но эти посредники зачастую злоупотребляли открытымъ имъ Московскими фабрикантами кредитомъ и потому тормозили сношенія Москвы съ Закавказьемъ.

Въ нашей печати, къ сожалѣнію, ни разу не появилось правдивой исторіи возникновенія и дѣйствій этихъ двухъ Московскихъ товариществъ. Напротивъ, совершенно невѣрныя свѣдѣнія о нихъ нашли себѣ мѣсто не только въ книгѣ анонимнаго автора, изданной подъ громкимъ заглавіемъ „Современная Россія", но и въ „Воспоминаніяхъ" почтеннаго А. М. Фадѣева (Русскій Архивъ 1891 г. вып. X, стр. 236—7.) Въ книгѣ „Современная Россія" встрѣчается много неточностей и видна тенденціозность, слишкомъ развязно направленная къ глумленію надъ Московскимъ, да и вообще Русскимъ, купечествомъ, причемъ авторъ исказилъ факты, относящіеся къ основанію въ Москвѣ Комерческаго Училища, умолчалъ о Комерческой Практической Академіи, существующей въ Москвѣ уже около шестидесяти лѣтъ, невѣрно изложилъ исторію основанія въ Москвѣ и Петербургѣ „Магазина Русскихъ Издѣлій", и многое другое, относящееся къ другимъ областямъ Русской дѣйствительности представлено въ невѣрномъ освѣщеніи. Конечно, разсказъ анонимнаго автора не можетъ внушать въ читателѣ довѣрія къ его изложенію. Совсѣмъ иначе относится читатель къ историческимъ показаніямъ такой важности, какъ „Воспоминанія" достопочтеннаго А. М. Фадѣева. Изъ уваженія къ его памяти, я считаю себя обязаннымъ возстановить истину главныхъ фактовъ, которыми сопровождалось основаніе обоихъ обществъ для торговли Русскими произведеніями въ Закавказьѣ. Ихъ не знали многіе изъ самихъ учредителей, а

*) Съ конца 30-хъ годовъ только одинъ, высокопредпріимчивый Иванъ Өедоровичъ Барановъ развелъ близъ Дербента около 20 тыс. десятинъ плантацій *марены*, которую вывозилъ оттуда въ Нижній и Москву.

слѣдовательно не могъ знать и А. М. Фадѣевъ, и потому онъ повторилъ лишь то, что̀ слышалъ въ Тифлисѣ.

Мысль и проектъ предпріятія принадлежатъ всецѣло моему покойному брату, Александру Ѳедоровичу Рязанову; его личному почину и труду обязано оно своимъ возникновеніемъ. На моихъ глазахъ братъ мой писалъ свои записки и проектъ компаніи.

Въ 1841 году братъ мой, тогда 18-ти лѣтній юноша, принялъ на себя нелегкое порученіе знаменитаго мануфактуриста, Тимоѳея Васильевича Прохорова [1]), основавшаго въ 1800 году ситцевую, а въ 1816 бумагопрядильную фабрики въ Москвѣ, между Трехгорной заставой и Прѣсненскими прудами, отправиться въ Тифлисъ, чтобы взыскать по векселямъ долги Прохорову съ тамошнихъ Армянъ за купленные ими товары. Исполненіе этой задачи встрѣтило столько трудностей, что брату моему, не смотря на выдающіяся его способности, пришлось прожить въ Тифлисѣ больше двухъ лѣтъ. Онъ вернулся въ Москву лѣтомъ 1843 года. Въ это же, приблизительно, время пріѣхалъ въ Москву новый предсѣдатель (послѣ Самойлова) Московскаго Отдѣленія Совѣта Мануфактуръ и Торговли, баронъ Александръ Казимировичъ Мейендорфъ. Прохоровъ представилъ ему моего брата, отрекомендовавъ его въ качествѣ коми-вояжера, изучившаго промышленность и торговлю въ Закавказьѣ. Баронъ Мейендорфъ заинтересовался его свѣдѣніями, долго съ нимъ бесѣдовалъ и далъ ему прочесть въ книжкѣ „Журнала Мануфактуръ и Торговли“, статью Гагемейстера [2]). Въ этой статьѣ Гагемейстеръ доказывалъ очевидную нелѣпость: онъ утверждалъ, что Русскимъ фабрикантамъ и торговцамъ нечего дѣлать въ Закавказьѣ, что оно-де не нуждается въ Русскихъ товарахъ (!?). Такъ разсуждалъ этотъ чиновникъ Министерства Финансовъ! Баронъ просилъ брата Александра написать свою критику на статью Гагемейстера, такъ какъ Тифлисскіе и другіе Армяне изъ Закавказья постоянно пріѣзжали въ Москву и покупали произведенія ея фабрикъ.

Братъ мой въ своей запискѣ указалъ на новые товары, въ которыхъ нуждаются жители Закавказья вообще, и простой народъ въ особенности, покупающій для одежды нѣкоторые товары, производимые въ Персіи, которые, однакожъ, можетъ доставлять Москва. Эта записка послужила основаніемъ другой, въ которой братъ изложилъ уже проектъ учрежденія торговой компаніи. Вслѣдъ затѣмъ устроились особыя засѣданія фабрикантовъ, въ присутствіи самого барона и брата Александра. Въ этихъ-то засѣданіяхъ приведенныя моимъ братомъ разъясненія взманили фабрикан-

[1]) О немъ А. М. Фадѣевъ ошибочно говоритъ, что Гагемейстеръ рекомендовалъ компаніи Ѳ. Ѳ. Бобылева. Гагемейстеръ познакомился съ Бобылевымъ тогда, когда послѣдній былъ уже въ Тифлисѣ директоромъ компаніи.

[2]) О немъ, какъ о любителѣ богословія, упоминается въ Запискахъ Гилярова-Платонова. Т. В. Прохоровъ былъ лично извѣстенъ Государю Николаю Павловичу, какъ фабрикантъ и особенно какъ первый основатель въ 1816 году фабричной школы въ Россіи, предварившій задолго основаніе подобныхъ школъ въ Западной Европѣ.

товъ образовать компанію для торговли за Кавказомъ. Во главѣ ея учредителей стали: Семенъ Логиновичъ Лепешкинъ, Иванъ Ѳедоровичъ Барановъ, братья Четвериковы, братья Прохоровы, Тимоѳей Николаевичъ Ремезовъ и другіе. У Ремезова была за Трехгорной заставой суконная фабрика, которою управлялъ Ѳедотъ Ѳедотовичъ Бобылевъ.

Предстояло выбрать директора для управленія дѣлами новоучреждаемой компаніи въ Тифлисѣ. При этомъ выборѣ составитель проекта, подъ предлогомъ его молодости, не только не былъ выбранъ въ директоры (что̀ было, пожалуй, благоразумно), но даже устраненъ отъ всякаго участія въ предпріятіи (вслѣдствіе чего потомъ и распалась компанія, потерпѣвъ убытки). Выборъ въ директоры палъ на Ѳ. Ѳ. Бобылева. Принявъ это приглашеніе, Бобылевъ передалъ управленіе фабрикою Ремезова самому ея владѣльцу. Послѣдній принялъ отказъ Бобылева отъ управленія фабрикой съ притворнымъ равнодушіемъ и не показалъ ему вида, что желалъ удержать при своемъ дѣлѣ крайне-полезнаго и нужнаго ему человѣка; а въ средѣ соучредителей, между тѣмъ, сталъ просить, чтобъ его не лишали услугъ Бобылева. Большинство учредителей объявили Бобылеву, что не желаютъ сдѣлать его директоромъ компаніи, словомъ, отказали ему отъ новой должности въ угоду Ремезову. Бѣдный Ѳедотъ Ѳедотовичъ очутился между двухъ стульевъ! Ремезовъ же молча ждалъ, что Бобылевъ станетъ проситься у него въ прежнюю должность; но ждалъ напрасно: Бобылевъ не хотѣлъ больше имѣть съ нимъ дѣла, хотя очутился въ крайне-затруднительномъ положеніи. Вскорѣ за него вступился самый богатый, и при томъ самый умный изъ учредителей, Семенъ Логиновичъ Лепешкинъ. Онъ объявилъ, что съ Бобылевымъ поступили нехорошо и потребовалъ, чтобъ онъ, а никто другой, былъ директоромъ компаніи въ Тифлисѣ. Тогда партія Ремезова отказалась отъ участія *въ этой* компаніи и составила въ послѣдствіи *вторую* компанію, избравъ въ директоры своего соучредителя, мануфактуръ-совѣтника Павла Назаровича Рогожина. Такимъ образомъ образовались *двѣ* Московскія компаніи въ Тифлисѣ: первая подъ управленіемъ Бобылева, а позднѣйшая подъ управленіемъ Рогожина *). Понятно, что онѣ сразу вступили въ соперничество.

Такова истинная исторія образованія компаніи, раздѣлившейся на пагубу предпріятія, обѣщавшаго много.

Изъ разсказаннаго мною видно, что какъ анонимный авторъ книги „Современная Россія“, такъ и А. М. Фадѣевъ ошиблись, приписавъ почннъ образованія Московскаго предпріятія въ Тифлисѣ князю Воронцову. Напротивъ, самъ князь Михаилъ Семеновичъ приписывалъ всю заслугу этого почина и самую мысль о предпріятіи барону А. К. Мейендорфу и, сколько мнѣ извѣстно, это обстоятельство и побудило князя пригласить барона Мейендорфа на службу въ Грузію. Баронъ А. К. лучше всѣхъ воспользовался идеей моего брата въ своемъ личномъ интересѣ и для того,

*) А. М. Фадѣевъ ошибался, принимая эти двѣ компаніи за одну.

повидимому, онъ постарался оставить его въ тѣни и ни причемъ. Но совѣсть барона въ отношеніи моего брата не осталась въ покоѣ, и когда мнѣ довелось, въ Мартѣ 1851 года, обратиться къ Александру Казимировичу (не бывъ лично ему знакомымъ) съ письмомъ брата, который просилъ его помочь мнѣ получить въ Имеретіи двѣсти десятинъ казенной земли, для разведенія табачной плантаціи, то баронъ охотно далъ мнѣ рекомендательное письмо къ князю Александру Ивановичу Гагарину, Кутаисскому губернатору и къ вице-губернатору Николаю Петровичу Колюбакину. Благодаря этимъ достойнымъ дѣятелямъ, и особенно незабвенному Николаю Петровичу, я могъ выбрать, а черезъ годъ и получить казенный участокъ, которымъ однакожъ не воспользовался, убѣдившись въ невозможности имѣть постоянныхъ рабочихъ среди туземцевъ, а Русскихъ тамъ не было вовсе.

Изложивъ исторію возникновенія предпріятія, нелишнимъ считаю указать на главныя причины кратковременности его существованія, вмѣсто несомнѣннаго успѣха, который ему сулили всѣ комерческія условія, которыя были на лицо. Кромѣ соперничества между двумя компаніями и недостатка контроля, причиною неудачи были отношенія учредителей первой компаніи къ дѣлу и къ директору Бобылеву. Эти отношенія были такъ уродливы, что могли сами по себѣ погубить любое предпріятіе. Въ фамиліи Бобылевыхъ было нѣсколько братьевъ; получивъ прекрасное воспитаніе и образованіе, они пользовались въ комерческомъ мірѣ Москвы репутаціей людей чрезвычайно даровитыхъ. Ѳедотъ Ѳедотовичъ имѣлъ талантъ и склонность къ литературѣ, что не мѣшало ему прекрасно вести дѣла фабрики Ремезова. Князь Воронцовъ скоро призналъ его достоинства, наградилъ его орденомъ, назначилъ церковнымъ старостой въ церкви Пріюта Св. Нины, позже далъ ему 200 десятинъ казенной земли и 25 тыс. руб. с. денегъ для разведенія на ней плантацій. Но милости князя Воронцова къ Бобылеву не понравились его Московскимъ патронамъ, и они, въ большинствѣ, вмѣсто того чтобы гордиться вниманіемъ всесильнаго намѣстника къ ихъ повѣренному и представителю, приняли вѣсть о пожалованіи Бобылева орденомъ какъ обиду; она привела ихъ въ негодованіе и возбудила въ нѣкоторыхъ изъ нихъ зависть. Таковъ-то былъ нравственный и умственный уровень многихъ изъ учредителей! „Какъ, за что ему орденъ? Почему не мнѣ, не тебѣ: вѣдь мы хозяева!“ Такъ вопрошали другъ друга разгнѣванные „хозяева“ Бобылева. Изъ нихъ одинъ г. Ч., такъ возненавидѣлъ Бобылева за орденъ, что *не распечатывалъ по недѣлямъ его писемъ* и даже хвалился этимъ въ Троицкомъ трактирѣ, показывая знакомымъ запечатанные конверты Бобылева.

При подобныхъ отношеніяхъ къ дѣлу и къ директору компаніи даже одного изъ наиболѣе „образованныхъ“ учредителей (носившаго фракъ), ясно, что не требовалось ни жалобъ Армянъ на компанію, ни ихъ происковъ для ея крушенія. Оправдалась евангельская истина: раздѣлившійся домъ развалится.

Нужно сказать, что тогдашнее именитое купечество наше крайне подозрительно и недоброжелательно относилось къ образованнымъ людямъ своего класса; оно предоставляло иностранцамъ дешево пользоваться ихъ трудомъ и способностями. Это обстоятельство составило одну изъ главныхъ причинъ чрезвычайно-быстрыхъ успѣховъ въ Москвѣ и въ Россіи вообще фирмъ иностранныхъ.

Послѣ закрытія дѣлъ первой компаніи, Бобылевъ занялся своей плантаціей; но, за невозможностію найти постоянныхъ рабочихъ, онъ принужденъ былъ пользоваться наемными рабочими изъ солдатъ мѣстнаго гарнизона. Но при этомъ условіи дѣло приносило убытки и не могло продолжаться. Бобылеву пришлось обратиться къ литературнымъ занятіямъ, и онъ употребилъ свой несомнѣнный талантъ въ дѣло, взялся издавать газету „Кавказъ", за что надъ нимъ напрасно подшучиваетъ почтенный А. М. Фадѣевъ.

Каждая изъ двухъ компаній въ Тифлисѣ просуществовала не болѣе десяти лѣтъ и закрылась, не пріобрѣтя учредителямъ ни чести, ни прибыли.

Замѣчательно то обстоятельство, что не только комерческій міръ Москвы, но сами учредители компаніи не всѣ знали хорошо или забыли, кто былъ создателемъ предпріятія. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ликвидаціи второй компаніи, бывшій ея директоръ П. Н. Рогожинъ, бесѣдуя однажды съ моимъ дядей, И. И. З., про бывшія дѣла компаніи, воскликнулъ: „проектъ дѣла былъ прекрасенъ; жаль, что неизвѣстно, *кто* его создалъ; этого человѣка слѣдовало просто „озолотить!"—„Я знаю хорошо этого человѣка—это мой племянникъ", отвѣчалъ дядя, „но онъ былъ обманутъ учредителями и остался ни причемъ."

Какъ ошибочны, а подчасъ и лицемѣрны часто повторяющіяся на всѣхъ поприщахъ дѣятельности жалобы: „у насъ нѣтъ людей!" Не правильнѣе ли было бы сознаться, что сами жалующіеся на безлюдье не всегда умѣютъ „быть людьми", ни находить „людей", ни узнавать ихъ. Для народа было бы полезнѣе, еслибъ въ такъ-называемомъ „интелигентномъ" слоѣ вообще, а особенно въ средѣ заправилъ торговыхъ, промышленныхъ, банковыхъ, желѣзнодорожныхъ и прочихъ дѣлъ было распространено—вмѣсто ссылки на мнимое безлюдье, вмѣсто кумовства, невѣжества и недобросовѣстной эксплоатаціи чужаго ума и труда—правило: цѣнить людей, а не эксплоатировать ихъ только и выдавать чужія мысли за свои собственныя. Много ли у насъ „людей" въ средѣ тѣхъ, которые ищутъ „людей?" На этотъ вопросъ дѣйствительность даетъ отвѣтъ отрицательный, и теперь пожалуй чаще, чѣмъ было 40 лѣтъ назадъ. „C'est triste, mais c'est vrai" *). Система нравственныхъ хищеній и неправдъ губительна не только нравственному здоровью, но и матеріальному благосостоянію зараженнаго ими общества.

Одесса, 5 Ноября 1891 г.

Д. Рязановъ.

---

*) Это печально, но это вѣрно.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О КНЯЗѢ В. Ѳ. ОДОЕВСКОМЪ.

И. В. Кирѣевскій въ своемъ «Обозрѣніи Русской Литературы 1829 года» говорилъ: «Прошу просвѣщенныхъ читателей обратить вниманіе на сочиненіе, которое хотя вышло ранѣе 1829 года, но имѣло вліяніе на его словесность; которое должно имѣть еще большее дѣйствіе на будущую жизнь нашей литературы; которое успѣшнѣе всѣхъ другихъ произведеній Русскаго пера должно очистить намъ дорогу къ просвѣщенію Европейскому; которымъ мы можемъ гордиться передъ всѣми государствами, гдѣ только выходятъ сочиненія такого рода; котораго изданіе было самымъ важнымъ событіемъ для блага Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ и важнѣе нашихъ блистательныхъ побѣдъ за Дунаемъ и Араратомъ, важнѣе взятія Эрзерума и той славной тѣни, которую бросили Русскія знамена на стѣны Царьградскія».

Это сочиненіе—доселѣ дѣйствующій *Цензурный Уставъ* 1828 года, и эти похвалы нѣсколько объясняются, во первыхъ тѣмъ, что ожидался было уставъ совсѣмъ драконовскій (вскорѣ послѣ осужденія Декабристовъ въ 1826-мъ году); во вторыхъ, кружку Московскому было извѣстно, что одинъ изъ составителей Устава былъ состоявшій при статсъ-секретарѣ Д. В. Дашковѣ князь Владимиръ Ѳедоровичъ Одоевскій, юный товарищъ Владимира Павловича Титова, С. А. Соболевскаго, М. П. Погодина и пр.; въ-третьихъ, многія статьи Устава въ самомъ дѣлѣ отличаются полною справедливостью, такъ, напримѣръ, чтобы всякое двусмысліе объяснять не противъ, а въ пользу автора и т. п. Не помнимъ теперь подробностей; но самъ князь Одоевскій объяснялъ какою-то формальностію ту странность, что позднѣе Уставъ напечатанъ былъ въ Сводѣ Законовъ два раза: одинъ въ самомъ корпусѣ, а другой разъ какъ особое приложеніе къ Своду.

Слишкомъ 20 лѣтъ прошло со смерти князя В. Ѳ. Одоевскаго, а живо еще вспоминаются его Пятницы, оставшіяся, кажется, незамѣнимыми для Москвы. Служа безкорыстно наукѣ и искусству (особенно Русскому), онъ не на словахъ только показывалъ участіе ко всѣмъ трудящимся на этомъ довольно тернистомъ поприщѣ... и притомъ чуждъ былъ исключительности. Кого не бывало у него! И молодыя дѣвицы, которымъ онъ читалъ «Пятничныя» лекціи музыки и его сѣдовласые товарищи-сенаторы, и Тургеневъ съ Фетомъ и Григоровичемъ, и Славянофилы, и Западники, и Орелъ-Ошменцовъ, извѣстный потомъ бѣдствіями своей большой и замѣчательной библіотеки... Когда пресловутый Кельсіевъ воротился изъ-за границы, П. И. Мельниковъ привозилъ къ князю Одоевскому показать и эту рѣдкость... Но всего не перечесть.

О. О.

ВЛАДИМИРЪ ПАВЛОВИЧЪ ТИТОВЪ.

Письмо къ издателю „Русскаго Архива“.

Вы меня просите написать о покойномъ Владимирѣ Павловичѣ Титовѣ, и я берусь за перо, хотя чувствую, что задача мнѣ далеко не по силамъ. Нѣтъ у меня здѣсь въ деревнѣ и требующихся источниковъ для составленія хотя бы и краткаго очерка его продолжительной, трудовой и полезной жизни. По неволѣ приходится ограничиться отрывочными свѣдѣніями, которыя сохранились въ моей памяти и которыя могутъ только имѣть значеніе матеріала для будущей его біографіи.

В. П. Титовъ родился въ родовомъ помѣстьѣ Титовыхъ, селѣ Новикахъ, Спасскаго уѣзда Рязанской губерніи, 28 Февраля 1807 года. Объ отцѣ его знаю только, что онъ дожилъ до сороковыхъ годовъ, живя большею частью въ деревнѣ. Мать В. П. Титова, весьма замѣчательная по возвышенному характеру женщина, приходилась родной сестрой извѣстному министру юстиціи Дмитрію Васильевичу Дашкову и скончалась, кажется, въ 1859 году лѣтъ около 80-ти. Передъ смертью она успѣла докончить постройку новой каменной церкви въ селѣ Новикахъ и подъ ней похоронена. Тамъ-же теперь покоятся В. П. Титовъ и единственный его сынъ Вячеславъ Владимировичъ.

У родителей В. П. Титова было много дѣтей, и десятеро изъ нихъ дожили до взрослыхъ лѣтъ. Старшій сынъ, Петръ Павловичъ, скончавшійся въ 1878 году, служилъ сперва въ военной службѣ, былъ, кажется, адъютантомъ у графа Ф. В. Сакена и позднѣе считался прикосновеннымъ къ дѣлу декабристовъ, что̀ отразилось на его дальнѣйшемъ поприщѣ. За Петромъ Павловичемъ слѣдовали по порядку Ѳеодосія (умерла взрослой дѣвицей), Николай (женатый на Телепневой, отъ которой дочь—супруга д. т. с. Евг. Петр. Новикова), Владимиръ, Анна (умерла дѣвицей), Александръ и Алексѣй (умерли холостыми и моложе 30 лѣтъ), Анастасія (дѣвица), Софья (была за мужемъ за артилерійскимъ генераломъ, добрѣйшимъ И. И. Глушковымъ) и Елисавета (вдова г. Мордвинова). Въ живыхъ находятся теперь только сестры Анастасія и Елисавета.

Раннее дѣтство отъ 2 до 7 лѣтъ Владимиръ Павловичъ провелъ у своей бабушки Дашковой въ Тонинѣ, тоже Спасскаго уѣзда, въ недалекомъ разстояніи отъ Новиковъ, затѣмъ отъ 7 до 11 л. въ родительскомъ

домѣ въ Новикахъ и, наконецъ, въ Москвѣ, въ Медвѣжьемъ переулкѣ близъ Малой Дмитровки. Въ Москвѣ онъ учился въ Благородномъ Пансіонѣ при Университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи извѣстныхъ профессоровъ того времени *) не только по предметамъ для него обязательнымъ, историко-филологическимъ, юридическимъ и философскимъ, но изъ любопытства посѣщалъ также курсы медицинскихъ и естественныхъ наукъ. Владимиръ Павловичъ очевидно сумѣлъ пріобрѣсть тогда солидную основу образованія. На 17-мъ году, въ Декабрѣ 1823 года, онъ былъ принятъ на службу въ Московскій Главный Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ и являлся къ своему начальнику Малиновскому, жившему тогда въ помѣщеніи главнаго смотрителя Страннопріимнаго Дома графа Шереметева.

Въ продолженіи четырехъ лѣтъ службы „архивнымъ юношей“ Владимиръ Павловичъ вращался среди самаго просвѣщеннаго и блестящаго, въ литературномъ отношеніи, общества Москвы. Его друзья и товарищи были братья Кирѣевскіе, князь Одоевскій, Кошелевъ, Погодинъ, Шевыревъ, Свербеевъ, Веневитиновъ и многіе другіе. Онъ посѣщалъ литературные вечера княгини Зинаиды Александровны Волконской и тамъ видалъ Пушкина и Мицкевича. Помнится мнѣ между прочимъ, что на одномъ изъ этихъ вечеровъ онъ былъ очевидцемъ нечаяннаго разбитія А. Н. Муравьевымъ гипсовой статуи Аполлона Бельведерскаго, что́ вызвало извѣстный экспромтъ Пушкина: „Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ и т. д.“

Къ этому же періоду относятся и его занятія изящной литературой, о которыхъ было недавно упомянуто въ некрологическихъ замѣткахъ. Могу только прибавить, что на мой вопросъ объ участіи въ издававшемся тогда въ Москвѣ Энциклопедическомъ Словарѣ Селивановскаго (о чемъ было печатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890 года), Владимиръ Павловичъ отвѣчалъ, что дѣйствительно помѣстилъ тамъ нѣсколько статей оригинальныхъ и переводныхъ, по просьбѣ издателя и за денежную плату. О познаніяхъ его въ древне-греческомъ языкѣ находимъ указаніе въ данномъ ему прозвищѣ Эллина. Это прозвище между прочимъ находится въ слѣдующихъ шуточныхъ стихахъ Шевырева 1826 года:

Но вотъ Лихонинъ молодой
Вступилъ съ атлетомъ новымъ
О псальмахъ въ смертоносный бой,
Со *Эллиномъ* Титовымъ.
Изъ устъ его текутъ рѣкой
Субъектъ, периферія,
Міры и малый, и большой,
Все словеса пустыя!

Въ 1828 году В. П. Титовъ переѣхалъ на службу въ Петербургъ въ Азіатскій Департаментъ Мин. Иностр. Дѣлъ и поселился у дяди своего Д.

---

*) Изъ числа этихъ профессоровъ, о которыхъ вспоминалъ Владимиръ Павловичъ, помню имя Побѣдоносцева, отца нынѣшняго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода.

В. Дашкова. Здѣсь, вѣроятно, онъ познакомился съ близкимъ другомъ Дашкова, моимъ отцемъ Аполлинаріемъ Петровичемъ Бутеневымъ, который, уѣзжая въ Декабрѣ 1830 въ Константинополь, увезъ его съ собою чиновникомъ посольства. Лѣтомъ 1831 года В. П. ѣздилъ въ Грецію съ порученіемъ къ нашему резиденту Рикману и любилъ потомъ вспоминать объ этой поѣздкѣ. Онъ тогда бывалъ въ Паросѣ на эскадрѣ Рикорда (на которой служилъ дипломатическимъ агентомъ другой Дашковъ—Яковъ Андреевичъ), въ Навпліи, гдѣ познакомился съ графомъ Каподистріей, наконецъ, въ Аѳинахъ, гдѣ онъ еще засталъ Турокъ, имѣвшихъ свою мечеть чуть-ли не на акрополисѣ.

Въ половинѣ 30 хъ годовъ В. П. ѣздилъ изъ Константинополя въ отпускъ въ Италію и Германію, и былъ въ Прагѣ у знаменитыхъ славистовъ, слушалъ лекціи философіи въ Мюнхенѣ и тамъ видѣлся съ Тютчевымъ. Объ этомъ путешествіи упоминается въ недавно изданной біографіи Погодина.

Въ Апрѣлѣ 1839 года въ Петербургѣ, В. П. Титовъ женился на младшей дочери графа Иринея Іоахимовича Хрептовича, Еленѣ Иринеевнѣ, съ которой познакомился въ Константинополѣ, когда она, въ сопровожденіи родителей, пріѣзжала туда для свиданія съ моей матерью Маріей Иринеевной, родной ея сестрой. Вслѣдъ за женитьбой, Вл. Павл. уѣхалъ съ женой въ Бухарестъ, гдѣ состоялъ въ должности генеральнаго консула. Въ 1840 году отецъ мой получилъ продолжительный отпускъ (вслѣдствіе тяжкой болѣзни моей матери), и Влад. Павловичъ остался въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ. Ему было тогда всего 33 года, и онъ дѣйствовалъ такъ успѣшно, что въ слѣдующемъ году получилъ чинъ дѣйств. статскаго совѣтника, а затѣмъ по окончательномъ отъѣздѣ моего отца въ Іюлѣ 1843 года изъ Константинополя въ Римъ, Влад. Павловичъ былъ утвержденъ на его мѣсто посланникомъ и занималъ это мѣсто до самой Крымской войны. О его дѣятельности, какъ посланника въ Царь-Градѣ въ эту трудную эпоху, не мнѣ, разумѣется, говорить; скажу только, что при немъ выстроенъ дворецъ Русскаго посольства въ Перѣ и что по семейнымъ причинамъ онъ уѣзжалъ въ отпускъ въ Германію (повѣреннымъ въ дѣлахъ тогда оставался М. М. Устиновъ), гдѣ видѣлся съ Жуковскимъ, кн. Вяземскимъ и другими извѣстными лицами. Во время Крымской войны, В. П. Титовъ былъ отправленъ на извѣстныя конференціи въ Вѣну въ помощь князю А. М. Горчакову. Послѣ Вѣнскихъ конференцій Титовъ служилъ посланникомъ въ Штутгардѣ и съ этихъ поръ удостоился пріобрѣсть никогда не прекратившуюся дружбу и уваженіе Королевы Ольги Николаевны, тогда еще Наслѣдной Принцессы Виртембергской, съ которой находился въ перепискѣ до самой своей смерти. Въ 1856 году Титовъ, какъ извѣстно, былъ призванъ руководить образованіемъ покойнаго Государя Наслѣдника Цесаревича и нынѣшняго Государя Императора, но оставался въ этой почетной должности не долго и въ 1858 году былъ снова посланникомъ въ Штутгардѣ.

Въ Апрѣлѣ 1865 года, когда въ Ниццѣ скончался Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Владимиръ Павловичъ тотчасъ испросилъ разрѣшеніе поѣхать поклониться его праху и затѣмъ сопровождалъ тѣло усопшаго на фрегатѣ „Александръ Невскій“ до самаго Кронштадта. Въ концѣ 1865 года Владимиръ Павловичъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта, и тутъ кончается его дипломатическое поприще и начинается самая разнообразная его дѣятельность по разнымъ отраслямъ внутренняго управленія, продолжавшаяся около 25 лѣтъ. Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта, въ которомъ онъ съ 1882 г. предсѣдательствовалъ, почетное опекунство и завѣдываніе учебной частью въ женскихъ институтахъ, Археографическая Коммиссія (гдѣ до самой кончины былъ онъ предсѣдателемъ), наконецъ занятія по веденію хозяйства въ родовомъ имѣніи Новикахъ и въ купленномъ другомъ имѣніи близъ Рязани (въ обоихъ имѣніяхъ сооружены имъ прекрасныя зданія народныхъ училищъ), наконецъ въ лѣтнее время земскія собранія и съѣзды мировыхъ судей, поглощали все его время. И надо было видѣть, какъ онъ работалъ! Всѣ присылаемыя ему бумаги онъ внимательно прочитывалъ отъ начала до конца и затѣмъ, до поздняго часа ночи, писалъ стоя, по обыкновенію, у высокой конторки.

Въ 1883 году на коронаціи Владимиръ Павловичъ былъ приставленъ къ большой Императорской коронѣ и получилъ орденъ Святаго Андрея Первозваннаго при лестномъ и милостивомъ рескриптѣ.

Кончая здѣсь сухой, и безъ сомнѣнія неполный, перечень главныхъ событій служебной жизни В. П. Титова, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о немъ какъ о человѣкѣ.

Всякая несправедливость и незаконность его глубоко возмущали; онъ былъ дѣйствительно „алчущій и жаждущій правды“, и это, быть можетъ, самая отличительная его черта. Другой чертой очень выдающейся въ немъ была ненасытная пытливость ума, доходившая иногда, по усвоенной привычкѣ, почти до смѣшнаго. Вся область человѣческаго мышленія и знанія всегда его привлекала, и онъ всѣмъ интересовался до такой степени, что Тютчевъ про него говорилъ въ шутку, что Титову какъ будто назначено Провидѣніемъ составить опись всего міра (faire l'inventaire de la création). По складу ума Владимиръ Павловичъ Титовъ былъ, какъ мнѣ кажется, болѣе теоретикъ, нежели практикъ, настоящій кабинетный труженикъ. Любимымъ занятіемъ его было чтеніе, отъ легкаго романа и газетнаго фельетона до самаго отвлеченнаго сочиненія. Изящныя искусства, кромѣ поэзіи, его мало занимали. Не смотря на юность, проведенную въ Москвѣ и близость къ Кирѣевскимъ, Погодину и Чешскимъ славистамъ, Владимиръ Павловичъ, по крайней мѣрѣ въ преклонномъ возрастѣ, когда я его узналъ, не былъ славянофиломъ и не сочувствовалъ проявленіямъ племенной исключительности. Въ домашнемъ кругу онъ былъ прекрасный семьянинъ, самый любящій родственникъ и вѣрный другъ своихъ друзей, а такихъ у него было много, радушный хозяинъ-хлѣбосолъ, интереснѣйшій

собесѣдникъ. Память ему не измѣнила до послѣднихъ дней жизни, несмотря на упадокъ силъ, вызванный не столько лѣтами, сколько тяжкими болѣзнями, перенесенными имъ съ 1886 по 1889-й годъ. Ему суждено было пережить своихъ дѣтей: дочь Марію, замѣчательную по сердцу, уму и красотѣ, скоро лишившуюся своего мужа флиг.-адъютанта князя Льва Александровича Чернышева и скончавшуюся послѣ многолѣтней болѣзни въ 1878 году, и сына Вячеслава, убившагося въ 1880 году при паденіи съ лошади.

Люди давно и близко знавшіе его говорили мнѣ, что въ молодыхъ лѣтахъ Влад. Павловичъ былъ нрава часто очень горячаго и нетерпѣливаго, былъ честолюбивъ и отъ массы воспринятой имъ Германской философіи относился скептически ко многому въ области религіи. Всѣ эти черты съ годами совершенно у него исчезли, обузданныя и переработанныя отчасти могучей силой воли, отчасти жизненнымъ опытомъ. Мнѣ, знавшему его близко съ начала 60-хъ годовъ, трудно себѣ представить человѣка теплѣе и искреннѣе вѣрующаго и набожнаго, менѣе честолюбиваго, болѣе кроткаго и терпѣливаго, одинаково привѣтливаго со всѣми. Въ послѣдніе годы жизни онъ являлъ собой поучительный примѣръ человѣка много видѣвшаго, испытавшаго, передумавшаго и перечувствовавшаго, при этомъ вполнѣ готоваго ежечасно предстать передъ Творцемъ и смотрѣвшаго почти уже чуждымъ, но любящимъ и снисходительнымъ взоромъ на все земное. Миръ твоему праху, достойный человѣкъ!

Константинъ Бутеневъ.

ПИСЬМО Д. В. ДАШКОВА КЪ А. А. ПРОКОПОВИЧУ-АНТОНСКОМУ

(Директору Университетскаго Благороднаго Пансіона).

Буюкдере, близъ Константинополя, 15 (27) Ноября 1818.

Милостивый государь Антонъ Антоновичъ!

Въ полной надеждѣ на всегдашнее ко мнѣ благорасположеніе вашего превосходительства, я смѣло обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею моею просьбою. Исполненіемъ оной чувствительнѣйше меня обязать изволите.

Съ истиннымъ удовольствіемъ узналъ я изъ писемъ зятя моего, Павла Петровича Титова, что онъ рѣшился помѣстить одного изъ сыновей своихъ въ Универ. Пансіонъ и ввѣрить его благотворному руководству вашему. Спѣшу поздравить моего зятя съ симъ намѣреніемъ, зная по собственному опыту, какую существенную пользу сынъ его получить можетъ. Знаю также, что частныя рекомендаціи при васъ излишни и что всѣ пансіонеры равно дѣти ваши. Но желаніе совершенно успокоить на счетъ сей родительское, а особливо материнское

сердце, и при томъ увѣренность, что чѣмъ внимательнѣе, чѣмъ чаще обращаются на молодаго питомца взоры просвѣщенныхъ, достойноуважаемыхъ наставниковъ, тѣмъ болѣе возбуждается въ немъ чувство благороднаго соревнованія: вотъ причины моего особеннаго о немъ ходатайства. Если дядя не совсѣмъ воспользовался тѣми выгодами, кои представляло ему мѣсто воспитанія, то пусть племянникъ оными вполнѣ воспользуется. Въ немъ много добрыхъ привычекъ, прилежности, дарованій; надѣюсь смѣло, что, при благосклонномъ вниманіи вашемъ, онъ оставитъ пансіонъ съ отличнымъ образованіемъ.

Очень бы желалъ я лично принести вамъ, милостивый государь, сію покорнѣйшую объ немъ просьбу; но долгъ службы удерживаетъ меня на берегахъ Воспора, въ отдаленіи отъ отчизны, семейства и друзей. Здѣшняя жизнь много вредитъ моему здоровью. Климатъ не по мнѣ и въ моральномъ, и въ физическомъ смыслѣ; безъ людей мертва прекраснѣйшая природа. Не худо побывать здѣсь, взглянуть примѣчательно на нравы полуазіятскаго, полуварварскаго народа, на картину величественныхъ береговъ Европы и Азіи; но долго жить здѣсь не совѣтую существу разумному и чувствительному.

Въ минуты свободныя отъ дѣла, стараюсь доставить себѣ утѣшеніе прилежнымъ изученіемъ Греческаго языка: оно много меня занимаетъ. Читаю уже Омира, Платона, Димосѳена и радуюсь, что польза службы соединилась съ давнишнею склонностію, дабы пріохотить меня къ сему предпріятію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣю, что не прежде началъ учиться, когда лекціи Университетскія представляли мнѣ всѣ возможныя къ тому средства.

Примите, милостивый государь, искреннѣйшее увѣреніе въ томъ совершенномъ почтеніи и преданности, съ коими честь имѣю навсегда пребыть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Дмитрій Дашковъ.

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ТУРГЕНЕВА КЪ КНЯЗЮ А. Н. ГОЛИЦЫНУ *).

Парижъ, 1842, 1 (13) Января.

Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ!

Вчера получилъ я секретное письмо ваше отъ 13 Декабря о моей отставкѣ, о чинѣ, о пенсіи. Ходатайство ваше тронуло меня до слезъ. Перечитываю послѣднія слова ваши и повторяю то, чтó сердце ваше, Богомъ и мыслію о соединеніи съ Нимъ исполненное, внушило вамъ въ этихъ строкахъ, кои останутся моимъ лучшимъ утѣшеніемъ. *Въ послѣдній разъ* и я на письмѣ благодарю васъ за то, что вы меня невиннаго передъ Отечествомъ, естьли и не передъ Богомъ, защищали, сохраняли до послѣднихъ минутъ вашей государственной дѣятельности Это одно должно бы было служить щитомъ для меня и на остатокъ дней моихъ; но и послѣ васъ Богъ не оставитъ меня. Надежда моя давно не на людей, и къ вамъ прибѣгалъ я по вѣрѣ въ Него. Богъ внушалъ мнѣ и мою довѣренность къ вамъ, и вашему сердцу отеческія обо мнѣ попеченія. Вы угадали, вы знали «*давнишняго и всегда вамъ любезнаго сотрудника*».

Я бы гордился сими словами, если бы гордость, а не глубокая, нѣжная признательность наполняла мое сердце. Разлученный съ вами, и слѣдовательно безпристрастный, какъ моя вѣрная любовь къ вамъ, изъ глубины души и сердца, вашими же чувствами оживляемаго, умоляю васъ: и въ самомъ уединеніи, въ бесѣдахъ съ единымъ Богомъ, любить Его и служить Ему въ людяхъ, до послѣдняго, великаго часа, который, волею Его, а не вашею, отниметъ васъ отъ нихъ и передастъ въ лоно Отчее, куда мои и многихъ другихъ молитвы пойдутъ за вами или предварятъ васъ. Не оставляйте сирыхъ и бѣдныхъ, не отрывайте ихъ отъ вашего любящаго, христіанскаго сердца. Не ли-

---

*) Бывшему оберъ-прокурору Св. Синода. А. И. Тургеневъ долгое время управлялъ его канцеляріей. П. Б.

шайте себя этого единственнаго, по вѣрѣ, блага, единственнаго оправданія передъ Богомъ. Да будетъ послѣднимъ движеніемъ вашимъ—милостыня; послѣднимъ взоромъ—утѣшеніе другихъ, послѣднимъ вздохомъ—молитва за нихъ и за себя. Изнемогающею рукою, умирающимъ на устахъ словомъ оправдайте вѣру вашу дѣлами. Еще столько несчастныхъ вокругъ васъ, еще столько правыхъ, ищущихъ защиты! Сохраните имъ себя, побѣдите ваши немощи, отдайте въ сѣни смертнѣй сѣдящимъ послѣдній лучъ свѣта вашего, послѣднее движеніе вашего сердца. Одна любовь говоритъ во мнѣ, одна любовь этими словами умоляетъ и благодаритъ васъ; не о себѣ, а васъ за васъ прошу. Испытайте меня, укажите мнѣ дѣло, и совершу его; но довершите и вы весь подвигъ вашъ. Не отнимайте у себя ни одного добраго дѣла, ни одного чувства, ни одной мысли во благо другихъ, а особливо братьевъ нашихъ, бѣдныхъ и сирыхъ: ихъ сердцемъ и ихъ устами говорю вамъ также чистосердечно, какъ моя любовь къ вамъ.

Говорить ли вамъ о себѣ и о своемъ будущемъ, нынѣ безъ земнаго покровителя оставшемся? Буду продолжать жить у могилы одного брата и въ семействѣ другаго; но жить не безъ труда, хотя трудъ сей и не будетъ уже охраняемъ вами. Сколько здоровье и силы братскаго сердца позволятъ, буду жить и въ Москвѣ, подъ кровомъ благочестія моей доброй сестры *) и, въ устраненіи отъ дѣлъ, утѣшать себя трудами для прошедшаго Россіи. Вѣроятно Архивъ Московскій будетъ также закрытъ для меня; но соберу въ памяти моей и въ бумагахъ отца достойное воспоминаніе, естьли не потомства, то семейства и немногихъ. Желалъ бы умереть въ Москвѣ, гдѣ родился; но жить розно и долго безъ семейства и безъ братской могилы не могу. Законы допускаютъ пятилѣтнее пребываніе за границей: этого слишкомъ много для моего Русскаго сердца и, вѣроятно, достанетъ для всей жизни.

Не жалѣю о томъ, что̀ у меня отнято и благодаренъ за то, что̀ мнѣ оставлено. Первое принадлежало сердцу, болѣе нежели справедливости Александра; а потому я давно не считалъ на него и умѣрялъ свои прихоти, сообразуясь съ родительскимъ достояніемъ.

Занятія мои будутъ по прежнему имѣть главною цѣлію: пособлять слабости ума свѣдѣніями и опытами другихъ. Пусть смерть застанетъ

*) Это была Нефедьева (въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ ею устроена богадѣльня) двоюродная сестра А. И. Тургенева, у которой въ домѣ онъ и скончался въ Москвѣ 3 Декабря 1845 г., переживъ съ небольшимъ одинъ годъ своего благодѣтельнаго начальника. П. Б.

меня готовящимся для жизни въ обществѣ, въ Россіи: одна минута дѣятельности можетъ освятить безплодную жизнь. Готовься и будь достоинъ, остальное Богу! Передъ Богомъ чистыя побужденія не пропадутъ, добросовѣстныя усилія не останутся тщетными.

Естьли книга или какая либо другая послуга, съ моей стороны, здѣсь вамъ понадобится, то располагайте мною. Предложилъ бы себя и въ чтецы, но скоро самъ буду имѣть нужду въ немъ. Такъ какъ окружающіе васъ знаютъ мою къ вамъ привязанность, то конечно вспомнятъ, какъ сладостно было бы для меня каждое слово о васъ.

Прижимая со слезами руку вашу къ моему сердцу, душею въ молитвѣ о васъ, съ вѣчною признательностію и съ искреннею любовію и почтеніемъ пребуду вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Тургеневъ.

ПИСЬМО ГРАФА А. А. БЕЗБОРОДКИ КЪ МОСКОВСКОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ.

Милостивый государь мой, князь Александръ Александровичъ.

Все чтó ваше сіятельство писать изволите по извѣстной матеріи, я представлялъ Государынѣ, и Ея Величество апробуетъ вашу осторожность. Мы употребимъ всѣ способы къ открытію путей, коими переписка сихъ не знаю опасныхъ-ли, но скучныхъ ханжей производится, да и ничего не упустимъ, чтò сколько можетъ быть нужно къ уничтоженію сей шалости, поколику только удобно согласить съ вольностью и безопасностью, закономъ даруемою. Ея Величество считаетъ, что ваше сіятельство хорошо бы сдѣлали, естьли бы послали кого подъ рукою навѣдаться у Новикова въ деревнѣ, чтó за строенія, чтó за заведенія и чтò за образъ жизни и упражненія. Все чтó у насъ объяснится, я вамъ донесу, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего сіятельства
вѣрнымъ и покорнымъ слугою
графъ А. Безбородко.

Въ С.-Петербургѣ.
Ноября 15-го 1790 года.

А. С. ПУШКИНЪ ВЪ СЕЛЬЦѢ МИХАЙЛОВСКОМЪ.

1.

Со словъ Алексѣя Дмитріевича Скоропоста*).

А. С. Пушкинъ, за время этихъ двухъ лѣтъ, дома въ селѣ велъ жизнь однообразную: все, бывало, пишетъ что-нибудь или читаетъ разныя книги. Къ нему изрѣдка пріѣзжали его знакомые, а иногда приходили монахи изъ монастыря Святогорскаго, а если онъ когда выходилъ гулять, то всегда одинъ и обязательно всегда пѣшкомъ. Онъ любилъ гулять около крестьянскихъ селеній и слушалъ крестьянскіе разсказы, шутки и пѣсни. Въ свое домашнее хозяйство онъ не входилъ никогда, какъ будто это не его дѣло, и не онъ хозяинъ. Во время бывшихъ въ Святогорскомъ монастырѣ ярмарокъ, А. С. Пушкинъ любилъ ходить гдѣ болѣе было собравшихся старцевъ (нищихъ). Онъ, бывало, вмѣшается въ ихъ толпу и поетъ съ ними разныя припѣвки, шутитъ съ ними и записываетъ, что они поютъ, а иногда даже переодѣвался въ одежду старца и ходилъ съ нищими по ярмаркѣ. Въ такомъ видѣ его одинъ разъ самъ исправникъ, не узнавши кто онъ, взялъ подъ арестъ въ арестантскую; но когда открылось кто онъ, его сію же минуту освободилъ. На ярмаркѣ его всегда можно было видѣть тамъ, гдѣ ходили или стояли толпою старцы, а иногда ходилъ задумавшись, какъ будто кого или чего ищетъ.

2.

Со словъ крестьянина деревни Гайки, Аѳанасія.

А. С. Пушкинъ, за время нахожденія своего въ селѣ Михайловскомъ (Зуевѣ), т. е. въ теченіи двухъ лѣтъ, часто бывалъ въ Святыхъ горахъ, приходилъ въ монастырь и по цѣлымъ часамъ гулялъ на Святой горѣ около храма, а иногда даже на томъ самомъ мѣстѣ,

*) Заштатнаго псаломщика села Вороничъ.

гдѣ теперь похороненъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Михайловское, онъ никакого вниманія не обращалъ на свое сельское и домашнее хозяйство; ему было все равно, гдѣ находились его крѣпостные и дворовые крестьяне, на его ли работѣ (барщинѣ) или у себя въ деревнѣ. Это было какъ будто не его хозяйство. Его можно было видѣть гулявшимъ по дорогѣ около деревень, или въ лѣсу. Бывало, идетъ А. С. Пушкинъ дорогою, возьметъ свою палку и кинетъ впередъ, дойдетъ до нея, подыметъ и опять бросить впередъ, и продолжаетъ другой разъ кидать ее до тѣхъ поръ, пока приходилъ домой въ село. А. С. Пушкинъ посѣщалъ и Святогорскую ярмарку, и его всегда можно было видѣть около столпившихся и пѣвшихъ свои припѣвки старцевъ. Онъ заберется въ ихъ толпу и записываетъ чтó они поютъ, а иногда и самъ пѣлъ съ ними разныя припѣвки. Одинъ разъ Пушкинъ былъ переодѣвшись старцемъ и находился въ Святогорскомъ монастырѣ на девятой ярмаркѣ въ толпѣ нищихъ, а въ это время проходилъ мимо ихъ исправникъ. Услыхавши, чтò поютъ нищіе, онъ приказалъ ихъ арестовать; но когда узналъ, что тутъ въ толпѣ находится Пушкинъ, онъ ихъ освободилъ, и съ тѣхъ поръ какъ только полиція увидитъ, что въ толпѣ нищихъ находится Пушкинъ, то полицейскіе уходятъ какъ будто никого не видѣли. Къ нему въ село иногда пріѣзжали господа, его знакомые, но всегда на самое короткое время, а также пріѣзжалъ изъ Святогорскаго монастыря монахъ, бесѣдовалъ съ нимъ или ходилъ съ нимъ вдвоемъ по лѣсу; а иногда А. С. Пушкинъ ходилъ около собравшихся толпою въ праздники крестьянъ, и если они пѣли пѣсни или разговаривали что-нибудь, онъ, бывало, остановится и записываетъ ихъ пѣсни, разсказы и шутки. Онъ всегда любилъ ходить пѣшкомъ, и очень рѣдко его можно было видѣть ѣхавшимъ въ экипажѣ. Больше же его можно было видѣть одного гулявшимъ, но въ крестьянскія избы никогда не заходилъ, а любилъ иногда разговаривать съ крестьянами на улицѣ.

*

Записывалъ послушникъ Владимировъ. Вѣрно: Настоятель Святогорскаго монастыря архимандритъ Николай. 1891 г. Октября 31 дня.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ЮРИСТА.

Прежде всего да будетъ мнѣ позволено, принимаясь за воспоминанія старины, воспользоваться однимъ изъ ея упраздненныхъ обычаевъ—предпосылать всякому изложенію свое предисловіе. Такой обычай, что̀ ни говорите, былъ и практиченъ, и добросовѣстенъ: читатель сразу соображалъ, съ чѣмъ будетъ имѣть дѣло и, не теряя дорогаго времени (хотя въ старину было оно много дешевлѣ) рѣшалъ, продолжать ли ему чтеніе или, пропустивши «неинтересныя» страницы, перейти къ болѣе подходящему «сюжету». Одно заглавіе мало помогаетъ дѣлу; оно даетъ лишь просторъ догадкамъ, заманиваетъ («пожалуйте, господинъ, у насъ покупали»), и заманенный господинъ только подъ конецъ узнаётъ, что не къ чему было заходить въ лавку, что и покупать-то тамъ ему нечего. Предлагаемый на сей разъ товаръ—товаръ антикварный, слѣдовательно такой, который съ одной стороны не имѣетъ опредѣленной вывѣски и можетъ отвѣчать самымъ разностороннимъ вкусамъ и цѣлямъ, а съ другой—всегда таитъ въ себѣ ненавистнѣйшій подвохъ контрфакціи. Старинныя вещи могутъ, затѣмъ, представлять двоякій интересъ—и «für sich» и «an sich», какъ кому угодно: древняя кольчуга напр. безспорно любопытна; однако пріобрѣтатель не надѣнетъ ея на себя, а повѣситъ на стѣну; но какой-нибудь изящный кубокъ, изъ котораго пилось нѣкогда чистое и неподдѣльное вино, можетъ служить украшеніемъ и скромнаго современнаго стола; одно идетъ въ музей, другое сохраняетъ свое значеніе въ домашнемъ обиходѣ и теперь. Отсюда два типа той литературной формы, которую обыкновенно зовутъ «воспоминаніями». Одинъ съ чисто и безусловно-историческимъ, или художественнымъ, или научнымъ, но во всѣхъ трехъ случаяхъ самодовлѣющимъ центральнымъ интересомъ и лишь съ самымъ отдаленнымъ косвеннымъ отношеніемъ къ животрепещущей современности; другой, напротивъ того, съ прямымъ, непосредственнымъ на нее воздѣйствіемъ. Чѣмъ болѣе настоящая современная воспоминателю эпоха преуспѣла въ духовномъ регрессѣ, тѣмъ сильнѣе его воспоминанія о быломъ захватываютъ вниманіе тоскую-

щаго читателя, освѣжаютъ притупленную впечатлительность, ободряютъ, будятъ, а иногда и поучаютъ. Не этими ли *естественно-присущими* свойствами литературныхъ работъ послѣдняго типа слѣдуетъ объяснить то обиліе «воспоминаній» всякаго рода, всякаго достоинства и всякихъ цѣлей, которыя, не говоря уже о спеціалистахъ вопроса, «Русскомъ Архивѣ», «Русской Старинѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ», наводняютъ собой страницы чуть не каждой книжки выходящаго «толстаго журнала», составляютъ занимательнѣйшій отдѣлъ ежедневныхъ листковъ и газетъ и, кромѣ того, издаются отдѣльными книгами?..

Въ виду такого характернаго «знаменія времени», я долженъ былъ воспользоваться «практическимъ и добросовѣстнымъ», хотя и упраздненнымъ, обычаемъ, и предупредить въ этомъ «предисловіи» читателя, буквально осаждаемаго всевозможными «воспоминаніями», «записками» и «мемуарами» о томъ, что̀ можетъ онъ найти на слѣдующихъ страницахъ моего изложенія.

Предлагаемыя воспоминанія всецѣло относятся къ категоріи втораго изъ разсмотрѣнныхъ выше типовъ. Современность, насъ сейчасъ окружающая, современность намъ близкая и дорогая, заставила меня и на этотъ разъ взяться за перо, чтобы вспомнить то изъ своего юридическаго прошлаго, о чемъ теперь такъ много говорится, такъ много пишется, а того больше думается, и чего, однако, словно молодости старику, недостаетъ нашему настоящему.

Отвѣтить фактами прошлаго на запросы настоящаго—задача столько же заманчивая сколько и трудно-одолимая; она облегчается отчасти тамъ, гдѣ между этимъ прошлымъ и этимъ настоящимъ легла рѣзко очерченая грань, гдѣ сравнительно-ничтожный промежутокъ времени обратно-пропорціоналенъ взаимному соотношенію его «знаменій» и «вѣяній», прежнихъ и теперешнихъ, гдѣ не порвалась еще живая между ними и органическая связь и не успѣли помертвѣть всѣ ея составныя звенья.

Мои воспоминанія касаются цвѣтущей эпохи нашего Университета и слѣдовавшихъ за нею первыхъ годовъ объявленной «воли», т. е. тѣхъ двухъ «живоносныхъ источниковъ», къ которымъ льнутъ существеннѣйшіе изъ вопросовъ, волнующихъ жаждущую правды, современную, не предвзятую, искреннюю и честную мысль. Весьма многое, по причинамъ, которыя будутъ объяснены въ своемъ мѣстѣ, успѣло изчезнуть изъ моей памяти, весьма о многомъ не настало еще время говорить съ читателемъ (моя старина еще не успѣла посѣдѣть и вылинять). Затѣмъ не слѣдуетъ ожидать отъ меня чего либо цѣльнаго, систематическаго, или даже послѣдовательнаго; въ данныхъ условіяхъ такія задачи могли бы только исказить мою работу, отнять у нея

много внутренней правды, естественности и, быть можетъ, ошибочно загородить вниманію читателя свободный путь для своихъ выводовъ и обобщеній; пусть лучше и онъ пользуется тою же безцеремонной свободой, какую по неволѣ выговорилъ я для себя, втиснувъ обширный матеріалъ для бытовыхъ изслѣдованій въ тѣсныя рамки личныхъ воспоминаній.

Повинуясь живому характеру избранной темы, я не всегда могъ держаться въ предѣлахъ цѣломудренной объективности, позволяя себѣ прерывать разсказъ обращеніями къ окружающему насъ міру явленій, т. е. открыто дѣлать то, что́ иногда маскируется подтасовкой фактовъ, находящихся въ распоряженіи повѣствователя съ цѣлью ехидно подсказать читателю тотъ или иной желательный изъ нихъ выводъ. Факты я бралъ такими же, какими возставали они въ моей памяти,—сырьемъ, не выдѣляя ядра отъ скорлупы*). Наконецъ, два основныхъ момента, разчленившихъ мою тему, опредѣлились не заранѣе умышленнымъ планомъ, а сопоставились случаемъ, судьбой, хронологіей,—вообще причинами, лежавшими внѣ произвола автора. Такимъ же простымъ, естественнымъ и мимовольнымъ путемъ сложилось и то нетребующее комментарій отношеніе, въ которомъ стоятъ теперь они къ нашей современности.

I.

Подъ мирнымъ кровомъ Almae Matris.

„Воспитаніе есть дѣло сердца, а не ученыхъ хитросплетеній. Во времена Квинтиліяна ученикъ сознавалъ, что обязанъ учителю серьезнымъ взглядомъ на жизнь, а учитель подъ видомъ обученія риторикѣ училъ правиламъ честности и прямодушія. О великая и святая школа воспитателей юношества! Я сомнѣваюсь, чтобы ее можно было замѣнить пріемами нынѣшней педагогики. Жизнь ничто иное какъ тѣнь; этой тѣни сообщаютъ нѣкоторую реальность, когда посвящаютъ себя неуклонному исканію того, что́ честно, искренно, справедливо и чисто“... (Изъ рѣчи Ренана на могилѣ академика К. Флёри).

Въ Августѣ 1855 года, раннимъ утромъ ѣхалъ я изъ деревни въ Москву по Варшавскому шоссе (по «аршавкѣ», какъ говорили тогда ямщики), въ «мальпостѣ». Въ устроенной между козлами и кузовомъ этого громоздкаго дореформеннаго сооруженія крытой колясочкѣ сидѣлъ «кондукторъ», очень важная особа, обшитая широкими почти камеръ-юнкерскими галунами, въ клеенчатомъ куполообразномъ киверѣ

---

*) Оттого *юридическое* содержаніе моихъ воспоминаній является in brutto въ своей конкретной формѣ, очерченной въ памяти черезчуръ, быть можетъ, пластическимъ синтезомъ; но, да простятъ мнѣ гг. юристы такую профанацію: я вспоминаю свои раннія *молодые* годы, а молодость предпочитаетъ сухому анализу болѣе колоритныя перспективы.

съ неизбѣжнымъ орломъ на лбу и съ перекинутой черезъ плечо на блестящей перевязи трубою. Путешествіе въ такой обстановкѣ совершалъ я каждое лѣто, возвращаясь съ каникулъ. И этотъ «мальпостъ» и этотъ великолѣпный «кондукторъ», и его пронзительная труба обыкновенно производили на меня самое прискорбное впечатлѣніе: мальпостъ съ проклятою скоростью мчался по гладкому шоссе въ Москву, въ гимназію, къ началу уроковъ... Съ мелькавшими мимо тѣнистыми рощицами, веселыми лужайками и прозрачными рѣчками уносились назадъ и свѣтлыя воспоминанія проведеннаго въ деревенской плѣнительной и беззаботной нѣгѣ лѣта; а впереди уже рисовались суровыя очертанія зданія гимназіи, суровыя физіономіи наставниковъ, раннія вставанія, узкій мундиръ съ высочайшимъ воротникомъ вмѣсто просторной парусинной блузы, каменная мостовая, каменные дома и вся та удручающая дѣтское свободолюбіе обстановка, которая такъ безпощадно рѣзко противополагалась только что покинутымъ прелестямъ сельской идилліи. А несносный кондукторъ то и дѣло трубилъ, жестоко и пронзительно выводилъ рулады и фіоритуры, точно издѣвался надъ дѣтскимъ горемъ.

Совсѣмъ не то было въ эту поѣздку. Поля и рощи, мимо которыхъ мчался мальпостъ, не подымали никакихъ воспоминаній; быстрота ѣзды казалась недостаточною, остановки на станціяхъ черезчуръ долгими, а въ то и дѣло раздававшихся изъ передней колясочки трубныхъ звукахъ слышалось что-то необычайно веселое, торжествующее, побѣдоносное: *на этотъ разъ, покончивъ съ гимназіей я ѣхалъ въ Университетъ*! Да, таково было тогда обаяніе этого могучаго слова. Не только самъ по себѣ, въ своей цѣли, уже хорошо сознанной въ послѣднихъ классахъ гимназіи, тогдашній Московскій университетъ манилъ къ себѣ всѣ юношескія симпатіи, но и все, такъ или иначе, хотя бы и очень отдаленно его касавшееся возбуждало особый восторгъ, окружалось особымъ культомъ. Я помню напр., что, предвкушая великое удовольствіе прицѣпить шпагу на боку, первый символъ государственности, я въ кладовой нашего деревенскаго дома разыскалъ старинный, щегольски росписанный клинокъ и везъ его съ собою, чтобы отдѣлать въ студенческую шпагу. Я помню, затѣмъ, съ какимъ почтительнымъ трепетомъ входилъ я въ первый разъ на университетскій дворъ, хотя тогда еще не красовался на немъ (вѣрнѣе не безобразилъ его) памятникъ Ломоносову. Въ то золотое время Университету не нужно было ставить предъ собою памятниковъ для возбужденія почтительныхъ чувствъ молодежи: живое могучее слово блестящей плеяды профессоровъ, нашихъ незабвенныхъ *наставниковъ и руководителей*, неудержимо влекло къ себѣ молодые умы и наполняло святымъ восторгомъ

гомъ молодыя сердца Я помню, наконецъ, и необыкновенно представительную фигуру старичка швейцара, возсѣдавшаго въ маленькой швейцарской на лѣво отъ входа, съ очками на носу и съ газетою въ рукахъ, и до того проникнутаго чувствомъ собственнаго достоинства, что не всякій изъ профессоровъ могъ разсчитывать на его услуги при раздѣваніи и одѣваніи въ передней: такою льготой пользовались только избранные.

Понятно, затѣмъ, съ какимъ чувствомъ входилъ я въ аудиторію на первую лекцію; но объ этомъ послѣ, такъ какъ въ первый же этотъ день послѣдовалъ неожиданный инцидентъ самаго разочаровывающаго свойства. Въ выданномъ мнѣ изъ гимназіи аттестатѣ между прочими свѣдѣніями «объ успѣхахъ и благоповеденіи» значилось и непререкаемое право поступленія въ Университетъ. Полагаясь на такое «право», я ѣхалъ съ самыми радужными и стойкими надеждами; по пріѣздѣ тотчасъ же была заказана вся студенческая форма, неоднократно примѣрена предъ веселящимъ взоръ зеркаломъ; всѣ домашніе, прислуга даже, считали меня *студентомъ*, поздравляли и ликовали... И вдругъ, о ужасъ! послѣ первой же лекціи является въ аудиторію какой-то вицъ-мундиръ, вынимаетъ бумагу и монотоннымъ гнусливымъ голосомъ (и это вслѣдъ за торжествующими звуками кондукторской трубы!) читаетъ списокъ принятыхъ въ число студентовъ Университета; списокъ былъ настолько же коротокъ, насколько длинными оказались только что сіявшія радостью физіономіи злополучныхъ «оглашенныхъ», не попавшихъ въ него; въ числѣ ихъ оказался и авторъ настоящихъ воспоминаній. Почему, на какихъ основаніяхъ и для какихъ цѣлей разразился надъ нашими юными мечтами такой жестокій сюрпризъ, узнать не пришлось; подобное любопытство въ тѣ времена удовлетворяли неохотно, а даруемыя тогда «права», какъ это видно, особенною устойчивостью не отличались. И вотъ пришлось разстаться съ синимъ воротникомъ, уже оставившимъ красный рубецъ на шеѣ, снять треуголку и спрятать въ комодъ шпагу съ стариннымъ клинкомъ... На долго-ли—Богъ знаетъ: всѣ тогдашнія распоряженія и мѣропріятія обволакивались обыкновенно какою-то безпричинною таинственностью, совѣщанія велись шепотомъ, «съ уха на ухо», а на пытливые запросы отринутой молодежи не обращалось уже ни малѣйшаго вниманія. Пришлось вступить въ дѣло отцу. Помню, какъ надѣвалъ онъ всѣ свои боевыя регаліи, ѣздилъ хлопотать за меня и еще за нѣсколькихъ знакомыхъ товарищей къ разнымъ «властямъ и особамъ», изъ которыхъ большинство составляли также боевые люди, и ужъ не знаю, какъ и почему, быть можетъ вслѣдствіе этого совпаденія, но сраженіе было въ концѣ концовъ выиграно. Прошло однако недѣли двѣ-три томитель-

ной, подавляющей неизвѣстности, прежде чѣмъ, въ одно ясное осеннее утро, проснувшись, я увидѣлъ на ширмахъ у своей кровати висящій мундиръ, на стулѣ шпагу, а на комодѣ треуголку; веселое солнце играло на золотыхъ украшеніяхъ разложенной аммуниціи, а въ комнату входилъ Кирилычъ и съ серьезнѣйшею миною, какъ будто ничего особеннаго не случилось, возглашалъ: «извольте, сударь, одѣваться—пора на лекцію». Не помня себя отъ восторга, я бросился къ отцу; оказалось, что наканунѣ онъ добился, наконецъ, принятія меня и товарищей въ число студентовъ и, по безпредѣльной добротѣ своей, подготовилъ мнѣ этотъ утренній сюрпризъ.

Я привожу всѣ эти мелочныя, пожалуй, подробности, сохраненныя однако памятью въ теченіи цѣлыхъ 35 лѣтъ, чтобы показать, какимъ обаяніемъ пользовался тогда Университетъ и съ какимъ правомъ носилъ свое дорогое юношеству прозвище—Alma Mater!

Первую лекцію читалъ Т. Н. Грановскій. *Еще въ гимназіи* мы привыкли благоговѣть передъ этимъ именемъ, читали и восхищались его дисертаціей «Аббатъ Суггерій», предвкушая минуту, когда услышимъ его живое слово. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ аудиторія ждала появленія профессора. Уже сама-по-себѣ она производила импозантное впечатлѣніе: громадная зала была биткомъ набита студентами, задолго до начала поспѣшившими занять ближайшія мѣста; на каѳедрѣ по обѣимъ боковымъ колонкамъ стояли два студента въ выжидающихъ позахъ съ тетрадками и готовымъ карандашемъ въ рукахъ; всѣ ступеньки, окружавшія каѳедру, были заняты; толпа виднѣлась и сзади каѳедры, и въ промежуткахъ между скамьями, и на подоконникахъ широкихъ рамъ. Въ залѣ стоялъ оглушительный гулъ молодыхъ голосовъ, мелькали оживленныя лица, чинились перья и карандаши; видно было, что вся эта шумная толпа готовилась къ чему-то необычному, праздничному, интересному, Но вотъ все стихло и угомонилось; въ мертвой тишинѣ откуда-то издали послышались тяжелые шаги, и вслѣдъ за тѣмъ Тимофей Николаевичъ своею грузной походкой взошелъ на каѳедру. Первое впечатлѣніе не оправдало ожиданій: передъ нами сидѣлъ пожилой господинъ съ круглымъ брюшкомъ, огромною лысиной, красный и толстый, сидѣлъ неподвижно, молчалъ и отдувался (Т. Н. уже страдалъ одышкой). Началъ онъ лекцію тихо, шепелявымъ голосомъ, присюсюкивая; вся фигура выражала собою не то апатію, не то усталость. Но это впечатлѣніе исчезло очень скоро, съ первыхъ же фразъ, отрывочныхъ, нерѣдко безсвязныхъ (Т. Н. читалъ безъ конспекта), произносимыхъ съ долгими интервалами и тяжелыми вздохами. Передъ аудиторіей, какъ бы застывшей въ глубочайшемъ вниманіи, стали понемногу развертываться одна за другою картины средневѣковой жизни,

исполненныя смысла и красоты; цѣлыя фаланги дѣятелей повѣствуемой эпохи живыми вставали передъ ней; чѣмъ дальше говорилъ знаменитый профессоръ, тѣмъ дальше отодвигалась окружающая дѣйствительность; онъ уводилъ свою аудиторію въ сѣдую глубь вѣковъ, воскрешалъ передъ нею давно минувшіе идеалы, оживлялъ въ чарующихъ образахъ давно сошедшіе со сцены типы, а надъ всѣмъ этимъ, *какъ-то незамѣтно, сами собою* вставали въ сердцахъ слушателей великія начала человѣчности, свѣта, правды и добра. Рядомъ съ мастерски-очерченными историческими фактами слушатели воспринимали и тѣ руководящіе принципы, тѣ гражданскія чувства, которыя, вложенныя въ молодую душу, вели и охраняли ее потомъ на предстоявшемъ жизненномъ пути до старости и даже у этой старости отымали присущіе ей недуги индиферентизма, своекорыстія, черствости и ретроградства.

Намъ, вчерашнимъ гимназистамъ, сразу стало понятнымъ значеніе университетскаго преподаванія; нашъ умъ, наше сердце уже были навсегда отданы ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ зародилась и возможность критическаго, сравнительнаго отношенія къ другимъ лекторамъ, вырабатывалась самостоятельность мысли, складывались убѣжденія и взгляды.

Легко себѣ представить наше горе, весь нашъ ужасъ, когда послѣ нѣсколькихъ такихъ лекцій, по университету пронеслась грозная вѣсть, что Т. Н. внезапно скончался, и вскорѣ за тѣмъ мы, вмѣстѣ съ несмѣтною толпой, уже провожали тѣло дорогаго учителя на Пятницкее кладбище!... Эта преждевременная, неожиданная смерть сообщила особенный характеръ тому впечатлѣнію, какое успѣло уже, на счастье нашему выпуску, образоваться отъ коротенькаго ряда прослушанныхъ лекцій: оно стало для насъ какъ бы завѣщаніемъ, «свято и нерушимо» хранимымъ.

Возвращаюсь къ первому дню моей университетской жизни. Раздавшійся звонокъ какъ бы пробудилъ насъ отъ сладкаго, волшебнаго сна. Часъ пролетѣлъ незамѣтно. Профессоръ уже оставилъ аудиторію, а мы сидѣли по своимъ мѣстамъ въ прежнемъ глубокомъ молчаніи: для насъ звучалъ еще его тихій говоръ, на насъ глядѣлъ его грустный, какъ бы обращенный въ вѣковую даль, взоръ, а въ воображеніи проносилась чарующая вереница только что нарисованныхъ картинъ и образовъ. Пробужденіе пріобрѣло еще бо̀льшую горечь, когда въ аудиторію вошелъ тотъ же вице-мундиръ, который недавно такъ ошеломилъ насъ своею бумагой. На этотъ разъ всѣ вновь принятые были приглашены на завтра явиться къ нему (въ вице-мундирѣ оказался субъинспекторъ) въ полной формѣ для осмотра и назиданія. На другой день въ 9 часовъ утра мы, въ числѣ 5—6 новичковъ, уже стояли въ пріемной, куда не замедлилъ явиться и субъинспекторъ. Начался смотръ;

почти всѣ мы оказались не въ порядкѣ: у одного былъ замѣченъ еле пробивающійся пушокъ на верхней губѣ, у другого волосы были слишкомъ длинны, третій не застегнулъ всѣхъ четырехъ крючковъ на подпиравшемъ шею воротникѣ и т. д. Затѣмъ было показано, какъ носить шляпу, какъ отдавать честь, сбрасывая шинель съ праваго плеча и т. п. артикулы, которые мы должны были неоднократно продѣлывать уже сами; подъ конецъ получили мы строжайшее запрещеніе появляться гдѣ-либо и когда-либо въ фуражкѣ, и аудіенція кончилась.

Для нѣкоторыхъ это послѣднее воспрещеніе оказывалось мѣрою по истинѣ варварскою. Я помню, напримѣръ, студента-математика, покойнаго К. Ю. Давыдова (бывшій директоръ С.-Петербургской консерваторіи и извѣстный віолончелистъ); онъ страдалъ тогда частыми головными болями, и врачи совѣтовали ему держать голову въ теплѣ и остерегаться простуды. Несчастный Давыдовъ обматывалъ себѣ больную голову платкомъ и уже поверхъ его покрывалъ ее установленнымъ «головнымъ уборомъ». Въ сильные морозы уборъ этотъ становился совсѣмъ нестерпимымъ: подымешь воротникъ, чтобы защитить затылокъ и щеки, онъ подпираетъ шляпу, та лѣзетъ кверху, зябнетъ голова, и положеніе оказывается безвыходнымъ. Нѣкоторые «свободолюбцы» заказывали у тогдашняго фабриканта Тиля шляпы не съ опущенными углами, какъ требовалось по «установленному образцу», а прямыя; вслѣдствіе такого приспособленія можно было съ грѣхомъ по поламъ поднять въ случаѣ надобности воротникъ, да и заостренный уголъ шляпы съ кисточкою на концѣ, не свѣшиваясь надъ самымъ носомъ, не мѣшалъ смотрѣть впередъ. Однако, вскорѣ начальство запретило спасительный фасонъ, и человѣколюбивый изобрѣтатель Тиль уже не рѣшался изготовлять заказы. Забота о неукоснительномъ соблюденіи формы доходила нерѣдко до фанатизма. Помню два совершенно эксцентрическихъ эпизода, одинъ со мною, другой—съ однимъ изъ моихъ товарищей. Сдавши послѣдній экзаменъ съ 1-го курса на 2-й, мы тотчасъ же, «не теряя дорогаго времени», принялись за укладку—самое веселое дѣло: въ прошедшемъ миновавшая благополучно опасность, въ будущемъ—цѣлыхъ 3 мѣсяца деревенскаго dolce far niente; въ числѣ предметовъ, предназначенныхъ оставаться въ Москвѣ, оказывалась, конечно, ненавистная треуголка. И вотъ, убравшись и уложившись, я *въ фуражкѣ* отправился сдѣлать на дорогу кое-какія покупки. Какъ нарочно, у Александровскаго сада встрѣчается «субъ». «Это что такое!? Фамилія? Какого курса?» Тщетно излагалъ я доводы своей защиты, и только «ради перваго случая» избѣжалъ карцера, получивъ приказаніе немедленно взять *крытаго* извощика и *окольными* улицами ѣхать домой. Съ моимъ товарищемъ дѣло вышло еще забавнѣе. Уложившись окон-

чательно, онъ послалъ за лошадьми; явилась «перекладная», въ которой онъ и помѣстился на чемоданѣ и въ фуражкѣ, разумѣется; уже за Москвой-рѣкой, почти у заставы, встрѣчается «субъ». «Стой! Это что такое?» и т. д. «Помилуйте, вы видите, я ѣду въ дорогу: вотъ чемоданъ, перекладная, наконецъ».—«Это все вздоръ: вы, молодой человѣкъ, обязаны были по городу ѣхать въ шляпѣ, а фуражку могли имѣть при себѣ, но надѣть ее слѣдовало только за заставой!»...

Къ счастію, этотъ фронтовой фанатизмъ свирѣпствовалъ недолго. На второмъ курсѣ, съ новымъ царствованіемъ, съ новыми вѣяніями, мы получили и новую форму: фуражка была возстановлена въ своихъ естественныхъ правахъ, а четыре крючка на высокомъ воротникѣ, за которыми такъ ревниво наблюдали «субы», «упразднены» вовсе, и наши головы получили «право» нагибаться за лекціями и не зябнуть на морозѣ; не позабыли равнымъ образомъ и о животахъ, дозволивъ прикрыть ихъ широкими фалдами мундира, взамѣнъ торчавшихъ хвостиковъ сзади и потѣшныхъ «бантовъ» спереди.

Одновременно съ исчезновеніемъ остроконечной треуголки, высокаго воротника и узенькихъ фалдочекъ отошла въ область исторіи и «шагистика», которой усердно обучали студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ. Послѣдняя отмѣна была особенно привѣтствуема нами, и никому изъ насъ не приходило тогда въ голову, конечно, что настанетъ время, когда въ *печатномъ* органѣ (а печать тогда хранила для насъ еще всю дѣвственную авторитетность своего серьезнаго значенія) отыщется публицистъ, взывающій къ возсозданію сего упраздненнаго института! «Шагистика» эта не столько досаждала намъ своими упражненіями, какъ тѣмъ нравственнымъ гнетомъ, который невольно чувствовался каждымъ гражданиномъ-студентомъ, носителемъ шпаги и соотвѣтствующихъ сему праву идей, когда этотъ «гражданинъ» съ вытянутыми по швамъ руками шагалъ, изображая гуся, подъ выбиваемый ладонями командира-бурбона тактъ: «разъ-два, разъ-два! правой-лѣвой, правой-лѣвой!» На ученье являлся иногда и попечитель, любитель и знатокъ дѣла; какъ теперь помню его озабоченную физіономію съ щетинистыми усами и бровями, которыми онъ умѣлъ какъ-то очень страшно шевелить, его внушительно вздрагивающія на плечахъ жирныя эполеты и побрякивающія шпоры; съ средоточеннымъ вниманіемъ обходилъ онъ нашъ строй, выправлялъ груди, училъ «равненію» и добродушно пояснялъ студентамъ, что если онъ и не вполнѣ компетентенъ для нихъ въ другихъ отношеніяхъ, за то фронтъ—его дѣло, его наука, и въ немъ онъ уже полный хозяинъ. Подобное «откровеніе» не могло, конечно, не быть принято студентами къ надлежащему свѣдѣнію. Все это, рядомъ съ разсказанными уже мною распоряженіями и мѣропрія-

тіями начальства, мало-по-малу создавало въ молодыхъ умахъ презрительное, саркастическое отношеніе къ оффиціальной власти, являвшейся предъ нами, слушателями Грановскаго, въ такихъ типически-комичныхъ образчикахъ. Результатъ, такимъ образомъ, получался діаметрально противуположный тому, котораго думали добиться эти типическіе представители, а Университетъ, *тогдашній Университетъ*, весь поглощенный лекціями, кружками и лишь изрѣдка выходившій въ жизнь для того только, чтобы повеселиться или напроказничать, не зналъ и знать не могъ иныхъ образцовъ: по нимъ судилъ онъ о господствовавшемъ режимѣ и, какъ это свойственно молодежи, дѣлалъ самыя смѣлыя, самыя огульныя обобщенія.

Были и профессора, безсознательно работавшіе въ руку такому настроенію. Государственное право читалъ намъ профессоръ О—ій. Его политическое міровоззрѣніе совершенно совпадало (чтобы долго не искать подходящей аналогіи) ну хоть съ передовицами нѣкоторыхъ современныхъ публицистовъ, не смотря на слишкомъ 30 лѣтъ отдалившихъ перваго отъ вторыхъ. Былъ ли то даръ предвидѣнія, или «заочнаго внушенія», наблюдается ли нынѣ даръ заимствованія—рѣшать не въ задачѣ моихъ воспоминаній; тѣмъ не менѣе, однако, за чтеніемъ этихъ «передовицъ» невольно встаетъ въ моей памяти архаическая фигура почтеннаго профессора въ свѣтло-голубомъ вицъ-мундирѣ допотопнаго покроя и съ высокимъ галстукомъ на пружинахъ. На этомъ устойчивомъ постаментѣ вертѣлась то вправо, то влѣво плѣшивая, какъ ладонь, и красная, какъ кумачъ, голова съ сердито-глумливой физіономіей, а съ каѳедры неистово раздавались быстрымъ говоркомъ самая безшабашная хула, самыя отчаянныя проклятія всему «западному», всему человѣческому, всему (какъ это ни дико сказать въ данномъ случаѣ) научному. Особенною ненавистью профессора пользовались несчастныя Франція и Америка; авторитеты, великія историческія имена, великія завоеванія въ области мысли—все это безпощадно топталось ногами и разсыпалось, какъ это думалъ ораторъ, въ прахъ. Молодой умъ крайне склоненъ къ ассимиляціи впечатлѣній, крайне податливъ смѣху и крайне развязенъ въ выводахъ: государствовѣдѣніе слилось въ нашемъ представленіи и слилось неразрывно съ потѣшною фигурою этого профессора, съ его допотопнымъ вицъ-мундиромъ и такими же взглядами. Отсюда понятно холодное отношеніе къ предмету преподаванія, къ этимъ такъ неуклюже проводимымъ взглядамъ, отношеніе, давшее для многихъ толчекъ къ крайнимъ шагамъ въ противуположную сторону.

Молодые пытливые умы тѣмъ не менѣе продолжали работу, и если каѳедра не отвѣчала невольно возникавшимъ при этомъ запро-

самъ, то приходилось искать отвѣтовъ на сторонѣ. Находили ихъ въ литографированныхъ брошюрахъ, ходившихъ по рукамъ; читались эти брошюры и велись дебаты по трактуемымъ ими сюжетамъ въ отдѣльныхъ кружкахъ, по вечерамъ собиравшихся то у одного, то у другаго. Здѣсь прежде всего необходимо замѣтить: 1) что большинство этихъ брошюръ, составлявшихъ во времена óны запретный плодъ, сдѣлалось въ послѣдствіи достояніемъ общей печати и теперь почти позабыто и 2) что руководящею цѣлью кружковъ было *исключительно* умственное развитіе, уясненіе вопросовъ финансоваго, юридическаго и соціальнаго порядка, выработка взглядовъ и направленій. О какихъ-либо практическихъ реформаторскихъ поползновеніяхъ студенты того времени и не помышляли; Университетъ стоялъ въ своихъ естественныхъ границахъ, жилъ своею собственною жизнью и на улицу не выходилъ.

Нельзя не засвидѣтельствовать, что эти кружковые чтенія и дебаты, длившіеся зачастую до разсвѣта, за самоваромъ и въ клубахъ табачнаго дыма, много способствовали усвоенію сути университетскихъ лекцій; они превосходно дрессировали неопытную мысль, то и дѣло заставляя ее схватываться съ самыми противуположными доводами и комбинировать самыя непримиримыя противорѣчія. Правда, что подъ часъ она совершенно изнемогала въ несносной борьбѣ съ собственными сомнѣніями, уносимыми съ поля битвы хотя бы и побѣдителями; но, быть можетъ, благодаря именно этому «сильно-дѣйствующему средству», мы выучились думать самостоятельно, сознательно и критически относиться къ тому, чтò получалось извнѣ, записывалось въ умственномъ приходѣ, или показывалось въ расходѣ; а усердно, сообща поддерживаемый балансъ предотвращалъ дефициты.

Съ другой стороны, только благодаря этимъ нашимъ собраніямъ, возможно было пополнить широкіе пробѣлы тогдашняго гимназическаго курса, пробѣлы, которыхъ теперь нельзя себѣ и представить и которые не могли, конечно, быть пополнены университетскими лекціями, едва успѣвавшими къ курсовому сроку ознакомить слушателей съ ничтожною частью читаемаго предмета. Но вотъ чѣмъ, благосклонный читатель, мы всего болѣе были обязаны этимъ кружковымъ вечерамъ: они замѣняли для насъ карты, биліарды, трактиры; о попойкахъ и кутежахъ, помимо всякихъ принципіальныхъ соображеній, просто некогда было и подумать. Для развлеченія мы довольствовались студенческими пѣснями хоромъ или подъ акомпаниментъ фортепіано: «G'rad, aus dem Wirthshaus komm ich heraus», затягивалъ запѣвала, «Strasse, wie siehst du so wunderlich aus!» подхватывалъ хоръ. Или «S'gibt kein schöneres Leben, als Studenten Leben, wie es Bachus und Gabrinus schuf», на изящный, ласкающій и задушевный мотивъ извѣстнаго Ве-

беровскаго вальса «La dernière pensée de Weber». И теперь, чуть заслышу я эти граціозные звуки,—эти, исполненные безконечнаго блаженства вздохи, вылетающіе изъ счастливой груди отъ избытка жизни и радости, чтобы, переплетаясь золотыми грёзами безмятежной юности, снова вернуться къ первоначальной темѣ,—чуть услышу я эти звуки, какъ передо мною во всей своей реальности изъ далекаго и милаго прошлаго встаетъ былая картина: растворенное окно, въ которое вмѣстѣ съ ароматомъ только-что распустившейся сирени льются первые лучи показавшагося въ утреннемъ туманѣ изъ-за низенькой крыши, что̀ напротивъ, солнца; маленькая комнатка биткомъ набитая народомъ, безъ сюртуковъ, въ разстегнутыхъ жилетахъ, съ оживленными, раскраснѣвшимися лицами, стройный хоръ молодыхъ голосовъ, столикъ, заваленный книгами и тетрадками послѣдняго экзамена съ гирляндою изъ опустошенныхъ чайныхъ стакановъ вокругъ, полъ съ шуршащими подъ ногами, точно осенніе листья, окурками и «рѣчи, рѣчи безъ конца». »S'gibt kein schöneres Leben, als Studenten Leben»!.. и пѣлось это съ глубочайшимъ сознаніемъ безусловной вѣрности такого тезиса, хотя, къ чести нашего кружка, слѣдуетъ замѣтить, что ни Бахусъ, ни Гамбринусъ особенными симпатіями въ немъ не пользовались и, если фигурировали коекогда на нашихъ собраніяхъ, то скорѣе, какъ неизбѣжный ритуалъ, съ жженкою, варимою непремѣнно на двухъ перекрещенныхъ шпагахъ, съ традиціонными тостами, спичами, веселыми анекдотами и съ возвращеніемъ по домамъ партіями, отъ которыхъ, не буду грѣха таить, почтительно сторонились прохожіе. Но, повторяю, это было рѣдкимъ исключеніемъ, вызываемымъ причинами, такъ сказать, внѣ насъ стоявшими, Татьянинымъ днемъ, напримѣръ, окончаніемъ экзамена, чьими-нибудь имянинами и т. п.; да и какъ *студенту* обойтись *безъ коммерша*!...

На благодатной почвѣ такого, можно сказать, взаимнаго обученія, завязывалась дружба, не разрывная и до сихъ поръ, созидался духъ товарищества, выравнивались характеры, подготовлялась общность альтруистическихъ интересовъ. Противъ кружковъ было писано и говорено много; знаю, но съ удовольствіемъ вспоминаешь эту старину и съ грустью озираешься вокругъ, не находя теперь ничего подобнаго. Быть можетъ, это условно или субъективно; но таково ужъ всякое «воспоминаніе» юности.

Я засталъ, вѣроятно, послѣдніе дни подобнаго кружковаго университетскаго быта. Но, сколько можно судить объ этой никѣмъ почему-то не разработанной, но крайне интересной темѣ по скуднымъ, сохраненнымъ печатью, или изустнымъ, преданіямъ, въ прежнія времена кружковое устройство получало довольно широкое развитіе. За-

дачи и стимулы обычая, вѣроятно, были тѣ же, что̀ и намѣченныя выше; по крайней мѣрѣ я помню, что инициатива принадлежала не намъ: мы застали нѣчто готовое и были лишь продолжателями.

Позднѣе, въ Берлинѣ, я встрѣтилъ точно такой же кружокъ, составленный Русскими слушателями и студентами тамошняго университета, съ тѣми же обычаями, задачами и обстановкой, а еще того позднѣе наблюдалъ тождественное учрежденіе, уже не въ университетской сферѣ и при совершенно иной обстановкѣ, хотя учредителями во всѣхъ трехъ случаяхъ являлись все тѣ же студенты; но объ этомъ — въ слѣдующей главѣ.

Великимъ подспорьемъ оказывался кружокъ и въ наступавшемъ каждую весну томительномъ дѣлѣ приготовленія къ экзаменамъ. Тутъ къ нему примыкали и тѣ одиночки, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ не участвовали въ корпораціи: въ кружкѣ всегда имѣлся полный курсъ лекцій, записываніе и составленіе которыхъ распредѣлялось между членами въ годовомъ обиходѣ. Всякій избиралъ себѣ предметъ, которому наиболѣе сочувствовалъ. Самый процессъ подготовки тогда былъ очень тяжелъ: промежутки между экзаменами были короткіе, весна съ своими чарами мѣшала сосредоточиться, тянуло за городъ, на рѣку, въ лѣсъ; уступишь искушенію, и потомъ просиживай ночи на пролетъ, а тогда мы превращались уже въ истыхъ факировъ: чтобы одолѣть сонъ, садились на голомъ полу, вспрыскивали другъ друга водой, или поглощали громадными порціями черный кофей, а голосъ очереднаго чтеца такъ сладко убаюкивалъ... Подъ конецъ экзамена всѣ получали невозможнѣйшія физіономіи и еле держались на ногахъ. Не будь спасительнаго кружка, успѣшная подготовка явилась бы дѣломъ невозможнымъ.

Очень скоро послѣ своего выхода изъ Университета я уже слышалъ отъ преемственнаго студенческаго поколѣнія, что ничего подобнаго они не знаютъ; многіе сокрушались, большинство же относилось совершенно индиферентно. Впослѣдствіи снова заговорили о кружкахъ, но уже тутъ вся аналогія исчерпывалась однимъ названіемъ: то были кружки или черезчуръ веселые, или черезчуръ *серьезные*, къ университетскимъ задачамъ никакого отношенія не имѣли и поэтому оказывались продуктомъ внѣшнихъ, враждебныхъ имъ потребностей. О такихъ кружкахъ, какъ факторахъ саморазвитія, воспособляющихъ университетскому образованію, никому, конечно, не придетъ въ голову и говорить: ни органической, ни даже хронологической связи съ предыдущими они не имѣли и имѣть не могли.

Заговоривъ о кружкахъ этого послѣдняго типа, не могу не упомянуть о крайне поучительномъ явленіи, замѣченномъ вѣроятно и

другими моими сверстниками по эпохѣ. Вдаваться въ объясненіе его причинъ, или дѣлать какія либо обобщенія еще рано, да при томъ это дѣло бытописателя, а я лишь вспоминаю былое, ставлю сырой матеріалъ—не больше.

Между нравственными обликами первой и второй половины изъ моихъ четырехъ университетскихъ годовъ легло громадное различіе, цѣлая пропасть. Входя въ Университетъ, я засталъ въ немъ суровые, крутые порядки—отпечатокъ приснопамятной эпохи. Сдавленная высокимъ воротникомъ шея, провѣтриваемая голова и «руки по швамъ» служили лишь внѣшними, наглядными символами того внутренняго духа, которымъ было пронизано до самыхъ стѣнъ, казалось, все, стоявшее надъ студентами или около нихъ. Говорили шопотомъ, ходили на ципочкахъ, чувствовалось холодное вѣяніе силы, желѣзной, страшной, непреклонной. Съ особою алчностью расхватывались съ рукъ на руки истрепанные литографированные листки, развертывавшіе передъ запуганной аудиторіей иныя перспективы, звавшіе на борьбу съ этой силой, указывавшіе ея слабыя, уязвимыя мѣста. Листки эти зачитывались «въ засосъ», какъ говорится, и прятались «за десятью замками и девятью печатями». Такъ длилось годъ. Затѣмъ, студенты почувствовали, какъ вмѣстѣ съ прежней удручавшей молодые члены формой свалилось съ ихъ плечъ нѣчто еще болѣе тяжкое... Радостная вѣсть грядущаго освобожденія крестьянъ уже носилась надъ Университетомъ. Люди, о которыхъ шопотомъ говорилось и украдкой читалось въ тѣхъ запретныхъ листкахъ, возвращались изъ Сибири; нѣкоторые оказались даже призванными въ только что формирующіеся комитеты «по устройству сельскаго быта»; профессора, еще недавно славословившіе, или хулу изрыгавшіе, перемѣняли фронтъ; съ каѳедръ велись иныя рѣчи... Все вокругъ зажило, заликовало, обновилось; наступалъ канунъ «Свѣтлаго Праздника», и свободнѣе задышала молодая грудь.

И что-же? Эти, вчера еще съ лихорадочною жадностью читавшіеся листки сразу потеряли все свое обаяніе, весь свой заманчивый ароматъ запретнаго плода; они исчезли какъ-то сами собой; прекратились и дебаты. *Начиналась жизнь!*

Каждый воленъ, конечно, выводить изъ этого явленія какія угодно заключенія; я же заношу его въ свои воспоминанія, какъ наблюденный фактъ, и такой фактъ, значеніе котораго не исчерпывается описываемою современною ему эпохою.

Студенческіе кружки наши, кромѣ всего этого, путемъ общаго ознакомленія съ философскими и общечеловѣческими принципами совершенно упразднили для всѣхъ насъ значеніе сословнаго начала и

навсегда сокрушили сословные предразсудки. Ни принадлежность къ тому или иному сословію, ни имущественное положеніе никогда не обусловливали собою тотъ или иной составъ кружка; въ каждомъ изъ нихъ можно было наблюдать полнѣйшее смѣшеніе въ подобныхъ группировкахъ. И графы, и князья, и коммерческая аристократія не только остерегались въ чемъ либо или чѣмъ либо проявить свою родовитость или свое богатство, но, напротивъ того, какъ бы конфузились ихъ; несравненно больше гордились они своимъ званіемъ студента, своею принадлежностью къ этой избранной корпораціи, и потому стремились слиться съ нею во всемъ до костюма включительно, щеголяя своимъ затасканнымъ сюртукомъ и карнаухою треуголкой. Совершенно не такъ складывался студенческій бытъ ранѣе, въ тридцатыхъ годахъ,— какъ это видно по воспоминаніямъ Буслаева въ «Вѣстникѣ Европы»,— когда сословныя перегородки, богатство и бѣдность такъ рѣзко разъединяли университетскія группы. Совершенно не такимъ является и современный Университетъ, обмиршившійся, такъ сказать, чуть не до полной безличности. Чрезвычайно любопытно было бы, замѣчу мимоходомъ, прослѣдить по имѣющимся уже воспоминаніямъ различныхъ эпохъ въ жизни нашихъ университетовъ эту смѣну настроеній въ историко-физіологической ихъ эволюціи, вывести законъ такихъ чередованій, опредѣлить взаимодѣйствія окружающей жизни на Университетъ и обратно и выяснить такимъ образомъ *жизненное значеніе* нашей высшей школы. Углубляясь въ свои собственныя воспоминанія, я могу лишь ясно сознать громадное вліяніе Университета на жизнь; въ обратномъ смыслѣ, степень вліянія представляется мнѣ въ довольно смутныхъ очертаніяхъ, быть можетъ отъ того, что вспоминаемая мною эпоха является въ этомъ отношеніи съ необычайно-глубокимъ различіемъ между тѣми идеалами, которые жили въ стѣнахъ Университета, и тѣми, какіе наблюдались за ними,—различіемъ достигшимъ противуположенія и почти внезапно исчезнувшимъ со второй половины университетскаго курса и, вслѣдствіе того, сообщившимъ моей эпохѣ совершенно исключительный характеръ, невозможный для какого либо обобщенія въ цѣли даннаго изслѣдованія.

Мы не имѣемъ пока такого любопытнаго изслѣдованія; но уже и теперь возможно намѣтить въ жизни Московскаго, по крайней мѣрѣ, университета нѣсколько другъ друга смѣняющихъ и очень явственно обособленныхъ культурныхъ цикловъ. До 30-хъ годовъ Университетъ еще мало разнится отъ современнаго типа средней школы; съ 30 до 50-хъ онъ мало-по-малу начинаетъ выдѣляться изъ окружающаго міра, уходитъ въ себя и ко второй половинѣ этого періода представляетъ собою какъ бы опальное убѣжище, куда стекаются отовсюду гонимые

идеалы, спасаясь отъ чуждаго имъ міра за его высокими стѣнами, концентрируются тамъ и потому съ особенною интенсивностью разрѣшаются силами, сначала непроизводительными, выпуская въ жизнь людей ей пока *«лишнихъ»*, «заѣденныхъ средою», какъ говорилось тогда, но затѣмъ къ началу слѣдующаго цикла 60-хъ годовъ поставляютъ дѣятелей на всѣ реформы этой эпохи и отзываются на всѣ ея требованія. Это здоровое общеніе Университета съ жизнію скоро и круто, однако, поворачиваетъ направленіе отъ положительнаго къ отрицательному: наука забывается ради «политики»; жизнь студента, дотолѣ замкнутая, получаетъ лихорадочное теченіе въ сходкахъ, протестахъ, адресахъ и уличныхъ потасовкахъ. Лихорадка, впрочемъ, также быстро затихаетъ, и современный Университетъ выпускаетъ уже людей «умѣренности и аккуратности», «дѣльцовъ» и «борцовъ»—не за идею однако, а просто за собственное «существованіе». Въ этихъ внезапныхъ смѣнахъ, въ этихъ порывистыхъ скачкахъ изъ одной нежелательной крайности въ другую мы видимъ тѣ волны «моря житейскаго», которыя свободно хлещутъ черезъ стѣны Университета и, подобно желѣзнодорожному, размываютъ пути его: локомотивъ исправенъ, рельсы цѣлы, но полотно подмыто; вмѣсто дотолѣ ровнаго хода, поѣздъ идетъ толчками и, если не терпитъ крушенія, то лишь благодаря плоскости мѣстоположенія. Университетъ долженъ ставить принципы, а жизнь—отвѣчать ихъ воплощенію. Описываемая мною эпоха *въ этомъ значеніи своемъ* является кульминаціоннымъ пунктомъ въ изложенныхъ эволюціонныхъ смѣнахъ. Возвратимся же къ ней съ своимъ прерваннымъ разсказомъ.

По смерти Т. Н. Грановскаго осиротѣвшія студенческія симпатіи всецѣло были перенесены на П. Н. Кудрявцева, и безъ того пользовавшагося уже громаднымъ обаяніемъ въ нашей средѣ. Онъ читалъ намъ туже исторію, только древнѣйшій періодъ ея. Все, уже сказанное о Т. Н., можно повторить и по отношенію къ его глубоко-симпатичному преемнику: таже художественная обработка слова, тотъ же благородный полетъ, широта и жизненность мысли. Разница заключалась лишь въ томъ, что если у Грановскаго выпуклѣе выдѣлялся для слушателя гражданскій элементъ, то въ изложеніи Кудрявцева преобладалъ эстетическій; особенно мастерскими выходили у него пластическія описанія памятниковъ древняго міра.

Разъ испуганные неожиданною утратою, мы боялись и за Петра Николаевича. Онъ уже тогда имѣлъ видъ крайне-болѣзненнаго, хилаго, санитарно-неблагонадежнаго человѣка; худой, какъ скелетъ, съ матово-смуглымъ, безкровнымъ лицомъ, съ тусклымъ взоромъ, грустнымъ и задумчивымъ, какъ у Т. Н., съ ввалившеюся грудью и едва слышнымъ, глухимъ, точно замогильнымъ голосомъ, онъ, такою наружностью, го-

лосомъ въ особенности, чрезвычайно гармонировалъ съ читаемымъ предметомъ: даже профиль его напоминалъ Египетскую мумію. Но всѣ эти археологическія особенности нисколько не лишали его физіономіи отпечатка трогательной доброты, тонкаго ума и изящнаго благородства; чѣмъ-то необыкновенно-чистымъ, дѣтски-наивнымъ, чѣмъ-то «не отъ міра сего» вѣяло отъ нея.

Съ неменьшею яркостью выдѣляется въ моихъ студенческихъ воспоминаніяхъ и типичная маленькая фигурка Н. И. Крылова, подымающагося тихимъ, методически-размѣреннымъ шагомъ по высокой, вьющейся вокругъ стѣнъ, лѣстницѣ въ верхнюю аудиторію, съ склоненною на бокъ головкою и непремѣнно со шляпой въ согнутой локтемъ рукѣ. Занявъ свое мѣсто на каѳедрѣ, Никита Ивановичъ неизмѣнно клалъ съ одного ея боку красный платокъ, съ другого табакерку, внушительно откашливался и тихимъ шопотомъ ничиналъ лекцію всегда такими словами: «въ прошедшій разъ, господа, мы остановились на»... и послѣ такого вступленія постепенно возвышалъ голосъ, который къ концу лекціи уже гремѣлъ на всю аудиторію. Для чего требовалось такое crescendo—неизвѣстно, но соблюдалось оно каждый разъ неукоснительно. Иногда послѣ словъ «мы остановились на»... Крыловъ внезапно обращался къ кому нибудь изъ студентовъ, дѣлалъ угрожающую мину и спрашивалъ: «а? на чемъ-бишь? а? Обнинскій!... Не помнишь?» (Н. И. любилъ иногда обращаться къ намъ на «ты»). «Только смѣяться умѣете на лекціи»... А не смѣяться было не возможно; не рѣдко вся аудиторія грохотала раскатистымъ, неудержимымъ хохотомъ отъ выраженій, сопоставленій, жестовъ и мимики, которыми Н. И. щедро уснащалъ свое изложеніе. Въ такія веселыя минуты Н. И. обыкновенно пріостанавливалъ чтеніе и, когда хохотъ стихалъ, продолжалъ съ серьезнѣйшей миной и совершенно-спокойнымъ голосомъ свою начатую и прерванную фразу. Н. И., кромѣ блестящаго таланта по существу своего предмета, обладалъ и замѣчательнымъ комическимъ даромъ. Его мѣткій, сжатый, необыкновенно-образный языкъ не довольствовался словомъ: ему необходимы были еще и тѣлодвиженія. Онъ вертѣлся на своемъ креслѣ, упираясь въ ручки, ёрзалъ имъ по каѳедрѣ, рискуя слетѣть внизъ, стучалъ по пюпитру, комкалъ свой красный платокъ, а разъ, объясняя символизацію проявленія права собственности посредствомъ «наложенія руки», такъ размахнулся и треснулъ по своей табакеркѣ съ крикомъ «моя вещь!» что та кубаремъ покатилась на полъ и завертѣлась по паркету. Студенты бросились ее догонять; Н. И. спокойно выждалъ возстановленія порядка и прежнимъ ровнымъ голосомъ продолжалъ лекцію. Благодаря подобнымъ украшеніямъ и дивертисментамъ, сухой, отвлеченный, такъ далекій отъ дѣй-

ствительности для нашей юной, неумѣлой концепціи предметъ слушался съ глубочайшимъ, постоянно-освѣжаемымъ вниманіемъ; основные тезисы и правовыя нормы врѣзывались въ память до того, что, напр., мнѣ, много лѣтъ спустя, въ дожности мироваго судьи, помогали разбираться въ юридическихъ хитросплетеніяхъ, обыкновенно сопровождавшихъ правовыя столкновенія въ крестьянскомъ быту. Такимъ образомъ, въ ловкой, блестящей, одушевленной интерпретаціи даровитаго профессора Римское право на долго хранило для слушателей свое прежнее значеніе. Какъ классики для писателя, такъ Римское право для юриста получало изъ его рукъ значеніе той умственной гимнастики, послѣ которой съ легкостью исполняются безконечно-разнообразные пріемы, вызываемые развертывающимися въ той или иной профессіи жизненными запросами; благодаря таланту профессора, они не заставали насъ въ расплохъ и помогали благополучно управляться съ любымъ экспромптомъ.

Дорогія тѣни моихъ незабвенныхъ учителей! Чѣмъ, чѣмъ могу я отплатить за все, воспринятое отъ васъ? Мужественные проводники правды, свѣта и добра, самодержавные властелины душъ и сердецъ горячо преданнаго студенчества! Благодаря вамъ, воплотившимъ идеалъ, взятый эпиграфомъ къ этой главѣ, оно зоветъ тотъ Университетъ, въ которомъ такъ честно работали вы на пользу родины, заветъ до сихъ поръ, зоветъ сознательно и любовно—*своею «Alma Mater»*. Подъ ея роднымъ кровомъ тогдашній студентъ не чувствовалъ себя чужимъ, одинокимъ; онъ не зналъ разобщенія, не замѣчалъ розни, ни надъ собою, ни вокругъ себя: общіе, университетскіе (въ самомъ строгомъ значеніи слова) интересы, «общинное пользованіе» въ кружкахъ его «угодьями», общія симпатіи. Спасительный девизъ «viribus unitis» тогдашній студентъ уносилъ съ собою и покидая Университетъ. Онъ не зналъ оправданія--«одинъ въ полѣ не воинъ», а вѣрилъ, *вѣрилъ по опыту* въ то, что «на людяхъ и смерть красна». Силу, любовь и отвагу несъ онъ съ собою въ жизнь, и сила эта направлялась и регулировалась *тѣмъ*, о чемъ онъ съ восхищеннымъ вниманіемъ слушалъ нѣкогда съ каѳедры. Какъ бы нарочно, счастливая судьба готовила ему на этотъ разъ дѣло, которому прежде всего надобились такія рыцарскія свойства, и Московскій университетъ можетъ съ полноправною увѣренностью занести въ свои лѣтописи, что ему главнымъ образомъ обязана страна тѣми качествами дѣятельности мировыхъ посредниковъ «перваго призыва», о которыхъ такъ часто, съ такимъ непререкаемымъ основаніемъ вспоминаетъ текущая современность, которыхъ ищутъ вокругъ и не находятъ, которыя искусственно стараются возсоздать, но всѣ усилія разлетаются дымомъ!.. Сомкнулись

вѣщавшія нѣкогда уста, унеслись въ небо, къ себѣ, духотворившіе дѣло идеалы, и лишь въ воспоминающемъ былое надгробномъ словѣ отдыхаетъ современная мысль...

Сравнивая студенчество вспоминаемыхъ мною годовъ съ современнымъ, я поражаюсь тѣмъ кореннымъ различіемъ, какое бросается въ глаза чуть ли не на всѣхъ точкахъ этой параллели. Все—жизнь, міровоззрѣнія, интересы, вкусы и антипатіи, бытовая обстановка и т. д. вплоть до внѣшняго облика и привычекъ, было совершенно иное, нежели то, какое наблюдается теперь. Прежде всего, теперь мы не знаемъ *студенчества*, а знаемъ только *студентовъ*,—обывателей, отличающихся отъ всѣхъ прочихъ своимъ мундиромъ, да хожденіемъ по утрамъ на лекціи. Въ мое время было совсѣмъ не то: каждый изъ насъ глубоко и ясно сознавалъ ту грань, которая выдѣляла университетскій міръ изъ окружающей его среды; каждый изъ насъ твердо вѣрилъ, что этотъ замкнувшійся и *самодовлѣющій* міръ *выше и чище* этой окружающей его среды и сознательно готовился стать достойнымъ славнаго призванія поднять эту среду до себя, или, по крайней мѣрѣ, сберечь отъ нея то, чтó вынесется изъ Университета. Такое сознаніе, пожалуй, суетное и горделивое, питало однако собою тотъ духъ корпоративной чести, ту вѣру въ науку, то самостоятельное и критическое отношеніе къ житейскимъ явленіямъ, которыя въ стѣнахъ Университета заставляли насъ *только учиться*, пребывая совершенно безучастными ко всему тому, чтò творится за ними, а потомъ, въ жизни, спасло насъ отъ того, чтó зовется «заѣдающею средой», и помогло тѣмъ изъ насъ, кому пришлось работать по крестьянскому дѣлу, «ввести Положеніе 19 Февраля въ дѣйствіе» въ неприкосновенной цѣлостности его, въ духѣ, сообщенномъ ему Законодателемъ, не отступая ни передъ чѣмъ, чтò такъ или иначе влекло съ этого труднаго и скользкаго пути въ сторону, запугивало или прельщало. Подобный «закалъ» (я не нахожу болѣе мѣткаго выраженія) былъ въ особенности необходимъ юристу, призванному вообще вносить въ жизнь начало высшей справедливости и бороться за него противъ множества исконныхъ враговъ; онъ въ особенности необходимъ былъ нашему выпуску, которому прямо съ университетской скамьи приходилось начать эту борьбу и на плечахъ своихъ вынести къ ряду три послѣдовательныя великія реформы—крестьянскую, земскую и судебную, реформы, которыя такъ круто разрывали съ прошлымъ и окружающимъ и такъ тѣсно сплачивались съ тѣмъ, чему училъ насъ *тогдашній* Университетъ. *Въ немъ, а не изъ окружающей среды*, только и можно было вербовать людей для этого новаго дѣла, и лучшіе представители высшей адми-

нистраціи, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи, очень хорошо понимали это.

Существуетъ мнѣніе, что замкнутое воспитаніе готовитъ странѣ непрактичныхъ гражданъ, что оно не должно чуждаться житейскихъ требованій, должно приспособляться къ нимъ... Подобныя воззрѣнія особенно распространены между современными самозванными педагогами и публицистами. Задача же науки, идущей всегда впереди жизни, юриспруденціи въ особенности, состоитъ не въ «приспособленіи» къ жизни, а въ ея совершенствованіи. Усвоивать начàла науки юноша можетъ только въ уединеніи отъ жизни, мѣшающей этому дѣлу, въ корпоративномъ сообществѣ, облегчающемъ и развивающемъ его; а для того, чтобы усвоенныя такимъ путемъ начàла претворялись въ жизнь въ качествѣ руководящаго и общедоступнаго свѣточа, необходимо, чтобы носитель его съ одной стороны непререкаемо сознавалъ главенствующее надъ нею значеніе науки, а съ другой—былъ въ юности своей, всегда податливой къ воспріятіямъ извнѣ, увлеченіямъ и самомнѣніямъ, хорошо защищенъ на это опасное время отъ того рекомендуемаго «знакомства съ жизнію», которое вмѣсто ожидаемаго знанія ея даетъ въ итогѣ лишь самые антисоціальные результаты—своекорыстіе, карьеризмъ, уживчивость и покладистость къ тому, чтò требуетъ самаго энергическаго протеста, способность «ходить по вѣтру» и «плавать по теченію»,—однимъ словомъ то неизмѣримое предательство, которое прикрывается скромнымъ названіемъ «практичности» и которое, какъ ржа, выѣдаетъ все, чтò даетъ лучшаго Университетъ. «Жизнь лучшая школа» и «книга жизни лучшая изъ книгъ»,—совершенно вѣрно; но не слѣдуетъ забывать, что научиться въ этой школѣ можетъ только *грамотный*, и читать въ этой книгѣ съ пользою можетъ только тотъ, кто уже *выучился понимать и усвоивать прочитанное*, а не тотъ, кого, какъ Гоголевскаго Петрушку, интересуетъ лишь «процессъ чтенія». Для того, чтобы выработать въ юношѣ эту способность критически-самостоятельно относиться къ той жизни, которая ждетъ его за стѣнами Университета и совершенствовать ее, *воспитаніе*, въ нихъ получаемое, должно быть замкнутымъ, должно быть «*самовоспитаніемъ*», руководимымъ не внѣшними, а внутренними собственными факторами. Университетъ моего времени былъ близокъ къ этому идеалу, во всякомъ случаѣ былъ несравненно ближе къ нему, нежели теперешній. Какъ между профессорами и студентами, такъ и между самими студентами существовала живая связь, крѣпкая преподаваемою наукой и тѣми идеалами, о которыхъ учила она, связь, которую и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, отрадно вспоминать, хотя и невыразимо-грустно говорить о ней, какъ о безвозвратно пока утра-

ченной. Кому давалось познать эту связь, тотъ не могъ уже сдѣлаться ни искателемъ-карьеристомъ, ни сокрушителемъ-нигилистомъ; онъ не шелъ въ Университетъ ради улыбающагося за нимъ «тепленькаго мѣстечка», не воображалъ себя, проходя курсъ, гражданиномъ, съ правомъ силою добиваться неимѣющихъ ничего общаго съ наукою претензій и фантазій, а, покидая его, уносилъ съ собою то «материнское» благословеніе, которое хранило его отъ того и другого на предстоящемъ жизненномъ пути. Только такая школа можетъ, какъ выразился Германскій императоръ въ своей извѣстной рѣчи по школьному вопросу, «*воспитывать людей, которые уже со школьной скамьи приносятъ съ собою пониманіе дѣйствительной жизни*».

II.

Среди крушенія крѣпостнаго права.

„И Слово плоть бысть, и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его“...

Посмотримъ теперь, какова была та правовая «жизнь», въ которую «перенесла» меня «школа».

Четыре года моего студенчества совпали съ великою порубежною эпохою нашего культурнаго развитія. Вступилъ я въ Университетъ при полномъ господствѣ стараго режима; всѣ описанныя мною въ І-й главѣ моихъ воспоминаній университетскіе распорядки носили на себѣ яркіе, типичные слѣды отживающаго послѣдніе дни свои государственнаго строя. Переломъ совпалъ съ половиною курса и начался вѣстью объ «освобожденіи»... Когда я, наконецъ, вышелъ изъ Университета, жизнь уже приготовила все для воспріятія народившейся идеи. Такой переходный характеръ, знаменательно отмѣтившій мои университетскіе годы, опредѣлилъ собою и всю послѣдующую дѣятельность мою сначала въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, потомъ въ земствѣ и, наконецъ, въ судѣ. Эти три стадіи, подобно университетскимъ годамъ, повторили туже характерную черту: переходъ отъ старыхъ развалинъ къ новымъ созиданіямъ. Такова была «судьба» моя, и я благословляю ее, такъ какъ нѣтъ ничего живѣе, любопытнѣе и поучительнѣе, какъ быть, сперва свидѣтелемъ, а потомъ и участникомъ соціальнаго переустройства страны. Эта періодически-чередовавшаяся вереница реформъ до того избаловала мою дѣятельность, что, въ наступившее вслѣдъ за ними сравнительное затишье, я чувствовалъ себя «не у дѣлъ», хотя и продолжалъ службу: чего-то недоставало, было какъ-то неловко, не по себѣ. Нѣчто подобное долженъ чувствовать фельдъегерь въ отставкѣ: всю жизнь свою мчался онъ на курьерскихъ; мимо него неслись

все новыя и новыя поля, горы и лѣса дремучіе; онъ привыкъ къ воздуху, къ простору, къ движенію впередъ, къ перемѣнѣ—и вдругъ онъ дома! Нѣтъ лихой тройки, исчезъ «полей врачующій просторъ», окна закрыты, въ комнатѣ тѣсно, а на дворѣ сиверко.

Я не даромъ выразился, что выпавшая мнѣ на долю судьба *избаловала* мою дѣятельность. Какъ расточительный богачъ не считаетъ своихъ сокровищъ, такъ и я теперь только «взялся за умъ», чтобы подвести хоть какіе-нибудь итоги всему видѣнному и слышанному; но, увы! уже поздно: память, насыщенная черезъ край массою быстро смѣнявшихся впечатлѣній, уже не въ силахъ справиться съ разбѣгающимся въ разныя стороны и ускользающимъ изъ-подъ рукъ когда-то богатымъ, а теперь нищенски-общипаннымъ матеріяломъ. Правда, впрочемъ, и то, что въ началѣ лихорадочная, спѣшная и срочная работа по введенію въ дѣйствіе всѣхъ этихъ трехъ капитальныхъ реформъ, а потомъ служебныя обязанности, бравшія все время и урѣзывавшія досугъ до размѣровъ необходимаго для сохраненія нервной системы отдыха, лишали всякой возможности вести своевременно записки, дѣлать отмѣтки или заносить наблюдаемое въ дневникъ; наконецъ, можно ли было думать, что придетъ время, когда это лихорадочное настоящее превратится въ такое здоровое, такое заманчивое прошедшее, а будущее окажется не совсѣмъ такимъ, какимъ рисовалось оно тогда намъ, «идеалистамъ и мечтателямъ»?..

Такимъ образомъ, интереснѣйшая напр. коллекція помѣщичьихъ типовъ, дворни и «рабовъ», поразивъ взоръ своею дикою пестротою, канула въ Лету, безслѣдно, навсегда, такъ какъ о какой-либо огульной характеристикѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Теперь, четверть вѣка спустя, я вопрошаю свою память; но она можетъ отвѣчать лишь извѣстнымъ стихомъ Энеиды: apparent rari nantes in gurgine vasto *). Сравнительно отчетливѣе сохранила моя память лишь тѣ бытовыя черты, которыя приходилось укладывать въ новыя юридическія нормы.

Ни покидая Университетъ, ни на послѣднемъ курсѣ, никто изъ насъ и не думалъ о предстоящей карьерѣ, чиновничьей—всего менѣе: тогда она для юноши, вкусившаго университетскаго образованія, представлялась чѣмъ-то ужаснымъ, невозможнымъ. Юридическій факультетъ тогда, какъ и теперь, преобладалъ численностью слушателей своихъ надъ остальными за исключеніемъ медицинскаго, но преобладалъ не въ силу открывавшихся впослѣдствіи и тогда еще нечаемыхъ злачныхъ по судебному вѣдомству мѣстъ: тогдашняя молодежь толпилась вокругъ каѳедръ, прославленныхъ совсѣмъ иною силою,—силою раздававшагося съ нихъ вѣчно-живого, вѣчно-духотворящаго слова, уводившаго ауди-

*) Видны немногіе обломки въ обширной пучинѣ.

торію вслѣдъ за профессоромъ-*наставникомъ* изъ сумрачной дѣйствительности въ свѣтлую область грядущихъ гражданскихъ идеаловъ.

Никто изъ насъ, кончавшихъ курсъ, не могъ и ожидать, что это «живое *слово*» такъ скоро станетъ «*плотью*». Къ торжеству «благой вѣсти» относились недовѣрчиво; временами казалось, что она задохнется въ мертвящихъ дыханіяхъ отходящей эпохи; ходившіе о ней слухи мерцали точно блуждающія блестки занимающейся зари въ предразсвѣтной тишинѣ загадочной ночи, когда не раздавалась еще вверху звонкая пѣснь весенняго жаворонка и не успѣли еще спрятаться отъ наступающаго утра ея призраки и видѣнія, когда все затаилось, все замерло въ безмолвномъ, страстномъ и торжественномъ ожиданіи чего-то новаго, свѣтлаго и великаго... Должность мироваго посредника являлась только in spe, улыбалась съ какихъ-то недосягаемыхъ вершинъ, благоговѣйно манила къ себѣ однихъ, возбуждала глумливое озлобленіе въ другихъ, но еще не сходила на землю «насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія». Всего же труднѣе было пристроиться хотя съ кое-какими шансами нравственнаго комфорта нашему брату-юристу.

Сдавъ послѣдній экзаменъ и «принявъ во вниманіе все вышеизложенное», я съ однимъ изъ товарищей отправился на неопредѣленное время за границу. Въ вагонахъ, отеляхъ, на водахъ, всюду, какъ только узнавали, что мы Русскіе люди, тотчасъ же закидывали насъ вопросами; живѣйшею темою любопытства было возвѣщенное «l'émancipation des serfs en Russie»; помню даже одного черномазаго гражданина Венесуэльской республики, осаждавшаго меня безконечными, пытливыми о томъ запросами въ Марселѣ... Какъ широко было значеніе тогда лишь блѣдно-намѣченнаго и только ожидаемаго событія!

Ждать оставалось уже недолго. Вернувшись домой и до поры до времени зачислившись въ канцелярію генералъ-губернатора «для утвержденія въ чинѣ», я вскорѣ былъ назначенъ мировымъ посредникомъ въ одну изъ губерній средней полосы. Я надѣлъ золотую цѣпь,—тогда еще впервыя введенное украшеніе, такъ рѣзко выдѣлявшее мировыхъ посредниковъ, не имѣвшихъ мундира, отъ остальной массы служилаго люда,—и отправился представиться губернатору. До сихъ поръ хорошо помню этотъ пріемъ!.. Но для того, чтобы оцѣнить все его значеніе, надо сдѣлать маленькое отступленіе въ сторону.

Положеніе студента, переходящаго съ университетской скамьи въ службу, въ тѣ времена было далеко не изъ завидныхъ. Чиновничество смотрѣло косо и недружелюбно на «университетскихъ»; бывали, разумѣется, исключенія, но я говорю объ общемъ впечатлѣніи. Чуть не каждый чинъ, и чѣмъ ниже, тѣмъ рѣзче, непремѣнно старался при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ оборвать университетскаго

человѣка. Заставятъ его, наприм., «сочинить бумагу», просмотрятъ, покачаютъ головою и, устремляя въ него изъ-подъ вскинутыхъ на лобъ очковъ презрительно-добродушный взоръ, скажутъ, возложивъ руку на плечо: «Вы, молодой человѣкъ, хотя и въ университетѣ, хе, хе, обучались, а слогомъ, хе, хе, настоящимъ не владѣете-съ; развѣ такъ пишутъ-съ?» Затѣмъ «начальникъ» лѣзъ въ шкафъ, вытаскивалъ оттуда какой-нибудь пузатый истрепанный томъ и, распахнувъ его на потребномъ мѣстѣ, внушительно тыкалъ пальцемъ въ какое-нибудь «представленіе», «доношеніе», или «рапортъ» и совѣтовалъ «присмотрѣться» какъ надо писать. Молодой человѣкъ «присматривался», но образцовый «слогъ» оказывался еле доступнымъ его университетскому пониманію. Случалось иногда и хуже того: злополучному автору «бумаги» вручали нитки съ громадной иглой и засаживали «подшивать наряды».

Все это пронеслось въ моей памяти, когда я стоялъ въ пріемной губернатора. Вскорѣ онъ вышелъ, тоже положилъ свою руку на плечо (хотя встрѣчались мы въ первый разъ); но въ этомъ жестѣ было теперь что-то нѣжное, отеческое, человѣчное. Его глубокій, грустный (какъ и у Т. Н. Грановскаго! сейчасъ же мелькнуло у меня) взглядъ, молодое еще и прекрасное смуглое лицо, обрамленное густыми сѣдыми волосами, довершали такое впечатлѣніе. «Я радъ въ васъ видѣть, началъ губернаторъ, усадивъ меня въ своемъ кабинетѣ (тогда это былъ пріемъ, выходящій за урядъ) будущаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу, гражданина, полезнаго своему отечеству. Люди съ университетскимъ образованіемъ въ провинціи рѣдки, а они нужны мнѣ, необходимы дѣлу: я ищу ихъ съ огнемъ... потому что они, во первыхъ, молоды, чисты душой, не испорчены жизнію и существующими служебными порядками, а во вторыхъ, что́ не менѣе важно для дѣла, независимы отъ среды, въ которой придется имъ работать, тяжко и славно работать!.. Вѣрьте въ свое дѣло, чтите законъ во что̀ бы ни стало, не падайте духомъ, а въ трудную минуту идите ко мнѣ—я вашъ защитникъ и помощникъ, вашъ руководитель, вашъ совѣтникъ, все, что̀ только вы потребуете отъ меня»...

Я слушалъ, какъ заколдованный; я ощущалъ, какъ чувство безпредѣльной радости, безпредѣльнаго уваженія къ этому человѣку росло въ моей взволнованной груди; я смѣло шелъ на встрѣчу «тяжкому, но славному» дѣлу, имѣя *такого* руководителя, *такую* поддержку; я сознавалъ, что то, дорогое, университетское, то, что́ я вношу съ собою въ это дѣло, служитъ теперь предметомъ не злораднаго глумленія, а, напротивъ, имѣетъ свою особую цѣну и пользуется уваженіемъ высшаго представителя мѣстной офиціальной власти. До сихъ поръ, взглянувъ

на висящій предъ моимъ письменнымъ столомъ портретъ, я съ глубокою любовью вспоминаю это отеческое напутствіе на первыхъ шагахъ молодаго студента въ жизнь, это благословленіе на предстоящія въ ней битвы, благословеніе, поданное чистыми руками и на чистое дѣло. И всѣ мы, рекруты «перваго призыва», поочередно получали его: еще не зная другъ друга, собравшись съ разныхъ сторонъ, мы уже восприняли общее крещеніе, такъ сказать, и этотъ починъ помогъ намъ въ послѣдствіи образовать такой же сплоченный, жившій такими же факторами, такой же тѣсный, товарищескій кружокъ, изъ котораго мы только что вышли, оставляя университетъ.

Это общеніе было могучею подмогою въ нашей трудной задачѣ. Создалось, образовалось оно какъ-то само собою, очень скоро и очень легко. Періодически, поочедно мы собирались то у одного, то у другаго. Приходилось дѣлать большіе переѣзды: наши усадьбы были разбросаны по губерніи, дѣла было у всѣхъ, что́ называется, по горло, а обычай «участковыхъ съѣздовъ» соблюдался свято: изъ 35 посредниковъ, можетъ быть, человѣка 3—4 не принимали участія въ нашихъ собраніяхъ. По преимуществу молодежь, по преимуществу университетская, составлявшая основной контингентъ этихъ собраній, давала и тонъ всему происходившему въ нихъ. Послѣ дѣловыхъ совѣщаній, по рѣшеніи сообща массы вопросовъ первостепенной важности, постоянно подымаемыхъ новымъ дѣломъ, шли разсказы, обмѣнивались впечатлѣнія, а подъ конецъ, тоже какъ-то самъ собою, составлялся хоръ и пѣлись пѣсни, то студенческія по старой памяти, то народныя— по новой; заваривалась иногда и традиціонная жженка. Не улыбайся ехидно, мой благосклонный читатель! Намъ необходимъ былъ подобный роздыхъ: на наши молодыя, непривычныя плеча̀ свалился тяжелый трудъ, тяжелый и нравственно, и физически. Въ первомъ отношеніи мы вѣчно вращались между двумя раздраженными, противуположными, готовыми ринуться одинъ на другаго крупными, массовыми интересами, напрягали «всѣ силы разумѣнія своего», чтобы свести эти бушевавшіе интересы къ возможному единству и водворить законъ тамъ, гдѣ вчера еще отношенія нормировались произволомъ съ одной стороны и кабалою съ другой; что̀ же касается втораго—физическаго, то достаточно сказать, что первые два года службы мы буквально проводили въ тарантасѣ лѣтомъ и въ санкахъ зимой съ никогда не раскладывавшимся чемоданомъ. Изрѣдка только наѣзжали мы домой желанными, конечно, но несносными гостями: измучившись въ конецъ, мы были до непозволительности апатичны ко всему, за исключеніемъ мягкой и удобной *своей* (каково блаженство!) постели; немедленно заваливались въ нее и засыпали непробуднымъ сномъ вплоть до ранняго утра, когда разгонная

тройка уже стояла у подъѣзда, побрякивая бубенчиками. Наскоро пился чай, чемоданъ обновлялся новою смѣной бѣлья, и «посредственникъ» *) уже летѣлъ куда-нибудь къ поджидавшему его сходу для составленія уставной грамоты.

Какъ бы предчувствуя грядущую «перемѣну фронта», нашъ энергическій «главнокомандующій» то и дѣло понукалъ свою молодую армію спѣшить окончаніемъ этого дѣла: онъ надѣялся въ данномъ составѣ дѣятелей установить грамотами хотя основныя начала будущаго землевладѣнія согласно духу и разуму закона, не искаженнаго пока послѣдовавшими «разъясненіями и практикою»... Этимъ надеждамъ суждено было сбыться только на половину...

Итакъ, мы должны были спѣшить. Для сбереженія времени переѣздъ изъ имѣнья въ имѣнье совершался по ночамъ. До сихъ поръ я живо помню эти поѣздки. Зимой это выходило особенно очаровательно: то дѣвственно-бѣлыя равнины, то сказочно-нарядные въ «пушистомъ инеѣ лѣса», тогда еще не знавшіе хищническаго топора, бодрящій морозъ и ослѣпительно-яркая луна,—все это составляло такой отрадный контрастъ съ проведеннымъ днемъ! Отдыхалъ глазъ, намученный безостановочно мелькавшими передъ нимъ то озлобленными, то разбитыми горемъ лицами; въ невозмутимой серебряной тишинѣ, въ «глубокомъ и сладкомъ покоѣ могучаго хвоя лѣсовъ» отдыхало ухо, безпощадно растерзанное массовымъ ревомъ взбаламученныхъ голосовъ; отдыхалъ и мозгъ истомленный варіантами предлагаемыхъ «добровольныхъ соглашеній». Благодѣтельнаго, освѣжающаго сна не было; нервы были черезчуръ для того натянуты; работала фантазія въ полудремотѣ, а окружающій ландшафтъ своими сказочными очертаніями такъ хорошо помогалъ ей! Иногда откуда-нибудь за опушкой показывались волки, конвоировали нѣкоторое время бѣшено мчавшуюся тройку, но и они какъ-то не пугали: все до естественнаго ощущенія усталости или страха подавлялось величіемъ идеи, руководившей этимъ въ сущности каторжнымъ дѣломъ.

А дѣло было каторжное не только по существу своему, но и по той обстановкѣ, въ которой неизбѣжно совершалось; о какомъ-нибудь порядкѣ, системѣ или даже покоѣ въ своихъ занятіяхъ нечего было и думать. Деревня, въ которой мировой посредникъ открывалъ свою временную резиденцію по ея собственному дѣлу, тотчасъ же становилась центромъ, куда стекалась вся алчущая реальной или воображаемой правды округа съ своими назрѣвающими съ быстротою грибовъ послѣ

---

*) Такъ звали насъ крестьяне.

дождя вопросами и «докуками». Сидишь, бывало, обложенный и справа, и слѣва планами, «записями» и «полюбовными сказками» съ крючковатымъ почеркомъ Екатерининскихъ временъ; передъ столомъ распинается помѣщица, а въ передней гудитъ сходъ; дѣло, наконецъ, какъ будто налаживается, споръ уже свелся на остатній клочекъ выгона, по которому крестьянамъ хочется прогонять свою скотину, и помѣщица уже видимо подается... какъ вдругъ вламывается въ комнату какой-нибудь отставной корнетъ. «А, паазвольте васъ спросить, молодой человѣкъ, сипитъ онъ почти въ упоръ съ выпученною грудью и вздернутыми по военному плечами, на какомъ основаніи изволили вы включить собственно мнѣ принадлежащій Антюшкинъ лужокъ въ надѣлъ моимъ Альбигойцамъ?» Чтобы сразу покончить съ корнетомъ, имѣющимъ самый бравый и рѣшительный видъ, молча показываешь ему статью мѣстнаго положенія, предусматривающую юридическое значеніе Антюшкина лужка... «Да! вы та́къ, молодой человѣкъ понимаете эту статью, а я вотъ какъ» и пошелъ, и пошелъ. «Если мое рѣшеніе считаете неправильнымъ,—можете жаловаться; а теперь я, какъ видите, занятъ другимъ дѣломъ».—«Пробовали мы эти жалобы! Знаемъ-съ гдѣ раки зимуютъ... и т. д. Едва успѣешь отдѣлаться отъ одного—влетаетъ запыхавшійся старшина: «Вашесковродіе! Пожалуйте въ нашу волость! Бунтъ; сходъ некрутовъ не выдаетъ, а пора уже везти, подводы готовы; бился я, бился,—способа нѣтъ»... И, бросивъ одно, почти налаженное дѣло, ѣдешь въ волость. Все пространство предъ волостнымъ правленіемъ, сѣни, «присутствіе» биткомъ набиты сплошною волнующеюся толпою; стоитъ безобразный гулъ осипшихъ голосовъ, бабы воютъ; въ душной комнатѣ темнота, потому, что какъ только «посредственникъ» вошелъ въ правленіе, вся публика на дворѣ прильнула къ окнамъ, изъ которыхъ десятками торчатъ теперь одни надъ другою красныя, потныя, разъяренныя физіономіи. «Посредственника» прижимаютъ въ уголъ; дикая «орава» лѣзетъ къ самому лицу, тычетъ пальцами чуть не подъ носомъ; противники, продираясь къ посреднику, окончательно сбитому съ своей позиціи, отталкиваютъ другъ друга и говорятъ, т. е. просто орутъ, всѣ сразу. «Имъ, анаѳемамъ, ставить, а не намъ!»—«Нѣтъ, Осипъ Парамонычъ, ты постой, будемъ говорить такъ: сколько съ нашей деревни баринъ въ зачетъ угналъ?»... «А чтобъ вамъ, чертямъ, и съ бариномъ»... «Анадысь, Микиткѣ моему лобъ забрили,—позабылъ, а! То-то, память у тебя, лѣшаго, коротка, вотъ что!» и т. д. въ такомъ же родѣ. Понять въ чемъ тутъ дѣло, гдѣ ядро спора—нѣтъ никакой возможности. Тщетно распинается старшина, одной рукой придерживая знакъ, другою то и дѣло отирая катящійся со лба ручьями потъ,—«ребята, вы полегче, чего прете, галманы!»

Но ни на него, ни на меня уже никто не обращаетъ никакого вниманія; водворяется нѣчто хаотическое, стихійное. Все и въ комнатѣ, и снаружи сливается въ одинъ оглушительный гамъ, въ одно громадное мятущееся тѣло; надъ головами то и дѣло взмахиваются руки, изъ растворившихся оконъ идетъ перекрестная перепалка, изъ толпы подымается клубами паръ отъ проникшаго мороза, и лишь въ одномъ углу неподвижно стоитъ небольшая кучка людей въ новыхъ полушубкахъ, совершенно безучастная, безмолвная, и равнодушная—это рекруты, изъ за которыхъ идетъ все дѣло. Оставалось одно: дать свободный, естественный исходъ этой бурѣ и выждать время, вооружась терпѣніемъ. Когда возбужденіе начало понемногу стихать, а жесты стали принимать болѣе миролюбивыя очертанія, я сказалъ сходу, что если будетъ продолжаться это Вавилонское столпотвореніе, я уѣду, не разобравши дѣла, а рекрутовъ возьмутъ силою. Затѣмъ при содѣйствіи волостнаго старшины, очень толковаго старичка изъ бывшихъ бурмистровъ, я разъяснилъ соотвѣтствующій дѣлу законъ, и вся «чертова орава» «галмановъ», «лѣшихъ» и «анаѳемъ» очень скоро преобразилась въ самыхъ мирныхъ и учтивыхъ слушателей, а подъ конецъ разрѣшилась потокомъ самыхъ искреннихъ извиненій за «утружденіе», наивно признавая, «что ихъ дураковъ учить надо», что дѣло это приходится разбирать сходу въ первый разъ и т. п.

Это былъ первый сходъ, которому, дѣйствительно, въ первый разъ пришлось назначать рекрутъ, такъ какъ до тѣхъ поръ въ волости дѣло это вѣдалось и отправлялось помѣщиками. Явленіе, подобное только что описанному, приходилось мнѣ потомъ наблюдать не разъ: о чемъ бы ни шло дѣло, о составленіи ли грамоты, о разверстаніи, о мірскихъ передѣлахъ, порядкѣ пользованія и т. д., въ началѣ являлась хаотическая, крайне «возбужденная толпа, съ которою говорить, которую понять было невозможно—надо было «выждать моментъ», и дѣло шло къ концу, какъ по маслу: вчерашіе рабы учились самоуправленію и *постоянно* склонялись предъ требованіемъ закона, если только онъ истолковывался въ уровнѣ ихъ понятій и вѣрно ими усвоивался. Я помню массу уставныхъ грамотъ, встрѣчаемыхъ самымъ неистовымъ протестомъ и завершаемыхъ добровольнымъ соглашеніемъ.

Нѣчто совершенно-обратное наблюдалось въ средѣ помѣщичьей. Здѣсь дѣло начиналось тихимъ adagio, затѣмъ понемногу возрастало crescendo, а финалъ гремѣлъ уже бурными раскатами fortissimo. «Да, законъ! Это все такъ, но *если вы захотите—вы можете*... у васъ такая власть!».. Съ этимъ ужаснымъ наслѣдіемъ временъ минувшихъ приходилось сталкиваться то и дѣло, и неизбѣжный отказъ въ вожделѣнномъ желаніи всегда понимался или какъ капризъ, или какъ стре-

мленіе прижать помѣщика, или какъ юный, щеголяющій либерализмъ, и велъ къ самому необузданному протесту. На меня до сихъ поръ изъ этого «прекраснаго далека» смотрятъ сотни самыхъ умильныхъ дамскихъ взоровъ, самыхъ забавныхъ мужскихъ физіономій, скорченныхъ въ ласковую гримасу, тогда какъ челюсть кривилась отъ злобы и негодованія; до сихъ поръ я слышу самонѣжнѣйшія увѣщанія: «M-r Obninsky, вѣдь вы все можете, вамъ такъ довѣряютъ!...» Подобныя умильности были тяжелѣе любого прямолинейнаго протеста. Весьма нерѣдко дѣло принимало и такой оборотъ: «да, я согласенъ, что *по закону* они имѣютъ право; но вѣдь вамъ ничего не стоитъ сказать имъ, что этотъ лужокъ я дарю; они вамъ такъ довѣряютъ!...» А одинъ полковникъ, не стѣсняясь, открыто и прямо, говаривалъ: —«Вы мнѣ говорите законъ? Чтò такое законъ?! Еслибъ у насъ существовалъ законъ, мнѣ давно слѣдовало бы быть въ Сибири». Случались и фанатическіе протестанты. Каждый помѣщикъ былъ обязанъ представить мировому посреднику уставную грамоту за своею подписью; всѣ это и исполняли, хотя ни одна никуда не годилась, и посреднику приходилось брать эту работу всецѣло на себя. Выискался однако одинъ и изъ мѣстныхъ столповъ: исписавъ цѣлые вороха жалобъ, прожектовъ и инструкцій, онъ ни за что не хотѣлъ подписаться подъ составленной управляющимъ грамотою. —«Никогда я руки своей такимъ дѣломъ не замараю», сказалъ онъ съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ и уперся; грамота такъ и пошла безъ подписи.

Въ этомъ господствовавшемъ воззрѣніи помѣщиковъ на законъ, въ этой *искренней* ихъ увѣренности въ томъ, что посреднику стоитъ только захотѣть, чтобъ безслѣдно нарушить его и, если онъ этого не дѣлаетъ, то только потому, что ломается, мужикамъ мирволитъ и помѣщиковъ готовъ въ бараній рогъ согнуть,—въ этомъ ужасномъ для чести нашего юридическаго прошлаго воззрѣніи и коренились все то негодованіе, вся та клевета, все то озлобленіе, которыя преслѣдовали насъ на каждомъ шагу, наполняли собою жалобы, столбцы газеты «Вѣсть», клубныя гостинныя, везлись въ запечатанныхъ пакетахъ или персонально въ Петербургъ и, въ концѣ концовъ, сдѣлали таки свое дѣло. Завершая черезъ два года свою службу *уже при новомъ губернаторѣ*, на первомъ пріемѣ я получилъ такое наставленіе: «Всѣ вы, господа мировые посредники, стараетесь объяснять законъ, растолковываете крестьянамъ ихъ правà. Къ чему? Это только обостряетъ отношенія; если крестьяне домогаются законнаго—исполняйте эти домогательства, но старайтесь при этомъ внушать имъ, что на то была добрая воля помѣщика, его внимательность къ нуждамъ бывшихъ крѣпостныхъ, и что получаютъ они его согласіе какъ милость».

Мое служебное поприще, начатое вышеприведеннымъ напутствіемъ, закончилось (возможно ли было ждать чего-либо подобнаго!) такимъ наставленіемъ. Очень скоро затѣмъ изобрѣтенъ былъ радикальный способъ избавиться отъ непрошенныхъ и уже ненужныхъ поборниковъ законности: начали одинъ за другимъ *«сокращаться»* мировые участки. Дѣло дошло и до моего. Не могли только лишить меня заработаннаго довѣрія: на открывшихся вскорѣ затѣмъ избирательныхъ съѣздахъ и земскихъ собраніяхъ я былъ избранъ гласнымъ отъ крестьянъ и участковымъ мировымъ судьей. Тѣмъ не менѣе, однако, прежнее дѣло приходилось бросить,—дѣло, къ которому успѣла привязаться душа, дѣло далеко не законченное. Началась реакція, явились новые люди. Въ губернскихъ присутствіяхъ перекраивались отведенные мировыми посредниками надѣлы, а въ волостяхъ закрывались открытыя ими школы; сами же волостныя правленія изъ органовъ самоуправленія превратились въ исполнительныя инстанціи для начальническихъ предначертаній: власть переходила къ оппозиціи. Земство, судъ, заполнившіе все мое время, заслонили для меня и печальную картину разложенія только что созидавшагося: въ нихъ переселялась изгоняемая душа крестьянскаго дѣла...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ своихъ очеркахъ по введенію новаго фабричнаго закона, печатавшихся въ «Юридическомъ Вѣстникѣ», говоря о воздвигнутомъ тогда гоненіи на фабричную инспекцію, вызванномъ ничѣмъ инымъ, какъ ея стойкой вѣрностью закону и благородною энергіею въ его исполненіи, я коснулся и той незабвенной эпохи, которую вспоминаю теперь. Для читателей незнакомыхъ съ этими очерками, или позабывшихъ о нихъ, воспроизвожу здѣсь нижеслѣдующія строки свои, характеризующія наступавшую реакцію.

„Цѣлый рой свѣтлыхъ воспоминаній, радужныхъ надеждъ и мрачныхъ разочарованій пестрою вереницей проносится въ памяти, воскрешая давно прошедшее, изумительно на этотъ разъ тождественное съ настоящимъ, вчерашнимъ... И тогда, точно такъ же какъ теперь, выпало на нашу личную долю приводить въ исполненіе законъ, котораго такъ горячо ждала жизнь и который такъ холодно принимали люди: внизу—злобное сопротивленіе, вверху—циркуляры и „разъясненія“, и только въ глубинѣ непорочнаго сердца мечтателей-исполнителей святая вѣрность великой идеѣ Законодателя и юношескій жаръ въ тщетномъ стремленіи воплотить эту идею во всей ея дѣвственной чистотѣ и неприкосновенности. Грозная туча циркуляровъ и разъясненій носилась надъ новорожденнымъ „Положеніемъ 19 Февраля“, поражая то ту, то другую статью его своими молніеносными ударами; исполнители, которые, получая эти удары, не желали склоняться передъ ними, замѣнялись другими, или, еще того проще, „*сокращались* *ихъ участки*“. Приходилось уходить, бросать дорогое дѣло, когда жизнь звала

неудержимо впередъ, когда работа только что начиналась, когда на встрѣчу ей неслось столько свѣжихъ, ненадорванныхъ еще силъ!... И теперь, когда все больше, все назойливѣе всплываетъ обращенный къ этому давно прошедшему скорбный вопросъ—отчего Положеніе 19 Февраля не улучшило быта крестьянъ?—„Русская Старина“ „Воспоминаніями декабриста А. П. Бѣляева“ (Ноябрь, 1886 года, стр. 302) отвѣчаетъ на это такъ: „Великій актъ освобожденія долженъ былъ войти въ жизнь народа; для этого необходимы были посредники между крестьянами и помѣщиками. Первыми посредниками очень счастливо были выбраны люди, стоявшіе на высотѣ своего призванія. Все лучшее въ Россіи по состоянію, образованности, все отмѣченное общественнымъ голосомъ по нравственнымъ качествамъ, все, что̀ было самаго благороднаго, либеральнаго, отозвалось на зовъ Государя и стало въ ряды дѣятелей въ святомъ призваніи. Первыя ихъ дѣйствія уже доказали народу, что его участь очутилась въ рукахъ крѣпкихъ, неподкупныхъ, безпристрастныхъ, справедливыхъ... И вотъ эти *первые* посредники сразу пріобрѣли полное довѣріе народа, его уваженіе и благодарную любовь“.... „Если бы эти первые дѣятели до конца оставались на своихъ мѣстахъ и до конца продолжали бы свое дѣло, то думаю, что результаты оказались бы не тѣ, какіе оказались теперь, и самый бытъ крестьянъ устроился бы быстро и благодѣтельно... Но вотъ затѣмъ началось удаленіе этихъ первыхъ и по истинѣ благодѣтельныхъ посредниковъ“...

Мы привели эти горячія слова, проникнутыя неподдѣльною и *такъ* доказанною авторомъ любовью къ народу, потому что слова эти по отношенію къ настоящему могутъ имѣть пророческое значеніе. Совпаденіе тождественныхъ явленій поразительное: тѣже мировые посредники *перваго призыва*, типически возрожденные въ новой должности фабричнаго инспектора и его помощника, тѣже вѣрныя закону и благородныя по идеѣ стремленія, тѣже препятствія, таже борьба, тоже гоненіе, идущее, какъ отъ лицъ, теряющихъ прежнія права свои, такъ и отъ извѣстной части печати, щедрой на инсинуаціи и застращиванія, тѣже присутствія съ характернымъ представительствомъ, тѣже циркуляры.... Зловѣщая аналогія!

Моменты такихъ аналогій не часты въ историческомъ развитіи законодательства, и потому надо спѣшить ими пользоваться; они несутъ въ себѣ глубокое поученіе и яркимъ свѣточемъ указываютъ всѣ опасныя мѣста пути, когда-то пройденнаго и изслѣдованнаго, по которому вновь и въ томъ же направленіи начинается аналогичное движеніе впередъ: вотъ почему мы сочли не лишнимъ сдѣлать эту небольшую экскурсію въ область воспоминаній, въ „дѣла давно минувшихъ дней“.

Въ этихъ „дѣлахъ“ пришлось намъ принять самое близкое, непосредственное участіе, и потому, можетъ быть, мы не можемъ согласиться съ дальнѣйшею характеристикою почтеннаго автора „Воспоминаній“, какою онъ объясняетъ себѣ общія причины неудавшейся реформы. „Какъ во всемъ у насъ на Руси, первый пылъ и энергія въ самыхъ лучшихъ начинаніхъ скоро охладѣваютъ, и наступаютъ лѣнь и апатія, полное забвеніе

священнаго долга, то и тутъ случилось тоже, и все идетъ назадъ". „Первый пылъ и скорое охлажденіе", „лѣнь, апатія", составляющія безспорно физіологическія свойства нашей природы, не играли въ дѣлѣ введенія Положеній 19 Февраля никакой роли. Дѣло это *само по себѣ* устраняло всякую возможность ихъ проявленія: оно было слишкомъ живо, слишкомъ осязательно-плодотворно; охладѣть къ нему не могъ тотъ, кто уже разъ взялся за него. Охлажденіе и апатія народились извнѣ, искусственно: посредники *замѣнялись* или „чиновниками", или „помѣщиками", а статьи закона—или циркулярами, или разъясненіями. Если и приходилось „послѣднимъ могиканамъ", отступать, то послѣ долгой и тщетной борьбы и въ виду все ближе и яснѣе подступавшей перспективы будущей, уже безплодной дѣятельности съ новыми условіями, съ новыми требованіями, авторитетно выдвинутыми въ разрѣзъ со всѣмъ прошлымъ *).

Не смотря на 30-лѣтіе, отдѣлившее воспоминаемую мною эпоху отъ настоящаго времени, «крестьянское дѣло» до сихъ поръ не завершено: указомъ Правительствующему Сенату объ учрежденіи земскихъ начальниковъ на нихъ возложены между прочимъ и *заботы по «завершенію крестьянскаго дѣла»*. До чего, слѣдовательно, правъ былъ г. Бѣляевъ, полагая, «что еслибъ эти первые дѣятели (мировые посредники) до конца оставались на своихъ мѣстахъ и до конца продолжали бы свое дѣло, то результаты оказались бы не тѣ, какіе оказались теперь, и самый бытъ крестьянъ устроился бы быстро и благодѣтельно»... «Сокращеніемъ участковъ» и поворотнымъ давленіемъ была до срока раскасирована и распущена по домамъ цѣлая армія, успѣвшая покорить себѣ *довѣріе народа*—труднѣйшее изъ достояній побѣдителя и вѣрнѣйшее изъ средствъ довершенія побѣды, армія, закаленная въ бою и еще полная прежнихъ, свѣжихъ и лучшихъ силъ своихъ. Реставрація чего-либо подобнаго теперь—дѣло немыслимое: истлѣло знамя, вокругъ котораго собирались ряды христолюбиваго воинства; а «рѣка временъ», выступивъ изъ береговъ своихъ, затопила пространство, гдѣ нѣкогда соединялъ ихъ монументально-воздвигнутый мостъ, и уже никакому инженеру въ мірѣ не выстроить его вновь: ни прежняго матерьяла, ни прежней близости береговъ!.. Но въ этомъ великомъ крушеніи живетъ до сихъ поръ и великое поученіе: нельзя безнаказанно останавливать естественный ходъ историческаго движенія, нельзя внимать предательской трубѣ «отбоя», когда уже достигнута вершина бруствера... И наше современное законодательство воспользовалось этимъ поученіемъ, хотя въ другой, но совершенно-тождественной сферѣ: оно не вняло подобнымъ трубнымъ звукамъ, такъ недавно еще гремѣвшимъ въ предпринимательскомъ лагерѣ, ополчившемся противъ новаго фабричнаго закона; оно не «сократило» доблестный составъ нашей фабричной ин-

*) „Юридическій Вѣстникъ" 1887, Январь, стр. 115—117.

спекціи, которая благополучно «завершаетъ» свое дѣло, введеніе закона, сохранило свою твердость и послѣдовательность, а отъ нѣкогда гремѣвшихъ трубныхъ звуковъ не осталось и эха. Да! «Результаты были бы не тѣ», если бы тогда, какъ теперь, не придавая значенія и вѣры негодованію, озлобленію и клеветѣ, неизбѣжно провожающимъ на историческое кладбище всякую отмѣну насиженныхъ привелегій, дали бы этимъ причитаніямъ срокъ затихнуть и оставили бы «мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ», а живому дѣлу—жить и развиваться.

Откуда, однако, шли эти негодованія, это озлобленіе и эта клевета, такъ бурно свирѣпствовавшія въ тогдашнемъ *помѣстномъ* дворянствѣ? Вспоминая тѣ особи этого общественнаго слоя, съ которыми намъ, посредникамъ, приходилось имѣть дѣло, слѣдуетъ отмѣтить, что въ большинствѣ случаевъ явленіе имѣло скорѣе экономическую, нежели принципіальную подкладку. Въ рѣдкихъ исключеніяхъ только приходилось наблюдать очищенный типъ изступленнаго сюзерена, теряющаго свои вотчинныя привелегіи. Представители обоихъ стимуловъ одинаково поражали полнѣйшимъ отсутствіемъ не только уваженія къ закону, но и какого-либо понятія о томъ. За чтеніемъ обнародованнаго Положенія хотя и волновалась тогдашняя помѣщичья душа, но впереди еще мелькалъ лучъ надежды: у этого Положенія будутъ же свои исполнители, а исполнители—люди-человѣки, какъ и всѣ мы грѣшные, а не ангелы небесные. Вспоминались при этомъ и хлѣбосолъ-предводитель, и молодчина-исправникъ, и покладистый уѣздный судья.... «Ѳ! мечталъ читатель, еще поживемъ! Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ»... Книга была прочитана, и «праздникъ насталъ—не для тѣхъ только, кто сулилъ его себѣ: по имѣніямъ стали разъѣзжать люди, о которыхъ тогдашняя уѣздная среда никогда не имѣла никакого представленія. Люди эти «во снѣ не снились»; прямые и непреклонные, не знающіе компромисса, вѣрные слуги закона, они съ первыхъ же шаговъ своихъ разбили въ дребезги всѣ помѣщичьи иллюзіи, и нежданное разочарованіе не могло не перейти въ бурю: сокрушалась вѣковая традиція, низвергались излюбленные устои.

Рѣдко, рѣдко встрѣчались отступленія отъ преобладавшаго типа, воспринятаго даже представителями владѣльца — старостами, прикащиками и управителями тамъ, гдѣ самъ онъ отсутствовалъ; рѣдко, такъ рѣдко, что то, чтò приходилось встрѣчать въ этомъ направленіи, прочно и глубоко засѣдало въ памяти.

Пріѣзжаю однажды въ село съ нѣсколькими мелкопомѣстными усадьбами. Въ одной изъ нихъ, маленькомъ домикѣ подъ соломенной крышей рядомъ съ крестьянскими избами, оказывается старушка-помѣ-

щица, очень толковая и добродушная, а у крыльца человѣкъ 10—12 ея бывшихъ крѣпостныхъ. Старушка сейчасъ увела меня въ свой «кабинетъ» и, напоивши чаемъ, съ превкусными крендельками, развернула планы, сказки и даже приходо-расходныя книги. «Я, батюшка, своимъ подданнымъ вотъ какой надѣлъ придумала»... (смотрю и глазамъ не вѣрю: старушка кругомъ обрѣзала себя), «да дураки-то мои артачатся, не берутъ. Ужъ если вы, мой батюшка, ихъ, олуховъ, не урезоните, не знаю, что́ и дѣлать». Выхожу къ «олухамъ».

«Вы что же это, православные, капризничаете? Вѣдь лучшаго надѣла вамъ во вѣки вѣковъ не получить»...

«Ваше высокородіе! Позвольте вамъ доложить, а только этакого надѣла принять намъ никакъ невозможно; вѣдь сами изволили небось видѣть—она, Филаретъ-то нашъ Милостивый, кругомъ себя урѣзала, курицы ейной ступить некуда»....

— «Ну, ты Капитонъ, прерываетъ «Филаретъ Милостивый» оратора, зубы-то не заговаривай, языкъ-то поприцержи маненечко: оно лучше будетъ»...

«А ты, Мареа Игнатьишна, возражаетъ Капитонъ, не въ свое дѣло не встрѣвай. Вѣдь у тебя внучки: небось, пить, ѣсть тоже захотятъ, когда мы тебя на погостъ-то снесемъ... Ваше вскородіе! Явите божескую милость, не слухайте вы ея, а желаемъ мы рабствовать, на прежнемъ положеніи оставаться, какъ, значитъ, жили, такъ и проживемъ: ни она насъ не обидитъ, ни мы ея не замай»....

Немалаго труда стоило убѣдить стороны хоть кое-какъ оформить эту патріархальную идиллію.

Равнымъ образомъ, въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ (въ нихъ обыкновенно проживали сами владѣльцы) очень рѣдко наблюдался задоръ, или озлобленіе и въ крестьянахъ. Проявлялись эти чувства скорѣе какъ бы для проформы: пока велись дѣловые переговоры, шла и ожесточенная повидимому перепалка. Помѣщикъ ругалъ мужиковъ, а они, не стѣсняясь «посредственникомъ», отвѣчали ему «аспидомъ», «кровопивцей» и т. п. столь же нелестными эпитетами. Но вотъ дѣловой разговоръ заканчивался, и сейчасъ же наступала «внезапная перемѣна декорацій»: тотъ же Сидоръ, положимъ, который только что «грубіянилъ» и язвилъ своего господина, вдругъ обрывалъ тонъ. «Иванъ Александрычь, обращался онъ къ нему съ самою ласковою миною и такою же рѣчью, завтра въ городъ какую прикажете телѣжку изготовить?»—«Да возьми, Кузьма, хоть у Ѳедора», отвѣчалъ господинъ тѣмъ же добродушнымъ тономъ, да только пораньше, холодкомъ выѣзжайте, а то лошади-то у васъ, должно, намаявшись»... «А самоварчикъ прикажете, Иванъ Александрычь, ставить?» спрашивалъ другой, только что

азартно заявлявшій, что Иванъ Александрычь ихъ поѣдомъ ѣстъ, кругомъ окарналъ и въ гробъ хочетъ положить. «Поставь, Андрюша, да сбѣгай къ скотницѣ за сливками»... «Сею минутою», и «Андрюша» весело бѣжалъ на скотный дворъ; затѣмъ тотъ же «Андрюша» (съ бородою до пояса) вносилъ въ горницу самоваръ, ставилъ его на столъ и вступалъ въ самую дружелюбную бесѣду съ своимъ сюзереномъ объ «анадысь высмотрѣнномъ» для него въ Мареиной пустошѣ выводкѣ тетеревей.

Подобныя внезапныя метаморфозы сначала чрезвычайно поражали меня. Такъ внезапно мѣняется лишь строгій и ипостасный ликъ деревенскаго батюшки, когда, снимая эпитрахиль послѣ молебна на дому, онъ съ заискивающей улыбочкой освѣдомляется о здоровьѣ любезной хозяйки. Потомъ я привыкъ къ нимъ; но доискаться причинъ явленія мнѣ никогда не удавалось. Помѣщикъ на мои распросы только махалъ рукой, или отдѣлывался лаконическими фразами: «подлецы они—вотъ и все тутъ», «какого еще имъ, скотамъ, рожна надо» и т. п. Въ томъ же родѣ отвѣчали и «подлецы»: «Иванъ Александрычь—баринъ хорошій; прижимисты они маленечко, это точно; ну а, впрочемъ, по господскому положенію, имъ иначе и невозможно».

Но однажды предсталъ передо мной настоящій «аспидъ» и «кровопивца» во всемъ безобразномъ ужасѣ своего типа.

Имѣньице небольшое, но прекрасно «округленное»; мужики сжаты «въ бараній рогъ»; господскій домъ вѣтхій, полуразрушенный; внутри вонь и мерзость запустѣнія. Помѣщики (мужъ и жена) въ какихъ-то вылинявшихъ лохмотьяхъ,—нѣчто напоминающее когда-то бывшій не то халатъ, не то пальто; подпоясаны носовыми платками. Супругъ—съ физіономіей отставного чиновника-ябедника: бритое, безкровное и отекшее лицо, напоминающее, какъ и у Плюшкина, старую бабу; заостренный книзу носъ на подобіе клюва, мясистыя губы съ опущенными углами и оловянные, полузакрытые глаза. Въ кабинетѣ пыль, грязь, безпорядокъ и духота. Окна закрыты, съ двойными, невыставленными рамами, несмотря на чудное Іюльское утро; дворъ пустой, обросшій травой и бурьяномъ; прислуживаетъ одна горничная, босая и съ злымъ лицомъ; по однимъ молчаливымъ взглядамъ, отравленнымъ затаенною злостью, которыми обмѣнивались господа и прислуга, можно было догадаться объ отношеніяхъ, существовавшихъ между господами и разбѣжавшейся вслѣдъ за объявленіемъ воли многочисленной, конечно, дворней. Супруга—расплывшаяся и жирная особа съ физіономіею и ухватками Петербургской кухарки на особыхъ правахъ. Баринъ, какъ потомъ дорогою разсказывалъ мнѣ старшина, служилъ когда-то въ Петербургѣ, потомъ орудовалъ въ какой-то «компаніи громоздкихъ

движимостей» и такъ орудовалъ, что, выйдя оттуда, тотчасъ же обзавелся громоздкою недвижимостью—имѣньицемъ, въ которомъ теперь мнѣ и пришлось вводить уставную грамоту. Встрѣча самая сухая, съ унылою миною и тоскливымъ взоромъ. Ознакомившись съ надѣломъ, который былъ проектированъ аспидомъ, я сейчасъ же убѣдился, что это прозвище въ данномъ случаѣ совершенно у своего мѣста: все было такъ хитро приспособлено, такъ заранѣе ловко предупреждено, что безусловно-справедливыя, но не укладывавшіяся въ рамки закона, благодаря предательской предусмотрительности проекта, требованія крестьянъ, заявляемыя среди взрывовъ самаго отчаяннаго негодованія, могли быть удовлетворены лишь въ самой ничтожной долѣ: оказался какой-то «логъ», который помѣщикъ позабылъ загодя экспропріировать. Все, что́ я могъ сдѣлать въ такомъ случаѣ—это отстоять для надѣла хоть этотъ «логъ»; прогону крестьянскаго скота онъ былъ необходимъ, въ помѣщичьихъ же итнересахъ изображалъ полнѣйшій нуль, если не принять въ разсчетъ перспективы взиманія штрафовъ за потраву... Какъ бы то ни было, помѣщику, который не пожелалъ вступить въ переговоры съ крестьянами, не пожелалъ даже и выдти къ нимъ, я объявилъ, что спорный «логъ» на такихъ-то основаніяхъ будетъ мною включенъ въ надѣлъ крестьянъ... Боже, что́ было потомъ! Истощивъ всѣ средства уговорить меня измѣнить мое рѣшеніе, онъ разразился бѣшеными проклятіями своей судьбѣ, своему времени, закону, его исполнителямъ; потомъ бросился на колѣни, умолялъ «не погубить его», громко рыдалъ, ползалъ за мною, обнималъ ноги, цѣловалъ сапоги, стоналъ и судорожно бился на полу... Грамоту я составилъ уже въ ближайшемъ волостномъ правленіи. Скоро затѣмъ я узналъ, что «аспидъ» умеръ и, какъ мнѣ при этомъ передавали, умирая, говорилъ окружающимъ, что «умираетъ отъ мироваго посредника».

Сквалыжничество, дрожаніе надъ каждымъ клочкомъ своихъ угодій надъ каждымъ прутикомъ своихъ лѣсовъ, стойкая до изступленнаго фанатизма охрана того и другого (свойства, достигшія въ разсказанномъ эпизодѣ своего апогея) наблюдались почти огуломъ, хотя и въ менѣе рѣзкихъ, конечно, проявленіяхъ. Была ли то ревнивая алчность собственника, наблюдался ли здѣсь одинъ лишь видъ мести за освобожденіе—разобрать было трудно; вѣрнѣе всего одно помогало другому. Страннымъ представлялось одно: сами владѣльцы сравнительно не проявляли той неумолимой лютости, какою отличались преслѣдованія ихъ довѣренныхъ. Разсчитывать на жалость, пощаду или состраданіе провинившійся въ такихъ случаяхъ не могъ. Все, до послѣдней копѣйки, четверти копѣйки, причитавшейся по штрафной табели, требовалось неукоснительно и полностью. «Спиридонъ Ермолаичъ! Побойся

Бога!» «Умирать будешь!» «Чай, кресть-то на тебѣ есть!» — взывалъ гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Спиридонъ Ермолаичь оставался нѣмъ, какъ рыба и глухъ, какъ стѣна, и продолжалъ, переминаясь съ ноги на ногу, моргая и напирая на букву «о» для бо́льшей офиціальности, излагать свои требованія ровнымъ и безучастнымъ голосомъ: «на основаніи 12, 31 и 42 параграфовъ мѣръ объ охраненіи угодій, полей и лѣсовъ, отъ потравъ и прочихъ поврежденій причитается въ пользу экономіи съ временно-обязанныхъ крестьянъ Николая Михайлова, Пантелѣя Ѳедорова и Дарьи Тимофѣевой по стольку-то съ каждаго»... Тутъ объявлялась цифра, одинаково поражавшая своею неожиданностью и разбиравшаго дѣло посредника, и обвиняемую сторону; даже прутики, лежавшіе на столѣ въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, какъ-то конфузливо шелестѣли, подымаемые вѣтеркомъ изъ окна, очевидно не признававшимъ за ними тѣхъ солидныхъ качествъ «порубки», которыя усматривалъ въ нихъ Спиридонъ Ермолаичъ своими моргающими глазками. «Порубщики» стояли съ разинутыми ртами и, качая головами, только хлопали себя по бедрамъ, а баба съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ начинала всхлипывать; затѣмъ комната какъ-то сразу огласилась раздирающими душу воплями: посредникъ, скрѣпя сердце, читалъ постановленіе, сокрушившее послѣднюю надежду «порубщиковъ» отстоять свою «буренушку», безъ продажи которой негдѣ было добыть причитающагося по табели штрафа.

«Право собственности» было нарушено, здѣсь—въ микроскопической дозѣ состава преступленія и цѣломъ морѣ слезъ, оплакавшихъ его вмѣненіе, въ иныхъ случаяхъ—при болѣе крупныхъ размѣрахъ и безотвѣтственно (въ угодьяхъ, напр., брошенныхъ на произволъ судьбы): все это вѣрно. Но, спросимъ теперь, кто былъ учителемъ, піонеромъ, первообразомъ подобныхъ посягательствъ? Въ любомъ архивѣ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ будущій историкъ эпохи освобожденія найдетъ цѣлые вороха дѣлъ по искамъ крестьянъ о «правѣ собственности» на зе́мли, купленныя ими при крѣпостномъ правѣ на имена своихъ владѣльцевъ, зе́мли, которыми они *свободно* владѣли *до воли* и которыя, *по* объявленіи ея, отъ нихъ отбирались ради того только, что въ то безправое время они не могли пріобрѣтать, а помѣщикъ не пожелалъ теперь признать совершившуюся продажу! Кому приходилось читать о подобныхъ «искахъ», у того волосы становились дыбомъ; но кто наблюдалъ во-очію всю эту жестокую процедуру, въ которой всѣ участники, и истцы, и отвѣтчики, и рѣшающіе судьи, кто активно, кто пассивно, но *всѣ одинаково ясно* сознавали, что передъ ними творится что-то вопіюще-неправое, худшее, чѣмъ нападеніе на проѣзжей дорогѣ съ коломъ въ рукахъ,—у того навсегда заляжетъ въ

памяти тяжелый и глубокій слѣдъ и будетъ давить его каждый разъ, когда заслышится «благонамѣренная рѣчь» о «неуваженіи къ священному праву чужой собственности», или когда Спиридонъ Ермолаичъ начнетъ своимъ ровнымъ голосомъ высчитывать рубли и полушки, причитающіяся за охапку прутьевъ изъ ввѣренной его охранѣ владѣльческой рощи.

Сколько исполненныхъ потрясающаго драматизма сценъ встаетъ въ моей памяти наслѣдіемъ отдаленной, къ счастью навсегда минувшей, эпохи, но по временамъ изрыгавшей тогда на подобіе непотухшаго еще кратера дымъ и пепелъ изъ глубокихъ, не видимыхъ на ровной поверхности нѣдръ умиротворенной земли. Стонала по временамъ, колебалась и трескалась эта земля; изъ бездонныхъ трещинъ лилась всесокрушающая лава, блекла зеленѣющая трава, уничтожались молодые всходы, и деревья, какъ бы умоляя о пощадѣ, простирали кверху свои изсохщія, сожженныя вѣтви; а корень еще жилъ,— жилъ и страдалъ!..

Вотъ стоитъ, напр., небольшая группа «стариковъ» съ поникшими головами и почтенными, напоминающими библейскихъ патріарховъ, лицами; передъ ними вертится юркая столичная фигурка «молодаго барина» со стеклышкомъ въ глазу.

«Ваше высокородіе, Михаилъ Степанычъ, отецъ ты нашъ родной! глухимъ голосомъ произноситъ кто-нибудь изъ патріарховъ, пожалѣйте сиротъ нашихъ; вѣдь для нихъ купили мы пустошь-то; вотъ въ этой самой комнатѣ, на этомъ самомъ стулѣ упокойникъ вашъ батюшка, царство ему небесное, и деньги-то отъ насъ принималъ, наши собственныя, кровныя денежки... На этого самого Миколу Угодника (показываетъ на образъ въ углу) и крестились мы съ нимъ, дѣло свое покончивши» ..—«Не знаю, перебиваетъ «молодой баринъ», ничего я этого не знаю! Знаю только, что пустошь дѣйствительно въ вашемъ владѣніи, а купчая на нее моя, я унаслѣдовалъ ее съ прочими документами; теперь пустошь эта, какъ превышающая установленный Положеніемъ вашъ надѣлъ, подлежитъ отрѣзкѣ,—вотъ и г. посредникъ, вѣроятно, подтвердитъ вамъ тоже самое»...

Патріархи молчали; еще ниже склонились ихъ сѣдыя головы; горе было слишкомъ велико, слишкомъ безъисходно, чтобы вылиться въ томъ шумномъ протестѣ, какой заявлялся въ другихъ аграрныхъ пререпирательствахъ. «Молодой баринъ» изящнымъ жестомъ передавалъ посреднику «для пріобщенія къ дѣлу» синюю бумагу съ чернымъ орломъ въ заголовкѣ, и съ страшною тайной въ текстѣ, чтобы «хранить» ее «на вѣки нерушимо!»...

Темныя пятна на общемъ свѣтломъ фонѣ, обломки колоннъ, уцѣлѣвшіе среди всеобщаго крушенія, я не могъ обойти ихъ въ своихъ воспоминаніяхъ, не нарушая правды и цѣлостности впечатлѣнія; но они не въ силахъ заслонить собою блеска тѣхъ животворящихъ лучей, которые горятъ еще изъ далекаго прошлаго и для нашей современности, и никому уже не придетъ теперь въ голову на этихъ обломкахъ возводить какія либо новыя сооруженія, всуе призывая на нихъ благословеніе отлетѣвшаго духа; хочется, по крайней мѣрѣ, вѣрить въ это и гнать прочь набѣгающія порою сомнѣнія. Воздымаетъ же эти сомнѣнія тотъ черезъ мѣру рѣзкій, черезъ мѣру удручающій контрастъ, который назойливо, чуть не отовсюду, чуть не по каждому поводу лѣзетъ въ глаза современному наблюдателю общественно-юридическихъ теченій, сопоставляющему свое прошлое съ своимъ настоящимъ.

Съ особенною отрадою въ этомъ сопоставленіи вспоминаю я отношеніе народа къ только что объявленной волѣ. Въ немъ положительно нельзя было узнать вчерашняго раба, смущаемаго лживыми толками о размѣрахъ ея и разжигаемаго самыми несбыточными надеждами. Вводимому закону часто приходилось сокращать эти размѣры и разрушать эти надежды, но подымаемыя такими разочарованіями бури мгновенно стихали, какъ только исполнителямъ его удавалось убѣдить крестьянъ въ ихъ мимовольномъ заблужденіи относительно превратно, яко бы, толкуемой «царской воли». А слагались эти заблужденія такъ: не вѣря офиціальнымъ чтецамъ Манифеста и Положенія, крестьяне нанимали за штофъ водки, конечно, какого нибудь отставнаго солдата или заштатнаго дьячка, который былъ нетолько чтецомъ, но и коментаторомъ прочитаннаго. Коментаріи эти доходили, нерѣдко, до колоссальныхъ курьезовъ, а довѣрчивость слушателей до изумительной наивности. Въ одной изъ волостей крестьяне вдругъ потребовали сѣна отъ помѣщиковъ, въ другой—мяса. Сначала никому не могло придти въ голову, откуда идутъ подобные запросы, но потомъ дѣло разъяснилось: при чтеніи словъ Манифеста—«осѣни себя крестнымъ знаменемъ» и т. д. кто-то спросилъ, что̀ такое «осѣни?»—«О сѣнѣ, разъяснилъ лекторъ: сѣно, значитъ вамъ слѣдуетъ отъ помѣщиковъ. А въ другомъ случаѣ, на подобный же запросъ, что̀ такое «Мѣстное Положеніе?» коментаторъ, сдѣлавшій при чтеніи удареніе на послѣдній слогъ (мѣсно́е), истолковалъ непонятное слово обязанностью помѣщика отпускать крестьянамъ «мясо по положенію».. Помѣрѣ чтенія росла, разумѣется, и фантазія интерпретатора, подогрѣваемая напередъ отпущеннымъ гонораромъ, «чтобы смачивать глотку», и тотъ кто больше «вычитывалъ изъ книги правовъ», пользовался и наилучшею практикою, ходя изъ деревни въ деревню и мороча «темный народъ». Мировымъ посредникамъ на

первыхъ же порахъ пришлось считаться съ этимъ наслѣдіемъ, разочаровывая мечты и сокрушая надежды, и, не смотря на всю невыгоду такого положенія, они сразу заручились довѣріемъ. Какъ произошло это—объяснить трудно. Мнѣ кажется, что, въ началѣ покрайней мѣрѣ, много помогла дѣлу та рѣзкая обособленность, въ которой явилась новая власть въ глазахъ разочаруемыхъ мечтателей: мировой посредникъ («посредственникъ», какъ звали его крестьяне, а величали «ваше посредство») «въ зубы не билъ», даней не взималъ, форменной фуражки и свѣтлыхъ пуговицъ не носилъ, а ходилъ зимой въ полушубкѣ, лѣтомъ въ кумачной рубахѣ съ внушительною золотою гривною на груди; «бариномъ» оказался онъ «простымъ», «въ шею отъ себя не гналъ» «принималъ рѣчи» и «давалъ разсудокъ». Ничего подобнаго отъ дореформенныхъ властей своихъ народъ не видывалъ и, поэтому прежде всего поразился, потомъ понялъ и въ концѣ концовъ повѣрилъ.

Довѣріе это было драгоцѣннымъ капиталомъ; но капиталъ этотъ былъ растраченъ въ то самое время, какъ только что сталъ давать громадные проценты,—растраченъ ломкою закона въ «разъяснительныхъ» циркулярахъ и смѣною дѣятелей, свято исполнявшихъ его. Не стало лицъ, мирившихъ крестьянъ съ помѣщиками, охранявшихъ ихъ права̀, заботившихся о матерьяльномъ обеспеченіи ихъ и паче самихъ себя возлюбившихъ дѣло свое. Новый составъ мировыхъ посредниковъ ударился въ противоположную сторону, а пришедшіе смѣнить ихъ непремѣнные члены заявили себя лишь бездѣйствіемъ. Народъ, только что довѣрчиво вышедшій навстрѣчу новой, раскрывшейся передъ нимъ жизни, поворотилъ назадъ, ушелъ въ кулачество своими удачниками и въ кабаки—своими неудачниками. Деревня заснула и пробуждалась только ревомъ скота, угоняемаго за недоимку, да стонами бабъ, съ нимъ прощавшихся.

Эта метаморфоза, чрезвычайно быстро совершившаяся на моихъ глазахъ, глубоко засѣла въ памяти и заставила сознаніе крайне скептически относиться къ ходячимъ мнѣніямъ о косности нашего народа, объ его неподатливости внѣшнимъ факторамъ, объ его замкнутости и традиціонной враждѣ къ высшимъ интелигентнымъ классамъ общества. Въ ней же, въ этой метоморфозѣ, мы находимъ указаніе и на то, что распущенность и озвѣреніе, наблюдаемыя въ современномъ молодомъ крестьянскомъ поколѣніи, отнюдь не могутъ считаться продуктомъ безвременно-дарованной отцамъ его свободы: не въ ней зародились они, а въ итогахъ того реакціоннаго теченія, съ которымъ суждено ей было встрѣтиться слишкомъ рано, и которое, поэтому, очень скоро унесло въ своихъ бурныхъ волнахъ неуспѣвшіе достаточно развиться зачатки ея. Когда же потомъ, много лѣтъ спустя, рѣка вернулась къ своимъ

берегамъ, фундаментъ зданія вмѣстѣ съ его зодчими уже былъ унесенъ потокомъ; пришлось возводить его вновь, при иныхъ условіяхъ, иными средствами, въ иной средѣ... Такъ въ запоздавшемъ морозѣ гибнутъ весенніе всходы, и ужъ не поправиться имъ до слѣдующаго лѣта, до новаго посѣва. Такъ чахнетъ довременно отнятый отъ груди младенецъ, и никакой рожокъ не замѣнитъ ему материнскаго молока...

Оставаясь на почвѣ моихъ воспоминаній, что̀ можно, напр., найти общаго между теперешнимъ кирасироподобнымъ студентомъ, въ бѣлой фуражкѣ, военной «Николаевской» шинели, съ лихозакрученными усами, и тѣмъ исчезнувшимъ его прототипомъ, какимъ отмѣчался современный мнѣ контингентъ? Первый также далекъ отъ втораго, какъ нѣкогда «сокращенный» мировой посредникъ далекъ отъ стремящагося его возсоздать новоявленнаго земскаго начальника. И если копирующій кирасира студентъ достигъ въ своей задачѣ желаннаго совершенства, то наврядъ ли имѣются основанія ожидать такого же успѣха и для другой параллели.

Ни синій воротникъ, ни внѣшнее возсозданіе бывшей юрисдикціи не воскресятъ былаго! Здѣсь нужна сила, та сила, которая нѣкогда воскрешала мертваго Лазаря, двигала горами и смѣло шла впередъ по бушевавшимъ волнамъ Генисаретскаго моря—сила вѣры въ свое дѣло, сила любви къ нему. Расшатана вѣра, изсякла любовь и, въ непробудномъ снѣ, все ждетъ еще своего воскресенія современный Лазарь.

П. Н. Обнинскій.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ СТАРАГО ГВАРДЕЙЦА.

I.

19 Февраля 1861 года обнародованъ высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Вся Россія съ трепетомъ ожидала его объявленія. Дворянство, хотя внутренно и сознавало, что прежній порядокъ впредъ немыслимъ, не могло однако дать себѣ отчета, какъ вѣками принадлежавшая ему рабочая сила отойдетъ отъ него и для нея еще нужно будетъ отдѣлить часть своей земли, своей собственности. Крестьяне, вѣками принадлежавшіе, какъ собственность, помѣщикамъ, работавшіе на нихъ цѣлыми поколѣніями—вдругъ дѣлались свободными, независимыми, получали правà людей свободныхъ. Минута наступила критическая. Ожидали со страхомъ столкновенія; думали, что дворянство не захочетъ отступиться отъ своихъ вѣковыхъ правъ, а крестьяне, услышавши о дарованной имъ волѣ, по невѣжеству примутъ ее какъ право не признавать власти. Въ Петербургѣ ожидали уличныхъ безпорядковъ. Но ихъ быть не могло. Теряли помѣщики; имъ не собираться же было на улицахъ для протеста? Народъ бы ихъ разорвалъ. Крестьяне же могли только радоваться и молить Бога за Царя, даровавшаго имъ волю. День объявленія манифеста (26 Февраля 1861 года), Воскресенье, прошелъ спокойно. Наканунѣ во всѣ полки разослана была печатная инструкція отъ С.-Петербургскаго генералъ-губернатора съ подробнымъ означеніемъ, въ какія именно полицейскія части гóрода отряжать солдатъ и какъ имъ поступать при первыхъ признакахъ уличнаго смятенія. Полки получили приказъ, никуда не отлучаться и быть на готовѣ. Въ нашей полковой церкви, при чтеніи манифеста, слышны были рыданія и громкія молитвы.

Лошади мои въ это утро много ѣздили, а потому вечеромъ я поѣхалъ провѣдать матушку мою уже на извощикѣ. Матушка разсказала мнѣ, что въ этотъ день она не могла съѣздить въ церковь, потому что ея кучеръ явился къ ней и съ плачемъ объявилъ, что въ такой великій для всѣхъ нихъ день ему невозможно работать.

На другой день, мнѣ, какъ свитскому генералъ-майору, пришлось быть дежурнымъ во дворцѣ. Лица, собравшіяся туда, въ ожиданіи Го-

сударева выхода, были очевидно неспокойны. Послышался какой то глухой гулъ, какъ бы выстрѣлъ. Генералъ - губернаторъ посылаетъ узнать что̀ такое, и ему докладываютъ, что это глыба снѣгу скинута съ дворцовой крыши. (Весь день шелъ сильный снѣгъ.) Черезъ нѣсколько времени послышался колокольный звонъ; опять опрометью скачетъ фельдъегерь, и возвратившись докладываетъ, что звонили у Исакія по поводу похоронъ какого то священника.

Черезъ нѣсколько дней ко дворцу собрались почтеннаго вида старики-крестьяне, съ малолѣтними дѣтьми, и поднесли Государю благодарственную хлѣбъ-соль. Позднѣе я былъ свидѣтелемъ, какъ Государь ѣхалъ по Невскому въ густой толпѣ народа, восторженно благословлявшаго это великое дѣло: многіе крестились, глядя на него и клали земные поклоны. Телеграфъ отъ ближайшихъ городовъ далъ тоже успокоительныя извѣстія, а вскорѣ со всѣхъ концовъ Россіи стали приходить самыя успокоительныя письма и донесенія.

Петербургъ вздохнулъ. Посланныя прежде во всѣ губерніи довѣренныя лица наблюдали за точнымъ объявленіемъ манифеста и имѣли сильныя полномочія для пресѣченія безпорядковъ. Было нѣсколько случаевъ, гдѣ пришлось употребить силу; но вообще все сошло благополучно, и громадный, вѣковой переворотъ прошелъ замѣчательно тихо. Приписать его можно только Русскому Богу, не оставляющему православную Русь, и замѣчательно доброму, терпѣливому нраву Русскаго народа во всѣхъ его слояхъ.

За границей, гдѣ съ 1789 года малѣйшій переворотъ доводитъ до столкновеній, не могли надивиться, какъ у насъ такое громадное соціальное дѣло, въ которомъ 20 милліоновъ людей получили свободу, сошло мирно. Не барановъ же освободили; мильонамъ людей дали права̀ человѣка.

Для приведенія въ исполненіе новаго положенія и для новаго устройства крестьянъ были учреждены мировые посредники, обязанность которыхъ была разъяснять крестьянамъ ихъ новое положеніе, передать имъ ихъ землю, указать имъ ихъ права и обязанности. Къ чести Русскаго дворянства нужно сказать, что лучшая доля дворянства сама добровольно пошла на себя налагать руку и отрѣзывать бывшимъ своимъ крестьянамъ части своей земли. Царь далъ народу свободу, дворянство дало ему землю, дало ему чѣмъ жить. Великодушіе дворянства было безпримѣрное, нигдѣ невиданное. Имъ не восхищались, его не прославляли: такова ужъ скромность Русскаго народа!

Когда приводился въ исполненіе царскій манифестъ, были случаи, въ которыхъ ярко выражались разныя убѣжденія, разные взгляды; но о нихъ не писали, про нихъ не печатали и о нихъ забыли.

Такъ въ Екатеринославской губ. жилъ-былъ уѣздный предводитель дворянства Глѣбъ Васильевичъ Нечаевъ, помѣщикъ, владѣвшій нѣсколькими сотнями душъ и большимъ количествомъ земли. Онъ не признавалъ ни за кѣмъ права освобождать его крестьянъ и надѣлять ихъ его землей. Я унаслѣдовалъ отъ моего отца мои имѣнія, и никто не имѣетъ права у меня ихъ отнять, говорилъ онъ прямо, не стѣняясь. На всѣ просьбы мироваго посредника пойти на какое бы ни было соглашеніе онъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ. Исправляя должность губернскаго предводителя дворянства, онъ предсѣдательствовалъ въ губернскомъ комитетѣ объ освобожденіи и во все время засѣданій никогда не изъявлялъ явной опозиціи. Когда же приступлено было къ введенію уставныхъ грамотъ въ его имѣніи, то не далъ согласія ни на какія сдѣлки съ крестьянами. Въ слѣдствіе такого упорства мировой посредникъ ему объявилъ, что онъ введетъ обязательную уставную грамоту, по которой крестьяне, за опредѣленное количество земли, станутъ отбывать работу въ пользу помѣщика.

Въ день пріѣзда мироваго посредника весь народъ въ имѣніи Нечаева былъ собранъ на барскій дворъ. Мировой посредникъ прочелъ составленную имъ уставную грамоту. Глѣбъ Васильевичъ послѣ этого взялъ грамоту и къ ужасу мироваго посредника разорвалъ ее въ клочки. Позвалъ онъ сына своего лейбъ-гусара, бывшаго въ отпуску, и сказалъ мужикамъ: Ребята, я не признаю права кому бы то ни было распоряжаться моею собственностію. Да будетъ всѣмъ извѣстно, что только я да сынъ мой имѣемъ это право. Дарю вамъ на вѣчныя времена безвозмездно опредѣленный вамъ надѣлъ.

Изумленная громада упала къ ногамъ бывшаго своего господина.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ ИЗДАТЕЛЮ «РУССКАГО АРХИВА».

I.

Николая Владимировича Ханыкова *).

1-го Сентября 1878 г.

16 rue de l'Hôpital, *Rambouillet* (Seine et Oise).

Во все продолженіе Хивинской экспедиціи никакого бунта въ войскахъ не было. Тѣмъ не менѣе одинъ пѣхотинецъ, 22-й дивизіи, дивизіоннымъ генераломъ коей былъ генералъ-лейтенантъ Толмачевъ (умершій сенаторомъ въ Москвѣ), былъ дѣйствительно разстрѣлянъ и по

*) Славнаго географа, который участвовалъ въ Хивинскомъ походѣ 1839 года. Печатая письма В. А. Перовскаго, я обращался къ Н. В. Ханыкову за нѣкоторыми разъясненіями. П. Б.

торопливости Толмачева чуть-чуть не зарытъ живой. Солдатъ этотъ былъ изъ Зырянъ и человѣкъ истинно убогій духомъ. Въ одну изъ многихъ нашихъ холодныхъ ночей, онъ былъ назначенъ часовымъ въ цѣпи, выставляемой каждую ночь довольно далеко за лагеремъ. Оттого ли что онъ сильно прозябъ, оттого ли что ему что-либо погрезилось, но онъ струсилъ, бросилъ ружье и бѣжалъ въ степь. Само собою разумѣется, убѣжать было некуда далеко, и къ утру самъ ли онъ вернулся, найденъ ли былъ казачьимъ разъѣздомъ, не знаю, но онъ былъ приведенъ подъ карауломъ въ отрядъ и отданъ былъ при полевомъ аудиторіатѣ подъ судъ: за побѣгъ съ часовъ *передъ непріятелемъ* (?!) А это было еще до прихода нашего въ Эмбинское укрѣпленіе. Судъ, руководствуясь военно-полевымъ положеніемъ, присудилъ его къ смертной казни. В. А. Перовскій хотѣлъ его помиловать; но разные зловѣщіе совѣтники и въ томъ числѣ и дивизіонный командиръ, стали его убѣждать въ необходимости строгаго примѣра, чтобъ *подтянуть* дисциплину. Перовскій имѣлъ слабость на это согласиться и, что̀ еще хуже того, не присутствовалъ лично при приведеніи этой резолюціи въ исполненіе.

Съ вечера въ лагерѣ было извѣстно, что на другой день, кажется въ 9 или 10 часовъ, пользуясь дневкой отряда, несчастный Зырянинъ будетъ разстрѣлянъ. Дѣйствительно, въ ясное морозное утро слѣдующаго дня всѣ войска отряда были поставлены покоемъ; въ оставшемся свободномъ пространствѣ этого каре поставленъ былъ аналой, за коимъ стоялъ священникъ въ полномъ погребальномъ облаченіи, а въ центрѣ каре врытъ былъ въ снѣгъ столбъ, къ коему виновный долженъ быть привязанъ. Несчастнаго солдатика привели подъ карауломъ и послѣ короткой молитвы и цѣлованія Евангелія на него надѣли саванъ. Полевой походный аудиторъ съ краснымъ носомъ испитымъ голосомъ прочелъ длинную резолюцію, изъ которой обвиняемый, совершенно одурѣвшій, ничего очевидно не понялъ, такъ какъ и въ спокойномъ положеніи онъ порусски зналъ очень плохо. Послѣ этого барабанъ забилъ похоронный маршъ, и несчастнаго страдальца повели подъ руки къ столбу, у котораго была вырыта небольшая въ аршинъ или аршинъ съ $^1/_4$ глубины могила. Привязавъ его къ столбу, вызвали 12 человѣкъ стрѣлковъ, которыхъ разставлялъ самъ Толмачевъ и неизвѣстно почему очень далеко отъ столба. Раздалась команда *пли*, и багряныя пятна показались на саванѣ близъ ногъ, рукъ и нѣсколько на груди. Страдалецъ подался тѣломъ впередъ и, удержанный въ полпетли веревкой, зашатался вправо и влѣво. Я былъ убѣжденъ, что онъ живъ; но Толмачевъ приказалъ его зарывать. Подошедши къ могилѣ, я своими глазами видѣлъ, какъ онъ, лежавшій сначала съ

сомкнутыми колѣнами, развелъ ихъ. Я доложилъ объ этомъ Аѳанасью Емельяновичу Толмачеву и насилу насилу убѣдилъ его послать доктора Мобица освидѣтельствовать положеніе разстрѣляннаго. Мобицъ соскочилъ въ могилу и тотчасъ же вышелъ оттуда съ извѣстіемъ, что разстрѣлянный раненъ, но даже неопасно и вполнѣ живъ. Не смотря на всѣ наши просьбы приказать пристрѣлить его въ упоръ дула въ могилѣ, Толмачевъ велѣлъ его вытащить за окрававленныя руки, снова привязать къ столбу и снова вызвалъ стрѣлковъ. На этотъ разъ они поставлены были близко отъ цѣли. Несчастный привязанный не могъ стоять на ногахъ и съ веревкой спустился по гладкому столбу на снѣгъ. Раздались выстрѣлы, и первая рана вызвала съ его стороны сильное движеніе рукою. Былъ ли онъ или нѣтъ убитъ въ этотъ залпъ, не знаю; но для большей предосторожности его пристрѣлили въ упоръ дула.

Эффектъ этой мученической казни на солдатъ былъ самый тяжелый. Проходя мимо его незарытой могилы, всѣ громко желали ему царствія небеснаго и усердно крестились. Перовскій, конечно, ничего не узналъ объ этихъ потрясающихъ подробностяхъ; но будь онъ тутъ самъ, ничего подобнаго быть не могло.

Иной подумаетъ, что А. Е. Толмачевъ былъ злодѣй, а въ дѣйствительности онъ былъ добрякъ, но *фрунтовикъ*, ставившій артикулъ выше психологіи.

Н. В. Ханыковъ.

II.

Григорія Дмитріевича Щербачева.

Въ Воспоминаніяхъ моихъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1891 года, я описалъ систему воспитанія, которой я держался, бывъ директоромъ Орловской Военной Гимназіи. Я указалъ, между прочимъ, что, считаю удаленіе воспитанника изъ учебнаго заведенія самой нежелательной мѣрою и что мнѣ удалось спасти отъ исключенія одного мальчика, который назвалъ своего воспитателя чёртомъ. Мальчикъ этотъ былъ Мецгеръ. Судьба Мецгера, въ то время когда я писалъ Воспоминанія, мнѣ была неизвѣстна; но въ недавнемъ времени я получилъ письмо отъ товарища его Щербачева, который описалъ геройскій подвигъ, положившій конецъ жизни этого доблестнаго офицера. Считаю долгомъ разсказать то, что̀ мнѣ пишетъ г. Щербачевъ.

По окончаніи курса въ Орловской Военной Гимназіи, Мецгеръ поступилъ въ 1-е Военное Павловское Училище, изъ котораго въ 1874 году былъ выпущенъ прапорщикомъ въ одинъ изъ полковъ Кавказской арміи. Полкъ его былъ подъ Карсомъ, въ прошлую Турецкую кампанію, и затѣмъ находился въ аріергардѣ нашей отступавшей арміи подъ начальствомъ Тер-

гукасова. Во время отступленія Мецгеръ былъ раненъ, но не оставилъ рядовъ своего батальйона, въ которомъ онъ состоялъ батальоннымъ адъютантомъ. Наконецъ, въ трехъ или четырехъ переходахъ отъ Буджацкихъ высотъ, смѣлыя атаки Турецкой кавалеріи до того разстроили батальонъ, что отступленіе его сдѣлалось безпорядочнымъ, и новая атака, къ которой готовилась Турецкая кавалерія, могла бы совершенно уничтожить не только этотъ батальонъ, но и весь полкъ. Понявъ это, Мецгеръ рѣшился пожертвовать собою для спасенія аріергарда, собралъ нѣсколько конныхъ всадниковъ, не болѣе 12-ти, и бросился съ ними на кавалерію. Хотя, конечно, онъ былъ изрубленъ на куски, но, задержавъ непріятеля, онъ далъ время батальону устроиться, и атака кавалеріи была отражена.

Этотъ геройскій подвигъ не только спасъ нашъ аріергардъ отъ вѣрной гибели, но далъ возможность нашей арміи соединиться на Буджацкихъ высотахъ съ свѣжими силами и окончательно разбить Турокъ. По желанію Кавказской арміи, Мецгеру, за такой геройскій подвигъ, поставленъ въ Тифлисѣ памятникъ. И такъ предназначенный къ исключенію изъ Военной Гимназіи мальчикъ, сдѣлался героемъ, которымъ можетъ гордиться наша армія.

Сообщая вамъ свѣдѣнія о судьбѣ Мецгера, прошу васъ, въ дополненіе къ моимъ Воспоминаніямъ, напечатать это мое письмо въ „Русскомъ Архивѣ“. При этомъ приношу мою глубокую благодарность г. Щербачеву за сообщеніе мнѣ этихъ свѣдѣній. Примите и пр.

Г. Д. Щербачевъ.

22 Ноября 1891 года.

Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ. Изданіе княгини Е. Э. Трубецкой, рожденной княжны Бѣлосельской-Бѣлозерской. М. 1891. 8-ка, XII и 373 стр. *).

Русская генеалогія пополнилась еще новымъ изданіемъ, только что на дняхъ появившимся въ свѣтъ. Этотъ историческій очеркъ дѣятельности членовъ славнаго рода, начиная съ знаменитаго сына Ольгердова Димитрія Корибута (1357 –1399), родоначальника князей Трубчевскихъ-Трубецкихъ и кончая текущимъ столѣтіемъ, даетъ много любопытныхъ подробностей о знаменательныхъ событіяхъ нашей исторіи, въ которыхъ немалую долю участія принимали князья Трубецкіе. Кромѣ того, основанное какъ на печатномъ матеріалѣ, такъ въ особенности на рукописныхъ данныхъ, частью семейныхъ, частью принадлежащихъ Московскому Главному Архиву Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и на неизданныхъ родословіяхъ, составленныхъ М. П. Погодинымъ, сочиненіе это является довольно-цѣннымъ вкладомъ въ небогатую литературу нашей генеалогіи.

---

*) Продается (по 2 р.) во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Книга третья (Выпуски 9—12).

Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ его хозяйствѣ (1799).

Что происходило въ Донскомъ монастырѣ въ 1812 году.

Воспоминанія **Анны Григорьевны Хомутовой** о Москвѣ въ 1812 году, съ предисловіемъ **Л. Н. Майкова.**

Отроческое сочиненіе императора Александра II-го. **И. М. Остроглазова.**

Записки **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Персидская война. Іюль-Октябрь 1827 года.

Россійское купечество на обѣдѣ у императора Николая Павловича (1833). „Событіе." **И. Н. Рыбникова.**

Походныя замѣтки ополченца 1855—1856 годовъ, **Н. А. Обнинскаго,** съ предисловіемъ **П. Н. Обнинскаго.**

Геліогравюры: Три картинки, изображающія скопческое моленіе и Портретъ **Ювеналія Воейкова.**

Цѣна съ пересылкою **девять** рублей, безъ пересылки **восемь** р.

Каждая книга отдѣльно—**три** рубля, безъ пересылки **два рубля пятьдесятъ копѣекъ.**

Печатается III томъ новой книги:

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала Русской образованности до нашихъ дней).

С. А. Венгерова.

Словарь состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное значеніе.

Кромѣ С. А. Венгерова, которому принадлежатъ статьи критическаго и историко-литературнаго характера, въ Словарѣ принимаютъ участіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія. Въ вышедшихъ двухъ томахъ приняли участіе слѣдующія лица: проф. В. Александренко, проф. П. П. Алексѣевъ, проф. Д. И. Багалѣй, проф. А. И. Бодуенъ-де-Куртенэ, А. К. Бороздинъ, проф. Н. П. Вагнеръ, акад. В. Г. Васильевскій, акад. В. П. Васильевъ, проф. П. В. Владимировъ, прив.-доц. Г. М. Герценштейнъ, проф. Н. Х. Гоби, прив.-доц. М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, проф. И. М. Догель, проф. В. С. Иконниковъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, проф. Н. О. Ковалевскій, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, М. О. Меньшиковъ, проф. И. А. Меншуткинъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, проф. И. В. Мушкетовъ, проф. В. В. Пашутинъ, А. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, проф. К. Н. Поссе, Э. К. Радловъ, Л. З. Слонимскій, Владимиръ Соловьевъ, А. А. Титовъ, проф. С. И. Чирьевъ, проф. В. А. Яковлевъ.

Словарь прежде выходилъ выпусками въ 3 печатн. листа (48 страницъ). Теперь же выходитъ томами въ 30 печ. листовъ (480 страницъ). Ц. 2 р. 50 к. и 3 р. съ пересылкою.

Въ теченіе 1892 года предположено выпустить III и IV т.

Цѣна I тома (вып. 1—21) 5 р. 25 к., съ пересылкою 6 р. 30 к.; II тома—2 р. 25 к., съ пересылкою 2 р. 70 к.

Для служащихъ, представляющихъ ручательство казначеевъ, допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ.

Иногородные обращаются исключительно по адресу: С.-Петербургъ, Серпуховская, 2. Семену Аѳанасьевичу Венгерову.

Открыта подписка на III и IV томъ

по 2 руб. 50 коп. за томъ и по 3 руб. съ пересылкою.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году будетъ издаваться **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Вознесенскій проспектъ, домъ 22-й, кв. 18, у В. А. Чумикова, Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" П. Бартеневъ.

(годъ 30-й)

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892

2.

Стр.

145. Эпизоды изъ исторіи двѣнадцатаго года. Посмертное сочиненіе **А. Н. Попова.** Императоръ Александръ въ Вильнѣ. Глава I-я.

185. Два письма **Н. И. Пирогова** къ Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ (1860—1862), съ предисловіемъ **А. Г. Тимрота.** (О христіанской любви.—О Крестовоздвиженской общинѣ.—Поляки въ Малороссіи.—Вопросы университетскій и школьный.—Отзывъ о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ).

200. Письма митрополита Кіевскаго **Арсенія** къ архіепископу Костромскому Платону (1856—1872).

233. Книжныя рѣдкости. (201—215). Н—О. **И. М. Остроглазова.**

259. Посланіе Дерптскихъ студентовъ къ А. Ѳ. Воейкову.

262. О погребеніи великой княжны Анны Петровны (1759).

262. Изъ бумагъ князя Безбородки. (Письма къ Екатеринѣ Великой.—Къ дѣлу о подпоручикѣ Опочининѣ).

257. Двѣнадцатый годъ въ Сибири.

269. Памяти С. Г. Милорадовичъ. **Л.**

271. Русскія надгробія въ Ливорно.

272. Старинное стихотвореніе.

— Дополненія и поправки.

Въ приложеніи:

Записки **Филипа Филиповича Вигеля.** (Новое изданіе съ подлинной рукописи). Часть третья. Главы I—VI.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1892.

Вышелъ № 18 (Декабрь 1891 г.) журнала

АРТИСТЪ.

Содержаніе: Письма А. Н. Островскаго къ Ѳ. А. Бурдину. Братъ и сестра, пьеса В. Гете; 3-я лекція о сценич. искус. П. Д. Боборыкина; Самородокъ, пов. И. Н. Потапенко (оконч.). Оч. развитія рус. сцен. искус. А. Н. Сиротинина (съ портретами). Не то..., пов. Д. Н. Мамина (Сибиряка) (оконч.). Техника драмы, Г. Фрейтага; Лицедѣи, соч. П. М. Свободина. Франц. живопись, ст. А. Ки—лева. Соврем. обозр., ст. И. И. Иванова, С. Н. Кругликова и др. Богатѣй, ком. въ 4 д. Е. П. Гославскаго. «Компаньоны», ком. П. М. Невѣжина. Дуэтъ изъ оп. L'Amico Fritz, Масканьи; Успокоеніе, для ф. п. Альбанэзи. Приложенія: Турчанка, карт. К. Е. Маковскаго (геліогравюра); Охота, карт. худ. Самокиша (фототипія); портр. Н. В. Рыкаловой (фототипія).

Открыта подписка на 1892 г. **Съ Января 1892 г. „Артистъ“ съ приложеніемъ „Дневника Артиста“** (съ Апрѣля по Сентябрь) **будетъ выходить ЕЖЕМѢСЯЧНО, 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ. Подписная цѣна НА ГОДЪ 10 р., съ перес. 12 р.**

Подписная цѣна на сезонъ (7 книгъ «Артиста») **9** р., съ перес. **10** р. На веленевой бумагѣ (100 нумерованныхъ экз.) **16** р., съ перес. **18** р. Допускается разсрочка. Отдѣльные №№ **2** р. Подписка принимается въ **редакціи** (Москва, Кудрино, д. Бартельсъ), въ конторѣ Печковской, музык. маг. В. В. Бессель, книжн. магазин.: «Новаго Времени», Вольфа и др. Вышелъ № 8 журн. **„Театральная Библіотека“**. Содержаніе: На своихъ мѣстахъ, ком. Н. В. Казанцева; Заяцъ, фарсъ И. И. Мясницкаго; Въ лунную ночь, этюдъ А. Степановой. Отдѣльные №№ по 1 р. съ перес. Цѣна за томъ (4 книжки) 3 р. съ перес. Подписка 3 р. въ годъ, съ перес. 4 р., принимается **только** отъ подписч. на «Артистъ».

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

Скончавшійся въ 1877 году тайный совѣтникъ Александръ Николаевичъ Поповъ [1]) въ послѣдніе годы жизни своей много занимался исторіею 1812 года. Читателямъ Русскаго Архива (1875 и 1876) памятны превосходные главы этого труда его („Москва въ 1812 году" и „Французы въ Москвѣ"), который представляетъ собою совершенно новое изложеніе великой эпохи на основаніи близкаго изученія матеріаловъ, преимущественно рукописныхъ, какъ напр., бумагъ, замуравленныхъ Аракчеевымъ въ мраморную подставку подъ бюстъ императора Александра Павловича въ библіотекѣ генеральнаго штаба (по докладу А. Н. Попова, бумаги эти вышли на свѣтъ Божій, и ему было дозволено ими пользоваться). Сочиненіе А. Н. Попова о 1812 годѣ разросталось на нѣсколько томовъ. По кончинѣ автора друзья и почитатели его не переставали скорбѣть объ утратѣ его рукописей, между которыми находились цѣлыя главы этого сочиненія почти доконченныя. Превосходная библіотека А. Н. Попова была пожертвована его вдовою [2]) въ Рязанскую гимназію, (гдѣ онъ учился); весь же запасъ рукописей увезенъ былъ ею въ деревню. Нынѣ, по кончинѣ ея, эти рукописи перешли въ собственность ея двоюроднаго брата, Павла Николаевича Цурикова, которымъ и переданы для изданія въ „Русскій Архивъ". Къ великому сожалѣнію нашему, это теперь уже только эпизоды. П. Б.

Императоръ Александръ Павловичъ въ Вильнѣ.

I.

Отношенія къ Полякамъ.—Смотры войскъ.—Переписка съ княземъ Чарторижскимъ.—Положеніе герцогства Варшавскаго.—Настроеніе Поляковъ.—Предположенія объ образованіи Литовскаго княжества.—Открытіе Іезуитскаго университета въ Полоцкѣ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 9 Апрѣля, императоръ Александръ прибылъ въ Вильну 14 числа того же мѣсяца произвести смотръ войскамъ, расположеннымъ на западныхъ границахъ имперіи. Таковъ былъ поводъ, явно заявленный; но никто не сомнѣвался въ иной цѣли этой поѣздки. Если бы Государь покидалъ столицу на *неопредѣленное* время, а не для того только, чтобъ посмотрѣть свои войска, сопут-

[1]) См. подробнѣе о немъ въ „Русскомъ Архивѣ" 1886, I, 320.

[2]) Марьей Петровной, ур. Мосоловой, во второмъ бракѣ Соломкою. П. Б.

ствовать ему вызвались бы состоявшіе при его лицѣ представители иностранныхъ державъ. 30 Марта графъ Лористонъ былъ приглашенъ къ императорскому столу. Въ обществѣ онъ заявлялъ желаніе нанять дачу на предстоявшее лѣтнее время и даже пріобрѣсти ее въ собственность [1]). Нигдѣ въ Европейской печати (конечно, кромѣ Англійской) не было и рѣчи о разрывѣ между Франціею и Россіею и о близкой войнѣ. Обѣ стороны одинаково не желали еще заявлять о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ: Наполеонъ потому, что предпринятыя имъ приготовленія, съ цѣлію въ расплохъ напасть на Россію и быстро покончить войну, не были приведены къ окончанію; Александръ, чтобы не дать повода обвинять его, какъ нарушителя Европейскаго мира и зачинщика войны. Но всѣ считали войну неизбѣжною, всѣ ее ожидали, и самъ Государь не скрывалъ своего взгляда, по крайней мѣрѣ передъ приближенными къ нему людьми. Рѣшившись назначить на мѣсто Сперанскаго государственнымъ секретаремъ Шишкова, онъ призвалъ его къ себѣ (20 Марта) и, поручая написать манифестъ о рекрутскомъ наборѣ, сказалъ: «Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ Французами» [2]). Въ это же время, послѣ одного изъ обѣдовъ, къ которому было приглашено много военныхъ, Государь говорилъ имъ: «Мы участвовали въ двухъ войнахъ противъ Французовъ, какъ союзники и, кажется, исполняли свой долгъ какъ слѣдовало; теперь пришло время защищать свои собственныя права, а не постороннія; поэтому, уповая на Бога, надѣюсь, что всякій изъ насъ исполнитъ свою обязанность и что мы не помрачимъ пріобрѣтенную нами военную славу» [3]). Въ это время состоялось уже постановленіе «объ учрежденіи комитета министровъ съ *особою властью*» по случаю отъѣзда Государя изъ столицы [4]). Хотя извѣстіе о немъ было обнародовано позже, но объ немъ всѣ знали. Вслѣдъ за тѣмъ состоялось другое, расширявшее власть Государственнаго Совѣта и Департамента Экономіи, который, соединенно съ Департаментомъ Законовъ, могъ рѣшать дѣла по финансовымъ вопросамъ окончательно, не внося въ общее собраніе Совѣта. Эти мѣры конечно свидѣтельствовали, что Государь оставляетъ столицу на *неопредѣленное* время и намѣренъ находиться при войскахъ [5]).

---

[1]) Графъ Местръ. Correspond. diplomatique 1, 75, письмо къ Сардинскому министру иностран. д. 9 (21) Апр. 1812.

[2]) Записки Шишкова, Берлин. изд. I, 121.—Манифестъ 23 Марта. Полн. Собр. Зак. № 25051.

[3]) Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго. Русск. Архивъ 1867, 765.

[4]) Сличи показаніе Сперанскаго (въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года) о тайномъ комитетѣ, въ который приглашали его Армфельдъ и Сперанскій. П. Б.

[5]) Полн. Собр. Зак. постановленія 20 Марта и 3-го Апр. №№ 25043, 25044, 25073 и 25074; Сѣверн. Почта 1812 г. Апр. 13, № 30.

Торжественный въѣздъ Государя въ Вильну состоялся 14-го Апрѣля, въ день Вербнаго Воскресенія. Въ 6 часовъ утра этого дня онъ былъ въ Свѣнцянахъ. Въ Подрожѣ, на второй станціи отъ Вильны, приготовленъ былъ почетный караулъ изъ роты егерей, на Нѣменчинской станціи рота артилеріи. За 6 верстъ отъ города, у первой полевой рогатки, собрались генералъ-адъютанты Государя; въ небольшомъ отъ нихъ разстояніи находился главнокомандующій 1-ю Западною арміею Барклай-де-Толли, окруженный генералами, и выстроены были конные полки. Во второмъ часу показался Государь верхомъ, со свитою и встрѣченъ главнокомандующимъ и войсками съ военными почестями. Отдавъ честь, конница послѣдовала за свитою Государя къ городу. Когда Государь приблизился ко второй рогаткѣ, началась пальба изъ пушекъ, разставленныхъ по окрестнымъ возвышеніямъ и заиграла музыка. За этою рогаткою встрѣтило Государя съ хлѣбомъ и солью Еврейское общество при радостныхъ восклицаніяхъ и звукахъ своей музыки. Императоръ въѣзжалъ въ Вильну чрезъ предмѣстье Антоколь. «Вершины горъ между предмѣстьемъ и городомъ, крыши домовъ, покрыты были толпами народа различнаго званія. Всѣ окна находящихся на этомъ пути зданій были растворены и наполнены зрителями», говорить свидѣтель-очевидецъ. У заставы встрѣтили Государя купечество и цехи, у соборной церкви духовенство, у дворца губернаторъ съ чиновниками и губернскій маршалъ съ дворянами. По всѣмъ улицамъ отъ Замковыхъ воротъ, по которымъ проѣзжалъ Государь, выстраивались войска. На улицѣ Св. Яна стояли воспитанники Университета и Гимназіи съ своими наставниками; во все время поѣзда раздавался колокольный звонъ и восторженныя восклицанія народа, толпившагося повсюду [1]).

Къ прибытію Государя съѣхалось много Польскихъ помѣщиковъ и стеклось народу изъ окрестныхъ деревень. «Число пріѣхавшихъ и пріѣзжающихъ сюда такъ велико (писали оттуда въ Петербургъ), что мы здѣсь никогда такого многолюдства и не запомнимъ». Но еще кончался великій постъ, и нельзя было давать баловъ. На другой день утромъ Государь принималъ чиновниковъ, которыхъ представлялъ ему губернаторъ Лавинскій, и знатнѣйшихъ дворянъ, по представленію губернскаго маршала; потомъ онъ ѣздилъ верхомъ осматривать городъ и пригласилъ къ своему обѣду многихъ изъ почетныхъ лицъ, въ томъ числѣ генерала Бенигсена [2]).

---

[1]) „Сѣверная Почта“ 1812 г. № 33 Апр. 24.—Истор. Замѣтки о сѣверо-западн. краѣ, П. Кукольника (Вѣстн. Западн. Россіи 1864, № 6), стр. 100—102.

[2]) Сѣверн. Почта 1812 г. № 34, Апр. 27.

Баронъ Бенигсенъ, Ганноверскій подданный въ Русской службѣ, съ самаго начала царствованія Александра I-го не могъ пользоваться его расположеніемъ. Оставаясь въ сторонѣ до Прусской войны 1807 г., онъ случайно [1]) сдѣлался главнокомандующимъ Русскими войсками въ это время. Но послѣ заключенія Тильзитскаго мира Бенигсенъ находился въ отставкѣ, даже въ опалѣ, и жилъ частнымъ человѣкомъ въ своемъ помѣстьѣ Закретѣ, въ трехъ верстахъ отъ Вильны. Считая нужнымъ пользоваться всѣми средствами, какими можно было располагать, противъ грознаго своего противника, Государь естественно, встрѣтивъ въ Вильнѣ Бенигсена, ласково обошелся съ нимъ и не только пригласилъ къ своему столу, но посѣтилъ его въ Закретѣ. Бенигсенъ воспользовался благосклонностью императора и тѣмъ, что ему понравилось живописное мѣстоположеніе этого имѣнія: онъ продалъ Закрестъ Государю, съ условіемъ заплатить ему золотою монетою [2]).

На другой день по пріѣздѣ Государь принималъ представителей духовенства, членовъ Магистрата, Университета и Еврейскаго кагала. Въ Латинской церкви существуетъ обычай, въ нѣкоторые опредѣленные дни года и преимущественно на Страстной недѣлѣ, собирать пожертвованія для благотворительныхъ заведеній и вообще для помощи бѣднымъ. Съ этою цѣлію нѣсколько женщинъ и дѣвицъ, большею частію изъ высшаго общества, собираютъ подаянія какъ въ церквахъ, такъ и по домамъ жителей города. Александръ Павловичъ пожелалъ принять Виленскихъ сборщицъ подаяній, и онѣ были представлены ему въ Великій Четвергъ (18 Апр.) паномъ Вавржецкимъ. То были г-жа Багговутъ, супруга Гродненскаго вице-губернатора, Боблишинская, Залѣсская, и дѣвицы княжна Гедройцъ, Абрамовичъ и Воловичъ. Всѣ онѣ получили изъ рукъ Государя по сту червонцевъ.

21-го Апрѣля православная пасхальная служба отправлена въ походной полковой церкви, устроенной въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, гдѣ помѣстился Государь, и въ первый день праздника былъ парадъ всѣмъ находившимся войскамъ на особо-избранномъ полѣ, близъ города «блистательный и навѣрное первый со времени существованія Вильны, какой видѣли ея жители всѣхъ состояній, во множествѣ собравшіеся на это зрѣлище». Какъ въ этотъ день, такъ и въ послѣдующіе на Поляковъ сыпались высочайшія награды. Многіе

---

[1]) Вслѣдствіе внезапнаго отъѣзда изъ арміи графа Каменскаго. П. Б.

[2]) „Г-ну министру финансовъ. Купленный отъ генерала отъ инфантеріи барона Бенигсена, состоящій близъ г. Вильны загородный домъ подъ названіемъ Закресть, со всѣми къ оному принадлежностями, повелѣваю принять въ казенное вѣдомство и заплатить ему за оный изъ государственнаго казначейства 12 тыс. червонцевъ, произведя сію выдачу въ три года, въ каждый по 4 тыс. червонцевъ. Вильна, Іюля 5 дня“.

получили ордена, молодые люди придворныя званія камеръ-юнкеровъ, а дѣвицы фрейлинъ. Въ Четвергъ на Святой (25 Апр.) Виленское дворянство давало блестящій балъ, на которомъ присутствовали Александръ Павловичъ, Цесаревичъ и герцоги Ольденбургскіе. Домъ Паца былъ великолѣпно илюминованъ; лѣстница, ведущая въ залъ, покрыта коврами и установлена растеніями. Въ залѣ находился транспарантъ, на которомъ изображенъ сидящимъ въ креслѣ Императоръ, а передъ нимъ благоговѣющій геній. Подъ изображеніемъ была подпись изъ нѣсколькихъ стиховъ кантаты, которая была пропѣта хоромъ, лишь только Императоръ вошелъ въ залу. «Мы прославляемъ и прославитъ потомство въ тебѣ божественную благость. Свѣтъ никогда не забудетъ о Титѣ и о тебѣ».

На другой день послѣ бала, Императоръ предпринялъ поѣздки для обзора войскъ [1]). Первая поѣздка была въ Вилькоміръ и Шавли, гдѣ стояли войска подъ начальствомъ графа Витгенштейна. Путь лежалъ на знаменитые Товяны, гдѣ нѣсколько разъ уже Императоръ бывалъ прежде у князя Чарторижскаго. Въ это время въ Товянахъ жилъ больной старикъ графъ Морикони съ женою (ур. Радзивилъ) и двумя молодыми дѣвицами-племянницами графинею Морикони и Грабовскою, къ которымъ графъ Тизенгаузъ привезъ погостить также ихъ племянницу, свою дочь, 18-лѣтнюю красавицу графиню Софью, въ послѣдствіи графиню Шуазёль-Гуфье.

Пріѣхавъ въ Товяны (27 Апр.) къ вечернему чаю, Государь не ожидалъ встрѣтить такое общество и смутился, потому что былъ въ мундирномъ сюртукѣ. Всегда тщательно наблюдавшій за изяществомъ своего наряда, онъ считалъ, что въ такомъ видѣ не совсѣмъ прилично появиться въ женскомъ обществѣ. Поэтому, когда онъ ѣхалъ назадъ-то, не доѣзжая Товянъ, въ одной изъ фермъ принадлежавшихъ къ этому имѣнію, онъ переодѣлся и прибылъ въ мундирѣ, при шарфѣ и орденахъ. Въ оба пріѣзда онъ одинако очаровалъ всѣхъ присутствовавшихъ милостивымъ и ласковымъ обхожденіемъ. Относясь съ одинаковою благосклонностію ко всѣмъ, онъ оказалъ однакоже особенное вниманіе графинѣ Тизенгаузъ. Съ этого времени началась ея извѣстность. По возвращеніи въ Вильну Императоръ назначилъ ее фрейлиною къ Императрицѣ вмѣстѣ съ графинями Морикони, Грабовскою, Віельгорскою и княжною Гедройцъ. Такъ *очаровывалъ* онъ своимъ обхожденіемъ всѣхъ и каждаго, къ кому обращался. Во все пребываніе его въ Вильнѣ постоянно ходили разсказы о разныхъ встрѣчахъ его съ лицами всѣхъ

---

[1]) Сѣверн. Почта 1812 г. NN 33 по 47.—П. Кукольника, Истор.-Замѣтки, стр. 102—104.— Curier Wilensky 26 Апр. 1812.

сословій, не знавшихъ его въ лице и не узнавшихъ съ кѣмъ они бесѣдовали, и каждый подобный случай выставлялъ на видъ прекрасныя качества его души. Полковникъ Чернышовъ, *) находившійся въ свитѣ Государя въ Товянахъ, извѣстный уже своими поѣздками къ Наполеону и успѣхами въ Парижскомъ обществѣ, разговаривая съ графинею Тизенгаузъ, иначе не называлъ Императора какъ *очарователь* (le séduisant). «Императору Александру въ это время (писала потомъ графиня Шуазель) было 35 лѣтъ; но онъ казался гораздо моложе. Помню, я замѣтила тогда графу Толстому, что такія продолжительныя и утомительныя поѣздки, которыя предпринимаетъ Императоръ, производятъ вліяніе на его здоровье. — «Посмотрите на него, отвѣчалъ графъ, и вы перестанете удивляться.»

«Не только правильныя, тонкія черты и свѣжесть цвѣта, но и выраженіе благоволенія плѣняло всѣ сердца и возбуждало довѣріе. Въ его фигурѣ было что-то благородное, возвышенное, величественное. Принимая иногда наклоненныя положенія, онъ напоминалъ собою изваянія древняго искусства. Хотя онъ уже становился полонъ, но былъ чрезвычайно хорошо сложенъ. Глаза, въ которыхъ какъ бы свѣтилось безоблачное небо, были у него живые и умные. Хотя онъ былъ нѣсколько близорукъ, но владѣлъ *улыбкою* глазъ, если можно такъ выразиться о его взглядѣ благорасположенномъ и добромъ. Носъ у него былъ прямой и прекрасный, ротъ небольшой и пріятный, овалъ лица и профиль напоминали его прекрасную, августѣйшую мать. Начинавшаяся лысина надъ лбомъ придавала его лицу что-то открытое и свѣтлое. Русые волосы, тщательно причесанные какъ на красивыхъ головахъ камей и древнихъ медаляхъ, казалось, должны были украшаться тремя вѣнками: изъ лавровъ, миртъ и оливъ. Въ его голосѣ и манерахъ было чрезвычайно много разнообразія. Когда онъ обращалъ рѣчь къ людямъ высокопоставленнымъ, онъ говорилъ съ большимъ достоинствомъ и въ тоже время привѣтливо; съ лицами своей свиты онъ говорилъ просто и добродушно; съ пожилыми женщинами почтительно, съ молодыми граціозно, бросая тонкіе, выразительные и чарующіе взгляды. Въ молодости его слухъ былъ какъ-то пораженъ сильнымъ громомъ артилеріи, и онъ былъ нѣсколько глухъ на лѣвое ухо, и потому, слушая, склонялся на правую сторону. Но что́ особенно было странно, онъ слышалъ лучше, когда вокругъ него болѣе шумѣло. Ни одному живописцу безъ исключенія не удалось вѣрно изобразить черты его лица и особенно выраженіе. Ваяніе въ этомъ случаѣ брало

*) А. И. Чернышевъ (впослѣдствіи князь) вѣроятно тогда познакомился съ первою своею супругою ур. княжною Радзивиллъ, которая вскорѣ его покинула. П. Б.

верхъ надъ живописью, и его бюстъ, сдѣланный однимъ Берлинскимъ художникомъ, очень хорошъ» *)

Это описаніе императора Александра, хотя и восторженное, въ сущности совершенно вѣрно. Всѣ его современники, имѣвшіе личныя съ нимъ сношенія, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ чарующемъ дѣйствіи, которое производилъ онъ на нихъ. Силу этого вліянія испыталъ и самъ Наполеонъ, который говорилъ, что Русскій Государь очаровываетъ его посланниковъ и что его слуги Французы дѣлаются Русскими и слугами Александра. Это природное свойство могло получить особенную силу, когда онъ считалъ нужнымъ дѣйствовать такъ, чтобы привлечь къ себѣ людей, съ которыми находился въ сношеніяхъ, именно въ Вильнѣ и во время своихъ разъѣздовъ по губерніямъ присоединеннымъ отъ бывшаго Польскаго королевства. Онъ желалъ привлечь къ себѣ Поляковъ, которые составляли еще единственную силу въ этомъ краѣ. Политическія обстоятельства, сложившіяся въ это время, вынуждали его дѣйствовать именно такъ.

Но личныя качества Императора, не смотря на всю ихъ обаятельную силу, не могли бы имѣть прочнаго вліянія, если бы Полякамъ не были извѣстны его политическіе виды, его общій взглядъ на такъ называвшійся Польскій вопросъ. Еще въ царствованіе Павла пробудились ихъ надежды: освобожденіе Костюшки и его сотоварищей изъ заточенія, возвращеніе на родину многихъ удаленныхъ изъ нея Поляковъ, значеніе, которое получили Іезуиты, всѣ эти обстоятельства возбуждали ихъ надежды. Но эти надежды были бы такъ же кратковременны, какъ и самое царствованіе Павла, если бы вслѣдъ за тѣмъ, по всѣмъ областямъ бывшаго Польскаго королевства, между Поляками не распространилось извѣстіе, которое передавалось сначала за тайну, а потомъ сдѣлалось предметомъ гласныхъ разсужденій о томъ, что новый Государь считаетъ раздѣлъ Польши не только несправедливостію, но и важною политическою ошибкою. Источникомъ этихъ разсказовъ была, по преимуществу, семья князей Чарторижскихъ.

Въ концѣ 1810 г. Александръ, увѣренный, что въ слѣдующемъ 1811 г. непремѣнно начнется война съ Наполеономъ, писалъ къ князю Адаму: «Настоящія обстоятельства мнѣ представляются весьма важными. Кажется, настало время доказать Полякамъ, что Россія не врагъ ихъ, но скорѣе истинный и естественный ихъ другъ; что, не смотря на то, что имъ указываютъ на Россію, какъ на главное препятствіе возстановленія Польши, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что она-

*) Гр. Шуазель-Гуфье, Mémoires hist. sur l'empereur Alexandre, Paris, 1829, гл. 4, стр. 53 и слѣд.; Réminicences sur l'emp. Alexandre, Paris, 1862, гл. 1 и 2 стр. 6 и слѣд.

то именно и осуществить его на дѣлѣ. То что я говорю, можетъ быть, удивитъ васъ; но повторяю, это очень вѣроятно, и обстоятельства мнѣ представляются весьма благопріятными для того, чтобы осуществить мысль, которая прежде была моею любимою мыслью, которую два раза я долженъ былъ отложить, вынуждаемый силою обстоятельствъ, но которая тѣмъ не менѣе сохранилась въ глубинѣ моей души. Никогда не было времени болѣе для нея благопріятнаго какъ теперь; но, прежде нежели войду въ подробное изложеніе моихъ соображеній, я желалъ бы, чтобы вы мнѣ отвѣчали со всею подробностію на каждый изъ вопросовъ, которые я считаю нужнымъ предложить вамъ, еще не приступая къ исполненію моего предположенія.

1) Имѣете ли вы достаточно вѣрныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, и въ этомъ случаѣ

2) Имѣете ли вы основаніе предполагать, что жители Варшавскаго герцогства схватятся съ жадностію за всякую *увѣренность* (не говорю *вѣроятность*) ихъ возрожденія?

3) Схватятся ли они за нее откуда бы, она ни пришла, и присоединятся ли они ко всякой державѣ безъ различія, которая вошла бы въ ихъ виды съ искреннимъ участіемъ и сочувствіемъ? Само собою разумѣется, что провозглашеніе возстановленія ихъ будетъ предшествовать ихъ присоединенію и засвидѣтельствуетъ искренность принятаго въ отношеніи къ нимъ образа дѣйствій, или

4) Вы скорѣе имѣете основаніе предполагать, что существуютъ разныя партіи, и поэтому

5) Нельзя разсчитывать, чтобы всѣ единодушно и поспѣшно схватились за первый случай, который имъ представится къ возрожденію Польши?

6) Каковы эти партіи? Одинаково ли онѣ сильны, и кто тѣ лица, которыя ими предводительствуютъ?

7) Существуютъ ли эти партіи также и въ войскахъ, или они держатся однихъ взглядовъ и питаютъ общія чувства?

8) Кто изъ военныхъ лицъ имѣетъ наибольшее вліяніе на мнѣніе войскъ?

Таковы важнѣйшіе вопросы, которые я считаю нужнымъ предложить вамъ теперь; но какъ только получу вашъ отвѣтъ, я еще болѣе открою вамъ мои виды».

Предлагая князю Чарторижскому отпускъ, если онъ, для собранія болѣе точныхъ свѣдѣній, захочетъ отправиться въ Варшаву, Государь обращалъ его вниманіе на то, что это письмо написано имъ не съ цѣлію *подѣйствовать на умы* и чтобы оно было *распространяемо* подъ рукою; напротивъ, онъ поручалъ ему сохранить его содержаніе въ

ненарушимой тайнѣ. «Вотъ что я имѣлъ вамъ сказать. Обдумайте хладнокровно всю важность моихъ сообщеній. Подобная минута можетъ не повториться. Всякіе иные разсчеты приведутъ только къ борьбѣ на жизнь и смерть между Россіею и Франціею, и поприщемъ борьбы сдѣлается ваша несчастная родина. Иная поддержка, на которую могутъ разсчитывать Поляки, соединена исключительно съ личностію Наполеона, который однако не вѣченъ, и потому въ случаѣ перемѣны личности могутъ произойти гибельныя послѣдствія для Польши, между тѣмъ какъ существованіе вашего отечества будетъ поставлено на твердое основаніе, если совокупно съ Россіею и державами, которыя неминуемо съ нею соединятся, нравственная сила Франціи будетъ уничтожена, и Европа освобождена отъ ея ига... Вотъ минута, въ которую вы въ первый разъ можете сослужить вашей родинѣ дѣйствительную службу. Ожидаю вашего отвѣта съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ».

Разсчеты Александра основывались на мысли, выраженной въ этомъ же письмѣ, въ слѣдующихъ словахъ: «Если вы мнѣ поможете и если свѣдѣнія, которыя вы мнѣ сообщите, будутъ таковы, что дадутъ мнѣ надежду на единодушное содѣйствіе жителей Варшавскаго герцогства и особенно войскъ къ возстановленію ихъ родины, *откуда бы ни пришла помощь*, то въ этомъ случаѣ, съ помощію Божіею, я надѣюсь, что успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію; потому что онъ основанъ не на предположеніи найти соперника дарованіямъ Наполеона, но на недостаткѣ его силъ, которыми онъ будетъ располагать, и на ожесточеніи противъ него, господствующемъ во всей Германіи».

О силахъ, съ которыми Наполеонъ могъ начать войну съ Россіею въ это время, императоръ Александръ имѣлъ самыя невѣрныя свѣдѣнія, какъ доказываетъ приложенная имъ къ этому письму записка. Онъ полагалъ, что у Наполеона будетъ подъ рукою не болѣе 155 тыс., изъ которыхъ только 60 тыс. Французовъ, остальная же часть будетъ состоять изъ войскъ Рейнскаго союза; между тѣмъ какъ Россія можетъ выставить 100 тысячъ своего войска, съ готовымъ для него резервомъ такого же количества. Разсчитывая на 50 тыс. Поляковъ, 50 тыс. Прусаковъ и 30 тыс. Датчанъ, онъ полагалъ имѣть въ своемъ распоряженіи до 230 тыс. человѣкъ, кромѣ 100 тысячъ резерва, который могъ подкрѣпить ихъ въ послѣдствіи. Но болѣе чѣмъ вѣроятно, говорилось въ этой запискѣ, что примѣру, поданному Поляками, послѣдуютъ Нѣмцы, и тогда останется у Наполеона лишь 60 тыс. Французовъ. И если Австрія, въ виду выгодъ, которыя ей будутъ предложены, также обратится противъ Франціи, то будетъ еще 200 тыс. человѣкъ лишнихъ противъ Наполеона. Такимъ образомъ предполагалась новая коалиція, основанная на томъ разсчетѣ, что Поль-

скій народъ и войско будутъ дѣйствовать за одно съ Россіею. Хотя разсчетъ военныхъ силъ Наполеона и былъ не вѣренъ; но, конечно, присоединеніе войскъ Варшавскаго герцогства къ Русскимъ и сочувствіе Поляковъ, обнадеженныхъ возстановленіемъ бывшаго королевства, къ императору Александру, могли бы оказать весьма сильное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. Но возможно ли было разсчитывать на это обстоятельство, и особенно въ данное время?

Князь Чарторижскій, доселѣ во всю жизнь державшійся мысли о возстановленіи Польши, какъ особаго королевства, но подъ властію Русскаго императора, долженъ былъ крѣпко задуматься, получивъ это письмо. «Позвольте, Государь (отвѣчалъ онъ немедленно), прежде всего повергнуть къ вашимъ стопамъ глубочайшую мою благодарность за благодѣтельныя ваши намѣренія въ отношеніи къ моей родинѣ, за то, что вы благосклонно вспомнили о ней въ общемъ планѣ вашихъ политическихъ соображеній и за особый знакъ довѣрія, которымъ вы благоволили меня удостоить при этомъ случаѣ. Постараюсь заслужить его, исполняя приказанія вашего императорскаго величества со всѣмъ усердіемъ, со всею осмотрительностію, по мѣрѣ моихъ способностей и такъ хорошо, какъ только позволятъ обстоятельства. Сознаю, Государь, всю важность настоящаго времени и особенно то, что предположенія, которыя, какъ кажется, занимаютъ ваше величество, будутъ имѣть для Россіи и для всей Европы величайшія и рѣшительныя послѣдствія, еще болѣе важныя относительно злополучной моей родины, всѣхъ ея жителей вообще и каждаго изъ нихъ въ частности».

Не останавливаясь на общемъ вопросѣ, который, по его словамъ, такъ *мудро* разобранъ въ письмѣ Императора, *столь же хорошо написанномъ, какъ и обдуманномъ,* князь Адамъ прямо переходитъ къ отвѣтамъ на заданные ему вопросы. Онъ жилъ въ это время въ Вильнѣ; но Поляки нашихъ губерній, присоединенныхъ отъ бывшаго Польскаго королевства, находились въ такихъ тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ жителями Варшавскаго герцогства, что онъ могъ положительно увѣрять Государя, что «по наблюденіямъ, которыя онъ могъ произвести въ этихъ мѣстностяхъ надъ общественнымъ настроеніемъ, какъ между обитателями герцогства, такъ и въ его войскахъ господствуетъ полное единодушіе въ намѣреніяхъ и цѣляхъ. Единственное желаніе, единственная цѣль ихъ заключается—въ возстановленіи Польши, полномъ соединеніи всѣхъ ея областей подъ своимъ народнымъ и конституціоннымъ правительствомъ. Что̀ касается до различныхъ взглядовъ, до степени довѣрія къ тому или другому изъ военачальниковъ или государственныхъ людей, до ихъ дарованій и любви къ родинѣ: то эти различія не могутъ быть названы партіями. Эти от-

тѣнки во взглядахъ совершенно бы уничтожились или имѣли бы неважное значеніе, когда «дѣло коснулось бы важныхъ вопросовъ для отечества». «Единодушіе существуетъ между Поляками, писалъ онъ; но задача состоитъ въ томъ, чтобы убѣдить ихъ, что спасеніе страны, достиженіе выгодъ болѣе значительныхъ, болѣе прочныхъ и болѣе обезпеченныхъ требуютъ совершеннаго измѣненія въ образѣ дѣйствій и отказа отъ единственной поддержки, которую имѣло до сихъ поръ герцогство. За увѣренность въ возстановленіи Польши по моему мнѣнію схватились бы всѣ съ благодарностію, откуда бы она ни пришла, если бы только эта увѣренность была вполнѣ дѣйствительною, хочу, если сказать, только еслибы способъ, коимъ она была бы предложена и подготовлена, осуществилъ надежды болѣе обширныя, внушилъ болѣе довѣрія и обезпеченія въ успѣхѣ, нежели представляетъ ихъ союзъ съ Франціею (по крайней мѣрѣ по мнѣнію обитателей герцогства Варшавскаго».) Въ этомъ-то обстоятельствѣ и усматривалъ князь Чарторижскій великое затрудненіе для приведенія въ исполненіе предположеній Русскаго императора. «Какъ бы ни были справедливы жалобы, продолжаетъ онъ, которыя заявляютъ Поляки на Наполеона, онъ однакоже успѣлъ ихъ увѣрить, что, безусловная лишь невозможность, а не отсутствіе доброй воли воспрепятствовали ему далѣе повести дѣло возрожденія ихъ отечества; что гласныя и дипломатическія заявленія, противныя ихъ ожиданіямъ, были сдѣланы имъ для того, чтобы лучше скрыть свою игру, но что, при первомъ разрывѣ съ Россіею, Польша непремѣнно будетъ возстановлена. Къ этой увѣренности присоединяется еще и чувство благодарности за то, что̀ Наполеонъ до сихъ поръ сдѣлалъ для Польши, за существованіе, которое онъ ей даровалъ, которое хотя и не прочно, если не будетъ развито и обезпечено дальнѣйшими мѣрами, но тѣмъ не менѣе составляетъ первый и весьма важный шагъ. Поэтому возможно ожидать, что руководимые чувствомъ чести и благодарности, люди самые благомыслящіе и порядочные не согласятся обратить противъ Наполеона тѣ средства, которыми они ему самому обязаны и покинуть его въ то время, когда онъ наиболѣе разсчитываетъ на содѣйствіе герцогства Варшавскаго. При томъ нельзя не обратить вниманія на братство по оружію, которое установилось между Французскими и Польскими войсками, и на то мнѣніе, что Французы друзья Поляковъ, а Русскіе, напротивъ—злѣйшіе ихъ враги, какъ вслѣдствіе политическихъ соображеній, такъ и по личной ненависти. Это мнѣніе слишкомъ распространено, слишкомъ укрѣпилось, чтобы не проникнуть въ войска и не возбудить въ нихъ тѣхъ же чувствъ, которыя еще болѣе усилились въ слѣдствіе происшествій послѣдней войны и послѣдовавшихъ за ней событій. Представляется еще за-

трудненіе: гвардія и 20 тыс. Польскаго войска находятся въ Испаніи; тамъ у каждаго изъ Поляковъ есть друзья или родственники, которыхъ они побоятся принести въ жертву гнѣву Наполеона. Постоянно ожидая войны съ Россіею, многія лица, даже изъ знатныхъ семействъ, рѣшились отправить своихъ дѣтей для воспитанія въ Парижъ, какъ самое безопасное мѣсто во всей Европѣ, гдѣ воспитаніе молодого человѣка всего менѣе можетъ подвергаться перерывамъ. Наконецъ, послѣднее и самое сильное затрудненіе заключается въ высокихъ дарованіяхъ Наполеона и въ томъ понятіи, которое о немъ составилось. До сихъ поръ онъ постоянно находилъ средства въ своемъ геніи побѣдоносно выходить изъ самыхъ затруднительныхъ положеній, въ которыя онъ самъ себя ставилъ. Поэтому всѣ убѣждены, что такъ будетъ продолжаться навсегда, и какъ бы ни казались несчастны для него обстоятельства, онъ все-таки кончитъ тѣмъ, что выдетъ побѣдителемъ. Вотъ главныя затрудненія, которыя, какъ мнѣ кажется, должно встрѣтить осуществленіе предположеній вашего величества» *).

Затрудненія были поняты княземъ Чарторижскимъ и представлены совершенно вѣрно. Потому возникалъ самъ собою вопросъ, принадлежатъ ли эти затрудненія къ числу такихъ, которыя можно побороть, или всякая борьба съ ними не могла привесть ни къ какимъ благопріятнымъ послѣдствіямъ и слѣдовательно только усложнить и запутать ходъ дѣлъ и безъ того уже крайне затруднительныхъ?

Положеніе, въ какомъ находилось въ это время герцогство Варшавское, это средоточіе, къ которому направлялись всѣ сочувствія и пожеланія Поляковъ всѣхъ областей, составлявшихъ нѣкогда Польское королевство, можетъ служить основаніемъ для отвѣта на этотъ вопросъ.

Послѣ того, какъ переговоры о заключеніи конвенціи между Россіею и Франціею по вопросу о Польшѣ были прерваны, во все продолженіе 1811 г. и до вторженія войскъ Наполеона въ предѣлы Русской имперіи, его отношенія къ Полякамъ находились въ зависимости отъ политики, которой онъ считалъ нужнымъ держаться въ отношеніи къ нашему кабинету. Рѣшившись воевать съ Россіею, но желая выиграть время для военныхъ приготовленій, усыпляя бдительность Россіи постоянными предложеніями разрѣшить недоразумѣнія между

---

*) Письмо императора къ кн. Ад. Чарторижскому 25 Декабря 1810 г.; отвѣтъ князя 18 (30) Января 1811 г. Alexandre I-er et le Pr. Czartorysky, Mazade, Paris, 1865 стр. 127—157. Въ приложенномъ росписаніи число войскъ указано 30 тысячъ. *Датчанъ* вѣроятно ошибочно; вѣрнѣе Шведовъ. Увѣренность Александра, что противъ насъ Наполеонъ будетъ дѣйствовать не болѣе 155 тыс. войскъ (хотя по донесеніямъ кн. Куракина и Чернышова онъ вѣрно могъ знать число его войска) основывалась на предположеніи Бернадота, которому онъ придавалъ большое значеніе.

двумя имперіями посредствомъ мирныхъ переговоровъ, Наполеонъ постоянно повторялъ нашимъ дипломатическимъ агентамъ, что мысль о возстановленіи Польши вовсе не входитъ въ его виды. Ту же мысль повторяли и лица къ нему приближенныя въ обществѣ Поляковъ, находившихся въ Парижѣ, конечно въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагали, что ихъ рѣчи могутъ дойти до слуха Русскаго императора. Дюрокъ, герцогъ Фріульскій, встрѣтивъ на вечерѣ у Валевской Русскаго сенатора-Поляка, графа Огинскаго выразилъ ему удивленіе, что онъ принялъ это званіе у Русскаго императора, не послѣдовавъ примѣру другихъ своихъ соотечественниковъ, преданныхъ Наполеону и осыпанныхъ его милостями.

Что Наполеонъ расположенъ къ Полякамъ, прибавилъ Дюрокъ, доказательствомъ можетъ служить созданное имъ герцогство Варшавское. «Это не Польша независимая, отвѣчалъ ему графъ Огинскій. Возстановленіе Польши составляетъ мою завѣтную мысль; но пока ея нѣтъ, я хочу быть полезнымъ моимъ соотечественникамъ въ качествѣ Русскаго сенатора».—«Возстановленіе Польши – это химера, мечта, которая не можетъ осуществиться, возразилъ ему Дюрокъ; притомъ Польша никогда не была независимою: она постоянно страдала подъ игомъ анархіи; ея мнимая свобода состояла только въ правѣ пановъ произносить заносчивыя рѣчи въ собраніяхъ. Рабство крестьянъ служило постояннымъ препятствіемъ къ устройству хорошаго правительства и, наконецъ, Поляки такъ разъединены между собою въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ, дворянство такъ дорожитъ еще своими преимуществами, что нельзя надѣяться, чтобы Польша когда нибудь вошла въ число Европейскихъ державъ».—«Подобныя рѣчи, замѣчаетъ графъ Огинскій, отклоняли многихъ Поляковъ отъ Франціи и привлекли, можетъ быть, къ императору Александру», именно Поляковъ, находившихся въ губерніяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, гдѣ оставались еще слѣды воспоминаній о Литовскомъ княжествѣ и притомъ очарованныхъ личными отношеніями къ нимъ императора Александра. Къ ихъ числу принадлежалъ и графъ Огинскій. Но эти лица составляли ничтожное меньшинство, всегда при удачѣ готовое по необходимости примкнуть къ большинству. Притомъ, послѣ всякаго заявленія своего или правительственныхъ лицъ его имперіи, Наполеонъ немедленно распускалъ слухъ между Поляками, что это дѣлается только для успокоенія Русскаго кабинета, а его благосклонность къ Полякамъ остается неизмѣнною, и справедливость этого слуха въ ихъ глазахъ онъ доказывалъ ласковымъ обращеніемъ съ тѣми изъ нихъ, которые имѣли случай ему представляться *).

*) Графъ Огинскій. Mémoires, т. II, гл. VIII, стр. 379 и слѣд.

Были такъ называемые недовольные новымъ порядкомъ дѣлъ и въ самомъ герцогствѣ, но ихъ недовольство не имѣло прочныхъ основаній. Панамъ тяжело было потерять право на крестьянскую личность; но они чувствовали, что черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ невозможно было возвратиться къ прежнимъ порядкамъ или, лучше сказать, безпорядкамъ и беззаконіямъ. Разстройство финансовъ, всеобщая нужда, усиленные налоги тяжелымъ гнетомъ падали на жителей герцогства; но они почитали ихъ временными обстоятельствами, порожденными континентальною системою и необходимостью, въ виду предстоявшей войны, содержать не соотвѣтствовавшее средствамъ страны количество войскъ. Эти тяготы настоящаго положенія, какъ временныя, возбуждали въ нихъ желаніе выдти скорѣе изъ такого положенія, которое могло окончиться только возстановленіемъ Польскаго королевства въ прежнихъ его предѣлахъ, а единственнымъ къ тому средствомъ представлялась война Наполеона противъ Россіи. Разгромъ Пруссіи въ 1806 г. послужилъ поводомъ къ образованію герцогства Варшавскаго; побѣды надъ Австріею въ 1809 г. дали возможность присоединить къ этому герцогству значительную часть Галиціи. Поляки конечно знали, что Австрія готова была уступить своему побѣдителю и всю Галицію взамѣнъ другихъ своихъ потерь, но что политическія отношенія Франціи къ Россіи помѣшали ему не только отнять всю Галицію у Австріи, но даже изъ отнятой части одну долю, хотя и ничтожную, отдать Россіи. Изъ трехъ державъ, совершавшихъ раздѣлъ Польши, Наполеонъ покончилъ дѣло съ двумя и не встрѣтилъ бы важныхъ препятствій для окончательныхъ разсчетовъ съ ними по этому дѣлу; но оставалась Россія, съ которой не только не были окончены эти счеты на дѣлѣ, но даже не начаты. Мысль о возстановленіи Польскаго королевства въ соображеніяхъ Наполеона была, съ одной стороны, угрозою Россіи, съ другой средствомъ привлечь на свою сторону Поляковъ и располагать ими, какъ послушнымъ ему орудіемъ для общей цѣли порабощенія всей Европы. Въ виду этой цѣли война съ Россіею представлялась Наполеону необходимою и роковою; а Поляки поощряли его къ войнѣ съ Россіею, послѣдней изъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ старой Польши. Не побѣдивъ Россіи, нельзя было и думать о возстановленіи Польши въ прежнихъ предѣлахъ. Какая бы ни была дальнѣйшая судьба возстановленія Польши, но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, прежде всего являлось необходимымъ захватить и связать въ одно цѣлое раздробленныя ея части; а это могло быть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ удачной войны Наполеона съ Россіею.

Таково было общее мнѣніе всѣхъ Поляковъ Варшавскаго герцогства и его правительства, которое увлекало за собою и остальныхъ

Поляковъ, незначительныхъ по количеству въ оставшейся у Австріи части Галиціи и многочисленныхъ и господствовавшихъ въ Русскихъ губерніяхъ, присоединенныхъ къ имперіи отъ бывшаго Польскаго королевства. Всѣ ихъ сочувствія стремились къ Наполеону, всѣ ихъ надежды основывались на немъ. «Поляки всѣхъ областей бывшаго королевства сходились въ одной мысли о возстановленіи Польши, какъ независимаго государства. Герцогство Варшавское они считали только началомъ этого дѣла, которое, какъ они предполагали, совершитъ Франція. «Поэтому ихъ взоры устремлены были на нее», говоритъ Биньонъ [1]), назначенный Французскимъ резидентомъ въ Варшаву въ началѣ 1811 г. По его увѣренію, онъ не получалъ никакихъ тайныхъ наставленій отъ своего правительства; явное же было выражено самимъ Наполеономъ въ присутствіи Чернышова, въ одинъ и тотъ же день, когда Биньонъ прощался съ Наполеономъ (14 Февр.), отправляясь въ Варшаву, а Чернышовъ въ Петербургъ съ письмомъ Наполеона къ Александру. «Не слѣдуетъ Полякамъ, сказалъ онъ ему, увлекаться несбыточными мечтами. Они составляютъ уже государство съ 4 милл. населеніемъ. Надо, чтобы они посвящали свои занятія на внутреннія улучшенія; это будетъ лучше, нежели гоняться за мечтами, которыя могутъ повредить ихъ безопасности» [2]). Но эти слова, какъ замѣчаетъ и самъ Биньонъ, «очевидно были сказаны съ тою цѣлію, что они бубутъ доведены до свѣдѣнія императора Александра». Самая смѣна, безъ всякаго повода, прежняго резидента и назначеніе изъ посланниковъ на низшее мѣсто человѣка, извѣстнаго по сочувствію къ мысли о необходимости возстановленія Польши, уже служила достаточнымъ признакомъ того направленія, которое приняла въ это время политика Наполеона въ отношеніи къ Полякамъ. Назначеніе министромъ иностранныхъ дѣлъ герцога Бассано, тоже приверженца этой мысли, учавствовавшаго въ составленіи конституціи для Варшавскаго герцогства, еще болѣе то подтверждало. По пріѣздѣ въ Варшаву, Биньонъ, сблизившись со всѣми представителями общества и особенно съ княземъ Понятовскимъ, любимцемъ Поляковъ, блестящимъ воиномъ, военнымъ министромъ въ это время и начальникомъ всѣхъ войскъ герцогства, совершенно вошелъ въ ихъ виды и всѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщалъ генералу Раппу, начальнику Французскаго гарнизона въ Данцигѣ, маршалу Даву, начальнику Французскихъ войскъ въ сѣверной Германіи и министерству иностранныхъ дѣлъ Франціи, клонились къ тому, чтобы испрашивать пособій герцогству для военныхъ приготов-

---

[1]) Bignon, Souvenirs d'un diplomate, la Pologne en 1811—1813; Paris, 1864, стр. 22.
[2]) Тамъ же, стр. 5 и 6.

леній и предупредить свое правительство о грозящей ему опасности со стороны Россіи. Биньонъ увѣдомлялъ, что императоръ Александръ, рѣшившись воевать съ Франціею, намѣренъ дѣйствовать наступательно, занять герцогство Варшавское и восточную Пруссію и перенести поприще войны на Одеръ, что въ запечатанныхъ пакетахъ уже разосланы наставленія начальникамъ Русскихъ войскъ, съ повелѣніемъ не распечатывать до особаго приказанія. Эти извѣстія, совершенно впрочемъ справедливыя, сильно тревожили Наполеона, который не приготовился еще къ войнѣ, хотя и рѣшился на нее, и желалъ выиграть время. Они возбуждали его негодованіе противъ Коленкура, постоянно увѣрявшаго, что Россія не будетъ дѣйствовать наступательно. Но кто же могъ эту важную государственную тайну о рѣшеніяхъ предположенныхъ не окончательно, а на случай возможныхъ событій, не въ видѣ вполнѣ одобренной мѣры, но только возможной при извѣстныхъ условіяхъ, сообщить резиденту Французскаго правительства въ Варшавѣ? Биньонъ самъ свидѣтельствуетъ, что узналъ о ней отъ графа Понятовскаго и придаетъ ей такую достовѣрность «какъ бы сообщилъ ее самъ императоръ Александръ», потому что это извѣстіе идетъ отъ князя Адама Чарторижскаго! [3]) Отношенія сего послѣдняго къ Русскому императору конечно должны были придать такому извѣстію значеніе достовѣрности. Но это предположеніе Русскаго императора также было кратковременно, какъ и предположеніе о бывшей Польшѣ. Оно зависѣло отъ союза съ Прусіею и утвержденія королемъ конвенціи, заключенной генер. Шарнгорстомъ. Но король не утвердилъ этой конвенціи, поставляя свой союзъ съ Россіею въ зависимость отъ союза Россіи съ Австріею и Турціею. Запечатанные пакеты, разосланные Русскимъ военачальникамъ, такъ и остались не распечатанными. Событія приняли независимый отъ всѣхъ предположеній оборотъ; но тѣмъ не мѣнѣе сообщенія Биньона своему кабинету имѣли рѣшительное вліяніе на отношенія Наполеона къ герцогству Варшавскому. Съ этого времени императоръ Франціи, явно выразился дѣйствительнымъ государемъ герцогства а его резидентъ—главнымъ орудіемъ всѣхъ правительственныхъ распоряженій и дѣйствій. Всѣ же эти распоряженія и дѣйствія исключительно склонились къ тому, чтобы приготовить средства на случай войны противъ Россіи. По распоряженіямъ Наполеона увеличивались войска герцогства на счетъ Франціи и приводились въ военное положеніе; учреждена народная гвардія, возвращена большая часть Польскихъ полковъ изъ Испаніи, крѣпости приводились въ оборонительное положеніе, уланскіе полки достигли полнаго совершен-

[3]) Bignon, Souvenirs, стр. 46;—Histoire de France 2-e époque, XXVII.

ства, такъ что могли доставлять учителей (des instructeurs) Французскимъ полкамъ этого рода. Для артилеріи и инженерной части недоставало людей, потому что это требовало особой подготовки, которой были лишены Поляки послѣ раздѣла королевства. Однако и эти части были приведены въ порядокъ. Франція могла доставить хорошихъ наставниковъ. Артилеріею завѣдывали генералъ Пеллетье и полковникъ Бонтонъ, инженерною частію полковникъ Молле. Всѣ трое, не отказываясь отъ Франціи, ревностно служили своему новому отечеству. Пеллетье устроилъ пороховой магазинъ и мастерскія для приготовленія и исправленія оружія. Молле завѣдывалъ тремя крѣпостями герцогства, Торномъ, Модлиномъ и Замосцьемъ, гдѣ надо было произвести много работъ. Въ продолженіи 1811 года Наполеонъ призывалъ его въ Парижъ, самъ распорядился работами и приказалъ ускорить ихъ; потомъ онъ посылалъ генераловъ Гаксо (Haxo) и Аллакса осмотрѣть эти работы, которыя были найдены вполнѣ удовлетворительными» [1]). Правительство герцогства, кромѣ конскрипцій, пользовалось особымъ способомъ пополнять войска. Не смотря на договоръ о выдачѣ военныхъ перебѣжчиковъ, существовавшій между Россіею и Саксоніею, оно принимало охотно всѣхъ перебѣжчиковъ изъ Русскихъ войскъ. «Передвиженіе одной Русской дивизіи близъ границъ герцогства, говоритъ Биньонъ, доставило намъ до 150 солдатъ: Поляки бѣжали изъ Русскихъ войскъ и вступали въ войска герцогства, а дворяне изъ присоединенныхъ къ Россіи областей прежней Польши не только сами являлись на службу герцогства, но и составляли цѣлые полки, какъ князь Доминикъ Радзивилъ, котораго всѣ имѣнія находились въ предѣлахъ Русской имперіи» [2]). Содержаніе войскъ поглощало двѣ трети всѣхъ доходовъ герцогства. Всѣ другія части управленія, лишенныя средствъ существованія, находились въ крайнемъ безпорядкѣ. Новыхъ налоговъ установить было невозможно, потому что народъ находился въ совершенномъ разореніи. Саксонскій король отказался отъ доходовъ своихъ имѣній въ герцогствѣ, но ничего не давалъ изъ доходовъ своего королевства въ помощь Полякамъ. Наполеонъ помогалъ, но не въ размѣрахъ соотвѣтственныхъ потребностямъ. Такое положеніе естественно вызвало бурныя споры и рѣчи на сеймѣ, который, на основаніи конституціи герцогства, въ этомъ году былъ открытъ въ Варшавѣ. «Стоило только пустить въ ходъ сабли, говоритъ Биньонъ, чтобы этотъ сеймъ совершенно походилъ на прежніе Польскіе сеймы». Но, не смотря на горячую борьбу партій, Поляки сходились въ одномъ. «Что

---

[1]) Bignon, Souvenirs, стр. 35—37.
[2]) Тамъ-же, стр. 126, 182 и др.

скажетъ императоръ Наполеонъ, когда узнаетъ, что созданное имъ государство управляется такъ безпорядочно?»—«Что подумаетъ императоръ Наполеонъ, отвѣчали имъ другіе, когда узнаетъ, что вы отказываете въ средствахъ для содержанія войскъ? Вниманіе и надежды всѣхъ были устремлены на Францію и ея геніальнаго представителя. Во главѣ этого направленія стоялъ предводитель войскъ Варшавскаго герцогства и военный министръ, графъ Понятовскій, одаренный дѣйствительно блистательными качествами, какъ воинъ и человѣкъ; а главнымъ руководителемъ былъ Французскій резидентъ, ловко примирявшій разныя лица между собою, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ управленіи и направлявшій разныя партіи къ одной цѣли. По случаю собравшагося сейма, пріѣзда Саксонскаго короля, а еще болѣе ожиданій близкой войны, въ Варшавѣ собралось многочисленное общество изъ всѣхъ областей бывшаго королевства. Шумно и весело, въ многочисленныхъ балахъ и собраніяхъ, проходила зима съ 1811 на 1812 г. Рожденіе Римскаго короля съ такимъ восторгомъ праздновалось въ Варшавѣ, какъ не праздновалось даже въ Парижѣ. «Все народонаселеніе герцогства и особенно Варшавы, говоритъ Биньонъ, находилось въ восторженномъ, возвышенномъ настроеніи; всѣ съ жаромъ призывали войну. Другіе Европейскіе народы благословляли короткіе сроки покоя, дававшіе имъ возможность отдохнуть отъ безпрерывныхъ войнъ; но для герцогства такой миръ былъ бы только продолженіемъ неопредѣленнаго и необезпеченнаго существованія, изъ котораго оно могло выдти только посредствомъ войны. Оно было утомлено миромъ и ожидало войны, которая могла удовлетворить всѣмъ страстямъ, и великодушнымъ, и личнымъ. Всѣ стремились къ возстановленію отечества: военныхъ увлекала слава, честолюбцевъ увеличеніе значенія государства и ихъ собственнаго, землевладѣльцевъ возможность сбыта сельскихъ произведеній на болѣе обширномъ рынкѣ; женщины желали блестящаго двора и возстановленія ихъ господства въ обществѣ. Даже крестьяне, взявъ оружіе въ руки, дѣлались достойными полученной имъ свободы. Слово отечество слышалось постоянно и составляло задушевную мысль». Въ честь дня рожденія Саксонскаго короля, Французскій резидентъ далъ балъ, и на этомъ балу Полячки говорили ему: «Хорошо, на этотъ годъ, пожалуй, въ честь Саксонскаго короля; но на будущій годъ необходимо давать балъ уже въ честь Польскаго короля». Онѣ жаловались, что Саксонскій король, три мѣсяца жившій въ Варшавѣ, не далъ ни одного бала. «Только Франція хорошо съ нами обходится, говорили онѣ. Ея министръ даетъ намъ балы зимою, а императоръ весною дастъ намъ Польшу». Желаніе повеселиться омрачалось однако заботами о бѣдствіяхъ войны. У каждой изъ этихъ женщинъ былъ

мужъ, братъ, родственникъ или близкій сердцу человѣкъ. Войска герцогства сосредоточивали въ себѣ весь цвѣтъ Польскаго общества. «Въ каждомъ семействѣ въ Варшавѣ можно было застать общество женщинъ, сидѣвшихъ вокругъ стола и приготовлявшихъ корпію и перевязки для каждаго даже солдата, чтобы у всякаго въ сумкѣ находились въ запасѣ средства для первой перевязки ранъ. Семейство князей Чарторижскихъ, весьма вліятельное между Поляками, шло за общимъ направленіемъ: князь Константинъ, младшій братъ князя Адама, командовалъ полкомъ въ Польскихъ войскахъ, и только князь Адамъ не принималъ видимаго участія въ общемъ одушевленіи по своимъ личнымъ отношеніямъ къ императору Александру. Его мать, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ и называвшаяся матерью Польши (matka Polska), нѣсколько разъ въ разговорахъ съ Биньономъ старалась оправдать передъ Французами такой образъ дѣйствій своего старшаго сына, увѣряя, что тѣмъ не менѣе онъ истинный Полякъ по чувству и образу мыслей.

Поляки герцогства Варшавскаго находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Франціею. Не говоря уже о 10 тысячахъ Польскихъ войскъ, служившихъ въ началѣ года въ Испаніи и постоянно выводимыхъ оттуда во Францію и потомъ въ герцогство Варшавское, въ Парижъ пріѣзжало на болѣе или менѣе продолжительные сроки и постоянно тамъ находилось весьма много Поляковъ. «Число Поляковъ, состоящихъ на службѣ во Франціи, не только въ уланскихъ полкахъ, въ гвардіи и Польскихъ легіонахъ, писалъ Чернышовъ къ графу Румянцеву, но и во Французскихъ полкахъ, весьма значительно. Я изыскивалъ случаи разговаривать со многими изъ нихъ такъ, чтобъ они не знали кто я, и всѣ они прямо выражали, что въ скоромъ времени Польша будетъ возстановлена въ прежнемъ видѣ. Всѣ говорятъ, что положеніе жителей Варшавскаго герцогства гораздо хуже, нежели оно было при господствѣ надъ ними Пруссаковъ и Австрійцевъ; но надѣятся выдти изъ этого положенія, когда будетъ возстановлена Польша. Наиболѣе ихъ поддерживаетъ и покровительствуетъ передъ Наполеономъ статсъ-секретарь Марѐ (герцогъ Бассано), который вмѣстѣ съ г. Батовскимъ, резидентомъ Варшавскаго герцогства въ Парижѣ, работалъ надъ составленіемъ для него конституціи. Этотъ Батовскій чрезвычайно тонкій и ловкій человѣкъ. Онъ нѣсколько времени былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ герцогинѣ Курляндской и теперь назначенъ Саксонскимъ посланникомъ въ Испанію, что̀ не мѣшаетъ ему оставаться въ Парижѣ. Замойскій, отправленный поздравить императора съ бракосочетаніемъ, оставляетъ Парижъ черезъ нѣсколько дней. Онъ пріѣхалъ сюда до возвращенія императора изъ послѣдняго путешествія и чрез-

вычайно волновался въ Парижѣ. Здѣсь находятся также сенаторы Дзялынскій и Яблоновскій, говорятъ, большіе заговорщики, особенно послѣдній. Женщины также служатъ общему дѣлу Поляковъ; графиня Тышкевичъ, сестра князя Понятовскаго, говорятъ, исполняетъ должность его повѣреннаго и получаетъ отъ него пособія для пребыванія здѣсь, такъ какъ ея собственныя средства были бы для этого недостаточны. За нею слѣдуютъ княгини Сапѣга, сестра графини Замойской, Потоцкая, Мнишекъ и другія» [1]). Графиня Тышкевичъ именно пользовалась такою извѣстностію въ Парижѣ. Князь Куракинъ въ это же время доносилъ нашему правительству, что «она имѣла частный разговоръ съ Наполеономъ, продолжавшійся нѣсколько часовъ; по порученію брата своего князя Понятовскаго, она говорила о тяжеломъ положеніи Варшавскаго герцогства, о недостаткѣ тамъ денегъ и что дѣла дойдутъ въ немъ до крайности, если Франція не принудитъ Саксонскаго короля помочь герцогству; что этотъ государь не соглашается тратить на него доходы своего королевства и настаиваетъ на томъ, чтобы оно довольствовалось своими собственными средствами. Требуя такого вліянія Франціи на Саксонскаго короля, она говорила императору, что войска герцогства давно уже не получаютъ жалованья, что ея братъ жертвуетъ на это большую часть своего имущества и аренду въ 156 тыс. злотыхъ, которую въ прошломъ году пожаловалъ ему императоръ Наполеонъ. Правда, по ея словамъ, въ герцогствѣ много недовольныхъ положеніемъ дѣлъ; но безъ сомнѣнія это недовольство скоро исчезнетъ, лишь явится снова возможность открыто дѣйствовать въ пользу возстановленія бывшаго Польскаго королевства» [2]).

Вниманіе, которое оказывалъ Наполеонъ Полякамъ измѣнялось по мѣрѣ того, какъ онъ выражалъ свои отношенія къ Россіи. Въ началѣ 1811 г., когда онъ надѣялся еще на успѣшный ходъ Испанскихъ дѣлъ и негодовалъ на новый нашъ тарифъ, онъ явно оказывалъ имъ преимущество передъ Русскими. Чрезвычайно ласкавшій Чернышова, послѣ полученія извѣстія о тарифѣ, на первомъ за тѣмъ представленіи дипломатическаго корпуса, онъ два раза прошелъ мимо него, не говоря съ нимъ ни слова и долго разговаривая съ лицами, стоявшими возлѣ него. «Онъ и поклонился мнѣ, писалъ Чернышовъ къ канцлеру, не безъ нѣкотораго колебанія. Онъ также повертывался спиною къ Шведскому посланнику всякій разъ какъ проходилъ мимо него, и съ особенною любезностію и много разговаривалъ съ Поляками. На-

---

[1]) Донесеніе Чернышова графу Румянцову 6 (18) Іюня 1810 г.

[2]) Депеша князя Куракина 24 Авг. (5 Сент.) 1811 г.

полеонъ до такой степени не владѣлъ собою, что, возвратясь къ себѣ въ покои послѣ этого представленія, въ сопровожденіи только князя Невшательскаго и герцога Фріульскаго, сказалъ имъ: «Чернышовъ нарочно выступилъ впередъ, чтобы я имѣлъ честь говорить съ нимъ; но я не нашелъ этого нужнымъ; вмѣсто Россіи я сегодня много бесѣдовалъ съ Польшею». Я позволяю себѣ замѣтить по случаю этой странности (о которой никто здѣсь не знаетъ, а я былъ извѣщенъ черезъ нѣсколько часовъ спустя), что и въ этотъ разъ, какъ и всегда, на такихъ аудіенціяхъ я помѣстился въ хвостѣ его дипломатическаго корпуса».

Всякій подобный поступокъ со стороны Наполеона возбуждалъ надежды Поляковъ и усиливалъ ихъ дѣятельность. Они принимали его за признакъ разрыва съ Россіею и за предвѣстіе скорой войны. «Поляки, продолжалъ Чернышовъ, которыхъ теперь весьма много въ Парижѣ, нисколько не стѣсняются выражать свои мнѣнія о томъ, что́ обѣщаетъ имъ война Франціи съ Россіею. Они дѣйствуютъ съ усиленною ревностію, которою особенно отличаются Батовскій, Дзялынскій, Бѣлинскій, Клаповскіе, отецъ и сынъ, и множество молодыхъ людей. Женщины имѣютъ также важное значеніе въ этомъ случаѣ особенно съ пріѣзда сюда г-жи Валевской, съ которой Наполеонъ былъ хорошо знако́мъ въ Варшавѣ во время послѣдней войны. Она и теперь пользуется его благосклонностію и имѣетъ доступъ въ домашнія собранія при дворѣ, почетъ, которымъ не пользовалась до сихъ поръ ни одна иностранка. Она привезла съ собою сына-ребенка, который, какъ говорятъ, есть послѣдствіе частыхъ ея поѣздокъ изъ Вѣны въ Шенбрунъ. За нимъ ухаживаютъ съ безконечнымъ вниманіемъ. Но г-жа Валевская, по своимъ личнымъ свойствамъ, вовсе не принадлежитъ къ разряду женщинъ политическихъ, и потому ею руководятъ графиня Тышкевичъ и Яблоновская, особенно послѣдняя, вокругъ которой по преимуществу сосредоточиваются всѣ Поляки. Никто изъ иностранцевъ, и особенно Русскихъ, не принимается въ ихъ обществѣ. Недавно у г-жи Валевской былъ вечеръ въ честь Костюшки, на которомъ торжественно праздновали этого старика. Всѣ Поляки были ему представляемы; въ его лицѣ они желали почтить одного изъ прежнихъ своихъ храбрыхъ воиновъ, не смотря на то, что они не разсчитываютъ на его содѣйствіе въ ихъ замыслахъ: его лѣта и образъ мыслей объ отношеніяхъ Наполеона къ Польшѣ составляютъ большое препятствіе въ этомъ случаѣ. Здѣсь увѣряютъ, что войска герцогства Варшавскаго будутъ усилены на 10 тысячъ и снабжены 300 пушками, которыя большею частію взяты изъ Глогау, Штетина, Кюстрина и Данцига. Я скоро буду имѣть возможность повѣрить справедливость этихъ слуховъ».

Эти слухи въ общихъ чертахъ были вѣрны. Наполеонъ употреблялъ всѣ средства, чтобъ усилить и привести въ порядокъ артилерію въ войскахъ герцогства, разсчитывая преимущественно какъ на этотъ родъ оружія въ предстоявшей войнѣ, такъ и на легкую Польскую конницу. Онъ надѣялся противопоставить ее нашимъ казакамъ, которыхъ значеніе въ войнѣ онъ очень хорошо понялъ и оцѣнилъ въ 1807 году. Сдѣлавшись императоромъ и связавъ судьбу своей семьи со старѣйшимъ изъ царственныхъ домовъ въ Западной Европѣ, свои военныя соображенія онъ разсчитывалъ, руководясь совершенно иными началами, нежели прежде. Вѣру въ свою геніальность какъ военачальника и въ свою звѣзду, въ безотвѣтную къ нему преданность и храбрость войскъ, онъ для бóльшаго успѣха считалъ нужнымъ подкрѣпить количествомъ войскъ и увеличеніемъ числа наиболѣе смертоносныхъ орудій. Въ это время онъ назначилъ полковника Лабенскаго (его отецъ былъ министръ юстиціи Варшавскаго герцогства), начальникомъ эскадрона Польской гвардіи, находившейся при его особѣ, эскадрона, котораго еще не существовало на дѣлѣ, но который ему же поручалось составить. Съ этою цѣлію Лабенскій поѣхалъ въ Варшаву выбирать для своего эскадрона лучшихъ людей и лучшихъ лошадей изъ всѣхъ Польскихъ конныхъ полковъ *). Безъ сомнѣнія такое самовластное распоряженіе войсками Саксонскаго королевства объяснялось покорностію этого короля волѣ Наполеона и безусловною преданностію ему Поляковъ.

Таково было настроеніе Поляковъ въ то время, когда князь Адамъ Чарторижскій получилъ приведенное выше письмо императора Александра. Естественно, что возлагаемое на него порученіе показалось ему, знакомому съ видами и расположеніемъ своихъ соплеменниковъ, чрезвычайно-затруднительнымъ. Для того, чтобы достигнуть предположенной цѣли, нужно было прибѣгнуть къ мѣрамъ чрезвычайнымъ. «Простое сохраненіе тѣхъ преимуществъ, которыми уже пользуется герцогство—писалъ онъ императору Александру—было бы недостаточно для того, чтобы побудить его правительство и военачальниковъ, за которыми слѣдуютъ народъ и войско, оставить теперешняго ихъ союзника и покровителя, которому они обязаны своимъ существованіемъ, который одинъ до сихъ поръ протянулъ имъ руку и воскресилъ ихъ изъ гроба. Необходимо, повидимому, чтобы они могли оправдать себя, какъ передъ самими собою, такъ и передъ отечествомъ, отъ упрека въ легкомысліи и непостоянствѣ, въ вѣроломствѣ и неблагодарности; государственная необходимость должна выразиться такъ рѣшительно, чтобы благо отечества представилось имъ непосредственно

*) Донесеніе Чернышова графу Румянцову 21 (9) Февр. 1811 г. изъ Парижа.

и несомнѣнно. Конституція, законы, независимое управленіе, всѣ должностныя лица изъ соплеменниковъ и свое войско: вотъ по моему мнѣнію необходимыя условія какъ предварительныя, потому что этими преимуществами уже пользуется герцогство и ими дорожитъ вся нація. Мысль объ иностранномъ управленіи, которое не имѣетъ ни привязанности, ни благорасположенія къ управляемымъ, постоянно обращаясь съ ними какъ побѣдитель съ побѣжденными, которое въ силу самого своего положенія надменно и угнетательно, эта мысль наиболѣе невыносима и для всякаго другаго народа». Поэтому князь Чарторижскій полагалъ, что Русскій императоръ, въ добавленіе къ этимъ предварительнымъ условіямъ, долженъ обѣщать Полякамъ:

1) Возстановленіе конституціи 3 Мая 1791 года, къ которой питаютъ привязанность всѣ Поляки.

2) Соединеніе подъ одною властью всѣхъ областей бывшаго Польскаго королевства, «для того, чтобы положить конецъ тому печальному положенію дѣлъ, когда родственники, братья, люди, которые не могутъ не считать себя согражданами и даже одно и тоже лице, если имѣетъ помѣстья въ разныхъ владѣніяхъ, отчуждаются другъ отъ друга и отъ самихъ себя, должны повиноваться разнымъ государямъ, исполнять противурѣчивыя обязанности и, принадлежа къ одному народу, къ одному семейству, находиться въ большемъ разлученіи, нежели бы ихъ раздѣляли моря и горы. Повѣрьте, что дать надежду Полякамъ, принадлежащимъ другимъ государствамъ, на соединеніе и общее обезпеченіе ихъ участи, можетъ послужить могучимъ средствомъ дѣйствія и на настроеніе Поляковъ герцогства».

3) Открыть и обезпечить пути для торговли, безъ которой эта страна, при теперешнемъ ея истощеніи, никогда подняться не можетъ.

Соединеніе въ одно цѣлое всѣхъ раздѣленныхъ областей бывшей Польши, конечно, представлялось князю Чарторижскому главнѣйшимъ условіемъ. Предлагая эти условія, онъ выражаетъ сожалѣніе, что Императоръ не сообщилъ ему болѣе подробныхъ свѣдѣній о своихъ предначертаніяхъ. Въ такомъ случаѣ и онъ могъ бы съ большею опредѣленностію выразить свои воззрѣнія. «Есть такія комбинаціи, которыя вы могли бы предложить, Государь, говоритъ онъ, и въ отношеніи которыхъ я напередъ могъ бы сказать вамъ, что ихъ не слѣдуетъ и предлагать, потому что можно сказать навѣрное, что предложеніе не будетъ принято. Ваше величество, между прочимъ, говорите неопредѣленно о державѣ, которая предложитъ Польшѣ ея возстановленіе, не выражая положительно, что эта держава—Россія. Благоволите, Государь, объяснить вашу мысль въ этомъ отношеніи; но обратите вниманіе на то, что соединеніе всѣхъ частей Польши составляетъ необходимѣйшее ус-

ловіе для того, чтобы покорить общественное мнѣніе въ герцогствѣ, и при этомъ слѣдуетъ въ свое время вспомнить и объ остальной Галиціи, т. е. принадлежащей еще Австріи».

Но кромѣ этихъ условій, необходимыхъ для того, чтобы привлечь Поляковъ на свою сторону, князь Чарторижскій считалъ необходимымъ вселить въ нихъ увѣренность въ вѣроятномъ *успѣхѣ* предпріятія. На чемъ можно было основать эту увѣренность? Геніальнымъ способностямъ Наполеона, какъ военачальника трудно было противупоставить подобныя. Единственнымъ условіемъ могло быть только то, чтобы имѣть возможность располагать бóльшимъ количествомъ войскъ въ сравненіи съ его силами. Но исчисленіе этихъ войскъ, которое сообщилъ ему Государь, возбуждало его сомнѣнія. «Признаюсь, писалъ онъ, мнѣ трудно повѣрить, чтобы, если въ сѣверной Германіи находятся уже 16 тыс. Французскихъ войскъ, изъ всей Франціи, вмѣстѣ съ Голандіею, можно было вывесть еще только 15 тысячъ. Въ этомъ отношеніи вашему величеству необходимо употребить всѣ способы, чтобы пріобрѣсть вѣрныя свѣдѣнія. Если вы получаете ихъ чрезъ Берлинскій кабинетъ, то я совѣтовалъ бы провѣрить ихъ болѣе надежнымъ путемъ. Вамъ самимъ извѣстно по многимъ опытамъ, что Прусскія извѣстія не всегда точны, и притомъ сами Французы нерѣдко скрываютъ свои силы. Куда дѣвалось напримѣръ 115 конскриптовъ этого года? Вашему величеству также извѣстно искусство Франціи образовывать почти мгновенно новыя войска... Совершенно ли вы увѣрены въ томъ, что съ самаго начала войны въ вашемъ распоряженіи будетъ 100 тысячъ войска? Мнѣ часто случалось видать въ Россіи 100 тыс. человѣкъ написанныхъ на бумагѣ, но въ дѣйствительности составлявшихъ по общимъ отзывамъ не болѣе 60 тыс. Вполнѣ ли вы увѣрены въ томъ, что немедленно затѣмъ можете выставить еще 100 тысячъ? Въ точности ли исчислены время переходовъ и возможность передвигать войска съ однихъ мѣстъ на другія въ опредѣленное время? Вы будете имѣть дѣло съ человѣкомъ, въ борьбѣ съ которымъ нельзя ошибаться безнаказанно». Онъ обращалъ также вниманіе и на слѣслѣдующее обстоятельство, относительно таблицы войскъ обѣихъ сторонъ, сообщенной ему Государемъ. «Благоволите замѣтить, Государь, что 50 тыс. Поляковъ, составляющихъ дѣйствующую силу герцогства, именно и даютъ нашей сторонѣ перевѣсъ. Если вы у одной стороны отнимете эти 50 тысячъ и присоедините ихъ другой, то у васъ съ союзниками будетъ только въ началѣ 180 тысячъ, а у Французовъ будетъ 205 тыс. Надо сверхъ того замѣтить, что Силезскія крѣпости заняты Польскими войсками». Безъ сомнѣнія 50 тыс. хорошо обученныхъ войскъ имѣли значеніе, но едва ли такое рѣшительное, какое

желалъ придать имъ князь Чарторижскій, чтобы выставить Государю всю важность задуманнаго имъ предпріятія, для осуществленія котораго не слѣдовало останавливаться ни передъ какими пожертвованіями.

На третій день послѣ полученія этого письма, Государь поспѣшилъ отвѣчать другу своей юности. Признавая всѣ трудности предпріятія, на которыя онъ ему указывалъ, Александръ Павловичъ однако не оставлялъ своего намѣренія и полагалъ, что въ этомъ случаѣ «всего хуже останавливаться на полу-пути». Затрудненія, выведенныя княземъ Чарторижскимъ изъ наблюденій надъ Поляками присоединенныхъ къ Россіи областей бывшей Польши, можетъ быть, онъ считалъ еще недостаточными и ожидалъ тѣхъ извѣстій, которыя онъ сообщитъ ему изъ самаго средоточія Польши, изъ герцогства Варшавскаго. «Вдумавшись въ содержаніе вашего письма, писалъ онъ, я вывожу изъ него слѣдующія заключенія:

1) Неувѣренность съ вашей стороны, какая держава возмется за дѣло возстановленія Польши.

2) Такая же неувѣренность въ способѣ этого возстановленія и опасеніе, всѣ ли области бывшаго королевства будутъ соединены вмѣстѣ.

3) Необходимость, чтобы привлечь Поляковъ на свою сторону, предложить имъ условія болѣе выгодныя въ сравненіи съ тѣми, въ какихъ они находятся въ настоящее время.

4) Опасеніе, что силы, которыя предполагается выставить противъ Наполеона, не оказались бы недостаточными.

1) «Держава, о которой я говорилъ и которая приметъ на себя возстановленіе Польши, есть Россія.

2) Подъ возстановленіемъ я разумѣю соединеніе вмѣстѣ всѣхъ областей, называвшихся Польшею, не исключая и присоединенныхъ къ Россіи, однако кромѣ Бѣлоруссіи, такъ чтобы границы опредѣлялись рѣками Днѣпромъ, Березиною и Двиною.

3) Чины правительственные, власти гражданскія, а равно и войска, должны быть исключительно народные, Польскіе.

4) Я не припоминаю хорошо конституціи 3 Мая, потому ничего не могу рѣшить, не видавъ ея и прошу ее мнѣ прислать. Но во всякомъ случаѣ предложится конституція либеральная, которая могла бы удовлетворить желаніямъ жителей.

5) Для того чтобы доказать искренность моихъ предложеній, прежде всего будетъ провозглашено возстановленіе Польши, и это будетъ первымъ шагомъ къ осуществленію задуманныхъ предположеній.

6) Но все, что я предлагаю находится въ зависимости отъ необходимыхъ условій—sine qua non:

1) Чтобы Польское королевство было на вѣчныя времена присоединено къ Россіи, и ея императоръ носилъ бы титулъ Русскаго императора и короля Польскаго.

2) Положительное и формальное удостовѣреніе въ единодушіи жителей герцогства, безъ котораго невозможно и достигнуть предположенной цѣли. Это удостовѣреніе должно быть скрѣплено подписями лицъ наиболѣе вліятельныхъ».

Государь подробно перечислилъ князю Чарторижскому составъ войскъ, которыя дѣйствительно могутъ быть употреблены въ дѣло. Изъ этого перечисленія оказывается, что первую западную армію онъ полагалъ изъ 106 тыс. человѣкъ, вторую изъ 134 тыс., третью изъ 125 тыс. Въ помощь этимъ войскамъ можно было еще разсчитывать если не на всю, то на часть Молдавской арміи Что касается до вознагражденія Саксонскаго короля за Варшавское герцогство, то Государь считалъ себя обязаннымъ его вознаграждать въ томъ лишь случаѣ, если онъ будетъ дѣйствовать за одно противъ Наполеона. Но Австрію онъ считалъ необходимымъ щадить и ни въ чемъ съ нею не сталкиваться. «Въ этихъ видахъ, говоритъ онъ, я рѣшился предложить ей *Валахію* и *Молдавію* до Серета въ обмѣнъ за Галицію. Но необходимо бы отсрочить присоединеніе Галиціи до полученія согласія со стороны Австріи, чтобы доказать ей, что противъ нея не имѣется никакихъ враждебныхъ видовъ. Поэтому Польское королевство первоначально будетъ составлено изъ герцогства Варшавскаго и Русскихъ областей».

Мысль о возстановленіи Польши особенно занимала Александра Павловича въ это время, потому что онъ считалъ его благопріятнымъ для достиженія своей цѣли и потому что мысль эта согласовалась съ общими его политическими видами. «Не подлежитъ сомнѣнію, писалъ онъ, что Наполеонъ желаетъ вызвать Россію на разрывъ съ нимъ въ надеждѣ, что я сдѣлаю ошибку и нападу на него. Это дѣйствительно была бы ошибка съ моей стороны при настоящихъ обстоятельствахъ, и потому я твердо рѣшился не впадать въ нее. Но если Поляки выразятъ желаніе присоединиться ко мнѣ, тогда все приметъ иной оборотъ. Подкрѣпленный 50 тыс. человѣкъ ихъ войска и при поддержкѣ также 50 тыс. Прусаковъ, которые тогда безъ опасеній могутъ присоединиться къ намъ, и нравственнымъ переворотомъ, который неминуемо произойдетъ отъ того въ Европѣ, я могу достигнуть Одера не обнаживъ меча». Императоръ подробно объяснилъ, какія произойдутъ послѣдствія для Поляковъ какъ въ томъ случаѣ, если они со-

единятся съ Французами, такъ и въ томъ, если примкнутъ къ Россіи. Въ первомъ случаѣ представлялись ему два предположенія.

1) Такъ какъ Россія не будетъ дѣйствовать наступательно, то, можетъ быть, и Наполеонъ будетъ выжидать, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока дѣла въ Испаніи не будутъ поглощать большей части его средствъ. Тогда обстоятельства останутся въ томъ положеніи, въ какомъ теперь находятся, и мысль о возстановленіи Польши отдалится на болѣе или менѣе продолжительное время. 2) Если же онъ рѣшится немедленно начать войну съ Россіею, то поприщемъ войны будутъ именно Польскія области, на нихъ падутъ всѣ бѣдствія, и несчастная страна надолго останется опустошенною.

При второмъ случаѣ т. е. если Поляки соединятся съ Россіею, неминуемымъ послѣдствіемъ будетъ немедленное заявленіе о возстановленіи Польши, въ составъ которой войдутъ Варшавское герцогство и Русскія губерніи и будетъ почти вѣрная надежда присоединить къ нимъ въ послѣдствіи Австрійскую Галицію. Поприще войны перенесется на берега Одера. Но къ этимъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ могутъ быть присоединены еще *вѣроятныя*:

1) Совершенный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Европы.

2) Значительное уменьшеніе силъ Наполеона, а отъ того и вѣроятность успѣха. Ему трудно будетъ вывесть всѣ свои силы изъ Испаніи, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ народомъ ожесточеннымъ противъ него, считающимъ до 300 тысячъ сражающихся и который не удовлетворится только его отступленіемъ, но постарается и самъ проникнуть во Францію, пользуясь войною Наполеона на Сѣверѣ.

3) Избавленіе отъ ига, подъ которымъ томится Европа.

4) Польша сдѣлается королевствомъ и, соединенная съ могущественною имперіею, найдетъ въ ней всегда защиту, которую она должна будетъ ей оказывать изъ собственныхъ выгодъ.

5) Возстановленіе торговли, либеральная конституція, налоги, сообразные съ нуждами страны, а не такъ какъ теперь вынуждаемые у народа единственно для содержанія войскъ, по количеству слишкомъ многочисленныхъ въ сравненіи съ средствами страны и единственно нужныхъ для того, чтобы служить честолюбивымъ замысламъ Наполеона.

6) Наконецъ, Государь обращалъ вниманіе и на Польскіе полки, находившіеся въ Испаніи и Франціи и вообще на множество Поляковъ, находящихся тамъ, говоря, что самое худшее, чтó можетъ съ ними случиться, это то, что въ продолженіи войны они будутъ оставаться во Франціи въ качествѣ военноплѣнныхъ.

«Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ—заключалъ онъ, не слѣдуетъ ли прибавить, что успѣхи Франціи соединены исключительно съ личностію Наполеона? Когда его не станетъ, вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и участіе Франціи къ Польшѣ. Между тѣмъ войны съ Россіею, если бы Польша была возстановлена Франціею, сдѣлались бы нескончаемыми и по смерти Наполеона повторялись бы съ новою силою. Какой источникъ бѣдствій для бѣднаго человѣчества, для потомства! Пока я не буду увѣренъ въ содѣйствіи Поляковъ, я не рѣшусь начинать войны съ Франціею; но если рѣшатся они содѣйствовать, то необходимо, чтобы я получилъ о томъ *несомнѣнныя* удостовѣренія и доказательства» [1]).

Этихъ-то несомнѣнныхъ доказательствъ и не получилъ Александръ Павловичъ и не могъ получить при тогдашнемъ настроеніи Поляковъ. Послѣдствіемъ поѣздки князя Чарторижскаго въ Варшавское герцогство было то, что немедленно узнали, съ какими цѣлями онъ туда пріѣхалъ. Нѣкоторыя сообщенія Анстета, пріѣзжавшаго въ отпускъ въ Варшаву, для свиданія съ родными его жены, и графа Огинскаго подкрѣпляли эти слухи, немедленно доведенные до Французскаго резидента [2]), который поспѣшилъ сообщить о нихъ своему двору. Послѣ непродолжительнаго времени о томъ говорили уже въ Парижѣ, и самъ Наполеонъ заявлялъ нашимъ дипломатическимъ агентамъ, которые конечно довели объ этомъ до свѣдѣнія императора Александра. Это обстоятельство вынудило его прервать переписку съ кн. Чарторижскимъ, который не рѣшился даже побывать въ Варшавѣ, но, проживъ нѣсколько времени въ Пулавахъ, отправился потомъ въ Галицію, въ Сѣнявы, вмѣстѣ съ своими родителями. Въ это время, напротивъ, Государь получилъ несомнѣнныя доказательства преданности Поляковъ Наполеону и желанія ихъ вызвать его на войну съ Россіею.

Уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, Государь разсуждая съ графомъ Огинскимъ о возможности войны съ Франціею, говорилъ про Поляковъ: «Наполеонъ слишкомъ вскружилъ имъ головы; съ ними нельзя теперь говорить благоразумно; я долженъ ограничиться только тѣмъ, чтобы мои Польскіе подданные считали себя счастливыми и довольными. Если вы имѣете какія-нибудь предположенія, которыя могли бы служить къ осуществленію этого моего желанія, то я готовъ заняться ихъ разсмотрѣніемъ». Увлекаясь мыслью о возстановленіи Польши, каждый разъ испытывая на дѣлѣ невозможность ея осуществленія, Александръ

---

[1]) Письмо Государя къ князю Чарторижскому 31 Января 1811 г., Mazade, стр. 150—168.

[2]) Bignon, Souvenirs, стр. 52, 63 и 94.

Павловичъ теперь обращался къ мысли о томъ, чтобы привязать къ себѣ своихъ Польскихъ подданныхъ. Но возможно ли было достигнуть даже этой благой цѣли и какими путями?

Возстановленіе Польши въ видахъ Русскаго императора конечно не могло совершиться въ ущербъ Россіи. Въ приведенныхъ письмахъ къ князю Чарторижскому, какъ и постоянно, мысль объ ея возстановленіи онъ соединялъ съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы это королевство оставалось неразрывно соединено съ Россіею и Русскій императоръ и его пріемники были бы въ тоже время и королями Польскими. Бесѣдуя по этому вопросу съ гр. Огинскимъ въ концѣ 1811 г., Государь говорилъ ему: «Возстановленіе Польши не можетъ быть противно выгодамъ Россіи; оно состоитъ не въ томъ, чтобы отдѣлить отъ нея завоеванныя области, но напротивъ, чтобы составить для нея могущественную ограду отъ внѣшнихъ нападеній и привязать къ выгодамъ Россіи миліоны обитателей, которые не забыли еще прежняго своего существованія. Польша поэтому не можетъ отторгнуться отъ Русской имперіи, а ея обитатели будутъ счастливы и довольны, если получатъ желаемое ими устройство. Чтó касается до титула, то почему же мнѣ не принять титула Польскаго короля, если это будетъ имъ пріятно? Но (прибавлялъ онъ уже въ это время) надо подождать хода событій». Дѣйствительно, мысль о возстановленіи Польши въ концѣ 1811 г. вновь отходила въ неопредѣленное будущее, какъ находившаяся въ зависимости отъ хода историческихъ происшествій, и попеченія Государя должны были ограничиться заботами дня.

Раздѣленіе Польскаго королевства между тремя державами представляло значительныя затрудненія для нихъ по вопросу о такъ называемыхъ *обоюдныхъ* подданныхъ; этотъ вопросъ постоянно оставался нерѣшеннымъ окончательно, и представлялъ въ случаѣ войны большія опасности: Поляки подъ знаменами одной державы должны бы драться со своими соплеменниками, состоявшими подъ знаменами другой. Возможность измѣны съ какой либо стороны представлялась естественною. Неудобства этого раздѣла, когда Наполеонъ послѣ Тильзитскаго мира образовалъ почти независимое герцогство Варшавское, дошли до высшей степени. Ихъ испытала Австрія въ войну съ Франціею въ 1809 г., послѣ которой она и потеряла бóльшую часть Галиціи и готова была уступить и всю, чтобы избавиться отъ новыхъ затрудненій въ будущемъ. Эта война доказала и Россіи возможность величайшихъ для нея затрудненій со стороны ея Польскихъ подданныхъ при первомъ разрывѣ съ Франціею. Въ эту войну Русскія войска, предназначенныя въ союзѣ съ Наполеономъ дѣйствовать противъ Австріи вмѣстѣ съ войсками герцогства Варшавскаго, были поставлены въ такое

положеніе, что едва не вступали съ ними въ бой и изъ союзниковъ Наполеона не дѣлались союзниками Австріи. Герцогство Варшавское, какъ средоточіе Польской государственной и общественной жизни, въ это время притягивало къ себѣ сочувствіе Поляковъ нашихъ губерній и поддерживало въ нихъ постоянное волненіе опасное для имперіи. Необходимо было выдти изъ этого положенія; но какими способами? Главнѣйшимъ способомъ въ мысляхъ Александра было возстановленіе Польши, но неразрывно соединенной съ Россіею. Этотъ способъ каждый разъ оказывался невозможнымъ, нарушая выгоды его прежнихъ союзниковъ, Пруссіи и Австріи; а затѣмъ рѣшительно не соотвѣтствовалъ видамъ новаго его союзника, императора Наполеона. Мысль о томъ, что народонаселеніе большей части областей прежней Польши, присоединенной къ Россіи, было Русское, православное или насильственно обращенное въ *унію*, отъ которой при первомъ удобномъ случаѣ готово отказаться, въ то время еще не приходила въ голову правящимъ лицамъ. Наполеонъ, передѣлывая карту Европы, такъ же какъ и потомъ Вѣнскій конгрессъ, обращалъ вниманіе, исключительно на число квадратныхъ миль и количество населявшихъ ихъ душъ, вовсе не принимая въ разсчетъ народности. Что̀ касается до уступки прежнихъ Русскихъ областей завоеванныхъ Поляками и вновь потомъ отнятыхъ у нихъ силою оружія, то это возмѣщалось неразрывнымъ соединеніемъ всего будущаго Польскаго королевства съ Русскою имперію. Невозможность возстановленія Польши посредствомъ Россіи вызвала со стороны ея мысль лишить этой возможности и Францію, потому что возстановленная ею Польша была бы враждебна Россіи, и это возстановленіе не могло совершиться иначе, какъ посредствомъ завоеванія у Россіи тѣхъ областей прежняго Польскаго королевства, которыя находились въ ея обладаніи. Добровольно, посредствомъ торжественно заключеннаго договора, отказавшись отъ мысли о возстановленіи Польши, Наполеонъ лишилъ бы надеждъ Варшавское герцогство на будущее и далъ бы возможность успокоить волненія въ нашихъ губерніяхъ, не прибѣгая къ строгимъ мѣрамъ. Но послѣ того, какъ не удалось въ 1810-мъ году, заключить такой договоръ, конечно, единственнымъ средствомъ для нашего правительства оставалось принять мѣры, которыя, удовлетворивъ желаніямъ Поляковъ Русскихъ подданныхъ, отклонили бы ихъ сочувствія отъ герцогства Варшавскаго и Наполеона, создавшаго невыносимо-тяжелое положеніе для образованнаго имъ полунезависимаго Польскаго государства.

Именно такія мысли и занимали Александра Павловича въ 1812 году. Пригласивъ къ себѣ князя Чарторижскаго, когда тотъ завелъ рѣчь объ амнистіи всѣмъ Полякамъ Русскихъ губерній, которые были

замѣшаны въ безпорядкахъ во время войны съ Австріею, онъ не отказывалъ ему исполнить его просьбу, но прибавилъ: «даровать всепрощеніе значитъ однакоже дозволить возвратиться въ эти губерніи такимъ лицамъ, на которыхъ я не могу полагаться. Я всегда желалъ пріобрѣсти расположеніе жителей этихъ губерній; но трудность заключалась въ томъ, какими средствами возможно было этого достигнуть; что ни дѣлай, легкомысліе ихъ таково, что ни на что нельзя положиться».

«Это не легкомысліе, отвѣчалъ князь Чарторижскій, но постоянство въ привязанности къ своему отечеству и въ желаніи его возстановленія въ полномъ составѣ».

Не входя въ споръ, Государь заговорилъ о предположеніи соединить подъ отдѣльнымъ управленіемъ присоединенныя къ Россіи отъ бывшей Польши губерніи и спросилъ его, будутъ ли этимъ онѣ удовлетворены? Конечно такое предположеніе всего менѣе могло встрѣтить сочувствіе въ князѣ Чарторижскомъ, ревностномъ поборникѣ возстановленія прежней, единой Польши; оно дѣйствительно сдѣлалось бы возстановленіемъ Польши, но въ томъ видѣ, когда Литовское княжество было отдѣльнымъ и независимымъ отъ королевства, до Люблинской уніи, когда оба эти государства находились почти въ постоянной враждѣ между собою. Подъ разными предлогами онъ хотѣлъ было уклониться отъ отвѣта; но Государь поручилъ ему подумать и, отпуская его, спросилъ, когда онъ можетъ дать ему отвѣтъ на предложенный вопросъ? «Дѣло по истинѣ было не легкое, говоритъ князь Чарторижскій. Съ одной стороны, какія надежды можно было подать Императору, что средства, которыя пришлось бы пустить въ ходъ для достиженія этой цѣли, оказались бы дѣйствительными? Съ другой стороны, сколько неудобствъ и опасностей для самого себя въ содѣйствіи такимъ предположеніямъ! Это значило бы воздвигать алтарь противъ алтаря, можетъ быть вызывать междоусобную войну въ своей странѣ. Выказывать только для вида сочувствіе этимъ позднимъ заботамъ Императора, значило бы идти на встрѣчу всевозможнымъ затрудненіямъ и препятствіямъ, безъ малѣйшей надежды. Однако же необходимо было отвѣчать какъ изъ приличія, такъ и потому, что, въ виду все-таки сомнительнаго будущаго, не слѣдовало совершенно обрывать нить, которая, при измѣнившихся обстоятельствахъ, могла бы оказаться еще драгоцѣнною».

При такомъ неискреннемъ отношеніи къ этому вопросу, отвѣтная записка князя Чарторижскаго, черезъ нѣсколько недѣль прочтенная Государю, должна была выражать хитрую уловку, съ тѣмъ, чтобы, какъ бы отвѣчая сочувственно на вопросъ Государя, отклонить его отъ такого намѣренія и свести все дѣло къ частнымъ мѣрамъ въ отно-

шеніи къ отдѣльнымъ лицамъ или мѣстнымъ учрежденіямъ. Прочитавъ эту записку и предполагая конечно, что Государь можетъ понять ея значеніе, князь Чарторижскій поспѣшилъ извиниться, что могъ представить только общія неопредѣленныя мысли и безъ заключеній. «Я не могъ въ настоящее время выразиться опредѣлительнѣе, говорилъ онъ, потому что нахожусь въ совершенномъ невѣдѣніи, что̀ дѣлается и не знаю о настроеніи господствующемъ въ Польскихъ областяхъ. Только тамъ, на мѣстахъ, можно бы понять, какъ будетъ принято предложеніе Россіи и судить о способахъ противодѣйствія всесильному вліянію Наполеона».

Государь, конечно понявъ значеніе прочитанной ему записки, отвѣчалъ на послѣднія замѣчанія князя Чарторижскаго: «И не будучи на мѣстахъ, не трудно знать, что̀ думаютъ въ Польскихъ областяхъ и въ герцогствѣ; это можетъ быть выражено въ немногихъ словахъ. Поляки пойдутъ за самимъ чертомъ, если онъ поведетъ ихъ къ возстановленію ихъ отечества. Впрочемъ, я доволенъ тѣмъ, что̀ вы написали; это поможетъ моимъ размышленіямъ о предметѣ, который такъ давно меня занимаетъ. Я придумываю разныя средства для осуществленія моихъ желаній и не дошелъ ни до чего удовлетворительнаго *). Во все продолженіе этого разговора князь Чарторижскій постоянно замѣчалъ, что Государь отъ одного предположенія переходилъ къ другому: рѣшившись на одно, колебался въ исполненіи, оставлялъ первое предположеніе и обращался къ новому. Въ этомъ отношеніи князь былъ совершенно правъ, но онъ несправедливо приписывалъ это обстоятельство только нерѣшительности характера. Напротивъ, причина колебаній заключалась въ сущности самого дѣла: Государь стоялъ на почвѣ дѣйствительной жизни и понималъ силу и значеніе *совершившихся* происшествій, которыя находились въ *совершенномъ* противорѣчіи съ мечтою молодости о возстановленіи бывшей Польши. Она еще сохранялась въ немъ, онъ вѣрилъ въ нее, можетъ быть такъ же, какъ и князь Чарторижскій; но для сего послѣдняго существовала лишь *прежняя* Польша и *будущее* ея востановленіе. Происшествія настоящаго времени ускользали отъ его пониманія.

Предположеніе Александра Павловича о соединеніи подъ однимъ управленіемъ губерній присоединенныхъ къ Россіи отъ Польши, такъ испугавшая князя Чарторижскаго, находило сочувствіе во многихъ изъ Поляковъ этихъ областей. Одни изъ нихъ по личной преданности ему только отъ него и ожидали улучшеній въ положеніи своей родины. «Поляки находившіеся въ Русской службѣ, Любомирскіе, Браницкіе,

---

*) Mazade, стр. 92—102.

Потоцкіе, Грабовскіе говорили: онъ наше отечество» *). Другіе, соединяя съ этою преданностію и знаніе характера Наполеона, увѣрены были, что онъ вовсе не желаетъ возстановленія *свободной и независимой* Польши, а пользуется этою мыслію, какъ угрозою противъ Россіи, и Поляками, какъ даровымъ орудіемъ для достиженія своей цѣли господства надъ всею Европою, а потому считали единственно возможнымъ начать возстановленіе Литвы, къ которой впослѣдствіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, могло быть присоединено герцогство Варшавское и, можетъ быть, и Австрійская Галиція. Эта мысль постоянно занимала графа Огинскаго. Послѣ долгаго пребыванія въ Парижѣ, возвращаясь въ Россію въ началѣ 1811 года, онъ составлялъ уже записку въ этомъ смыслѣ для представленія Государю. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ этого года, бесѣдуя съ нимъ объ отношеніяхъ Россіи къ Франціи, Государь заявилъ, что въ настоящее время нельзя думать о возстановленіи Польши и что его заботы направлены лишь къ тому, чтобы успокоить и сдѣлать довольными своихъ подданныхъ-Поляковъ и выразилъ желаніе, чтобы онъ сообщилъ ему по этому вопросу свои соображенія. Огинскій немедленно воспользовался этимъ случаемъ и предложилъ восемь западныхъ губерній соединить въ одно управленіе. «Конечно, говоритъ онъ, я зналъ, что эта мѣра не произведетъ того впечатлѣнія, какое произвелъ бы манифестъ о возстановленіи Польши; но объ этомъ единственно я могъ ходатайствовать и надѣялся, что, достигнувъ перваго, я достигну и втораго, лишь только начнется война; между тѣмъ я уже много выигралъ бы, избавивъ своихъ соотечественниковъ отъ чиновничьихъ придирокъ, облегчивъ ихъ участь, обезпечивъ правосудіе, и далъ бы надежду на политическое существованіе подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ Александра. Если бы Императоръ рѣшился соединить въ одно цѣлое области, составлявшія въ прежней Польшѣ Литовское княжество и если бы онъ даровалъ тѣ права Литовцамъ, о которыхъ я ходатайствовалъ, то несомнѣнно Польша была бы возстановлена, когда съ началомъ войны, уже неизбѣжной, онъ присоединилъ бы къ нему и Варшавское герцогство».

Встрѣтивъ сочувствіе къ занимавшей уже его мысли, Государь не безъ удовольствія отвѣчалъ Огинскому: «Я очень радъ, что мы сошлись въ нашихъ мнѣніяхъ. Я уже шесть мѣсяцевъ занимаюсь работою въ томъ же смыслѣ, какъ вы предлагаете. Какъ только она будетъ окончена, я вамъ ее сообщу, и вы можете быть увѣрены, что я васъ буду приглашать на совѣщанія по вопросу, о которомъ мы говоримъ, и я не постановлю по этому случаю никакихъ рѣшеній безъ

*) Choiseul-Gouffier, Réminicences sur l'emp. Alexandre I, IX, 78.

вашего вѣдома». Но Государь предложилъ ему нѣсколько замѣчаній о томъ, не будетъ ли слишкомъ обширна область изъ восьми губерній, чтобы состоять подъ управленіемъ одного лица, и захотятъ ли добровольно жители Волыни, Подолья и Кіевской губерніи присоединиться къ Литовскому княжеству и называться Литовцами?

Эти важныя замѣчанія не обратили на себя особаго вниманія графа Огинскаго; онъ не догадался даже, какую мысль выражалъ въ нихъ Государь, и въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (Маѣ 1811) представилъ Государю подробную записку по этому вопросу. «Если бы дѣло шло уже о войнѣ съ Франціею, оборонительной или наступательной, то, я полагаю, уже поздно было бы думать объ особомъ устройствѣ восьми губерній, чтобы составить изъ нихъ могущественную защиту, какъ противъ военныхъ замысловъ Наполеона, такъ и противъ его вліянія. Въ этомъ случаѣ лучше всего провозгласить себя Польскимъ королемъ, потому, что только этимъ способомъ можно привлечь къ себѣ жителей Варшавскаго герцогства. Но теперь еще есть время воспользоваться обстоятельствами, чтобы привязать къ себѣ жителей этихъ губерній и дать почувствовать герцогству различіе между правительствомъ, угнетающимъ народъ для своихъ выгодъ, заманивая обѣщаніями, которыхъ не намѣрено оно исполнить, и правительствомъ благодѣтельнымъ. Часть прежней Польши, присоединенная къ Россіи, составляла княжество Литовское только соединенное съ нею. Его жители, воинственные, предпріимчивые, дорожившіе своими правами, вѣрные своимъ государямъ, отличались храбростью и любовью къ родинѣ. Гордые своимъ Литовскимъ происхожденіемъ, не смотря на соединеніе съ Польшею, они сохранили свои законы гражданскіе, своихъ чиновниковъ, и до послѣдняго раздѣла сеймы собирались въ Варшавѣ и Гроднѣ, существовали войска Польскія и Литовскія. Литва имѣла свой верховный судъ, свои канцеляріи, своихъ министровъ, своихъ государственныхъ чиновниковъ. Она такъ твердо держалась за свои преимущества, что, не смотря на требованія многихъ государственныхъ людей, Польское правительство никогда не могло рѣшиться отнять ихъ у нея. Я убѣжденъ, что если бы во время присоединенія къ Россіи изъ Литвы была бы образована отдѣльная область, съ сохраненіемъ названія и своихъ правъ, съ отдѣльнымъ управленіемъ, но соединенная съ Россіею, то съ трудомъ могло бы проникнуть въ нее иностранное вліяніе. Не смотря на то, что приняты были иныя мѣры, Литовцы никогда не измѣняли Русскимъ государямъ и теперь всего ожидаютъ отъ васъ. Теперь настало время, Государь, испытать вѣрность Литовцевъ и разрушить мнѣніе, что Польша можетъ быть возстановлена только Наполеономъ, показать, что вы принимаете участіе въ ихъ судьбѣ и, цѣня ихъ преданность, принимаете мѣры, ко-

торыя привяжутъ къ вамъ сердца почти восьми милліоновъ людей!» Съ этою цѣлію онъ предлагалъ, соединивъ восемь губерній въ одно цѣлое, назвать ихъ Литовскимъ княжествомъ, ввѣрить его управленіе одному лицу съ блестящимъ окруженіемъ, возстановить силу Литовскаго Статута, дать особый сенатъ или верховный безапеляціонный судъ и сравнять въ податяхъ и налогахъ съ другими губерніями. «Такимъ образомъ одинъ почеркъ пера возвратитъ Литовцамъ ихъ имя и отечество; а жители герцогства еще будутъ ожидать этого и не могутъ пріобрѣсти иначе, какъ цѣною своей крови. Литовцы, составляя часть великаго цѣлаго, будутъ гордиться тѣмъ, что принадлежатъ къ числу подданныхъ Александра, которому искренно преданы, и будутъ знать, что 400-тысячное Русское войско готово защитить ихъ отъ всякаго нападенія. Жители герцогства суть подданные короля, подвластнаго Наполеону, въ гражданскомъ отношеніи находящіеся подъ властію Саксонскаго короля, въ военномъ подъ приказаніями Французскаго императора, не увѣренные въ своей судьбѣ, но убѣжденные, что во всякомъ случаѣ ихъ отечество будетъ поприщемъ военныхъ дѣйствій, что они составятъ авангардъ многочисленной и разноплеменной арміи, которая двинется впередъ не съ тою цѣлію, чтобы защищать ихъ отечество, расширить его предѣлы и возстановить Польшу, но чтобы ихъ самихъ направить какъ орудіе туда, куда потребуютъ выгоды Наполеона и его гигантскія предпріятія.

Выслушавъ съ большимъ вниманіемъ записку Огинскаго, Государь взялъ ее къ себѣ и сказалъ, что будетъ имѣть случай часто бесѣдовать съ нимъ объ этомъ предметѣ. Но пріѣздъ Лористона, постоянныя заявленія Наполеона о желаніи поддержать союзъ съ Россіею и посредствомъ мирныхъ переговоровъ разрѣшить всѣ спорные вопросы, возникшіе между двумя имперіями, съ одной стороны; а съ другой желаніе императора Александра не приступать ни къ какимъ мѣрамъ, которыя могли бы ускорить войну съ Франціею, было причиною, что на нѣкоторое время замолкла рѣчь о преобразованіи Польскихъ губерній. Между тѣмъ возобновленіе княжества Литовскаго было бы именно одною изъ такихъ мѣръ. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ графъ Огинскій отъѣзжалъ въ короткій отпускъ и, отпуская его, императоръ поручалъ ему сказать его соотечественникамъ, что онъ занятъ мыслію объ ихъ судьбѣ. «Я буду стараться», отвѣчалъ графъ Огинскій, «увѣрить моихъ соотечественниковъ въ покровительствѣ вашего величества, не подавая имъ однакоже никакихъ опредѣленныхъ надеждъ, потому что ваше величество въ этомъ отношеніи еще, кажется, находитесь въ нерѣшимости».—«Какъ въ нерѣшимости?» возразилъ съ живостью Государь «Должно послѣдовать одно изъ двухъ: въ случаѣ войны я воз-

становлю Польшу, которая будетъ соединена съ Русскою имперіею, какъ Венгрія или Богемія соединены съ Австріею; если же войны не будетъ, я приведу въ исполненіе наши предположенія въ отношеніи къ Литвѣ».

Возвратившись изъ отпуска и желая ускорить рѣшеніе императора по этому вопросу, графъ Огинскій въ концѣ Октября написалъ къ нему письмо, при которомъ приложилъ даже проектъ указа. «Новыя соображенія, которыми я обязанъ вашему величеству, писалъ онъ, побуждаютъ меня сдѣлать измѣненія въ моемъ предположеніи, не отступая однакоже отъ главныхъ началъ. Читая новыя постановленія о Петербургскомъ Сенатѣ и получивъ свѣдѣнія объ устройствѣ Финляндіи, я прихожу къ простѣйшимъ предположеніямъ, которыми устраняются многія затрудненія. Нѣтъ необходимости начальника Литовскаго княжества избирать изъ членовъ императорскаго семейства: это мѣсто можетъ занимать генералъ-губернаторъ. Никакой Европейскій кабинетъ не можетъ обращать вниманія на простую мѣру внутренняго управленія, которая не выражаетъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Всѣ жители восьми губерній Литвы будутъ довольны исполненіемъ ихъ желаній, и ваше величество устроите сильную защиту вашей имперіи съ Запада, сдѣлавъ для этихъ губерній то же, что̀ уже сдѣлали вы для Финляндіи; вы увеличите ваши военные способы сравнительно съ тѣмъ, что̀ доставляютъ вамъ теперь эти губерніи и доходы имперіи». Въ проектѣ указа предписывалось однакоже, соединить въ одно цѣлое губерніи Гродненскую, Виленскую, Минскую, Кіевскую, Подольскую, Волынскую, области Бѣлостокскую и Тарнопольскую подъ названіемъ *великаго княжества Литовскаго*, что̀ конечно представляло значительное различіе съ простымъ генералъ-губернаторствомъ. Точно также генералъ-губернаторъ этого княжества долженъ былъ наименоваться *намѣстникомъ* Государя, пользоваться титуломъ *высочества* (altesse) и частію государственныхъ имуществъ для своего содержанія. Въ Петербургѣ должна быть устроена Литовская канцелярія при императорѣ, по примѣру Финляндской, подъ управленіемъ статсъ-секретаря. Что̀ касается до внутренняго управленія предположеннаго Литовскаго великаго княжества, то оно должно было состоять изъ Совѣта Управленія, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, раздѣленнаго на нѣсколько департаментовъ, каждый подъ начальствомъ особаго директора и нѣсколькихъ совѣтниковъ, опредѣляемыхъ верховною властью. Для этого управленія долженъ быть особою коммисіею составленъ уставъ. Въ Вильнѣ долженъ быть учрежденъ верховный судъ, и Литовскій Статутъ дѣйствовать по прежнему.

Въ то время, какъ Огинскій сообщилъ Государю свои предположенія, онъ узналъ, что Армфельту и Розенкампфу поручено начертать положеніе объ образованіи Литвы; а графу Витту и Любомирскому объ устройствѣ Литовскихъ войскъ, по совѣщаніи съ ними. Но между тѣмъ оканчивался 1811 годъ. Увѣренность въ войнѣ укрѣплялась болѣе и болѣе. Императоръ, исключительно заботясь объ увеличеніи средствъ обороны, поручилъ спросить Огинскаго (который по болѣзни не выходилъ изъ дома), какія могутъ быть наиболѣе сообразныя съ цѣлью употреблены мѣры для успѣшнаго и скораго увеличенія Литовскихъ войскъ и особенно кавалеріи. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Огинскій написалъ письмо, въ которомъ извѣщалъ, что эта работа уже составлена княземъ Любомирскимъ; а самъ онъ, какъ не-военный, не считаетъ себя способнымъ выразить свое мнѣніе. Но при этомъ онъ представилъ особую записку, сущность которой заключалась въ томъ, что этой мѣрѣ должно бы предшествовать устройство Литвы, которое возбудило бы восторгъ жителей этихъ губерній и подвигло бы ихъ ко всевозможнымъ пожертвованіямъ. Но въ настоящее время еще представляется вопросъ: будутъ ли Поляки драться противъ Поляковъ? Возвращаясь снова къ необходимости образованія Литовскаго великаго княжества, онъ замѣчалъ, однакоже, что эта мѣра, при увѣренности, что миръ будетъ сохраненъ, была бы простою мѣрою внутренняго управленія и не возбудила бы подозрѣній; но въ случаѣ войны она представляется уже мѣрою политическою, и тогда гораздо выгоднѣе для Россіи, писалъ онъ Государю, возстановить Польское королевство и объявить вашему величеству себя Польскимъ королемъ. Такое дѣйствіе совершенно разстроитъ всѣ предположенія Наполеона. Если даже нельзя избѣгнуть войны, то во всякомъ случаѣ это замедлитъ ея начало, дастъ время Россіи приготовиться къ ней, а можетъ быть и вовсе избѣгнуть *).

Въ концѣ Января 1812 года Государь призвалъ его къ себѣ и сказалъ, что онъ недоволенъ представленнымъ ему проектомъ устройства Литвы и намѣренъ ему поручить его составленіе. Огинскій отвѣчалъ, что онъ уже занимается этимъ дѣломъ вмѣстѣ съ княземъ Любецкимъ, Гродненскимъ предводителемъ дворянства, и графомъ Казиміромъ Платеромъ. «Но не забудьте про крестьянъ», замѣтилъ ему Государь: «это самое полезное сословіе, а у васъ всегда относились къ нимъ какъ къ Илотамъ».

---

*) Записка гр. Огинскаго 14 Мая; письмо и проектъ указа 22 Окт.; письмо и записка 1 Дек. 1811 г. Mémoires т. III, гл. II—VII, стр. 34—121.

Отправившись въ Вильну, Государь велѣлъ графу Огинскому слѣдовать за нимъ; но болѣзнь задержала его въ Петербургѣ до 6 Іюня.

Между тѣмъ въ Вильнѣ слѣдовали одни за другими праздники, представленія, смотры войскъ. Пріѣхали и обитательницы Товянъ благодарить Государя за шифры. Онъ самъ посѣтилъ ихъ, и послѣ каждаго его посѣщенія, послѣ каждой встрѣчи съ кѣмъ бы то ни было, ходили разсказы о его любезности и добромъ расположеніи къ своимъ Польскимъ подданнымъ. Мысль о возможности войны, хотя и смущала, но представлялась лишь въ будущемъ, быть можетъ, отдаленномъ, которое возможно даже отклонить. Императоръ съ своей стороны прямо заявлялъ, что употребляетъ всѣ способы для того, чтобы поддержать миръ. Въ Товянахъ, разговаривая съ графиней Морикони, онъ спросилъ, «имѣетъ ли она обычай проводить зиму въ городѣ съ своимъ семействомъ».—«Прежде я постоянно проводила тамъ зиму, но теперь обстоятельства таковы, отвѣчала графиня, намекая на континентальную систему, что надо сокращать расходы».—«Да», сказалъ императоръ, «и можно ожидать еще худшихъ послѣдствій». — «Поэтому-то я желала бы съ своимъ семействомъ находиться гдѣ нибудь въ глубинѣ Бѣлоруссіи».—«Конечно подальше отъ границъ», замѣтилъ Государь, «но я надѣюсь, что все еще можетъ уладиться мирно». Въ Вильнѣ, посѣтивъ графиню Тизенгаузъ и бесѣдуя съ ея отцомъ, императоръ не упоминалъ о современныхъ обстоятельствахъ, увѣрялъ однакоже въ своемъ желаніи поддержать мирныя отношенія, говорилъ, что имъ сдѣланы всѣ возможныя пожертвованія, чтобы поддержать миръ, что во всякомъ случаѣ онъ рѣшился самъ не начинать войны, единственная его забота заключается въ томъ, чтобы сдѣлать счастливымъ своихъ подданныхъ, и его тяготятъ современныя трудныя обстоятельства. Литовцы, отвѣчалъ графъ Тизенгаузъ, сожалѣютъ, что эти печальныя обстоятельства препятствуютъ имъ выразить вполнѣ тѣ чувства, которыя они питаютъ къ императору, котораго желанія, какъ имъ извѣстно, заключаются въ томъ, чтобы быть отцомъ своихъ подданныхъ *).

Въ половинѣ Мая Государь ѣздилъ въ Гродно осматривать войска, входившія въ составъ корпуса графа Шувалова, гдѣ былъ встрѣченъ съ такимъ же торжествомъ, какъ и въ Вильнѣ *). На всѣхъ дворянъ этихъ губерній и особенно на дворянство Виленское произвело пріятное впечатлѣніе то, что въ это время Государь, купивъ у б. Бенигсена подгородное имѣніе Закретъ, говорилъ, что онъ сдѣлался

*) Шаузель-Гуфье, Mémoires hist. гл. V, стр. 85 и слѣд.; Réminiscences, гл. V, стр. 17, гл. VI, стр. 51 и слѣд.

*) Сѣверн. Почта 1812 г. № 42.—П. Кукольникъ Истор. замѣтки, стр. 105.

теперь Виленскимъ дворяниномъ и можетъ носить ихъ мундиръ. Въ Закретѣ приготовлялся генералъ - адъютантами Государя великолѣпный праздникъ и строилась большая галерея для танцевъ. Пріѣздъ графа Нарбонна далъ поводъ предполагать, что и Наполеонъ желаетъ отклонить войну. Всѣ эти обстоятельства отдаляли мысль о грозившей опасности; никто не ожидалъ, что война такъ близка.

Въ то время, какъ въ Вильнѣ пировали, въ Полоцкѣ совершалось особаго рода торжество.

Отъѣзжая изъ Петербурга въ главную квартиру, Государь поручилъ графу Жозефу Местру, Сардинскому посланнику, слѣдовать за нимъ съ тою же цѣлію, какъ и графу Огинскому. «По порученію Императора», доносилъ графъ Местръ своему королю, «я долженъ ѣхать въ Полоцкъ», и въ слѣдъ за тѣмъ онъ писалъ изъ Полоцка: «Императоръ поручилъ мнѣ составить проектъ узаконенія о возстановленіи Польши и манифеста по этому случаю. Но я не вижу, чтобы въ настоящее время это привело къ какимъ-либо послѣдствіямъ». Мѣстопребываніе не въ Вильнѣ, а въ Полоцкѣ, сосредоточіи Іезуитовъ, вѣроятно было избрано личными сочувствіями графа Местра; но оно могло совпасть и со взглядами Государя. Присутствіе въ Вильнѣ одного изъ представителей враждебной Франціи политики въ то время, когда графъ Лористонъ долженъ былъ оставаться въ Петербургѣ и военныя дѣйствія еще не начинались, было бы неудобно; а вмѣстѣ съ тѣмъ, по увѣреніямъ самого графа Местра, при исполненіи своихъ намѣреній въ отношеніи къ Польшѣ императоръ могъ разсчитывать на преданность и содѣйствіе Іезуитовъ *). Приготовлявшееся въ Полоцкѣ торжественное возведеніе Іезуитской Коллегіи въ высшее учебное заведеніе, въ академію, зависимую исключительно отъ генерала Іезуитовъ, служило непосредственнымъ поводомъ къ поѣздкѣ туда графа Местра, какъ извѣстнаго поклонника и защитника Іезуитовъ. «10 Іюня, писалъ онъ Сардинскому королю, г. Полоцкъ удостоилъ своимъ пріѣздомъ Витебскій генералъ-губернаторъ принцъ Александръ Виртембергскій; онъ присутствовалъ при открытіи новой академіи или университета, ввѣреннаго управленію достопочтенныхъ отцовъ Іезуитовъ. Императорскій указъ несъ Минскій епископъ въ торжественной процессіи, которая изъ дома коллегіи была совершена въ церковь, находящуюся на другой сторонѣ довольно обширной площади. Этотъ указъ составляетъ небольшую книжку въ пять листовъ и стоилъ въ переплетѣ 2000 рубл. Уставъ Царско-сельскаго Лицея стоилъ 5000, но достопочтенные отцы бережливы. Торжество началось большою литургіею, на которой съ

*) Полн. Собр. Зак. № 24952, Янв. 12.

необыкновеннымъ благоприличіемъ присутствовалъ принцъ, хотя онъ протестантъ. Во все время этого продолжительнаго торжества я находился подлѣ него. Есть надъ чѣмъ задуматься. Въ то время, когда католическіе по преимуществу дворы вынудили у Климента XIV его пресловутую буллу, можно было съ полною вѣроятностію предполагать, что ничто подобное не можетъ совершиться въ этой странѣ! Необыкновенная странность человѣческихъ дѣяній, и кто знаетъ, что́ еще можетъ случиться» *).

Это письмо графъ Местръ писалъ уже въ то время, когда вѣсть о переправѣ Французовъ черезъ Нѣманъ достигла до Полоцка. Можетъ быть, не только гаданія о будущихъ успѣхахъ Іезуитовъ въ Россіи занимали графа Местра, но и будущія судьбы страны, гдѣ удалось имъ на прочныхъ, повидимому, основаніяхъ устроить свое существованіе.

(*Продолженіе будетъ*).

*) Correspondance diplomat. т. I, стр. 101, 107—108.

ДВА ПИСЬМА Н. И. ПИРОГОВА КЪ Э. Ѳ. РАДЕНЪ.

Извѣстный ученый, мыслитель и практическій дѣятель Николай Ивановичъ Пироговъ (р. 1810 † 1881) состоялъ много лѣтъ въ перепискѣ съ фрейлиною покойной Великой Княгини Елены Павловны, баронессою Эдитою Ѳедоровною Раденъ, съ которою его связывала искренняя дружба.

Баронесса Раденъ († въ 1885 г.) была одною изъ тѣхъ рѣдкихъ, если не исключительныхъ женщинъ, которыя соединяютъ въ себѣ высокія качества ума и твердый характеръ съ чисто-женскою отзывчивостью на нужды страждущаго человѣчества. Совмѣстная дѣятельность по облегченію этихъ нуждъ должна была сблизить Эдиту Ѳедоровну съ Н. И. Пироговымъ, находившимся въ тяжелое время Севастопольской обороны во главѣ Крестовоздвиженской Общины сестеръ милосердія, въ учрежденіи и устройствѣ которой баронесса Раденъ принимала самое дѣятельное участіе. Впослѣдствіи Пироговъ съ отраднымъ чувствомъ вспоминалъ о выносливости и самоотверженности сестеръ этой Общины въ письмѣ къ Э. Ѳ. отъ 27 Февраля 1876 года (см. II-й томъ сочиненій Н. И. Пирогова, изд. въ 1887 году). Въ этомъ письмѣ Пироговъ, затронувъ между прочимъ вопросъ о томъ, какое міровоззрѣніе должно служить основаніемъ для учрежденія общины сестеръ въ нашемъ отечествѣ, говорилъ, что наши учрежденія сестеръ не должны ничего заимствовать у западныхъ, а должны установиться на новыхъ началахъ.

Того же предмета, т.-е. вопроса объ основѣ, на которой могла бы быть учреждена у насъ община сестеръ милосердія, касается также одно изъ находящихся въ моемъ распоряженіи и печатаемыхъ нынѣ (съ разрѣшенія А. А. Пироговой) писемъ покойнаго мужа ея къ Э. Ѳ. Раденъ, при чемъ Н. И. въ письмѣ этомъ переноситъ обсужденіе сказаннаго вопроса на почву общихъ соображеній, подробно размышляя о христіанской любви, какъ основаніи не только для общины сестеръ милосердія, но и для всякой вообще человѣческой дѣятельности. Въ томъ же письмѣ заключается весьма интересное описаніе политическаго положенія въ Юго-Западномъ краѣ въ 1860 году, наканунѣ возстанія, при чемъ настроеніе Поляковъ и неудачный образъ дѣйствія правительства по отношенію къ нимъ вѣрно подмѣчены и оцѣнены Пироговымъ, предсказывавшимъ наступленіе смутъ и волненій.

Другое, помѣщенное ниже, письмо Н. И. къ баронессѣ Раденъ посвящено отчасти вопросамъ о народномъ образованіи, объ устройствѣ уни-

верситетовъ и надзорѣ за ними, т. е. такимъ вопросамъ, съ которыми Пироговъ, въ званіи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, въ то время постоянно встрѣчался, а отчасти мыслямъ и наблюденіямъ объ устройствѣ быта крестьянъ, послѣ ихъ освобожденія. Разсуждая объ этихъ предметахъ, Пироговъ обнаруживаетъ глубокое пониманіе вновь народившихся въ учащейся молодежи и въ крестьянскомъ сословіи стремленій и потребностей. Предлагаемыя письма (писанныя по-нѣмецки и переведенныя мною на Русскій языкъ) должны быть сохраняемы для исторіи.

А. Тимротъ.

О христіанской любви.—О Юго-Западномъ краѣ.

1.

Кіевъ 1860. Декабря 7.

Многоуважаемый другъ. Ваше письмо о христіанской любви было мною получено въ то время, когда я занимался разными приготовленіями, касавшимися будущаго моего положенія *). Это совпаденіе настроило меня такъ своеобразно (вѣроятно вслѣдствіе страннаго смѣшенія христіанскихъ мыслей, содержащихся въ вашемъ письмѣ, съ чисто-полицейскими, вызванными моимъ положеніемъ), что у меня явилось желаніе продолжать недавно отправленное вамъ письмо.

Кто въ своей жизни почерпнулъ столь много утѣшенія въ христіанской вѣрѣ, какъ я, тотъ непремѣнно будетъ въ состояніи оцѣнить ваши чувства и взгляды относительно христіанской любви; тотъ не станетъ сомнѣваться, что если можно безпристрастно и самоотверженно любить что-нибудь въ мірѣ, то это конечно—Освободителя людей, дѣйствовавшаго такъ самоотверженно и такъ милосердно по отношенію къ міру. Нельзя также отрицать, что такая любовь, въ ея высшемъ проявленіи, можетъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ какое либо другое человѣческое чувство, вести къ великимъ и благороднымъ дѣяніямъ. Равнымъ образомъ справедливо и то, что всѣ наши поступки, проистекающіе изъ другихъ душевныхъ движеній, чувствъ или воззрѣній, должны казаться ничтожными, даже нечистыми, въ сравненіи съ дѣяніями, имѣющими въ своемъ основаніи христіанскую любовь. Но даетъ ли это намъ право, и больше чѣмъ право, оцѣнивать поступки другихъ людей въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно-хорошими и истинными мы должны признавать только тѣ, которые основаны на чистой христіанской любви? Даетъ ли это намъ право не признавать хорошее и истинное въ поступкахъ инаго происхожденія? Развѣ человѣческая душа не способна питать другія глубокія и возвышенныя чувства? Развѣ развитіе и воспитаніе въ себѣ подобныхъ чувствъ

---

*) Т. е. должности попечителя Кіевскаго учебнаго округа. П. Б.

столь тщетны, столь недостойны высокаго призванія человѣка въ мірѣ, что христіанская любовь одна только должна проникать все существо души? Я уважаю, я удивляюсь, я люблю всякаго, кто по милости Божіей нашелъ въ своей душѣ такъ много воспріимчивости, что могъ совершенно наполнить ее этою божественною любовію; но я опасаюсь произнести свое окончательное сужденіе о причинѣ другихъ хорошихъ поступковъ людей. Я содрагаюсь при мысли о возможности быть несправедливымъ, еслибъ я долженъ былъ искать источника всѣхъ хорошихъ поступковъ лишь въ христіанской любви. Гдѣ находится вѣрное средство для испытанія? И кто долженъ примѣнить критерій, еслибъ таковой вообще оказался? Самъ ли дѣйствующій? Но кто ручается, что онъ не запутается безвыходно въ глубокихъ складкахъ и темномъ лабиринтѣ собственной души? Посторонній ли судья? Но гдѣ же точки примѣненія для этого критерія въ рукахъ чужаго человѣка? Итакъ только тотъ, кто въ человѣческой душѣ возбуждаетъ любовь къ себѣ, одинъ лишь въ состояніи произнести свой приговоръ надъ дѣяніями людей. Если же мы, не смотря на эту затруднительность сужденія, тѣмъ не менѣе рѣшаемся доискаться источника хорошихъ дѣяній и объявляемъ дѣйствительно-хорошими только тѣ, которыя проистекаютъ изъ вышеупомянутаго источника: то мы заходимъ невольно въ другую крайность и подвергаемся опасности считать даже скверныя дѣянія хорошими, если только они, по нашему убѣжденію, обязаны своимъ происхожденіемъ христіанской любви. Не говорите, что это невозможно. Нѣтъ! Разъ мы убѣждены, что мы владѣемъ вѣрнымъ средствомъ испытанія для нахожденія источника человѣческихъ дѣяній, разъ мы увѣрены, что мы его нашли въ душѣ, подвергнутой испытанію, увы! тогда мы болѣе не въ состояніи отличать въ ея дѣятельности хорошее отъ худаго: все тогда намъ покажется хорошимъ, истинно-хорошимъ, такъ какъ изъ признаннаго нами источника не можетъ проистекать ничего другаго, какъ хорошее. А разъ мы до этого дошли, то мы стоимъ совсѣмъ близко отъ заключенія, что цѣль оправдываетъ средство.

Ваше сердце содрагается при этомъ коварномъ выводѣ, ваше чувство препятствуетъ вамъ дать ему какое либо примѣненіе. Но исторія доказываетъ, что этотъ ходъ мыслей возможенъ. Мы не должны вѣрить, что іезуитизмъ происходитъ всегда изъ нечистаго источника. Нѣжнѣйшее, исполненное любви, сердце, признающее христіанскую любовь единственнымъ источникомъ всего хорошаго, можетъ довольно легко заблудиться въ этой крайности. Начинаютъ съ того, что испытываютъ самого себя, стараются воспламенить и воодушевить свою душу этою любовью къ Спасителю, и чѣмъ сердце благочестивѣе и нѣжнѣе, тѣмъ болѣе будетъ казаться, что цѣль эта достигается; въ такомъ настрое-

ніи переходятъ и къ испытанію другихъ людей. Высокій идеалъ покажется все ближе и ближе, или наоборотъ (смотря по личной особенности стремящагося) все дальше и дальше; стремленіе же дѣлается тѣмъ сильнѣе и наконецъ охватываетъ все существо человѣка. Тогда и настаетъ то время, когда хорошее и скверное, содѣянное простымъ практическимъ разумомъ, разсматривается съ этой лишь точки зрѣнія; наконецъ, высокая цѣль проникаетъ столь полно во всѣ умственныя способности, во всѣ движенія души, что всѣ оттѣнки выраженій исчезаютъ, и все безъ различія представляется въ освященіи величія и подъ непреодолимымъ вліяніемъ цѣли. Не видимъ ли мы въ жизни двухъ самыхъ великихъ апостоловъ, какъ два совершенно-противоположныхъ образа дѣйствія возникли изъ одного и того же могучаго чувства любви ко Христу? Если Петръ, вслѣдствіе этой любви, отличается нетерпимостью и является другомъ однихъ лишь Евреевъ; если Павелъ, напротивъ, называется апостоломъ язычниковъ: то никто однако не станетъ отрицать, что оба они глубоко и искренно любили Христа и что изъ-за любви этой одинъ изъ нихъ сдѣлался нетерпящимъ иновѣрія, а другой, можетъ быть, отличался слишкомъ большою вѣротерпимостью. Нѣтъ, даже самое снисходительное, любящее существо должно, исполняясь священнаго трепета, заглядывать во мракъ человѣческой души, будь та душа наша собственная или чужая.

Теперь же, дабы выйти изъ этой неисчерпаемой психологической области на путь практической жизни, разсмотримъ безпристрастно общину, учрежденную у насъ на основѣ христіанской любви. Считаете ли вы возможнымъ организовать общину на такой основѣ при помощи какого-либо искусственнаго средства? По моему мнѣнію это было бы возможно только при наличности условій, способствующихъ образованію войска изъ чувства любви къ отечеству. Первое же изъ этихъ условій есть то, что любовь эта прежде всего должна находиться въ самомъ народѣ. Она можетъ быть возбуждена, если хотите, и искусственно посредствомъ событій, даже только посредствомъ событій, катастрофъ, въ томъ случаѣ, когда вся исторія народа не благопріятствовала развитію этого чувства. Если же патріотизмъ, чувство гораздо болѣе матеріальное и поэтому болѣе одностороннее, достигаетъ полнаго развитія въ народѣ не иначе, какъ при историческомъ стеченіи разныхъ условій, то какимъ же образомъ вы хотите искусственно вселѣять въ народѣ самое высокое, самое чистое и идеальное изъ всѣхъ чувствъ—христіанскую любовь? Читайте же исторію Русскаго народа *. Какимъ образомъ отцы нашей церкви питали и раз-

*) Знаменитый ученый слабо зналъ исторію Русскаго народа и еще слабѣе исторію Русской церкви. П. Б.

вивали любовь къ Христу въ нашихъ предкахъ? Только черезъ запрещенія и номоканоны. Они хотѣли превратить всю Россію въ огромный монастырь; они осуждали всѣ плотскія наслажденія, они хвалили одни духовные подвиги; хвалили, но не давали ничего вещественнаго для питанія превозносимыхъ ими чувствъ. Но если вообще трудно воспитать народъ въ духѣ христіанской любви, то указаннымъ способомъ развиваютъ лишь одну любовь къ запрещенному. Послѣ же того, какъ, въ позднѣйшее время, церковное воспитаніе было замѣнено полицейскимъ, любовь къ запрещенному сдѣлалась еще сильнѣе, и вотъ какова вся исторія нашей цивилизаціи. Я не отрицаю, что и въ настоящее время одаренная личность можетъ, посредствомъ благотворнаго вліянія воодушевляющей ее любви къ Спасителю и къ ближнему, привлечь сердца и сплотить ихъ въ общественную единицу; но это будетъ только счастливый случай (un heureux hasard), на который положиться нельзя; а то что случай этотъ очень неправдоподобенъ, вновь доказываетъ наша церковная исторія, такъ какъ многія столѣтія не представляютъ намъ ни одного примѣра подобной личности и подобной общины. Но если, не взирая на это, желаютъ устроить обоснованную такимъ образомъ общину, то прежде всего слѣдуетъ въ сообществѣ съ церковнымъ вліяніемъ принять всѣ мѣры, чтобы воспитать въ этомъ духѣ любви отдѣльныя личности. Тогда община возникаетъ сама собою и безъ искусственныхъ способовъ. Вѣдь возникли же однажды въ нашей странѣ большіе монастыри и пріобрѣли же они, сами по себѣ, значительныя средства для устройства многочисленной общины; но почему эти церковныя установленія, учрежденныя такъ же, какъ и нѣкоторые католическіе ордена, благочестивыми ихъ основателями во имя христіанской любви, не преслѣдовали цѣли означенныхъ орденовъ? Почему не вышелъ изъ ихъ среды какой-нибудь Paul St. Vincent? Почему призрѣніе больныхъ не было предметомъ ихъ заботъ? Почему воспитаніе дѣтей никогда не было цѣлью ихъ христіанской любви? Я полагаю, что это, по крайней мѣрѣ отчасти, объясняется тѣмъ, что наша религія, съ самаго начала и въ своемъ происхожденіи, заключала въ себѣ протестъ противъ католичества. И въ то время, когда католическая церковь постоянно стремилась къ гегемоніи въ государствѣ въ томъ отношеніи, что она хотѣла властвовать, какъ надъ воспитаніемъ будущихъ поколѣній, такъ и надъ сердцами толпы (при посредствѣ благотворительныхъ дѣяній), восточная церковь старалась поставить себя подъ покровительство государства. Я поэтому не думаю, чтобы у насъ и особенно въ XIX столѣтіи, когда идеи и способности народовъ берутъ иное направленіе, могло удасться устроить значительную общину на основѣ чистой

христіанской любви. Это по крайней мѣрѣ безъ большихъ преобразованій едва-ли было бы возможно. Я одобряю и цѣню ваше стремленіе, какъ идеалъ; я вполнѣ съ вами соглашаюсь, что высокій идеалъ всегда долженъ быть положенъ въ основу нашихъ дѣяній; но съ практической точки зрѣнія я не могу согласиться, что выборъ подходящихъ личностей для сооруженія будущаго зданія долженъ быть произведенъ по одному лишь началу христіанской любви. Въ такомъ случаѣ вы натолкнетесь на непреодолимыя препятствія и откроете широкій доступъ въ святилище, вмѣстѣ съ немногими избранными, также и большому потоку лицемѣровъ и тартюфовъ. Дай Богъ, чтобъ я ошибался. Но я больше не хочу васъ разочаровывать. Оставайтесь всегда при вашемъ высокомъ идеалѣ. Вы требуете отъ вашихъ отборныхъ людей слишкомъ много; но идеальныя стремленія въ семъ мірѣ являются всегда утѣшительными явленіями, особенно, когда убѣждаешься, что отъ отборныхъ людей въ самомъ государствѣ не требуется не только никакихъ недостижимыхъ добродѣтелей, но даже здраваго человѣческаго разума. Въ странѣ, гдѣ я теперь живу, я имѣю самыя наглядныя доказательства сказаннаго. Вы совсѣмъ не можете себѣ представить, и въ коренной Россіи себѣ вообще не представляютъ, какое странное смѣшеніе замѣчается въ здѣшнихъ губерніяхъ. Настоящій Русскій элементъ столь же слабо здѣсь представленъ какъ въ Прибалтійскомъ краѣ, съ тѣмъ еще различіемъ, что въ названномъ краѣ дѣла гораздо лучше устроены, и ненависть къ Русскимъ менѣе разительна, чѣмъ здѣсь. Политика Поляковъ въ настоящее время преимущественно основана на томъ, что они стремятся убѣдить своихъ соотечественниковъ за границею и вообще всю Европу, что ихъ національность здѣсь на нашей сторонѣ не дремлетъ, а жива, а это при нынѣ господствующихъ національныхъ тенденціяхъ понятно весьма важно доказать. Поляки, при этой довольно систематически проводимой политикѣ, стремятся съ одной стороны изобразить въ своей литературѣ старый Польскій міръ всюду въ блестящихъ краскахъ; съ другой стороны они стараются дѣлать разныя эфектныя демонстраціи. Они, напр., въ прошломъ году подали Государю прошеніе о введеніи Польскаго языка во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ; они хотятъ и въ этомъ году отправить въ Петербургъ депутацію (съ просьбою объ учрежденіи каѳедры Польской литературы въ Университетѣ) и т. п.; все это очевидно съ цѣлью, чтобы заграничныя газеты поставили всю Европу въ извѣстность, въ какой степени ихъ національность еще жива. Они очень хорошо понимали въ прошломъ году (я это знаю изъ достовѣрнаго источника), что ихъ дерзкое прошеніе не будетъ принято; этого они именно хотѣли, чтобы имѣть право говорить: «смотрите, какъ мы угне-

тены, и смотрите, какъ мы настроены». Два года тому назадъ я еще ходатайствовалъ въ министерствѣ о введеніи въ школахъ Польскаго языка, наравнѣ съ Французскимъ и Нѣмецкимъ, чтобы отнять у Поляковъ всякій предлогъ къ жалобѣ на угнетеніе. Но медлили рѣшеніемъ, находили разныя отговорки, и вотъ мѣшканіе послужило въ настоящемъ году лишь къ тому, что Польское дворянство само достигло этой цѣли, обратившись (на выборахъ) къ Государю. Ихъ просьба исполнена, хотя съ тѣмъ ограниченіемъ, что Польскій языкъ введенъ лишь въ гимназіяхъ, а не въ Университетѣ, и что содержаніе учителей (послѣ первыхъ трехъ лѣтъ) предоставляется самому дворянству. Разъ же сказано *а*, то слѣдуетъ сказать и *б*, и каѳедра Польской литературы должна будетъ также открыться. Это и не составляетъ бѣды; напротивъ того, это вполнѣ справедливо; но наше несчастіе состоитъ въ томъ, что всѣ эти необходимыя и своевременныя нововведенія только тогда разрѣшаются, когда они требуются самими Поляками. Это, по моему взгляду, неполитично; потому что такой способъ дѣйствія поддерживаетъ и усиливаетъ ихъ собственную политику.

Такіе faux pas я вижу на каждомъ шагу. Такъ въ настоящее время Поляки стремятся соединиться съ Малороссами, т. е. съ образованною частью ихъ, и что̀ же дѣлаютъ противъ этого? Малороссамъ дозволяютъ броситься въ объятія Поляковъ, не стараются привлечь ихъ симпатіи, хотя Малороссійскія національныя стремленія для Россіи нисколько не опасны; ихъ религія—наша и столь же, какъ наша, неблагопріятна католической; ихъ языкъ—только нарѣчіе нашего, и разработка его можетъ только содѣйствовать разработкѣ нашего языка. Поляки (Польскіе студенты) желаютъ ко времени возобновленія контрактовъ, когда вся публика состоитъ почти изъ однихъ Поляковъ, устроить въ пользу бѣдныхъ студентовъ театральное представленіе. Отъ нихъ требуютъ, не смотря на ихъ нежеланіе, чтобы они играли въ театрѣ не иначе, какъ въ сообществѣ съ Русскими студентами; Русскіе же, усматривая, что ихъ игра является лишь дополненіемъ Польской, отказываются. Поляки опять соединяются съ Малороссами и убѣждаютъ ихъ поставить лишь одни національныя, Малороссійскія пьесы. Такимъ образомъ выходитъ, что Поляки и Малороссы на сценѣ опять выступаютъ вмѣстѣ. Лучше ли это, чѣмъ еслибы Поляки играли одни для себя? Я старался, правда, нравственнымъ путемъ и нисколько не посредствомъ принужденія, избѣгнуть всякой причины для демонстрацій со стороны Поляковъ. Но если мнѣ не помогутъ на этомъ пути, то Поляки вновь соединятся съ Малороссами: ибо тѣмъ, что не хотятъ признать раздѣленіе національностей, которое фактиче-

ски все же существуетъ, у меня отнимаются всѣ законныя средства къ воздѣйствію на каждую партію въ отдѣльности. Все еще стараются примѣнять несчастную систему сертучиванія и покрыванія всего пустою формою. Какъ будто не легче совладать возмущающимся юношествомъ, когда оно раздѣлено въ явственныя партіи? Опасаются столкновеній между этими партіями, какъ будто столкновенія всей массы съ обществомъ и общественнымъ порядкомъ не опаснѣе? Развѣ не было бы раціональнѣе и выгоднѣе посредствомъ разумныхъ, своевременныхъ и исходящихъ сверху (но понятно не слишкомъ поздно сдѣланныхъ) уступокъ избѣгнуть всякихъ демонстрацій снизу, которыя, подавленныя силою, подливаютъ только масло въ огонь. Не возможно ли было бы этимъ самымъ избѣгнуть именно того, что̀ Польская пропаганда всѣми возможными средствами старается осуществить? Почему смотрятъ такъ подозрительно на чисто-Русскую пропаганду, которая могла бы служить въ здѣшнемъ краѣ противоядіемъ Польской? Почему напр. не стараются улучшить здѣсь устройство Русскаго театра, этого могущественнаго средства, и допускаютъ, чтобы онъ оставался въ худшемъ состояніи, чѣмъ Польскій? Чего опасаются отъ организованной Русской пропаганды, на которую одну лишь можно положиться, какъ на средство противъ Польской? Демагогическихъ ли интригъ? Но становятся ли эти интриги слабѣе или менѣе опасными, вслѣдствіе недозволенія примѣнять могучее нравственное средство? Кто ручается въ томъ, что онѣ въ потемкахъ, въ связи съ Польскими и Малороссійскими интригами, не могутъ надѣлать гораздо больше бѣды? Почему отталкиваютъ отъ себя другую не столь безсильную, какъ она кажется, партію—партію находящагося въ періодѣ образованія еврейства *). Вліяніе его въ здѣшнихъ губерніяхъ не должно быть оцѣнено слишкомъ низко. Разъ же имѣешь на своей сторонѣ Малороссовъ, образованныхъ Русскихъ и Евреевъ, то можно быть вполнѣ безопаснымъ на счетъ Поляковъ. Какъ это хотятъ закрыть глаза и не видѣть того, что̀ нравственно de facto существуетъ, хотя de jure не признается. Непостижимо! Но придетъ время, когда будутъ раскаяваться въ этихъ политическихъ ошибкахъ. Здѣшнія губерніи слишкомъ важны для Россіи и нуждаются въ свѣтлыхъ умахъ, которые могли бы правильно оцѣнить и вникнуть во всѣ обстоятельства. Если признано было цѣлесообразнымъ измѣнить порядокъ дѣйствія, который примѣнялся здѣсь въ теченіи почти двадцати лѣтъ, то нельзя безъ большаго вреда отступить, и отнюдь невозможно смѣшеніе прежняго способа дѣйствія съ новымъ. Черезъ это постоянно подвергаешься

---

*) Увѣряютъ, что мать автора была крещеная Еврейка, о чемъ, впрочемъ, не говорится въ извѣстныхъ его автобіографическихъ запискахъ. П. Б.

опасности сдѣлать что-либо предосудительное. Для самого себя лично я не требую ничего лучшаго, какъ держаться вдали отъ всѣхъ этихъ запутанныхъ обстоятельствъ и предпочитаю уединеніе и деревенскую жизнь всякаго рода столкновеніямъ и непріятностямъ. Но я не дѣлаю и не сдѣлаю къ тому перваго шага, потому что я считаю такой образъ дѣйствія слабостью. Я потому буду спокойно ждать, пока со мною простятся или меня заставятъ проститься. Хотя при нынѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ очень трудно, на 50-мъ году жизни, вступить на новое поприще; однако я покоряюсь судьбѣ и тѣмъ утѣшенъ, что я имѣю между моими друзьями только очень мало глупцовъ, а между моими врагами много слабоумныхъ. Вашъ на всегда вамъ преданный Пироговъ.

II.

О воспитаніи и обученіи.—О крестьянахъ и помѣщикахъ.

Вышня, 3 Февраля 1862 г.

Я начинаю мое письмо, многоуважаемый другъ, тѣмъ, чѣмъ вы кончили ваше письмо, т. е. обращеніемъ ко всемірной исторіи. Мнѣ кажется, будто именно всемірная исторія такъ противорѣчитъ нашей національной, что мы по неволѣ не можемъ слѣдовать ея указаніямъ. Мы ошибаемся вслѣдствіе аналогіи событій, смыслъ же таковыхъ совершенно другой въ нашей и во всемірной исторіи. Не заключайте отсюда, ради Бога, что я сдѣлался Славянофиломъ. Но когда видишь то, что̀ творится вокругъ насъ, дѣйствительно совсѣмъ теряешься и въ концѣ концовъ вовсе не знаешь, при чемъ же остаешься. Возьмите университетскій или вообще школьный вопросъ, возьмите крестьянскій вопросъ, финансовый, возьмите всѣ вопросы, какіе вы хотите: на всѣ имѣется отвѣтъ, но такой запутанный, что по истинѣ было бы лучше, если бы не имѣлось на нихъ никакого отвѣта.

Должно ли воспитаніе и обученіе все еще оставаться монополіею правительства, или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ, гдѣ средства? Развѣ на самомъ дѣлѣ полагаютъ, что двухъ или трехъ миліоновъ рублей достаточно для воспитанія 60 или 70 миліоновъ людей, если правительство должно содержать учителей и заведенія, снабдить ихъ учебными пособіями и устроить за ними надзоръ? Что̀ было сдѣлано въ теченіи 20 лѣтъ, чтобы надлежащимъ образомъ организовать самое важное во всемъ этомъ дѣлѣ, а именно личный составъ учителей? Къ чему служитъ перемѣна министра, если главный вопросъ остается безъ отвѣта? Я говорю, какъ Антоній передъ трупомъ Цезаря: «и Брутъ, и Кассій, и всѣ они почтенные и достойные уваженія люди»; но гдѣ у нихъ средства, чтобы порядочно провести въ дѣлѣ воспитанія монополію правительства? Въ воспитаніи, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ

вспаханное мѣсто обширнѣе, тѣмъ бо́льшій капиталъ долженъ быть затраченъ, и если таковаго не имѣешь, то слѣдуетъ или покориться, какъ я, бѣдный помѣщикъ, тому, чтобы видѣть, какъ наилучшія полосы заростаютъ плевелами и чертополохомъ, или же рѣшиться на отдачу пашни въ оброчное содержаніе. Я понимаю, что подобная аренда, какъ для меня, такъ и для правительства, не особенно выгодна: скорѣе бы хотѣлось самому обработать землю, но пусть тогда не требуютъ порядочнаго хозяйства. Хорошій сельскій хозяинъ, правда, всегда нуженъ, но изъ ничего онъ все же сдѣлаетъ ничто—и не болѣе. Если министру не удается развить въ учебныхъ заведеніяхъ (будь то приходскія школы или университеты) научный духъ или высшее стремленіе къ познанію, то онъ долженъ отказаться отъ притязанія на порядокъ и нравственность въ такихъ заведеніяхъ: они обращаются тогда въ мѣста волненій и безпорядковъ, которыя болѣе достойны полицейскаго присутствія, чѣмъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Но гдѣ же у насъ средства, чтобы достигнуть въ учебныхъ заведеніяхъ развитія высокаго, научнаго стремленія? Гдѣ личный составъ, гдѣ деньги для этого? Отнимите теперь всѣ права у нашихъ учебныхъ заведеній (я не защитникъ этихъ правъ при совершенномъ упраздненіи таковыхъ въ одинаковой степени въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ министерствъ и департаментовъ), и число студентовъ при нынѣшнемъ направленіи умовъ въ нашемъ обществѣ останется тѣмъ не менѣе довольно значительнымъ: большинство учащихся предастся тогда ученію изъ-за насущнаго хлѣба, хотя это стремленіе безъ сомнѣнія уже и теперь существуетъ. Какъ же можно полагать, что эта, собранная въ учебныхъ заведеніяхъ, учащаяся изъ за куска хлѣба, молодежь будетъ вести себя спокойно, пассивно и вполнѣ тихо, пока она не находитъ себѣ занятія, которое могло бы соотвѣтствовать ея склонности и стремленію къ выгодѣ? И нынѣ это такъ. Недостатокъ находящихся въ распоряженіи министерства учебныхъ средствъ выражается именно самымъ нагляднымъ образомъ, когда настаетъ необходимость удовлетворить инстинктивное чувство выгоды учащихся. Можно, конечно, разными искусственными регулятивами уменьшить число учащихся въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, можно напр. открыть доступъ въ наши университеты только отборнымъ лицамъ. Но, во первыхъ, весьма еще сомнительно, подобаетъ ли такое распоряженіе состоянію нашего просвѣщенія и, во вторыхъ (и это самое главное), что̀ дѣлать съ тѣми, коимъ закрытъ доступъ въ университетъ и коихъ личное стремленіе къ выгодѣ тѣмъ не менѣе, по всей справедливости, должно бы быть удовлетворено? Число ихъ, какъ сказано, въ настоящее время довольно значительно. Можетъ ли число этихъ неудовлетворенныхъ и обманутыхъ принести пользу государству? Если правительство дѣй-

ствительно признаётъ удобнымъ открыть высшія учебныя заведенія только отбору (подъ нимъ у насъ, понятно, разумѣютъ лишь сыновей самыхъ знатныхъ и богатыхъ семействъ, отъ этого fardeau не освободится у насъ ни одинъ министръ народнаго просвѣщенія), то оно должно, справедливымъ образомъ, учредить для учащихся изъ-за насущнаго хлѣба другія заведенія, техническія, политехническія, назовите ихъ, какъ желаете. Но средства, средства! Кто, какъ я, по опыту знаетъ, съ какими трудностями сопряжено у насъ пріобрѣтеніе даже самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, тотъ конечно согласится, что при нынѣшнемъ положеніи нашихъ финансовъ всѣ проекты объ учрежденіи новыхъ порядочно и практически-устроенныхъ заведеній могутъ быть сдѣланы только на бумагѣ. Если дѣйствительно гдѣ-либо настояла крайняя необходимость въ устройствѣ новыхъ практическихъ учебныхъ заведеній, то это было несомнѣнно въ Кіевѣ, гдѣ стремленіе къ ученію изъ-за куска хлѣба очень распространено между молодыми людьми, и гдѣ удовлетвореніе этого стремленія могло бы имѣть существенную пользу и въ политическомъ отношеніи;—и именно въ Кіевѣ, въ которомъ болѣе 800 молодыхъ людей изучаютъ медицину, ни мнѣ, ни моимъ предшественникамъ не удалось основать городскую клинику, хотя всѣ условія къ тому уже были на лицо: и Государь, и министръ, и генералъ-губернаторъ дали свое согласіе. Тѣмъ не менѣе все дѣло сокрушилось, послѣ пяти или шести-лѣтней переписки, о пассивную vis inertiae нашей администраціи. Если же умы учащихся не находятъ въ учебныхъ заведеніяхъ полезнаго занятія, если они смотрятъ на пребываніе въ этихъ заведеніяхъ, которыя не доставляютъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ для практическаго образованія, какъ на необходимый переходъ для полученія диплома, то удивительно-ли, что праздность и оставшаяся безъ удовлетворенія склонность даютъ имъ иное направленіе? Я не хочу утверждать, что это единственная причина всѣхъ волненій и безпорядковъ, которые въ послѣднее время возникали въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но эта причина все же слишкомъ важная, чтобъ остаться безъ вниманія.

Другая причина лежитъ еще глубже и еще менѣе доступна Министерству Народнаго Просвѣщенія, хотя бы оно проектировало какія угодно распоряженія противъ нея. Какъ можно на самомъ дѣлѣ не видѣть того, что̀ такъ ясно? Гдѣ же, какъ не въ стремленіяхъ и дѣйствіяхъ молодежи, обнаруживается духъ всего просвѣщеннаго и полупросвѣщеннаго общества, дѣтищемъ и отраслью коего является эта молодежь? Если вся Германія послѣ Французской войны была проникнута разными патріотическими и направленными на единство стремленіями; то таковыя обнаружились, задолго еще до 1848 года, въ уни-

верситетахъ подъ видомъ товариществъ (Burschenschaft). Рыцарское и сепаратистическое стремленіе Нѣмецкаго общества въ Прибалтійскомъ краѣ выражается въ Дерптѣ посредствомъ землячествъ и дуэлей. Грубый Славянскій матеріализмъ иногда проявлялся, сорокъ лѣтъ назадъ, въ Русскихъ университетахъ—въ дикихъ оргіяхъ, въ дракахъ въ публичныхъ домахъ и въ попойкахъ казеннокоштныхъ студентовъ. Почему должно настоящее время представить исключеніе? Въ учебныхъ заведеніяхъ обнаруживаются Польскія тенденціи наравнѣ съ современными Русскими. Не университеты, не учебныя заведенія суть колыбели этихъ волненій, и не здѣсь слѣдуетъ имъ противодѣйствовать, пока это еще возможно. Учебныя заведенія могутъ только служить правительству барометрами, указывающими большее или меньшее давленіе воздуха. Я знаю, что общество, при такихъ обстоятельствахъ, обыкновенно первое жалуется на университетскія и училищныя волненія; но оно при этомъ безсознательно жалуется на само себя. Вѣдь случалось же здѣсь, что Польскіе родители обвиняли учителей и директоровъ учебныхъ заведеній за патріотическія демонстраціи своихъ дѣтей. Страннымъ остается всегда, что разумные люди занимаются тѣмъ, что изъ-за непогоды бьютъ по барометру или такъ хотятъ его перестроить, чтобы онъ не показывалъ непогоды, когда давленіе воздуха значительно. Я не говорю, чтобы эти изъявленія молодежи были сами по себѣ безразличны и могли бы быть поэтому безпрепятственно допустимы; я только говорю, что цѣлебное средство лежитъ не тамъ, гдѣ его ищутъ. Университетъ, какъ въ нынѣшнее время его понимаютъ учителя и учащіеся, есть нѣчто такое, что̀ съ нашимъ порядкомъ управленія отнюдь несовмѣстимо. Пусть меня за это побьютъ, но я останусь при своемъ мнѣніи. Пусть лучше не обманываютъ людей и пусть не даютъ обманывать себя. 25, 50 и 100 лѣтъ существуютъ наши университеты, и мы дошли наконецъ до того, что никакихъ еще преподавателей мы не имѣемъ и, если одинъ изъ нихъ уходитъ, то съ большимъ трудомъ, для замѣщенія его, находятъ другаго. Но что̀ такое Министерство Народнаго Просвѣщенія безъ преподавателей и учебныхъ пособій? Теперь много говорятъ о народныхъ школахъ, говорятъ уже два или три года, что недостаетъ учителей, и, за неимѣніемъ чего-либо лучшаго, дѣло это ввѣрили сельскимъ попамъ; но почему же не устраиваютъ, какъ можно скорѣе и coûte qui coûte, чего либо, чтобы образовать учителей? То говорили, что образованіе ихъ требуетъ слишкомъ много времени, то недоставало средствъ, и послѣднее остается именно главною причиною; потому что на самомъ дѣлѣ, когда такъ спѣшишь съ дѣломъ народнаго образованія, то не слѣдовало бы отдавать его на такой продолжительный срокъ въ руки однихъ лишь поповъ. Только alter ego правителя можетъ быть въ

монархическомъ государствѣ министромъ народнаго просвѣщенія, если это просвѣщеніе должно быть дѣйствительно дѣломъ, а не призракомъ, и я теперь вполнѣ понимаю смыслъ тѣхъ словъ, которыя покойный министръ *Уваровъ* сказалъ мнѣ при первомъ моемъ поступленіи на службу: «Не забывайте, что министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи это Государь, а не я». Теперь, правда, это нѣсколько иначе; съ тѣхъ поръ власть министра была значительно ограничена; онъ болѣе не столь могущественъ, какъ прежде, и это хорошо. Ни къ одной изъ разнообразныхъ отраслей администраціи коллегіальное устройство (которое можно найти какъ въ главномъ управленіи училищъ, такъ и въ цензурномъ комитетѣ) не подходитъ такъ хорошо, какъ именно къ министру народнаго просвѣщенія. При такомъ коллегіальномъ устройствѣ казалось бы даже невозможнымъ, чтобы министры народнаго просвѣщенія могли носить такую отвѣтственность передъ правительствомъ и столь легко и скоро быть смѣщаемы; а все же, кажется, они слишкомъ мало воспользовались этимъ предохраняющимъ ихъ устройствомъ, или же не были въ состояніи имъ воспользоваться.

Но не отпадутъ ли или не уменьшатся ли по крайней мѣрѣ значительно всѣ эти затрудненія и невыгоды, связанныя съ монополіею правительства въ дѣлѣ воспитанія, если эта монополія прекратится? Я знаю, что это опять не согласуется съ монархическимъ государственнымъ началомъ; но должны ли насъ останавливать противорѣчія, когда неумѣстность и недостатки монополіи стали столь очевидными. Меня радуетъ, что вы также убѣдились въ безполезности изданія уставовъ и правилъ, пока обстоятельства сами себя еще не привели въ порядокъ. Австрійская зараза регламентаціи не подходитъ къ Славянской почвѣ.

Блестящее доказательство этого даетъ намъ нашъ крестьянскій вопросъ. Какъ прекрасно и систематически былъ онъ приведенъ въ порядокъ на бумагѣ; крестьяне дураки, должны были только открыть книгу, и они получили бы тамъ отвѣтъ на всѣ ихъ безразсудныя сомнѣнія. Но, къ несчастію своему, они не умѣютъ читать, держатъ книгу закрытою у себя въ карманѣ и не вѣрятъ тому, что́ имъ изъ этой книги прочитываютъ. Столь колоссальное недоразумѣніе, каковымъ до сихъ поръ является здѣсь крестьянскій вопросъ, рѣдко можно встрѣтить въ народной исторіи. Сверху требуется точное исполненіе всѣхъ содержащихся въ Положеніи 19-го Февраля предписаній и законовъ, всѣхъ заключенныхъ между помѣщиками и крестьянами контрактовъ; снизу же, напротивъ, не принимаются ни законы, ни контракты, и ничего не исполняется. Новое высочайше утвержденное и столь хорошо и систематически выработанное Положеніе лежитъ передъ нами, а народъ продолжаетъ вполнѣ спокойно дѣйствовать по старому. Сколько времени продлится столь странное состоя-

ніе—то вѣдаетъ одинъ лишь Богъ. Вы говорите, что было бы несоотвѣтственнымъ порвать насильно прежнія отношенія и не оставить никакой связи между господами и крестьянами; но вы, кажется, обращаете слишкомъ мало вниманія на матеріальные интересы въ крестьянскомъ вопросѣ и смотрите на него только съ нравственной стороны; между тѣмъ именно матеріальные интересы составляютъ какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ, рѣшительное «быть или не быть». Помѣщикъ говоритъ: я теряю неизбѣжно и теряю такъ много, что долженъ отказаться отъ сельскаго хозяйства, если остаюсь на половину связаннымъ съ крестьянами; я являюсь тогда въ слишкомъ незначительной степени господиномъ, чтобы всѣ мои требованія могли быть въ точности исполнены крестьянами, и въ слишкомъ незначительной степени свободнымъ предпринимателемъ, чтобы торговаться съ крестьянами, какъ съ свободными рабочими». Мужикъ говоритъ: «теперь гирше (хуже) прежняго; прежде я имѣлъ дѣло только съ однимъ моимъ господиномъ, онъ сѣкъ меня,—это правда, но онъ также платилъ за меня; теперь же волость сѣчетъ меня, и я плачу почти вдвое болѣе того, что̀ я платилъ прежде, и кромѣ того я долженъ работать для господина или также платить; гдѣ же моя свобода? Это быть не можетъ, меня обманываютъ, и то, что̀ мнѣ говорятъ о царской волѣ вовсе не царская, а панская воля. Такое положеніе, такое среднее состояніе не можетъ долго продлиться; обѣ въ дѣлѣ заинтересованныя стороны не удовлетворены и именно потому, что старались удовлетворить обѣ. Принципъ «добровольныхъ соглашеній» былъ принятъ, и полагали узрѣть чудеса; къ сожалѣнію забыли, что для проведенія этого прекраснаго принципа взаимное довѣріе вполнѣ необходимо. Но гдѣ найти таковое? Крѣпостное право разрушило его въ корнѣ. Не то, что довѣріе, а полное недовѣріе замѣчается всюду. Это самое недовѣріе усилится, если узы между господами и крестьянами будутъ существовать еще долѣе. Крестьянинъ будетъ видѣть въ нихъ только нерасположеніе помѣщиковъ къ совершенному его освобожденію и постоянно будетъ стараться разорвать ихъ. Извѣстное ученіе о постепенномъ переходѣ отъ рабства къ свободѣ, отъ нежеланія къ склонности, теоретически неопровержимо; но на практикѣ невыгоды его столь же очевидны, какъ недостатки внезапнаго и совершеннаго перехода, и именно потому, что, вопервыхъ, невозможно устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы всѣ ступени перехода постепенно и незамѣтно слѣдовали одна за другой; а вовторыхъ потому, что подобный переходъ никогда не удовлетворяетъ партійныхъ надеждъ и подастъ поводъ къ постояннымъ и продолжительнымъ раздраженіямъ обѣихъ сторонъ. Природа же дѣлаетъ внезапно изъ неуклюжей куклы летящую бабочку, и ни кукла, ни бабочка не жалуются на это.

Словомъ, я говорю только одно: пока отношенія между крестьянами и помѣщиками будутъ устанавливаться согласно этому ученію, матеріальные интересы обѣихъ партій испытаютъ только невыгоды, ни барщина, ни оброкъ не будутъ точно выполняться, и сельское хозяйство, какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ, ухудшится; никто изъ нихъ не будетъ удовлетворенъ, и государство не будетъ имѣть безопаснаго покоя. Крестьяне находятся теперь въ безпокойномъ снѣ и если они проснутся безъ имущества, тогда все будетъ слишкомъ поздно. Пусть поэтому не медлятъ. «Невозможно» говорятъ мужики, «чтобы царь насъ оставилъ безъ земли. Онъ имѣетъ достаточно земли, и хоть сколько-нибудь да дастъ намъ; но до поры до времени мы должны, какъ намъ при чтеніи манифеста было приказано попомъ и приставомъ, еще по прежнему работать и терпѣливо ждать»; но понятно, они работаютъ при этомъ не столь терпѣливо, какъ прежде. Пусть они только не будутъ обмануты въ своихъ надеждахъ, пусть выкупъ земли совершится раньше, чѣмъ ихъ «до времени». Своихъ крестьянъ я поставилъ на оброкъ совершенно своеобразно, такъ какъ оброкъ (что вы знаете) необходимое условіе выкупа; я предложилъ имъ еще въ Маѣ 1861 года платить мнѣ за землю по законнымъ цѣнамъ, а такъ какъ они не имѣли наличныхъ денегъ, то я платилъ имъ наличными деньгами и по вольной цѣнѣ за ихъ работу на моихъ поляхъ; такимъ образомъ они пріобрѣли столько денегъ, что были въ состояніи не только заплатить за землю, но еще сохранили деньги для прочихъ своихъ потребностей. И при всемъ, этомъ такъ какъ они не довѣрчивы и имѣютъ arrière-pensée о лучшемъ будущемъ, они не хотятъ признать мою систему оброкомъ, наличныя же деньги они совершенно спокойно берутъ отъ меня; работаютъ же они хорошо—въ этой справедливости имъ отказать нельзя. Положеніе всего дѣла, слѣдовательно, совершенно своеобразно: я и губернское присутствіе разсматриваемъ его какъ оброкъ, моя уставная грамота согласно сему также составлена и утверждена на оброкъ; крестьяне же смотрятъ на свои отношенія ко мнѣ, какъ на status quo, и не хотятъ вовсе слышать объ уставной грамотѣ. Между тѣмъ я тѣмъ самымъ получилъ законное право требовать выкупа; дай Богъ только, чтобъ онъ скорѣе состоялся: тогда крестьяне моего помѣстья пробудятся отъ своего сна, какъ свободные люди и собственники; тогда отъ нихъ будетъ зависѣть, сохранить или прекратить извѣстныя отношенія ко мнѣ, ихъ ближайшему сосѣду; если они выберутъ первое, то эти отношенія конечно будутъ пріятнѣе какъ для меня, такъ и для нихъ, чѣмъ среднее состояніе между зависимостью и независимостью. Мое положеніе здѣсь, понятно, гораздо менѣе благопріятно, чѣмъ положеніе другихъ помѣщиковъ въ Россіи. Помѣщики въ Подольской губерніи почти всѣ

Поляки; Поляки же, какъ извѣстно, сумазбродны и дѣлаются, благодаря разнымъ мѣстнымъ распоряженіямъ, еще сумасброднѣе. Здѣсь запрещаютъ, напримѣръ, всѣмъ лицамъ Польскаго происхожденія имѣть оружіе, и вслѣдствіе этого ихъ всѣхъ обезоружили, крестьянамъ же разрѣшаютъ имѣть оружіе (для охоты, какъ сказано въ распоряженіи); вслѣдствіе этого помѣщики думаютъ или притворяются будто они думаютъ, что противъ нихъ хотятъ вооружить крестьянъ. Прекрасныя мысли! Прекрасный поводъ къ такимъ мыслямъ! Далѣе, всѣмъ помѣщикамъ приказали завести справочныя книги, какъ въ ихъ домахъ, такъ и въ корчмахъ, о всѣхъ пріѣзжающихъ и посѣтителяхъ, чтобы, какъ говорятъ, ни одно подозрительное лицо не могло пріѣхать. Можно вообразить себѣ, какія имена вносятся въ такія книги въ каждой корчмѣ: тамъ появляются и Гарибальди, и Костюшко, и Кошутъ; корчмари понятно ничего въ этомъ не понимаютъ. Мировые посредники, которые, какъ извѣстно, должны были замѣнить продажную земскую полицію, здѣсь также Поляки, не пользуются слѣдовательно довѣріемъ правительства и состоятъ поэтому сами подъ наблюденіемъ той именно земской полиціи, которую они должны были замѣнить. Не правда ли, прекрасныя обстоятельства, интересная область для спокойныхъ наблюдателей! Съ одной стороны правительство, предписывающее точно соблюдать всѣ узаконенія, введенныя новымъ порядкомъ вещей, съ другой стороны крестьяне, для пользы и блага коихъ эти узаконенія установлены, не признающіе ихъ и не довѣряющіе всѣмъ законамъ еще менѣе, чѣмъ крестьяне,—это въ немногихъ словахъ наше здѣшнее положеніе. «Мы посмотримъ, мы поглядимъ», говорилъ старый императоръ Францъ всѣмъ, которые допускались Меттернихомъ къ его пріему. Послѣдуемъ также этому благоразумному совѣту, за недостаткомъ лучшаго. Но въ то время, какъ императоръ Францъ говаривалъ эти слова, онъ слушался принципа своего министра: «tout pour le peuple, rien par le peuple». Пусть и нашъ народъ неуклонно послѣдуетъ этому началу, хотя оно уже не такъ современно, какъ прежде. Я же съ своей стороны всегда остаюсь при томъ, что «выкупъ» единственное для насъ слово спасенія и не боюсь особенно бумажныхъ денегъ, такъ какъ все равно нельзя будетъ болѣе имѣть звонкую монету, развѣ что она, старая и новая, постоянно отправляется гулять изъ Бердичева за границу.

Извините, что я такъ много болтаю, но вы знаете Русскую пословицу: чтó у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Прощайте, высокочтимый другъ. Примите мою душевную благодарность за то, что Великая Княгиня еще помнитъ меня. Совершенно преданный вамъ Пироговъ.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА КІЕВСКАГО АРСЕНІЯ КЪ АРХІЕПИСКОПУ КОСТРОМСКОМУ ПЛАТОНУ.

Арсеній Москвинъ, уроженецъ села Воронья, Костромскаго уѣзда, воспитанникъ Петербургской Академіи, V-го курса (1823года), 1825 года ректоръ Могилевской семинаріи, 1826 г. архимандритъ, 1827 г. ректоръ Орловской семинаріи, 1829 г. ректоръ Рязанской семинаріи, 1831 г. ректоръ Тверской семинаріи, 1832 г. Апрѣля 24 епископъ Тамбовскій, 1841 г. Апрѣля архіепископъ Подольскій (преемникъ Кирилла Богословскаго, дяди архіепискова Платона), 1848 года Ноября 6-го архіепископъ Варшавскій, 1860 года Іюля 1 митрополитъ Кіевскій, скончался 1876 года Апрѣля 28 дня.

Платонъ (въ мірѣ Павелъ) Ѳивейскій, архіепископъ Костромской, сынъ священника Московской губерніи Коломенскаго уѣзда, села Ча́нокъ. Окончивъ духовное образованіе въ Московской Духовной Академіи въ 1834 г., онъ былъ оставленъ при ней баккалавромъ на каѳедрѣ церковной словесности и принялъ монашество. Въ 1842 году назначенъ ректоромъ Казанской духовной семинаріи, которая при немъ въ 1843 г. сгорѣла, и онъ переведенъ въ Орловскую семинарію, но не долго служилъ тамъ. По разстроенному здоровью онъ просился на покой въ какой-либо монастырь; но монастыря ему не дали, и пришлось ему жить въ Вильнѣ, а потомъ въ Каменцѣ-Подольскѣ, гдѣ онъ и познакомился съ преосв. Арсеніемъ. Въ 1847 г. Платонъ назначенъ ректоромъ Тамбовской семинаріи, въ 1852 г. переведенъ во Владимирскую. Въ 1856 г. возведенъ въ санъ епископа Старорусскаго, викарія Петербургскаго митрополита, въ 1857 г. назначенъ на каѳедру Костромскую, въ 1868 получилъ званіе архіепископа и скончался въ Костромѣ въ 1877 году. Платонъ, посланный въ 1845 году въ Каменецъ-Подольскъ, прибылъ туда при Арсеніи. «Преосвященный Арсеній (пишетъ въ своихъ Запискахъ Платонъ) принялъ меня очень ласково и, кажется, онъ одинъ изъ рѣдкихъ іерарховъ». Изъ сочиненій Платона извѣстны: Православное Догматическое Богословіе, отличающееся особою точностію въ опредѣленіи догматовъ и ясностію изложенія, такъ что, когда нужно было Японцамъ-христіанамъ дать руководство къ уразумѣнію догматовъ, то на Японскій языкъ переведена была эта книга. Платономъ же составлены: Православно - нравственное Богословіе, Напоминаніе священнику о таинствѣ исповѣди и др. Кромѣ того напечатано нѣсколько избранныхъ словъ и рѣчей его. М. Б.

1.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Благодарю, благодарю, возлюбленный, за ваше поздравленіе и взаимно поздравляю васъ съ новымъ саномъ и съ новымъ мѣстомъ служенія вашего. Въ перемѣщеніи вашемъ изъ Новгорода въ С.-Петербургъ, быть можетъ, отчасти участвовало и мое искренно-любящее васъ слово. Да благословитъ и да благопоспѣшитъ вамъ Господь въ предстоящихъ вамъ подвигахъ, а меня прошу не забывать въ молитвахъ своихъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и братскою любовію, имѣю честь быть вашего преосвященства покорнѣйшій слуга Арсеній а. Варшавскій.

2 Сентября 1856 г.
Москва.

2.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный архипастырь *).

Спѣшу, какъ Костромичанинъ, предстать предъ вами съ новою вашею паствою и принести вамъ вмѣстѣ съ нею и мое усердное поздравленіе. Да благословитъ Господь и пришествіе, и пребываніе, и дѣланіе ваше въ богоспасаемомъ градѣ Костромѣ.

При семъ позвольте просить васъ о милостивомъ вниманіи и покровительствѣ для родныхъ моихъ, которые суть: 1) Костромскаго уѣзда, села Воронья (мѣста моей родины, гдѣ покоится прахъ моихъ родителей) священникъ Димитрій Петровъ Вознесенскій, мой зять, человѣкъ честный и добрый. Село это находится по дорогѣ въ Галичъ—второпрестольный вашъ городъ, и вѣроятно, вамъ вскорѣ придется проѣзжать чрезъ него. Мнѣ весьма было бы пріятно, если бы вы благоволили удостоить своимъ посѣщеніемъ домъ зятя моего: этимъ бы вы замѣнили меня самого. 2) Галичскаго уѣзда, села Воскресенья-Бартеневщины священникъ Ѳеодоръ Андреевъ Гусевъ, мой племянникъ; 3) того же уѣзда с. Сегондина священникъ и благочинный Арсеній Васильевъ Груздевъ, другой мой племянникъ; 4) Кинешемскаго уѣзда села Семеновскаго священникъ Симеонъ Ивановъ Москвинъ, мой третій племянникъ. Всѣ они люди хорошіе и вполнѣ надежные. По крайней мѣрѣ, такъ отзывались объ нихъ прежніе архипастыри; надѣюсь, что и у васъ они заслужатъ доброе о себѣ мнѣніе, а васъ покорнѣйшее прошу призрѣть ихъ своею отеческою милостію.

И вотъ на первый же разъ, не поскучайте, и просьба моя къ вамъ, въ исполненіи впрочемъ, кажется, не трудная. Къ одной изъ

*) Въ слѣдующихъ письмахъ для краткости опускаются обычныя окончанія, какъ и начала. П. Б.

многихъ дочерей бѣднаго священника Москвина пріискался женихъ, сынъ сосѣдняго діакона, исключенный изъ низшаго отдѣленія семинаріи ученикъ Соболевъ, которому отецъ уступаетъ свое мѣсто. Благоволите, когда поступитъ къ вамъ отъ него прошеніе, оказать ему свою милость посвященіемъ его на мѣсто отца въ діакона, чѣмъ сдѣлаете и моему недостоинству въ лицѣ бѣднаго моего племянника, котораго дочь такимъ образомъ будетъ пристроена, большое одолженіе.

Если вздумаете въ досужный часъ написать ко мнѣ, то не позабудьте также написать и о своемъ Петербургскомъ житьѣ-бытьѣ и о тамошнихъ дѣлахъ и дѣяніяхъ, особенно же о новомъ митрополитѣ и общемъ нашемъ знакомцѣ о. архимандритѣ Іоасафѣ.

Поручая себя молитвамъ вашимъ и доброй памяти и пр.

25 Марта 1857 г.
Варшава.

3.

Душевно сожалѣю, что вамъ довелось отъ трудовъ нелегкихъ перейти къ трудамъ тягчайшимъ. Но излишне не скорбите и не унывайте: съ вѣрою и надеждою на Бога, при вашемъ извѣстномъ мнѣ усердіи къ дѣлу и благоразуміи въ поступкахъ, авось со временемъ все приведете въ добрый и стройный порядокъ.

Списокъ родныхъ моихъ, по вашему благожелательному для меня соизволенію, при семъ прилагаю, хотя въ первомъ письмѣ моемъ къ вамъ и упоминалъ уже объ нихъ.

Вѣрю, что, по случаю учрежденія церковныхъ штатовъ, интригъ всякаго рода было и будетъ много: я уже испыталъ и испытываю ихъ.

Ко вреду зятя моего священника с. Воронья Димитрія Вознесенскаго явилось къ вамъ ходатайство за молодаго священника Расхоматскаго. Тамошняя помѣщица, Нелидова (ничтожная и бѣдная, но все-таки помѣщица); но вы мудрымъ словомъ своимъ съ перваго же раза отразили ее, сказазъ ей: «пусть самъ священникъ проситъ о себѣ, тогда я разберу дѣло, и что̀ окажется нужнымъ сдѣлать, сдѣлаю безъ посторонняго вмѣшательства». Такимъ образомъ задуманная интрига остановлена въ началѣ, но вовсе не прекращена, а какъ слышу готовится при удобномъ случаѣ возстать съ новою силою, напередъ хвастливо обѣщая себѣ и проповѣдуя другимъ полный успѣхъ.

Да, въ здѣшнемъ мірѣ для насъ мало утѣшенія или, вѣрнѣе сказать, нѣтъ никакого: постараемся не потерять будущаго мздовоздаянія.

Неудивительно, что одни изъ нашей братіи спѣшатъ на покой, а другіе преждевременно отправиться на тотъ свѣтъ. Вотъ и Одесскій

кончилъ неожиданно жизнь [1]). Въ Москвѣ я послѣ 29-ти лѣтней разлуки съ нимъ увидѣлся въ послѣдній разъ. Ни онъ, ни я о томъ не думали. Кому-то жребій выпадетъ занять его мѣсто въ Одессѣ? Думаю не на радость. Покойный, сколько мнѣ извѣстно по слухамъ и по его личному характеру, заботился болѣе о блескѣ и славѣ своего имени, нежели о пользѣ епархіи. Вѣроятно работы послѣ него преемнику будетъ довольно.

Но пока прощайте и не забывайте меня въ молитвахъ своихъ.

8 Іюля 1857.
Почаева Лавра.

4.

Вы умножая умножили любовь свою къ моему недостоинству и милость свою къ роднымъ моимъ, удостоивъ Воронскую церковь своимъ личнымъ освященіемъ, а хату моего зятя священника Вознесенскаго своимъ милостивымъ посѣщеніемъ. Зять мой въ чрезвычайномъ восторгѣ объ этомъ ко мнѣ пишетъ и проситъ меня благодарить васъ. Благодарю васъ душевно за него и за себя. Воронскіе прихожане тоже отъ вашего посѣщенія въ восхищеніи. Счастлива моя родина, что имѣетъ такого добраго и благопризнательнаго архипастыря. Да благословитъ васъ Господь во всѣхъ дѣлахъ вашихъ.

Чтó ваше здоровье? Каково оно нынѣ, а прежде оно было не совсѣмъ въ исправномъ положеніи. Мое же, благодаря Бога, еще держится, хотя нельзя сказать, чтобы по временамъ не прихрамывало. Ну да и лѣта мои, должно, впереди отъ вашихъ. Судя по этому, еще слава Богу.

Примите на себя трудъ передать при случаѣ мое благословеніе и благодарить за Воронское посѣщеніе и о. ректору семинаріи вашей Викторину.

22 Іюня 1860 г.
Житоміръ.

5.

С.-Петербургскаго митрополита вы не угадали, за то поздравьте меня съ Кіевомъ и сохраните ко мнѣ прежнюю любовь свою [2]).

Завтра я выѣзжаю въ Варшаву, и оттуда по особому Высочайшему повелѣнію, отправлюсь въ С.-Петербургъ, изъ С.-Петербурга же, если Богъ благоволитъ, направлю стопы мои къ новой моей резиден-

[1]) Иннокентій Борисовъ, арх. Одесскій, скончался 1857 г. Мая 26-го. Преемникъ его Димитрій Муретовъ еп. Тульскій съ Іюня 11 д. 1857 г.

[2]) Арсеній назначенъ Кіевскимъ митрополитомъ Іюля 1 д. 1860 г.

ціи въ древнепрестольный градъ Кіевъ. Прошу васъ сопровождать меня своими молитвами. Если что узнаю въ Сѣверной столицѣ интереснаго и для васъ, со временемъ напишу о томъ вамъ.

30 Іюля 1860
Почаевская Лавра.

6.

Вы сожалѣете, что не знали предварительно о моемъ намѣреніи заѣхать по дорогѣ изъ Питера въ Москву и Сергіеву Лавру (такъ близко къ вамъ), не пригласили посѣтить и Кострому. Благодарю васъ, возлюбленный; но мнѣ въ такомъ случаѣ пришлось бы въ свою чреду сожалѣть также, что я не могъ бы удовлетворить вашему приглашенію. А и точно: мнѣ крайне было бы пріятно еще разъ въ жизни взглянуть на тѣ мѣста, которыя видѣли мое рожденіе и мою раннюю молодость, и вмѣстѣ поклониться праху моихъ родителей и помолиться надъ нимъ объ упокоеніи душъ ихъ; но многія и многія причины высшаго значенія заставили бы меня по неволѣ отказаться отъ сего духовнаго и вмѣстѣ тѣлеснаго наслажденія.

Пишутъ ли вамъ изъ Москвы и Питера, и что́ пишутъ? А къ намъ сюда доходятъ оттуда слухи не совсѣмъ благопріятные. Какое странное тамъ броженіе умовъ и недовольство настоящимъ, на что намекаетъ мнѣ въ письмѣ своемъ и м. Новгородскій. При такомъ положеніи дѣлъ неизбѣжно будетъ воззвать къ Господу: Призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ Твой, его же насади десница Твоя, милостію и щедротами, и воззвать крѣпкимъ гласомъ изъ глубины души и сердца.

Хотя я, какъ давно уже извѣстно вамъ, кореспондентъ самый неисправный; но тѣмъ не менѣе въ досужіе часы пишите ко мнѣ, зная, что я всякое ваше слово приму съ живымъ участіемъ и съ любовью искреннею, навсегда неизмѣнною.

11 Генваря 1861 г.
Кіевъ.

7.

За новый даръ новаго литературнаго труда вашего приношу вашему преосвященству мою усерднѣйшую благодарность и молитвенно благословляю десницу Божію, укрѣпляющую васъ въ многотрудномъ вашемъ подвигѣ служенія Господу, десными и шуіими. Если есть у васъ печатныя объявленія о выходѣ сей книги, то пришлите ко мнѣ: я ихъ разошлю по Кіевской епархіи. Вѣроятно найдутся желающіе пріобрѣсти покупкою книгу столь полезную.

Вамъ угодно имѣть нѣсколько экземпляровъ моихъ *рѣчей* при вступленіи въ управленіе Кіевскою паствою; исполняю ваше желаніе

и посылаю вамъ столько, сколько на лицѣ оказалось; было и много, да по подобнымъ случаямъ разошлись; печатать же вновь не хочется: потому что я не придаю имъ особеннаго значенія, хотя, не скрою отъ васъ, онѣ многимъ, подобно вамъ, какъ-то приглянулись.

По приложенному при семъ письму пономарки Сахаровой, если можно помочь горю оставленіемъ мужа ея на прежнемъ мѣстѣ, то помогите, а если нельзя, то такъ тому и быть.

У меня теперь гоститъ вашъ прошлогодній гость князь Урусовъ. Въ прошедшемъ 1859 году въ здѣшней Академіи произошло кое-что непріятное между студентами и тогдашнимъ начальствомъ. Вотъ по этому поводу Государь Императоръ и поручилъ ему между прочимъ взглянуть на Академію поближе. Я очень этому радъ; потому что иначе какія-либо дрязги могли бы отразиться и на мое управленіе.

Молитвѣ и любви вашей поручаю себя съ паствою.

9 Февраля 1861 г.
Кіевъ.

8.

Съ благодарнымъ утѣшеніемъ пріемлю вашъ добрый привѣтъ и взаимно посылаю къ вамъ мой полный любви, заочно съ вами отъ всей души христосуясь. А вмѣстѣ съ симъ позвольте мнѣ, на всякій случай, поздравить васъ съ звѣздоноснымъ орденомъ: по крайней мѣрѣ мнѣ это для васъ было навѣрное обѣщано людьми, кажется, заслуживающими полнаго довѣрія. Но если бы, паче чаянія, что̀ впрочемъ я затрудняюсь допустить, обѣщаніе и вѣрныхъ людей на самомъ дѣлѣ оказалось невѣрнымъ, то настоящее поздравленіе мое примите за знакъ моего искренняго доброжелательства вамъ; а тѣхъ, которые скоры на обѣщанія, но медленны въ исполненіи, предадимъ суду и волѣ Божіей и не будемъ болѣе объ нихъ заботиться.

Да, милосердый Господь ко мнѣ много и премного милостивъ, что избавилъ меня отъ Варшавы не задолго предъ тѣмъ временемъ, какъ разразилась надъ нею и надъ всѣмъ Царствомъ Польскимъ буря. Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ я увезъ оттуда съ собою благословеніе Божіе. По крайней мѣрѣ такая именно мысль у нѣкоторыхъ образовалась въ Варшавѣ. Поручаю себя снова новымъ вашимъ молитвамъ и благорасположенію и пр.

25 Апрѣля 1861 г.
Кіевъ.

9.

Ко многимъ и разнобразнымъ трудамъ вашимъ позвольте приложить еще новые труды, издалека къ вамъ отъ меня приходящіе. Прилагаемая при семъ оффиціальная бумага съ моей стороны объяснитъ вамъ, какого рода труды эти. Надѣюсь, что братолюбіе ваше не откажется оказать мнѣ сію немаловажную для меня услугу.

Что ваше здоровье, каковы могутъ дѣла и какъ проходитъ жизнь ваша въ нашей богоспасаемой Костромѣ, спокойно ли, пріятно ли? Тамъ когда-то хорошо было житье-бытье не только архіерею, но и всѣмъ должностнымъ лицамъ: народъ былъ смирный и послушный, и духовенство благочестивое и доброе, хоть и съ грѣшками обычными. А теперь не знаю уже, уцѣлѣло ли что-нибудь отъ стараго быта. Теперь вездѣ видъ и характеръ вещей и людей удивительно какъ быстро измѣнился, не на лучшее, а къ сожалѣнію, на худшее.

Въ Петербургѣ также все что-то не то и не такъ, какъ было прежде: и смутно, и грустно, и опасно, и страшно. Тамошній владыка недавно писалъ ко мнѣ и выразилъ свою скорбь и жалобы.

Оберъ-прокуроръ, слышно, изъ Синода уходитъ, но никакъ не пріищутъ человѣка, способнаго занять его мѣсто [1]). Очень, видно, трудно управлять архіереями; а сами, дескать, архіереи, безъ посторонней помощи, управлять и управляться отнюдь не могутъ. Гдѣ же имъ и отткуда занять этой высокой мудрости?

Москва нынѣ тоже сама на себя не похожа: маститый іерархъ ея также скорбитъ и болѣзнуетъ, и въ одной молитвѣ ищетъ и безъ сомнѣнія находитъ утѣшеніе [2]); но и это мірской и административной мудрости зѣло не понравилось, и она поспѣшила обратиться къ нему съ запросомъ: какъ, почему и для чего, съ чьего дозволенія? Отвѣтъ приличный данъ, но дѣло оттого не улучшилось.

О, всѣмъ намъ, возлюбленный, нужно крѣпко и неослабно молиться, да призритъ Господь окомъ благоутробія своего на святую нашу церковь и любезное отечество наше.

9 Марта 1861 г.
Кіевъ.

---

[1]) Вышелъ графъ Александръ Петровичъ Толстой; его мѣсто занялъ Алексѣй Петровичъ Ахматовъ.

[2]) Введено въ Московскихъ церквахъ добавочное на сугубой эктеніи моленіе объ отвращеніи „праведно на ны движимаго гнѣва Божія“.

10.

Отъ души радуюсь и поздравляю, что г. новый оберъ-прокуроръ посѣтилъ васъ и нашелъ у васъ все въ добромъ порядкѣ. Это будетъ имѣть свои хорошія послѣдствія; истинѣ же отзыва его вы смѣло можете вѣрить: въ Казани, какъ слышу, онъ такъ не лицемѣрилъ, слѣд. въ Костромѣ говорилъ правду. Въ Св. Синодѣ, къ несчастію, было объ васъ не совсѣмъ выгодное мнѣніе. Кѣмъ оно туда занесено, не знаю; но я, бывши прошедшій разъ въ Питерѣ, старался его опровергнуть и, кажется, не безъ успѣха, а теперь очень радъ, что явилось новое моимъ словамъ подтвержденіе.

Взглядъ вашъ на свѣчной проэктъ я признаю вѣрнымъ и думаю, что не мѣшаетъ вамъ въ своемъ отзывѣ кое-что изъ него высказать, только тономъ сколько возможно умѣреннымъ. Можетъ быть, въ разсмотрѣніи сего рода отзывовъ и я буду участвовать, слѣд. мой голосъ будетъ въ вашу пользу.

Оффиціальнаго приглашенія въ Синодъ я еще не имѣю; но Петербургскій владыка еще въ Маѣ писалъ ко мнѣ, что, не смотря на мое отрицаніе, въ нынѣшнемъ Сентябрѣ они намѣрены меня вызвать. Придется ѣхать по неволѣ; а можно ли что-нибудь сдѣлать доброе въ такомъ составѣ синодальныхъ, кресла занимающихъ, каковъ настоящій, не вѣдаю и весьма сомнѣваюсь. Помолитесь о семъ къ Пастыреначальнику Христу Богу нашему.

О святительскихъ молитвахъ вашихъ для себя самого съ паствою усерднѣйше прошу васъ.

9 Сентября 1862 г.
Кіевъ.

11.

За поздравленіе ваше благодарю и, взаимно поздравляя васъ, молитвенно призываю на васъ и родную мнѣ паству вашу всѣ блага небесныя и земныя *въ мѣру наткану и потрясну*.

Вы спрашиваете о предметѣ нашихъ будущихъ разсужденій, о которомъ бы вы могли сообщить свое мнѣніе. Предметъ не одинъ, а четыре, и всѣ они опубликованы теперь во всеобщее извѣстіе въ журналахъ и газетахъ. Впрочемъ, чтобы вамъ долго не рыться въ кипѣ этихъ грязныхъ произведеній нашего времени, я прилагаю при семъ краткую выписку предметовъ, подлежащихъ обсужденію Комитета. И такъ глядите, судите и рядите; но вмѣстѣ знайте, что намъ напередъ сказано, чтобы мы отъ Министерства Финансовъ не надѣялись получить ни одной копѣйки. Слѣдовательно мы обязаны матеріальныя средства на улучшеніе быта духовенства измыслить изъ своего, какъ говорили древніе Греки, чрева; работа, какъ вы изволите видѣть, самая мудреная!

Знайте также, что о поразительной бѣдности архіереевъ здѣсь не должно быть и помину: всѣхъ ихъ клевета словесная, письменная и печатная, нашими же духовными лицами и въ ряскѣ, и во фракѣ составленная и пущенная въ ходъ, успѣла представить публикѣ богачами великими, на свои только прихоти огромныя суммы растрачивающими. Читали ли вы новое пасквильное сочиненіе о состояніи духовныхъ училищъ въ Россіи, за границею, въ Лейпцигѣ отпечатанное и въ Россію, въ видѣ прекраснаго намъ подарка, пущенное? И кто бы, вы думаете, написалъ его? Бывшій профессоръ С.-Петербургской Академіи Ростиславовъ, теперь живущій въ Рязани въ отставкѣ съ большою изъ нашихъ же капиталовъ пенсіею, не смотря на то, что онъ и не выслужилъ законныхъ на то лѣтъ. Если не читали еще этого гадкаго пасквиля, то гдѣ-нибудь достаньте и прочитайте, и вы увидите, что послѣ этого о прибавкѣ жалованья архіереямъ намъ и думать нельзя. Да и прибавки жалованья приходскому духовенству откуда взять? Намъ говорятъ: изъ монастырей и церквей; но монастыри и церкви и безъ того уже до чиста почти ограблены. Вотъ положеніе, въ которомъ мы теперь находимся. Впрочемъ, засѣданія Комитета еще не начались. Посмотримъ, что̀ намъ въ общемъ присутствіи оффиціальные органы скажутъ. Тогда и мы сами что-нибудь скажемъ. Помолитесь ко Господу, чтобы далъ намъ умъ и разумъ, и твердость воли, и взаимное согласіе отразить, по крайней мѣрѣ, нападенія на насъ и поставить себя, хотя сколько нибудь, на лучшую ногу. Не должно обманываться: мы живемъ въ вѣкъ жестокаго гоненія на св. вѣру и церковь, подъ видомъ коварнаго объ нихъ попеченія. Къ несчастію, враги наши нашли себѣ помощниковъ среди насъ же самихъ или въ исшедшихъ отъ насъ, въ людяхъ сожженныхъ своею совѣстію, которые въ одинъ голосъ клевещутъ на насъ, и чрезъ то самую гадкую клевету дѣлаютъ вѣроятною.

Вашего ректора Семинаріи совѣтую вамъ потерпѣть: ибо дурнымъ объ немъ отзывомъ вы порадуете только нашихъ враговъ. Объ томъ они главнымъ образомъ и хлопочутъ, что ректоровъ семинарій и смотрителей училищъ изъ монашествующихъ, какъ людей глупыхъ и неспособныхъ, отъ сихъ должностей оттѣснить и чрезъ то открыть свободный ходъ на сіи должности и на епископскія каѳедры бѣлому духовенству и даже свѣтскимъ наставникамъ. Затѣя, какъ вы можете понять, не малая! И вы противъ воли своей очутились бы въ числѣ сотрудниковъ для ея осуществленія. Согласитесь, что это было бы не совсѣмъ красиво. И такъ оставьте лучше это дѣло до другаго времени, болѣе благопріятнаго, или по крайней мѣрѣ не столь опаснаго. При вашемъ мудромъ руководствѣ, надѣюсь, все уладится.

28 Декабря 1862 г. С.-Петербургъ.

12.

Запросъ къ вамъ г. министра просвѣщенія едва ли можетъ назваться циркуляромъ; по крайней мѣрѣ ни я, ни другой кто-либо изъ находящихся здѣсь архіереевъ такого запроса отъ него не получали; а казалось бы намъ первымъ надлежало получить. Что же это значитъ? Думаю, вотъ что! Надѣясь, что епархіальные архіереи въ провинціяхъ не посмѣютъ изъ деликатности высказать ему горькой о гимназіяхъ правды, онъ спѣшитъ собрать отъ нихъ желаемые отзывы, дабы въ данныхъ случаяхъ для своихъ цѣлей воспользоваться ими. Эти высокопочтенные господа всегда такъ съ нами поступаютъ и нашими же руками на наши головы жаръ загребаютъ. И многіе изъ нашихъ, къ сожалѣнію, увлекшись ласковыми словами высшихъ сановниковъ, вдавались и вдаются въ обманъ.

Но вы, я вижу, съ разу поняли, какъ должно отвѣчать. Сужденіе ваше совершенно здраво и основательно; по крайней мѣрѣ, я вполнѣ раздѣляю его. Только не худо бы, кажется, прибавить къ сему еще и то, чтобы въ университетахъ и гимназіяхъ изъ духовныхъ лицъ былъ не одинъ законоучитель, но и другой наставникъ древней исторіи, а пожалуй и третій по гражданской исторіи. Тогда вліяніе духовенства на воспитаніе и образованіе имѣло бы вѣсъ достаточный. Въ такомъ видѣ отвѣчайте смѣло и отчетливо, и польза изъ этого будетъ вѣрная. Желательно бы было, чтобы и сосѣди ваши отвѣчали подобнымъ образомъ, если только и къ нимъ пришли подобные запросы.

Въ помощь вамъ противъ глупыхъ, но нечестиво-дерзкихъ мировыхъ посредниковъ Св. Синодъ поручилъ г. оберъ-прокурору войти не медля въ сношеніе съ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, и успѣхъ, кажется, будетъ.

За родныхъ моихъ новая моя и глубокая благодарность вамъ. Пока прощайте.

19 Февраля 1863 г.
С.-Петербургъ.

П. п. Присуствіе наше чрезвычайное еще только предуготовительными работами занимается. Нѣсколько вопросовъ будетъ послано окружно ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, слѣд. и къ вамъ, съ требованіемъ на оные отзывовъ не отъ своего только лица, но и отъ всего подвѣдомаго духовенства. Пишите откровенно все, что признаете нужнымъ и полезнымъ. Это была моя первоначальная мысль, какъ вы легко догадаетесь, которая теперь уже и принята прочими.

13.

Воистину воскресе Христосъ!

Сими завѣтными словами взаимно привѣтствую васъ, возлюбленный, съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова, и крѣпко, крѣпко отъ всей души заочно съ вами христосуюсь, усердно желая и молитвенно прося Воскресшаго Господа, чтобы Онъ благодатною радостію Своего воскресенія одушевилъ, усладилъ и подкрѣпилъ ваше сердце на дальнѣйшее служеніе Ему въ св. Его Церкви.

Замѣчанія ваши объ училищномъ уставѣ и о прочемъ совершенно справедливы; но что̀ прикажете дѣлать, когда мы сами между собою несогласны, а къ соглашенію даже не предвидится возможности? Вотъ вы, напримѣръ, написали въ своемъ донесеніи о благосостояніи епархіи, что предписанные Св. Синодомъ выборы настоятелей общежительныхъ монастырей братіею не удобны, и что̀ же? Первоприсутствующій при докладѣ о семъ этимъ оскорбился, и только я удержалъ его отъ замѣчанія вамъ. Не смотря впрочемъ на это, намъ нужно писать, и писать прямо и рѣшительно: пусть, по крайней мѣрѣ, знаютъ, какъ мы видимъ и понимаемъ вещи. Пусть также тѣ, которые всячески хитрятъ, угнетая насъ, поймутъ, наконецъ, что хитрости ихъ не суть для насъ тайна непроницаемая. Толстой же и Соломонъ въ этой сатанинской работѣ, производимой издавна, неослабно и систематически, не составляютъ исключенія.

Ѳеодосій Балтскій не сто́итъ возраженія, которое, судя по духу времени, могло бы придать ему больше важности. При томъ же мнѣ жаль здѣсь набросить тѣнь на преосвященнаго Анатолія, *) который и безъ того терпитъ немало огорченій. Недавно онъ писалъ ко мнѣ и просилъ, чтобы его подъ какимъ-нибудь предлогомъ вызвали въ Петербургъ; я обратился съ просьбою о семъ къ первоприсутствующему и получилъ рѣшительный отказъ. А бѣдный Анатолій во своемъ Могилевскомъ уединеніи стонетъ и охаетъ, и не знаетъ, какъ оттуда вырваться.

Въ числѣ хвалителей и защитниковъ церковн. братствъ и я; но въ моихъ мысляхъ это есть ничто иное, какъ только благовидный отводъ отъ церковн. совѣтовъ, которые хотѣли навязать на шею нашимъ бѣднымъ священникамъ, и на которые уже, еще до моего прибытія, успѣли исходатайствовать Высочайшее соизволеніе. И такъ избирайте что̀ угодно. По моему мнѣнію ужъ лучше братства, въ которыхъ бы

*) Могилевскаго архіепископа; онъ въ 1860 г. былъ уволенъ на покой въ Гербовецкій монастырь.

священники были председателями, нежели Нѣмецко-Лютеранскіе совѣты, въ которыхъ священнику предоставляется только голосъ совѣщательный, а все прочее должно зависѣть отъ выбора или каприза общины. Я подалъ въ присутствіе противъ этого записку; успѣю ли и насколько успѣю въ моемъ домогательствѣ, не знаю. Поддержки въ собратіяхъ нашихъ почти никакой: молчатъ!

Съ редакторами моихъ Кіевскихъ журналовъ, въ мое отсутствіе завольничавшимися, бранюсь и даже письменно требую отъ нихъ отвѣта. Журналъ Говорскаго подъ моимъ также исключительнымъ завѣдываніемъ и направленіемъ находится; но и ему также, только въ другомъ смыслѣ, кое за что отъ меня досталось. Но все это не болѣе, какъ только цвѣточки, а настоящія ягодки въ Православномъ Обозрѣніи и Духѣ Христіанина. Разоблачите-ка внимательно этотъ витіеватый сумбуръ, и вы удивитесь, узнавши, какъ далеко мы зашли на чужую сторону.

Мнѣніе ваше къ министру просвѣщенія, думаю, останется безъ послѣдствій: онъ самъ, какъ по всему замѣтно, первый коноводъ дурнаго прогресса.

Объ умноженіи епархій еще рѣчи не было. Да едва ли и будетъ.

Наградные списки ваши прошли сквозь синодальную процедуру съ довольнымъ успѣхомъ; но зятю моему, котораго вы, по милости своей представили къ протоіерейству, вмѣсто протоіерейства дана будетъ камилавка: не согласились нарушить постепенности, которую, говорятъ, самъ Государь Императоръ любитъ строго соблюдать.

30 Марта 1863 г.
С.-Петербургъ.

14.

Настоящее письмо мое пишу къ вамъ для того только, чтобы сообщить вамъ письмо, при семъ прилагаемое, которое по прочтеніи прошу возвратить мнѣ. Постарайтесь пишущаго, сколько возможно, успокоить, и главное, отъ всякихъ, даже законныхъ, требованій Консисторіи оградить его, достигая цѣли другимъ, въ случаѣ крайней нужды, путемъ. Онъ вздумалъ было просить Св. Синодъ о дозволеніи ему по монастырю сноситься вмѣсто Костромскаго съ Ярославскимъ епархіальнымъ начальствомъ; но я и преосвящен. Исидоръ остановили его обѣщаніемъ, что онъ найдетъ полное успокоеніе въ вашемъ расположеніи, не хуже Ярославскаго.

11 Апрѣля 1863 г.
С.-Петербургъ.

Рукою преосвященнаго Платона сдѣлана выписка изъ письма преосвященнаго Игнатія Бринчанинова, жившаго на покоѣ въ Бабаевскомъ монастырѣ Костромской епархіи.

«Приношу в. в. искреннѣйшую благодарность за отеческое письмо ваше отъ 18 м. Я утѣшенъ имъ и тронутъ до глубины души. За способъ рѣшенія я вполнѣ благодаренъ и молю Бога, да разрѣшитъ посредствомъ его недоумѣнія, кои, смѣю сказать, посѣялъ врагъ: ибо хотя я очень мало знакомъ съ преосвящен. Платономъ, но его трудъ Нрав. Бог. мнѣ пришелся по душѣ такъ, какъ и трудъ его брата пр. Каз. Эти сочиненія внушили мнѣ довѣріе и уваженіе къ сочинителямъ.

Разсказывается, что онъ доселѣ велъ жизнь монашескую и думаетъ только провести остатокъ жизни и окончить ее въ покаяніи. Лица, которыя будутъ способствовать мнѣ къ достиженію сей цѣли, сдѣлаются моими истинными благодѣтелями. Будьте однимъ изъ нихъ! Искрнино желаю, чтобы въ числѣ ихъ былъ преосвященный Костромской».

15.

Не безпокойтесь и не огорчайтесь напрасно: со стороны преосвященнаго Игнатія никакихъ клеветъ, ни простыхъ даже жалобъ ни на васъ, ни на Консисторію вашу не было; а только по мѣстному удобству сношенія лучше съ Ярославлемъ, чѣмъ съ Костромою. Онъ хотѣлъ просить о временномъ перечисленіи управляемаго имъ Бабаевскаго монастыря въ вѣдѣніе Ярославскаго епарх. начальства, что однакоже ему нами отсовѣтовано; тайную же причину сего намѣренія его я узналъ изъ разговора съ братомъ его, бывшимъ Кавказскимъ губернаторомъ. Она состоитъ просто въ человѣческой слабости, т.-е. ему, какъ архіерею, просто на просто прискорбно было сноситься не съ вами непосредственно, а съ Консисторіею, и чрезъ то быть у нея какъ бы въ подчиненіи. Вотъ и все, и потому вамъ входить съ нимъ въ какія-либо по сему предмету объясненія никакой нѣтъ надобности, а только слѣдуетъ, какъ брата и друга, принять и содержать его въ своихъ любвеобильныхъ объятіяхъ, и вы хорошо сдѣлали, что согласились на его желаніе сноситься съ вами, сказавъ въ своей резолюціи: да будетъ по вашей волѣ. Значитъ, дѣло этимъ только должно и кончиться; можетъ быть, нужно прибавить къ сему только подтвержденіе Консисторіи, чтобы по Бабаевскому монастырю никакихъ запросовъ и распоряженій не дѣлала, и аминь.

29 Апрѣля 1863 г.
С.-Петербургъ.

16.

Да, возлюбленный, задача не малая дана намъ въ проектѣ улучшенія быта духовенства, и она, при нашихъ во всѣхъ отношеніяхъ скудныхъ средствахъ, всею тяжестію ляжетъ на плечи однихъ архіереевъ; но чтò дѣлать? Такова наша судьба, свыше намъ назначенная: приходится тянуть до изнеможенія силъ.

Игумена Димитрія, каковъ онъ ни есть, прошу васъ уволить, и онъ ничего здѣсь не ищетъ, какъ спокойной жизни на іеромонашеской вакансіи въ Голосѣевской пустыни, и чѣмъ онъ особенно мнѣ понравился, то это то, что ни на кого въ своемъ злополучіи не ропщетъ, и васъ и вашу дѣятельность по управленію епархіею превозноситъ до небесъ. Кромѣ того мнѣ кажется, что отъ свѣтскихъ судовъ едвали онъ страждетъ не напрасно. По крайней мѣрѣ такъ заключаю изъ слѣдующаго обстоятельства. На дняхъ изъ Кинешемскаго магистрата поступило въ Лаврскій соборъ требованіе отъ него, гдѣ находится Любовь Ивановна Стариньковичева, по случаю, какъ сказано въ отношеніи, производящагося въ магистратѣ дѣла о покражѣ въ лавкѣ какого-то купца. Ну скажите на милость, не явный ли это признакъ гнусной интриги, стремящейся очернить игумена подозрѣніемъ. Какой настоятель монастыря можетъ отвѣчать на вопросъ о мѣстожительствѣ приходящихъ въ монастырь богомолокъ, хотя бы и долго при немъ проживавшихъ? Къ тому же случилось такъ, я эту Стариньковичеву и всѣхъ братьевъ и сестеръ и дядей хорошо знаю по Варшавѣ; все это семейство весьма благочестивое и не думаю, чтобы могло выйти изъ него что либо дурное. У нея два дяди, оба люди почтенные и даже знаменитые: одинъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ въ Варшавѣ, пользовался большимъ уваженіемъ у князя-намѣстника и въ обществѣ, при мнѣ померъ и мною погребенъ; другой дѣйствительный статскій совѣтникъ служилъ въ комисіи внутреннихъ дѣлъ и теперь служитъ въ С.-Петербургѣ въ статсъ-секретаріатѣ Царства Польскаго; въ Петербургѣ онъ нерѣдко бываетъ у меня; родной братъ Стариньковичевой, полковникъ, тоже человѣкъ весьма хорошій и дѣльный. У нихъ есть, какъ слыхалъ я, общій капиталъ, отъ процентовъ котораго всѣ они имѣютъ свое содержаніе и ведутъ жизнь благочестивую и скромную. Странно было бы одной изъ нихъ оказаться негодяйкой. Общее настроеніе всего этого семейства, по крайней мѣрѣ, въ Варшавѣ было примѣрно-доброе. Одна изъ нихъ сестра даже поступила въ монахини, да и другія казались близкими къ тому, а одна вышла замужъ при покойномъ своемъ дядѣ. Куда же онѣ потомъ переселились и гдѣ теперь живутъ, не знаю; но вѣроятно не въ Варшавѣ.

На замѣчаніе ваше о министрѣ внутреннихъ дѣлъ отвѣчаю пословицею: воронъ ворону глаза не выклюетъ. Если бы мы это сдѣлали, то вся вселенная закричала бы: какъ это можно? Вотъ какъ архіереи поступаютъ. Но у нихъ все шито и крыто.

29 Іюня 1863 г.
Кіевъ.

17.

Благодарю васъ за всѣхъ и вся, а съ дорогимъ гостемъ поздравляю васъ и благополучной встрѣчѣ и проводамъ его душевно радуюсь. Желалъ бы впрочемъ я, для своего собственно назиданія, чтобы вы въ досужный часъ мнѣ написали подробно до мелочей, какъ вы встрѣчали и провожали его и чѣмъ потчивали, или не потчивали, когда онъ удостоилъ васъ своимъ посѣщеніемъ въ вашемъ домѣ. А также о чемъ разговаривали и долго ли онъ у васъ посидѣлъ?

Рѣчь же ваша столь хороша, что я, и не испросивъ вашего разрѣшенія, велѣлъ ее въ Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ перепечатать. А мнѣ предстоитъ опять неизбѣжный путь на тяжелое житье въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ въ С.-Петербургѣ; ужъ оберъ-прокуроръ о сей неминуемой бѣдѣ и писалъ ко мнѣ. А дабы эта пилюля была не слишкомъ горька, то онъ позолотилъ ее выраженіями самыми ласкательными отъ лица самого Государя Императора. Нечего дѣлать: придется ѣхать. Помолитесь объ успѣхѣ слова и дѣла. Пока прощайте.

11-го Августа 1863 г.
Кіевъ.

18.

Поздравляю васъ: ваше доброе начинаніе относительно преобразованія столь мнѣ памятнаго и любезнаго Богоявленскаго монастыря въ женскій Богъ увѣнчалъ благимъ концомъ. Свят. Синодъ изъявилъ уже на это свое согласіе, и къ вамъ вскорѣ послѣдуетъ о томъ указъ. За отказъ же въ деньгахъ не осудите насъ: всею душею и всѣ члены готовы бы были сдѣлать это и много толковали о томъ; но никакой не оказалось возможности. Ну, что̀ дѣлать? Авось Богъ поможетъ монахинямъ посредствомъ доброхотныхъ подаяній мало-по-малу привести свою новую обитель въ должный порядокъ и благоустройство. Въ Подольской епархіи, не помню, при васъ, или уже послѣ васъ, я также, безъ всякаго пособія отъ казны перевелъ монахинь изъ ветхаго и тѣснаго Винницкаго монастыря въ м. Браиловъ въ тамошнія по-Доминикскія зданія, и что же? Теперь слышу вышелъ чудесный и великолѣпный монастырь, и все только посредствомъ сбора подаяній на Св. Руси, а монахини на это мастерицы.

Дѣло объ улучшеніи быта духовенства своимъ черепашьимъ ходомъ движится. Объ увеличеніи жалованья архіереямъ рѣчь уже была, только не въ присутствіи Комитета, а въ Св. Синодѣ и, кажется, въ этомъ отношеніи чего нибудь добьемся.

Пока прощайте и не забывайте меня въ молитвахъ своихъ, а для большей вашей памяти посылаю вамъ мой портретъ.

16 Ноября 1863 г.
С.-Петербургъ.

19.

Настоятель Богуславскаго монастыря игуменъ Владиміръ по старости лѣтъ и слабости здоровья просилъ у меня увольненія отъ должности съ возвращеніемъ, по прежнему, въ Кіево-печерскую Лавру. Мнѣ пришло при этомъ на мысль, не угодно ли будетъ вашему преосвященству принять этотъ монастырь въ свое управленіе? *) Въ случаѣ согласія вашего, вамъ стоитъ только написать ко мнѣ свой отзывъ, и я надѣюсь, что Св. Синодъ не откажетъ въ удовлетвореніи вашего желанія. Монастырь, конечно бѣдный; но я увѣренъ вполнѣ, что въ вашихъ рукахъ онъ сдѣлался бы совершенно инымъ и въ короткое время; вамъ извѣстно самимъ, что благосостояніе монастырей главнымъ образомъ зависитъ отъ хорошихъ настоятелей: при дурныхъ настоятеляхъ и хорошіе монастыри портятся и доходятъ до величайшей бѣдности и крайняго разстройства. Богуславскій же монастырь для вашего жительства, по моему мнѣнію, тѣмъ особенно хорошъ, что тамъ есть духовное училище, слѣдовательно можно устроить изъ учениковъ порядочный хоръ, съ которымъ въ воскресные и праздничные дни удобно можете совершать архіерейское служеніе, а это естественно привлечетъ въ монастырь народъ не только изъ мѣстечка, но и изъ окрестныхъ селеній. Такимъ образомъ и для васъ было бы великое утѣшеніе, и для монастыря и для всей окрестности большая польза.

Впрочемъ, прошу васъ, нисколько не стѣсняться настоящимъ моимъ предложеніемъ: согласиться, или не согласиться на оное, это совершенно зависитъ отъ васъ, и отъ васъ единственно.

2 Марта 1864 г.
С.-Петербургъ.

20.

Просимый вами совѣтъ, по извѣстному дѣлу, дать вамъ не легко, но чтобы не оставить васъ въ невѣдѣніи о моихъ собственныхъ мысляхъ, то скажу вамъ то, какъ я намѣренъ отвѣчать на заданный мнѣ вопросъ. Я думаю на вопросъ этотъ отвѣчать отрицательно, по-

*) Платонъ, по слабости здоровья, въ это время желалъ удалиться на покой.

тому что правила единовѣрія и безъ того до такой степени обширны и для самыхъ прихожанъ раскольническихъ снисходительны, что никакого распространенія допустить въ нихъ невозможно. Но если раскольники искренно желаютъ возсоединиться съ церковію на нынѣ существующихъ правилахъ единовѣрія и хотятъ получить отъ церкви на томъ же основаніи и въ тѣхъ же границахъ, то епископы имъ могутъ быть даны съ тѣмъ впрочемъ, чтобы они наравнѣ съ прочими состояли въ полной зависимости отъ Св. Синода, а самозванные иноземные епископы не медля были удалены. Мнѣ кажется, что это рѣшеніе будетъ законно: ибо нѣтъ основанія отказывать въ епископахъ, когда уже дали имъ единовѣрческихъ священниковъ.

24 Апрѣля 1864 г.
С. Петербургъ.

21.

За добродушное письмо ваше отъ 21 Августа и братолюбное сочувствіе къ моему недостоинству приношу вашему преосвященству мою душевную благодарность; но вмѣстѣ съ симъ спѣшу успокоить васъ увѣреніемъ, что настоящій высокосный годъ отнюдь не хуже для меня всѣхъ другихъ годовъ; случай же съ моею ногою есть одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ, въ мірѣ встрѣчающихся и, благодаря Бога, благополучно для меня кончившійся и что дошедшая до васъ вѣсть объ игуменѣ Димитріи представила его вамъ не только въ преувеличенномъ, но и совершенно превратномъ видѣ: вся вина его состоитъ только въ неосторожности, по которой онъ, не смотря на данное мнѣ прежде обѣщаніе, вести жизнь въ строгомъ смыслѣ отшельническую, присталъ съ своимъ неумѣстнымъ сожалѣніемъ и соболѣзнованіемъ къ двумъ въ Лаврѣ безпокойнымъ человѣкамъ, которые въ мое отсутствіе, вооружившись противъ намѣстника Лавры, подали къ оберъ-прокурору безразсудный доносъ о мнимыхъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ не только въ Кіево-печерской, но и въ Московской Лаврахъ и во всѣхъ Русскихъ монастыряхъ, домогаясь преобразованія монашества, по своему идеалу, а оберъ-прокуроръ передалъ этотъ доносъ мнѣ, для моего только свѣдѣнія и соображенія; но я не оставилъ оный безъ отвѣта полнаго и рѣшительнаго, который и показалъ въ ясномъ видѣ клевету на существующее и нелѣпость проектируемаго идеала для монашества. Вотъ и все это сумазбродное дѣло, пустяками кончившееся и которому нѣкоторымъ образомъ оказался сочувственнымъ и Димитрій! Вина, значитъ, его здѣсь не велика; но такъ какъ онъ поступилъ уже противъ своего обѣщанія, то я предъявилъ ему необходимость удаленія изъ Лавры и онъ теперь уже ѣдетъ въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, для своего

спасенія. Неблагодарности же въ отношеніи ко мнѣ онъ никакой не высказалъ, и напрасно Маранова такимъ его вамъ представила.

3 Сентября 1864 г.
Кіевъ.

22.

О дѣлахъ вашихъ, когда присутствію Синода будутъ доложены, всемѣрно позабочусь; но вѣроятно не скоро доложатся, если только не сложены уже безгласно и для членовъ Св. Синода невѣдомо на вѣчный покой (ибо и такія вещи бываютъ у насъ). Жаль, что вы не написали, отъ какого именно числа и за какимъ номеромъ ваши представленія были сдѣланы: напишите.

Впрочемъ по раскольничьему дѣлу не ожидайте ничего добраго; и Московскій митрополитъ во время проѣзда моего чрезъ Москву подобную скорбь въ разговорѣ со мною высказывалъ и полную, по настоящимъ обстоятельствамъ, безнадежность нашу.

О Кіевскомъ братствѣ прошу не безпокоиться. Приглашеніе къ вамъ послано единственно изъ уваженія къ вашей личности—ради чести, на ряду съ немногими другими іерархами. Но вы можете отвѣчать просто одною вѣжливостію, напр. слѣдующимъ образомъ: что вы предложенное званіе принимаете съ благодарностію, но по скудости своей и мѣстнымъ обстоятельствамъ епархіи никакихъ пожертвованій сдѣлать не можете, а нравственно содѣйствовать доброму дѣлу готовы. Вотъ и все, чѣмъ ваше недоумѣніе вполнѣ и прилично разрѣшается.

28 Декабря 1864 года.

П. п. Скорбь ваша вполнѣ справедлива; но лѣкарства для нея полнаго и вѣрнаго пока еще нѣтъ и даже скоро не предвидится. О жалкихъ нашихъ штатахъ въ концѣ прошедшаго года я имѣлъ дерзость даже лично докладывать самому Государю Императору; но Его Величество возвышеніе оныхъ въ настоящее время изволилъ признать невозможнымъ, а обѣщалъ только въ будущемъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

О безстыдныхъ отступленіяхъ отъ законнаго порядка вашей свѣтской власти заведена Св. Синодомъ переписка съ министерствомъ. По дѣлу же о перемѣщеніи семинаріи на успѣхъ надежды мало: здѣсь проектъ вашъ съ перваго же раза не понравился главнымъ образомъ потому, что удаляетъ семинарію изъ подъ ближайшаго вашего надзора, а газ. «День» довершила впечатлѣніе невыгодное. А что у васъ нынѣ на Запруднѣ? Тамъ бы, кажется, всего лучше быть семинаріи.

23.

По вторичной жалобѣ вашей на начальника губерніи Св. Синодомъ поручено г. оберъ-прокурору сообщить г. министру внутреннихъ дѣлъ на его благоусмотрѣніе. Есть слухъ, только не знаю, подтвердится ли онъ въ послѣдствіи, что будто бы противоборцу вашему готовится удаленіе отъ должности.

А представленіемъ своимъ о безженномъ кандидатѣ на приходское священство вы надѣлали намъ большіе хлопоты. Нельзя ли вамъ какъ-нибудь секретно, безъ огласки и особенно безъ открытія настоящаго моего совѣта, уговорить его, чтобы онъ, какъ будто самъ собою, безъ всякаго посторонняго внушенія, измѣнилъ свое намѣреніе или на монашество, или на женитьбу, и въ такомъ случаѣ вошли бы въ Св. Синодъ съ новымъ объ немъ представленіемъ и такимъ образомъ дѣло было бы съ добрымъ концемъ? Видите, возлюбленный, намъ не хотѣлось бы этимъ обычай безженнаго священства, какъ сближающій съ Латинскимъ духовенствомъ и по своимъ неминуемымъ послѣдствіямъ для Православной Церкви крайне вредный, распространять и усиливать въ нашей церкви новыми примѣрами и тѣмъ утѣшить вдовыхъ священниковъ изъ академистовъ вѣрною, по смутнымъ обстоятельствамъ настоящаго времени, надеждою на епископство, котораго они такъ сильно жаждутъ, унижая и злословя для того всѣми мѣрами какъ вообще монашество, такъ особенно епископовъ-монаховъ. Впрочемъ поступите такъ, какъ сами, по извѣстному мнѣ благоразумію и опытности, признаете возможнымъ и для церкви Божіей наиболѣе полезнымъ.

Но вотъ, среди скорбей и болѣзней многихъ матери нашей Церкви, для новаго года интересная наша новость, которая, надѣюсь, васъ порадуетъ также, какъ она радуетъ насъ; ибо не безъ борьбы досталась намъ. Отнынѣ по жалобамъ на Св. Синодъ рѣшенія будутъ зависѣть не отъ канцеляріи Св. Синода, подъ эгидою высочайшихъ повелѣній, а отъ разсужденія всѣхъ Русскихъ епископовъ, къ которымъ будутъ присылаться печатныя записки о дѣлахъ на ихъ разсмотрѣніе. Это значитъ, что дѣло отъ меньшаго собора переносится на разсмотрѣніе суда большаго (отъ Синода ко всему сонму епископовъ). Не правда ли, что такой порядокъ обѣщаетъ впослѣдствіи плоды добрые, лишь бы наша братія добрѣ поняла и умѣла тѣмъ пользоваться? Sat sapienti...

О покражѣ денегъ нашихъ по Духовно-Учебному Управленію, думаю, вы уже знаете. Вотъ наша горькая доля: мы ожидаемъ, что намъ дадутъ хоть сколько-нибудь денегъ, и вмѣсто того насъ еще обкрадываютъ.

24 Декабря 1865 г. С.-Петербургъ.

24.

Скорблю душевно, что жестокая болѣзнь ваша все еще продолжаетъ мучить васъ. Хоть бы Св. Равноапостольный Владиміръ *), который вскорѣ явится къ вамъ въ сожительство, умолилъ Воскресшаго Господа прекратить сіе мученіе и обновить жизнь вашу, яко юность орлю. Прошу предъявить при случаѣ мое подобное сожалѣніе и желаніе бѣдной матери игуменіѣ.

Дѣло ваше о покупкѣ домовъ для семинаріи еще не было доложено за множествомъ другихъ не терпящихъ отсрочекъ дѣлъ; но успѣхъ его, кажется, несомнѣненъ. Проектъ вашъ объ улучшеніи быта учащихъ и учащихся принятъ прекрасно и утвержденъ вполнѣ, или почти вполнѣ. Онъ такъ хорошъ, что я желалъ бы имѣть съ него точную копію.

Благодарю за моего зятя; но вмѣсто креста, который по вашей милости, ему нетрудно будетъ получить и послѣ, Св. Синодъ на мое предложеніе согласился разрѣшить вамъ произвесть его въ протоіерея.

31 Марта 1866.
С. П. Б.

25.

Спѣшу увѣдомить васъ, что дѣло о покупкѣ домовъ съ усадьбою для семинаріи Св. Синодомъ рѣшено вполнѣ по вашему желанію, и поручено г. оберъ-прокурору взнести на высочайшее утвержденіе, въ которомъ сомнѣваться нельзя. Значитъ, оно скоро возвратится къ вамъ, для окончательнаго устройства семинаріи.

Вы этимъ дѣломъ въ Костромѣ себя обезсмертили. Я знаю мѣстность и самые домы, изъ которыхъ въ одномъ даже бывалъ, и потому не могу не радоваться за семинарію и, какъ Костромичъ, не благодарить и не прославлять васъ отъ всей полноты души и сердца.

22 Апрѣля 1866 г.
С.-Петербургъ.

26.

Вчера я получилъ письмо ваше отъ 11-го сего Іюля и, чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, спѣшу вамъ отвѣчать нынче же. Отъ всей души радуюсь, что пріобрѣтеніе для семинаріи такихъ прекрасныхъ зданій и на такомъ прекрасномъ мѣстѣ наконецъ совершилось и упрочилось. Этимъ дѣломъ вы воздвигли себѣ вѣковый памятникъ. Хорошо также и то, что вы вздумали устроить здѣсь особую церковь; въ число потребной на то суммы прошу васъ принять и

*) Т. е. Владимірскій орденъ.

мою лепту, тысячу рублей серебромъ, которую по сей же почтѣ, для большей вѣрности въ пересылкѣ, при особомъ отношеніи къ вамъ препровождаю.

И по моему мнѣнію, допущеніе въ семинаріяхъ ограниченнаго штата воспитанниковъ весьма вредно отзовется для духовенства впослѣдствіи. Особенно здѣсь дурно то, что въ числѣ штатныхъ и казеннокоштныхъ воспитанниковъ постановлено принимать изъ всѣхъ сословій только по успѣхамъ и поведенію, а на бѣдность, сиротство и происхожденіе изъ духовнаго званія не обращается вниманія, что́ я съ своей стороны сильно оспаривалъ и при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга представилъ на благоусмотрѣніе Св. Синода; но Св. Синодъ, примѣтно, моего мнѣнія не поддержалъ, или не имѣлъ силы поддержать; помощникъ же мой, Нижегородскій епископъ, преклонился на оберъ-прокурорскую сторону, и *принципъ всесословности* Синодомъ одобренъ и высочайшею волею утвержденъ. Неминуемымъ слѣдствіемъ сего безъ сомнѣнія будетъ то, что большая часть дѣтей духовенства очутится внѣ семинарскаго штата и со временемъ ниспадетъ въ сферу полуневѣжества. Впрочемъ да будетъ воля Божія во всемъ. Церковь Христова не въ первый разъ подвергается подобнымъ опасностямъ въ лицѣ своихъ служителей; однакоже устояла доселѣ и вѣрно устоитъ до конца, а я между тѣмъ, если откроется какая либо возможность, постараюсь дѣло это хотя сколько нибудь поправить. Прошу васъ, помолитесь о помощи свыше.

26 Іюля 1866 г.
Кіевъ.

П. П. Сегодня ожидаемъ сюда прибытія Великаго Князя Константина Николаевича съ семействомъ: ѣдетъ къ брату въ Грузію.

27 Сент. 1866 г.
Кіевъ.

27.

По письму вашему отъ 31 Іюля исполненіе сдѣлано: два наставника уже къ вамъ отправлены; надѣюсь, что они заслужатъ ваше благосклонное вниманіе и благорасположеніе. Кандидата же для инспекторской должности пока въ виду не имѣю. Всего лучше вамъ изъ своихъ же наставниковъ избрать достойнѣйшаго и расположить къ монашеству; этимъ вы бы оказали не малую услугу не только своей семинаріи, но и всей Россійской церкви. Нынѣ ученые монахи, какъ во дни Судей Израилевыхъ, глаголъ Господень и видѣніе, вельми честны, т. е. рѣдки. Позаботьтесь, возлюбленный!

Послѣ завтра отправляюсь въ епархію для обозрѣнія, а потомъ, если Богъ благоволитъ, въ началѣ Октября надобно уже ѣхать въ

Петербугъ на новыя и большею частію безполезныя хлопоты. Радъ бы трудиться, но высокопочтенные сотрудники всѣ врозь глядятъ; немного можетъ быть при этомъ толку. Помолитесь, чтобы Господь защитилъ Свою церковь отъ всесторонних нападеній подъ благовиднымъ предлогомъ улучшенія!.. Теперь половина дѣтей останется безъ всякаго образованія, или съ самымъ ничтожнымъ, а многіе отцы и матери, особенно вдовы и сироты, почти безъ куска хлѣба.

7 Сентября 1867 г.
Кіевъ.

28.

...Подобныя мысли о церкви и духовенствѣ покойный архипастырь Московскій высказывалъ и мнѣ, и на замѣчаніе мое, что мы отъ него ожидаемъ движенія водъ Силоамскихъ, для возстановленія и укрѣпленія членовъ разслабленныхъ, и мы всѣ охотно примкнемъ къ нему, онъ отвѣчалъ мнѣ, что объ этомъ подумаетъ; но съ этою думою примѣтно и во гробъ сошелъ, не оказавъ намъ ни малѣйшей помощи. Такъ, говоря откровенно, протекла и вся его жизнь—съ блескомъ и славою для себя, а для церкви—съ порабощеніемъ ея свѣтскому элементу, по излишней его человѣкоугодливости или преступной уклончивости. Противъ семинарско-училищнаго устава также выражалъ неудовольствіе, подобное моему и вашему, а когда я сказалъ ему: зачѣмъ вы согласились на него, онъ отвѣчалъ: да я кое-что замѣтилъ и думалъ, что Св. Синодъ пойметъ мой намекъ, но этого не случилось; я уже не виноватъ. А надлежало бы прямѣе сказать: меня *** уговорилъ, и я боялся прогнѣвить оберъ-прокурора. Вотъ въ чемъ секретъ нашего разслабленія и неустройства. Теперь врачество нужно имѣть въ томъ именно, на чтò вы указываете, т. е. въ собраніи архіереевъ. Но это должно начинаться не сверху, а снизу, и вѣрное къ тому средство есть совершенно-законное. Теперь архіереямъ дозволены взаимныя свиданія въ 8-дневный срокъ; для чего не воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ сосѣднимъ епископамъ и двоимъ-троимъ изъ нихъ, согласившись, не войти въ Св. Синодъ съ общимъ представленіемъ о настоятельной нуждѣ провинціальнаго собора съ одной стороны такому же числу епископовъ, съ другой, третьей и т. д.? И когда бы такихъ представленій набралось достаточное количество, тогда Св. Синодъ естественно поспѣшилъ бы удовлетворить почти общему ходатайству предстоятелей церкви. Sat sapienti.

По дѣлу вашему съ земскимъ собраніемъ надлежащее распоряженіе сдѣлано: предоставлено г. оберъ-прокурору отнестись къ министру внутреннихъ дѣлъ. Хорошо, что вы написали ко мнѣ вò время, такъ что можно было дать должное сему дѣлу направленіе. Но еслибы

промедлили вы нѣсколько дней, то дѣло приняло бы противный оборотъ; ибо вслѣдъ за симъ министръ по тому же дѣлу отнесся къ намъ. Рѣшеніе, конечно, еще неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ теперешній ходъ дѣла благовиднѣе и благонадежнѣе всякаго другаго.

29.

За священника Гусева благодарю, а о Сергіѣ, сколько возможно будетъ, позабочусь, да и вообще во всемъ, что̀ исходитъ отъ васъ и касается васъ, хотя бы вы и не просили меня, всегда готовъ принять братское и самое живое участіе.

По дѣлу вашему съ земскимъ собраніемъ послѣдовалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ отзывъ, разумѣется, не въ вашу пользу. Мы положили сообщить оный вамъ, дабы вы могли сказать что-нибудь въ свое оправданіе. Но будьте въ объясненіяхъ своихъ и вообще въ офиціальныхъ бумагахъ осторожны; не употребляйте рѣзкихъ выраженій, а выскажите, что̀ признаете возможнымъ и нужнымъ, сколько возможно, спокойнѣе и легче: это болѣе принесетъ вамъ пользы. Рѣзкаго тона и мои сочлены не любятъ и строго преслѣдуютъ, желая успокоить чрезъ то до нѣкоторой степени повсемѣстную противъ представителей церкви вражду свѣтскихъ властей. Проектъ вашъ о взаимномъ страхованіи еще не отыскали; авось въ Великій постъ на досугѣ отыщутъ, и тогда посмотримъ, можно ли и въ какомъ видѣ допустить это полезное нововведеніе.

6 Февраля 1868 г.

30.

Наградные списки духовенства еще не разсмотрѣны, но къ разсмотрѣнію ихъ уже приступлено. Къ сожалѣнію, Костромская епархія нынѣ не на мою долю досталась: она попала въ число епархій, подлежащихъ разсмотрѣнію преосвященнаго митрополита Исидора. Впрочемъ къ удовлетворенію вашего желанія на счетъ нѣкоторыхъ особенно лицъ мною приняты надлежащія мѣры и, надѣюсь, не останутся безъ успѣха, хотя г. оберъ-прокуроръ нынѣ сильно именемъ Государя Императора настаиваетъ надъ ними, чтобы сколько возможно болѣе сократить число награждаемыхъ.

Другихъ новостей пока никакихъ здѣсь нѣтъ. Преосвященный Минскій уволенъ на покой съ большею пенсіею, но безъ спроса и желанія его успокоиться. Такъ нынѣ легко распоряжаются нашими особами.

1 Марта 1868 года.
С.-Петербургъ.

31.

Посылая при семъ къ вашему высокопреосвященству пять тысячъ рублей сер., покорнѣйше прошу васъ, милостивый архипастырь, разослать сіи деньги, по своему разсмотрѣнію, начиная съ своего Ипатьевскаго монастыря, по монастырямъ своей епархіи и отдѣливъ изъ нихъ только на Троицкую села Воронья церковь пятьсотъ рублей сер., съ тѣмъ, чтобы причтъ Воронской церкви, такъ и братія монастырей сотворили милость моему недостоинству и, положивъ присланныя имъ деньги въ какое-либо кредитное учрежденіе на вѣчныя времена, или продолжая непрерывно промѣнивать, по современному порядку, на разныя кредитныя вполнѣ безопасныя бумаги, благоволили, по приложенному при семъ списку, воспоминать предъ престоломъ Божіимъ живыхъ о здравіи, а умершихъ за упокой, и за то пользовались ежегодными отъ обращенія помянутыхъ денегъ процентами. Извините, что я налагаю на васъ лишній трудъ; но, зная ваше доброе расположеніе ко мнѣ, смѣло надѣюсь, что вы отъ него не откажитесь.

На дняхъ собираюсь въ Питеръ, ожидаю только открытія Кіево-Курской желѣзной дороги. Прошу сопровождать меня своими молитвами.

2 Ноября 1868 г.
Кіевъ.

32.

И безъ вашей особой просьбы было въ Св. Синодѣ мое слово въ пользу вашихъ дѣлъ; но къ сожалѣнію успѣхъ оказался только въ половину: рѣшено архіерейскому вашему дому возвратить отнятое у него, а Ипатьевскому монастырю въ этомъ отказать, по неимѣнію, какъ донесло хозяйственное управленіе, средствъ къ удовлетворенію сего вашего ходатайства. Что же касается до Игрицкаго монастыря, то мнѣ думается, что лучше вамъ объ этомъ не представлять, а придумайте что-нибудь другое: Игрицкій монастырь, по вашему же представленію, получилъ недавно свое особое назначеніе. Что же это такое? вѣроятно сказали бы: архіепископъ самъ себѣ невѣренъ.

26 Января 1869 года.
С.-Петербургъ.

33.

Дѣломъ о бракѣ, въ незаконное время повѣнчанномъ, нѣтъ надобности вамъ много безпокоиться; бракъ безспорно долженъ быть признанъ законнымъ, а только повѣнчавшій оный причтъ долженъ быть подвергнутъ заслуженному наказанію. Я бы на вашемъ мѣстѣ

и не представилъ даже въ Синодъ: это дѣло, такъ сказать, домашнее.

А представленіе ваше о затрудненіяхъ вашихъ по завѣдыванію семинаріею и училищами еще доселѣ не доложено синодальному присутствію: это значитъ, что боятся и доложить оное; подождемъ еще. Но во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, я съ Московскимъ будемъ говорить въ вашу пользу.

Но вотъ и еще моя покорнѣйшая просьба. Въ селѣ Воронъѣ другой священникъ, какъ человѣкъ чужой, оказывается, по словамъ зятя, небрежнымъ въ поминовеніи моихъ родныхъ за незначительное вознагражденіе изъ процентовъ моего вклада. Прошу васъ покорнѣйше дать отъ себя предложеніе, чтобы отнынѣ навсегда какъ поминовеніе родныхъ моихъ, такъ и пользованіе процентами оставалось за зятемъ и состоящимъ на его мѣстѣ священникомъ съ причтомъ, а по смерти ихъ только тѣмъ священникомъ и причтомъ, которые будутъ состоять на этой части, а не на другой. Отъ этого раздѣленія будетъ больше порядка, и вѣрнѣе исполнится мое предположенное и посмертное завѣщаніе.

У насъ нынѣ въ Сентябрѣ предполагается академическій юбилей. Пріѣзжайте къ намъ на этотъ праздникъ, а вмѣстѣ и помолиться св. угодникамъ Печерскимъ.

1 Марта 1869 года. С.-Петербургъ.

34.

Наличные члены Консисторіи могутъ оставаться при мѣстахъ, но изъ нихъ только четыре, считаясь штатными, будутъ получать жалованье; а кого зачислить штатнымъ, это будетъ зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія вашего.

Прочіе члены, считаясь сверхъ-штатными, могутъ продолжать свое служеніе, какъ и теперь, только безъ жалованья, а захотятъ, или не захотятъ продолжать оное, это вопросъ, не заслуживающій особеннаго вниманія; корыстолюбіе тѣхъ, которые откажутся отъ безмездной службы, само себя накажетъ въ послѣдствіи.

Секретари при архіереяхъ должны быть опредѣляемы самимъ преосвященнымъ безъ представленія Св. Синоду.

Изъ наличныхъ чиновниковъ Консисторіи, занимающихъ должности столоначальниковъ, регистратора, приходорасходчика, архиваріуса, однихъ вы можете по своему усмотрѣнію помѣстить въ число штатныхъ, а другихъ оставить въ заштатѣ.

Объ остающихся за штатомъ должно представить г. оберъ-прокурору для надлежащихъ распоряженій по Св. Зак. 1857 г. т. III, Уст. служ. прав. ст. 363 приложеніе къ той статьѣ (по продолженію 1863 и ст. 1012).

Прошу помолиться о новомъ архіерeѣ, моемъ племянникѣ Іоанникіѣ, котораго вы въ Тамбовѣ знали подъ именемъ прот. Москвина: теперь онъ у меня здѣсь и на дняхъ отправляется въ свою резиденцію, въ Тамбовъ и Козловъ.

Снова поручаю себя съ паствою вашимъ братолюбнымъ молитвамъ и благорасположенію.

11 Мая 1869 г.
С.-Петербургъ.

35.

Снова благодарю васъ за новый трудъ вашъ на пользу св. православной церкви. Жаль, что вы не приложили къ книгѣ объявленій о выходѣ ея, съ обозначеніемъ цѣны, дабы я могъ разослать оныя по епархіи, съ приглашеніемъ желающихъ на выписку столь полезной книги. Брату вашему Петру Симоновичу прошу передать мой добрый поклонъ и благословеніе Божіе; да постарайтесь убѣдить его, употребивъ для сего все братолюбное краснорѣчіе свое, чтобы онъ наконецъ замѣнилъ свое теперешнее кургузое одѣяніе монашескою рясою: такіе люди, какъ онъ, намъ нынѣ нужны болѣе, нежели когда-либо прежде. Я съ своей стороны предлагалъ ему о семъ, но мое предложеніе осталось безплоднымъ.

Распоряженіемъ присутствія о сокращеніи приходовъ и духовенства много не безпокойтесь: дѣло это, при искусствѣ епархіальнаго начальника и добромъ расположеніи прихожанъ, можетъ быть обдѣлано какъ нельзя лучше, безъ всякаго вреда для церкви и безъ оскорбленія религіознаго чувства добрыхъ прихожанъ. Вѣдь тамъ есть пункты, которые даютъ возможность и малолюдные приходы оставлять самостоятельными, какъ-то: желаніе самихъ прихожанъ имѣть церковь съ особымъ причтомъ, ихъ нравственное состояніе, опасность совращенія въ расколъ или иновѣріе, неудобства путеваго сообщенія и проч. По крайней мѣрѣ я въ своей епархіи буду всемѣрно отстаивать и малолюдные приходы.

Еще менѣе долженъ озабочивать васъ вопросъ объ общежитіи въ монастыряхъ: здѣсь недостатокъ матеріальныхъ средствъ все рѣшаетъ окончательно. Жаль только, что это дѣло было неумѣстною затѣею одного изъ нашихъ, желавшаго отличиться чѣмъ-либо. Безразсудство непостижимое! Бѣда намъ отъ внѣшнихъ, но немало бѣдъ и отъ своихъ: глупость на глупости, а самолюбія неисчерпаемая бездна. Нужно всѣмъ намъ молиться крѣпко Пастыреначальнику Христу, чтобы Онъ Самъ оградилъ и укрѣпилъ Свою церковь отъ подкоповъ и нападеній всякаго рода.

24 Іюля 1869 г.
Кіевъ.

36.

Распоряженіемъ о лѣтахъ кандидатовъ на священство вы можете, пока не будетъ положено для псаломщиковъ достаточнаго жалованья, не слишкомъ стѣсняться: я, по Кіевской епархіи, требую отъ нихъ не болѣе двухлѣтняго или трехлѣтняго исправленія псаломщической и учительской должностей при церковноприходскихъ школахъ, и воспитанники семинарій остаются этимъ довольны.

Представленіе ваше объ общежительныхъ монастыряхъ, надѣюсь, будетъ уважено.

О представленныхъ къ наградамъ тоже, сколько возможно будетъ, позабочусь.

По дѣлу же о вырытомъ изъ земли умершемъ отъ чахотки семинаристѣ поддержка невозможна: прямой законъ уголовно-полицейскаго устава противъ васъ. Вы напрасно протестовали. Впрочемъ, думаю, что донесеніе ваше будетъ оставлено только безъ послѣдствій, т.-е. безъ всякаго вреда для васъ.

4 Марта 1870 г.
С.-Петербургъ.

37.

Благодарю душевно за вашу добрую память о днѣ моего ангела и за братолюбно-обязательное привѣтствіе меня съ симъ многознаменательнымъ для меня рубежемъ моей монашеской жизни. Много прошло времени съ того дня, когда Господь, по неисповѣдимымъ судьбамъ Своимъ и неизреченному милосердію, благоволилъ даровать мнѣ сіе имя великое Своего угодника великаго; но какъ мало мною сдѣлано, чтобы хотя сколько-нибудь и въ какомъ-либо отношеніи оправдать его значеніе! Благодарю васъ за молитвенное содѣйствіе ваше, которое мнѣ слышится въ письмѣ вашемъ и которое прошу, возлюбленный, не только продолжать, но и усугубить, если можно, въ пособіе моей немощи; ибо лѣта мои оскудѣваютъ, а вмѣстѣ съ ними и крѣпость душевная и тѣлесная.

Вотъ и общій знакомецъ нашъ архимандритъ Іоасафъ, въ сравненіи со мною, юноша, перешелъ отъ міра сего въ вѣчность, и не старшій, думаю, меня преосв. Кишиневскій Антоній, въ прошломъ Апрѣлѣ, также преставился; а изъ товарищей моихъ по семинаріи, какъ слышу, весьма немного, а по академіи одинъ только остался Бажановъ: значитъ и моя судьба отъ послѣдняго на землѣ предѣла уже недалека. Да сотворитъ и совершитъ Господь вся по Своему благоволенію!

9 Мая 1871 г.
С.-Петербургъ.

П. п. Апрѣльскимъ указомъ Св. Синода излишне не смущайтесь и не безпокойтесь. Имъ, правда, на всѣхъ насъ непріятная тѣнь бросается; но на кого нынѣ тѣни самой грубой и непочтительной не бросается? А нынѣ время скорби и подвигъ терпѣнія. Будемъ утѣшаться евангельскими обѣтованіями, что въ благодушномъ терпѣніи стяжемъ души наши.

38.

Въ наше, по истинѣ, злое время и въ нашей благословенной Россіи и св. Василію Великому, при всей ревности его объ охраненіи православной церкви отъ всякаго рода новшествъ и реформъ, едва ли не пришлось бы или облечься въ глубокое молчаніе, или возражать безплодно, словесно и письменно. Вотъ я велъ, можно сказать, войну ожесточенную объ избавленіи духовенства съ его церковно-приходскими школами отъ свѣтской инспекціи; но Св. Синодъ, по жалобѣ на мое сопротивленіе г. оберъ-прокурора, предписалъ мнѣ покориться такому прекрасному распоряженію, и я долженъ былъ замолчать.

Теперь я хлопочу о сохраненіи при церквахъ пономарей и дьяконовъ, или по крайней мѣрѣ первыхъ для Югозападнаго края и объ удержаніи за архіереями права назначать въ приходы священниковъ, не стѣсняясь составленными нынѣ штатами, и въ этомъ смыслѣ подалъ даже въ высочайше утвержденное по дѣламъ церковнымъ присутствіе письменное заявленіе; но вѣроятно получу также отказъ. На поддержку со стороны сочленовъ нашихъ нельзя надѣяться; всѣ они положили для себя за правило смиренно и послушно покоряться свѣтской власти! При такихъ обстоятельствахъ что́ прикажете дѣлать? Одна надежда на Бога, что Онъ не попуститъ вратамъ адовымъ одолѣть Своей церкви.

26 Декабря 1871 г.
С.-Петербургъ.

39.

Съ душевнымъ прискорбіемъ прочиталъ я письмо ваше и преосвящ. Пароенія и охотно готовъ возвысить голосъ мой въ защиту страждущаго собрата нашего, хотя во всякомъ случаѣ за успѣхъ поручиться не могу. Думаю, впрочемъ, авось дѣло безъ бѣды обойдется. На неблагонамѣренный извѣтъ генералъ-губернатора вѣроятно найдется у Иркутскаго архипастыря достаточный отвѣтъ. У меня нѣчто подобное, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, случилось въ Кіевѣ. Покойный генералъ-губернаторъ Безакъ въ годичномъ отчетѣ своемъ Государю Императору между прочимъ написалъ, что православное духовенство во ввѣренномъ ему краѣ (Кіев., Вол. и Подол. губ.) не годится и должно быть удалено во внутреннія губерніи имперіи, а на мѣсто ихъ въ За-

падный край должны быть вызваны священники оттуда. Но я возсталъ противъ сего плана сумазброднаго съ силою Иліиною, и дѣло это, не смотря на то, что чрезъ Св. Синодъ и Государственный Совѣтъ восходило на высочайшее усмотрѣніе, кончилось, по милости Божіей, въ пользу духовенства и въ посрамленіе генералъ-губернатора. Тоже конечно послѣдуетъ и съ Восточно-Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, коль скоро дѣло будетъ высказано въ приличныхъ выраженіяхъ обстоятельно.

Посовѣтуйте Иркутскому архипастырю ничѣмъ излишне не смущаться и на стражѣ Господней стоять крѣпко и благодушно. Онъ для Россійской церкви еще нуженъ.

Г. Синельникова я хорошо знаю: онъ во время управленія моего Волынскою епархіею былъ Волынскимъ губернаторомъ. Человѣкъ порывистый, но не худой; а теперь, я вижу, онъ много измѣнился нагоршее. У меня съ нимъ никакихъ столкновеній не было. Авось и въ Иркутскѣ безъ бѣды обойдется.

8 Февраля 1872 г.
С.-Петербургъ.

О старцѣ вашемъ Северіанѣ всемѣрно позабочусь, да не мимоидетъ его чаша, юже вы, по своему благосердію, ему подносите.

40.

Взглядъ вашъ на общежительные монастыри совершенно вѣренъ, и не вы одни выставляете разныя недовольства и затрудненія при выборѣ настоятелей въ сіи монастыри; но что прикажете дѣлать? Высшее начальство, сдѣлавши какую-либо погрѣшность, не любитъ сознаваться въ ней и для того дѣло въ долгій ящикъ откладываетъ и оставляетъ въ нерѣшеніи, чтобы публика объ этомъ безобразіи оставалась въ невѣдѣніи, а Судіи Израилевы являлись предъ нею правыми. Всего страннѣе въ этомъ дѣлѣ то, что неудобство сего рода довелось испытать первому покойному митрополиту Московскому. Онъ, подобно вамъ, въ одинъ изъ этихъ монастырей избралъ настоятеля изъ другаго монастыря и представилъ о томъ Св. Синоду; мы охотно на это представленіе согласились; но канцелярія синодальная это дѣло задержала и обратилась къ Московскому владыкѣ съ вопросомъ: на какомъ основаніи онъ позволилъ себѣ такое странное нарушеніе закона о выборѣ настоятелей въ общежительные монастыри? Во время осенняго проѣзда моего въ Москву достоуважаемый архипастырь мнѣ объ этомъ сказываетъ. Я увѣряю его, что рѣшеніе наше было совсѣмъ другаго

рода, согласно съ его желаніемъ, а онъ представилъ мнѣ улику на лицо. По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я объявляю о семъ въ полномъ присутствіи Св. Синода; сначала запираются, потомъ дѣла не находятъ, наконецъ сознаются, но прибавляютъ, что такъ свыше приказано; тѣмъ дѣло и кончилось. Вотъ, любезный, каково наше положеніе! Удѣлъ нашъ общій—терпѣніе. Вы справедливо выставляете, что монастыри при такомъ порядкѣ дѣлъ падаютъ: тамъ остаются только пьяницы и люди неспособные. Да развѣ пожалѣютъ объ этомъ? Напротивъ будутъ очень рады, дабы имѣть законный поводъ закрыть ихъ. И потому совѣтую вамъ не слишкомъ хулить монастыри, и безъ того нынѣ доброю репутаціею не пользующіеся.

Впрочемъ къ удовлетворенію вашего желанія относительно Авраміева монастыря и о. Макарія употреблю все мое стараніе.

О земскихъ же собраніяхъ и выборахъ, о нашей судебной реформѣ, объ униженіи и ослабленіи епархіальной власти до послѣдней крайности, нечего и говорить.

Одинъ только верховный Пастыреначальникъ Христосъ Господь можетъ, аще восхощетъ, остановить или исправить зло грядущее. Призри съ небесе, Боже, и виждь... Но пока прощайте.

9 Марта 1872 г.
С.-Петербургъ.

41.

Благъ совѣтъ вашъ, возлюбленный архипастырь! Благодарно пріемлю его и готовъ охотно ему послѣдовать. Но такъ какъ вскорѣ за симъ имѣю отправиться въ богоспасаемый градъ Кіевъ, то теперь мнѣ некогда заняться ни планами, ни смѣтами, и потому я вынужденнымъ себя нахожу оставить это дѣло до другаго времени, можетъ быть, до слѣдующаго года; а васъ, между тѣмъ, покорнѣйше снова прошу продолжать негласно свои по сему предмету соображенія, и когда достигнутъ они полной зрѣлости, сообщить мнѣ, предусмотрѣвъ и предотвративъ, по возможности, могущія встрѣтить это дѣло случайности.

Извините, пожалуйста, что я васъ, и безъ того крайне обремененнаго, обременяю еще своими хлопотами. Но что́ дѣлать, возлюбленный? Дружба имѣетъ свои тяжести, а съ другой стороны безъ васъ и нельзя въ семъ случаѣ обойтись.

Что́, каково нынѣ ведетъ себя, по отношенію къ вамъ, вашъ викарій? Вятскаго викарія Св. Синодъ, по нѣкіимъ причинамъ, совсѣмъ увольняетъ отъ должности.

2 Мая 1872 г.
С.-Петербургъ.

42.

И за дружественное письмо ваше, и за благосклонное посѣщеніе родныхъ моихъ приношу вашему высокопреосвященству мою чувствительнѣйшую благодарность. Извините, что такъ долго оставался предъ вами безотвѣтнымъ и покройте мою, впрочемъ обычную, неисправность своею любовью.

Надѣюсь, что вы не забыли своего обѣщанія войти въ соображеніе объ открытіи въ селѣ Вороньѣ, какъ мѣстѣ моей родины, какого-либо благотворительнаго заведенія въ пользу тамошняго духовенства, если только это будетъ мнѣ подъ силу; прошу васъ покорнѣйше, сообщить мнѣ свои мысли, дабы я, справясь съ своимъ карманомъ, могъ сказать вамъ свое слово окончательное.

Ну чтó? Каковъ вашъ нынѣшій викарій? *) Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ думаю, что онъ будетъ лучше прежняго. Есть, правда, о немъ слухъ вѣрный или не вѣрный не знаю, будто онъ имѣетъ слабость— любитъ иногда *подпить*; но, по моему мнѣнію, это можно еще терпѣть, если онъ по характеру скроменъ, по дѣламъ старателенъ и къ своему архіепископу почтителенъ и вѣренъ.

Моего же викарія вы нынѣ видѣли, да вѣроятно, вы и прежде его знали. Архіерей славный, только для епархіальныхъ дѣлъ мало полезный. Онъ, думаю, разсказами своими о Востокѣ, утѣшалъ земляковъ. Это его конёкъ, на которомъ онъ любитъ разъѣзжать, и не дивно: человѣкъ лучшіе годы жизни своей тамъ провелъ. Дурно только то, что все, по его мнѣнію, тамъ прекрасно, а у насъ не хорошо и требуетъ исправленія, да пока еще нѣтъ для того исправительной силы.

На дняхъ я выѣзжаю (думаю 7 Декабря) въ Питеръ. Если чтò имѣете сказать мнѣ особеннаго, по своему соображенію и по своимъ дѣламъ, то напишите ко мнѣ туда.

2 Декабря 1872 г.
Кіевъ.

43.

За письмо ваше отъ 10 сего Декабря душевно благодарю и спѣшу на оное отвѣтомъ. Дѣло о профес. Казанскомъ, которому прошу предъявить мое искреннее сожалѣніе и мой добрый поклонъ, рѣшено до моего прибытія въ С.-Петербургъ, и теперь поправить его невозможно: остается продолжать службу по найму, если пожелаетъ.

Что же касается до іеромонаха Сергія, который дѣйствительно приходится мнѣ какимъ-то родственникомъ въ 10-й степени, и то по боковой линіи, но которому я, кажется, никогда не писалъ, а пособіе на бѣдность чрезъ своего келейника раза два посылалъ, то прошу васъ поступить съ нимъ по всей строгости законовъ: я никогда не принималъ и не приму въ немъ ни малѣйшаго участія. Это, примѣтно, великій негодяй; впрочемъ, его здѣсь еще не видно. Да если и явится, я на глаза къ себѣ не допущу его. Вездѣ бѣда намъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ. Пока прощайте!

16 Декабря 1872 г.
С.-Петербургъ.

44.

Дѣло моего благотворенія для Костромичанъ еще не созрѣло, а къ концу года, надѣюсь, окончательно созрѣетъ. Планъ вашъ я вполнѣ одобряю; но я вообще планировки въ семъ дѣлѣ принимать на себя не намѣренъ, частію по скромности (ибо не прилично мнѣ домогаться, чтобы будущее зеведеніе называлось моимъ именемъ), а частію по другимъ разсчетамъ. Вмѣсто же всего этого пришлю къ вамъ деньги, укажу только главный предметъ, на который онѣ назначаются, а подробное распоряженіе онымъ предоставляю вполнѣ вамъ, и вы уже отъ своего лица составите проектъ заведенія въ такомъ видѣ, въ какомъ признаете возможнымъ и нужнымъ, и представите, куда слѣдуетъ, на утвержденіе. Но дабы вы напередъ имѣли въ виду опредѣленную цифру пожертвованія, то я симъ заявляю вамъ, что постараюсь набрать не менѣе 30 тыс. Да сподобитъ Господь привести сіе предположеніе въ исполненіе, при вашемъ дружественномъ содѣйствіи.

Изъ здѣшнихъ пасхальныхъ нашихъ новостей можетъ быть для васъ интересно только слѣдующее: Могил. Евсевій получилъ крестъ на клобукъ, а Нектарій Харьковскій Александра Невскаго.

10 Апрѣля 1873 г.
С.-Петербургъ.

КНИЖНЫЯ РѢДКОСТИ*).

201. Нѣсколько словъ о родѣ Греческихъ князей Комниныхъ. Москва. Въ Типографіи В. Готье. 1854. 8°. 32 стр.

Составитель этой брошюрки Н. Головинъ, родъ котораго происходитъ отъ Греческихъ князей Комниныхъ, знакомитъ читателей съ князьями Комниными, предки которыхъ были Византійскими императорами. Переходя къ Стефану Комнину, владѣтелю Кафы (Ѳеодосіи) и всего южнаго берега Крыма, онъ говоритъ о выѣздѣ Стефана Комнина съ сыномъ Григоріемъ въ 1399 г. въ Россію, о принятіи первымъ монашества подъ именемъ Симона, о его завѣщаніи сыну Григорію выстроить обитель, которая, когда была выстроена на берегу рѣки Москвы, получила названіе „Симоновской, Симоновскаго монастыря“, по имени завѣщателя. Отъ Григорія Комнина авторъ брошюрки переходитъ къ его сыну Владиміру, а отъ сего послѣдняго къ сыну его Ивану, по прозванію Голова, крестнымъ отцемъ котораго былъ великій князь Василій Васильевичъ. Этотъ Иванъ Голова въ 1453 г. былъ посылаемъ посломъ къ Греческому императору Константину. Дочь Ивана Головы Варвара была супругою Никиты Романовича и матерью патріарха Филарета Никитича, а правнука Ивана Головы была супругою князя М. В. Скопина-Шуйскаго. Далѣе авторъ брошюрки упоминаетъ о томъ, что многіе изъ потомковъ Ивана Головы были боярами, генералами, адмиралами, послами, министрами и оканчиваетъ это перечисленіе графомъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Головинымъ, фельдмаршаломъ, генералъ-адмираломъ и канцлеромъ. На цвѣтной обложкѣ брошюрки и на заглавномъ листѣ изображена древняя монета города Ѳеодосіи, владѣтелемъ которой былъ упомянутый выше Стефанъ Комнинъ, а на 16 страницѣ изображенъ камень, найденный въ Крыму съ именемъ топарха Алексѣя Комнина, сына Стефана, на Греческомъ языкѣ. По удостовѣренію Г. Г. Геннади описываемая брошюрка была издана только для раздачи знакомымъ.

Геннади 193.

Мартыновъ 4909, 2 р.—Готье 81, 3 р.—Готье 1146, 5 р.—Клочковъ 1—261, 1 р. 50 к.—Готье 3644, 5 р.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1891 года.

202. О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола. Сія книга переведена въ Москвѣ подъ руководствомъ Московскаго Архангельскаго собора протоіерея Петра Алексѣева Въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1784 года. 8°. 82 стр.

Авторъ описываемаго сочиненія Генрихъ Корнелій Агриппа. Оно было напечатано на Латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „De nobilitate et praecelentia foeminei sexus". Въ числѣ доказательствъ преимущества женскаго пола надъ мужскимъ авторъ книжки приводитъ между прочимъ слѣдующія: 1) Адамъ значитъ земля, а Ева—жизнь, „чего ради сколько самая жизнь превосходнѣе земли, столько же жена должна быть предпочтена мужу". 2) Жена сотворена послѣ всѣхъ, „понеже жена есть конецъ и дополненіе всѣхъ дѣлъ Божіихъ и совершеніе всего свѣта". Богъ, создавъ жену, опочилъ отъ дѣлъ творенія; „въ ней совершилася вся премудрость и власть Создателя, сверхъ которой не находится болѣе твари, ниже выдумано быть можетъ". 3) Жена сотворена въ раю, мужъ же внѣ его, на простомъ полѣ, вмѣстѣ съ животными; а потому она во всѣхъ отношеніяхъ его превосходнѣе, вслѣдствіе чего она, по превосходству своего организма, когда смотритъ съ высоты внизъ, „не чувствуетъ ни малой робости и происходящей отъ того перемѣны, ниже слабѣетъ зракъ ея, какъ дѣлается съ мущинами; кромѣ того, когда случится тонуть женщинѣ вмѣстѣ съ мущиною, она больше бываетъ на поверхности воды, а мущина опускается ко дну скорѣе". И 4) мужъ сотворенъ изъ земли, жена же изъ матеріи очищенной, оживленной и одушевленной; „жена цѣла и совершенна, а мужъ съ своей стороны чувствуетъ недостатокъ въ лишеніи ребра, изъ котораго жена содѣлана". Приводя далѣе разныя другія доказательства, переводчикъ сочиненія Агриппы заключаетъ трудъ своимъ собственнымъ слѣдующимъ дополненіемъ: „Для насъ Россіянъ довольно одного безпримѣрнаго примѣра благословенныя въ порфироносныхъ женахъ Великія по всему Екатерины II, такъ какъ для жителей вселенныя единаго дневнаго свѣта. Ея душевныя и тѣлесныя дарованія толь превосходны предъ царями земными, какъ солнечное въ сравненіи звѣздъ сіяніе, и сравниться только могутъ съ ея къ Россіи благодѣяніями". Книжка эта, не смотря на восхваленія качествъ Екатерины II, не понравилась въ Петербургѣ, и почтенному протоіерею Петру Алексѣеву, подъ руководствомъ котораго она была переведена, какъ значится на заглавномъ листѣ, готовился выговоръ, который былъ только отклоненъ предстательствомъ протоіерея Іоанна Памфилова, духовника Императрицы. Изъ письма же Петра Алексѣева къ протоіерею Памфилову, напечатаннаго въ „Русскомъ Архивѣ" (1871 г. № 1), видно, что Петръ Алексѣевъ въ переводѣ книжки, за которую предполагали дать ему выговоръ, не участвовалъ, а что онъ только готовый переводъ, найденный имъ въ бумагахъ покойнаго своего брата Ивана Алексѣева, переслалъ „для куріозности" президенту Академіи, княгинѣ Е. Р. Дашковой, а она на иждивеніи Академіи Наукъ распорядилась его напечатать.

Сопиковъ 2258. — Смирдинъ 1332. — Геннади 56. — Губерти II—70.

Мартыновъ Рос. Библіографія 1881г. № 18, 5 р.—Шибановъ 1—150, 5 р.—Шибановъ XII—2, 2 р.—Шибановъ XXVII—2, 5 р.—Шибановъ XXXIV—1, 5 р.—Готье 1004, 15 р.—Готье 3583, 15 р.—Клочковъ 30—17718, 2 р.—Клочковъ 32—18416, 2 р.—Клочковъ 56—351, 3 р.

203. Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ. Сочиненіе барона Г. А. Розенкампфа. Второе тисненіе съ многими перемѣнами и прибавленіями. Начатое сочинителемъ, а по кончинѣ его изданное В. А. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1839. 4°. 596, 96, 12 и 44 нум. и 2 нен. стр. и 4 таблицы.

Въ первый разъ Обозрѣніе Кормчей книги было издано Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ въ 1829 г. въ 8 д. листа; описываемое здѣсь второе изданіе дополнено и измѣнено противъ перваго изданія. Изъ введенія барона Розенкампфа къ этому обширному труду видно, что онъ предполагалъ издать свое изслѣдованіе въ четырехъ отдѣленіяхъ, но послѣ его смерти найдены были только въ рукописи два отдѣленія; а послѣднія не были розысканы. Найденная рукопись была напечатана извѣстнымъ библіографомъ В. Г. Анастасевичемъ, въ количествѣ ста экземпляровъ, десять изъ которыхъ были имъ разосланы разнымъ лицамъ, а остальные экземпляры сохранялись у него въ листахъ. Послѣ смерти Анастасевича, послѣдовавшей въ 1845 г., всѣ его бумаги вмѣстѣ съ листами Обозрѣнія Кормчей были проданы съ аукціона букинистамъ. Изъ числа уцѣлѣвшихъ листовъ А. Д. Ивановскій составилъ только нѣсколько экземпляровъ, вслѣдствіе чего описываемое мною „Обозрѣніе Кормчей книги“ считается весьма рѣдкимъ и цѣннымъ изданіемъ. Баронъ Розенкампфъ въ своемъ введеніи говоритъ, что Кормчая Книга еще не была разсмотрѣна ни въ общемъ видѣ, ни въ частныхъ ея подробностяхъ. Никто еще не занимался критическимъ разборомъ матеріаловъ и сравненіемъ источниковъ, какъ Греческихъ, такъ и Русскихъ, входящихъ въ составъ всѣхъ рукописныхъ кормчихъ, или покрайней мѣрѣ печатной Кормчей Книги; но это изслѣдованіе должно предшествовать самому изложенію содержанія ея, такъ какъ она, кромѣ догматовъ вѣры и правилъ Святыхъ Отецъ, заключаетъ въ себѣ многія важныя свѣдѣнія для историка, филолога и вообще для всякаго любителя отечественныхъ древностей, и эти свѣдѣнія могутъ послужить, наконецъ, къ объясненію вопроса: какое вліяніе имѣла Кормчая Книга на наше законодательство и на успѣхи просвѣщенія Русскаго народа. Трудолюбивый изслѣдователь Кормчей Книги свое сочиненіе раздѣлилъ на четыре отдѣленія, а каждое отдѣленіе на параграфы. Въ *первомъ отдѣленіи* слѣдующіе параграфы: 1) о первыхъ собраніяхъ соборныхъ правилъ вообще, 2) о распространеніи оныхъ въ разныхъ переводахъ, 3) объ усовершенствованіи Греческихъ собраній въ царствованіе императора Юстиніана, 4) о трудахъ патріарха Іоанна Схоластика, 5) о Канонѣ или со-

ставѣ правилъ Святыхъ Соборовъ и Святыхъ отецъ, постановленномъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ и 6) о трудахъ патріарха Фотія. *Во второмъ отдѣленіи*: 1) историческія свѣдѣнія о Славянскомъ переводѣ Номокановъ до XIII вѣка, 2) объясненіе слова: Кормчая Книга, 3) о спискахъ Кормчей Книги съ XIII вѣка, 4) о спискахъ, составленныхъ послѣ митрополитовъ Кирилла, Максима и Кипріана, 5) о Греческихъ источникахъ Кормчей Книги, 6) о двухъ разрядахъ Славянскихъ собраній каноническихъ правилъ, 7) изложеніе перваго раздряда и 8) о вліяніи и дѣйствіи каноническихъ правилъ въ первой эпохѣ Русскаго законодательства и о собственныхъ Русскихъ статьяхъ. Послѣ втораго отдѣленія (третье и четвертое не напечатаны, о чемъ уже выше сказано) слѣдуютъ примѣчанія и 7 приложеній, подъ слѣдующими заглавіями: 1) Пидаліонъ, или новѣйшая Греческая Кормчая, 2) Прохиронъ Арменопула, 3) Грекоримское право Левенклава, 4) церковные акты, 5) Прохиронъ Греческихъ царей Леона Мудраго, Александра и Константина, на Грузинскомъ языкѣ, 6) Никонъ Черныя Горы и 7) сводная Кормчая. Седьмое оканчивается на 596 страницѣ; затѣмъ слѣдуетъ восьмое приложеніе, но оно помѣщено на особыхъ нумерованныхъ страницахъ отъ 1—96. Въ немъ помѣщены Паратитлы и текстъ Новеллъ. Во вступленіи къ этому отдѣленію Розенкампфъ сообщаетъ, что надъ составленіемъ его трудился „молодой филологъ Владимиръ Сергѣевичъ Печоринъ, получающій образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ и подающій хорошія надежды?“ Послѣ восьмаго приложенія, на особыхъ нумерованныхъ страницахъ (1—12) помѣщено описаніе Греческой харатейной рукописи, находящейся въ С.-Петербургской Императорской Библіотекѣ; за тѣмъ на 44 страницахъ помѣщенъ указатель замѣчательнѣйшихъ лицъ и вещей, упомянутыхъ въ книгѣ и, наконецъ, на ненумерованныхъ двухъ страницахъ помѣщено содержаніе книги и описаніе приложенныхъ къ ней четырехъ палеографическихъ таблицъ.—По отзыву нашего лучшаго ученаго юриста, покойнаго профессора К. А. Неволина, сочиненіе о Кормчей Книгѣ барона Розенкампфа принадлежитъ къ замѣчательнымъ изслѣдованіямъ (Полн. собр. сочин. Неволина, т. VI, стр. 414). Еще по выходѣ перваго изданія этого замѣчательнаго и добросовѣстнаго труда современная ученая критика обратила на него вниманіе; по поводу его напечатаны были статьи Н. Полеваго (Моск. Телеграфъ 1829 г. т. 30 стр. 84—91) и Венелина (Моск. Вѣстникъ 1829 г. ч. 6 стр. 17—36). Геннади при описаніи этой книги не указалъ на 12 нум. и на 2 нен. страницы.

Геннади 174.—Отчетъ Моск. Публ. и Румянцов. Музеевъ са 1867—69 гг.—Русскій Архивъ 1873 г. 972 и 973 стр.

Мартыновъ „Россійск. Библіографія“ 1881 г. № 18, 100 р.—Мартыновъ 6749, 50 р.—Готье 830, 35 р.—Готье 3640, 35 р.

204. Образъ житія Енохова или родъ и способъ хожденія съ Богомъ, сочиненіе Аглинскаго Богослова Іосифа, Иждивені-

емъ Н. Новикова и Компаніи. Въ Москвѣ, въ Университетской типографіи у Н. Новикова, 1784 года. 8°. XII, 400 нум. и 2 нен. страницъ.

На XII страницахъ помѣщено „Предисловіе“ отъ переводившаго описываемую книгу, затѣмъ самое сочиненіе богослова Іосифа, раздѣленное на три главы. *Первая глава*—въ чемъ состоитъ хожденіе съ Богомъ и что̀ онымъ означается, *вторая*: родъ и способъ ходити съ Богомъ и *третья*: что̀ долженствуетъ насъ къ сему хожденію съ Богомъ восхищать и движить. Съ 71 страницы помѣщено „Присовокупленіе нѣкоторыхъ разсмотрѣній къ возбужденію и споспѣшествованію праведнаго житія во Христѣ“. Это „присовокупленіе“ состоитъ изъ VII главъ. Вскорѣ по изданіи этой книги было запрещено въ ней предисловіе; состоялось распоряженіе его вырывать и представлять для уничтоженія. За неисполненіе сего распоряженія противъ Московскаго книгопродавца Петра Заикина было возбуждено уголовное преслѣдованіе. На слѣдствіи онъ по этому поводу въ свое оправданіе показалъ слѣдующее: „Производя торгъ книгами, купилъ у неизвѣстнаго человѣка на улицѣ книгу Образъ житія Енохова и, зная, что предисловіе въ ней запрещенное, хотѣлъ выдрать и представить куда слѣдуетъ, но по забвенію не выдралъ“. Такое объясненіе было признано не заслуживающимъ уваженія, и Заикинъ былъ признанъ нижними судебными инстанціями виновнымъ въ покупкѣ книги „Образъ житія Енохова или родъ и способъ хожденія съ Богомъ“ и въ необъявленіи ея продавца и приговоренъ: „къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и постановленіемъ знаковъ и къ ссылкѣ въ каторжную работу“. Палата Уголовнаго Суда, куда дѣло о Заикинѣ поступило на ревизію, смягчила назначенное наказаніе, приговоривъ Заикина „къ наказанію плетьми, дабы впредъ былъ осторожнѣе“. Благодаря только ходатайству князя А. Прозоровскаго, книгопродавецъ Заикинъ не былъ подвергнутъ жестокому и унизительному наказанію „за способъ хожденія съ Богомъ“. Вслѣдствіе запрещенія „предисловія“ описываемая книга въ полномъ видѣ очень рѣдка.

Сопиковъ 6972.—Лѣтописи Русской литературы и древностей т. 5, стр. 7 и 26.—Пекарскій „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи“ стр. 166.—Березинъ-Ширяевъ. Кн. VIII стр. 26.

Мартыновъ 1920, 10 р.—Клочковъ 30—17719, 3 р. 50.—Клочковъ 32—18419, 5 р. (съ предисловіемъ).—Шибановъ 1—151, 2 р.—Шибановъ III—104, 1 р. 50.—Шибановъ XV—162, 1 р. 50 к.

205. Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ Императорскую древнюю резиденцію, богоспасаемый градъ Москву, и освященнѣйшаго коронованія Ея Августѣйшаго Величества Всепресвѣтлѣйшія Державнѣйшія, Великія Государыни Императрицы Екатерины Вторыя, Самодержицы Всероссійскія, матери и избавительницы

отечества, еже происходило вшествіе 13, коронованіе 22 Сентября, 1762 года. 8°. 311 стр. Мѣсто и годъ печати не обозначены.

Въ книгѣ описаны торжественный въѣздъ императрицы Екатерины II-й въ Москву 13-го Сентября 1762 года и ея коронованіе, происходившее 22-го Сентября того же года, и всѣ торжества, бывшія по этому поводу. Описаніе этихъ событій изложено на страницахъ съ 1 по 159 включительно, съ 160 по 305 разныя дополненія, съ 305 по 311 стр. помѣщено оглавленіе. Описывая эту рѣдкостную книгу, нельзя пройти молчаніемъ рѣчь, сказанную по случаю коронованія Екатерины II архіепископомъ Новгородскимъ и Великолуцкимъ Димитріемъ, гдѣ онъ указывалъ на опасное состояніе церкви и государства, въ которомъ они находились въ царствованіе ея супруга императора Петра III-го. Преосвященный Димитрій между прочимъ по этому поводу говорилъ: „Знаемъ, и вси единодушно скажемъ, что ни глава Твоя царскаго вѣнца, ни рука Твоя державы поискала славы ради, или снисканія высокой власти, или пріобрѣтенія временныхъ сокровищъ; но едина матерняя ко отечеству любовь, едина вѣра къ Богу и ревность ко благочестію, *едино сожалѣніе о страждующихъ и утѣсняемыхъ чадѣхъ Россійскихъ понудили Тебе пріяти великое сіе къ Богу служеніе. Видѣли озлобленіе людей Твоихъ*; *видѣли вси и воздыхали яко близъ паденія церковь, близъ опасности все благосостояніе Россійское*; но Ты едина, ревнуя, поревновала еси о Господѣ Бозѣ Вседержителѣ, и сіе чудное строеніе не человѣческаго ума и силы, но Божіихъ несказанныхъ судебъ и Его премудраго совѣта. Кто подобенъ Тебѣ, о премилосердый Боже и Господи! Ты растерзалъ еси вретище печали нашея и препоясалъ еси насъ веселіемъ; Ты Самъ отъ огня и меча и всѣхъ бѣдъ Россію спаслъ еси, чрезъ возлюбленную Тобою рабу, Благочестивѣйшую Императрицу нашу; Ты Самъ къ защищенію нашему, безъ всякаго вреда и кровопролитія, на престолъ Императорскій возвелъ еси ю; Ты Самъ скипетръ и державу вручилъ еси Ей; Ты Самъ и нынѣ славою и честію увѣнчалъ еси благословенную главу Всепресвѣтлѣйшія Августы нашея; Ты содѣлалъ еси на Ней и на насъ во дни сія чудо чудесъ“. Описаніе торжественнаго вшествія въ Москву императрицы Екатерины и ея коронованія своевременно не было издано, хотя и предполагалось это изданіе и даже изготовлены были гравюры, изображающія церемонію коронованія и всѣ торжества, для помѣщенія въ предполагаемой къ изданію книгѣ. Въ царствованіе императора Николая Павловича, по докладу графа Блудова, послѣдовало высочайшее распоряженіе объ изданіи многочисленныхъ собраній юрналовъ и камеръ-фурьерскихъ журналовъ, въ коихъ между прочимъ было помѣщено и „Описаніе вшествія въ Москву и коронованія императрицы Екатерины II“. Изданіе было возложено на А. Ѳ. Бычкова и Б. М. Ѳедорова. Изданіе этихъ документовъ, начиная съ 1695 года по 1776 годъ, къ которому было приступлено въ 1853-мъ году, печата-

лось въ числѣ 102 экземпляровъ, годы же 1775 и 1776 были напечатаны въ числѣ 100 экземпляровъ. По мѣрѣ изданія ихъ, они раздавались членамъ Императорской фамиліи, и очень немногіе экземпляры дарились самымъ приближеннымъ къ Императору особамъ. Къ этой книгѣ были изданы рисунки и чертежи, въ особомъ атласѣ.

С. А. Соболевскій „Русскій Архивъ" 1867 г. № 11.—Геннади 192.—Семевскій „Русская Старина" 1890 г. № 10, стр. 287 и 300.

206. Обстоятельное описаніе Торжественныхъ Порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священнѣйшаго коронованія Ея Августѣйшаго Императорскаго Величества Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійской, еже бысть вшествіе 28 Февраля, коронованіе 25 Апрѣля 1742 года. Печатано при Императорской Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ 1744 года. Въ л. 168 стр., съ портретомъ, 49 листами гравированныхъ изображеній и 4 виньетами.

Описываемая книга начинается портретомъ императрицы Елисаветы I, гравированнымъ черной манерой Штенглинымъ съ живописнаго портрета Каравакки; за портретомъ слѣдуетъ гравированное заглавіе книги съ виньетою, на которой изображено вензелевое имя Императрицы; далѣе на первой нумерованной страницѣ предъ текстомъ отчетливо исполненная виньета граверомъ П. Соколовымъ, съ изображеніемъ Московскаго Кремля. Начало текста слѣдующее: „Когда неиспытными судьбами и неизрѣченнымъ промысломъ всѣхъ благъ подателя Творца Бога 25 Ноября 1741 года Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая Государыня, ко общей всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ радости, въ царствующемъ градѣ Санктпетербургѣ благополучно на Всероссійскій Императорскій родительскій престолъ вступила, и потомъ высочайшее свое намѣреніе объявить соизволила, дабы по обычаю Императорскихъ своихъ предковъ и прочихъ Христіанскихъ Потентантовъ коронованіе и святое мνропомазаніе воспріять въ царствующемъ первопрестольномъ Россійской имперіи градѣ Москвѣ, гдѣ и всѣ предки Ея Императорскаго Величествя въ Бозѣ усопшіе Великіе Государи коронованы: то о семъ всенародное извѣстіе публиковано чрезъ выданной 1 Генваря 1742 года слѣдующаго содержанія манифестъ". Слѣдуетъ самый манифестъ, потомъ описаніе выѣзда Императрицы изъ С.-Петербурга 23 Февраля для коронованія, пріѣзда ея 26 Февраля въ село Сесвятское, находящееся въ семи верстахъ отъ Москвы, и торжественный ея въѣздъ въ Москву 28-е Февраля, съ описаніемъ всего по этому случаю церемоніала. По вступленіи Императрицы въ Успенскій соборъ, послѣ молебна, Новгородскій архіепископъ Амвросій говорилъ рѣчь, въ которой, между про-

чимъ, сказалъ: „Радуется и весь Правительствующій Синклитъ, что какъ чести и достоинства своего утвержденіе, такъ и живый образъ милости и правосудія отъ нея воспріемлетъ. Горитъ пламенемъ любви и несказанныя ревности къ своей природной Государынѣ и все воинство, яко праведную обидъ своихъ въ произведеніи ранговъ отмстительницу и мужественную въ свобожденіи Россіи отъ внутреннихъ разореній героину пріобрѣсти сподобилось. Радуются и гражданскіе статы, что уже отнынѣ не по страстямъ и посуламъ, но по достоинству и заслугамъ въ чины своя чаютъ произведенія. Веселится и всенародное множество, а наипаче бѣдные, обидимые и беззаступные, когда сущія матери милосердыя, истинныя и природныя своея Государыни дождаться удостоились“. Коснувшись же православной церкви, ораторъ говорилъ: „Видимъ убо и знаемъ, да и безъ того знать долженствовали, кто Ваше Императорское Величество и кимъ изволили къ намъ всерадостнѣйшее свое благоукрасить пришествіе; едино еще самое нужнѣйшее вѣдать всѣмъ, а наипаче незнающимъ того осталось, что̀ и какое сокровище въ гостинецъ привесть намъ соизволили. Сокровища дражайшаго въ свѣтѣ сыскать невозможно, какъ то, отъ чего все наше благополучіе и вѣчное зависитъ спасеніе; а такое сокровище есть не иное, токмо вѣра истинная, православная, каѳолическая... Тую убо вѣру самыхъ небесъ дражайшую, тое сокровище неоцѣненное благочестіе наше приведе намъ въ даръ; ибо какъ скоро на престолъ вступила, такъ тогожъ времени Синоду доброе свое и суще императорское намѣреніе объявить изволила: Надобно намъ начинать съ Богомъ и отъ Бога и какъ мы честь и власть отъ Него получили, такъ Его же божественную честь и славу хранить, защищать и распространять одолжаемся. И что̀ словомъ сказать изволила, тоежъ самымъ дѣломъ исполнила; ибо книгу Камень Вѣры во тмѣ невѣденія заключенную на свѣтъ произвесть и освободить повелѣла, которая книга какъ напримѣръ всякому искусному майстеру инструменты, воину оружіе, плавающему карабленику на морѣ кормило, такъ оная намъ нужная, полезная и весьма потребная, и смотри какую на насъ врази наши домашніе стратагемму, или просто сказать хитрость, безбожныя своея войны выдумали“. Далѣе проповѣдникъ, сославшись на Филистимлянъ, которые, чтобы окончательно завоевать Израильтянъ, отобрали отъ нихъ готовое оружіе и запретили его дѣлать вновь, продолжаетъ: „Такъ подобнымъ образомъ и наши внутренніе непріятели съ нами поступали. Вѣдали они совершенно, что наша вѣра крѣпкая и непобѣдимая. Инако ея побѣдить невозможно, какъ только отнять у нея оборону, оружіе и мечъ духовный, то есть Слово Божіе, вѣру хранящее и защищающее, и какъ задумали, такъ и сдѣлали. Готовыя книги во тмѣ заключили, а другія сочинять подъ смертною казнію запретили. О хитрости превеликія! О коварства лестнаго, котораго и самые язычники христіанамъ не дѣлали; ибо чтемъ въ писаніи божественномъ, что Павелъ святый изъ темницы Римской многія писалъ посланія и посылалъ къ вѣрнымъ, утверждая ихъ въ вѣрѣ невозбранно, какъ и самъ о томъ

свидѣтельствуетъ, глаголя: слово Божіе не вяжется; просто хотѣлъ такъ сказать, хотя я и связанъ и кандалами скованъ, но слово Божіе не связанно, ибо я, въ темницѣ сидя, иногда словомъ, иногда посланіемъ свободно слово Божіе проповѣдую; но у насъ не то дѣлалось, но противное сему. У насъ не токмо учителей, но и ученія и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли, и уже къ тому приходило, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей и устъ отворить опасно было. Что же сдѣлалъ Господь милосердый? Услышалъ молитву вѣрныхъ рабовъ Своихъ, призрѣлъ на слезы и воздыханія ихъ, и вдругъ всѣ ихъ замыслы, всѣ хитрости и коварства разрушилъ, уничтожилъ и въ прахъ развѣялъ... Не одна нынѣ радость на небеси, но сугуба. Первѣе радуются святіи о насъ, что и наша тая же святая вѣра, которою они спаслись, стала быть свободна, не связанна... Вторая радость святыхъ Божіихъ та есть, что какъ намъ, путникамъ идущимъ къ вѣчному блаженству, путь, то есть правая вѣра, очищена, такъ и онымъ уже доспѣвшимъ царствія небеснаго, достойная честь и почитаніе возвращено, которое отъ многихъ было возбраняемо и хулимо... Сію же сугубу радость сдѣлалъ милосердый Господь чрезъ одушевленный инструментъ Свой, то есть чрезъ Тебе, Благочестивѣйшая, Самодержавнѣйшая, Великая Государыня наша Императрица Елисавета Петровна!“ Послѣ этой проповѣди, Императрица шествовала въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, а оттуда, „вступивъ въ свою карету“, шествовала къ зимнему дворцу, что на Яузѣ. Когда же торжественный поѣздъ прибылъ къ тріумфальнымъ синодальнымъ воротамъ, то встрѣтили Императрицу духовныя персоны, а студенты Московской Славяно-греко-латинской Академіи, одѣтые въ бѣлыя одежды, съ вѣнцами на головахъ и съ лавровыми вѣтвями въ рукахъ, пѣли сложенную на сей предметъ пѣснь. Когда же поѣздъ прибылъ къ тріумфальнымъ воротамъ, построеннымъ отъ купечества на Мясницкой улицѣ, то Московскіе знатные купцы встрѣтили Императрицу и поднесли ей и Его Королевскому Высочеству „знатные презенты“. По прибытіи Государыни во дворецъ, того же числа въ пять часовъ, всѣ знатныя персоны и духовныя особы отъ Синода собрались ко двору, послѣ чего начался балъ, окончившійся въ 12 часовъ. 22-го Апрѣля объявлялось въ Москвѣ герольдами о днѣ коронованія. 23 Апрѣля Императрица прибыла въ Кремлевскій дворецъ, 25 Апрѣля происходило коронованіе Императрицы. Въ книгѣ подробно описывается торжественное шествіе Императрицы изъ дворца въ Успенскій соборъ и самый обрядъ коронованія, со всѣми происходившими церемоніями; при этомъ помѣщена и вся церковная служба и рѣчь, которую говорилъ Новгородскій архіепископъ Амвросій. Въ этой рѣчи, коснувшись ея восшествія на престолъ, онъ между прочимъ сказалъ: „И коежъ большее можетъ быть великодушіе какъ сіе: забыть деликатнаго своего полу, пойти въ малой компаніи на очевидное здравія своего опасеніе, не жалѣть за цѣлость вѣры и отечества послѣдней капли крови, быть вождемъ и кавалеромъ воинства, собирать вѣрное солдатство, заводить шеренги, идти *грудью противъ непріятеля и съ-*

бдящихъ въ гнѣздѣ орла Россійскаго ночныхъ совъ и нетопырей, мыслящихъ злое государству, прочь выпужать, коварныхъ разорителей отечества связать, побѣдить и наслѣдіе Петра Великаго изъ рукъ чужихъ вырвать и сыновъ Россійскихъ изъ неволи высвободить, и до перваго привесть благополучія, и праотческое онымъ возвратить благополучіе. Нѣсть ли убо сіе всему свѣту удивительно? Тебѣ за толь преславную побѣду, за толикое вѣры и отечества освобожденіе, уже не одну, но тысящу коронъ на увѣнчаніе побѣдоносныя главы Твоея возложить долженствуетъ". Далѣе въ книгѣ описывается шествіе Императрицы изъ Успенскаго собора въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и въ Грановитую Палату, гдѣ былъ торжественный обѣдъ, поздравленія Императрицы отъ разныхъ чиновъ, сословій, инородцевъ, угощеніе народа, торжественное шествіе 29 Апрѣля изъ Кремлевскаго дворца въ Зимній, что на Яузѣ, обѣдъ 1-го Мая въ томъ дворцѣ и балъ, обѣдъ и балъ 3-го Мая въ томъ же дворцѣ, 4 Мая ужинъ, 8 Мая маскарадъ, который продолжался 9, 11, 13, 16, 19, 23 и окончился только 25 Мая, 29 Мая Итальянская опера, 31 Мая „паки" маскарадъ, 3-го Іюня балъ, 6 Іюня „паки" маскарадъ и опера, а по окончаніи оперы балъ и ужинъ и иллюминація 7 Іюня. „И тако симъ высочайшей Ея Императорскаго Величества коронаціи торжество благополучно окончаніе свое воспріяло". Этими словами, на 128 страницѣ, и оканчивается описаніе всѣхъ торжествъ, происходившихъ при коронаціи. Словомъ, Царь-дѣвица отпраздновала истинно по-царски свою коронацію и своими балами и длящимися маскарадами напомнила народу страсть своего отца къ различнаго рода асамблеямъ и пирамъ. Внизу 128 страницы помѣщена виньета, исполненная граверомъ Соколовымъ, на которой изображенъ придворный балъ; за тѣмъ съ 121 страницы слѣдуетъ описаніе чертежей, находящихся въ книгѣ; съ 116 до 168 страницы включительно „изъясненіе" фейерверка и иллюминаціи; въ концѣ 168 страницы помѣщена виньетка. Этою 168 страницею и оканчивается текстъ книги; за тѣмъ на 49 страницахъ помѣщены гравюры, изъ которыхъ нѣкоторыя на большихъ листахъ въ нѣсколько разъ перегнутыхъ. Всѣ гравюры точно и обстоятельно описаны Д. А. Ровинскимъ (т. IV, стр. 28—31); не указана имъ только виньетка, находящаяся на 168 стр. и ошибочно указана страница, на которой помѣщена третья виньетка. Д. А. Ровинскій при описаніи гравюръ совершенно справедливо замѣтилъ, что онѣ составляютъ главный памятникъ Русскаго гравированія при императрицѣ Елисаветѣ. Рисунки сдѣланы рисовальщикомъ Гриммелемъ, а самыя гравюры исполнены Вортманомъ, Соколовымъ и Качаловымъ. Описаніе коронаціи императрицы Елисаветы издано въ трехъ видахъ: первый съ Нѣмецкимъ текстомъ, въ переплетѣ, на передней части котораго вытисненъ золотомъ вензель Императрицы, а на задней гербъ; второй съ однимъ Русскимъ текстомъ, въ переплетѣ, на корешкахъ котораго вытиснуты золотомъ гербъ, корона, держава и скипетръ. Эти оба вида экземпляровъ описанія коронаціи напечатаны на толстой плотной бумагѣ, а гравюры въ сильныхъ оттискахъ. Третій—безъ всякихъ укра-

шеній на переплетѣ и напечатанъ на обыкновенной бумагѣ. Въ моей библіотекѣ находится экземпляръ „втораго вида".

Сопиковъ 7539.—Плавильщиковъ 2748.—Смирдинъ 2695.—Чертковъ 1838 г. 15 стр. № 17.—Бартеневъ 163.—Геннади 229.—Ровинскій т. IV. стр. 28—31.

Мартыновъ „Россійск. Библіографія" 1881 г. № 18, 50 р.—Готье „Россійск. Библіографія 1881 г. № 8, 50 р.—Шибановъ 1—48, 30 р.—Шибановъ III—26, 30 р. (поврежд. экземпляръ).—Клочковъ 24—14913, 20 р. (не полный экземп.).—Готье 3556, 75 и 50 р. (безъ вензеля и орла на переплетѣ, на обыкн. бумагѣ).—Клочковъ 50—356, 25 р.—Клочковъ 13—1717, 25 р.—Шибановъ XXXIV—345, 25 р. (не полный и поврежд. экземп.).—Клочковъ 56—356, 25 р.—Клочковъ 63—1717, 25 р.

207. Обстоятельное описаніе торжественныхъ порядковъ благополучнаго вшествія въ царствующій градъ Москву и священнѣйшаго коронованія Ея Августѣйшаго Императорскаго Величества Императрицы Елисаветы Петровны Самодержицы Всероссійскія, еже бысть вшествіе 28 Февраля, коронованіе 25 Апрѣля 1742 года. 8°. 222 стр., безъ обозначенія мѣста и года печати.

Это второе изданіе описанія вшествія въ Москву императрицы Елисаветы Петровны и ея коронованія также было издано, какъ и описанная книга подъ № 205, по повелѣнію императора Николая Павловича А. Ѳ. Бычковымъ и Б. М. Ѳедоровымъ. Къ этой книгѣ были изданы рисунки и чертежи, въ особомъ атласѣ. Какъ эта книга, такъ и подъ № 205, описаны были въ „Русскомъ Архивѣ" С. А. Соболевскимъ при описаніи имъ: „Юрналовъ и камеръ-фурьерскихъ журналовъ". Полное изданіе „Юрналовъ и камеръ-фурьерскихъ журналовъ", въ которомъ находятся и описанныя мною книги подъ №№ 205 и 207, чрезвычайно цѣнно. Въ каталогѣ Клочкова (№ 7—5606) стоимость его была объявлена въ 400 р.

С. А. Соболевскій „Русскій Архивъ" 1867 г. № 11.—Геннади 192.—Русская Старина 1890 г. № 10.

208. Общественное устройство города Риги. Изслѣдованіе ревизіонной коммисіи, назначенной Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. 1845—1848. Томъ первый. *На оборотной сторонѣ*: Печатано по приказанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. С.-Петербургъ. Въ типографіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1852. 8°. VIII и 497 нум. и 6 ненум. страницъ.

На первыхъ восьми страницахъ, помѣченныхъ Римскими цыфрами, излагается рядъ правительственныхъ мѣръ по преобразованію городскаго управленія Риги и сообщается объ учрежденіи особой коммиссіи, старшимъ членомъ которой былъ коллежскій совѣтникъ Ханыковъ, а въ числѣ чиновниковъ коммиссіи состоялъ Ю. Ѳ. Самаринъ. Коммиссіи было вмѣ-

нено въ обязанность: 1) собрать свѣдѣнія объ историческомъ развитіи и современномъ состояніи Рижскаго городскаго управленія и сословнаго устройства, о городской собственности и общественномъ хозяйствѣ вообще, 2) представить по каждой части систематическіе отчеты на основаніи собранныхъ свѣдѣній, 3) представить соображенія о необходимыхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ. Коммиссія открыла свои засѣданія 9 Іюня 1845 года, а упразднена въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1847 года. Главнѣйшіе труды коммиссіи, „для лицъ высшаго управленія“, были напечатаны по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ въ видѣ трехъ особыхъ частей: Часть I *Историческая*, часть II *Ревизіонная* и часть III *Статистическая*. Въ описываемой книгѣ помѣщена первая часть *историческая*, которая была составлена Ю. Ѳ. Самаринымъ. Изслѣдованіе это занимаетъ собою 497 страницъ. Оно раздѣлено на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ изложены дѣйствія верховной государственной власти по устройству города Риги. Этотъ отдѣлъ раздѣленъ на четыре періода; первый періодъ обнимаетъ собою 1200—1581 г., второй 1581—1622 г., третій 1622—1710 г. и четвертый 1710—1796 г. Во второмъ отдѣлѣ изложено внутреннее развитіе городскихъ сословій въ Ригѣ. Онъ раздѣленъ на три періода; первый періодъ обнимаетъ собою 1200 — 1582, второй 1582 — 1710 г., третій періодъ подраздѣленъ на три отдѣла: первый отъ сдачи города Риги до введенія городоваго положенія, второй отдѣлъ — введеніе городоваго положенія и третій отдѣлъ отъ отмѣны городоваго положенія до изданія Свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній.— Братъ покойнаго Юрія Ѳедоровича Д. Ѳ. Самаринъ, помѣщая „Общественное устройство г. Риги“ въ VII томѣ „Сочиненій Ю. Ѳ. Самарина“, изданномъ въ 1889 г., въ своемъ предисловіи между прочимъ говоритъ, что въ „Общественномъ устройствѣ г. Риги“ исторія Риги съ 1846 по 1849 г. и равно нѣкоторыя подробности хода дѣлъ о преобразованіи городскаго устройства Риги съ 1818 г. по 1845 г. составлены не Ю. Ѳ. Самаринымъ, а по всей вѣроятности Я. В. Ханыковымъ, подъ наблюденіемъ котораго описываемая книга печаталась. Свое мнѣніе объ этомъ Дмитрій Ѳедоровичъ основываетъ на подлинной рукописи Ю. Ѳ. Самарина. Издатель сочиненій Юрія Ѳедоровича сообщаетъ, что ходъ дѣла о преобразованіи Рижскаго городскаго устройства, начиная съ 1818 по 1845 г., изложенъ въ изданной книгѣ подробнѣе, чѣмъ въ рукописи и въ книгѣ исторія Риги доведена до 1849 года, а въ рукописи исторія заканчивается 1845 годомъ. Послѣ 1845 года въ книгѣ излагается собственно не исторія, а описывается дѣятельность ревизіонной коммиссіи и вообще ходъ дѣла о преобразованіи Рижскаго городскаго устройства въ Остзейскомъ комитетѣ въ 1849 г. Рѣдкость книги „Общественное устройство г. Риги“ объясняется тѣмъ, что почти всѣ экземпляры ея, напечатанные въ ограниченномъ количествѣ, сгорѣли въ 1864 году во время бывшаго въ С.-Петербургѣ пожара, истребившаго зданіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ которомъ они хранились. Д. Ѳ. Самаринъ утверждаетъ, что „Общественное устройство г. Риги“ сохранилось только

въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ принадлежитъ ему. Г. Н. Геннади также указываетъ только на два экземпляра; одинъ изъ нихъ, принадлежащій Я. В. Ханыкову, находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Мой экземпляръ, пріобрѣтенный отъ книгопродавца В. И. Клочкова, золотообрѣзный и въ прекрасномъ тисненомъ переплетѣ.

Геннади 191.—Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Изданіе Д. Самарина. М. 1889 г. т. VII стр. CXXXI—CXXXV, 161—163.

Клочковъ 29—17065, 125 р.

209. Овідіевы фигуры В' 226 изображеніях. П: Пикард. гры: 1721. 8°. Заглавный листъ гравированный и 113 стр.

Все изданіе состоитъ изъ гравированныхъ рисунковъ. На каждой страницѣ находится по двѣ гравюры съ краткими объясненіями, оборотъ страницъ оставленъ бѣлымъ. На нѣкоторыхъ гравюрахъ находятся монограммы граверовъ Мякишева, Ростовцева и другихъ. По указанію П. Пекарскаго „Овидіевы Фигуры" заимствованы изъ сочиненія, изданнаго въ Нюренбергѣ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, въ 1689 г. Въ Русскомъ изданіи остались выпущенными стихи, а переведены только подъ картинками краткія подписи съ Нѣмецкаго языка. Книга очень рѣдка. По свидѣтельству А. Ѳ. Бычкова даже въ Публичной Библіотекѣ не находится полнаго экземпляра описываемой книги.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки 1861 г. 25 стр.—Пекарскій 486.—Бычковъ 140.—Ровинскій стр. 114, 119, 120, 247, 255, 268 и 269.

210. О внѣшнемъ богослуженіи и наружныхъ дѣйствіяхъ человѣка христіанина. Сочиненіе Московской Единовѣрческой церкви священника Ивана Петрова. Съ дозволенія Московской цензуры. Москва, въ Губернской типографіи у А. Рѣшетникова, 1803 года. 8°. Три тома. 1 т. 310 нум. и 2 нен. стр., 2. т. 340 нум. и 3 ненум. стр. и 3 т. 286 нум. и 7 ненум. стр.

На заглавныхъ листахъ текстъ изъ Бесѣды Іоанна Златоуста о человѣкѣ истинномъ: *Ваше есть увѣщати человѣками быти тѣхъ.* Сочиненіе посвящено „Театральнымъ, упражняющимся во врачебной наукѣ и отъѣзжающимъ въ чужіе краи". Описываемая книга чрезвычайно разнообразнаго содержанія: въ ней помѣщено не только то, что́ касается „внѣшняго богослуженія и наружныхъ дѣйствій христіанина", но и разсужденія о томъ, „можетъ ли наказывать тѣлесно мущинъ персона женскаго пола, быть притомъ и смотрѣть на оное"? На этотъ поставленный вопросъ авторъ сочиненія отвѣчаетъ такъ: „Можетъ та только, которая жива умерла и которая никогда недостойна быть въ собесѣдованіи съ тѣми дамами, кои подобны той высокоблагородно-воспитанной принцессѣ, которая однажды нѣкогда въ жизни, сильно осердившись на свою

горничную дѣвку, вмѣсто наказанія какова-либо дамскаго (аршиномъ), все дѣло кончила симъ столь громовымъ ударомъ: Негодная мочка у прясли-цы". Кромѣ того въ сочиненіи есть и слѣдующій трактатъ: „Нѣчто о мнѣніи г. Татищева, что естьли судья употребитъ на покой назначенное ему время для разсмотрѣнія дѣла просителева, то яко бы не грѣхъ ему взять взятки". Авторъ описываемой книги, не соглашаясь съ мнѣніемъ Татищева, говоритъ: „Для того, чтобъ взять взятки, можетъ судьба такъ подвести, что просителево дѣло не иначе какъ только въ домѣ въ праздное время разбираемо быть долженствуетъ. Такому судьѣ также можно повѣрить, какъ мачихѣ въ разсужденіи падчерицы". Коснувшись въ своей книгѣ поста̀, авторъ ея говоритъ подробно о разныхъ постныхъ снѣдяхъ, объ ихъ вкусѣ, пользѣ. Говоря о рѣпѣ, авторъ утверждаетъ, что „она есть другъ нервовъ, укрѣпляетъ глаза и предохраняетъ зрѣніе. Естьлибъ кто стыдился употреблять ее, то пусть вспомнитъ о славномъ Римскомъ полководцѣ Куріи-Дентатѣ, который съ помощію сей пищи умѣлъ сохранить свое здоровье, презирать Самнитовъ и дать имъ законы". Табаку авторъ книги посвящаетъ цѣлый трактатъ, помѣщенный на 203—236 страницахъ 3-го тома. Описываемая книга подверглась запрещенію.

Смирдинъ 255.– Геннади стр. 143.
Готье 3310, 2 р.—Шибановъ VII—334, 6 р. Шибановъ XX—347, 5 р.—Шибановъ XXXIV—379, 5 р.

211. О время! Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочинена въ Ярославлѣ во время чумы 1772 года. Печатана въ Санктпетербургѣ. 8°. 79 стр.

По мнѣнію Щебальскаго, это самое старѣйшее изъ драматическихъ произведеній императрицы Екатерины II-й. Содержаніе ей слѣдующее. Въ Москвѣ, въ своемъ домѣ живетъ старая, богатая, но скупая барыня Ханжихина. У ней внучка, за которую сватается Молокососовъ. Сватовство ведется при помощи его пріятеля Непустова и шустрой, разбитной горничной Мавры. Сестра Ханжихиной Вѣстникова и пріятельница ея Чудихина не расположены къ жениху. По совѣту горничной, Молокососовъ чрезъ подарки пріобрѣтаетъ къ себѣ расположеніе Вѣстниковой, и она уговариваетъ свою сестру отдать внучку за него замужъ. Ханжихина благословляетъ молодыхъ людей, но не даетъ всего обѣщаннаго приданаго. Описываемая комедія имѣла большой успѣхъ на сценѣ; успѣхъ ея состоялъ, конечно, не въ содержаніи. Содержаніе ея самое обыкновенное и, какъ говорится, вовсе незамысловатое. Успѣхъ ея состоялъ въ правдивомъ, мастерскомъ изображеніи личностей. Вся соль піесы состояла въ осмѣяніи посредствомъ злой сатиры тѣхъ пороковъ, которые были общественными язвами. Мѣткая сатира была направлена противъ ханжества, сплетень, суевѣрія. Фамилія дѣйствующихъ лицъ указываетъ на ихъ ка-

чества. Ханжихина—воплощенная ханжа; она одною рукою молится Богу, а другою бьетъ своихъ крѣпостныхъ. Она, по разсказу объ ней горничной, „встаетъ по утру въ шесть часовъ, оправляетъ предъ образами лампаду, потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акаѳистъ; потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохъ и поетъ стихъ: блаженъ, кто и скоты милуетъ! А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ". Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ. Вѣстникова—сплетница, переносящая изъ одного дома въ другой разныя дрязги и всѣхъ мутящая. Чудихина вся переполнена предразсудками, ея религія основана на суевѣріяхъ и разныхъ примѣтахъ. Осмѣивая эти пороки, авторъ піесы вмѣстѣ съ тѣмъ черезъ другихъ дѣйствующихъ лицъ проводитъ въ общество здравыя понятія. „Вы почитаете, сударыня, говоритъ Непустовъ Ханжихиной, молитву должностью, но вѣдь и снисхожденіе и любовь къ ближнему есть также должности". Молокососовъ говоритъ, „что суевѣріе есть порокъ, что нравоученіе закона запрещаетъ вѣрить баснямъ". Горничная Мавра говоритъ: „Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того не видимъ, что смѣхи осужденія сами достойны... Видимъ мы сучокъ въ глазу ближняго, а въ своемъ и бревна не видимъ". Описываемая комедія имѣла большой сценическій успѣхъ, о чемъ уже выше было сказано. Драматическій Словарь объ ней свидѣтельствуетъ, что „она много разъ была играна и принята публикою съ отмѣннымъ удовольствіемъ". Извѣстный Н. И. Новиковъ, посвящая свой сатирическій журналъ „Живописецъ" неизвѣстному сочинителю комедіи „О время", говоритъ въ посвященіи: „Вы первый съ такимъ искусствомъ и остротой заставили слушать ѣдкость сатиры съ пріятностью и удовольствіемъ; вы первый съ такою благородною смѣлостью напали на пороки, въ Россіи господствовавшіе. Продолжайте, государь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего имени и къ великому удовольствію разумныхъ единоземцевъ вашихъ; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: перо ваше достойно равенства съ Мольеромъ... и хотя имя ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе мое къ вамъ никогда не умалится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію вамъ журнала подъ названіемъ Живописца... Вы открыли мнѣ дорогу; вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ... и дай Боже, чтобы читатели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе той соли и остроты, которыя оживляютъ ваши сочиненія". На это восторженное посвященіе послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ отъ автора комедіи: „При сочиненіи комедіи не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни откуда, кромѣ собственной своей семьи, слѣдовательно, не выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ къ составленію забавнаго позорища довольно обширное поле для искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почитаю" (Жи-

вописецъ, стр. 49). Посылая эту комедію и комедію „Имянины г-жи Ворчалкиной“ къ Вольтеру во Французскомъ переводѣ, Императрица писала: „У автора много недостатковъ, онъ не знаетъ театра, интриги его піесъ слабы. Нельзя того же сказать о характерахъ: они взяты изъ природы и выдержаны. Кромѣ того, у него есть комическія выходки; онъ заставляетъ смѣяться; мораль его чиста, ему хорошо извѣстенъ народъ“. Второе изданіе описываемой комедіи вышло въ 1786 году. Въ этомъ же году она была напечатана въ Россійскомъ Ѳеатрѣ и, наконецъ, она была перепечатана въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій императрицы Екатерины II-й.

Сопиковъ 5525.—Смирдинъ 7253. — Драматическій Словарь стр. 99. — Лонгиновъ „Драматическія произведенія Екатерины II-й“ стр. 9 и 10.—Щебальскій „Русскій Вѣстникъ“ 1871 года № 5, стр. 115, 135—142.—Араповъ „Лѣтопись Русскаго театра“ стр. 118.

Шибановъ XVII—144, 5 руб. (въ одномъ переплетѣ съ другими двумя комедіями императрицы Екатерины).

212. О государствѣ Русскомъ. Сочиненіе Флетчера. Москва. Университетская типографія. 1848. (*На оборотѣ:* «По опредѣленію Общества. Москва. Іюня 12-го 1848 года».) Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. *Второе заглавіе:* Или образъ правленія Русскаго царя обыкновенно называемаго царемъ Московскимъ, съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны. Содержаніе означено въ оглавленіи, помѣщенномъ предъ началомъ сочиненія. Въ Лондонѣ, печатано Т. Д—мъ для Томаса Чарда, 1591. 8°, 2 неп., XII и 106 нум. стр.

Джильсъ Флетчеръ, докторъ гражданскихъ правъ, былъ отправленъ Англійскою королевою Елисаветою въ 1588 г. посланникомъ къ царю Ѳеодору Іоанновичу для заключенія дружественнаго союза и возстановленія торговыхъ сношеній съ Россіею. Въ Россіи онъ прожилъ около года и по возвращеніи на свою родину въ 1591 году издалъ подъ заглавіемъ: „Of the Russe Common Wealth or maner of governement by the Russe Emperour (Commonly called the Emperor of Moskowia), With the manners and fashions of the people of that Countrey“. Содержаніе этого сочиненія, раздѣленнаго на 28 главъ, слѣдующее: 1) широта, длина и названіе областей, 2) почва и климатъ, 3) естественныя произведенія, 4) главные города, 5) домъ или родъ Русскаго царя, 6) коронованіе Русскихъ царей, 7) образъ правленія, 8) земскій соборъ, 9) Русское дворянство и средства, употребляемыя къ его ослабленію, согласно съ видами правительства, 10) управленіе областями, 11) царская дума, 12) подати и другіе доходы царя, сумма ихъ и средства къ ихъ увеличенію, 13) народъ и состояніе его, 14) правосудіе и судопроизводство, 15) военныя силы, военачальники и жалованье ихъ, 16) сборъ вооруженій, продовольствіе и проч., 17) походы, нападенія

и другія военныя дѣйствія, 18) пріобрѣтенія и способъ удержанія завоеванныхъ областей, 19) и 20) пограничные народы, съ коими они находятся въ сношеніяхъ, 21) власти и чины духовные, 22) церковная служба и совершеніе таинства, 23) догматы церкви, 24) брачные обряды, 25) другіе обряды, 26) домашняя или частная жизнь царя, 27) домашній бытъ и придворный штатъ царя и 28) частная жизнь и обычаи Русскаго народа. Флетчеръ въ своемъ сочиненіи изобразилъ Россію съ неприглядной стороны, каковою она представлялась наблюдательному иностранцу и каковою она дѣйствительно и была на самомъ дѣлѣ. Мы не должны забывать, что только лишь предъ его пріѣздомъ въ Россію скончался Иванъ Грозный, обливщій Россію потоками крови, которая еще не успѣла высохнуть; еще свѣжа была память о его тиранствахъ, жертвахъ, имъ избіенныхъ и замученныхъ. Изобразивъ Россію страною страха и ужаса, непроглядной тьмы и невѣжества и посвятивъ это описаніе Англійской королевѣ, онъ имѣлъ полное основаніе, воздавъ благодареніе Богу, что онъ живетъ не въ нашемъ отечествѣ, а въ другой странѣ, сказать въ своемъ посвященіи между прочимъ слѣдующее: „Въ образѣ тамошняго правленія ваше величество изволите усмотрѣть не только весьма удивительную, но и дѣйствительно существующую форму *государства тиранническаго*, далеко не сходную съ образомъ вашего правленія, безъ истиннаго познанія о Богѣ, безъ письменныхъ законовъ, безъ общаго правосудія, кромѣ того, которому источникомъ служитъ законъ изустный, то-есть правительственныя власти, имѣющія сами крайнюю нужду въ законѣ для того, чтобы обуздать ихъ собственную несправедливость. Поступки ихъ, въ какой степени они тягостны и бѣдственны для несчастнаго угнетеннаго народа, населяющаго эту страну, въ такой же мѣрѣ могутъ подать мнѣ и другимъ подданнымъ вашего величества справедливый поводъ признать себя счастливыми за истинно-королевское и милостивое правленіе вашего величества, вамъ же доставить болѣе утѣшенія и радости тѣмъ, что въ вашемъ королевствѣ вы повелѣваете не рабами, а подданными, которые исполняютъ свои обязанности изъ любви, а не изъ страха“. Кромѣ описанія внутренняго быта Россіи, въ сочиненіи Флетчера заключается слѣдующее изображеніе того состоянія, въ которомъ находилось наше отечество наканунѣ чрезвычайно-важныхъ событій, до сихъ поръ неразъясненныхъ исторіей: „Младшій братъ царя, дитя лѣтъ шести или семи, содержится въ отдаленномъ мѣстѣ отъ Москвы подъ надзоромъ матери и родственниковъ изъ дома Нагихъ, но (какъ слышно) жизнь его находится въ опасности отъ покушеній тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя. Кормилица, отвѣдавшая прежде него какого-то кушанья (какъ я слышалъ) умерла скоропостижно. Русскіе подтверждаютъ, что онъ точно сынъ царя Ивана Васильевича тѣмъ, что въ молодыхъ лѣтахъ въ немъ начинаютъ обнаруживаться всѣ качества отца. Онъ (говорятъ) находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы смотрѣть, какъ убиваютъ овецъ и вообще домашній скотъ, видѣть

перерѣзанное горло, когда изъ него течетъ кровь (тогда какъ дѣти обыкновенно боятся этого) и бить палкою гусей и куръ до тѣхъ поръ, пока они не издохнутъ. Кромѣ лицъ мужскаго пола есть еще вдова, имѣющая право на престолъ—сестра покойнаго и тетка теперешняго царя, бывшая замужемъ за Магнусомъ, герцогомъ Голшинскимъ, братомъ короля Датскаго, отъ котораго была у нея дочь. Эта женщина по смерти мужа вызвана въ Россію людьми, жаждущими престола болѣе, нежели любящими ее, какъ оказалось впослѣдствіи; потому что сама она съ дочерью тотчасъ же по возвращеніи въ Россію была заключена въ монастырь, гдѣ дочь въ прошедшемъ году умерла (во время моего пребыванія тамъ) и, какъ предполагали, насильственною смертью. Мать пока все еще находится въ монастырѣ, гдѣ (какъ слышно) она оплакиваетъ свою участь и проклинаетъ день своего возвращенія въ Россію, куда была привлечена надеждою на новый бракъ и другими лестными обѣщаніями отъ имени царя. Вотъ въ какомъ положеніи находится царскій родъ въ Россіи изъ дома Бѣлы, который, по видимому, скоро пресѣчется со смертію особъ, нынѣ живущихъ, и произведетъ переворотъ въ Русскомъ царствѣ. Если правленіе вслѣдствіе такого переворота сдѣлается хотя нѣсколько умѣреннѣе, то это послужитъ къ благоденствію несчастнаго народа, удрученнаго теперь невыносимымъ рабствомъ". Приведенныя строки были какъ бы предсказаніемъ, которое и не замедлило исполниться. Сочиненіе Флетчера было извѣстно нашимъ историкамъ: Н. М. Карамзинъ пользовался имъ при составленіи Исторіи Государства Россійскаго, сдѣлавъ изъ него выписки и помѣстивъ ихъ по преимуществу въ IX и X томахъ своего историческаго труда. Въ 1848 году Д. Н. Гиппіусъ, служившій въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, перевелъ сочиненіе Флетчера на Русскій языкъ, и этотъ переводъ, съ предисловіемъ князя М. А. Оболенскаго, былъ напечатанъ въ томъ же году въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Уваровъ, найдя Записки Флетчера о Россіи зловредными, представилъ объ этомъ императору Николаю Павловичу, который повелѣлъ книгу „Чтеній", въ коей были напечатаны Записки Флетчера и отдѣльные оттиски ихъ, конфисковать, редактора „Чтеній" профессора Московскаго университета Осипа Михайловича Бодянскаго, извѣстнаго слависта, уволить изъ редакторовъ и *для пользы службы* перевести въ Казанскій университетъ, а на его мѣсто перевести изъ Казани профессора Григоровича; но стойкій и самостоятельный Бодянскій имѣлъ смѣлость не подчиниться сему распоряженію. Осипъ Михайловичъ говорилъ: „Они меня перевели въ Казань. Не поѣду я, ни за что не поѣду. Я сказалъ попечителю, что лучше соглашусь остаться въ Москвѣ приходскимъ учителемъ, а въ Казань не поѣду и не могу ѣхать; это огорчитъ и убьетъ мою старушку-матушку. Она живетъ себѣ въ своей Малороссіи спокойно, знаетъ, что сынъ ея Осипъ служитъ въ Москвѣ, вдругъ услышитъ, что я переведенъ въ Казань; сейчасъ ей подумается, что вѣрно сынъ ея Осипъ что̀ ни есть нехорошо сдѣлалъ; она

измучается... Нѣтъ, никуда изъ Москвы не поѣду, не доведу матушку до слезъ". Не подчинившись распоряженію о переводѣ, Осипъ Михайловичъ Бодянскій долженъ былъ выдти въ отставку и проживать въ Москвѣ безъ служебныхъ занятій; вскорѣ впрочемъ онъ, по ходатайству графа Строганова, опять получилъ туже каѳедру въ Московскомъ университетѣ, которую прежде занималъ. Въ книгѣ Чтеній (1848, кн. I) вмѣсто истребленныхъ Записокъ Флетчера помѣщена статья: „Критико-литературное обозрѣніе путешествій по Россіи до 1700 года. Сочиненіе Аделунга". По поводу сочиненія Флетчера былъ слѣдующій интересный разговоръ между Императоромъ и попечителемъ Московскаго университета графомъ С. Г. Строгановымъ. Императоръ спросилъ графа: „что тамъ ты печатаешь такое?"—„Государь, отвѣчалъ графъ, я печаталъ такое, что всегда готовъ напечатать. Флетчерово сочиненіе относится къ царствованію Ивана Грознаго и сына его Ѳеодора; все худое, замѣченное иностранцемъ о Руси того времени, не относится къ нынѣшней. Уваровъ по личной ко мнѣ враждѣ рѣшился надѣлать изъ того шума и представить Вашему Величеству, какъ нѣчто зловредное, а я напечаталъ его въ журналѣ ученаго общества, бывшаго подъ моимъ предсѣдательствомъ, имѣвшаго весьма тѣсный кругъ читателей, преимущественно ученыхъ, изъ коихъ, когда объявлена была на послѣдній годъ подписка, однихъ архіереевъ изъявило желаніе получать его 33".—„Но и архіереямъ не все можно дозволять читать", сказалъ Императоръ. Описываемый экземпляръ сочиненія Флетчера составляетъ отдѣльный оттискъ изъ Чтеній; всѣхъ такихъ оттисковъ было напечатано въ количествѣ 51-го экземпляра. Относительно этихъ оттисковъ О. М. Бодянскій въ своемъ дневникѣ, разсказавъ предварительно объ успѣшномъ ходатайствѣ предъ помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа Юзефовичемъ за своего брата (бывшаго смотрителемъ уѣзднаго училища въ Прилукахъ), говоритъ: „Юзефовичъ, пользуясь такимъ отношеніемъ ко мнѣ, выманилъ у меня одинъ экземпляръ Флетчера для своей библіотеки, котораго до сихъ поръ никто еще не въ силахъ былъ выпросить". Экземпляръ Флетчера я купилъ у букиниста А. А. Остапова, къ которому перешло все богатое собраніе книгъ Бодянскаго послѣ его смерти. Сочиненіе Флетчера о Россіи вторично было издано на Русскомъ языкѣ за границей въ 1867 году. Е. В. Барсовъ, секретарь Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, передавалъ мнѣ, что Общество, въ царствованіе Александра II-го, неоднократно ходатайствовало объ изданіи вновь сочиненія Флетчера, но каждый разъ безуспѣшно.

Русская Старина 1887 г., № IX, стр. 658.—Историческій Вѣстникъ 1887 г., № XII, стр. 507, 517 и 526.—Русская Старина 1889 г., № IV, стр. 240 и 241.—Русская Старина 1890 г., № I стр. 54, № 2 стр. 386, 387, 396 и 428.—Вѣстникъ Европы 1891 г., № 11, стр. 14 и 1410 (Записки Ѳ. И. Буслаева).

213. О Греческой антологіи. Arcades ambo... Virg. Санктпетербургъ. Въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. 1820. 8°. II и 44 нум. стр.

На заглавномъ листѣ виньетка. Книга начинается слѣдующимъ предисловіемъ отъ издателя: „Сію рукопись получили мы изъ Арзамаса слѣдующимъ образомъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ жили тамъ два пріятеля, оба любящіе страстно литературу. Во время свободное отъ хозяйственныхъ занятій читали они вмѣстѣ поэтовъ древнихъ и новыхъ и нерѣдко старались имъ подражать для собственнаго наслажденія, не для публики, которая ихъ не знала и о коей они не помышляли. По стеченію обстоятельствъ были они принуждены прекратить дружескія бесѣды свои; одинъ изъ нихъ былъ избранъ въ земскіе засѣдатели; другой поступилъ во внутреннюю стражу, и бумаги ихъ остались въ рукахъ Арзамасскаго трактирщика, отъ котораго мы оныя получили. Въ томъ числѣ находилась статья, которую мы рѣшились напечатать. Она конечно не можетъ удовлетворить совершенно справедливое требованіе знатоковъ: бездѣлки двухъ безпечныхъ провинціаловъ могутъ ли невольно не оскорбить утонченный вкусъ столицы? Впрочемъ, предаемъ мы ихъ на общій судъ безъ дальнѣйшихъ объясненій". Статья была подписана такъ: Ст.... и А...—Davus sum non Oedipus. Подпись „Ст." обозначала „Старушка". Этимъ именемъ въ Арзамасскомъ обществѣ называли графа С. С. Уварова, впослѣдствіи бывшаго министромъ народнаго просвѣщенія; вторая подпись „А" обозначала „Ахиллъ", каковымъ именемъ называли поэта К. Н. Батюшкова. За предисловіемъ слѣдуетъ статья „о Греческой антологіи". Въ ней помѣщены, между прочимъ, переводы антологическихъ піесъ въ стихахъ Мелеагра Гадарскаго, Асклепіада Самосскаго, Гедила, Антипатра Сидонскаго, Павла Силенціарія. Послѣдняго автора переведено шесть стихотвореній. Объ немъ въ статьѣ говорится: „Стихи его свидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ рѣдкое дарованіе, пламенное воображеніе, глубокую чувствительность и былъ напитанъ чтеніемъ древнихъ писателей. Павелъ, рожденный и воспитанный въ христіанствѣ, долженъ былъ сохранить въ душѣ своей неизгладимую печать религіи, но поэзія его болѣе принадлежитъ къ роду поэзіи древнихъ; всѣ ихъ формы строго соблюдены. Иногда вамъ кажется, что Павелъ есть современникъ Мимнерма; но вдругъ черта, совершенно неожиданная, открываетъ въ немъ болѣе сходства съ нѣжнымъ Петраркомъ, нежели съ пламенною Сафою". Всѣ антологическія піесы, помѣщенныя въ описываемой брошюркѣ, переведены на Русскій языкъ нашимъ славнымъ поэтомъ К. Н. Батюшковымъ, однимъ изъ членовъ Арзамасскаго общества; всего имъ переведено двѣнадцать піесъ, а объясненія къ нимъ писаны С. С. Уваровымъ. Въ прибавленіи, на 37—44 страницахъ брошюрки, говорится слѣдующее: „Желая облегчить трудъ поэта, обогащающаго нашу словесность сими прелестными произведеніями Греческой поэзіи, сотрудникъ его въ одно время переводилъ тѣже самыя піесы на Французскій языкъ. Эти стихи были написаны не для Парижа, равно какъ и Русскіе не для Петербурга. Мы рѣшились ихъ напечатать потому только, что они не могутъ ни придать, ни отнять славы у писателей, со славою незнакомыхъ и совершенно неизвѣстныхъ на поприщѣ нашей литературы. Дру-

жеское соревнованіе, удовольствіе сличать силы двухъ или трехъ языковъ, учиться ихъ механизму, наслаждаться ихъ красотами, вотъ цѣль и возмездіе сихъ опытовъ. Вольтеръ твердилъ часто:

Faites tous vos vers à Paris
Et n'allez pas en Allemagne.

Чтó сказалъ бы насмѣшливый старикъ при чтеніи стиховъ Французскихъ, написанныхъ въ Арзамасѣ?" Вслѣдъ за этимъ предисловіемъ помѣщены двѣнадцать піесъ Греческихъ поэтовъ въ переводѣ на Французскій языкъ. Брошюрка оканчивается слѣдующимъ сообщеніемъ: „Сверхъ сего нашли мы еще, на оберточномъ листѣ издаваемой нами рукописи, слѣдующую надгробную надпись, съ Греческаго переведенную:

Съ отвагой на челѣ и съ пламенемъ въ крови
Я плылъ; но съ бурей вдругъ предстала смерть ужасна.
О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!
Ввѣряйся челноку! Плыви!"

Статья о Греческой Антологіи предназначалась для предполагаемаго журнала Арзамасскаго общества. Журналъ не состоялся, и она была выпущена отдѣльною книжкой въ началѣ Января 1820 года, въ количествѣ семидесяти экземпляровъ, изъ которыхъ только сорокъ были пущены въ продажу, по пяти рублей за каждый. Вырученныя деньги предназначались въ пользу бѣднаго семейства г-на Фонъ Б.... Издателемъ книжки былъ Д. В. Дашковъ, также Арзамасецъ, впослѣдствіи бывшій министромъ юстиціи. По выходѣ ея въ свѣтъ, вскорѣ появилась объ ней на страницахъ Сына Отечества (1820 г. № 12 стр. 269—273) рецензія, въ которой между прочимъ говорилось: „Издатели брошюры скрыли свои имена подъ забавнымъ разсказомъ о двухъ любителяхъ древней и новой литературы въ Арзамасѣ. Но воображеніе, умъ, вкусъ, талантъ, съ которыми писаны сіи стихотворенія на обоихъ языкахъ, и болѣе всего благородное употребленіе, на которое назначена большая часть напечатанныхъ экземпляровъ сей книги, измѣняетъ тайнѣ". Во второмъ томѣ сочиненій К. Н. Батюшкова, изданныхъ въ 1834 г., подъ статьею „Греческая антологія" сообщено: „Стихи, находящіеся въ этой статьѣ, написаны Батюшковымъ, а объясненія къ стихамъ, а равно и все изданіе приписываютъ нѣкоторымъ молодымъ литераторамъ, соединеннымъ дружбою и любовію къ просвѣщенію, нынѣ занимающимъ важныя должности на поприщѣ государственной службы".—Мой экземпляръ „Греческой антологіи" принадлежалъ извѣстному Александру Ивановичу Тургеневу, также члену Арзамасскаго кружка; на экземплярѣ его подпись.

Чертковъ 1838 г. 472 стр. № 113. — Лонгиновъ, „Современникъ" 1856 г. № 8.— Геннади 133.—О жизни сочин. Батюшкова, Л. Н. Майкова, стр. 249.

214. О духоборцахъ. Сочиненіе студента Кіевской Духовной Академіи Ореста Новицкаго, 1832. Кіевъ. Въ типографіи Академической при Кіево-Печерской Лаврѣ. 8°. 146 нум. стр.

Въ предисловіи къ изслѣдованію о духоборцахъ говорится: „Образъ возрѣнія духоборцевъ на религію отличенъ не только отъ чистаго ученія нашей православной церкви, но и отъ всѣхъ раскольническихъ толковъ, существующихъ въ Россіи. Все вѣрованіе ихъ секты, обнаженное отъ внѣшнихъ обрядовъ и учрежденій церкви, заключено во внутреннемъ дѣйствіи души—въ представленіяхъ ума, въ чувствованіяхъ сердца“. Замѣчательная секта духоборцевъ до изслѣдованія О. Новицкаго не была приведена въ надлежащую извѣстность; не раскрыто было ея ученіе и исторія. Въ своей книгѣ молодой О. Новицкій, только лишь вступавшій на ученое поприще, желалъ пополнить этотъ пробѣлъ. Свое изслѣдованіе онъ раздѣляетъ на три главы подъ слѣдующими заглавіями: 1) краткая исторія секты, ея происхожденіе, распространеніе, судьба; 2) ученіе духоборцевъ въ его направленіи умственномъ и дѣятельномъ, въ приложеніи къ церкви и нравственности людей, исповѣдующихъ оное, и 3) сужденіе объ ученіи духоборцевъ. Въ первой главѣ онъ приходитъ къ тому заключенію, что секта духоборцевъ возникла въ Украйнѣ Екатеринославской округи, въ селѣ Никольскомъ, гдѣ Силуанъ Колесниковъ былъ первымъ проповѣдникомъ ученія духоборцовъ, а когда онъ скончался, то его сыновья Кириллъ и Петръ продолжали дѣло своего отца, распространяя начатое имъ ученіе. Сообщивъ объ этомъ свѣдѣнія, Новицкій допускаетъ предположеніе, что вѣроятно Силуанъ Колесниковъ распространялъ то ученіе, которому научился у другихъ, и при этомъ указываетъ на нѣкоего неизвѣстнаго иностранца, повидимому Квакера, называвшаго себя отставнымъ унтеръ-офицеромъ и проживавшаго около 1740 г. въ Харьковской губ. въ селѣ Охочемъ, и на отставнаго Московскаго стрѣльца Прокопія Лупкина, жившаго въ 1715 г. Во второй главѣ Новицкій подробно знакомитъ съ ученіемъ духоборцевъ и въ концѣ ея излагаетъ сущность ученія ихъ въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ: I) Богъ въ Троицѣ единъ: Отецъ — память, Сынъ—умъ, Духъ Святый—воля. II) Душа наша существовала и пала до сотворенія міра видимаго—въ высотѣ; послана въ сей міръ, какъ въ темницу и въ наказаніе и для исправленія; грѣхъ Адама—грѣхъ первородный, не переходитъ къ потомкамъ его, а всякъ согрѣшалъ и грѣшитъ самъ собою; III) Христосъ, Спаситель нашъ, если смотрѣть на Него въ Ветхомъ Завѣтѣ, былъ по Своему Божеству не иное что, какъ премудрость, одѣявшаяся въ натуру, а въ Новомъ завѣтѣ Онъ былъ Духъ боголюбія, цѣломудрія и пр. во плоти. Онъ рождается, проповѣдуетъ, страждетъ, умираетъ и воскресаетъ духовно въ сердцѣ каждаго вѣрующаго. IV) Для спасенія нашего не необходимо имѣть внѣшнее познаніе объ І. Христѣ, ибо есть внутреннее слово, научающее о немъ человѣка въ глубинѣ души его. Оно было во всѣ времена и просвѣщаетъ всякаго, кто только готовъ внимать ему. V) Засѣмененіе въ человѣкѣ зла въ семъ мірѣ возрастаетъ за гробомъ чрезъ 666 степеней, въ мѣру злаго духа - сатаны, а засѣменившіеся добромъ, пройдя 40 степеней очищенія, втекутъ въ число Авраамле, 50-е сіяніе свѣта во славѣ и уподобятся самому Богу. VI) Поелику тѣло наше

есть клѣть, удерживающая и стѣсняющая нашъ духъ, а страсти суть засѣмененіе зломъ, то должно отрекаться отъ самого себя и лишать себя всего, что̀ нравится нашимъ чувствамъ, дабы ослабить власть ихъ надъ душею. VII) Поелику всѣ люди равны и кромѣ того чада Божіи дѣлаютъ добро сами по себѣ, безъ всякаго понужденія, то для нихъ не нужно никакой власти; она необходима развѣ для злыхъ: ходить на войну, носить оружіе, давать клятву—дѣло непозволительное. VIII) Церковь есть общество избранныхъ Самимъ Богомъ; невидимая и разсѣянная по всему міру, она не отличена во внѣшности никакимъ общимъ вѣроисповѣданіемъ; не только христіане, но и Іудеи, Магометане и проч. могутъ быть и при своемъ исповѣданіи членами ея, если только внимательны ко внутреннему слову, и посему IX) Священное писаніе, или слово внѣшнее не необходимо для чадъ Божіихъ; впрочемъ оно полезно для нихъ потому, что и въ немъ, какъ по лицу всей земли, и въ самихъ себѣ они читаютъ различныя судьбы и дѣянія Господни; только надобно смотрѣть на него, какъ на картины, изображающія во внѣшнемъ предметы духовные; все надобно разумѣть въ немъ въ смыслѣ таинственномъ о внутреннемъ Христѣ. X) Одинъ І. Христосъ, внутренній дѣйствователь, есть истинный архіерей и священникъ, посему никакихъ священниковъ внѣшнихъ не нужно; въ комъ дѣйствуетъ Самъ Христосъ, тотъ и преемникъ Его и для себя самъ священникъ; священники рукотворенныхъ церквей поставляются внѣшнимъ образомъ и совершаютъ только внѣшнее; ихъ не должно почитать тѣмъ, за что̀ обыкновенно признаютъ ихъ. XI) Поелику чада Божіи должны покланяться Богу въ духѣ и истинѣ, то не нужно никакого внѣшняго богослуженія. Внѣшность таинствъ не производитъ надъ человѣкомъ никакого дѣйствія; ихъ должно понимать и принимать духовно; обряды хотя имѣютъ свою значительность, однако, поелику они суть только мертвые знаки внутренняго и большею частію препятствуютъ уму приближаться къ Богу, то не только излишни, но иногда даже вредны. XII) Иконы суть идолы; угодниковъ Христовыхъ можно уважать за ихъ добродѣтели, но не должно имъ молиться; постъ состоитъ въ бѣганіи отъ похотей и воздержаніи отъ излишняго; преданія, церковныя постановленія и соборы не должны быть принимаемы, наконецъ XIII) самая церковь не имѣетъ власти судить когодибо и осуждать, потому что не можетъ знать всѣхъ внутреннихъ, тайныхъ побужденій человѣка.—Въ третьей главѣ Новицкій, разсмотрѣвъ ученіе Квакеровъ, Анабаптистовъ и другихъ, пришелъ къ тому заключенію, что ученіе духоборцевъ не есть ученіе оригинальное, въ немъ все чужое, заимствованное; но, не смотря на это, оно не имѣетъ совершеннаго сходства ни съ однимъ вѣрованіемъ, взятымъ отдѣльно. Въ этой главѣ Новицкій привелъ слѣдующее интересное объясненіе духоборцевъ о причинахъ оставленія ими Православія, заимствованное имъ изъ рукописнаго исповѣданія ученія Екатеринославскихъ духоборцевъ: „Мы родились, и вдругъ надъ каждымъ изъ насъ совершены наружные обряды христіанскіе, какъ совершаются и нынѣ надъ нашими дѣтьми; мы росли, возрасли, нѣкоторые

и состарѣлись, ходя во все время жизни своей въ церковь, но что же? Скажемъ истину: какъ пни со скукою стояли мы въ ней, ни мало не понимая труднаго и неудобопонятнаго намъ слова книжнаго, при томъ скоро, смѣшанно и спѣшно читаемаго, или велегласно пѣваемаго. Умъ нашъ отъ нашего стоянія въ церквахъ ни чуть не пріобрѣлъ познанія ни о насъ самихъ, ни о томъ, каковъ Господь Богъ нашъ и какова Его святая воля. А посему въ слѣпотѣ мы жили, какъ и многіе сыны міра, во всѣхъ злыхъ нераскаянно. Нынѣ же, благодареніе Богу, мы въ иномъ состояніи: начавъ ходить въ собранія свои, слушая тамъ Слово Божіе, ясно разсказываемое и помѣрно понимая его, мы съ несказаннымъ удивленіемъ увидѣли Господа Іисуса, Сына Божія, въ немъ Отца и святую волю Божію и злую волю нашу; и молимся уже въ вѣдѣніи, да поможетъ намъ Господь Богъ, отрекшись себѣ, то-есть злой воли нашей, слѣдовать благой волѣ Божіей. Нынѣ, пришедши и въ церковь, больше прежняго понимаемъ изъ того, что̀ читается здѣсь; и, кажется, церковныя чтенія токмо для тѣхъ нескучны, прекрасны и душеспасительны, кои научились понимать ихъ дома.“ Далѣе въ этой рукописи относительно православныхъ священниковъ говорится, „что они ищутъ единственно славы или обогащенія для жизни роскошной, а долгъ свой идти ко Господу и насъ вести къ нему совершенно оставили. Видя, яко знаемые наши бѣгутъ прочь, возлюбили сами, въ домахъ, поучаться въ Словѣ Божіемъ, дабы пожить намъ на земли богоугодно. Мы простолюдины, въ церквахъ Слово Божіе не разсказывается; того, что́ читается тамъ не понимаемъ: велись въ слѣпотѣ. Алчущій ищетъ чѣмъ бы напитаться. Вотъ представился намъ случай слышать Слово Божіе въ разсказѣ: мы вняли ему. Пусть и такъ, что, возжелавши узнать Отца нашего небеснаго, мы впали въ ученіе неправо; но почему же не предупредили насъ правымъ? Лучше хотя однимъ глазомъ и неясно видѣть свѣтъ, нежели быть слѣпымъ обоима“.—Сочиненіе О. Новицкаго сначала было помѣщено въ „Христіанскомъ Чтеніи“, отдѣльною же книжкой было издано въ небольшемъ количествѣ экземпляровъ, которые вскорѣ были раскуплены духоборцами, такъ какъ ученіе ихъ излагалось въ описываемой книжкѣ въ стройной системѣ. Вслѣдствіе малаго количества изданныхъ экземпляровъ и большаго ихъ требованія, цѣна книжки дошла до баснословныхъ размѣровъ: давали за ея экземпляръ по 100 рублей и болѣе. Вторично сочиненіе о духоборцахъ въ передѣланномъ и дополненномъ видѣ издано было въ 1882 году.

Ольхинъ 181.—Межовъ 1284.—Чертковъ 1838 г. 222 стр. № 11. — Березинъ-Ширяевъ „Рос. Библіогр. 1880 г. № 19 стр. 413. Березинъ-Ширяевъ 1881 г. стр. 9 и 10.

Готье 6650, 1 р. 50 к.—Шибановъ XXVI—350, 1 р. 50 к.—Шибановъ XXXIV—342, 5 р.—Шибановъ XXXVI—406, 5 р.—Мартыновъ 1228, 8 р.—Клочковъ 4—2090, 1 р. 50 к.—Клочковъ 19—12722, 6 р.—Клочковъ 22—14044, 6 р.

215. О заблужденіяхъ и истиннѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія. Сочиненіе, въ кото-

ромъ открывается примѣчателямъ сомнительность изысканій ихъ и непрестанныя ихъ погрѣшности, и вмѣстѣ указывается путь, по которому должно бы имъ шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи Добра и Зла, о человѣкѣ, о натурѣ вещественной, о натурѣ невещественной и о натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ. Философа неизвѣстнаго. Переведено съ Французскаго. Иждивеніемъ Типографической Компаніи. Въ Москвѣ, въ вольной типографіи И. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1785 года. 8°. XIII, 542 нум, и 1 нен. стр.

Сенъ-Мартенъ, авторъ описываемой книги, былъ сначала послѣдователемъ ученія Мартинеса Паскалиса, потомъ Сведенборга и наконецъ создалъ свое собственное ученіе, которое и издалъ въ 1775 году на Французскомъ языкѣ, въ Эдинбургѣ. Сочиненіе это имѣло большой успѣхъ и выдержало нѣсколько изданій. Въ Петербургѣ оно было получено въ томъ же году, когда было выпущено первое изданіе и встрѣчено нашими масонами съ восторгомъ. И. П. Елагинъ и Н. И. Панинъ читали книгу эту вмѣстѣ, и первый изъ нихъ давалъ на нее толкованія словесныя и письменныя. На Русскій языкъ перевелъ ее П. И. Страховъ, впослѣдствіи занявшій профессорскую каѳедру въ Московскомъ университетѣ. На первыхъ XII страницахъ описываемой книги помѣщено предисловіе отъ сочинителя и за тѣмъ слѣдуетъ самое сочиненіе, раздѣленное на семь главъ; оглавленіе содержанія сочиненія помѣщено надъ каждой страницей, на ненумерованной страницѣ помѣщены „погрѣшности". Въ предисловіи между прочимъ говорится: „Сочиненіе, предлагаемое отъ меня людямъ, не есть собраніе догадокъ; не систему имъ представляю, а надѣюсь, что гораздо полезнѣйшій дѣлаю имъ подарокъ. Однакоже и не самую науку предъ нимъ положилъ; знаю твердо, что человѣкъ ожидать ее долженъ не отъ человѣка. Я возжигаю предъ ними токмо лучъ собственнаго ихъ свѣтильника, дабы свѣтомъ онаго открылися тѣ ложныя идеи, которыя имъ преподаны были о истиннѣ, равно какъ и тѣ слабыя и опасныя оружія, которыя ненадежными руками употреблены были на ея защищеніе. Чувствительно тронутъ я былъ, признаюсь, когда воззрѣлъ на теперешнее состояніе науки; увидѣлъ, какъ обезображена она заблужденіями; увидѣлъ страшный покровъ, которымъ ее одѣли, и за долгъ почелъ, ради пользы подобныхъ мнѣ, свергнуть оный. Безъ сомнѣнія къ таковому предпріятію потребны мнѣ больше, нежели обыкновенные способы; но, не изъясняя, какіе употребляю здѣсь, довольно и того сказать, что они самой природы человѣковъ придержатся; что они отъ начала вещей были всегда извѣстны нѣкоторымъ изъ людей, и что никогда не отымутся вовсе отъ земли, доколѣ будутъ на оной существовать мыслящіе. Вотъ откуда почерпнулъ я очевидность и доказательства

тѣхъ истиннъ, которыхъ изысканіемъ занимается вся вселенная. Послѣ сего признанія, ежелибъ и стали обвинять меня, что я проповѣдую невѣдомое ученіе, по крайней мѣрѣ не можно будетъ подозрѣвать, будто я самъ изобрѣтатель онаго; потому что, когда оно придержится природы человѣковъ, то не токмо не отъ меня произошло, но даже и невозможно мнѣ основательнымъ образомъ утверждать какое-нибудь другое". Вскорѣ по выходѣ этой книги, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1785 г. № 30) появилась объ ней слѣдующая рецензія: „Сія книга есть переводъ творенія, вышедшаго за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, на Французскомъ языкѣ, подъ титуломъ: „Des Erreurs et de la Vérité" и содѣлавшаго эпоху въ философической исторіи новѣйшихъ временъ. Мы должны признаться, что она содержитъ въ себѣ многія великія истины, предложенныя совершенно новымъ и отличнымъ отъ прежняго образомъ, для причинъ, предъявленныхъ сочинителемъ при самомъ вступленіи оной". Сочиненіе „О заблужденіяхъ и истинѣ" имѣло многихъ поклонниковъ, о чемъ мы уже сказали, но вмѣстѣ съ тѣмъ и многихъ порицателей, которые, не соглашаясь съ ученіемъ Сенъ-Мартена, писали цѣлые трактаты, цѣлыя изслѣдованія. Одно изъ такихъ сочиненій, мною уже описанное подъ № 100, было издано на Русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города. Въ Тулѣ, 1790 г." Во время преслѣдованія масоновъ описываемая книга была найдена зловредною и по распоряженію правительства сожжена *).

Сопиковъ 4138. — Лѣтописи Рус. литературы и древн. т. 5, стр. 7. — Лонгиновъ стр. 243.—Русскій Архивъ 1864 г. № 1, стр. 95.—Пыпинъ „Русское масонство" Вѣстникъ Европы 1868 № 9, стр. 8—13 и 40.—Отчетъ Рум. Музея 1865 г., стр. 7.—Березинъ-Ширяевъ 1876 г., стр. 110 и 111.—Россійская Библіографія 1880 г. № 21, стр. 479 и 480.—Губерти II, 82.—Скабичевскій „Очерки по исторіи Рус. цензуры", Отеч. Записки 1882 г. № 4, стр. 466.

Нероновъ „Рос. Библіографія" 1880 г. № 13, 30 р.—Мартыновъ 6934, 15 р.—Клочковъ 5—3451, 2 р. 50 к.—Клочковъ 26—15763, 4 р.—Клочковъ 92—393, 6 р.—Клочковъ 96—2692, 2 р.—Шибановъ IV—323, 2 р.—Шибановъ XVII—406, 2 р.—Шибановъ XXXIV—477, 5 р. — Шибановъ XXXVII—369, 4 р.—Готье 7840, 5 р.

*) Изслѣдованіями позднѣйшаго времени указано, что Сенъ-Мартенъ былъ Еврей. П. Б.

ПОСЛАНІЕ ОБРАТНОЕ

сирѣчь отвѣтъ Россійскихъ студентовъ Императорскаго Дерптскаго Университета ординарному профессору Россійскаго языка и словесности Александру Ѳеодоровичу Воейкову.

Вонмемъ!

Получихомъ, учителю, писаніе твое, еже писалъ еси мѣсяца Августа въ 10-е, и радостію веліею возрадовахомся, яко сподобилъ тебе Господь Богъ сдѣлатися единымъ отъ издателей Сына Отечества, и по Его велицѣй милости, якоже и первѣе сего, плавати во стихіи словеснѣй до скончанія вѣка, егда же земля потрясется, гробы распадутся, мертвіи возстанутъ и будетъ по всей земли плачъ и скрежетъ зубовъ.

Въ радости нашей обязуемся:

Я, Парротовой *) милостію, Станиславъ Шеміотъ, физико-химикъ Дерптскаго университета и староста Россійскихъ студентовъ онаго, прислать вамъ статью о *спускѣ*, которая списывается. Статья моя о *льдахъ* потеряна.

Я, вашею милостію, Иванъ Валламовъ, обязываюсь съ будущею же почтою прислать вамъ отрывокъ изъ лягушекъ, онѣ бо въ работѣ. И впередъ обѣщаю переводить и писать для васъ, когда будетъ вамъ во мнѣ нужда.

Мы прочіе: Лаппа, Петерсонъ, Киселевъ, Голицынъ и Лудовикъ XXII, Божіею милостію, король Французскій и Наварскій, вамъ кланяемся. Мы же, Петерсонъ-Педагоговичъ и Лаппа Эмильевичъ, обѣщаемъ вамъ переводить и писать по возможности.

Просимъ означить именно число, въ которое выѣдете изъ града Петрова, да мы сподобимся встрѣтить васъ предъ градомъ Юрьевымъ. Въ уповании на Господа Бога Вседержителя желаемъ, да плаваніе твое, учи-

*) Парротъ,—извѣстный Дерптскій профессоръ. П. Б.

телю, въ стихіи словесной будетъ счастливо, и да со славою, якоже и прежде, живеши въ оной нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

От Вилламова нижайшее почтеніе Ивану Ѳедоровичу Воейкову.

Староста Станиславъ Шеміотъ,
Иванъ Вилламовъ,
Лаппа,
Лудовикъ XXII,
Н. Киселевъ,
Голицынъ,
А. Петерсонъ.

СУДЪ СТУДЕНТОВЪ *).

Для помѣщенія въ Сынѣ Отечества.

Предъ судилище Густава
Разъ собрался для расправы
Русскихъ шалуновъ содомъ
Въ университетскій домъ.

—

Разскажите, какъ вы жили,
Много ль въ Дерптѣ нагрѣшили?
Грозный такъ сказалъ Густавъ.
Начинай же, Станиславъ!

—

„Я невинная скотина;
Полюбилась мнѣ графиня,
Вкругъ нея я хлопоталъ,
И за то подъ судъ попалъ.

—

Я Лудовикъ, мужъ ученый
И носилъ картузъ зеленый [1]);
У меня работалъ носъ [2])
И за то попалъ въ допросъ.

—

Я изъ роду черныхъ галокъ,
Съ росту былъ я очень жалокъ,
И сбирался на войну [5]),
Но не могъ поднять суму.

—

Киселевъ **), надувши губы,
Тутъ сказалъ: „Смотрѣлъ я въ зубы
Всѣмъ дѣвицамъ, какъ конямъ [6]);
Посылалъ людей къ чертямъ [7]).

—

Я Полякъ сердитый, Лаппа,
По несчастью буду Папа [3]),
Часто былъ у Ментина [4]):
Вотъ и вся моя вина.

—

Я Лавровъ, ходилъ гусаромъ,
Подружился здѣсь съ Пилларомъ.
Глупъ Орестъ, коль и Пиладъ;
Такъ не я въ томъ виноватъ.

—

*) Пародія на извѣстные шуточные стихи В. А. Жуковскаго:

Предъ судилище Миноса
Собралися для допроса
Тѣни блѣдныя скотовъ. П. Б.

**) Николай Дмитріевичъ Киселевъ, младшій братъ графа этого имени, бывшій нашимъ посланникомъ въ Римѣ и потомъ въ Парижѣ. П. Б

Я Петрсонъ, сперва былъ воинъ,
Но какъ киверъ безпокоенъ,
То для риѳмы Гогъ-Магогъ [8])
Сдѣлался я педагогъ.

—

Я Хрипковъ, мужъ безтолковый,
Глупъ я, какъ чурбанъ сосновый;
Я учился десять лѣтъ,
А ума ни крошки нѣтъ.

Я Вилламъ, не сходенъ съ Зандомъ,
Прозвали меня педантомъ;
Угреватостію рожъ
Съ сыномъ Гецеля я схожъ".

—

Тутъ Густавъ взмахнулъ руками,
Всѣхъ хотѣлъ назвать чертями,
Но языкъ имъ показалъ
И всѣхъ къ ..... послалъ.

Примѣчанія.

Характеры списаны всѣ съ натуры. Вотъ нѣкоторыя поясненія:

1) Лудовикъ носитъ теперь зеленый картузъ, похожій на нужную въ общежитіи вещь или припасъ.

2) Носъ у него двигается, когда онъ смѣется, и Киселевъ говоритъ, что у него носъ въ работѣ.

3) Папой его дразнятъ по старинной привычкѣ.

4) Ментинъ—ружейникъ; Лаппу посылалъ къ нему часто Киселевъ, а у Ментина дочь.

5) Голицынъ сбирается все въ военную службу.

6) Киселевъ узнаетъ хорошихъ дѣвицъ по зубамъ.

7) Къ этимъ господамъ онъ часто посылаетъ.

8) Петерсонъ самъ не знаетъ, зачѣмъ сдѣлался педагогомъ.

*

Эта шутка далекихъ временъ (около 1821 года), когда весело жилось Русскимъ людямъ въ Дерптѣ, и студенчество не знало между собою политическихъ распрей, печатается съ подлинника, сообщеннаго въ „Русскій Архивъ" покойнымъ Александромъ Петровичемъ Петерсономъ († въ Февралѣ 1890 года, въ Москвѣ), бывшимъ наставникомъ князей Ливенъ и потомъ князя Семена Михайловича Воронцова. Воейковъ, сдѣлавшись издателемъ „Сына Отечества" въ Петербургѣ, заставлялъ работать для своего журнала бывшихъ своихъ Дерптскихъ слушателей, равно какъ потомъ и своего преемника по каѳедрѣ Русской словесности, В. М. Перевощикова (см. къ нему письма Воейкова въ „Русскомъ Архивѣ" 1891 года.

О ПОГРЕБЕНІИ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АННЫ ПЕТРОВНЫ.

Экстрактъ изъ протокола учрежденной при дворѣ Ея Императорскаго Величества конференціи отъ 10-го Марта 1759-го году *).

Сверхъ того, что къ церемоніальнымъ дѣламъ дано полное предписаніе о всемъ томъ, чтó до погребенія тѣла Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Анны Петровны принадлежитъ и по требованіямъ оныхъ дѣлъ вездѣ исполняемо быть имѣетъ, Правительствующему Сенату сообщается еще чрезъ сіе.

1. Что всѣ исправленія, чтò до гроба, украшеній онаго и комнатъ принадлежитъ, поручены капитану гвардіи Текутьеву, которому по его представленіямъ давать деньги отъ Сената и опредѣлить купчину, и

2. Совѣтнику Голубцову приготовлять всѣ потребныя свѣчи и къ тому принадлежащее и ему производить раздачу денегъ духовенству по примѣру того, какъ было при погребеніи Ея Высочества царевны Екатерины Іоанновны.

1. Тѣлу стоять въ деревянныхъ покояхъ и обить чернымъ сукномъ одну только ту комнату, въ которой тѣло стоять будетъ, и то однѣ только стѣны.

2. Камеръ-цалмейстеру Симонову и никому изъ его команды при погребеніи никакого дѣла не имѣть.

3. Порученныя ему разныя исправленіи исправлять капитану гвардіи Текутьеву и деньги на все то получать изъ Сената, чего ради и купчина ему отъ Сената жъ данъ быть имѣетъ.

4. Совѣтнику Голубцову приготовить всѣ потребныя свѣчи и ему же производить раздачу денегъ духовенству.

5. Оберъ-церемоній-мейстеру графу Сантію исправлять то, чтò въ городѣ по случаю сего погребенія въ церемоніальныхъ дѣлахъ исправлять надобно.

6. Оберъ-церемоній-мейстеръ Лефортъ исправляетъ, напротиву того тожъ въ монастырѣ; а церемоній-мейстеръ Бехтѣевъ въ томъ употребляться не имѣетъ.

---

*) Печатается съ современнаго списка. Великая княжна скончалась въ младенчествѣ.

7. Тѣло нарядить въ дѣтское серебряное платье, положа при томъ орденскую ленту.

8. Тѣло, какъ безъ церемоніи отпущено, такъ и въ монастырѣ *) никакой встрѣчи оному чинено быть не имѣетъ.

9. Дамамъ быть при погребеніи въ черныхъ шелковыхъ шлафрокахъ.

NB. При семъ прилагается для извѣстія его сіятельства графа Сантія и къ церемоніальнымъ дѣламъ копія съ того, какимъ образомъ о семъ въ Сенатъ писано.

ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКИ [1]).

Всеподданнѣйшія письма къ императрицѣ Екатеринѣ Великой.

I. Московскаго главнокомандующаго князя В. В. Долгорукаго-Крымскаго.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе отъ 23-го дня минувшаго Февраля о непріѣздѣ въ Санктпетербургъ князя Василья Владимировича Долгорукова я имѣлъ счастіе получить, которое ему отъ меня и объявлено, и онъ потому съ глубочайшимъ изъявилъ благоговѣніемъ, что никакъ не возможетъ осмѣлиться предпринять пути сего. О чемъ всеподданнѣйше донося Вашему Императорскому Величеству, повергаю себя чрезъ сіе къ освященнымъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ Долгоруковъ-Крымской.

Марта 1-го дня 1781 года.
Москва.

II. Давыда Неранчича.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Всему свѣту извѣстно, паче же подданнымъ вашимъ, которые изъ ежеминутныхъ опытовъ узнаютъ, что ваши наипріятнѣйшіе тѣ часы,

*) Т. е. въ Александро-невской Лаврѣ. П. Б.

[1]) Съ подлинниковъ, сохранившихся у Н. А. Новицкаго (внучатнаго племянника князя Безбородки) и нынѣ переданныхъ въ Государственный Архивъ. П. Б.

въ которые объ ихъ благоденствіи помышляете, отрадою брату моему *) служитъ со времени того, съ котораго онъ удаленъ отъ резиденціи вашей и до тѣхъ поръ покамѣстъ сіе несчастное положеніе его провидѣніемъ вашимъ премѣнено не будетъ: то въ видѣ народа иначе судимъ быть не можетъ, какъ нечувствительнымъ того благодѣянія, которое мы безъ всего, а только изъ милости Вашего Императорскаго Величества имѣемъ. Люди, принадлежащіе ему, которые по дѣлу графа Зановича сумнительными назывались, уже освобождены. Великая Государыня. Всѣмъ извѣстно, что покрова и защиты окромѣ Бога и васъ не имѣемъ, потому и припадая правосуднымъ стопамъ твоимъ, дерзаю всеподданнѣйше просить изъ высочайшаго матерняго милосердія ускорить возвращеніемъ прежней брату моему свободы и милости, которая бъ могла предъ всѣми покрыть сей смертельный стыдъ, въ коемъ братъ мой и весь родъ утопаетъ и безъ помощи вашей никакою заслугою освободиться не можетъ. Всемилостивѣйшая Государыня.

Всеподданнѣйшій рабъ Давыдъ Неранчичъ.

1788 Сентября 5-го дня.

О ПОДПОРУЧИКѢ ОПОЧИНИНѢ ПИСЬМО М. С. ПОТЕМКИНА КЪ КНЯЗЮ БЕЗБОРОДКѢ.

Секретно.

Милостивый государь мой, Александръ Андреевичъ.

Письмо вашего превосходительства отъ 6-го Генваря я имѣлъ честь получить 18-го числа, въ которомъ объявляете мнѣ повелѣніе Ея Императорскаго Величества о препровожденіи бродяги, назвавшагося генераломъ Апочининымъ съ его сообщниками, какіе есть, къ его сіятельству князь Александръ Алексѣевичу Вяземскому.

Въ слѣдствіе сего я онаго бродягу съ однимъ его товарищемъ и чтò при нихъ находилось, сей день изъ Польши доставъ, въ Петербургъ отправилъ съ секундъ-маіоромъ Волховскимъ, давъ ему инструкцію съ таковыми наставленіями.

1) О распоряженіи кому гдѣ ѣхать изъ данной ему команды для стражи.

---

*) У подковника Давыда Гавриловича Неранчича былъ братъ (единоутробный, но разнокровный)—Зоричъ, извѣстный любимецъ Государыни, въ это время проживавшій въ своемъ Шкловѣ, гдѣ у него завелась карточная игра и куда явились разные проходимцы и обманщики, занимавшіеся изготовленіемъ фальшивыхъ ассигнацій. См. А. П. Барсукова „Разсказы изъ Русской исторіи XVIII вѣка по архивнымъ документамъ“ Спб. 1885. Съ Зорича взята была подписка не выѣзжать изъ дому (стр. 268). П. Б.

2) Съ какимъ поспѣшеніемъ и осторожностію ѣхать.

3) О снабденіи его подорожною и денегъ.

4) О наблюденіи, чтобъ арестанты ни съ кѣмъ никакого сообщенія не имѣли.

5) О запрещеніи имъ имѣть чернилъ, пера, карандаша, книгъ, бумаги и металовъ.

6) О потребованіи у начальниковъ вспоможенія, въ случаяхъ необходимыхъ нуждъ, объявя, что сіе отправленіе есть секретно по всевысочайшему повелѣнію.

7) О сохраненіи вещей и пакетовъ.

8) Чтобъ по пріѣздѣ въ Петербургъ со всѣмъ у него имѣющимъ явился у его сіятельства князь Александръ Алексѣевича Вяземскаго.

9) Препоруча все сіе исполненіе, сохраненіе цѣлости сихъ арестантовъ, сказано, чему себя подвергаетъ въ противныхъ случаяхъ; а если застигнетъ его смерть или болѣзнь, то препоручается по силѣ сей инструкціи исполнить старшему по немъ.

Я за нужное счелъ о семъ вамъ изъяснить, что вы о крѣпкой стражѣ надъ ними въ пути со препятствіемъ сообщенія съ посторонними упомянули мнѣ.

Покорнѣйше прошу вашего превосходительства представить Ея Императорскому Величеству, что по дошедшему ко мнѣ чрезъ васъ повелѣнію я исполнилъ, чѣмъ меня обязать изволите.

Пребываю съ моимъ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорный слуга Михаилъ Потемкинъ.

1781 года.
Генваря числа.
Миръ-Городъ.

Подпорутчикъ Александръ Апочининъ за извѣстныя Ея Императорскому Величеству преступленія посланъ былъ на Иртышскую линію тѣмъ же чиномъ, гдѣ и находился до сего года; а въ Генварѣ мѣсяцѣ командующій на той линіи генералъ-маіоръ Агаревъ при репортѣ своемъ прислалъ сюда онаго Апочинина челобитную, коею онъ изъ еди-

наго Ея Величества милосердія просилъ объ отставкѣ его изъ службы и объ отпускѣ въ его отечество.

Почему тогожъ Генваря 16-го дня, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, опредѣлено онаго Апочинина отъ службы отставить и отправить его къ отцу его генералу-порутчику Апочинину съ таковымъ высочайшимъ Ея Величества повелѣніемъ, чтобъ онъ его держалъ при себѣ въ деревнѣ, никуда изъ оной не выпуская подъ добрымъ смотрѣніемъ, дабы отъ него отнюдь не могло произойти какихъ либо продерзостей; правящему-жъ должность государева намѣстника отписать.

1) Что какъ отецъ Апочинина въ престарѣлыхъ лѣтахъ, то бы дано было повелѣніе исправнику того уѣзда, гдѣ будетъ жить, за означеннымъ Апочининымъ имѣть доброе смотрѣніе и буде усмотритъ въ томъ нужду, чтобъ обязалъ его поставить по себѣ порукъ въ добромъ поведеніи, коимъ и имѣть за нимъ смотрѣніе.

2) А при томъ оному Апочинину въ резиденціи въ Петербургъ и Москву во всю жизнь, а въ губернской городъ безъ воли намѣстника ѣздить запретить. Какія жъ чрезъ каждые полгода увѣдомленія къ намѣстнику отъ исправника объ немъ Апочининѣ получены будутъ, то бъ сообщалъ къ генералу-прокурору.

Вслѣдствіе чего оной Апочининъ 20 Марта сего года при письмѣ къ генералу-порутчику и кавалеру Сиверсу отправленъ со изъясненіемъ вышеобъявленнаго высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, на которое онъ въ отвѣтъ того жъ Марта 22 числа сообщилъ, что онъ Апочинина къ отцу его, живущему въ Кашинскомъ уѣздѣ, отправилъ, при чемъ Кашинскому земскому исправнику о надлежащемъ наблюденіи предписаніе сдѣлано. Болѣе же сего никакого увѣдомленія объ немъ Апочининѣ не было.

*

Въ чемъ именно заключалось преступленіе этого Александра Опочинина, намъ неизвѣстно. Можно думать, что это одно лицо съ Ипполитомъ Опочининымъ, который выдавалъ себя за сына императрицы Елисаветы Петровны, о которомъ см. любопытнѣйшее разслѣдованіе въ вышеуказанной книгѣ А. П. Барсукова и который умеръ въ Декабрѣ того 1781 года, когда велась о немъ переписк П. Б.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ВЪ СИБИРИ.

Грозное нашествіе Наполеона въ 1812 году давало поводъ общественному мнѣнію заподозрить въ измѣнѣ не только служащихъ въ Россіи иностранцевъ, но и нѣкоторыхъ Русскихъ.

Свидѣтелемъ тому Сперанскій, удаленіе котораго было, какъ извѣстно, уступкою подозрительности общественнаго мнѣнія. Случай доставилъ мнѣ прилагаемое при семъ предписаніе генерала Глазенапа командиру Омскаго гарнизоннаго баталіона, которое показываетъ примѣръ этой патріотической подозрительности внутри Сибири. Тотъ же случай доставилъ мнѣ письмо адъютанта генерала Глазенапа, Иванова *) подполковнику Кипченкову отъ 18 Сентября 1812 года; въ письмѣ этомъ г. Ивановъ, между прочимъ, сообщаетъ свѣдѣніе о Бородинской битвѣ.

Вотъ это свѣдѣніе.

„Теперь поздравить васъ честь имѣю съ побѣдою: между Гжатскомъ и Можайскомъ наши славную одержали побѣду, 40 тыс. Французовъ положено на полѣ брани. Неаполитанскій король взятъ въ плѣнъ и увезенъ въ Петербургъ. Слава Русскимъ воинамъ, слава свѣтлѣйшему князю Кутузову!“

„Тиранъ Бонапартъ въ отчаяніи, говорятъ, бѣжитъ въ Парижъ, который будто бы истребили Гишпанцы со многими городами“.

„Войска наши чрезвычайно усилены всеобщимъ ополченіемъ: Москва еще дала 40 тысячъ, а изъ вольницы сформированы два безсмертныхъ по 12 тысячъ полка въ обѣихъ столицахъ“.

„Вообще всѣ твердую имѣютъ надежду побѣдить. Дай Богъ!“

Если сравнить число написанія этого письма и число предписанія Кипченкову, видно, что послѣднее написано по полученіи въ Омскѣ положительнаго свѣдѣнія объ оставленіи Москвы, которое тѣмъ болѣе поразило умы, что было получено послѣ подобныхъ преувеличенныхъ слуховъ о Бородинской битвѣ, и потому невольно вызывало подозрѣніе въ измѣнѣ.

Предписаніе генерала Глазенапа кромѣ историческаго интереса представляетъ еще интересъ соціальный, высказаннымъ въ немъ взглядомъ Рус-

---

*) Рукою котораго писано прилагаемое предписаніе.

скаго *) человѣка на эмиграцію, это малодушное оставленіе своей родины въ тяжкіе для нея годы. Слова эти не мѣшало бы зарубить на носу и нашимъ эмигрантамъ.

Н. Палибинъ.

Получено 18 Октября (1812).

Секретно.

Господинъ командиръ Томскаго гарнизоннаго баталіона маіоръ и кавалеръ Кипченковъ!

Обстоятельства любезнѣйшаго нашего отечества требуютъ неусыпной всюду вообще осторожности, даже и здѣсь въ вѣчно-смиренномъ краю Сибири.

Непріятель нашъ императоръ Французовъ, врагъ человѣческаго рода, смертоносной бичъ подданнаго ему народа, съ ничтожества своего питающійся кровію, алчущій бѣдствіевъ людскихъ, стремится помрачить славу и величіе великой державы нашей, возмутить, рушить благоденствіе и спокойствіе почтенныхъ соотчичей нашихъ; употребляетъ, изъемля оружіе, всѣ варварскія безчестныя средства, сыплетъ золото, изрыгаетъ обманчивую ехидную лесть, и гнусные, презрительные подлецы порабощаются тому или другому. Среди насъ онъ конечно на сторонѣ своей не найдетъ! И кто больше можетъ быть подверженъ къ предательству, какъ иноземцы его, оставившіе отечество свое, разсыпавшіеся по всему лицу земли и которые въ безчисленномъ множествѣ нашимъ благотворнымъ милосердымъ Монархомъ призрѣны, удостоены принятіемъ въ службу, свободно живутъ у насъ и питаются цѣлой вѣкъ свой хлѣбомъ чужой земли? Какой доброй сынъ, вскормленный матерію, оставитъ ее? Таковыхъ, по несчастію, много пресмыкается въ благословенномъ государствѣ нашемъ. Какой отъ нихъ можно ожидать намъ благодарности? И какая для насъ можетъ проистечь отъ нихъ польза?

Эмигрантъ Французской націи, полковникъ Де-Ліанкуртъ,—комендантъ крѣпости, гдѣ вы имѣете всегдашнее мѣстопребываніе, гдѣ войска квартируютъ точнаго начальствованія вашего. Вы Русскій, вы вѣрный слуга всемилостивѣйшаго нашего Государя Императора, вы примѣрный начальникъ по службѣ, вы отличной герой, отличившій себя на ратномъ полѣ противу враговъ нашихъ. Я въ твердомъ упованіи на васъ, на васъ совершенно полагаясь, возлагаю секретное неусыпное наблюденіе за поведеніемъ Де-Ліанкурта по службѣ, за поступками его по должности, за обращеніемъ, съ кѣмъ онъ какое къ чему стре-

*) Я говорю „Русскаго“, потому что генералу Глазенапу можетъ принадлежать только мысль предписанія; исполненіе ихъ и слогъ конечно принадлежатъ г. Иванову, въ чемъ легко убѣдиться. сравнивъ слогъ предписанія съ слогомъ письма. Н. П.

мящееся имѣетъ, не дѣлаетъ ли онъ противныхъ внушеній лично или перепискою или же другими какими способами, могущими подавать поводъ къ какому-либо нарушенію спокойствія или къ совращенію съ пути порядка Россійскихъ вѣрноподданныхъ, равно и прилегающихъ къ границамъ нашимъ толь легковѣрныхъ Азіатскихъ народовъ? Сугубо стеречь за перепискою съ кѣмъ онъ ведетъ, и если письма его приведутъ васъ въ сомнѣніе, дозволяется вамъ инкогнито распечатывать ихъ и по узнаніи, если они заключаютъ вредное злоумышленіе, или по прочимъ поступкамъ подвергается онъ въ извѣстность вашу въ предательствѣ, предписываю вашему высокоблагородію полковника Де-Ліанкурта, немедленно арестовавъ, передать подъ строжайшій гауптвахтный караулъ, равно, если откроются, и сообщниковъ его порознь съ нимъ отдать подъ стражу, содержа всѣхъ ихъ со строгою осторожностію, донеся мнѣ съ нарочнымъ о преступныхъ его преднамѣреніяхъ

Генералъ-лейтенантъ Глазенапъ.

№ 1534-й.
Октября 7-го дня 1812 года.
Крѣпость Омскъ.

ПАМЯТИ СОФІИ ГРИГОРЬЕВНЫ МИЛОРАДОВИЧЪ.

12-го Августа 1890 года, въ Черниговѣ, подъ сводами Троицкаго монастыря, совершено погребеніе Софіи Григорьевны Милорадовичъ, рядомъ съ дочерью, мужемъ и его отцомъ и матерью. Подобно имъ, она принадлежала къ лучшимъ Черниговскимъ гражданамъ. Проживая въ теченіе своей долгой жизни, смотря по временнымъ потребностямъ семьи, въ своихъ имѣніяхъ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ или въ разныхъ мѣстахъ Европы, она постоянно возвращалась въ родной для нея Черниговъ, который былъ сосредоточіемъ всѣхъ ея попеченій, настоящимъ семейнымъ гнѣздомъ. Городъ этотъ, еще недавно грязный и ничтожный, пріобрѣталъ для нея особую прелесть вслѣдствіе жившихъ въ немъ семейныхъ преданій и воспоминаній о лучшихъ представителяхъ семейства, которымъ покойница крѣпко дорожила и которое украшала собою. Поэтому перенесеніе ея тѣла изъ Кіева, гдѣ она скончалась, и погребеніе ея въ Черниговской Троицѣ состоялось не случайно, какъ не случайны были почести, оказанныя ей при этомъ печальномъ торжествѣ.

Отличительными свойствами почившей были непреклонная воля, вліянію которой подчинялось все окружающее, прозорливый ясный умъ, быстро и цѣльно схватывавшій сложныя обстоятельства, вѣрное пониманіе людей, ихъ побужденій и намѣреній, такъ что безъ преувеличенія можно сказать, что она видѣла людей насквозь, и при этомъ была необыкновенно правдива и не стѣснялась откровенно и прямо высказывать свои мнѣнія, никогда не лицемѣря. Только особенно-чуткія натуры умѣютъ по достоин-

ству цѣнить такихъ цѣльныхъ и къ сожалѣнію рѣдкихъ людей (большинство же обыкновенно обращаетъ свои симпатіи къ натурамъ болѣе мягкимъ и кроткимъ), но въ уваженіи никто имъ отказывать не можетъ, и дѣйствительно со стороны всѣхъ знавшихъ почившую уваженіе было всегда ея удѣломъ. Постоянное занятіе и трудъ были для нея пятымъ элементомъ; безъ нихъ она жить не могла, и когда ихъ почему-либо не доставало, она умѣла ихъ создавать. Заботы о семействѣ и о многочисленныхъ имѣніяхъ, которыми она сама управляла, поглощали все ея время; но рамка, поставленная ей жизнію, была узка для ея кипучей дѣятельности и дарованій, и имя ея пріобрѣло бы громкую извѣстность, еслибы судьба отмѣрила ей поприще болѣе обширное.

Труды ея были не напрасны; благодаря имъ, матеріальныя средства, бывшія при выходѣ ея въ замужество за Александра Григорьевича Милорадовича неблистательными, постоянно возрастали, чему не мало содѣйствовало то, что она не позволяла себѣ прихотей и умѣла ограничивать свои потребности какъ настоящая Спартанка. Но, стѣсняя себя во многомъ, она никогда не задумывалась и не останавливалась ни передъ какими расходами, когда дѣло шло о воспитаніи дѣтей. Въ то время воспитаніе ихъ въ Петербургѣ въ уровень съ людьми самыми богатыми и переселеніе туда всей семьей, чтобы не разставаться съ ними, требовали большихъ затратъ, которыя для души боязливой и нерѣшительной могли казаться непосильными, но любящая мать твердо рѣшилась доставить своимъ дѣтямъ наилучшее по времени образованіе; она не сложила рукъ передъ препятствіями и, справившись со всѣми затрудненіями, успѣшно довела дѣло до конца.

Впослѣдствіи, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда умерла дочь ея Софья Александровна Казнакова, оставивъ новорожденную дочь, она взяла ее на свое попеченіе, занялась ея воспитаніемъ и по возможности замѣняла ей мать. Господь Богъ наградилъ усопшую лѣтами и счастьемъ. Въ послѣдніе дни своей жизни, терзаемая мучительнымъ недугомъ, она съ глубокимъ чувствомъ говорила, что не можетъ достаточно возблагодарить Всевышняго за все счастіе ей дарованное; и во всю жизнь свою она прежде всего помышляла объ исполненіи долга, не заботясь о личныхъ удовольствіяхъ и комфортѣ, всегда имѣя въ виду свою семью, для которой трудилась до послѣдняго дня.

Преосвященный архипастырь Черниговскій при отпѣваніи произнесъ надгробное слово о суетѣ мірской. Печальный образъ смерти, предстоявшій подъ золотымъ покровомъ, естественно вызывалъ мысль о суетности всего земнаго; но въ многочисленныхъ присутствовавшихъ, знавшихъ почившую, онъ несомнѣнно вызывалъ и мысли объ исполненномъ долгѣ, и воспоминанія о свѣтлыхъ качествахъ ея, о жизни праведной до конца.

„У гроба сего нѣтъ мѣста печали", говорилъ между прочимъ соборный протоіерей Соколовъ; но семейству почившей нанесена глубокая рана съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ перестало биться сердце, всегда готовое на

жертвы, когда нужно было утѣшить въ горѣ и печали, заботиться о больномъ или помочь въ затрудненіяхъ. Печали не должно быть, какъ нѣтъ смерти для души честной и праведной; она перешла отъ смерти въ животъ, и со вдохновеннымъ апостоломъ скажемъ: гдѣ ти смерти жало? Упокой Господи душу усопшей!"

Л.

РУССКІЯ НАДГРОБІЯ ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДА ЛИВОРНО.

на новомъ Греческомъ кладбищѣ близъ Porta San-Marco.

Въ церкви, прямо противъ алтаря:

Здѣсь погребенъ тайный совѣтникъ Сергѣй Григорьевичъ Ломоносовъ, чрезвычайный посланникъ при Нидерландскомъ дворѣ, скончался во Флоренціи 13 (25) Октября 1857 года.

—

Подлѣ предыдущаго.

Здѣсь покоится статскій совѣтникъ Константинъ Степановичъ Чевати, Русскій генеральный консулъ въ Тосканѣ, скончавшійся 28 Іюня (10 Іюля) 1862 г. въ Ливорно. Упокой Господи душу его!

—

Противъ сѣверныхъ дверей.

Княгиня Аделаида Александровна Голицына, урожденная Тимофѣева, скончалась въ Туринѣ 10 (22) Іюля 1847 г., на 28 году отъ рожденія.

Ci gît la Princesse Adélaide Golitzine dd.

—

Противъ царскихъ вратъ, надъ Ломоносовымъ.

Ici fut enterré Alexande de Balachoff, né à St. Petersbourg 7 (19) Avril 1812, mort à Florence 12 (24) Avril 1854. Il succomba à une penible maladie supportée avec une rare résignation; il fut ami fidèle, excellent fils, le plus tendre des époux, le meilleur des pères; d'une bienfaisance inépuisable, d'une modestie peu commune à un homme profondement instruit. Il aimait à protéger les beaux arts, il mit constamment en pratique sa devise favorite: le devoir est la suprême loi. Puissent ses enfants lui ressembler un jour!

Ses restes ont été transportés à Russie et reposent dans son domain de Chapki.

Подъ симъ камнемъ былъ погребенъ Александръ Александровичъ Балашовъ, скончавшійся во Флоренціи послѣ тяжкой болѣзни 2 (14) Апрѣля 1854 г., на 42 году отъ рожденія.

—

Остальныя надгробія въ церкви Греческія: Маврокордато, Папудовъ, Скилицци, Скараманга, Родоконаки и проч.

(*Сообщено отцомъ-протоіереемъ Левицкимъ*).

Старинное стихотвореніе.

Какъ распложаются журнальныя побранки!
Гласитъ преданіе, что Фаустъ ворожилъ
Надъ банкой, полною волшебныхъ, чудныхъ силъ,
И вылѣзъ чортъ изъ банки,
И будто Фаусту вложилъ
Онъ первый умыселъ развратный
Создать станокъ книгопечатный.
Съ тѣхъ поръ, о мокрые тряпичные листы,
Вы полемъ сдѣлались невѣждамъ для ихъ брани,
Ихъ мыслей нищеты,
Ихъ скудости познаній.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

1.

На стр. 82-й „Р. Архива" сего года (кн. 1-я), въ статьѣ Д. Ѳ. Рязанова „Къ исторіи торговыхъ сношеній Москвы съ Закавказьемъ", авторъ желаетъ, чтобы вмѣсто напечатаннаго читалось нижеслѣдующее:

«Въ 1841 году братъ мой, тогда 18-ти лѣтній юноша, принялъ на себя нелегкое порученіе отъ родственника, бывшаго въ отрочествѣ ученикомъ моего покойнаго († 1831 г.) отца, Ѳедора Ивановича Рязанова, основавшаго въ 1800 г. ситцевую, а въ 1816 бумагопрядильную фабрики въ Москвѣ (между Трехгорной заставой и Прѣсненскими прудами), Тимоѳея Васильевича Прохорова, племянника первой жены моего отца, на фабрикахъ котораго жилъ талантливый сынъ бывшаго пивовара, учился мануфактурному дѣлу, а впослѣдствіи, благодаря своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, сдѣлался самъ знаменитымъ мануфактуристомъ. Порученіе состояло въ томъ, что братъ мой долженъ былъ отправиться въ Тифлисъ, чтобы взыскать по векселямъ съ тамошнихъ Армянъ долги ихъ Прохорову за купленные ими товары».

2.

Въ № 1-мъ за настоящій годъ «Русскаго Архива» напечатано мое письмо, въ которомъ я описалъ геройскій подвигъ Кавказскаго офицера Мецгера, о которомъ мнѣ сообщилъ товарищъ его не *Щербачевъ*, а *Щербовъ*.

Г. Щербачевъ.

ГИМНАЗІЯ

ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

въ 1892 году

V-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

по желанію гг. сотрудниковъ

Кромѣ статей прежняго характера, съ будущаго года при «Гимназіи» будутъ печататься въ Русскомъ переводѣ

ТВОРЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Между прочими произведеніями древней литературы, предназначенными къ печати, на страницахъ «Гимназіи» начнутся печатаніемъ, въ переводѣ директора **Г. А. Янчевецкаго**

ТВОРЕНІЯ ГОМЕРА

(Одиссея. Иліада. Гимны. Эпиграммы и пр.)

вмѣстѣ съ дополненіемъ къ Гомеру **„Продолженіе Иліады“ Квинта Смирнскаго.**

Цѣна за 12 книгъ 8 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ Ревелѣ и у всѣхъ книгопродавцевъ.

Гг. преподавателямъ допускается разсрочка по ихъ усмотрѣнію.

Адресъ сост.-издателя:

Ревель. Гимназія Импер. Николая I. Директору Григ. Андр. Янчевецкому.

Всѣ изданія «Гимназіи» и «Описаніе Эллады» Павсанія могутъ быть пріобрѣтаемы гг. подписчиками за

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году издается двѣнадцатью тетрадями въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ Петербургѣ, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева), Вознесенскій проспектъ, домъ 22-й, кв. 18 (у В. А. Чумикова), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по Четвергамъ отъ 9 до 12 часовъ утра.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" П. Бартеневъ.

(годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892

3.

Стр.

273. Записки **Юста Юля**, Датскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 1709-й годъ. Переводъ съ Датскаго **Ю. Н. Щербачева**.

305. Императрица Марія Ѳеодоровна. XII. (Послѣдніе годы до вступленія на престолъ Павла Петровича). **Е. С. Шумигорскаго**.

341. Эпизоды изъ исторіи двѣнадцатаго года. Посмертное сочиненіе **А. Н. Попова**. II. (Александръ Павловичъ въ Вильнѣ).

379. Два новыхъ письма **А. С. Хомякова** къ Пальмеру.

391. Книжныя рѣдкости. О (съ портретомъ). **И. М. Остроглазова**.

Въ приложеніи:

Записки Филипа Филиповича Вигеля. (Новое изданіе съ **подлинной рукописи**). Часть третья. Главы VII—IX.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1892.

Въ конторѣ **РУССКАГО АРХИВА**

(Москва, Ермолаѣвская Садовая, д. 175).

ПРОДАЮТСЯ

Книги изданныя Русскимъ Архивомъ:

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ 1881, 1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890 и 1891 получаются, со всѣми приложеніями, по 8 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 9 р. Годы 1874, 1877, 1878, 1879 и 1880 по 6 р., съ пересылкою по 7 р. Остальныя годовыя изданія „Русскаго Архива“ вышли изъ обыкновенной продажи.

КАПИЩЕ МОЕГО СЕРДЦА. Сочиненіе **князя И. М. Долгорукова**. Новое полное изданіе. М. 1890. 403 стр. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

ЗАПИСКИ СТЕПАНА ПЕТРОВИЧА ЖИХАРЕВА. Новое полное изданіе. М. 1891. Цѣна 2 рубля съ пересылкою.

ЗАПИСКИ ФИЛИППА ФИЛИППОВИЧА ВИГЕЛЯ. Первыя двѣ части въ одной книгѣ. Новое полное изданіе. М. 1892. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою.

Полное собраніе сочиненій **А. С. Хомякова**. Четыре тома. Цѣна каждому тому **3** р. съ перес. **3** р. **30** к.

Стихотворенія **В. А. Жуковскаго**. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**. Новое изданіе. Цѣна 50 коп.

Стихотворенія **Н. М. Языкова**. Цѣна 40 коп.

Стихотворенія **А. С. Хомякова**. Съ портретомъ. Цѣна 30 к.

За пересылку каждаго изъ этихъ сборниковъ—5 коп.

Выписывающіе всѣ четыре книжки стихотвореній получаютъ ихъ съ пересылкою за **1 руб. 60 коп.**

Французское полное изданіе **Mémoires de la comtesse Edling**, demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth Alexéewna. Малая 8-ка, 284 стр., на веленевой бумагѣ. Цѣна 3 рубля или 6 франковъ съ пересылкою. Получать можно въ Москвѣ, въ конторѣ „Русскаго Архива“ (Садовая, д. 175). Въ Парижѣ: rue Bonaparte, 28, у Леру (Ernest Leroux).

ЗАПИСКИ ЮСТА ЮЛЯ

ДАТСКАГО ПОСЛАННИКА ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ (1709—1711).

(Перевелъ съ Датскаго подлинника и сообщилъ Ю. Н. Щербачовъ.

Записки эти, мало кому извѣстныя, хранятся въ Копенгагенскомъ Государственномъ Архивѣ. По формѣ это дневникъ, по наружному виду—довольно объемистая рукописная книга въ листъ озаглавленная на корешкѣ: Just Juels Ambassade i Rusland, 1709—1711. Труду предпослано слѣдующее вступленіе или посвященіе на имя короля Датскаго Фредерика IV.

«Могущественный, всемилостивѣйшій, наслѣдственный государь и король! Всемилостивѣйшая инструкція, данная мнѣ вашимъ королевскимъ величествомъ въ то время, какъ я посылался въ качествѣ чрезвычайнаго посланника къ его царскому величеству, предписывала мнѣ между прочимъ вести во время моего путешествія исправный дневникъ и по возвращеніи въ Данію представить оный вашему королевскому величеству. Всеподданнѣйше исполняя всемилостивѣйшее вашего королевскаго величества приказаніе, повергаю нынѣ этотъ дневникъ, веденный мною, во время поѣздки въ Россію и обратно, къ стопамъ в. к. в.

Еслибы я составлялъ этотъ трудъ для удовлетворенія моей собственной, либо чужой любознательности, или еслибы я имѣлъ въ виду, посредствомъ печати, сдѣлать его достояніемъ всеобщимъ, я конечно прибѣгъ бы къ нѣкоторой осторожности и выключилъ бы изъ дневника тѣ мѣста, въ коихъ Царь и его подданные рисуются въ краскахъ мало привлекательныхъ: ибо дойди настоящій дневникъ до свѣдѣнія Царя, онъ пожаловался бы на меня вашему королевскому величеству, обвиняя меня въ намѣренномъ посрамленіи Русской націи и, быть можетъ, за мои труды меня ожидала бы непріятная награда.

Но дневникъ этотъ я писалъ единственно въ исполненіе нарочитаго приказанія вашего корол. вел., а потому и не колебался отмѣчать въ немъ какъ достойное хулы, такъ и достойное похвалы; мнѣ казалось непростительнымъ скрывать отъ вашего королевскаго величества правду. Къ тому же, для вашего корол. величества, какъ и для всякаго другаго государя, весьма важно быть освѣдомлену объ особенностяхъ двора, о населеніи и условіяхъ того края, куда посылается для переговоровъ посланникъ, такъ какъ при этомъ представляется возможность, сообразуясь съ имѣющимися данными, принять тѣ или другія полезныя рѣшенія, которыя въ противномъ случаѣ приняты не были бы. Такъ напр. я увѣренъ, что еслибы до заключенія союза съ

Царемъ, ваше королевское величество имѣли точныя свѣдѣнія о Русскихъ и на сколько можно на нихъ положиться, особенно въ дѣлахъ денежныхъ, то свѣдѣнія эти безъ сомнѣнія послужили бы къ немалой пользѣ и выгодѣ для Даніи. Я далекъ отъ мысли выдавать настоящій дневникъ за полное описаніе Россіи».

Далѣе въ этомъ посвященіи Юстъ Юль объясняетъ, что, перебѣливая записки, онъ старался группировать въ нихъ однородные факты, дабы привести дневникъ въ извѣстную систему. Къ сожалѣнію, факты сгруппированы у него не особенно тщательно.

*

1709 г. 30 Августа. Пришли на Нарвскій рейдъ въ $6^1/_2$ ч. утра. Я тотчасъ же послалъ секретаря королевской миссіи Фалька и лейтенанта Снисдорфа (Snisdorff), на шлюпкѣ, на берегъ, извѣстить Нарвскаго коменданта о моемъ прибытіи. Но въ полдень шлюпка пришла обратно: офицеры Русской береговой стражи не дозволили ей приблизиться къ берегу и идти въ Нарву. Вернули они ее, говоря, что надо написать къ Нарвскому коменданту, но приняли отъ секретаря Фалька письмо Русскаго посла въ Копенгагенѣ къ Русскимъ властямъ вообще. Письмо это они обѣщались доставить коменданту до наступленія вечера, съ собственною лодкою, и затѣмъ прислать мнѣ отвѣтъ.

31-го Августа. Такъ какъ отвѣта отъ Нарвскаго коменданта я не получилъ, то рано утромъ послалъ на берегъ секретаря Фалька и лейтенанта Снисдорфа съ подлинною моею проѣзжею грамотою *).

3-го Сентября. Отчасти по причинѣ бури, отчасти вслѣдствіе задержекъ на берегу, секретарь миссіи Фалькъ вернулся на судно лишь сегодня. Какъ онъ передавалъ, ему не позволили идти на шлюпкѣ дальше устья Наровы, и оттуда повезли въ городъ верхомъ подъ стражею изъ двѣнадцати казаковъ; въ Нарвѣ помѣстили въ домѣ, запретивъ какъ ему самому, такъ и находившимся при немъ людямъ высовывать носъ на улицу. Послѣ продолжительнаго сидѣнія въ означенномъ домѣ, Фалька привели наконецъ къ коменданту, полковнику Василію Зотову. Показавъ ему мой подлинный королевскій проѣзжій листъ, Фалькъ потребовалъ, чтобы меня встрѣтили и пустили на берегъ; но комендантъ подозрѣвалъ, что подъ этимъ что-то таится: онъ воображалъ, что Датскіе флагъ и судно представляютъ лишь военную хитрость, скрывающую намѣреніе сдѣлать высадку и захватить его врасплохъ. Въ виду этого комендантъ для бо́льшей вѣрности обратился въ Петербургъ къ ген.-адмиралу Өедору Матвѣевичу Апраксину за приказаніями, что̀ ему въ данномъ случаѣ дѣлать, и рѣшилъ задерживать меня до возвращенія съ отвѣтомъ гонца, посланнаго въ Петербургъ.

*) Помѣчена въ Потсдамѣ, 7-го Іюня 1709 г. Писана по-латыни.

Получивъ эти свѣдѣнія, я тотчасъ же отправился на берегъ въ шлюпкѣ вмѣстѣ съ секретаремъ миссіи Фалькомъ. На берегу возлѣ устья рѣки меня встрѣтилъ капитанъ-лейтенантъ Яковъ Андреевичъ Беклемишевъ, которому приказано состоять при мнѣ во время моего путешествія, дѣлать необходимыя заготовленія и доставлять все нужное. Такихъ лицъ, называемыхъ по-русски *приставами*, въ обычаѣ назначать къ пріѣзжающимъ въ Россію иностраннымъ посланникамъ. На берегу стояли солдаты и отдавали мнѣ честь. Тутъ меня пригласили въ царскій шлюпъ (Slup), высланный за мною для доставленія меня въ Нарву. На немъ гребло восемь солдатъ, одѣтыхъ въ суконные мундиры couleur de feuille-morte *) съ синими отворотами. Таковъ же былъ и мундиръ солдатъ, стоявшихъ въ ружьѣ на берегу. На упомянутой царской лодкѣ я поднялся на веслахъ къ городу, расположенному въ двухъ миляхъ отъ морскаго берега. Датская шлюпка и яликъ (Jollen) съ частью моихъ вещей слѣдовали за нами. За четверть мили отъ города была устроена пристань для схода на берегъ. Здѣсь меня встрѣтилъ одинъ маіоръ съ двумя каретами, принадлежащими коменданту, и съ нѣсколькими завозными лошадьми: мнѣ такимъ образомъ представлялось на выборъ ѣхать въ экипажѣ или верхомъ. Караулы, мимо которыхъ я слѣдовалъ, стояли въ ружьѣ. Прибылъ я въ городъ въ 6 час. вечера въ сопровожденіи командира Томсена. Тамъ мнѣ тотчасъ же отвели домъ и для оказанія почета поставили у моихъ дверей стражу изъ 12-ти солдатъ при одномъ унтеръ-офицерѣ. Послѣ того какъ я извѣстилъ коменданта о своемъ пріѣздѣ, онъ прислалъ одного маіора благодарить меня и сказать, что самъ онъ сейчасъ меня посѣтитъ; однако послѣ долгаго промедленія велѣлъ извиниться: теперь-де ему нельзя—мѣшаютъ обстоятельства, вслѣдствіе чего онъ вынужденъ отложить свое посѣщеніе до утра. Тѣмъ временемъ онъ прислалъ мнѣ разнаго рода съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, меду и водки, а также кухонную посуду, которою я могъ пользоваться до привоза моей посуды на берегъ. Приставъ, высланный ко мнѣ на встрѣчу, остался при мнѣ для снабженія меня дровами и водою.

4-го Сентября. Часовъ около 9-ти утра меня посѣтилъ комендантъ; въ свитѣ его было нѣсколько офицеровъ, пріѣхавшихъ верхомъ. Войдя въ комнату, какъ самъ онъ, такъ и бывшіе при немъ Русскіе, оглядѣлись вокругъ, чтобы отыскать на стѣнѣ образъ, и когда увидѣли его, то перекрестились на него и поклонились; затѣмъ комендантъ поздоровался со мною. По всей Россіи въ обычаѣ, чтобы въ комнатахъ, въ углу, обращенномъ къ свѣту, висѣло по одному или по нѣскольку

*) Цвѣта завялаго листа.

образовъ, на которые входящій, не обращая вниманія на присутствующихъ (знатность ихъ тутъ не причемъ), три раза крестится и кланяется, и тогда уже привѣтствуетъ и кланяется сперва почетнѣйшему изъ находящихся въ комнатѣ, затѣмъ остальнымъ, каждому особо.

Поклонившись направо и налѣво, комендантъ извинился передо мною, что такъ долго не пускалъ меня на берегъ, подозрѣвая во мнѣ Шведа, и на будущее время предложилъ мнѣ свои услуги. Я освѣдомился, гдѣ находится Царь (ибо мнѣ приказано было ѣхать къ нему какъ можно скорѣе), а также попросилъ коменданта сдѣлать распоряженіе относительно даровыхъ подводъ, помѣщенія и суточныхъ десяти ригсдалеровъ in specie, коими я имѣлъ пользоваться въ силу заключеннаго въ 1684 году между моимъ и его государями договора, копію съ котораго я ему тутъ же показалъ. Онъ отвѣчалъ, что не знаетъ навѣрно, гдѣ въ настоящее время Царь; требованія же мои, касающіяся договора, просилъ передать ему на письмѣ и обѣщалъ послать ихъ съ нарочнымъ на заключеніе генералъ-адмирала Апраксина, каковое обѣщаніе онъ и исполнилъ въ тотъ же день.

5-го Сентября я былъ званъ на обѣдъ къ коменданту. Обѣдъ происходилъ, согласно Русскому обычаю, слѣдующимъ образомъ. Прежде чѣмъ сѣли за столъ, Русскіе много разъ перекрестились и поклонились на образа, висѣвшіе на стѣнѣ. Столъ, накрытый человѣкъ на 12, былъ уставленъ кругомъ блюдами; но блюда стояли возлѣ самыхъ тарелокъ, такъ что середина стола оставалась свободною; на этомъ свободномъ мѣстѣ находились уксусъ, соль, перецъ и большой жбанъ (Römer) съ крѣпкимъ пивомъ. На блюдахъ находились лишь холодныя яства, ветчина, копченый языкъ, солонина, колбаса, селедка, соленья; все это было очень солоно и сильно приправлено перцемъ и чеснокомъ. За сею перемѣною послѣдовала другая—изъ различныхъ жаркихъ. Третья перемѣна состояла исключительно изъ суповъ. Такимъ образомъ порядокъ блюдъ за Русскимъ обѣдомъ совершенно обратенъ принятому въ Даніи. Заздравныя чаши пились такъ. Сначала комендантъ предложилъ мнѣ выпить здоровье Царя. Чашу эту, по Русскому обычаю, я пилъ лишь послѣ того, какъ она обошла кругомъ всѣхъ и была пита всѣми. Тоже произошло вслѣдъ за тѣмъ при чашѣ моего государя. Я разсказалъ коменданту, что въ чужихъ краяхъ за посольскими обѣдами, на которыхъ пьютъ чаши королей и государей, первую чашу называютъ patronanza, что̀ означаетъ, что чаша пьется вообще за здоровье всѣхъ царствующихъ государей, вторую—matronanza, т. е. чашею королевъ и принцессъ; третья filionanza, т. е. чашею принцевъ; и что когда такимъ образомъ здоровье королей, королевъ и принцевъ пьется заразъ, никто изъ нихъ не умаленъ

въ чести. Впрочемъ я прибавилъ, что разсказываю это лишь въ шутку, а не съ тѣмъ, чтобъ осуждать заведенный у нихъ порядокъ. Комендантъ принялъ это очень хорошо, сказавъ, что очень желалъ бы учиться и что несчастливъ тѣмъ, что не видалъ свѣта и чужихъ краевъ, какъ то удалось инымъ его землякамъ. Послѣ того какъ мы встали изъ-за стола и Русскіе снова перекрестились и поклонились на образа, прислуга внесла дессертъ, состоявшій изъ финиковъ, имбирнаго варенія, какихъ-то Персидскихъ плодовъ, соленыхъ огурцовъ, сыраго зеленаго гороха въ стручкахъ и сырой моркови. Когда я уходилъ, комендантъ пошелъ впереди меня: у Русскихъ принято, что гости, приходя, вступаютъ первыми въ дверь; при уходѣ же ихъ впереди долженъ идти хозяинъ, дабы безопасно проводить ихъ изъ дому. Комендантъ приказалъ отвезти меня домой въ своемъ крытомъ возкѣ, въ которомъ передъ тѣмъ меня привезли къ нему.

6-го Сентября. Такъ какъ Пятница, равно и Середа, у Русскихъ дни постные или рыбные, какъ у Католиковъ Пятница и Суббота, то я распорядился чрезъ пристава, чтобъ сварили къ обѣду рыбы; однако приставъ мой все-таки не остался обѣдать, увидавъ, что у насъ варятъ рыбу въ томъ же котлѣ, въ которомъ варится и говядина. По его словамъ это было великимъ грѣхомъ. На берегъ доставлены остальныя мои вещи и свита, при посредствѣ Русской лодки, которой Шведскій капитанъ Анкерстіерна разрѣшилъ забирать на рейдѣ мои вещи, въ чемъ выдалъ мнѣ письменное ручательство за своею рукою.

7-го Сентября. Въ Нарвѣ я видѣлъ многихъ Русскихъ изъ числа такъ называемыхъ князей и бояръ. Слово «князь» нельзя перевести по-датски иначе какъ «Förste»; тѣмъ не менѣе въ сущности Русскіе князья вовсе не князья, а отъ предковъ, нѣкогда владѣвшихъ удѣлами, наслѣдовали только титулъ. Такихъ князей въ Россіи несчетное множество; изъ самолюбія и гордости они желаютъ, чтобъ ихъ величали князьями, хотя титулъ этотъ также мало къ нимъ присталъ какъ титулъ императора (Keyser) къ Царю, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Что̀ касается бояръ, то до нынѣшняго царствованія они были высшими должностными лицами, въ настоящее же время дѣти прежнихъ бояръ сохранили одно свое боярское званіе. Въ Нарвѣ подобныхъ князей и бояръ многое множество. Относительно ихъ одинъ артилерійскій офицеръ, по имени Кобергъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее. Когда Царь лично участвуетъ въ какомъ-либо походѣ, то въ предупрежденіе мятежа разсылаетъ тѣхъ князей и важнѣйшихъ лицъ, въ которыхъ не увѣренъ, по всей Россіи, въ Петербургъ и въ иныя мѣста подальше отъ ихъ имѣній, чтобъ въ его отсутствіе они не со-

ставили заговора и не возмутили противъ него народа. По моему мнѣнію въ Россіи князья тоже, что̀ въ Англіи лорды.

Изъ многихъ Лютеранскихъ священниковъ, жившихъ въ Нарвѣ до взятія города Царемъ, теперь остался только одинъ, именно Генрихъ Брюнингъ, благообразный ученый человѣкъ. Изъ гражданскихъ же властей остался лишь бургомистръ Христіанъ Гётте. Богослуженіе происходитъ въ ратушѣ, такъ какъ обѣ Лютеранскія церкви, Нѣмецкая и Англійская, отняты у жителей Русскими. Лютеранская паства не велика, человѣкъ въ 200; состоитъ она преимущественно изъ простыхъ ремесленниковъ; ибо прочіе жители, обвиненные предъ Государемъ въ тайной перепискѣ съ царскими врагами, уведены и разселены по разнимъ мѣстамъ Россіи—въ Вологду, Астрахань, Казань, Псковъ. Хотя въ данномъ случаѣ они и не были чисты, какъ Ангелы, однако понесли незаслуженно-жестокое наказаніе. Немало виноваты въ этомъ какъ мѣстные, такъ и иностранные, и въ томъ числѣ Нѣмецкіе офицеры, добивавшіеся выселенія Нарвскихъ жителей, въ разсчетѣ обогатиться ихъ имуществомъ, которое они не могли взять съ собою, такъ какъ ихъ увезли всего черезъ восемь дней послѣ оповѣщенія о выселеніи.

9-го Сентября. Осмотрѣлъ обѣ городскія церкви. Прежде въ нихъ совершалось богослуженіе по Аугсбургскому исповѣданію; въ настоящее же время, по приказанію Царя, онѣ освящены Русскими священниками и богослуженіе отправляется въ нихъ по обрядамъ Греческой вѣры. Какъ мнѣ сообщали, сначала только одна церковь была передана Русскимъ священникамъ, и Царь охотно бы оставилъ другую за мѣстными жителями; но по проискамъ генерала-фельдмаршала Нѣмца Огильви, который въ то время находился на службѣ у Царя, была отнята у нихъ и другая церковь. Русскіе собственно не нуждались въ ней; но, будучи Католикомъ и ненавистникомъ Лютеранской вѣры, Огильви полагалъ, что если только отыметъ церковь у жителей, то со временемъ достигнетъ обращенія ея въ Католическую. Однако планъ его не удался: онъ вскорѣ вышелъ въ отставку, и полтора года спустя церковь была обращена въ Православную. Тѣмъ не менѣе служба совершается лишь въ одной изъ церквей, другая же пустуетъ.

Мнѣ передавали также, что Русскіе, подъ предлогомъ того, что у нихъ въ церквахъ хоронить не велѣно, выкопали съ цѣлью грабежа всѣ мертвыя тѣла какъ въ самой церкви, такъ и вокругъ нея. Въ гробахъ они искали серебра и денегъ. Такимъ образомъ по взятіи города, улицы были полны покойниковъ и гробовъ. Жители уносили своихъ друзей и знакомыхъ и погребали ихъ за городомъ, а тѣла мертвецовъ, о которыхъ никто не заботился, Русскіе бросали въ рѣку, протекающую подъ городомъ.

10-го Сентября. Прибыли сюда изъ Петербурга два полка пѣхоты и одинъ полкъ драгунъ; двумя первыми командовали Нѣмецкіе полковники von Fielsen и Busk, а третьимъ Русскій полковникъ. Солдаты означенныхъ полковъ были одѣты въ мундиры Французскаго образца, такъ какъ по всей Россіи Русское платье упразднено и замѣнено Французскимъ. Чтобы успѣшнѣе ввести эту реформу, Царь велѣлъ повсюду на открытыхъ мѣстахъ прибить объявленіе о томъ, какъ должно быть сшито упомянутое платье, и приказалъ, чтобъ всякаго, кто войдетъ или выйдетъ изъ городскихъ воротъ въ обычномъ длиннополомъ Русскомъ нарядѣ, хватали, становили на колѣни и обрѣзали на немъ платье такъ, чтобъ оно доставало ему до колѣнъ и походило бы на Французское. Исполнялось это особыми приказными. Царь велѣлъ также у всѣхъ городскихъ воротъ вывѣсить для образчика выкройку Французскаго платья. Ктó въ настоящее время желаетъ носить бороду, тотъ долженъ платить съ нея Царю ежегодную пошлину въ 10, 20, даже 100 рубл., смотря по соглашенію съ царскими придворными.

Я осмотрѣлъ городскіе валы и старую крѣпость, находящуюся внутри городскихъ укрѣпленій. Высокія стѣны ея, построенныя на старинный ладъ, не могутъ служить надежною защитою. Мнѣ указывали мѣсто, гдѣ Русскіе сдѣлали приступъ, когда брали городъ. Генералъ-маіору, командовавшему гарнизономъ, жители ставили въ вину его пренебреженіе къ Русскимъ, вслѣдствіе котораго онъ не стрѣлялъ по нимъ до тѣхъ поръ, пока они не подвели траншей подъ самую крѣпость. При взятіи города комендантъ Горнъ оплошалъ тѣмъ, что не разсчитывалъ, что непріятель пойдетъ на приступъ раньше ночи, и въ виду этого распустилъ на отдыхъ большую часть своихъ людей. Но Царь приказалъ штурмовать среди дня, и люди его овладѣли валами скорѣе чѣмъ въ часъ съ четвертью. Когда коменданта на его дому увѣдомили, что Русскіе уже въ городѣ, у него даже не случилось подъ рукою барабанщика, который могъ бы пробить къ прекращенію боя *). Царь былъ такъ разгнѣванъ прежними насмѣшливыми и высокомѣрными отвѣтами коменданта на его требованія сдать городъ, что, придя къ нему, собственноручно избилъ его по лицу до синяковъ и велѣлъ посадить въ острогъ, гдѣ онъ и находился до тѣхъ поръ, пока его не увезли въ Вологду, и затѣмъ въ Москву. Обрадованный быстрымъ и успѣшнымъ взятіемъ города, Царь приказалъ щадить жителей; но все же Русскіе солдаты, изъ рвенія и кровожадности, погубили многихъ, не смотря на то, что самъ Царь дѣлалъ все, чтó могъ, чтобы помѣшать кровопролитію, и собственноручно зарубилъ многихъ

*) Bruun og blaa.

своихъ людей, ослушавшихся его повелѣнія. Войдя въ домъ къ бургомистру Христіану Гётте, онъ показалъ этому послѣднему свои окровавленныя руки и объяснилъ, что то кровь не его горожанъ, а собственныхъ его солдатъ, которыхъ онъ убилъ, застигнувъ ихъ нарушающими его приказаніе щадить жителей. Увидавъ въ одномъ мѣстѣ нѣсколько человѣкъ убитыхъ горожанъ, Царь поднялъ руки къ небу и сказалъ: «Въ ихъ крови я неповиненъ!».

12 Сентября. Я послалъ къ коменданту просить дровъ, въ которыхъ испытывалъ недостатокъ. Въ отвѣтъ онъ велѣлъ мнѣ сказать, что не можетъ отпускать мнѣ дровъ въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ теперь, до полученія на этотъ предметъ дальнѣйшихъ приказаній. Въ виду этого я долженъ былъ покупать ихъ на свой счетъ. Уже и тутъ начала проявляться та Русская скаредность и мелочность, съ которыми въ послѣдствіи я хорошо ознакомился.

Во многихъ случаяхъ мнѣ приходилось убѣждаться, что между Нѣмецкими и Русскими офицерами царитъ большой разладъ: Русскіе слѣдятъ исподтишка за всѣми словами и дѣйствіями Нѣмцевъ, ища уличить ихъ въ чемъ либо неблаговидномъ, такъ что здѣсь Нѣмецкимъ офицерамъ приходится вести себя столь же осторожно, какъ если бы они жили въ Венеціи.

Комендантъ Нарвы произведенъ въ полковники и назначенъ комендантомъ, не бывши до того на войнѣ. У него въ домѣ я часто видалъ, какъ оберъ-офицеры и даже маіоры не только наливали ему вина и подавали пить, но и служили за его стуломъ, какъ холопы.

Однажды, гуляя за городомъ, я зашелъ на дворъ бургомистра Гётте, содержавшаго тамъ дубильное заведеніе, для изготовленія Русской кожи. Въ Россіи способъ выдѣлки этой кожи тщательно скрывается отъ чужестранцевъ. Однако, какъ я слышалъ, Русская кожа пріобрѣтаетъ свой запахъ и мягкость отъ особаго «дегтярнаго масла» (Degget-ollie), получаемаго въ большомъ количествѣ изъ Пскова. Это то самое масло, которое продается въ аптекахъ какъ внутреннее средство для скота противъ заболѣваній его по веснѣ.

Кладбищемъ для Нарвскихъ жителей служитъ садъ, расположенный неподалеку отъ вышеупомянутаго двора, ибо Русскіе не позволяютъ горожанамъ хоронить покойниковъ ни на церковномъ погостѣ, ни въ самой церкви; впрочемъ, въ церквахъ, хоронить мертвыхъ не дозволяется самимъ Русскимъ.

13 Сентября. Въ Нарву изъ Пскова и Смоленска прибыло болѣе 20.000 мѣшковъ сухарей для солдатъ; ожидаютъ также около 10.000 одноконныхъ подводъ, имѣющихъ слѣдовать за арміею. Любопытно, что когда въ той или другой крѣпости производятся какія либо особен-

ныя работы, или предпринимается походъ, всѣмъ окрестнымъ крестьянамъ, живущимъ какъ за 50, такъ и за 150 миль въ окружности, велятъ выѣзжать съ подводами на работу; при этомъ за свои труды они ничего другаго не получаютъ кромѣ хлѣба и довольствуются имъ. Вообще крестьяне, равно какъ и солдаты, считаютъ себя удовлетворенными когда имѣютъ хлѣбъ и чеснокъ, да порою немного муки, разведенной въ горячей водѣ. Если у крестьянина падетъ лошадь, самъ онъ все же остается на работѣ, впредь до ея окончанія или до смѣны его другимъ крестьяниномъ, чего ему иногда приходится ждать въ теченіи цѣлаго года. Если умретъ крестьянинъ, то и тогда бѣда не велика: край населенъ густо; парни вступаютъ въ бракъ 16-ти, а дѣвушки 14, иногда и 12 лѣтъ, и въ 50 лѣтъ человѣку нерѣдко случается видѣть своихъ правнуковъ. Такимъ образомъ, когда крестьянинъ умираетъ, всегда есть кому замѣнить его въ хозяйствѣ.

Однажды утромъ, часовъ въ 8, я отправился въ церковь посмотрѣть и послушать Русскую обѣдню, которую служатъ ежедневно въ эту пору дня *). Обѣдалъ я въ гостяхъ вмѣстѣ со многими Нарвскими жителями. Какъ я узналъ въ послѣдствіи, по всей Лифляндіи въ обычаѣ подавать послѣ обѣда, когда уже всѣ напились и сыты, чашу съ холоднымъ молокомъ или съ яицами на молокѣ, изъ которой гости *ѣдятъ* ложкою за здоровье другъ друга. Такъ было и здѣсь.

По приглашенію коменданта, я ѣздилъ съ нимъ за городъ, въ его экипажѣ, смотрѣть, какъ баталіонъ его полка, состоящій изъ 700 человѣкъ, производитъ ученіе. Солдаты этого баталіона были обучены такъ же хорошо, какъ любой Датскій полкъ. Разница заключалась развѣ въ томъ, что всѣ пріемы они дѣлали быстрѣе, чѣмъ наши солдаты‘ хотя дѣлали ихъ точно также одновременно. Стрѣльбу они равнымъ образомъ производили отлично, подобно любому иностранному полку, какъ повзводно, такъ и общими залпами.

Въ четверти мили къ Югу отъ Нарвы находится большой шумный и бурливый водопадъ, низвергающійся со скалы. Вытекаетъ онъ изъ озера Пейпуса, которое тянется до самаго Пскова; около водопада въ большомъ количествѣ ловятся лососи. Нѣсколько ихъ было поймано при мнѣ, пока я тамъ стоялъ.

19-го Сентября прибылъ сюда изъ Петербурга ген.-адмиралъ Ѳеод. Матв. Апраксинъ, встрѣченный съ вала салютомъ изъ 51 орудія. Сестра его, нынѣ вдовствующая царица, была замужемъ за покойнымъ братомъ Царя. Такъ какъ я письменно увѣдомилъ Апраксина о моемъ прибытіи

*) Далѣе Юстъ Юлій описываетъ нашу литургію, и его описаніе свидѣтельствуетъ, что онъ весьма внимательно слѣдилъ за ея совершеніемъ.

въ Россію, то въ виду моего положенія, какъ посланника коронованной особы, вѣжливость, принятая между людьми, знающими свѣтскія приличія, требовала, чтобъ онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ или по крайней мѣрѣ прислалъ бы увѣдомить меня о своемъ пріѣздѣ. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго, и мнѣ пришлось съ этимъ примириться, такъ какъ я нуждался въ его поддержкѣ противъ коменданта, который во многомъ проявилъ относительно меня свою невѣжливость. Я послалъ къ Апраксину секретаря миссіи Фалька передать ему мой привѣтъ и выразить радость по случаю его пріѣзда. Въ отвѣтъ онъ тотчасъ же прислалъ ко мнѣ маіора, которому приказалъ меня благодарить и поздравить съ пріѣздомъ въ качествѣ посланника въ Россію, и выразилъ при этомъ надежду на скорое свиданіе со мною.

20-го Сентября. Я долго сидѣлъ дóма, ожидая перваго визита генералъ-адмирала, наконецъ увидалъ, что онъ не намѣренъ его сдѣлать. Однако, такъ какъ для пользы королевской службы мнѣ необходимо было получить свѣдѣнія, гдѣ настичь Царя, чтобы продолжать мое путешествіе, и я полагалъ, что генералъ-адмиралъ въ состояніи лучше чѣмъ кто-либо сообщить мнѣ эти свѣдѣнія, коихъ я ни отъ кого еще не могъ добиться, то я передалъ ему чрезъ секретаря миссіи Фалька, что мнѣ хорошо извѣстно правило, принятое въ Даніи относительно перваго визита, но что я не знаю, какъ поступаютъ въ данномъ случаѣ въ Россіи, и что, какъ я весьма желаю говорить съ нимъ, то предоставляю ему самому назначить удобный ему часъ для перваго нашего свиданія, при чемъ впрочемъ надѣюсь, что онъ поступитъ относительно меня какъ принято поступать въ Россіи съ посланниками другихъ коронованныхъ особъ. Генералъ-адмиралъ велѣлъ отвѣчать, что онъ не свѣдущъ во всѣхъ этихъ церемоніяхъ, но что такъ какъ здѣсь мы оба чужіе и проѣзжіе, то не все ли равно гдѣ намъ свидѣться, а потому, если мнѣ удобно, и я хочу сдѣлать ему честь придти къ нему, онъ будетъ мнѣ очень радъ. Я тотчасъ же пошелъ къ нему. Кушанье стояло у него на столѣ, и онъ предложилъ мнѣ отобѣдать. Я согласился, но такого плохаго обѣда мнѣ никогда въ жизни еще не приходилось ѣсть. По случаю постнаго дня, на столѣ ничего не было кромѣ осетрины, стерляди и другихъ неизвѣстныхъ въ Даніи породъ, вонявшихъ ворванью. Въ добавокъ, всѣ яства были приправлены перцемъ и лукомъ. Въ числѣ другихъ кушаній былъ супъ, свареный изъ пивнаго уксуса (öllviineddicke), мелко накрошеннаго лука и перца *). За обѣдомъ, согласно Русскому обычаю, всякая заздравная чаша наливалась инымъ напиткомъ и въ другаго рода ста-

*) Ботвинья? Тюря?

каны. Въ особенномъ ходу былъ напитокъ, называемый «Астраханскимъ пивомъ» и выдаваемый за виноградное вино, на самомъ же дѣлѣ сваренный изъ меду и перцовки. Люди, знакомые съ мѣстными обычаями, увѣряли меня, что напитокъ этотъ варится съ табакомъ.

Адмиралъ, казавшійся очень любезнымъ и веселымъ человѣкомъ, также какъ другіе, не зналъ, гдѣ Царь. Онъ обѣщалъ сдѣлать распоряженіе относительно производства мнѣ содержанія согласно заключеннаго между Даніею и Россіею договора, завѣрилъ меня, что во всемъ, въ чемъ можетъ, будетъ оказывать мнѣ помощь и вообще проявилъ большую предупредительность.

За тѣмъ же обѣдомъ въ гостяхъ у ген.-адмирала былъ Сибирскій принцъ, называвшійся *царевичемъ*, подобно сыну Царя. Звали его такъ въ виду того, что предки его, прежде чѣмъ подпали подъ Русское владычество, были царями въ Сибири. Царевича этого Царь постоянно возитъ на свой счетъ по Россіи, путешествуя съ нимъ самъ или заставляя его путешествовать съ своими главными министрами. Дѣлаетъ онъ это частью изъ состраданія, частью изъ опасенія, какъ бы Сибирскій царевичъ не попалъ обратно на родину и, въ стремленіи вернуть себѣ значеніе и власть предковъ, не произвелъ бы тамъ возстанія.

22-го Сентября. Комендантъ позвалъ меня обѣдать. На его обѣдѣ присутствовали также генералъ-адмиралъ и другія важнѣйшія должностныя лица. Тутъ мнѣ пришлось познакомиться еще съ однимъ Русскимъ обычаемъ: жена хозяина, одѣтая во Французское платье, стояла посреди комнаты, неподвижная и прямая, какъ столбъ; мнѣ сказали, чтобъ я поцаловалъ ее (такъ-молъ принято), и я исполнилъ это. Затѣмъ она подносила мнѣ и другимъ гостямъ водку на тарелкѣ, шаркала какъ мущина и принимала обратно пустую чашу.

23-го Сентября сюда пришло нѣсколько полковъ съ полевою артиллеріею и боевыми припасами. Они разбили лагерь за городомъ; прибылъ и генералъ-маіоръ Брюсъ, командующій этими 10-ю тысячами солдатъ. Брюсъ родился въ Москвѣ отъ Нѣмецкихъ родителей и слѣдовательно былъ Alt Teutscher: такъ называются дѣти иностранцевъ, рождающіяся въ Россіи. Но какъ здѣсь вновоприбывшіе Нѣмцы презираютъ старыхъ, то названіе это считается унизительнымъ.

24-го Сентября. Я былъ званъ обѣдать, вмѣстѣ съ генералъ-адмираломъ и генералъ-маіоромъ Брюсомъ, къ бургомистру Христіану Гётте. Здѣсь мнѣ въ первый разъ пришлось увидать Калмычку. Какъ у женщинъ другихъ Татарскихъ племенъ, лице ея имѣло особенное, необычное строеніе. Оно было гораздо шире обыкновеннаго, съ совершенно расплющеннымъ и вздернутымъ носомъ и съ крошечными глазами, посаженными гораздо дальше другъ отъ друга, чѣмъ обыкновенно, при-

чемъ наружные ихъ углы немного закруглялись, спускаясь на щеку, точно были прорѣзаны книзу. Одинъ офицеръ, побывавшій въ странѣ Калмыковъ и знакомый съ ихъ бытомъ, разсказывалъ мнѣ, что они язычники, религіи не имѣютъ и только вырѣзаютъ себѣ изъ дерева истукановъ, которымъ покланяются, ежедневно обмазывая имъ ротъ, вмѣсто пищи, саломъ и ворванью. Однако, если зима сурова, то Калмыкъ не обмазываетъ своего идола, но ставитъ его на дерево, приговаривая: «мерзни себѣ, мерзни безъ ѣды и питья; вѣдь самъ ты не даешь намъ ни того, ни другаго»; ибо, въ случаѣ суровой и продолжительной зимы, Калмыки во всемъ испытываютъ недостатокъ.

25-го Сентября. Два полка подъ командою полковниковъ Buski и Bolovni, выступивъ изъ Нарвы, присоединились къ прочимъ войскамъ, расположеннымъ въ лагерѣ за городомъ, такъ что всего тамъ собралось 12,000 пѣхоты. При войскахъ находились, въ готовности для предполагавшейся осады Ревеля, 20 полукартоверовъ *), 20 восемнадцати-фунтовыхъ орудій съ 16,000 ядеръ и 7 мортиръ съ 700 семидесяти пяти-фунтовыхъ каменныхъ бомбъ. Изъ числа этихъ орудій двадцати штукамъ съ прогорѣвшею отъ долгой пальбы затравкою и потому негоднымъ къ употребленію, залили дно на толщину ядра металомъ и затѣмъ впереди этого залитаго слоя просверлили новую затравку. Русскіе артилерійскіе офицеры увѣряли меня, что большая часть ихъ орудій оттого подвержена такому быстрому прогоранію затравокъ, что вылиты они изъ металла, обыкновенно употребляемаго для колоколовъ и заключающаго въ себѣ слишкомъ много олова: ибо въ настоящую войну духовенство было вынуждено предоставить правительству изъ церквей со всего края извѣстное количество колоколовъ для переливки оныхъ въ пушки.

Того же 25-го числа по возвращеніи домой секретаря миссіи Фалька, видѣвшаго въ 1½ мили за городомъ три полка драгунъ, комендантъ послалъ просить меня, чтобъ на будущее время я предупреждалъ его всякій разъ, когда самъ я или кто либо изъ моей свиты пожелаемъ куда нибудь поѣхать, дабы при поѣздкахъ моихъ за городъ можно было отряжать кого либо для охраны меня отъ нападеній со стороны простаго народа, а также своевременно принимать мѣры для оказанія мнѣ должнаго почета. Таковъ былъ предлогъ его просьбы, на самомъ же дѣлѣ главными ея причинами являлись его прирожденныя высокомѣріе и подозрительность. Вслѣдъ затѣмъ онъ вторично послалъ ко мнѣ человѣка просить, чтобъ пришелъ къ нему секретарь,

*) Картоверы и полукартоверы—особыя пушки. У Курбскаго картоверы называются „кортунами“.

побывавшій за городомъ. Въ отвѣтъ на это, понявъ, что комендантъ хочетъ сдѣлать секретарю выговоръ по поводу его поѣздки за городъ, я велѣлъ ему сказать, что ему не подлежитъ требовать къ себѣ кого бы то ни было изъ моей свиты, но что онъ можетъ передать мнѣ то, что̀ имѣетъ сказать моему секретарю, дабы я могъ подобающе отвѣчать ему за моихъ людей. На это онъ приказалъ мнѣ передать, что вполнѣ довольствуется моимъ объясненіемъ, а что за секретаремъ онъ посылалъ только для того, чтобъ переговорить съ нимъ о моемъ отъѣздѣ. Но тоже самое, незадолго передъ тѣмъ, онъ уже сообщалъ мнѣ черезъ мѣстнаго плацъ-маіора. Упомянутыя выше орудія съ ядрами, бомбами и гранатами были распредѣлены въ лагерѣ между полками, главнымъ образомъ затѣмъ, чтобъ, въ случаѣ несчастья съ опредѣленными подъ эти орудія и боевые припасы лошадьми, ихъ можно было увезти солдатамъ. Но порохъ и другія мелкія принадлежности должны были идти исключительно съ артилеріею.

На нашъ вѣсъ, 16 рублей 74 копѣйки серебромъ представляютъ одинъ фунтъ; 10 рублей вѣсятъ 19 лотовъ, и такимъ образомъ 100 рублей копѣйками вѣсятъ 5 фунт. 30 лот. Одинъ ригсдалеръ in specie равняется по вѣсу 104 копѣйкамъ, но вѣсъ одной монеты въ рубль и одного ригсдалера in specie почти тождественenъ, и даже рубль на 3—4 копѣйки легче ригсдалера. Относительно копѣекъ слѣдуетъ замѣтить, что отчеканены онѣ крайне небрежно, такъ что мнѣ случалось находить между ними настолько крупныя, что двѣ изъ нихъ равнялись по вѣсу тремъ другимъ обыкновеннымъ копѣйкамъ. Говорятъ, въ прежнія времена 100 рублей копѣйками вѣсили 10 фунтовъ; теперь же, въ силу распоряженія Царя, 100 рублей должны бы вѣсить 7 фунтовъ, но обыкновенно, вслѣдствіе утаекъ монетнаго двора, вѣсятъ всего 6 фунтовъ и даже меньше, какъ указано выше. Рубль заключаетъ въ себѣ 100 копѣекъ, полтина или полрубля 50 коп., гривна 10 коп., алтынъ 3 коп., копѣйка содержитъ двѣ денежки или 2 шиллинга, денежка 2 полушки. Со времени Шведской войны Царь приказалъ чеканить копѣйки, денежки и полушки изъ Шведской мѣди. Въ Россіи при прежнихъ царяхъ была въ ходу только мелочь, копѣйки и т. д., прочія же монеты каковы рубль, полтина, полуполтина, гривна, алтынъ были только отвлеченными понятіями, какъ въ Англіи фунтъ стерлинговъ. Но нынѣ царствующій Государь приказалъ чеканить монеты всякой изъ этихъ цѣнностей, съ его изображеніемъ на одной сторонѣ и гербомъ на другой.

27-го Сентября. Комендантъ отдалъ приставленному къ моимъ дверямъ караулу приказъ, чтобъ мои люди какъ по городу, такъ и за городомъ ходили не иначе, какъ въ сопровожденіи одного солдата. При-

казъ этотъ былъ отданъ подъ предлогомъ ихъ охраны отъ насилія со стороны пьяныхъ и другой сволочи. Подъ тѣмъ же предлогомъ комендантъ приказалъ, чтобъ и самъ я предупреждалъ его о моихъ выѣздахъ. Но истинною причиною подобнаго распоряженія были его высокомѣріе и подозрительность, а также безъ сомнѣнія любопытство; ибо такимъ путемъ онъ разсчитывалъ вывѣдывать чрезъ посредство солдатъ, какія порученія были даваемы моимъ людямъ и что́ я самъ предпринималъ. Солдаты въ точности исполняли его приказаніе, вслѣдствіе чего по улицамъ я ходилъ всегда какъ плѣнникъ. Не видя другаго исхода, я вынужденъ былъ письменно жаловаться генералъ-адмиралу на такую невѣжливость со стороны коменданта, равно какъ и на неприличное его отношеніе ко мнѣ въ прочихъ отношеніяхъ. При этомъ я требовалъ той свободы, которою во всѣхъ странахъ міра пользуются посланники, требовалъ права свободно выходить изъ дому и возвращаться домой, когда я хочу, не испрашивая на то позволенія у коменданта; я просилъ также генералъ-адмирала, чтобы онъ своею властію разрѣшалъ всякіе скучные вопросы между комендантомъ и мною и оказалъ бы равнымъ образомъ содѣйствіе относительно выдачи мнѣ по праву суточныхъ денегъ, дровъ, свѣчей и воды, согласно договора, заключеннаго между его величествомъ королемъ и Царемъ. Вслѣдствіе таковой моей жалобы генералъ-адмиралъ приказалъ отмѣнить конвоированіе меня солдатами, но комендантъ за причиненный мнѣ срамъ не понесъ никакого наказанія. Въ виду моего требованія мнѣ стали также выдавать суточныя деньги, дрова, свѣчи, воду, однако всякій разъ не иначе, какъ послѣ частыхъ напоминаній и долгаго выпрашиванія. Что́ касается выдачи денегъ, то она всегда производилась копѣйками, среди которыхъ нерѣдко попадались фальшивыя, а то и самый счетъ былъ невѣренъ. Ригсдалеровъ in natura я никогда не получалъ. И несмотря на все это, я постоянно долженъ былъ дѣлать подарки лицамъ, приносившимъ мнѣ мое положенное содержаніе, котораго мнѣ и безъ того едва доставало. Слѣдуетъ въ добавокъ отмѣтить, что какъ въ Нарвѣ, такъ въ послѣдствіи и въ самой Россіи, Русскіе при выдачѣ мнѣ денегъ намѣренно меня обсчитывали. Если бывало ихъ провѣришь, они сосчитаютъ снова и говорятъ, что счетъ вѣренъ. Продѣлывали они это хоть десять разъ кряду и до тѣхъ поръ изводили получающаго деньги, пока ему не надоѣдало ихъ провѣрять, и онъ не мирился на обманѣ. За каждый ригсдалеръ in specie я получалъ только по 80 копѣекъ.

28-го Сентября. Въ Нарву прибылъ Нарвскій оберъ-комендантъ Нарышкинъ и былъ встрѣченъ салютомъ изъ 24 орудій. Онъ одновременно состоитъ и оберъ-комендантомъ во Псковѣ.

29-го Сентября я послалъ секретаря миссіи Фалька къ генер.-адмиралу и къ оберъ-команданту: къ генералъ-адмиралу, чтобы просить его отобѣдать у меня завтра; къ оберъ-коменданту, чтобы поздравить его съ пріѣздомъ (хотя самъ онъ ни чрезъ кого не извѣстилъ меня объ ономъ) и тоже пригласить его на завтрашній обѣдъ. Но оберъ-комендантъ велѣлъ только кланяться и сказать, что мы безъ сомнѣнія еще передъ тѣмъ увидимся. Хотя отвѣтъ этотъ могъ имѣть двоякій смыслъ, однако я отлично угадалъ въ немъ намекъ, что я первый долженъ посѣтить оберъ-коменданта, о чемъ ему въ сущности не слѣдовало напоминать даже, еслибъ онъ былъ правъ. Впрочемъ, я зналъ, что Русскіе, въ томъ числѣ и онъ, стали учиться въ школѣ вѣжливости лишь при теперешнемъ Царѣ и еще сидѣли тамъ за азбукою. Поэтому мнѣ оставалось только сожалѣть о нихъ и ждать, чтобъ они чему нибудь научились.

30-го Сентября. Согласно обѣщанію, генералъ-адмиралъ и Петербургскій комендантъ ген.-м. Брюсъ, пришли ко мнѣ обѣдать. Что́ же касается до оберъ-коменданта, то въ виду его неприхода, я вторично послалъ его звать. Онъ велѣлъ благодарить и сказать, что не придетъ, причемъ не извинился и не сослался ни на какой предлогъ, изъ чего я заключилъ, что онъ не намѣренъ быть у меня первымъ. Я далъ понять генералъ-адмиралу, что объясняю себѣ отсутствіе оберъ-коменданта тѣмъ, что онъ на меня въ претензіи, но что я имѣю большее основаніе быть въ претензіи на него, такъ какъ до сихъ поръ онъ еще не сдѣлалъ мнѣ чести извѣстить меня о своемъ пріѣздѣ.

1709 г. 1 Октября. Безъ сомнѣнія генералъ-адмиралъ довѣрительно передалъ мои слова оберъ-коменданту Нарышкину, и послѣдній, кажется, принялъ этотъ урокъ къ свѣдѣнію, ибо съ утра прислалъ ко мнѣ одного капитана извиниться, что не могъ явиться на мое приглашеніе, а также поздравить меня съ пріѣздомъ и увѣдомить о своемъ прибытіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ сказать, что жаждетъ со мною видѣться; а это опять таки имѣло видъ намека, что я долженъ придти къ нему первый.

2-го Октября. Ѣздилъ я осматривать лагерь, разбитый въ красивой мѣстности, на возвышенной равнинѣ, приблизительно въ разстояніи одной мили отъ города. По моей просьбѣ для этой поѣздки генералъ-адмиралъ одолжилъ мнѣ свою карету, запряженную шестерикомъ, и шесть бѣлыхъ верховыхъ лошадей подъ сопровождавшихъ меня людей. Въ лагерѣ я обѣдалъ у генералъ-маіора Брюса. Хотя у Русскихъ этотъ день считался постнымъ, тѣмъ не менѣе съ нами обѣдало нѣсколько Русскихъ офицеровъ, изъ коихъ иные, за отсутствіемъ на столѣ рыбы, ѣли мясо; впрочемъ другіе довольствовались хлѣбомъ съ солью, огур-

цами, свеклою и тому подобными появлявшимися на столѣ яствами. Послѣ обѣда генералъ Брюсъ приказалъ тремъ полкамъ произвести для меня ученіе и сдѣлать въ мою честь залпъ, что́ было исполнено удачно. У генерала Брюса было два одногорбыхъ верблюда, возившихъ въ походѣ его палатки и одѣяла. Обыкновенно Русскіе офицеры выписываютъ себѣ этихъ животныхъ изъ Астрахани. Для похода они весьма полезны, такъ какъ два животныхъ подымаютъ столько же, сколько везутъ десять Русскихъ телѣгъ или *полушъ*. Если только въ волю кормить верблюдовъ соломою, подстилать имъ мягкую подстилку и каждые три-четыре дня давать соли, служащей для нихъ какъ бы лекарствомъ, то они довольствуются небольшимъ количествомъ осоковатаго сѣна. Признакомъ ихъ бодрости служитъ прямое положеніе горба на спинѣ: у слабыхъ и истомленныхъ животныхъ онъ свѣшивается въ ту или другую сторону. При каждомъ изъ 10-ти полковъ, расположенныхъ здѣсь лагеремъ, численностью въ общей сложности въ 12 тысячъ человѣкъ, находится по 2 полевыхъ орудія. Къ лафету каждаго изъ этихъ орудій прикрѣплены по сторонамъ двѣ маленькія ручныя мортиры.

3-го Октября. Обѣдалъ у оберъ-коменданта Нарышкина. Тутъ мы свидѣлись съ нимъ въ первый разъ. Такимъ образомъ догадка моя о его гордости оправдалась, тѣмъ болѣе, что онъ не только не встрѣтилъ меня въ дверяхъ, но и въ горницѣ не сдѣлалъ двухъ шаговъ въ мою сторону, чтобъ поздороваться со мною, и еслибъ я первый ему не поклонился, онъ, мнѣ кажется, и по сіе время все стоялъ бы и думалъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ домахъ, гдѣ я обѣдалъ одновременно съ генералъ-адмираломъ, я сидѣлъ на второмъ послѣ него мѣстѣ. Самый обѣдъ происходилъ почти такъ же, какъ описанный выше, у коменданта; подавалось такое же количество плохо приготовленныхъ, дурно сервированныхъ и неумѣло расположенныхъ блюдъ. Оберъ-комендантъ, какъ всякій Русскій хозяинъ, самъ служилъ за столомъ и при каждой чашѣ обносилъ кругомъ гостей стаканъ на тарелкѣ. До того дня Русскіе пили чашу Царя прежде чаши короля Датскаго; но отъ моего урока стали настолько покладчивы, что въ этотъ разъ здоровье обоихъ нашихъ государей было выпито одновременно, также, какъ въ свою очередь и обоюдное здоровье наслѣдниковъ престола.

Слѣдуетъ замѣтить, что колеса здѣшнихъ телѣгъ и полушъ, т. е. маленькихъ закрытыхъ возковъ, изготовляются совершенно иначе, чѣмъ наши. Ихъ ободъ согнутъ изъ одного куска дуба или бука, при чемъ такое колесо крѣпче Датскаго, составленнаго изъ нѣсколькихъ крупныхъ кусковъ дерева. Обтянутыя желѣзными шинами, Русскія колеса такъ крѣпки, что въ походѣ перевозятъ большія мортиры.

Мнѣ разсказывали, что очень многіе генералы въ Русской арміи уполномочены Царемъ назначать въ подвѣдомственныя имъ части оберъ-офицеровъ, капитановъ, маіоровъ и подполковниковъ. Послѣдствіемъ такого порядка вещей является большое послушаніе и покорность со стороны офицеровъ къ генераламъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена вся ихъ судьба. Поэтому, когда офицеры приходятъ къ генералу, то кланяются ему въ землю, наливаютъ ему вина и вообще служатъ ему, какъ лакеи. Относительно здѣшнихъ поклоновъ наблюдается слѣдующее. Когда Русскій хочетъ выказать какому либо важному лицу наибольшую степень почтенія, то падаетъ предъ нимъ ницъ, т. е. становится на правое колѣно, упирается руками въ землю и такъ сильно стукается лбомъ объ полъ, что можно явственно слышать удары. О такихъ поклонахъ часто упоминается въ Священномъ Писаніи: «молиться, падая на лице свое». При менѣе почтительномъ поклонѣ Русскіе становятся на правое колѣно и кладутъ на полъ правую ладонь. Вообще же, привѣтствуя какого либо боярина, они кланяются такъ низко, что правою рукою дотрогиваются до земли.

5 Октября. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ увѣдомилъ меня о предстоящей посылкѣ въ армію гонца, въ виду чего я немедленно написалъ письмо къ великому канцлеру Головкину. Вечеръ провелъ я у генералъ-адмирала и тамъ сдѣлалъ наблюденіе, что Русскіе чаще называютъ другъ друга по крестному имени, безъ упоминанія фамиліи, чѣмъ по должности. Такъ адмирала звали не «г-нъ адмиралъ», а «Ѳеодоръ Матвѣевичъ». И при томъ къ нему обращался такъ всякій, какое бы низкое положеніе онъ ни занималъ. Даже самого Царя Русскіе нерѣдко называютъ «Петромъ Алексѣевичемъ».

6 Октября. Обѣдалъ у коменданта. За такими обѣдами хуже всего то, что Русскіе принуждаютъ другъ друга пить сверхъ мѣры, такъ что почти нельзя урваться съ ихъ обѣда не напившись черезъ край.

Въ крѣпости по утрамъ и по вечерамъ караулы смѣняются выстрѣломъ, какъ на кораблѣ. Когда барабанщикъ бьетъ утреннюю или вечернюю зорю, то выбиваетъ въ перемежку всѣ существующіе барабанные сигналы: маршъ, зорю (reveil), тревогу, сборъ и проч.

Въ Россіи есть секта схизматиковъ, называемыхъ раскольниками. Они отстраняются отъ прочихъ Русскихъ, избѣгая всякаго сообщенія съ ними. Нѣкоторое время раскольниковъ жестоко преслѣдовали, многіе изъ нихъ были сожжены, другіе выселены; но теперь гоненіе на нихъ прекратилось. Расколъ ихъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они не ѣдятъ и не пьютъ съ другими Русскими, считаютъ смертнымъ грѣхомъ брить бороду и волосы на головѣ и крестятся тремя первыми пальцами (sic). По ихъ словамъ при благословеніи самъ Хри-

стосъ, а равно и ветхо-завѣтные патріархи, складывали такъ персты. Остальные Русскіе, когда крестятся, соединяютъ большой палецъ, безъимянный и мизинецъ. Въ общемъ раскольники честнѣе, богобоязненнѣе и трезвѣе прочихъ Русскихъ, по части христіанскихъ догматовъ начитаннѣе и просвѣщеннѣе ихъ. Болѣе подробныя о нихъ свѣдѣнія приведены въ книгѣ Bergii «De Religione Muscovitica».

8 Октября. Посѣтилъ оберъ-коменданта. Съ послѣдняго раза онъ настолько преуспѣлъ въ вѣжливости, что встрѣтилъ меня внизу лѣстницы и до туда же проводилъ меня.

9 Октября. Прибылъ изъ Петербурга адмиралтейскій совѣтникъ Александръ Васильевичъ Кикинъ. Говорятъ, онъ въ великой милости у Царя.

10 Октября. Обѣдалъ въ лагерѣ у генералъ-маіора Брюса, вмѣстѣ съ генералъ-адмираломъ Апраксинымъ, оберъ-комендантомъ Нарышкинымъ и адмиралтейскимъ совѣтникомъ Кикинымъ. Когда генералъ-адмиралъ вышелъ изъ возка, ему салютовали 21-мъ пушечнымъ выстрѣломъ, и обѣ шеренги войска, одна за другой, сдѣлали по залпу; войска всего лагеря были разставлены въ двѣ ширенги. Гонецъ привезъ въ Нарву извѣстіе, что въ непродолжительномъ времени сюда придетъ еще семь полковъ, подъ предводительствомъ бригадира Черникова.

Князь Александръ Даниловичъ Меньшиковъ владѣетъ подъ Нарвою весьма живописнымъ садомъ, разбитымъ въ мѣстномъ вкусѣ. Садъ расположенъ въ долинѣ между двумя высокими скалами. Мимо этихъ скалъ протекаетъ та самая рѣка, которая отдѣляетъ Нарву отъ Ивангорода. Въ саду есть прекрасная оранжерея со многими узкими отдѣленіями, снабженными каждое печкою. Въ отдѣленіяхъ имѣются люки для регулированія температуры. Въ саду также есть много красивыхъ сводчатыхъ аллей.

13 Октября. Прибыли сюда вышеупомянутые 7 полковъ: 6 пѣхотныхъ и 1 драгунскій. Они принимали участіе въ Полтавской битвѣ. Полки эти прошли чрезъ городъ въ лагерь и, соединившись тамъ съ прочими войсками, поступили подъ команду ген.-м. Брюса. Главное начальствованіе надъ войсками въ лагерѣ и вообще надъ военными силами въ этомъ краю Россіи принадлежитъ ген.-адм. Апраксину.

15 Октября. Рано утромъ посѣтилъ я адмиралтейскаго совѣтника Кикина, остановившагося на царскомъ подворьѣ въ Нарвѣ. Въ тотъ же день у меня обѣдали ген.-адмиралъ, ген.-м. Брюсъ, Кикинъ, оба коменданта, старшій и младшій, и нѣсколько человѣкъ офицеровъ. Здѣсь на обѣдахъ въ обычаѣ угощать на славу, не только званыхъ гостей, но и слугъ ихъ, приводимыхъ ими съ собою въ большомъ числѣ. Если же послѣднихъ хорошо не примешь и не употчуешь, не накормишь

и не напоишь через край, то добрый пріемъ оказанный имъ господамъ идетъ не въ счетъ. Такимъ образомъ, въ Россіи оправдывается Датская пословица, что «пиръ должна хвалить прислуга». За этимъ моимъ обѣдомъ у меня украли серебряный ножъ, что̀ я отмѣчаю лишь въ виду приводимаго ниже примѣра строгости здѣшнихъ наказаній, постигающихъ виновныхъ за малѣйшіе проступки.

17 Октября. Гонецъ привезъ генералъ-адмиралу письмо съ тремя печатными экземплярами манифеста короля Польскаго, въ которомъ его величество указываетъ причины, побуждающія его снова искать Польской короны и объявить Швеціи войну. Чтобы досадить Шведамъ, Царь приказалъ генералъ-адмиралу переслать этотъ манифестъ въ Выборгъ Шведскому генералъ-маіору Любекеру.

Украденный у меня серебряный ножъ нашелся у одного изъ комендантовыхъ слугъ. Вора наказали батогами и заставили принести мнѣ ножъ обратно. Комендантъ прислалъ его ко мнѣ съ двумя профосами, чтобъ показать, какъ окарнали ему спину, и при этомъ просилъ, чтобы я велѣлъ его бить еще, сколько пожелаю, хоть до смерти. Но такъ какъ ему и безъ того досталось довольно, я не захотѣлъ наказывать его вторично. Однако немалаго труда стоило мнѣ уговорить профосовъ не бить его больше; ибо, по ихъ словамъ, они получили на то формальное приказаніе отъ коменданта.

19 Октября. Осматривалъ крѣпость съ плацъ-маіоромъ Грековымъ. Нарва укрѣплена такъ хорошо, что можетъ считаться одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей въ Европѣ. Близъ города протекаетъ рѣка и отдѣляетъ его отъ Ивангорода. Вокругъ Нарвы рвовъ съ водою нѣтъ; но тѣ, что̀ просѣчены въ скалѣ, на которой она построена, такъ глубоки, что безъ штурмовыхъ лѣстницъ невозможно взобраться на валъ, и притомъ такъ отвѣсны, что въ нихъ нельзя спрыгнуть, не убившись до смерти. Парапетъ крѣпости сложенъ изъ цѣльныхъ каменныхъ быковъ. Крѣпость снабжена нѣсколькими прекрасными бастіонами; имена ихъ написаны по-латини на столбахъ, нарочно для того поставленныхъ Шведами [1]). Впослѣдствіи тѣже имена, по приказанію Царя, приписаны внизу по-русски. Одинъ изъ бастіоновъ, первоначально названный Шведами «Honor», переименованъ Царемъ въ «Божій Брежъ [2]), такъ какъ за нѣсколько дней до штурма самъ собою, безъ того, чтобъ по немъ былъ сдѣланъ хотя одинъ выстрѣлъ, онъ рушился до основанія. Чрезъ это Царь получилъ возможность ускорить приступъ, а потому по взятіи города и возобнов-

[1]) Гдѣ стояли эти столбы—на самыхъ бастіонахъ или возлѣ нихъ, изъ дневника не видно.

[2]) Эти слова въ дневникѣ Юстъ Юля написаны Русскими буквами.

леніи бастіона, назвалъ его вышеприведеннымъ именемъ въ воспоминаніе счастливой случайности, посредствомъ которой Богъ предалъ городъ въ его руки. Съ восточной стороны, по распоряженію Царя, дѣйствительно была пробита брешь орудіями. Такъ какъ городскія стѣны стоятъ у самой рѣки, то орудія были разставлены на противоположномъ берегу; черезъ рѣку же былъ наведенъ мостъ. Эту брешь Царь тоже велѣлъ задѣлать и соорудилъ на ея мѣстѣ великолѣпные ворота, украшенные его гербомъ. Пушки, мортиры, ядра и другіе боевые припасы, во множествѣ находившіеся на валахъ, достались Русскимъ. Нѣкоторыя орудія были увезены въ Петербургъ, но на мѣстѣ еще оставалось болѣе 300 штукъ. Любопытно, что многіе 24 фунтовыя орудія стояли не на лафетахъ, а на рапетахъ, каковые употребляются на судахъ. Рапеты были сдѣланы исключительно изъ желѣза, кромѣ однихъ колесъ, которыя впрочемъ не уступали въ крѣпости желѣзнымъ: такъ плотно они были обтянуты желѣзными шинами. Укрѣпленія Шведской Нарвы состояли изъ шести бастіоновъ и нѣсколькихъ равелиновъ, вооруженныхъ въ общей сложности приблизительно 350-ю орудіями. Бастіоны назывались: Honor, Gloria, Fama, Victoria, Fortuna, Triumph. Въ тотъ день чрезъ городъ прошелъ еще полкъ, участвовавшій въ Полтавской битвѣ; бывшій полковникъ его, Вихтенгеймъ, убитъ въ этомъ бою пулею; въ настоящее время мѣсто его занимаетъ Гіордъ. Всему полку, за исключеніемъ недавнихъ новобранцевъ, розданы Шведскіе капюшоны.

Въ Нарвѣ караулы вызываются со знаменемъ, а потому всякая назначаемая на караулъ часть приноситъ съ собою знамя и уноситъ его обратно. Всякій, кому позволяютъ средства, ѣздитъ здѣсь шестерикомъ. Ѣздитъ такъ и ген.-адмиралъ, и ген.-м. (Брюсъ), и оберъ- и унтеръ-комендаты, при томъ по самому городу, когда иной разъ имъ не приходится проѣхать и ста шаговъ.

Я забылъ упомянуть въ своемъ мѣстѣ, что, по моемъ пріѣздѣ въ Нарву, комендантъ прислалъ просить меня сообщить ему именной списокъ моихъ людей съ обозначеніемъ ихъ должностей, каковую его просьбу я и исполнилъ. О его высокомѣріи и тупости, проявлявшихся во всемъ, можно судить и по слѣдующей исторіи, сообщенной мнѣ здѣшнимъ пасторомъ, Гейнрихомъ Брюнингомъ. Комендантъ, получивъ подробныя свѣдѣнія о Полтавской битвѣ, приказалъ ему начать въ слѣдующее Воскресеніе службу не въ 8 часовъ какъ обыкновенно, а въ 5, съ тѣмъ, чтобы она отошла прежде, чѣмъ начнется служба въ Русской церкви, и прочесть съ проповѣдной каѳедры отъ слова до слова все сообщеніе о Полтавской битвѣ съ поименованіемъ взятыхъ въ плѣнъ Шведскихъ офицеровъ; по окончаніи

же богослуженія Лютеранской общинѣ собраться въ полномъ составѣ въ Русскую церковь, чтобы выслушать тоже сообщеніе по русски. Сдѣлалъ онъ это отчасти, чтобъ проявить свою власть, отчасти чтобъ досадить Нарвскимъ жителямъ, нѣкогда Шведскимъ подданнымъ. Исполняя приказаніе, пасторъ прочелъ съ каѳедры сообщеніе о Полтавской битвѣ и объявилъ паствѣ, что она имѣетъ собраться въ Русскую церковь, послѣ чего нѣкоторые изъ лицемѣрія, другіе изъ страха передъ комендантомъ дѣйствительно туда отправились. Но самъ пасторъ, по его словамъ, не пошелъ.

Начиная отъ города и на протяженіи полумили за городъ, рѣка, протекающая мимо Нарвы, имѣетъ съ обѣихъ сторонъ высокія скалистыя берега, у основанія которыхъ вода образовала пещеры съ отверстіями въ родѣ печныхъ устоевъ. Въ такія пещеры обыватели, частью передъ осадою города, частью передъ тѣмъ какъ ихъ увели изъ Нарвы, должно думать, спрятали и замуровали большое количество золота, серебра и денегъ. Лица заслуживающія довѣрія говорили мнѣ, что безъ сомнѣнія въ эти пещеры запрятано больше богатствъ, чѣмъ можно себѣ вообразить.

28-го Октября. Генералъ-адмиралъ передалъ мнѣ черезъ бургомистра Гётте содержаніе полученныхъ имъ отъ Царя писемъ. Узнавъ о моемъ прибытіи въ качествѣ Датскаго посланника въ Россію, Царь предписывалъ Апраксину, если я еще въ Нарвѣ, задержать меня здѣсь до его пріѣзда, если же я выбылъ, но отъѣхалъ недалеко, вернуть меня немедленно назадъ; ибо самъ онъ разсчитываетъ пріѣхать сюда въ скоромъ времени, лишь только побываетъ въ Маріенвердерѣ, гдѣ долженъ свидѣться съ королемъ Прусскимъ.

29-го Октября. Генералъ-адмиралъ и генералъ-маіоръ Брюсъ крестили у подполковника Мангейна дочь. Крещеніе происходило въ домѣ священника Брюнинга. Я замѣтилъ, что при совершеніи таинства Брюнингъ обливалъ ребенка обѣими руками и, вопреки принятому у насъ въ Даніи обычаю, не сказалъ крестнымъ отцамъ, что въ случаѣ смерти родителей ребенка на ихъ обязанности лежитъ воспитать его въ правилахъ христіанской вѣры. Въ Россіи у иностранцевъ соблюдается на крестинахъ тотъ же обычай, что у Русскихъ: а именно по окрещеніи ребенка крестные отцы идутъ къ родильницѣ, лежащей еще въ постелѣ, цѣлуютъ ее и дарятъ ей золотой дукатъ или болѣе крупную монету, смотря по желанію. Когда женѣ Мангейна дарили червонцы, генералъ-адмиралъ велѣлъ мнѣ передать, что обычай этотъ существуетъ въ Греческой церкви съ незапамятныхъ временъ, и что деньги дарятъ собственно ребенку въ воспоминаніе того, что волхвы послѣ рожденія Христа подносили ему золото.

30 Октября. Разрѣшилась отъ бремени жена плацъ-маіора, Русская по рожденію. Такъ какъ здѣсь принято посѣщать родильницъ тотчасъ послѣ ихъ разрѣшенія, то, желая соблюсти этотъ обычай, я пошелъ къ ней, поцѣловалъ ее и положилъ ей въ руку червонецъ, причемъ произошло нѣчто довольно забавное: не смотря на крайнюю ея слабость, маіоръ подалъ ей тарелку съ чаркою водки, а она, продолжая лежать въ постели, поднесла ее мнѣ. Такъ дѣлается по всей Россіи. Ребенка назвали Иваномъ, т. е. Гансомъ. Имя, по заведенному обычаю, онъ получилъ еще до крещенія, какъ только, послѣ его рожденія, священникъ осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ. Въ каждой Русской семьѣ, для всѣхъ дѣтей, крестнымъ отцомъ бываетъ одно и тоже лице: какъ бы долго оно ни отсутствовало, его все поджидаютъ на крестины и откладываютъ ихъ до его возвращенія. Впрочемъ, если ребенокъ настолько слабъ, что повидимому не можетъ жить, его крестятъ не дожидаясь прежняго крестнаго отца. Если новорожденное, но уже окрещенное, дитя находится при смерти, его пріобщаютъ святыхъ таинъ. Таинство крещеніи совершается только по Воскресеніямъ, исключая случаевъ крайней необходимости, т. е. слабости ребенка.

Въ лагерѣ, подъ городомъ, положеніе дѣлъ было незавидное: одна треть крестьянскихъ лошадей пала, часть крестьянъ умерла отъ голода, а 400 человѣкъ разбѣжалось; остальныхъ распредѣлили по полкамъ. Въ началѣ лошадей подъ прибывшими подводами насчитывалось тысячъ восемь. Причиною смертности среди крестьянъ послужило то обстоятельство, что имъ велѣно было взять съ собою хлѣба всего на два мѣсяца; на самомъ же дѣлѣ, съ тѣхъ поръ, какъ они покинули свои дома, прошло четыре мѣсяца, такъ что ни для людей, ни для лошадей, корма не осталось; между тѣмъ въ походѣ крестьянамъ не выдавалось отъ правительства ни хлѣба, ни воды.

1 Ноября. Я замѣтилъ, что генералъ-адмиралъ и другіе Русскіе сановники всегда неровны въ соблюденіи своей чести и достоинства. Въ то самое время, какъ ихъ офицеры, до бригадировъ включительно, ухаживаютъ за ними, даже наливаютъ имъ вина и служатъ, какъ лакеи, они вдругъ, ни съ того ни съ сего, становятся съ ними запанибрата, какъ съ товарищами. Удивительнѣе всего, что генералъ-адмиралъ и другіе сановники могутъ отъ обѣда до полуночи курить, пить и играть на деньги *) въ карты съ самыми младшими своими подчиненными—поведеніе, которое у насъ считалось бы неприличнымъ и для простаго капрала. Такимъ образомъ, хотя въ настоящее время въ своемъ обращеніи Русскіе и стараются подражать, какъ обезьяны, дру-

*) Въ подлинникѣ: „на копейки“.

гимъ націямъ, хотя они и одѣваются во Французскія платья, хотя по наружному виду они немного и отесаны, тѣмъ не менѣе внутри ихъ попрежнему сидитъ мужикъ.

Генералъ-адмиралъ, если у него есть досугъ, охотно спитъ послѣ обѣда. Такъ, впрочемъ, поступаютъ всѣ Русскіе. За то утромъ они встаютъ рано и съ утра принимаются за дѣло; обѣдаютъ тоже рано, часовъ въ 10, ужинаютъ же рѣдко: ибо, какъ сказано выше, проводятъ вечеръ въ куреніи табаку и въ распиваніи водки и другихъ крѣпкихъ напитковъ.

Одинъ изъ полковъ, прибывшихъ изъ подъ Полтавы, по имени Фихтенгеймскій, имѣлъ при каждой ротѣ извѣстное количество солдатъ, вооруженныхъ пиками. Когда такіе солдаты назначались въ караулъ къ моимъ дверямъ, они стояли на посту съ пикою въ рукѣ. Кромѣ пики, у каждаго за поясомъ былъ пистолетъ.

3-го Ноября. Такъ какъ въ этотъ день плацъ-маіоръ крестилъ своего сына и по сему случаю позвалъ меня обѣдать, то, желая посмотрѣть, какъ совершается крещеніе у Русскихъ, я попросилъ у него позволенія присутствовать приономъ, на что̀ и получилъ его согласіе.

Въ Нарву изъ Пскова пріѣхалъ отецъ коменданта, нѣкогда состоявшій дядькою при Царѣ. Въ настоящее время его зовутъ патріархомъ, хотя на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не духовное лице.

Осмотрѣлъ крѣпость Ивангородъ, стоящую близъ самой Нарвы. Ивангородъ получилъ имя отъ знаменитаго царя и великаго князя Ивана Васильевича, построившаго его, какъ пограничную крѣпость, у предѣловъ Лифляндіи. На стѣнахъ крѣпости нѣсколько башенъ, такъ что орудія стоятъ въ два яруса *). Въ нижней части стѣнъ, изнутри, устроены просторныя сводчатыя помѣщенія для хлѣбныхъ и другихъ зерновыхъ запасовъ. Своды сооружены такъ прочно, что никакая бомба не можетъ ихъ пробить. Въ скалѣ подъ стѣною, съ наружной стороны высѣчены одинъ подъ другимъ три свода, изъ коихъ нижній приходится на одномъ уровнѣ съ рѣкою. Съ этого свода можно стрѣлять рикошетомъ по водѣ. Хотя стѣны весьма ветхи и въ предохраненіе отъ паденія обтянуты плотными желѣзными полосами, тѣмъ не менѣе, въ послѣднюю осаду, онѣ оказались настолько крѣпкими, что до самаго взятія Нарвы въ нихъ не удалось открыть брешь даже при помощи самыхъ большихъ орудій. По взятіи же Нарвы, Ивангородъ вынужденъ былъ добровольно сдаться, за недостаткомъ продовольствія.

7-го Ноября. Получилъ изъ Даніи письма, первыя послѣ отплытія моего изъ Кёнигсберга.

---

*) На башняхъ или на стѣнахъ, этого изъ оригинала не видно.

Сдѣлалъ прогулку верхомъ къ морскому берегу, отстоящему отъ города въ 2-хъ миляхъ и видѣлъ по дорогѣ могилу полковника Бордевига (Bordewig), Нѣмца по происхожденію, пользовавшагося у Царя большимъ значеніемъ. Могильный памятникъ, деревянный, воздвигнутъ среди поля, такъ какъ на своихъ кладбищахъ, въ «христіанской землѣ», Русскіе иновѣрцевъ не хоронятъ, какое бы высокое положеніе они ни занимали при жизни.

Нельзя не обратить вниманія на то уваженіе, съ какимъ простой народъ относится здѣсь къ священникамъ. Встрѣчая ихъ на улицѣ, простолюдины подходятъ къ нимъ, съ большимъ благоговѣніемъ наклоняются, цѣлуютъ у нихъ руку и когда тѣ ихъ благословятъ, снова цѣлуютъ у нихъ руку, а затѣмъ уже идутъ своею дорогою. Если Русскій встрѣчаетъ на улицѣ или въ другомъ мѣстѣ лице, занимающее высшее положеніе, чѣмъ онъ, и хочетъ съ нимъ поздороваться, то для изъявленія покорности снимаетъ правую перчатку, если на немъ есть перчатки и, кланяясь, дотрогивается до земли обнаженною рукою.

Какъ генералъ-адмиралъ, такъ и оберъ-комендантъ, очень высоки ростомъ и дородны, что̀ не мало усугубляетъ ихъ природную гордость; ибо у Русскихъ высокій ростъ и дородство считаются, какъ для мущины, такъ и для женщины, весьма почетнымъ отличіемъ и однимъ изъ условій красоты.

12-го Ноября. Генералъ-адмиралъ Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ выѣхалъ отсюда въ Петербургъ, при салютѣ съ вала изъ 51 орудія. Онъ говорилъ мнѣ, что получаетъ отъ Царя годоваго жалованія 7.000 рублей. Достойно замѣчанія, что хотя съ виду онъ былъ человѣкомъ весьма вѣжливымъ и исполнялъ всѣ мои просьбы, однако въ теченіе всего своего пребыванія въ Нарвѣ ни разу не побывалъ у меня съ визитомъ и только приходилъ обѣдать по приглашенію. Я же, напротивъ, часто у него бывалъ по необходимости, чтобы поддерживать съ нимъ хорошія отношенія, отправлять чрезъ него мои письма и вообще добиваться того, что̀ мнѣ было нужно. Притомъ самъ онъ ни разу не позвалъ меня обѣдать, изъ чего не трудно усмотрѣть, что какъ онъ, такъ и прочіе Русскіе, начавшіе учиться заграничнымъ пріемамъ, покамѣстъ научились только принимать оказываемую имъ честь, а не оказывать ее другимъ. Уѣзжая адмиралъ, уже не знаю, по-мужицкой ли грубости, или изъ неумѣстной гордости, не зашелъ ко мнѣ проститься, и даже не прислалъ увѣдомить меня о своемъ отъѣздѣ.

13-го. Генералъ-маіоръ Брюсъ выѣхалъ изъ Нарвы въ Петербургъ при салютѣ изъ 11-ти орудій.

Отъ государственнаго вице-канцлера Шафирова получено письмо съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи Царя въ Нарву.

За городомъ мнѣ случилось видѣть, какъ Русскіе пользуются своими банями. Не смотря на сильный морозъ, они выбѣгали изъ бани на дворъ совершенно голые, красные какъ вареные раки, и прыгали въ протекавшую по близости рѣку. Затѣмъ, прохладившись вдоволь, вбѣгали обратно въ баню, но прежде чѣмъ одѣться, выскакивали еще и долго играя, бѣгали нагишомъ по морозу и вѣтру. Въ баню Русскіе приносятъ березовые вѣники въ листахъ, скребутъ и царапаютъ себѣ тѣло, чтобы въ него лучше проникала теплота и шире отворялись бы поры. Въ Россіи ото всѣхъ болѣзней лѣчатъ три доктора, пользуя всѣхъ какъ больныхъ, такъ и здоровыхъ: первый докторъ—это Русская баня, о которой только что сказано, второй—водка, которую пьютъ, какъ воду или пиво всѣ тѣ, кому позволяютъ средства, и третій—чеснокъ, который Русскіе не только употребляютъ, какъ приправу ко всѣмъ яствамъ, но и ѣдятъ сырой среди дня. Вслѣдствіе этого отъ нихъ всегда дурно пахнетъ, и иностранецъ, пріѣзжающій въ Россію въ первый разъ и не привыкшій къ вони, рѣшительно не въ состояніи сидѣть у нихъ въ комнатѣ, особенно въ многочисленномъ обществѣ.

Въ Россіи въ простонародьи дѣвицы или желающія слыть за таковыхъ заплетаютъ себѣ волосы въ одну косу и на концѣ ея носятъ красную шелковую кисть, въ родѣ тѣхъ, что̀ у насъ вѣшаютъ на голову лошадямъ. Это служитъ отличіемъ дѣвушекъ отъ замужнихъ женщинъ. При выходѣ замужъ дѣвушка остригаетъ волосы. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ родственниковъ или близкихъ, она расплетаетъ косу и въ теченіе извѣстнаго времени ходитъ съ распущенными волосами, что̀ служитъ знакомъ печали.

За городомъ я видѣлъ также Русскіе похороны. Русскіе имѣютъ тамъ особое кладбище съ деревянною часовнею. Въ часовнѣ, съ одного конца, пристроено нѣчто въ родѣ навѣса, какіе въ Даніи дѣлаются надъ крыльцами. Подъ навѣсъ поставили открытый гробъ съ покойницею. Въ гробѣ лежалъ также образъ Богоматери. Передъ гробомъ стоялъ священникъ въ ризѣ съ кадиломъ въ правой рукѣ и съ книгою въ лѣвой; онъ читалъ и пѣлъ надъ тѣломъ, часто крестясь и кланяясь; за нимъ стоялъ діаконъ и тоже читалъ, пѣлъ, кланялся и крестился. Справа отъ священника стоялъ старикъ. Онъ плакалъ, вылъ и истязалъ себя, ибо покойница была его сестра. По окончаніи службы, старикъ взялъ изъ гроба образъ Богоматери (послѣ чего гробъ сейчасъ же закрыли) и пошелъ впереди, а за нимъ понесли гробъ. Когда тѣло было опущено въ могилу, священникъ, взявъ лопату, три раза посыпалъ на него земли, при чемъ всякій разъ дѣлалъ надъ нимъ лопатою знакъ креста и произносилъ про себя молитву. Это напоминало обрядъ

Датскихъ похоронъ. Въ заключеніе, въ то время, какъ присутствующіе бросали на гробъ землю, священникъ снялъ съ себя ризу.

17-го Ноября. Въ Русской церкви служили благодарственный молебенъ, а съ вала сдѣлали дважды по 11-ти выстрѣловъ по случаю извѣстія, полученнаго нѣсколько дней назадъ изъ Новгорода о томъ, что Русскій бригадиръ, которому велѣно было послѣ Полтавской битвы преслѣдовать бѣгущихъ Шведовъ, взялъ въ плѣнъ 554 человѣка. Такъ какъ обстоятельство это случилось на границахъ Турціи, въ самыхъ ея предѣлахъ, то оно и послужило одною изъ причинъ послѣдовавшей затѣмъ Турецкой войны.

Въ Нарву ввезли изъ Лифляндіи большое количество ржи и другаго зерна, ибо вся окрестная страна, до половины разстоянія между Нарвою и Ревелемъ, платитъ подать зерномъ. Привезенная рожь была совсѣмъ желтая и мелкая, вслѣдствіе сушки, которой она подвергается въ Лифляндіи, равно какъ и въ Россіи, Польшѣ и Литвѣ. Тотчасъ по свозкѣ хлѣба съ поля, крестьяне сушатъ его, пользуясь изобиліемъ имѣющихся у нихъ дровъ и лѣса. Сушка производится такъ: хлѣбъ раскладывается въ овинахъ рядами; подъ нимъ въ печи разводится жаркій огонь, затѣмъ двери затворяются и остаются затворенными до тѣхъ поръ, пока зерно достаточно не высохнетъ отъ жара. Просушенное такимъ образомъ зерно въ теченіе многихъ лѣтъ не подвергается порчѣ; молотится оно легко, ибо свободно выпадаетъ изъ колоса, мелется тоже легко, и мука изъ него, будучи плотнѣе, при печеніи представляетъ извѣстныя преимущества.

21-го Ноября. Приведу здѣсь еще одинъ примѣръ неразумія и высокомѣрія оберъ-коменданта. Въ виду того, что у себя на подворьѣ я нѣсколько разъ стрѣлялъ въ цѣль изъ своего штуцера, оберъ-комендантъ прислалъ мнѣ сказать, что, не предупредивъ его, въ крѣпости стрѣлять непригоже. Въ отвѣтъ на это я чрезъ того же посланнаго попросилъ оберъ-коменданта дѣлать различіе между властью, которою онъ пользуется надъ своими подчиненными, и его отношеніемъ къ иностранному посланнику. Тогда онъ немедленно извинился чрезъ другаго посланнаго, объясняя недоразумѣніе ошибкою перваго посланнаго, который-де неточно исполнилъ данное ему порученіе: другимъ лицамъ стрѣлять въ городѣ не разрѣшено, но если стрѣляю я, и онъ, оберъ-комендантъ, это знаетъ, то все въ порядкѣ.

Русскіе весьма любятъ свои храмы и ревниво оберегаютъ ихъ отъ оскверненія. Ничего для нихъ нѣтъ обиднѣе, какъ если въ церковь забѣжитъ собака. По ихъ мнѣнію, церковь оскверняется и чрезъ посѣщеніе лицъ иныхъ вѣроисповѣданій. Однако запрещеніе иновѣрцамъ входить въ храмы не такъ строго наблюдается съ тѣхъ поръ, какъ

нынѣшній Царь, ознакомившись съ другими христіанскими народами, увидалъ, что они не такіе грубые язычники, каковыми въ старину считали ихъ Русскіе.

25-го Ноября. Начался постъ, длящійся отъ нынѣшняго дня и до Рождества Христова и называемый Филиппово-Яковлевскимъ. Въ этотъ постъ, какъ и во всѣ прочіе, не ѣдятъ ни мяса, ни всего происходящаго отъ мяса, какъ-то молока, сыра, масла, яицъ и т. п., а довольствуются разными рыбными блюдами, всегда приправленными лукомъ, чеснокомъ, льнянымъ, деревяннымъ и орѣховымъ масломъ. Употребляя подобнаго рода отвратительную пищу, къ тому же одѣваясь крайне неопрятно и грязно, въ большей части случаевъ обходясь безъ бѣлья, Русскіе распространяютъ отъ себя такой скверный, противный запахъ, что, проживъ три-четыре дня въ той или другой горницѣ, окончательно заражаютъ въ ней воздухъ и на долгое время оставляютъ послѣ себя запахъ, такъ что для иностранца комната становится необитаемою.

Передъ образами, нарисованными на домахъ или воротахъ, Русскіе по нѣскольку разъ кланяются и крестятся. Но кромѣ этихъ поклоновъ и крестныхъ знаменій, сопровождаемыхъ словами: «Господи помилуй», Русскіе въ остальномъ такъ несвѣдущи и тупы по части христіанскаго вѣроученія, что въ Даніи трехлѣтній ребенокъ, получившій хотя бы нѣкоторое воспитаніе, имѣетъ основательнѣйшее понятіе о своей вѣрѣ, чѣмъ большинство взрослыхъ людей въ Россіи. Насколько я могу судить, здѣсь изъ пяти человѣкъ едва ли одинъ съумѣетъ прочитать «Отче нашъ»; да и умѣющій-то стихъ прочтетъ, а стихъ позабудетъ. Если же спросить у Русскаго, сколько въ мірѣ боговъ, онъ встанетъ втупикъ; тѣмъ менѣе можетъ онъ отвѣчать на вопросы о личности Христа, его смерти и заслугахъ. Хотя Петрей и другіе писатели говорятъ, будто Русскіе не богохульствуютъ, тѣмъ не менѣе клятву «ей Богу» мнѣ уже не разъ случалось отъ нихъ слышать.

Почти во всей Эстляндіи не осталось Лютеранскихъ священниковъ, а церкви вслѣдствіе войны пришли въ запустѣніе и покинуты, и потому лица, желающія вступить между собою въ бракъ, стекаются со всего края въ Нарву, чтобъ обвѣнчаться у здѣшняго Нѣмецкаго священника Брюнинга. На одной такой свадьбѣ я присутствовалъ. Происходила она въ особомъ домѣ, который былъ нарочно устроенъ священникомъ для подобныхъ вѣнчаній и помѣщался въ его загородномъ саду, ибо въ самую Нарву окрестныхъ жителей не впускаютъ. Желающихъ бракосочетаться Брюнингъ передъ вѣнчаніемъ всегда подвергаетъ испытанію въ начальныхъ правилахъ христіанскаго ученія и если, по его мнѣнію, они недостаточно подготовлены, отсылаетъ ихъ обратно невѣнчанными впредь до обученія катехизису. При вѣнчаніи

священникъ обмѣнилъ на женихѣ и невѣстѣ кольца; послѣднія были подобны желѣзнымъ пальцамъ-наперсткамъ, употребляемымъ въ Даніи портными. Брюнингъ принялъ ихъ отъ вѣнчающихся и надѣлъ имъ на пальцы. Волосы у невѣсты были острижены, какъ у мущины, и ничѣмъ не убраны; голова ея была непокрыта, платье на ней было такое же, какъ на женихѣ, впрочемъ при короткой юбкѣ. Молодые жительствовали въ 13-ти миляхъ отъ Нарвы. По словамъ священника, въ прошломъ году онъ обвѣнчалъ 60 такихъ паръ, пришедшихъ изъ окрестностей, а въ нынѣшнемъ году болѣе 40. Нерѣдко, когда пары не знаютъ начальныхъ правилъ христіанскаго ученія, Брюнингъ отсылаетъ ихъ обратно невѣнчанными, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что по собственному побужденію народъ не учится Закону Божію и что для этого нужны понудительныя мѣры. По свидѣтельству Брюнинга, за полгода или за годъ до моего пріѣзда въ Нарву, великое множество Эстляндцевъ требовало пріобщенія тѣла и крови Христовой. Однако, въ то время, еще не понимая Эстскаго языка, онъ допустилъ лишь тѣхъ, которыхъ счелъ достойными, судя по наружнымъ признакамъ. Иныхъ же, о безбожной жизни которыхъ шла особенно худая молва, онъ отослалъ назадъ безъ причащенія. Въ Нарвѣ до сихъ поръ проживаетъ небольшое количество Эстовъ, для которыхъ всякое Воскресенье простой Эстляндскій парень читаетъ на родномъ языкѣ службу. Происходитъ это, подобно прочему богослуженію, въ ратушѣ.

Такъ какъ ранѣе я ничего не сказалъ о состояніи арміи, расположенной лагеремъ подъ Нарвою и назначенной для похода подъ Ревель, то привожу здѣсь перечень ея полкамъ и списокъ ея артилеріи и боевымъ припасамъ.

Артилерія: 20 24-хъ фунтовыхъ пушекъ.
20-ть 18-ти фунтовыхъ пушекъ.
17 мортиръ 75-ти фунтоваго калибра.
3 гаубицы 18-ти фунтоваго калибра.
7000 бомбъ.
300 карказъ.
300 траншейныхъ ядеръ.
8000 24-хъ фунтовыхъ пушечныхъ ядеръ.
8000 18-ти фунтовыхъ пушечныхъ ядеръ.
3000 центнеровъ пороха.
15000 рунныхъ гранатъ.

14 пѣхотныхъ полковъ: 1. Полкъ генералъ-маіора Брюса.
2. Полкъ полковника Бильзена (Bilsen).
3. Полкъ полковника Поросинова (? Porossinof).
4. Полкъ полковника Данилова (Danielof).
5. Полкъ Нарвскаго коменданта Зотова.
6. Полкъ полковника Buschi (?).

7. Полкъ полковника Балабанова (Bolobonof).
8. Полкъ полковника Скота (Skot).
9. Полкъ полковника Неклюдова.
10. Полкъ полковника Брандевицкаго (Brandewitzkij).
11. Полкъ бригадира Фразера (Fraaser).
12. Полкъ полковника Стибинскаго (Stibinskij)
15. Полкъ полковника Байкова (Bayschoff).
14. Баталіонъ въ 600 человѣкъ, коимъ командовалъ маіоръ Савенковъ (Sawenskof).

Пѣхота, пришедшая изъ Москвы: 1. Полкъ полковника Энгеля.
2. Полкъ полковника Фихтенгейма (Vichtenheim).
4. Полкъ полковника Нейдгарта (Neygart).
4- Полкъ полковника Авраама (Abraham).
5. Полкъ полковника Трейдена (Preuden).

Драгуны: 1. Полкъ бригадира Цыкина (Tziekin).
2. Полкъ полковника Фельзена (Feelsen).
3. Полкъ, называемый Вологодскимъ.
4. 1000 казаковъ.

30-го Ноября. Въ 4 часа пополудни прибылъ въ Нарву его царское величество при салютѣ изъ 177 орудій. Мнѣ очень хотѣлось выѣхать къ нему навстрѣчу верхомъ, какъ то предписывалъ мнѣ мой долгъ; но коменданты по высокомѣрію этого не разрѣшили, выставивъ неосновательный предлогъ, будтобы сами они должны доложить обо мнѣ Царю, прежде чѣмъ я къ нему явлюсь. Мнѣ поневолѣ пришлось подчиниться. По пріѣздѣ, Царь тотчасъ же прошелъ къ старику Зотову, отцу Нарвскаго коменданта. Зотовъ нѣкогда состоялъ его дядькою и въ шутку прозванъ имъ патріархомъ. Казалось, Царь очень его любитъ. Я послалъ секретаря миссіи на царское подворье попросить означеннаго Зотова освѣдомиться у Царя, могу ли я ему представиться. На это комендантъ велѣлъ мнѣ сказать отъ царскаго имени, что его величество идетъ сейчасъ обѣдать къ оберъ-коменданту, и что я также могу туда явиться. Я такъ и сдѣлалъ.

Лишь только я съ подобающимъ почтеніемъ представился Царю, онъ не замедлилъ спросить меня (однако чрезъ посредство толмача) о здоровьѣ моего всемилостивѣйшаго короля; я отвѣчалъ ему и поблагодарилъ какъ надлежало. Далѣе онъ освѣдомился, не служилъ ли я во флотѣ, на что̀ я отвѣтилъ утвердительно. Вслѣдъ за этимъ онъ сѣлъ за столъ, пригласилъ меня сѣсть возлѣ себя и тотчасъ же началъ разговаривать со мною безъ толмача, такъ какъ самъ говорилъ по-голландски настолько отчетливо, что я безъ труда могъ его понимать; со своей стороны и онъ понималъ, что̀ я ему отвѣчаю. Царь не медля вступилъ со мною въ такой задушевный разговоръ, что, казалось, онъ былъ моимъ ровнею и зналъ меня много лѣтъ. Сейчасъ же было выпито здо-

ровье моего всемилостивѣйшаго государя. Царь самъ подалъ мнѣ стаканъ, чтобъ пить эту чашу. При его величествѣ не было ни канцлера, ни вице-канцлера, ни какого либо тайнаго совѣтника, была только свита изъ 8-ми или 10-ти человѣкъ. Онъ равнымъ образомъ не везъ съ собою никакихъ путевыхъ принадлежностей ни для стола, ни для ночлега. Было при немъ нѣсколько бояръ и князей, которыхъ онъ держитъ въ качествѣ шутовъ. Они орали, кричали, свистѣли, дудѣли, пѣли и курили въ той самой комнатѣ, гдѣ находился Царь. А онъ бесѣдовалъ то со мною, то съ кѣмъ-либо другимъ, оставляя безъ вниманія ихъ ораніе и крики, хотя нерѣдко они обращались прямо къ нему.

Царь очень высокъ ростомъ, носитъ собственные короткіе, коричневые, вьющіеся волосы и довольно большіе усы, простъ въ одѣяніи и пріемахъ, но весьма проницателенъ и уменъ. За обѣдомъ у оберъ-коменданта у Царя былъ мечъ, снятый въ Полтавской битвѣ съ генералъ-фельдмаршала Рейншильда. Говоря вообще, Царь, какъ сказано въ Supplemento Curtii объ Alexandro Magno: Anxiam corporis curam feminis convenire dictitat, quae nulla alia dote aeque commendantur, si virtutis potiri contingisset, satis se speciosum fore *). Онъ разсказывалъ мнѣ о Полтавской битвѣ, о чумѣ въ Пруссіи и Польшѣ, о содержаніи письма, полученнаго имъ въ Торнѣ отъ моего всемилостивѣйшаго наслѣдственнаго государя, говорилъ также, что онъ не сомнѣвается въ дружбѣ моего короля. Вечеръ прошелъ въ сильной выпивкѣ; но при этомъ велись и такіе разговоры о различныхъ вещахъ, что они могли бы скорѣе послужить предметомъ секретнаго донесенія, чѣмъ найдти мѣсто въ настоящихъ запискахъ.

1-го Декабря. По приказанію Царя я обѣдалъ вмѣстѣ съ нимъ у оберъ-коменданта, гдѣ, въ отвѣтъ на мой запросъ, мнѣ велѣно было спрятать мою вѣрительную грамоту съ тѣмъ, чтобы вручить ее только въ Москвѣ. Тамъ Царь обѣщалъ дать мнѣ аудіенцію и выслушать мое посольство, здѣсь же онъ не имѣлъ при себѣ никого изъ министровъ. По распоряженію Царя я долженъ былъ также приготовиться слѣдовать за нимъ съ двумя слугами въ Петербургъ; прочіе мои люди и вещи имѣли направиться другимъ путемъ, на Новгородъ, и тамъ ждать моего пріѣзда для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву. День мы провели въ попойкѣ; отговорки отъ питья помогали мало; попойка шла подъ оранье, крикъ, свистъ и пѣніе шутовъ, которыхъ называли на смѣхъ патріархами. Въ числѣ ихъ были два шута-заики, которыхъ Царь возитъ съ

---

*) Въ Дополненіи у Курція объ Александрѣ Великомъ: онъ утверждалъ, что тревожныя заботы о своемъ тѣлѣ подобаютъ женщинамъ, у которыхъ кромѣ этого нѣтъ ничего; если же ему удастся пріобрѣсти доблесть, то онъ будетъ достаточно красивъ.

собою для развлеченія; они были весьма забавны, когда заикались, путались въ словахъ и никакъ не могли высказать другъ другу своихъ мыслей. Въ числѣ прочихъ шутовъ былъ одинъ по имени князь Шаховской (Jacobskoy); звали его кавалеромъ ордена Іуды потому, что онъ носилъ иногда на груди изображеніе Іуды на большой серебрянной цѣпи, надѣвавшейся кругомъ шеи и вѣсившей 14 фунтовъ. Царь разсказывалъ мнѣ, что шутъ этотъ одинъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи, но обуянъ мятежнымъ духомъ: когда однажды Царь заговорилъ съ нимъ о томъ, какъ Іуда-предатель продалъ Спасителя за 30 сребренниковъ, Шаховской возразилъ, что этого мало, что за Христа Іуда долженъ былъ взять больше. Тогда въ насмѣшку Шаховскому и въ наказаніе за то, что онъ тоже, какъ усматривалось изъ его словъ, былъ бы не прочь продать Спасителя, только за бóльшую цѣну, Царь тотчасъ же приказалъ изготовить вышеупомянутый орденъ съ изображеніемъ Іуды, который собирается вѣшаться. Всѣ шуты сидѣли и ѣли за однимъ столомъ съ Царемъ. Послѣ обѣда случилось между прочимъ слѣдующее происшествіе. Со стола еще не было убрано. Царь, стоя, болталъ съ кѣмъ-то. Вдругъ къ нему подошелъ одинъ изъ шутовъ и намѣренно высморкался мимо самого лица Царя въ лице другому шуту. Однако Царь не обратилъ на это вниманія. А другой шутъ, не долго думая, вытеръ себѣ лице, захватилъ съ блюда на столѣ цѣлую горсть миногъ и бросилъ ими въ перваго шута, впрочемъ не попалъ – тотъ извернулся... Читателю конечно покажется удивительнымъ, что подобныя вещи происходятъ въ присутствіи такого великаго государя какъ Царь и остаются безъ наказанія, и даже безъ выговора. Но удивленіе пройдетъ, если примешь въ соображеніе, что Русскіе, будучи народомъ грубымъ и неотесаннымъ, не всегда умѣютъ отличать приличное отъ неприличнаго, и что поэтому Царю приходится быть съ ними терпѣливымъ въ ожиданіи того времени, когда подобно прочимъ народамъ они научатся извѣстной выдержкѣ. Царь охотно допускаетъ въ свое общество разныхъ лицъ, и на обязанности шутовъ лежитъ напаивать въ его присутствіи офицеровъ и другихъ служащихъ съ тѣмъ, чтобы изъ ихъ пьяныхъ рѣчей и перебранки онъ могъ незамѣтно узнавать объ ихъ воровствѣ и потомъ отымать у нихъ возможность воровать, или наказывать ихъ.

Послѣ полудня Царь посѣтилъ моего больнаго повара, приходящагося роднымъ братомъ царскому повару, который въ большой милости у его величества. При этомъ случаѣ Царь сошелъ ко мнѣ и осмотрѣлся въ моемъ помѣщеніи. Спустя нѣкоторое время, онъ проѣхалъ мимо моего крыльца въ саняхъ, стоя на запяткахъ у «патріар-

ха» Зотова, и такимъ образомъ, въ качествѣ его лакея, прослѣдовалъ черезъ весь городъ.

2-го Декабря. Царь обѣдалъ у унтеръ-коменданта Василія Зотова. Я тоже былъ тамъ. На этотъ разъ мнѣ было позволено не пить сверхъ желанія. Послѣ обѣда Царь поѣхалъ въ 11 мѣстъ въ городѣ, былъ между прочимъ и въ моемъ домѣ; въ каждомъ мѣстѣ онъ оставался съ часъ, и повсюду сызнова ѣли и пили. Такъ называемые патріархи вели себя безъ стыда и совѣсти: кричали, галдѣли, свистѣли, блевали, плевали, бранились и даже осмѣливались плевать въ лице порядочнымъ людямъ.

Достойно замѣчанія, что подъ конецъ, прощаясь съ бургомистромъ Гётте, Царь весьма дружелюбно и милостиво обнялъ и поцѣловалъ его.

Въ 10 часовъ вечера Царь выѣхалъ изъ Нарвы при орудійномъ салютѣ съ вала. Я немедленно послѣдовалъ за нимъ. Царскіе приближенные, всѣ пьяные, улеглись каждый въ свои сани. За городомъ, при громѣ орудій, лошади ихъ помчались по разнымъ направленіямъ, однѣ туда, другія сюда. Въ ту ночь и мои люди отъ меня отдѣлились.

Вскорѣ послѣ полуночи прибыли мы въ Ямбургъ, гдѣ намъ перемѣнили лошадей. Ямбургъ маленькая крѣпость, съ ея вала былъ сдѣланъ салютъ Царю; однако мракъ помѣшалъ мнѣ ее разглядѣть. Я тотчасъ же поѣхалъ далѣе и пропутешествовалъ всю ночь.

(*Продолженіе будетъ*).

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА *).

XII.

Отношенія Маріи Ѳеодоровны къ Нелидовой и ея съ ней примиреніе.—Великокняжескій дворъ и положеніе Маріи Ѳеодоровны.—Опала Плещеева.—Жизнь великокняжеской четы въ Павловскѣ и Гатчинѣ.—Александръ и Константинъ Павловичи.—Германская семья Маріи Ѳеодоровны.—Переговоры Екатерины съ Маріей Ѳеодоровной и Александромъ Павловичемъ объ устраненіи Павла Петровича отъ престолонаслѣдія.—Бракъ Константина Павловича.—Александра Павловна.—Кончина Екатерины.

Сближеніе Маріи Ѳеодоровны съ Нелидовой, начавшееся, какъ мы предполагаемъ, лѣтомъ 1793 г., шло затѣмъ исподоволь, медленными, но твердыми шагами. Обѣ женщины, каждая по своему, любили Павла и, чувствуя недостаточность единичныхъ своихъ усилій, готовы были для спасенія его подать другъ другу руки, забывъ всѣ личныя свои огорченія: нельзя было не сознавать, что послѣдствія четырехлѣтняго семейнаго разлада великокняжеской четы печальнѣе всего отразились лишь на самомъ Павлѣ Петровичѣ, который, подвергаясь одновременному дѣйствію двухъ соперничествующихъ женскихъ вліяній, не сумѣлъ, по слабости и излишней впечатлительности своего характера, вынести тяжести нравственнаго своего положенія и терялъ голову въ то именно время, когда политическія обстоятельства въ особенности требовали отъ него спокойнаго и благоразумнаго образа дѣйствій. Щекотливую роль посредника между Нелидовой и Маріей Ѳеодоровной по прежнему исполнялъ С. И. Плещеевъ, своимъ мягкимъ, примиряющимъ вліяніемъ во многомъ содѣйствовавшій возстановленію добрыхъ отношеній великой княгини къ ея «маленькой» фрейлинѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, обѣ стороны склонны были въ глубинѣ души возлагать одна на другую отвѣтственность за необдуманные поступки Павла Петровича и порчу его характера; но на первый разъ важно было уже и то, что обѣ онѣ пришли къ сознанію необходимости дѣйствовать совмѣстно, чтобы об·

---

*) См. „Русскій Архивъ" 1890 и 1891 годовъ. Помѣщаемою теперь главою обширнаго труда, предпринятаго Е. С. Шумигорскимъ, оканчивается изложеніе біографіи Маріи Ѳеодоровны до восшествія на престолъ ея супруга. П. Б.

щими силами предохранять Павла отъ опасностей, которыя теперь угрожали ему, повидимому, со всѣхъ сторонъ. «Признаюсь вамъ, другъ мой», писала въ это время Марія Ѳеодоровна Плещееву, «что бесѣда ваша съ Нелидовой чрезвычайно меня поразила (m'a singulièrement frappé). Чтó касается до ея опасеній за великаго князя, то не она одна питаетъ ихъ. Знаетъ Богъ, знаютъ также и мои друзья, что я дрожу за него, потому что онъ не умѣетъ создавать себѣ друзей; а между тѣмъ онъ погибнетъ когда-либо, если не будетъ имѣть вѣрныхъ и усердныхъ слугъ. Въ то время, когда я осмѣливалась говорить, я тысячу разъ повторяла эти истины своему мужу, и мы знаемъ всѣ, что его тогда любили. Но, чтобы привлечь его къ себѣ, ему начали льстить, удалять его отъ истинныхъ друзей, и слѣдствіемъ этихъ низкихъ уловокъ была та порча его характера, которую мы видимъ теперь. Я очень хорошо знаю, что порчу эту замѣчаютъ ежедневно и что ее желали бы устранить; но я боюсь, что ничего не дѣлаютъ для этого. Нелидова употребляетъ фальшивую мѣру, рисуя великому князю будущность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; потому что, не пріучая его этимъ къ сдержанности въ поступкахъ, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановляетъ его противъ всѣхъ. Отвѣты ваши, другъ мой, были вполнѣ разумны. Тысячу разъ говорила я Лафермьеру: настоящее жестоко, но будущее внушаетъ мнѣ чрезвычайный ужасъ; потому что если мужа моего постигнетъ несчастіе, то не онъ одинъ подвергнется ему, но и я вмѣстѣ съ нимъ. Утѣшеніемъ для меня служитъ лишь надежда на милость Божію» [1]).

Эти строки Маріи Ѳеодоровны ясно показываютъ, что даже устанавливавшееся мало-по-малу соглашеніе ея съ Нелидовой не подавало ей слишкомъ большихъ надеждъ на улучшеніе положенія дѣлъ: съ одной стороны болѣзненные симптомы въ великомъ князѣ становились серьезнѣе и продолжительнѣе, а съ другой стороны, не давая себѣ яснаго отчета въ силѣ и степени вліянія Нелидовой на Павла Петровича и не довѣряя ея уму, Марія Ѳеодоровна приписывала именно ея внушеніямъ необдуманный, вызывающій образъ дѣйствій, котораго Павелъ сталъ держаться въ послѣднее время даже по отношенію къ Императрицѣ [2]). Заботясь о сближеніи Павла Петровича

[1]) Письмо Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву (безъ даты).

[2]) „C'est cette vilaine", писала она Плещееву, „qui soutient le Gr.-D. dans sa façon de penser et dans sa conduite actuelle. Je suis fâchée, mon ami, que le mot de démence vous a échappé hier; il peut vous faire le plus grand mal, parce que la N. s'attachera au mot et non à l'intention. Cette fille est un fléau: car avec un mauvais coeur elle a un mauvais esprit; car, cro-

съ его державной матерью, великая княгиня съ горестію видѣла, что съ каждымъ годомъ сближеніе это становилось все менѣе и менѣе возможнымъ уже потому, что Павелъ Петровичъ, избѣгая Екатерининскаго двора, проводилъ почти круглый годъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ и сокращалъ на сколько было возможно зимнее пребываніе свое въ Петербургѣ: пріѣзжалъ онъ туда обыкновенно ко дню тезоименитства Екатерины, 24 Ноября, а уѣзжалъ всегда въ началѣ Февраля [3]). Это удаленіе великаго князя отъ большаго двора, доказывая его опальное положеніе, лишало, вмѣстѣ съ тѣмъ, Марію Ѳеодоровну общества ея дѣтей, которыя постоянно находились при Императрицѣ. «Ради Бога», писала она Плещееву, «дайте почувствовать «маленькой», какъ вредно удаляться отъ Императрицы, отъ нашихъ дѣтей, которыхъ мы вовсе не видимъ, и вообще дайте ей понять, что это отчужденіе великаго князя отъ всѣхъ людей, имѣющихъ значеніе (de tous les grands), это страшное уединеніе, отталкивая отъ него всѣ сердцà, можетъ имѣть только самыя ужасныя послѣдствія. Въ особенности указывайте ей на Императрицу и дѣтей: первая сильно старѣетъ съ каждымъ днемъ, и тѣмъ болѣе опасно удаляться отъ нея; чтò же касается дѣтей нашихъ, то и они дѣлаются намъ чужды, и мы имъ также. Вы сдѣлаете, мой другъ, чрезвычайно важное дѣло, открывъ Нелидовой глаза по этому предмету» [4]). Между тѣмъ, даже въ короткое время пребыванія своего въ Петербургѣ, живя по необходимости въ Зимнемъ дворцѣ, Павелъ Петровичъ не только избѣгалъ общества матери и присутствовалъ вмѣстѣ

---

yez-moi, qu'elle soutient le Gr.-D. dans sa conduite actuelle, croyant qu'il est de sa grandeur de montrer qu'il soutient des personnes qui sont à lui, et tout cela pour intimider l'Imp., afin qu'il ne s'accroche pas à elle. Voilà comme elle raccorde faux: car le moyen que le G.-D. a de soutenir les personnes qui sont auprès de lui, c'est d'être fils respectueux et soumis; alors l'Impératrice n'aura jamais d'armes contre lui, au lieu qu'il lui en donne en la brusquant". Письмо къ Плещееву безъ даты.

[3]) Это видно изъ отрывочныхъ отмѣтокъ современниковъ (см., напр., письма гр. Растопчина къ гр. Воронцову. *Архивъ Князя Воронцова*, VIII).

[4]) Павелъ, въ оправданіе своей жизни въ загородныхъ дворцахъ, ссылался на невниманіе къ нему Екатерины, на чтò, конечно, имѣлъ много поводовъ жаловаться. Это можно заключить изъ слѣдующей записки Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву (безъ даты): „...Faites des voeux pour demain (20 Сентября, день рожденія Павла?) pour que le Ciel dirige le coeur de l'Impératrice et qu'elle envoie féliciter mon mari; alors je tenterai l'impossible pour que nous allions en ville. Dieu bénira peut-être mes efforts". О другихъ причинахъ удаленія цесаревича отъ большаго двора см. предыдущія главы нашего труда.

съ нею лишь на обычныхъ пріемахъ и выходахъ [5]), но, мучимый, вѣроятно, какими-либо подозрѣніями, всячески препятствовалъ и Маріи Ѳеодоровнѣ часто видѣться съ дѣтьми. Безъ сомнѣнія, холодныя отношенія Павла Петровича къ старшему сыну играли тутъ первую роль; кромѣ того, цесаревичъ возмущенъ былъ поведеніемъ графини Шуваловой, которая, будучи гофмейстериной великой княгини Елисаветы Алексѣевны, оказывала дурное вліяніе на Александра Павловича [6]). Поэтому, послѣ всѣхъ хлопотъ и стараній, Марія Ѳеодоровна и по пріѣздѣ своемъ къ большому двору испытывала страданія даже среди материнскихъ радостей [7]). Чтобы получить возможность безъ затрудненій видѣться съ дѣтьми, Марія Ѳеодоровна должна была опять обращаться къ той же Нелидовой съ просьбою подѣйствовать на Павла, хотя въ душѣ считала ее главной виновницей его отчужденія отъ дѣтей [8]). За то не было конца благодарности со стороны бѣдной, измученной великой княгини къ Нелидовой всякій разъ, когда та успѣвала иногда, путемъ упорныхъ стараній, добиться у Павла Петровича исполненія какого-либо ея желанія. Въ этихъ случаяхъ Марія Ѳеодоровна, откинувъ личныя свои предубѣжденія, не могла не сознавать въ глубинѣ своей души, что главная причина всѣхъ ея несчастій коренилась въ характерѣ великаго князя, а вовсе не во вліяніи на него Нелидовой [9]). Разница въ характерѣ и нравственномъ

---

[5]) *Czartoryski* Mémoires, I, 106. „Le soir le grand-duc Paul ne venait jamais chez sa mère“.

[6]) *Masson* II, 169. „Paul se priva, une année entière, de ce plaisir (voir ses fils), parce qu'il ne vouloit pas voir la comtesse Schouwalow, qui les accompagnoit dans les derniers tems“. Это было тотчасъ послѣ свадьбы Александра Павловича, въ 1793—1794 годахъ.

[7]) „...J'avais eu l'idée que vous lui (Нелидовой) parliez de l'espionnage et des entraves qu'on me met à voir mes enfants, comme d'une chose dont vous avez entendu parler; mais votre réflexion que par ainsi dire nous serons 8 mois séparés d'eux est juste, et ainsi il ne faut rien dire et voir si les choses ne changent pas d'ici à l'hiver“. Письмо къ Плещееву безъ даты. Ср. ниже, примѣч. 9-е.

[8]) „Il est vrai, mon ami, qu'on me chicanne sur nos enfants en ville, mais il me paraît que j'ai bien mieux souffrir que de me priver du plaisir de les voir, et que même, en faisant le contraire, j'agis contre mon devoir; mais malheureusement on ne s'en soucie guère, et leur présence gène et écarte naturellement la demoiselle“. Письмо къ Плещееву безъ даты.

[9]) „Ne croyez-vous pas, mon bon ami“, писала однажды великая княгиня Плещееву, „si vous direz à la N., que je vous avais dit ces jours-ci, que j'éprouvais une satisfaction que je n'aurais ressentie depuis 3 années, que

складѣ Маріи Ѳеодоровны и ея фрейлины должна была естественно сказываться и въ совѣтахъ, которые обѣ онѣ давали великому князю въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ случаяхъ; но едва ли можно было винить Нелидову въ томъ, что, находясь, подобно Маріи Ѳеодоровнѣ, въ постоянной борьбѣ съ причудливымъ нравомъ Павла Петровича, она лучше, чѣмъ кто-либо, умѣла править умомъ его и темпераментомъ. Какъ это ни горько было для великой княгини, но она ясно увидѣла, что только чрезъ посредство Нелидовой возможно направлять умъ Павла сообразно съ ея собственными намѣреніями, и для этого рѣшилась сблизиться съ нею. Однимъ изъ первыхъ слѣдствій этого рѣ-

---

je vous avais dit encore qu'elle avait fait *une scène active* et que je me plaisais à lui en marquer mon contentement par mes procédés, de la douceur, de la bonté. Je me porterai de mon côté au sien pour faire plaisir, au lieu que la rudesse et la... (слово не разобрано) me rendait pierre, mais qu'un témoignage d'affection m'électrisait. Alors, mon ami, saisissez cette occasion pour faire sentir à cette fille combien elle pourrait acquérir de mérite même à mes yeux en engageant à des procédés vis-à-vis de moi et à me marquer ces égards auxquels sous tous les rapports je puis prétendre et qu'on écartera quelques procédés outrageans pour moi et en vérité bien plus pour le Gr.-D., comme celui de me faire appeller par les domestiques, lorsque je sors de ma chambre en ville pour voir mes enfants, où je n'avais pas même la libérté que de sortir et si je passais une dizaine de minutes, on me faisait rappeller. Que ceci scandalisait les domestiques mêmes qui étaient des gens mariés et puis en parlent hautement, et qu'il savait que pour éviter ces rapports et des scènes, tout l'hiver passé je n'avais vu mes enfants que des instants; que cet ordre... diminuait le respect qu'on devait au Gr.-D. et lui faisait les plus grands torts, et qu'ainsi sous tous les rapports elle (Нелидова) devait travailler à faire cesser cet espionnage par une défense absolue d'en faire; que je remarquerai la défense donnée, comme j'avais remarqué la défense donnée et que très certainement je dirai encore: c'est une bonne œuvre de la Nel., et que ce serait un nouveau mérite qu'elle aurait à mes yeux qui m'engagerait à la reconnaissance et que de cette façon le bonheur renaîtrait chez nous". Письмо безъ даты. Само собою разумѣется, что усилія Нелидовой исполнять просьбы Маріи Ѳеодоровны вызывали иногда неудовольствіе великаго князя противъ самой Нелидовой, и это настроеніе его духа отражалось также и на ней. „Trouvez vous, mon ami", спрашивала Марія Ѳеодоровна Плещеева, „que la petite est sensible à mes procédés? Il m'a paru que, malgré ma politesse en voiture de me mêler de l'arrangement de sa maison, elle a eu l'air de prendre cela très froidement; ce soir la tristesse était peinte sur sa physionomie et sur celle de G.-D. Je crois bien, mon ami, que nous ne partirons par dimanche. J'en suis affligée au fond de l'âme, mais il semble qu'on a reçu quelques nouvelles désagréables"... Письмо безъ даты.

шенія было снятіе запрета съ переписки Маріи Өеодоровны съ г-жею Бенкендорфъ; впрочемъ, оно послѣдовало, кажется, только послѣ того, какъ Марія Өеодоровна продала домъ въ Павловскѣ, принадлежавшій ея подругѣ, и такимъ образомъ окончательно отказалась отъ надежды видѣть ея возвращеніе [10]).

Обстоятельства, сопровождавшія это сближеніе великой княгини съ ея фрейлиной, еще болѣе скрѣпили его. Нелидова всегда тяготилась своимъ ложнымъ и труднымъ положеніемъ при маломъ дворѣ: какъ мы уже видѣли, она еще въ Іюлѣ 1792 г. напрасно хлопотала предъ Императрицей о своемъ увольненіи, на которое Павелъ Петровичъ не хотѣлъ дать своего согласія. Чрезъ годъ она возобновила свое ходатайство, воспользовавшись, вѣроятно, какъ поводомъ для достиженія цѣли, готовившимся бракомъ Александра Павловича; безъ сомнѣнія, она указывала великому князю-отцу на всѣ неудобства, которыя связаны были съ ея пребываніемъ при дворѣ и которыя должны были сдѣлаться еще болѣе щекотливыми при новыхъ семейныхъ условіяхъ въ жизни великокняжеской фамиліи. На этотъ разъ рыцарскій цесаревичъ не могъ прямо отказать Нелидовой въ ея вполнѣ законномъ желаніи. Въ Сентябрѣ 1793 года Нелидова уволена была отъ званія фрейлины и готовилась переѣхать въ Смольный монастырь на постоянное жительство [11]). Случилось, однако, нѣчто неожиданное: сама Марія Өеодо-

---

[10]) „J'ai fait passer hier ma lettre à mad. de Benk. par le courrier ordinaire, et on ne m'a rien dit à ce sujet, ce qui est bonne signe". (Письмо къ Плещееву безъ даты). Вѣроятно именно дозволеніе переписываться съ Бенкендорфъ Марія Өеодоровна называла „добрымъ дѣломъ Нелидовой". См. выше, примѣч. 9. До этого времени Марія Өеодоровна переписывалась съ Бенкендорфъ тайнымъ образомъ, отправляя письма свои къ ней чрезъ посредство Плещеева и получая ихъ отъ нея чрезъ руки Массона, пріобрѣтшаго впослѣдствіи громкую извѣстность, какъ автора „Mémoires secrets", а тогда бывшаго адъютантомъ у графа Салтыкова. Будучи уроженцемъ Монбельяра, Массонъ хорошо извѣстенъ былъ г-жѣ Бенкендорфъ и пользовался даже покровительствомъ матери Маріи Өеодоровны. За то дружескія отношенія Массона съ г-жею Бенкендорфъ навлекли на него гнѣвъ Павла Петровича. *Masson Mémoires secrets*, IV, 238—240.

[11]) *Арх. Кн. Воронцова*, XIII, 281. Письмо графа Безбородки отъ 3 Сентября 1793 г. „Oui, mon bon P.", писала по этому поводу Марія Өеодоровна, „la nouvelle que vous me mandez est la fable de Gatschina et la sera bientôt de la ville. Je n'en triomphe certainement pas, et je trouve la démarche très irrégulière (?) et, qui plus même, je lui trouve un air louche. Je ne sçais rien encore d'elle directement; quand une fois la nouvelle me parviendra légalement, je me flatte d'agir conformement à mon devoir et à mes prin-

ровна, столь радовавшаяся первоначально удаленію Нелидовой, именно въ это время вынуждена была, какъ мы уже знаемъ это [12]), обратиться къ ней съ просьбою убѣдить Павла ѣхать въ Петербургъ для присутствованія на праздникахъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе Александра Павловича; вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что лица, окружавшія Павла Петровича и враждебно настроенныя противъ великой княгини, также считали присутствіе при немъ Нелидовой необходимымъ и старались поколебать принятое ею рѣшеніе [13]).

«Г-жа Нелидова», мѣсяцъ спустя писалъ Ростопчинъ, «вмѣсто того, чтобы оставить дворъ, получивъ увольненіе, остается при немъ и пользуется успѣхомъ, который наноситъ ущербъ достоинству великаго князя и подвергаетъ его всеобщему осужденію. Онъ удалилъ отъ себя Нарышкина, Александра Львовича, который былъ слишкомъ довѣрчивъ и привязанъ къ великому князю. Князь Александръ Куракинъ, котораго онъ звалъ «своею душою», претерпѣлъ жестокія обиды. Бѣдная великая княгиня остается въ одиночествѣ, не находя никого, кому могла бы открыть свое горе, и не имѣя другаго утѣшенія, кромѣ добродѣтельной жизни» [14]). Слѣдствіемъ этого было то, что Нелидова могла поселиться въ Смольномъ только послѣ переѣзда великокняжеской четы въ Петербургъ 23 Ноября и то лишь послѣ упорнаго сопротивленія Павла Петровича. «Эта маленькая чародѣйка пріѣзжаетъ, однакоже, во дворецъ», сообщалъ Растопчинъ, «и отшельничество ея незамѣтно» [15]). Это было вполнѣ понятно: лишь присутствіе Нелидовой сдерживало въ равновѣсіи враждебные элементы малаго двора, не давая имъ придти въ столкновеніе; ея удаленіе доказало только ея силу и значеніе, которымъ по необходимости должны были дорожить всѣ. Послѣ этого Маріи Ѳеодоровнѣ пришлось принести жертву, которую

---

cipes et m'en remets avec confiance au secours de la Providence". Письмо безъ даты.

[12]) XI глава нашего труда (*Р. Арх.*, 1891, II, 323—324).

[13]) „Je vous confie sous le sceau du plus grand secret que la N. a voulu donner une seconde lettre ces jours, mais on l'a retenu, et ce n'est pas tout: ce n'est pas celui qui y serait le plus intéressé, mais d'autres". Письмо къ Плещееву безъ даты.

[14]) *Арх. Кн. Воронцова*, VIII, 80. „Cette femme mériterait des autels: c'est la vertu même", писалъ Ростопчинъ о Маріи Ѳеодоровнѣ 27 Іюля 1793 г. Тамъ же, XXVI, 268.

[15]) *Арх. Кн. Воронцова*, VIII, 84: „Au retour ici, malgré toutes les scènes, où la fureur et la violence ont tenu lieu d'amour et de tendresse, on a été obligé de se séparer de m-lle Nelidoff". Письмо Растопчина отъ 1 Декабря 1793 года.

она считала невозможною ранѣе: уже 28 Мая 1794 г. Ростопчинъ писалъ Воронцову изъ Павловска: «великій князь теперь въ гораздо лучшихъ отношеніяхъ со своею супругой, чѣмъ прежде, потому что она рѣшилась уступить г-жѣ Нелидовой и сблизиться съ нею» [16]). Эта рѣшимость Маріи Ѳеодоровны объясняется неожиданнымъ прибытіемъ Нелидовой въ Павловскъ, куда она явилась въ качествѣ гостьи по желанію великаго князя, и давно ожидавшимся удаленіемъ отъ двора единственнаго друга Маріи Ѳеодоровны, Плещеева.

Оба событія произошли весною 1794 г. и лишили великую княгиню послѣднихъ ея надеждъ и послѣдняго ея утѣшенія. Разгадку этого новаго несчастія Маріи Ѳеодоровны легко найти въ томъ же письмѣ Растопчина къ Воронцову: «Великій князь», сообщалъ онъ, «находится въ Павловскѣ, постоянно не въ духѣ, съ головой, наполненной призраками и окруженный людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживаетъ быть колесованнымъ безъ суда» [17]). Случилось такимъ образомъ то, что̀ въ сущности давно можно было предвидѣть: какъ ни недовольна была великая княгиня внезапнымъ и даже неприличнымъ, по ея мнѣнію, пріѣздомъ Нелидовой [18]), но въ ней она увидѣла почти единственную возможность достигнуть главной своей цѣли—«помочь великому князю вопреки ему самому» [19]). Отзывъ Растопчина о людяхъ, окружавшихъ Павла, былъ вполнѣ согласенъ съ истиной, и Марія Ѳеодоровна убѣдилась, что, какъ ни велика была власть Нелидовой надъ умомъ Павла, но на немъ начали сильно сказываться вредныя вліянія другихъ приближенныхъ къ нему лицъ, менѣе чистыхъ по своимъ побужденіямъ, чѣмъ Нелидова. Пользуясь ея име-

---

[16]) Архивъ Князя Воронцова, VIII, 93.

[17]) Тамъ же.

[18]) Марія Ѳеодоровна писала Плещееву:... „Nous voici donc ici, mon ami. Que faisons-nous, c'est ce que je ne sais pas; mais ce que je sais c'est que j'ai le coeur gros de m'y voir et d'être séparé de mes bons enfants. Que dites-vous, mon ami, du retour de faveur de madem.? Quel usage en fera-t-elle? Et comment se peut-il qu'elle ne regarde le Gr.-D. en face après s'être déchaînée contre lui comme elle l'a fait? La d-lle est fière et au pinacle; j'admire son imprudence, car sous quel titre vient-elle courir ici et quitte-elle son humble retraite? Ah, mon ami, que le monde est vilain et que tout qui s'y passe est affreux! Peut-être que Dieu fera un miracle pour nous et que ce voyage, qui est le triomphe de la dem-lle, tourne contre elle. En attendant je m'arme de patience et de résignation et m'en remets à Dieu.". Письмо безъ даты.

[19]) „Tâchons donc d'aider au Gr.-D. malgré lui", такъ выразилась однажды Марія Ѳеодоровна. См. XI главу нашего труда (Русскій Архивъ, 1891, II, 323, примѣч. 42).

немъ, какъ средствомъ вкрасться въ довѣріе великаго князя, лица эти думали въ большинствѣ случаевъ лишь о томъ, чтобы поддерживать семейный разладъ великокняжеской четы и укрѣпить свое личное вліяніе на Павла Петровича, потворствуя и угождая его слабостямъ. Сблизившись съ Нелидовой, Марія Ѳеодоровна могла обнаружить истинныя цѣли этихъ мнимыхъ ея приверженцевъ и лишить ихъ почвы для интригъ, содѣйствовавшихъ порчѣ характера великаго князя. Нравственную свою силу для этого великая княгиня, какъ всегда, почерпала въ религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ и поэтому всякій подвигъ считала для себя возможнымъ, если только дѣло шло объ ея обязанностяхъ къ любимому и несчастному мужу и къ семьѣ [20]). Удаленіе Плещеева отъ двора,

---

[20]) Около этого времени Марія Ѳеодоровна имѣла случай подробно высказать свои мысли о святости супружескаго союза въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Плещееву въ отвѣтъ на просьбу его выразить ея мнѣніе о предположенномъ разводѣ одного изъ его родственниковъ. Указавъ на Евангеліе, какъ на единственный источникъ нравственныхъ правилъ, великая княгиня продолжала: „Cependant, comme vous l'exigez, je vous marquerai quelques-unes de mes réflexions, en vous priant cependant et exigeant de vous que vous ne me nommiez jamais à votre parent et que je ne paraisse pas instruite ni de sa situation, ni de son intention. Sa situation me paraît malheureuse, parce qu'il est à la veille de lui faire une démarche, dont il se repentira éternellement; car dès que ses liens seront rompus, sa conscience lui reprochera le scandal qu'il vient de donner en enfreignant les préceptes divins; la vue de ses enfants lui sera à charge, car il croira voir la reproche jusque dans leurs casesses, et l'idée du tout cruel qu'il leurs fait en les privant de leur mère ajoutera à sa souffrance et à ses remords. Je juge de l'âme de votre parent d'après ce que vous me dites et le suppose vertueux et religieux. Ajoutez à ces tourments celui de faire le malheur de sa femme. Il l'accuse de jalousie: c'est dire en deux mots—ma femme est la plus malheureuse des êtres; car nous savons que la jalousie est la passion la plus affreuse en elle-même et par les souffrances qu'elle donne à la personne assez infortunée de la ressentir, car son imagination même lui crée les monstres. Une personne aussi malade doit inspirer de l'intérêt, par ce qu'enfin c'est toujours cependant une affection outrée qui l'a fait souffrir; il faut donc lui opposer de l'indulgence, de la douceur, de la complaisance et beaucoup de raison. Une femme raisonnable ne saurait résister à ces armes, mais sensible à l'excès la violence irriterait son mal, qu'on peut comparer à ces maladies lentes qui ne se guérissent que par le tems et par des remèdes lents au lieu qu'un remède violent tuerait le malade à l'instant. Je crois donc, que votre parent devrait par principe de religion, qui nous en donne si expressement les charités, redoubler de vigilance sur lui-même pour écarter, autant que la raison le permet, tout sujet qui pourrait inquiéter la malheureuse femme et

весною 1794 г., совпадшее со временемъ неожиданнаго появленія Нелидовой въ роли гостьи и, быть можетъ, бывшее его послѣдствіемъ, также должно было (какъ ни странно кажется это на первый взглядъ) только укрѣпить великую княгиню въ желаніи слѣдовать принятому ею образу дѣйствій. Правда, обстоятельства, сопровождавшія изгнаніе этого стараго и вѣрнаго друга великокняжской четы, представляются въ разсказѣ Растопчина не вполнѣ ясными. «Отъ великаго князя, сообщалъ онъ, *взяли* (on a pris) еще достойнаго и почтеннаго человѣка, но который ничего не дѣлаетъ и удаленъ по подозрѣнію въ искренней привязанности къ великой княгинѣ, это г. Плещеева» [21]). На основаніи слова *взяли* можно было бы предположить, что виновницей изгнанія Плещеева была сама Императрица, заботившаяся будто бы о томъ, чтобы лишить сына благоразумныхъ и преданныхъ ему совѣтниковъ. Но причина этого изгнанія, выставляемая Растопчинымъ (преданность Плещеева Маріи Ѳеодоровнѣ), очевидно, не вяжется съ образомъ дѣй-

---

redoubler d'attention pour elle. Un être malade inspire toujours de l'intérêt, et à bien plus forte raison ce sentiment doit-il exister quand nous voyons souffrir la mère de nos enfants? Mais que deviendrait cette malheureuse femme si les choses sont poussées à la rigueur? Le désespoir ne pourrait-il pas s'emparer de cette infortunée, et alors votre parent se verrait responsable devant Dieu des excés où sa femme pourrait se porter; et il ne faudrait qu'un instant malheureux pour qu'elle porte atteinte à ses jours; et alors le péché contre le St. Esprit, le seul que le Sauveur dit ne pouvoir se pardonner, aurait été commis. Ah, si votre parent a de la réligion, comme vous le dites, que cette idée le fasse trembler! Non, qu'il rejette toute idée de violence, qu'il guérisse la malheureuse femme pas les soins assidus, par sa présence, par sa tendresse, qu'il se rappelle les préceptes de l'Évangile, qu'on doit supporter les faibles avec douceur et patience. *Qu'il se rappelle la promesse sacrée qu'il a faite aux pieds des autels de partager les biens et les maux avec sa femme*, qu'il se rappelle les paroles de Dieu que le mari et la femme ne sont qu'un, et comment séparer ce que Dieu a uni? *Il a des tribulations à souffrir, et bien qu'il en fasse le sacrifice à Dieu; ce sont peut-être elles qui lui vaudront le salut*, mais qu'il ne commence pas par enfreindre les commendemens de Dieu: car je regarde le lien du mariage indissoluble et me base sur les propres paroles de notre Sauveur. Voilà, mon ami, tout ce que je puis vous dire à ce sujet que vous avez si bien analysé dans votre écrit. Dieu veuille que vos voeux et les miens s'accomplissent et que le bonheur, l'union et la paix règne de nouveau dans la famille qui vous intéresse. Marie“. Письмо безъ даты, но по содержанію нѣкоторыхъ другихъ писемъ его должно отнести къ 1793 г. Кажется, едва ли можно сомнѣваться, что эти мнѣнія Маріи Ѳеодоровны имѣютъ и автобіографическое значеніе.

[21]) *Арх. Кн. Воронцова*, VIII, 94.

ствій Екатерины, всегда доброжелательно относившейся къ своей невѣсткѣ и вовсе не поощрявшей крутыхъ поступковъ своего сына. И дѣйствительно, можно сказать съ увѣренностію, что Плещеевъ вынужденъ былъ удалиться отъ малаго двора исключительно благодаря мнительности великаго князя и навѣтамъ новыхъ его любимцевъ, для которыхъ честный, неподкупный морякъ казался единственнымъ препятствіемъ къ осуществленію ихъ своекорыстныхъ цѣлей.

Съ 1793 года дворъ великаго князя окончательно измѣнился въ своемъ составѣ и потерялъ свой прежній веселый, непринужденный характеръ. Павелъ Петровичъ не терпѣлъ уже противорѣчій, требовалъ безусловнаго подчиненія своей волѣ и, волнуемый политическими опасеніями, всюду искалъ проявленій свободолюбиваго, республиканскаго образа мыслей, а въ каждомъ сторонникѣ Маріи Ѳеодоровны готовъ былъ видѣть личнаго своего врага. Оттого старые друзья великокняжеской четы или сами уходили отъ малаго двора, или изгоняемы были изъ него иногда весьма оскорбительнымъ для нихъ образомъ; вмѣсто нихъ появлялись неизвѣстныя дотолѣ лица, которыя, думая по большей части лишь о собственныхъ выгодахъ, предпочитали плыть по теченію, заботились только о томъ, чтобы ихъ не заподозрили въ излишнемъ сочувствіи къ опальной великой княгинѣ и въ недостаткѣ почтительности по отношенію къ Нелидовой, и даже прямо примыкали къ той партіи великокняжескаго двора, которая издавна, по разнымъ причинамъ, враждебно относилась къ вліятельному положенію г-жи Бенкендорфъ и которая съ восторгомъ привѣтствовала ея удаленіе. Партія эта смотрѣла на возвышеніе Нелидовой какъ на признакъ проявленія самостоятельности въ характерѣ Павла Петровича и добивалась удаленія всѣхъ неизмѣнныхъ сторонниковъ Маріи Ѳеодоровны. Во главѣ этой Нелидовской партіи былъ первоначально Ѳ. Ѳ. Вадковскій, пользовавшійся еще такъ недавно довѣріемъ самой Маріи Ѳеодоровны, которая во время Шведскаго похода возложила на него щекотливую обязанность охранять Павла Петровича отъ послѣдствій его излишней довѣрчивости и горячности [22]). Но Вадковскій употребилъ свое вліяніе на Павла для того только, чтобы поддерживать Нелидову, и оттого навсегда потерялъ довѣріе великой княгини [23]). Въ одномъ духѣ

---

[22]) См. VIII главу нашего труда.

[23]) Именно Вадковскому Павелъ въ 1790 году, на случай своей смерти, поручилъ передать свои бумаги Екатеринѣ, въ томъ числѣ и письмо, написанное въ защиту Нелидовой. *Осмнадцатый Вѣкъ,* III, 416. Здѣсь же напечатаны дружескія письма великаго князя къ Вадковскому за 1790—1791 годы.

съ нимъ въ разное время дѣйствовалъ подполковникъ Линденёръ, руководившій воинскими упражненіями великаго князя [24]), и докторъ Фрейгангъ, который, заботясь о физическомъ здоровьѣ Павла Петровича, простиралъ свои попеченія, по разсказу Растопчина, и на нравственное его существо, одинаково отравляя то и другое [25]). Однако, въ концѣ концовъ главнымъ значеніемъ сталъ пользоваться крещеный Турокъ, еще мальчикомъ взятый въ плѣнъ при осадѣ города Кутаиса и ставшій камердинеромъ великаго князя, Иванъ Павловичъ, получившій впослѣдствіи фамилію Кутайсова [26]). Этотъ совершенно ничтожный въ умственномъ и нравственномъ отношеніи человѣкъ ежедневно брилъ великаго князя, разсказывалъ ему мимоходомъ различныя новости, покорно сносилъ самыя ужасныя вспышки неудовольствія своего господина и, постоянно выражая ему свою безграничную преданность, умѣлъ заслужить особое его довѣріе. Значеніе Кутайсова было тѣмъ прочнѣе, что долгое время никому не приходило въ голову, до какой степени можетъ возрасти вліяніе на великаго князя его простаго, невѣжественнаго камердинера. Правда, крутые, рѣзкіе переходы отъ ничѣмъ не вызванной своей благосклонности къ столь же неосновательной немилости Павелъ Петровичъ

---

[24]) „Подполковникъ Линденеръ, это пошлая личность, выдвинутая изъ толпы минутнымъ капризомъ великаго князя", такъ отозвался о немъ Растопчинъ (*Арх. Кн. Воронцова*, VIII, 94). Когда однажды Линденеръ, одновременно съ Вадковскимъ, возбудилъ противъ себя гнѣвъ Павла, Марія Ѳеодоровна писала о нихъ Плещееву: „Je ne crois pas qu'il (Линденеръ) se retire, et comme il est connu, je ne le suppose pas si dangereux, et je vous jure que son séjour parmi nous me fait moins peur que celui de Wadkofski, qui est moins connu de la d-lle et qui a l'âme bien noire; il a dit des infamies de la petite et est présentement à ses pieds. Il s'est permis les sorties les plus insolentes contre le Gr.-D., lorsqu'il était en disgrâce et les a tenu à beaucoup de monde. Ajoutez à cela qu'il n'a pas de religion et voyez combien cet homme serait dangereux s'il se réabilitait; et je crois que la petite, qui ignore les infamies qu'il a dit, y travaille. Si elle y réussit, vous verrez que cet homme nous fera de nouveau de mal". Письмо безъ даты. *Е. Ш.* Линденеръ былъ Полякъ по фамиліи Липинскій; онъ сдѣлалъ Нѣмецкій переводъ своего имени ради бо̀льшихъ успѣховъ въ Гатчинѣ. П. Б.

[25]) *Арх. Кн. Воронцова*, VIII, 93. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Плещееву великая княгиня такъ отозвалась о Фрейгангѣ: „Nous avons un autre mauvais sujet ici, m-r Freygang, qui est un vilain..., mais c'est l'ami de la N..., dont le pouvoir augmente encore". Фрейгангъ, какъ видно изъ другаго письма Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву, питалъ ремесленную зависть къ доктору Беку, который пользовался ея покровительствомъ.

[26]) Тамъ же, 94.

давалъ чувствовать и новымъ своимъ фаворитамъ, такъ что нѣкоторые, какъ, напр., камеръ-юнкеръ Растопчинъ, искренно преданный великому князю, предпочитали до поры до времени уклоняться отъ опасныхъ знаковъ его благоволенія[27]); но къ старымъ своимъ друзьямъ онъ продолжалъ относиться крайне недовѣрчиво и изгонялъ ихъ одного за другимъ потому только, что они выказывали свою преданность его несчастной супругѣ и тѣмъ какъ бы осуждали его поступки. Новые фавориты Павла, кто бы они ни были, изъ чувства самосохраненія поддерживали это его настроеніе, пользуясь помощью тѣхъ добровольцевъ, которые всегда и всюду становятся на сторону сильнаго и выражаютъ свое низкое усердіе всѣми возможными способами. Они распускали сплетни о Маріи Ѳеодоровнѣ и ея сторонникахъ, слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ и словомъ и, придавая имъ превратный смыслъ, доносили о нихъ своимъ покровителямъ. Изъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву видно, что, боясь кривотолковъ, она иногда по цѣлымъ днямъ не выходила изъ своей комнаты, избѣгала всякихъ разговоровъ съ придворными и обо всемъ происходившемъ узнавала въ это время только отъ Плещеева, сношенія съ которымъ она поддерживала посредствомъ камердинера своего Бертома[28]). Но именно эти сношенія и возбуждали неудовольствіе и любопытство Нелидовской партіи: примирительный образъ

---

[27]) Тамъ же, 104. Растопчинъ пріобрѣлъ расположеніе Павла послѣ того, какъ написалъ дерзкое письмо оберъ-камергеру съ жалобой на своихъ товарищей, камеръ-юнкеровъ, не исполнявшихъ своихъ обязанностей при великокняжскомъ дворѣ. За это онъ сосланъ былъ на годъ въ деревню, по приказанію Императрицы въ Іюлѣ 1794 г., но по возвращеніи осыпанъ былъ ласками великаго князя. „Зная лучше другихъ“, писалъ Растопчинъ 20-го Августа 1795 г., „на сколько его характеръ склоненъ къ перемѣнѣ, я мало полагаюсь на настоящія его чувства и буду всѣми мѣрами стараться не заходить слишкомъ далеко въ сближеніи съ нимъ. Лучше всего ни во что не вмѣшиваться“. Ср. *Masson* Mémoires secrets, I, 310: „Jamais homme n'a montré tant de bizarreries et d'inconstance dans le choix de ses amis. Il se livrait d'abord avec une confiance et une familiarité sans réserve à celui qui paroissait entrer dans ses idées; puis, se repentant de cet abandon, il regardoit bientôt cet homme comme dangereux ou comme créature de sa mère ou du favori, qui l'avait flatté pour le trahir... C'étoit toujours celui qui avait été le plus près de lui, qui avait le plus à s'en plaindre; toujours celui qui avait reçu le plus de grâces, qui se trouvait ensuite le plus malheureux“.

[28]) Бертому великая княгиня довѣряла вполнѣ... „Berthaume vous dira bien des choses“, писала она однажды Плещееву, „que je ne puis pas confier au papier. Vous verrez, mon ami, que mes jours sont marqués par la

дѣйствій Плещеева, уваженіе къ нему Павла, заставляли ее видѣть въ немъ самаго опаснаго своего врага. Духъ шпіонства при великокняжескомъ дворѣ развился до такой степени, что самъ Растопчинъ, въ это время еще сочувствовавшій Маріи Ѳеодоровнѣ, не считалъ для себя унизительнымъ вмѣшиваться въ отношенія Маріи Ѳеодоровны къ ея испытанному другу [29]). Довѣріе и привязанность великой княгини къ нему еще болѣе усилились, когда одни изъ преданныхъ ей лицъ не имѣли или не умѣли выказать ей того участія, которое она встрѣтила со стороны Плещеева, а другіе были удалены отъ нея Павломъ Петровичемъ. Къ числу первыхъ принадлежали кн. Александръ Куракинъ, считавшій первоначально увлеченіе великаго князя Нелидовой за мимолетную забаву скучающаго человѣка [30]), и Николаи, стоявшій въ сторонѣ отъ всѣхъ интригъ, обуревавшихъ великокняжескій дворъ, хотя, конечно, ни того, ни другаго нельзя было заподозрить въ недостаткѣ симпатій къ Маріи Ѳеодоровнѣ. За то другъ Николаи, Лафермьеръ, послѣ трехлѣтнихъ страданій своихъ при видѣ разлада царственныхъ супруговъ, возбудилъ противъ себя неудовольствіе великаго князя и долженъ былъ оставить дворъ, при которомъ находился около 30 лѣтъ, раздѣливъ таким образомъ участь Панина, Бенкендорфовъ и многихъ другихъ [31]).

---

peine et le chagrin; ce dernier surtout m'affaisse à un point inexprimable". Письмо безъ даты.

[29]) Марія Ѳеодоровна Плещееву: „Je trouve de l'indiscrétion à Rostopchine de vous avoir demandé ce que mon valet de chambre faisait chez vous". Письмо безъ даты.

[30]) Со свойственнымъ ему легкомысліемъ (ср. VII главу нашего труда) кн. Куракинъ въ особомъ письмѣ къ Павлу даже оправдывалъ въ игривомъ тонѣ его безтактные поступки по отношенію къ Нелидовой и тѣмъ какъ бы поощрялъ его къ продолженію ихъ. *Р. Арх.*, 1873, II, 2165. Письмо князя Куракина Павлу Петровичу отъ 7-го Октября 1792 года.

[31]) Лафермьеръ извѣстилъ С. Р. Воронцова о своемъ увольненіи 17 Января 1793 г. Онъ удалился въ имѣніе А. Р. Воронцова, село Андреевское, Владимирской губерніи. Здѣсь жилъ онъ до самой смерти своей († въ Іюнѣ 1796 г.), пользуясь знаками дружбы Маріи Ѳеодоровны, которая вела съ нимъ тайную, но постоянную переписку. „Ses bontés pour moi ne se sont point démenties depuis ma retraite", писалъ Лафермьеръ С. Р. Воронцову 25 Іюня 1794 г., „et je ne m'aperçois pas dans ses lettres dont je reçois souvent (deux par semaine) que les absents ont tort auprès d'elle, comme c'est assez l'usage des cours". *Арх. Кн. Воронц.* XXIX, 283. Переписка Маріи Ѳеодоровны съ Лафермьеромъ шла черезъ руки друга Воронцовыхъ, А. Я. Протасова, *Арх. Кн. Воронц.*, XV, 40. Кажется, что одновременно съ Лафермьеромъ удаленъ былъ родной братъ кн. Александра Куракина, кн.

Нѣкоторыя же лица, на преданность коихъ великая княгиня могла повидимому вполнѣ разсчитывать, обманули ея ожиданія и даже передались на сторону Нелидовской партіи. Въ особенности негодованіе Маріи Ѳеодоровны возбудила однажды своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ бывшая ея фрейлина Варвара Николаевна Шацъ, урожденная Аксакова, жена побочнаго брата Маріи Ѳеодоровны, служившаго въ кирасирскомъ полку цесаревича: г-жа Шацъ выслушивала отъ Нелидовой различные слухи, ходившіе о великой княгинѣ и своимъ молчаніемъ какъ бы подтверждала ихъ достовѣрность [32]). Новыя лица, имѣвшія случай показать свою преданность Маріи Ѳеодоровнѣ: Донауровъ, замѣнившій

Алексѣй, котораго Павелъ заподозрилъ въ политической приверженности къ Маріи Ѳеодоровнѣ. *Masson* Mémoires, I, 348.

[32]) Для хариктеристики положенія Маріи Ѳеодоровны среди вѣчно интриговавшаго двора любопытно слѣдующее письмо ея къ Плещееву о г-жѣ Шацъ: „Ne pourriez-vous pas dire à mad. Schatz que vous êtes étonné lui voir écouter de sens-froid le propos ridicule que la N. tient sur mon compte et qu'elle lui adresse, tandis que le devoir et la reconnaissance seule l'obligeraient à lui imposer silence. Ensuite repassez un peu sur le propos affreux que la N. a tenue que vous et moi nous voudrions creuser une fosse à la N. pour l'y enterrer (j'avoue que c'est le seul qui a pincé mon coeur) et demandez à mad. Schatz, quelles sont les marques de vengeance que j'ai données à la N.?.. Et si c'est se venger que de lui avoir fait tout le bien qu'il a dépendu de moi dans cette occasion, où encore elle m'avait manqué dans les formes? Que lui fais-je? Demandez à mad. Schatz si elle, comme femme d'honneur, approuve la conduite que la N. tient dans ce moment, et ce que j'en dois penser, et si je ne dois pas avoir l'âme déchirée de voir tout ce qui se passe devant mes yeux et du train de vie horrible, que je mène perpétuellement seule dans ma chambre". Voyez venir la Schatz, ne vous avancez pas trop, mais ayez cette conversation chez elle. N'appuyez de grâce que sur le propos affreux de la N. que j'ai marqué plus haut, les autres ne valent pas la peine d'être rélevés, et faites sentir à la Schatz que je dois être peinée de penser qu'elle, à qui j'ai tenue lieu de mère, agisse comme elle fait... Comptez lui simplement que j'ai fait pour la N. et la manière dont je m'y suis prise, et demandez lui, si cela s'appelle creuser une fosse. Je me flatte du moins que Dien me fera la grâce de n'en jamais creuser d'autres; mais je ne conçois pas comment il est possible après tout ce que j'ai fait qu'on puisse pousser la rage aussi loin que cette fille le fait. Que Dieu le lui pardonne! Il m'a paru qu'il y a eu de la brouillerie et du raccommodement hier. Berthaume vous dira comme on m'a traité. Tout cela me fait saigner le coeur. Adieu, mon ami. Grâce à Dieu, nous partons le 26 (?); ainsi mon mari verra l'Imp. le mardi 27. Dieu veuille que la paix se rétablisse alors".

Николаи въ качествѣ библіотекаря, Челищевъ и др., были слишкомъ незначительны по своему положенію, чтобы помочь чѣмъ-либо великой княгинѣ [33]). Единственное лицо, раздѣлявшее тяжелое одиночество Маріи Ѳеодоровны и заслужившее особое ея расположеніе, была ея фрейлина, Наталья Ѳедотовна Веригина (р. 1768 г.). Велико было удовольствіе Маріи Ѳеодоровны, когда она узнала, что дружескія отношенія, завязавшіяся между обоими ея друзьями, Веригиною и Плещеевымъ, привели ихъ къ мысли о брачномъ союзѣ: она не только дала свое согласіе, но на свой счетъ приготовила приданое для невѣсты. Называя Веригину ласкательнымъ именемъ Chabrinka (?), Марія Ѳеодоровна въ письмахъ своихъ къ ней примѣняла къ ея старому жениху выраженіе «mon vieux хрыцъ» (старый хрычъ), какъ называла его, вѣроятно, сама Веригина. Свадьба, однако, еще не была сыграна, когда надъ Плещеевымъ разразилась давно ожидавшаяся гроза.

На сколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ переписки Маріи Ѳеодоровны съ Плещеевымъ и другимъ документамъ, удаленіе Плещеева отъ двора послѣдовало тотчасъ послѣ того, какъ великій князь вызвалъ Нелидову изъ Петербурга въ Павловскъ. Мы уже видѣли, съ какимъ негодованіемъ отнеслась къ этому сама Марія Ѳеодоровна, и нѣтъ сомнѣнія, что и Плещеевъ, вѣрный нравственнымъ своимъ правиламъ, съ своей стороны рѣшился выяснить великому князю и его черезчуръ прямолинейной любимицѣ все неприличіе этого новаго оскорбительнаго ихъ шага по отношенію къ великой княгинѣ. На этотъ разъ увѣщанія Плещеева встрѣтили совершенно неожиданный отпоръ. Нелидовская партія не дремала, особенно въ виду обнаружившейся склонности великой княгини къ примиренію съ своей соперницей, что равнялось уничтоженію самаго существованія партіи. Погубить Плещеева значило, казалось, вырыть новую пропасть между Маріей Ѳеодоровной и ея бывшей фрейлиной, такъ какъ никто не сомнѣвался, что только одинъ Плещеевъ могъ существенно содѣйствовать ихъ примиренію, благодаря нравственному своему авторитету. И вотъ съ нѣкотораго времени распущены были чудовищные слухи, будто бы Марія Ѳеодоровна и Плещеевъ «роютъ могилу» (creusent une fosse) Нелидовой, что Веригина по своей неопытности слѣдуетъ дурнымъ совѣтамъ своего жениха во вредъ великому князю и т. д. Эти ловко пущенные слухи упали на благодарную, уже подготовленную раздраженіемъ почву и казались на столько

[33]) *Masson* Mémoires secrets, I, 316. Письма Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву.

правдоподобными, что имъ въ одно время повѣрили и великій князь, и даже Нелидова, которая высказала свои подозрѣнія самому Плещееву въ присутствіи г-жи Шацъ, осыпая его и Марію Θеодоровну тысячью упрековъ [34]), а великій князь лично допрашивалъ Веригину о ея отношеніяхъ къ жениху. Какъ и слѣдовало ожидать, слухи эти ничѣмъ не подтвердились. Но Плещеевъ, убѣдившись въ томъ, что Павелъ Петровичъ потерялъ къ нему довѣріе и что дальнѣйшее пребываніе его при дворѣ его можетъ только ухудшить положеніе великой княгини, рѣшился дать великокняжеской четѣ новое доказательство своей безкорыстной преданности ей: онъ написалъ Павлу Петровичу письмо, въ которомъ, оправдывая во всемъ свою невѣсту, давалъ обѣщаніе прекратить всякія сношенія съ нею впредь до заключенія брака, чтобы не возбуждать какихъ-либо новыхъ подозрѣній со стороны великаго князя; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ объявилъ свое намѣреніе уѣхать въ Москву или даже за границу. «Только этимъ средствомъ», заключалъ письмо свое Плещеевъ, «я перестану быть для васъ предметомъ скорби и подозрѣній. Не въ моей власти сдѣлать для васъ болѣе, и я призываю Бога во свидѣтели со всею силою и твердостію, на которыя я только способенъ, что я сдѣлаю это, если вы мнѣ скажете, что это уменьшитъ ваши скорби» [35]).

---

[34]) См. выше примѣчаніе 32.—Марія Θеодоровна писала по этому поводу Плещееву: „Mon bon Plécheef, toute votre conduite prouve votre attachement pour moi; il n'est donc pas étonnant pour moi que la N. ne soit envoyée de venir; un hônnete homme blâme sa conduite... Voilà, mon ami, toute la conséquence à tirer de ses propos d'hier; ce qui m'étonne c'est qu'elle a la hardiesse de vous les adresser et de les tenir à mad. de Schatz, à qui elle devrait supposer un sentiment de reconnaissance. Que disait cette personne pendant celte singulière conversation? La rage de la N. est à attribuer au bruit affreux et à l'impression défavorable que fait sa conduite en ville. Du reste, mon ami, je crois très prudent de ne pas vous parler pendant quelque tems pour que cette personne ne trouve pas de prétexte à exercer sa rage. Elle peut croire à juste titre que je vous parle de mes peines. Je ne l'en blâme pas, car cela est vrai. Mais de quoi je la blâme, c'est de ne pas être véritablement à mon mari et de ne pas lui tenir le langage de la vérité. Adieu, mon ami; je crois que nous valons mieux qu'elle“. Письмо безъ даты.

[35]) Письмо Плещеева Павлу Петровичу (черновое) безъ даты: „Ma promise m'a communiqué, m. c. m. (mon cher maître), que vous étiez mécontent de moi et que vous me soupçonniez de lui donner de mauvais conseils. Non, mon cher et r. (respectable) maître, elle n'a que faire de moi quand il s'agit de remplir ses devoirs, et elle est trop pure pour concevoir la possibilité que vous puissiez lui manquer, vous, pour qui elle porte une estime sans

Послѣдствіемъ этого письма былъ отъѣздъ Плещеева въ Москву, и притомъ на продолжительное время: онъ вновь появился при великокняжескомъ дворѣ лишь чрезъ два года, а затѣмъ сыграна была и свадьба его съ Веригиной. Именно въ это отсутствіе свершилось примиреніе Маріи Ѳеодоровны съ Нелидовой, сначала, конечно, внѣшнее, носившее характеръ «уступки» со стороны Маріи Ѳеодоровны, какъ справедливо выразился о томъ Растопчинъ. Отъѣздъ единственнаго честнаго и искренняго человѣка при великокняжескомъ дворѣ [36]) совершилъ то, чего ранѣе не могъ онъ добиться личнымъ своимъ вліяніемъ; притомъ, цѣною этого примиренія Марія Ѳеодоровна достигла ближайшей своей цѣли—счастія своей любимой фрейлины и возвращенія невинно-оклеветаннаго человѣка, столь преданнаго ей и ея супругу.

Новый порядокъ жизни внесъ успокоеніе въ жизнь великокняжеской четы, какого не замѣчалось съ Іюля 1792 года. Нелидова продолжала пріѣзжать въ Павловскъ и Гатчину изъ Петербурга, но теперь

---

bornes et qui ambitionne la vôtre plus que vos bienfaits. Tout ce qu'elle craint c'est le tort qu'ils peuvent lui faire, joint à celui que vous pourrez en recevoir vous-même. Voilà ce qu'elle m'a dit en versant de larmes. Si vous connaissiez sa belle âme et le désintéressement qui la rende si pure et estimable, vous ne vous étonneriez pas des larmes que produisent bontés. Au nom du Ciel, comprenez la et rendez lui plus de justice. Quant à moi, m. r. e t c m., si vous me soupçonnez de quelque malveillance dont j'abhorre l'idée, je veux vous offrir tout ce que je puis. Je veux vous promettre à la face de Dieu, tout penible que cela me sera, de cesser toute communication avec ma bonne et chère promise jusqu'au moment que Dieu m'unisse avec elle. Vous serez par là convaincu qu'elle n'agit point par mon influence, ni par aucune autre que celle de son propre coeur et de la délicatesse qui lui est innée. Assurez-vous, mon d. (digne) et r. m., ménagez la seulement et vous aurez en elle une personne qui, en connaissant votre sensibilité et vos vertus, vous sera toute acquise, qui vous honorera toute sa vie. Plein de ces sentiments pour vous, je chercherai de les fortifier en elle tant que nous existerons sur cette terre.—Voulez-vous que je m'absente, m. c. m.? Je le ferai. J'irai à Moscou ou dans les pays étrangers pour autant qu'il vous plaise, pourvu que vous recevez du soulagement et que je cesse d'être pour un objet de douleur et de soupçon. Il n'est pas dans ma puissance de faire davantage pous vous, et je le ferai, je prends Dieu à témoin, avec toute la force et la fermeté dont je suis capable, si vous me dites que cela diminuera vos peines".

[36]) Такъ отозвалась однажды сама Марія Ѳеодоровна въ письмѣ къ Плещееву: „Je vous vois partir avec le plus grand regret, mon ami. Nous serons privés de la seule âme vraiment hônnete qui nous restait".

уже Марія Θеодоровна встрѣчала ее не только какъ свою гостью, но какъ свою союзницу: такъ называемая «Нелидовская партія», потерявъ фиктивнаго своего главу, уже не могла дѣйствовать открыто и общими силами; каждый долженъ былъ уже надѣяться исключительно на собственныя силы и самъ считаться съ послѣдствіями причудливаго нрава великаго князя.

Уже одно это обстоятельство заставляло Марію Θеодоровну дорожить установившимися отношеніями къ «маленькой». Въ концѣ 1794 г. великая княгиня такъ объясняла свои чувства по этому поводу. «Должно быть, я очень дурно выразилась въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ вамъ, дорогой и достойный другъ мой, если вы можете думать, что я сожалѣла объ образѣ дѣйствій, котораго я держусь въ своихъ отношеніяхъ къ Нелидовой. Нѣтъ, это невѣрно; потому что мое поведеніе съ ней основано и на сознаніи своихъ обязанностей, и на требованіяхъ совѣсти, и на Евангельскомъ ученіи. Но я вамъ признаюсь, другъ мой, я думаю, что мой образъ дѣйствій по отношенію къ «маленькой» сдѣлаетъ ее надменной (l'énorgueillera) и еще болѣе заставитъ ее играть роль первенствующей дамы (la grande dame). Но пусть будетъ что̀ угодно Богу: я не измѣню своего поведенія. Что же касается до моихъ отношеній къ нашему дорогому великому князю, то они опредѣляются моею къ нему привязанностію, такъ что, въ сущности, я думаю, они не будутъ мнѣ поставлены въ заслугу предъ Богомъ, такъ какъ они не стоятъ мнѣ усилій. Впрочемъ, другъ мой, ваши размышленія до того сходятся съ моими, что, читая ихъ, я думала, что вы читали въ моемъ сердцѣ. Къ несчастію, они совсѣмъ неутѣшительны; но мы должны попробовать извлечь наилучшіе плоды изъ нашего положенія» [37])

Плоды эти недолго заставили себя ждать. Важно было уже одно то, что Марія Θеодоровна могла воспользоваться безъ особыхъ затрудненій своимъ естественнымъ правомъ заботиться о личной жизни и дѣлахъ Павла Петровича. Правда, характеръ его представлялъ для этого почти неодолимыя затрудненія; но тамъ, гдѣ вліяніе Маріи Θеодоровны оказывалось безсильнымъ, къ ней на помощь спѣшила Нелидова, и обѣ женщины соединенными усиліями часто успѣвали предохранять Павла Петровича отъ ошибокъ, въ которыя впадалъ онъ, благодаря своему болѣзненному темпераменту и мелочности воззрѣній. Въ особенности проявлялись эти недостатки великаго князя въ единственномъ любимомъ имъ занятіи—военныхъ упражненіяхъ. Его ма-

[37]) Письмо къ Плещееву безъ даты, но въ немъ упоминается о Польскихъ дѣлахъ 1794 года.

ленькая армія постепенно возрастала, и обученіе ея Прусскому уставу, казалось, достигло послѣдней степени совершенства, въ особенности при такихъ шуль-и экзерцирмейстерахъ какими были Линденеръ и Аракчеевъ, поступившій на службу къ Цесаревичу въ 1792 г. Тяжесть Гатчинской военной службы была всѣмъ извѣстна; но всѣмъ извѣстно было также, что Павелъ Петровичъ зорко слѣдилъ за нуждами своихъ Гатчинцевъ, умѣлъ отличать и награждать достойныхъ, не обращая вниманія на ихъ происхожденіе и возрастъ. За то легко было и подвергнуться гнѣву великаго князя по самымъ ничтожнымъ поводамъ. «Великій князь», писалъ Растопчинъ въ Маѣ 1794 г., «вездѣ видитъ отпрыски революціи. Онъ всюду находитъ Якобинцевъ, и на дняхъ четыре офицера были арестованы за то, что косы ихъ оказались слишкомъ коротки—вѣрный признакъ революціоннаго духа» [38]). Такая мелочность проявлялась у Павла Петровича и въ другихъ случаяхъ, и, что̀ было всего хуже, дѣйствуя часто необдуманно, подъ вліяніемъ запальчивости и упорства, онъ иногда наказывалъ или несоразмѣрно проступкамъ, или за чужія вины [49]). Были даже случаи огульнаго и притомъ строгаго взысканія; такъ однажды, еще до примиренія Маріи Ѳеодоровны съ Нелидовою, 35 матросовъ изъ морскаго баталіона, имѣвшихъ семейства и жившихъ въ Павловскѣ, присуждены были къ отсылкѣ во флотъ за какую-то ничтожную провинность. Марія Ѳеодоровна, узнавъ объ этомъ, писала Плещееву: «Это, правда, другъ мой, что я сама удивляюсь тому, что имѣю иногда нѣсколько веселыхъ минутъ. Отъ чистаго сердца благодарю за это Господа; но, говоря по правдѣ, я не совсѣмъ искренна, потому что эти несчастные матросы, которые разсчитывали жить въ деревнѣ спокойно и счастливо и которые доставляли пропитаніе своимъ женамъ и дѣтямъ, а въ настоящее время вопреки справедливости отосланы во флотъ, не выходятъ у меня изъ головы: что̀ станется съ ихъ женами и дѣтьми? Я желала бы, другъ мой, чтобы вы сдѣлали самыя настоятельныя представленія съ цѣлію помѣшать этой несправедливости, и въ этомъ случаѣ, чтобы оградить великаго князя отъ нареканій, я думаю даже, что Богъ и честь дозволятъ даже прибѣгнуть къ вліянію «маленькой», если она можетъ воспрепятствовать этому дѣйствію, которое произведетъ самое дурное впечатлѣніе для моего мужа. Вы увидите, другъ мой, что эти батальоны доставятъ самому великому князю много огорченій и непріятностей, и подумайте о томъ, что Императрица, раздраженная этимъ

---

[38]) *Арх. Князя Воронцова*, VIII, 93.

[49]) Много случаевъ подобнаго рода собрано у *Masson* Mémoires secrets 317—324. *Кобеко*, 437.

послѣднимъ поступкомъ (онъ, дѣйствитесьно, вполнѣ носитъ характеръ плохой шутки: какъ отсылать отъ себя 35 человѣкъ и притомъ еще матросовъ, и въ тоже время просить себѣ 1500 солдатъ?) отниметъ ихъ у него совершенно, и что̀ будетъ тогда съ нами отъ дурнаго настроенія духа, которое на насъ обрушится?..» [40]) Теперь Марія Өеодоровна могла уже личнымъ вліяніемъ обуздывать порывы раздражительности своего супруга, хотя, разумѣется, бывали случаи, когда даже власть Нелидовой надъ умомъ и темпераментомъ Павла Петровича, къ горю Маріи Өеодоровны, оказывалась недостаточной. Оттого и размолвки между Маріей Өеодоровной и Нелидовой не имѣли уже прежняго, остраго характера [41]). Чтобы имѣть возможность лично и своевременно предупреждать необдуманные поступки великаго князя, Марія Өеодоровна почти всегда присутствовала на воинскихъ его упражненіяхъ, которыя начинались въ лѣтнее время очень рано, при восходѣ солнца [42]) и совершались во всякую погоду. Съ маневровъ, тянувшихся иногда цѣлые дни, великая княгиня не разъ возвращалась усталая, измокшая, иззябшая, но довольная тѣмъ, что могла хотя отчасти смягчить гнѣвъ Павла Петровича на кого-либо изъ провинившихся [43]). Угождая вкусамъ своего супруга, Марія Өеодоровна, казалось, забыла любовь свою къ природѣ и тихой, мирной жизни на ея лонѣ. Даже Павловскъ, любимое ея созданіе, потерялъ отчасти свою прежнюю, идиллическую простоту, и весною, и лѣтомъ, во время пребыванія въ немъ великокняжескаго двора, принималъ видъ военнаго лагеря. Его окружали цѣпью военныхъ карауловъ, которые опрашивали всѣхъ ѣдущихъ и проходящихъ, куда они направляются, откуда и съ какою цѣлью. Каждый вечеръ обходили всѣ дома, чтобъ убѣдиться, нѣтъ ли тамъ иностранцевъ. Аресто-

---

[40]) Письмо безъ даты.

[41]) Марія Өеодоровна Плещееву: „Ne voulant pas envoyer chez notre petite, je vous prie me dire par un mot ce qui s'est passé aujourd'hui. Je sais qu'il y a de nouveau, mais j'ignore en quoi il consiste et ne pourrai le savoir que ce soir. Au nom de Dieu, soutenez son courage, le bon Dieu sera pour elle, et la vérité triomphera“. Письмо безъ даты, но на оборотѣ его рукою Плещеева написано: „1795, concernant l'emper. Paul“.

[42]) Марія Өеодоровна Плещееву: „Je vous avertis que mon mari se lève à $3^{3}/_{4}$ et que l'exercice commencera après les 4 heures; c'est parfaitement bien fait pour éviter la chaleur“. Безъ даты.

[43]) *Masson* Mémoires secrets, I, 226, 328. Массонъ замѣчаетъ при этомъ, что Марію Өеодоровну въ такихъ случаяхъ часто сопровождала и Нелидова.

вывали всякаго, кто имѣлъ круглую шляпу (признакъ революціоннаго духа) или шелъ съ собакой. Павелъ Петровичъ съ высоты башни у дворца самъ слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ своихъ приказаній и, замѣчая какую либо неисправность на караулахъ или малѣйшее отступленіе отъ правилъ военнаго устава, иногда отправлялся лично наказывать виновныхъ. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Павловскъ, привлекавшій прежде въ лѣтнее время красотою своего мѣстоположенія и деревенской простотой жизни, сдѣлался теперь пустыннымъ. Многіе нарочно объѣзжали Павловскъ, дѣлая нѣсколько лишнихъ верстъ, чтобъ только избѣжать установленныхъ въ немъ формальностей и миновать встрѣчи съ мнительнымъ и суровымъ цесаревичемъ. Но объѣзды эти только еще болѣе возбуждали его подозрительность, и онъ наконецъ приказалъ своимъ разъѣздамъ задерживать и подвергать допросу всѣхъ, кто только обнаруживалъ намѣреніе уклониться отъ прямой дороги въ Павловскъ [44]). Какъ ни тяжелы были такіе порядки для жителей Павловска, но они могли считать себя счастливыми въ сравненіи съ жителями Гатчины, гдѣ было введено постоянное военное управленіе.

На живомъ примѣрѣ братьевъ своихъ, Фридриха и Людвига, Марія Ѳеодоровна видѣла весь вредъ исключительнаго занятія мелочами военной службы подъ одностороннимъ вліяніемъ постояннаго обращенія съ солдатами. Поэтому она пробовала смягчать грубыя привычки цесаревича, развитыя въ немъ условіями военной жизни, стараясь пробудить въ немъ умственныя и эстетическія потребности, еще такъ сравнительно недавно проявлявшіяся въ нравственной личности Павла Петровича. Но этой своей цѣли великая княгиня могла достигнуть лишь отчасти. Литературныя чтенія и бесѣды, спектакли, игры, въ которыхъ остроуміе смѣшивалось съ веселостію (les jeux d'esprit), всѣ эти тихія развлеченія прежнихъ счастливыхъ лѣтъ семейной жизни великокняжеской четы, съ измѣненіемъ характера цесаревича и его обстановки, потеряли для него навсегда свое значеніе: все было искусственно, мертво и блѣдно. Стараясь всѣми возможными средствами вызвать улыбку на уста своего сумрачнаго, суроваго супруга, великая княгиня, вмѣстѣ

---

[44]) Тамъ же, 319—320.—Въ Маѣ 1795 г. директору Павловска Роткирху цесаревичъ приказалъ доводить до его свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, пріѣзжавшихъ въ Павловское. Даже вполнѣ разумныя мѣры цесаревича, приводимыя въ исполненіе неразумными его слугами, служили поводомъ къ его обвиненію; аресты людей шедшихъ съ собаками объясняются тѣмъ, что Павелъ Петровичъ принялъ въ это время мѣры противъ бѣшеныхъ собакъ. *Павловскъ*, 81.

съ тѣмъ, испытывала смертельную тоску изъ боязни, что онъ останется недоволенъ предложеннымъ ему развлеченіемъ; а лица, допущенныя въ домашній кружокъ малаго двора, въ минуты самой искренней веселости, не смѣли забыть того, что они находятся въ присутствіи властелина, гнѣвъ котораго можно возбудить каждымъ не вполнѣ обдуманнымъ словомъ или движеніемъ. Для спектаклей, сообразно вкусу Павла Петровича, выбирались преимущественно небольшія оперетки; напротивъ того, живыя картины вовсе исключались. Ближайшими помощниками Маріи Θеодоровны въ устройствѣ семейныхъ праздниковъ для Павла Петровича были камергеръ А. Л. Нарышкинъ и кн. Н. Б. Юсуповъ. Съ цѣлію повеселить Павла Петровича, она, какъ и прежде, входила во всѣ самыя мелочныя подробности приготовлявшихся спектаклей [45]). Иногда съ ними связаны были насущные, практическіе интересы великокняжеской четы. «Я очень признательна вамъ, мой добрый и достойный Плещеевъ», писала однажды Марія Θеодоровна, «за ваши старанія помочь мнѣ развеселить нашего дорогаго великаго князя, который далекъ отъ мысли возвращаться въ городъ, что̀ заставило меня пустить въ ходъ всѣ эти дурачества (toutes ces folies) съ цѣлію развлечь его немного. Но, признаюсь вамъ, я не безъ ужаса переѣду въ городъ: ожиданіе страданій всегда гнетущимъ образомъ дѣйствуетъ на человѣка, а въ моемъ положеніи страданія эти неизбѣжны» [46]).

Неизбѣжны они были потому, что отношенія цесаревича къ Императрицѣ по прежнему были холодны и принужденны. Мало того, успокоенный хотя отчасти въ своей недовѣрительности о политическихъ планахъ своей супруги, Павелъ Петровичъ именно въ 1794 году получилъ ясное и неопровержимое доказательство намѣренія Екатерины лишить его права престолонаслѣдія въ пользу старшаго его сына, котораго Павелъ самъ отталкивалъ отъ себя своею холодностію. Дурныя отношенія Павла къ сыновьямъ, разумѣется, благопріятствовали плану Императрицы; но усилія Маріи Θеодоровны смягчить своего супруга, быть можетъ, остались бы безуспѣшны, если бы ей нежданно не явился на помощь человѣкъ, котораго Павелъ не хотѣлъ видѣть цѣлыхъ три года и имени котораго онъ не могъ произнести иначе, какъ съ бранью: это былъ любимый наставникъ Александра Павловича, Лагарпъ. Отказавшись содѣйствовать Екатеринѣ въ ея намѣреніи, Лагарпъ, наоборотъ, не щадилъ ничего, чтобы поселить добрыя отношенія между великимъ княземъ и его сыновьями. «Онъ, разсказываетъ Лагарпъ, словно умышленно отталкивалъ ихъ своими грубыми выходками; дѣти жалова-

---

[46]) *О родѣ князей Юсуповыхъ*, 289—292.

[47]) Письмо безъ даты.

лись мнѣ на отца, и мнѣ стоило большаго труда истолковывать его дѣйствія съ выгодной стороны и сохранить въ нихъ сыновнюю привязанность. Не смотря на приписываемый мнѣ карбонаризмъ, я былъ до глубины души возмущенъ предстоящею насильственною мѣрою и ломалъ себѣ голову, какимъ бы образомъ предостеречь Павла, постоянно окруженнаго шпіонами и злонамѣренными друзьями. Одно неосторожное слово, вырвавшееся у него, могло бы повлечь за собою самыя гибельныя послѣдствія. Много затрудненій надо было преодолѣть, чтобы добиться свиданія съ Павломъ, который былъ сильно вооруженъ противъ меня, около трехъ лѣтъ не говорилъ со мною ни слова и даже отворачивался отъ меня при встрѣчѣ. Наконецъ, мнѣ удалось достичь желаемаго. Не открывая великому князю своихъ предположеній, я успѣлъ убѣдить его въ необходимости измѣнить обращеніе съ дѣтьми. Я разсѣялъ сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему сыновей, и торжественно заклиналъ его имѣть къ нимъ полное довѣріе, сдѣлаться ихъ другомъ и всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не чрезъ третье лицо и т. д. Павелъ понялъ меня и съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать»[47]). За это свое вмѣшательство честный и прямодушный Лагарпъ былъ наказанъ Императрицей: его удалили изъ Россіи. Но голосъ этого страстнаго республиканца, не желавшаго стать интриганомъ даже для торжества своихъ идей, проникъ въ сердце рыцарскаго Павла Петровича и, къ радости Маріи Ѳеодоровны, существенно облегчилъ ей дѣло сближенія между отцомъ и сыновьями.

Марія Ѳеодоровна могла радоваться этому вдвойнѣ. Отчужденные отъ родителей, сыновья ея попали въ кругъ дурныхъ людей и, выйдя изъ-подъ опеки Лагарпа, получали дурное направленіе. Осо-

---

[47]) *Сухомлиновъ*, Изслѣдованія и проч., II, 97. —„Получивъ дозволеніе явиться къ великому князю, жившему тогда въ Гатчинѣ, Лагарпъ отправился въ туже ночь въ Гатчину и рано утромъ былъ уже въ дворцовой пріемной. Великому князю чрезвычайно понравилась эта быстрота. Онъ принялъ Лагарпа весьма привѣтливо, пригласилъ его на балъ, а Марія Ѳеодоровна изъявила желаніе съ нимъ танцовать и тѣмъ поставила его въ неловкое положеніе, потому что съ нимъ не было перчатокъ. Великій князь вывелъ его изъ затрудненія, предложивъ ему свои. Лагарпъ хранилъ ихъ до своей смерти, какъ воспоминаніе о памятномъ для него днѣ, когда словно переродился его давній недоброжелатель. Императоръ Павелъ, незадолго до своей кончины, говорилъ сыну своему Александру Павловичу, что онъ не можетъ безъ умиленія вспомнить о послѣднемъ свиданіи своемъ съ Лагарпомъ“. Тамъ же, 98—99.

бенно разительна была перемѣна въ Александрѣ Павловичѣ. Послѣ ранняго своего брака онъ, на 17-мъ году своего возраста, не только прекратилъ свои учебныя занятія, но, поддавъ вліянію гофмейстерины своей жены, графини Шуваловой, «упражнялся, по словамъ своего воспитателя Протасова, съ ружьемъ и въ прочихъ мелочахъ, разными шутками съ парикмахеромъ и прочими комнатными, не свойственными никакъ съ даннымъ ему воспитаніемъ, чего Протасовъ не въ силахъ былъ прекратить, тѣмъ паче, что братъ меньшой давалъ ему къ тому способъ» [48]). Въ началѣ 1794 г. Александръ Павловичъ два мѣсяца употребилъ на сооруженіе дѣтскаго театрика и въ Мартѣ показывалъ представленіе, куклами и машинками, балета «Дидона», въ присутствіи брата, великой княгини Елисаветы Алексѣевны, Протасова и гр. Шуваловой. Въ довершеніе всего, графиня Шувалова увѣряла молодыхъ супруговъ, что «нѣтъ ничего вѣчнаго и что самая любовь не можетъ быть навсегда» [49]). Елисавета Алексѣевна по развитію и характеру своему стояла въ то время выше своего мальчика-супруга и, разумѣется, не могла быть довольна, что Александръ Павловичъ, увлекаясь шалостями, оставлялъ ее одну [50]). Между тѣмъ, гр. Шувалова преслѣдовала свои цѣли: всемогущій фаворитъ Зубовъ влюбился въ молодую великую княгиню и сдѣлалъ Шувалову своей пособницей. Презрѣніе Елисаветы Алексѣевны положило конецъ этой интригѣ [51]). Съ своей стороны и Александръ Павловичъ сталъ податливѣе на внушенія Протасова, сдѣлался серьезнѣе по отношенію къ своимъ учебнымъ занятіямъ и охотно оставлялъ большой дворъ съ его развлеченіями, чтобы, по зову отца и матери, проводить время въ ихъ обществѣ, въ Павловскѣ и Гатчинѣ. Вмѣсто одного раза въ недѣлю, какъ это бывало въ предыдущіе годы, Александръ ѣздилъ туда лѣтомъ 1795 и 1796 г. вмѣстѣ съ братомъ чуть не каждый день [52]) и здѣсь, предавшись изученію военнаго дѣла, подъ руководствомъ отца, усвоилъ себѣ на всю жизнь его страсть къ мелочамъ военной службы, парадамъ и церемоніямъ. Здѣсь также, очутившись въ положеніи посторонняго наблюдателя, Александръ Павловичъ имѣлъ случай ближе ознакомиться съ жизнію своихъ родителей, войти въ кругъ ихъ интересовъ и оцѣнить сынов-

---

48) *Записки А. Я. Протасова*, Др. и Новая Россія, 1880, VIII, 768.

49) Тамъ же, 774.

50) Тамъ же.

51) Письма графа Ростопчина къ графу С. Р. Воронцову. *Арх. Кн. Воронцова*, VIII, 119, 125.

52) *Сборникъ Императорскаго Р. И. Общества*, V, 21, 26.

нимъ сердцемъ дурныя отношенія къ нимъ бабушки [53]). Это окончательно примирило отца съ сыномъ и, считая Протасова главнымъ виновникомъ перемѣны въ поведеніи Александра Павловича, великокняжеская чета, при отъѣздѣ Протасова въ Москву, простилась съ нимъ весьма милостиво и благодарила его за то, что «онъ возвратилъ имъ сына» [54]). Сама Екатерина невольно способствовала этому сближенію отца съ сыномъ, не давая ему никакой пищи для дѣятельности. Екатерина готовила своего старшаго внука къ престолу и, между тѣмъ, не только не призывала его къ участію въ дѣлахъ правленія государствомъ, но даже не знакомила съ Россіей и ея нуждами. Однажды Императрица задумала было отправить Александра Павловича вмѣстѣ съ знаменитымъ впослѣдствіи Кутузовымъ для осмотра Финляндскихъ крѣпостей; но самъ молодой великій князь отнесся совершенно равнодушно къ этому порученію, и мысль о поѣздкѣ была оставлена [55]). При дворѣ Екатерины Александръ Павловичъ являлся только на пріемахъ, вечерахъ и эрмитажныхъ собраніяхъ. Быть можетъ, старѣющая Императрица считала пока неудобнымъ давать внуку права, въ которыхъ всегда отказывала своему сыну и законному наслѣднику, и отлагала политическое воспитаніе Александра до того времени, когда, за лишеніемъ Павла Петровича права престолонаслѣдія, Александръ явится естественнымъ и законнымъ помощникомъ ея въ дѣлѣ управленія государствомъ.

Какъ бы то ни было, вынужденная бездѣятельность молодаго великаго князя имѣла для него и Россіи самыя прискорбныя послѣдствія. Усвоивъ себѣ отъ отца страсть къ мелочамъ военной службы, Александръ въ это же время вступилъ въ тѣсныя дружескія отношенія съ молодымъ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, который въ Апрѣлѣ 1795 года явился вмѣстѣ съ братомъ своимъ ко двору Екатерины, чтобы, по желанію своихъ родителей, склонить ее къ возвращенію помѣстій конфискованныхъ у фамиліи Чарторыжскихъ. Воспитанникъ Лагарпа съ увлеченіемъ развивалъ предъ вкрадчивымъ Полякомъ свои мечтательныя идеи о свободѣ и равенствѣ и вмѣстѣ съ нимъ скорбѣлъ объ участи Польши въ то именно время, когда его державная бабушка заботилась о возвращеніи Россіи исконныхъ Русскихъ областей, на-

---

[53]) *Czartoryski* Mémoires, I, 111. Самъ Александръ какъ бы не сознавалъ этой своей склонности. Письмо къ Лагарпу въ Сборникѣ Имп. Русскаго Истор. Общества, V, 23.—Ср. XI главу нашего труда.

[54]) *Арх. Кн. Воронцова*, XV, 91.

[55]) *Czartoryski* Mémoires, I, 108.

ходившихся подъ Польскимъ владычествомъ [56]). По свидѣтельству самого Чарторыжскаго, ничто не мѣшало его дружескимъ отношеніямъ къ Александру. Императрица не знала о содержаніи его бесѣдъ съ ея внукомъ и показывала видъ равнодушія, а Марія Θеодоровна даже ласкала Чарторыжскихъ, на сестрѣ которыхъ, Маріаннѣ, женатъ былъ братъ ея Людвигъ. Еще въ 1792 г. Маріанна оставила мужа, не имѣя силъ выносить его грубое обхожденіе, и Марія Θеодоровна надѣялась посредствомъ братьевъ побудить ее вновь сойтись съ мужемъ [57]).

Сближаясь съ родителями и съ Чарторыжскимъ, Александръ Павловичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдалился отъ бабушки, которая по прежнему боготворила его. Сыновнее чувство заговорило въ немъ и, не одобряя холодныхъ отношеній Екатерины къ его родителямъ, онъ всегда съ ужасомъ отвергалъ мысль о своемъ вступленіи на престолъ въ ущербъ правамъ отца [58]); онъ не считалъ себя и способнымъ къ управленію такимъ государствомъ, какъ Россія и, подъ вліяніемъ идиллически-сентиментальныхъ воззрѣній, воспринятыхъ имъ въ отроческіе его годы, выражалъ даже желаніе провести жизнь гдѣ-нибудь въ тихомъ уголку Швейцаріи или Германіи, на лонѣ природы, въ скромной семейной обстановкѣ [59]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, любимый внукъ Екатерины рѣшительно осуждалъ ея образъ жизни, ея внутреннюю и внѣшнюю политику [60]). Само собою разумѣется, что, привыкнувъ издавна скрывать свои мысли и чувства, Александръ Павловичъ внѣшнимъ своимъ поведеніемъ не подавалъ Екатеринѣ повода догадываться о его неблагопріятномъ для нея настроеніи; но тѣмъ не менѣе, она съ неудовольствіемъ смотрѣла на частыя поѣздки молодыхъ великихъ князей въ Павловскъ и Гатчину и, наоборотъ, радовалась, когда великокняжеская чета, уѣзжая въ лѣтнія свои резиденціи, оставляла ее въ

---

[56]) Тамъ же, 96. Марія Θеодоровна, подобно Павлу Петровичу, не сочувствовала Польскимъ революціонерамъ, видя въ нихъ подражателей Французамъ. Послѣ извѣстнаго возстанія въ Варшавѣ, Марія Θеодоровна писала Бенкендорфу, находившемуся въ арміи Репнина: „J'espère que vous aurez bien marché de ces vilains Polonais, qui tâchent d'imiter les horreurs français: ils pendent au lieu que ceux là guillotinent". Письмо 24 Іюля 1794 г.

[57]) Тамъ же, 101, 70.

[58]) *Mémoires de la comtesse Edling*, 33—35.—*Czartoryski*, I, III.

[59]) Письмо Александра къ Лагарпу 1796 года, *Сборникъ Р. И. О.* V, 23—24.—Письмо его же къ Кочубею отъ 10 Мая 1796 г. у *Корфа*: Восшествіе на престолъ императора Николая I, Спб., 1857, 3—7.

[60]) *Czartoryski*, 96, III.—*Корфъ*, 3—6.—Edling, 35.

молодомъ обществѣ ея внуковъ и внучекъ [61]. Но и въ этомъ случаѣ проглядывало иногда раздраженіе Екатерины противъ великокняжеской четы: пользуясь страстью Константина Павловича къ буффонству, она заставляла его копировать отца ко смѣху однихъ присутствующихъ и затаенному негодованію другихъ [62]. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она сообщала Гримму въ веселомъ тонѣ о другихъ грубыхъ, даже непристойныхъ выходкахъ Константина, направленныхъ уже противъ самой Маріи Ѳеодоровны [63]. Разумѣется, такимъ отношеніемъ къ недостаткамъ молодаго и безъ того распущеннаго великаго князя Императрица не только не исправляла его, а, напротивъ, поощряла къ дальнѣйшимъ подвигамъ въ томъ же родѣ. Между тѣмъ, даже Александръ Павловичъ, любившій брата и цѣнившій его знаніе военной службы, съ горечью отзывался о недостаткахъ его характера и крайней невоздержности въ поступкахъ [64]. Самъ Константинъ, придя въ возрастъ, обвинялъ въ недостаткахъ своего воспитанія не родителей, а Екатерину.

Къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ для выполненія своего плана относительно престолонаслѣдія Екатерина, при всемъ своемъ раздраженіи, не приступала однако, считая почву еще недостаточно подготовленной. Прежде всего важно было для этой цѣли добиться согласія Александра Павловича и, очевидно, Императрица только выжидала для объясненія съ нимъ благопріятнаго времени.

Немилость Екатерины къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ была для нихъ тѣмъ чувствительнѣе, что ихъ финансовыя дѣла находились въ это время въ крайнемъ разстройствѣ [65], а Екатерина на просьбы ихъ о помощи отвѣчала обыкновенно отказомъ: она находила, что цесаревичъ и его супруга могли обходиться безъ долговъ, если бы не позволяли себя обкрадывать [66]. Это замѣчаніе Императрицы не было отчасти лишено основанія, такъ какъ именно въ 1795 г. обнаружена была крупная растрата въ 300 тысячъ рублей, сдѣланная

---

[61]) *Czartoryski*, 109.—Екатерина Гримму 6 Апрѣля 1795 г.: „Die schwere Bagage (великокняжеская чета) ist nach Gatschina seit drey Tagen abgegangen. Basta. Wenn die Katze nicht zu Hause ist, so tanzen die Mäuse über die Tische und sind glücklich und vergnügt". *Сборникъ Р. И. О.*, XXIII, 622.

[62]) *Арх. Кн Воронцова*, VIII, 106.

[63]) *Сборникъ Р. И. О.*, XXIII, 678—679.

[64]) *Сборникъ Р. И. О.*, V, 23. Письмо Александра къ Лагарпу.

[65]) *Архивъ Павловскаго дворца*: Донесеніе Николаи и письма его къ графу Литтѣ (безъ датъ) о заключеніи займа въ 500 т. рублей для великаго князя и 300 т. для его супруги.

[66]) *Р. Стар.*, 1874, I, 54.

управлявшимъ Гатчиною барономъ Борхомъ; но, разумѣется, оно нисколько не улучшало положенія великокняжеской казны, такъ что Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна вынуждены были постоянно дѣлать займы у частныхъ лицъ [67], и каждый экстренный расходъ ставилъ ихъ въ весьма затруднительное положеніе [68]).

Недостатокъ денежныхъ средствъ былъ бы для Маріи Ѳеодоровны еще тяжелѣе, если бы Германская семья ея продолжала нуждаться въ ея финансовой поддержкѣ. Большимъ утѣшеніемъ для великой княгини служило то, что отецъ ея, принцъ Фридрихъ-Евгеній, послѣ смерти брата своего Людвига, замѣнилъ его въ 1795 году въ качествѣ владѣтельнаго герцога Виртембергскаго. Судьба, однако, и въ этомъ случаѣ не вполнѣ благопріятствовала новому герцогу, такъ какъ страна была во власти Французовъ, находившихся тогда въ войнѣ съ Германской имперіей, и герцогъ Фридрихъ-Евгеній, чтобы спокойно вступить въ управленіе своимъ владѣніемъ, долженъ былъ заключить съ Франціей мирный договоръ на унизительныхъ для себя условіяхъ [69]). Какъ бы то ни было, но Марія Ѳеодоровна могла быть теперь болѣе или менѣе спокойна за участь братьевъ своихъ, всегда нуждавшихся въ деньгахъ и всегда пользовавшихся ея попеченіями и средствами. Но и отношенія къ братьямъ не представляли для Маріи Ѳеодоровны ничего утѣшительнаго, такъ какъ ея братья платили ей черною неблагодарностію въ тѣ именно тяжкіе моменты ея жизни, когда она нуждалась въ теплой нравственной поддержкѣ родныхъ ей людей. Изъ этой Монбельярской, теперь Виртембергской семьи одна лишь мать великой княгини, принцесса Доротея, не переставала выражать ей свое сочувствіе. Въ самый разгаръ Нелидовской исторіи,

---

[67]) *Кобеко*, 378—379.—Марія Ѳеодоровна нерѣдко обращалась за ссудой и къ Плещееву, какъ это видно изъ ея писемъ къ нему, причемъ нѣкоторые изъ займовъ дѣлались для благотворительныхъ цѣлей. „Mon bon Plech., писала она однажды, rendez le service, mon ami, de me prêter mille roubles que je vous rendrai dans la première huitaine de May. Je suis courte d'argent, et on m'en demande de tous côtés. Je m'adresse donc avec confiance à vous, mon ami, étant sûre que vous m'obligerez si vous le pourriez“. „Une bonne partie, писала Марія Ѳеодоровна по поводу другаго займа, de cet argent est destinée à venir au secours de quelques vrais nécessités et puis à acquitter de ces petites dettes qui me désespèrent“ и т. д. „Voici cent rb. que vous envois pour ces jeunes demoiselles; je désirerais en faire davantage, si je le pouvais; mais je suis bien pauvre dans ce moment“.

[68]) Такимъ случаемъ былъ, напр. пожаръ въ Павловскомъ дворцѣ въ 1795 и похороны въ томъ же году великой княжны Ольги.

[69]) *Сборникъ Р. И. О.*, XLIV, 751, 758.—Письма къ Екатеринѣ Гримма.

когда Павелъ Петровичъ относился къ своей супругѣ почти какъ къ своему врагу, принцесса Доротея приняла къ себѣ г-жу Бенкендорфъ, удалившуюся на время изъ Россіи, и поддерживала съ дочерью тайную интимную переписку [70]). Даже не зная о содержаніи этой переписки, мы можемъ съ увѣренностію сказать, что принцесса своими совѣтами много способствовала успокоенію духа Маріи Ѳеодоровны и успѣху примирительныхъ дѣйствій Плещеева. За то старшіе братья великой княгини, въ сущности всѣмъ ей обязанные, покинули ее и, что̀ было хуже всего, именно въ то время, когда ихъ Русская сестра разладомъ съ своимъ супругомъ лишалась возможности быть имъ существенно полезною. Снисходительному терпѣнію Маріи Ѳеодоровны по отношенію къ нимъ, однако, не было, казалось, предѣловъ. «За исключеніемъ Фердинанда», писала она 20 (31) Іюля 1793 года Моклеру, «никто изъ моихъ братьевъ не пишетъ мнѣ. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ я не видѣла почерка Вильгельма (т. е. Фридриха, знаменитаго мужа Зельмиры); онъ, не смотря на мои настоянія и убѣжденія писать къ отцу и матери, продолжаетъ соблюдать свое молчаніе и по отношенію къ нимъ. Добрый и милый Евгеній пишетъ мнѣ три или четыре раза въ годъ; его прелестная жена также... Уже около года я ничего не знаю объ Александрѣ... Меня увѣряютъ, что оба мои старшіе брата здоровы; это все, что̀ я знаю про нихъ». «Вы видите», заключала эту свою жалобу Марія Ѳеодоровна, «что братья мои пренебрегаютъ мною; но оттого я не перестану быть для нихъ доброю сестрою» [71]). И дѣйствительно, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, великая княгиня ждала лишь случая оказать неблагодарнымъ братьямъ своимъ новыя услуги, забывъ всѣ свои огорченія, отъ нихъ перенесенныя. Нѣжность души своей и заботливость о близкихъ себѣ людяхъ Марія Ѳеодоровна проявила и по отношенію къ дѣтямъ своей изгнанной отъ двора подруги, г-жи Бенкендорфъ. Не боясь неудовольствія Павла Петровича, великая княгиня приняла на себя попеченія о воспитаніи ея сыновей, Александра и Константина: оба они помѣщены были ею въ пансіонъ Французскаго эмигранта аббата Николя [72]). Пансіонъ этотъ считался тогда лучшимъ въ Петербургѣ, вся Русская знать отдавала туда своихъ дѣтей; но ихъ воспитаніемъ въ чуждомъ Русскихъ началъ духѣ завѣдывали исключительно иностранцы, преимущественно Іезуиты, совращавшіе многихъ изъ своихъ питомцевъ въ католичество [73]). По отношенію

[70]) Письмо Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву безъ даты.

[71]) *Stark*, 107.

[72]) Письмо Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву безъ даты.

[73]) *Морошкинъ*, Іезуиты въ Россіи, I, 261—264.

къ молодымъ Бенкендорфамъ Французскіе эмигранты проявляли особую заботливость, такъ какъ Марія Θеодоровна постоянно слѣдила за успѣхами Бенкендорфовъ въ пансіонѣ и вникала во всѣ подробности ихъ школьной жизни. Разумѣется, эмигранты воспользовались этимъ случаемъ, чтобы войти въ особую милость высокой покровительницы Бенкендорфовъ и пріобрѣсти новыя права на ея довѣріе и благодарность [74]).

Въ семейной жизни Маріи Θеодоровны, по окончаніи Нелидовской исторіи, также произошли нѣкоторыя перемѣны. 7-го Января 1795 г. великокняжеская чета была обрадована рожденіемъ шестой дочери, великой княжны Анны Павловны. Но вслѣдъ за этимъ здоровье Маріи Θеодоровны подверглось серьезному испытанію: недѣлю спустя послѣ этого счастливаго событія, скончалась двухлѣтняя великая княжна Ольга, которая пользовалась особою привязанностію къ себѣ матери [75]). Императрица, мало интересовавшаяся внучками, на сколько можно судить по ея письмамъ къ Гримму, равнодушно отнеслась къ этимъ событіямъ [76]). Совсѣмъ иначе подѣйствовало на нее рожденіе въ ночь съ 24-го на 25 Іюня 1796 г. третьяго внука, Николая: рожденіе это еще болѣе обезпечивало порядокъ престолонаслѣдія въ мужскомъ колѣнѣ императорской фамиліи [77]). Почему-то именно это время Екатерина сочла благопріятнымъ, чтобы осуществить давно лелѣянную ею мечту о провозглашеніи Александра Павловича наслѣдникомъ престола. Роды Маріи Θеодоровны, какъ обыкновенно, и на этотъ разъ происходили въ Царскомъ Селѣ. Тотчасъ послѣ крещенія новорожденнаго великаго князя, Павелъ Петровичъ уѣхалъ въ Павловскъ; а вслѣдъ затѣмъ, къ великому изумленію Маріи Θеодоровны, Екатерина доставила ей бумагу, въ которой шла рѣчь о томъ, чтобы побудить Павла Петровича къ отказу отъ правъ престолонаслѣдованія въ пользу Александра Павловича, и требовала, чтобы Марія Θеодоровна своею подписью засвидѣтельствовала свое согласіе на эту мѣру. Марія Θеодоровна отказалась отъ этого съ негодованіемъ, чѣмъ чрезвычайно раздражила Императрицу. Гнѣвъ свой на непокорную невѣстку Екатерина проявила при прощаніи съ нею 3 Августа, когда она, принявъ 40 дневную молитву, уѣзжала въ Павловскъ. Прощаніе было крайне холодно.

---

[74]) Марія Θеодоровна оказывала имъ и денежную помощь въ это время, какъ это видно изъ писемъ ея къ Плещееву.

[75]) *Арх. Кн. В.*, XXIX, 289—290.

[76]) *Сборникъ Р. И. О.* XXIII.

[77]) *Арх. Кн. В.*, XXII, 10.—*Сборникъ Р. И. О.*, XXIII, I, 110.—*Czartoryski.* Письмо отъ 25 Іюня, въ самый день рожденія Николая Павловича.

Императрица сказала только: «comment vous portez-vous, madame la grande-duchesse?» и Марія Өеодоровна оставила Царское Село подъ самыми тягостными впечатлѣніями [80]). Испытавъ неудачу у невѣстки, Екатерина оказалась болѣе счастлива, повидимому, при переговорахъ съ Александромъ Павловичемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она выяснила ему всю государственную необходимость этой мѣры, и великій князь кончилъ тѣмъ, что 24 Сентября письменно выразилъ бабушкѣ полное свое согласіе [81]). Но сближеніе съ родителями и образъ мыслей Александра достаточно свидѣтельствуютъ, что это его согласіе было вынужденнымъ съ его стороны, и имѣло цѣлію лишь выиграть время. Еще мѣсяцъ тому назадъ, въ Августѣ 1796 года, онъ писалъ Лагарпу, что онъ вообще всѣмъ «очень доволенъ, особенно батюшкой и матушкой» [82]). Въ тоже время Павелъ Петровичъ и Марія Өеодоровна благодарили Протасова за то, что онъ «возвратилъ имъ сына» [83]). Уже изъ этого можно вывести заключеніе, что Александръ дѣйство-

---

[80]) Рукописный разсказъ со словъ королевы Нидерландской Анны Павловны.

[81]) Приводимъ письмо это въ подлинникѣ: „Votre Majesté Impériale. Jamais je ne pourrais exprimer ma reconnaissance pour la confiance dont Votre Majesté a bien voulu m'honorer et la bonté qu'elle a daigné avoir de faire de sa main un écrit servant d'intelligence aux autres papiers. J'espère que Votre Majesté verra par mon zèle à mériter ses précieuses bontés que j'en sens tout le prix. Je ne pourrais, il est vrai, jamais assez payer même de mon sang tout ce qu'elle a daigné et veut bien encore faire pour moi. Ces papiers confirment évidemment toutes les réflexions que Votre Majesté a bien voulu me communiquer tantôt et qui, s'il m'est permis de le dire, ne peuvent être plus justes. C'est en mettant encore une fois aux pieds de Votre Majesté Impériale les sentiments de ma plus vive reconnaissance que je prends la liberté d'être avec le respect le plus profond et l'attachement le plus inviolable de Votre Majesté Impériale le très humble et très soumis sujet et petit-fils Alexandre. Ce 24 septembre 1796".—Замѣтимъ, что письмо это найдено въ бумагахъ Платона Зубова, которому, конечно, извѣстенъ былъ весь ходъ дѣла о престолонаслѣдіи. *Czartoryski*, I, 244.

[82]) *Сборникъ Р. И. О.*, V, 28.

[83]) *Арх. Кн. Вороиц.*, XV, 90—91. Весьма любопытно, что именно въ это время происходила размолвка между Маріей Өеодоровной и Нелидовой. Это доказываетъ, что отношенія ихъ уже не были до такой степени напряженны, какъ прежде, и что Нелидова не имѣла уже господствующаго вліянія надъ умомъ Павла Петровича. „Она уже восемь мѣсяцевъ жила въ Смольномъ монастырѣ, поссорившись съ великой княгиней въ Гатчинѣ", писалъ гр. Растопчинъ въ Ноябрѣ 1796 г. *Арх. Кн. Воронцова*, VIII, 165.

валъ по заранѣе обдуманному плану. И дѣйствительно, сближеніе его съ родителями ознаменовалось въ концѣ концовъ тѣмъ, что, для успокоенія подозрительности отца, онъ призналъ его императоромъ еще при жизни бабушки, именуя его въ письмахъ своихъ, относящихся къ этому времени, не иначе, какъ «ваше императорское величество» *). Зная характеръ Павла Петровича и послѣдующія его дѣйствія, мы можемъ съ нѣкоторою достовѣрностію предположить, что онъ не удовольствовался однимъ словеснымъ или письменнымъ признаніемъ своихъ правъ со стороны Александра, а привелъ его къ присягѣ себѣ, какъ императору. Поэтому, нѣтъ никакого сомнѣнія, что Александръ Павловичъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, потерявшій почву подъ ногами, съ единственною цѣлію успокоить царственную бабушку. Есть нѣкоторыя основанія думать, что эти дѣйствія Александра были слѣдствіемъ соглашенія его съ матерью. Но что̀ было бы, если бы про письмо его къ Екатеринѣ узналъ цесаревичъ? Недаромъ Марія Ѳеодоровна постаралась скрыть отъ своего супруга требованіе, съ которымъ такъ недавно обращалась къ ней Екатерина [82]).

Обстоятельства, при которыхъ Александру Павловичу пришлось дать свое яко бы согласіе на новый предложенный Екатериною порядокъ престолонаслѣдія, до нѣкоторой степени объясняютъ его поступокъ. Быть можетъ, любимый внукъ Императрицы не захотѣлъ своимъ рѣшительнымъ отказомъ наносить ей новаго удара, и при томъ самаго тяжкаго, въ то именно время, когда ея гордость и здоровье были жестоко потрясены неудачнымъ исходомъ другаго взлелѣяннаго ею плана. Въ 1795—1796 гг. 66-тилѣтняя Императрица, какъ бы предчувствуя близость своей кончины, спѣшила, обезпечивая судьбу Россіи, устроить участь и старшихъ дѣтей великокняжеской четы, приходившихъ уже въ возрастъ. Въ концѣ 1795 г., по вызову Екатерины, прибыла въ Петербургъ герцогиня Саксенъ-Кобургская съ тремя дочерьми, изъ которыхъ одна должна была сдѣлаться невѣстой великаго князя Константина Павловича. Выборъ его палъ на младшую изъ нихъ, принцессу Юліану, которая, перейдя въ православіе, наречена была Анной Ѳеодоровной. 17 Февраля совершилось ея бракосочетаніе. Великій князь, не достигшій еще въ то время даже 17-ти лѣтняго возраста и уже извѣстный по несдержанности и странному характеру, не могъ, однако, понимать важности сдѣланнаго

*) Такъ титуловалъ Павла Петровича и Аракчеевъ еще до 6 Ноября 1796 г. П. Б.

82) Разсказъ королевы Анны Павловны.—Павелъ Петровичъ узналъ объ этомъ уже по восшествіи своемъ на престолъ и былъ крайне недоволенъ этимъ поступкомъ своей супруги.

имъ шага и святости брачнаго союза, и съ первыхъ же дней супружества обнаружилъ свойства и привычки, не обѣщавшія счастія новой великой княгинѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, оказались призрачными и надежды, что великая княгиня Анна Ѳеодоровна, пріобрѣтшая общія симпатіи своимъ кроткимъ характеромъ и нравственными качествами, сумѣетъ благотворно дѣйствовать на образъ жизни своего супруга [83]). Но главное вниманіе Императрицы обращено было на судьбу старшей ея внучки, Александры Павловны. Молодой великой княжнѣ только что минуло 13 лѣтъ. Подобно другимъ своимъ сестрамъ, она получила воспитаніе преимущественно подъ руководствомъ и наблюденіемъ г-жи Ливенъ, которая пользовалась одновременно довѣріемъ и бабушки, и матери своихъ царственныхъ воспитанницъ. Для Маріи Ѳеодоровны добрыя и почтительныя отношенія къ ней Ливенъ были тѣмъ дороже, что она сама, по желанію Екатерины, не могла прямо вмѣшиваться въ дѣло воспитанія своихъ дочерей: даже низшія лица, составлявшія ихъ штатъ, назначаемы были самой Екатериной по рекомендаціи Ливенъ [84]). Воспитаніе великихъ княженъ, по духу того времени, не оставляло желать ничего лучшаго: всѣ современники единогласно отдавали справедливость ихъ граціи, нравственнымъ свойствамъ и развивавшейся красотѣ [85]). Но Екатерина не даромъ, еще во дни рожденія своихъ внучекъ, безпокоилась о ихъ будущности, сознавая трудности, которыя будутъ сопряжены съ выдачею ихъ замужъ [86]). По старому, еще до-петровскому обычаю, царевны не могли вступать въ бракъ съ подданными, и этотъ обычай впослѣдствіи могъ найти себѣ оправданіе въ той же боязни дворскихъ интригъ и вмѣшательства отдѣльныхъ фамилій въ дѣла государственнаго управленія, которая побуждала искать и невѣстъ для членовъ царствующаго дома не въ Россіи, а за границей. Выдавать Русскихъ ве-

---

[83]) *Masson* Mémoires secrets, I, 275; II, 168.—Письма гр. Растопчина въ *Арх. Кн. Воронц.* VIII.—Отзывы Екатерины въ *Сборникѣ Р. И. О.* XXIII, въ письмахъ къ Гримму.—Самъ Константинъ Павловичъ сначала былъ очень доволенъ своей женитьбой. *Сборникъ Р. И. О.*, V, 60. Ср. тамъ же отзывы объ Аннѣ Ѳеодоровнѣ Александра Павловича, 23.

[84]) Письмо къ Плещееву безъ даты; „Quant à Isäeff, demandez, je vous prie, à Nicolai tout ce que j'ai fait pour sa famille faisant donner à mes frais ses filles, car l'Imp. nomme jusqu'aux filles de garde-robe“.—„Quant à l'Anglaise, писала она еще, „nous n'osons pas placer une âme chez les enfants: chaque personne est nommée par l'Imp.; mais si elle s'adressoit à la générale, cela iroit peut-être; quand je la reverrai, je lui en parlerai“.

[85]) Masson, гр. Растопчинъ и др.

[86]) Въ письмахъ къ Гримму *Сборникъ Р. И. О.*, XXIII. Ср. VII и XI главы нашего труда.

ликихъ княженъ замужъ за иностранныхъ владѣтелей казалось Екатеринѣ также мало возможнымъ: уже православное вѣроисповѣданіе, которое великія княжны должны были сохранять всю жизнь, являлось немаловажнымъ препятствіемъ для этого, такъ какъ на новой своей родинѣ Русскія княжны должны были поэтому вѣчно остаться какъ бы иностранками; притомъ привычка къ широкой жизни Петербургскаго двора, гордое сознаніе Русской мощи и привязанность къ интересамъ Русскаго государства дѣлали жизнь великихъ княженъ очень тяжелою на чужбинѣ, особенно въ средѣ мелкихъ Германскихъ владѣній. Поэтому Екатерина остановилась одно время на мысли вызывать навсегда въ Россію подходящихъ беззѳмельныхъ иностранныхъ принцевъ и, сочетавъ ихъ бракомъ съ своими внучками, дать имъ въ Россіи почетное положеніе и средства къ жизни [87]). Неизвѣстно, думала ли она осуществить эту свою мысль впослѣдствіи; но по отношенію къ Александрѣ Павловнѣ ей началъ улыбаться другой брачный проектъ, удовлетворявшій повидимому всѣмъ затаеннымъ и политическимъ, семейнымъ разсчетамъ славолюбивой Государыни. Еще во время Шведской войны возникло предположеніе о бракѣ наслѣдника Густава III (р. 1778) съ великой княжной Александрой Павловной. Послѣ смерти Густава III, это предположеніе, встрѣтившее сочувствіе и въ Россіи, и въ Швеціи, вызвало переговоры между Екатериной и герцогомъ Зюдерманландскимъ, которые продолжались слишкомъ четыре года и привели, наконецъ, къ поѣздкѣ молодаго Густава VI въ Петербургъ [88]). Здѣсь Русскій дворъ надѣялся покончить дѣло сватовства и въ тоже время сблизить жениха и невѣсту. Молодой король прибылъ въ Петербургъ 13 Августа 1796 года, чрезъ десять дней послѣ рѣшительнаго объясненія Екатерины съ Маріей Ѳеодоровной. Общая цѣль, общія заботы о прекрасномъ, одинаково-дорогомъ для нихъ существѣ примирили на нѣкоторое время державную свекровь съ невѣсткой. Великокняжеская чета жила въ это время въ Гатчинѣ, но Марія Ѳеодоровна вмѣстѣ съ своимъ супругомъ принимала участіе почти во всѣхъ празднествахъ большаго двора, пріѣзжая для этого изъ Гатчины. Такія поѣздки были очень утомительны, и Марія Ѳеодоровна была права, сказавъ однажды: «если всѣ мои дочери будутъ стоить мнѣ такъ же дорого, какъ Александра, я умру на дорогѣ». Король съ своей стороны посѣтилъ Гатчину и Павловскъ, гдѣ въ честь его устроены были маневры. Пребываніе короля продолжалось почти мѣсяцъ, молодые люди понравились другъ другу; но когда 11 Сентября назначено было обрученіе, дѣло внезапно разстрои-

---

[87]) *Сборникъ Р. И. О*, XXII. Письма къ Гримму.

[88]) О немъ см. Кобеко 446 и 449.

лось, по упрямству короля и оплошности Русскихъ дипломатовъ. Въ то время, когда Императрица со всѣмъ дворомъ своимъ, окруженная семействомъ, дипломатическимъ корпусомъ и духовенствомъ, ожидала короля для обрученія въ тронной залѣ, король рѣшительно отказался подписать брачный договоръ, требуя исключенія статьи о сохраненіи великою княжной православія. Пять часовъ ждала Екатерина прибытія короля, не понимая причины его замедленія, и когда наконецъ ей доложили объ упорствѣ Густава, съ ней сдѣлался легкій ударъ. Трудно передать чувства оскорбленія родителей невѣсты: Павелъ Петровичъ на другой же день уѣхалъ въ Гатчину и болѣе не видѣлся съ Густавомъ; Марія Ѳеодоровна осталась возлѣ дочери, несчастной жертвы чужихъ ошибокъ и политическихъ комбинацій. Отъѣздъ короля, впрочемъ, только отсрочилъ дѣло сватовства, которое предполагалось завершить по достиженіи имъ совершеннолѣтія.

Тотчасъ по отъѣздѣ Густава, Екатерина потребовала отъ Александра согласія на новый порядокъ престолонаслѣдія *). Могъ ли онъ рѣшительно воспротивиться бабушкѣ и объяснить ей истинныя свои чувства? Нѣтъ сомнѣнія, что здоровье Екатерины не вынесло бы этого удара. Впрочемъ, дни ея были уже сочтены: второй апоплексическій ударъ прекратилъ ея жизнь 6 Ноября 1796, и императоромъ сдѣлался Павелъ, прежде чѣмъ мать его успѣла убѣдиться въ неосуществимости своихъ плановъ. Появились въ Зимнемъ дворцѣ новые люди; для Россіи настало новое, Павловское время.

Евгеній Шумигорскій.

*

Памяти Ольги Алексѣевны Шумигорской.

Заканчивая этой главою первый томъ біографіи Императрицы Маріи, я со скорбнымъ чувствомъ тяжелой утраты долженъ произнести дорогое имя единственной своей сотрудницы, О. А. Шумигорской, скончавшейся 14 Октября минувшаго 1891 года. Настоящій трудъ мой сталъ возможенъ благодаря нравственной поддержкѣ и дѣятельному участію почившей въ подготовительной разработкѣ рукописныхъ матеріаловъ для всѣхъ четырехъ томовъ этого труда. Терпѣніе ея и щепетильная добросовѣстность особенно важны были въ тѣхъ случаяхъ, когда чтеніе документовъ по неразборчивости почерковъ превращалось въ ихъ дешифрированіе. Я былъ бы счастливъ, если бы могъ довершить хотя часть научныхъ трудовъ, начатыхъ при дорогомъ, дружескомъ содѣйствіи почившей. Е. Ш.

---

*) По нашему мнѣнію, это новое право Екатерины Великой на признательность потомства. П. Б.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

Императоръ Александръ Павловичъ въ Вильнѣ.

II [1]).

Прибытіе въ Вильну государственныхъ сановниковъ.—Составленіе плановъ войны и обороны.—Послѣдніе переговоры съ Франціею.—Прибытіе графа Нарбонна и его отъѣздъ.

Государь пріѣхалъ въ Вильну только съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Толстымъ и съ военною свитою; но вскорѣ туда же начали прибывать государственные сановники. Черезъ двѣ недѣли по отъѣздѣ Государя было обнародовано, что въ слѣдъ за нимъ, *между прочими*, выѣхали изъ Петербурга: графъ Румянцовъ, адмиралъ Чичаговъ, графъ Кочубей, баронъ Армфельтъ, вице-адмиралъ Шишковъ, министръ полиціи Балашовъ и графъ Аракчеевъ. Въ одно время прибыли съ ними въ Вильну герцогъ Георгій Ольденбургскій, Александръ Виртембергскій, за два года передъ тѣмъ поставленный генералъ-губернаторомъ Витебскимъ и Могилевскимъ, и великій князь Константинъ Павловичъ. За каждымъ изъ этихъ лицъ слѣдовали ихъ сотрудники по тѣмъ вѣдомствамъ, которыми они управляли. Вмѣстѣ съ канцлеромъ иностранныхъ дѣлъ въ Вильнѣ находились графъ Нессельроде и Анстетъ (одинъ недавно бывшій совѣтникомъ нашего посольства въ Парижѣ и обратившій на себя вниманіе Государя [2]), другой—его пріятель, исполнявшій тайныя порученія въ Варшавскомъ герцогствѣ).

Очевидно, средоточіе государственной дѣятельности, какъ по дѣламъ военнымъ, такъ и по внутренней и внѣшней политикѣ, перенеслось изъ Петербурга въ Вильну. Въ чемъ же обнаружилась эта дѣятельность, какія государственныя мѣры были приняты въ это время?

Что́ касается до внутренняго управленія, то оно сосредоточивалось въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ, получив-

---

[1]) См. выше, стр. 145.

[2]) По устраненіи человѣка Русскаго и гораздо болѣе способнаго, князя Григорія Ивановича Гагарина (см. Записки графини Эдлингъ). П. Б.

шихъ большія полномочія и особое устройство по случаю выѣзда Государя изъ Петербурга. Записки и соображенія по немногимъ наибольшей важности дѣламъ посылались однакоже къ нему и особенно дѣла о финансахъ, которыя находились въ большомъ разстройствѣ въ это время въ слѣдствіе стѣсненія нашей торговли континентальною системою и паденія вексельнаго курса; а между тѣмъ требовались расходы чрезвычайные и въ огромныхъ размѣрахъ. Налоги только что были значительно возвышены, и вновь возвышать ихъ не представлялось возможности. «Важный предметъ, на который я долженъ обратить вниманіе вашего сіятельства, писалъ Государь графу Салтыкову, есть отпускъ суммъ для потребностей арміи. Отъ сего происходитъ совершенный въ оныхъ недостатокъ въ арміи. Полки, нуждаясь, принуждены брать отъ земли безъ платы, что̀ заводитъ разные безпорядки. Великую услугу окажете государству, войдя подробно въ сей предметъ съ секретнымъ комитетомъ финансовъ. Тѣ же суммы, но бывъ ранѣе высылаемы, отвратили бы совершенно весь недостатокъ и безпорядки, отъ онаго происходящіе». Конечно, при невозможности внѣшнихъ займовъ представлялся лишь одинъ способъ, который и предложилъ Комитетъ— выпускъ новыхъ ассигнацій. Соглашаясь на эту мѣру, Государь писалъ однакоже графу Салтыкову: «Касательно новыхъ бумажекъ нельзя-ли такъ учредить, чтобы ихъ надѣлать единственно для того предмета, чтобы имѣть наличныя значительныя суммы въ казначействѣ прежде поступленія податей; по мѣрѣ жъ вступленія сихъ послѣднихъ, исподволь истреблять, чтобы число ихъ не умножить и не нарушить онымъ даннаго слова?»

Но, если и немногія дѣла внутренняго управленія приходили въ главную квартиру Государя, то дѣла военныя и сношенія съ другими державами всѣ сосредоточивались въ ней. Хотя Александръ Павловичъ требовалъ сохраненія въ глубокой тайнѣ, какъ дипломатическихъ сношеній нашего кабинета, такъ особенно предположеній о престоявшихъ (еще въ видѣ возможности) военныхъ дѣйствіяхъ противъ Наполеона; но тѣмъ не менѣе, эта тайна нарушалась, какъ и всегда бываетъ, когда на совѣщанія о такихъ вопросахъ призываются лица различныхъ политическихъ убѣжденій и съ различныхъ точекъ зрѣнія смотрящія на пользу и значеніе Россіи. Такъ еще въ 1811 году, послѣ одного изъ совѣщаній о планѣ военныхъ дѣйствій, графъ Армфельтъ немедленно разсказалъ графу Огинскому, что, въ случаѣ вторженія непріятеля въ предѣлы имперіи, предположено, что Русскія войска будутъ отступать внутрь страны и оставлять безъ боя Литовскія губерніи. Такъ князь А. Чарторижскій узналъ про тайны наставленія, сообщенныя въ запечатанныхъ пакетахъ Русскимъ военачальникамъ о предполагавшихся наступательныхъ дѣйствіяхъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ; а чрезъ него эта вѣсть немедленно дошла до князя По-

нятовскаго и Французскаго резидента въ Варшавѣ Биньона, сообщившихъ ее Наполеону. Это свѣдѣніе, во-время имъ полученное, имѣло важное значеніе: оно опредѣлило характеръ его сношеній съ Россіею въ 1811 году и образъ дѣйствій по отношенію къ Пруссіи. Но въ какой мѣрѣ Наполеонъ желалъ усыпить Россію, отклонить ее отъ наступательныхъ дѣйствій, въ такой же желали ихъ Русскія войска, начиная съ предводителей и кончая послѣднимъ солдатомъ, въ среду которыхъ, хотя и не такъ опредѣленно, проникли также эти свѣдѣнія.

Въ концѣ Марта 1812 г. Барклай-де-Толли писалъ Государю изъ Вильны, испрашивая дозволенія двинуть войска впередъ, потому что, съ приближеніемъ весны, наступало удобное къ тому время. Мало знакомый съ политическими отношеніями Россіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ Петербургъ и находясь въ Вильнѣ, вращаясь лишь въ заботахъ о внутреннемъ состояніи подчиненныхъ ему войскъ, Барклай, конечно, былъ пораженъ, получивъ собственноручный отвѣтъ Государя, который ему писалъ: «Важныя обстоятельства требуютъ зрѣлаго разсмотрѣнія того, что мы должны предпринять. Посылаю вамъ союзный договоръ Австріи съ Наполеономъ. Если наши войска сдѣлаютъ шагъ за границу, то война неизбѣжна, и по этому договору Австрійцы окажутся позади лѣваго крыла нашихъ войскъ. Между тѣмъ Французскій посланникъ положительно увѣряетъ, что Кассель и Кенигсбергъ не будутъ заняты и что онъ имѣетъ предписаніе отъ императора Наполеона остановить движеніе войскъ къ этимъ городамъ, если бы оно было предпринято кѣмъ либо изъ Французскихъ генераловъ. Онъ отправилъ адъютанта объявить о томъ маршалу Даву. Я неслишкомъ полагаюсь на такія увѣренія; однакоже ихъ слѣдуетъ принять въ соображеніе. По пріѣздѣ моемъ въ Вильну окончательно опредѣлимъ дальнѣйшія дѣйствія. Между тѣмъ примите мѣры къ тому, чтобы все было готово и если мы рѣшимся начать войну, чтобы не встрѣтилось остановки».

Эти слова Александра Павловича не даютъ мѣста сомнѣнію о томъ, что вопросъ о способѣ военныхъ дѣйствій въ это время еще не былъ рѣшенъ и что на это рѣшеніе должно было имѣть вліяніе съ одной стороны вступленіе Австріи въ союзъ съ Наполеономъ, а съ другой—даже самыя наши отношенія къ Франціи. Барклай-де-Толли, Пфуль и постоянный посредникъ между ними, преданный обоимъ, флигель-адъютантъ Вольцогенъ, главные творцы плановъ военныхъ дѣйствій, находились въ Вильнѣ; но кромѣ нихъ въ новыхъ военныхъ соображеніяхъ должны были принять участіе и новыя лица, появившіяся въ Вильнѣ въ числѣ окружавшихъ Государя. Старѣйшій изъ нихъ баронъ Бенигсенъ, опытный генералъ, единственный изъ наличныхъ (графъ Кутузовъ находился еще въ Бухарестѣ), который предводительствовалъ уже Русскими войсками въ 1807 году, считалъ себя побѣди-

телемъ, и не безъ нѣкотораго основанія: сраженія при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау принадлежали къ числу такихъ дѣйствій, которымъ подобнаго не встрѣчалось въ боевой жизни главнокомандующаго первою арміею; Барклай же находился въ это, столь недавнее, время въ числѣ малоизвѣстныхъ, подчиненныхъ ему, рядовыхъ генераловъ. Хотя Бенигсенъ былъ, точно такъ же какъ и Барклай, защитникомъ наступательныхъ дѣйствій противъ Наполеона; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ представлялъ Императору составленную записку въ этомъ смыслѣ, прошло уже болѣе года, и обстоятельства измѣнились. Нельзя уже было разсчитывать на содѣйствіе Пруссіи и Австріи. Уже одно это обстоятельство объясняло, что Бенигсенъ измѣнилъ свой взглядъ, если устранить даже иныя, личныя соображенія, которыми, къ сожалѣнію, онъ руководился во все продолженіе этой войны. При всемъ своемъ благодушіи, онъ былъ высокаго мнѣнія о своихъ достоинствахъ и заслугахъ и свое участіе въ дѣлахъ военныхъ считалъ возможнымъ не иначе, какъ въ качествѣ главнокомандующаго. Естественно на Барклая смотрѣлъ онъ не съ сочувствіемъ и не могъ поддерживать его взглядовъ, съ которыми впрочемъ не былъ согласенъ и по самой ихъ сущности. Онъ «всемѣрно старался, говоритъ Ермоловъ, склонить на сближеніе армій такъ, чтобы отъ насъ зависѣло или стать на прямѣйшей дорогѣ ведущей къ Смоленску, или избрать такое положеніе, которое препятствовало бы непріятелю отклонить насъ отъ оной; но при всей настойчивости успѣлъ только согласить на перемѣщеніе второй арміи изъ окрестностей Луцка, что на Волыни, въ мѣстечко Пружаны».

Когда Государь прибылъ въ Вильну, наши войска расположены были на западныхъ границахъ на пространствѣ около 800 верстъ. Такое расположеніе объяснилось возможностію дѣйствовать наступательно: подвигаясь впередъ въ герцогство Варшавское и въ восточную Пруссію, они постепенно могли сблизиться между собою и составить грозную силу, готовую встрѣтить непріятеля. Но по пріѣздѣ Государя въ Вильну мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ была окончательно оставлена. Послѣ высочайшаго смотра, произведеннаго войскамъ корпуса гр. Витгенштейна, при отъѣздѣ Государя изъ Шавель, на вопросъ офицеровъ, какія предстоятъ намъ дѣйствія, начальникъ штаба Довре и его помощникъ полковникъ Дибичъ отвѣчали: «Мы будемъ отступать».—«Далеко-ли?»—«Хотя бы и до Волги». Въ тоже время, туже мысль и въ тѣхъ же выраженіяхъ сообщилъ своему правительству графъ Местръ, находившійся въ Полоцкѣ. Намѣреніе отступать передъ непріятелемъ, безъ обозначенія предѣла отступленію, не возбудило сочувствія въ войскахъ, одушевленныхъ желаніемъ помѣряться силою съ гордымъ поработителемъ Европы. Особенно возмущенъ былъ князь Багратіонъ, ученикъ Суворова, не признавшаго существованія слова *отступленіе* въ Рус-

скомъ военномъ словарѣ. «Отъ преданности доношу, писалъ онъ Государю, не отнимай ты у воиновъ твоихъ духъ. Прикажи ты намъ собраться у Гродны, и нанесть ударъ врагамъ. Всякое отступленіе ободряетъ непріятеля и даетъ ему великіе способы въ краю здѣшнемъ, а у насъ отниметъ духъ. Жаль истинно, и послѣдствія будутъ самыя пагубныя. Чего намъ бояться и маневрами методическими изнурять духомъ армію? Непріятель, собранный на разныхъ пунктахъ (т. е. изъ разныхъ народовъ) есть сущая сволочь; а мы твои, великій Государь. Чего опасаться? Ты съ нами, а Россія за нами; прикажи, помолясь Богу, наступать. А если отступать станемъ, они во многихъ пунктахъ войдутъ и возмутятъ. Поляки тогда возстанутъ, и Австрійцы, и миръ Турецкій не будетъ прочный. Хлѣба у насъ достанетъ, въ томъ васъ увѣряю; а до новаго не далеко. Иначе они всѣмъ воспользуются, а мы потеряемъ и славу, и честь, для того что всякое отступленіе въ *своемъ краю* есть ослабленіе души и сердца всѣхъ твоихъ вѣрныхъ дѣтей. Мы тебя любимъ, ты намъ дорогъ, Государь; прошу, яко Бога моего, пощадить насъ и двинуться на враговъ. Я присягалъ тебѣ служить вѣрою, и мы твои; иновѣрцы не могутъ такъ усердно судить; ибо они ничего не рискуютъ. Вся военная система по моему та: кто рано всталъ и палку въ руки взялъ, тотъ и капралъ».

Но въ этомъ-то и ошибся князь Багратіонъ: «маленькій капралъ» раньше нашего всталъ, палку въ руки взялъ и составилъ грозное ополченіе, быстро двигавшееся на Россію и далеко превосходившее ея боевыя силы. Наступательныя дѣйствія, возможныя съ надеждою на успѣхъ въ 1811 году, оказывались уже совершенно невозможными въ то время, когда Багратіонъ писалъ это письмо. Чтобы доказать справедливость этого заключенія, не нужно прибѣгать къ другимъ свидѣтельствамъ кромѣ самого князя Багратіона. Онъ не говорилъ уже о движеніи въ герцогство Варшавское и въ Пруссію, но предлагалъ собрать разбросанныя войска и встрѣтить непріятеля у Гродно. Сходное съ этимъ предположеніе возникло и въ главной квартирѣ Государя, и его приписывали Бенигсену. Въ Маѣ мѣсяцѣ полковнику Толю поручено было осмотрѣть мѣстность по лѣвой сторонѣ Виліи и Вилейки въ направленіи къ Гродно съ тою цѣлію, чтобы опредѣлить положенія, на которыхъ можно было бы принять бой. Въ запискѣ, представленной князю П. М. Волконскоому, Толь говорилъ, что не нашелъ удобнаго для того мѣстоположенія и что вообще «съ стратегической точки зрѣнія выборъ позиціи подъ Вильною противорѣчитъ всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Изъ того, что возникла эта мысль, слѣдуетъ предполагать, что операціонная линія для первой арміи избрана отъ Гродно, черезъ Вильну, на Динабургъ и Дриссу. Въ этомъ случаѣ нельзя не опасаться, чтобы непріятель не избралъ для своихъ дѣйствій средней линіи между двумя арміями, при томъ отступленіе безъ боя отъ Гродно до Вильны значительно ослабитъ воинственный духъ одуше-

вляющій войска», а наконецъ, въ случаѣ неудачи, придется отступать черезъ Вильну, «городъ, котораго жители готовы противъ насъ поднять оружіе». Поэтому Толь полагалъ, что первой арміи не слѣдуетъ давать сраженія непріятелю подъ Вильною, но «она должна стремиться къ тому, чтобы сблизиться съ второю арміею и вмѣстѣ съ нею встрѣтить непріятеля» въ другой, болѣе удобной для сраженія мѣстности. Мысль не оставлять Литовскихъ губерній безъ боя могла придти не только Бенигсену, много лѣтъ прожившему въ Вильнѣ, но и самому Государю по пріѣздѣ его туда, въ виду тѣхъ чувствъ преданности, которыя ему выражали Поляки и въ искренность которыхъ еще онъ вѣрилъ. Но Толь выражалъ мысль уже другую, совершенно противоположную плану Пфуля и Барклая, о необходимости соединенія обѣихъ армій для совокупнаго дѣйствія противъ непріятеля, не прибѣгая къ отступленію отъ Гродно до Вильны и, можетъ быть, далѣе. Такимъ образомъ его предложеніе сходилось съ мыслью Багратіона, выраженною въ приведенномъ письмѣ къ Государю. Туже мысль выразилъ Толь и въ *общемъ планѣ* военныхъ дѣйствій, который былъ составленъ имъ въ тоже время въ Вильнѣ. Оставя въ сторонѣ подробности этого плана, которыя и получили измѣненія на дѣлѣ, не можемъ не обратить вниманія на общія выраженныя въ немъ мысли. «Теперешнее расположеніе Русскихъ войскъ, говоритъ онъ, вдоль западной границы, начиная отъ окрестностей Шавель до окрестностей Луцка, на пространствѣ около 800 в., и магазины на этомъ же пространствѣ учрежденные даютъ поводъ предполагать, что такое расположеніе нашихъ войскъ сдѣлано единственно съ цѣлію удобства ихъ продовольствія, но не потому, чтобы имѣлись въ виду выгоды для военныхъ дѣйствій. Напротивъ, разстояніе одной арміи отъ другой, хотя между ними и находится обсерваціонный корпусъ генерала Эссена, такъ значительно, что непріятель, начавъ военныя дѣйствія, сосредоточивъ силы близъ Варшавы съ двумя корпусами по флангамъ, могъ бы принять направленіе между ними (внутреннюю операціонную линію) и, прекративъ всякое сношеніе между двумя арміями, разбить каждую порознь, располагая бо́льшими въ сравненіи съ нами силами. Нѣтъ нужды говорить о тѣхъ выгодахъ, которыя мы могли бы пріобрѣсти дѣйствуя наступательно; но къ сожалѣнію время для наступательной войны для насъ уже миновало».

Поэтому Толь предлагалъ на первое время «вести войну оборонительную, оспаривая каждый шагъ непріятеля и прикрывая путь во внутреннія губерніи на Смоленскъ и Москву».

Мысль о необходимости соединенія армій не могла не обратить на себя вниманія въ это время уже потому, что вторая армія значительно была ослаблена и едва ли могла съ успѣхомъ исполнить то предназначеніе, которое предполагалось для нея по первоначальному

плану военныхъ дѣйствій. Австрійскому корпусу, угрожавшему со стороны Галиціи и Варшавскаго герцогства, слѣдовало противопоставить достаточныя силы. На Дунайскую армію расчитывать было нельзя: ей предназначались въ это время еще иныя дѣйствія. Необходимо было составить новую армію съ цѣлію охранять Волынь и Подолію. Предположенныя резервныя арміи еще не были составлены, и потому рѣшено было (5 Мая) отдѣлить отъ нея четыре корпуса и составить изъ нихъ третью западную или обсерваціонную армію подъ начальствомъ ген. Тормасова, котораго главная квартира заняла прежнюю князя Багратіона въ Луцкѣ; а главная квартира князя Багратіона, переведенная сначала въ Пружаны, перешла потомъ въ Волковискъ. Вторая армія въ новомъ своемъ составѣ простиралась едва до 48 т. и, конечно, не имѣла достаточно силъ, чтобъ дѣйствовать во флангъ и тылъ Наполеоновскихъ войскъ. Полковникъ Толь, занимавшій невидное мѣсто въ канцеляріи генералъ-квартирмейстера, престарѣлаго Мухина, въ это время, въ Вильнѣ, выступилъ впередъ и вскорѣ послѣ, когда уволенъ былъ отъ должности его начальникъ, занялъ его мѣсто.

Но кромѣ Бенигсена и Толя въ Вильнѣ появилось еще новое лицо, которое смѣлыми нападками на предположенія Пфуля сильно поколебало ихъ значеніе. Это былъ маркизъ Паулуччи. Онъ принадлежалъ къ числу многочисленныхъ лицъ, выгнанныхъ изъ Западной Европы революціею и завоеваніями Наполеона, и которымъ посчастливилось въ нашей службѣ. Передъ 1812 г. онъ занималъ мѣсто главнокомандующаго Грузіею, послѣ ген. Тормасова. Въ этомъ году вызванный изъ Тифлиса для участія въ войнѣ противъ Наполеона, онъ на дорогѣ въ Петербургъ, откуда Государь уже выѣхалъ въ Вильну, получилъ приказаніе слѣдовать къ войскамъ и занять мѣсто начальника главнаго штаба третьей арміи, которую предположено было образовать подъ начальствомъ ген. Тормасова. Обиженный этимъ назначеніемъ, потому что считалъ себя равнымъ Тормасову и даже *выше его по заслугамъ*, какъ самъ онъ о себѣ отзывался, Паулуччи явился въ Вильну и просилъ Государя уволить его отъ службы. Намѣреваясь вести войну противъ такого полководца какъ Наполеонъ, Государь всѣми способами старался привлекать въ свои войска способныхъ людей и, будучи увѣренъ въ дарованіяхъ, военныхъ свѣдѣніяхъ и опытности маркиза, конечно не принялъ его прошенія, но уговорилъ его занять мѣсто начальника главнаго штаба первой арміи (при которой самъ находился) по увольненіи отъ этой ген. Лаврова, не отличавшагося особенными качествами. Его соотечественникъ, графъ Іосифъ Местръ, описывая Сардинскому королю лицъ, окружающихъ Государя въ Вильнѣ, говоритъ о маркизѣ Паулуччи: «Онъ продолжаетъ идти по слу-

жебному поприщу съ изумительнымъ счастіемъ; смѣлость и дерзость, съ которыми онъ дѣйствуетъ, постоянно удавались ему до настоящаго времени. Мнѣ извѣстны различные случаи смѣлости изъ его жизни, разсказъ о которыхъ показался бы баснословнымъ вашему величеству, а между тѣмъ совершенно вѣренъ. Я никогда не зналъ подобнаго характера. Мнѣ неизвѣстны его мнѣнія о планѣ предпринимаемыхъ военныхъ дѣйствій; но одинъ человѣкъ, пріѣхавшій изъ арміи, сообщилъ мнѣ, что генералъ Бенигсенъ невыгодно о немъ отзывается». Вскорѣ графу Местру сдѣлались извѣстными мнѣнія Паулуччи о планѣ Пфуля и Барклая и его удаленіе изъ лагеря подъ Дриссою. Графъ Местръ: сообщалъ о томъ министру Сардинскаго короля. «Пришлось бы много писать, разсказывая нѣсколько романическую исторію этого дворянина изъ Модены. Лѣтъ пять-шесть назадъ, какъ онъ сюда пріѣхалъ и по пріѣздѣ доставилъ мнѣ множество хлопотъ по случаю столкновенія съ офицерами, которые здѣсь находятся. Я предупреждалъ ихъ, что они имѣютъ дѣло съ заряженнымъ ружьемъ, которое можетъ легко выстрѣлить; но они мало обратили вниманія на мое предостереженіе. Однакоже все успокоилось. Выстрѣлъ все же послѣдовалъ, какъ я предвидѣлъ. Ничто не можетъ сравниться съ быстротою и блескомъ военной службы маркиза Паулуччи. Онъ пріѣхалъ сюда полковникомъ, и мы видѣли быстро слѣдовавшія ему награды, производство въ генералъ-лейтенанты, ордена Св. Анны, Владимира и Георгія, назначеніе генералъ-губернаторомъ въ Грузію и главнокомандующимъ тамъ войсками, генералъ-адъютантство и, наконецъ, начальство въ главномъ штабѣ первой арміи. Пріѣхавъ въ Вильну, онъ началъ съ того, что объявилъ главнокомандующему Барклаю-де-Толли, что онъ по совѣсти не можетъ быть исполнителемъ плана военныхъ дѣйствій, который онъ считаетъ нелѣпымъ и гибельнымъ, а поэтому или онъ долженъ выдти въ отставку, или этотъ планъ долженъ быть измѣненъ. Предложеніе конечно не понравилось такому робкому человѣку, какъ Барклай, который, можетъ быть, и не былъ противъ предположеній маркиза, но онъ вообще гораздо ниже того назначенія, которое получилъ. Это побудило маркиза кричать еще громче; въ частномъ разговорѣ онъ сказалъ Императору, что тѣ, которые присовѣтовали устройство укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ, достойны одного изъ двухъ: или сумасшедшаго дома, или висѣлицы».

Конечно, кромѣ маркиза Паулуччи никто не рѣшился бы на подобныя дерзкія выходки; но едва ли не всѣ имъ сочувствовали, потому что кромѣ самихъ творцовъ первоначальнаго плана военныхъ дѣйствій на случай оборонительной войны, никто его не одобрялъ. Всѣ эти обстоятельства естественно расшатали цѣлое зданіе Пфуля съ товарищами и должны были поколебать въ Государѣ увѣренность въ его военныхъ познаніяхъ и дарованіяхъ. Именно это обстоятельство произвело неопредѣленность во взглядахъ и колебаніе въ дѣйствіяхъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда неожиданно въ концѣ Апрѣля разнеслась вѣсть, что пріѣхалъ къ Государю съ пись-

момъ отъ Наполеона уполномоченный его, генералъ-адъютантъ графъ Нарбоннъ.

Въ самый день отъѣзда Государя изъ Петербурга въ Вильну, къ Французскому посланнику при нашемъ дворѣ прибылъ нарочный изъ Парижа съ депешами, которыя, какъ писалъ графъ Румянцовъ Государю, произвели большое впечатлѣніе на посольство: «оно приняло болѣе озабоченный видъ, если не болѣе печальный». На другой же день графъ Лористонъ пріѣхалъ къ канцлеру и объяснилъ ему содержаніе полученныхъ имъ сообщеній своего кабинета. Онъ не скрылъ, что Наполеонъ «недоволенъ объясненіями нашего кабинета и особенно тѣмъ, что до сихъ поръ не получилъ отвѣта на письмо къ императору Александру, посланное съ Чернышовымъ и что онъ имѣетъ уже достаточное количество готовыхъ войскъ, чтобы начать войну, но желаетъ отклонить ее». Въ концѣ прошлаго мѣсяца (24 Марта) уже посланъ былъ отвѣтъ Государя на это письмо съ барономъ Сердобинымъ къ самому посланнику въ Парижъ, вмѣстѣ съ окончательными предложеніями тѣхъ условій, на основаніи которыхъ могутъ послѣдовать переговоры о взаимныхъ соглашеніяхъ между Россіею и Франціею, и поэтому графу Румянцову нетрудно было отвѣчать на заявленіе графа Лористона. Прощаясь съ канцлеромъ, графъ Лористонъ сказалъ: «Я даю вамъ честное слово, что на основаніи всѣхъ сообщеній, которыя я получилъ до сихъ поръ, я не имѣю поводовъ сомнѣваться, что *войны возможно* избѣжать. Прошу васъ постарайтесь съ своей стороны употребить всѣ мѣры для этой же цѣли». Графъ Лористонъ, также какъ весьма многіе изъ государственныхъ людей Франціи, какъ Талейранъ, убѣдившись, что единственно внѣшняя сила можетъ поставить въ предѣлы безграничное самолюбіе и властолюбіе ихъ повелителя, просили Русскаго императора и его правительство принять къ тому сообразныя мѣры и давали совѣты, какъ надо имъ дѣйствовать. Отдавая отчетъ Государю объ этомъ свиданіи съ Лористономъ, графъ Румянцовъ писалъ: «Я полагаю, Государь, что это странное выраженіе, вовсе не соотвѣтствуетъ тому твердому убѣжденію, какое до сихъ поръ выражалъ посланникъ, что войны положительно не будетъ. Впрочемъ, по прежнему онъ увѣрялъ меня, что ни изъ оффиціальныхъ извѣстій, ни изъ писемъ своей супруги онъ не усматриваетъ повода предполагать объ отъѣздѣ императора изъ Парижа». Отъѣздъ Наполеона дѣйствительно хранился въ тайнѣ, и графъ Лористонъ могъ не знать о томъ времени, когда онъ послѣдуетъ; но онъ, конечно, понималъ уже, что никакіе переговоры не могутъ предотвратить войну. Увѣряя въ противномъ, онъ исполнялъ предписанія своего правительства; но эти увѣренія противорѣчили, конечно, его личному мнѣнію, и это противо-

рѣчіе было замѣчено нашимъ канцлеромъ. Именно въ тѣхъ сообщеніяхъ, которыя Лористонъ получилъ въ это время, ему предписывалось употребить всѣ способы убѣдить Русское правительство, что время для переговоровъ еще не упущено; но выражалась уже прямо мысль, что это нужно для того, чтобы повременить и отклонить возможность перехода Русскихъ войскъ черезъ границы. «Его величество, писалъ ему герцогъ Бассано, еще не рѣшился начать войну, но рѣшился воевать, и ничто не можетъ воспрепятствовать ему привести въ движеніе огромныя собранныя имъ силы и стать на Вислѣ». Но въ то время какъ происходило это свиданіе графа Лористона съ нашимъ канцлеромъ, баронъ Сердобинъ уже приближался къ Парижу съ отвѣтомъ Государя на письмо Наполеона и съ *окончательными* условіями нашего кабинета, при согласіи на которыя Французское правительство изъявляло готовность вступить въ переговоры о мирномъ устраненіи пререканій возникшихъ между двумя имперіями. Прежде нежели это письмо было оффиціально представлено Наполеону нашимъ посланникомъ, Наполеонъ, извѣстясь отъ герцога Бассано о содержаніи нашихъ условій по словесному сообщенію князя Куракина, уже далъ порученіе графу Нарбонну ѣхать прямо къ императору Александру, неприлично и презрительно устранивъ нашего посланника отъ участія въ сношеніяхъ съ нашимъ кабинетомъ и не увѣдомивъ даже объ этой дипломатической продѣлкѣ своего посланника при нашемъ дворѣ.

Графъ Нарбоннъ принадлежалъ къ старой Французской аристократіи; но послѣ революціи, во время владычества Наполеона, эта аристократія раздѣлилась на два разряда: одни изъ нихъ оставили Францію, большая часть изъ нихъ вступила въ службу другихъ государствъ и дралась противъ революціи и Наполеона подъ чужими знаменами; о другихъ Наполеонъ говорилъ: «я предлагалъ имъ назначенія въ моихъ войскахъ, они не захотѣли принять ихъ; я имъ открылъ мѣста въ управленіи государствомъ, они ихъ отвергли; но когда я отворилъ имъ мои переднія, они поспѣшили ихъ наполнить». Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежалъ и графъ Нарбоннъ. Онъ началъ свою службу при дворѣ Людовика XVI камеръ-юнкеромъ принцессъ королевскаго дома, послѣ революціи оставилъ Францію вмѣстѣ съ другими эмигрантами, нѣсколько лѣтъ странствовалъ по Европѣ и въ 1809 году, возвратившись на родину, вступилъ въ службу къ Наполеону. Послѣ долгихъ исканій ему удалось получить мѣсто посланника въ Мюнхенѣ и заслужить расположеніе своего новаго повелителя. Наполеонъ считалъ его однимъ изъ лучшихъ своихъ дипломатическихъ дѣятелей, «не по личнымъ только его достоинствамъ, не по уму, но гораздо болѣе по нравамъ прежняго времени, по манерамъ. Когда приходится что-либо при-

казывать, то бываетъ годенъ первый попавшійся на глаза адъютантъ; но иное дѣло, когда надобно вести переговоры: въ этомъ случаѣ старинной аристократіи Европейскихъ дворовъ слѣдуетъ противопоставлять людей такого же рода. Аристократія есть нѣчто въ родѣ масонскаго общества. Если въ гостиныя Вѣны войдетъ Отто или Андреосси, откровенные разговоры прекращаются, обычныя отношенія измѣняются: это самозванцы, чужіе люди; мистеріи должны быть пріостановлены. Напротивъ, если войдетъ Нарбоннъ, то этого не случится: онъ свой, родной и сочувственный человѣкъ. До назначенія его посланникомъ въ Вѣну, мы не знали настоящихъ видовъ Австрійскаго кабинета; въ двѣ недѣли графъ Нарбоннъ ихъ понялъ, и его назначеніе было весьма не по вкусу графу Меттерниху». Посланникомъ въ Вѣну (на мѣсто Отто) графъ Нарбоннъ былъ назначенъ передъ самымъ началомъ войны съ Россіею, а передъ тѣмъ онъ посланъ былъ въ Берлинъ сладкими рѣчами утѣшать Прусскаго короля, который долженъ былъ свою столицу и государство отдать въ руки Французовъ и удалиться въ Силезію; Нарбонну велѣно провѣдать, не думаетъ ли Прусскій король съ отчаянія предать Россію. Прямо изъ Пруссіи онъ посланъ былъ въ главную квартиру императора Александра, въ Вильну. Это былъ свѣтскій человѣкъ, преданный удовольствіямъ, съ умомъ блестящимъ, но вѣтреннымъ, нѣсколько стыдившійся своего прежняго поведенія и той роли, которую теперь долженъ былъ разыгрывать. «Лишенный достоинства и вѣрности взгляда, который трудно и сохранить въ ложномъ положеніи, въ которое онъ былъ поставленъ, графъ Нарбоннъ не могъ исполнять дипломатическія порученія. Но на него палъ выборъ Наполеона, потому что, при его военномъ дворѣ, онъ одинъ, можетъ быть, сохранилъ старыя общежительныя привычки и приличія и могъ выражаться языкомъ достойнымъ слуха такого просвѣщеннаго и вѣжливаго государя, каковъ былъ императоръ Александръ», говоритъ графиня Шуазель-Гуфье.

Хотя Наполеонъ и снабдилъ его собственноручнымъ письмомъ къ Русскому государю, а герцогъ Бассано большою нотою къ графу Румянцову; но Французскій кабинетъ не счелъ даже нужнымъ поставить его въ близкую извѣстность о переговорахъ съ Россіею за послѣдніе годы. «Ваше посольство, писалъ ему герцогъ Бассано, имѣетъ двоякую цѣль: политическую и военную. Вы недостаточно знакомы съ положеніемъ дѣлъ, чтобы вести переговоры съ императоромъ Александромъ, которому оно извѣстно очень хорошо. Впрочемъ, въ переговорахъ съ Россіею важенъ только одинъ вопросъ: о неутральной торговлѣ. Англія не признаетъ неутральныхъ на морѣ, а мы не можемъ признавать на сухой землѣ. Это вытекаетъ изъ условій Тильзитскаго договора». Поэтому для выполненія первой цѣли его посольства ему предписыва-

лось (и то въ общихъ выраженіяхъ) увѣрять, что Наполеонъ исполненъ миролюбивыхъ чувствъ и всѣ его желанія клонятся къ тому, чтобы избѣжать войны. Но ему прямо было выражено, что вторая главная цѣль его посольства, т. е. военная, состоитъ въ томъ, чтобы высмотрѣть состояніе Русскихъ войскъ, главнаго штаба и вообще Императора и окружающихъ его лицъ и общ е всѣхъ настроеніе. Указаніе на возможность мирныхъ переговоровъ должно быть одною приманкою; но дѣло вовсе не въ мирѣ, а въ томъ, чтобы выиграть время для сосредоточенія войскъ на Русскихъ границахъ и отклонить императора Александра отъ наступательныхъ дѣйствій. Сверхъ того, въ Вильнѣ носились слухи, что Нарбоннъ привезъ съ собою письма отъ Поляковъ къ ихъ родственникамъ и знакомымъ, жителямъ Литовскихъ губерній. Но во всякомъ случаѣ, особое посольство помимо нашего посланника въ Парижѣ и Французскаго при нашемъ дворѣ для повторенія того, что̀ уже болѣе года постоянно твердилъ Тильерійскій кабинетъ, не могло не показаться страннымъ и подозрительнымъ. Чтобы отклонить это подозрѣніе, хотя и неудачно, все таки отысканъ былъ предлогъ. Наполеонъ передъ каждою войною, которую начиналъ, имѣлъ обыкновеніе, какъ бы въ насмѣшку, входить въ сношенія съ Англіею, приглашая Сентъ-Джемскій кабинетъ заключить миръ съ Франціею на такихъ условіяхъ, которыя онъ принять не могъ. Каждая подобная попытка конечно оканчивалась неудачею. Графу Нарбонну поручалось увѣдомить Русскаго императора, что Наполеонъ и въ настоящее время вошелъ въ такія сношенія съ Великобританіею и проситъ его принять въ нихъ участіе въ качествѣ союзника Франціи, «или Англіи, если онъ заключилъ уже союзъ съ нею».

Графъ Нарбоннъ привезъ слѣдующее письмо Наполеона: «Государь мой братъ! Имѣя поводъ предполагать, что ваше величество выѣхали изъ Петербурга и графъ Лористонъ не находится при вашей особѣ, я поручаю моему генералъ-адъютанту графу Нарбонну вручить вамъ это письмо. Онъ передастъ также *важныя* сообщенія графу Румянцову, которыя могутъ убѣдить ваше величество въ моемъ желаніи избѣжать войны и въ сохраненіи тѣхъ чувствъ, которыхъ вы были свидѣтелемъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Во всякомъ случаѣ ваше величество позвольте мнѣ увѣрить васъ, что если, силою судьбы, война между нами сдѣлается неизбѣжною, то она не перемѣнитъ нисколько моихъ чувствъ къ вашему величеству, которыя не могутъ подвергнуться никакой перемѣнѣ».

Какія же *важныя* сообщенія привезъ графъ Нарбоннъ нашему канцлеру, которыя въ опредѣленныхъ выраженіяхъ могли бы объяснить неопредѣленныя мысли, выраженныя въ письмѣ Наполеона?

Въ обширной нотѣ герцога Бассано перечислены тѣже самые вопросы, которые постоянно составляли предметъ дипломатическихъ совѣщаній между двумя имперіями въ концѣ 1810 г.; но каждый изъ нихъ подвергнутъ разсмотрѣнію съ совершенно новой точки зрѣнія. Выступилъ впередъ и занялъ первое мѣсто тотъ вопросъ, который до сихъ поръ Тильерійскій кабинетъ или совершенно обходилъ, или только ограничивался намеками, или даже показывалъ видъ, что не придаетъ ему особенной важности, именно—вопросъ о неутральной торговлѣ. О немъ до этого времени онъ ни разу не высказывался съ полною откровенностію въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Россіею. Во время свиданій въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ этотъ вопросъ далеко не достигалъ тѣхъ размѣровъ, которые принялъ въ послѣднее время. Не смотря на то, въ нотѣ герцога Бассано съ этой точки зрѣнія разсматриваются тѣ обязательства, которыя принялъ на себя Русскій императоръ по Тильзитскому договору. «Его величество императоръ Всероссійскій, писалъ Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, призналъ въ Тильзитѣ, что современное поколѣніе тогда только достигнетъ благоденствія, когда каждый народъ будетъ имѣть полную возможность предаваться промышленной своей дѣятельности. Но они тогда только могутъ предаваться ей свободно, какъ ихъ флагъ будетъ неприкосновеннымъ. Неприкосновенность флага составляетъ неотъемлемое право каждаго народа и обязанность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ одного къ другимъ. Неприкосновенность ихъ флага имѣетъ точно такое же значеніе, какъ и неприкосновенность ихъ областей. Если неутральное государство, не переставъ быть неутральнымъ, не можетъ дозволять одной изъ воюющихъ сторонъ захватывать собственность другой въ своей территоріи, то также точно оно перестаетъ быть неутральнымъ, если дозволяетъ одной изъ воюющихъ сторонъ захватывать собственность другой, находящуюся подъ ея флагомъ. Поэтому всякое государство имѣетъ право требовать, чтобы державы, желающія оставаться неутральными, заставляли уважать ихъ флаги точно также какъ ихъ территоріи. До тѣхъ поръ, пока Англія будетъ слѣдовать той системѣ войны, которую она приняла, не признавая независимости на моряхъ ничьего флага, ни одна держава, владѣющая берегами, не можетъ оставаться неутральною въ отношеніи къ Англіи. Съ проницательностію и возвышенностію чувствъ, которыми одаренъ императоръ Александръ, онъ понялъ, что не могутъ достигнуть благоденствія континентальныя государства Европы до тѣхъ поръ, пока не будутъ возстановлены ихъ права заключеніемъ *морскаго* мира. Эта великая цѣль, заключеніе морскаго мира, составляетъ основную мысль Тильзитскаго договора; всѣ другія его условія суть только выводы изъ нея». Но международные договоры объясняются точными выраженіями постановленныхъ въ нихъ условій. По Тильзитскому договору Россія обязалась принять на себя посредничество въ заключеніи мира Англіи съ Франціею, а Франція приняла такое же посредничество въ заклю-

ченіи мира между Россіею и Турціею. Положеніе Европейскихъ дѣлъ въ то время было далеко не то, каково оно сдѣлалось въ началѣ 1812 г. Въ то время Наполеонъ не говорилъ и не могъ говорить отъ лица всей континентальной Европы, какъ выражено въ нотѣ герцога Бассано при объясненіи основной будто бы мысли Тильзитскихъ договоровъ. Еще многія государства, владѣвшія берегами, пользовались независимостію и находились въ мирныхъ отношеніяхъ къ Англіи. Поэтому на случай если Англія не приметъ посредничества Россіи и не заключитъ мира съ Франціею на условіи возвращенія ей всѣхъ сдѣланныхъ у нея съ 1805 г. завоеваній и не признáетъ полной независимости на моряхъ флаговъ всѣхъ державъ, Россія обязывалась объявить ей войну и совокупно съ Франціею потребовать, чтобы Швеція, Данія и Португалія также разорвали мирныя отношенія къ Великобританіи и объявили ей войну. Исказивъ основную мысль Тильзитскаго договора, Французскій министръ съ тою же беззастѣнчивостію искажаетъ и значеніе всѣхъ послѣдовавшихъ событій. Декреты Берлинскій, Миланскій и др. онъ выдаетъ какъ необходимыя послѣдствія этой мысли, точно также какъ присоединеніе къ Франціи Голландіи, Ганзейскихъ городовъ и герцогства Ольденбургскаго. И въ то время, говоритъ онъ, «когда для пользы своихъ городовъ и всей Европы его величество совершалъ эти великія перемѣны, Россія вдругъ измѣнила тѣмъ началамъ, которымъ обязалась въ Тильзитѣ неуклонно слѣдовать, въ союзѣ съ Франціей, которыя выразила въ своемъ объявленіи войны Англіи и которыхъ послѣдствіями были декреты Берлинскій и Миланскій. Они были устранены указомъ о торговлѣ, который открывалъ всѣ Русскіе порты Англійскимъ кораблямъ, нагруженнымъ колоніальными произведеніями, принадлежавшими Англіи, если бъ только эти корабли явились подъ чужимъ флагомъ. Этотъ неожиданный ударъ уничтожилъ Тильзитскій договоръ въ его главныхъ основаніяхъ, положившій конецъ войнѣ между могущественнѣйшими въ мірѣ державами, обѣщавшій Европѣ благодѣянія морскаго мира. Съ этого времени уже началось предчувствіе близкой войны. Поведеніе Россіи съ этого времени постоянно клонилось къ этому гибельному послѣдствію». Въ доказательство приводились протестъ Россіи по Ольденбургскому дѣлу и постоянно продолжавшіяся съ тѣхъ поръ вооруженія. Но Берлинскій декретъ вовсе не былъ послѣдствіемъ основныхъ началъ Тильзитскаго договора, уже потому, что онъ ему предшествовалъ. Этотъ декретъ былъ только *варварскимъ* отвѣтомъ по собственному выраженію Наполеона на *варварскую* мѣру, принятую Англійскимъ правительствомъ исключительно противъ Франціи и государствъ, находившихся подъ ея владычествомъ. Англія объявила блокаду Французскихъ портовъ; въ отвѣтъ на это Наполеонъ объявилъ въ блокадѣ Великобританскіе острова. Обѣ мѣры по существу были одинаковы и различались только

тѣмъ, что Англія, имѣя огромный флотъ, могла привести ее въ исполненіе; а мѣра объявленная Наполеономъ оставалась безсильною угрозою, потому что Французскій флотъ не смѣлъ показаться въ открытомъ морѣ, не сдѣлавшись вѣрною добычею Англіи. При такомъ значеніи Берлинскаго декрета о томъ не было и не могло быть рѣчи при заключеніи Тильзитскихъ договоровъ, въ которыхъ нѣтъ и намека на то. Точно также не было рѣчи объ этомъ декретѣ и о Миланскомъ при свиданіи въ Эрфуртѣ, и не упоминалось о нихъ въ заключенномъ тамъ новомъ договорѣ между Россіею и Франціею. Объявивъ войну Англіи и потомъ Швеціи, Россія исполнила условія Тильзитскаго договора; она прекратила въ ущербъ себѣ торговлю съ Англіею. Но торговлю съ нейтральными государствами она продолжала во все время отъ заключенія этого договора. До конца 1810 г. Французское правительство ни разу не заявляло никакихъ возраженій, какъ противъ способа исполненія нашимъ правительствомъ условій Тильзитскаго договора, такъ и противъ торговли съ нейтральными государствами. Правительство Наполеона было не изъ такихъ, которыя могли бы терпѣливо и молча сносить въ продолженіи многихъ лѣтъ нарушеніе условій договора со стороны своего союзника. Если Россія могла подчиниться постановленіямъ Берлинскаго и Миланскаго декретовъ, то не въ силу условій Тильзитскаго договора, но въ слѣдствіе особаго договора, о которомъ однакоже Французское правительство не заводило и рѣчи до конца 1810 года. Это молчаніе служитъ явнымъ доказательствомъ, что взглядъ Тюльерійскаго кабинета былъ одинаковъ со взглядомъ Россіи на значеніе этихъ декретовъ.

Но этотъ взглядъ Французскаго правительства измѣнился въ 1811 году. Наполеонъ, въ виду несомнѣнныхъ доказательствъ понялъ, наконецъ, что придуманная имъ ко вреду Англіи континентальная система неисполнима на дѣлѣ, при рѣшимости Англіи поощрять тайную торговлю (контрабанду), которой содѣйствовали повсюду въ Европѣ торговыя сословія въ виду личныхъ выгодъ и на которую должны были смотрѣть сквозь пальцы всѣ правительства, не желавшія доводить до разоренія своихъ подданныхъ въ угоду императора Франціи. Вводя безнравственныя начала въ международную торговлю, эта система вредила только континентальной Европѣ; Англіи же, напротивъ, доставляла выгоды, подавая ей благовидный предлогъ распространять свое владычество на моряхъ въ ущербъ всѣмъ другимъ государствамъ и поощреніемъ тайной торговли увеличивать свои доходы. Благосостояніе частныхъ лицъ и цѣлыхъ сословій, также какъ и государствъ Западной Европы, не входило въ соображенія Наполеона; но выгоды, которыя доставляло Англіи созданное имъ положеніе дѣлъ, безъ сомнѣнія не могли

не обратить на себя его зоркаго взгляда. Военное насиліе, соединенное съ грабежемъ, въ отношеніи къ слабымъ и съ ложью и обманомъ въ отношеніи къ сильнымъ, какъ основное начало политики Наполеона, должно было возбудить въ немъ желаніе вырвать изъ рукъ Англіи тѣ выгоды, которыя онъ же доставилъ ей, понявшей его сразу и позволившей себѣ дѣйствовать на основаніи того же начала, которымъ онъ руководился.

Таково происхожденіе Тріанонскаго тарифа, дозволившаго продажу колоніальныхъ товаровъ, но съ уплатою пошлины 50 на 100, и предписавшаго захватывать и жечь повсюду товары Англійскихъ мануфактуръ. Очевидно, что это новое постановленіе по существу своему должно было вести къ отмѣнѣ Берлинскаго и Миланскаго декретовъ, установившихъ континентальную систему. Но Наполеонъ не хотѣлъ показать, что придуманная имъ континентальная система оказалась неудачною и что онъ принужденъ отъ нея отказаться. Онъ приказалъ своимъ таможеннымъ чиновникамъ не обращать строгаго вниманія на то, на какихъ бы судахъ ни привозились колоніальные товары, лишь бы уплачена была установленная за нихъ пошлина; но отъ другихъ Европейскихъ державъ строго требовалъ исполненія Берлинскаго и Миланскаго декретовъ въ одно и тоже время съ подчиненіемъ Тріанонскому тарифу. Съ такимъ требованіемъ онъ обратился въ концѣ Октября 1810 г. и къ Русскому правительству, предлагая принять этотъ тарифъ и въ тоже время запретить торговлю съ нейтральными государствами. На это требованіе, равносильное совершенному уничтоженію внѣшней торговли, конечно нашъ кабинетъ отвѣчалъ отказомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ къ убѣжденію, «что Французское правительство для того, чтобы нанести рѣшительный ударъ Англіи, предположило завоевать и разрушить напередъ всѣ государства на материкѣ Европы». Послѣдовавшіе за тѣмъ захваты Голландіи, Ганзейскихъ городовъ, герцогства Ольденбургскаго и, наконецъ, Шведской Помераніи и насильственныя мѣры въ отношеніи ко всѣмъ другимъ государствамъ, только убѣждали Россію болѣе и болѣе въ этомъ предположеніи.

Ложныя толкованія условій Тильзитскаго договора перемѣшаны въ нотѣ Французскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ дерзкими упреками Россіи и оканчиваются смѣшнымъ предложеніемъ участвовать въ мирныхъ переговорахъ съ Англіею, начатыхъ Наполеономъ, котораго всѣ дѣйствія клонились къ тому, чтобы какъ можно болѣе нанести вреда этой державѣ.

Но если нота Французскаго министра иностранныхъ дѣлъ искажала смыслъ Тильзитскаго договора и значеніе всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ событій, то она же выражала весьма вѣрно тайныя

мысли и намѣренія, которыми Наполеонъ постоянно руководствовался въ своихъ дѣйствіяхъ. Съ цѣлью подчинить своей власти всю Европу, онъ дѣйствовалъ или внѣшнимъ насиліемъ и завоеваніями или нравственнымъ вліяніемъ, запутывая правительства сѣтями своей политики, постоянно угрожавшей войною всякому государству, которое бы осмѣлилось не подчиняться его требованіямъ. Заключая Тильзитскій трактатъ, онъ не столько разсчитывалъ на выраженныя въ немъ условія, сколько на тѣ послѣдствія, которыя предполагалъ извлечь изъ нихъ, въ надеждѣ на вліяніе, которое думалъ пріобрѣсти на императора Александра. Едва заключенъ былъ этотъ договоръ, какъ онъ попытался поставить насъ въ такія же отношенія, въ какихъ находились къ нему члены Рейнскаго союза. Но эта попытка не удалась, какъ и всѣ другія, направленныя къ той же цѣли. Въ нотѣ герцога Бассано выражена мысль, что Русское правительство, не желая вступать въ мирныя отношенія съ Франціею, упорно отказывалось дать надлежащія полномочія своему посланнику или прислать особаго повѣреннаго для вступленія въ переговоры и заключенія мирнаго соглашенія. На эти требованія наше правительство постоянно отвѣчало полною готовностію приступить къ этимъ соглашеніямъ и заявляло, что князь Куракинъ облеченъ достаточнымъ полномочіемъ, чтобы открыть переговоры, выслушать и обсудить условія, которыя будутъ предложены Франціею, и заключить договоръ, но не утверждать его своею властію, не снесясь съ Русскимъ правительствомъ. Со стороны независимой державы такое требованіе не только естественно, но онъ опиралось на всѣ преданія международныхъ отношеній; потому что въ противномъ случаѣ заключенный договоръ не былъ бы договоромъ между двумя равноправными сторонами, а предписаніемъ условій одною стороною для исполненія другой. Но къ этому именно стремились всѣ помыслы Наполеона, которымъ безъ сомнѣнія не могъ удовлетворить Русскій императоръ. Онъ свято охранялъ свободу и независимость своей имперіи, не смотря на то, что нѣкоторое время находился подъ обаяніемъ геніальной личности Наполеона и почиталъ союзъ съ Францію самымъ естественнымъ для Россіи.

Нашему правительству не трудно было отвѣчать на ноту герцога Бассано, на основаніи происшествій совершившихся съ 1810 года, не прибѣгая къ искаженію ихъ смысла и значенія. Въ то время, къ которому пріурочиваетъ Французское правительство начало враждебныхъ къ нему отношеній Петербургскаго кабинета, во всѣхъ Европейскихъ государствахъ распространилась мысль, что, послѣ столькихъ переворотовъ и войнъ, наконецъ, можетъ водвориться прочный миръ. Вѣнскій договоръ водворилъ миръ въ Германіи. Дѣятельное вмѣшательство Рос-

сіи отклонило Австрію отъ намѣренія продолжать войну и убѣдило ее заключить миръ, хотя и стоившій ей многихъ пожертвованій. Фридрихсгамскій договоръ умиротворилъ Сѣверъ, и Швеція присоединилась къ союзу Европейскихъ державъ. Женитьба Наполеона, упрочивъ его отношенія къ Австріи, укрѣпляла повсюду наступившій миръ и уничтожала слѣды войны 1809 года. Неопредѣленныя отношенія къ герцогству Варшавскому, въ слѣдствіе господствовавшихъ въ немъ волненій во все продолженіе войны съ Австріею, усиленныхъ потомъ значительнымъ расширеніемъ его области послѣ заключенія Вѣнскаго мира, подали поводъ къ особымъ переговорамъ между Россіею и Франціею. Конвенція, заключенная въ Петербургѣ на основаніи началъ, предложенныхъ Тюльерійскимъ кабинетомъ, давала надежду, что всѣ недоразумѣнія въ этомъ отношеніи будутъ на всегда устранены. Всѣ эти обстоятельства, казалось, предвѣщали продолжительный и прочный миръ; но едва окончились переговоры съ Австріею о женитьбѣ Наполеона, какъ онъ отказался утвердить конвенцію о Полякахъ; едва совершился бракъ, какъ Голандія присоединена къ Франціи, и Французскія войска, находившіяся на Югѣ Германіи, подвинуты къ Сѣверу, 60 тыс. ружей отправлены въ Варшавское герцогство, большой артилерійскій паркъ изъ Майнца переведенъ въ Магдебургъ. Новые перевороты предшествовали требованію Французскаго правительства, чтобы Россія закрыла свои порты для внѣшней торговли. Они сопровождались враждебными противъ нея признаками, которые еще болѣе выразились въ послѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ. Повсюду декреты, изданные Франціею противъ неутральной торговли, приводились въ дѣйствіе съ неслыханнымъ насиліемъ; собственность дружескихъ народовъ не различалась отъ имущества непріятеля, такъ что эта мѣра казалась скорѣе налогомъ, взимаемымъ въ пользу Франціи съ Европейскихъ народовъ, нежели возмездіемъ Англіи за ея распоряженія. Въ это время, отправляя съ письмомъ къ императору Александру полковника Чернышова, Наполеонъ положительно увѣрялъ его, что онъ, съ цѣлью не возбудить опасеній со стороны Россіи, не призоветъ на службу конскриптовъ за тотъ годъ. Но Чернышовъ не успѣлъ еще доѣхать до Петербурга, какъ конскрипція была объявлена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе значительной внутренней гвардіи. Въ тоже самое время Ганзейскіе города и герцогство Ольденбургское присоединены къ Франціи безъ всякихъ предварительныхъ объясненій о такихъ дѣйствіяхъ, прямо нарушавшихъ выгоды Россіи. 1810-й годъ начался отказомъ утвердить конвенцію, заключенную единственно съ тою цѣлію, чтобы укрѣпить союзъ съ Франціею, а кончился явнымъ нарушеніемъ договора, установившаго основаніе этого союза. Эти событія вынудили Россію позабо-

титься о средствахъ для собственной обороны. Въ настоящее время Французское правительство выдавало ихъ, какъ главную причину войны, между тѣмъ, какъ они вызваны постоянными захватами Франціи, все болѣе и болѣе приближавшими ея владычество къ границамъ Россіи. Дѣйствія Франціи, до такой степени несогласныя съ выраженнымъ желаніемъ поддерживать миръ, вынуждали Россію позаботиться о своей безопасности и утверждали ее въ томъ предположеніи, что Французское правительство намѣрено вооруженною рукою ввести въ дѣйствіе декреты Берлинскій, Миланскій и Тріанонскій съ цѣлью не столько нанести ударъ Англіи, сколько подчинить Россію произвольнымъ желаніямъ Франціи. Спрашивается, не принявъ мѣръ для обороны съ того времени, въ какомъ бы положеніи находилась Россія теперь, когда у ея границъ сосредоточено было до 400 тыс. войска?

Во все продолженіе 1811 г. военныя приготовленія продолжались съ обѣихъ сторонъ, а предметомъ переговоровъ былъ преимущественно Ольденбургскій вопросъ. Но могъ ли бы этотъ вопросъ получить такое значеніе, еслибы Французское правительство приняло первоначальное предложеніе Русскаго императора и уполномоченныхъ герцога, еслибы тогдашній Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ не дошелъ до забвенія приличій и уваженія, которыя обязанъ былъ соблюдать въ отношеніи къ представителю великой державы, до такой степени, что возвратилъ назадъ и самъ привезъ оффиціальную ноту князю Куракину' представленную имъ отъ имени Государя? Послѣ тщетныхъ переговоровъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, этотъ поступокъ вынудилъ Русское правительство обнародовать заявленіе всѣмъ Европейскимъ державамъ. Это былъ протестъ союзника противъ союзника, державы противъ державы, нарушавшей договоръ, которымъ установленъ былъ этотъ союзъ: въ 12-й статьѣ этого договора прямо постановлено, что герцогу Ольденбургскому возвращаются въ полную и неприкосновенную собственность его владѣнія. Трудно понять, какимъ образомъ присоединеніе этихъ владѣній къ Франціи могло быть согласно съ духомъ Тильзитскаго договора, если не предположить существованія такого способа толкованія международныхъ обязательствъ, которому исторія не представляла еще примѣра.

Между тѣмъ во все это время Россія свято соблюдала возложенныя на нее этимъ договоромъ обязательства. Доказательствомъ могутъ служить 70 Англійскихъ кораблей, конфискованныхъ въ Русскихъ портахъ въ продолженіи лѣта 1810 г. Присоединеніе герцогства Ольденбургскаго было первымъ нарушеніемъ Тильзитскаго договора, и съ того времени, отказываясь возстановить порядокъ дѣлъ, установленный этимъ договоромъ, Французское правительство освобождало и Россію

отъ обязательствъ на нее возложенныхъ. Договоръ уже не существовалъ болѣе, и потому она могла возстановить свои отношенія къ Англіи и придать своей торговлѣ тѣ размѣры, которые считала необходимыми для выгодъ имперіи. Не смотря на то, въ продолженіи 1811 года, Россія также строго соблюдала его условія какъ и прежде. Тарифъ, введенный въ дѣйствіе съ 1-го Января этого года, не противорѣчитъ ни смыслу, ни буквѣ этого договора. Его цѣль состояла въ томъ, чтобы пожертвованія, на которыя онъ обязывалъ Россію въ отношеніи къ торговлѣ, согласить съ потребностями Россіи и обезпечить возможность продолжать войну съ Англіею и поддерживать союзъ съ Франціею. Лишившись главнаго мѣста для своихъ произведеній, какимъ всегда была Англія, естественно для насъ было, чтобы не пасть совершенно подъ бременемъ перерыва торговли съ нею, одно только средство: сохранить ввозъ къ намъ сухопутьемъ такихъ товаровъ, за которые мы могли уплачивать нашими произведеніями. Въ слѣдствіе того нашъ торговый балансъ принялъ невыгодное положеніе, и нашъ курсъ упалъ до чрезвычайныхъ размѣровъ. Для Русскаго правительства предстояло избрать одну изъ двухъ мѣръ: или возобновить сношенія съ Англіею (что̀ было бы совершенно законно, послѣ присоединенія Ольденбурга къ Франціи и что̀ было бы гораздо для нея выгоднѣе), или установить новый тарифъ. Но, поддерживая союзъ съ Франціею, Русское правительство прибѣгло къ послѣдней мѣрѣ, и въ томъ указѣ, который, по выраженію ноты герцога Бассано, отворилъ всѣ порты Англіи, содержались, напротивъ, весьма строгія правила въ отношеніи къ торговлѣ съ нею. 50 конфискованныхъ кораблей въ продолженіи лѣта 1811 г. могутъ служить объясненіемъ, въ какомъ духѣ онъ былъ составленъ. Что же касается до нейтральной торговли, то она постоянно производилась въ Россіи, которая никогда не принимала и не могла принять началъ Берлинскаго и Миланскаго декретовъ. «Вопросъ о судахъ называемыхъ лишившимися народности принадлежитъ къ такимъ, которые слѣдуетъ рѣшить между собою нейтральнымъ государствамъ. Россія тѣмъ болѣе не считаетъ нужнымъ въ него вмѣшиваться, что постановленія Англіи 17 Ноября отмѣнены постановленіемъ 26 Апрѣля 1809 года въ отношеніи къ Балтійскимъ портамъ, и поэтому Американскія суда, которыя приходятъ въ Россію, не подвергаются тѣмъ стѣсненіямъ, противъ которыхъ направленъ Миланскій декретъ. Что̀ касается до обвиненія Россіи въ томъ, что она намѣревалась присоединить герцогство Варшавское, то оно ни на чемъ не основано, кромѣ простыхъ подозрѣній.» Но если бы даже и дѣйствительно было съ ея стороны такое намѣреніе, то оно оправдывалось бы весьма естественнымъ желаніемъ прекратить волненія Поляковъ, ея

подданныхъ, которыя возбуждались вліяніемъ герцогства. Притомъ, имѣлъ ли право упрекать въ этомъ Россію Наполеонъ, который только и дѣлалъ, что присоединялъ другія государства къ Франціи? Но и это подозрѣніе было неосновательно: императоръ Александръ имѣлъ болѣе великодушные виды въ отношеніи къ Полякамъ, которыхъ осуществленіе если бы и причинило вредъ, то болѣе всего самой Россіи.

Такъ и намѣревалось отвѣчать Русское правительство на ноту привезенную графомъ Нарбонномъ. Въ этомъ родѣ былъ составленъ проектъ отвѣта на нее, изъ котораго заимствована большая часть изложенныхъ соображеній. Но это намѣреніе вскорѣ было измѣнено, и графу Нарбонну сообщенъ иной отвѣтъ.

Нота герцога Бассано подписана въ Парижѣ 25 Апрѣля н. ст., и въ ней между прочимъ замѣчено: «Чернышовъ 10 Мая возвратился въ Петербургъ съ письмомъ императора Наполеона, и это письмо до сихъ поръ остается безъ отвѣта». Между тѣмъ отвѣтъ императора Александра на это письмо былъ отправленъ 27 Марта ст. ст. съ бар. Сердобинымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ князю Куракину окончательныя условія нашего кабинета, по принятіи которыхъ Французскимъ правительствомъ, Государь изъявлялъ готовность вступить съ нимъ въ мирные переговоры. Баронъ Сердобинъ пріѣхалъ въ Парижъ 12 (24) Апрѣля; въ тотъ же день князь Куракинъ сообщилъ на словахъ герцогу Бассано содержаніе полученныхъ имъ сообщеній своего правительства и просилъ назначить свиданіе съ императоромъ для врученія ему отвѣтнаго письма нашего Государя. Это свиданіе состоялось только черезъ три дня (15 (27) Апрѣля), и за тѣмъ уже онъ могъ офиціальною нотою сообщить Французскому министерству полученныя имъ сообщенія. И такъ, отвѣтъ импер. Александра на письмо Наполеона, посланное съ Чернышовымъ, полученъ былъ въ Парижѣ прежде отправленія графа Нарбонна. Поэтому заявленіе въ нотѣ герцога Бассано, что отвѣтъ на это письмо до сихъ поръ не полученъ, было преднамѣренно ложно и обличало ту уловку, къ которой прибѣгалъ Наполеонъ, когда получались заявленія противныя его властолюбію и оскорблявшія его гордость. Онъ просто не хотѣлъ признавать ихъ существованія. Съ этою цѣлію онъ отсрочивалъ свиданіе съ Русскимъ посланникомъ и какъ бы предупреждалъ Русскій ультиматумъ, какъ онъ называлъ условія предложенныя нашимъ кабинетомъ для вступленія въ мирные переговоры. Это обстоятельство сдѣлалось извѣстнымъ изъ донесеній князя Куракина, полученныхъ въ Вильнѣ въ слѣдъ за пріѣздомъ туда графа Нарбонна и естественно должно было возбудить мысль: слѣдуетъ ли и согласно ли съ достоинствомъ Россіи отвѣчать подробными соображеніями и опроверженіями на ноту герцога Бассано, исполненную

лжи и не оставлявшую сомнѣнія въ томъ, что потеряна всякая надежда предотвратить грозившую войну.

Этотъ вопросъ и составлялъ предметъ думъ императора Александра, и онъ разрѣшилъ его, приказавъ своему канцлеру послать такой отвѣтъ герцогу Бассано.

«Графъ Нарбоннъ вручилъ мнѣ ноту, которую вы ему поручили. Я немедленно представилъ ее Императору. Его величество, вѣрно слѣдуя постоянному образу своихъ дѣйствій, неизмѣнно сохраняя оборонительное положеніе, постоянно соблюдая умѣренность, не смотря на возрастаніе средствъ, которыми онъ могъ бы отразить притязанія несогласныя съ выгодами его имперіи и достоинствомъ его короны, ограничивается выраженіемъ согласія съ желаніемъ, которое высказали вы въ заключеніи вашей любопытной ноты. Онъ желаетъ избѣгнуть всего, что могло бы внести въ отношенія его къ Франціи вредный для нихъ характеръ раздражительности и вражды. Поэтому онъ приказалъ мнѣ не представлять опроверженій противъ тѣхъ упрековъ, которые вы выражаете и не обличать заключеній выводимыхъ большею частію или изъ фактовъ, совершенно искаженныхъ, или изъ подозрѣній, ни на чемъ не основанныхъ. Депеши, отправленныя къ князю Куракину съ барономъ Сердобинымъ, отчасти уже напередъ отвѣчали на всѣ заоявленныя обвиненія и представили въ надлежащемъ видѣ всегда согласный съ справедливостію образъ дѣйствій Императора въ отношеніи къ Франціи. Въ нихъ заключаются также объясненія цѣли нашихъ вооруженій, которыя, какъ кажется, превзошли даже ожиданія самооимператора Наполеона: потому что, не смотря на вызывающія движенія его войскъ за предѣлъ, у котораго они должны были остановиться, не угрожая безопасности нашихъ границъ, у насъ все остается въ томъ же положеніи, какъ было при отъѣздѣ этого нарочнаго. Дѣйствительно, ни одинъ нашъ солдатъ не перешелъ границъ Пруссіи и герцогства Варшавскаго, и съ нашей стороны не имѣется никакого препятствія для поддержанія мира. Напротивъ, послѣднія наставленія, данныя князю Куракину, предоставляютъ ему всѣ способы покончить наши пререканія и начать переговоры, которыхъ желалъ вашъ кабинетъ. Намъ пріятно было бы узнать о томъ, какъ были приняты императоромъ Наполеономъ наши предложенія. Офиціальный отвѣтъ на нихъ со стороны вашего правительства, который будетъ сообщенъ намъ княземъ Куракинымъ, разрѣшитъ окончательно великій вопросъ о войнѣ и мирѣ. Умѣренность предложеній, съ которыми я обращаюсь къ вамъ въ настоящее время, можетъ служить доказательствомъ, что Русское правительство воспользуется всякимъ обстоятельствомъ благопріятнымъ миру. Поэтому его величество съ удовольствіемъ принялъ извѣстіе, что съ этою цѣлію Франція вошла въ сношенія съ Великобританскимъ правительствомъ и благодаритъ за внимательность императора Наполеона, что онъ сообщилъ ему объ этомъ. Онъ всегда готовъ оцѣнить тѣ пожертвованія, на которыя рѣшится этотъ государь для достиженія всеобщаго мира. По его мнѣнію не можетъ быть достаточно важныхъ пожертвованій для достиженія такой высокой и прекрасной цѣли».

Эта нота, сдержанная и учтивая, вполнѣ соотвѣтствовавшая достоинству Россіи, какъ великаго государства, составляетъ совершенную противоположность съ многорѣчивою, заносчивою и лживою Французскою нотою. Но, при всей вѣжливости и умѣренности выраженій, она весьма ясно опредѣляла взглядъ Русскаго правительства на значеніе посольства графа Нарбонна и, сводя переговоры съ Франціею, сбившіеся съ пути, на настоящую дорогу указаніемъ на данныя уже наставленія князю Куракину, она выражала мысль, что посольству графа Нарбонна не придано дипломатическаго значенія. «Сообщенія, которыя привезъ графъ Нарбоннъ, писалъ императоръ Александръ Бернадоту въ это время, представляютъ рядъ обвиненій противъ Россіи, или ложныхъ или основанныхъ на фактахъ, которыхъ значеніе совершенно искажено. Они оканчиваются заявленіемъ о попыткѣ императора Наполеона войти въ сношенія съ Англіею. Эти бумаги и мой отвѣтъ я сообщилъ графу Левенгельму. По всѣмъ примѣтамъ кажется, что война скоро должна начаться: Французскія войска уже почти подошли къ моимъ границамъ. Этотъ нарочный везетъ полномочіе Сухтелену заключить миръ съ Англіею».

Тѣмъ не менѣе Государь принялъ графа Нарбонна съ свойственною ему любезностію. Спокойно, съ полнымъ знаніемъ дѣлъ, съ готовностію дѣйствовать на основаніи твердо-принятыхъ рѣшеній, онъ болѣе часа разговаривалъ съ нимъ и заключилъ разговоръ, указывая на разложенную карту Россіи: «Я не обманываю себя; я знаю, какой великій полководецъ императоръ Наполеонъ; но, видите: на моей сторонѣ пространство и время. Нѣтъ уголка на этой землѣ, который не былъ бы вамъ враждебенъ, и куда я не могъ бы отступить; нѣтъ такого отдаленнаго мѣста, которое бы я оставилъ безъ защиты прежде, нежели соглашусь на постыдный миръ. Я не нападаю; но я не положу оружія до тѣхъ поръ, пока будетъ находиться хотя одинъ непріятельскій солдатъ въ Россіи».

При первомъ же свиданіи съ Императоромъ графъ Нарбоннъ убѣдился въ справедливости замѣчанія Французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, который совѣтовалъ ему не входить въ подробныя разсужденія, а ограничиваться общими мѣстами съ такимъ собесѣдникомъ, какъ императоръ Александръ, державшій въ своихъ рукахъ всѣ дипломатическіе переговоры того времени и знакомый со всѣми вопросами болѣе, нежели любой министръ.

Не смотря на способность свою легко и остроумно вести разговоръ, графъ Нарбоннъ, послѣ перваго свиданія съ Государемъ, отзывался удивленно: «Императоръ выказалъ такое знаніе всѣхъ политическихъ вопросовъ, съ такою силою и логическою послѣдовательностію выражалъ свои мнѣнія, что я не нашелся ничего ему отвѣчать, кромѣ нѣсколькихъ общихъ, придворныхъ выраженій». Но кромѣ обширныхъ

познаній императора Александра въ дѣлахъ политики, на графа Нарбонна произвело еще большее впечатлѣніе настроеніе его духа. Онъ нашелъ его совершенно спокойнымъ, въ слѣдствіе окончательнаго рѣшенія какъ на войну, такъ и на образъ военныхъ дѣйствій. Такое же спокойствіе поразило его и въ лицахъ окружавшихъ Русскаго государя, т. е. отсутствіе всякаго *страха* передъ роковою силой Наполеона, проникавшею все и всѣхъ въ это время. Дѣйствительно, Россія отличалась отъ всей континентальной Европы совершеннымъ незнаніемъ этого страха, какъ и слѣдовало самостоятельной державѣ. Послѣ этого свиданія и разрѣшенія повидаться только съ его стариннымъ другомъ, графомъ Шуазелемъ, который находился въ это время въ Вильнѣ (но ни съ кѣмъ изъ Поляковъ), графъ Нарбоннъ понялъ, конечно, что его посольство не достигло цѣли. Не смотря на ласковое обхожденіе, обѣды у Государя, присутствіе на смотру войскъ, на полученный имъ въ подарокъ портретъ Государя, осыпанный бриліантами, онъ долженъ былъ скоро оставить Вильну. Самъ Государь объявилъ ему объ его отъѣздѣ. Графъ Нарбоннъ выѣхалъ 7 Мая и повезъ слѣдующее письмо императора Александра къ Наполеону: «Государь мой братъ! Графъ Нарбоннъ вручилъ мнѣ письмо вашего величества. Я съ удовольствіемъ вижу изъ него, что вы еще помните о Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Мои чувства и моя политика остаются неизмѣнными, и я ничего не желаю болѣе, какъ избѣжать войны между нами. Для достиженія этой цѣли я жертвовалъ въ продолженіи цѣлаго года военными выгодами, которыя были на моей сторонѣ. Вотъ самое убѣдительное доказательство, которое я могу представить вашему величеству, что никакія обстоятельства не могли измѣнить моихъ чувствъ лично къ вамъ и что вы всегда найдете меня такимъ же, какимъ я былъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ».

Императоръ Наполеонъ находился въ это время въ Дрезденѣ. Въ концѣ Апрѣля (9 Мая нов. ст.) онъ выѣхалъ изъ Сенъ-Клу вмѣстѣ съ императрицею, окруженный многочисленною военною и гражданскою свитою, и черезъ недѣлю прибылъ въ Дрезденъ (16 Мая н. ст.) для свиданія будто бы съ своимъ тестемъ, Австрійскимъ императоромъ и его супругою, какъ объясняли значеніе этой поѣздки присяжные толкователи дѣяній своего повелителя. Конечно удобнѣе было бы ѣхать въ Вѣну; но этотъ городъ былъ отдаленъ отъ поприща предположенныхъ военныхъ дѣйствій, тамъ онъ былъ бы гостемъ и по необходимости долженъ бы уступить права хозяина, первое мѣсто, своему тестю. Онъ хотѣлъ предстать Германіи, какъ ея властелинъ, и Дрезденъ не безъ цѣли былъ избранъ мѣстомъ довольно продолжительнаго пребыванія. Находясь на Эльбѣ, почти въ средоточіи своихъ военныхъ силъ, Наполеонъ могъ наблюдать за движеніями корпусовъ, руководить ими и скоро явиться во главѣ ихъ, лишь только настало бы время,

когда онъ предположилъ открыть военныя дѣйствія. Въ Дрезденѣ онъ не чувствовалъ себя только гостемъ Саксонскаго короля; но, прибывъ къ нему, какъ герцогу Варшавскому, считалъ себя какъ бы дóма, произвольно распоряжаясь созданнымъ имъ герцогствомъ. Проѣздъ его черезъ Германію былъ торжественнымъ шествіемъ: при каждой остановкѣ, при каждомъ ночлегѣ, съ Майнца и до Дрездена, его встрѣчали государи Германіи съ своими министрами и слѣдовали за нимъ, умножая его свиту. Отовсюду стекался народъ, хотя въ глубинѣ души ненавидѣвшій угнетателя, но подъ обаяніемъ его силы и величія преклонявшийся передъ нимъ. На другой день по пріѣздѣ Наполеона въ Дрезденъ, пріѣхалъ туда Австрійскій императоръ съ супругою, эрцъ-герцогами и свитою, въ которой находился и графъ Меттернихъ. Позднѣе прибылъ и Прусскій король съ наслѣднымъ принцемъ и канцлеромъ барономъ Гарденбергомъ. Онъ былъ крайне смущенъ тѣмъ, что, не смотря на заключенный имъ союзъ, Французы безъ всякихъ предварительныхъ сношеній заняли еще двѣ крѣпости: Шпандау, господствовавшую надъ Берлиномъ, и Пиллау надъ Кенигсбергомъ. Французскія войска приходили въ Пруссію какъ во враждебную страну, забирая у жителей провіантъ и фуражъ и оставляя за собою нищету и разореніе. Утѣшить его надеждою будущихъ благъ посланъ былъ гр. Нарбоннъ; но Прусскій король желалъ лично говорить съ Наполеономъ и располагалъ ожидать его въ Потсдамѣ. Пріѣхавъ въ Дрезденъ, Наполеонъ поручилъ ему сказать, что Потсдамъ не лежитъ на его пути и пригласилъ его прибыть въ Дрезденъ. Всѣ вѣнценосцы Германіи, всѣ государственные ея люди окружили Французскаго императора, преклоняясь предъ его могуществомъ, превознося его геній, предсказывая ему новые успѣхи и вѣрную гибель Россіи, и удивлялись, какъ она могла рѣшиться предъявить ему свои требованія. Слухъ о послѣднихъ предложеніяхъ Россіи уже распространился при Германскихъ дворахъ и даже, чрезъ Швецію конечно, достигъ до Англіи и появился въ ея газетахъ. Упоенный могуществомъ, поощряемый местью, Наполеонъ все болѣе и болѣе раздражался противъ Россіи, не дозволявшей добровольно приковать себя къ его побѣдной колесницѣ. Это раздраженіе усилила послѣдняя нота князя Куракина къ герцогу Бассано, полученная имъ въ Дрезденѣ, въ которой тотъ заявлялъ, что выѣхалъ изъ Парижа и настоятельно требовалъ своихъ паспортовъ, чтобы совершенно оставить Францію. Еще не дождавшись пріѣзда графа Нарбонна, Наполеонъ поручилъ герцогу Бассано написать графу Лористону, чтобы онъ немедленно потребовалъ паспортовъ отъ графа Салтыкова, управлявшаго въ отсутствіе канцлера министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, для проѣзда въ Вильну, сказавъ, что имѣетъ такія важныя и нетер-

пящія отлагательства сообщенія, которыя можетъ передать только одному канцлеру. Ему посланы были списки съ нотъ князя Куракина; онъ долженъ былъ говорить, что Наполеонъ удивленъ такимъ неожиданнымъ поступкомъ нашего посланника, противнымъ миролюбивымъ заявленіямъ императора Александра, и еще болѣе предложеннымъ имъ условіемъ очистить Пруссію, которое устраняло всякую возможность переговоровъ: «условіе, подобнаго которому его величество никогда не предлагалъ даже послѣ самыхъ рѣшительныхъ побѣдъ. При томъ, заботою о независимости Пруссіи нарушаютъ именно эту независимость, требуя нарушенія заключеннаго ею договора, на основаніи права принадлежащаго каждому государю». Лористону поручалось сказать, что Наполеонъ предполагаетъ, что нашъ посланникъ превысилъ свои полномочія, обращаясь къ его правительству съ такими предложеніями. Если же онъ дѣйствовалъ согласно съ желаніями своего кабинета, то онъ принужденъ будетъ лишиться всякой надежды мирными переговорами разрѣшить недоразумѣнія, возникшія между двумя имперіями. Но ему однакоже предписывалось не доводить дѣла до окончательнаго разрыва и оставить еще надежду на возможность переговоровъ.

Чѣмъ ближе стягивались войска Наполеона къ Русскимъ границамъ, тѣмъ болѣе онъ старался усыпить Россію, отсрочить окончательныя распоряженія со стороны нашего правительства на случай предстоявшей войны, напасть внезапно. Въ тотъ же день, когда было отправлено это письмо къ графу Лористону, Наполеонъ отвѣчалъ на донесеніе герцога Бассано, что онъ исполнилъ его приказаніе: «Теперь Русскіе могутъ дѣлать, что̀ хотятъ. Никогда не былъ такъ вѣренъ успѣхъ войны, начинаемой противъ нихъ. Всѣ вѣроятности въ мою пользу не потому только, что я двигаю громадныя войска, собранныя во Франціи, Италіи, Рейнскомъ союзѣ и Польшѣ; но еще потому, что двѣ Германскія державы, которыя всегда дѣйствовали противъ меня, въ качествѣ союзницъ Россіи, Австрія и Пруссія, теперь помогаютъ мнѣ съ такою же готовностію, какъ бы мои старые друзья. Я могу даже разсчитывать на Турцію и Швецію. Турки вѣроятно возобновили теперь военныя дѣйствія противъ Русскихъ; Бернадотъ колеблется, правда, но онъ Французъ и вспомнитъ объ этомъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Онъ не упуститъ такого удобнаго случая для Швеціи отмстить за пораженія Карла XII. Никогда не могутъ представиться такія благопріятныя обстоятельства.... Я чувствую, что они меня увлекаютъ, а императоръ Александръ отказывается принять мои предложенія! Я перейду Нѣманъ».

Черезъ недѣлю послѣ отправленія этого письма къ гр. Лористону, пріѣхалъ въ Дрезденъ изъ Вильны и гр. Нарбоннъ (28 Мая н. ст.). Представивъ письма нашего Государя и графа Румянцова, онъ подробно передалъ свой разговоръ съ Государемъ и все, что̀ видѣлъ и слышалъ въ Вильнѣ.

Слушая его, Наполеонъ большими шагами ходилъ по комнатѣ. Когда онъ окончилъ, послѣдовало долгое молчаніе. «Итакъ, наконецъ сказалъ Наполеонъ, нѣтъ средствъ достигнуть соглашенія! Направленіе Русскаго кабинета ведетъ его къ войнѣ. Вы мнѣ привезли только подтвержденіе тѣхъ предложеній, которыя были сдѣланы Куракинымъ; это послѣднія условія Россіи. Мнѣ тоже говорили и собравшіеся здѣсь государи. Каждый изъ нихъ получилъ извѣщенія. Всѣмъ извѣстно, что отъ насъ требуютъ, чтобы мы ушли за Рейнъ; Русскіе этимъ хвастаются, и эта гласность ихъ требованія дѣлаетъ ихъ до послѣдней степени оскорбительными. Нечего болѣе терять времени въ безплодныхъ переговорахъ». Впечатлѣніе, которое произвелъ на графа Нарбонна императоръ Александръ и вообще положеніе Русскихъ, было неожиданно для Наполеона. Способъ защиты обдуманъ и опредѣленъ: Русскіе будутъ избѣгать большихъ сраженій и стараться всѣми силами какъ можно болѣе протянуть войну, и Государь ихъ не заключитъ мира, пока непріятельскія войска будутъ находиться въ предѣлахъ его имперіи. «Посмотримъ, выдержитъ ли эта твердость тѣ испытанія, которымъ подвергнутъ его происшествія, замѣтилъ Наполеонъ. Внимая совѣтамъ Англіи, они хотятъ войны; я буду воевать».

На другой день Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена и, пріѣхавъ въ Торнъ (2 Іюня н. ст.), объявилъ маршаламъ и вице-королю Итальянскому: «Наши военныя дѣйствія начинаются, переходъ черезъ Вислу обличилъ мои намѣренія; теперь я потребую отъ васъ и вашихъ войскъ усиленныхъ переходовъ». Сдѣлавъ всѣ распоряженія о движеніи корпусовъ къ Нѣману и не дожидаясь отвѣта отъ графа Лористона, по пріѣздѣ въ Кенигсбергъ, онъ поручилъ графу Бассано написать ему, чтобы онъ потребовалъ своихъ паспортовъ и оставилъ Россію. «Настоятельное требованіе княземъ Куракинымъ своихъ паспортовъ, писалъ Бассано, показалось императору поступкомъ важнымъ и рѣшительнымъ при настоящихъ обстоятельствахъ, до такой степени несогласнымъ съ постоянными миролюбивыми заявленіями самого посланника, что онъ съ трудомъ могъ предполагать, чтобы онъ такъ дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію. Потомъ намъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Русское правительство извѣстило разные кабинеты о своемъ предложеніи его величеству очистить Пруссію, какъ о необходимомъ предварительномъ условіи всякихъ переговоровъ». Едва ли нужно говорить, что предложенію Россіи придавалось совершенно неправильное значеніе. Никогда наше правительство не думало требовать, чтобы предварительно Наполеонъ вывелъ войска изъ Пруссіи и очистилъ ея крѣпости, и что послѣ этого только оно готово начать переговоры. Напротивъ, оно изъявляло согласіе заключить договоръ, но такой, непосредственнымъ послѣдствіемъ котораго было бы очищеніе Пруссіи отъ Французскихъ войскъ и ея крѣпостей по мѣрѣ уплаты контрибуціи, на основаніи до-

говора, заключеннаго между Франціею и Пруссіею въ 1808 году 17 Сентября. Предваряя напередъ объ этомъ Французское правительство и желая знать его мнѣніе, Государь выражалъ мысль, что договоръ, который не повлекъ бы за собою такого послѣдствія, онъ считаетъ недостаточнымъ для упроченія мира въ Европѣ и, слѣдовательно, всякіе переговоры о томъ безполезными. «Узнавъ, что предложеніе сдѣланное Россіею Франціи уже огласилось, продолжаетъ герцогъ Бассано, нельзя было сомнѣваться, что князь Куракинъ дѣйствовалъ согласно съ полученными имъ наставленіями, представивъ ноту 30 Апрѣля и требуя своихъ паспортовъ. Требованія предъявленныя княземъ Куракинымъ были поводомъ къ тому, что его величество выѣхалъ изъ Парижа; гласность, приданная требованію Россіи, принудила его оставить Дрезденъ и приблизиться къ своимъ войскамъ. До послѣдняго времени онъ еще вѣрилъ возможности открыть переговоры; но такая надежда должна была исчезнуть, когда онъ убѣдился, что представляемыя ему требованія несогласны съ его честью. Послѣ Аустерлица, когда Русскія войска были разбиты и личность самого императора Александра подвергалась опасности, въ Тильзитѣ, когда онъ напрягалъ всѣ средства имперіи и не могъ продолжать войны, его величество не дѣлалъ никакихъ предложеній, которыя могли бы оскорбить его честь. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что Русское правительство рѣшилось воевать, и потому вы не должны долѣе оставаться въ Петербургѣ».

Прежде нежели эта переписка съ графомъ Лористономъ сдѣлалась извѣстна нашему кабинету, императоръ Александръ зналъ уже о настоятельныхъ требованіяхъ паспортовъ княземъ Куракинымъ изъ его донесеній, полученныхъ въ Вильнѣ въ одно время съ послѣдними отношеніями его къ канцлеру. Подробно объяснивъ образъ дѣйствій Французскаго правительства въ отношеніи къ нему, князь Куракинъ писалъ Государю: «При обстоятельствахъ такой важности, доведенныхъ до такой крайности какъ настоящія, подобныя отсрочки отвѣчать мнѣ на предложенія, клонящіяся къ поддержанію мира, наконецъ убѣдили меня въ томъ, что императоръ Наполеонъ рѣшился начать войну. При этой увѣренности, подкрѣпленной извѣстіемъ объ отъѣздѣ императора Наполеона на другой день въ Германію, я счелъ нужнымъ говорить языкомъ, соотвѣтствующимъ несомнительному положенію, въ какое Франція поставила себя въ отношеніи къ намъ и опредѣлительно выразить, что въ такомъ случаѣ я буду считать мое пребываніе въ качествѣ посланника излишнимъ. Я послалъ министру иностранныхъ дѣлъ ноту, въ которой повторялъ просьбу сообщить мнѣ какой бы то ни было отвѣтъ на мои предложенія, чтобы я могъ дать отчетъ объ исполненіи возложеннаго на меня порученія; я предварялъ его, что если въ совѣщаніяхъ, сегодня назначенныхъ, я не получу отъ него отвѣта о томъ, что предложенныя мною условія приняты, то это молчаніе сочту за отказъ ихъ принять и за рѣшеніе начать войну и въ такомъ случаѣ сочту себя вынужденнымъ потребовать паспортовъ. Вотъ уже болѣе

24 часовъ прошло какъ я послалъ эту ноту, и она не только не произвела никакого дѣйствія, но герцогъ Бассано прислалъ мнѣ сказать, что не можетъ меня принять, потому что долженъ ѣхать въ Сенъ-Клу. Это обстоятельство, котораго конечно я не ожидалъ, подкрѣпило мое убѣжденіе, что рѣшились начать войну и хотятъ протянуть время».

Умышленное замедленіе со стороны Французскаго министерства въ выдачѣ паспорта для нарочнаго, котораго намѣревался отправить въ Россію нашъ посланникъ, было причиною, что это донесеніе князя Куракина было имъ отправлено вслѣдъ съ другимъ, написаннымъ три дня послѣ него. Въ этомъ послѣднемъ князь увѣдомлялъ объ отъѣздѣ герцога Бассано, который наканунѣ еще увѣрялъ, что время его отъѣзда не опредѣлено и увѣдомилъ о томъ запискою, которую князь Куракинъ получилъ уже послѣ его отъѣзда. «Послѣ этого», писалъ онъ Государю, «я счелъ необходимымъ еще съ большею настойчивостью потребовать моихъ паспортовъ, и съ этою цѣлію написалъ ему письмо, которое и отправилъ въ Дрезденъ. Я не считаю себя уже посланникомъ, а частнымъ человѣкомъ. Я поселюсь въ деревнѣ, гдѣ мнѣ будетъ приличнѣе оставаться чѣмъ-то въ родѣ плѣннаго, въ заточеніи, въ какое меня поставили, и я прошу ваше величество вызвать меня, употребивъ тотъ же образъ дѣйствій противъ графа Лористона, какой здѣсь употребленъ въ отношеніи ко мнѣ. Между тѣмъ, предполагая, что война уже началась, конечно ваше величество не сомнѣваетесь, что я приношу теплыя молитвы Всевышнему, испрашивая благословенія вашему оружію, да будетъ оно также счастливо, какъ справедливо дѣло, которое вы защищаете. Эта надежда служитъ мнѣ нѣкоторою поддержкою въ томъ тревожномъ состояніи, въ которомъ я нахожусь, сознавая всю важность угрожающихъ Россіи опасностей. Я надѣюсь, что не услышу о дѣйствительномъ пораженіи вашихъ войскъ; но если бы и случилось это несчастіе, я питаю твердое убѣжденіе, что ваше величество, укрѣпившись неизмѣннымъ могуществомъ, сильные любовію къ вамъ вашего народа и безконечными средствами, которыя вамъ можетъ доставить ваша имперія, никогда не отчаетесь въ успѣхѣ и не положите оружія до тѣхъ поръ, пока не выйдете съ честью изъ борьбы, которая увѣнчаетъ славу вашего царствованія, сохранитъ цѣлость вашего государства и независимость Россіи. Невозможно и предполагать, чтобъ при такой грозной опасности для отечества Русскіе оказали бы менѣе самопожертвованія и твердости, нежели Испанцы противъ ихъ врага».

Нашъ посланникъ иначе и поступить не могъ. Образъ его дѣйствій вызванъ былъ неприличнымъ поведеніемъ въ отношеніи къ нему Французскаго правительства и соотвѣтствовалъ достоинству Россіи, какъ самостоятельной и независимой державы, которой онъ былъ представителемъ при Наполеонѣ. Русское правительство не могло его не одобрить; но императоръ Александръ избѣгалъ всякаго обстоятельства, которое могло бы послужить поводомъ его противнику придираться и

утверждать, что не онъ, а Русское правительство вызвало войну. Въ этомъ смыслѣ онъ поручилъ канцлеру отвѣчать на донесенія князя Куракина. «Изъ вашихъ донесеній Государь съ величайшимъ удовольствіемъ усмотрѣлъ то усердіе, съ которымъ вы исполняли возложенныя на васъ порученія и готовъ бы одобрить всѣ ваши дѣйствія, если бы вы такъ настойчиво и нѣсколько разъ не требовали выдачи вамъ вашихъ паспортовъ, не только для васъ лично, но для всего посольства и даже причта посольской церкви, не имѣя на то особаго предписанія. Его величество, твердо слѣдуя правилу не вызывать войны, но избѣгать всего, что̀ могло бы подать малѣйшее подозрѣніе, что онъ способствовалъ ускорить ея гибельныя послѣдствія для Европы, и безъ того угнетенной, желалъ бы, чтобы вы лучше воспользовались тѣмъ простымъ способомъ, къ которому и прибѣгли, т. е. уѣхали бы изъ Парижа, не требуя настоятельно паспортовъ какъ для васъ, такъ и для всего посольства. Этого было бы достаточно, чтобы избавить васъ, какъ посланника, отъ непріятностей быть въ столицѣ свидѣтелемъ явно враждебныхъ приготовленій противъ вашего Государя».

Очевидно, эти соображенія показывали, что Русское правительство хорошо понимало своего противника, способнаго придраться ко всякому обстоятельству. Требованіе посланникомъ своихъ паспортовъ по собственному усмотрѣнію, безъ уполномочія отъ своего государя, (о чемъ прямо заявлялъ князь Куракинъ) могло бы повлечь за собою смѣну этого посланника, а никакъ не войну съ тѣмъ государемъ, котораго онъ былъ представителемъ. Но тѣмъ не менѣе Наполеонъ выставилъ именно этотъ поступокъ нашего посланника, рядомъ съ предложенными ему условіями для мирныхъ переговоровъ, придавъ имъ ложное значеніе, какъ причину вынудившую его на войну.

III.

Всѣ сношенія съ иностранными государствами и съ адмираломъ Чичаговымъ сохранялись въ глубокой тайнѣ. Переписка съ наслѣднымъ Шведскимъ принцемъ была извѣстна даже канцлеру только по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщалъ ему въ разговорахъ самъ Государь. Никто не зналъ, съ какими предложеніями пріѣзжалъ графъ Нарбоннъ и что̀ ему отвѣчали. Полагали даже, что начатые имъ переговоры будутъ продолжаться, и ожидали, что онъ пріѣдетъ снова. Ни въ Вильнѣ, ни во всей Россіи не знали о назначеніи адмирала Чичагова. Высочайшее повелѣніе быть ему главнокомандующимъ Дунайскою арміею, при чемъ ввѣрено ему главное начальство надъ Черноморскимъ флотомъ и главное управленіе княжествами Молдавскимъ и Валашскимъ, съ оставленіемъ въ прежнемъ его званіи при особѣ Государя, состоялось только 26-го Мая, почти въ одно время съ назначеніемъ графа Ростопчина главнокомандующимъ въ Москву

на мѣсто графа Гудовича. Никто не ожидалъ, что военныя дѣйствія начнутся такъ скоро. Присутствіе Государя оживляло Вильну; онъ былъ спокоенъ и по обыкновенію привѣтливъ. Его генералъ-адъютанты на собранныя между собою деньги приготовляли блестящій балъ въ Закретѣ. «Если вы хотите дать балъ, то постарайтесь, чтобы онъ былъ хорошо устроенъ: Виленскія женщины хорошо понимаютъ это дѣло», говорилъ имъ Государь и пожертвовалъ въ общую складчину 300 имперіаловъ. Графъ Армфельтъ распоряжался приготовленіемъ; устроили обширную галлерею для танцевъ, но плохой мѣстный архитекторъ Шульцъ построилъ ее такъ, что она обрушилась за два дня до бала.

Это происшествіе, хотя и случайное, возбуждало въ нѣкоторыхъ подозрѣніе, а другимъ показалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Но и вообще положеніе дѣлъ многимъ представлялось неяснымъ и смущало такихъ боязливыхъ людей, какъ новый статсъ-секретарь Государя адмиралъ Шишковъ. «Во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, говоритъ онъ, многія вещи казались мнѣ странными или, иначе сказать, такими, которыхъ я понимать не могъ. Первое меня удивляло, что Государь говорилъ о Барклаѣ, какъ о главномъ распорядителѣ войскъ; а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель его повелѣній. Второе меня удивляло, что мы съ войсками зашли въ Вильну и завезли туда запасы, предполагая оную оставить безъ всякаго сопротивленія непріятелю, отступая до Дриссы, гдѣ Пфулю поручено было сдѣлать укрѣпленіе, при которомъ надлежало остановиться и дать сраженіе. Зачѣмъ думалъ я, идти въ Вильну съ намѣреніемъ оставить ее и нести какъ бы на плечахъ своихъ непріятеля внутрь Россіи, которая всю надежду полагала на войска́ и гдѣ никакихъ новыхъ силъ для обороны приготовлено не было? Развѣ бы непріятель безъ отступленія нашего не пошелъ къ намъ? И къ чему и кому отступленіе сіе, весьма похожее на бѣгство, могло служить только какъ къ тому, чтобъ слухами о немъ разливать повсюду страхъ и ужасъ? Третье меня удивляло, что великій князь Константинъ Павловичъ, пріѣхавъ на короткое время въ Вильну, остановился въ какомъ-то объ одной комнатѣ домикѣ. Мы пришли къ нему и должны были стоять на дворѣ, покуда насъ позовутъ. Въ это время, въ продолженіи болѣе часа, вводили къ нему, человѣка по человѣку, нѣсколько солдатъ съ ружьями: онъ занимался *одиночнымъ ученьемъ*». «Ты вѣрно смотришь на это, какъ на дурачество?» спросилъ великій князь вошедшаго къ нему съ поклономъ Шишкова и смутилъ его этимъ вопросомъ до такой степени, что онъ ничего не нашелся отвѣчать и только низко поклонился. «Четвертое меня удивляло, говоритъ онъ, что присланному отъ Наполеона генералу показывали ученье нашихъ войскъ. На что̀ это, думалъ я; для того ли, чтобы похвастать предъ нимъ благоустройствомъ ихъ? Но то ли было время, чтобы симъ его удивлять или устрашать? За тѣмъ ли, чтобы сдѣлать ему почесть? Но согласно ли съ величіемъ Россійскаго двора такое уваженіе подданному идущаго на насъ съ оружіемъ

врага? Могло ли это хотя малѣйше служить къ отвращенію войны? Наконецъ, пятое удивило меня также и слѣдующее. Въ одинъ день позваны мы были, Балашовъ и я, къ Румянцову обѣдать. Тутъ нашли мы проѣзжавшаго случайно черезъ Вильну Шведскаго генерала, который между прочими разговорами сказалъ намъ: какая необычайность, что морскому генералу Чичагову поручено начальство надъ сухопутнымъ войскомъ! При сихъ словахъ вытаращили мы съ Балашовымъ другъ на друга глаза. Тутъ только отъ сего проѣзжаго иностранца узнали мы, окружающіе Государя, о семъ, какъ бы тайно сдѣланномъ и дѣйствительно необыкновенномъ обстоятельствѣ. Всѣ таковыя дѣла и поступки погружали меня въ печаль и безнадежность на успѣхи нашего оружія. Мы жили съ такою безпечностію, что даже не слыхали о непріятелѣ, словно какъ бы онъ былъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ насъ. Занимались веселостями».

Дѣйствительно непріятельскія войска какъ бы тайкомъ приближались къ нашимъ границамъ. По близости къ нимъ Прусскихъ и герцогства Варшавскаго войскъ, давно привыкли видѣть, что они прикрывали собою движеніе Наполеоновскихъ армій, о которомъ не имѣлось точныхъ свѣдѣній. Балъ въ Закретѣ состоялся 12 Іюня и, кромѣ того графъ Гизенгаузъ предполагалъ устроить потомъ сельскій праздникъ въ Веркахъ. Замокъ Верки, принадлежавшій графамъ Потоцкимъ, стоялъ въ живописномъ мѣстѣ на берегу Виліи, недалеко отъ Вильны, и понравился Государю. Наканунѣ праздника въ Закретѣ, графъ Огинскій, долго задержанный болѣзнію въ Петербургѣ, по дорогѣ въ главную квартиру Государя, пріѣхалъ къ вечеру на станцію Румнишки, въ 70-ти верстахъ отъ Вильны. «Я былъ пораженъ, говоритъ онъ, замѣтивъ большіе огни по другой сторонѣ Нѣмана въ герцогствѣ Варшавскомъ, а на этомъ сильные казацкіе патрули. Смотритель станціи мнѣ сказалъ, что уже три дня, какъ они видятъ такіе огни по той сторонѣ Нѣмана и что они ежедневно ожидаютъ вторженія Французскихъ войскъ въ Литву. Я былъ совершенно пораженъ». По пріѣздѣ въ Вильну гр. Огинскій написалъ письмо къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому, прося его извѣстить объ его пріѣздѣ Государя и узнать, когда онъ можетъ ему представиться. Графъ Толстой прислалъ ему билетъ на балъ въ Закретъ и отвѣчалъ ему, что если онъ не усталъ съ дороги, то Государь очень будетъ радъ увидать его въ тотъ же день на этомъ балѣ. «Это меня чрезвычайно удивило послѣ того, чтó я слышалъ въ Румнишкахъ», говоритъ графъ Огинскій. Но еще болѣе его удивила всеобщая веселость многолюднаго общества, собравшагося въ Закретѣ, и совершенно спокойное расположеніе духа, которое сохранялъ Государь, нѣсколько разъ и очень ласково съ нимъ говорившій. Между тѣмъ именно на этомъ балу Государь получилъ извѣстіе о переправѣ Наполеоновскихъ войскъ черезъ Нѣманъ. Конечно это извѣстіе было скрыто отъ собравшагося общества и не

помѣшало его веселости; для Государя же оно не было неожиданнымъ. Іюня 10-го онъ уже писалъ графу Салтыкову въ Петербургъ: «Здѣсь ежечасно ожидаемъ быть атакованы. Съ полною надеждою на Всевышняго и на храбрость Россійскихъ войскъ готовимся отразить непріятеля». Это обстоятельство облегчало возможность умѣвшему вполнѣ владѣть собою Государю до такой степени скрыть извѣстіе, которое безъ сомнѣнія его смутило, что никто изъ присутствовавшихъ на балу не замѣтилъ ни малѣйшей въ немъ перемѣны. По возвращеніи съ бала, въ туже ночь, онъ сдѣлалъ первыя военныя распоряженія, поручивъ Барклаю-де-Толли предписать отступленіе всѣмъ корпусамъ по прежде даннымъ наставленіямъ, для сосредоточенія всей первой арміи, атаману Платову начать наступленіе на флангъ непріятеля, лишь только онъ переправится черезъ Нѣманъ, арміи Багратіона поддерживать наступательныя дѣйствія казаковъ, сообразно еще первоначальному плану военныхъ дѣйствій. Окончивъ занятія съ военнымъ министромъ, Государь послалъ пригласить къ себѣ государственнаго секретаря. «Въ два часа по полуночи, разсказываетъ А. С. Шишковъ, будятъ меня и говорятъ, что Государь за мною прислалъ. Я съ торопливостью вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ къ нему. Онъ былъ уже одѣтъ и сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ своемъ кабинетѣ». «Надо теперь же написать приказъ нашимъ арміямъ и къ фельдмаршалу графу Салтыкову о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы», сказалъ Государь вошедшему къ нему Шишкову. Какъ ни поразило Шишкова *неожиданное* для него извѣстіе, но онъ понялъ его важность и немедленно *бросился домой* исполнять приказаніе.

Всѣ великія историческія событія постоянно отличаются особеннымъ и какъ будто бы вовсе несвойственнымъ имъ свойствомъ—неожиданности. Не только веселыхъ гостей Закретскаго бала, людей незнакомыхъ съ тайнами политики и не знавшихъ повода этихъ событій, но равно и людей давно ихъ ожидавшихъ и даже приготовившихся къ нимъ со всею предусмотрительностію, они одинаково поражаютъ какою-то внезапностью. Государственный секретарь немедленно исполнилъ возложенное на него Государемъ порученіе и черезъ нѣсколько часовъ принесъ ему слѣдующія бумаги.

«Приказъ нашимъ арміямъ. Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки Французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій императоръ нападеніемъ на войска наши при Ковнѣ открылъ первый войну. Итакъ,

видя его, никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего инаго, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами, на зачинающаго Богъ!»

Вмѣстѣ съ этимъ приказомъ Шишковъ принесъ и письмо отъ Государя къ графу Салтыкову: «Графъ Николай Ивановичъ. Французскія войска вошли въ предѣлы нашей имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я для сохраненія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ престола и пользою моего народа. Всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается мнѣ инаго, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

Выслушавъ чтеніе этихъ бумагъ, которыя должны были объявить Россіи о грозномъ нашествіи враговъ, которыя должны были заставить ее вспомнить далекія и давно забытыя бѣдственныя времена прошлой ея жизни, Государь немедленно ихъ подписалъ и отправилъ по назначенію. Но адмиралъ Шишковъ составилъ ихъ по собственному усмотрѣнію, не получивъ напередъ никакихъ наставленій, не знакомый ни съ дипломатическими нашими сношеніями съ Франціею и другими Европейскими державами, ни съ военными предположеніями. Тѣ и другія были извѣстны ему по слухамъ, отчасти вѣрнымъ, какъ человѣку близко поставленному къ Государю, но далеко неполнымъ и недостаточнымъ для того, чтобы принять ихъ за основаніе при составленіи этихъ бумагъ. Онѣ выражали личное настроеніе человѣка, исполненнаго любви къ отечеству и гордаго именемъ Русскаго, но вовсе не объясняли настоящаго положенія дѣлъ. Государь подписалъ ихъ безъ возраженій, сочувствуя, конечно, общему ихъ смыслу и не имѣя времени измѣнять ихъ и передѣлывать; но не могъ онъ находить ихъ достаточными для того, чтобы познакомить Россію съ тѣмъ значеніемъ предстоявшей борьбы, которое онъ самъ чувствовалъ и понималъ. Тонкій дипломатъ, онъ пустилъ ихъ въ ходъ, какъ первое заявленіе, за которымъ должны послѣдовать дальнѣйшія объясненія современнаго

положенія дѣлъ, согласно съ его воззрѣніемъ на нихъ. Въ тотъ-же день вмѣстѣ съ письмомъ къ графу Салтыкову, какъ первому сановнику имперіи, которое должно было получить гласность, онъ писалъ ему, какъ частному человѣку: «Война началась, непріятель перешелъ нашу границу повыше Ковно. Сосредоточивъ всѣ силы свои *за Вильною*, будемъ готовы его отразить». Въ этой запискѣ *о нападеніи на войска наши при Ковнѣ* (гдѣ, кромѣ казачьихъ разъѣздовъ, никакихъ войскъ не было, уже ясно выражается мысль о преднамѣренномъ *отступленіи* за Вильну, которое было позорнымъ *бѣгствомъ* передъ врагомъ въ глазахъ Шишкова, почитавшаго долгомъ чести умолчать о томъ передъ Россіею изъ глубокой преданности къ Государю.

Въ тотъ же день за обѣдомъ, къ которому были приглашены графъ Огинскій и князь Платонъ Зубовъ, Государь сохранялъ обычное спокойствіе, какъ и на балѣ въ Закретѣ; но послѣ обѣда, когда онъ позвалъ графа Огинскаго въ свой кабинетъ, тотъ нашелъ его *задумчивымъ* и озабоченнымъ. Государь говорилъ ему, что онъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Вильнѣ и вообще поведеніемъ жителей Литвы, что онъ не обманулъ его, увѣряя въ ихъ усердіи и преданности его особѣ, что они съ готовностію доставляли все необходимое для содержанія войскъ. «Желая воздать имъ должное и выразить мою довѣренность къ нимъ, сказалъ онъ, я составилъ комитетъ изъ почетныхъ Поляковъ, который будетъ распредѣлять, сколько каждый помѣщикъ долженъ доставлять продовольствія для войскъ». Императоръ былъ убѣжденъ въ искренной преданности Поляковъ, разсчитывалъ на то, что она будетъ продолжаться и сожалѣлъ, что графъ Огинскій не могъ пріѣхать ранѣе въ Вильну, такъ какъ въ настоящее время онъ долженъ отказаться отъ многихъ проектовъ, въ которыхъ разсчитывалъ на его содѣйствіе, а теперь уже нѣтъ времени заниматься ими. Онъ выразилъ желаніе издавать газету при главной квартирѣ, которая, сообщая вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, разсѣевала бы ложные слухи, распускаемые въ Литвѣ эмиссарами Наполеона. Издателемъ избралъ онъ графа Людовика Платера, поручилъ Огинскому переговорить съ нимъ и прислать его къ нему. Государь, отпуская Огинскаго, получилъ извѣстіе съ аванпостовъ, которое видимо его смутило. Взглянувъ въ окно, онъ сказалъ: «бѣдные мои солдаты теперь на походѣ» (въ это время бушевалъ сильный вѣтеръ и пошелъ снѣгъ). Съ этого дня началось уже переселеніе изъ Вильны. Уѣхали нѣкоторые изъ свиты Императора и между прочими канцлеръ графъ Румянцовъ. Проѣхавъ первую станцію по Петербургской большой дорогѣ, въ Каменчинѣ онъ встрѣтилъ курьера изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, который везъ ему донесеніе графа Салтыкова. Прочитавъ его и отсылая

въ подлинникѣ къ Государю, онъ писалъ ему: «Изъ этого донесенія ваше величество усмотрите, что неумѣстное со стороны князя Куракина требованіе своихъ паспортовъ выдаютъ за поводъ воевать съ вами. Я увѣренъ, что это никогда не могло бы служить къ тому поводомъ. Завтра я остановлюсь въ Свенцянахъ и буду ожидать вашихъ приказаній, сожалѣя, что нахожусь въ удаленіи отъ васъ. Быть можетъ ваше величество найдете возможнымъ сами написать къ императору Наполеону, что, щадя кровь не только своихъ подданныхъ, но и всѣхъ народовъ, вы не желали бы, чтобы она была проливаема вслѣдствіе такого страннаго недоразумѣнія, и что вы никогда не давали приказанія своему посланнику оставлять Парижъ. Если кромѣ этого обстоятельства нѣтъ другихъ скрытыхъ поводовъ, вслѣдствіе которыхъ онъ рѣшился воевать, то вы готовы еще считать происшедшее какъ бы несуществовавшимъ. Таково содержаніе письма, которое, мнѣ кажется, ваше величество могли бы написать; но безъ сомнѣнія все это вы выразите гораздо лучше моего. Нужно только, чтобы это письмо было коротко, опредѣленно и повело бы къ продолженію переговоровъ».

Письмо канцлера произвело впечатлѣніе на Государя; онъ захотѣлъ показать, что не упускаетъ какого либо средства для предотвращенія войны.

Въ тотъ же день онъ призвалъ къ себѣ въ 10-ть часовъ вечера генералъ-адъютанта Балашова. «Ты вѣрно не ожидаешь, зачѣмъ я тебя призвалъ, сказалъ Государь, улыбаясь вошедшему въ его кабинетъ министру полиціи. Я намѣренъ тебя послать къ императору Наполеону. Сей-часъ я получилъ извѣстіе изъ Петербурга, что нашему министерству иностранныхъ дѣлъ прислана нота отъ Французскаго посланника, въ которой сказано, что какъ нашъ посолъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, неотступно требовалъ, два раза въ одинъ день, паспортовъ, чтобы выѣхать изъ Франціи, то это принимается за разрывъ и равномѣренно предписывается графу Лористону потребовать свои паспорты и выѣхать изъ Россіи. Въ первый еще разъ я вижу, что императоръ Наполеонъ указываетъ на какой-нибудь, хотя и ничтожный, поводъ къ войнѣ. Этотъ поводъ ничтоженъ, потому что князь Куракинъ такъ поступилъ по своему усмотрѣнію, не имѣя отъ меня приказаній. Онъ увидалъ, что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, не только Наполеонъ, но и Бассано, и счелъ, что ему не у кого будетъ вытребовать себѣ и паспортовъ. Потому онъ требовалъ, чтобы ихъ выдали ему прежде ихъ отъѣзда». Государю непріятно было бы прибавить, да и не было необходимости, конечно, что Французское правительство позволяло себѣ обходиться съ его посломъ до крайней степени неприлично. «Наполеонъ присылалъ ко мнѣ своего генералъ-адъютанта графа Нарбонна, который былъ прежде и министромъ, продолжалъ Государь; поэтому и я, въ соотвѣтственность этому, рѣшился послать тебя. Впрочемъ, между нами будь сказано, заключилъ онъ, я не ожидаю отъ этой посылки прекращенія войны; но пусть же сдѣлается извѣстнымъ *Европѣ* и послужитъ ей новымъ доказательствомъ, что не мы начинаемъ войну». Европѣ! Но какая же Европа

въ это время могла говорить и понимать вещи иначе, какъ не по приказанію Наполеона? Старый строй Европы давно уже былъ разрушенъ, новый не создался и до сихъ поръ. Европа представляла разрушеніе и хаосъ, надъ которымъ властвовало внѣшнее грубое насиліе.

А. Д. Балашовъ никогда не исполнялъ дипломатическихъ порученій; изъ оберъ-полицеймейстеровъ Московскихъ перейдя на туже должность въ Петербургъ, онъ получилъ званіе генералъ-адъютанта и военнаго губернатора въ 1809 году, и въ слѣдующемъ сдѣланъ былъ министромъ полиціи. Конечно, порученіе, которое возлагалъ на него Государь, не могло не затруднить его. Притомъ обозъ съ его вещами уже былъ отправленъ изъ Вильны; у него не было ни мундира, ни ленты. Но, зная, конечно, его умъ и способности, Государь устранилъ эти затрудненія, поручивъ посовѣтоваться съ графомъ Нессельроде и флигель-адъютантомъ Чернышовымъ. Первый, долго состоявшій при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ и близко знавшій наши послѣднія сношенія съ Франціею, могъ сообщить ему вѣрныя и подробныя о нихъ свѣдѣнія; второй, достаточно изучившій личность Наполеона, могъ объяснить ему характеръ и образъ его обхожденія. Что̀ касается до мундира и ленты, то это обстоятельство (которое могло показаться простою уловкою, чтобы отклонить отъ себя порученіе), Государь велѣлъ ему устранить, какъ онъ хочетъ, и приказалъ придти за полученіемъ собственноручнаго его письма къ Наполеону.

Во второмъ часу ночи Государь прочелъ Балашову слѣдующее письмо свое къ Наполеону: «Государь мой братъ! Вчера дошло до моего свѣдѣнія, что, не смотря на добросовѣстность, съ которою я исполнялъ всѣ мои обязательства въ отношеніи къ вашему императорскому величеству, ваши войска перешли черезъ Русскія границы. Сейчасъ я получилъ изъ Петербурга ноту, которою, по поводу этого вторженія, графъ Лористонъ извѣщаетъ меня, что ваше величество считаете себя въ непріязненныхъ отношеніяхъ со мною съ того времени, какъ князь Куракинъ потребовалъ свои паспорты. Причины, по которымъ герцогъ Бассано отказывалъ ему въ выдачѣ паспортовъ, никогда не заставили бы меня предполагать, чтобы этотъ поступокъ могъ послужить предлогомъ къ вторженію. Дѣйствительно, мой посланникъ не имѣлъ на то отъ меня повелѣній, какъ онъ и самъ заявилъ, и лишь только я узналъ о его поступкѣ, то немедленно выразилъ ему мое неодобреніе и поручилъ по прежнему исполнять возложенныя на него обязанности. Если в. в. не расположены проливать кровь нашихъ подданныхъ изъ-за такого недоразумѣнія и согласитесь вывести свои войска изъ Русскихъ владѣній, то я оставлю безъ вниманія все происшедшее, и соглашеніе между нами сдѣлается возможнымъ. Въ противномъ же случаѣ я буду принужденъ отражать нападеніе, которое ничѣмъ не вызвано съ моей стороны. Вашему величеству представляется еще возможность избавить человѣчество отъ бѣдствій новой войны».

Передавая это письмо для доставленія Наполеону, Государь говорилъ Балашову, что если онъ изъявитъ согласіе на переговоры, то они могутъ начаться немедленно, но съ однимъ *непреложнымъ* условіемъ, чтобы Французскія войска немедленно отступили за наши границы. «Въ противномъ случаѣ я даю слово,что не стану говорить о мирѣ и ни принимать никакихъ о немъ предложеній, пока хотя одинъ вооруженный Французъ будетъ находиться въ Россіи».

Отпустивъ Балашова, Государь на разсвѣтѣ (14 Іюня) выѣхалъ изъ Вильны въ Свенцяны, гдѣ расположена была гвардія и куда должны были отступать всѣ корпуса первой арміи. Но корпуса Тучкова и графа Шувалова находились еще подлѣ Вильны, гдѣ оставался и главнокомандующій Барклай-де-Толли. «Я не хочу отступать, писалъ онъ Государю въ Свенцяны, пока достовѣрно не узна́ю о силахъ и намѣреніяхъ Наполеона. Не видя передъ собою превосходнаго непріятеля, не почитаю нужнымъ отходить назадъ». На другой же день однакоже онъ получилъ извѣстіе о приближеніи сильнаго непріятеля и отдалъ приказъ войскамъ отступать къ Свенцянамъ. Утромъ 14 Іюня жители Вильны неожиданно узнали объ отъѣздѣ Государя и о переходѣ Французовъ черезъ Нѣманъ. Это извѣстіе произвело сильную тревогу въ городѣ. «Лишь только уѣхалъ императоръ, говоритъ графиня Шуазель, какъ всѣ лошади въ городѣ были забраны (исключая принадлежавшихъ моему отцу) для Русскихъ чиновниковъ, которые уѣзжали изъ Вильны съ семействами и имуществомъ. Улицы были наполнены экипажами, загроможденными разными пожитками. Всю ночь продолжалось это движеніе, и на другой день нельзя было услышать звука колеса, какъ въ Венеціи. Но во время этого видимаго спокойствія распространялись слухи одинъ другаго тревожнѣе. Говорили, что сожгутъ предмѣстья, перебьютъ жителей, будутъ защищать городъ, дадутъ сраженіе подъ его стѣнами, что надо прятаться въ погреба, бѣжать въ горы.... Войска проходили всю ночь и, перейдя черезъ рѣку, зажгли мостъ. Трудно было найти лошадей, владѣльцы прятали ихъ даже въ домахъ. Но и по выѣздѣ изъ города, по всѣмъ дорогамъ въ безпорядкѣ въ нѣсколько рядовъ тянулись экипажи; а между тѣмъ уже слышалась пальба со стороны Трокъ, Французы тѣснили арьергардъ Тучкова до самой Вильны».—«Мнѣ казалось сонною грезою, говоритъ графъ Огинскій все, что̀ происходило предо мною. Десять дней тому назадъ, когда я выѣзжалъ изъ Петербурга, никто не думалъ, чтобъ такъ скоро началась война. Узнавъ о пріѣздѣ отъ Наполеона посланникомъ графа Нарбонна въ Вильну, начали даже думать, что дѣла устроятся мирными переговорами. Мои глаза открылись только, когда я доѣхалъ до Румнишекъ, и я не могъ уже сомнѣваться въ близости Французскихъ войскъ; однакоже веселость и спокойствіе, царствовавшія на балѣ въ Закретѣ, отклоняли всякое подозрѣніе, что на другой день мы узнаемъ о приближеніи Наполеона къ стѣнамъ Вильны».

(*Продолженіе будетъ*).

ДВА НОВЫХЪ ПИСЬМА А. С. ХОМЯКОВА КЪ ПАЛЬМЕРУ.

Во второмъ томѣ „Сочиненій А. С. Хомякова“ напечатано десять писемъ его къ Англичанину Пальмеру, по поводу сначала расположенія Пальмера къ сближенію съ Православною церковью, а затѣмъ и рѣшительнаго намѣренія присоединиться къ ней. Пальмеръ занималъ видное мѣсто въ Английской церковной и ученой іерархіи: онъ былъ дьякономъ Магдалининской Коллегіи въ Оксфордѣ и принадлежалъ къ кружку тѣхъ ученыхъ богослововъ, которые, издавая трактаты Essays and Reviews въ 40-хъ годахъ, выражали взгляды антипротестантскіе на счетъ Англиканской церкви и старались ввести ее, какъ равноправнаго члена, въ семью традиціональныхъ христіанскихъ церквей. Нѣкоторыя лица изъ среды этого кружка перешли непосредственно въ Католичество (какъ напр., докторъ Ньюманъ, впослѣдствіи кардиналъ); другіе, руководимые докторомъ Пюзеемъ, образовали особый видъ Англиканства, получившій названіе по своему основателю. Докторъ Пальмеръ, въ отличіе отъ другихъ членовъ своего кружка, болѣе непосредственно обратился къ изученію Восточной церкви и, побывавъ два раза въ Россіи, рѣшился принять Православіе. Желаніе его не осуществилось, и впослѣдствіи онъ, подобно нѣкоторымъ другимъ товарищамъ своимъ, перешелъ въ Католичество, поселился въ Римѣ и, кажется, тамъ же и скончался въ началѣ 70-хъ годовъ. Россію и Востокъ онъ искренно и горячо любилъ, и какія бы ни были причины отвратившія его отъ формальнаго перехода въ Православіе, несомнѣнно, что онъ до послѣднихъ дней жизни сохранялъ своеобразную привязанность къ Православной церкви, служившую для людей, лично его знавшихъ, доказательствомъ искренности тѣхъ его стремленій, которыми вызвана его десятилѣтняя переписка (1844—1854) съ Хомяковымъ. Искренняя любовь и взаимное уваженіе связывали Хомякова съ Пальмеромъ, и памятникомъ этихъ чувствъ со стороны Пальмера служатъ сбереженіе и охотная отдача писемъ Хомякова для ихъ обнародованія. Къ сожалѣнію, А. С. Хомяковъ не сохранилъ писемъ Пальмера, а ихъ важность была бы очень значительна, какъ изложеніе тѣхъ вопросовъ и сомнѣній, отвѣты на которые сохранились въ письмахъ Хомякова *).

---

*) Неизданные доселѣ Англійскіе подлинники этихъ писемъ были вручены Пальмеромъ въ Римѣ княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Черкаской, которая (по отпечатаніи ихъ Ю. С. Самаринымъ въ 1868 году въ Русскомъ переводѣ въ Прагѣ) передала ихъ въ Чертковскую библіотеку, гдѣ они и хранятся. Нынѣ, по сличеніи съ ними печатнаго Русскаго перевода, оказываются въономъ нѣкоторыя опущенія и неточности. П. Б.

Въ бумагахъ Хомякова нынѣ найдено еще два черновыхъ письма его къ Пальмеру, которыя сдѣлались извѣстными Ю. Ѳ. Самарину уже послѣ того какъ онъ издалъ богословскія сочиненія Хомякова (знакомство Самарина съ ними явствуетъ изъ помѣщенной ниже его замѣтки на первомъ письмѣ). Эти два письма могли быть утрачены Пальмеромъ; но что онъ ихъ получилъ, видно изъ того обстоятельства, что онъ исполнилъ въ точности изложенную въ этихъ письмахъ просьбу автора и отослалъ въ Парижъ рукопись первой Французской брошюры Хомякова, для напечатанія. Надо думать, что дошедшіе до Россіи слухи о намѣреніи Пальмера приблизиться къ Риму побудили Хомякова поспѣшить снять съ него непріятное порученіе печатать нѣчто направленное противъ церкви, все болѣе и болѣе его къ себѣ привлекавшей. Этимъ же объясняется и самый характеръ втораго письма, исключительно посвященнаго тому, чтобы удержать Пальмера отъ разрыва съ Православной церковью, основаннаго на неправильномъ съ одной стороны пониманіи предъявленныхъ емуформальныхъ требованій для возсоединенія, а съ другой—на впечатлѣніи, произведенномъ на него Восточною іерархіей. Пальмеръ повидимому былъ наклоненъ излишне отождествлять іерархію съ Церковью въ ея полнотѣ, согласно тѣмъ западнымъ пріемамъ мысли, которые въ концѣ концовъ развились до поглощенія Церкви сначала іерархіей вообще, а затѣмъ однимъ Римскимъ епископомъ-папой. Съ этой же, вѣроятно, цѣлію употреблено въ концѣ письма выраженіе: „Отпаденіе Латинскаго Запада—единственная истинная язва человѣчества“. Во всякомъ случаѣ второе письмо заставляетъ думать, что Хомяковъ, угадывая настроеніе Пальмера, по этому самому снялъ съ него порученіе, которое возлагалъ на его дружбу въ первомъ письмѣ. Не этимъ ли объясняется, почему Пальмеръ не счелъ удобнымъ возвратить эти два письма въ Россію?

По порядку времени они должны бы занимать девятое и одинадцатое мѣсто въ собраніи писемъ къ Пальмеру. Напечатанное во 2-мъ томѣ „Сочиненій А. С. Хомякова“ письмо десятое остается все-таки послѣднимъ, т. е. нынѣ двѣнадцатымъ по счету: оно писано въ 1854 году и не заключаетъ ни одного слова, касающагося вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Когда именно обратился Пальмеръ въ Католичество, сейчасъ сказать трудно; но очень вѣроятно, что этими двумя письмами заключилась богословская переписка его съ Хомяковымъ.

Первое изъ печатаемыхъ ниже писемъ, въ припискѣ своей, служитъ дополненіемъ къ письму 8-му и касается внутреннихъ доказательствъ подлинности Евангелія отъ Матѳея. Къ этому вопросу о внутреннихъ доказательствахъ подлинности Евангелій Хомяковъ вернулся въ 1855 году во второй богословской брошюрѣ своей: на стр. 152 и слѣд. 2-го тома его сочиненій читатели могутъ найти обширное о томъ примѣчаніе къ тексту.

I.

M. r. and d. Sir.

Some months elapsed after I had received Your friendly letter from the 5-th of July, before I could give You an answer. My answer was written in the month of September; but as it was with a parcel rather too heavy for the post, I sent it over to Petersbourg to one of my friends as an occasion was more likely to be found there than anywhere else. I am informed that the parcel has been forwarded to England; but I am as yet quite uncertain whether You have received it or not. I would be very sorry if it was lost, as some parts of the letter (such as the P. S. about proofs of the authenticity of the Gospels) must have been worth Your attention, and others, such as the commission which I was bold enough to thrust on Your friendship (with a little bank-bill inclosed in the letter) were of great interest to me. In this uncertainty I have taken informations to ascertain whether the parcel may not have been lost. It has passed, it seems, many hands; but at last it must have found its way to the *Foreign Office* in London, where it is not improbable it may yet be found in a state of quiet uselesness. As such may be the reason of Your silence (though there may certainly be many others) I thought was bound to give You that information, and I hope You will not accuse me of obtruding on your attention without necessity. Excuse me if I do so.

I can say but little about myself. My life is going on rather wearily, though not perhaps uselessly I am now seeking after a remedy against the Cholera as I have done for other less apparent ills; success or failure in that as in every thing comes from God. Our duty and perhaps our only true happiness is to seek incessantly after every useful truth. Accept, dear Sire etc.

In the P. S. of my letter I had spoken of the proofs of authenticity of the Gospels of S-t John, S-t Luke and S-t Mark. In the first of these the proofs seem to me to be unanswerable, clear in the second, though not so evident in the third. I had not spoken of S-t Matthew. Its anteriority seems to be out of question for any impartial reader. Still I will add for more sceptical critics that though the person of the author may be disputed, no reasonable doubt can arise as to the time when this Gospel was written. Any critic endowed with something like common sense can see that it was written in Palestine and not only before the fall of Jerusalem, but even before the successful preaching of S-t Paul in Greece. The one is proved by the great importance given to prophecies about little towns in Palestine; the other by the ardent attacks on Pharisaism all over the book and more particularly in the 25-the Chapter. This indicates a violent struggle not only against an almost abstract or fallen system, as Pharisaism must have been after the conquest of Jerusalem, or against a local difficulty which must have lost much of its importance when Christian predication had invaded Greece and Rome, but a deadly struggle against a dangerous enemy and a living power in the centre of

its action. I think that those who do not feel the truth of this remark, will be found rather deficient in the rules of enlightened Criticism. This seems to me as plain a truth as the one that S-t Mark's Gospel has been written out of Palestine. The explanation of the Jewish customs at their meals (which is not to be found in S-t Matthew) cannot be otherwise accounted for.

*

Приписка на подлинникѣ рукою Ю. Ѳ. Самарина: „Нужно бы перевести. Очевидно, что А. С. Х. еще не читалъ послѣдняго изслѣдованія Бруно-Бауэра, въ которомъ онъ говоритъ о припискахъ въ Евангеліи, въ концѣ, того самаго изслѣдованія, о которомъ съ такимъ гнѣвомъ говоритъ Штраусъ въ послѣднемъ изданіи своего труда“.

Переводъ.

Досточтимый и любезный сёръ.

Нѣсколько мѣсяцевъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ ваше дружеское письмо отъ 5 Іюля. Отвѣтъ мой былъ написанъ въ Сентябрѣ; но такъ какъ при немъ была посылка нѣсколько тяжеловатая для почты, я переслалъ его къ знакомому въ Петербургъ, откуда было болѣе надежды найти оказію. Меня увѣдомили, что посылка была доставлена въ Англію; но я покуда все еще въ неизвѣстности, получили-ли вы ее или нѣтъ *). Очень бы жалѣлъ я объ ея утратѣ, такъ какъ нѣкоторыя части письма (напр. приписка съ доказательствами о подлинности Евангелій) должны бы заслуживать вашего вниманія; а другія, каковы напр. порученіе, которое я осмѣливался возложить на вашу дружбу (съ приложеніемъ векселя на небольшую сумму), очень интересуютъ меня. Я старался выйти изъ этой неизвѣстности посредствомъ справокъ о сохранности посылки. Она прошла повидимому черезъ много рукъ, но, должно быть, наконецъ нашла себѣ дорогу въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ въ Лондонѣ, гдѣ вѣроятно и сейчасъ можно ее найти въ состояніи мирной безполезности. Я счелъ себя обязаннымъ увѣдомить васъ объ этомъ, ибо не оттуда ли ваше молчаніе (могущее имѣть, конечно, и другія причины)? Надѣюсь, вы не обвините меня въ причиненіи вамъ напраснаго безпокойства. Въ противномъ случаѣ извините меня.

Немногое могу сказать о себѣ. Жизнь моя течетъ тяжеловато, хотя, можетъ быть, не безполезно. Я теперь доискиваюсь средства противъ холеры, какъ прежде противъ менѣе видимыхъ болѣзней. Успѣхъ или неудача въ этомъ, какъ и во всемъ—отъ Бога. Наша обязанность и, можетъ быть, наше единственное истинное счастіе—неустанно искать всякую полезную истину. Примите, дорогой сёръ и пр.

---

*) Рѣчь идетъ о рукописи Хомякова, которая потомъ появилась въ печати подъ заглавіемъ: Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de m. Laurentie. Paris. 1853 (безъ имени). Это была первая изъ трехъ богословскихъ книжекъ Хомякова. П. Б.

Въ припискѣ къ письму моему я говорилъ о доказательствахъ подлинности Евангелій Св. Іоанна, Св. Луки и Св. Марка. Въ первомъ изъ нихъ доказательство [1]) кажется мнѣ неопровержимымъ, во второмъ яснымъ, хотя не столь очевиднымъ, какъ въ третьемъ. Я не говорилъ о Св. Матѳеѣ; что онъ предшествуетъ остальнымъ, ясно для безпристрастнаго читателя. Тѣмъ не менѣе я прибавлю для болѣе скептическихъ критиковъ, что хотя личность автора можетъ быть подвержена сомнѣнію, никакое сомнѣніе о времени написанія Евангелія не можетъ имѣть разумной основы. Всякій критикъ, одаренный хоть тѣнью здраваго смысла, увидитъ, что оно писано въ Палестинѣ, и не только до паденія Іерусалима, но даже раньше успѣшной проповѣди Св. Павла въ Греціи. Одно доказывается значеніемъ, придаваемымъ пророчествамъ о маленькихъ городахъ Палестины; другое горячими нападками на Фарисейство во всей книгѣ и особенно въ 25 главѣ. Это указываетъ на сильную борьбу не только противъ абстрактнаго или падшаго ученія, какимъ должно было стать Фарисейство послѣ взятія Іерусалима, или противъ только мѣстнаго препятствія, потерявшаго большую часть своего значенія послѣ того, какъ христіанская проповѣдь разлилась по Греціи и Риму, но на смертельную борьбу съ опаснымъ врагомъ и съ живучей силой въ самомъ центрѣ ея дѣятельности. Думаю, что нечувствующіе истины этого замѣчанія должны быть почтены лишенными яснаго пониманія законовъ просвѣщенной критики. Это мнѣ кажется такой же наглядной истиной, какъ и то, что Евангеліе Св. Марка было писано внѣ Палестины. Объясненіе Іудейскихъ обычаевъ относительно стола [2]), чего нѣтъ у Матѳея, не можетъ быть иначе объяснено.

II.

M. r. and d. S.

Accept my thanks for Your kind, though (as You call it) grumbling letter, and pray, excuse the extreme indiscretion of the commission J had burthened You with. My excuse is in my total ignorance of foreign life and the supposition that intercourse between England and France or Belgium was more frequent and easy than I now find it to be. But I have found at last means to put You out of any difficulty or inconvenience on that account. Be so good only to send the letter here inclosed with the essay and check by the subjoined address without even a word of Your writing, and all I want will be done. I will add a request, that You should bear me no ill will for my indiscretion considering the extreme difficulty of my position, which You can only partially guess from some words of my preceeding letter.

I was wrong perhaps in supposing, that Your mind was labouring under some irritation or fatigue, and yet pardon me if still I continue to suppose that something of that feeling is indeed working in You, though You are not perhaps aware of it, and is driving You in a direction which I cannot consi-

[1]) Внутреннее.

[2]) Вѣроятно указаніе на 14 гл., 1 ст.

der otherwise than erroneous. Your letter has shown me more clearly than ever all the difficulties against which You had been and are still struggling, and the intricacy of the questions which have been for a long time agitating Your conscience; but I cannot consider them as being insoluble in a straight-forward way. Do not suppose that when I have been speaking rather lightly about the ritual difference existing between Greece and Russia in the admission of Romans and Protestants, I was paying no attention to the feelings and conscientious doubts of the convert. You seem to indicate as much by saying that a sacrament is operated „on a man and not on a block. A man must know whether he is to ask for a grace or to thank God for the grace received and pray for strength to continue in it“. I must say that there is an evident misunderstanding in the question. The Russian church as well as the Eastern one (the whole Catholic church) does not admit that the full grace of Baptism can have been conferred by schismatic Baptism. The only difference is that the Russian church considers the rite as fullfilled, the Grecian finds the rite uncannonical and considers its more canonical repetition as commendable. Both suppose in the convert the conviction that he has not yet received the *Grace of Baptism* and that he is to pray for the grace of the sacrament which he receives either by the repetiton of the rite or by the prayers of reconciliation giving power to a rite otherwise powerless. In both cases the feelings and mental action are exactly the same and the difficulty melts into nothing; and yet it seems to me that it is the only serious one which affects Your particular case. The fact which You advance against the Russian church (or I should rather say against the Russian Diocese of the Catholic church) is unfortunately a true one; but You admit it to be a fact and not a principle; therefore not binding any conscience, and by the same reason being quite out of the domain of Faith. If the fact has been working even for a hundred years or more, well—it can not have changed its nature—it is still nothing but a fact. The Roman see is since more than two hundred years the monopoly of Italian blood. This is certainly an anti-ecclesiastical fact; but it is no principle and cannot be adduced against Romanism, and yet it is far more important than the tyranical policy of the Russian state, as You call it not without some apparance of reason. The one affects the whole Church, the other affects only a Diocese. Whether the Russian hierarchy has been or has not been deceived into an undue subjection by the semblance of protection is an historical and no eclesiastical fact, and has nothing in common with the principles of Anglican submission to the state, as long as the Russian church does not arrogate to itself an independent position in the Catholic Church. Your moral sense is revolted, and well it may be, by the visible action or rather inaction of the different Dioceses of the Catholic Church. The feeling is just and reasonable: but it must not bear away your impartial reason. A Christian, dear sir, belongs to his Diocese only in his outward life (Discipline, Rite and so forth). In his inward life he belongs to the universality of the Catholic Church and is in no way affected by the vices of the Diocesan hierarchy, which he counter-

acts in a mild and peaceful way, as long as the Diocese itself has not run into separatism as the Roman see, or rather the whole of western communions have done. The ways of God are unscrutable, and it may not be sinful to suppose that the Russian hierarchy has been allowed to fall in a dependent situation till the time when the other Dioceses, having regained their full dignity and action, can stand forth as her equals in every respect, lest she should have fallen into the temptation of undue pride and anti-Ecclesiastical ambition. This supposition, [a false one perhaps, for where is the man to judge of the unrevealed designs of God] does not seem to me quite unreasonable.— Do not, dear sir, ascribe an undue importance to secundary facts; and do not shut Your eyes to the evident *separatism of the Roman west, which is the only true plague of Humanity*, as I hope to have shown in my Essay.

I am sorry I can say nothing about Your tracts either in the Greek or the English edition; the very simple reason of my silence is that I have not as yet received them. It is, as you may see, no easy thing to send over books to Russia if their contents are not agreeable to our Ecclesiastical or Political rules. The thing becomes still more difficult if the books bear my address. Such is the reason why I must beg of You most instantly in no case to return my essay to Russia, but to send it as soon as possible with the enclosed letter to Paris by the subjoined direction withont even giving me any written answer about the whole concern (at least by post). Accept, dear Sir etc.

Neale, Williams, Pusey, the Edit. of Christian Remembr., Евг. И. Попову, Bunsen, Guizot, l'évêque Janséniste de Hollande, Bungener, Schelling, Tholuk, Radovitz, le jeune Thiersch, Wilmann.

1) To the reverend John Mason Neale as a token of esteem, sympathy and gratitude for his History of the Eastern church.

2) To George Williams, a distant friend

3) To the reverend D-r Pusey. A respectfull offering.

4) To the Editors of the Chr. Remembr.

Переводъ

Достоуважаемый и любезный сёръ.

Примите выраженіе благодарности моей за ваше доброе, хотя (какъ вы называете) ворчливое письмо, и, пожалуйста, извините крайнюю нескромность порученія, которымъ я васъ обременилъ. Оправданіе мое — совершенное незнаніе заграничной жизни и предположеніе, что между Англіей и Франціей или Бельгіей сношенія болѣе часты, чѣмъ они оказываются въ дѣйствительности. Но я, наконецъ, нашелъ средство избавить васъ отъ всякихъ затрудненій и неудобствъ по этому дѣлу. Будьте добры послать только приложенное при семъ письмо съ статьей и чекомъ по сообщенному мною адресу. Вамъ отъ себя и приписывать ничего не нужно; этого очень будетъ достаточно. Прибавлю просьбу, чтобы вы не питали на меня неудовольствія, въ виду

крайней трудности моего положенія, о чемъ вы можете только догадываться изъ нѣсколькихъ словъ предыдущаго письма моего.

Я, можетъ быть, былъ неправъ, предполагая, что вашъ духъ страдалъ подъ бременемъ какого-то раздраженія или утомленія; но простите, если я и до сего времени продолжаю думать, что въ васъ все-таки есть частичка такого чувства, хотя бы и безсознательно васъ мучащая, и что вы направляетесь ею по пути, который я не могу не почитать ложнымъ. Ваше письмо показало мнѣ яснѣе прежняго тѣ трудности, съ которыми вамъ приходилось бороться, и всю запутанность вопросовъ, долгое время смущавшихъ вашу совѣсть. Не считаю ихъ однако неразрѣшимыми самымъ простымъ путемъ. Не думайте, что я не обращалъ вниманія на чувства или запросы совѣсти возсоединяемаго, когда выражался довольно легко про обрядовое разногласіе между Греціей и Россіей относительно возсоединенія Латинянъ и Протестантовъ. Вы какъ будто намекаете на это, выражаясь такъ: «Таинство совершается надъ человѣкомъ, а не надъ чуркой [1]. Человѣкъ долженъ знать—просить ли ему благодати или благодарить за полученіе таковой и просить о дарованіи ему силы пребывать въ оной».

Я долженъ сказать, что въ самомъ вопросѣ кроется явное недоразумѣніе. Русская Церковь подобно Восточной (вся Каѳолическая Церковь) не признаетъ, что схизматическое крещеніе сообщаетъ благодать крещенія во всей полнотѣ. Единственная разница между воззрѣніями той и другой церкви заключается въ томъ, что Русская признаетъ обрядъ совершеннымъ, Греческая же находитъ, что обрядъ не канонически совершенъ и считаетъ болѣе каноническое повтореніе его желательнымъ. Обѣ предполагаютъ въ возсоединяемомъ убѣжденіе, что онъ еще не получилъ благодати крещенія и что ему подобаетъ молиться о благодати таинства, каковую онъ получаетъ либо повтореніемъ обряда, либо молитвой примирительной, дающей силу обряду, иначе безсильному. Въ обоихъ случаяхъ чувство и умственное дѣйствіе совершенно одинаковы, и затрудненіе сходитъ на нѣтъ; оно же, кажется, единственное непосредственно до васъ относящееся. То обстоятельство, которое вы выставляете въ обвиненіе Русской церкви (или точнѣе, противъ Русскаго діоцеза Каѳолической Церкви), къ несчастью, вѣрно. Но вы сами считаете его не принципомъ, а простымъ фактомъ, не связывающимъ слѣд. ничьей совѣсти и потому самому не принадлежащимъ къ области Вѣры. Пускай этотъ фактъ длится сто или болѣе лѣтъ. Что́ же? Измѣнилъ ли онъ свой характеръ? Онъ остается тѣмъ же простымъ фактомъ. Римскій престолъ болѣе 200 лѣтъ составляетъ монополію Итальянской расы [2]. Это уже конечно анти-церковный фактъ; но онъ не принципіальнаго свойства и не можетъ ставиться въ

---

[1]) Изъ этого выраженія самого Пальмера видно, какъ онъ былъ раздраженъ формализмомъ предъявленныхъ ему требованій со стороны Константинопольской церкви.

[2]) Послѣдній Папа не Итальянецъ былъ Адріанъ VI-й (1522).

вину Латинству; однако это гораздо важнѣе тираннической политики Русскаго государства, какъ выражаетесь вы, не безъ нѣкотораго кажущагося основанія. Одинъ фактъ касается всей церкви, другой лишь части ея. Была ли Русская іерархія вовлечена въ нежелательное порабощеніе призракомъ правительственнаго покровительства или нѣтъ— это историческій, а не церковный фактъ и не имѣетъ ничего общаго съ Англиканскимъ подчиненіемъ, доколѣ Русская церковь не присвоиваетъ себѣ независимаго положенія въ Каѳолической Церкви. Ваше нравственное чувство возмущено, и совершенно основательно, видимымъ дѣйствіемъ или скорѣе бездѣйствіемъ различныхъ діоцезовъ Каѳолической Церкви. Это чувство и правильно, и разумно; но оно не должно затемнять безпристрастія вашего. Христіанинъ принадлежитъ, любезный сёръ, своей епархіи только относительно внѣшней жизни своей (дисциплина, обрядъ и т. п.); внутренняя жизнь его принадлежитъ Вселенской Церкви и никоимъ образомъ не причастна порокамъ мѣстной іерархіи, которымъ онъ противудѣйствуетъ кротко и миролюбно, доколѣ сама мѣстная церковь не отщепилась подобно Римскому престолу, или скорѣе подобно всѣмъ Западнымъ исповѣданіямъ. Пути Господни неисповѣдимы! Не грѣховно, можетъ быть, предположить, что Русская іерархія допущена была до ниспаденія въ положеніе зависимости впредъ до того времени, когда другія церковныя области снова пріобрѣтутъ полное свое достоинство и свободу дѣйствія (action) и въ состояніи будутъ явиться равными Русской церкви во всѣхъ отношеніяхъ: иначе эта послѣдняя могла бы подпасть искушенію недолжнаго самомнѣнія и противуцерковной гордости. Это предположеніе (можетъ быть ложное, ибо кто можетъ судить о сокровенныхъ судьбахъ Божіихъ?) мнѣ представляется не совсѣмъ неразумнымъ. Не приписывайте, любезный сёръ, лишняго значенія второстепеннымъ фактамъ и не отвращайте глазъ вашихъ отъ явнаго отщепенства Латинскаго Запада, *единой истинной язвы человѣчества* [1]), чтó мною, кажется, доказано въ моемъ изслѣдованіи.

Скорблю, что не имѣю возможности сказать вамъ что-либо о вашихъ статьяхъ въ Греческомъ или Англійскомъ изданіи. Простая тому причина—неполученіе ихъ до сего времени. Вы видите, что переслать книги въ Россію дѣло не легкое, если ихъ содержаніе не въ духѣ нашихъ церковныхъ или гражданскихъ порядковъ. Еще труднѣе доставить ихъ по моему адресу [2]). По этой причинѣ я долженъ просить васъ самымъ настоятельнымъ образомъ ни въ коемъ случаѣ не возвращать мою статью въ Россію, но по возможности скоро отправить ее въ Парижъ съ прилагаемымъ письмомъ, по указанному адресу, не давая мнѣ даже письменнаго увѣдомленія (по крайней мѣрѣ, по почтѣ) объ этомъ дѣлѣ. Примите, любезный сёръ и пр.

*

[1]) Это выраженіе надо понимать вѣроятно въ томъ смыслѣ, что распаденіе Христіанства есть настоящій недугъ человѣчества, а не въ смыслѣ исключительнаго осужденія одного Запада.

[2]) Читателямъ вѣроятно извѣстно, что авторъ этого письма и многіе изъ его единомышленниковъ находились, за послѣдніе годы царствованія императора Николая, подъ особеннымъ надзоромъ властей.

Нилю, Вильямсу, Пюзею, издателю «Христіанскаго Памятника. Евг. И. Попову, Бунзену, Гизо, епископу-янсенисту, въ Голландіи, Бюнгенеру, Шеллингу, Толюку, Радовицу, молодому Тиршу, Вильману.

1) Достоуважаемому Джону Масону Нилю, въ знакъ почтенія сочувствія и благодарности за его Исторію Восточной церкви.—2) Георгу Вильямсу, достойному другу.—3) Достоуважаемому доктору Пюзею, почтительнѣйшее приношеніе. — 4) Издателямъ «Христіанскаго Памятника [1]).

*

Десять писемъ А. С. Хомякова къ Пальмеру напечатанныя во 2-мъ томѣ „Сочиненій Хомякова", и вышепомѣщенныя два письмà принадлежатъ къ такого рода произведеніямъ, которыя никогда не утратятъ своего значенія, и нельзя не пожелать, чтобы всѣ они были напечатаны въ Англійскомъ ихъ подлинникѣ и появились бы также въ переводѣ на другихъ Европейскихъ языкахъ, что̀, мы увѣрены, и будетъ со временемъ, когда истина Православія ярче и дѣйственнѣе засвѣтитъ въ Западной Европѣ и когда у самихъ насъ сознательнѣе она обнаружится. „Не найдешь въ себѣ, не ищи въ селѣ", говоритъ наша пословица, и мы сами виновны въ томъ, что до сихъ поръ возсоединеніе съ Православною церковью такихъ лицъ, какъ Пальмеръ, было безуспѣшно. Дьяконъ Пальмеръ, ученый авторъ книги „Царь и Патріархъ", многіе годы занимавшійся исторіею Никона, нѣсколько разъ пріѣзжавшій въ Россію и лично знакомый съ митрополитомъ Филаретомъ, который ревностно желалъ его обращенія [2]), ушелъ въ Католичество вслѣдствіе недоразумѣній. Россійское посольство въ Лондонѣ дало знать въ Петербургъ, что обращеніе Пальмера и его друзей не понравится Англійскому правительству, которое-де и безъ того находитъ, что въ Англіи слишкомъ много сектъ. Вслѣдствіе этого отзыва наши власти направили Пальмера къ патріарху Константинопольскому, у котораго новообращаемый встрѣтилъ холодный пріемъ, поведшій къ разочарованію.—Много позднѣе, Англійскій священникъ, дорогòй памяти, Евгеній Ивановичъ Поповъ, по желанію многихъ Англичанъ, готовился отслужить нашу литургію на Англійскомъ языкѣ. Назначенъ былъ и день, 13 Ноября. Изъ Москвы послана была ему телеграмма: „Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы"; въ отвѣтъ получено письмо (на имя Александры Осиповны Смирновой), въ которомъ Е. И. Поповъ увѣдомлялъ, что Московское привѣтствіе

---

[1]) Вѣроятно это перечень лицъ, которымъ Хомяковъ желалъ доставить за границею свою первую Французскую книжку о Западныхъ вѣроисповѣдаиіяхъ; имена ихъ онъ означилъ на черновомъ письмѣ къ Пальмеру. П. Б.

[2]) „Меня неожиданно поразили сила и полнота выраженнаго имъ сочувствія (писалъ Хомяковъ Пальмеру отъ 14 Мая 1848). Многое выслушалъ онъ съ радостною улыбкою и со слезами на глазахъ. Странно даже было видѣть такое волненіе въ человѣкѣ обыкновенно столь сдержанномъ въ выраженіи своихъ чувствъ". См. также въ письмѣ Хомякова къ Пальмеру отъ 11 Октября 1850: „Онъ (митрополитъ) былъ весьма тронутъ чтеніемъ письма вашего и вполнѣ одобряетъ все то что́ вы дѣлали и предлагали".

заставило его пролить лишнюю слезу, такъ какъ посолъ нашъ Бруновъ воспретилъ служеніе на томъ основаніи, что церковь—посольская и безъ разрѣшенія изъ Петербурга онъ не можетъ допустить въ ней такой новизны.— Раньше того, графъ Нессельроде уклонился помочь королю Бельгійскому Леопольду въ исполненіи его желанія устроить въ дворцовомъ его замкѣ Лакенѣ, подъ Брюсселемъ, православный храмъ, который могли бы посѣщать Русскіе люди, живущіе и бывающіе въ Бельгіи; самъ же Леопольдъ, братъ нашей великой княгини Анны Ѳеодоровны, много лѣтъ сряду находившійся въ Русской службѣ, любилъ нашу церковную службу *).—Другой владѣтельный государь, послѣдній герцогъ Лукскій, много занимавшійся философіей и богословіей, знатокъ многихъ языковъ, отдавалъ Православію предпочтеніе передъ всѣми исповѣданіями и въ предмѣстьи города Лукки построилъ, въ особомъ зданіи, православный храмъ съ иконами, выписанными изъ Россіи. Греческій священникъ приглашался въ Лукку, и служба совершалась на Греческомъ языкѣ. Покойная баронесса Елисавета Сергѣевна Дёлеръ (урожд. Шереметева), живучи по-долгу въ Луккѣ, не одинъ разъ говѣла и пріобщалась святыхъ таинъ въ этой церкви.—За свѣдѣніями о наклонности многихъ жителей бывшаго Неаполитанскаго королевства возсоединиться съ ихъ древнею церковью, обращались мы къ А. Н. Бахметевой. Она почтила насъ нижеслѣдующимъ сообщеніемъ. П. Б.

„...Къ сожалѣнію по давности времени я могла многое забыть; что̀ помню, охотно сообщаю вамъ.

Въ 1876-мъ году, если не ошибаюсь, въ Римѣ, мнѣ случалось читать нѣкоторые номера журнала, издающагося, въ формѣ газеты, въ Неаполѣ подъ заглавіемъ, Emancipatore Cattolico. Нѣкоторыя статьи этого журнала выражали горячее сочувствіе къ Православной церкви и, обсуждая церковные вопросы, высказывали мнѣнія, подъ которыми могъ бы подписаться человѣкъ православный. Это меня очень заинтересовало, и въ началѣ весны, прибывъ въ Неаполь, я поѣхала въ редакцію, чтобы купить номера, которыхъ не могла пріобрѣсти въ Римѣ, и узнать болѣе объ этомъ изданіи. Это мнѣ удалось, такъ какъ я тутъ же встрѣтила самого издателя, господина Prota-Giurleo, и онъ очень охотно сообщилъ мнѣ желаемыя мною свѣдѣнія. Онъ разсказалъ мнѣ о религіозномъ движеніи, начавшемся въ южной Италіи, гдѣ образовалось общество, желавшее возсоединиться съ Православною Восточною Церковью. Это общество, по его словамъ, насчитывало уже тогда до 800 человѣкъ и, незадолго передъ тѣмъ, отправило въ Петербургскій Святѣйшій Синодъ и въ Константинополь къ патріарху записку, въ которой спрашивало, могутъ ли члены онаго быть приняты въ общеніе съ Православною Церковью на основаніи слѣдующихъ данныхъ:

*) О желаніи короля Леопольда имѣть православный храмъ и что онъ писалъ о томъ графу Нессельроде, неоднократно разсказывалъ канцлеръ князь Горчаковъ покойному графу Алексѣю Васильевичу Бобринскому, отъ котораго случилось намъ слышать о томъ, тоже не одинъ разъ. П. Б.

1) Они не признаютъ папу главою Церкви, и не признаютъ власти его въ томъ объемѣ, въ какомъ она признана Латинскою Церковью. 2) Признаютъ *Вселенскими соборами* только тѣ семь, которые созывались и были признаны такими до раздѣленія Церкви. 3) Признаютъ незаконнымъ прибавленіе къ Символу и читаютъ его безъ filioque.

Если бы, говорилъ мнѣ далѣе Prota-Giurleo, воспослѣдовалъ на этотъ запросъ благопріятный отвѣтъ, то члены общества постарались бы устроить въ одной изъ древнихъ катакомбъ близъ Позилиппо церковь, въ которой службы совершались бы на Итальянскомъ языкѣ и по чину Православной Церкви. Они надѣялись, что Россія не отказала бы имъ для этого и въ денежномъ пособіи. Не знаю, что̀ воспослѣдовало далѣе, былъ ли и какой былъ отвѣтъ на сдѣланный запросъ. Не отвѣчаю даже, что совсѣмъ точно передала вамъ содержаніе записки, которой сама не читала, и которая, конечно, была гораздо полнѣе и содержательнѣе.

На возсоединеніе съ Восточной Церковью южные Итальянцы могли бы смотрѣть какъ на возвращеніе къ родной, всегда дорогой, старинѣ. Извѣстно, что въ древности Южная Италія, то есть Калабрія, Апулія и Сицилія называлась Великою Греціей по множеству Греческихъ колоній и Греческаго населенія; что во многихъ епархіяхъ были Греческіе епископы; что хотя церковь Южно-Италійская находилась подъ вѣдѣніемъ Римскаго первосвященника, но въ ней не тѣснились нѣкоторые Греческіе обычаи, и даже употребленіе въ нѣкоторыхъ епархіяхъ Греческаго языка. Постепенно отношенія между Римомъ и Константинополемъ обострились. Сдѣлались они особенно враждебны съ 8-го вѣка, во времена иконоборства, когда папа отрѣшалъ отъ присяги въ вѣрности императору-иконоборцу его Итальанскихъ подданныхъ и запрещалъ платить ему дань; а императоръ отвѣчалъ на это тѣмъ, что отдѣлялъ епархіи Южно-Италійскія отъ Римской митрополіи и причислялъ ихъ къ округу Константинопольскаго патріарха. Послѣднія пять епархій причислилъ императоръ Никифоръ Ѳока (не иконоборецъ) уже во второй половинѣ 10-го вѣка.

Но борьба становилась все труднѣе. Императоры, окруженные врагами на Востокѣ, не могли слѣдить за тѣмъ, что̀ происходило въ Италіи; а папы, значительно усилившіеся покровительствомъ Франкскихъ королей и признаніемъ ихъ власти всѣми новообращенными народами Запада, могли уже не стѣсняться правами Греческаго императора на Италію; могли даже находить выгоднымъ прервать всякую связь съ Востокомъ, не признававшимъ ихъ власти надъ Церковью. Въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкахъ Латинское духовенство стало тѣснить утвердившееся въ Южной Италіи Греческіе обычаи, вводить новые Латинскіе, измѣненный Символъ, безбрачіе духовенства и пр. что̀ и подало поводъ патріарху Михаилу Керулларію вмѣшаться въ дѣло и указать на нарушеніе древнихъ обычаевъ въ епархіи состоявшей еще подъ его вѣдѣніемъ. Это повело къ спору, окончившемуся въ 1054-мъ году полнымъ разрывомъ".

КНИЖНЫЯ РѢДКОСТИ*).

216. О началѣ Владиміра что на Клязьмѣ, о перенесеніи въ оной изъ Кіева Россійской столицы и о бывшихъ въ ономъ Великихъ Князьяхъ. Собрано изъ древнихъ лѣтописцовъ и новыхъ исторій съ приложеніемъ потребныхъ изъясненій. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1802 года. 4°. 6 ненум. и 322 стр.

Авторъ сего историческаго изслѣдованія Иванъ-Дмитріевскій. Свое сочиненіе онъ посвятилъ императору Александру Павловичу. Оно раздѣлено на пять главъ (безъ нумераціи) подъ слѣдующими заглавіями: о началѣ Владиміра что на Клязьмѣ (1—38 стр.), о перенесеніи во Владиміръ изъ Кіева Россійской столицы и о бывшихъ въ ономъ великихъ князьяхъ (39—164 стр.), междокняжество во Владимірѣ (165—186 стр.), княженіе Михайлово (187—200 стр.) и княженіе Всеволодово (201—322 стр.). Первая глава подраздѣлена на десять отдѣловъ. Въ первой главѣ авторъ, опровергая мнѣніе нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что великій князь Владиміръ построилъ городъ, названный по его имени, на Волынѣ, доказываетъ, что великій князь Владиміръ построилъ въ 992 году городъ Владиміръ на Клязьмѣ. Исторія Владимірскаго княжества доведена Дмитріевскимъ до 1205 года.

Сопиковъ 6740.—Плавильщиковъ 3055.—Смирдинъ 2455.—Чертковъ 1838г. 165 стр.—Бартеневъ 614.—Березинъ-Ширяевъ IV, стр. 30.

Готье, Библіографъ 1885 г. № 3 стр. 74, 10 р.—Шибановъ VII—118; 2050.—Шибановъ XXIV—121,5 р.—Готье 97, 10 р.—Готье 5121, 6 р.—Шибановъ XXXV—88, 2 р. 50 коп.—Готье 9911, 6 р.—Киммель XXXVI—628, 3 р. 50 к.

217. Опера комическая Февей. Въ С.-Петербургѣ въ Типографіи Горнаго Училища. 1789 г.

Послѣ текста предъ нотами другое слѣдующее заглавіе:

Музыка оперы комической Февея, соч. В. Паскевича. Для клавиръ съ голосами переложенная И. Прачемъ. Въ С.-Петербургѣ въ Типогр. Горнаго Училища. 8°, 58 и CCIV стр.

---

*) См. выше, стр. 233.

Опера „Февей", состоящая изъ четырехъ дѣйствій, сочинена императрицею Екатериною II. Содержаніе ея, заимствованное изъ сказки о царевичѣ Февеѣ, изданной Императрицею въ 1782 году для Великаго Князя Александра Павловича, слѣдующее. У Сибирскаго царя Тао-оу былъ сынъ Февей, скучающій въ домѣ своего отца покойною жизнію и пожелавшій для развлеченія отправиться путешествовать въ чужія страны. Это желаніе Февея смутило его мать-царицу. Въ ожиданіи горестной разлуки съ сыномъ, она поетъ:

Злой часъ пришелъ мнѣ слезы лить,
Я буду безъ него здѣсь жить.
О день! О часъ! О злая жизнь!
Куда мнѣ въ сей тоскѣ бѣжать?
Гдѣ скрыться, ахъ! и что̀ начать?
Печальна мысль терзаетъ духъ;
Я всѣхъ утѣхъ лишаюсь вдругъ,
И помощи уже нѣтъ.

По приказанію царицы, придворныя дамы уговариваютъ царевича отказаться отъ намѣренія путешествовать, но безуспѣшно: Тогда Рѣшимыслъ, *первый баринъ царя*, какъ онъ названъ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, даетъ царевичу совѣтъ жениться. Совѣтъ былъ принятъ и когда Февей увидалъ свою невѣсту, Лійскую царевну Данну, запѣлъ.

Какъ взору ты предстала,
Ахъ что я ощущалъ!
Ты сердцемъ обладала,
Я взоръ твой обожалъ;
Я въ сладкомъ упованьи
Любилъ и воздыхалъ,
И страстныя желаньи
Въ надежду обращалъ.
Умились, согласись
И сама любить склонись.

Когда же она ему отвѣчала:

Ну, полно же страдать, грустить,
Я должна тя по смерть любить,

Февей запѣлъ:

Всѣ напасти миновали,
Не осталося печали
Больше въ сердце никакой;
Кѣмъ душа моя пылала,
Кѣмъ владѣть судьба мѣшала,
Я владѣю нынѣ той.

Затѣмъ поетъ хоръ:

Играй о сердце сердцемъ нѣжно
Теки, о время, безмятежно
Въ забавахъ чрезъ весь нашъ вѣкъ!
Ею мы благополучны.
Дай судьба дни неразлучны.

Этимъ хоромъ и заканчивается опера. Пѣсни и хоры для нея были заимствованы изъ Русскихъ пѣсенъ, изъ стиховъ Тредьяковскаго (Дейдамія) и др. сочиненій. Изъ Русскихъ пѣсенъ заимствованы были слѣдующія):

1. Ахъ! ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по старому.
2. Какъ у нашего сосѣда
Весела была бесѣда.
3. Всѣ напасти миновали,
Не осталося печали.

См. Нов. и полн. собр. Рус. пѣсенъ М. 1780 г. ч. 1 №№ 122, 193 и ч. 3 № 27.

Въ памятныхъ Запискахъ Храповицкаго объ описываемой мною оперѣ содержатся слѣдующія замѣтки на 1786 г. „27-го Февраля: Христіану Ермолаевичу Бразинскому (камердинеру) давали читать въ будуарѣ комич. оперу Февей; для сочиненія музыки послали къ кн. Г. А. (Потемкину). 19 Апрѣля: Представлена въ первый разъ на Каменномъ театрѣ опера Февей. 22 Апрѣля: Въ Эрмитажѣ играли Февея. 23 Апрѣля: Говоря о Февеѣ, хвалили церемонимейстера и хоръ о красотѣ невѣсты. П. Араповъ (Лѣтоп. Р. театра С. П. Б. 1861 г., стр. 116) сообщаетъ, что Императрица благодарила Храповицкаго за Февея, сказавъ, что въ этой оперѣ много его работы. По указанію Лонгинова, музыка оперы Февей сочинена композиторомъ Бризкомъ. Макаровъ говоритъ, что Февей игранъ былъ въ С.-Петербургѣ нѣсколько разъ и при томъ съ успѣхомъ. Опера комическая Февей выдержала нѣсколько изданій: въ первый разъ она была издана въ 1786 г. Во второй разъ она была напечатана въ 1788 г. въ XX т. Россійскаго Ѳеатра и отдѣльными оттисками, въ третій разъ она была издана съ музыкой В. Паскевича, переложенной для клавиръ съ голосами Прачемъ въ 1789 г. и, наконецъ, она была помѣщена въ Сочиненіяхъ Императрицы Екатерины II, изданныхъ въ 1849—1851 гг. Смирдинымъ. Мой экземпляръ изданія 1789 года на отличной, плотной бумагѣ, золотобрѣзный, въ сафьянномъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, находился въ библіотекѣ извѣстнаго собирателя рѣдкихъ книгъ Дурова, фамилія котораго вытиснута на лицевой сторонѣ переплета.

Сопиковъ 7501.—Чертковъ 1838 г. стр. 622, № 3.—Геннади 67.—Лонгиновъ Драм. сочиненія Екатерины стр. 11 и 12.—Щебальскій Р. Вѣстн. 1871 г. № 5, стр. 120 и 121.—Геннади Библ. Зап. т. 1, стр. 502.—Араповъ Лѣтоп. Русскаго Театра С. П. Б. 1861 г. 116 стр.
Готье 3591, 20 р.

218. Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 году Февраля 5, при бракосочетаніи государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, съ государынею царицею Евдокіею Лукьяновною изъ рода Стрѣшневыхъ. Москва, печатано съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета, въ Типографіи Платона Бекетова. 1810. 4°. 137 стр. съ 65 гравюрами.

Издателемъ этой интересной книги былъ извѣстный любитель старины, предсѣдатель Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Платонъ Петровичъ Бекетовъ. Она была издана съ древней рукописи, находящейся въ

Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ который она поступила отъ А. Ѳ. Малиновскаго. П. П. Бекетовъ въ своемъ предисловіи къ изданію этой рукописи между прочимъ говоритъ: „О достовѣрности сей книги неможно имѣть никакого сомнѣнія; она повѣряема была въ повѣствованіи со многими старинными списками. Приложенныя же при ней изображенія, надѣюсь, обратятъ на себя вниманіе любящихъ отечественныя древности, да и всякому Русскому не непріятно будетъ видѣть старинные обычаи нашихъ предковъ. Описываемое здѣсь обстоятельство тѣмъ достойнѣе примѣчанія, что напоминаетъ намъ время, въ которое Россія, такъ сказать, какъ бы воскресла и, стряхнувъ съ себя иго иноплеменныхъ, явилась опять въ настоящемъ своемъ видѣ". Коснувшись рисунковъ, издатель говоритъ, что онъ совершенно держался подлинниковъ. На нихъ изображены: Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, его невѣста Евдокія Лукьяновна, мать Царя и др. лица. Описываемая книга была издана въ двухъ видахъ съ рисунками въ очеркахъ и съ раскрашенными рисунками. О послѣднихъ Д. А. Ровинскій говоритъ, что они раскрашены отъ руки и невѣрно съ подлинникомъ. Въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, кромѣ рукописи, съ которой издана описываемая книга, находится еще рукопись свадьбы Михаила Ѳеодоровича, подаренная Княземъ М. А. Оболенскимъ. Рисунки въ этой рукописи съ нѣкоторыми измѣненіями и съ прибавкою фигуръ въ нѣсколькихъ картинахъ. Д. А. Ровинскій указываетъ еще на подобныя четыре рукописи. Терново-Орловскій, книга котораго описывается ниже подъ № 229-мъ, также помѣстилъ въ ней описаніе свадьбы Михаила Ѳеодоровича съ старинной рукописи, украшенной также рисунками. По сличенію текста описанія свадьбы, изданнаго Бекетовымъ, съ изданіемъ Терново-Орловскимъ оказывается небольшое различіе между упомянутыми изданіями. Въ большинствѣ экземпляровъ „Описанія сватьбы", изданнаго Бекетовымъ, помѣщено 63 рисунка. Такіе экземпляры описаны Геннади и Д. А. Ровинскимъ; въ моемъ экземплярѣ помѣщено 65 рисунковъ; съ такимъ же количествомъ рисунковъ находится экземпляръ въ Чертковской Библіотекѣ.

Сопиковъ 7757.—Плавильщиковъ 2750.—Смирдинъ 2683.—Чертковъ 1838 г. 79 стр. № 31.—Бартеневъ 132.—Геннади 113.—Бер.-Ширяевъ V стр. 36.—Ровинскій т. IV стр. 62.

Мартыновъ „Россійск. Библіографія" 1881 г. № 18, 50 р.—Листъ и Франкъ 47—18 талеровъ.—Шибановъ 1—234, 20 р.—Клочковъ 5—3079, 25 р.—Шибановъ III—185, 20 р.—Мартыновъ.1378, 30 р..—Готье 279, 25 р.—Клочковъ „Библіографъ" 1885 г. № 4 стр. 99, 25 р.—Клочковъ 75—500, 15 р.—Клочковъ 6—4045, 25 р. (съ раскр. рисунками).—Клочковъ 11—7665, 20 р.—Готье 3613, 20 р.—Шибановъ XXIII—266, 20 р. (указано 65 рис.).—Клочковъ 56—366, 18 р.—Клочковъ 63—1725, 18 р.—Киммель XXXVI—389, 20 р.—Мелинъ 1—580, 18 р. (съ обыкн. рисунками) и 30 р. (съ 65 рисунк. раскраш.).—Клочковъ 72—218, 18 р.—Шибановъ XXXIV—356, 18 р.—Шибановъ XXXIV—357, 20 р. (съ раскраш. рисунками).—Клочковъ 99—4682, 18 р.—Шибановъ XLI—236; 15 р. Посредникъ 1—стр. 12, 25 р. (нов. экз).

219. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ, ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, украшеній, забавъ, вѣроисповѣданій и дру-

гихъ достопамятностей. Творенiе за нѣсколько лѣтъ передъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ Iоаганна Готтлиба Георги, въ переводѣ на Россiйскiй языкъ весьма во многомъ исправленное и въ новь сочиненное, въ четырехъ частяхъ со 100 гравированными изображенiями народовъ и 8 виньетами. Иждивенiемъ книгопродавца Ивана Глазунова. Съ позволенiя С.-Петербургской цензуры. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академiи Наукъ, 1799 года. 4°. 1 ч. XV нум., 1 нен. и 76 нум. стр.; 2 ч. 13 нен. и 178 нум. стр.; 3 ч. 1 нен. и 116 нум. стр. и 4 ч. 2 нен., 385 нум. и 2 нен. стр.

Описанiе народовъ обитающихъ въ Россiйскомъ государствѣ составлено профессоромъ и членомъ Россiйской Академiи Наукъ Георги. Матерiалами для сего почтеннаго труда были большею частiю „описанiя путешествiй" Миллера, Гмелина, Крашенинникова, Рычкова, Палласа, Лепехина и другихъ. Описанiе народовъ Георги было первоначально издано на Нѣмецкомъ языкѣ въ четырехъ частяхъ, изъ коихъ три части были переведены на Русскiй языкъ и изданы въ 1776 – 1777 годахъ книгопродавцемъ Миллеромъ. Настоящее изданiе въ четырехъ частяхъ, поправленное и дополненное, принадлежитъ другому книгопродавцу И. Глазунову. Въ описанiи заключаются интересныя свѣдѣнiя о жизни и нравахъ различныхъ народовъ, населяющихъ обширное наше отечество. Къ этому любопытному описанiю разныхъ народовъ присоединены изображенiя ихъ, гравированныя Ротомъ, Шлепперомъ и другими. Изображенiя эти раскрашены. Они слѣдующiя: 1) Лопаръ, 2) Лопарская баба, 3) Чухонскiй мужикъ, 4) Чухонская крестьянская баба, 5) Чухонка въ уборномъ платьѣ, 6) Чухонка въ уборномъ платьѣ со спины, 7) Эстляндская баба съ лица, 8) Эстляндская баба съ тыла, 9) Эстляндская дѣвушка съ тыла, 10) Инзерская крестьянская баба, 11) Черемиска спереди, 12) Черемиска сзади, 13) Черемиска въ лѣтнемъ платьѣ, 14) Чувашанка спереди, 15) Чувашанка въ лѣтнемъ платьѣ, 16) Мордовка съ лица, 17) Мордовка со спины, 18) Мордовская дѣвушка съ тыла, 19) Мокшанка спереди, 20) старуха Мокшанская, 21) Вотянка, 22) Остякъ при рѣкѣ Объ, 23) Остякъ на ловлѣ горностаевъ, 24) Остянка съ лица, 25) Остянка съ тыла, 26) Казанской Татаринъ, 27) Татарка Казанская спереди, 28) Татарка Казанская сзади, 29) Чатская Татарка, 30) Нагайская Татарка, 31) Кабардинецъ, 32) Кабардинка, 33) Сибирскiй Бухаръ, 34) Башкирка, 35) Мечерячка, 36) Барабинская баба, 37) Барабинская дѣвка, 38) Киргизецъ на конѣ, 39) Киргизка съ лица, 40) Киргизка съ тыла, 41) Катчинская Татарская баба, 42) Катчинская дѣвушка съ лица, 43) Катчинская дѣвушка съ тыла, 44) Шаманка въ Красноярскомъ уѣздѣ, 45) Шаманка Красноярская съ тыла, 46) Татарская баба въ Кузнецкѣ съ лица, 47) Татарская баба въ Кузнецкѣ съ тыла, 48) Татарская дѣвушка въ Кузнецкѣ съ лица, 49) Татарская дѣвушка въ Кузнецкѣ со спины, 50)

Якутъ въ охочьемъ платьѣ спереди, 51) Якутъ въ охочьемъ платьѣ сзади, 52) Якутская баба спереди, 53) Якутская баба сзади, 54) Якутская дѣвка съ лица, 55) Якутская дѣвка со спины, 56) Самоѣдъ, 57) Самоѣдка спереди, 58) Самоѣдка въ лѣтнемъ платьѣ, 59) Тунгузъ, 60) Тунгузъ на охотѣ, 61) Тунгузъ въ охотничьемъ платьѣ съ тыла, 62) Тунгузской Шаманъ при рѣкѣ Аргунѣ съ лица, 63) Тунгузской Шаманъ при рѣкѣ Аргунѣ сзади, 64) Камчадалъ въ зимнемъ платьѣ, 65) Камчадалка въ простомъ платьѣ, 66) Камчадалъ въ хорошемъ платьѣ, 67) Камчадалка въ великолѣпномъ убранствѣ, 68) Шаманъ Камчатской, 69) Корякъ, 70) Корякъ въ уборномъ платьѣ, 71) Корячка, 72) Чукотская баба въ обыкновенномъ нарядѣ, 73) Чукотская баба, выдѣлывающая кожи, 74) Алеутъ, 75) Курилецъ; 76) Калмыкъ, 77) Калмычка, 78) Брацкая дѣвушка въ Удинскомъ острогѣ сзади, 79) Брацкая дѣвушка въ Удинскомъ острогѣ съ лица, 80) Брацкая баба въ Удинскомъ острогѣ съ лица, 81) Брацкая баба въ Удинскомъ острогѣ съ тыла, 82) Брацкая Шаманка съ лица, 83) Брацкая Шаманка со спины, 84) Монголка, 85) Монгольскій Лама, 86) Монгольская Шаманка, 87) Армянинъ, 88) Армянка, 89) Полякъ, 90) Полячка, 91) Калужскій купецъ, 92) Калужская купеческая жена, 93) Калужская женщина въ зимнемъ платьѣ, 94) Калужская дѣвица спереди, 95) Валдайская дѣвка, 96) Валдайская баба, 97) Россійскій крестьянинъ, 98) Донской казакъ, 99) Донская казачка, 100) Черноморскій казакъ. Кромѣ означенныхъ рисунковъ въ книгѣ помѣщены виньеты съ слѣдующими изображеніями: на *первой* изображено благоговѣніе Лопарей предъ священнымъ холмомъ, на *второй* похороны Чувашей и другихъ Финскихъ народовъ, на *третьей* юрты Кундуровскихъ Татаръ, на *четвертой* плаваніе Якутовъ на лодкѣ, ѣзда ихъ на волахъ, юрты и рыбная ловля, на байдарахъ, на *пятой* охота на дикихъ оленей и приготовленіе убитыхъ оленей для ѣды, на *шестой* плаваніе жителей острова на байдарѣ, вдали островъ съ огнедышащею горою и на *седьмой* охота Киргизовъ и Калмыковъ за птицами съ кречетами и ястребами. Первая и вторая виньеты гравированы Ротомъ, остальныя виньеты безъ обозначенія имени гравера. Въ концѣ книги помѣщены ноты, и кромѣ того приложено „примѣчаніе для переплетчика“ о томъ, какъ должны быть переплетены рисунки.—Для изучающихъ этнографію и антропологію настоящая книга представляетъ богатый, цѣнный матеріалъ. Книга, въ особенности со всѣми рисунками, рѣдка; ея не оказалось даже въ Чертковской и Щаповской библіотекахъ; въ первой она была, какъ видно по печатнымъ каталогамъ, но нынѣ ея не имѣется *).

Сопиковъ 5736.—Плавильщиковъ 2995.—Смирдинъ 3596.—Чертковъ 1838 г. 148 стр. № 1.—Бартеневъ 2335.—Березинъ-Ширяевъ II стр. 31.

Мартыновъ кат. III, 40 р.—Клочковъ 10—7120. 10 р. (неполный экз.).—Клочковъ 56—100, 20 р.—Готье 4781, 15 р.—Клочковъ 63—1474, 18 р.—Клочковъ 72—218, 18 р. Посредникъ 1 стр. 45, 25 р.—Клочковъ 75—150, 18 р.

---

*) Эта книга въ числѣ тѣхъ немногихъ, которыя были удержаны владѣльцемъ Чертковской библіотеки при сдачѣ ея городу Москвѣ. П. Б.

220. Описаніе древней Новгородской серебряной гривны и ея рублей, съ нѣкоторыми понятіями о древности, величіи и богатствѣ Новагорода. Николая Назар. Муравьева, Почетнаго Члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва въ Университетской Типографіи. 1826. 4°. 18 стр. съ планомъ и двумя таблицами рисунковъ.

Въ книгѣ описаны гривны и рубли. найденные въ Новгородѣ, въ 1821 году, не въ дальнемъ разстояніи отъ мѣста, на которомъ находился домъ извѣстной Новгородской посадницы Мареы Борецкой. На планѣ изображенъ Новгородъ въ 1756 г., на первой таблицѣ Новгородскія серебряныя гривны, а на второй—рубли. Тотъ же Муравьевъ въ Трудахъ Общ. Исторіи и Древн. Рос. помѣстилъ на имя предсѣдателя общества два письма о Новгородской гривнѣ (ч. III, стр. 189—195).

Смирдинъ 2382.—Чертковъ 1838 г. 95 стр. № 4.—Бартеневъ 1714.—Березинъ-Ширяевъ VI стр. 100.

Клочковъ 1-425, 8 р.—Готье 3816, 6 р.—Мартыновъ 279, 6 р.—Готье 247, 8 р.—Киммель XXXVI—1581, 5 р.—Клочковъ 5—3045, 8 р.—Шибановъ XXXIV—328, 7 р.—Готье 10048, 10 р.

221. Описаніе древнихъ медалей Ольвіи или Ольвіополя, находящихся въ Одессѣ, въ кабинетѣ г-на Бларамберга, Дѣйствительнаго Члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ историческимъ извѣстіемъ о древнемъ городѣ Ольвіи, съ планомъ онаго и съ изображеніемъ 225-ти медалей и монетъ, гравированныхъ въ Парижѣ Сентъ-Анжемъ. Переведено съ Французскаго А. П. Издано Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва Въ Университетской Типографіи. 1828. 8°. VII, 64 нум. стр., 1 ненум. стр., 22 таблицы и планъ.

Этотъ трудъ первоначально былъ изданъ въ Парижѣ 1822 г. на Французскомъ языкѣ; авторъ его Бларамбергъ состоялъ директоромъ Одесскаго и Керченскаго Музеевъ. Онъ былъ извѣстенъ по многимъ раскопкамъ и открытіямъ. Книга начинается съ предисловія, въ которомъ авторъ говоритъ, что, проживши нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ вблизи развалинъ Ольвіи, онъ имѣлъ случай составить рѣдкое собраніе медалей сего города, которыхъ значительная часть еще не описана, а прочія хотя и описаны, но не вѣрно. Эти причины и побудили его издать настоящій трудъ. За предисловіемъ слѣдуетъ „историческое извѣстіе объ Ольвіи, которая основана въ VII вѣкѣ до Р. Хр. и находится въ стоверстномъ разстояніи отъ Одессы. Съ 39 по 64 страницу начинается собственно описаніе медалей и монетъ; затѣмъ приложенъ планъ, на которомъ представлены развалины г. Ольвіи и 22 таблицы съ рисунками медалей и монетъ.

На первой таблицѣ изображены семь медальоновъ и двѣ бронзовыя рыбки, которыя, по предположенію Бларамберга, служили какими нибудь знаками; на второй таблицѣ изображены двѣ золотыя медали и четыре, сдѣланныя изъ серебра; на третьей—изображены шесть медалей изъ серебра, на IV—XX таблицахъ помѣщены 203 медали, сдѣланныя изъ бронзы, на XXI таблицѣ помѣщены монограммы, находящіяся на медаляхъ Ольвіи, и на послѣдней таблицѣ помѣщена серебрянная медаль, съ изображеніемъ головы Геркулеса. Медаль эта была пріобрѣтена Бларамбергомъ по отпечатаніи уже описанія медалей на Французскомъ языкѣ.

Смирдинъ 2382.—Чертковъ 1838 г. 103 стр. № 6.— Бартеневъ 1716.—Березинъ-Ширяевъ VI стр. 113.—Латышевъ. Изслѣдованія объ исторіи и госуд. строѣ г. Ольвіи. С. П. Б. 1887 г. стр. VII.

Мартыновъ 1372, 10 р.—Нероновъ „Библіогр." 1882 г. 3, стр. 72, 10 р.—Киммель XXXVI—1588, 12р.—Готье 7008, 3 р. 50 к. и 4 р. (экз. необрѣзанный). Нероновъ 1—6, 10 р.

222. Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. Москва. Въ Типографіи С. Селивановскаго. 1834. 8°. X и 224 нум., 1 ненум. стр. и 28 таблицъ рисунковъ.

Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. Прибавленіе первое. Москва въ Типографіи С. Селивановскаго. 1837. 8°. VIII, 63 нум. стр., 1 нен. стр. и 5 таблицъ рисунковъ.

Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. Прибавленіе второе. съ изображеніемъ двадцати монетъ. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1838. 8°. VI, 48 нум. стр. 1 нен. стр. съ 2 таблицами рисунковъ.

Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. Прибавленіе третіе, съ изображеніемъ шестидесяти монетъ. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1842. 8°. VI, 67 нум. стр., 1 нен. стр. и 6 таблицъ рисунковъ.

Александръ Дмитріевичъ Чертковъ родился въ 1789 г., въ 1809 г. поступилъ въ военную службу, изъ которой въ 1822 г. вышелъ въ отставку. По выходѣ въ отставку два года онъ проживалъ въ Австріи, Швейцаріи и Италіи, гдѣ изучалъ Итальянскія древности и археологію Сициліи. Возвратившись изъ заграничнаго путешествія, онъ вновь поступилъ въ военную службу. По окончаніи Турецкой войны, онъ оставилъ военную службу и, поселившись въ Москвѣ, посвятилъ себя наукамъ, собиранію рукописей, книгъ и монетъ. Вскорѣ онъ составилъ обширную библіотеку, описаніе которой было издано имъ въ двухъ томахъ, въ 1838 и 1845 г., описанныхъ мною подъ № 32. Кромѣ того имъ изданы слѣдующія сочиненія: Воспоминанія о Сициліи, Пелазго-Фракійскія племена, населявшія Италію, объ языкѣ Пелазговъ и другія. А. Д. Чертковъ скончался въ 1858 г. Послѣ его смерти, сынъ его Григорій Александровичъ, выстроивъ особое зданіе, открылъ изъ собранныхъ его отцомъ и имъ

книгъ библіотеку, которою завѣдывалъ П. И. Бартеневъ. Она въ настоящее время помѣщается въ Историческомъ музеѣ. Изъ сочиненій незабвеннаго А. Д. Черткова безспорно занимаетъ первое мѣсто его Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. Александра Дмитріевича положительно можно назвать отцемъ, создателемъ Русской нумизматики. До него вся литература по нумизматикѣ состояла изъ нѣсколькихъ тощихъ статеекъ и брошюрокъ, неимѣющихъ почти никакого научнаго значенія. Небольшая статья князя Щербатова въ Академическихъ Извѣстіяхъ за 1780 г., Опытъ историческаго изслѣдованія о древности монеты въ Русскомъ государствѣ Мальгина 1810 г., критическія розысканія о древнихъ Русскихъ монетахъ Круга 1807 г., описаніе древней Новгородской серебряной гривны и ея рублей Н. Муравьевъ 1826 г., опытъ о кожанныхъ деньгахъ 1835 г., историческій опытъ о древнихъ Русскихъ монетахъ и кожаныхъ деньгахъ, начиная съ введенія оныхъ въ Россіи до нынѣшнихъ временъ 1831 г. и нѣсколько статеекъ въ Трудахъ Московскаго Общества исторіи и древностей: вотъ вся литература по Русской нумизматикѣ небогатая по объему и содержанію. До Черткова, можно положительно сказать, всѣ собиратели монетъ были въ потьмахъ; даже и ученые, какъ напримѣръ князь Щербатовъ, дѣлившій Русскія монеты на пять разрядовъ: 1) на незнаемыя безъ надписи, 2) на незнаемыя съ Татарской надписью, 3) на незнаемыя съ Татарскою и Русскою надписями, 4) на незнаемыя съ одною Русскою надписью и 5) на знаемыя, и Карамзинъ, раздѣлявшій монеты на четыре класса: 1) съ изображеніемъ разныхъ звѣрей безъ надписи, 2) съ Татарскою надписью, 3) съ Русскою и Татарскою и 4) съ одною Русскою. Такая неопредѣленная классификація Русскихъ монетъ господствовала до Черткова. Онъ первый въ это темное царство пролилъ свѣтъ; онъ первый открылъ, такъ сказать, Америку. Онъ заставилъ наши старыя, стертыя, обрубленныя и изувѣченныя денежки, до сихъ поръ бывшія безгласными, заговорить, какого онѣ роду и племени и какое ихъ имя. Разобравъ надписи, Чертковъ раздѣлилъ монеты по княжествамъ и отнесъ ихъ къ именамъ князей, во время которыхъ онѣ были выпущены, словомъ изъ ничего онъ создалъ науку—Русккую Нумизматику. Не даромъ за это изслѣдованіе онъ былъ удостоенъ полной Демидовской преміи. До сихъ поръ его изслѣдованіе о монетахъ, не смотря на то, что съ изданія его прошло болѣе полстолѣтія, не потеряло своего значенія; до сихъ поръ оно для собирателей служитъ руководящею, настольною книгою. Въ описаніи монетъ, изданномъ въ 1834 году Чертковымъ, описано 434 монеты, а изображено въ рисункахъ 336, не включая въ это число шести кожаныхъ денегъ, изображенныхъ на заглавномъ листѣ. Въ первомъ прибавленіи описано 52 монетъ, а изображено 50 монетъ; во второмъ дополненіи описано 15 монетъ, а изображено 20; въ третьемъ дополненіи описано 60 монетъ, а изображено 60 монетъ. Всѣ описанныя Чертковымъ монеты составляли его собраніе, исключая описанныхъ во второмъ дополненіи, которыя были изъ коллекціи Н. Г. Головина, и монеты, описанныя подъ № 436, принадлежали графу С. Г. Строгонову. Изображенія монетъ

были литографированы въ литографіи Ястребцева, въ третьемъ же дополненіи въ литографіи К. Тромонина, который далъ каждой монетѣ наружность того металла, изъ котораго она чеканена. Все изслѣдованіе снабжено разными научными примѣчаніями, родословіями нѣкоторыхъ князей, указателемъ именъ, названій и предметовъ и таблицами вѣса монетъ, кромѣ того въ первомъ прибавленіи помѣщены замѣчанія извѣстнаго оріентамента Френа, а во второмъ дополненіи помѣщена особая статья о новодѣльныхъ монетахъ. Накоторыя статьи описанія монетъ, помѣщены А. Д. Чертковымъ въ Трудѣ Общ. Исторіи и Древност. Россійскихъ (ч. VII, стр. 1—56, 208—213). Описаніе древнихъ монетъ Черткова давно считается библіографическою цѣнною рѣдкостію, такъ какъ оно было издано въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, въ особенности весьма рѣдко попадается третье прибавленіе. Экземпляръ, находящійся въ моей библіотекѣ, подносный, въ сафьяновомъ переплетѣ, золотообрѣзный. Современныя обертки сохранены. На всѣхъ выпускахъ собственноручная слѣдующая надпись автора: „І. Бодянскаго 14/XI 1842. Москва. Отъ сочинителя".

Чертковъ 1838 г. 95 стр. № 6.—Бартеневъ 1720.—Березинъ-Ширяевъ VI стр. 98. Мартыновъ 419, 25 р. (безъ одного прибавленія).—Готье 997, 40 р.—Клочковъ 4—2113, 20 р. (безъ трет. приб.).—Клочковъ 5—3368, 20 р. (безъ перв. пр.)—Клочковъ 25—15522, 30 р.—Нероновъ Библіографъ 1885 г. № 3 стр. 72, 30 р. (прибавленія не указаны).—Тюпинъ 35 р.—Клочковъ 37—20752, 30 р.—Посредникъ стр. 252, 23 р.—Готье 3685, 40 р.—Клочковъ 43—22863, 30 р.—Клочковъ 57—780, 35 р. (экземпляръ съ пятнами).—Шибановъ XXVII—446, 20 р. (безъ третьяго прибавленія).—Киммель XXXVI—1641 и 1642, 60 р. (безъ третьяго прибавленія и безъ одной таблицы.—Клочковъ 101—120, 40 р.—Нероновъ 1—2, 30 р. (приб. не указаны).

223. Описаніе земли Камчатки сочиненное Степаномъ Крашенинниковымъ, Академіи Наукъ Профессоромъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1755 г. 4°. Два тома. 1 т. 20 ненум., 438 нум. стр. и 13 картъ и рисунковъ; 2 т. 2 ненум., 319 нум. стр. и 12 рисунковъ.

Степанъ Петровичъ Крашенинниковъ, солдатскій сынъ, студентъ Славяно-Греко-Латинской Академіи, а впослѣдствіи славный путешественникъ и профессоръ натуральной исторіи. Его „Описаніе земли Камчатки" издано послѣ его смерти академикомъ Миллеромъ и начинается „увѣдомленіемъ читателю", въ которомъ издатель сообщаетъ, что Крашенинниковъ приступивъ къ изданію своего путешествія, желалъ сообщить читателямъ, по какому онъ случаю былъ отправленъ въ Камчатку, что̀ онъ сдѣлалъ тамъ, какія собралъ извѣстія и сколько онъ пользовался трудами адъюнкта Штеллера, но такого своего намѣренія не исполнилъ, такъ какъ онъ скончался, прежде нежели „книга его печатаніемъ совершенно окончилась". Послѣ этого „увѣдомленія" помѣщено „предисловіе" издателя Миллера. Въ немъ Миллеръ между прочимъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о второй Камчатской экспедиціи, на которую было возложено описаніе Сибири и особенно Камчатки, о числѣ лицъ составлявшихъ эту экспедицію, о самомъ Крашенинниковѣ, состоявшимъ при экспедиціи, о его работахъ, о коман-

дированіи въ 1738 г. въ Камчатку адъюнкта Штеллера, „по прибытіи котораго какъ господинъ Крашенинниковъ могъ полученнымъ уже своимъ искуствомъ чинить ему вспоможеніе, такъ напротивъ того господинъ Штеллеръ былъ ему полезенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ своимъ руководствомъ". По возвращеніи Крашенинникова въ С.-Петербургъ и по смерти Штеллера Академія Наукъ опредѣлила „обоихъ труды совокупить во едино и совершеніе всего дѣла поручить тому, который имѣлъ уже въ томъ наибольшее участіе. Изъ того произошло сіе описаніе земли Камчатки". Далѣе сообщается въ предисловіи, что „конецъ житію Крашенинникова послѣдовалъ въ 1755 г. Февраля 12 дня, какъ послѣдній листъ сего описанія былъ отпечатанъ". При этомъ говорится, что „онъ былъ изъ числа тѣхъ, кои ни знатною природою, ни фортуны благодѣяніями не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли въ люди, кои ничего не заимствуютъ отъ своихъ предковъ и сами достойны называться начальниками своего благополучія". Послѣ предисловія слѣдуетъ оглавленіе. Увѣдомленіе, предисловіе и оглавленіе помѣщены на 20 ненумерованныхъ страницахъ. За оглавленіемъ помѣщено самое описаніе Камчатки, состоящее изъ двухъ томовъ. Каждый томъ подраздѣленъ на двѣ части. Первая часть „Описанія" состоитъ изъ краткаго извѣстія о „Камчаткѣ и о сторонахъ, которыя въ сосѣдствѣ съ нею находятся, и слѣдующихъ 12 главъ: 1) о положеніи Камчатки, о предѣлахъ ея и о состояніи вообще. 2) О рѣкѣ Камчаткѣ. 3) О рѣкѣ Тигилѣ. 4) О Кыкшѣ или Большой рѣкѣ. 5) О рѣкѣ Авачѣ. 6) О рѣкахъ впадающихъ въ Восточный Океанъ отъ устья Авачи на Сѣверъ до рѣки Камчатки, и отъ Камчатки до Караги я до Анадыря. 7) О рѣкахъ впадающихъ въ Восточное море отъ устья Авачи на Югъ до Курильской Лопатки въ Пенжинское море до Тигиля и до Пустой рѣки. 8) О рѣкахъ текущихъ въ Пенжинское море отъ Пустой до рѣки Пенжины, и оттуду до Охотскаго острога и до рѣки Амура. 9) О Курильскихъ островахъ. 10) О Америкѣ. 11) О проѣзжихъ Камчатскихъ дорогахъ. Вторая часть „Описанія" состоитъ изъ извѣстія „о выгодѣ и недостаткѣ Камчатки" и 12 слѣдующихъ главъ: 1) о свойствѣ Камчатской землицы, 2) о огнедышущихъ горахъ и объ опасностяхъ отъ нихъ, 3) о горячихъ ключахъ, 4) о металлахъ и минералахъ, 5) о произростающихъ, особливо которыя къ содержанію народовъ употребляются, 6) о звѣряхъ земныхъ, 7) о соболиномъ промыслѣ, 8) о звѣряхъ морскихъ, 9) о рыбахъ, 10) о птицахъ, 11) о насѣкомыхъ и гадахъ и 12) о приливѣ и отливѣ Пенжинскаго моря и Восточнаго Океана. Въ концѣ этой главы помѣщены примѣчанія о приливѣ и отливѣ водъ по наблюденіямъ разныхъ лицъ. Съ 400 страницы по 438 стр. помѣщено „краткое изъявленіе вещей по алфавиту". Второй томъ также подраздѣляется на двѣ части; первая изъ нихъ состоитъ изъ слѣдующихъ 22 главъ: 1) О Камчатскихъ народахъ вообще. 2) О происхожденіи званія Камчадалъ и Камчатскаго народа по однѣмъ только догадкамъ. 3) О прежнемъ состояніи Камчатскаго народа. 4) О Камчатскихъ острожкахъ. 5) О домовой посудѣ и о другихъ нужныхъ въ житіи потреб-

ностяхъ. 6) О мужской и женской работѣ. 7) О Камчатскомъ платьѣ. 8) О пищѣ и питіи Камчатскаго народа и о пріуготовленіи оныя. 9) О ѣздѣ на собакахъ и разныхъ къ оной принадлежащихъ приборахъ. 10) О военномъ Камчатскомъ ополченіи. 11) О Богѣ, о сотвореніи земли и о догматахъ Камчатской вѣры. 12) О Шаманахъ Камчатскихъ. 13) О праздникахъ и наблюдаемыхъ при томъ церемоніяхъ. 14) О пирахъ и забавахъ Камчатскихъ. 15) О сведеніи дружбы и о потчиваніи гостей партикулярно. 16) О сватаньѣ и свадьбахъ. 17) О рожденіи и воспитаніи дѣтей. 18) О болѣзняхъ и лекарствахъ. 19) О погребеніи умершихъ. 20) О различныхъ нарѣчіяхъ Камчадальскаго народа. 21) О Коряцкомъ народѣ. 22) О Курильскомъ народѣ. Вторая часть втораго тома состоитъ изъ 9 слѣдующихъ главъ: 1) О первомъ извѣстіи про Камчатку, о походахъ Камчатскихъ и о заведеніи въ той сторонѣ Россійскаго поселенія. 2) О бунтѣ Камчатскихъ казаковъ и убійствѣ трехъ прикащиковъ; о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія острововъ и Японскаго государства для заслуженія винъ своихъ. 3) О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василья Колесова, до главнаго Камчатскаго бунта, что̀ при которомъ достойнаго примѣчанія сдѣлалось; о приключеніяхъ при вывозѣ ясашной казны съ Камчатки, и о провѣданіи пути изъ Охотска въ Камчатку чрезъ Пенжинское море. 4) О измѣнѣ Камчадаловъ, о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ. 5) О нынѣшнемъ состояніи Камчатскихъ остроговъ и ихъ преимуществѣ и недостаткахъ въ сравненіи между собою. 6) О житіи тамошнихъ казаковъ, о изобрѣтеніи травянаго и ягоднаго вина; о куреніи, о прежней винной продажѣ и о доходахъ казачьихъ. 7) О подчиненныхъ каждому Россійскому острогу, Камчатскихъ и Карятскихъ острожкахъ, о посылаемыхъ къ нимъ сборщикахъ и другихъ казенныхъ Камчатскихъ доходахъ. 8) О купечествѣ. 9) О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска въ Камчатку ѣздятъ. Съ 295 страницы помѣщено, „краткое изъявленіе вещей по алфавиту“. Къ описанію Камчатки приложены двадцать пять картъ, плановъ и рисунковъ. Н. В. Губерти при описаніи этой книги не указалъ на двѣ гравюры: на гравюру, изображающую Камчадаловъ, достающихъ огонь изъ дерева, приложенную къ 32 страницѣ третьей части, и на гравюру, на которой изображенъ южный Камчатскій острогъ, приложенную къ 240 стр. четвертой части, и кромѣ того ошибочно имъ указано число ненумерованныхъ (18) страницъ въ первомъ томѣ. О Крашенинниковѣ и его „Описаніи Камчатки“ находятся любопытныя свѣдѣнія въ Исторіи Академіи Наукъ Пекарскаго. Во второй разъ описаніе Камчатки было издано въ 1786 г. и въ третій разъ въ 1818 г. въ Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи, гдѣ оно помѣщено въ первыхъ двухъ томахъ. Какъ замѣчательное сочиненіе, Описаніе Камчатки было переведено и издано на Англійскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. По свѣдѣніямъ въ немъ заключающимся, оно и теперь служитъ важнымъ матеріаломъ для изученія нашего обширнаго отечества. Экземпляръ описываемой мною книги находился въ знаменитой библіотекѣ Коло-

менскаго купца Петра Хлѣбникова, изъ которой потомъ онъ по наслѣдству перешелъ въ Авчуринскую библіотеку С. Д. Полторацкаго.

Сопиковъ 7467.—Смирдинъ 3682.—Чертковъ 1838 г. стр. 153, № 1.—Бартеневъ 370.—Бантышъ-Каменскаго, Словарь достоп. людей 1836 г. ч. 3.—Геннади Справоч. Слов. т. II стр 178.—Исторія Ак. Н. Пекарскаго т. I стр. 418, 606—612.—Губерти III—71.

Клочковъ 10—7259, 10 р. (безъ указанія гравюръ). Посредникъ 1, стр. 48, 2 р. 50 к. (экз. поврежд.).—Киммель XXXVI—1806, 4 р. 50 к.—Готье 5893, 6 р.

224. Описаніе Киргизъ-Казачьихъ, или Киргизъ-Кайсацкихъ Ордъ и степей. Сочиненіе Алексѣя Левшина, члена разныхъ ученыхъ обществъ Россійскихъ и иностранныхъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Карла Крайя. 1832. Три части. 8° 1 ч. XII, 264 нум. стр., 2 нен. стр. и 2 карты; 2 ч. IX, 333 нум. 2 нен. стр. и три родословныя таблицы и 3 ч. 304 нум. и 2 нен. стр. Три рисунка съ изображеніемъ Киргизовъ, таблица съ изображеніемъ знаковъ, употребляемыхъ Киргизами вмѣсто подписей и клеймъ, и планъ Киргизской пашни.

Книга имѣетъ слѣдующій эпиграфъ.

....Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti. Si non, his utire mecum.
Horat Epist. VII.

При каждой части кромѣ обыкновеннаго заглавнаго листа приложенъ литографированный заглавный листъ, съ изображеніемъ кладбища на островѣ рѣки Сыра. Въ первой части сообщаются свѣдѣнія географическія, во второй историческія и въ третьей этнографическія и статистическія. Означенныя свѣдѣнія были собраны А. И. Левшинымъ въ Архивѣ Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ 1822 году и во время нахожденія его въ Оренбургѣ и въ степяхъ Зауральскихъ. Прежде нежели была издана настоящая книга, отдѣльныя статьи, помѣщенныя въ ней впослѣдствіи, были печатаемы въ разныхъ Русскихъ и Французскихъ журналахъ. Первая часть описанія ордъ и степей состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) положеніе и границы, 2) климатъ, 3) почва земли, 4) наружный видъ земли и горы, 5) воды, 6) естественныя произведенія, 7) о главнѣйшихъ путяхъ чрезъ степи и 8) развалины. Кромѣ того въ первой части въ видѣ отдѣльной статьи помѣщено географическое и историческое разсужденіе о рѣкѣ Яксартѣ или Сыръ-Дарьѣ, и земляхъ, къ ней прилегающихъ (215—264 стр.). Къ первой части приложена карта земель, принадлежащихъ Киргизъ-казакамъ, разрѣзъ Устъ-Урта, или перешейка между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Вторая часть состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) объ имени Киргизъ-Кайсаковъ и отличіи ихъ отъ подлинныхъ или дикихъ Киргизовъ, 2) объ источникахъ для исторіи ихъ; 3) о началѣ Киргизъ-Казаковъ и состояніи ихъ до вступленія въ подданство Россіи, 4) историческое обозрѣніе большой орды съ 1730 г. до настоящаго времени, 5) историческое обозрѣніе средней и меньшой орды съ 1730 г. до

настоящаго времени. Къ этой части приложены три родословія Киргизскихъ хановъ. Третья часть состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) число народа, 2) раздѣленіе, 3) размѣщеніе, 4) образъ жизни, 5) о поселеніи Киргизъ-Казаковъ, 6) физическія свойства, 7) пища и питье, 8) одежда, 9) вооруженіе, 10) вѣра и суевѣрія, 11) нравы, 12) обычаи, 13) просвѣщеніе, 14) образъ управленія и законы, 15) сельское домоводстко, 16) рукодѣліе и искусство и 17) торговля. Къ этой части приложены изображеніе Киргиза верхомъ, Киргизской женщины и дѣвицы, тамги, нотъ двухъ пѣсенъ и планъ Киргизской пашни. Описанная книга издана въ количествѣ 400 экземпляровъ, которые вскорѣ по выходѣ ея разошлись. Автору описываемой книги Алексѣю Ираклієвичу Левшину, впослѣдствіи бывшему товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, принадлежатъ еще слѣдующія сочиненія: 1) Письма изъ Малороссіи. Харьковъ 1816 г., 2) Историческое и статистическое описаніе Уральскихъ казаковъ СПБ. 1822 г. и 3) Прогулка Русскаго въ Помпеѣ СПБ. 1843 г. Ему же принадлежитъ честь основанія Одесской Публичной Библіотеки.

Ольхинъ 2059.—Чертковъ 1838 г. 152 стр. № 28.—Бартеневъ 2358.—Геннади 157.—Березинъ-Ширяевъ IV стр. 21.

Готье 3635.—18 р. Мартыновъ „Рос. Библіографія“ 1881 г. № 18, 30 р.—Мартыновъ 3174, 20 р.—Мартыновъ 6588, 15 руб.—Готье 676, 18 руб.—Готье 6020, 15 руб.—Клочковъ 1—601, 10 р. (указано три гравюры),—Клочковъ 5—3044, 10 р.—Мартыновъ 7035, 30 р. (на веленевой бумагѣ).—Посредникъ 2, стр, 224, 10 р.

225. Описаніе коронаціи ея Величества Імператріцы, и самодержіцы Всероссійской Анны Іоанновны, торжественно отправленнои въ царствующемъ градѣ Москвѣ, 28 Апрѣля, 1730 году. Печатано въ Москвѣ при Сенатѣ, Октября 31 дня, 1730 году. Въ л., 46 стр., портретъ и 15 л. съ гравюрами.

Книга начинается портретомъ императрицы Анны Ивановны, гравированнымъ Вортманомъ съ портрета, рисованнаго Караваккою. На первыхъ двухъ страницахъ текста помѣщенъ манифестъ, и затѣмъ описывается порядокъ объявленія о коронаціи, убранство и разныя приготовленія, сдѣланныя въ Успенскомъ соборѣ. Коронованіе происходило 28 Апрѣля. Съ 6 страницы описывается церемоніалъ шествія въ соборъ изъ дворца, самое коронованіе, со всею церковною службою, и рѣчь архіепископа Θеофана (Прокоповича), въ которой онъ, уподобляя прежнюю жизнь императрицы страданіямъ Іисуса Христа, сказалъ: „То паче сіе твое въ скорбѣхъ прославленіе Христову сообразно есть, яко же бо подобаше первѣе пострадати Христу, потомъ же внити въ славу сію; тако и тебѣ Богъ узаконилъ рождшейся въ порфирѣ царской, первѣе носити сиротинное и вдовичье вретище, а потомъ въ славу сію облещися. Христосъ, по истощаніи и умерщвленіи Своемъ воскресый изъ мертвыхъ, провозгласилъ о Себѣ—дадеся Мнѣ всяка власть на небеси и на земли. Подобно и тебѣ по высочайшей власти сей устроилъ путь по остромъ терніи и многократно язвленную исцѣлилъ, и аки бы умерщвленную воскресилъ и вознеслъ на высокій прародительскій престолъ сей“.

По окончаніи коронованія императрица шествовала въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, а оттуда въ „Мастерскіе Палаты". Во время шествія въ соборы генералъ-фельдмаршалъ графъ Брюсъ бросалъ золотые и серебряные жетоны. По прибытіи императрицы въ Мастерскую Палату графъ Брюсъ на золотомъ блюдѣ поднесъ ей золотые и серебряные медали и жетоны, которые императрица раздала присутствующимъ; въ это же время метали въ народъ также жетоны. По раздачѣ жетоновъ и медалей императрица повелѣла объявить производство въ разные чины; затѣмъ государыня шествовала къ обѣденному столу. Церемоніалъ этого шествія и обѣдъ описывается въ книгѣ подробно. Предъ началомъ обѣда опять была раздача золотыхъ и серебряныхъ медалей. Кушанья ставилъ и бралъ съ императорскаго стола гофмаршалъ „съ обыкновенными колѣнопреклоненіями". На площади предъ Грановитою Палатою для народа были поставлены на особыхъ рундукахъ два жареныхъ быка, начиненные разными птицами, а по сторонамъ быковъ изъ двухъ фонтановъ было пущено бѣлое и красное вино, „которое дано народу въ вольное употребленіе", причемъ государыня бросала съ балкона въ народъ золотые и серебряные жетоны. 29 Апрѣля императрица принимала отъ придворныхъ поздравленіе, и того же числа для многихъ знатныхъ особъ былъ обѣдъ; послѣ обѣда государыня изволила принимать чужестранныхъ министровъ духовныхъ особъ (отъ которыхъ Ѳеофанъ „яко первенствующая особа Синода" отъ лица всей церкви, говорилъ рѣчь), женъ и дочерей 4, 5 и 6 классовъ и знатнаго шляхетства, ландратовъ, бригадировъ, полковниковъ, подполковниковъ, маіоровъ, знатное шляхетство „и штатскихъ тѣхъ классовъ". 30 Апрѣля и 1 Мая также государыня принимала разныхъ лицъ. 2 Мая императрица „изволила идти гулять въ лѣтній свой домъ, именуемый Головинской"; при этомъ описывается церемоніалъ того „похода". По прибытіи въ Головинской дворецъ, ея величество вышла въ залу съ ея высочествомъ царевной и изволила сѣсть на креслахъ, а оберъ-гофмаршалъ, по приказанію императрицы, велѣлъ играть музыкѣ и просилъ госпожу генеральшу Ягушинскую, чтобъ начала танцовать, „которая, поднявъ графа Вратислава въ танецъ, по которомъ перемѣняясь всѣ дамы и кавалеры танцовали, а потомъ изволїла Еѣ Вилїчество иттїть гулять въ огородъ", гдѣ въ поставленныхъ шатрахъ были столы съ конфетами, а потомъ „изволїла Еѣ Велїчество паки прїтти въ палаты, и танцовали". Въ 10-мъ часу былъ ужинъ, на которой было приглашено до 300 персонъ; по окончаніи ужина императрица возвратилась въ Москву, въ это время вся Москва была иллюминована. 3 Мая былъ въ Грановитой Палатѣ балъ, на которомъ какъ танцами „тако и другими увеселеніями забавлялись". Въ это время на площади отъ краснаго крыльца на колокольню Ивана Великаго протянутъ былъ канатъ, „и по оному ходилъ Персіянинъ". Послѣ бала былъ ужинъ, во время котораго изъ двухъ фонтановъ, поставленныхъ съ срединѣ стола, вода, поднимаясь, падала въ бассейны, „въ которыхъ было довольство разныхъ рыбъ; оной столъ такъ хорошо и видѣнію прїятенъ былъ, что описать не мочно". 4 Мая также былъ ужинъ. 5 Мая также была „ауденція", по окончаніи ко-

торой ея величество приказала приготовленныхъ на площади быковъ и фонтаны съ винами „дать народу въ вольное употребленіе и изволила изъ окна бросать въ народъ деньги; потомъ ходилъ паки Персіянинъ по канату и танцовалъ“. Въ 6-мъ часу начался балъ „и танцовали предъ ея величествомъ до 8 часу“, а потомъ государыня изволила итти въ Грановитую Палату и сѣсть за столъ подъ балдахинъ. За столомъ пили за разныя здоровья при пушечной стрѣльбѣ. По окончаніи стола въ 10-мъ часу зажженъ былъ фейерверкъ. Этимъ фейерверкомъ и окончились всѣ коронаціонныя торжества. При сравненіи празднествъ, бывшихъ при коронаціи Анны Ивановны съ коронаціонными празднествами императрицы Елисаветы Петровны, приходится отдать преимущество послѣднимъ. Коронаціонныя торжества императрицы Анны начались 28 Апрѣля, а окончились 5 Мая, тогда какъ послѣднія, начавшись 25 Апрѣля, окончились только 7 Іюня. При императрицѣ Елисаветѣ кромѣ обѣдовъ, баловъ, ужиновъ, были спектакли, маскарады длившіеся нѣсколько дней, и „паки маскарады“, а при императрицѣ Аннѣ, кромѣ обѣдовъ и баловъ, была только прогулка по огороду: „Изволила Ея Величество иттить гулять во огородъ“, да кромѣ того Персіянинъ ходилъ по канату. Въ этихъ торжествахъ выражается характеръ той и другой царицы; одна была веселая, жизнерадостная царь-дѣвица, а другая суровая, угрюмая, находившаяся подъ неотразимымъ вліяніемъ Нѣмца-временщика. При описываемой книгѣ кромѣ указаннаго выше портрета приложено на особыхъ листахъ 15 гравюръ. Гравюры описаны Д. А. Ровинскимъ и Н. В. Губерти. Впрочемъ первый изъ нихъ не указалъ двѣ гравюры: обѣдъ и изображеніе транспаранта. Гравюры большею частію работы Эллигера. Изъ гравюръ болѣе замѣчательны, кромѣ портрета, торжественное шествіе въ Успенскій соборъ, церемонія коронованія и обѣдъ. Означенныя гравюры на большихъ складныхъ листахъ. Описаніе коронованія императрицы Анны Ивановны также было издано на Нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ изданіи гравюры въ лучшихъ оттискахъ, за исключеніемъ портрета, который въ Русскомъ изданіи лучше. Кромѣ того въ Нѣмецкомъ изданіи нѣкоторыя гравюры отпечатаны съ другихъ досокъ, и помѣщены двѣ виньетки, которыхъ въ Русскомъ изданіи нѣтъ. Во второй разъ описаніе коронаціи Анны Ивановны было издано и помѣщено въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ, съ оттисками гравюръ со старыхъ досокъ, часть которыхъ была перегравирована вновь.

Сопиковъ 7601.—Смирдинъ 2694.—Чертковъ 1838 г. 15 стр. № 14.—Бартеневъ 158.—Отчетъ Имп. Пуб. Биб. 1860 г. 28 стр.—Березинъ-Ширяевъ кн. 1 стр. 32.—Геннади 5.—Губерти 1, 13.—Ровинскій т. IV стр. 18—23.

Мартыновъ. Рос. Библіогр. 1881 г. № 18, 40 р.—Шибановъ XV—287, 25 р. (неполн. и поврежд. экземпляръ)—Готье 3551, 40 р. (неполн. экземп.).—Клочковъ 99—4830. 15 р. (безъ одной стр. и 7 гравюръ).

226. Описаніе о Японѣ содержащее въ себѣ три части, то есть извѣстіе о Японѣ и о винѣ гоненія на христіянъ, Історію о гоненіи Христіянъ въ Японѣ и послѣдованіе стран-

ствованія Генрика Гагенара, которое исправною ланкартою и изрядными фигурами украшено. Печатано въ Санктпетербургѣ при Академіи Наукъ 1734. 8°. три части. 1 ч. 2 нен. и 119 нум. стр. 2 ч. 64 стр.; и гравюра и 3 ч. 166 стр., три гравюры и карта.

Изъ предисловія къ описанію о Японіи видно, что оно заимствовано изъ путешествія Тавернье. Первая часть описанія переведена Степаномъ Коровинымъ Синбирениномъ. Она имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Извѣстіе о Японѣ и о винѣ гоненія на Христіанъ, въ его островахъ". Вторая и третья часть переведены Иваномъ Горлицкимъ. Вторая часть имѣетъ заглавіе: „Історія гоненія на Христіанъ, бывшемъ въ Японѣ". Въ третьей части слѣдующее заглавіе: „Послѣдованіе странствованія Генріка Гагенара въ Восточную Індію, сочиненное чрезъ Франциска Карона". Въ третьей части вина гоненія на Христіанъ" приписывается „самимъ Христіанамъ". Въ книгѣ говорится: „Вѣра христіанская процвѣтала день отъ дня, и могло бы учиниться чтобы весь народъ пріялъ бы христіанство, ежели бы скупость и злоба самихъ Христіанъ не принесла начальнѣйшую препону сему навращенію". (16 стр.). Во второй части излагается самая исторія гоненія на Христіанъ, при этомъ подробно описываются истязанія и казни, которымъ они подвергались. Эти казни и истязанія иллюстрируются гравюрой; подъ гравюрой подпись: „Мученіе первыхъ Христіанъ въ Японѣ при кипящей водѣ, называемой Сінговъ". Вторая часть оканчиваетс, слѣдующимъ сообщеніемъ: въ 1626 годѣ, когда я былъ въ Нангезакѣ, за подлинно держано было, что Христіанъ было только 40000 какъ мужска, такъ женска и младенческаго возраста, а нынѣ ни единаго уже тамо не видно". Въ третьей части описываются Японскіе обычаи и нравы. Оглавленіе содержанія третьей части помѣщено на поляхъ книги. Къ ней приложены три гравюры, съ подписями на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, *первая*: воинскій уборъ и ружье Японскихъ солдатъ, *вторая* престолъ Японскихъ императоровъ и третья Японскій попъ. При книгѣ кромѣ гравюръ приложена географическая карта. Описаніе о Японѣ издано вторично въ 1768 году. Геннади при описаніи этой книги не вѣрно обозначилъ число страницъ во второй и третьей частяхъ.—Мой экземпляръ описываемой книги находился въ библіотекѣ извѣстнаго библіофила А. Сулакадзева. Его рукою на пустыхъ страницахъ книги обозначены всѣ сочиненія о Японіи изданныя на Русскомъ языкѣ.

Сопиковъ 7796.—Плавильщиковъ 2853.—Смирдинъ 3136.—Чертковъ 1838 г. стр. 460. № 35.—Бартеневъ 2018.—Геннади 7.—Берез.-Ширяевъ 1873 г. стр. 9.—ГГберти 1—19.

Клочковъ 1—263, 2 р. (не полный экз.).—Готье 1805, 12 р. (безъ карты и безъ гравюры)—Клочковъ 34—19177, 8 р. (гравюры не указаны)—Готье 3552, 8 р. (безъ карты и гравюры)—Киммель XXXVI—175.4—3 р. (безъ карты).

227. Описаніе пребыванія въ Митавѣ извѣстнаго Каліостра на 1779 годъ, и произведенныхъ имъ тамо магическихъ

дѣйствій, собранное Шарлотою-Елисаветою-Констанціею фонъ-Деръ-Реке, урожденною графинею Медемскою. Перевелъ съ Нѣмецкаго Тимофей Захарьинъ. Въ Санктпетербургѣ, печатано съ дозволенія Управы Благочинія у Шнора 1787 года. 8°. 299 стр.

Первоначально „Описаніе пребыванія въ Митавѣ Калiостро" было издано въ Берлинѣ на Нѣмецкомъ языкѣ въ 1787 г.; на Русскій же языкъ оно было переведено переводчикомъ разныхъ книгъ Захарьинымъ. Издатель книги на Нѣмецкомъ языкѣ Фридрихъ Николай. Книга посвящена издателемъ сестрѣ сочинительницы владѣющей герцогинѣ Курляндской и Семигальской. Съ этого посвященія начинается книга и на Русскомъ языкѣ; за посвященіемъ слѣдуетъ „предисловіе издателево (7—30 стр.), потомъ отъ автора книги „Друзьямъ и пріятельницамъ въ Курляндіи и въ Германіи" (31—45 стр.), затѣмъ „Введеніе (46—79 стр.); за введеніемъ, начиная съ 80 стр., помѣщены на одной страницѣ: „Записки 1779 года о Калiостровыхъ магическихъ опытахъ въ Митавѣ учиненныхъ", а на другой: „примѣчанія и объясненія на записки 1779 года, писаны по полученіи лучшаго понятія. Въ Митавѣ 3 Февраля 1787 года". Эти „записки" и „примѣчанія" оканчиваются на 247 страницѣ. Съ 248 по 288 стр. помѣщено: „Заключеніе описанія о пребываніи Калiостровомъ въ Курляндіи" и, наконецъ, помѣщено: „Прибавленіе", въ которомъ напечатано на Нѣмецкомъ языкѣ стихотвореніе: „Господину І. М. Прейслеру, профессору Королевской Датской Академіи Художествъ", переводъ этихъ стиховъ прозою на Русскомъ языкѣ и „Изъясненіе къ прибавленію" (295—299 стр.). Этимъ „изъясненіемъ" и заканчивается описываемая мною книга.—Извѣстный Калiостро, о которомъ на Русскомъ языкѣ издано такъ много книгъ, пріѣхавши въ Курляндію, нашелъ радушный пріемъ въ семействѣ графа Медема, подготовленномъ уже къ такому принятію, такъ какъ нѣкоторые члены этого семейства принадлежали къ масонамъ. Дочь графа Медема Шарлота-Елисавета-Констанція фонъ-деръ-Реке была уже пропитана мистицизмомъ. Начитавшись съ раннихъ лѣтъ сочиненій Виланда, Юнга и Лафатера, она уже расположена была къ таинственнымъ ученіямъ, въ особенности послѣ того какъ скончался ея любимый братъ. Находясь въ такомъ расположеніи ко всему таинственному, чудесному, она, познакомившись съ Калiостро, увѣровала въ него. Онъ же внушалъ ей, что она будетъ бесѣдовать съ мертвыми, путешествовать по планетамъ, возведена будетъ на степень защитницы земли и вознесется еще выше. Онъ увѣрялъ, что Моисей, Илія и Христосъ—творцы множества міровъ и что творцами міровъ будутъ и его послѣдователи. Людей же положительныхъ, не мечтающихъ путешествовать по планетамъ и быть творцами міровъ, а склонныхъ къ извлеченіямъ изъ всего земныхъ выгодъ, онъ увлекалъ обѣщаніемъ обращать грубые металлы въ золото, увеличивать объемъ и вѣсъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Такія обѣщанія для желающихъ обогатиться не казались эфемерными; вѣроятность ихъ поддерживалась тѣмъ, что обѣщавшій грубые металлы превращать въ золото жилъ роскошно, а между тѣмъ, во время своего пребыванія въ Ми-

тавѣ, онъ ни откуда не получалъ денегъ. Онъ также обѣщалъ открыть въ окрестностяхъ Митавы большой кладъ. Желая пробраться въ Петербургъ и проникнуть во дворъ Императрицы, онъ склонялъ отца Реке уговорить ее къ такой поѣздкѣ, вмѣстѣ съ нимъ; для его же плановъ такое сопутствіе Реке, принадлежавшей къ лучшей дворянской фамиліи, представлялось выгоднымъ. Реке уже склонялась на эту поѣздку. Находясь подъ неотразимымъ вліяніемъ Каліостро и имѣя непоколебимую вѣру въ его чудесную силу, она писала свои записки о магическихъ его опытахъ. Считаю не лишнимъ здѣсь сдѣлать выписку изъ этихъ записокъ объ одномъ изъ первыхъ магическихъ опытовъ Каліостра, предпринятомъ имъ для склоненія на свою сторону сомнѣвающихся въ его чудесной силѣ. „Въ доказательство, что высшія силы состоятъ въ его власти, хотѣлъ онъ день спустя въ присутствіи сихъ господъ сдѣлать магической опытъ съ однимъ шестилѣтнимъ мальчикомъ. День насталъ. Отецъ мой и дядя пріѣхали къ г. фонъ Говену, а младшій сынъ покойнаго дяди моего для сего опыта былъ назначенъ. Какимъ образомъ точно при семъ случаѣ поступилъ Каліостръ, этова я увѣрительно сказать не могу, потому что я сама при ономъ не была, а господа сіи расказывали намъ о семъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ. Каліостръ на лѣвую руку и на голову дитяти взлилъ (по Каліострову выраженію) елея премудрости, и потомъ проговоря нѣкоторый псаломъ, посвятилъ мальчика къ будущему видѣнію. Робёнокъ при семъ дѣйствіи почувствовалъ нѣкоторой жаръ и потъ; на сіе Каліостръ сказалъ: вотъ вѣрной знакъ, что это дитя духамъ нравится. Потомъ на рукѣ и на головѣ мальчика написалъ нѣкоторыя слова, велѣлъ ему, не спуская глазъ, смотрѣть на намазанную руку, и въ семъ положеніи началъ онъ свои заклинанія. Напередъ спросилъ онъ у дяди моего, такъ чтобъ робёнокъ не слыхалъ, какое явленіе хочетъ онъ, чтобы сыну его представилось. Дядя просилъ Каліостра, чтобъ онъ представилъ робёнку мать его и сестру, которыя были дома, для того, чтобъ робёнокъ не испугался, ежели видѣніе начнетъ ему казаться. Около десяти минутъ послѣ заклинаній, робёнокъ закричалъ, что онъ видитъ мать свою и сестру; тогда Каліостръ спросилъ у него: чтó дѣлаетъ сестра? На что робёнокъ отвѣчалъ, что она держитъ руку у сердца, какъ будто бы у ней тамъ что болѣло. Спустя нѣсколько времени, дитя опять закричалъ: сестра моя цѣлуетъ брата моего, которой теперь лишь домой пріѣхалъ. Здѣсь должно мнѣ сказать, что когда господа сіи изъ дому дяди моего поѣхали въ домъ г. фонъ-Говена, которой чрезъ нѣсколько улицъ отъ дядина дому отстоялъ, чтобы сдѣлать въ немъ первый магической опытъ, въ то время сего брата двоюродной моей сестры въ городѣ не было; да мы и не ждали его въ тотъ день, а щитали его еще въ семи миляхъ отъ города. Но въ самой тотъ часъ, когда дѣланы были сіи заклинанія, вошелъ къ намъ сверхъ чаянія нашего двоюродной мой братъ, а сестра моя не за долго передъ тѣмъ чувствовала такое сильное біеніе сердца, что ей весьма худо здѣлалось. Вскорѣ по окончаніи заклинаній Каліостръ съ дядею моимъ, съ господиномъ фонъ-Говеномъ и съ отцомъ моимъ пришли къ намъ. Всѣ они кромѣ Каліостра немало ужа-

снулись, увидя предъ собою моего двоюроднаго брата и узнавъ, что сестра моя имѣла нѣкоторый припадокъ". Думаю, будетъ интересна и нижеслѣдующая выписка изъ тѣхъ же записокъ Реке о томъ сеансѣ Каліостра, гдѣ она и сама принимала участіе: „Каліостръ сказалъ, что онъ намѣренъ еще созвать духовъ въ присутствіи всѣхъ сочленовъ нашего ордена, которые здѣлаютъ ему откровеніе не только въ разсужденіи будущаго его въ Петербургѣ пребыванія, но и объ нѣкоторыхъ изъ насъ подадутъ ему объясненіе. Послѣ того, когда онъ всѣмъ намъ назначилъ мѣста, и робёнокъ поставленъ былъ за ширмы, говорилъ намъ вообще продолжительную рѣчь, увѣщавалъ насъ быть вѣрными и ревностными къ нашимъ работамъ, показывалъ намъ опасности магіи, а при томъ и ея благодѣтельныя втеченія, которыя она въ цѣломъ мирѣ имѣетъ; наконецъ, съ обыкновенными обрядами началъ онъ свое заклинаніе. Робёнку опять показались тѣже явленія, которыя имѣлъ онъ въ Вилценъ и въ послѣдней разъ въ Алтъ-Ауцъ, съ тою только перемѣною, что Каліостръ сверхъ всякаго чаянія далъ мнѣ знакъ, чтобъ я вступила въ магической кругъ, велѣлъ мнѣ стать на колѣна; взирая на меня быстрымъ взоромъ, далъ мнѣ держать магическіе часы, а у робёнка спросилъ: что онъ теперь видитъ? Мальчикъ отвѣчалъ, что я стою предъ нимъ на колѣнахъ съ часами въ рукахъ. Кромѣ обыкновенныхъ явленій показался ему еще нѣкоторой духъ въ длинномъ бѣломъ платьѣ, съ золотымъ вѣнцемъ на головѣ и съ краснымъ крестомъ на груди. Каліостръ велѣлъ робёнку спросить у духа объ его имени. Робёнокъ спросилъ, какъ твое имя? Духъ молчалъ. Спустя нѣсколько времени, Каліостръ спросилъ: чтожъ, назвалъ ли духъ свое имя? Робёнокъ. Нѣтъ!—Каліостръ. Для чевожъ нѣтъ?—Робёнокъ. Для того, что онъ его забылъ!—Тутъ Каліостръ застучалъ ногами, дѣлалъ шпагою на воздухѣ разныя изображенія, говорилъ громкимъ голосомъ на чужомъ языкѣ (или неизвѣстныя намъ слова); восклицанія: геліонъ, меліонъ, тетраграмматонъ, часто у него вырывались. А намъ всѣмъ заповѣдалъ кротость, благоговѣніе и тишину. Потомъ пошелъ за ширмы, гдѣ стоялъ робёнокъ, и мы слышали, что онъ весьма скорымъ почеркомъ нѣчто писалъ. Нѣкоторые изъ нашего общества утверждали, что будто они чувствовали нѣкое трясеніе подъ ногами и слышали нѣкакой отмѣнной звукъ и трескъ, какъ будто бы что по полу въ горницѣ каталось. Я и другіе сочлены нашего общества ничего сему подобнаго не слыхали. А двое изъ насъ еще увѣряли, что будто ихъ невидимымъ образомъ нѣкто за руки хваталъ. Каліостръ съ важнымъ видомъ вступилъ опять въ магической кругъ, повелѣвалъ еще нѣкоторымъ духамъ являться *** также представленъ былъ робёнку; а наконецъ видѣлъ робёнокъ стараго человѣка въ черномъ платьѣ". Въ послѣдствіи, убѣдившись, что Каліостро обманщикъ, шарлатанъ, проходимецъ и разочаровавшись въ его сверхъестественной силѣ, фонъ-деръ-Реке отстала отъ него. Желая предостеречь отъ его обманныхъ дѣйствій и другихъ, она предприняла издать свои записки. Въ своей книгѣ она говоритъ, что изданіемъ ея она приноситъ *„жертву истинѣ"*. Для обнаруженія дѣйствій Каліостро фонъ-деръ-Реке приняла въ составленной ею книгѣ слѣдующую систему:

на лѣвой сторонѣ страницъ напечатаны ея записки, а на правой сторонѣ страницъ примѣчанія на эти записки. Принявъ такую систему при составленіи своей книги, она имѣла въ виду дать возможность читателямъ слѣдить за дѣйствіями Каліостро и въ тоже время обнаруживать въ нихъ обманъ.—Едва лишь появилась описываемая книга на Нѣмецкомъ языкѣ, какъ императрица Екатерина II, обличавшая уже и сама прежде въ изданныхъ ею комедіяхъ „Обманщикъ“ и „Обольщенный“ (1785 г.) Каліостро, дѣлаетъ распоряженіе о немедленномъ переводѣ ея на Русскій языкъ, и въ томъ году, когда вышелъ самый подлинникъ, описываемая книга издается въ С.-Петербургѣ, за что переводчику Макарову выдается 400 рублей.

Сопиковъ 7699.—Смирдинъ 3472.—Бартеневъ 835.—Пекарскій „Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи“ XVIII в. 203 стр.—Пыпинъ „Русское масонство“. Вѣстникъ Европы 1867 г. № 12, стр. 22—25.—Русская Старина 1875 г. № 1.—Древняя и новая Россія 1875 г. № 2.—Губерти II, 118.—Карновичъ „Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій“. Спб. 1884 г. стр. 109—139.

Клочковъ 1—425, 8 р.—Клочковъ 3—1208, 3 р.—Клочковъ 55—2299, 3 р.—Шибановъ 1—162, 2 р., VII—312, 2 р. XV—362, 2 р.—Шабановъ XXV—443, 2 р.—Клочковъ 92—399, 5 р.—Клочковъ 101—395, 2 р. 50 к.

228. Описаніе представленнаго на чертежѣ моста, простирающагося изъ одной дуги на 140 саженяхъ, изобрѣтеннаго механикомъ Иваномъ Кулибинымъ. Съ разными вычисленіями состоящихъ въ немъ тяжестей по разстоянію и другихъ обширныхъ зданій. Въ Санктпетербургѣ, съ дозволенія цензуры, печатано у І. К. Шнора, 1799 года. Въ листъ, 28 стр. три чертежа и гравюра.

Въ 1772 году, въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, № 36, было публиковано, что Лондонская Академія назначила „знатное награжденіе“ тому, кто сдѣлаетъ лучшую модель такому мосту, который бы состоялъ изъ одного свода безъ свай и утвержденъ бы былъ своими концами на берегахъ рѣки. Въ 1776 году нашъ маханикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ сдѣлалъ модель такому мосту, по которой мостъ можетъ быть построенъ по ширинѣ рѣки Невы въ 140 саженъ. Модель была устроена въ десятую часть проектированнаго моста длиною въ 14 сажень. 27-го Декабря того же года наша Академія Наукъ свидѣтельствовала эту модель и признала ее совершенно правильною, найдя, что сложеніе и крѣпость ея составныхъ частей на столько надежные и устойчивые, что мостъ, построенный по модели въ 140 саженъ, можетъ поднять безъ малѣйшаго измѣненія болѣе 50000 пудъ, каковая тяжесть превосходитъ предполагаемую тяжесть, которая можетъ быть когда-либо на мосту. Эта модель была выставлена для публики въ саду Таврическаго Дворца. „Удивительная сія модель, говорится въ описываемой мною книгѣ, дѣлаетъ теперь зрѣлище всего народа, по великому множеству любопытныхъ, попеременно оную осматривающихъ“. Такъ какъ самая модель не могла быть всѣмъ понятна

безъ чертежей и подробнаго ихъ описанія, то Кулибинъ, составивъ подробное описаніе проектированнаго моста со всѣми чертежами, посвятилъ это описаніе императору Павлу Петровичу. Съ этого посвященія и начинается описываемая книга, за которымъ слѣдуетъ извѣстіе, что модель моста найдена по освидѣтельствованію вѣрною, и перепечатка съ публикаціи, появившейся въ № 12 С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1777 годъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе самого моста, раздѣленное на слѣдующіе четыре главы: I, о томъ, что по какой линіи дѣйствительно сдѣлана дуга въ помянутой модели моста и какое правило сыскано изобрѣтателемъ того моста, по которому оная модель освидѣтельствована реченною Академіею Наукъ. II, о составленіи всѣхъ частей и о укрѣпленія предъизображаемаго настоящаго моста съ вычисленіями разныхъ тяжестей по разстоянію. III, мнѣніе о построеніи, для прочности желѣзнаго моста изъ трехъ сводовъ по примѣру деревяннаго и IV, мнѣніе о построеніи каменнаго зданія подъ желѣзною крышею шириною на 64 саж. пространствѣ и болѣе, безъ всякихъ столбовъ, длиною же по изволенію, согласное предписанному устроенію моста къ удержанію крышки и потолка. Къ описанію приложено три чертежа и гравюра на большомъ листѣ, на которомъ изображенъ проектированный мостъ чрезъ Неву, съ постройками на набережной рѣки. Подъ гравюрой государственный гербъ и посвященіе: „Его Императорскому Величеству, Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Павлу Петровичу. Сей чертежъ деревяннаго моста расположеннаго въ длину на 140 саженяхъ, могущаго поднять болѣе 50000 пудовъ тигости, въ модели опробованнаго Россійскою Императорскою Академіею Наукъ, отъ всеподданнѣйшаго усердія, съ благоговѣніемъ приноситъ изобрѣтатель механикъ Кулибинъ". Какъ извѣстно проекту И. П. Кулибина о постройкѣ моста не суждено было осуществиться, не смотря на то, что наши академики Эйлеры (отецъ и сынъ) Котельницкій, Румовскій, Крафтъ, Лексель и ихъ адьюнкты Иноходцевъ, Фусъ и Головинъ проэктъ Кулибина одобрили.— Кромѣ описаннаго проэкта Кулибинъ устроилъ еще часы съ сложнымъ и искуснымъ механизмомъ. Часы эти онъ поднесъ императрицѣ Екатеринѣ, и они хранятся въ Эрмитажѣ; кромѣ этого устроилъ онъ фонарь усиленно свѣтящій и электрофоръ, и извѣстенъ разными другими изобрѣтеніями. По поводу изобрѣтеннаго имъ фонаря Кулибинъ издалъ: „Описаніе употребленія фонарей съ зеркалами", Спб. (Сопиковъ, № 7763). Но занимаясь сложными, сухими математическими исчисленіями для своихъ проектовъ, онъ посвящалъ себя и Музѣ. Кромѣ его двухъ стихотвореній, указанныхъ Н. В. Губерти, я еще могу указать на его „Оду его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, на прибытіе его изъ Архипелага. Въ Спб. Марта дня 1771 года". Ода эта находится въ библіотекѣ Я. Ѳ. Березина-Ширяева. — Экземпляры „Описанія моста", съ описанной мною гравюрой, чрезвычайно рѣдки. Въ библіотекахъ, бывшей Черткова и Румянцевской, экземпляры описанія безъ гравюры.

Сопиковъ 7700.—Плавильщ.142.—Смирдинъ 4069.—Чертковъ 1838 г. стр. 300, №37.—Русс. Х. Л. 1860 г. № 8.—Чтенія Ист. и д. 1862 г. 1 ч.—Геннади 91.—Губерти III—179.

Седъмилѣтний Отрокъ ІОАНЪ родился Вятской Губерніи въ Городѣ Орловѣ подъ древомъ терномъ; почему и прозванъ Терново Орловской 1790, Сентября въ 17 день, и будучи седьмилѣтенъ выписалъ изъ разныхъ Книгъ седьми старинныхъ свадебъ обряды, кои и подноситъ любителямъ старины, а старина, какъ бы новое ди[illegible]лѣта 1797, сентяб. въ первый день. Індікта Є1—15.

Грав. въ Орловѣ.

Готье 283, 15 р. (безъ гравюры).—Шибановъ III—157, 25 р. за одну гравюру безъ книги.—Готье 3602, 10 р. (безъ гравюры).—Клочковъ 63—1727, 10 р.—Шибановъ XXXIV—258, 25 р. (безъ гравюры).

229. Описаніе седьми старинныхъ свадебъ: Великаго Князя Василія Іоанновича Храбраго а) и Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей: Іоанна Василіевича Грознаго, б) Василія Іоанновича Шуйскаго, в) Михаила Ѳеодоровича Романова, г) какіе при оныхъ по тогдашнему обыкновенію происходили обряды. Выписалъ изъ разныхъ Россійскихъ Историческихъ печатныхъ книгъ и старинныхъ вѣроятія достойныхъ рукописей, Вятской губерніи города Орлова мѣщанинъ Іоаннъ Терново-Орловской. Въ лѣто 1797 Сентября 1 числа. Въ городѣ Орловѣ. а) 1 свад., б) 3 свад., в) 1 свад., г) 2 свад. Съ одобренія Московской цензуры. Москва 1798. Въ Университетской типографіи у Ридигера и Клаудія. 8°. 59 нум., 1 нен. и два портрета Терново-Орловскаго.

Описываемая книга начинается съ портрета седьмилѣтняго ея издателя. Здѣсь прилагается копія съ этого портрета, воспроизведенная фототипіей Фишера. На оборотѣ заглавія посвященіе полковнику А. Воейкову, дѣйствительному статскому совѣтнику В. И. Воейкову, коллежскому совѣтнику М. П. Воейкову и коллежскому ассессору А. Н. Воейкову отъ издателя Вятской губерніи, г. Орлова, мѣщанина Іоанна Терново-Орловскаго. Съ третьей страницы помѣщено „Описаніе свадьбы великаго князя Василія Іоанновича всея Руси, какъ онъ понялъ княжну Елену Васильевну Глинкину, дщерь болярина князь Василія Львовича Глинскаго“. Съ 14 страницы помѣщено „Описаніе перваго бракосочетанія Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича Грознаго“. Съ 19 страницы: „Описаніе третьяго бракосочетанія Великаго Государя Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича Грознаго съ дѣвицею Марѳою Василіевною изъ фамиліи Собакиныхъ, въ лѣто 7080 (1572), въ Октябрѣ мѣсяцѣ“. Съ 23 страницы: „Описаніе седьмаго бракосочетанія Царя Іоанна Василіевича Грознаго, бывшаго въ лѣто 7089 (1581)“. Съ 27 страницы: „Свадьба Царя Василія Іоанновича Шуйскаго“. Съ 32 страницы „Описаніе перваго бракосочетанія Благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича изъ фамиліи Романовыхъ съ дѣвицею Княжною Маріею Владиміровною, дщерію болярина князя Владиміра Тимоѳѣевича Долгорукаго въ лѣто 7133 (1625) Сентября 18 числа“. Съ 36 страницы „Описаніе втораго бракосочетанія въ лѣто Господне ҂зрлд—7134 мѣсяца Іаннуаріа въ кѳ день Января 29 числа 1626“. На оборотѣ 59 страницы помѣщены: „Имяна особъ, подписавшихся на сіе изданіе“. Въ концѣ книги приложенъ другой гравированный портретъ Терново-Орловскаго. На этомъ портретѣ

онъ изображенъ во Французскомъ кафтанѣ сѣдящимъ за столомъ и пишущимъ [1]). Надъ портретомъ надпись: Седьмилѣтній отрокъ Іоаннъ Терново-Орловской. Внизу подпись: родился въ лѣто 1790, Сентября 17 числа Вятской губерніи въ городѣ Орловѣ. За этою подписью изображено сельское училище и затѣмъ слѣдующая подпись: гравировалъ сельскаго училища ученикъ Аоронъ Высокогорской 1787 года [2]). Объ этомъ портретѣ Д. А. Ровинскій въ своемъ словарѣ говоритъ, что онъ видѣлъ его въ книгѣ, принадлежавшей К. П. Дурову, но въ послѣднее время не могъ его розыскать, для повѣрки при составленіи Словаря. Я могу засвидѣтельствовать, что послѣ смерти Дурова его экземпляръ, въ числѣ прочихъ книгъ, былъ купленъ книгопродавцемъ Готье, а отъ него пріобрѣтенъ П. В. Щаповымъ, а по смерти сего послѣдняго онъ поступилъ въ библіотеку Историческаго Музея, въ числѣ другихъ рѣдкихъ книгъ, изъ которыхъ была составлена его прекрасная библіотека. Описанія царскихъ свадебъ снабжены разными примѣчаніями, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ указано на разныя книги. Подъ однимъ изъ примѣчаній (23 стр.) говорится: „Здѣсь признаюсь я предъ почтенными читателями, что примѣчаніе не самъ я собою изыскивая писалъ, но руководствомъ благотворителя моего господина человѣколюбца прилагаю. Оной человѣколюбецъ заповѣдалъ мнѣ, дабы я никому имя его не открывалъ, а по кончинѣ его откроются всѣ добродѣтели, и имя его славно будетъ. Онъ и тутъ удержалъ мою десницу, чтобъ больше объ немъ не писалъ. Вотъ скромность добродѣтельной души и кроткаго мужа! Блажени кротцы, яко тіи наслѣдятъ землю. Кротцые! Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ".—Описываемая книга на столько рѣдка, что на нее нѣтъ указаній въ извѣстныхъ каталогахъ Сопикова, Плавильщикова и Смирдина. Въ первый разъ она указана Геннади, а о граверѣ Высокогорскомъ, сдѣлавшемъ портретъ Терново-Орловскаго, даже не было извѣстно Д. А. Ровинскому. Кромѣ описанія седьми свадебъ Терново-Орловскій издалъ въ 1797 г. описаніе первой свадьбы Царя Алексѣя Михайловича и въ томъ же году описаніе втораго бракосочетанія Царя Алексѣя Михайловича на Наталiѣ Кириловнѣ Нарышкиной. Обѣ книжки также были напечатаны въ Москвѣ, въ Университетской типографіи у Ридигера и Клаудія.

Геннади 88.—Губерти II—204.—Ровинскій т. III стр. 2034.

230. Описаніе Сибирскаго Царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ, отъ начала, а особливо отъ покоренія Россійской державѣ по сіи времена; сочинено Герардомъ Фредерикомъ Миллеромъ, исторіографомъ и профессоромъ Университета, Академіи Наукъ и Соціетета Аглинскаго членомъ.

---

[1]) Думаю, что этотъ второй портретъ не есть подлинное изображеніе, а вымышленъ.

[2]) Годъ 1787-й вѣроятно относится только къ училищу; а можетъ быть это типографская ошибка.

Книга первая. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи Наукъ 1750 года. 4°· 14 нен., 457 нум. и 33 ненум. стр.

На заглавномъ листѣ виньетка, гравированная Иваномъ Соколовымъ. Книга начинается съ посвященія ея императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ Академіи Наукъ, за которымъ слѣдуетъ предисловіе. Посвященіе и предисловіе помѣщены на 14 ненумерованныхъ страницахъ. Въ предисловіи между прочимъ говорится: „Сочинителю, по указу Правительствующаго Сената, исходатайствованному отъ президента Академіи, позволено было Сибирскіе архивы по волѣ разсматривать и надлежащія къ его намѣренію извѣстія чрезъ данныхъ отъ Академіи студентовъ и копіистовъ выписывать. Къ тому жъ нѣкоторыя приватныя персоны, особливо господа бароны Строгоновы, яко любители наукъ, какъ письменныя, такъ и изустныя извѣстія для Академіи ему благосклонно сообщали, и къ немалому его вспоможенію попались ему въ руки письменныя Сибирскія лѣтописи, которыя онъ употреблялъ съ пользою. Сего ради благосклонный читатель нимало сумнѣваться не можетъ о достовѣрности сего описанія, тѣмъ наипаче, что сочинителю, который кромѣ того не имѣлъ причины инако писать, какъ только что нашлось въ вышепоказанныхъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ, во первыхъ должно всячески о истинѣ стараться". За предисловіемъ слѣдуетъ изложеніе самой исторіи Сибири. Исторія Сибири была издана только первая часть. Эта первая часть раздѣлена на пять слѣдующихъ главъ: 1) извѣстіе о древнихъ приключеніяхъ прежде Россійскаго владѣнія (1—58 стр.), 2) о изобрѣтеніи Сибири и о приведеніи оной подъ Россійскую державу Донскими казаками (59—142 стр.), 3) о принятіи Сибирской земли подъ Россійскую державу (143—210), 4) о строеніи городовъ Тюмени, Тобольска, Лозвы, Пелыма, Березова, Сургута, Тары и о совершенномъ прогнаніи Хана Кучума изъ Сибири (211—308) и 5) о строеніи городовъ и остроговъ Нарыма, Кецкаго, Верхотурья, Туринска, Мангазеи, Томска и Кузнецка, съ нѣкоторыми до сихъ мѣстъ касающимися прежнихъ временъ приключеніями (309—457 стр.). Каждая глава раздѣляется на параграфы. Послѣ пятой главы на 7 ненумерованныхъ страницахъ помѣщена краткая хронологическая роспись Сибирской исторіи, за росписью слѣдуетъ реестръ на первую книгу Сибирской исторіи по алфавиту. Реестръ помѣщенъ на 26 ненумерованныхъ страницахъ.—Герардъ Фридрихъ Миллеръ, оказавшій несомнѣнныя услуги Русской Исторіи, въ продолженіи десяти лѣтъ по распоряженію нашего правительства, путешествовалъ по Сибири, гдѣ онъ разобралъ архивы всѣхъ важнѣйшихъ городовъ. Плодомъ этого ученаго путешествія и была составленная имъ исторія Сибирскаго царства. Она была составлена на Нѣмецкомъ языкѣ, а переведена на Русскій языкъ академическимъ переводчикомъ Голубцовымъ, который впослѣдствіи за пьянство былъ разжалованъ изъ переводчиковъ въ копіисты. Переводъ исправлялъ Модерахъ. Въ 1751 году Миллеръ представилъ президенту Академіи графу Разумовскому семь главъ для второй части исторіи. Эти главы были подвергнуты разсмотрѣнію нѣсколькихъ ака-

демиковъ, въ числѣ коихъ былъ и М. В. Ломоносовъ, который въ представленномъ сочиненіи Миллера нашелъ непристойными сообщенія о предосудительныхъ дѣйствіяхъ пушкаря Ворошилки: ибо „сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ". Кромѣ того Ломоносовъ находилъ неудобнымъ упоминаніе о построеніи такихъ церквей, которыя впослѣдствіи сгорѣли и казалось ему неприличнымъ выраженіе: „праздность Всероссійскаго престола". По этимъ замѣчаніямъ Миллеръ исправилъ исторію, и Академіей сдѣлано распоряженіе о печатаніи шести главъ. Въ 1752 г. были одобрены къ печати главы 12—17, а затѣмъ еще были одобрены главы 18, 19, 20, 21 и 22. Въ Февралѣ же 1753 г. Миллеръ представилъ еще 23 главу своей исторіи, но тѣмъ не менѣе всѣ означенныя главы не были изданы по неизвѣстнымъ причинамъ. Вообще же Академія враждебно относилась къ Миллеру и его труду; еще въ 1749 г. онъ много получилъ непріятностей по поводу приготовленной имъ для произнесенія рѣчи: „О происхожденіи народа и имени Россійскаго", и теперь, по изданіи исторіи, оказывали ему разныя притѣсненія: было перемѣнено предисловіе къ исторіи составленное имъ не дозволено въ приложеніи къ исторіи печатать Сибирскую и Тобольскую лѣтописи, не давали ему дѣлать корректурныя поправки, подъ предлогомъ, что онъ задерживаетъ печатаніе исторіи, а затѣмъ, когда онъ вошелъ въ Академію съ ходатайствомъ, чтобы предоставить Фишеру продолжать исторію Сибири, а ему въ это время предоставить заняться описаніемъ своего путешествія и описаніемъ Сибирскихъ древностей, Академія отнеслась дерзко къ этому ходатайству. Въ постановленіи ея между прочимъ было сказано: „уже извѣстно, что Миллеръ много начинаетъ, а ничего къ концу не приводитъ". Тогда какъ на самомъ дѣлѣ, Академія сама не издавала тѣхъ главъ исторіи, которыя онъ ей представилъ. Въ послѣдствіи нѣкоторыя изъ означенныхъ главъ были напечатаны Миллеромъ въ Sammlung Russischer Geshichte, а именно 6, 7, 8, 9 и 10 главы, и кромѣ того въ краткомъ видѣ 6 и 7 главы были помѣщены имъ въ Октябрьской книжкѣ Ежемѣсячныхъ Сочиненій за 1763 годъ, а въ 1764 г. помѣщены были въ нихъ въ полномъ видѣ 6, 7 и 8 главы. Въ тѣхъ же Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, а равно Sammlung Russischer Ceschihte и въ другихъ иностранныхъ изданіяхъ помѣщались Миллеромъ отдѣльныя историческія статьи о Сибири. Вторично Описаніе Сибирскаго царства Миллера было издано въ 1787 г. Первое изданіе настолько рѣдко, что его даже нѣтъ въ Чертковской библіотекѣ. Исторія Сибири Миллера, по мнѣнію А. Н. Пыпина, автора сочиненія „Сибирь и изслѣдованія ея", до сихъ поръ незамѣнима равносильными сочиненіями.

Сопиковъ 7722.—Плавильщиковъ 2720.—Смирдинъ 2439.—Старчевскій „Очеркъ литературы Р. Исторіи" стр. 261—262.—Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1866 г. кн. 3, смѣсь стр. 14—30.—Исторія Академіи Наукъ Пекарскаго т. 1 стр. 368—405—408.—Пыпинъ „Сибирь и изслѣдованія ея" Вѣстникъ Европы 1888 г. № 8, стр. 645—652.—Историческій Вѣстникъ 1891 г. № 9, стр. 739.—Межовъ, т. 2-й, № 6455.

Киммель XXXVI—679, 10 р. Готье „Россійская Библіографія" 1881 г. № 20, 8 р.— Клочковъ 10—7307, 10 р.—Готье 6370, 4 р.—Шибановъ XLI—197 15 р.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году издается **двѣнадцатью тетрадями** въ годъ, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву" въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива", близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской; въ **Петербургѣ**, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Змiева), Вознесенскій проспектъ, домъ 22-й, кв. 18 (у В. А. Чумикова), Колокольная, въ книжномъ складѣ Березовскаго, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива" открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива" издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **П. Бартеневъ**.

(годъ 30-й).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892

4.

Стр.

417. Эпизоды изъ исторіи двѣнадцатаго года. III. (Государь въ Свѣнцянахъ. — Сенъ-При. — Барклай. — Багратіонъ. — Пфуль. — Дрисскій лагерь.—Паулуччи). Посмертное сочиненіе **А. Н. Попова**.
446. Ваятель прошедшаго вѣка М. И. Козловскій. Замѣтка **А. Н. Корсакова**.
449. Бумаги протоіерея Московскаго Архангельскаго собора **Петра Алексѣева**.
467. П. А. Ковалевъ. Одинъ изъ Русскихъ дѣятелей въ Прибалтійскомъ краѣ.
475. Два письма **графини Александры Васильевны Браницкой** императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (1812).
481. Благотворительность въ древней Руси. **Г. А. Воробьева**.
487. Рескриптъ Екатерины Великой князю А. А. Вяземскому о чиновникахъ новыхъ палатъ (1775).
487. Письмо графа **Н. И. Панина** графу П. В. Завадовскому (1776).
488. Письма графа **П. В. Завадовскаго** графу П. А. Румянцову-Задунайскому (1788—1791).
492. Двустишіе **князя Г. А. Потемкина-Таврическаго**.
492. Родители князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.
493. Высочайшіе рескрипты преосвященному Амвросію (1778—1801).
494. Письмо **Н. И. Неплюева** преосвященному Амвросію (1799).
497. Церемоніалы ханскихъ выборовъ у Киргизовъ (1782 и 1805). Сообщилъ **П. Юдинъ**.
510. По поводу характеристики Н. Н. Муравьева. Статья **А. Л. Зиссермана** съ выдержками изъ Воспоминаній **П. А. Брянчанинова**.
526. Торжество тысячелѣтія Россіи въ 1862 году. Графа **М. В. Толстаго**.
533. Г. Ѳ. Скарятинъ и графиня Потоцкая. Замѣтка **Н. Я. Скарятина**.
536. Три новыя стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева**, изъ нихъ одно на Французскомъ языкѣ съ переводомъ **А. А. Фета**.
538. Два брата, стихотвореніе.
539. Наканунѣ Святаго Причастія. Стихотвореніе **Ѳ. Н. Глинки**.
541. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга V-я. Н. П. Барсукова. Отзывъ **И. В. Помяловскаго**.

Въ приложеніи:

Записки Филипа Филиповича Вигеля. (Новое **изданіе съ подлинной рукописи**). Часть третья. Главы VII—XII

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1892.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ИСТОРІИ ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

III *).

Въ то время, когда Барклай-де-Толли находился еще въ Вильнѣ, ожидая болѣе точныхъ извѣстій о непріятелѣ, которыя убѣдили бы его въ возможности дать сраженіе подъ Вильною или начать отступленіе, Государь, прибывъ въ Свенцяны, внимательно слѣдилъ именно за отступленіемъ корпусовъ первой арміи и сильно заботился о положеніи Платова и кн. Багратіона. Главнокомандующій могъ самостоятельно дѣлать распоряженія, доводя только о нихъ до свѣдѣнія Государя. Конечно, точно также поступалъ и Государь, немедленно распоряжаясь, когда считалъ нужнымъ, но увѣдомляя главнокомандующаго о своихъ распоряженіяхъ. Очевидно, такія отношенія между ними могли только усложнять и запутывать положеніе дѣлъ. Это неудобство не было такъ чувствительно, пока Государь находился въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ главнокомандующимъ; но оно немедленно обнаружилось, лишь только они разъѣхались по разнымъ мѣстамъ, особенно въ отношеніи ко второй арміи, какъ наиболѣе отдаленной отъ главной квартиры. «Молчаніе ген. Платова и кн. Багратіона меня безпокоитъ», писалъ Государь къ Барклаю-де-Толли немедленно по пріѣздѣ въ Свенцяны. «Такъ какъ корпуса Шувалова, Дохтурова, а равно и Тучкова, отступаютъ, то если Платовъ и Багратіонъ не будутъ дѣйствовать съ должною осмотрительностію, то могутъ быть совершенно отрѣзаны отъ сообщеній съ первою арміею. Прикажите, генералъ, всѣмъ корпуснымъ начальникамъ ежедневно присылать донесенія объ ихъ движеніяхъ, чтобы можно было судить, правильно ли они двигаются. Гвардія сосредоточивается, и съ 7-ю сводными баталіонами егерей сегодня къ вечеру у Свенцянъ будетъ 25 баталіоновъ и 20 эскадроновъ. Мѣсто для лагеря не изъ лучшихъ».

---

*) См. выше. стр. 341.

Въ тотъ же день вечеромъ Государь писалъ Барклаю, что «вообще, кажется все идетъ хорошо; только надо, чтобы донесенія посылались чаще, какъ и вы замѣчаете» и обращалъ его вниманіе на слѣдующія два обстоятельства: 1) часть корпуса Витгенштейна, которая отступаетъ передъ непріятелемъ отъ Россіенъ, двигается на Кайданы, которые не выше Свенцянъ. Поэтому надо внимательно слѣдить, чтобы непріятель, преслѣдующій этотъ отрядъ, не оказался въ тылу нашей позиціи при Свенцянахъ. 2) Донесеніе князя Багратіона. Я чрезвычайно опасаюсь, чтобы онъ не замѣшкалъ долго въ Вилковискѣ и чтобы не случилось съ нимъ чего-нибудь неожиданнаго, такъ же какъ и съ Платовымъ, отъ котораго мы не имѣемъ даже никакихъ извѣстій. Поручите имъ немедленно начать движенія и воспользуйтесь тѣмъ временемъ, пока вы не оставили еще Вильны. Это дастъ имъ возможность на нѣсколько переходовъ приблизиться къ вамъ. Казаки изъ Гродно могутъ идти на Ойжишки, а князь Багратіонъ, не теряя времени, переходить за р. Щару». Императоръ заботился, чтобы чаще получались донесенія отъ отдѣльныхъ начальниковъ, поручалъ Барклаю повторить имъ это предписаніе и спрашивалъ: Какія извѣстія отъ Дохтурова? Отъ Балашова? Переѣхалъ ли онъ за аванпосты? Принялъ ли его непріятель? «Берегитесь, писалъ онъ, чтобы непріятель не обошелъ васъ; онъ можетъ перейти Вилію ниже Вильны между вами и Багговутомъ». Въ тоже время онъ отправилъ къ нему маркиза Паулуччи съ тѣмъ, чтобы онъ занялъ при немъ мѣсто начальника штаба. «Но я не сказалъ ему, оговаривался Государь, съ какою цѣлію его посылаю. Если вы найдете, что онъ можетъ занять мѣсто Лаврова, то опредѣлите его или дайте ему другое назначеніе, или просто оставьте при себѣ, или, наконецъ, пришлите его ко мнѣ съ вашимъ донесеніемъ». Изъ этихъ словъ видно, что м. Паулуччи еще не былъ назначенъ въ это время начальникомъ штаба первой арміи; но Барклай-де-Толли, не желая этого назначенія, а въ тоже время не рѣшаясь какъ бы противиться волѣ Государя, оставлялъ его въ неопредѣленномъ положеніи. На другой день послѣ отправленія этихъ писемъ Государь узналъ изъ сообщеній главнокомандующаго о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя произвели непріятное на него впечатлѣніе. «Вы предписали Витгенштейну, писалъ онъ Барклаю, стоять у Вилькомира, а Багговуту у Ширвинтъ до новыхъ съ вашей стороны распоряженій. Но мнѣ кажется, что слѣдуетъ предвидѣть и тотъ случай, когда непріятель двинется на кого либо изъ нихъ въ превосходныхъ силахъ, и притомъ внезапно. Не имѣя дозволенія дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, они сочтутъ долгомъ оставаться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ предписано находиться, и черезъ то могутъ быть разбиты. Обращаю ваше вниманіе на это соображеніе». Предполагая еще возможность сраженія подъ Вильною, Барклай-де-Толли желалъ, чтобы не удалялись отъ него корпуса гр. Витгенштейна и Багговута; но это распоряженіе очевидно

могло замедлить общее отступленіе всей первой арміи, предположенное Государемъ. Еще болѣе могли замедлять его неисправность мостовъ и несвоевременное отправленіе нарочныхъ съ приказаніями главнокомандующаго. Между тѣмъ въ числѣ свѣдѣній, сообщенныхъ Императору Барклаемъ-де-Толли, было донесеніе барона Корфа о неисправной переправѣ при Махалишки. «Я не могу и выразить вамъ, какое впечатлѣніе, произвело на меня донесеніе б. Корфа о мостѣ въ Михалишкахъ, писалъ ему Государь. Полагаю, что и на васъ оно также подѣйствовало. Припомните, сколько разъ въ Вильнѣ я говорилъ вамъ о мостахъ. Необходимо также, чтобы я васъ предостерегъ: Бокъ, съ которымъ вы послали ваши приказанія къ Эртелю, только сегодня утромъ проѣхалъ Свенцяны, увѣряя, что два дня его задержала ваша канцелярія. Три дня тому назадъ, какъ онъ получилъ ваши приказанія! Три потерянныхъ дня, это ужасно — во время военныхъ дѣйствій». Государь подмѣтилъ особенную черту въ характерѣ своего главнокомандующаго, на которую указывалъ и въ послѣдствіи: Барклай-де-Толли считалъ дѣло сдѣланнымъ, если онъ отдалъ приказъ или подписалъ бумагу; заботу объ исполненіи онъ считалъ внѣ своихъ обязанностей. Это обстоятельство, можетъ быть, послужило поводомъ къ распоряженію со стороны Императора, о которомъ онъ извѣщалъ главнокомандующаго въ письмахъ, въ этотъ же день написанныхъ. «Я счелъ полезнымъ отправить приказанія Витгенштейну, Багговуту, Дохтурову, Платову и кн. Багратіону, чтобы со всѣхъ донесеній, которыя они будутъ посылать вамъ, въ тоже время они присылали списки прямо ко мнѣ въ Свенцяны, для того, чтобы мнѣ своевременно были извѣстны всѣ движенія. Но я не буду дѣлать имъ никакихъ предписаній, чтобы не разстроить вашихъ распоряженій. Итакъ вы, генералъ, будете давать имъ наставленія, какія сочтете нужными. Одно только я счелъ нужнымъ допустить изъ этого исключеніе, въ отношеніи къ кн. Багратіону. Я предписалъ ему перейти за рѣку Щару и продолжать отступленіе на Вилейку, для того, чтобы выиграть время. Первоначально мы предполагали, чтобы онъ отступалъ на Минскъ и, присоединивъ 27 дивизію, шелъ на Вилейку и дѣйствовалъ на правый флангъ непріятеля, который обратится на насъ. Но теперь при этомъ движеніи онъ много потерялъ бы времени и, слѣдуя прямо на Вилейку, онъ скорѣе достигнетъ цѣли. Я поручилъ ему предписать 27 дивизіи присоединиться къ нему. Если же слишкомъ большія силы непріятеля помѣшаютъ ему исполнить это движеніе, онъ всегда можетъ двинуться на Минскъ и Борисовъ. Въ слѣдствіе этого я предписалъ Платову приблизиться къ Лидѣ, чтобы поддерживать сообщенія между корпусами расположенными у Вильны и 2-ю арміею».

Въ этотъ же день Государь получилъ донесеніе князя Багратіона, въ которомъ тотъ повторялъ предположеніе сдѣлать движеніе на Варшаву. Препровождая это донесеніе къ Барклаю, Государь писалъ: «Вмѣсто этой прекрасной диверсіи, которая представляется

мнѣ если не невозможною, то во всякомъ случаѣ опасною и которая лишила бы первую армію помощи 2-й, гораздо лучше бы онъ поступилъ, немедленно предпринявъ предписанное ему движеніе; потому что я опасаюсь, что теперь онъ можетъ встрѣтить препятствія со стороны непріятеля, если Платовъ съ казаками не поддержитъ его лѣваго фланга. Вообще эти три корпуса меня чрезвычайно безпокоятъ, т. е. Дохтурова, Платова и Багратіона. Что касается до Дохтурова, то надо употребить всѣ средства, чтобы приблизить его къ вамъ; онъ слишкомъ далеко находится позади. Сдѣлайте одолженіе позаботьтесь въ этомъ». Тревога Государя была основательна: движеніе непріятеля къ Вильнѣ не только раздѣляло первую армію отъ второй, но отрѣзывало Платова съ казаками и даже Дохтурова, находившагося въ Лидѣ. Послѣднему удалось однакоже послѣ неимовѣрныхъ трудовъ присоединиться къ первой арміи, и только находившійся въ его аріегардѣ отрядъ Дорохова былъ отрѣзанъ непріятелемъ и присоединился потомъ ко второй.

Повелѣнія, посланныя Государемъ изъ Свенцянъ съ фл.-адъютантомъ Бенкендорфомъ князю Багратіону и Платову, не только измѣняли первоначально предписанныя имъ движенія, но и самый планъ вообще военныхъ дѣйствій. «По движеніямъ непріятеля противъ праваго фланга первой арміи, писалъ Государь князю Багратіону, найдя необходимымъ соединить большія силы противъ онаго, дабы нанести ему сильный ударъ и потомъ дѣйствовать на него наступательно, почитаю нужнымъ предписать вамъ, чтобы вы, перейдя съ ввѣреннымъ вамъ войскомъ за рѣку Щару, тянулись *на соединеніе къ первой арміи* черезъ Новогрудокъ или Бѣлицу, куда изъ сихъ двухъ мѣстъ вамъ удобнѣе будетъ, оттуда же на Вилейку, на которую предпишите слѣдовать на соединеніе съ вами и 27 пѣхотной дивизіи, идущей теперь изъ Минска на Новогрудокъ. Дѣйствуя такимъ образомъ въ правый флангъ непріятеля, имѣть главнымъ предметомъ вышеупомянутое *соединеніе* вашей арміи съ первою».

Отпуская съ этимъ предписаніемъ Бенкендорфа, Государь говорилъ ему: «Скажите князю, что вѣроятно Бонапарте, слѣдуя постоянному своему правилу, приметъ направленіе на столицу и чтобы устрашить Россію пойдетъ на Москву; но ничто не вынудитъ меня положить оружіе, пока непріятель будетъ находиться въ нашихъ границахъ». Если Бенкендорфъ вѣрно припомнилъ впослѣдствіи сказанныя ему въ то время слова Государя, то онъ указывалъ ему только на одно изъ возможныхъ движеній непріятеля, между тѣмъ какъ въ это время онъ думалъ и о другомъ,—что непріятель можетъ пойти на Петербургъ, конечно и въ томъ и въ другомъ случаѣ оставаясь вѣрнымъ своему правилу навести страхъ на противника занятіемъ столицы. Не въ этомъ однакоже заключалась важность возложеннаго на Бенкендорфа порученія, но въ томъ повелѣніи Государя, которое онъ привезъ князю Багратіону. Оно наносило новый ударъ первоначальному плану воен-

ныхъ дѣйствій—плану Пфуля съ товарищами и предвѣщало окончательное его разрушеніе.

Образованіе третьей Западной арміи, вызванное тѣмъ положеніемъ, которое приняла въ отношеніи къ намъ Австрія, уменьшивъ на половину составъ арміи князя Багратіона, лишало ее возможности съ успѣхомъ исполнять назначеніе, опредѣленное ей первоначальнымъ планомъ военныхъ дѣйствій. Ея передвиженіе къ Вилькомиру давало поводъ предполагать, что это назначеніе совершенно устранено и замѣняется новымъ, которое было неизвѣстно однакоже ея начальникамъ. Графъ Сенъ-При нѣсколько разъ просилъ у Государя новыхъ наставленій. Князь Багратіонъ, чтобы выдти изъ неопредѣленнаго положенія, предлагалъ экспедицію въ герцогство Варшавское. Предписаніе изъ Вильны отъ 12 Іюня, сообщенное Барклаемъ-де-Толли, поручало только второй арміи обезпечивать тылъ корпуса Платова, который долженъ былъ дѣйствовать во флангъ непріятелю, лишь только онъ переправится черезъ Нѣманъ и *располагать движенія своей арміи* сообразно *стремленію непріятеля противъ первой арміи*. Только въ отношеніи Барклая-де-Толли отъ 15 Іюня, въ которомъ онъ извѣщалъ объ отступленіи первой арміи изъ Вильны къ Свенцянамъ, ему поручалось двинуться на Минскъ и Борисовъ. «Вторая армія, писалъ къ Государю графъ Сенъ-При, только что получила приказаніе двинуться на Минскъ, и войска находятся уже въ полномъ движеніи. Въ то время, какъ непріятель занялъ уже Вильну, это отступленіе на протяженіи 250 верстъ отъ границъ чрезвычайно трудно съ успѣхомъ привести въ исполненіе; потому что непріятель можетъ ранѣе насъ быть въ Минскѣ, имѣя пройти только 160 верстъ. Если Наполеонъ будетъ совершать свои движенія съ обычною быстротою, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ пошлетъ сильную колонну, чтобы совершенно перерѣзать сообщенія между двумя арміями. Съ какою бы ни совершали мы быстротою наши движенія, мы всегда будемъ предупреждены непріятелемъ, если первая не сдѣлаетъ какой-нибудь диверсіи въ нашу пользу. Хотя князь Багратіонъ предписалъ 27 дивизіи дожидаться насъ въ Минскѣ, и ее будутъ поддерживать 12 баталіоновъ пришедшихъ изъ Бобруйска; но, не смотря на то, одни лишь наступательныя дѣйствія первой арміи могутъ облегчить наше движеніе. Только въ этомъ случаѣ наши сообщенія съ первою арміею будутъ обезпечены, и если непріятель не раздавитъ насъ превосходными силами, мы будемъ, можетъ быть, въ состояніи сдѣлать полезную для первой арміи диверсію. Князь Багратіонъ предлагалъ вмѣстѣ съ Тормасовымъ совокупными силами идти на Варшаву, чтобы разрѣзать силы непріятеля и безъ особенныхъ затрудненій разрушить всѣ приготовленныя имъ средства. Это была бы самая странная диверсія противъ его нападенія; но такъ какъ мы должны отступать на Минскъ, то намъ должно стараться только поскорѣе его достигнуть, чтобы содѣйствовать успѣхамъ первой арміи». Въ этихъ словахъ начальника штаба

второй арміи выражается прямо невозможность исполненія возложенныхъ на нее порученій безъ содѣйствія со стороны первой арміи.

Въ то время, когда заботы Государя направлены были къ тому, чтобы облегчить и ускорить отступленіе первой арміи до линіи р. Двины и соединить съ нею вторую, Барклай-де-Толли предполагалъ еще дать сраженіе подъ Вильною или у Свенцянъ. «Если первой арміи не можно будетъ дать выгоднаго сраженія передъ Вильною, тогда, присоединивъ къ себѣ корпуса Витгенштейна и Дохтурова, она будетъ сосредоточена у Свенцянъ, гдѣ, можетъ быть, и дано будетъ сраженіе. Впрочемъ если обстоятельства дозволятъ, то первая армія отъ Свенцянъ и сама пойдетъ атаковать непріятеля». Барклай намѣревался дать сраженіе, сообразно съ первоначальнымъ планомъ, по которому въ тоже время ему бы содѣйствовали Платовъ и князь Багратіонъ, дѣйствуя во флангъ и тылъ непріятеля.

Такимъ образомъ обѣ арміи разсчитывали на помощь одна другой въ то время, когда войска непріятеля, быстро подвигаясь на Вильну, грозили совершенно прервать всякое между ними сообщеніе. Этотъ разсчетъ основывался на томъ, что не столько не знали, сколько не вѣрили, чтобы такія громадныя силы могъ двинуть Наполеонъ въ предѣлы Россіи: полагали, что одна изъ армій, дѣйствуя наступательно привлечетъ на себя часть его силъ и тѣмъ убавитъ число непріятеля наступавшаго на другую и доставитъ ей возможность противодѣйствовать ему съ успѣхомъ; тогда какъ подъ его рукою было такое количество войскъ, что противъ каждой изъ двухъ нашихъ армій онъ могъ поставить болѣе нежели вдвое превышавшее ихъ количество. Между тѣмъ это обстоятельство послужило первымъ поводомъ къ взаимному недовѣрію между нашими главнокомандующими.

Получивъ донесеніе Барклая-де-Толли объ его отступленіи отъ Вильны, Государь сдѣлалъ распоряженіе о дальнѣйшемъ отступленіи нѣкоторыхъ частей войскъ, находившихся при Свенцянахъ. Онъ находилъ, что при Свенцянахъ нѣтъ хорошей позиціи, и писалъ Барклаю: «Я отправилъ Клаузевица назадъ, чтобы отыскать позицію на Двинѣ; можетъ быть можно будетъ занять хорошую около Видзъ». На другой день онъ писалъ: «Я посылаю къ вамъ полковника Клаузевица переговорить о тѣхъ позиціяхъ, которыя во время отступленія войска могутъ занимать ежедневно». Осмотръ пути отступленія оканчивался укрѣпленнымъ лагеремъ при Дриссѣ, который безъ сомнѣнія и составлялъ существенную цѣль осмотра, порученнаго императоромъ полковнику Клаузевицу. Этотъ Прусскій офицеръ, вступившій въ Русскую службу, пользовался особымъ расположеніемъ Государя. Образованный, ученый, въ послѣдствіи извѣстный военный писатель, онъ назначенъ былъ состоять при генералѣ Пфулѣ, глубокомъ кладезѣ во-

енной премудрости, какъ полагали иные, хотя и немногіе, въ это время, который однакоже Клаузевицу скоро удалось исчерпать и понять всю его несостоятельность. Онъ вовсе не раздѣлялъ взглядовъ Пфуля на военныя дѣйствія и былъ защитникомъ взгляда объ отступленіи внутрь страны, не ограничивая его никакими предѣлами. Того же взгляда въ главной квартирѣ держался графъ Ливенъ. Бывшій посланникомъ при Берлинскомъ дворѣ, онъ прибылъ туда по окончаніи своего посольства и подъ вліяніемъ Клаузевица, съ которымъ постоянно находился въ близкихъ сношеніяхъ, онъ полагалъ, что Наполеона могутъ побѣдить только пространство и время. Отступать въ безпредѣльную даль Россіи, затягивать какъ можно далѣе войну—таковъ былъ взглядъ Прусскихъ военныхъ людей, ненавидѣвшихъ Наполеона и желавшихъ успѣха Россіи. Этотъ взглядъ, доведенный до той крайности, въ которомъ выражалъ его Клаузевицъ, можетъ быть объясненъ тѣмъ паническимъ страхомъ, который военный геній Наполеона навелъ на всю Европу и особенно на Пруссію. Самоувѣренно-гордая именно превосходствомъ своего военнаго устройства, Пруссія, послѣ разгрома при Іенѣ, впала въ отчаяніе, но такое же самоувѣренное и гордое. Если военныя силы Пруссіи не могли противустоять Наполеону, то и не могутъ никакія другія, и противъ него можно дѣйствовать только, такъ сказать, стихійными силами. Конечно великіе умы, какъ напримѣръ б. Штейнъ, не подчинялись такому направленію мыслей, возможному въ Пруссіи въ это время и, безъ сомнѣнія, совершенно невозможному въ Россіи. Съ нимъ сопоставить можно другое, къ сожалѣнію выражавшееся у насъ въ это время нѣкоторыми лицами, смотрѣвшими на войска Наполеона, какъ на *сбродъ*, составленный изъ разныхъ народовъ, и полагавшими, что его ополченія мы можемъ *закидать шапками*. Но взяли верхъ иные взгляды. Разногласіе существовало только въ отношеніи къ вопросу, что выгоднѣе для Россіи: вести наступательную или оборонительную войну. Положеніе, которое передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій приняли въ отношеніи къ намъ двѣ великія Германскія державы, Австрія и Пруссія, рѣшило этотъ вопросъ въ пользу оборонительной войны; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ возникло разногласіе, возбудившее новый вопросъ: слѣдовать ли съ буквальною точностію первоначальному плану военныхъ дѣйствій или отступить отъ него, по несостоятельности ли самого плана или по требованію самыхъ событій? Предполагая этотъ вопросъ, конечно слѣдуетъ замѣтить, что съ полною ясностью онъ могъ представляться только императору Александру. Планъ военныхъ дѣйствій составлялъ государственную тайну. Его знали немногіе, принимавшіе участіе въ его составленіи. Кромѣ того, этотъ

планъ имѣлъ въ виду два случая—наступательную и оборонительную войну. Войска ожидали первой, въ то время когда правительство уже склонялось къ послѣдней. Но этотъ вопросъ окончательно былъ рѣшенъ только послѣ пріѣзда Государя въ Вильну. Съ этого времени естественно все его попеченіе обратилось на порядокъ отступленія, на укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, какъ послѣднюю его цѣль. Но общій планъ оборонительной войны уже былъ нарушенъ силою обстоятельствъ, вынуждавшихъ дать иное назначеніе второй арміи. Быстрое движеніе непріятельскихъ войскъ къ Вильнѣ угрожало отрѣзать первую армію отъ второй и ставило возможность ихъ соединенія въ сомнительное положеніе. При этомъ обстоятельствѣ необходимо было замедлять отступленіе первой арміи, чтобы не удаляться болѣе и болѣе отъ второй, и поэтому укрѣпленный лагерь при Дриссѣ получалъ особенное значеніе. Дѣйствительно ли представлялъ онъ возможность помѣстить въ немъ войска и задержать дальнѣйшее наступленіе непріятеля? Отзывы о планѣ Пфуля, доходившіе до Государя въ Вильнѣ, не могли не возбудить въ немъ сомнѣнія въ военной его премудрости. Для того, чтобы убѣдиться въ достоинствахъ и недостаткахъ укрѣпленнаго лагеря, осмотрѣть его онъ послалъ Клаузевица, котораго не могъ подозрѣвать въ пристрастіи, хотя онъ былъ соотечественникъ и адъютантъ генерала Пфуля.

По возвращеніи Клаузевица Государь выслушалъ его отчетъ въ присутствіи его генерала. Съ забавною живостью описываетъ Клаузевицъ свое неловкое положеніе въ этомъ случаѣ. Съ одной стороны, какъ же можно было выдать ему своего соотечественника и начальника; съ другой могъ ли онъ, какъ честный человѣкъ, лгать и говорить противъ своихъ убѣжденій? Но какъ бы ни былъ изворотливъ и мягокъ его отзывъ, Государь очень хорошо понялъ то, чего онъ не договорилъ и каковъ былъ его дѣйствительный взглядъ на Дрисскій лагерь. Онъ поручилъ принцу Георгію Ольденбургскому заявить ему, что замѣтилъ неискренность его сообщеній и хотѣлъ поговорить съ нимъ снова. Но, понимая конечно настоящій смыслъ донесенія Клаузевица, Государь отправилъ его къ Барклаю-де-Толли для сообщенія ему своихъ наблюденій.

При этомъ случаѣ нельзя не обратить вниманія на то, что Государь, сообщая своему главнокомандующему о сдѣланныхъ имъ предписаніяхъ князю Багратіону, умалчиваетъ о самомъ важномъ изъ нихъ—идти на соединеніе съ первою арміею. Точно также, посылая къ нему Клаузевица, онъ говоритъ, что поручилъ ему осмотрѣть путь отступленія войскъ и мѣста для ихъ ежедневныхъ остановокъ, но не упоминаетъ о главномъ порученіи, которое онъ возлагалъ на

него — осмотръ лагеря при Дриссѣ. Независимо отъ другихъ доказательствъ, это одно обстоятельство достаточно свидѣтельствуетъ, что Государь сознавалъ уже необходимость измѣненія первоначальнаго плана дѣйствій, а его главнокомандующій упорно его поддерживалъ. Можетъ быть, это различіе во взглядахъ и вынуждало Государя вмѣшиваться въ военныя распоряженія, чтобы постепенно, какъ бы силою самыхъ обстоятельствъ, поставить главнокомандующаго въ необходимость быть исполнителемъ уже новаго, измѣненнаго плана.

Намѣренія Наполеона еще недостаточно выяснились въ это время. Конечно всѣ были уже увѣрены, что онъ воспользуется разбросаннымъ на огромномъ пространствѣ положеніемъ нашихъ войскъ и попытается разрѣзать его на двѣ части, чтобы разбить каждую порознь; но какая дальнѣйшая цѣль его движеній—Москва или Петербургъ?

Во время пребыванія Государя въ Свенцянахъ извѣстія отъ графа Витгенштейна и о дѣйствіяхъ Кульнева противъ корпуса Удино и о движеніи непріятеля къ Динабургу возбудили опасенія объ опасности, угрожавшей правому крылу нашихъ войскъ. «Донесенія Витгенштейна, которыя я послалъ вамъ вчера, писалъ Государь Барклаю-де-Толли, заставляютъ предполагать, что непріятель хочетъ обойти наше правое крыло и предупредить насъ на Двинѣ». Едва Государь отправилъ это письмо, какъ получилъ донесеніе Барклая-де-Толли о томъ, что непріятель преслѣдуетъ его весьма медленно. Отвѣчая тотчасъ же, Государь писалъ ему: «Все содержаніе вашего донесенія подтверждаетъ мое предположеніе, что непріятель направляетъ свои силы съ тою цѣлью, чтобы обойти наше правое крыло. Съ умысломъ онъ не сильно васъ преслѣдуетъ: онъ желаетъ, чтобы вы медленно отступали, выжидая, пока корпуса Удино, Даву и Макдональда достигнутъ нашего праваго крыла. Я совѣтую вамъ, генералъ, не замедлять вашего отступленія, а завтра же дойти до Свенцянъ. Бросивъ взглядъ на карту, вы замѣтите, что теперь уже корпуса Витгенштейна и Багговута позади васъ, и все убѣждаетъ въ томъ, что непріятель, находящійся противъ Витгенштейна, будетъ продолжать движеніе къ Двинѣ». Барклай-де-Толли, послѣ извѣстій, сообщенныхъ ему Государемъ, также началъ опасаться за правое крыло и совѣтовалъ придвинуть корпусъ Витгенштейна къ Динабургу. Государь отклонилъ однакоже этотъ совѣтъ. «Изъ вашихъ донесеній вижу, писалъ онъ ему, что вы пришли къ тѣмъ же предположеніямъ, какъ и я, на счетъ движенія непріятеля къ Двинѣ. Но я полагаю, что было бы опасно измѣнять движеніе Витгенштейна; потому, что направившись къ Динабургу, онъ подвергался бы опасности быть разбитымъ непріятелемъ въ превосходныхъ сравнительно съ нимъ силахъ. Я предпочитаю слѣдовать предписаннымъ уже движеніямъ, о которыхъ вы знаете изъ бумагъ, сообщенныхъ мною вамъ съ Клаузевицемъ. Но въ тоже время, т. е. третьяго дня, я далъ приказаніе, чтобы въ Ди-

набургѣ держали себя на сторожѣ. Не медлите, генералъ, и отступайте къ Свенцянамъ. Такъ какъ Корфъ уже приблизился и находится въ 14 верстахъ отсюда, а въ Свенцянахъ остается еще кирасирская дивизія, то я нахожу, что у васъ довольно конницы. Поэтому я предписалъ Уварову держаться ближе къ корпусу Витгенштейна... Тогда корпуса Тучкова и Шувалова приблизятся къ Свенцянамъ, и такимъ образомъ, связь между корпусами не будетъ нарушена. Я надѣюсь завтра лично переговорить съ вами». Но, ускоряя отступленіе къ Двинѣ, Государь не дождался главнокомандующаго въ Свенцянахъ, и на другой день послѣ отправленія этого письма его главная квартира находилась уже въ Видзахѣ. Тамъ, по разсказу Клаузевица, генералъ Пфуль получилъ приказаніе явиться къ Государю и привести съ собою Клаузевица, который, какъ его адъютантъ, жилъ вмѣстѣ съ нимъ. Когда они вошли въ квартиру Государя, онъ находился въ кабинетѣ, котораго двери были затворены, а въ большой комнатѣ, передъ кабинетомъ, находились: князь Волконскій и его адъютантъ Орловъ, гр. Аракчеевъ и полковникъ Толь. Князь Волконскій сообщилъ ген. Пфулю полученныя извѣстія и объявилъ, что Государь желаетъ знать его мнѣніе, какъ слѣдуетъ поступать въ настоящемъ случаѣ. Такъ какъ полковникъ Клаузевицъ былъ посланъ для обозрѣнія путей отступленія до Дриссы, поэтому и онъ приглашенъ былъ сюда и предложилъ генералу Пфулю вмѣстѣ съ нимъ и Толемъ сообразить о томъ, какія слѣдуетъ принять мѣры въ настоящее время. Уже участіе Толя, который вовсе не раздѣлялъ мнѣній Пфуля, въ этомъ совѣщаніи, показываетъ, какое направленіе начинали принимать взгляды Государя.

Генералъ Пфуль, не входя въ разсужденія, прямо объявилъ, что все это произошло отъ того, что Барклай не исполнялъ данныхъ ему повелѣній. Князь Волконскій желалъ устранить это заявленіе, указывая на то, что, отъ чего бы ни зависѣли настоящія обстоятельства, вопросъ состоитъ въ томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать теперь. При этомъ случаѣ Пфуль выразилъ всѣ особенности своего характера. Съ одной стороны, очевидно сбитый съ толку неожиданными обстоятельствами, съ другой, долго сдерживая досаду и замѣчая конечно, что довѣріе къ нему начинаетъ падать, онъ быстро началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, съ желчью говоря, что не можетъ сказать какъ помочь дѣлу, когда не хотятъ слѣдовать его совѣтамъ.

Клаузевицъ находился въ странномъ положеніи, смотря на безумныя выходки своего земляка и начальника, котораго мнѣній онъ вовсе не раздѣлялъ; но всѣ однакоже смотрѣли на него и Вольцогена, какъ единомышленниковъ и учениковъ Пфуля. «Князь Волконскій и графъ Аракчеевъ, говоритъ онъ, съ выраженіемъ нетерпѣнія ожидали, что изъ

этого выйдетъ, нисколько не желая вмѣшиваться въ разсужденія. Между тѣмъ каждую минуту Государь могъ отворить дверь кабинета и спросить о послѣдствіяхъ совѣщаній». Клаузевицъ съ Толемъ и Орловымъ совѣщались между собою, отойдя въ сторону, пока выражалъ свои негодованія генералъ Пфуль. Вдругъ дверь въ кабинетъ отворилась, и Государь позвалъ Пфуля и Толя. Ихъ разговоръ остался неизвѣстенъ; но, замѣчаетъ Клаузевицъ, извѣстія, заставлявшія опасаться за правое крыло, на другой же день оказались ложными, и съ этого времени Государь рѣже и рѣже началъ приглашать къ себѣ Пфуля. Дѣйствительно, въ это именно время прекратились неосновательныя опасенія за наше правое крыло и, наоборотъ, обратилось вниманіе на лѣвое. «Кажется, дѣйствительно непріятель пріостановилъ свои движенія на наше правое крыло, писалъ Государь къ Барклаю-де-Толли; но по всей вѣроятности онъ маневруетъ около нашего лѣваго крыла». Государь не торопилъ уже болѣе его отступленія, но, напротивъ, позволялъ даже оставаться нѣсколько времени на мѣстѣ, «чтобы дать отдыхъ людямъ и лошадямъ».

Кромѣ общихъ соображеній о военныхъ дѣйствіяхъ, Государя постоянно озабочивали замѣчаемые имъ безпорядки въ управленіи войсками. По дорогѣ изъ Свенцянъ въ Видзы онъ замѣтилъ неустройство въ передвиженіи военныхъ обозовъ. «Я нашелъ чрезвычайный безпорядокъ въ обозахъ. Генералъ-вагенмейстеръ занимается только вашей главной квартирой, а другіе обозы, принадлежащіе дивизіямъ вашей арміи, бродятъ безъ толку по дорогамъ, останавливаются гдѣ хотятъ и грабятъ страну. Черепановъ не имѣетъ никакихъ средствъ, чтобы водворить порядокъ, потому что ему въ распоряженіе дали только 8 казаковъ, тогда какъ весь Бугскій казачій полкъ для этого былъ предназначенъ. Гораздо было бы лучше, еслибъ конвой главнокомандующаго былъ не такъ многочисленъ, потому что вся армія его оберегаетъ или можетъ оберегать, а багажъ лучше былъ бы охраняемъ отъ всякихъ безпорядковъ. Я прошу васъ, генералъ, прислать Черепанову по крайней мѣрѣ 200 Бугскихъ казаковъ, чтобы онъ могъ водворить какой-нибудь порядокъ, переловить мародёровъ и грабителей и, наказавъ ихъ примѣрно, заставить другихъ остерегаться. Также много находится офицеровъ. Они говорятъ, что получили на то приказанія, но не могутъ доказать этого никакою бумагою. Прошу васъ, предпишите, чтобы имъ давали билеты, въ которыхъ бы означалось, куда и съ какою цѣлію они отряжены». Очевидно, выговоръ Государя относился не до второстепенныхъ исполнителей дѣла. Барклай-де-Толли представлялъ, кажется, свои оправданія; но они не удовлетворили Государя. Въ тотъ же день вечеромъ Государь писалъ ему: «Все что̀ вы ни говорите объ обозахъ, во всякомъ случаѣ можетъ имѣть самыя печальныя послѣдствія. При каждой ротѣ находятся только по двѣ подводы, одна съ сухарями, другая съ зарядами. Но если одна

изъ повозокъ изломается, то на чемъ же будутъ везти сухари или заряды для этой роты? Прошу васъ, генералъ, внимательно объ этомъ подумать: это вопросъ первостепенной важности. Неужели нельзя найти возможности отправлять ихъ всѣ вмѣстѣ и за нѣсколько часовъ прежде выступленія самихъ войскъ? Въ этомъ случаѣ они могли бы оказывать взаимную себѣ помощь и имѣли бы на это время. Дѣло заключается только въ томъ, чтобы ввѣрить отправленіе этимъ соединеннымъ обозамъ смѣтливому офицеру, который сумѣлъ бы распорядится и заставить себѣ повиноваться». «Необходимо, генералъ, писалъ черезъ нѣсколько дней Государь, на походѣ къ Дрисскому лагерю распорядиться, чтобы піонеры отправлялись въ походъ за нѣсколько часовъ до выступленія войскъ, потому что мосты повсюду находятся въ ужасномъ положеніи, между тѣмъ какъ эти дороги изслѣдованы были прежде офицерами. Такая небрежность непростительна».

Эти слова самого Государя служатъ достаточнымъ доказательствомъ, что въ управленіи войсками были допущены большіе безпорядки. Барклай-де-Толли, боевой генералъ, но никогда не бывшій главнокомандующимъ, знакомъ былъ съ военнымъ управленіемъ только по бумагѣ. Подписавъ бумагу, отдавъ приказъ, онъ считалъ съ своей стороны дѣло сдѣланнымъ. Это свойство его характера съ особенною рѣзкостію выразилось при слѣдующемъ обстоятельствѣ. Въ то время, когда отступленіе войскъ было главнымъ предметомъ заботъ Государя, внезапно заболѣлъ графъ Шуваловъ, такъ что не могъ начальствовать четвертымъ корпусомъ и просилъ Государя уволить его отъ должности. За нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхалъ въ главную квартиру графъ Остерманъ-Толстой, находившійся въ отставкѣ съ 1810 года, и просилъ Государя принять его въ дѣйствующую армію. Государь воспользовался этимъ случаемъ и назначилъ его на мѣсто графа Шувалова корпуснымъ командиромъ. Барклай-де-Толли чрезвычайно обидѣлся и счелъ такой поступокъ выраженіемъ недовѣрія къ нему. «Ваши вчерашнія письма меня огорчили, отвѣчалъ ему Государь. Какъ могло случиться, что послѣ того, какъ я употреблялъ всѣ старанія, чтобы доказать вамъ мое уваженіе, привязанность и, позвольте прибавить, особенное отличіе (ибо при всякомъ случаѣ оказывалъ вамъ преимущество даже передъ членами моего семейства), какъ могло случиться, что вы находите удовольствіе въ томъ, чтобы быть несправедливымъ ко мнѣ и притомъ въ такое время, когда каждаго должна занимать одна только мысль о спасеніи отечества? Позвольте сказать вамъ: я васъ не узнаю въ этомъ поступкѣ и готовъ объяснить его минутнымъ заблужденіемъ. Самое происшествіе я, надѣюсь, убѣдитъ васъ въ этомъ. Въ то самое время, когда я выѣзжалъ изъ Бес.... (?) мнѣ подали письмо графа Шувалова, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что онъ находится въ такомъ положеніи, тѣлесномъ и душевномъ, что не можетъ начальствовать надъ своимъ корпусомъ, даже не можетъ сѣсть на лошадь и связать двухъ мыслей въ головѣ,

какъ онъ выразился. Нельзя было терять ни минуты времени, а у меня былъ только Остерманъ на лицо, состоя при моей свитѣ съ моего пріѣзда въ Видзы. Я началъ съ того, что послалъ къ вамъ съ Вольцогеномъ подлинное письмо Шувалова, поручивъ объяснить, что, опасаясь ежечаснаго нападенія непріятеля на этотъ корпусъ, я счелъ полезнымъ немедленно послать къ нему Остермана. Я полагалъ, что, прочтя письмо Шувалова, вы поймете, что я очень хорошо поступилъ. Формальности могутъ быть исполнены въ послѣдствіи; во время войны, мнѣ кажется, слѣдуетъ заботиться о томъ, что̀ всего нужнѣе. При свиданіи я намѣренъ былъ вамъ поручить отдать *приказъ*, какъ это обыкновенно дѣлается. Тпеерь я васъ спрашиваю: какое же можно усмотрѣть *недовѣріе* къ вамъ въ моемъ поступкѣ? Могъ ли я предвидѣть, что Шуваловъ заболѣетъ и напишетъ ко мнѣ это письмо? Могъ ли я угадать, что за два дня передъ тѣмъ явится ко мнѣ Остерманъ съ просьбою принять его на службу? Наконецъ, изъ *привязанности* къ приказамъ и обычнымъ формальностямъ, могъ ли я пожертвовать безопасностью корпуса, котораго начальникъ былъ въ такомъ положеніи, что не могъ командовать? Отправляя съ Вольцогеномъ къ вамъ подлинное письмо Шувалова, я именно желалъ объяснить вамъ положеніе дѣлъ такъ же хорошо, какъ оно было мнѣ извѣстно. Вы видите, генералъ, что ваше недовѣріе было совершенно несправедливо въ этомъ случаѣ. Я постараюсь вамъ доказать, что оно также несправедливо и въ отношеніи къ донесеніямъ генерала Эссена. Всѣ донесенія, которыя я получалъ отъ него, я посылалъ къ вамъ. Одно только, въ которомъ онъ говоритъ, что задержалъ нарочнаго Французскаго посланца и отобралъ у него депеши, я отправилъ по принадлежности къ канцлеру. Впрочемъ въ этихъ бумагахъ и не заключалось ничего любопытнаго. Къ чему мнѣ скрывать отъ васъ донесенія генерала Эссена, когда вамъ извѣстны всѣ бумаги Русской имперіи, имѣющія отношенія до военной части? Признайтесь, что это было бы смѣшно. Все это должно васъ убѣдить, генералъ, что я ничего не сдѣлалъ такого, что̀ могло бы показать недовѣріе къ вамъ, и что вы несправедливо меня обвиняете». Эти любопытныя строки об[illegible]чаютъ положеніе дѣлъ, личныя свойства Государя и его главнокомандующаго. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Государь понялъ въ это время не только несостоятельность военныхъ соображеній генерала Пфуля, но и недостатки Барклая-де-Толли въ дѣлѣ командованія большимъ войскомъ. Къ пустымъ придиркамъ, обличавшимъ только формализмъ, совершенно несовмѣстный съ военнымъ временемъ, онъ отнесся не только снисходительно, но съ чувствомъ дружбы, потому что цѣнилъ нѣкоторыя достоинства Барклая и понималъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ невозможно было и думать о его смѣнѣ. Притомъ замѣнить его онъ могъ только Бенигсеномъ, къ которому не имѣлъ довѣрія.

Несмотря на то, что придирки главнокомандующаго первою арміею были мелочны и неосновательны, онѣ вытекали однакоже изъ положенія дѣйствительно-затруднительнаго, въ которое онъ былъ по-

ставленъ. Кто былъ главнокомандующимъ войсками, Государь или Барклай-де-Толли? По закону только что обнародованному *), присутствіе Государя слагаетъ съ главнокомандующаго начальство надъ арміею, развѣ бы отдано было въ приказѣ, что главнокомандующій оставляется въ полномъ его дѣйствіи. Но такого приказа отдано не было, и Барклай имѣлъ не только право говорить въ обществѣ, что командуетъ арміею Государь, а онъ исполняетъ только его повелѣнія, но и заявить въ приказѣ войскамъ, что имъ «приспѣло время, *предводимымъ самимъ Монархомъ*, твердо противустать дерзости и насиліямъ, 20 лѣтъ уже наводняющимъ землю ужасами и бѣдствіями войны». Такое положеніе представляло для него значительныя выгоды, избавляя отъ всякой отвѣтственности за ходъ военныхъ дѣйствій и, можетъ быть, онъ помирился бы съ нимъ, еслибъ оно прямо и рѣшительно было опредѣлено. Но Государь постоянно выставлялъ его, какъ главнокомандующаго, поручалъ ему дѣлать всѣ распоряженія отъ своего имени; а между тѣмъ о всѣхъ сношеніяхъ съ корпусными командирами и начальниками отдѣльныхъ отрядовъ онъ зналъ непосредственно по спискамъ, которые они посылали ему съ отношеній своихъ главнокомандующему одновременно посылаемыхъ, и въ случаѣ нетерпящихъ отлагательства самъ дѣлалъ распоряженія. Государь понималъ затруднительность такого положенія дѣлъ и, оставивъ Свенцяны, писалъ Барклаю-де-Толли: «Такъ какъ всѣ корпуса, генералъ, сближаются къ вашей главной квартирѣ въ Свенцянахъ, то я нахожу полезнымъ не посылать имъ болѣе предписаній непосредственно отъ себя, чтобы они не оказались въ противорѣчіи съ вашими». Но трудно было исполнить такое намѣреніе; обстоятельства были до того важны и требовали коренныхъ измѣненій въ первоначальныхъ предположеніяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ, что, присутствуя на поприщѣ дѣйствій, Государь не могъ не принимать въ нихъ непосредственнаго участія. Въ томъ же письмѣ, выражая заботу о Дохтуровѣ, Паленѣ, Дороховѣ и Платовѣ, онъ заявлялъ, что къ послѣднему онъ отправилъ прямо отъ себя нарочнаго, чтобы знать объ исполненіи данныхъ ему предписаній.

Медленное преслѣдованіе непріятелемъ корпусовъ первой арміи, хотя и разбросанныхъ на значительныхъ пространствахъ, дало имъ возможность соединиться въ Дрисскомъ укр. лагерѣ, не испытавъ значительныхъ потерь. Только Платовъ съ казаками и незначительный отрядъ Дорохова были отрѣзаны и должны были вмѣсто

*) «Учрежденіе дѣйствующей арміи», изданное въ началѣ того же 1812 года. Это основное военное законоположеніе (къ которому не успѣли еще тогда примѣниться), было измѣнено лишь въ 1846 году. П. Б.

первой арміи соединиться со второй. Іюня 26-го Государь прибылъ въ Дрисскій лагерь въ слѣдъ за передовыми частями войскъ. Затѣмъ въ продолженіи трехъ дней собрались въ немъ всѣ войска первой арміи. Но этому крайнему предѣлу отступленія, гдѣ предполагалось стать твердою ногою и встрѣтить рѣшительно нападеніе непріятеля, суждено было сдѣлаться временнымъ только мѣстомъ остановки для сосредоточенія и отдыха войскъ, утомленныхъ быстрыми движеніями.

«Сегодня на разсвѣтѣ я пріѣхалъ сюда, чтобы осмотрѣть нашу позицію, писалъ Государь, въ первый день пріѣзда въ Дрисскій лагерь, Барклаю-де-Толли; я нашелъ ее въ томъ положеніи, какъ ожидалъ: всѣ укрѣпленія окончены, всѣ мосты готовы. Посылаю вамъ диспозицію для аванпостовъ согласованную съ нашими прежними предположеніями и съ тѣми мѣстами, которыя войска, назначенныя въ аванпосты, должны потомъ занять въ самомъ укрѣпленномъ лагерѣ». Эти строки, написанныя послѣ перваго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ лагеремъ, еще не обличаютъ того, чтобы Государь былъ убѣжденъ въ его непригодности. Едва ли онъ и былъ въ этомъ убѣжденъ въ первый день своего пріѣзда въ этотъ лагерь. Всѣ возраженія, которыя до сихъ поръ онъ слышалъ, касались до общихъ предположеній о военныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ конечно этотъ лагерь занималъ самое видное мѣсто, но не противъ устройства этого лагеря, котораго никто изъ передовыхъ военныхъ людей не видалъ. Уклончивыя сообщенія о немъ Клаузевица могли внушить только подозрѣніе Государю, которое онъ желалъ повѣрить общимъ мнѣніямъ. Это общее мнѣніе не замедлило выразиться; а между тѣмъ, въ самый день прибытія Государя въ лагерь, туда пріѣхалъ поручикъ Граббе съ извѣстіями о второй арміи. Барклай-де-Толли, получивъ письма Государя изъ Свенцянъ (отъ 15 и 16 Іюня), выражавшія безпокойства на счетъ движеній Дохтурова и Платова, которые могли быть отрѣзаны отъ первой арміи, и поручавшія ему наблюдать надъ ними и ускорять ихъ, съ перваго же перехода по отступленіи изъ Вильны отправилъ къ нимъ изъ Нѣменчанъ, своего адъютанта поручика Граббе. Онъ поручилъ ему извѣстить ихъ о движеніи первой арміи на Свенцяны и Дриссу и собрать свѣдѣнія объ ихъ положеніи. «Въ туже минуту, говоритъ П. Х. Граббе, я сѣлъ въ готовую повозку одинъ, не взявъ съ собою даже человѣка, въ Миралишкахъ переправился черезъ Вилію, поѣхалъ на Ошмяны и Сморгоны, гдѣ засталъ Дохтурова, передалъ ему приказанія и тотчасъ отправился къ Ольшанамъ, на пути встрѣтивъ П. П. Палена съ кавалеріей. Одушевленіе войскъ, гордившихся своимъ начальникомъ, отражалось на всѣхъ лицахъ, не смотря на утомленіе отъ чрезвычайно усиленныхъ переходовъ, по 60 и 70 верстъ, и безпрерывный холодный дождь, испортившій дороги. Подъѣзжая къ Солешникамъ, я услышалъ вправо перестрѣлку, велѣлъ

ударить по лошадямъ и вскорѣ встрѣтилъ Дорохова съ его отрядомъ. Его положеніе было уже опасно. Свѣдѣнія, мною привезенныя, разрѣшавшія ему отступить на вторую армію, въ случаѣ невозможности соединиться съ первою, расширили его соображенія. Я оставилъ его въ перестрѣлкѣ, поспѣшая къ Платову, и удачно наѣхалъ на его бивуаки въ Бакштахъ. Палатка его разбита была на высокомъ курганѣ, среди обширной равнины, на которой вокругъ него расположены были всѣ шестнадцать Донскихъ его полковъ. Платовъ былъ въ духѣ, принялъ меня привѣтливо и рѣшился сдѣлать переходъ къ Воложину, куда Дороховъ обѣщалъ мнѣ направить свое отступленіе и тамъ ожидать Платова. Передъ выступленіемъ партія Донцевъ захватила офицера и нѣсколькихъ Польскихъ уланъ. Они показали, что посланы въ разъѣздъ отъ авангарда маршала Даву, подъ начальствомъ генерала Пажоля, идущаго на Минскъ. Несмотря на это извѣстіе, Платовъ пошелъ на Воложинъ, но подходя уже близко, вмѣсто отряда Дорохова, увидали мы Французскія батареи. Не оставалось уже средствъ соединиться съ первою арміею, и Платовъ рѣшился отступить на вторую. Онъ показалъ мнѣ отношеніе кн. Багратіона, извѣщавшаго, что онъ почитаетъ движеніе на Минскъ слишкомъ опаснымъ и полагаетъ идти на Бобруйскъ и Могилевъ и искать соединенія съ первою арміею. Чтобы болѣе удостовѣриться въ этомъ, я оставилъ Платова и отправился въ Николаевъ на Нѣманѣ, гдѣ нашелъ гр. Сиверса съ авангардомъ. Кн. Багратіонъ былъ въ Новогрудкѣ. Не желая потерять минуты для сообщенія столь важнаго для общихъ соображеній извѣстія, гр. Сиверсомъ подтвержденнаго, я не поѣхалъ къ кн. Багратіону, а прямо на Минскъ, еще вовсе неувѣренный, проѣду ли».

Положеніе князя Багратіона въ это время было крайне затруднительнымъ и даже опаснымъ. Получивъ первыя предписанія изъ Вильны, онъ разсчелъ свои переходы такъ, «что 23 Іюня его главная квартира могла быть въ Минскѣ, авангардъ далѣе, а партіи уже около Свенцянъ». Вторая армія двигалась по этому пути. Еще не доходя до Слонима, въ м. Сельвѣ, флигель-адъютантъ Бенкендорфъ вручилъ кн. Багратіону (18 Іюня) высочайшее повелѣніе Императора отъ 16 Іюля изъ Свенцянъ, въ которомъ предписывалось ему перемѣнить направленіе и слѣдовать на Новогрудокъ или Бѣлицу и далѣе на Вилейку для соединенія съ первою арміею. «Я и пошелъ, писалъ князь Багратіонъ А. П. Ермолову, хотя написалъ, что невозможно; ибо тамъ уже три (непріятельскіе) корпуса были по дорогѣ къ Минску и мѣста непроходимыя». Кн. Багратіонъ, исполнивъ волю Государя, счелъ нужнымъ однакоже представить свои возраженія противъ предписаннаго ему движенія на Новогрудокъ, въ письмахъ Барклаю-де-Толли; онъ немедленно отправилъ къ нему снова Бенкендорфа, только что возвратившагося въ Видзы изъ своей поѣздки во вторую армію. «Мой путь, говоритъ Бенкендорфъ, былъ уже не безопасенъ. Императоръ не далъ мнѣ никакихъ повелѣній на письмѣ, а поручилъ словесно объясниться съ

ѣхать въ городъ, говоря, что немедленно непріятель войдетъ въ него. Но я не могъ избрать инаго пути и счастливо проѣхалъ Минскъ, за часъ до входа въ него Французовъ. Войска́ кн. Багратіона я нашелъ въ Несвижѣ и сообщилъ ему извѣстіе о занятіи Минска Вестфальскимъ королемъ. Кн. Багратіонъ пріостановился на время въ Несвижѣ, пока его аріергардъ подъ начальствомъ Платова разбилъ непріятельскую конницу. Это сраженіе укротило задоръ Польской кавалеріи и возбудило духъ войскъ. Князь Багратіонъ рѣшился предупредить непріятеля въ Могилевѣ».

Кн. Багратіонъ исполнялъ приказанія Государя, не смотря на всѣ затрудненія, пока было возможно; но онъ не одобрялъ вообще отступленія и не усматривалъ необходимости соединенія съ первою арміею, не имѣя еще свѣдѣній о числѣ непріятельскихъ войскъ. Доказательствомъ можетъ служить его предложеніе сдѣлать диверсію въ герцогство Варшавское. Также смотрѣлъ на дѣло и его начальникъ штаба. «То, что̀ я предвидѣлъ и о чемъ предварялъ ваше величество, писалъ въ это время гр. Сенъ-При Государю, буквально оправдалось. Непріятель, которому нужно было сдѣлать только три перехода, чтобы прервать наши сообщенія съ Минскомъ и съ первою арміею, направился туда съ 60 тыс. войскъ. Непредвидѣнная напередъ переправа черезъ Нѣманъ противъ Новогрудка только замедлила движеніе нашей арміи. Но что̀ увеличило до послѣдней степени затрудненія, такъ это дороги, почти непроходимыя для значительной арміи отъ береговъ Нѣмана почти до самого Воложина, куда мы должны направиться. Ваше величество можете себѣ представить, каково двигаться 50 тысячному войску лѣсомъ по узенькой дорогѣ, не имѣя возможности своротить ни на право, ни на лѣво, къ единственному выходу къ Воложину, гдѣ одинъ полкъ съ четырьмя пушками могъ бы остановить движеніе цѣлой арміи. Платовъ успѣлъ еще во̀ время придти туда, чтобы имѣть возможность отступить; но мы не могли оказать ему помощи, и самая мѣстность не представляла къ тому возможности. По этимъ соображеніямъ и будучи принужденъ отказаться отъ диверсіи полезной для большой арміи, князь Багратіонъ рѣшился идти на Несвижъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, обезпечить свой тылъ и отражать колонны, которыя идутъ на него со всѣхъ сторонъ. Движеніе на Бѣлицу было бы еще затруднительнѣе, потому что пришлось бы проходить подъ огнемъ трехъ колоннъ, которыя идутъ изъ Лиды, Ольшанъ и Сморгонъ. Если бы вторая армія слѣдовала первому плану ея движенія, то она давно бы была въ Минскѣ, и Даву̀ не успѣлъ бы помѣшать ея соединенію съ первою арміею. Но изъ Несвижа мы также можемъ идти на Минскъ, если ваше величество полагаете это нужнымъ, хотя казалось бы лучше, соединившись намъ съ Тормасовымъ, заставить раскаеваться Австрійцевъ и Поляковъ, двинувшихся на Слонимъ. Въ настоящемъ своемъ положеніи онъ можетъ только удерживать Австрійцевъ, опасаясь постоянно, что его могутъ выгнать изъ Волыни возмущенія народныя, между тѣмъ какъ, усиливъ нашу армію частію своей и Молдавскою, мы могли бы нанесть болѣе сильные удары непріятелю, нежели соединившись съ пер-

вою арміею, которая достаточно сильна какъ по количеству, такъ и по положенію и по соединеніи съ которою мы привлечемъ на нее только большее число непріятельскихъ силъ. Мы только что очистили Литву, и она готова уже возмутиться. Если ваше величество хотите сохранить Волынь и Подолію, то единственное средство состоитъ въ томъ, чтобы сосредоточить тамъ значительныя силы и разбить непріятеля, который задумалъ бы туда вторгнуться».

Въ пользу предположеній начальника штаба второй арміи, точно также какъ и князя Багратіона, о диверсіи въ герцогство Варшавское, безъ сомнѣнія можно бы представить много соображеній, если бы было время о нихъ разсуждать и если бы они соотвѣтствовали обстоятельствамъ. Но войска непріятеля уже вторглись въ предѣлы имперіи; быстрымъ движеніемъ къ Вильнѣ они отбросили первую армію къ Двинѣ, а вторую къ Несвижу. Въ то время, какъ графъ Сенъ-При писалъ приведенныя строки, онъ полагалъ еще возможнымъ для второй арміи отъ Несвижа идти на Минскъ; но не прошло и трехъ дней какъ получено извѣстіе о томъ, что непріятель занялъ Минскъ, и князь Багратіонъ вынужденъ былъ повести свои войска на Бобруйскъ. Отдаленіе второй арміи отъ главной квартиры Государя все болѣе и болѣе увеличивалось. Невозможно было входить въ совѣщанія о новомъ планѣ войны въ замѣнъ стараго, упраздненнаго силою обстоятельствъ. Оставалось избрать одно изъ двухъ: или приблизить вторую армію къ первой, или предоставить ея главнокомандующему дѣйствовать по его усмотрѣнію. «Мнѣ кажется, что въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, писалъ графъ Сенъ-При Государю, слѣдуетъ главнокомандующему предоставить право принимать соотвѣтствующія мѣры по его усмотрѣнію. Только въ такомъ случаѣ онъ и могъ бы оправдать довѣріе къ нему».

Въ 1811 году главнокомандующимъ второю арміею предназначался графъ Каменскій. Послѣ кончины молодаго военачальника, неожиданной и преждевременной, за неимѣніемъ лучшаго, назначенъ былъ на это мѣсто князь Багратіонъ. Представители военной у насъ науки въ это время, Пруссаки Пфуль, Вольцогенъ и Клаузевицъ, овладѣвшіе совершенно военными помыслами Барклая-де-Толли и пользовавшіеся большимъ значеніемъ у Государя, считали князя Багратіона неспособнымъ для главнаго начальства самостоятельнымъ войскомъ. Его ославили неученымъ и даже не съ особеннымъ уваженіемъ относившимся къ военной наукѣ въ томъ видѣ, конечно, какъ ее понимали въ это время Австрійскіе и Прусскіе ученые офицеры. Такой взглядъ князь Багратіонъ вынесъ изъ школы Суворова и многолѣтней боевой и славной дѣятельности. Взглядъ же Суворова на эту науку въ томъ видѣ, какъ она выработалась въ это время въ Германіи, совершенно былъ одинаковъ со взглядомъ Наполеона. Но иной взглядъ господ-

ствовалъ у насъ въ это время, и его счелъ нужнымъ увѣковѣчить для памяти потомства собственноручною подписью Барклай-де-Толли, въ инструкціи данной графу Сенъ-При, назначенному, въ качествѣ начальника штаба второй арміи, наставникомъ и руководителемъ князя Багратіона и получившему право независимо отъ него вести переписку съ Государемъ. Образованный, умный, въ тоже время честный и добросовѣстный Французъ, войдя въ близкія отношенія съ своимъ начальникомъ, котораго долженъ былъ руководить, понялъ превосходство его военныхъ дарованій, развитыхъ боевою опытностію, сдѣлался его почитателемъ, и съ увѣренностію писалъ уже въ это время Государю, чтобы онъ не опасался за судьбу второй арміи, ввѣренной такому военачальнику, какъ Багратіонъ. Онъ представлялъ соображенія о томъ, какъ бы слѣдовало дѣйствовать второй арміи при новыхъ обстоятельствахъ, потому конечно, что предписанное ей движеніе на соединеніе съ первою считалъ невозможнымъ, обрекавшимъ ее на гибель неизбѣжную по соображенію всѣхъ вѣроятностей.

Таково было положеніе второй арміи, вынужденной отступать къ Бобруйску, о чемъ первое извѣстіе привезъ въ Дрисскій лагерь поручикъ Граббе, до возвращенія туда Бенкендорфа и прежде нежели Государь получилъ письмо графа Сенъ-При. «Пріѣхавъ въ Дриссу, говоритъ Граббе, я былъ тотчасъ потребованъ къ Государю. На дворѣ мызы имъ занимаемой я нашелъ множество генераловъ. Вошедши же въ комнату Государя, стоявшаго близъ стола, на которомъ была разложена часть столистовой карты Россіи, я увидѣлъ графа Аракчеева и князя Волконскаго. Извѣстія мною привезенныя были новы и неожиданны. Когда я сказалъ, что князь Багратіонъ отказался отъ направленія на Минскъ и пошелъ на Бобруйскъ и Могилевъ, а Давў съ 60 тыс. идетъ на Борисовъ, въ перерѣзъ обѣихъ нашихъ армій, Государь прервалъ меня: «Это не правда, быть не можетъ. Давў здѣсь, противъ меня; а князь Багратіонъ имѣетъ отъ меня другія приказанія». Я отвѣчалъ Государю, что за точность этихъ свѣдѣній отвѣчаю головою, что дѣйствительно часть войскъ корпуса Давў у него взята и направлена къ Дриссѣ; но ему даны другія войска изъ арміи короля Вестфальскаго и другихъ корпусовъ. Потомъ, указавъ пальцемъ на картѣ Борисовъ, я дерзнулъ прибавить, что еслибъ возможность была туда отправить летучій отрядъ въ нѣкоторой силѣ, то непріятель по важности этой точки, на главномъ пути къ сердцу Россіи, почелъ бы его гораздо сильнѣе и дѣйствовалъ бы съ осторожною медленностью, могущею принести пользу для нашихъ общихъ дѣйствій. Государь съ выраженіемъ нетерпѣнія возразилъ однимъ словомъ: *не перелетѣть же!* и отпустилъ меня».

Это извѣстіе конечно должно было смутить Государя, потому что ставило вопросъ о соединеніи двухъ армій въ сомнительное положеніе. Но, не зная, въ какихъ силахъ непріятель окружалъ вторую армію,

онъ надѣялся еще, что посылка Бенкендорфа съ подтвержденіемъ князю Багратіону слѣдовать непремѣнно на Минскъ, измѣнитъ его предположеніе. «Только что я оканчивалъ письмо къ вамъ, писалъ Государь въ это время Барклаю-де-Толли, какъ мнѣ доложили о пріѣздѣ Граббе, который привезъ мнѣ донесеніе Платова. По его словамъ надо предполагать, что Даву̀ съ 60 тысяч. войска направляется на Минскъ и Борисовъ, чтобы проникнуть въ промежутокъ между Двиною и Днѣпромъ къ Смоленску. Досадно, что Багратіонъ такъ медленно и робко подвигается. Испуганный авангардомъ Даву̀, вмѣсто того, чтобы продолжать движеніе на Минскъ и въ тылъ ему, онъ обратился на Несвижъ, и даже по словамъ Граббе, намѣревается идти къ Бобруйску. Я надѣюсь еще, что по пріѣздѣ къ нему Бенкендорфа онъ одумается и направится въ тылъ корпуса Даву̀». Несмотря однакоже на эту надежду, немедленно по выслушаніи извѣстій привезенныхъ Граббе, Государь отправилъ къ князю Багратіону флигель-адъютанта князя Волконскаго съ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что «удаленіе второй арміи на Бобруйскъ крайне будетъ вредно для общей связи военныхъ дѣлъ и дастъ возможность Даву̀ пробраться между Двиною и Днѣпромъ на Смоленскъ. Напротивъ того, еслибъ вы держались прежде даннаго вамъ направленія на Вилейку или, по крайней мѣрѣ, на Минскъ, то очутились бы на флангѣ или въ тылу у Даву̀ и тѣмъ помѣшали бы его движенію. Ваша армія усилена всѣмъ корпусомъ Платова и отрядомъ Дорохова, которые къ вамъ присоединились. Это можетъ составить до 50 тыс. ч. подъ ружьемъ; у Даву̀ не болѣе 60 тыс., и то по надутымъ счетамъ Французской арміи. 50 тысячъ Русскихъ весьма могутъ противустоять 60 т. сборныхъ войскъ. Я еще надѣюсь, что по полученіи моихъ послѣднихъ повелѣній чрезъ Бенкендорфа вы опять обратитесь на прежнее направленіе. Отступленіе же на Бобруйскъ не иначе вы должны предпринимать какъ единственно въ крайнемъ случаѣ».

Но въ такомъ именно положеніи и находилась вторая армія, когда князь Багратіонъ рѣшился на это движеніе: противъ него дѣйствовалъ не одинъ корпусъ Даву̀, но и вся армія Вестфальскаго короля.

Въ день прибытія въ лагерь при Дриссѣ Государь еще считалъ его крайнимъ предѣломъ отступленія первой арміи и потому въ этомъ же рескриптѣ писалъ князю Багратіону: «Мы ожидаемъ черезъ нѣсколько дней рѣшительнаго сраженія. Если Всевышній увѣнчаетъ труды наши побѣдою, то можно будетъ частію войскъ первой арміи дѣйствовать на лѣвый флангъ Даву̀; но для того необходимо, чтобы вы немедленно направились на его правый флангъ. Я въ твердой увѣренности, что вы ничего не упустите, дабы пріобрѣсти Россійскому воинству новую славу и наказать наглаго врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы среди мира и союза, насъ соединявшаго».

Таковъ былъ взглядъ Государя на военныя дѣйствія въ первый день его пріѣзда въ укрѣпленный лагерь при Дриссѣ.

На утро, въ день воспоминанія Полтавскаго сраженія (27 Іюня), отъ его имени былъ изданъ слѣдующій приказъ войскамъ: «Русскіе воины! Наконецъ вы достигли той цѣли, къ которой стремились. Когда непріятель дерзнулъ вступить въ предѣлы нашей имперіи, вы были на границѣ нашей для наблюденія оной. До совершеннаго соединенія арміи нашей, временнымъ отступленіемъ удерживаемо было кипящее ваше мужество остановить дерзкій шагъ непріятеля. Нынѣ всѣ корпуса первой нашей арміи соединились на мѣстѣ предназначенномъ. Теперь предстоитъ новый случай оказать извѣстную вашу храбрость и пріобрѣсти награду за понесенные труды. Нынѣшній день, ознаменованный Полтавскою побѣдой, да послужитъ вамъ примѣромъ! Память побѣдоносныхъ предковъ вашихъ да возбудитъ къ славнѣйшимъ подвигамъ! Они мощною рукою разили враговъ своихъ; вы, слѣдуя по стезямъ ихъ, стремитесь къ уничтоженію непріятельскихъ покушеній на вѣру, честь, отечество и семейства ваши. Правду нашу видитъ Богъ и ниспошлетъ на васъ благословеніе Свое».

Этотъ приказъ, равно и другой, изданный въ тотъ же день и опредѣлявшій порядокъ, какой долженъ былъ соблюдаться въ войскахъ во время пребыванія ихъ въ укрѣпленномъ лагерѣ, показываютъ, что мысль объ его оставленіи, какъ позиціи невыгодной, еще далека была отъ Государя. Между тѣмъ, по мѣрѣ вступленія войскъ, съ нимъ знакомились наши генералы и офицеры, и на всѣхъ онъ производилъ одинаково невыгодное впечатлѣніе. «Мы приближались къ Дриссѣ, говоритъ Шишковъ, гдѣ полагали при укрѣпленіи остановиться и дать бой. Наконецъ пришли. Но каково было мое удивленіе, когда я отъ нѣкоторыхъ искусныхъ и благомыслящихъ людей услышалъ, что мѣстоположеніе сіе скорѣе можетъ послужить въ пользу непріятеля, нежели нашу; говорили даже, что это западня, въ которую всѣ безъ изъятія могутъ быть загнаны и пойманы». Шишковъ, какъ морякъ, не считалъ себя судьею о выгодныхъ или невыгодныхъ мѣстоположеніяхъ для битвы сухопутныхъ войскъ; но замѣчанія, которыя пришлось ему выслушивать отъ людей понимавшихъ дѣло, казались ему основательными и возбуждали въ немъ опасенія. «Тяжкая грусть овладѣла мною», говоритъ онъ, и эту грусть усилило слѣдующее обстоятельство. Въ первый день пріѣзда Государя, ему пришлось ночевать въ одномъ изъ хлѣбныхъ амбаровъ, близъ его квартиры, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ провели ночь Пфуль и его ученикъ въ военныхъ наукахъ и почитатель графъ Ожаровскій. Лежа одинъ подлѣ другаго, они долго разговаривали между собою и хохотали. «Мнѣ досадно было при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились, слышать ихъ такъ усердно веселящихся. Вотъ, думалъ я, неложный знакъ если не зложеланія намъ, то по крайней мѣрѣ равнодушія къ нашему жребію».

На другой день Шишкову, вмѣстѣ съ графомъ Комаровскимъ и Балашовымъ, была отведена особая квартира, верстахъ въ двухъ отъ

государевой. Графъ Комаровскій вмѣстѣ съ Толемъ объѣхалъ весь лагерь, прося его, какъ знатока дѣла, объяснить ему всѣ его выгоды и невыгоды. «Толь, говоритъ онъ, математически доказалъ мнѣ, что если мы дождемся Наполеона въ этомъ лагерѣ, то онъ насъ всѣхъ, какъ говорится, живьемъ возметъ». Таково было общее мнѣніе всѣхъ Русскихъ, считавшихъ этотъ лагерь образцомъ «грубыхъ погрѣшностей ощутительныхъ для каждаго, разумѣющаго это дѣло», какъ говоритъ А. П. Ермоловъ. Но Русскіе весьма осторожно обращались къ Государю съ выраженіемъ своихъ мнѣній въ военныхъ вопросахъ, и довести ихъ до его свѣдѣнія первый рѣшился полковникъ Мишо̀.

Образованный Сардинскій офицеръ, хорошій инженеръ, Мишо̀ въ это время состоялъ начальникомъ отдѣленія при генералъ-квартирмейстерскомъ управленіи въ первой арміи. Осмотрѣвъ съ подробностію Дрисскій лагерь, наканунѣ прибытія въ него Государя, онъ сообщилъ свои замѣчанія князю Волконскому и просилъ довести ихъ до свѣдѣнія Государя. Государь принялъ его лично, выслушалъ всѣ замѣчанія и отправился самъ осматривать лагерь, взявъ его въ свою свиту вмѣстѣ съ генераломъ Пфулемъ. Пфуль старался объяснить значеніе и выгоды укрѣпленій; но, по свидѣтельству очевидца, Государь слушалъ его съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и какъ бы ожидалъ подтвержденія со стороны своихъ спутниковъ; они относились съ полнымъ недовѣріемъ къ объясненіямъ Пфуля и раздѣляли, напротивъ, взгляды полковника Мишо̀. Но рѣзче всѣхъ, съ обычной ему заносчивостію, выражалъ свое порицаніе этому лагерю маркизъ Паулуччи. «Вы найдете Дриссу на картѣ, писалъ своему правительству графъ Местръ, при впаденіи маленькой рѣчки того же имени въ Двину. Тамъ вѣроятно погибли бы Императоръ и имперія, если бы ихъ не спасъ Итальянецъ маркизъ Паулуччи. Онъ рѣшился даже откровенно сказать Государю, что лучше было бы ему поѣхать въ Москву для возбужденія духа, нежели вмѣшиваться въ чуждое для него военное дѣло; что̀ касается до Пфуля, то онъ обходился съ нимъ, какъ съ негодяемъ». Безъ сомнѣнія графъ Местръ сообщалъ эти свѣжія извѣстія своему правительству со словъ самого маркиза Паулуччи, съ которымъ онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Подробности происшествій въ Дрисскомъ лагерѣ ему не могли быть извѣстны въ это время изъ другихъ источниковъ; иначе Местръ не приминулъ бы похвастаться (съ бо̀льшею даже основательностію) и поступкомъ также бывшаго Сардинскаго офицера, полковника Мишо̀. Отзывъ Паулуччи о составителяхъ первоначальнаго плана военныхъ дѣйствій, устроившихъ и лагерь при Дриссѣ, вполнѣ согласенъ съ его личными свойствами и подтверждается его собственнымъ письмомъ къ графу Аракчееву изъ Новгорода. М. Паулуччи считалъ себя начальникомъ штаба первой арміи, между тѣмъ какъ онъ никогда не былъ окончательно

опредѣленъ на это мѣсто, и занимавшій его генералъ Лавровъ не былъ уволенъ. Императоръ желалъ поручить ему исправленіе этой должности, но предоставилъ главнокомандующему окончательное въ этомъ случаѣ рѣшеніе. Конечно, Барклай не хотѣлъ поставить къ себѣ въ самыя близкія отношенія по службѣ человѣка, съ такою рѣзкостью отзывавшагося о первоначальномъ планѣ военныхъ дѣйствій, въ составленіи котораго онъ принималъ столь дѣятельное участіе. Но, или не рѣшаясь прямо выразиться противъ желанія Государя, или откладывая рѣшеніе этого вопроса до личнаго свиданія съ нимъ, онъ поставилъ маркиза въ затруднительное положеніе. Не устраняя его совершенно отъ распоряженій, онъ дѣлалъ однакоже большую часть изъ нихъ помимо его. Такое положеніе вынудило самого маркиза Паулуччи просить Государя во время пребыванія въ лагерѣ при Дриссѣ дать ему другое назначеніе. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ получилъ предписаніе военнаго министра (Барклая) «немедленно» ѣхать въ Новгородъ для формированія шести новыхъ полковъ. Недовольный и раздраженный, онъ уѣхалъ изъ лагеря, не простившись ни съ кѣмъ и еще къ большему своему неудовольствію, по пріѣздѣ въ Новгородъ, узналъ, что это порученіе возложено Государемъ на генерала Клейнмихеля. Это обстоятельство побудило его написать къ графу Аракчееву, тѣмъ болѣе, что Клейнмихель, по его словамъ, получилъ уже «подтвердительное повелѣніе о томъ, послѣдовавшее по отбытіи моемъ изъ арміи». Такое распоряженіе трудно объяснить чѣмъ инымъ, кромѣ ненаходчивости Барклая пріискать назначеніе маркизу и желанія какъ можно скорѣе удалить его изъ арміи. Паулуччи такъ объяснялъ Аракчееву образъ своихъ дѣйствій. «Принявъ въ истинной покорности мѣсто начальника главнаго штаба первой арміи, тогда же съ стѣсненнымъ сердцемъ увидѣлъ я, что я былъ только простымъ исполнителемъ плановъ и распоряженій, совершенно противныхъ понятіямъ моимъ о войнѣ, пріобрѣтеннымъ въ продолженіи 14 кампаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по чувству совѣсти моей, я былъ проникнутъ скорбію, когда увидѣлъ въ службѣ Государя моего *измѣну*, отъ намѣренія-ли, или отъ величайшаго невѣдѣнія происходящую. А между тѣмъ замѣтилъ я, что военный министръ не имѣлъ ко мнѣ той довѣренности, которую по Учрежденію для большой дѣйствующей арміи долженъ имѣть къ начальнику главнаго штаба». Въ доказательство этого недостатка довѣренности къ нему маркизъ приводилъ то обстоятельство, что не только почти всѣ распоряженія дѣлались чрезъ полковника Закревскаго и флигель-адъютанта Вольцогена помимо его, но даже скрывались отъ него, и его прямыя обязанности возлагались на другихъ, напримѣръ, размѣщеніе войскъ въ Дрисскомъ лагерѣ на графа Ожаровскаго. «Итакъ, продолжаетъ Паулуччи, видя, 1-е, что военный министръ не имѣлъ ко мнѣ должной довѣренности, коей по

званію моему и установленію правилъ для большой дѣйствующей арміи я не долженъ былъ лишиться; 2-е, что дѣлаемыя распоряженія были совершенно не согласны съ моими мнѣніями, и 3-е, употребленіе меня сверхъ моей должности даже въ дѣлахъ изнурительныхъ, коимъ здоровье мое соотвѣтствовать не могло, сдѣлано (какъ я полагать долженъ) съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поставить меня въ невозможность продолжать службу, почему я принужденъ нашелся отказаться отъ должности начальника главнаго штаба. А какъ мнѣніе мое о военныхъ дѣйствіяхъ было принято многими генералами, то дабы не сочтенъ я былъ противъ воли моей *начальникомъ партіи*, долженъ я былъ искать увольненія изъ арміи, гдѣ сверхъ того не могъ быть спокойнымъ зрителемъ многихъ дѣлъ противныхъ моимъ мыслямъ». Человѣкъ, рѣшившійся объяснять образъ мыслей и дѣйствій, съ которыми онъ былъ (хотя и основательно) несогласенъ, *измѣною*, и при томъ лицу наиболѣе приближенному къ Государю, конечно могъ и въ частномъ разговорѣ съ нимъ самимъ выразиться такъ, какъ разсказываетъ графъ Местръ. Совѣтовалъ ли онъ Государю оставить армію или нѣтъ, трудно рѣшить утвердительно или отрицательно; но его обхожденіе съ генераломъ Пфулемъ дѣйствительно было таково, какъ говоритъ графъ Местръ. Никто такъ не надоѣдалъ ему своими дерзкими насмѣшками на счетъ его укрѣпленнаго лагеря, какъ маркизъ Паулуччи, свидѣтельствуетъ очевидецъ графъ Комаровскій. «Мы всѣ ходили обѣдать за гофмаршальской столъ; но бѣдный Пфуль пересталъ ходить съ нами, чтобы не быть предметомъ насмѣшекъ. Паулуччи не называлъ этого лагеря иначе, какъ лагеремъ подъ Пирною, гдѣ погибли Саксонскія войска въ семилѣтнюю войну и даже, передавая приказанія генераламъ, онъ, какъ бы нечаянно, такъ «называлъ лагерь подъ Дриссою. Безъ сомнѣнія его отзывы должны были возбуждать сочувствія Русскихъ генераловъ, изъ которыхъ не было, кажется, ни одного, за исключеніемъ графа Ожаровскаго, быть можетъ, кто бы одобрялъ этотъ лагерь». Но едвали можно сомнѣваться, что замѣчанія сдѣланныя Мишо̀ и вѣроятно многими потомъ другими гораздо болѣе подѣйствовали на Государя, нежели дерзкія выходки и насмѣшки маркиза Паулуччи.

Кромѣ разочарованія на счетъ Дрисскаго лагеря Государь, на другой день послѣ прибытія въ него, получилъ подтвержденія привезенныхъ уже поручикомъ Граббе извѣстій о второй арміи. Возвратившійся изъ второй поѣздки флигель-адъютантъ Бенкендорфъ привезъ донесеніе отъ князя Багратіона. Желая исполнить волю Государя и предполагая еще предупредить непріятеля въ Могилевѣ, онъ писалъ однакоже: «Опредѣлить точнаго времени соединенія съ первою арміею не смѣю, поелику удостовѣренъ, что непріятель будетъ преграждать мой путь и безпокоить войска на переходѣ толикаго пространства; но по мѣрѣ силъ второй арміи и усердія слѣдовать мановеніямъ монаршимъ, отражая враговъ, поспѣшу въ точности исполнить волю вашего императорскаго величества». Но, представляя это донесеніе, Бенкендорфъ сообщилъ на

словахъ, что Минскъ уже съ 24 числа этого мѣсяца занятъ Французами. «Это извѣстіе, писалъ Государь Барклаю, заставляетъ меня опасаться, что князь Багратіонъ пойдетъ на Бобруйскъ, и—тогда дорога на Смоленскъ будетъ открыта для Даву! Это обстоятельство вынудило меня принять двѣ мѣры: *первое*, увеличить еще одною или двумя дивизіями войска, составляемыя подъ начальствомъ князя Лобанова, образовавъ ихъ въ мѣстностяхъ, гдѣ непріятель не можетъ помѣшать намъ; съ этою цѣлію я избралъ Петербургъ, Новгородъ, Тверь, Москву, Калугу и Тулу. Я нашелъ всего удобнѣе поручить составленіе этой дивизіи генералу Клейнмихелю, какъ весьма дѣятельному человѣку; впрочемъ у меня не было никого другаго подъ рукою. Для этого я назначаю рекрутъ изъ всѣхъ запасовъ (депо́) второй линіи, присоединяю къ нимъ два полка моряковъ, два баталіона Московскаго гарнизона и всѣ отряды, оставшіеся въ 15 запасныхъ депо̀ первой линіи, изъ которыхъ составляются новые 4 баталіона; потому что эти депо̀ находятся слишкомъ близко къ тѣмъ мѣстностямъ, которымъ можетъ угрожать непріятель, какъ напримѣръ въ Смоленскѣ, и потому что удобнѣе будетъ ихъ образовывать. Чтобы не терять ни минуты и согласно съ мнѣніемъ, которое вы мнѣ выразили, я прямо послалъ приказанія объ этомъ къ князю Горчакову, который управляетъ военнымъ министерствомъ въ ваше отсутствіе. Онъ позаботится о всѣхъ подробностяхъ приведенія въ исполненіе этой мѣры. Въ тоже время я посылаю ему приказаніе и отъ вашего имени, и такимъ образомъ вы въ такое важное для насъ время, будете избавлены отъ значительной переписки, которою на свободѣ могутъ заняться въ Петербургѣ. *Вторая* мѣра состоитъ въ томъ, что я рѣшился издать манифестъ, въ которомъ я возбуждаю народъ истреблять врага всѣми доступными ему средствами, еслибъ онъ проникъ въ его жилища и видѣть въ этомъ подвигъ вѣры. Я надѣюсь, что у насъ въ этомъ случаѣ выразится не менѣе энергіи, нежели въ Испаніи. Когда вы пріѣдете, я думаю, что могу вамъ показать этотъ манифестъ, который еще приготовляется. Въ тоже время я предписываю наборъ рекрутовъ по 5 съ 500 душъ, который долженъ быть произведенъ въ концѣ Августа. Этихъ рекрутовъ я распредѣлю по 18 вновь образуемымъ полкамъ, которые, по мѣрѣ ихъ составленія, будутъ отправляемы въ дѣйствующія войска... Вотъ, генералъ, мѣры, которыя я счелъ полезнымъ принять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Надѣюсь, что вы ихъ одобрите».

При такихъ обстоятельствахъ впервыя выражена Государемъ мысль о народной войнѣ, которая безъ сомнѣнія и прежде входила въ его соображенія, но какъ послѣдняя и крайняя мѣра, равная съ мыслью о неопредѣленномъ отступленіи внутрь страны, хотя бы и за Волгу. Въ то время народная война въ Испаніи постоянно привлекала вниманіе всей Европы. Сначала въ дипломатическихъ бумагахъ называли Испанцевъ измѣнниками и мятежниками; ученые военные люди считали невозможною долгую и упорную борьбу нестройныхъ народныхъ ополченій, дѣйствовавшихъ въ разбродъ и безъ общихъ

соображеній, съ опытнымъ, многочисленнымъ и закаленнымъ въ бояхъ Французскимъ войскомъ. Генералъ Пфуль пріобрѣлъ извѣстность между прочимъ въ Петербургѣ словами: *Испанцы и гдда не будутъ въ состояніи сопротивляться войскамъ*. Слова эти повторялъ онъ съ самоувѣренностію знатока въ военномъ дѣлѣ. Но сопротивленіе продолжалось годы, и ему не предвидѣлось конца. Напротивъ, оно возрастало болѣе и болѣе, конечно при помощи Англійскихъ войскъ; а войска Наполеона погибали въ неслыханномъ количествѣ, платя своимъ уничтоженіемъ за временные и частные утѣхи. Съ изумленіемъ, какъ на явленіе необъяснимое, смотрѣла на эту борьбу Испанскаго народа раболѣпствовавшая предъ Наполеономъ Европа; съ восторгомъ и надеждою смотрѣли всѣ тѣ, которые не мирились съ порабощеніемъ и чаяли избавленія отъ ига. Увлеченіе надеждами на Испанскій народъ доходило до такой степени, что самую войну съ Россіею, которую предпринималъ Наполеонъ, считали диверсіею весьма полезною для того, чтобы отвлечь части его силъ отъ Испаніи и помочь ей исполнить свое призваніе, т. е. нанести окончательный ударъ владычеству Наполеона надъ Европою. «Наполеона возвели на престолъ его войска, говоритъ одинъ современникъ, они одни могутъ и свергнуть. Войска Бонапарта, по свойственному имъ нетерпѣнію, пожелаютъ увидать конецъ войны въ то время, какъ она только что начнется. Надо отдалить цѣль ихъ трудовъ. Они ничего такъ не боятся, какъ народныхъ возстаній противъ нихъ. Надо возбудить къ возстанію народъ. Но гдѣ? Безусловное господство Наполеона въ Германіи обезпечиваетъ ему продолжительное, слѣпое повиновеніе и всѣ способы къ содержанію войскъ. Народъ въ Германіи привыкъ къ его войскамъ и хотя ненавидитъ ихъ, но не считаетъ чуждыми. Италія еще въ худшемъ положеніи въ этомъ отношеніи. Одна только Испанія способна къ народной войнѣ, и всѣ дѣйствія слѣдуетъ соображать съ тѣмъ, чтобы оказать ей наибольшую помощь. Она сокрушитъ могущество Наполеона, возбудивъ противъ него и самый Французскій народъ». Въ этомъ послѣднемъ выводѣ это мнѣніе сходилось съ другимъ, которое полагало, что побѣдить Наполеона можетъ только сама Франція, какъ передовая и первенствующая нація въ Европѣ. Мысль о Русскомъ народѣ, способномъ не хуже Испанцевъ отстаивать свою независимость, никому изъ Европейцевъ не приходила въ голову и поэтому никакимъ вліяніемъ чужеземцевъ не могла быть навѣяна на Государя. Она зародилась въ немъ самостоятельно въ одно и тоже время, какъ и въ Русскомъ народѣ. Смоленская губернія, ближайшая къ нашествію непріятелей, уже волновалась и готова была возстать по первому мановенію.

Сообщая Барклаю о предположенныхъ мѣрахъ, совершенно уничтожившихъ первоначальный планъ военныхъ дѣйствій, Государь снова умалчивалъ о томъ, что его мнѣніе о значеніи Дрисскаго лагеря коле-

балось. Онъ ожидалъ скораго прибытія въ лагерь главнокомандующаго и желалъ его непосредственнаго участія въ рѣшеніи этого вопроса.

По пріѣздѣ Барклая Государь собралъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса: «представляетъ-ли выгоды Дрисскій лагерь, чтобы можно было оставаться въ немъ и ожидать нападенія непріятеля? На этотъ совѣтъ были приглашены Барклай, графъ Аракчеевъ, князь Волконскій, принцъ Георгій Ольденбургскій, полковникъ Мишо и флигель-адъютантъ Вольцогенъ. Очевидно, это совѣщаніе устроено было собственно для Барклая; личный же взглядъ Государя уже достаточно опредѣлился, и Пфуль не былъ приглашенъ: Императоръ желалъ пощадить самолюбіе раздражительнаго Нѣмца. Но вмѣсто него, въ качествѣ его защитника, приглашенъ былъ его сотрудникъ въ этомъ дѣлѣ Вольцогенъ, пользовавшійся одинаково довѣріемъ какъ Пфуля, такъ и Барклая. Открывъ совѣщанія, Государь поставилъ вопросъ для разсужденій и поручилъ полковнику Мишо представить свои замѣчанія объ укрѣпленномъ лагерѣ. Мишо изложилъ уже извѣстныя Государю соображенія, на которыя онъ предложилъ отвѣчать Вольцогену. «Если бы условія, при которыхъ предположено было устроить этотъ лагерь, были приведены въ исполненіе, говорилъ Вольцогенъ, то, не смотря на нѣкоторые недостатки укрѣпленій, въ немъ можно бы держаться и, при началѣ военныхъ дѣйствій, разсчитывая на доказанную храбрость войскъ, ожидать счастливыхъ послѣдствій. Наполеонъ могъ напасть на него съ фронта или перейдя Двину, выше или ниже ея; во всякомъ случаѣ Русскіе, занимая возвышенную и выгодную мѣстность, могли-бы, соображаясь съ движеніями непріятеля, перейти на правый берегъ Свольны и занять выгодную позицію. Но условія, послужившія поводомъ къ избранію мѣста для этого лагеря, состояли во первыхъ въ укрѣпленіи Себежа, въ устройствѣ въ немъ магазиновъ и устройствѣ р. Свольны судоходною; во 2-хъ (а это самое важное) въ предположеніи *численнаго превосходства* Русскихъ войскъ передъ Французскими. Но первое условіе не исполнено; а что̀ касается до втораго, то первая армія состоитъ изъ 100 тыс., а вторая изъ 40, между тѣмъ какъ Наполеонъ перешелъ Нѣманъ по крайней мѣрѣ съ 300 тыс. войскъ. При такомъ отношеніи боевыхъ силъ чрезвычайно трудно предложить какой либо планъ военныхъ дѣйствій, и я могу только совѣтовать продолжить далѣе отступленіе внутрь страны и на первый случай до Витебска, чтобы приблизиться къ южнымъ странамъ Россіи, такъ какъ оттуда можно опять завоевать Сѣверъ, еслибы онъ былъ потерянъ; но не наоборотъ, потому что Сѣверъ не обладаетъ никакими средствами. Что же до того, слѣдуетъ ли немедленно оставить Дрисскій лагерь, то это должно зависить отъ свѣдѣній о движеніи непріятеля и войскъ князя Багратіона».

Сомнительно, чтобы такъ говорилъ свои рѣчи полковникъ Вольцогенъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1812 года, какъ записалъ ихъ 30 лѣтъ спу-

стя послѣ происшествій давно окончившихся, разсказанныхъ многими изъ современниковъ, сдѣлавшихся предметомъ исторіи. Но общій смыслъ его рѣчей долженъ быть такимъ, какъ онъ его передаетъ; потому что онъ обличаетъ совершенное безсиліе доказать превосходство укрѣпленнаго лагеря и опровергнуть доводы его противниковъ, на чтò вызывалъ его Государь. Тѣ условія, при которыхъ Дрисскій лагерь получилъ бы по мнѣнію Вольцогена важное значеніе, еще болѣе доказываютъ его негодность. Безъ сомнѣнія невозможно было ничтожную рѣчку Свольну, впадающую тоже въ незначительную Дриссу, единственно въ половодье годную для сплавовъ, вдругъ превратить въ судоходную рѣку, а безъ этого условія и укрѣпленіе Себежа не имѣло значенія. Еще менѣе возможно было при составленіи плана военныхъ дѣйствій разсчитывать на превосходство нашихъ силъ надъ непріятелемъ. При составленіи такихъ плановъ берутся въ соображеніе не одни благопріятныя обстоятельства, но и неблагопріятныя. Притомъ, если въ это время и ошибались въ соображеніяхъ о количествѣ войскъ непріятеля и были увѣрены въ превосходствѣ по количеству Русскихъ, то для чего же было имъ отступать отъ Двины и прятаться въ укрѣпленный лагерь? Общій смыслъ доводовъ Вольцогена прямо доказываетъ, что онъ признаётъ недостатки воздвигнутыхъ укрѣпленій, стоившихъ однакоже большихъ трудовъ и значительныхъ издержекъ, прямо отказывается отъ первоначальнаго плана военныхъ дѣйствій, обличаетъ безсиліе замѣнить его другимъ и соглашается съ общимъ требованіемъ покинуть этотъ лагерь.

Конечно Государь не ожидалъ выслушать подобныя разсужденія со стороны Вольцогена; но тѣмъ болѣе они должны были убѣдить его въ справедливости мнѣнія людей, осуждавшихъ Дрисскій лагерь. Чтò же касается до Вольцогена, то, выдавая Пфуля и частію самого себя, онъ пріобрѣталъ Барклая, который тоже не считалъ полезнымъ ожидать непріятеля въ Дрисскомъ лагерѣ. Еще до полученія письма отъ Государя изъ Дрисскаго лагеря, Барклай писалъ ему, что быстрое отступленіе производитъ весьма непріятное впечатлѣніе на солдатъ и на Поляковъ. «Неблагонамѣренные изъ нихъ видятъ въ этомъ признакъ нашей слабости и воспользуются этимъ обстоятельствомъ. Впрочемъ, я не понимаю, чтò мы будемъ дѣлать со всею нашею арміею въ Дрисскомъ лагерѣ. При быстромъ отступленіи мы совершенно потеряемъ непріятеля изъ виду и, заключившись въ лагерѣ, мы должны будемъ или со всѣхъ сторонъ ожидать нападенія или выслать сильный корпусъ, чтобы имѣть свѣдѣнія, гдѣ находится непріятель. Я не понимаю также, чтò будетъ дѣлать корпусъ Витгенштейна на правомъ берегу Двины, когда наше вниманіе преимущественно должно быть обращено на движенія непріятеля на лѣвомъ нашемъ крылѣ. Мнѣ кажется лучше не одинъ только корпусъ, но бòльшую часть арміи расположить на лѣвомъ флангѣ внѣ

укрѣпленнаго лагеря, чтобы прогнать непріятеля, который приближается съ этой стороны, или дѣйствовать во флангъ и тылъ тѣмъ его силамъ, которыя направлены противъ князя Багратіона; потому что невозможно предполагать, чтобы непріятель въ одно и тоже время *съ одинаково-превосходными силами* дѣйствовалъ противъ насъ и противъ князя Багратіона. Таково, Государь, откровенное мнѣніе солдата, который твердо рѣшился не вмѣшиваться въ совѣщанія, но умереть за дѣло своего Государя». Спустя два дня, Барклай снова писалъ Государю: «Очевидно непріятель хочетъ, удерживая насъ въ этомъ положеніи, пройти впередъ между Двиною и Днѣпромъ. Я глубоко убѣжденъ, что онъ не нападетъ на насъ въ Дрисскомъ лагерѣ и что мы будемъ вынуждены его отыскивать. Поэтому я считаю необходимымъ, чтобы все было подготовлено къ быстрому движенію. Въ этомъ случаѣ нужны подвижные магазины, чтобы это движеніе не могло быть затруднено. Въ этомъ отношеніи слишкомъ много было потрачено времени въ Вильнѣ на переписки и предположенія. Если бы во̀ время приступили къ дѣлу, то подвижные магазины у насъ были бы готовы, мы отняли бы у непріятеля значительныя средства продовольствія и могли, ничѣмъ не стѣсняясь, дѣйствовать быстро. Тѣ запасы, которые привозятъ намъ изъ Курляндіи, весьма незначительны по численности войскъ, и подводы отъ частыхъ движеній до такой степени пострадали, что и лошади и телѣги никуда уже не годятся. Первая армія достаточно сильна, чтобы удержать позицію передъ Дриссою или напасть на непріятеля откуда бы наименѣе онъ ожидалъ. Но прежде всего необходимо имѣть свѣдѣнія о томъ, гдѣ находится непріятель, и это трудно намъ узнать по недостатку легкой конницы. Чтобы помочь себѣ въ этомъ случаѣ, надо избрать вѣрныхъ людей и послать въ Динабургъ, Полоцкъ и Борисовъ».

Эти выписки изъ писемъ Барклая къ Государю не оставляютъ никакого сомнѣнія, что онъ вовсе не одобрялъ мысли остановить движеніе войскъ, сосредоточить ихъ въ укрѣпленномъ лагерѣ и ожидать нападенія непріятеля. Отказавшись отъ мысли дѣйствовать наступательно на непріятеля, онъ упорно защищалъ другую—дѣйствовать тоже наступательно въ предѣлахъ имперіи, уклоняясь только передъ превосходными силами непріятеля и уступая ему каждый шагъ неиначе какъ съ боя. Очевидно, при такомъ взглядѣ на способъ военныхъ дѣйствій, призванный на совѣтъ Государемъ, Барклай становился не въ ряды защитниковъ Пфуля, которыхъ и не оказалось на этомъ совѣщаніи, лишь только Вольцогенъ выдалъ своего покровителя, чтобы пріобрѣсти себѣ другаго....

ВАЯТЕЛЬ М. И. КОЗЛОВСКІЙ.

Замѣтка по поводу статьи о Боровиковскомъ. („Русскій Архивъ“ 1891 г. № 6).

Suum cuique.

Біографъ славнаго портретиста между прочимъ, говоритъ: „Боровиковскій не былъ особеннымъ баловнемъ Академіи, которая постепенно повышала его, какъ кажется, лишь подъ давленіемъ возраставшей его славы въ обществѣ. Упорство, съ какимъ Академія долгое время отказывала ему въ высшихъ степеняхъ, объясняется несообразностью ея устава, дѣйствовавшаго до 1830 года. По этому уставу портретная живопись считалась родомъ второстепеннымъ, и ни Левицкій, ни Боровиковскій не могли получить званіе профессора. Высокое достоинство портретныхъ работъ Боровиковскаго взяло свое; но на конкурсѣ, за портреты Бутурлиныхъ онъ получилъ все-таки вторую награду наравнѣ съ забытымъ нынѣ пейзажистомъ Мартыновымъ. Первая же награда присуждена была скульптору Козловскому, *не оставившему слѣда въ искусствѣ* (стр. 264).

Если рѣчь идетъ о профессорѣ скульптуры Михаилѣ Ивановичѣ Козловскомъ (а другаго скульптора Козловскаго и не было), то нельзя не признать, что такое категорическое отрицаніе заслугъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ ваятелей, есть только недоразумѣніе. Козловскій не только оставилъ слѣды въ искусствѣ, но его произведенія очень цѣнились и цѣнятся даже до сихъ поръ, чему доказательствомъ служитъ то, что многія изъ нихъ нашли себѣ мѣсто не только въ собраніяхъ художественныхъ вещей у любителей и знатоковъ, но даже въ императорскихъ дворцахъ и въ Эрмитажѣ. Въ подтвержденіе сказаннаго привожу свѣдѣніе о работахъ Козловскаго, написанное роднымъ братомъ его, съ обозначеніемъ, когда онѣ произведены и у кого находятся. Документъ этотъ, любопытный самъ по себѣ, какъ достовѣрное свидѣтельство современника, близкаго къ художнику, взятъ мною изъ бумагъ дѣда моего генерала отъ артилеріи Алексѣя Ивановича Корсакова (См. о немъ „Ист. Вѣстн“. 1884 г. Янв , 139).

„Произведенія покойнаго Академіи Художествъ профессора скульптуры коллежскаго совѣтника Михайла Ивановича Козловскаго.

Число вещей.		Въ которомъ году произведены.
1.	Монументъ князя Италійскаго Суворова, бронзовый, стоитъ на Марсовомъ полѣ........................	1801
2.	Геркулесъ раздираетъ льва, въ Петергофской каскадѣ, бронзовый......................................	1802
3.	Стоящая въ ростъ Екатерина Вторая въ видѣ Минервы, въ Чесменскомъ дворцѣ изъ мрамора................	1785

4. Сидящая въ ростъ Екатерина Вторая, для Мятлева, изъ мрамора........ 1796
5. Группа Екатерины Второй въ видѣ Минервы покровительствующей художества, бронзовая въ половину натуры, въ Академіи........ 1797
6. Геркулесъ на лошади изъ алебастра, въ половину натуры, для Николая Исаевича Ахвердова *)........ 1799
7. Іосифъ Вторый императоръ Римской изъ алебастру на лошади въ половину натуры въ Эрмитажѣ........ 1791
8. Гименей на бракосочетаніи в. к. Константина Павловича, изъ мрамора, въ половину натуры, въ Эрмитажѣ........ 1797
9. Бдѣніе Александра Великаго Македонскаго, въ ростъ, изъ мрамора, въ Михайловскомъ дворцѣ........ 1794
10. Поликратъ, дѣланъ въ Парижѣ изъ алебастру, въ половину натуры для Николая Исаевича Ахвердова........ 1790
11. Пастушекъ съ зайчикомъ, дѣланъ въ Парижѣ изъ мрамора, подаренъ вдовствующей имп. Маріи Θеодоровнѣ. 1789
12. Амуръ спящій, изъ мрамора, подаренъ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ........ 1792
13. Псише изъ мрамора въ натуру, для генерала артилеріи Алексѣя Ивановича Корсакова........ 1801
14. Князь Яковъ Θедоровичъ Долгорукой, изъ мрамора, въ половину натуры, одинъ у графа Строганова, другой у князя Григорія Алексѣевича Долгорукова........ 1796
15. Гипократъ въ натуру, изъ мрамора, въ Михайловскомъ дворцѣ и у князя Юсупова........ 1797
16. Надгробная женская фигура изъ алебастру, въ половину натуры, для генерала Аракчеева........ 1799
17. Надгробная бар. Строгановой, изъ мрамора для кн. Урусова въ двухъ группахъ въ Невскомъ монастырѣ. 1802
18. Карьятиды изъ алебастру въ Павловское, четыре отлито........ 1798
19. Пастушокъ сидящій мраморной для Шкурина........ 1800
20. Бюстъ кн. Григ. Алексѣев. Долгорукаго, изъ мрамора. 1797
21. Бюстъ кн. Якова Θедоровича Долгорукаго, изъ бронзы, у графа Румянцова........ 1799
22. Бюстъ Н. И. Ахвердова изъ алебастру........ —
23. Два барельефа Муцій, и Сцевола, и тріумфъ, фронтонъ Олега, въ Военной Коллегіи, алебастровый........ 1794
24. Барельефъ бронзовый надгробной генералъ-лейтенанту Мелисину, въ Невскомъ монастырѣ........ 1800
25. Два барельефа для князя Бѣлосельскаго, представляющіе Живопись и Скульптуру........ 1802
26. Въ Медицинской амфитеатръ барельефы изъ алебастру пять: 1-е Изъ пятаго блаженства посѣщати немощныхъ, 2-е Милосердіе Самарянина, 3-е Святый Петръ исцѣляетъ хромова, 4-е Прозрѣніе Товія и 5-е Ангелъ отлетаетъ при воззрѣніи Товія........ 1802
27. Въ Медицинскій амфитеатръ, Премудрость награждаетъ достоинства........ —

---

*) Въ подлинникѣ здѣсь и ниже написано Афердова. Это произношеніе указываетъ на Малороссійское происхожденіе братьевъ Козловскихъ. П. Б.

28. Филоктетъ и пастушекъ оригинальные, работаны въ Парижѣ, у генерала А. И. Корсакова.............. 1789
29. Ахилесово воспитаніе Центавромъ, оригинальное произведеніе, въ Парижѣ, у генерала А. И. Корсакова..... 1795
30. Амуръ и Венера бронзовые, у генерала А. И. Корсакова. 1799
31. Свѣтлѣйшаго Потемкина надгробная, оригинальная, Персей избавляетъ Андромеду, оригинальная, у генерала А. И. Корсакова........................... 1795
32. Время открываетъ Правду, оригинальная, у генерала А. И. Корсакова.................................. 1795
33. Группа снятіе со креста и Марія Магдалина........ —
34. Анатомія лежачая, съ натуры, въ Римѣ, алебастровая, у Львова.. —
35. Двѣ фигуры мраморныя, представляющія Вѣчность и Миръ, въ Мраморномъ дворцѣ..................... —
36. Два барельефа изъ мрамора Регулъ и Камиллъ, въ Мраморномъ дворцѣ.......................... —
37. Аяксъ защищаетъ Патроклово тѣло, Тезей кабана убиваетъ, Геркулесъ льва давитъ .... —
38. Монументъ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ... —
39. Монументъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ........ —

Сіи послѣднія работы произведены были братомъ моимъ во время моего изъ Петербурга отсутствія, и слѣдовательно я не могъ знать, въ которыхъ годахъ дѣланы. Кромѣ сихъ многія и другія есть работы. Академія Художествъ должна быть извѣстна *).

*

Читая этотъ длинный перечень изваяній Козловскаго, можно ли сказать, что онъ *не оставилъ слѣда въ искусствѣ*?

Списокъ живописныхъ работъ В. Л. Боровиковскаго, приводимый г-омъ Горленко, я могу пополнить двумя отличнѣйшими портретами, находившимися въ музеѣ отца моего, которому они достались, если не ошибаюсь, отъ его родителя вышеупомянутаго А. И. Корсакова, имѣвшаго богатое собраніе картинъ и другихъ художественныхъ произведеній. Портреты эти—одинъ архіепископа *Ѳеофилакта Русанова*, другой—*графа Аракчеева*. Ѳеофилактъ изображенъ въ черномъ клобукѣ съ алмазнымъ крестомъ на шеѣ, въ рясѣ оливковаго цвѣта, съ панагіей и звѣздой, а Аракчеевъ въ мундирѣ Преображенскаго полка, сколько помнится, безъ всякихъ орденовъ.

А. Корсаковъ.

С. Капустино
Серпуховскаго уѣзда.

---

*) М. И. Козловскій, воспитанникъ, пенсіонеръ и профессоръ Академіи Художествъ, род. 26 Окт. 1753, ум. 16 Сентября 1802 года. П. Б.

БУМАГИ ПРОТОІЕРЕЯ МОСКОВСКАГО АРХАНГЕЛЬСКАГО СОБОРА ПЕТРА АЛЕКСѢЕВА *).

Въ борьбѣ бѣлаго духовенства съ чернымъ, которая имѣла столь важное значеніе во внутренней исторіи нашей церкви и которая до сихъ поръ, кажется, не была еще предметомъ особаго изслѣдованія, видное мѣсто занимаетъ ученый протоіерей Московскаго Архангельскаго собора (изъятаго изъ непосредственнаго вѣдѣнія Московской духовной власти) Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ (1727—1801), катехизаторъ (т. е. профессоръ богословія) Московскаго Университета, членъ Россійской Академіи, авторъ многихъ историческихъ розысканій, до сихъ поръ цѣнныхъ, и составитель большаго „Церковнаго Словаря". Въ „Русскомъ Архивѣ" уже было напечатано нѣсколько выдержекъ изъ его бумагъ, сохранившихся у его потомковъ (свѣтскаго званія). Читатели оцѣнятъ нижеслѣдующія, за сообщеніе которыхъ мы обязаны Алексѣю Николаевичу Корсакову. П. Б.

1.

27 Сентября 1789 г. Петръ Алексѣевъ отправилъ къ секретарю Императрицы А. В. Храповицкому письмо іеромонаха Моисея о взятіи Очакова и «Примѣчаніе о Сѵнодальной Конторѣ». Съ этихъ документовъ онъ оставилъ у себя списокъ, и на немъ прибавилъ:

«Сего нѣтъ въ письмѣ» (т. е въ письмѣ его къ Храповицкому).

1) Когда предъ служеніемъ литургіи прикладывается архіерей ко св. иконамъ, въ то время не дозволяетъ прикладываться сослужащимъ архимандритамъ и протоіереямъ, чего напредъ сего не бывало. 2) Въ высокоторжественные дни сошедшимся для отправленія молебна архимандритамъ и пр. не дозволяетъ митрополитъ Московскій въ большомъ Успенскомъ соборѣ ризницы свои и драгоцѣнныя шапки по древнему обыкновенію въ алтарѣ на степеняхъ горняго мѣста (раскладывать), но, выгоня ихъ изъ алтаря, приказываетъ ризницы раскладывать на помостѣ церковномъ въ темныхъ предолтаріяхъ, гдѣ отъ народа опасно въ соблюденіи драгоцѣнной утвари въ цѣлости и опрятности.

*) См. его біографію, помѣщенную нами въ Русскомъ Архивѣ 1880 г. (кн. 2-я), а также „Выдержки изъ бумагъ Петра Алексѣева", тамъ же 1882, кн. 2-я, (стр. 68). А. К.

Очевидно, вышеприведенныя строки написаны отцемъ протоіеремъ для памяти, чтобы при случаѣ, если встрѣтится надобность, включить въ одно изъ своихъ донесеній, въ предосужденіе дѣйствій митрополита Платона.

2.

О перепискѣ Волтеровой съ принцессой, т. е. съ Ея Императорскимъ Величествомъ, разсужденіе безпристрастное. Полное собраніе сочиненій Волтера, изданное отъ Бомарше, состоитъ въ 69 томахъ, изъ коихъ 67-й заключаетъ въ себѣ означенную переписку. *Оная переписка производилась въ такое время, когда этотъ осмидесятилѣтній старикъ старался своими во всей Европѣ жадно читаемыми сочиненіями прославить Россію, унизить враговъ ея и удержать дѣятельную вражду своихъ соотчичей, желавшихъ тогда распространить повсюду язвительную злобу противъ отечества нашего, въ чемъ онъ и предуспѣлъ.* Слѣдовательно, *письма въ такомъ видѣ и намѣреніи* къ Волтеру *писанныя не относятся ни ко вреду церкви, ни отечества.* При чемъ надлежитъ уважить и то еще обстоятельство, что старикъ, знаніями и дарованіями своими прославившійся, былъ историкъ, и изъ единственной любви и привязанности къ отечеству полезно было имѣть его доброжелателемъ Россіи, для того и продолжалася съ нимъ переписка невинная. А есть-ли кто предубѣжденъ злобою на едину изъ переписывавшихся персону, а особливо на фаворитку Волтерову, то можно ему противоположить вышеописанные резоны.

NB. Есть именной указъ Ея Императорскаго Величества къ Петру Дмитріевичу Еропкину 87 года, чтобъ запрещенныя книги отдать подъ сохраненіе Сѵнодальной Конторы до будущаго императорскаго предписанія.

О поводахъ къ этой замѣткѣ Петра Алексѣева см. Русск. Арх. 1882 г., кн. II, стр. 73—74. Слова, напечатанныя курзивомъ, принадлежатъ Екатеринѣ и взяты Петромъ Алексѣевымъ изъ письма ея къ Храповицкому (который, видно, сообщалъ его въ Москву протоіерею Алексѣеву) отъ 17-го Сентября 1789 г. (см. Р. Арх. 1872 г., стр. 2090).

3.

Милостивый государь мой Александръ Васильевичъ!

Когда война съ наружными отечества нашего непріятельми еще не утихла, въ то время очень вредно, чтобъ внутри онаго тлилася хитрымъ образомъ искра, могущая воспламенить пожаръ междоусобія.

Чрезъ сіе я разумѣю тлетворныя семена суевѣрства, въ другое время мало уважаемыя, а при нынѣшнихъ обстоятельствахъ заслуживающія вниманіе благоучрежденнаго правительства, дабы они не произвели плодовъ себѣ подобныхъ или зловреднѣйшихъ.

Нѣсколько лѣтъ навѣдывался и примѣчалъ я за находившимся здѣсь въ часовнѣ Иверскія иконы іеромонахомъ Мельхиседекомъ и усмотрѣлъ, что всѣ его предпріятія клонятся къ смущенію церковному и къ подрѣзыванію жилъ свѣтскаго могущества, да еще и подъ защищеніемъ предпріимчиваго и многонадежнаго начальника.

Для того, по особенному моему усердію къ церкви и отечеству, внушилъ я напередъ сего чрезъ господина прокурора Сѵнодальной Конторы Петра Васильевича Гурьева Московскому архіепископу (что нынѣ митрополитъ), чтобъ уничтожить зародышъ имѣющаго открыться зла въ самомъ его началѣ, то есть удалить онаго суевѣрнаго старца Мельхиседека отъ той часовни и отъ Москвы.

Преосвященный долго отговаривался предлогомъ корыстолюбія, а именно, что тотъ Мельхиседекъ доходъ 4000 рублей своимъ проныр-ствомъ возвысилъ до 10.000 рублей въ каждый годъ въ пользу монастыря Перервина; напослѣдокъ, услышавъ отъ господина прокурора Гурьева, что онъ намѣренъ о семъ рапортовать оберъ-прокурору Сѵнодскому, принужденъ того Мельхиседека перевести изъ часовни, однако сдѣлалъ его настоятелемъ особыя пустыни, недалеко отъ Москвы отстоящія. Тѣмъ не только не пресѣкъ способъ тому ханжѣ производить свои суевѣрства, но еще далъ лучшій поводъ принимать къ себѣ новыхъ гостей, его почти обожающихъ, да и самому ему пустосвяту въ Москву въѣзжать безпрестанно, ночи проводить въ домѣхъ обывательскихъ, а паче у женщинъ, и распространять часъ отъ часу болѣе странное свое ученіе.

Ревность о благѣ общемъ принудила меня протестовать письменнымъ донесеніемъ (съ котораго при семъ прилагаю точную копію) на онаго обаянника Московскому архіерею, въ надеждѣ получить благодарность отъ его преосвященства за предостереженіе худыхъ слѣдствій. Но владыко нашъ, прочитавъ оный извѣтъ на его свата (поелику Мельхиседекова дочь съ большимъ приданымъ выдана за роднаго митрополичьяго племянника), вмѣсто ожидаемой благодарности, кричалъ на меня по своему обыкновенію, приговаривая между прочимъ: 1) я-де прикажу изслѣдовать въ Консисторіи, гдѣ ты будешь таскаться года два-три по сему дѣлу; 2) что будто я заслужилъ гнусное имя доносчика; 3) утверждалъ, что вольно ему Мельхиседеку исповѣдывать мірскихъ людей, ибо-де монашествующіе напредъ сего бывали духовниками у великихъ государей, не только у простыхъ мірянъ; 4) для чего ты Мельхиседека назвалъ старцемъ, онъ уже строитель пустыни; 5) что тебѣ дѣла, что выставливаютъ на улицу иконы, ибо-де я отвѣчаю за это, а не ты и пр. Я, на всѣ эти пункты учиня учтивѣйшимъ образомъ основательный отвѣтъ, наконецъ услышалъ

происходящія изъ устъ его преосвященства многія мнѣ угроженія, которыхъ хотя и не боюся въ дѣлѣ, по чистой моей совѣсти, для общаго блага воспріятомъ, но какъ консисторскіе судьи, большею частію монашествующіе, не по примѣру благоучрежденныхъ училищъ опредѣляются и отрѣшаются, но единственно по архіерейскому своенравію, то непремѣнно, защищая митрополичьяго свойственника, будутъ мнѣ чинить всякія притѣсненія.

Въ таковыхъ обстоятельствахъ долженъ я буду по порядку отозваться въ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, гдѣ также главнѣйшіе и сильнѣйшіе члены изъ монашествующаго духовенства, усердно защищающаго черноризцевъ въ силу древней Русской пословицы: воронъ ворону гла̀за не выклюнетъ.

Того ради ваше превосходительство покорно прошу при благовременномъ случаѣ доложить о семъ Ея Императорскому Величеству: не соблаговолено ли будетъ поручить сіе о ханжѣ Мельхиседекѣ дѣло для справедливаго изслѣдованія его высокопревосходительству главнокомандующему здѣшнему генералу и кавалеру Петру Дмитріевичу Еропкину обще ставропигіальнаго Донскаго монастыря съ архимандритомъ Аввакумомъ, яко иностраннымъ, притомъ разумнымъ и Московской епархіи не подчиненнымъ мужемъ, а по доказательномъ мною чрезъ достовѣрныхъ свидѣтелей уличеніи, онаго суевѣрнаго старца Мельхиседека безъ всякой огласки удалить изъ Москвы, куда заблагоразсуждено будетъ и тѣмъ пресѣчь по видимому не великое, но въ самой вещи вредительнѣйшее зло, распространяющееся на многихъ, даже благородныхъ обоего пола людей, аки обвороженныхъ и слѣпо вступающихъ въ Мелхиседековщину.

Если паче чаянія сія бумага не благоугодна явится предъ лицемъ Премудрыя нашея Монархини, но я останусь съ душевнымъ спокойствіемъ, исполняя долгъ вѣрноподданнаго. Впрочемъ съ искреннимъ почтеніемъ пребуду и пр.

Таковое письмо отправлено къ его превосходительству на почтѣ Ноября 22 числа 1789 года.

Подавая въ 1789 году Платону извѣтъ на іеромонаха Мельхиседека, Алексѣевъ заканчивалъ его словами: „Сіе мое извѣщеніе произошло отъ нелицемѣрнаго усердія къ вашему высокопреосвященству и клонится единственно къ предосторожности вашей, дабы таковой епархіи вашего преосвященства умножающійся безпорядокъ не дошелъ до свѣдѣнія Святѣйшаго Сѵнода, а кольми паче до Высочайшаго слуха". (Рус. Арх. 1880, кн. II, 191). Петръ Алексѣевъ вслѣдъ затѣмъ откровенно и прямо говоритъ Храповицкому, что онъ донесетъ о безпорядкахъ по Московской епархіи Синоду, а его Храповицкаго проситъ довести о нихъ до свѣдѣнія Императрицы.

4.

Декабря 2 дня увидѣвшися со мною Иванъ Ивановичъ Павловъ у меня въ домѣ, сказывалъ, что смѣна Мельхиседеку изъ часовни Иверской воспослѣдовала по настоянію прежняго главнокомандующаго графа Захара Григорьевича Чернышова. Графинѣ А. Р. Чернышовой весьма хотѣлось обрюхатѣть и родить сына или дщерь отъ графа, и какъ она нѣкогда объявила свое желаніе нѣкоторымъ женщинамъ, между коими была и жена богатаго купца Савинова, ученица и проповѣдница Мельхиседекова, (то) она графинѣ сказала, что это одинъ можетъ сдѣлать Мельхиседекъ своими молитвами. Графиня позвала его къ себѣ уединенно и просила его, чтобъ онъ исходатайствовалъ ей отъ Бога плодъ чрева. Мельхиседекъ ей отвѣчалъ, что онъ это сдѣлаетъ; точію, какъ она испорчена, то прежде ей надобно полѣчиться отъ порчи, на что и далъ ей лекарства-воды намѣшанной, чтобъ она умывалася, да елей изъ лампады Иверскія иконы, чтобъ мазалася. Она, исполняя наставленіе Мельхиседеково, вымазалася тѣмъ лампаднымъ елеемъ.... Мужъ, ощутивъ зловоніе горѣлаго масла отъ жены своей, удивился и спрашивалъ ее, что̀ это значитъ? Она, отговариваяся разными образы, напослѣдокъ сказала, что въ часовнѣ у Иверской находящійся старецъ далъ ей то изъ лампады масло вымазаться для чадородія, и она вымазалася. Графъ, какъ несуевѣрный человѣкъ, спрашивалъ архіерея Московскаго о семъ старцѣ и требовалъ отъ него, чтобъ перевести его изъ той часовни, что̀ и воспослѣдовало. NB. Сіе Павловъ разсказывалъ при протодіаконѣ Михайлѣ Алексѣевѣ.

Остается сожалѣть, что изъ замѣтокъ и разсказовъ Петра Алексѣева не видно, что̀ за человѣкъ былъ самъ Павловъ, имѣвшій возможность знать разговоры графини Чернышовой, веденные ею наединѣ, какъ съ Мельхиседекомъ, призваннымъ „уединенно", такъ и съ ея супругомъ, надо думать, тоже безъ свидѣтелей.

5.

О призывѣ въ Консисторію.

Декабря 3 дня 1789 года прислана ко мнѣ въ домъ записка таковая: «Въ Московскую Духовную Консисторію явиться каѳедральнаго Архангельскаго собора протоіерею Петру Алексѣеву сего Декабря 4 числа послѣ литургіи. Декабря 3 дня 1789 года». На подлинной пишетъ: «Секретарь Иванъ Виноградовъ. Канцеляристъ Петръ Ильинъ». 4 числа послѣ обѣдни посылалъ я въ Консисторію псаломщика Ивана Васильева къ секретарю консисторскому, что есть ли время мнѣ взойти предъ собраніе? Секретарь сказалъ, что пусть изволитъ придти.

Итакъ въ началѣ 12 часа по утру, пошелъ я въ Консисторію. Пришедъ въ подъяческую, скинулъ шубу и пошелъ въ лѣтней рясѣ. Пришедъ въ секретарскую, спрашивалъ....... [1]), время ли мнѣ войти въ судейскую? Онъ отвѣчалъ: извольте. Пришедъ въ судейскую, сказалъ консистористамъ: можно ли мнѣ съ вами похристосоваться? [2]) Они отвѣчали: можно. И я пошелъ цѣловаться съ правой стороны съ архимандритомъ Савинскимъ Нектаріемъ и съ двумя протопопами: Покровскимъ и Казанскимъ; потомъ съ лѣвой стороны: съ протопопомъ Срѣтенскимъ и игуменомъ Крестовоздвиженскимъ.

Потомъ я говорилъ, что, шедши по лѣстницѣ, усталъ; не прикажите ли мнѣ дать стула? Они приказали подать вторагo члена кресла, который тогда не присутствовалъ, архимандрита Боровскаго.

Потомъ приказано было читать секретарю Виноградову дѣло. Сперва онъ прочелъ резолюцію его преосвященства на моемъ донесеніи: «Консисторіи разсмотрѣть указнымъ порядкомъ». Послѣ того въ Консисторіи сдѣланная выписка изъ законовъ читана, какъ должно подавать доношенія; напослѣдокъ, заключено, чтобъ протоіерей Архангельскій подалъ особливое доношеніе съ показаніемъ времени и лицъ, гдѣ и когда Мельхиседекъ производилъ свои суевѣрства? Потомъ сказано, чтобъ Мельхиседекъ никого къ себѣ на духъ не принималъ ни въ Москвѣ, ни въ Екатерининской пустыни и въ Москву бы не ѣздилъ изъ той пустыни, кромѣ сего дѣла по Консисторіи и чтобъ жительство имѣлъ въ монастырѣ, отъ Консисторіи назначенномъ. Въ томъ же консисторскомъ опредѣленіи предписано, чтобъ я подалъ вышеозначенное особливое доношеніе etc. Я, выслушавъ все оное, сказалъ: Мнѣ отвѣчать въ Консисторію по сему дѣлу не слѣдуетъ для того, что архіерей по прочтеніи моего донесенія грозилъ мнѣ, что будто я долженъ таскаться по сему дѣлу въ Консисторію чрезъ три года и прочія чинилъ мнѣ угроженія. А какъ консисторскіе члены зависятъ единственно отъ воли его преосвященства, то я сими судіями не могу быть доволенъ, яко норовящими свату архіерейскому, а отзываюся на разсмотрѣніе Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, который опредѣлитъ членовъ по сему дѣлу, не подчиненныхъ Московскому митрополиту. Потомъ, изъясняясь политичнымъ образомъ съ членами Консисторіи, говорилъ я: Не примѣтили ли вы во мнѣ какого неучтивства? Я, кажется, обходился съ вами самымъ вѣжливымъ образомъ. И сіе выговоривъ, вышелъ изъ собранія.

---

[1]) Два слова не разобрано, такъ какъ бумага истлѣла.

[2]) Т. е. привѣтствовать ихъ цѣлованіемъ, какъ это принято у лицъ духовныхъ.

Тутъ порядокъ не наблюденъ; ибо надлежало спросить Мельхиседека: Сколько онъ имѣетъ дѣтей духовныхъ обоего пола? Дѣлалъ ли онъ суевѣрства въ доношеніи показанныя, развратилъ ли онъ семейства въ Москвѣ etc. А если бы онъ въ допросѣ заперся, тогда бы слѣдовало взять отъ меня доказательство обстоятельное и проч. Въ томъ же опредѣленіи консисторскомъ предписано Мельхиседеку на духъ къ себѣ мірскихъ лицъ не принимать (видно, что онъ признался въ приниманіи на исповѣдь): то бы и надлежало во всѣ монастыри Московской епархіи (послать) запрещеніе, дабы монашествующіе отнюдь не принимали къ себѣ на духъ мірскихъ людей, особливо женскаго пола, кромѣ великія нужды. А великая нужда есть, когда человѣкъ близъ загороднаго монастыря занеможетъ къ смерти и желаетъ сподобиться таинствъ спасительныхъ; въ такомъ случаѣ дозволяется іеромонаху исповѣдовать и причастить болящаго; а естьли тотъ человѣкъ выздоровѣетъ, то долженъ паки возвратиться къ правильному своему духовнику, и монаху здраваго его не принимать на исповѣдь, въ противность правилъ церковныхъ и государственныхъ узаконеній.

Второй призывъ меня въ Консисторію предъ собраніе, при Савинскомъ и Боровскомъ архимандритахъ и при двухъ протопопахъ Срѣтенскомъ и Казанскомъ, воспослѣдовалъ Генваря 28 числа 1790 года, а что̀ тогда происходило, о томъ записано подъ тѣмъ числомъ въ моемъ журналѣ обстоятельно *).

6.

Къ господину Храповицкому второе.

Отправленное мною на имя вашего превосходительства минувшаго мѣсяца 22 числа письмо и при немъ копія съ донесенія здѣшнему митрополиту поданнаго мною же для келейнаго его разсмотрѣнія о противныхъ церкви и вредныхъ отечеству поступкахъ суевѣрнаго старца Мельхиседека, дошли ли до свѣдѣнія Всемилостивѣйшей нашей Государыни Императрицы и что̀ по сему дѣлу воспослѣдовало, я нанахожусь въ недоумѣніи, между страхомъ и надеждою. Ибо сего Декабря 3 дня, призвавъ меня въ Московскую Духовную Консисторію на испытаніе, приказывали мнѣ подать о томъ суевѣріи, давно самому преосвященному извѣстномъ, формальное доношеніе съ показаніемъ имянъ свидѣтелей при комъ что̀ дѣлалося, съ тѣмъ видно умысломъ, дабы прежде времени можно ихъ или отвести, или уговорить, или за-

---

*) Въ бумагахъ, бывшихъ у насъ, не найдено. Судя по послѣднимъ словамъ, можно думать, что Петръ Алексѣевъ велъ еще особый журналъ.

дарить, или застращать, а тѣмъ самымъ затмить истину въ пользу архіерейскаго свата.

Таковаго доношенія подавать въ Консисторію возбраняютъ мнѣ важные резоны, изъ коихъ нѣкоторые упомянуты въ прежнемъ моемъ къ вамъ письмѣ, другіе жъ сами собой откроются. Почему я тогда въ Консисторіи и отозвался къ Святѣйшему Правительствующему Сѵноду. Теперь же слышу, что, за ревность мою о благѣ общемъ и за вѣрность къ моей Всемилостивѣйшей Государынѣ, возстала на меня вся власть темная, ковъ составляютъ и простираютъ сѣти къ моей погибели. Для отвращенія оной и дабы не предварилъ меня преосвященный своимъ въ Св. Сѵнодъ представленіемъ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство доложить по прежнему моему письму Ея Императорскому Величеству, а если вамъ неугодно или не можно, то дозвольте мнѣ употребить особое средство къ извѣщенію высочайшаго слуха о дѣлѣ и его слѣдствіяхъ толикія важности, какую я не безъ причины воображаю. Авось либо тутъ откроется магнитизмъ или другаго рода шарлатанство. Въ ожиданіи на сіе благосклоннаго вашего соотвѣтстія пребуду и пр.

P. S. Если прежнее мое письмо осталося по сіе время безъ всякаго дѣйствія, покорно прошу оное сокрыть отъ свѣдѣнія тѣхъ лицъ, коимъ знать о немъ не должно. (Ибо хотя не имѣю счастія пользоваться личнымъ вашимъ знакомствомъ, но въ разсужденіи довѣренности Ея Величества вашей особѣ по дѣламъ такова роду, я не воображаю, чтобъ чрезъ васъ преданъ былъ.... на жертву злобнымъ моимъ гонителямъ) *).

7.

Къ отцу-духовнику отъ 6 Марта 1790 г.

Очи всѣхъ бѣлыхъ священниковъ на тя уповаютъ. Вступися, милостивый отецъ, въ ихъ бѣдное состояніе; постарайся, дабы они не преданы были въ всеконечное рабство черноризцамъ, которые уже существенную пресвитеровъ должность въ Москвѣ на себя восхищаютъ, т. е. исповѣдуютъ, причащаютъ, елеемъ освящаютъ, въ домовыхъ церквахъ литургисуютъ и заклинательныя молитвы надъ обуреваемыми отъ злыхъ духовъ по Требнику читаютъ и, видно, къ тому ведутъ, чтобъ однимъ выборнымъ мнихомъ быть у мірскихъ, особливо у нарочитыхъ людей, духовниками, въ противность правилъ святыхъ, Духовнаго Регламента и порядка церковнаго. Правда, что ихъ защи-

*) Чтò находится въ скобкахъ, то въ письмѣ Алексѣева зачеркнуто; точки поставлены вмѣсто неразобраннаго слова.

щаютъ сильныя лицы, которыя говорятъ: «вить іеромонахъ также посвященъ, какъ и ты; да и у великихъ государей напредъ сего бывали духовники изъ монашествующихъ». А какъ подъ сими словами много подразумѣвается, для того я, сію матерію нѣсколько объяснивъ, на разсмотрѣніе вашего высокопреподобія подношу при семъ *). Если оная удостоится вашей апробаціи, покорно прошу употребить ее въ дѣйство, или обратно переслать ко мнѣ, вашему послушнику, съ повелѣніемъ: что̀ должно мнѣ чинить по сему дѣлу, я все то готовъ исполнить въ силу вашего наставленія, которое благоволите, хотя словесно, приказать чрезъ Ѳ. П. Ремизова. Въ ожиданіи вашего благосклоннаго на сіе отзыва съ нелицемѣрнымъ почитаніемъ пребуду и пр.

Послано на почту съ Иваномъ Марта 21 дня 1790 года.

8.

Къ зятю Петру Андреевку.

Любезный Петръ Андреевичъ!

Недавно я свѣдалъ, что архіерей приказалъ отъ Виноградова Мельхиседсково дѣло взять Вешнякову, то сдѣлай мнѣ одолженіе, закинувъ какое либо постороннее дѣло, съѣзди къ Виноградову и обстоятельно развѣдуй—для чего сіе сдѣлано? Не взялъ ли архіерей подозрѣнія на Виноградова и что̀ по сему дѣлу теперь происходитъ въ Консисторіи и меня увѣдомить, дабы я могъ взять приличныя мѣры, я же есмь... Внизу рукой Алексѣева приписано: «Онъ 11 числа Апрѣля явился и вывелъ меня изъ сумнѣнія».

9.

Къ Ремизову.

Вмѣсто того, чтобъ пересылать къ вамъ здѣшніе гостинцы, только утруждаю васъ коммиссіями въ надеждѣ на ваше ко мнѣ давнишнее благопріятство. Я недавно по причинѣ Мельхиседекова дѣла послалъ къ духовнику Ея Величества при письмѣ разсужденіе, что монашествующимъ не должно принимать къ себѣ на духъ мірскихъ людей, особливо женщинъ, кромѣ великія нужды, которое разсужденіе доказано правилами отеческими, Духовнымъ Регламентомъ и благоустройствомъ церковнымъ, а какъ отъ отца-духовника не надѣюся получить письменнаго на сіе соотвѣтствія—апробовалъ ли онъ сіе разсужденіе или нѣтъ, то и прошу васъ, государя моего, покорно справиться о семъ самолично съ его высокопреподобіемъ и, примѣтя его обо мнѣ отзывъ, увѣдомить меня, вашего послушника, дабы я впредъ безошибочно могъ

*) Объясненія этого въ бумагахъ нѣтъ.

поступать съ тою особою, которую много почитаю и увѣренъ о его ко мнѣ благосклонности.

15 Апрѣля 1790 г.

Ѳ. П. Ремезовъ, унтерщталмейстеръ, вѣроятно общій знакомый духовника императрицы Екатерины Памфилова и Алексѣева.

10.

Къ Версвкину.

Послѣднія 9 тетрадей съ надписаніемъ на поляхъ выносокъ и подлинникъ Фр(анцузскій) къ вамъ при семъ посылаю. Покорно прошу въ бытность вашу въ Петербургѣ рекомендовать меня, вашего послушника, почтеннымъ людямъ, а кому именно и какъ, это зависитъ отъ вашего благоразумія, о Мельхиседекенщинѣ же доложить преосвященному митрополиту Новгородскому, что принужденъ вынаружить оную не по частной какой либо причинѣ, но единственно по усердію къ Церкви Святой и по ревности къ общему благу; что Мельхиседеку дѣлается доселѣ понаровка къ продолженію самыхъ грубыхъ суевѣрствъ и что онъ въ прошедшій великій постъ исповѣдовалъ извѣстную мнѣ госпожу и, отслужа въ приходской церкви обѣдню, самъ ее причащалъ. Сіе ведетъ за собою противныя Церкви слѣдствія. Разсужденіе, что монашествующимъ не должно быть въ Москвѣ духовниками, доказанное правилами и Духовнымъ Регламентомъ, вы слышали, будучи у меня въ домѣ; а какой отъ его высокопреосвященства будетъ отзывъ, меня увѣдомить чрезъ почту, такъ какъ и мнѣ пиша къ вамъ, гдѣ отдавать письма и какъ надписывать, прошу дать наставленіе. Я же съ своей стороны никогда не отрекуся отъ налагаемыхъ мнѣ вами письменныхъ трудовъ, точію бы въ честь и славу вашего имени, котораго вѣчнымъ почитателемъ пребудетъ и пр.

Отъ 22 Апрѣля 1790 г.

Дѣйств. ст. сов. Михайло Ивановичъ Веревкинъ, также какъ и Петръ Алексѣевъ, былъ членомъ Россійской Академіи и извѣстенъ многоразличными переводами съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ, въ чемъ, какъ видно, помогалъ ему Петръ Алексѣевъ.

11.

Давно почитаемый мною Петръ Ивановичъ!

Я чрезвычайно обрадовался, услыша отъ сына, что достоинство въ особѣ вашей награждено чиномъ штатскаго совѣтника, съ чѣмъ васъ, государя моего, усердно поздравляя, желаю, дабы услышать мнѣ въ непродолжительномъ времени прибавленіе къ титлу вашему *дѣй-*

ствительнаго. Впрочемъ съ непремѣняемымъ почитаніемъ пребуду вашего высокородія послушникъ.

П. И. Кошелевъ былъ предсѣдателемъ Московской Уголовной Палаты, а сынъ Петра Алексѣева Өедоръ служилъ ассесоромъ въ Гражданской Палатѣ; другой сынъ Николай—въ л.-гв. Измайловскомъ полку.

12.

Колычеву.

Покорно прошу возвратить тѣ бумаги, кои чрезъ Лаконина вамъ были доставлены для удовлетворенія вашего любопытства, ибо у меня не осталося копіи съ нихъ, яко на-черно писанныхъ и неусовершенствованныхъ; а какъ дополню и по надлежащему исправлю оныя, то можете, естьли вамъ угодно, исправныя отъ меня получить, такожъ и другія матеріи вниманія вашего не недостойныя. Впрочемъ съ отличнымъ почитаніемъ пребуду и пр.

Августа 1 дня 1790 г.

Михайло Петровичъ Колычевъ былъ Московскимъ губернскимъ прокуроромъ, назначенный въ эту должность по настоянію Московскаго главнокомандующаго кн. Прозоровскаго (Дневн. Храповицкаго, стр. 333). Бумаги, которыя Петръ Алексѣевъ послалъ къ нему, „для удовлетворенія его любопытства", касались масоновъ и Новиковскаго кружка, о которыхъ отецъ протоіерей строго выслѣживалъ для донесенія начальству, въ то время ими занятому. Одна изъ этихъ бумагъ, которую Петръ Алексѣевъ называетъ „Историческимъ Извѣстіемъ", напечатана нами въ „Русск. Архивъ" 1882 г. кн. II, стр. 76 подъ № 10.

11.

Къ оберъ-прокурору А. И. Мусину-Пушкину.

Въ угодность вашего превосходительства представляю при семъ вѣрный списокъ съ дверцевъ, которыя напредъ сего были при царскомъ старинномъ мѣстѣ, что̀ въ Московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ. Не прогнѣвайтеся, что не очень чисто и съ.... *) написано; причина тому предшествовавшіе неисправные переписчики, которые не умѣли подъ титлами рѣченія ставить, такъ и принужденъ я наскоро исправнѣе переписать.

14.

1794 года Генваря 8 дня показывалъ мнѣ Сѵнодальной Конторы прокуроръ Л. И. Сѣчкаревъ ордеръ (или указъ), присланный изъ Петербурга отъ Св. Правительствующаго Сѵнода за рукой оберъ-проку-

---

*) Означенное точками не разобрано.

рора А. И. Мусина-Пушкина, коимъ предписано, чтобъ достовѣрно и въ скоромъ времени справиться о великихъ Четьи-Минеяхъ Макарьевскихъ, имѣющихся въ библіотекѣ большаго Успенскаго собора, изъ коихъ источниковъ почерпалъ онъ преосвященный митрополитъ всея Россіи Макарій запасы, составляющіе 12 миней его, и оные отыскивать въ двухъ библіотекахъ, т. е. въ Сѵнодальной и Типографской и что̀ найдется, представить въ Св. Синодъ для донесенія Его Императорскому Величеству.

15.

Августѣйшая Монархиня Всемилостивѣйшая Государыня!

Искренно любя и высоко почитая Святую Церковь, отечество и Матерь Отечества, писалъ я нижепоименованный къ отцу духовнику Вашего Императорскаго Величества, что безмѣстно разглашаются въ здѣшней столицѣ нововымышленныя изъ корыстолюбія чудеса и восписываются древнимъ митрополитамъ Россійскимъ Кипріану и Фотію, почивающимъ въ большомъ Успенскомъ соборѣ болѣе 300 лѣтъ.

А какъ церковь съ государствомъ сопряжена тѣснымъ союзомъ, то я и не могъ удержаться, чтобъ всеподданнѣйше не возвѣстить вашему Императорскому Величеству о нижеслѣдующемъ.

Ложныя чудеса прекращать есть долгъ Святѣйшаго Сѵнода, а предусматривать слѣдствія таковыхъ чудесъ, дабы не во вредъ государству обратилися, Всевышній предоставилъ благоразумію самодержавной власти. Для того изъ прежнихъ опытовъ примѣчая расположеніе здѣшней необузданной черни, также нарочито сусвѣровъ и ханжей, опасаюся, чтобъ какой либо злодѣй не подхватилъ того чудесничества ко исполненію своихъ вредоносныхъ намѣреній и не открылъ бы паче чаянія подобной трагедіи, какова по несчастію случилася въ прошломъ 71 году у Варварскихъ воротъ, надъ которыми образъ Пресвятой Богородицы, именуемый Боголюбскія, оглашенъ тогда чудотворнымъ для исцѣленія якобы отъ моровой язвы, а въ самомъ дѣлѣ оказалося̆, что зломыслящими мятежниками назначено было то мѣсто для скопу легковѣрной черни. Непріятное къ воспоминанію происшествіе!

Но извѣстно всѣмъ, что Успенскій соборъ уважается больше Варварскихъ воротъ; притомъ Ивановская колокольня, гдѣ въ старину набатомъ стрѣлецкіе и раскольническіе бунты начинались, недалеко отстоитъ отъ собора, а народу собирается иногда по ночамъ до 5000 человѣкъ въ Кремлѣ. Чтоже, естьли еще и плевельные властолюбивыхъ духовныхъ разговоры приложатся и сухому хворостію огнь подложатъ?

---

*) Что́ въ скобкахъ, то у Алексѣева зачеркнуто.

Дай Боже, чтобъ сіе отъ искренняго усердія происшедшее домышленіе было несобытнымъ и народное, въ разсужденіи новоявленныхъ чудотворцевъ, изступленіе не превратилось бы въ неистовое изувѣрство (фанатизмъ); въ противномъ случаѣ, порохъ вспыхнувшій тушить уже поздно.

Впрочемъ я всенижайшій ничьего умысла по сіе время не разведалъ, точію кромѣ того, что Успенской протоіерей, будучи Сѵнодальный членъ, присутствующій въ здѣшней Сѵнодальной Конторѣ, братъ родной преосвященному митрополиту Московскому, паче сватъ извѣстному здѣсь обаяннику Мильхиседеку *), недавно началъ тщательно приноравливаться ко вкусу суевѣрнаго простонародія и внѣдряться всячески въ любовь ханжей и ханжихъ, какъ-то торжественнымъ посвященіемъ новаго покрова... а чрезъ то хитрымъ чудесъ обнародованіемъ, четками съ притворнымъ вздохомъ перебираемыми и прочими народоласкательными предпріятіями и неподобающими ему отъ проповѣдниковъ Слова Божія требованіями, чтобъ, обратясь къ нему, сѣдящему у св. трапезы, близъ царскихъ вратъ, говорили: «за благословеніемъ высокопреподобнѣйшаго отца, протопресвитера Александра Георгіевича», чего въ нашей православной церкви никогда не бывало. Онъ же нынѣшняго года, представляя Святѣйшему Сѵноду на соборянъ Благовѣщенскихъ и Архангельскихъ не отправлявшихъ ночные молебны предъ Успеньевымъ днемъ (имъ же протоіереемъ самовольно уставленные) намекаетъ нѣчто подозрительное и опасное «яко бы отъ того выходитъ въ народѣ молва и немалый ропотъ, даже нѣкоторые и вопіютъ» и проч., требуя, чтобы народъ удовольствовать и успокоить. Таковые замахи ничего добраго не предвѣщаютъ. Но какъ сіе дѣло относится къ Августу мѣсяцу, то и есть довольно времени поправить оное, а чудеса съ новооткрытыми въ соборѣ молебствіями притомъ не терпятъ времени.

Для того я, всенижайшій, совѣсть свою облегчая, по долгу присяги, о семъ заблаговременно писать дерзаю и всепокорнѣйше прошу Ваше Императорское Величество, дабы не предать меня немощнаго старца въ руцѣ сильнаго монашествующаго духовенства. *А я пою Богу моему* небесному и земному дондеже есмь. Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйшій слуга и богомолецъ Петръ, протоіерей Архангельскій.

Москва. Ноября 1795 года.

17.

1796 года Генваря 3 дня коллежскій совѣтникъ, первой части приставъ, Александръ Алексѣевичъ Семеновъ, пришелъ въ Архангельскій соборъ и наединѣ объявилъ мнѣ, что вчерашняго числа пришелъ имянной Ея Императорскаго Величества указъ отъ оберъ-прокурора Сѵнодальнаго А. И. Мусина Пушкина къ здѣшнему конторскому прокурору господину Сѣчкареву, по которому велѣно въ скорости изслѣдовать о новыхъ по Успенскому собору чудесахъ при гробницахъ древнихъ митрополитовъ Кѵпріана и Фотія, тамъ почивающихъ, яко-бы бываемыхъ. Я къ нему Семенову обѣщался быть въ домъ и обстоятельно о семъ поговорить.

18.

Записка.

Сего 1799 года Генваря 17 числа, въ проѣздъ Архангельскаго протоіерея Петра Алексѣева чрезъ Спасскіе ворота, часовой гранодеръ остановилъ его лошадей на мосту, норовя схватить съ головы его шапку, яко-бы за штрафъ, что ѣхалъ онъ тогда подъ Спасскою башнею въ шапкѣ, объявляя, что имъ часовымъ о томъ яко-бы приказъ есть отъ своихъ командировъ, чему онъ протоіерей чрезвычайно удивился, зная подлинное сему обряду основаніе. Когда великіе государи Россійскіе живали въ Кремлѣ, тогда Кремль почитали дворомъ царскимъ, и подданные должны были при входѣ въ Кремль и выходя изъ онаго снимать съ головъ шапки, особливо, когда еще изъ царскихъ чертоговъ видны были Спасскіе вороты до застройки придѣловъ Вознесенскаго монастыря. (Коему обычаю послѣдуютъ и доднесь холопы, входя на господскій дворъ безъ шапокъ). Но нынче, какъ нѣтъ въ Москвѣ императорскаго присутствія, то и нѣтъ резону принуждать людей, а паче въ зимнее время, обнажа головы, проходить длинные тѣ Спасскіе вороты; понеже надъ ними не имѣется ни церкви, ни другой какой святыни, кромѣ часовщика съ его семействомъ, не заслуживающихъ такого уваженія, чтобы подъ ними ходить всѣмъ людямъ безъ шапокъ даже и въ лютѣйшіе морозы. А потому и неуповательно, чтобъ военная команда поставляла къ воротамъ часовыхъ для отобранія шапокъ, какъ гранодеръ о томъ объявлялъ ему протоіерею при постороннихъ случившихся тогда послухахъ.

Естьли бы внутри тѣхъ воротъ заключалася которая святыня подобно священному храму, то не должно бы проходить сквозь ихъ ни лошадямъ, ни другой животинѣ, да и солдатамъ въ шляпахъ, а гранодерамъ въ шапкахъ, какъ наблюдается во святыхъ церквахъ Бо-

жіихъ. Образъ Спасовъ, на внѣшней странѣ тѣхъ вратъ имѣющійся, конечно требуетъ отъ православныхъ христіанъ должнаго почтенія, но почтенія добровольнаго, а на принужденнаго; ибо Жиды, Магометане и другихъ исповѣданій Христіане, коихъ число имѣется въ Москвѣ не малое, не покланяются честнымъ иконамъ, по срывать съ нихъ шапки за сіе стражамъ, поставленнымъ для недопущенія озарничествъ, есть непристойно. Лучше не пускать ихъ въ тѣ вороты, предварительно давъ знать, что сквозь оные позволено проходить людямъ безъ шляпъ и шапокъ, такъ какъ въ Римѣ установлено и обнародовано по одной святой лѣстницѣ входить и сходить на колѣнахъ, а не ступать обыкновеннымъ шагомъ, что́ и наблюдается отъ людей набожныхъ самолично или чрезъ наемныхъ, во оставленіе грѣховъ, а прочихъ къ тому не приневоливаютъ.

Есть, можетъ быть, въ народѣ и такая молва, что имѣющаяся на тѣхъ вратахъ надпись заключаетъ въ себѣ яко-бы проклятіе людямъ, проходящимъ сквозь ихъ въ шапкахъ, но сіе народное умствованіе есть ложно; ибо та надпись, изображенная Римскими письменами, показываетъ: когда, при коемъ государѣ и какимъ именно архитекторомъ построены Кремлевскія башни, а болѣе ничего. Такожъ и другія старинныя повѣсти о безшапочномъ сквозь сіи врата прохожденіи недостойны вѣроятія.

Побудительною причиною къ продолженію сего часовыхъ поступка можетъ почесться корыстолюбіе, какъ напредъ сего явно оказалось; ибо тотъ же протоіерей, нѣкогда проѣзжая изъ Кремля тѣми воротами, усмотрѣлъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ, стоявшихъ предъ часовымъ и со слезами умолявшихъ его объ отдачѣ шапокъ, кои съ нихъ были имъ сорваны и въ печуру побросаны. Протоіерей, сжаляся на нихъ, просилъ того часоваго о томъ же; но онъ, ничему не внимая, требовалъ выкупу, то есть нѣсколько денегъ на свѣчи къ образу Спасову, да себѣ на часы. А какъ тѣ крестьяне недавно изъ Галича пришли въ Москву для прокормленія своею работою и денегъ при себѣ не имѣли, часовой же между прочимъ сказалъ, что такъ приказано ему отъ командира, то протоіерей, возвратясь паки въ Кремль, объявилъ о семъ безпорядкѣ дежурному капитану г. Оленину, который тотчасъ послалъ унтеръ-офицера, чтобъ смѣнить того часоваго и шапки немедленно возвратить крестьянамъ. А распрося его, узналъ, что онъ чинилъ то по условію съ церковниками, въ часовнѣ свѣчи продающими, и штрафными деньгами корыстовались вообще. За что приказалъ его наказать по воинской регулѣ при собраніи роты, на страхъ прочимъ. Съ того времени прекратилося было сіе озарничество, а желательно, чтобъ и никогда не возникло.

19.

NB. Помнить о крылошанкахъ монастырей женскихъ, которыя сверхъ штата учреждены архіереемъ Московскимъ во отягощеніе штатнымъ монахинямъ. Они же въ праздникъ Рождественскій посылаются по дворамъ обывательскимъ славить Христа, дѣвокъ по десяти и болѣе, къ соблазну народному и къ предосужденію монашескаго чина, въ противность Духовнаго Регламента.

20.

Максима Каѳоликоса выгналъ отсюда Московскій митрополитъ за то, что онъ сталъ въ Москвѣ служить обѣдни, не доложася его святѣйшества; но Каѳоликосъ имѣлъ дозволеніе отъ Св. Сѵнода о священнослуженіи здѣсь; да и Московскій митрополитъ ему прежде позволилъ было, но послѣ пожалѣлъ дачъ денежныхъ, къ Максиму, а не къ нему доходящихъ, выговаривалъ ему чрезъ переводчика, почему онъ и удалился отсюда въ Астрахань, гдѣ ему жить съ немалою свитою дешевлѣ.

21.

Даниловскій архимандритъ сказывалъ мнѣ въ придѣлѣ большаго Успенскаго собора, передъ молебномъ, что привезли изъ Ростова тѣло умершей тамъ и отпѣтой жены купца Савинова сюда въ Москву въ Даниловъ монастырь, и нарочно гробъ открыть, чтобъ Мельхиседекъ ее разрѣшилъ отъ грѣховъ, а безъ его разрѣшенія яко-бы она состоитъ подъ запрещеніемъ.

Еще требовалъ отъ него архимандрита архіерей Московскій іеромонаха Мельхиседека именемъ (?) и вопрошалъ: «умѣетъ ли онъ ханжить?»—Архимандритъ сказалъ: «я не знаю».—«То-то, говоритъ архіерей, вить мнѣ потребенъ ханжа такой же, какъ Екатерининской пустыни строитель: смотри, какъ онъ устроилъ ту пустыню, любо дорого смотрѣть, а вѣдь не инымъ чѣмъ, какъ ханжествомъ».

22.

Придворному діакону Павлу Н.

За письмо ваше, что отъ 23 Октября, благодарствую. Книгу поберегите до времени у себя въ цѣлости. Ежели, видя анекдотъ мой у отца-духовника, примѣтили вы его ко мнѣ благоволеніе, то приложенное здѣсь къ нему же писаніе прошу подать его высокопреподобію почтенно; въ противномъ же случаѣ удержите оное у себя и меня

увѣдомьте пріятельски, чего отъ васъ ожидая, пребуду навсегда съ непремѣняемымъ доброжелательствомъ. П. п. Арх.

Двора Ея Императорскаго Величества честнѣйшему священнодіакону Павлу Николаевичу Поморцеву.

Прибавокъ къ духовникову письму.

П. п. Сегодня я достовѣрно свѣдалъ, что протоіерей Успенской, служа литургію въ церкви Замоскворѣцкаго сорока имянуемой Всѣхъ Скорбящихъ Радости, Октября 24 числа, въ самый праздникъ Богородичнаго образа, священника тамошняго, идущаго сказывать проповѣдь, удостоивъ по обычаю архіерейскому облобызать сперва напрестольный крестъ, а послѣ того свою.... *) десницу, приказалъ ему нѣчто тайно, а самъ сѣлъ въ креслахъ, близъ св. трапезы у царскихъ вратъ съ четками. Священникъ, приступая къ надлежащему предложенію слова, говорилъ, обратяся къ образу Пресвятыя Богородицы: *О всепѣтая Мати....* и проч., потомъ.... *За молитвъ высокопреподобнѣйшаго отца протопресвитера Александра Георгіевича* и проч. Викарій Московскій Серапіонъ епископъ послѣ, призвавъ благочиннаго того сорока, выговаривалъ ему: «для чего ты допустилъ священника сказывать такія необычайныя привѣтствія протоіерею Успенскому?» Благочинный отвѣчалъ, что онъ, предварительно осматривая сію проповѣдь, такихъ рѣчей въ ней не видалъ. Смотрите, куда гордость стремится!

Отъ того жъ 1 Ноября.

23.

О раструбахъ на посохѣ архіерейскомъ.

Обрядамъ священнослуженія и облаченію архіерейскому положены предѣлы въ печатномъ Чиновникѣ архіерейскаго служенія, изъ которыхъ предѣловъ не позволено никому выступать; но не въ давнемъ времени примѣчено, что Московскій архіерей на свой пастырской посохъ навѣшиваетъ тафтяное знамя изъ двухъ раструбовъ состоящее, на которыхъ вышитъ гербъ Россійскій двоеглаваго орла подъ императорскою короною со скипетромъ и державою, и такое на посохѣ знамя, неприличное смиренію святительскому, возятъ иногда по улицамъ столичнаго града Москвы вершники архіерея предъ его каретою, къ соблазну народному, а особливо старообрядцевъ и къ предосужденію высочайшія власти, чего не осмѣливалися чинить ни святѣйшіе патріархи Всероссійскіе. Даже ни одного такого знамя или штандарта не видно въ патріаршей ризницѣ, что̀ надлежитъ всеконечно запретить: ибо новизна всякая есть нетерпима въ церкви, кольми паче дерзновенное восхищеніе знаковъ царскихъ духовной особѣ. Притомъ, сей примѣръ

*) Неразобрано.

Московскаго архіерея заразитъ не только епархіальныхъ, но и безмѣстныхъ архіереевъ и, впредъ утвердяся долговременностію, почтется непремѣняемымъ [1]...

NB. Сѵнодальный членъ преосвященный Димитрій митрополитъ Новгородскій года мѣсяца числа [2]), отправляя въ высокоторжественный праздникъ [3])... въ большомъ Успенскомъ соборѣ молебенъ и усмотря, что пôсошникъ служащаго тогда обѣдню епископа Грузинскаго Филимона держитъ на палкѣ странное нѣкое знамя, призвавъ меня къ себѣ, приказалъ, оное снявъ, сжечь на алтарномъ горнѣ и впредъ таковыхъ необычайныхъ сулковъ навѣшивать на пôсохи архіерейскіе запретилъ и самъ, будучи первенствующій Св. Сѵнода членъ, ихъ никогда не употреблялъ.

24.

Княжнѣ Е. Ѳ. Мещерской.

Находясь я съ 22 числа сего мѣсяца боленъ, безпокоюся, дабы послѣдній сынъ мой Николашка, яко нигдѣ не опредѣленный, въ случаѣ кончины моей, не достался въ неріязненныя руки на жертву, для того всепокорно прошу ваше сіятельство оказать свойственную душѣ вашей милость—пріобщенное здѣсь письмо и прошеніе къ графу Н. И. Салтыкову при рекомендаціи вашей препроводить чрезъ почту и тѣмъ меня вашего почитателя матерински облагодѣтельствовать.

25.

Къ Николаю Ивановичу Салтыкову, графу.

Свѣдавъ, что вашея особы отмѣнное достоинство награждено высокомонаршимъ пожалованіемъ графа Россійской Имперіи купно съ вашими любезнѣйшими потомками, приношу вашему графскому сіятельству всеусерднѣйшее мое поздравленіе, сердечно желая и непрестанно моля Господа Бога, да продолжитъ дражайшее здравіе и благоденствіе ваше и вашей многопочитаемой мною фамиліи на множество лѣтъ. При семъ нижайше прошу, по милости вашего сіятельства, опредѣлить сына моего Николая во ввѣренный вашему сіятельству лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, какимъ чиномъ заблагоразсуждено будетъ, и пашпортомъ до совершеннаго возраста его пожаловать, я же къ вѣчной благодарности обязаннымъ, покамѣстъ живъ, пребуду. Съ благоговѣйнымъ высокопочитаніемъ вашего графскаго сіятельства, милостиваго государя, всенижайшій слуга и богомолецъ. П. п. А.

---

[1]) Неразобрано.

[2]) Числа не поставлены.

[3]) Неразобрано.

П. А. КОВАЛЕВЪ.

Одинъ изъ Русскихъ дѣятелей въ Прибалтійскомъ краѣ.

Умершій коммиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ въ Дерптѣ, Павелъ Аѳанасьевичь Ковалевъ, принадлежалъ къ числу немногихъ, горячихъ и убѣжденныхъ Русскихъ людей въ Прибалтійскомъ краѣ, которымъ успѣхъ Русскаго дѣла, проведеніе и укрѣпленіе Русскихъ началъ были кровно-близки и неразрывно связаны со всею ихъ дѣятельностью.

Покойный происходилъ изъ дворянъ, въ занятой нашими войсками Болгаріи, въ одномъ изъ округовъ юнаго Славянскаго княжества, исправлялъ должность высшаго чиновника по финансовому вѣдомству и заслужилъ тамъ, доходившую до обожанія, любовь Болгарскаго населенія за свою неподкупную честность и привѣтливость къ простолюдинамъ. Необычайно-энергичный, подвижной и беззавѣтно-отдававшійся своему любимому дѣлу, Ковалевъ не умѣлъ отступать, входить въ сдѣлки, мирволить или отказываться отъ своей роли защитника людей беззащитныхъ.

Лучшіе годы молодости и лучшія свои силы онъ посвятилъ Русскому дѣлу на нашей Прибалтійской окраинѣ, преимущественно въ Ригѣ, гдѣ онъ служилъ въ Казенной Палатѣ. Его стараніями и усиліями, вмѣстѣ съ другими дѣятелями, возникло и устроилось Третье Рижское Общество Взаимнаго Кредита, такъ хорошо развившееся впослѣдствіи. Имъ же написанъ «Проектъ Устава Рижскаго Общества Ревнителей Русскаго Драматическаго Искусства», которое имѣло «цѣлью устройство спектаклей любителей для ознакомленія публики съ Русскою драматическою литературою и для доставленія ей пріятнаго и полезнаго развлеченія, а со временемъ и постояннаго театра». Имъ былъ выработанъ уставъ Рижской Ремесленной Артели, создавшейся съ цѣлью прiисканія членамъ ея занятій, развитія Русской промышленности и ремеслъ и оказанія вспомоществованія нуждающимся членамъ артели, ихъ вдовамъ и сиротамъ. Въ благодарность за горячія, безпрерывныя старанія и заботы объ устройствѣ и открытіи ея, артель поднесла П. А. Ковалеву адресъ и званіе своего почетнаго члена

(1870 года 20 Ноября). Нѣкоторое время Ковалевъ былъ и головою этой артели.

Въ началѣ 1870 г. Рижскіе жители, возмущенные извѣстнымъ адресомъ Лифляндскаго дворянства, вознамѣрились подать съ своей стороны контръ-адресъ. По испрошеніи соизволенія генералъ-губернатора приступлено было къ сбору подписей. Въ одинъ день подписалось до 1000 чел. самостоятельныхъ и извѣстныхъ лицъ; но въ это время противная сторона употребляла всякія усилія воспрепятствовать намѣренію Русскихъ жителей. Тутъ дѣйствовали: полиціймейстеръ Плато, вице-губернаторъ фонъ-Кубе, управлявшій Лифляндской Казенною Палатою фонъ-Грейгъ и другія, стоявшія во главѣ администраціи лица Нѣмецкаго происхожденія. Къ сожалѣнію, губернаторъ Лизандеръ и правитель канцеляріи генералъ-губернатора, Жилинскій, отнеслись къ контръ-адресу несочувственно. Сборъ подписей былъ пріостановленъ на нѣкоторое время, а адресъ сохранялся до нѣкоторыхъ поръ безъ движенія. Но между тѣмъ десятки тысячъ жителей были готовы во всякое время возобновить свою просьбу, чтобы разъ навсегда избавиться отъ ненавистнаго средневѣковаго, феодальнаго гнета. Обыватели, безъ различія національности и исповѣданія, пламенно желали полнаго объединенія съ Русскою семьею. Вотъ этотъ адресъ:

«Его превосходительству господину Прибалтійскому генералъ-губернатору, генералъ-лейтенанту, генералъ-адъютанту Петру Павловичу Альбединскому.

«Свершившіяся многочисленныя преобразованія и реформы, ознаменовавшія нынѣшнее царствованіе и обновившія весь строй и складъ общественной и государственной жизни нашего отечества, показали уже, какъ велико благодѣяніе, вносимое этими реформами всюду, гдѣ онѣ только приведены въ исполненіе. Но мы остались въ сторонѣ отъ общаго движенія Имперіи и явились лишь безучастными зрителями совершающагося подлѣ насъ преуспѣянія, какъ бы не принадлежащіе къ единой, нераздѣльной семьѣ Русской: ибо лишены тѣхъ благъ, коими уже пользуются другіе члены этой семьи. Вступить въ полное единеніе безповоротно и цѣлостно съ общерусскою гражданскою жизнью и вступить на тотъ же самый путь преуспѣянія, который указанъ державною велею Государя Императора и которымъ уже идутъ почти всѣ члены общей нашей семьи, есть наше душевное, искреннее и глубокое желаніе. Мы пришли къ полному убѣжденію, что строй и условія жизни и общества въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, основанные на учрежденіяхъ нѣкогда, быть можетъ, и полезныхъ и необходимыхъ, требуютъ нынѣ коренной реформы и обновленія; ибо время вызвало такія нужды и такія потребности, которыя ни устранить, ни обойти

невозможно безъ явнаго и общаго вреда нашему и нашихъ потомковъ благосостоянію. Мы рѣшаемся на шагъ зрѣло-обдуманный, твердо уясненный и прибѣгаемъ къ в-му пр-ству, какъ представителю верховной власти въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, съ покорнѣйшею и убѣдительнѣйшею просьбою предстать за насъ предъ лицомъ Августѣйшаго Монарха нашего и повергнуть къ стопамъ его просьбу нашу, да сопричислимся и мы къ благамъ, дарованнымъ имъ всей Богомъ ему врученной державѣ, и да снизойдетъ и на насъ отъ монаршихъ щедротъ: 1) Чтобы Русскій языкъ былъ признанъ преподавательскимъ въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на счетъ государственнаго казначейства, а въ городскихъ и сельскихъ училищахъ составлялъ предметъ обязательнаго преподаванія съ подчиненіемъ всѣхъ вообще училищъ вѣдѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

2) Чтобъ Русскій языкъ былъ введенъ въ администрацію, за исключеніемъ лишь волостныхъ правленій и волостныхъ судовъ, въ которыхъ дѣлопроизводство нельзя-ли оставить на мѣстныхъ нарѣчіяхъ, Латышскомъ и Эстонскомъ.

3) Чтобъ на всѣ города Прибалтійскихъ губерній было распространено то городовое положеніе, которое нынѣ обсуждается въ Государственномъ Совѣтѣ, съ тѣмъ, чтобы въ устройствѣ городовъ и внутренняго управленія ими не было никакой разницы между губерніями Прибалтійскими и внутренними, какъ то уже и было до 1796 года.

4) Чтобъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ были примѣнены тѣ самыя судебныя учрежденія, которыя уже введены и дѣйствуютъ во всѣхъ губерніяхъ Имперіи.

5) Чтобъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ дѣйствовало положеніе о земскихъ собраніяхъ, которое существуетъ и дѣйствуетъ въ остальныхъ губерніяхъ Имперіи. (Подписи). Въ Мартѣ 1870 г. городъ Рига.

Адресъ этотъ, а равно и приводимая ниже конфиденціальная докладная записка, поданная тому-жъ генералъ-губернатору, составлена частію непосредственно, частію при горячемъ личномъ участіи П. А. Ковалева. Приводимая здѣсь докладная записка любопытна въ историческомъ отношеніи и ярко характеризуетъ какъ положеніе Русскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, такъ и тогдашняго генералъ-губернатора П. А. Альбединскаго, оставившаго по себѣ здѣсь добрую память.

Населеніе города Риги, простирающееся до 110,000 человѣкъ, состоитъ изъ равночисленныхъ элементовъ (Русскаго, Латышскаго, Нѣмецкаго), и незначительной части Евреевъ и другихъ національностей. Первенствующимъ изъ нихъ считается однакоже Нѣмецкое; ибо оно, успѣвъ присвоить *исключительно* себѣ, въ ущербъ другимъ, завѣдываніе всѣми отраслями управленія, заботится единственно объ улучшеніи своего положенія.

Прочія народности, не имѣя въ администраціи, въ судѣ, въ общественномъ имуществѣ и въ народномъ образованіи никакого оффиціальнаго значенія и голоса, должны, по неволѣ, быть пасивными зрителями всего совершающагося кругомъ ихъ.

Феодальныя и личныя наклонности Нѣмцевъ, сознающихъ свое временное здѣсь преобладаніе, клонятся къ тому, какъ бы главнымъ образомъ обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи, прикрываясь для достиженія сего разными привилегіями и исключительнымъ правомъ господства.

Каждый бюргеръ, участникъ въ городской администраціи, вкусившій плодовъ ея, и каждый баронъ, деспотически властвующій надъ крестьянами, не желаютъ ни реформъ, ни равноправности. Они знаютъ, что съ введеніемъ лучшихъ порядковъ будетъ положенъ конецъ ихъ владычеству и матеріальнымъ выгодамъ.

Подобными наклонностями пропитаны и разныя ассосіаціи: литераторовъ, адвокатовъ и Нѣмецкаго чиновнаго люда. Первые получаютъ значительныя негласныя пособія отъ дворянъ и городскихъ учрежденій для поддерживанія печатнымъ словомъ Нѣмецкаго вліянія. Вторые дѣйствуютъ за одно съ мѣстными административными и судебными учрежденіями въ томъ же духѣ, съ соблюденіемъ своихъ выгодъ. Послѣдніе служатъ исполнителями не законовъ, а произвольныхъ дѣйствій дворянъ и городскихъ учрежденій, пользуются также пособіями и сверхъ того отягощаютъ населеніе непомѣрными сборами въ свою пользу, доходящими до весьма значительныхъ размѣровъ.

Наконецъ, содѣйствуютъ Нѣмецкіе пасторы, состоящіе въ полной зависимости отъ дворянъ и городскихъ властей. Въ среду ихъ не допускаются пасторы изъ туземцовъ, Латышей и Эстовъ.

А разсадникъ всего зла Дерптскій университетъ.

Назаинтересованное населеніе, въ томъ числѣ и благомыслящая часть Нѣмцевъ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ реформъ и избавленія разъ навсегда отъ тяготѣющаго гнета, но боятся, во избѣжаніе интригъ и притѣсненій, громко заявить объ этомъ, возлагая всѣ свои надежды на правительство. Стремленія пришельцевъ изъ Германіи, дворянъ и горожанъ, къ германизированію туземнаго населенія, искони ненавидящаго весь чуждый имъ строй, не подвигаются при всѣхъ, въ 700-лѣтнее Нѣмецкое владычество, ухищреніяхъ, впередъ.

Между тѣмъ каждая малѣйшая въ пользу Славянъ, не только здѣсь, но и въ другихъ странахъ царская милость и покровительство летятъ, какъ молніи, воодушевляютъ и обнадеживаютъ ихъ. Славяне видятъ въ Бѣломъ Царѣ своего искупителя и на зовъ его выступятъ какъ Минины и Сусанины отстоять свою самобытность. Велика, могуча, переносчива и покорна натура Славянъ.

Доказательствъ къ тому много въ исторіи Русскаго и другихъ Славянскихъ народовъ, равно и здѣшняго туземнаго населенія. Находятся конечно народоотступники (въ семьѣ не безъ урода), заинтересованные или

матеріальными выгодами, или семейными отношеніями, или эгоистическими стремленіями. Впрочемъ, нужно быть благодарнымъ Нѣмецкой здѣсь алчности и непопулярности, вкоренившихся у нихъ еще съ рыцарскихъ временъ: этими качествами они оттолкнули отъ себя туземное населеніе, но въ послѣднее время стали болѣе вникать и сближаться съ нимъ, дѣлая разныя уступки. Уступки эти и интриги противъ правительства, заботящагося будто бы только объ обращеніи всѣхъ въ Православіе, могутъ надѣлать много вреда къ объединенію края съ Россіею; а потому чѣмъ скорѣе и энергичнѣе будутъ введены новыя реформы съ равноправнымъ примѣненіемъ ихъ ко всѣмъ сословіямъ и народностямъ, тѣмъ сочувственнѣе ко всему Русскому будетъ относиться населеніе, невѣрящее и нежелающее никакихъ, кромѣ царскихъ, милостей. Извѣстно, съ какимъ трепетомъ при каждой перемѣнѣ высшихъ здѣсь властей ожидаютъ новаго назначенія. Большинство радуется, если во главѣ станетъ Русскій человѣкъ и вообще желало бы, чтобы вся администрація была въ рукахъ правдивыхъ и просвѣщенныхъ Русскихъ людей и чтобы ими были обсуждены на мѣстѣ всѣ предполагаемыя реформы съ гласнымъ заявленіемъ всѣхъ дѣйствій. Мѣрою этою будутъ отстранены всѣ неправильныя толкованія и интриги.

Дорогъ теперь часъ, если съ введеніемъ реформъ Русскій законъ и Русскій государственный языкъ будутъ, какъ и слѣдуетъ, первенствующими; перевѣсъ будетъ на сторонѣ Русскихъ, тѣмъ болѣе, что Латыши и Эсты, неболѣе 1,900,000 ч. *) всему Русскому сочувствуютъ и желали бы только одного, а не двухъ законовъ и языковъ. Незначительная же часть Нѣмцевъ (неболѣе во всемъ Прибалтійскомъ краѣ 200,000 ч.) первое время будетъ недовольна, но, видя непреклонную законную волю правительства, безпрекословно подчинится всему. Теперь они все еще пробуютъ расположить къ себѣ правительство и, надѣясь на своихъ приверженцевъ, состоящихъ на разныхъ ступеняхъ правительственной сферы, выпрашиваютъ разныя льготы. Отчего-же имъ и не дѣлать этого?

При мягкихъ мѣрахъ они назойливы и домогаются еще большихъ выгодъ, но при рѣшительныхъ—покорны и уступчивы. Они сознаютъ, что за свои беззаконные поступки не найдутъ себѣ защиты; да и кому будетъ охота вступаться за нихъ, зная, какъ они здѣсь любимы и какъ безсовѣстно дѣйствовали и дѣйствуютъ?

Правительство, безпристрастный судья, справедливостью умиротворитъ и успокоитъ всякія увлеченія.

Свершившіяся по волѣ всемилостивѣйшаго Государя нашего въ великомъ отечествѣ преобразованія, въ крестьянскомъ, судебномъ, земскомъ и административномъ отношеніяхъ вызвали Русскій народъ на болѣе обширную общественную дѣятельность и содѣйствіе благимъ предначертаніямъ правительства. Учреждаемые во многихъ городахъ имперіи, комитеты, банки, вспомогательныя и сберегательныя кассы, общества, клубы, пріюты, бога-

*) Въ томъ числѣ Русскихъ, православныхъ Латышей и Эстовъ выше 400,000 человѣкъ.

дѣльни, больницы, народныя школы и гимназіи, равно въ литературной дѣятельности: газеты, сочиненія, брошюры и т. п., заботятся о развитіи патріотизма, нравственнаго и матеріальнаго положенія населенія, на твердыхъ и положительныхъ началахъ. Общее движеніе Русскаго народа не могло оставаться незамѣченнымъ здѣсь. Не смотря на всѣ стѣснительныя условія и на непокровительство Нѣмецкой администраціи, нашлись люди, хотя и не изъ мѣстныхъ Русскихъ уроженцевъ, которые задушевнымъ словомъ возбудили въ здѣшнихъ Русскихъ патріотическое рвеніе и ободрили ихъ въ угнетенномъ положеніи.

Такимъ образомъ въ продолженіи восьми лѣтъ учреждены здѣсь:

1) Русскій клубъ.
2) Мужское общество „Баянъ“, пѣнія и изящнаго говоренія.
3) Женское общество „Ладо“, пѣнія и изящнаго говоренія.
4) Вспомогательное купеческое общество.
5) Вспомогательное прикащичье общество.
6) Общественная библіотека.
7) Дѣтскій пріютъ.
8) Православное братство.
9) Женская Ломоносовская гимназія.
10) Русская ежедневная газета: „Рижскій Вѣстникъ“.
11) Общество взаимнаго кредита.
12) Русско-Эсто-Латышская народная школа.
13) Русско-Латышская типографія.

Всѣ таковыя общественныя учрежденія требовали и требуютъ для поддержки ихъ значительныхъ безвозвратныхъ пожертвованій и расходовъ, такъ что Русское Рижское купечество, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ патріотическихъ и гуманныхъ направленіяхъ, не въ силахъ оказать содѣйствіе для средняго класса Русскихъ людей, состоящихъ изъ ремесленниковъ и мелкихъ промышленниковъ въ числѣ до 30,000 чел., для которыхъ учреждена 15 Января сего года

14. Ремесленная артель, имѣющая цѣлію: пріисканіе членамъ оной соотвѣтствующихъ занятій, развитіе промышленности и ремеслъ, оказаніе вспомоществованія нуждающимся членамъ артели, ихъ вдовамъ и сиротамъ, устройство ремесленнаго училища, складочныхъ мѣстъ для продажи ремесленныхъ издѣлій, а также организацію пріема разнаго рода подрядовъ и заказовъ отъ имени артели.

Учрежденіе это за прекрасныя свои цѣли и направленіе пріобрѣло себѣ всеобщій похвальный отзывъ и сочувствіе съ предвѣщаніемъ ему хорошей будущности и благотворнаго вліянія на массу населенія, но къ сожалѣнію не имѣетъ подобающаго своему назначенію собственнаго зданія и находится въ наемномъ тѣсномъ помѣщеніи, не вмѣщающемъ состоящихъ уже въ артели членовъ и не дающемъ возможности принимать новыхъ, которыхъ число возростаетъ ежедневно.

Однимъ словомъ, всѣ сознаютъ, что для массы этой необходимо собственное зданіе, въ которомъ она находила бы не одни только удовольствія, но чтобы въ немъ сосредоточивалась общественная полезная дѣятельность, чтобы оно прикрывало и защищало отъ всякихъ житейскихъ невзгодъ и выводило на свѣтъ полезныхъ дѣятелей и гражданъ.

Въ домѣ артели предполагается устроить:

1. Помѣщеніе удобное и обширное для собраній членовъ артели.

2. Сцену для Русскихъ драматическихъ представленій, съ помѣщеніемъ для собраній учреждаемаго „Общества Ревнителей Русскаго Драматическаго Искусства", пріобрѣтшаго чрезъ устроенные спектакли большое сочувствіе, но не имѣющаго удобнаго для выполненія помѣщенія.

Цѣль этого общества устроить въ Ригѣ постоянный Русскій театръ.

3. Складочные магазины для продажи издѣлій членовъ артели и разнаго рода ремесленныхъ инструментовъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Въ Ригѣ вообще все чрезвычайно дорого и сосредоточено въ рукахъ монополистовъ.

4. Мастерскія для производства работъ и обученія мастерствамъ.

5. Общественную библіотеку.

6. Ремесленный пріютъ.

7. Ремесленную больницу и аптеку.

8. Ремесленное училище съ прочными началами развитія юношества въ нравственномъ и техническомъ отношеніяхъ.

9. Ссудо-сберегательную кассу.

Проектъ устава находится съ Ноября мѣсяца прошлаго года на разсмотрѣніи въ Министерствѣ Финансовъ.

Артельный домъ можетъ дать слѣдующіе доходы:

Приходъ: а) Отъ членскихъ взносовъ, которые должны быть умѣреннѣе чѣмъ въ прочихъ Латышскихъ и Нѣмецкихъ обществахъ, не свыше 2 рублей въ годъ, поступитъ въ первое время по крайней мѣрѣ 6000 рублей.

б) Отъ отдачи въ наемъ складочныхъ магазиновъ съ торговою прибылью отъ продажи издѣлій 7000 р.

в) Отъ мастерскихъ 2000 р.

г) Отъ отдачи въ наемъ свободныхъ въ домѣ помѣщеній подъ общественныя учрежденія 2000 р.

д) Отъ спектаклей, концертовъ и другихъ представленій 4000 р.

е) Отъ семейныхъ вечеровъ, съ умѣренною за входъ платою (не болѣе 20 и 50-ти коп.) 3000 р.

ж) Отъ буфета артели чистой прибыли, съ возложеніемъ на эконома освѣщенія, отопленія, очищенія и найма прислуги, 1000 р. Итого 25,000 р.

Расходъ: На ремонтъ дома съ городскими и гильдейскими повинностями и прочими надобностями ежегодно не болѣе 5000 р.

Вообще артель должна вести свои дѣла миролюбиво со всѣми здѣсь жителями и чтобы не находились ей соперники, а конкурренція — великое во всѣхъ отношеніяхъ дѣло.

На построеніе подобнаго дома потребуется по крайней мѣрѣ 100.000 рублей. Но гдѣ же взять такой капиталъ? Русскіе и Латышскіе ремесленники

еще безсильны. Русскіе купцы, при всемъ желаніи оказать ремесленникамъ содѣйствіе, не могутъ: они жертвуютъ много на поддержаніе вышеупомянутыхъ общественныхъ учрежденій и готовы, по неимѣнію наличныхъ денегъ, дать необходимые матеріалы на 25.000 р. Вся надежда къ поддержанію здѣсь массы Русскаго элемента и на проведеніе Русскаго строя жизни на правительство: оно не оставитъ этого дѣла безъ вниманія и безъ сомнѣнія предоставитъ Ремесленной артели необходимые для постройки дома 75.000 руб. заимообразно на 37-ми лѣтнихъ выкупныхъ началахъ, освободивъ артель въ первыя десять лѣтъ по постройкѣ дома отъ погашенія займа. Въ эти десять лѣтъ Русскіе будутъ имѣть возможность окрѣпнуть и сблизиться не только съ туземнымъ населеніемъ, но и оказать благотворное вліяніе на здѣшнихъ старообрядцевъ, начинающихъ уже теперь въ непродолжительное пребываніе въ артели сознавать всю нелѣпость своего заблужденія. Закоснѣлость ихъ можетъ быть побѣждена образованіемъ, свободнымъ обмѣномъ мыслей и разъясненіями. Все это они находятъ и найдутъ въ артели и бываютъ очень довольны, когда мнѣнія о вѣрованіи излагаются съ научной точки зрѣнія, безъ всякаго увлеченія и насилованія убѣжденій.

Ваше превосходительство! Вы сдѣлали много здѣсь на пользу отечества добра, не оставьте этого дѣла безъ вашего покровительства и содѣйствія къ осуществленію его. Правительству жертва эта будетъ нечувствительна, а польза будетъ громадная.

Если предположеніе мое будетъ вашимъ превосходительствомъ одобрено, то вслѣдъ за симъ старшины артели предстанутъ предъ вами съ офиціальною просьбою.

Исполняя обѣщаніе изложить вкратцѣ взглядъ мой на положеніе здѣшняго края, усвоенный во время долговременнаго моего здѣсь пребыванія, всепокорнѣйше прошу принять увѣреніе въ чувствахъ глубочайшей моей къ вамъ преданности, уваженія и покорности. Вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга Павелъ Ковалевъ, почетный членъ и голова Ремесленной Артели.

г. Рига. 5-го Марта 1870 г.

Послѣдніе дни свои покойный П. А. Ковалевъ провелъ въ Дерптѣ, куда онъ былъ назначенъ на должность комиссара по крестьянскимъ дѣламъ. Здѣсь, хотя подъ конецъ жизни, ему удалось видѣть торжество тѣхъ началъ, за которыя онъ боролся весь свой вѣкъ.

Къ несчастію, полученная имъ на службѣ болѣзнь усилилась и довела его до преждевременной могилы. Послѣ него остались жена и дочь безъ всякихъ средствъ. Умеръ онъ въ Дерптѣ въ ночь съ 21 на 22 Февраля 1891 года.

Сообщилъ М. Лисицынъ.

ДВА ПИСЬМА ГРАФИНИ АЛЕКСАНДРЫ ВАСИЛЬЕВНЫ БРАНИЦКОЙ КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ

(1812 года).

1.

M a d a m e!

Mon premier devoir en arrivant ici, est de saisir une occasion sûre pour me rappeller au gracieux souvenir de Votre Majesté Impériale et lui exprimer en même tems ce sentiment de reconnaissance et d'éternel attachement que toutes ses bontés ont fait naître à jamais dans mon coeur.

Mon départ si subit et si extraordinaire dans les circonstances du moment a été motivé par la maladie de mon petit-fils. Apprendre son danger et me mettre en route a été l'affaire d'un instant; c'est à vous, madame, à juger des tourments d'une mère, à vous, dont l'âme si pure et si angélique fait adoucir et compâtir aux maux des autres. J'ai trouvé le petit très malade, j'ai peu d'espoir pour lui; mais cependant il est beaucoup mieux depuis mon arrivée. Son départ pour l'Italie, préscrit par les médecins, a été remis jusqu'à l'automne; le mien pour Carlsbad, si nécessaire à ma santé, se fera au mois prochain. On m'assure ici que je ne courerai aucun risque pour mon retour.

Les impératrices d'Autriche et de France se trouvent présentement à Prague et y séjourneront un mois. Malgré mon désir d'être présentée à la première, je suis obligée de renoncer à cet honneur, car elle n'est point seule. Il n'y a, madame, qu'une voix sur son compte: c'est un ange de bonté, d'esprit, et *qui voit les choses pour ce qu'elles sont.* L'archiduchesse Béatrix a bien voulu se rappeller de moi et a marqué le désir de me voir chez elle. Elle m'a traité avec infiniment de grâces et d'amabilité. On voit dans tous ses discours la peine que lui coûtent les évènements du moment; elle a augmenté mes regrêts de ne pas connaître l'impératrice sa fille, par l'assurance qu'elle m'a donné du désir qu'elle avait de me voir. Vous n'avez pas

d'idée, madame, du mécontentement général qui règne ici à l'occasion de la conduite que l'on tient avec nous; et l'on ne s'en cache pas. La misère est fort grande; la récolte a manqué en Galicie, et les dernières nouvelles de Lemberg ont annoncé qu'un magasin de blés avait brûlé. J'ai tout espoir dans la justice divine. Elle protégera notre bon et bien aimé souverain et nous rendra heureux. L'empereur Napoléon a quitté Dresde le lendemain de l'arrivée de m-r de Narbonne; il est parti pour Varsovie de fort mauvaise humeur, on prétend même qu'une certaine tristesse s'était répandue autour de lui; il a laissé son épouse en proix aux larmes et au désespoir de l'absence.

J'ai rendu à Votre Majesté Impériale un compte exacte et détaillé de toutes les nouvelles les plus accréditées; veuillez me permettre à présent de vous témoigner, madame, ma reconnaissance pour toutes les marques de bonté que vous avez bien voulu donner à mon fils au moment de son départ; on est heureux, bien heureux, madame, d'avoir votre protection: elle entoure et veille sur les enfants et la mère. Daignez nous la continuer et agréez l'hommage des sentiments les plus réspectueux avec lesquels je suis, madame, de Votre Majesté Impériale la très humble, très fidèle et très attachée sujette comtesse Branicka.

Je prends la liberté de joindre ici une lettre pour madame la grande-duchesse.

Ce 25 mai, v. s. 1812. Vienne.

Переводъ.

Государыня! По прибытіи сюда, первая моя обязанность—воспользоваться вѣрнымъ случаемъ, чтобы привести себя въ милостивую память вашего императорскаго величества и въ тоже время выразить вамъ чувство благодарности и вѣчной приверженности, которое навсегда вкоренено въ моемъ сердцѣ всѣми вашими благодѣяніями. Столь внезапный и въ настоящихъ обстоятельствахъ столь необыкновенный отъѣздъ мой вызванъ болѣзнію моего внука *). Узнать, что онъ въ опасности и отправиться въ путь было дѣломъ одной минуты. Вашей, государыня, душѣ, столь чистой и столь ангельской, облегчающей чужую бѣду и ей сочувствующей, понятны

*) У графини А. В. Браницкой было въ это время два сына и три дочери, изъ которыхъ двѣ за графами Потоцкими и третья графиня Елисавета Ксаверьевна (съ 1819 за княземъ С. М. Воронцовымъ). Младшій сынъ ея Александръ женатъ не былъ; а старшему Владиславу было тогда всего 20 лѣтъ отъ роду. Вѣроятно упоминаемый ею внукъ былъ отъ старшей дочери графини Екатерины Ксаверьевны Потоцкой. П. Б.

тревоги матери. Я нашла малютку очень больнымъ, у меня мало надежды относительно его; однако ему много легче съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхала. Доктора предписываютъ отправить его въ Италію, но это отложено до осени; мой же отъѣздъ въ Карлсбадъ, столь нужный для моего здоровья, состоится въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Здѣсь увѣряютъ меня, что на обратномъ пути оттуда я не подвергнусь никакимъ опасностямъ.

Императрицы Австрійская и Французская [1]) въ настоящее время въ Прагѣ и проживутъ тамъ въ теченіи мѣсяца. Вопреки моему желанію представиться первой изъ нихъ, я обязана отказаться отъ этой чести, такъ какъ она не одна. Общій, государыня, о ней голосъ, что она ангелъ доброты и ума [2]), и что *она понимаетъ происходящее въ истинномъ его значеніи.* Эрцъ-герцогиня Беатриса благоволила вспомнить обо мнѣ и выразила желаніе видѣть меня у себя. Она обошлась со мною чрезвычайно милостиво и любезно. Во всемъ, что̀ она говорила, слышно, какъ тяжелы для нея нынѣшнія обстоятельства. Она меня увѣряла, что императрица, дочь ея [3]), желаетъ меня видѣть, что̀ преумножило мое сожалѣніе о томъ, что я ея не знаю. Вы себѣ не можете представить, государыня, какъ здѣсь всѣ недовольны образомъ дѣйствій относительно насъ, и этого не скрываютъ. Нужда большая, въ Галиціи былъ неурожай, и по послѣднимъ извѣстіямъ во Львовѣ сгорѣлъ хлѣбный магазинъ. Вся моя надежда на Божеское правосудіе. Оно охранитъ нашего добраго и возлюбленнаго государя и содѣлаетъ насъ счастливыми. Императоръ Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена на другой день по прибытіи г-на Нарбонна. Онъ поѣхалъ къ Варшавѣ въ очень дурномъ духѣ; говорятъ даже, что окруженіе его прониклось какою-то печалью. Супругу свою покинулъ онъ въ жертву слезамъ и отчаянію разлуки.

Я отдала вашему императорскому величеству точный и подробный отчетъ обо всѣхъ наиболѣе вѣрныхъ новостяхъ; теперь благосклонно позвольте мнѣ выразить вамъ, государыня, благодарность мою за всѣ знаки доброты, которые благоволили вы оказать моему сыну при его отъѣздѣ. Счастіе, государыня, большое счастіе быть подъ вашимъ покровительствомъ: оно объемлетъ и хранитъ дѣтей и мать. Удостойте продолжить его намъ и примите выраженіе почтительнѣйшихъ чувствъ, съ коими есмь, государыня, вашего императорскаго величества покорнѣйшая, вѣрнѣйшая и приверженнѣйшая подданная графиня Браницкая. Принимаю смѣлость приложить здѣсь письмо на имя великой княжны. 25 Мая (1812) ст. ст. Вѣна.

---

[1]) Третья супруга императора Франца (женатаго въ первомъ бракѣ на сестрѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны Елисаветѣ) и его дочь отъ втораго брака съ Неаполитанскою принцессою Терезою, Марія Луиза, супруга Наполеона, въ то время 21 года. П. Б.

[2]) Такую же оцѣнку этой Австрійской императрицы (Маріи Людовики, ур. герцогини Эсте) читатели припомнятъ въ Запискахъ графини Эдлингъ (Р. Архивъ 1887, I, 406). П. Б.

[3]) Т. е. падчерица? П. Б.

2.

Madame!

Je profite du rétablissement des postes pour me rappeller au gracieux souvenir de Votre Majesté Impériale, et lui faire parvenir mes félicitations sur les victoires de nos armées. C'est à vos pieds, madame, que je voudrais exprimer tous les sentiments qui me pénétrent et jouir en même temps de la joie du modèle des méres, qui voit régner son Auguste Fils sur une nation aussi respectable par son amour pour sa partie et son souverain. Oh, il mérite bien notre attachement! Aussi le Ciel l'a-t-il recompensé en délivrant la Russie et la protegeant contre l'impiété de ce monstre. Seule elle a combattu l'Europe, qui lui devra peut-être sa délivrance. Quel beau moment et qu'il rend fière!

Enhardie par vos bontés, madame, j'ose vous supplier de permettre que meilleur et le plus chéri des souverains trouve ici l'expression de cet étérnel attachement, que je me plais à nourrir depuis sa plus tendre enfance; qu'il daigne en être persuadé, et je serais heureuse.

Ma soeur s'est acquittée sûrement des commissions dont je fus chargée de la part de sa majesté l'impératrice d'Autriche près de Votre Majesté. J'ai eu l'honneur de lui être présentée; elle a voulu me voir absolument à mon passage par Prague, même en habit de voyage. J'ai été touchée de cette marque de bonté; elle m'a chargé à plusieurs reprises de vous assurer, madame, de son attachement pour toute votre famille. On voit qu'elle souffre des malheureuses circonstances; c'est une personne dont l'esprit égale la sensibilité! Elle m'a fait mille questions sur notre charmante grande-duchesse Anne; mes réponses ont semblé lui faire infiniment du plaisir. Ayant l'avantage de la connaître plus particulièrement, j'ai pu mettre l'impératrice encore plus au fait des talents, de l'esprit, des principes et du caractère de cette aimable princesse. J'ai fini le tableau en l'assurant qu'elle tenait beaucoup des vertus de son Auguste Mère. Je me suis tue. Alors elle n'en demanda pas davantage. Au moment de prendre congé de sa majesté, elle me répéta plusieurs fois encore, combien elle désirait que Sa Majesté l'Empereur et vous, madame, ne doutiez pas de l'affection de son époux et de la sienne et que rien au monde de leur part ne pourrait l'altérer. J'ai promis de remplir cette commission, qui marquait le véritable état de son âme. D'ailleurs

elle m'a fait sentir plus d'une fois, dans notrs entretien, qu'ils étaient forcés par les malheureuses circonstances d'agir contre leur opinion.

Maintenant que je me suis acquittée du devoir que sa majesté m'a imposé, daignez permettre, madame, que je parle pour moi, en vous exprimant tout ce qu'un coeur reconnaissant peut sentir: c'est de l'attachement le plus pur, qu'il répond aux bontés dont vous n'avez jamais cessé de m'accabler. En me les continuant, Votre Majesté assurez mon honheur. Je me mets à vos pieds avec mon mari et mes enfants en vous priant d'agréer, madame, l'aveu des sentiments respectueux, mais tendres, avec lesquels je suis,

Madame, de Votre Majesté Impériale la très humble, très obéissante et très attachée sujette comtesse Branicka.

Ce 26 d-bre 1812. Bielocerkieff.

Переводъ.

Государыня! Пользуюсь возобновленіемъ почтовыхъ сообщеній, чтобы привести себя въ милостивую память вашего императорскаго величества и представить мои поздравленія съ побѣдами нашихъ войскъ. Я желала бы у вашихъ, государыня, ногъ выразить всѣ чувства, которыми я проникнута и въ тоже время полюбоваться зрѣлищемъ образцовой изъ матерей, какъ она радуется, что августѣйшій сынъ ея властвуетъ народомъ, столь заслуживающимъ уваженія по любви своей къ своему отечеству и къ своему государю. О, какъ подобаетъ ему наша приверженность! Оттого-то и вознаградило его Провидѣніе, освобождающее Россію и покровительствующее ей противъ нечестія этого чудовища. Она одна одолѣла Европу, которая, можетъ быть, ей обязана будетъ своимъ освобожденіемъ. Какое прекрасное время, и какъ имъ не гордиться!

Ваши милости, государыня, даютъ мнѣ смѣлость просить вашего позволенія о томъ, чтобы лучшій и возлюбленнѣйшій изъ государей усмотрѣлъ въ этихъ строкахъ выраженіе той вѣчной приверженности, которую мнѣ сладко имѣть къ нему съ самаго нѣжнаго младенчества его. Да благоволитъ онъ быть увѣренъ въ оной, и я буду счастлива.

Сестра моя исполнила конечно порученіе, данное мнѣ къ вашему величеству ея величествомъ императрицею Австрійскою. Я имѣла честь представляться ей. Она непремѣнно захотѣла меня видѣть въ проѣздъ мой черезъ Прагу, даже въ дорожномъ платьѣ. Я была тронута этимъ знàкомъ милости; она нѣсколько разъ поручала мнѣ увѣрить васъ, государыня, въ ея приверженности ко всему вашему семейству. Видно, что она страдаетъ отъ несчастныхъ обстоятельствъ. Это особа, въ которой умъ равняется

чувствительности. Она безпрестанно распрашивала меня про нашу прелестную великую княжну Анну, и отвѣты мои, повидимому, доставляли ей величайшее удовольствіе. Имѣя преимущество знать ее болѣе частнымъ образомъ, я могла ближе познакомить императрицу съ дарованіями, умомъ, правилами и характеромъ этой любезной принцессы. Описаніе оныхъ кончила я увѣреніемъ, что она во многомъ заимствовала добродѣтелей у своей августѣйшей матери. Тутъ я замолчала, и императрица больше меня не распрашивала. Прощаясь со мною, она еще нѣсколько разъ повторила, какъ бы ей хотѣлось, чтобы его величество императоръ и вы, государыня, не сомнѣвались въ благорасположеніи ея супруга и ея, каковое въ нихъ ни отъ чего на свѣтѣ не можетъ измѣниться. Я обѣщала исполнить это порученіе, которое свидѣтельствовало объ истинномъ состояніи ея души. Впрочемъ, въ теченіи нашего разговора, она нѣсколько разъ давала мнѣ понять, что несчастныя обстоятельства приневоливаютъ ихъ дѣйствовать вопреки ихъ мнѣнію.

Теперь, когда я исполнила возложенный на меня ея величествомъ долгъ, дозвольте мнѣ, государыня, говорить отъ себя и выразить вамъ все что̀ можетъ чувствовать благодарное сердце, т. е. самую чистую приверженность, соотвѣтствующую милостямъ, которыми никогда не престаете вы осыпать меня. Продолженіемъ оныхъ ваше величество обезпечиваете мое счастіе. Повергаюсь къ стопамъ вашимъ съ моимъ мужемъ и моими дѣтьми, прося васъ, государыня, принять увѣреніе почтительныхъ, но нѣжныхъ чувствъ, съ коими есмь, государыня, вашего императорскаго величества покорнѣйшая, послушнѣйшая и привязаннѣйшая подданная графиня Браницкая. 26 Декабря 1812. Бѣлая Церковь.

—

Это пишетъ любимая племянница князя Потемкина, который нѣкогда своимъ вліяніемъ оказывалъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ важныя услуги. Вещественнымъ памятникомъ близости графини Браницкой къ Александру Павловичу доселѣ служитъ хранящееся въ Одесскомъ Воронцовскомъ домѣ дѣтское платье его, которое Екатерина подарила на образецъ графинѣ Александрѣ Васильевнѣ для старшаго ея сына графа Владислава. П. Б.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Русь искони была попечительницей и кормилицей нищихъ, убогихъ и калѣкъ. Еще Владиміръ Святой, по свидѣтельству лѣтописца, дозволялъ всякому нищему и убогому приходить на княжескій дворъ и брать себѣ что̀ только нужно; по его распоряженію, развозили по городу съѣстные припасы и раздавали ихъ тѣмъ, которые, по немощи, не могли сами приходить за милостынью на княжескій дворъ; не ограничиваясь этимъ, «ласковый князь» одѣвалъ нагихъ, посылалъ всякаго рода утѣшенія больнымъ, выкупалъ должниковъ, освобождалъ содержимыхъ въ рабствѣ [1]). Митрополитъ Иларіонъ, въ своемъ знаменитомъ словѣ «о законѣ и благодати», подтверждаетъ показаніе лѣтописца [2]). При Ярославѣ нищіе получаютъ уже юридическое значеніе въ обществѣ: они становятся «людьми церковными». Въ дальнѣйшее время лѣтописцы съ особеннымъ вниманіемъ отмѣчаютъ тѣхъ князей, которые заявили себя щедростію по отношенію къ бѣднымъ. Таковы были: Владиміръ Мономахъ, который въ своей «духовной» завѣщалъ дѣтямъ паче всего убогихъ не забывати [3]), Ростиславъ [4]), Ярославъ Галицкій [5]), Святославъ Всеволодовичъ [6]), Давидъ [7]) и мн. др. [8]). Въ періодъ возвышенія Москвы и въ послѣдующее за тѣмъ время благотворительность еще усилилась. Иванъ Даниловичъ Калита оттого (говорили) и получилъ это прозваніе, что всегда носилъ при себѣ калиту или мѣшокъ съ деньгами, для раздачи бѣднымъ. Въ царскій періодъ наши государи, предъ наступленіемъ Великаго поста, на сырной недѣлѣ, раздавали обильную милостыню въ столицѣ, а потомъ ѣздили по монастырямъ прощаться со старцами; къ этому времени, по дорогамъ, гдѣ проѣзжалъ царскій поѣздъ, выходили нищіе и ложились, и имъ подавалась милостыня; точно также и въ монастыри ко времени царскаго пріѣзда стекалось множество бѣдныхъ. Въ поминальные дни, во время свадебъ, великихъ праздниковъ и торжествъ, покои царскіе наполнялись толпами нищихъ, обѣдавшихъ за особыми столами. Царь

---

[1]) *Полн. собр. Рус. лѣтоп.* I, 54.—[2]) Христом.. для изуч. ист. Рус. церк. проповѣди *Поторжинскаго*, К. 1879, 25, 28.—[3]) Истор. хрестом. Ц.-Сл. и Р. яз. *Галахова*, I, 1848, 37. [4]) *Полн. собр. Р. лѣт.* II, 221.—[5]) Тамъ же.—[6]) Тамъ же.—[7]) Тамъ же.—[8]) *Полн. собр. Р. лѣт.* II, 221, 390.

Θеодоръ Алексѣевичъ, при вступленіи своемъ на престолъ, по свидѣтельству одного Голандскаго резидента въ Москвѣ угощалъ цѣлыя шесть недѣль нищихъ и роздалъ бѣднымъ людямъ 12,000 талеровъ (24,000 рублей) [9]). Въ царскомъ дворцѣ въ Кремлѣ были нищіе, извѣстные подъ именемъ «богомольцевъ верховыхъ». Они получали отъ царя не только пищу, но жалованье и особую одежду.

Наши первосвятители и епископы, равно какъ монастыри и богатые храмы, своимъ примѣромъ поддерживали благотворительность. Достаточно припомнить отношенія преп. Θеодосія, Исаакія, Θеодора и Евстратія Печерскихъ къ бѣднымъ и несчастнымъ [10]). Въ началѣ XVI вѣка духовные землевладѣльцы, отстаивая свои недвижимыя имущества, неоднократно повторяли, что церковное богатство—нищихъ богатство [11]). Мысль эта проводилась и въ монастырскихъ уставахъ [12]) и ясно выражена въ «Судебникѣ» царя Ивана IV [13]). Во время общественныхъ бѣдствій (неурожая, опустошенія страны врагами), общественное нищелюбіе не было рѣдкостью. Пристанищемъ для бѣдныхъ служили монастыри. Изъ нихъ: Іосифовъ Волоколамскій, Кириловъ Бѣлозерскій и Троицко-Сергіевъ, какъ наиболѣе богатые, оставили о себѣ наиболѣе добрую память [14]). Со времени учрежденія патріаршества, въ Россіи вошли въ употребленіе въ большихъ монастыряхъ и у патріарховъ такъ называемые «столы» остатокъ древняго родоваго обычая угощать по праздникамъ своихъ близкихъ неимущихъ и пришельцевъ - странниковъ. При патріархѣ ежегодно было учреждаемо девять такихъ столовъ. Сверхъ того, въ большіе праздники, торжества и дни поминовеній государей и святителей, также при своихъ выходахъ, патріархъ самъ раздавалъ ручную милостыню бѣднымъ; содержавшимся же постоянно при Успенскомъ соборѣ нищимъ, 12 человѣкамъ, выдавалось ежедневно по 35 коп. Кромѣ Успенскаго собора нищіе жили и при другихъ соборахъ, какъ объ этомъ можно заключать по ихъ наименованіямъ: «Архангельскіе», «Васильевскіе» (Покровскій соборъ—Василія Блаженнаго), «Чудовскіе» и т. д. [15]). Въ храмовой праздникъ Успенія Богородицы, по указу патріаршему, каждогодно кормлено было нищихъ до 2,500 чел., а послѣ обѣда жаловалось каждому по 6 денегъ [16]). По смерти патріарха Іосифа, на

---

[9]) *Берхъ.* Царств. Θеод. Алексѣев., 1834—1835, ч. I, 9. — [10]) *Макарій.* Ист. Рус. цер., II, 1868, 70, 306.— [11]) *Макарій* И. Р. Церкви VI, 1870, 128.— [12]) *Макарій* И. Р. Ц. VII, 1874, 63.— [13]) *Акт. ист.*, I, стр. 248.— [14]) О первомъ у *Макарія* И. Р. Ц. VIII, 1877, 299 о второмъ засвидѣтельствовалъ самъ Грозный въ своемъ посланіи въ этотъ монастырь (Истор. хрест. Ц.-Сл. и Р. яз. *Галахова*, I, 301); о третьемъ у *Палицына* «Сказ. объ осадѣ Троиц; лав.», гл. 61.— [15]) См. наше соч. «О Московск. соборѣ 1681—1682 года», Спб. 1885, 123. — [16]) *Чт. И. Моск. общ. истор. и др.* за 1848 г., № 7; *Снегиревъ.* Памятн. Моск. древн., М. 1842—1845, 200.

помин душие его, царь Алексѣй Михайловичъ выдалъ изъ казны умершаго на милостыню болѣе 3,000 р. [17]). Преемникъ Іосифа, Никонъ, еще въ бытность митрополитомъ Новгородскимъ, во время случившагося въ Новгородѣ голода, въ своемъ домѣ ежедневно кормилъ 100—300 и болѣе человѣкъ, а кромѣ того устроилъ въ городѣ четыре пріюта для бѣдныхъ; сдѣлавшись патріархомъ, онъ продолжалъ благотворить неимущимъ въ широкихъ размѣрахъ и съ теченіемъ времени основалъ въ Москвѣ двѣ богадѣльни [18]).

Примѣру нашихъ царей и первосвятителей слѣдовали и частныя лица.

Проф. В. О. Ключевскій, въ своей лекціи о добрыхъ людяхъ древней Руси, прочитанной имъ въ аудиторіи Московскаго Историческаго Музея, въ пользу голодающихъ, указываетъ блистательные образцы такихъ лицъ, подвижниковъ милосердія и христіанской любви. Это: вдова помѣщица Ульяна Устиновна Осорьина-Лазаревская († въ нач. XVII в.). и бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ († 1673 г.). Первая подвижничала съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, просиживала ночи за работой на бѣдныхъ, которыхъ по ночамъ же тайно и одѣляла. Во время голода при Борисѣ Годуновѣ (1601—1602) она все свое имѣніе раздала нищимъ и умерла, благословляемая всѣми [19]). Ртищевъ, ближній постельничій (оберъ-гофмейстеръ), а потомъ дворецкій (министръ двора) царя Алексѣя Михайловича, одинъ изъ крупныхъ государственныхъ умовъ второй половины XVII в., представлялъ собою нѣчто изумительное. Поставивъ задачей своей частной жизни служеніе страждущему и нуждающемуся человѣчеству, Ртищевъ не чувствовалъ оскорбленій, не зналъ что̀ такое самолюбіе, на порочныхъ людей смотрѣлъ, какъ на несчастныхъ, требующихъ заботы и помощи. Во время походовъ, самъ больной, онъ подбиралъ раненыхъ, перевязывалъ имъ раны, ухаживалъ за ними, нанималъ для нихъ помѣщенія и, по тайному уговору съ царицей Марьей Ильиничной, заботился не только о своихъ, но и о врагахъ. Вся его жизнь была однимъ подвигомъ любви и милосердія [20]). Авторъ ограничивается этими примѣрами; но мы можемъ указать еще, какъ на примѣрнаго благотворителя до-Петровской Руси, на извѣстнаго нашего дипломата (тоже второй половины XVII ст.). Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина. Царь Алексѣй Михайловичъ, облекая его саномъ, «думнаго боярина», между прочимъ, писалъ: «пожаловали мы тебя за твои къ намъ великія службы и радѣніе, что ты, помня Бога и святыя Его заповѣди, алчныхъ кормишь, жажду-

[17]) *Макарій* И. Р. Ц. XI, 1882, 182.—[18]) *Труды Кіевск. дух. Акад.*, 1860, II. 150.—[19]) «Добрые люди» стр. 5—9.—[20]) «Добрые Люди», стр. 12—15.

щихъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, еще и ноги имъ умываешь»...[21]) Вообще въ каждомъ зажиточномъ домѣ постоянно жили нищіе; они получали пищу и поношенное платье, а въ большихъ городахъ, на рынкахъ, каждое утро нѣкоторые покупали хлѣбъ, разрѣзывали на куски и раздавали бѣднымъ[22]).

Такимъ образомъ въ этомъ кормленіи голодныхъ, удовлетвореніи нуждъ неимущихъ Русскіе люди осуществляли въ своей жизни вторую изъ двухъ основныхъ заповѣдей, въ которыхъ заключаются весь законъ и пророки—заповѣдь о любви къ ближнему. Человѣколюбіе на дѣлѣ значило нищелюбіе. Благотворительность была не столько вспомогательнымъ средствомъ общественнаго благоустройства, сколько необходимымъ условіемъ личнаго нравственнаго здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чѣмъ нищему. Цѣлительная сила милостыни полагалась не столько въ томъ, чтобы утереть слезы страждущему, удѣляя ему часть своего имущества, сколько въ томъ, чтобы, смотря на его слезы и страданія, самому пострадать съ нимъ, пережить то чувство, которое называется человѣколюбіемъ. Древне-Русскій благотворитель, христолюбецъ, помышлялъ не столько о томъ, чтобы добрымъ дѣломъ поднять уровень общественнаго благосостоянія, какъ о томъ, чтобы возвысить уровень собственнаго духовнаго совершенствованія[23]). Нищій былъ для благотворителя лучшій богомолецъ, молитвенный ходатай, душевный благодѣтель. «Въ рай входятъ святою милостыней, говорили въ старину: нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвой спасается»[24]). Древнерусская церковная проповѣдь такъ и указывала на милостыню, какъ на средство спасенія. «Милостыня дерзновеніе имѣетъ ко Владыцѣ невозбранно о душахъ грѣшныхъ и отъ узъ тяжкихъ разрѣшаетъ, къ Богу на небеса возводитъ: творяй бо милостыню, той другъ Божій наречется и, въ страшный онъ грозный день великаго Божія неумолимаго суда, Христа умилостивитъ и добрѣ свободитъ душу отъ вѣчныхъ мукъ»[25]).

Въ силу такого взгляда на значеніе благотворительнаго дѣла рано или поздно должны были обнаружиться слабыя стороны частной благотворительности. Обыкновенно она оказываетъ случайную и мимолетную помощь и часто не настоящей нуждѣ. Отсюда умноженіе нищихъ и дармоѣдовъ въ государствѣ: по свидѣтельству Флетчера, нищіе въ его время (конецъ XVI в.) бродили въ несчетномъ множествѣ, приставали къ каждому встрѣчному; по словамъ Берха, нищихъ въ одной Мо-

[21]) Наше соч. «О Московск. соборѣ 1681 — 1682 г., стр. 125. — [22]) *Костомаровъ* Оч. домаш. жизни и прав. Вел.-Рус. народа въ XVI—XVII ст. 1860, 117—209.—[23]) «Добрые люди», 2—3.—[24]) Тамъ же, 3.—[25]) «О Московск. соборѣ 1681—1682 г.», 126.

сквѣ во второй половинѣ XVII ст., насчитывалось до 1000 человѣкъ [26]). Они производили безпорядки и тѣмъ вызывали противъ себя негодованіе и обличеніе со стороны проповѣдниковъ и строгія мѣры со стороны духовныхъ и свѣтскихъ властей [27]). Но понятно, что при томъ взглядѣ на значеніе благотворительности, который существовалъ у насъ на Руси, эти мѣры не были въ состояніи исправить нестроеніе, уменьшить число нищихъ. И вотъ Петръ Великій, стоящій на рубежѣ древней и новой Русской исторіи, вооружился противъ частной милостыни во имя общественной благотворительности, какъ учрежденія. Въ 1705 г. онъ указалъ разсылать по Москвѣ подъячихъ съ солдатами и приставами ловить бродячихъ нищихъ и наказывать, деньги у нихъ отбирать, милостыни имъ не подавать, а подающихъ хватать и подвергать штрафу: благотворители должны были доставлять свои подаянія въ богадѣльни при церквахъ [28]).

Собственно богадѣльни на Руси существовали еще задолго до Петра. По свидѣтельству писцовыхъ книгъ, онѣ устроялись при монастыряхъ и приходскихъ церквахъ въ большихъ городахъ: Кіевѣ, Москвѣ и въ Новгородской области. Но число ихъ не соотвѣтствовало числу нищихъ, да кромѣ того въ этихъ учрежденіяхъ господствовали часто безпорядки. Царь Иванъ Васильевичъ жаловался на Стоглавомъ соборѣ (1551 г.), что приказчики при богадѣльняхъ, устроенныхъ въ Москвѣ и по городамъ, допускаютъ злоупотребленія, принимаютъ въ богадѣльни не тѣхъ, кого бы слѣдовало, а именно бѣдныхъ и безпомощныхъ больныхъ оставляютъ безъ призрѣнія. Поэтому соборъ предлагалъ описать по всѣмъ городамъ всѣхъ больныхъ и престарѣлыхъ и устроить въ каждомъ городѣ мужскія и женскія богадѣльни, высшій надзоръ за которыми поручить епископамъ и священникамъ [29]). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ мы встрѣчаемъ въ Москвѣ богоугодное заведеніе, устроенное уже на средства частнаго лица. Помянутый нами выше бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ устроилъ амбулаторный пріютъ для нуждающихся во временной помощи и постоянное убѣжище или богадѣльню для людей, которыхъ человѣколюбіе должно было взять на свои руки до ихъ смерти. Учрежденіе это подъ именемъ «больницы Ѳедора Ртищева» существовало и послѣ его смерти, поддерживаемое доброхотными даяніями. Этотъ-то частный починъ добраго и вліятельнаго человѣка далъ, по мнѣнію В. О. Ключевскаго, прямой или косвенный толчекъ мысли объ устройствѣ церковно-государственныхъ

---

[26]) Тамъ же, 126—127; *Берхъ* Царств. Ѳеод. Алекс., I, 86.—[27]) «О Моск. соб. 1681—1682 г.» 127; *Доп. Акт. Ист.* V, № 102; *Берхъ* Царст. Ѳеод. Алек., ч. II, 88 — 89. — [28]) «Добрые Люди» 10.—[29]) «Стоглавъ», Спб. 1863, гл. 5, вопр. 13; гл. 73.

благотворительныхъ заведенiй, мысли, впервыя высказанной опредѣленно, какъ мы знаемъ, еще на Стоглавомъ соборѣ. Со времени Алексѣева преемника, государственная власть подаетъ руку церковной для дружной работы надъ устройствомъ благотворительныхъ заведенiй. Царь Θеодоръ Алексѣевичъ предлагалъ собору 1681 года учинить въ Москвѣ и остальныхъ городахъ разсмотрѣнiе о нищихъ и разобрать ихъ: странныхъ и больныхъ держать въ особомъ мѣстѣ со всякимъ довольствомъ отъ его государевой казны, чтобы они не скитались безъ призрѣнiя, а лѣнивыхъ и имѣющихъ здравiе тѣлесное приставить къ работѣ, и соборъ принялъ предложенiе [30]). Въ 1682 г. царемъ Θедоромъ Алексѣевичемъ предположено было построить двѣ шпитальни или богадѣльни,—одну въ Знаменскомъ монастырѣ, чтò въ Китаѣ-городѣ, а другую на Гранатномъ дворѣ, чтò за Никитскими воротами; на содержанiе ихъ назначить вотчины, бывшiя за Архангельскимъ владыкою и за Знаменскимъ монастыремъ; предположено было нищихъ брать на улицахъ и для разбора приводить въ Аптекарскiй Приказъ; увѣчныхъ отсылать въ шпитальню, а притворщиковъ подвергать наказанiю [31]).

Къ сожалѣнiю, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ утверждать, что соборное постановленiе 1681 г. и царская мысль 1682 г. были приведены въ исполненiе. Исторiя убѣждаетъ насъ въ противномъ. Съ 1682 года, какъ извѣстно, открылся непрерывный рядъ волненiй на Руси, продолжавшiйся до послѣдняго года патрiаршества Iоакима (1689), такъ что эти предположенiя едва ли могли осуществиться. Послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что даже въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. нищихъ на Руси было множество: Посошковъ насчитываетъ въ это время въ Россiи нищихъ до 30,000 челов. [32]), и они попрежнему бродили по странѣ [33]), и хотя при нѣкоторыхъ церквахъ были открыты богадѣльни, но онѣ были бѣдны и дурно управлялись [34]).

Такимъ образомъ, ни благiя начинанiя духовной власти, выразившiяся въ постановленiяхъ Стоглаваго собора, ни примѣръ Ртищева, ни, наконецъ, мѣры свѣтской власти, пришедшей на помощь духовной, не могли упорядочить дѣло общественной благотворительности въ нашемъ отечествѣ въ XVI, XVII и даже въ началѣ XVIII вѣка.

Г. Плоцкъ.
21 Февраля 1892 г.

Г. Воробьевъ.

[30]) «О Московс. соб. 1681—1682 г.», 131. - [31]) Проектъ этотъ напечатанъ у *Берха* въ его ист. Θеод. Алекс. (ч. II, стр. 87—93).—[32]) *Посошковъ.* Соч., изд. Погодинымъ, М. 1842, 106.—[33]) *Регламентъ*, III, пунктъ 12.—[34]) *Тамъ же.*

РЕСКРИПТЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ КНЯЗЮ А. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

Князь Александръ Алексѣевичъ! Всуе будетъ всякое доброе учрежденіе, ежели не падетъ жребій исполненія онаго на людей совершенно къ тому способныхъ. На семъ основаніи возвращаю я докладъ отъ Сената, чрезъ васъ мнѣ поднесенный, о чинахъ помѣщаемыхъ въ палаты судныя Тверскаго и Смоленскаго намѣстничествъ. Я не могла оный утвердить, потому что не вижу я тутъ людей искусившихся въ дѣлахъ сихъ родовъ, къ коимъ они опредѣляются; да и большею частію сопосаждаемы суть мѣстъ доселѣ неимущіе. Не сіе было намѣреніе мое, что я предоставила разсмотрѣнію Сената избирать предсѣдателей палатъ. Я чаяла, что выборъ оныхъ соотвѣтствовать будетъ лучшей моей надеждѣ и что къ симъ мѣстамъ взыщутся искуснѣйшіе изъ членовъ Юстицъ и Вотчинной Коллегіи, о коихъ Сенатъ лучше знать можетъ. И ради сего еще разъ я хощу повторить вамъ мое желаніе, которое бы и гг. сенаторамъ вы предложили, чтобы изъ сихъ обоихъ мѣстъ въ предсѣдатели Палатъ и Верхняго Земскаго Суда избраны были достойные люди, а хотя и изъ другихъ, но конечно такіе, что̀ уже на дѣлѣ въ своихъ способностяхъ испытаны. Ибо какъ сіи обѣ губерніи, приводимыя въ новый порядокъ, должны быть въ примѣръ другимъ: то и должно въ оные ко исполненію частныхъ должностей избирать умѣющихъ, а не людей, что̀ въ дѣлахъ новы и упражнялись во всю жизнь въ иныхъ званіяхъ Я пребываю впрочемъ вамъ благожелательна. Екатерина.

Въ Москвѣ, 25 Ноября 1775 года.

ПИСЬМО ГРАФА Н. Н. ПАНИНА П. В. ЗАВАДОВСКОМУ

*отъ 14 го Іюля 1776 г. Ульянка *)*

Петръ Васильевичъ! По вчерашнему вашему письму возвращаю я здѣсь сообщенное мнѣ чрезъ васъ Французское сочиненіе. Покорно прошу, государь мой, при поднесеніи онаго повергнуть и мою благодарность къ монаршимъ стопамъ и донести Ея И. Величеству, что я прочелъ его тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ истиннѣе представляемыя тутъ разсужденія и усмотрѣнія авторовы въ политическомъ теченіи государственнаго устройства, отнюдь не свойственнаго мысленнымъ однимъ воображеніямъ о совершенствѣ человѣческомъ въ

---

*) По Петергофской дорогѣ, нынѣ Шереметевская дача. П. Б.

цѣлыхъ народахъ. Равнымъ образомъ слѣдуетъ здѣсь пакетъ съ депешами отъ князя Репнина для поднесенія Ея И. Величеству и какъ посольствы наши съ Турками дѣйствительно уже размѣнилися, и нашъ посолъ на сихъ дняхъ можетъ прибыть въ Васильковской карантинъ, то я также прошу государя моего доложить Ея И. Величеству, не соизволено ли будетъ высочайше указать сократить, въ разсужденіи его и свиты его, предписанное время задержанія въ карантинномъ домѣ и провѣтриванія и прокуриванія тамъ ихъ обозу, на основаніи посольскаго засвидѣтельствованія, что во все его время пребыванія въ Турецкихъ областяхъ повѣтрія тамъ не было, и онъ со всею своею свитою безопасно путь свой продолжаетъ.

Впрочемъ я пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и съ таковою же привязанностію графъ Н. Панинъ.

ПИСЬМА П. В. ЗАВАДОВСКАГО КЪ ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ *).

1.

29-го Іюля 1788 года.

Мы въ Финляндіи мало по малу оперялись. Защиту всю устроили, которую составляетъ 20.000 войска. Внезапность наносила первые дни всю опасность; но не было ведено умомъ предпріятіе напасть въ расплохъ. Въ Финляндіи были маленькія стычки, въ которыхъ Шведы остались съ потерею. Дня съ три тому король сдѣлалъ было десантъ сильный противъ Фридрихсгама, но въ туже ночь опять войска его вдругъ убралися на суда и отплыли. Причину непонимаемой нечаянности извѣщаютъ, что полки его Финляндскіе взбунтовались, увидя, что онъ нападаетъ, а не мы на него, какъ онъ въ послѣднемъ увѣрялъ ихъ и свою націю ложно. Кажется, нынѣшнюю кампанію проведемъ съ стороны сухопутной, удерживая только свою оборону. Но на морѣ адмиралъ Грейгъ предпринялъ сразиться рѣшительно; развѣ флотъ Шведскій уклонится отъ битвы, а то оной быть должно на сихъ дняхъ. За первое дѣло Грейгу пожалованъ орденъ Андреевскій, но онъ его не надѣлъ, а оставилъ то учинить послѣ другаго сраженія, полагая онымъ сдѣлаться достойнымъ сей отличной почести. Король Прусской удостовѣряетъ, что онъ никакого участія не имѣетъ, ни предпри-

*) Читатели «Архива Князя Воронцова» (кн. XII-я) оцѣнили своеобразный слогъ графа Завадовскаго и умную многосодержательность его писемъ. Онъ въ это время былъ уже не въ средоточіи дѣлъ, какъ въ то время, когда графъ Панинъ писалъ къ нему вышеприведенное письмо, но продолжалъ зорко слѣдить за происходившимъ. П. Б.

метъ противъ насъ и предосуждаетъ вѣтренный поступокъ Шведскаго. Изъясненія его, въ тайнѣ учиненныя, подаютъ всю благонадѣянность.

Данія явила пріуготовленія на объявленіе Шведамъ войны. Но еще не пришло извѣстіе, что̀ они сдѣлали, какъ получили наши требованія по случаю открытыхъ уже дѣйствій. Вотъ все здѣшнее, а радостное только скажу, что полоумный король, устрашивши насъ, теперь уже не страшенъ. Пришли мы въ безопасность обороняться, а на будущее лѣто придемъ въ состояніе и его пощупать.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ преклонились отозвать графа Сергѣя Петровича [1]) изъ Берлина, такъ какъ и своего здѣшняго министра Пруской король перемѣняетъ другимъ; ибо и мы не были онымъ довольны. Мѣста теперь нѣтъ въ министерскихъ постахъ сыну вашему сходнаго; когда онъ сюда пріѣдетъ и захочетъ попрежнему надѣть мундиръ, дайте знать свою волю, что̀ ему въ такомъ случаѣ совѣтывать. Графъ Николай Петровичъ [2]) хочетъ здѣсь побывать; я нахожу сіе полезнымъ, ибо у насъ отсутственныхъ мало помнятъ.

Дѣйствія при берегахъ и на Черномъ морѣ пріемлютъ безъ изъятія со славою и радостію, и предводителя растетъ сила всемѣрно.

О Императорскихъ дѣйствіяхъ ничего не знаемъ; считаютъ, что всѣхъ Турковъ онъ оттянулъ отъ нашихъ армій.

У насъ все въ своемъ быту. Желаю слышать чаще о вашемъ здоровьѣ. Отъ васъ мало пріѣзжихъ, и отъ насъ къ вамъ, потому, и случаевъ писать.

2.

6-го Сентября 1788 года.

Ваше пребываніе въ Молдавіи, послѣ того, что не повелѣваете войсками, рождало непріятныя толкованія. Приращеніе оныхъ возбудило, наконецъ, и неудовольствіе. А по сему послѣднему велѣно мнѣ о томъ вамъ написать, считая симъ образомъ подвигнуть къ перемѣнѣ настоящаго мѣста, о коемъ не благоволятъ. Не хочу пересказывать говореннаго. Уже сей одинъ долгъ, по которому вамъ о томъ даю знать, тяготитъ мое сердце неизреченно и достаточенъ внушить вамъ воспріятіе мѣръ по собственному вашему благоразсужденію. Исполнивъ возложенное отъ власти, увѣряю о моей вѣчной къ вамъ привязанности.

---

[1]) Румянцова. Это младшій сынъ того, къ кому письмо писано. П. Б.

[2]) Второй сынъ фельдмаршала, впослѣдствіи канцлеръ. П. Б.

3.

26-го Ноября 1788 года.

Послѣднее ваше отъ 4-го сего мѣсяца имѣю. Очакова ждемъ какъ Жиды Мессіи. Во взятіи онаго казалось бы нѣтъ сомнѣнія, но долгое терпѣніе свою имѣетъ непріятность. Еще слѣдствій вѣрныхъ, судя по дѣламъ, и въ томъ опредѣлить нельзя, каковы должны быть по взятіи онаго. Не меньше спасать Турковъ какъ и Шведовъ видимое расположеніе [1]). Власть Берлинскаго кабинета въ Варшавѣ во всякомъ преуспѣяніи. Хотя мы отъ своихъ видовъ, вовсе не въ пору начатыхъ, отступились; но король Прусской тому уже не внемлетъ, а даетъ Польшѣ полнымъ образомъ волноваться, покрывая своею сильною рукою. И такъ видимо, наша инфлюенція, долгіе годы всемощная, подвергается превозможенію. Вотъ каково предпринимать что-нибудь не въ свое время! Шведы еще не наказаны; но лишь за нихъ примемся, король Прусской тоже и намъ скажетъ что̀ Датчанамъ. Одна война зажигаетъ другія. Кто бы не желалъ мира! Но честный и полезный въ нашей ли теперь волѣ? Агличане еще молчатъ; тоже и король Прусской безпосредственно противъ насъ не обнаружилъ своего движенія, а въ видѣ примирителя вездѣ бьетъ по лапамъ. Можетъ быть, зима не будетъ ли къ тому удобна, чтобы погасить зарождающійся военной новой пламень, а безъ того войнѣ надобно воспылать.

Трудно, милостивый государь, исторгнуться изъ вихревъ пришедшихъ отъ стеченія непредвидимыхъ обстоятельствъ; но крайность все подвигнетъ, чтобы не покориться и защищать славу и достоинство имперіи. Какъ можно думать, чтобы наши и Австрійскія силы такъ мало въ нынѣшнюю кампанію дѣйствовали надъ Турецкими! Державы негодующія прежде сего одну мысль имѣли, чтобы только удержать всеконечное Турецкой монархіи опроверженіе; но судьба играетъ человѣческими дѣлами. Посторонне слышимъ, что Турки уже отошли отъ Рябой Могилы, хоть отъ васъ о томъ еще не дошла вѣсть, чтобы не говорили, что и тутъ не дошло ихъ побѣдить.

О Императорѣ [2]) по сю пору ничего не вѣдаемъ; а перемиріе, чтобы онъ заключилъ, тому быть нельзя. Всякой день ожидаемъ о его расположеніи со стороны Турокъ и другихъ точнаго увѣдомленія.

Пожелавъ вамъ всякаго блага, а паче наилучшаго здравія, остаюсь отъ всей души вамъ преданнымъ.

---

[1]) Говорится про князя Потемкина. П. Б.

[2]) Союзникѣ нашемъ Іосифѣ II-мъ. П. Б.

4.

26-го Марта 1791 года.

Отправлялъ нѣсколько писемъ на Жижу (?); ни одно не попало, и сіе пускаю на удачу. Узрите воздаянія, что вчера произошли, въ прилагаемомъ спискѣ. Князя видимъ весьма привѣтливаго и ко всѣмъ преласковаго. Прибытіе его повседневно празднуемъ. Тощая четыредесятница облеклася въ свѣтлую ризу, не мѣшаетъ музыкѣ и пляскѣ. Отъ г. Бера я получилъ ваше письмо и 13000 ассигнаціями, которые переведу графу Николаю Петровичу, какъ изволите опредѣлять. На полученіе денегъ изъ казначейства вы мнѣ дали кредитивъ на одинъ только годъ; то если не пожалуете таковыхъ вновь, то дѣти ваши въ будущую треть получить назначенной отъ васъ имъ дачи не могутъ, слѣдственно и понесутъ нужду. Я осмѣливаюсь ихъ просьбу въ томъ предварить.

Неужели васъ трогаетъ неисполненіе обѣтовъ? Жалѣйте паче, что отзывамъ и привѣтствіямъ, съ вашей стороны происходившимъ, свой толкъ даютъ. Болитъ сердце, но тоже и убѣждаетъ меня не скрыть отъ васъ, что на состояніе ваше не внемлютъ; а продолжаемое тамо пребываніе есть непрерывнымъ побужденіемъ къ негодованію. Кому заступить или оправдать? Вся вѣра къ одному *). Перемѣны въ томъ быть не можетъ, и ожидать тщетно. Не дозволяю себѣ что-либо вамъ совѣтывать, а отъ единой моей привязанности говорю о вещахъ, какъ оныя суть.

Война дѣйствительная и воображаемая больше, кажется, угасаетъ, нежели подымется. Турки убиты, а Прусаку взять всё на свои плечи не находка; да и самой уголъ земли, на чемъ миримся, не можетъ быть объектомъ тому побуждающимъ. Что уготовано на случай совершенной пагубы Турціи, то не воспримется, когда она только ушиблена, а не разрушается. Покой намъ нуженъ; да и всѣ онымъ, сколько извѣстно, дорожатъ.

Не безпокою далѣ болящаго суетою міра, а желаю отъ всей души вамъ облегченія въ вашихъ недугахъ. Еще о томъ прошу, чтобы вѣрили моей къ вамъ совершенной преданности, которая во мнѣ не угаснетъ, какъ только съ жизнію.

*

Эти письма, равно какъ и вышеприведенныя письма Екатерины Великой и графа Н. И. Панина, любезно сообщены въ «Русскій Архивъ» академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ. П. Б.

---

*) Т. е. князю Потемкину. П. Б.

ДВУСТИШІЕ КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО.

Тебѣ дано въ удѣлъ желанье правоты
И мощь къ творенію чего желаешь ты.

Это двустишіе вырѣзано на мѣдной дощечкѣ и помѣщено подъ большимъ превосходнымъ портретомъ Екатерины Великой, принадлежащимъ нынѣ государственному секретарю Александру Александровичу Половцову. Портретъ пріобрѣтенъ у одного изъ потомковъ В. А. Энгельгардта, женатаго на родной сестрѣ князя Потемкина Марѳѣ Александровнѣ. Портретъ писанъ карандашомъ. Онъ поясной. Государыня изображена въ домашнемъ одѣяніи. Преданіе увѣряетъ (и сомнѣваться въ томъ нѣтъ причины), что двустишіе сочинено княземъ Потемкинымъ Б. П.

РОДИТЕЛИ КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО.

Отецъ: Александръ Васильевичъ Потемкинъ род. 1673 г., служилъ долгое время въ армейскихъ полкахъ, былъ въ 1727 г. капитаномъ, потомъ маіоромъ и ассесоромъ конторы конфискацій съ 2 Марта 1738 года, впослѣдствіи подполковникомъ. Былъ во многихъ сраженіяхъ и понесъ многія и тяжкія раны, ради коихъ былъ уволенъ отъ службы въ отставку, послѣ 30-лѣтней службы. Потомъ жилъ то въ Москвѣ, то въ своемъ помѣстьѣ, деревнѣ Чижовѣ, Духовщинскаго уѣзда Смоленской губерніи. † 1746 г. Женатъ: 1) на NN; 2) на Дарьѣ Васильевнѣ Скуратовой, урожденной Кондыревой. Отъ перваго брака у него дѣтей не было.

Мать: Дарья Васильевна Потемкина, урожденная Кондырева, род. 1704 г., въ 1-мъ бракѣ за Скуратовымъ, въ 1727 г. была уже за Потемкинымъ, въ 1779 г. была «дѣйствительною статсъ-дамою». † въ Іюлѣ 1780 года.

Эти свѣдѣнія сообщены намъ графомъ Александромъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ, по матери своей (графинѣ Софьѣ Александровнѣ, урожд. Самойловой) роднымъ правнукомъ старшей сестры князя Потемкина, Маріи Александровны. Графъ А. А. Бобринскій извлекъ показанія эти, между прочимъ, изъ современныхъ хозяйственныхъ бумагъ прошлаго вѣка, купчихъ крѣпостей на имѣнія, закладныхъ и пр. П. Б.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ АМВРОСІЮ[1]).

1.

Преосвященный епископъ Сѣвскій Амвросій.

Генералъ-губернаторъ князь Репнинъ по волѣ моей отправился для открытія съ помощію Божіею въ будущемъ Декабрѣ правленія въ Орловскомъ намѣстничествѣ по образу отъ меня преднаписанному. Я удостовѣрена, что ваше преосвященство не оставите ему въ семъ на пользу отечества устрояемомъ дѣлѣ пособствовать, паче же общимъ ко Всевышнему молитвамъ предводительствовать вашими пастырскими наставленіями, да судъ, правда и благо, нами насаждаемыя, возвѣстятъ плодъ желаемый. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ. Сентября 12-го дня 1778 году.

2.

Преосвященный архіепископъ Казанскій Амвросій.

По прошенію Саратовскаго намѣстничества, Вольскаго уѣзда, Верхней Успенской старообрядческой обители, строителя монаха Сергія, о принятіи его съ братіею въ вѣдомство Казанской епархіи и объ опредѣленіи въ обитель ихъ іеромонаха, съ дозволеніемъ отправлять ему священное служеніе по старопечатнымъ книгамъ и обрядамъ ихъ, ваше преосвященство можете учинить рѣшеніе согласное съ указомъ, отъ насъ преосвященному митрополиту Новгородскому Гавріилу даннымъ въ 11-й день Марта 1784 года, по таковымъ же просьбамъ другихъ старообрядцевъ; да и въ случаѣ подобныхъ отношеній къ вамъ отъ прочихъ старообрядцевъ, живущихъ въ Казанской епархіи, сходственно тому же поступать не оставьте. Пребываю вамъ благосклонна.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюня 19-го 1796 года.

3.

Преосвященный Амвросій архіепископъ Казанскій [2]).

Въ 18 день сего Маія наша любезная невѣстка великая княгиня Елисавета Алексѣевна разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ намъ внуки, а ихъ императорскимъ высочествамъ дщери, нареченной Маріею. Извѣ-

---

[1]) Впослѣдствіи митрополиту С.-Петербургскому.

[2]) Весь рескриптъ писанъ рукою Сперанскаго. Н. Д.

щая васъ о семъ радостномъ происшествіи, увѣрены мы, что, снесясь съ нашимъ военнымъ губернаторомъ Фонъ-деръ-Паленомъ, поспѣшите вы въ престольномъ нашемъ градѣ возслать ко Всевышнему молитвы благодаренія съ подобающимъ новорожденной при священнослуженіи возношеніемъ. Впрочемъ, по совершеніи Святаго Крещенія, имѣете вы объявить Синоду нашу волю о внесеніи имени ея въ печатныя формы на основаніи нашего учрежденія объ императорской фамиліи, отдѣленія втораго и третьяго. Пребываю вамъ благосклонный Павелъ.

Мая 18 дня 1799 года, въ Павловскѣ.

Письмо Н. И. Неплюева.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь!

Сего же дня имѣлъ я счастіе всеподданнѣйше представить Государю Императору донесеніе ваше касательно до желанія отъ старообрядцевъ, вамъ изъявленнаго, въ разсужденіи формы ихъ служенія и прочаго.

Им. Вел., снисходя милостиво на оное, высочайше приказать изволилъ написать къ вамъ, что касательно однакоже возношенія имяни Его Им. Вел. и всего августѣйшаго дома при богослуженіи, то оное должно оставаться непремѣнно conditio sine qua non, и чтобъ ваше высокопреосвященство внушили имъ то, что, такъ какъ они сами добровольно къ Его Вел. во всѣхъ дѣлахъ до священнослуженія и обрядовъ своихъ отнестись пожелали, и Его Вел-ву оныя довѣрили, то сіе и есть, (выключая уже обязанности ихъ по вѣрноподданству), статья, которая ими самими должна считаться первѣйшею и къ духовнымъ чувствамъ совѣсти ихъ наиближайшею. Поминать же Синода и епархіальнаго архіерея въ сей предметъ не входитъ и можетъ оставаться по принятымъ ими правиламъ.

Впрочемъ, исключая изъясненнаго здѣсь, Гос. Им. на содержащіяся въ донесеніи вашемъ части высочайше соизволяетъ, о чемъ вашему высокопреосвященству сообщая, честь имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь, вашего высокопреосвященства покорнѣйшій и послушный Неплюевъ.

P. S. Гос. Им. приказать изволилъ, чтобы ваше высокопреосвя-во взяли у старообрядцевъ форму, каковою они поминать хотятъ имена Гос. Им. и фамиліи и ко мнѣ бы прислали, дабы можно было судить о силѣ и качествѣ смысла оной.

Петергофъ. Іюля 12 день 1799 года.

4.

Преосвященный Амвросій, архіепископъ Казанскій и Свіяжскій.

Вслѣдствіе повелѣнія моего, сообщеннаго вамъ чрезъ находящагося при мнѣ тайнаго совѣтника Неплюева, въ отвѣтъ на донесеніе ваше касательно старообрядцевъ, по статьѣ, въ ономъ повелѣніи моемъ изъясненной и безъ которой никакія съ ихъ стороны предложенія приняты быть не имѣютъ, повелѣваю вамъ прекратить съ ними всякое сношеніе, предъ симъ отъ моего снисхожденія вамъ препорученное, и объявить имъ отъ меня, что отъ нынѣ оставляю я всѣхъ ихъ въ ихъ первомъ положеніи. Пребываю вамъ благосклонный «Павелъ».

Собственноручная приписка. «Къ сему прибавлю, что естьли рѣчь о поминаніи меня и фамиліи по древнимъ обыкновеніямъ, то на сіе я соизволяю; а естьли же совсѣмъ не хотятъ поминать или съ какою-нибудь выдумкою subinteligitur, то прекратите всякое сношеніе, оставя все по прежнему. Павелъ».

Петергофъ. Іюля 12 день 1799 года.

5.

Преосвященный Амвросій архіепископъ Казанскій и Свіяжскій.

Присланныя отъ васъ свѣдѣнія касательно старообрядцевъ я получилъ и принялъ ихъ *ad referendum*, за извѣстіе. Вслѣдствіе чего имѣете вы оставить ихъ въ прежнемъ ихъ положеніи. Пребываю къ вамъ благосклонный Павелъ».

Г. Гатчина. Августа 20-го дня 1799 года.

6.

Преосвященный Амвросій архіепископъ С.-Петербургскій.

Узнавъ, что изъ Тверской Семинаріи, по требованію недѣльному С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора князя Мещерскаго, уволено десять человѣкъ семинаристовъ для опредѣленія въ статскую службу, повелѣваю вамъ сдѣлать преосвященному Тверскому выговоръ, подтвердя ему при томъ, чтобъ впредъ, безъ особаго моего повелѣнія, изъ сего званія въ другія отнюдь не поступали; вы же имѣйте неослабный надзоръ надъ тѣмъ, чтобы сія воля моя по всѣмъ епархіямъ равномѣрно исполнялась. Пребываю вамъ благосклонный «Павелъ».

Собственноручная приписка. «Предпишите всѣмъ епархіямъ семинаристовъ не обращать безъ воли моей въ другое какое званіе, о чемъ каждый разъ Синоду меня спрашиваться. П.»

Городъ Павловскъ. Мая 27-го дня 1800 года.

7.

Преосвященный Амвросій архіепископъ С.-Петербургскій.

Въ 27-й день сего мѣсяца, по волѣ Бога Всемогущаго, наша любезная внука великая княжна Марія Александровна, на второмъ лѣтѣ возраста ея, отъ сея времянныя жизни въ вѣчное блаженство преставилась. О семъ печальномъ для насъ и Императорскаго дома нашего происшествіи возвѣщая вамъ, для принесенія къ престолу Всевышняго установленныхъ молитвъ, по сношенію съ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, пребываемъ вамъ благосклонны. Павелъ.

Іюля 27 дня 1800 года. Царское Село.

8.

Ваше высокопреосвященство. Государь Императоръ высочайше мнѣ указать соизволилъ вамъ сообщить, что по случаю кончины ея императорскаго высочества великой княжны Маріи Александровны похороны будутъ въ Невскомъ монастырѣ, а мѣсто для положенія тѣла было бы часть того, гдѣ положено было Государя Императора Петра Третьяго тѣло. Константинъ Цесаревичъ.

Царское Село. Іюля 27 дня 1800 года.

9.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Амвросій.

Желая изъявить наше монаршее благоволеніе къ ревностному служенію вашему, всемилостивѣйше пожаловали мы вамъ бѣлый клобукъ, который вмѣстѣ съ симъ доставляя къ вамъ для возложенія на себя и ношенія по обычаю, соизволяемъ, чтобы вы отнынѣ именовались митрополитомъ. Мы удостовѣрены впрочемъ, что въ семъ подвигѣ нашемъ обрящете вы убѣдительное доказательство того отмѣннаго вниманія, съ каковымъ пребываемъ мы вамъ благосклонны. Павелъ.

Въ Михайловскомъ замкѣ. Марта 10-го дня 1801 года *).

(*Сообщено академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ*).

Когда митрополита Филарета спрашивали о заслугахъ Амвросія, онъ отвѣчалъ, что въ исторіи не позабудется его имя, такъ какъ онъ умѣлъ оберегать положеніе церкви въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія. П. Б.

---

*) Наканунѣ кончины. П. Б.

ЦЕРЕМОНІАЛЫ ХАНСКИХЪ ВЫБОРОВЪ У КИРГИЗОВЪ.

Киргизскія орды, Малая и Средняя, принявъ въ половинѣ прошлаго столѣтія подданство Россіи и подчинившись Русскому престолу, удержали однако въ своихъ родахъ пріемы туземнаго управленія и многіе укоренившіеся обряды и обычаи, свойственные полудикому народу. Самымъ выдающимся обычаемъ въ Киргизскомъ управленіи, сохранившимся до 1825 года [1]), были выборы хановъ и утвержденіе ихъ въ этомъ достоинствѣ, происходившіе съ особенною пышностію, для поддержанія которой Русское правительство не жалѣло денегъ и подарковъ.

Въ дѣлахъ канцеляріи бывшаго Оренбургскаго генералъ-губернаторства (1793—1805) имѣются двѣ записки, одна о возведеніи въ ханы Средней орды султана Валія, другая—объ утвержденіи въ ханскомъ достоинствѣ султана Джантюри, избраннаго въ правители Киргизъ-Кайсаковъ Малой орды.

Валій, ханъ Средней орды.

Когда въ 1781 году умеръ Аблай, ханъ Средней орды, принявшій въ 1739 году подданство Россіи вмѣстѣ съ своимъ братомъ Абулмаметъ-ханомъ, народъ Киргизскій избралъ своимъ правителемъ сына его султана Валія. На всеподданнѣйшее прошеніе отправленной ордынцами въ Петербургъ депутаціи послѣдовало милостивое благоволеніе императрицы Екатерины II-й „утвердить султана Валія въ ханскомъ достоинствѣ“ для лучшаго отъ народа сего къ сторонѣ Россійской уваженія и въ подданствѣ его удержанія“. Уфимскому и Симбирскому генералъ-губернатору [2]) генералъ-поручику

[1]) Въ этомъ году Малая Киргизская орда раздѣлена была по управленію на три части: восточную, среднюю и западную съ султанами-правителями, подчиненными непосредственно начальнику Оренбургскаго края, и тѣмъ уничтожены званія хановъ. См. Матеріалы по Исторіи Оренб. губ. 1877 г., вып. I, от. II, стр. 40.

[2]) Уфимское генералъ-губернаторство или намѣстничество составляли области Уфимская и Оренбургская. Въ первую входили уѣзды: Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій, Бугурусланскій, Белебеевскій, Стерлитамакскій и Челябинскій. Во вторую: Оренбургскій, Верхнеуральскій, Бузулукскій и Сергіевскій. Кромѣ того къ нему были причислены Уральскъ и Гурьевъ, отдѣленные въ 1780 году отъ Астраханской губерніи, и вся нынѣшняя губернія Симбирская и Самарская. Средоточіемъ управленія, гражданскаго и военнаго, былъ г. Уфа. Въ 1796 г. указомъ императора Павла 2 Декабря намѣстничество переименовано въ Оренбургскую губернію и управленіе перенесено въ г. Оренбургъ.

Якоби отъ Правительствующаго Сената 14 Февраля 1782 года данъ былъ указъ произвести обрядъ утвержденія въ г. Уфѣ „со всею торжественностію и церемоніей“.

Получивъ указъ, генералъ-губернаторъ поспѣшилъ оповѣстить о томъ Киргизовъ и увѣдомилъ султана Валія, приглашая біевъ, старшинъ, султановъ и прочихъ Киргизскихъ родоначальниковъ прибыть въ Уфу къ 1-му Ноября [3]).

Ко дню торжества къ г. Уфѣ прикочевало „такое множество“ Киргизовъ, какого со дня существованія своего не видѣли еще жители этого города. Киргизы расположились своими кочевьями на правомъ берегу рѣки Уфы, усѣявъ своими кибитками на далекое пространство всю прибрежную степную полосу, отъ Сибирской дороги до горъ Тура-Тау. Въ какихъ нибудь два-три дня чуть не вся орда собралась здѣсь.

Когда прибылъ сюда Валій, наканунѣ дня, назначеннаго для церемоніала, генералъ Якоби чрезъ своего адъютанта при переводчикѣ „съ приличнымъ парадомъ“ увѣдомилъ его о предполагавшемся на другой день торжествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ командующему Сибирской линіей генералъ-поручику Огареву поручено было возвѣстить о томъ горожанамъ и присутственнымъ мѣстамъ.

День торжества, въ восемь часовъ утра, ознаменовался тремя пушечными выстрѣлами, по которымъ личный адъютантъ Уфимскаго намѣстника отправился къ Валію-султану съ увѣдомленіемъ о началѣ „церемоніи“, чтобы онъ со всѣми султанами, старшинами и народомъ приготовился къ прибытію за нимъ почетнаго конвоя.

Между тѣмъ всѣ свободные отъ службы драгунскіе эскадроны и казачьи команды стягивались въ крѣпость Св. Петра, гдѣ долженъ былъ происходить обрядъ ханскаго утвержденія. Туда же собрались всѣ военные и гражданскіе начальники. Съ распущенными знаменами войска выстроились покоемъ на небольшомъ плацу, гдѣ была уже устроена ханская ставка, довольно порядочныхъ размѣровъ, въ которой могло помѣститься около ста человѣкъ.

Когда въ крѣпость прибыли генералъ-поручикъ Огаревъ съ должностными чинами и штабъ и оберъ-офицерами, а за нимъ вскорѣ Якоби, въ лагерь Киргизскій былъ посланъ запряженный шестерикомъ экипажъ, съ подполковникомъ Сибирскаго драгунскаго полка и переводчикомъ, подъ конвоемъ 20 драгунъ и 20 казаковъ при одномъ оберъ-офицерѣ.

Командированный подполковникъ, по прибытіи къ султану и „по засвидѣтельствованіи обыкновеннаго комплимента“, доложилъ ему о причинѣ своего пріѣзда. Валій выслушалъ привѣтствіе стоя и „съ чувствительнымъ удовольствіемъ отозвался весьма благодарнымъ, изъявя всю свою преданность къ торжественному ея императорскаго величества скипетру“.

---

[3]) См. въ Оренбург. Центр. Архивѣ «Сношенія Министерскія», записку объ этомъ торжествѣ.

Сѣвъ затѣмъ въ карету, султанъ въ сопровожденіи конвоя и Киргизскаго народа двинулся въ крѣпость. По обѣимъ сторонамъ экипажа ѣхали султаны, позади конвой, а за ними почетные біи и старшины. Шествіе замыкала огромная толпа Киргизовъ, всѣ на коняхъ, въ богатыхъ пестрыхъ національныхъ костюмахъ. Ровно въ 12 час. дня султанъ въѣхалъ въ городъ и какъ только эта оригинальная кавалькада показалась въ предмѣстьи Уфы или форштадтѣ, изъ крѣпостныхъ орудій грянуло десять выстрѣловъ; когда же карета султана подъѣхала къ крѣпостнымъ воротамъ, войска взяли на караулъ, раздался трескъ барабановъ, загремѣли „почетную встрѣчу" трубы и литавры, и командующій парадомъ подъ эту отчаянную дробь подлетѣлъ съ рапортомъ къ султану. Валій проѣхалъ по рядамъ войскъ, важно, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, отвѣчалъ имъ на привѣтствія любезнымъ поклономъ и затѣмъ, недалеко отъ приготовленной палатки, вышелъ изъ экипажа, гдѣ къ нему явился штабъ-офицеръ, наряженный сопровождать его высокостепенство, въ качествѣ ординарца.

Войска взяли на плечо. Султанъ, окруженный своими приближенными, медленно двинулся къ ставкѣ, гдѣ, не доходя до нея нѣсколько шаговъ, онъ былъ встрѣченъ начальникомъ гарнизона г. Уфы бригадиромъ Ѳедцовымъ, а при входѣ въ самую палатку обоими генералъ-поручиками, штабными и строевыми офицерами.

Послѣ обычнаго обмѣна привѣтствій, генералъ Якоби попросилъ гостей садиться. Султанъ сѣлъ въ нарочито устроенное ему кресло. Правѣе его по старшинству помѣстились братья его, султаны и старшины. По другую сторону заняли мѣста правящій должность генералъ-губернатора, намѣстникъ Якоби, рядомъ—генералъ Огаревъ, бригадиръ Ѳедцовъ и прочіе штабъ и оберъ-офицеры, не бывшіе въ строю.

Когда всѣ усѣлись въ должномъ порядкѣ, „полуциркулемъ", „начатъ былъ разговоръ о высочайшей ея императорскаго величества милости относительно утвержденія Валія-султана въ ханскомъ достоинствѣ и о прочемъ, до торжества сего касающемся".

Между тѣмъ передъ ставкой шли приготовленія къ церемоніи. Мѣсто, гдѣ султанъ долженъ былъ принести присягу на вѣрное подданство Россіи, было устлано коврами. Кругомъ него „полуциркулемъ" расположились султаны, старшины и лучшій Киргизскій народъ. Для присутствованія при этой церемоніи допущено было ограниченное число. Было только 15 султановъ, 120 біевъ, батырей и старшинъ и до 500 простыхъ Киргизовъ, да и тѣ послѣднихъ пускали по выбору самого султана особо назначенные для того Киргизскіе есаулы. Прочимъ Киргизамъ „въ безчисленномъ множествѣ" дали помѣститься за цѣпью войскъ, окружавшихъ мѣсто ханскаго ковра.

Очевидецъ разсказываетъ, что поглядѣть на эту церемонію туземцевъ съѣхалось столько, что ихъ и половины не помѣстилось въ крѣпости. Большинство изъ нихъ стояли внѣ и оттуда „глазѣли" на торжество „со своихъ коней" или взбирались на крыши домовъ, чтобы лучше видѣть обрядъ рѣдкаго посвященія въ правители Киргизскаго народа. Да и всѣхъ

допустить въ крѣпость нельзя было еще и по той простой причинѣ, что Киргизы по своему невѣжеству испортили бы устраиваемый порядокъ и могли бы стѣснить „лучшихъ людей“. И съ тѣми, которые присутствовали при церемоніи, было много возни. Требовались нечеловѣческія усилія, чтобы установить ихъ, согласно церемоніала, въ должномъ порядкѣ. Каждый лѣзъ впередъ, старался занять первое мѣсто; нѣкоторые даже садились на ханскій коверъ. Не смотря на строгія мѣры султановъ и старшинъ и пущенныя въ дѣло нагайки, „съ превеликимъ трудомъ можно было преодолѣть ихъ упрямство“.

Когда наконецъ уже все было приготовлено для торжественнаго посвященія и когда былъ водворенъ порядокъ, всѣ начальствующія лица и Киргизскіе родоначальники вышли изъ ставки. Генералъ Якоби чрезъ переводчика обратился къ Киргизскому народу съ рѣчью, объяснивъ въ короткихъ словахъ важность настоящаго торжества и драгоцѣнность милосердія всемилостивѣйшей Государыни къ своему Киргизскому народу, выраженное пожалованіемъ Валія-султана ханомъ Средней Киргизъ-кайсацкой орды. Затѣмъ былъ прочитанъ „во всеуслышаніе“ на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ патентъ на ханское достоинство. По-русски читалъ ассесоръ, а по Татарски—соборный ахунъ [1]).

Послѣ этого на Коранѣ ахунъ вслухъ прочиталъ присягу, составленную по формѣ, присланной изъ Правительствующаго Сената, а султанъ Валій колѣнопреклоненно повторялъ за нимъ „слово въ слово“ и по окончаніи ея поцѣловалъ Коранъ, поднялъ его надъ головой и затѣмъ приложилъ къ присяжному листу свою именную печать.

Къ нему тотчасъ же подошли ассесоръ и два чиновника, которые надѣли на него высочайше дарованныя соболью шубу и золотую съ бриліантами и императорскимъ вензелемъ саблю. Генералъ-губернаторъ вручилъ ему бобровую ханскую шапку и патентъ. Первую онъ сейчасъ же надѣлъ, а послѣдній, поцѣловавъ, поднялъ надъ головой.

Наконецъ въ такомъ же порядкѣ, по-русски и по-татарски, была прочитана высочайшая грамота Киргизскому народу объ этомъ знаменательномъ для него событіи, и тѣмъ церемонія утвержденія хана кончилась. Пошли, конечно, обычныя поздравленія, начиная со старшихъ и кончая младшими.

Передъ поздравленіемъ ахунъ и депутатъ Даушевъ сказали приличныя этому случаю рѣчи: первый на Арабскомъ, второй на Турецкомъ языкахъ, изъясняя и новопожалованному хану, и всѣмъ Киргизамъ великую милость Всероссійской Императрицы, матери Киргизъ-кайсацкаго народа.

„Высокостепенный Валій-Аблай, ханъ многочисленнаго Киргизскаго народа, говорилъ Даушевъ, воздай хвалу Аллаху, Господу всѣхъ тварей земныхъ и высокихъ духовъ небесныхъ, за явленную царицей Савской,

---

[1]) Ахунъ—духовное лицо у магометанъ, немногимъ выше муллы, нѣчто подобное нашему архимандриту.

героиней, побѣдительницей свѣта и великой государыней счастливой и могущественной земли великую милость тебѣ и твоему родному племени. Да сохранитъ ее Милосердый Богъ на долгіе годы для счастья и благоденствія Киргизъ-кайсацкаго народа. Возрадуйся высокою милостью, но не возносись сильнымъ положеніемъ. Будь милостивъ и добръ къ подчиненнымъ тебѣ. Соблюдай законы и не нарушай клятву присяги своей престолу Россійскому. До гроба сохрани любовь къ царю и отечеству, да не постигнетъ тебя кара Господня, да избѣгнетъ сердце твое муки ада, да избѣжитъ душа твоя когтей дьявола; и пусть Магометъ уготоваетъ тебѣ мѣсто среди гурій черноокихъ, между Тигромъ и Ефратомъ. А вы (сказалъ онъ старшинамъ и султанамъ), какъ дѣти одной земли, почитайте главу своего, какъ отца и хранителя. Исполняйте велѣнія его и чтите его высокій санъ, да насладитесь тогда благоденствіемъ и счастіемъ".

Все общество потомъ двинулось къ ставкѣ, гдѣ этотъ торжественный актъ былъ записанъ въ журналъ такими словами:

„1782 года, Ноября 1-го дня, во исполненіе всевысочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, послѣдовавшаго въ 14 день Февраля с. г., на всеподданнѣйшее прошеніе Киргизъ-кайсацкой Средней орды султановъ, старшинъ и всего народа, присланное къ Е. И. В. чрезъ депутатовъ и брата Валія, султана Ишима, избранный ими, на мѣсто умершаго хана Аблая, въ ханы сынъ его, Валій, нынѣ въ крѣпости Св. Петра приведенъ на ханское достоинство къ присягѣ и торжественно въ семъ званіи утвержденъ". „Каковой актъ въ копіи сообщить для незабвенной памяти къ дѣламъ здѣшней и Оренбургской заграничной экспедиціи, также къ правящему должность Тобольскаго и Пермскаго генералъ-губернатора, генералъ-поручику Кашкину, Иркутскому губернатору, генералъ-маіору Кличкѣ, а для вѣдомства и въ Уфимское намѣстническое правленіе".

Вслѣдъ за симъ актъ былъ ознаменованъ сто однимъ выстрѣломъ изъ орудій и тремя ружейными залпами всѣхъ частей войскъ „при звукѣ трубъ и литавръ съ барабаннымъ боемъ".

Между тѣмъ въ домѣ намѣстника былъ приготовленъ столъ, за который по пріѣздѣ изъ ставки сѣли всѣ военные и гражданскіе чины г. Уфы и ханъ со своими знатными султанами и старшинами. За недостаткомъ мѣста въ домѣ генералъ-губернатора для тѣхъ Киргизовъ, которые сопровождали Валія, данъ былъ особенно „трактаментъ" среди крѣпости, а для всѣхъ прочихъ за крѣпостью и въ Киргизскомъ лагерѣ, куда „отослано довольно порцій и изъ живности, и изъ приготовленныхъ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ".

Обѣденный столъ у генералъ-губернатора продолжался четыре часа, и все время играла „инструментальная и духовая музыка". Во время обѣда были предложены тосты за ея императорское величество съ пушечной пальбой въ 101 выстрѣлъ, за ихъ императорскихъ высочествъ наслѣдника Павла Петровича и цесаревну Марію Ѳеодоровну—51 выстрѣлъ, за вѣрноподданныхъ ея величества, весь генералитетъ и „высокославное" войско

въ 21 залпъ, въ честь новоутвержденнаго хана со всѣмъ ввѣреннымъ ему Киргизскимъ народомъ—15 выстрѣловъ и за командующаго Сибирской линіей со всѣми начальниками—15 залповъ.

По окончаніи стола подавали кофе, пуншъ, пиво и медъ. Киргизы охотно пробовали все и не понемножку, а сколько „душа принимала", ни отчего не отказываясь [1]). Самъ ханъ однако пилъ мало и скоро въ томъ же экипажѣ и въ сопровожденіи того же конвоя уѣхалъ въ свой лагерь.

Этимъ кончилось первое угощеніе.

На другой день пиршество открыли сами Киргизы въ своей кочевкѣ, куда были приглашены всѣ начальствующіе Уфимскаго намѣстничества. Три дня продолжалось торжество, со скачками, джигитовкой, съ верблюжьими бѣгами, съ музыкой, съ пушечной и ружейной пальбой и съ разными Киргизскими игрищами.

Ханъ Джантюря.

Это былъ шестой [2]) по счету ханъ Малой Киргизской орды со времени ея подданства Россіи, унаслѣдовавшій власть отъ отца своего, стараго хана Айчувака, который, чувствуя себя, по преклонности лѣтъ, слабымъ, чтобы продолжать управленіе Киргизъ-кайсацкимъ народомъ, въ началѣ 1805 года, чрезъ Оренбургскаго военнаго губернатора князя Григорія Семеновича Волконскаго просилъ могущественнаго Бѣлаго Царя уволить его отъ этой обязанности. Желаніе престарѣлаго хана было уважено.

Указомъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ на имя князя Волконскаго Киргизскому народу предложено было избрать сына его, а Айчуваку на увольненіе отъ должности послана высочайшая грамота, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Божію милостію мы Александръ Первый, императоръ и самодержецъ Всероссійскій, и пр. и пр. и пр. Нашего императорскаго величества подданному, Киргизъ-кайсацкому Меньшей орды хану Айчуваку наша императорская милость. Снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе ваше, о коемъ донесено намъ отъ Оренбургскаго военнаго губернатора, генералъ отъ кавалеріи князя Волконскаго, всемилостивѣйше увольняемъ мы васъ отъ должности ханскаго званія. Во изъявленіе нашего монаршаго къ вамъ благоволенія, пожаловали мы вамъ по тысячѣ рублей въ годъ пенсіи по смерть, пребывая нашею императорскою милостію къ вамъ благосклонны. Александръ".

Грамота эта дана была въ Санктпетербургѣ 31-го Іюля 1805 года, и одновременно съ ней, при особомъ указѣ, князю Волконскому въ особо-запечатанномъ ящикѣ присланы были еще двѣ грамоты: одна на утвержденіе Джантюри „въ новомъ его достоинствѣ", другая, такъ называемая „обвѣ-

---

[1]) Очевидецъ нарочно подчеркиваетъ это обстоятельство, показывая тѣмъ, что Киргизы, хотя по закону Магомета не должны пить вино, но они между тѣмъ «пили его изрядно».

[2]) Первый Абулхаилъ съ 1732 г., за нимъ сынъ его Нурали, умершій въ 1791 г., третій ханъ братъ послѣдняго Эрали, правившій ордой съ 1792 по 1794 г. Послѣ его смерти вступилъ братъ Ишимъ, а за нимъ Айчувакъ съ 1799 года.

стительная"—„къ прочимъ той орды султанамъ, біямъ, старшинамъ, тарханамъ и всему народу" съ переводомъ на Татарскомъ языкѣ. Кромѣ того въ томъ же ящикѣ находились „инвеститурные" знаки для новаго хана: „1) шуба соболья, камчатная, съ золотыми петлицами, покрытая серебряною парчею съ золотыми цвѣтами, 2) шапка такой же парчи съ околышемъ лисьимъ, чернобурымъ и золотою кистью, 3) сабля булатная, съ золотою надписью, Русскою и Татарскою, насѣченною на клинкѣ, черенъ золотой, осыпанъ красными яхонтами, изумрудами, фиписами и аметисами; ножны, оклеены зеленымъ бархатомъ съ золотыми обоймами и наконечникомъ, въ футлярѣ, оклеенномъ снаружи зеленымъ сафьяномъ, а внутри бѣлымъ атласомъ, 4) перевязь для сабли поясная изъ золотаго позумента съ такими же крючками, петлею, бляхою и двумя кистями, и форма присяги на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ.

Начальнику края указомъ этимъ, по полученіи вещей, между прочимъ, предлагалось: грамоту хану Айчуваку немедленно отправить, „а въ доставленіи прочихъ двухъ (въ коихъ число не выставлено по неизвѣстности, когда утвержденіе новаго хана воспослѣдовать можетъ), и въ приведеніи того хана къ присягѣ поступить по прежнимъ примѣрамъ, приказавъ заблаговременно, какъ въ подлинныхъ и въ переводахъ поставить, такъ и на саблѣ насѣчь то число, какое по воспослѣдованіи выбора за благо признаете".

Князь Волконскій, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, тотчасъ предписалъ линейнымъ казачьимъ начальникамъ и комендантамъ крѣпостей, ближайшихъ къ кочевьямъ Киргизовъ, оповѣстить объ этой высочайшей милости Киргизскій народъ, и далъ знать о томъ султану Джантюрѣ, назначивъ днемъ выбора 28-е Августа 1805 г., такъ какъ Киргизы въ это время еще не успѣли откочевать отъ Оренбургскаго мѣноваго двора, куда прибываютъ всѣми аулами для обмѣна своихъ сырыхъ произведеній на Русскіе товары, начиная съ конца Мая *).

Ко дню начала торжествъ, къ мѣновому двору съѣхались не только всѣ знатные и незнатные Киргизы Малой орды, но и почетные старшины другихъ ордъ: Большой и Средней, приглашенные и начальникомъ края, и султаномъ Джантюрей. Для кочевокъ имъ отведена была громадная мѣстность лѣвѣе мѣноваго двора, между дорогой, идущей въ Илецкую Защиту, и Сулакомъ.

Длинной безконечной цѣпью арбъ и нескончаемыми рядами бѣлыхъ кибитокъ вытянулись въ глубину, отъ рѣки Урала до Сулака и раскинулись въ ширину, отъ Мѣновнинскихъ крѣпостныхъ стѣнъ до Бердянской линіи, кочевья эти съ ихъ верблюдами, табунами лихихъ коней, гуртами рогатаго скота и барановъ, пасущихся по широкой, необозримой степи около временныхъ жилищъ своихъ хозяевъ, вытаптывая жалкіе остатки пожел-

---

*) Мѣна производится съ 1 Іюня, когда открывается мѣновой дворъ, и продолжается до Октября, а иногда и дальше, до выпаденія первыхъ снѣговъ.

тѣвшей степной растительности, мелкими точками пропадая въ безпредѣльной дали отъ глазъ зрителя, сливаясь съ синевой далекаго южнаго горизонта. Сюда же, ближе къ Уралу, разбросались нѣсколько десятковъ кибитокъ и джиламеекъ *) знатнѣйшихъ Киргизовъ съ ихъ громаднымъ штатомъ работниковъ и работницъ, а посрединѣ ихъ, точно зáмокъ передъ лачугами, отдѣленная немного отъ прочихъ, возвышалась ставка султана, будущаго владыки Киргизскаго народа, отличающаяся отъ другихъ роскошью своей отдѣлки, пестротою цвѣтныхъ кибиточныхъ войлоковъ и богатствомъ Бухарскихъ ковровъ, переливавшихся на солнцѣ яркими красками.

Съѣхавшіеся на торжество Киргизы расположились здѣсь по домашнему, т. е. прибыли сюда съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, благо время лѣтнее, Мѣновнинская ярмарка въ самомъ разгарѣ. Они убивали разомъ двухъ бобровъ: могли поглазѣть на выборы хана и свои дѣлишки справить на мѣновомъ дворѣ. Разсчетъ начальника края произвести выборы въ эту пору, чтобы привлечь на зрѣлище больше туземцевъ, превзошелъ всякія ожиданія: Киргизовъ столько съѣхалось къ мѣновому двору, что никогда еще обширная матушка-Зауральная степь не носила на своей груди такое количество туземныхъ жилищъ. Кибитки тамъ и тутъ съ каждымъ днемъ выростали, какъ грибы въ дождевую пору въ густомъ бору. Полнымъ полна, запружена была ширина степной равнины къ назначенному для торжества времени.

Туземцы съ нетерпѣніемъ ждали того благодатнаго дня, когда ихъ вождь, сынъ царственнаго родоначальника, станетъ передъ Аллахомъ и будетъ признанъ отъ Всевышняго, отъ Великаго Акъ-падишаха достойнымъ правителемъ своего народа. Томительно тянулись дни передъ торжествомъ, дни переговоровъ Киргизскихъ родоначальниковъ съ начальникомъ края, дни приготовленій къ торжественному обряду, заранѣе составленному по строго-эффектному церемоніалу. Но прежде чѣмъ возводить хана въ его достоинство, въ силу укоренившихся Киргизскихъ обычаевъ, должны были произойти выборы его, не смотря даже на то, что ханъ былъ уже назначенъ.

За два дня до выборовъ, главнѣйшіе родоначальники, біи, старшины и другіе знатные Киргизы, чрезъ офицера, явившагося въ кочевку съ переводчикомъ, были приглашены Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ къ обѣденному столу.

Передъ губернаторскимъ домомъ ихъ встрѣтили штабъ-офицеры съ переводчиками, которые ввели почетныхъ гостей въ залъ, гдѣ „для вящшей почести“, подъ командой оберъ-офицера, у каждой двери, идущей во внутренніе покои, стояли парные часовые изъ отборныхъ солдатъ мушкатернаго полка, которые при ихъ входѣ взяли на караулъ „по ефрейторски, какъ внутреннимъ почетнымъ постамъ надлежитъ“. Гости приглашены были садиться, и „тутъ штабъ-офицеры занимались съ ними разговорами“.

---

*) Джиламейка тоже кибитка, но немного поменьше ея.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ сопровожденіи военныхъ и гражданскихъ начальствующихъ лицъ Оренбурга, вышелъ начальникъ края и, послѣ обычнаго обмѣна привѣтствій, объявилъ имъ причину настоящаго собранія, а затѣмъ просилъ откушать его хлѣба-соли.

За обѣдомъ разговоръ о выборѣ въ ханы „достойнѣйшаго и благонадежнѣйшаго мужа въ вѣрности къ Его Величеству и усердіи къ общенародному спокойствію“ продолжался. Князь Волконскій, во время кофе и чая, предложилъ родоначальникамъ „учинить единогласное избраніе хана“ въ степи, за р. Ураломъ, по другую сторону мѣноваго двора, „въ томъ мѣстѣ, гдѣ они сами найдутъ удобнымъ“.

Часовъ въ семь вечера гости, провожаемые офицеромъ и переводчикомъ, уѣхали обратно.

Черезъ сутки послѣ этого, въ восемь часовъ утра, три пушечные выстрѣла съ бастіона отъ Уральскихъ воротъ Оренбургской крѣпости возвѣстили и жителямъ города, и Киргизскому народу день избранія хана. И по сигналу этому, штабъ-офицеръ, изображавшій нѣчто въ родѣ герольда, съ переводчикомъ и двумя офицерами, въ сопровожденіи четырехъ взводовъ Тептярскаго полка съ двумя трубачами, по приказанію начальника края, двинулся въ Киргизскій лагерь.

Команда шла въ строгоуставномъ порядкѣ. Герольдъ въ полной парадной формѣ гарцовалъ впереди. Лѣвѣе его, на полъ-лошади назадъ, ѣхалъ переводчикъ. За ними офицеры, оба въ рядъ, а потомъ повзводно съ шашками на голо, въ походно-боевой формѣ выступали церемоніальнымъ маршемъ Тептяри, имѣя трубачей на правомъ флангѣ, которые играли „походъ“.

По пріѣздѣ къ ставкѣ Киргизскихъ родоначальниковъ, конвой выстроился развернутымъ фронтомъ штабъ-офицеръ и переводчикъ сошли съ коней и, войдя въ кибитку къ дожидавшимся уже ихъ старшинамъ, „съ должною пристойностію“ объявили приказаніе командующаго войсками приготовиться къ выборамъ хана въ этотъ день.

Дождавшись, когда султаны и родоначальники оповѣстили о томъ и прочихъ Киргизовъ и собрали ихъ въ указанное мѣсто, штабъ-офицеръ въ томъ же порядкѣ возвратился къ военному губернатору съ докладомъ.

Князь Волконскій, получивъ донесеніе, со свитой изъ всѣхъ начальствующихъ города Оренбурга и всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, съ почетнымъ конвоемъ изъ той же сотни Тептярскаго полка, сотни Оренбургскаго казачьяго полка и ста отборныхъ наѣздниковъ Башкирскаго войска съ ихъ чиновниками, поѣхалъ на торжество выбора.

По пути туда, Тептярская и казачья сотни слѣдовали за начальствомъ во взводной колоннѣ, а Башкиры, равняясь съ колонною, съ лѣваго фланга составили лаву *).

Въ собраніи Киргизовъ, по приказанію военнаго губернатора, переводчикомъ была прочитана на Татарскомъ языкѣ высочайшая грамота къ Киргиз-

*) Разомкнутый казачій строй въ одну линію, безъ задней шеренги.

скому народу; затѣмъ князь Волконскій обратился къ нимъ съ рѣчью по поводу избранія хана, выяснивъ, что всемилостивѣйшій Монархъ предлагаетъ имъ въ ханы достойнѣйшаго мужа. Объявивъ собраніе открытымъ, начальникъ края, чтобы не мѣшать Киргизамъ, со всей свитой и конвоемъ, отъѣхалъ отъ нихъ „на значительное разстояніе“.

Пока же шли выборы, для новаго хана и его свиты былъ разбитъ „особливый лагерь“, гдѣ хану были поставлены роскошная палатка, устланная вся коврами, и красивая обширная кибитка со всѣми приспособленіями для ханскаго величія.

По окончаніи выбора, когда депутаты отъ Киргизъ (два султана и двое старшинъ) доложили объ этомъ начальнику края, событіе это было ознаменовано 21 выстрѣломъ изъ орудій полуденнаго фаса (т. е. съ южной стороны) мѣноваго двора, а между тѣмъ къ Джантюрѣ былъ посланъ княземъ адъютантъ поздравить и пригласить его переѣхать въ приготовленную для него ханскую ставку, въ которой онъ долженъ находиться все время своего пребыванія близъ Оренбурга. Самъ командующій войсками, не повидавшись на этотъ разъ съ ханомъ, со всей свитой и конвоемъ, возвратился въ крѣпость и оттуда только послалъ къ нему особаго штабъ-офицера съ приглашеніемъ пожаловать къ обѣденному столу.

За ханомъ и приближенными ему султанами были отправлены двѣ кареты, запряженныя цугомъ. Въ почетный конвой назначили двухъ штабъ-офицеровъ регулярныхъ войскъ и одного оберъ-офицера съ двумя взводами Тептярей при двухъ трубачахъ, которые по прибытіи къ ханской ставкѣ выстраиваются фронтомъ противъ кареты.

Едва ханъ показался изъ палатки, команда взяла „пики въ руку“, офицеръ салютовалъ, а трубачи заиграли „встрѣчу“, продолжая играть до тѣхъ поръ, пока Джантюря не сѣлъ въ коляску, въ которую сѣли также одинъ изъ штабъ-офицеровъ, помѣстившись противъ хана.

Поѣздъ двинулся къ городу. Ханская карета ѣхала впереди. По обѣимъ сторонамъ ея скакали офицеры. За ними слѣдовала другая карета съ султанами, и далѣе на коняхъ свита ханская въ богатыхъ національныхъ костюмахъ. Тептяри, раздѣлясь пошереночно, ѣхали по бокамъ, на три лошади дистанціи одинъ отъ другаго, держа пики на перевѣсъ, „къ атакѣ“.

Всѣ караулы, мимо которыхъ проѣзжалъ ханъ, отдавали ему честь, какъ владѣтельной особѣ, только безъ приклоненія знамени. У дома военнаго губернатора его встрѣтили особо-назначенные чиновники, а въ пріемномъ залѣ самъ начальникъ края съ „знаменитыми“ начальствующими лицами, который привѣтствовалъ его поздравленіемъ „съ любовію и довѣренностью къ нему народа“.

— Я очень радъ за Киргизскій народъ, сказалъ князь, что онъ на столько оказался благоразумнымъ, выбравъ ваше высокостепенство своимъ правителемъ. Моему государю пріятно будетъ видѣть преданнаго и полезнаго слугу престола.

Слѣдомъ за этимъ гости двинулись къ столу, который былъ уже накрытъ и блисталъ пестротой питій и обиліемъ явствъ.

За обѣдомъ начальникомъ края были произнесены тосты за Его Императорское Величество, сопровождающіеся 51 пушечнымъ выстрѣломъ, за царствующую государыню — 21 выстрѣлъ, за вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну—21 выстрѣлъ, за генералитетъ и вѣрноподданныхъ Россіи и Всероссійскаго оружія воиновъ —7 выстрѣловъ и за новоизбраннаго хана со всѣмъ Киргизскимъ народомъ—5 выстрѣловъ.

Послѣ обѣда, во время кофе, князь Волконскій просилъ хана приготовиться къ обряду утвержденія согласно высочайшей волѣ. И ханъ вскорѣ уѣхалъ въ сопровожденіи того же конвоя въ лагерь.

Съ этого дня у ставки его выставлялся почетный караулъ изъ 50-ти человѣкъ Тептярей.

—

Необъятной шириной глядѣла необозримая Зауральная степь далеко въ безпредѣльное пространство, убѣгая своими пологими холмиками, чуть замѣтными увалами и одиноко-змѣющейся большой Илецкой дорогой, когда на могучей груди ея, которую въ состояніи только былъ окинуть человѣческій глазъ, на третій день послѣ выбора хана, чуть лишь забрезжилъ свѣтъ, и еще Востокъ не успѣлъ хорошенько окраситься пурпуромъ, всколыхнулись, завозились разбросанные тамъ и сямъ Киргизскіе аулы. Длинными вереницами, и на коняхъ, и на верблюдахъ, и въ арбахъ потянулись туземные роды къ южному фасу мѣноваго двора. И скоро тамъ на ничѣмъ не огороженномъ безконечномъ пространствѣ образовалось волновавшееся море разноцвѣтныхъ головъ сѣдыхъ, черныхъ и русыхъ въ различныхъ головныхъ уборахъ и въ высокихъ черныхъ бараньихъ шапкахъ, и въ длинныхъ конусообразныхъ малахаяхъ [1], и въ остроконечныхъ кошемныхъ шляпáхъ [2]. Невообразимый шумъ и гамъ толпы, крики прибывавшихъ все болѣе и болѣе наѣздниковъ, ржаніе коней и ревъ верблюдовъ стономъ стояли въ воздухѣ: точно Киргизы собрались не на праздничное торжество, а на мѣновую куплю и продажу. Всѣ съ нетерпѣніемъ смотрѣли въ сторону города, откуда черезъ Илецкую рогатку [3]) должны были придти сюда войска для отдачи почести новому хану.

Чу! Съ крѣпостныхъ батарей Оренбурга одинъ за однимъ три выстрѣла гулко разсыпались надъ уснувшимъ Ураломъ. Немного погодя, изъ

---

[1]) Малахай—узкая мѣховая шапка съ наушниками и затыльникомъ; сверху покрывается сукномъ краснымъ или какого-либо другаго цвѣта.

[2]) Шляпá (а не шля́па)—высокій, узкій войлочный колпакъ съ изогнутыми наружу полями.

[3]) Въ Оренбургской крѣпости было четверо воротъ, обращенныхъ на всѣ четыре страны свѣта, и Илецкая рогатка у Уральнаго моста къ сторонѣ степи, Ворота носили каждыя свое названіе: 1) Самарскія или Чернорѣченскія къ сторонѣ города Самары; 2) Сакмарскія, идущія къ р. Сакмарѣ, на такъ называемый Исетскій трактъ; 3) Орскія на крѣпость Орскую; 4) Водяныя, стоящія на Водяной улицѣ и 5) Яицкія, переименованныя потомъ въ Илецкую рогатку.

Водяныхъ воротъ выѣхала блестящая кавалькада почетныхъ Тептярей въ красныхъ мундирахъ съ штабъ-офицеромъ во главѣ и двумя регулярными оберъ-офицерами, которая направилась прямо къ ханской ставкѣ. За нею скоро показались стройныя колонны Оренбургскихъ войскъ, долженствовавшихъ принять участіе въ торжественной церемоніи. Впереди съ распущеннымъ знаменемъ шелъ батальонъ Уфимскаго мушкатернаго полка, за нимъ со штандартами и значками пылили дорогу четыре сотни Тептярскаго коннаго полка, двѣ сотни Оренбургскаго казачьяго полка и сотни конныхъ Башкирскихъ панцырниковъ, а въ хвостѣ двигалась рота полевой артилеріи съ своими неуклюжими орудіями. Остался безъ участія въ парадѣ только батальонъ Оренбургскаго гарнизоннаго полка, назначенный для содержанія карауловъ по городу въ этотъ день.

За мѣновымъ дворомъ войска выстроились развернутымъ фронтомъ въ каре, обозначивъ такимъ образомъ мѣсто, гдѣ долженъ былъ происходить церемоніалъ утвержденія султана Джантюри въ ханскомъ достоинствѣ, гдѣ уже были разосланы ковры и поставлены полуциркулемъ почетные выборные старшины и главные Киргизскіе родоначальники.

Около часа дня къ мѣсту торжества, сопровождаемый ординарцами-офицерами и взводомъ Тептярей со своей свитой, прибылъ Джантюря, котораго войска встрѣтили съ музыкой и барабаннымъ боемъ, и тотчасъ же съ извѣщеніемъ объ этомъ въ крѣпость къ князю Волконскому былъ посланъ офицеръ.

Когда начальникъ края со всѣми войсковыми чинами и въ сопровожденіи двухъ казачьихъ и одной Тептярской сотенъ прибылъ сюда, и войска отдали ему должную честь, ровно въ 2 часа пополудни начался обрядъ ханскаго утвержденія. Прочитанъ былъ во всеуслышаніе на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ патентъ ханскій. Затѣмъ нарочно для того вызванный изъ Уфы муфтій прочиталъ на Коранѣ присягу, которую Джантюря повторялъ за нимъ, стоя передъ Кораномъ на колѣняхъ.

„Я, нижеименованный, обѣщаюся и клянуся Всемогущимъ Богомъ, что хощу и долженъ его императорскому величеству, моему всемилостивѣйшему великому государю императору Александру Павловичу, самодержцу Всероссійскому и его императорскаго величества законному Всероссійскаго престола наслѣднику, который впредъ назначенъ будетъ, вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ подданнымъ быть, и служить его величеству усердно, какъ то вѣрному подданному надлежитъ и никакой противности ни явно, ни тайно не чинить, и по данному мнѣ ханскому достоинству во всемъ поступать и исполненіе чинить по его императорскаго величества указамъ, не жалѣя живота своего; подчиненный же мнѣ Киргизъ-Кайсацкій народъ содержать въ правосудіи и спокойствіи и отъ всякихъ препятствій противу интересовъ его императорскаго величества и собственной Киргизъ-Кайсацкаго народа пользы отвращать, а ежели собою чего учинить не могу, о томъ заблаговременно Россійскимъ пограничнымъ командирамъ знать давать, въ заключеніе жъ сей моей клятвы цѣлую Коранъ и прилагаю мою печать“.

Ханъ всталъ, приложился къ Корану, поцѣловалъ присяжный листъ, поднялъ его надъ своей головой и затѣмъ приложилъ къ нему свою имянную печать и подписался по-татарски.

Орудія мѣноваго двора только и ждали этого. Какъ только ракетный станокъ пустилъ въ необъятную вышину огненный сигналъ, 36 пушечныхъ выстрѣловъ огласили воздухъ, сливая свой гулъ съ трескомъ залповъ всѣхъ частей войскъ. Барабаны забили походъ, загремѣли трубы и литавры, и въ этотъ торжественный моментъ на хана были возложены офицерами эмблемы его достоинства: шуба, сабля и шапка. Самъ начальникъ края вручилъ ему патентъ, который Джантюря поцѣловалъ и поднялъ надъ головой.

Церемонія кончилась. Князь Волконскій, пригласивъ хана со свитой къ себѣ на обѣдъ, подъ звуки марша направился къ крѣпости. Слѣдомъ за нимъ выступили войска, а ханъ въ томъ же порядкѣ уѣхалъ въ ставку.

По приходѣ въ городъ полки снова выстроились для встрѣчи хана у губернаторскаго дома. И когда Джантюря сталъ въѣзжать въ крѣпость, стѣны городскихъ построекъ вновь дрогнули отъ десяти орудійныхъ выстрѣловъ, войска взяли на караулъ, музыканты и барабаны грянули „походъ“, и командующій парадомъ, подъѣхавъ къ ханской каретѣ, салютовалъ и рапортовалъ хану.

Ханъ ласково раскланялся съ войскомъ, проѣхавъ по фронту. Карета остановилась у подъѣзда генералъ-губернаторскаго дома, гдѣ Джантюрю встрѣтили штабъ-офицеры.

Въ первой комнатѣ хана дожидались комендантъ Оренбургской крѣпости съ чинами пограничной комисіи, а въ залѣ князь Волконскій съ находящимися при немъ генералами и офицерами.

Гости сѣли за столъ. Начались обычные разговоры. Обѣдъ длился около трехъ часовъ и окончился довольно поздно. Послѣ него былъ сожженъ фейерверкъ въ губернаторскомъ саду, и ханъ, сопровождаемый свитой и почетнымъ конвоемъ, отправился въ лагерь.

Слѣдующіе три дня Киргизы посвятили пирамъ и веселью. У губернатора съ ханомъ и султанами продолжались „переговоры о благоустройствѣ ордынскомъ“. Князь между прочимъ предложилъ хану и старшинамъ избрать изъ среды своей достойныхъ депутатовъ, чтобы отправить ихъ прямо изъ Оренбурга къ высочайшему двору „со всеподданнѣйшею благодарностію за высокомонаршія благодѣянія, оказанныя Киргизъ-Кайсацкому народу“.

Наканунѣ отъѣзда хана въ орду, у губернатора былъ прощальный балъ, куда кромѣ хана были приглашены всѣ султаны, біи и знатные Киргизы, всѣ чины мѣстныхъ управленій и цвѣтъ Оренбургскаго дамскаго общества. Киргизскіе родоначальники отпущены были во свояси съ богатыми подарками.

И все это стоило Русскому правительству десять тысячъ кредитныхъ рублей.

П. Юдинъ.

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ О Н. Н. МУРАВЬЕВѢ.

Теперь только, совершенно случайно, пришлось мнѣ прочитать „Воспоминанія о Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ", К. А. Бороздина (Историческій Вѣстникъ 1890. Январь и Февраль).

Должно отдать полную справедливость таланту г. Бороздина: разсказываетъ онъ живо, занимательно, увлекая читателя. Но въ своихъ показаніяхъ онъ не рѣдко ошибается, очевидно, по неполному знакомству съ обстоятельствами и происшествіями, о которыхъ говоритъ. Затронутая имъ эпоха и дѣятели временъ Крымской войны имѣютъ немалый историческій интересъ для Кавказа. Я намѣренъ прослѣдить, страница за страницей, за разсказомъ К. А. Бороздина и указать ошибки въ его изложеніи и взглядахъ. Я имѣлъ въ виду не полемику, а простое желаніе возстановить дѣйствительность.

„Удачное снятіе Черноморской береговой линіи владѣтелемъ Абхазіи, говоритъ г. Бороздинъ, и блистательное Чолохское сраженіе были помрачены вторженіемъ (3 и 4 Іюня) скопищъ Шамиля въ Кахетію". (стр. 91).

Вторженіе Шамиля было 4 Іюля, а не Іюня; снятіе Черноморской береговой линіи (такъ назывался рядъ укрѣпленныхъ пунктовъ отъ Анапы до Николаевскаго) произведено въ большей части командовавшимъ войсками на Кавказской линіи ген. Козловскимъ, а меньшая часть линіи, по Абхазскому берегу до Гагръ, была снята княземъ Шервашидзе. Вся эта грустная операція, сама по себѣ, уже была жестокимъ пораженіемъ для насъ; смѣшно было бы утѣшаться тѣмъ, что успѣли совершить ее благополучно... Мы бросили укрѣпленія и постройки, возведеніе коихъ стоило много крови и денегъ; бросили ихъ, конечно, по благоразумнымъ соображеніямъ, по невозможности защитить ихъ отъ одновременной атаки непріятельскимъ флотомъ съ одной и Черкесами съ другой стороны. Но все же это нельзя называть успѣхомъ, который будто омрачился набѣгомъ Шамиля, набѣгомъ, получившимъ нѣкоторое преувеличенное значеніе только потому, что были захвачены въ плѣнъ княгини Чавчавадзе и Орбельяни. Оставленіе Черноморской береговой линіи было однимъ изъ мрачныхъ событій той, печальной памяти, эпохи; омрачить же только можно свѣтлое.

Далѣе авторъ говоритъ: „Къ счастью нашему, онъ (Шамиль) ограничился только этимъ набѣгомъ; но проникни значительная его партія, подъ начальствомъ Кази-Магомы *) чрезъ Гомборы въ Тифлисъ, она надѣ-

---

*) Кази-Магома, средній сынъ Шамиля, весьма плохой воинъ, уступавшій въ умѣніи производить лихіе набѣги даже самымъ посредственнымъ наибамъ Шамиля; его предводительство партіею вовсе не увеличивало бы вѣроятности успѣха.

лала бы намъ много бѣдъ, такъ какъ въ самомъ Тифлисѣ почти совсѣмъ не было войскъ".

Шамиль никогда не рѣшился бы послать сына съ партіею чрезъ Гомборы въ Тифлисъ, и еще менѣе идти самому со всѣмъ своимъ скопищемъ. Такой походъ могъ кончиться для него жестокой катастрофой, потому что наши войска, находившіяся, хотя и не въ значительномъ количествѣ, на лѣвомъ флангѣ Лезгинской линіи, могли бы ему заградить дорогу при отступленіи за Алазань, въ то время, какъ войска изъ Тифлиса преслѣдовали бы его по пятамъ. А что въ Тифлисѣ, для такого случая, было войскъ достаточно, доказывается тѣмъ, что генералъ Реадъ, получивъ свѣдѣніе о намѣреніи Шамиля двинуться изъ Дагестана въ Грузію *чрезъ Тушетію*, направилъ два батальона Навагинскаго полка, съ горными орудіями, въ Тіонеты, откуда (по мнѣнію совѣтниковъ незнакомаго съ краемъ генерала Реада), батальоны могли преградить Шамилю путь къ Тифлису. Между тѣмъ, Шамиль настолько зналъ страну, что, конечно, не рѣшился бы идти по этому пути, т. е. чрезъ Тушетію; потому что, кромѣ весьма трудной, даже для горцевъ, едва проходимой мѣстности, онъ встрѣтилъ бы здѣсь сопротивленіе самыхъ воинственныхъ *христіанскихъ* горцевъ: Тушинъ, Хевсуръ, Пшавовъ, могущихъ, въ своихъ горныхъ трущобахъ, на козьихъ тропинкахъ, остановить непріятеля, одинъ противъ десяти,—и непріятеля, болѣе грознаго, чѣмъ силою согнанныя, полуголодныя толпы Дагестанскихъ горцевъ. Итакъ, два батальона съ артилеріею, напрасно высланные изъ Тифлиса далеко въ сторону отъ пути изъ Кахетіи чрезъ Гомборы, оставаясь на мѣстѣ, или выдвинутые къ р. Іорѣ, съ присоединеніемъ къ нимъ казаковъ и Грузинской милиціи (при условіи, чтобы ими командовалъ опытный, рѣшительный офицеръ), были бы совершенно достаточны, чтобы разсѣять хотя бы и весь сборъ Шамиля, не только партію горцевъ удалившихся отъ мѣстъ, гдѣ они умѣли сопротивляться или спасаться въ случаѣ крайней опасности.

До какой степени Шамиль держался благоразумной осторожности въ своихъ дѣйствіяхъ въ Іюлѣ 1854 г., видно изъ того, что онъ, съ главными своими силами, все время оставался за Алазанью, у подножія горъ, близъ селеній Шильда и Енисели, имѣя въ тылу совершенно обезпеченный путь отступленія. Только убѣжденный однимъ мерзавцемъ (бѣглымъ арестантомъ) въ отсутствіи на правомъ берегу Алазани Русскихъ войскъ и въ безпечности населенія (въ теченіе нѣкоторыхъ десятковъ лѣтъ уже не видѣвшаго здѣсь непріятельскихъ партій), Шамиль рискнулъ послать нѣсколько сотъ отборныхъ конныхъ Чеченцевъ на правый берегъ Алазани, и имъ удалось захватить, въ числѣ сотни другихъ плѣнныхъ Грузинъ, семью князя Давыда Чавчавадзе. А какъ горцы боялись встрѣчи съ нашими войсками, доказывается случаемъ, бывшимъ въ этомъ же самомъ набѣгѣ: при возвращеніи изъ Цинондали, они ночью очутились вблизи расположившихся на ночлегѣ двухъ ротъ со взводомъ орудій, и когда этотъ отрядецъ, неожиданно замѣтивъ непріятеля, пустилъ по нимъ нѣсколько ядеръ, горцы почти въ пани-

ческомъ страхѣ бросились бѣжать, теряя папахи и кое-какія награбленныя вещи. Будь при этой колоннѣ хоть полсотни казаковъ, съ молодымъ офицеромъ, можетъ быть всѣ плѣнные были бы отбиты. Этою колонною командовалъ полковникъ князь Давыдъ Чавчавадзе, не знавшій, что встрѣченная имъ партія возвращалась изъ его имѣнія, съ его плѣнной семьей...

Шамиль, едва дождавшись возвращенія этой партіи, очень довольный успѣхомъ, тотчасъ потянулся со всѣми своими толпами домой, въ горы, вовсе не думая о такихъ смѣлыхъ предпріятіяхъ, какъ движеніе на Тифлисъ.

Г. Бороздинъ еще прибавляетъ (стр. 92), что: „все это, т. е. опасность для насъ, еслибы Шамиль послалъ партію въ Тифлисъ, прекрасно поняли въ краѣ, и *Кюрюкдаринская блистательная побѣда* князя Бебутова надъ Турками *была безсильна сгладить дурное впечатлѣніе отъ набѣга Шамиля.* При томъ же и происшествіе съ адъютантомъ Бебутова Александровскимъ, присланнымъ съ донесеніемъ о побѣдѣ, произвело тоже непріятную сенсацію. Александровскій, пожалованный званіемъ флигель-адъютанта, счастливый выше всякой мѣры этою монаршею милостью, возвращался въ Тифлисъ. На одной изъ станцій, уже за Ставрополемъ, смотритель, вѣроятно выпившій, грубо отказалъ ему въ лошадяхъ; онъ сталъ его бранить, а тотъ ударилъ его по лицу. Вслѣдствіе сильнаго психическаго афекта отъ такого оскорбленія, послѣ котораго Александровскому показалось, вѣроятно, что онъ долженъ лишиться носимаго эксельбанта, онъ вошелъ на станцію и застрѣлился изъ находившагося при немъ револьвера. Дали знать мѣстной полиціи; а та, при составленіи акта, нашла на умершемъ (какъ всѣмъ было извѣстно, человѣкѣ совершенно бѣдномъ) безыменный билетъ государственнаго банка на пятьсотъ тысячъ рублей. Ходили слухи, что это былъ вкладъ, сдѣланный имъ по порученію кн. Бебутова, а тотъ почерпнулъ эти деньги будто бы изъ *милліоновъ*, (?!) отпускаемыхъ ему на *подкупъ* (?) Курдовъ. Хотя загадочный билетъ унаслѣдовалъ, по закону, служащій въ Тифлисѣ же, гражданскій чиновникъ, братъ Александровскаго *), но тѣмъ не менѣе огласка его обнаружила хищенія на Кавказѣ въ широкихъ размѣрахъ и, конечно, быстро дошла до самого Государя, и безъ того крайне недовольнаго Реадомъ за оставленіе на произволъ судьбы Гагринскаго гарнизона и за предположеніе вывести войска изъ Дагестана для усиленія дѣйствующей противъ Турокъ арміи“.

Все вышеприведенное изъ „Воспоминаній“ г. Бороздина—чистое недоразумѣніе. Можно ли проводить параллель между набѣгомъ горцевъ въ Кахетію (къ чему и мѣстное населеніе за Алазанью, и Кавказское начальство, да и въ Петербургскихъ военныхъ сферахъ давно привыкли, какъ къ происшествіямъ, не составлявшимъ вовсе особенной рѣдкости) съ побѣдой 17 тыс. Русскихъ войскъ надъ 60-тысячною Турецкою регулярною арміею, потерявшею 15 орудій съ 2 тыс. плѣнныхъ? И, что̀ гораздо важнѣе, съ тѣмъ нравственнымъ впечатлѣніемъ, какое побѣда эта имѣла не только въ Рос-

*) Василій Павловичъ, чиновникъ особыхъ порученій и походный казначей при князѣ Воронцовѣ, впослѣдствіи Саратовскій вице-губернаторъ, Пензенскій губернаторъ и членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ женатъ на дочери извѣстнаго Черноморскаго откупщика Посполитаки, получилъ въ приданное милліонное состояніе. Умеръ въ 70-хъ годахъ въ Ниццѣ. Оставилъ ли онъ себѣ билетъ государственнаго банка, или возвратилъ по принадлежности, достовѣрно неизвѣстно; но, принимая во вниманіе его большое состояніе, привязанность къ брату Андрею и большое уваженіе къ князю Бебутову, который такъ покровительствовалъ этому брату, можно допустить и послѣднее.

сіи, но и въ Западной Европѣ въ то печальное время, когда со всѣхъ сторонъ въ Петербургѣ получались только печальныя вѣсти? Я уже выше сказалъ, что если о набѣгѣ Шамиля такъ много говорили, особенно въ Тифлисѣ, то отъ того только, что, по несчастной случайности, княгиня Анна Ильинишна Чавчавадзе и ея сестра Варвара Ильинишна Орбельяни находились въ Цинондали, не успѣвъ, какъ было предположено, наканунѣ выѣхать въ Телавъ. Безъ этого случая о набѣгѣ на Кахетію говоръ продолжался бы нѣсколько часовъ, а оффиціально на него не обратили бы особаго вниманія. Затѣмъ, происшествіе съ флигель-адъютантомъ Александровскимъ никакого отношенія къ положенію Закавказскаго края или его временнаго правителя генерала Реада не имѣло и никакой непріятной сенсаціи произвести не могло (я говорю о правительственныхъ сферахъ, а не о гостиныхъ Тифлисскихъ дамъ). Мнѣ не совсѣмъ ясно, для чего собственно авторъ включилъ разсказъ объ этомъ, тѣмъ болѣе, что происшествіе съ Александровскимъ случилось чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ набѣга Шамиля и Кюрюкъ-Даринскаго сраженія? Да и разсказано происшествіе не такъ, какъ въ дѣйствительности происходило. Случилось оно на станціи Акстафѣ, не за Ставрополемъ, а за Тифлисомъ, къ Елисаветополю. Не станціонный смотритель нанесъ ударъ Александровскому; и могъ ли смотритель грубо отказать въ лошадяхъ флигель-адъютанту, ѣхавшему по подорожной, гдѣ прописано: „По Высочайшему повелѣнію, изъ курьерскихъ“? Ударъ нанесъ лакей, нанятый Александровскимъ въ Петербургѣ, оскорбившійся тѣмъ, что баринъ, на крыльцѣ, при смотрителѣ и ямщикахъ, назвалъ его осломъ, вообще побранилъ за какую-то неисправность. И не въ станціонной комнатѣ застрѣлился Александровскій, а сѣвъ въ экипажъ, отъѣхалъ версты три отъ станціи, приказалъ остановиться, вышелъ въ сторону отъ дороги, за кусты, и тутъ застрѣлился; и не на 500 тыс. р. билетъ былъ при немъ найденъ, а на 300 тыс. Все это, конечно, мелочи, вовсе не касающіяся до сущности разсказа о назначеніи и пребываніи Н. Н. Муравьева въ должности намѣстника Кавказскаго, и я указалъ ихъ только мимоходомъ; гораздо важнѣе пунктъ о „сенсаціи“. Для кого было въ тѣ времена секретомъ, что большинство служащихъ, командующихъ и начальствующихъ пользовалось случаями наживаться на счетъ казны? Кто же, начиная съ самого Государя и министровъ, не зналъ объ этомъ? Кто же считалъ князя Бебутова исключеніемъ изъ этого почти всеобщаго правила? Кто же въ Петербургѣ, и даже въ Тифлисѣ, считалъ Кавказъ вмѣстилищемъ единственно рыцарей безъ страха и упрека, идеаломъ честности и безкорыстія, и только найденный при Александровскомъ билетъ обнаружилъ хищенія на Кавказѣ „въ широкихъ размѣрахъ?“ Хищенія тогда были такъ обычны и повсемѣстны, а князь Бебутовъ на столько самостоятельный начальникъ войскъ въ Азіатской Турціи, что если бы и положительно было дознано о принадлежности ему билета на 300 тыс. р. и о незаконномъ ихъ пріобрѣтеніи, то едва ли за это могло возникнуть неудовольствіе на генерала Реада. Да и для самого князя Бебутова оно могло бы оказаться неудовольствіемъ, такъ ска-

зать, *затаеннымъ*; потому что Башъ-Кадыклярскаго и Кюрюкъ-Даринскаго побѣдителя, которому въ чинѣ генералъ-лейтенанта Императоръ пожаловалъ Андреевскую ленту (примѣръ небывалый!) цѣнили тогда очень высоко: съ его именемъ были связаны двѣ громкія побѣды надъ Турками, въ то время, когда на Дунаѣ и въ Крыму мы терпѣли лишь одни пораженія. Неудовольствіе на генерала Реада дѣйствительно было по поводу укрѣпленія Гагры, но не за „оставленіе его на произволъ судьбы", а за то, что воинскому начальнику Быковскому было предписано: *въ случаѣ бомбардировки эскадрами соединенныхъ флотовъ, при невозможности отстоять постъ, выкинуть бѣлый флагъ и сдаться, спасая тѣмъ гарнизонъ отъ напрасной гибели.* Государь не одобрилъ приказанія выкинуть бѣлый флагъ и выразилъ, что нашъ военный лозунгъ: „Русскіе умираютъ, а не сдаются". Все это было подробно развито въ письмѣ военнаго министра князя Долгорукова къ князю Барятинскому, какъ начальнику штаба Кавказской арміи, отъ 31 Марта 1854 г. (См. I т. моей Біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго, стр. 324—325).

Вообще, и Гагринскій инцидентъ, и преувеличенныя опасенія высадки Англо-французовъ въ Мингрелію, и неудачная мысль вывести войска изъ Дагестана убѣдили Государя, что генералъ Реадъ, совсѣмъ незнакомый съ Кавказомъ, вовсе не соотвѣтствуетъ должности главнаго тамъ начальника, и что его нужно замѣнить другимъ, не-временнымъ, болѣе способнымъ и опытнымъ человѣкомъ, каковымъ (и казалось вполнѣ основательно) былъ признанъ Н. Н. Муравьевъ. Реадъ же былъ, безъ всякаго знака неудовольствія, щедро награжденъ и назначенъ корпуснымъ командиромъ въ Крымскую армію, гдѣ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ палъ въ несчастной битвѣ на Ѳедюхиныхъ высотахъ.

Авторъ „Воспоминаній", гражданскій чиновникъ, только что пріѣхавшій тогда за Кавказъ, само собою, могъ судить о дѣлахъ края по разговорамъ въ гостиныхъ, и потому ничего удивительнаго нѣтъ, если сужденія его не совсѣмъ правильны; да и память отчасти могла ему измѣнить.

Разсказъ Н. Н. Муравьева у княгини Дадіанъ о пріемѣ его Государемъ и о словахъ, что: „На Кавказѣ щеголяютъ тѣмъ, что не щадятъ казны", и проч. (стр. 95—96. Истор. Вѣстникъ, Январь 1890) очень интересенъ. Можетъ быть, это подкрѣпило Муравьева въ стремленіи quand-même порочить все Воронцовское управленіе; но вполнѣ ли точно приведенъ авторомъ этотъ разсказъ, нѣтъ ли тутъ запамятованія, остается на его отвѣтственности.

По поводу извѣстнаго письма Муравьева къ А. П. Ермолову, г. Бороздинъ тоже нѣсколько ошибается. (Истор. Вѣст., Февраль, стр. 309). Письмо это было писано, такъ сказать, на моихъ глазахъ, въ крѣп. Грозной, вечеромъ, въ первый же день пріѣзда туда Муравьева. Въ моихъ „Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ" (т. II, стр. 279—280) г. Бороздинъ нашелъ бы подробности объ этомъ письмѣ, распространенномъ и по Кавказу, и по Россіи вовсе не А. П. Ермоловымъ „чрезъ Англійскій клубъ, въ Москвѣ". Такой поступокъ былъ бы нѣсколько даже непростителенъ Ермолову, и, взводя его, нѣкоторымъ образомъ оскорбляется память достопамятнаго героя 12

года, котораго авторъ „Воспоминаній" иронически называетъ „развѣнчаннымъ проконсуломъ Кавказа". Пресловутое письмо было разглашено сыномъ Ал. Петровича, Клавдіемъ, бывшимъ адъютантомъ князя Воронцова, оставшимся въ томъ же званіи при Муравьевѣ и пріѣхавшимъ съ нимъ вмѣстѣ въ Грозную. Въ письмѣ къ Ал. Петровичу Муравьевъ въ концѣ прибавилъ: „Службой сына вашего Клавдія я очень доволенъ; сегодня посылаю его съ особымъ порученіемъ въ Кизляръ". И когда на другое утро Клавдій Алексѣевичъ вошелъ къ Муравьеву въ кабинетъ, тотъ далъ ему прочитать письмо свое къ его отцу, на вопросъ: это секретъ? Николай Николаевичъ отвѣчалъ: „Вовсе нѣтъ; можете читать кому угодно".

Вотъ какимъ образомъ письмо пошло по рукамъ и вызвало отвѣтъ князя Дмитрія Ивановича Святополка-Мирскаго. Говоръ объ этомъ письмѣ былъ различный: приписывали сочиненіе отвѣта и одному Р. А. Фадѣеву, какъ говоритъ г. Бороздинъ, и совмѣстному сочиненію князя Мирскаго съ Фадѣевымъ въ кабинетѣ князя Барятинскаго, слѣдовательно втроемъ. Большинство вѣрило второй версіи; но истины никто не могъ утверждать и, зная всѣхъ трехъ, полагаю, что толки едвали были основательны. Князь Дм. Ив. Мирскій такъ прекрасно владѣетъ перомъ, что для составленія отвѣта ему ничьего содѣйствія не требовалось; если Фадѣеву, можетъ быть, и было показано письмо до опубликованія и спрашивалось его мнѣніе (что въ подобныхъ случаяхъ весьма естественно, то это едвали даетъ основаніе считать князя Мирскаго какимъ-то подставнымъ лицомъ, приложившимъ руку къ чужому сочиненію.

Дальше (стр. 310) авторъ „Воспоминаній", не сомнѣваясь въ точности приведеннаго мною случая подачи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ кабинетѣ Государя генералу Муравьеву кресла, полагаетъ, что: „Въ минуты досады, по нервности своей натуры, Муравьевъ заглушалъ въ себѣ высокія качества искренности и правдивости и до того увлекался, что въ рѣчахъ своихъ явно противорѣчилъ говоренному имъ прежде, при совершенно-другомъ настроеніи". Очень можетъ быть; г-нъ Бороздинъ вѣроятно такъ близко зналъ Муравьева, что можетъ анализировать его нравственныя побужденія и вполнѣ правильно оцѣнивать его качества; но я приведу здѣсь подлинныя слова того лица, которое сообщило мнѣ эпизодъ съ кресломъ. Это былъ Петръ Александровичъ Брянчаниновъ, нѣкогда, въ тридцатыхъ годахъ, самый приближенный адъютантъ Муравьева, впослѣдствіи Ставропольскій губернаторъ, человѣкъ высокой честности и правдивости, недавно скончавшійся въ монастырѣ, гдѣ онъ монахомъ провелъ послѣдніе годы своей жизни. 15 Марта 1886 года онъ прислалъ мнѣ отрывокъ изъ его воспоминаній о князѣ Барятинскомъ (ниже я приведу изъ нихъ нѣсколько мѣстъ), а 24 Апрѣля того же года, при личномъ свиданіи со мною въ Петербургѣ, Петръ Александровичъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: „Когда Государь Николай Павловичъ, въ концѣ 1854 года, отправлялъ Муравьева на Кавказъ и въ послѣдней аудіенціи пригласилъ его въ кабинетъ, тамъ былъ и Наслѣдникъ, къ которому Николай Павловичъ обратился: Александръ, по-

дай генералу кресло. Наслѣдникъ поспѣшилъ исполнить приказаніе отца, однако замѣтно смутился. Муравьева это кольнуло тоже, ибо онъ понялъ, что пріобрѣтаетъ врага. Вскорѣ послѣдовала кончина императора Николая, и въ туже минуту Муравьевъ уже зналъ, что карьера его кончена. Онъ рѣшилъ оставаться на мѣстѣ только до окончанія войны и всѣмъ близкимъ къ нему постоянно говорилъ, что вскорѣ оставитъ Кавказъ; *только мнѣ одному, старому другу, разсказалъ онъ причину.* Когда князь Барятинскій уѣзжалъ изъ Тифлиса, вскорѣ по прибытіи Муравьева, то спросилъ: что̀ сдѣлать съ бывшимъ у него въ квартирѣ казеннымъ роялемъ? На это Муравьевъ ему отвѣчалъ: „Оставьте его за собою; вѣдь вы скоро вернетесь сюда на мое мѣсто“. Этотъ разсказъ Брянчанинова я тогда же записалъ дословно.

Я никогда не думалъ и не писалъ, что разладъ между Муравьевымъ и Барятинскимъ былъ слѣдствіемъ вышеразсказаннаго эпизода съ кресломъ. Г-нъ Бороздинъ, полагая, что причину этого разлада нужно искать глубже приводитъ вкратцѣ сущность моего же изложенія въ біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго. О пріѣздѣ на Кавказъ, о первыхъ распоряженіяхъ Н. Н. Муравьева, о его придиркахъ, очевидномъ желаніи во что бы ни стало опорочить все управленіе князя Воронцова, даже о нѣкоторой ошибочности самыхъ его взглядовъ на дизлокацію войскъ, на предстоявшія дѣйствія и т. д., какъ очевидецъ и участникъ, я писалъ двѣнадцатью годами ранѣе напечатанныхъ г. Бороздинымъ „Воспоминаній“. Я убѣжденъ, что если бы онъ все это прочиталъ, то увидѣлъ бы, что скорое увольненіе Муравьева съ Кавказа, имъ самимъ себѣ подготовленное, помимо отношеній къ Государю Александру Николаевичу и князю Барятинскому, объяснено мною достаточно подробно. Между тѣмъ у г. Бороздина выходитъ, какъ будто я не понималъ причинъ разлада Муравьева и приписалъ все „придвинутому креслу!“ Г-нъ Бороздинъ самъ разсказываетъ о разныхъ безтактностяхъ Муравьева, видя въ нихъ причину общей нелюбви къ нему и самого увольненія съ Кавказа. Въ моихъ разсказахъ объ этомъ же предметѣ (25 лѣтъ на Кавказѣ, т. II, изд. 1879 г.), писанныхъ когда я о „креслѣ“ вовсе не зналъ, выводъ тотъ же, съ тою только разницею, что у меня гораздо подробнѣе изложены и приведены оффиціальные, дѣловые мотивы и документы.

Въ настоящее время, ко всему писанному раньше могу прибавить еще три черты, весьма важныя для характеристики управленія Муравьева и поводовъ къ его увольненію.

1-е. Вотъ письмо къ Государю одного начальника отряда за Кавказомъ:

„Милостивѣйшій Государь!

„Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1855-го года, командуя отрядомъ, я нашелъ нужнымъ выразить, въ секретной бумагѣ къ моему прямому начальнику, командующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, генералъ-лейтенанту князю Бебутову, убѣжденіе мое, по моимъ соображеніямъ, въ необходимости не уменьшать размѣра наградъ войскамъ и милиціонерамъ, въ тревожное въ Закавказскомъ краѣ время трудной и неравной войны. Будучи самъ от-

дѣльнымъ начальственнымъ лицомъ, обязанный выставлять заслуги моихъ подчиненныхъ и внимательно изыскивать средства къ ихъ поощренію, я не только почиталъ себя въ правѣ, но думалъ, что прямымъ моимъ долгомъ было ходатайствовать о мѣрахъ, клонящихся къ пользѣ службы Вашего Императорскаго Величества. Если опасенія мои были не основательны, я могъ бы подвергнуться секретному отвѣту на таковое же представленіе и напоминанію о томъ, что ходатайство мое несвоевременно или неумѣстно; но конечно я не могъ ожидать, чтобы секретный мой отзывъ, восемь мѣсяцевъ спустя послѣ его отправленія, былъ бы обнародованъ по всему Кавказскому корпусу, съ оскорбительнѣйшими для Русскаго генерала замѣчаніями".

„Приказомъ 3-го Февраля 1856-го года, № 75, главнокомандующій генералъ-адъютантъ Муравьевъ, объявляя по ввѣреннымъ ему войскамъ о моемъ поступкѣ и о моемъ заключеніи, что уменьшенный размѣръ наградъ можетъ произвести ропотъ, присовокупляетъ, что ропотъ въ семъ случаѣ, и самый неумѣстный, онъ видитъ только отъ меня, что отъ меня мнѣнія не требовалось и что мнѣ не слѣдовало входить въ сужденія, которыя нарушаютъ правила подчиненности, служащія основою военной службы. Наконецъ, онъ выразилъ свое убѣжденіе, что, при сознаніи долга своего, при искренней преданности Государю Императору и усердіи, постоянно на опытѣ доказанномъ жителями края и войсками Кавказскаго корпуса, они, съ признательностію принимая награды, коихъ удостоиваются, не требуютъ изысканія мѣръ для возбужденія ихъ къ благородному исполненію своихъ обязанностей. Такимъ образомъ, генералъ-адъютантъ Муравьевъ, выставляя меня возмутителемъ и публично предлагая мнѣ въ примѣръ усердіе, сознаніе долга, преданность Государю моихъ подчиненныхъ, явно хотѣлъ опозорить мою службу, унизить мое мѣсто и запятнать честь моего древняго имени. Служба моя, смѣю думать, извѣстна вамъ, Государь. Подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ я имѣлъ счастіе заслужить крестъ на Турецкихъ батареяхъ. Во время моего командованія отрядомъ, я долженъ былъ уступить на время, по чрезмѣрному превосходству силъ Омеръ-Паши, занятіе владѣніями князя Дадіана. Не смотря на то, Омеръ-Паша скоро обратился въ бѣгство. Исторія записала его неудачу. Дерзаю думать, что такой неудачѣ способствовали нѣкоторыя принятыя мною мѣры, подробное объясненіе коихъ я имѣлъ честь представить въ особой запискѣ г. военному министру. Если дѣйствія мои были бы неправильны, я бы долженъ былъ подвергнуться изслѣдованію и суду; но оскорбленіе передъ войскомъ и передъ моими единоземцами превышаетъ незаслуженныя бѣдствія, которыхъ я могъ бы ожидать. Я не осмѣливаюсь приносить жалобы на генералъ-адъютанта Муравьева, но честь мою, имя и службу повергаю къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Можетъ ли Русскій генералъ носить запятнанный мундиръ, можетъ ли онъ съ клеймомъ безчестія предстать предъ лице своего Монарха?"

„Какъ вѣрноподданный, какъ воинъ, какъ старѣйшій Грузинскій князь, обращаюсь къ царскому правосудію. Какъ милости прошу суда и приговора, или оправданія. Если я виновенъ,—я еще не достаточно наказанъ. Если я невиненъ,—къ кому же обратиться мнѣ, какъ не къ святому, неисчерпаемому милосердію Россійскаго Государя?"

Тутъ коментаріи излишни. Подобало ли главнокомандующему *оборвать* такимъ образомъ генерала съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, выставляя его приказомъ по всему Кавказу чуть не преступникомъ. И это въ отвѣтъ на бумагу, восемь мѣсяцевъ ранѣе, совершенно другому лицу адресованную!

Кто знаетъ характеръ покойнаго Государя Александра Николаевича, легко себѣ представитъ, что на него приказъ Муравьева едвали произвелъ пріятное впечатлѣніе.

2-е. Н. Н. Муравьевъ, представляя въ Петербургъ свои соображенія о будущихъ дѣйствіяхъ для окончательнаго покоренія Чечни, выразилъ мнѣніе о необходимости выселить всѣхъ Чеченцевъ въ степь, на Манычъ. Я не стану вдаваться здѣсь въ критику такой, по меньшей мѣрѣ неудобоисполнимой идеи, какъ выселеніе цѣлаго 80-ти тысячнаго народа изъ гористо-лѣсистой, обильной водою мѣстности въ пустынную, маловодную, заносимую зимою снѣгами степь, пригодную для кочевыхъ Калмыковъ или Ногаевъ. Къ предложенію Муравьева отнеслись въ Петербургѣ весьма не сочувственно, ибо самый слухъ о такой мѣрѣ могъ возмутить всю Чечню, тогда на половину уже покорную намъ: она вызвала бы ожесточенную, безпощадную войну не только съ Чеченцами, но и со всѣми остальными горцами, которые въ правѣ были ожидать такой же участи, въ ихъ глазахъ худшей, чѣмъ смерть и гибель при защитѣ родины.

3-е. Послѣ заключенія Парижскаго мира (Мартъ 1856 г.) Государь требовалъ, чтобы нѣкоторыя главнѣйшія изъ брошенныхъ въ 1854 году укрѣпленій на берегу Чернаго моря были какъ можно скорѣе вновь заняты, безъ столкновенія съ Черкесами. Мы такимъ образомъ лишили бы Англійское правительство случаевъ къ вмѣшательству въ наши Черноморскія дѣла. Князь Горчаковъ вынужденъ былъ прибѣгать тогда къ частымъ нотамъ, письмамъ къ послу Бруннову и другимъ дипломатическимъ тонкостямъ, чтобы уклониться отъ назойливо-злораднаго вмѣшательства Британскаго министерства и подстрекательства Турціи. Поэтому-то Государь такъ и настаивалъ на скорѣйшемъ занятіи Анапы; а Муравьевъ медлилъ и все находилъ какія-то препятствія. На одной изъ доложенныхъ Государю бумагъ, онъ написалъ: „Анапа должна быть занята нами теперь же; но я, къ сожалѣнію, предвижу, что по *оплошности* генералъ-адъютанта *Муравьева* безъ боя не обойдется“. (Дѣло Военно-ученаго Архива Главнаго Штаба).

Совокупность всего этого, т. е. вышеприведеннаго здѣсь и въ моей книгѣ „25 лѣтъ на Кавказѣ“, и въ біографіи князя Барятинскаго, всеобщее неудовольствіе, множество разсказовъ, разносимыхъ съ Кавказа по салонамъ Петербурга, весьма понятная враждебность князей Воронцова, Барятинскаго и ихъ друзей въ высшемъ обществѣ, нерасположеніе Государя и за дѣла, и за возбужденіе такой враждебности, а можетъ быть и отчасти и впечатлѣніе эпизода *съ кресломъ*, были достаточною причиною испытанной Муравьевымъ на Кавказѣ неудачи, закончившей служебную карьеру его вовсе не такъ какъ слѣдовало ожидать, если принять во вниманіе его образованіе, энергію, трудолюбіе, безкорыстіе, опытность и преданность дѣлу. Но онъ могъ винить въ этомъ лишь самого себя: онъ не выдержалъ характера и, увлекшись нерасположеніемъ къ князю Воронцову, надѣлалъ много непростительныхъ промаховъ и вооружилъ противу себя весь Кавказъ. Наконецъ, еще важная ошибка его была въ томъ,

что онъ какъ будто забылъ, что между Кавказомъ его временъ, двадцатыхъ годовъ, и Кавказомъ половины пятидесятыхъ годовъ лежалъ промежутокъ четверти вѣка, въ теченіе котораго все измѣнилось и, какъ говорится, много воды утекло.

Откуда авторъ „Воспоминаній" почерпнулъ свѣдѣніе, что Н. Н. Муравьевъ настаивалъ не заключать мира цѣною громадныхъ жертвъ и что голосъ его оказался одинокимъ, а доводы князя Воронцова въ совѣтѣ Государя взяли верхъ, неизвѣстно (стр. 316). Очень жаль, что нельзя судить о степени полной достовѣрности этого извѣстія: это дѣйствительно давало бы право Муравьеву на полное, искреннее сочувствіе всякаго Русскаго человѣка, не могущаго не скорбѣть объ унизительномъ Парижскомъ трактатѣ, хотя положеніе наше тогда было настолько плачевно, что рѣшиться продолжать войну, въ которой можно было ожидать новыхъ противниковъ, въ лицѣ нашихъ милыхъ друзей, Нѣмцевъ, значило бы ставить на карту больше, чѣмъ клочекъ Бессарабіи и ограниченіе правъ на Черномъ морѣ... Бѣдствія, обрушившіяся на Англію и Францію (о которыхъ говоритъ г. Бороздинъ), послѣдовали въ первой только чрезъ годъ, а во второй чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ заключенія мира въ Парижѣ; ни предвидѣть, ни дожидаться ихъ тогда никто не могъ. Да и самое взятіе Арзрума и движеніе чрезъ всю Малую Азію, о которомъ мечталъ Муравьевъ, едва ли бы много значило на вѣсахъ нашего положенія въ Европѣ.

На стр. 312-й „Воспоминаній" разсказывается слѣдующее: „Муравьевъ изводилъ Барятинскаго своимъ педантизмомъ, при чемъ и *окружающіе его относились къ Барятинскому тоже не съ должнымъ уваженіемъ*. Однажды, когда князь Барятинскій вышелъ изъ кабинета намѣстника и просилъ дежурнаго адъютанта, Шведа, капитана К* (т. е. Кульстрёма? Не знаю живъ ли сей господинъ, но не вижу причины замалчивать его фамилію), послать вынесенный имъ портфель за чѣмъ-то въ штабъ, *тотъ грубо ему отвѣчалъ: „потрудитесь сами послать съ казакомъ; а я здѣсь не для вашихъ посылокъ"*. Барятинскій, не сказавъ ни слова, подошелъ къ казачьему офицеру, попросилъ его исполнить это порученіе, а затѣмъ вернулся въ кабинетъ къ Муравьеву".

Какой шутникъ, пользуясь гражданскою наивностью и невѣдѣніемъ военныхъ отношеній г. Бороздина, разсказалъ ему такой анекдотъ? Помилуйте, да какой же оберъ-офицеръ, хотя бы и адъютантъ главнокомандующаго, если онъ не паціентъ дома для умалишенныхъ, рѣшится сказать начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту, да еще князю Барятинскому, *грубо*—то что̀ передано выше? И кто же, зная князя Барятинскаго, зная Муравьева, повѣритъ, чтобы окружающіе послѣдняго осмѣлились относиться къ князю *не съ должнымъ уваженіемъ?* Я вообще не могу себѣ представить, былъ ли *на свѣтѣ* кто-нибудь, кому бы князь Барятинскій позволилъ относиться къ нему не съ должнымъ уваженіемъ. Этотъ скромный армейскій офицеръ Кульстрёмъ, попавшій въ адъютанты къ Муравьеву вѣроятно по какому нибудь особенно оригинальному случаю, не осмѣлился бы говорить грубо съ генералъ-адъютантомъ княземъ Барятинскимъ и не исполнить его приказанія, ничего оскорбительнаго въ себѣ не заключавшаго. Нѣтъ, г-нъ Бороз-

динъ, васъ жестоко мистифицировали! Этотъ Кульстрёмъ, если бы позволилъ себѣ что нибудь подобное, очутился бы рядовымъ безъ выслуги въ одномъ изъ Сибирскихъ гарнизонныхъ батальоновъ, а не командиромъ артилерійской батареи. Самъ Муравьевъ, если бы замѣтилъ или узналъ, что его окружающіе не съ должнымъ уваженіемъ относятся къ какому бы то ни было генералу, а не только къ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту, разослалъ бы ихъ куда Макаръ телятъ не гонялъ! Самъ князь Барятинскій заслуживалъ бы большаго упрека за допущеніе такихъ преступленій противъ военной дисциплины; но мы его слишкомъ хорошо знаемъ, чтобы допустить что либо подобное: еще въ чинѣ полковника, командуя Кабардинскимъ полкомъ, онъ однимъ взглядомъ умѣлъ остановить всякаго офицера, позволившаго себѣ не грубость (объ этомъ кто же могъ и помыслить?), а какое нибудь вольное, или недостаточно-почтительное слово.

Вотъ еще нѣкоторыя ошибки, въ которыя впадаетъ авторъ „Воспоминаній“. Стр. 322. „Впослѣдствіи уже, во время намѣстничества князя Барятинскаго, онъ (подполковникъ Доливо-Добровольскій) былъ начальникомъ штаба у Евдокимова въ Дагестанѣ и женился на его племянницѣ Ѳедосѣевой“. Во 1-хъ, г. Д.-Д. не былъ начальникомъ штаба въ Дагестанѣ, гдѣ и Евдокимовъ вовсе не былъ командующимъ войсками; во 2-хъ, Д. Д. женился на племянницѣ *графини Евдокимовой,* и не на Ѳедосѣевой, а на Пантелѣевой. Дальше, на той же страницѣ: „Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Муравьевъ побывалъ въ Чечнѣ, заложилъ укр. Бердыкель на берегу Аргуна и свои соображенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ представилъ въ Петербургъ. При этомъ, какъ говорили, онъ *круто* поставилъ свои условія и просилъ, въ томъ случаѣ если они не будутъ одобрены, своего увольненія, которое и послѣдовало при высочайшемъ рескриптѣ отъ 22 Мая 1856 года“.

Опять все не то. Во 1-хъ, Муравьевъ и не думалъ быть въ Чечнѣ, а проѣздомъ изъ Ставрополя чрезъ Владикавказъ вызвалъ туда изъ Грозной генерала Евдокимова, для совѣщаній о будущихъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ. Я тогда былъ вмѣстѣ съ Н. И. Евдокимовымъ во Владикавказѣ и зналъ содержаніе предположеній, о чемъ давно уже разсказалъ въ „25 лѣтъ на Кавказѣ“ *). Затѣмъ, въ Тифлисскомъ и Петербургскомъ архивахъ перечитаны мною всѣ Кавказскія дѣла той эпохи; но я рѣшительно не встрѣтилъ ни единой бумаги отъ Муравьева, съ какими нибудь условіями и требованіемъ увольненія въ случаѣ ихъ неодобренія. Да и не могло ничего подобнаго быть; потому что Муравьевъ не только не требовалъ какого-либо усиленія войскъ, или денежныхъ средствъ, или особыхъ полномочій (отказъ въ которыхъ могъ бы вынуждать его отказаться отъ должности), а напротивъ, онъ стремился доказать, что не нуждается, подобно князю Воронцову, въ большой арміи и миліонахъ денегъ и обойдется малыми средствами.

---

*) Укрѣпленіе Бердыкель было заложено и построено вовсе не Муравьевымъ, который не пріѣзжалъ на Аргунъ, а Евдокимовымъ, еще въ Февралѣ, за три мѣсяца до вызова его во Владикавказъ.

Онъ упразднилъ даже должность начальника *главнаго* штаба Кавказской арміи, существовавшую при кн. Воронцовѣ, и учредилъ просто начальника штаба Кавказскаго корпуса, посадивъ въ кресла П. Е. Коцебу и А. И. Барятинскаго самаго незамѣтнаго генералъ маіора Индреніуса. Муравьеву вовсе не приходилось *круто* ставить условій и какъ бы угрожать подачею въ отставку. Когда дошло до того, что въ Петербургѣ отказали даже въ утвержденіи директоромъ канцеляріи дѣйствит. стат. совѣтн. Кипіяни, котораго намѣстникъ самъ себѣ избралъ, то, кажется, Муравьевъ окончательно долженъ былъ убѣдиться въ невозможности дольше оставаться на Кавказѣ, и онъ послалъ просьбу объ увольненіи, которое и послѣдовало въ Іюлѣ, а не въ Маѣ, при рескриптѣ, назначавшемъ Муравьева членомъ Государственнаго Совѣта.

Въ заключеніе своихъ „Воспоминаній", г. Бороздинъ ставитъ вопросъ: „Что же изображалъ собою намѣстникъ Кавказа Н. Н. Муравьевъ? Былъ ли онъ дѣйствительно тутъ нуженъ, принесъ ли онъ какую нибудь пользу и оставилъ ли по себѣ какой либо слѣдъ?" И тутъ же слѣдуетъ отвѣтъ: „Своею цѣльною личностью онъ поддержалъ престижъ власти. Его страшились всѣ дурныя и вредныя силы, стремящіяся всегда въ полосы общей смуты давать просторъ своимъ вожделѣніямъ. Одно уже это воздерживало зло отъ его распространенія. Рамокъ бюджета онъ не допускалъ никому перейти, а напротивъ того сдѣлалъ казнѣ крупныя сбереженія. Взятіе Карса, само по себѣ, занесло его имя на страницы исторіи. Съ прекращеніемъ войны и возвращеніемъ края къ мирному (?) теченію дѣлъ, Муравьеву нечего было оставаться на Кавказѣ; онъ самъ это сознавалъ, задача его здѣсь была покончена, и онъ ушелъ отсюда во время. А тогда, въ глазахъ всѣхъ, мелкіе недостатки этого достопамятнаго человѣка стушевались сами собою и, припоминая недолгій періодъ его намѣстничества, всѣ поняли, что имѣли въ лицѣ своего начальника и правителя доблестнаго и вѣрнаго слугу своему государю и отечеству".

Неоспоримо, что Николай Николаевичъ Муравьевъ, при всѣхъ крупныхъ недостаткахъ, былъ человѣкъ, заслуживавшій полнаго уваженія, и никто, даже самый ярый его противникъ, не могъ бы отрицать въ немъ доблестнаго и вѣрнаго слугу отечества. Но чтобы принести дѣйствительную пользу, не всегда достаточны лишь желаніе и вѣрность. Назначеніе Муравьева состоялось въ такое время, когда изъ всего списка генераловъ Русской арміи некого было больше выбрать. Императоръ Николай не справляясь съ своими личными чувствами, зналъ предшествовавшую службу Муравьева, цѣнилъ его опытность и другія отличныя качества, дававшія ручательство въ успѣшномъ выполненіи возлагаемой на него важной, трудной задачи. Вышеприведенный отвѣтъ г. Бороздина служитъ какъ бы утвержденіемъ, что ожиданія оправдались. Но теперь, когда мы удалились отъ затронутой эпохи на цѣлыхъ тридцать шесть лѣтъ, когда можемъ и безпристрастно, и гораздо вѣрнѣе (ибо ближе ознакомлены съ документами) судить о дѣятельности на Кавказѣ Н. Н. Муравьева, приходится сказать, что сущность отвѣта г. Бороздина на свой вопросъ не даетъ основаній считать ожиданія Императора оправдавшимися.

„Генералъ Муравьевъ поддержалъ престижъ власти". Но въ чемъ же до его прибытія выражался ея особый упадокъ? Кто, особенно въ военномъ вѣдомствѣ (а оно-то вѣдь и было тогда самоважнѣйшимъ) оказалъ неповиновеніе власти? Я по крайней мѣрѣ такого примѣра не знаю.—„Онъ не допускалъ никому перейти рамокъ бюджета". Но вѣдь въ цѣломъ краѣ одинъ намѣстникъ и могъ развѣ перейти эти рамки; хищенія же производились *въ предѣлахъ рамокъ*. „Взятіе Карса вписало имя его въ страницы исторіи". Но этого можно было достигнуть или двумя мѣсяцами раньше, и съ гораздо меньшею потерею войскъ, или мѣсяцемъ позже, безъ всякой потери, безъ напраснаго пораженія и напраснаго, обиднаго нравственнаго удара нашему престижу въ Азіи, какъ это и случилось послѣ. А въ исторіи имя Муравьева уже безъ того было занесено и его Хивинской экспедиціей, и его пребываніемъ въ Константинополѣ съ отрядомъ для спасенія султана отъ Египетскаго паши.—Дальше авторъ самъ себѣ противорѣчитъ: немного выше онъ разсказываетъ, что Муравьевъ, представляя соображенія о предстоявшихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ, круто ставилъ условія и какъ ультиматумъ (или чтобы они были приняты, или онъ потребуетъ увольненія), а въ отвѣтъ на свой вопросъ говоритъ, что съ возвращеніемъ края къ мирному теченію дѣлъ (какое же мирное, когда предстояли рѣшительныя военныя дѣйствія къ покоренію горцевъ?), Муравьеву нечего было дѣлать на Кавказѣ, что задача его была покончена, и онъ во время ушелъ... Это заключеніе не соотвѣтствуетъ не только дѣйствительности, но и всему смыслу статьи самого г. Бороздина, гдѣ приведено столько поводовъ къ невозможности Муравьеву оставаться на Кавказѣ, если бы онъ этого даже и желалъ.

Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ воспоминаній П. А. Брянчанинова.

„Въ самомъ концѣ 1855 года я былъ переведенъ съ должности Костромскаго вице-губернатора на туже должность въ Ставропольскую губернію, куда прибылъ въ половинѣ Января 1856 года. Н. Н. Муравьевъ, бывшій въ то время намѣстникомъ Кавказскимъ, хотя покровительствовалъ этому переводу, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждалъ меня, что по состоянію своего здоровья едвали продолжительно будетъ оставаться на Кавказѣ; но разъ дѣло о моемъ переводѣ было начато съ его соизволенія, я не остановился искать его исполненія, зная, что Н. Н. Муравьевъ никогда не любилъ обѣщать кому бы то ни было впередъ особенное покровительство по службѣ, признавая усердную службу долгомъ, обязательнымъ для всякаго служащаго. Само собою, что въ Ставрополѣ меня приняли какъ человѣка, вызваннаго намѣстникомъ съ тѣмъ, чтобы назначить меня Ставропольскимъ губернаторомъ. Мнѣніе это еще болѣе утвердилось, когда лѣтомъ 1856 года, бывшій тогда губернаторомъ генералъ-лейтенантъ Волоцкой подалъ прошеніе въ продолжительный отпускъ за границу, по болѣзни. Высочайшее соизволеніе на этотъ отпускъ послѣдовало въ концѣ Іюня, а чрезъ нѣсколько дней по полученіи его, кажется 11 Іюля, послѣдовалъ приказъ объ увольненіи Н. Н. Муравьева, по просьбѣ его, отъ должности намѣстника и

главнокомандующаго и о назначенія на этотъ постъ генералъ-адъютанта кн. А. И. Барятинскаго. Между тѣмъ, я вступилъ въ управленіе губерніею". „Увольненіе Муравьева послѣдовало тогда, когда Государь былъ уже въ Москвѣ и готовился къ коронаціи. По этой причинѣ пріѣздъ новаго намѣстника на Кавказъ не могъ быть ожидаемъ въ скорости.—Н. Н. Муравьевъ, оставивъ Тифлисъ, прибылъ къ своей семьѣ, жившей въ то время на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, въ Кисловодскѣ. Старшая дочь его тутъ кончала лѣченіе, и самъ онъ пилъ воды, лѣчась отъ страданій одышкою. Въ послѣднихъ числахъ Августа онъ выѣхалъ чрезъ Ставрополь въ Россію... Не ожидая пріѣзда новаго намѣстника, я подалъ прошеніе объ увольненіи меня въ отпускъ въ Россію на два мѣсяца, съ цѣлью не давать труда новому намѣстнику выразить мнѣ его желаніе, чтобы я оставилъ Кавказъ, какъ чиновникъ вызванный Муравьевымъ. Я имѣлъ основаніе такъ дѣйствовать; потому что въ Москвѣ, какъ мнѣ было извѣстно, пересматривая списокъ представленныхъ Муравьевымъ къ наградамъ въ коронацію лицъ, князь Барятинскій меня вычеркнулъ по этой причинѣ... Отпускъ мнѣ былъ данъ княземъ Орбельяни (исправлявшимъ должность намѣстника), но при этомъ я получилъ письмо отъ директора канцеляріи намѣстника А. Ѳ. Крузенштерна, въ которомъ онъ совѣтовалъ мнѣ не торопиться отъѣздомъ; потому что князь Барятинскій, ознакомившись съ характеромъ моей служебной дѣятельности, несомнѣнно не пожелаетъ отпустить меня съ Кавказа. И я послѣдовалъ этому совѣту".

„Князь Барятинскій пріѣхалъ на Кавказъ чрезъ Астрахань, слѣдовательно я не имѣлъ случая представиться ему на пути его слѣдованія. Пользуясь этою случайностью, я не торопился просить позволенія пріѣхать въ Тифлисъ, разсчитывая, что не можетъ же князь вдругъ получить обо мнѣ хорошее мнѣніе, совершенно не зная ни меня, ни моей служебной дѣятельности".

„Пріѣхавъ въ Тифлисъ, князь Барятинскій оставилъ меня на моемъ мѣстѣ и я, не измѣняя характера моихъ дѣйствій, относился къ своему положенію (исправ. должн. губернатора и управляющаго гражд. частью на Сѣвер. Кавказѣ) самымъ серьознымъ образомъ. Въ карты я не игралъ и потому въ обществѣ былъ не часто, и не задерживалъ любителей карточной игры необходимостью занимать меня; но вмѣстѣ съ тѣмъ я не избѣгалъ серьозныхъ разговоровъ, когда они касались предметовъ дѣловыхъ и важныхъ по своему значенію. Такъ, однажды былъ я приглашенъ къ предсѣдателю Казенной Палаты Булычеву. До начала карточной игры разговоръ коснулся воспитанія юношества. Въ числѣ гостей былъ директоръ гимназіи Я. М. Невѣровъ; онъ передавалъ, что основная цѣль его въ воспитаніи юношества есть „развитіе свободы мысли". Я замѣтилъ, что если допустить развитіе свободы мысли, то надо необходимо ввести и тщательную и постоянную критику надъ нею: потому что бѣда, если западетъ молодому человѣку ложная мысль, и онъ, принявъ ее безъ всякаго анализа, съ свободнымъ развитіемъ ея, примѣнитъ и введетъ ее въ свою дѣятель-

ность, это можетъ имѣть немыслимыя, бѣдственныя послѣдствія и для лица, и для общества. Большинство гостей стало на моей сторонѣ, но директоръ остался при своемъ убѣжденіи. Потомъ сѣли играть въ карты и къ этому разговору не возвращались".

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о происшествіи, бывшемъ въ Ставропольской гимназіи, и о возникшей по этому поводу оффиціальной перепискѣ. Нѣкоторыя подробности объ этомъ можно найти въ Біографіи фельдмаршала князя Барятинскаго, т. III, стр. 68. Я опускаю здѣсь часть воспоминаній П. А. Брянчанинова [1]), какъ не относящуюся до моей цѣли—показать различіе между пріемами Муравьева и князя Барятинскаго въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ имъ лицамъ.

„Весною 1857 года, пишетъ П. А. Брянчаниновъ, встрѣтилъ я князя Барятинскаго у переправы черезъ Терекъ, на границѣ Ставропольской губерніи. При мнѣ было общество жителей города Кизляра съ хлѣбомъ-солью, а съ другой стороны линейные казаки подъ начальствомъ барона Розена. Князь подалъ мнѣ руку и сказалъ: я познакомился съ вами по вашимъ бумагамъ, которыми остался очень доволенъ. Потомъ, взявъ меня ходить одного съ собою, сталъ распрашивать о положеніи губерніи и, между прочимъ, поставилъ вопросъ: каковы мои отношенія съ обществомъ? Я отвѣчалъ: „на меня смотрятъ какъ на человѣка, вызваннаго Муравьевымъ, а потому нетвердо стоящимъ на своемъ мѣстѣ, и если вашему сіятельству угодно оставить меня на немъ, то только сильная рука ваша можетъ заставить перемѣнить такіе толки".—„Вотъ вамъ она", сказалъ князь, подавая мнѣ руку.

„На слѣдующей станціи, при перемѣнѣ лошадей, онъ опять подозвалъ меня и продолжалъ распросы. Когда садились въ экипажи, баронъ Розенъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что въ ст. Червленной, куда мы тогда ѣхали, князь будетъ у него обѣдать, и пригласилъ меня на этотъ обѣдъ. За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть наискось противъ князя. Въ серединѣ обѣда, обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: „Записку, которую вы прислали мнѣ по архивному дѣлу о намѣстничествѣ Кавказскомъ, читали въ Комитетѣ Министровъ, и только двое были противнаго намъ мнѣнія; но я увѣренъ, что съ моимъ пріѣздомъ въ Петербургъ наше дѣло пройдетъ успѣшно". (Дѣло касалось предположенія присоединить къ Кавказскому намѣстничеству Астраханскую губернію). Слова эти очевидно были замѣчены всѣмъ обществомъ.— На другой день мы слѣдовали безостановочно до Екатеринограда, а на слѣдующій до Георгіевска, гдѣ князь Барятинскій принялъ предложенный ему отъ города обѣдъ. Здѣсь потребовалъ онъ отъ меня, чтобы я ему представилъ чиновъ дирекціи минеральныхъ водъ. За обѣдомъ онъ вспоминалъ, когда онъ, въ чинѣ корнета, проѣздомъ чрезъ Кіевъ, обѣдалъ у Н. Н. Муравьева [2]),

---

[1]) П. А. Брянчаниновъ присылалъ намъ эту часть своихъ Воспоминаній, но она оказалась неудобною къ оглашенію. П. Б.

[2]) Бывшаго тогда начальникомъ штаба 1-й арміи.

вчетверомъ. Муравьевъ, его супруга, князь и дежурный адъютантъ. Я сказалъ князю, что этимъ дежурнымъ былъ я и удостовѣрилъ его въ томъ, напомнивъ, что онъ послѣ обѣда пошелъ съ супругой Муравьева гулять въ садъ Василевскаго, а я съ Н. Н. Муравьевымъ въ кабинетъ писать.—Князь Барятинскій, улыбнувшись, спросилъ: какой у меня былъ чинъ? Я отвѣчалъ: капитанъ. Князь, оборотясь къ обществу, сказалъ: Вотъ какіе мы старые знакомые! Только я перегналъ его по службѣ".

„Переночевавъ въ Саблинской станицѣ, князь на другой день пріѣхалъ въ Ставрополь, гдѣ была ему устроена весьма торжественная встрѣча. На другой день онъ назначилъ представленіе всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ губернской администраціи, мнѣ же приказалъ быть за полъ-часа раньше представленія. Въ опредѣленное время, когда почти всѣ чиновники уже собрались, я былъ позванъ къ князю, и первымъ вопросомъ, который онъ мнѣ сдѣлалъ, былъ: въ какихъ отношеніяхъ я нахожусь съ директоромъ гимназіи? Я отвѣчалъ: въ самыхъ осторожныхъ и прилично-вѣжливыхъ; у насъ было столкновеніе... На этомъ князь меня прервалъ: „знаю, мнѣ читали вашу бумагу къ нему, и я внутренно вполнѣ одобрилъ ее, сказавъ, что дорожу вами и желаю васъ сохранить, признавая способнымъ и полезнымъ для службы, и потому бумагу оставилъ безъ послѣдствій; а въ бытность въ Ставрополѣ намѣревался самъ лично уладить это дѣло". Затѣмъ, спросивъ о моемъ взглядѣ на нѣкоторыя другія лица, служившія въ губернскихъ учрежденіяхъ, онъ вышелъ къ пріему. Послѣдовательно представляя чиновниковъ, дошли мы до директора гимназіи; я назвалъ должность, чинъ и фамилію его, а князь Барятинскій сказалъ ему: „объ васъ одобрительно отзывается начальникъ губерніи (указывая на меня); это лучшая рекомендація вамъ въ моихъ глазахъ".

П. А. Брянчаниновъ оставался все время намѣстничества князя Барятинскаго Ставропольскимъ губернаторомъ и пользовался его неизмѣннымъ уваженіемъ, а затѣмъ вышелъ въ отставку. Я привелъ отрывокъ изъ его разсказа, чтобы однимъ лишнимъ примѣромъ показать разницу пріемовъ Муравьева и его. Что̀ удивительнаго, если первый нагонялъ страхъ, нерѣдко совершенно напрасный, и возбуждалъ къ себѣ враждебность, а второй привлекалъ людей и возбуждалъ въ нихъ готовность всѣми мѣрами заслужить его расположеніе?

А. Зиссерманъ.

Лутовиново.
Февраль 1892 г.

ТОРЖЕСТВО ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ РОССІИ ВЪ 1862 ГОДУ.

Въ 1860 году я провелъ болѣе недѣли въ Великомъ Новгородѣ, изучая его древности и пользуясь при семъ въ видѣ руководства вышедшею въ то время книгою ректора Новгородской семинаріи архимандрита Макарія (нынѣ архіепископа Донскаго). Повидимому, послѣ такого полнаго и основательнаго обозрѣнія, не слѣдовало бы мнѣ приниматься за новый трудъ по тому же предмету; но я разсудилъ иначе: составилъ болѣе краткую книгу, присоединивъ къ описанію каждаго храма свѣдѣнія о заключающихся въ немъ предметахъ древности и изложивъ вкратцѣ житія Новгородскихъ чудотворцевъ [1]).

Моя книга о Новгородскихъ древностяхъ вышла въ свѣтъ въ 1861 году. Я послалъ экземпляръ ея при письмѣ на имя министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина для поднесенія Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, просвѣщенной любительницѣ Русскихъ древностей. Но къ удивленію моему книга пришла обратно съ увѣдомленіемъ, что Его Величеству угодно принять ее отъ меня лично при торжествѣ тысячелѣтія Русскаго государства.

Заблаговременно прибылъ я въ Новгородъ и занялъ приготовленную для меня квартиру въ домѣ соборнаго Софійскаго причта. Въ то время домовладѣльцы чрезмѣрно возвысили цѣну на квартиры, а содержатель гостиницы, въ которой я останавливался за два года передъ тѣмъ—на номера и буфетъ [2]), воображая, что пріѣздъ будетъ огромный.

Наканунѣ назначеннаго торжества было совершено митрополитомъ Исидоромъ переложеніе мощей Святаго Князя Владиміра Ярославича, храмоздателя Софійскаго собора, въ новую серебряную раку. Послѣ литургіи мощи были обнесены вокругъ собора; несли архиман-

---

[1]) Въ книгѣ Макарія описаніе ризничныхъ предметовъ составляетъ особый томъ, а біографическихъ свѣдѣній объ угодникахъ Божіихъ вовсе не имѣется.

[2]) Въ 1860 году я платилъ за комнату 1 руб. сер., а за обѣдъ 75 коп. Въ 1862 году таже комната стоила 3 рубля, а обѣдъ 4 рубля. На вопросъ мой о причинѣ такой дороговизны, буфетчикъ отвѣчалъ: «Помилуйте, вѣдь теперь тысячелѣтіе; до другаго пожалуй не доживешь!»

дриты и священники, имѣя во главѣ великаго князя Николая Николаевича. Передъ мощами губернаторъ В. Ѳ. Скарятинъ и губернскій предводитель дворянства князь Мышецкій несли на подушкахъ княжескую шапку и княжій крестъ, хранящіеся въ Софійской ризницѣ.

Въ тотъ же день древній, нѣкогда вѣчевой Новгородъ былъ осчастливленъ прибытіемъ Государя, Государыни и Цесаревича Николая Александровича. Градскія власти, дворянство и почти все населеніе Новгорода толпилось на набережной, когда вдали показался пароходъ, на которомъ ѣхали съ Волховской станціи августѣйшія особы съ многочисленною свитою. Громогласное ура собравшагося народа отдавалось даже въ стѣнахъ Софійскаго собора. Августѣйшія особы, встрѣченныя митрополитомъ при входѣ въ соборъ, благоговѣйно прикладывались къ св. мощамъ и чудотворнымъ иконамъ и послѣ того перешли въ митрополичій домъ, гдѣ приготовлено было для нихъ помѣщеніе. А между тѣмъ въ соборѣ началось всенощное бдѣніе въ честь праздника Рождества Богородицы и соборнаго храмоваго праздника Софіи, Премудрости Божіей.

Насталъ, наконецъ, ожидаемый всѣмъ населеніемъ города торжественный день. Новгородскій Кремль наполнился войсками и множествомъ народа. Кровли зданій и верхній ярусъ Евѳиміевской соборной «звонницы», пестрѣли людьми. Въ девятомъ часу утра я получилъ отъ министра императорскаго двора графа В. Ѳ. Адлерберга извѣщеніе о скорѣйшемъ приходѣ во дворецъ, для поднесенія книгъ моихъ Государю и Государынѣ. Мнѣ назначено было стать въ большой залѣ временнаго дворца (т. е. митрополичьяго дома), у одного изъ мраморныхъ столовъ, подаренныхъ Екатериною II-ю митрополиту Гаврiилу. Чрезъ нѣсколько минутъ изъ внутреннихъ дверей показался Императоръ объ руку съ Императрицею, въ сопровожденіи Цесаревича и многочисленной свиты. Государь и Государыня остановились поравнявшись со мною, и я имѣлъ счастіе поднести имъ книги. Они прошли въ Софійскій соборъ, гдѣ митрополитъ Исидоръ встрѣтилъ державныхъ при входѣ съ крестомъ и святой водой, и вслѣдъ за тѣмъ немедленно началъ литургію, послѣ которой послѣдовалъ крестный ходъ со всѣми чудотворными иконами, находящимися въ Новгородѣ *). Сіи иконы принесены были изъ Знаменскаго собора, въ сопровожденіи преосв. Леонтія епископа Ревельскаго (нынѣ митрополитъ Московскій) и изъ многихъ церквей, какъ Софійской, такъ и Торговой стороны. Предъ концомъ литургіи эти святыни, предварительно внесенныя въ теплый

*) Принесены были иконы: Знаменія Богородицы изъ Знаменскаго собора, Николая Чудотворца изъ Дворищенскаго, Симеона Богопріимца изъ Звѣрина монастыря и много другихъ иконъ, издревлѣ чтимыхъ въ Новгородѣ.

соборъ, расположены были у южнаго выхода изъ Софійскаго собора. Въ крестномъ ходу, слѣдуя за митрополитомъ и двумя его викаріями, Ихъ Величества обошли кругомъ памятника тысячелѣтію Россіи. Къ обыкновенному благодарственному молебну присоединена была слѣдующая молитва, составленная по высочайшему желанію Государя Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ:

«Господи Боже, Царю вѣковъ, глаголяй на языкъ и царство и созиждаяй и насаждаяй ихъ! [1]) Ко Твоему величеству припадающе, со страхомъ и благоговѣніемъ, благодарнѣ исповѣдуемъ милости Твоя, многочастнѣ и многообразнѣ въ десяти вѣкахъ явленныя народу и царству Россійскому.—Ты бо, Господи, возглаголалъ еси Твое зиждительное слово на сей народъ, и создалъ еси въ немъ царство, и насадилъ, и укоренилъ, и возрастилъ, и расширилъ еси его на земли обитанія его, и поставилъ еси надъ нимъ отъ Тебе сущую власть, и укрѣпилъ еси его на сопротивныхъ, и оградилъ еси его законами, наипаче же просвѣтилъ и одушевилъ еси его спасительною вѣрою, и аще иногда и жезломъ посѣщалъ еси неправды его, но милости Твоея не удалилъ и не удаляеши отъ насъ.—Тя убо Владыку, Господа и Благодѣтеля, славимъ, хвалимъ, благодаримъ, поемъ и величаемъ, и отъ самыхъ щедротъ Твоихъ въ вѣрѣ и упованіи утвержденіе и дерзновеніе предъ Тобою пріемлюще, смиренно молимъ: сохрани престолъ и царство Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго, Великаго Государя Императора Александра Николаевича всея Россіи въ истинномъ величіи, твердости и славѣ.—Прости, всемилостиве Господи, вся грѣхи наша и отецъ нашихъ, и исправи стопы наша къ дѣланію заповѣдей Твоихъ.—Соблюди въ насъ православную вѣру въ ея чистотѣ и силѣ, и да пребудетъ она, якоже бысть, средоточіемъ общественнаго единенія, источникомъ просвѣщенія, основаніемъ и твердынею народнаго благонравія, правды, законовъ, благодѣтельности управленія, нерушимости благосостоянія.—Да не увянетъ и не изсхнетъ древнее насажденіе добра, но да привіется къ нему новое стебліе лучшаго, и да изыдетъ новый цвѣтъ благолѣпія и плодъ совершенства [2]).—Тако призри на насъ и ущедри насъ, да благословляеми Тобою, отъ дне до дне и отъ вѣка и до вѣка благословимъ Тя, Господи. Слава Тебѣ Богу, Благодателю нашему, во вѣки вѣковъ. Аминь».

По окончаніи молебна и по возглашеніи многолѣтія Благочестивѣйшему Государю и всему Царствующему Дому, произнесены были протодіакономъ слѣдующія провозглашенія: «Просвѣтившимъ Россію христіанскою православною вѣрою Равноапостольнымъ Великому Князю Владиміру и Великой Княгинѣ Ольгѣ, преемственнѣ въ теченіи вѣковъ созидавшимъ и укрѣплявшимъ единодержавіе Россіи Благовѣрнымъ Царемъ и Великимъ Княземъ, новосозидавшимъ Россійское царство и расширившимъ и прославившимъ оное въ Бозѣ почившимъ Благочестивѣйшимъ Императорамъ и Императрицамъ, вѣчная память».

---

[1]) Іереміи, XVIII, 9.

[2]) Торжество происходило 8 Сентября 1862 года, слѣд. въ самый разгаръ преобразованій. П. Б.

«Всѣмъ избраннымъ сынамъ Россіи, въ теченіи вѣковъ вѣрно подвизавшимся за ея единство, благо и славу, на поприщахъ благочестія, просвѣщенія, управленія и побѣдоносной защиты Отечества, вѣчная память».

«Времена и лѣта, въ руцѣ своей положивый Господи, Твоимъ премудрымъ всеблагимъ Промысломъ тысящелѣтнѣ сохраняемому и возращаемому царству Всероссійскому, пробави велію милость Твою и сохраняй оное въ вѣрѣ и правдѣ, во богозаконіи и благоустроеніи на лѣта и вѣки многіе».

Возвратившись во временной дворецъ, Государь удостоилъ принять отъ почтеннаго старика, Кириловскаго предводителя дворянства А. А. Богдановича 19 огромныхъ живыхъ стерлядей, плававшихъ въ ваннѣ съ водою; онѣ были привезены изъ р. Шексны, за 600 слишкомъ верстъ отъ Новгорода. Покойный Богдановичъ привезъ 30 стерлядей, но одинадцать изъ нихъ дорогою притомились, были приколоты и употреблены на другой день въ матлотѣ за ужиномъ дворянскаго бала.

Приглашенный къ царскому обѣду, который происходилъ въ залахъ Новгородскаго Дворянскаго Собранія, я удостоился получить мѣсто за царскимъ столомъ въ большой средней залѣ; въ другихъ комнатахъ обѣдали Новгородскіе дворяне и другія лица, числомъ болѣе 600. Первый тостъ былъ провозглашенъ самимъ Государемъ: «за благоденстіе Россіи».

Въ тотъ же вечеръ митрополитъ Исидоръ, пригласивъ меня къ себѣ на чай, объявилъ мнѣ, что Государынѣ Императрицѣ угодно, чтобы, при обозрѣніи Новгородскихъ древностей, сопровождалъ Ея Величество кто либо съ археологическими свѣдѣніями и знаніемъ Французскаго языка; потому что объясненія ризничихъ не всегда могутъ быть понятными для Августѣйшей Посѣтительницы. Владыка указалъ на меня и, разговаривая со мною, изволилъ замѣтить: «Я думаю, что Государыня Императрица вовсе не нуждается въ объясненіяхъ на Французскомъ языкѣ, но не довѣряетъ нашимъ ризничимъ, которые часто сами не знаютъ того, что̀ показываютъ посѣтителямъ». Мнѣніе владыки оправдалось на дѣлѣ. Во время этого разговора пришелъ къ владыкѣ оберъ-прокуроръ Св. Сѵнода А. П. Ахматовъ; не смотря на мое присутствіе, онъ увѣрялъ владыку, что достаточно было пригласить ректора семинаріи архим. Макарія, перваго знатока всѣхъ древностей Новгорода. Митрополитъ возразилъ ему, что Государыня Императрица желаетъ объясненій на Французскомъ языкѣ, и Ахматовъ долженъ былъ замолчать.

Между тѣмъ какъ владыка бесѣдовалъ со мною, Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи министра внутреннихъ дѣлъ и Новгородскаго гражданскаго губернатора В. Я. Скарятина, ѣздили водою въ село Рюриково Городище, въ 3-хъ верстахъ къ Югу отъ Новгорода, по правому берегу рѣки Волхова *). Тамъ былъ проготовленъ праздникъ для крестьянъ, къ которому собрались волостные старшины почти со всей губерніи и сельскіе старосты изъ ближайшихъ селеній. Государю поднесена была хлѣбъ-соль на дубовомъ блюдѣ съ дубовою же солонкою очень искусной работы одного мѣстнаго рѣщика-крестьянина. Самый матеріалъ этихъ вещей замѣчателенъ: онѣ вырѣзаны изъ стариннаго, крѣпкаго какъ чугунъ, совершенно-чернаго дуба, вырытаго изъ земли при закладкѣ фундамента подъ патятникъ тысячелѣтія Россіи. Когда Государь и Государыня подъѣхали на лодкѣ къ Городищу, собравшіеся крестьяне, видя, что выходъ на берегъ нѣсколько сыръ, разостлали свои кафтаны для прохода царственной четы. При возвращеніи Ихъ Величествъ въ Новгородъ, въ десять часовъ вечера, на обоихъ берегахъ Волхова горѣли смоляныя бочки и незатѣйливыя илюминаціи, устроенныя крестьянами по ихъ вкусу и средствамъ.

На слѣдующее утро Государыня Императрица изволила начать осмотръ Новгородскихъ древностей съ древнѣйшаго Софійскаго собора, гдѣ была встрѣчена преосвященнымъ викаріемъ Ѳеофилактомъ, въ сопровожденіи знатока и тщательнаго изслѣдователя мѣстной старины, ректора Новгородской семинаріи отца-архимандрита Макарія и соборнаго духовенства. Тутъ же былъ и я, во все время при Ея Величествѣ. Замѣчательнѣйшія ризничныя вещи были перенесены изъ ризницы, находящейся на хорахъ («на полатѣхъ», по выраженію лѣтописи) и разложены на столѣ въ Предтеченскомъ предѣлѣ. Разсматри-

---

*) Это село стоитъ близъ Волховца-Малаго и ручья Княжова, на красивомъ возвышенномъ холмѣ, который выдается, подобно острову, изъ окружающей его мѣстности. Отсюда виденъ весь Новгородъ со всѣми его храмами и окрестными монастырями; здѣсь тянется серебристой лентой сановитый Волховъ; за нимъ синѣетъ озеро Мячино, а на правой сторонѣ грозный Ильмень заключаетъ собою горизонтъ. Названіе Городища напоминаетъ, что здѣсь былъ городъ или укрѣпленіе, построенное первымъ Варяго-Русскимъ княземъ Рюрикомъ, который, по свидѣтельству Нестора, будучи призванъ въ 862 году «сѣдѣ въ Новѣградѣ», а по изъясненію Ипатьевской лѣтописи, Рюрикъ, сдѣлавшись единовластителемъ по смерти братьевъ, пришелъ къ озеру Ильменю и тамъ срубилъ себѣ городъ надъ рѣкой Волховомъ. Въ этомъ городѣ жили князья Новгородскіе не только до Ярослава, устроившаго себѣ дворъ («Дворище») на Торговой сторонѣ, но и послѣ его до самаго присоединенія Новгорода къ Московской державѣ. Петръ I подарилъ Городище любимцу своему Меньшикову.—Изъ пяти церквей, бывшихъ нѣкогда въ Городищѣ, сохранилась до нашего времени только одна Благовѣщенская, построенная въ 1342 году.

вая эти остатки старины, Государыня пожелала видѣть артосную панагію XV вѣка, устроенную по распоряженію св. владыки Евфимія при великомъ князѣ Василіѣ Темномъ. Старецъ-ключарь, не разслышавъ вопроса, подалъ панагію архіепископа Пимена XVI вѣка съ изображеніемъ Софіи Премудрости Божіей. Тогда Государыня Императрица, обратясь ко мнѣ, сказала по французски: «можетъ быть, я не такъ выразилась; лучше было бы сказать панагіаръ». Такое знаніе техническихъ терминовъ церковной археологіи въ лицѣ супруги Русскаго Самодержца удивило меня и о. Макарія: много ли найдется между нашими образованными дамами высшаго круга такихъ, которыя знали бы различіе между артосною и наперсною панагіею? При дальнѣйшемъ осмотрѣ святынь и древностей, историческія познанія Ея Величества еще болѣе обнаружились. Такъ, еще не выходя изъ собора, пожелала она видѣть икону Соловецкихъ чудотворцевъ, на которой въ числѣ клеймъ съ чудесами изображена два раза Мареа Борецкая, прозванная «посадницею», въ бесѣдѣ съ преп. Зосимою и на обѣдѣ, гдѣ чудотворецъ видѣлъ обезглавленными Новгородскихъ вельможъ, которыхъ ожидала казнь отъ Іоанна III. «Къ какому времени принадлежитъ эта икона?» спросила Государыня каѳедральнаго протоіерея. «Вѣроятно къ началу XVII вѣка», отвѣчалъ онъ. «Судя по пошибу, я думаю, что икона древнѣе», отозвалась Императрица. Тогда от. ректоръ доложилъ ей, что этотъ образъ значится въ соборной описи 1572 года и вѣроятно могъ быть написанъ ранѣе этого времени, такъ что иконописецъ могъ лично знать Мареу и въ чертахъ миніатюрнаго изображенія сохранить нѣкоторыя черты лица ея [1]). При входѣ въ Грановитую палату, обращенную теперь въ церковь, Государыня сказала мнѣ по французски: вѣроятно это та самая палата, въ которой Грозный царь своимъ «ясакомъ» (крикомъ) подалъ знакъ къ началу грабежа. Въ кельяхъ святителя Іоанна она изволила весьма справедливо замѣтить, что древность приписываемаго ему рукомойника изъ желтой мѣди весьма сомнительна. Выходя, оттуда Августѣйшая Посѣтительница пожелала войти въ небольшую крестовую церковь, устроенную въ 1463 году святителемъ Іоною Отенскимъ [2]) въ честь

---

[1]) Въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ сохранился портретъ Мареы, старинной работы, довольно грубой. Но этотъ портретъ другой Мареы, матери царя Михаила Ѳеодоровича.

[2]) Своеволіе Новгородцевъ и дружба ихъ съ неукротимымъ крамольникомъ Шемякою заставляли великаго князя Василія Темнаго помышлять объ укрощеніи Новгорода. Новгородцы знали это и усердно просили своего владыку отправиться въ Москву, чтобы утишить гнѣвъ государя. Несмотря на долготу пути и преклонную старость, святитель исполнилъ желаніе согражданъ своихъ. Приближаясь къ Москвѣ, онъ вспомнилъ великаго Сергія Радонежскаго, незадолго передъ тѣмъ прославленнаго чудотворца, и положилъ обѣщаніе воздвигнуть въ честь

преподобнаго Сергія Радонежскаго, за 40 лѣтъ передъ тѣмъ (въ 1422 году) прославленнаго нетлѣніемъ мощей и чудесами. «Желаю приложиться къ иконѣ преп. Сергія», сказала Гсударыня, и я доложилъ потомъ, что эта малая церковь есть первая изъ всѣхъ посвященныхъ имени великаго чудотворца, а потому и храмовая икона должна быть одною изъ древнѣйшихъ, если не самою древнею.

Вечеромъ, 9 Сентября, въ Воскресенье, Новгородское дворянство давало балъ для Императорской фамиліи въ домѣ своего собранія. На этомъ балѣ я имѣлъ счастіе состоять дежурнымъ при Государынѣ Императрицѣ и удостоился продолжительнаго разговора Ея Величества объ осмотрѣ Новгородскихъ древностей и посѣщеніи Рюрикова-Городища. «Усердіе крестьянъ меня очень тронуло, прибавила она; но жаль, что за темнотою намъ не удалось осмотрѣть старинную церковь въ этомъ селѣ».

На другой день все царское семейство отправилось въ Петербургъ.

Графъ М. Толстой.

его храмъ на дворѣ своемъ, если достигнетъ исполненія своихъ намѣреній. Въ Москвѣ приняли святителя съ почетомъ и любовію. Однажды великій князь Василій, при сынѣ своемъ Іоаннѣ и св. митрополитѣ Іонѣ, сталъ сильно жаловаться владыкѣ Новгородскому на своеволіе согражданъ его и грозилъ наказать Новгородъ войною. Подвигнутый любовью къ родинѣ, св. архіепископъ умолялъ Василія не поднимать оружія, отъ котораго могутъ пострадать невинные. «Если ты презришь старческую мольбу мою, сказалъ онъ, и поднимешь руку на невинныхъ, то помни, что между дѣтьми твоими поднимутся раздоры зависти. Не твори неправды и не дерзай порабощать людей свободныхъ. Конецъ жизни твоей близокъ. Наслѣднику твоему предстоитъ обладаніе всѣми предѣлами Русскими. За счастіе его я смиренный и паства моя будемъ усердно молить Бога, и я уповаю, что Господь пошлетъ ему свободу отъ ига Ордынскаго, укрѣпитъ и распространитъ державу его, въ награду за милость твою къ родинѣ моей». Этимъ пророчествомъ старца былъ тронутъ и обрадованъ великій князь и, при ходатайствѣ св. первосвятителя Іоны, отложилъ гнѣвъ на Новгородъ, и оба соименныхъ святителя обѣщались молиться объ исполненіи предсказаннаго архіепископомъ. По возвращеніи въ Новгородъ, св. владыка Іона исполнилъ обѣтъ свой—устроилъ въ своихъ палатахъ первую церковь въ честь новоявленнаго чудотворца Сергія. Въ этомъ храмѣ весьма замѣчательна храмовая икона: ликъ преподобнаго отличается необыкновенною выразительностью; правая рука его благословляетъ имянословно, а лѣвая держитъ развернутый свитокъ.

Г. Я. СКАРЯТИНЪ И ГРАФИНЯ ПОТОЦКАЯ.

Въ VI-й книжкѣ „Русской Старины" 1891 года, въ „Очеркахъ и воспоминаніяхъ" г-на Колмыкова про Государя Николая Павловича и его время, прочелъ я (стр. 676—677) повѣствованіе о дѣлѣ по поводу жестокаго обращенія графа Потоцкаго съ своею женою. Г-нъ Колмаковъ между прочимъ пишетъ: „Съ нею у него не было ладу, и вотъ разъ онъ ее из„билъ до нельзя, и, она растрепанная и оборванная, прибѣжала въ штабъ „квартировавшей въ Тульчинѣ дивизіи, начальникомъ коей былъ генералъ „Скарятинъ, прося у него защиты. Графиня была молода и очень хороша „собою, а потому скоро обрѣла эту защиту въ лицѣ генерала-воина. Въ „это время императоръ Николай проѣзжалъ черезъ Тульчинъ. Ему было до„ложено, что графъ Потоцкій буйнаго характера, своеволенъ, стѣсняетъ „жену и сына въ средствахъ жизни. Рѣшеніе Императора послѣдовало не„медленно. Имѣніе взято въ вѣдѣніе III-го Отдѣленія, съ назначеніемъ особаго „администратора, а самъ Потоцкій сосланъ въ какой-то губернскій городъ, „кажется Саратовъ и пр."

Для возстановленія истины о памяти моего покойнаго брата, на которую наброшена здѣсь неблаговидная, ничѣмъ незаслуженная тѣнь, я вынужденнымъ нахожусь опровергнуть этотъ фантастическій (чтобы выразиться полегче) разсказъ.

Покойный братъ мой, Григорій Яковлевичъ Скарятинъ въ то время, къ которому относится исторія графа Потоцкаго съ его женою, а именно въ 1844 или 1845 годахъ, былъ не генераломъ, а полковникомъ и флигель-адъютантомъ Е. И. В. при свитѣ, а потому конечно командовать дивизіей не могъ; да онъ никогда и не командовалъ ни полкомъ, ни бригадой, ни дивизіей, и не жилъ въ Тульчинѣ, а находился по званію своему постоянно въ Петербургѣ. Произведенъ онъ въ генералъ-майоры свиты Е. И. В. въ 1849 году, т. е. четыре или пять лѣтъ послѣ описываемаго г. Колмаковымъ происшествія съ графиней Потоцкой. Это было ему наградою за блестящую защиту въ Трансильваніи города Германштадта противъ мятежника Бема *) Еще до возвращенія въ Россію, скоро послѣ этого, онъ былъ на-

*) По поводу этого блестящаго дѣла есть хвалебная статья въ брошюрѣ, напечатанной бывшимъ военнымъ министромъ Д. А. Милютинымъ, нынѣ графомъ, въ то время профессоромъ Академіи Генеральнаго Штаба.

значенъ начальникомъ штаба 5 корпуса, которымъ командовалъ тогда генералъ-адъютантъ Лидерсъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 19 Іюля, братъ Григорій Яковлевичъ палъ въ сраженіи подъ г. Сегесваромъ.

Разскажу теперь, какъ происходило дѣло графа Потоцкаго и почему братъ мой обязанъ былъ принять участіе въ немъ.

Когда покойный императоръ Николай Павловичъ производилъ внутри Россіи смотры и маневры, то на сборныя мѣста войскъ передъ пріѣздомъ Государя посылались ожидать Его Величествѣ флигель-адъютантъ и другія лица свиты, по одному или по нѣсколько человѣкъ. Въ 1844 или въ 1845 году былъ такой сборъ войскъ въ Кіевской губерніи, и вотъ, по окончаніи смотра или развода, не припомню въ г. Кіевѣ или Тульчинѣ, когда Государь хотѣлъ садиться въ экипажъ, къ ногамъ его бросилась графиня Потоцкая, которая дѣйствительно была красавица, и жаловалась на жестокое, безчеловѣчное съ нею обращеніе ея мужа графа Михаила Потоцкаго. Государь, тутъ же подозвавъ брата, повелѣлъ ему произвести подробное изслѣдованіе, какъ о жестокомъ обращеніи графа Потоцкаго съ женою, такъ и вообще о разныхъ его поступкахъ и дѣйствіяхъ (потому что Потоцкій пользовался очень дурною славою, но при большихъ связяхъ и огромномъ богатствѣ многое сходило ему съ рукъ). Государь уѣхалъ, а братъ остался произвести изслѣдованіе о дѣлахъ Потоцкаго.

Дѣла оказались очень сложныя. Кромѣ неоспоримыхъ уликъ въ безчеловѣчномъ обращеніи съ своею женою, въ отнятіи у нея сына и высылкѣ ея изъ дома, подавались еще письменныя и словесныя жалобы на жестокое обращеніе графа съ крестьянами, съ прислугой, на захваты земель у небогатыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ и вообще на крайне самоуправные поступки, доходившіе чуть ли не до преступленій болѣе или менѣе тяжкихъ, справедливость коихъ неопровержимо выяснялась. Изъ Петербурга въ помощь брату былъ присланъ жандармскій штабъ-офицеръ. Слѣдствіе потребовало много труда, хлопотъ, осмотрительности и времени, тѣмъ болѣе, что были нѣкоторыя очень вліятельныя лица, принимавшія участіе въ графѣ Потоцкомъ; онъ же не жалѣлъ ничего, чтобы как-нибудь выкарабкаться изъ весьма сквернаго положенія, въ которое наконецъ попалъ. Такъ, напримѣръ, камердинеру брата моего, Василію Захарову, человѣку отмѣнно-честному, съ малолѣтства ему преданному, предлагалось до десяти тысячъ рублей только за то, чтобы онъ, въ отсутствіе своего барина, допустилъ какую-то личность къ нему въ кабинетъ осмотрѣть находившіяся тамъ бумаги. Теперь я всего не припомню, но подобныхъ подкуповъ было пущено въ ходъ очень много; не стѣснялись также всякою подходящею и неподходящею клеветою. Отчего, почему и отъ кого, я не припомню, но положительно знаю, что когда разслѣдованіе было окончено, братъ неожиданно получаетъ приказаніе оставить на мѣстѣ подлинное производство, а копію привезти съ собою въ Петербургъ и представить куда

слѣдуетъ. Братъ не исполнилъ приказанія, а сдѣлалъ наоборотъ: оставилъ копію на мѣстѣ, подлинное же производство привезъ съ собою. Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ немедленно явился къ Государю, доложилъ вкратцѣ о своихъ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ, и затѣмъ прямо сказалъ о неисполненномъ имъ приказаніи и о томъ, какъ онъ поступилъ. Его Величество, немного подумавъ, отвѣчалъ, что онъ весьма хорошо сдѣлалъ, что не исполнилъ приказанія.

Исходъ всего этого дѣла извѣстенъ. Графа Потоцкаго сослали въ Саратовъ.

Черезъ годъ послѣ этого братъ былъ дежурнымъ флигель-адъютантомъ въ Петергофѣ и приглашенъ вечеромъ на очень небольшое собраніе Царскаго семейства. За ужиномъ братъ помѣщался за столомъ почти противъ Государя. Покойный Николай Павловичъ сталъ вспоминать о дѣлѣ графа Потоцкаго и сказалъ, что вѣроятно братъ мой былъ доволенъ, что ему поручили это дѣло, такъ какъ графиня Потоцкая извѣстная красавица, и сталъ слегка подсмѣиваться. Братъ мой (вскорѣ такъ безвременно погибшій, да еще за вѣроломную Австрію, спасая престолъ неблагодарныхъ Габсбурговъ!), человѣкъ прямой, рыцарски-щепетильный во всемъ, чтò касалось чести, вдругъ всталъ и осмѣлился громко и настойчиво сказать: Государь, я на Вашей службѣ взятокъ ни деньгами, ни натурой никогда не бралъ!—Чтò ты, чтò ты, возразилъ Императоръ; развѣ я тебя не знаю, ты видишь, я шучу! и подозвавъ къ себѣ, поцѣловалъ его въ лобъ.

Н. Скарятинъ.

Сельцо Папьково (Смол. губ. Сычевск. у.)
Февраль 1892.

ТРИ НОВЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Карлсбадъ, 26 Іюня 1870.

I.

Я встрѣтилъ васъ, и все былое
Въ отжившемъ сердцѣ ожило.
Я вспомнилъ время золотое,
И сердцу стало такъ легко!

*

Какъ поздней осени порою,
Бываютъ дни, бываетъ часъ,
Когда повѣетъ вдругъ весною,
И что-то встрепенется въ насъ:

*

Такъ весь проникнутъ дуновеньемъ
Тѣхъ дней душевной полноты,
Съ давно-забытымъ упоеньемъ
Смотрю на милыя черты.

*

Какъ послѣ вѣковой разлуки,
Гляжу на васъ, какъ бы во снѣ—
И вотъ слышнѣе стали звуки,
Неумолкавшіе во мнѣ.

*

Тутъ не одно воспоминанье,
Тутъ жизнь заговорила вновь;
И тоже въ васъ очарованье
И таже въ душѣ моей любовь!

II.

Не знаю я, коснется-ль благодать
Моей души болѣзненно-грѣховной,
Удастся-ль ей воскреснуть и возстать,
Пройдетъ-ли обморокъ духовной?

*

Но если бы душа могла
Здѣсь на землѣ найти успокоенье—
Мнѣ благодатью ты-бъ была,
Ты—ты, мое земное Провидѣнье!..

III.

Des premiers ans de votre vie
Que j'aime à remonter le cours,
Écoutant d'une âme ravie
Ces récits, les mêmes toujours...

*

Que de fraîcheur et de mystère,
En remontant ces bords heureux!
Quelle douce et tendre lumière
Baignait ce ciel si vaporeux!

*

Combien la rive était fleurie,
Combien le flot était plus pur!
Que de suave rêverie
Se reflétait dans son azur!....

*

Quand de votre enfance incomprise
Vous m'avez quelque temps parlé,
Je croyais sentir dans une brise
Glisser comme un printemps voilé.

Переводъ А. А. Фета.

О какъ люблю я возвращаться
Къ истоку первыхъ дней твоихъ
И, внемля сердцемъ, восторгаться
Разсказомъ тѣмъ же все о нихъ.

*

Какъ много свѣжести и тайны
На тѣхъ встрѣчаю берегахъ!
Что за разсвѣтъ необычайный
Сквозилъ въ тѣхъ дымныхъ облакахъ!

*

Въ какихъ цвѣтахъ былъ лугъ прибрежной,
Ручья какъ чисто было дно!
Какъ много думъ съ улыбкой нѣжной
Лазурью той отражено.

*

О дѣтствѣ понятòмъ такъ мало
Чуть поминала ты порой,
Казалось мнѣ, что овѣвало
Меня незримою весной!

ДВА БРАТА.

Посвящено памяти убитаго подъ Севастополемъ лейтенанта Батьянова и брата его, поручика гвардіи.

Подъ стѣнами новой Трои
Сколько жертвъ погребено!...
Миръ вамъ, Русскіе герои!
Много слезъ посвящено

*

Вашей памяти прекрасной
И безстрашному концу.
Пѣснью звучной и согласной
Русь помолится Творцу,

*

Чтобъ Онъ души упокоилъ
Храбрыхъ воиновъ Своихъ,
Зрѣть Себя ихъ удостоилъ,
И на небо принялъ ихъ!...

*

Братья сердцемъ, братья кровью,
Братья твердою душой
И къ отечеству любовью,
Вы взаимно міръ земной

*

Юной храбростью покрыли.
Добровольно въ тяжкій бой
Вы безстрашно поспѣшили,
Отстраняя свой покой....

*

Руси вмѣстѣ вы служили,
Но васъ жребій раздѣлилъ!
Вмѣстѣ вы труды дѣлили,
И конецъ вдругъ посѣтилъ

*

Старшаго изъ васъ, во цвѣтѣ
Юныхъ лѣтъ, безпечныхъ дней....
Часъ насталъ, и въ лютой битвѣ
Онъ смертельно раненъ былъ.
*
Но Творца въ своей молитвѣ
Онъ о жизни не просилъ...
Миръ тебѣ, изъ храбрыхъ храбрый!
Спи подъ лавровымъ вѣнкомъ!
*
Въ свѣтъ безгрѣшный, свѣтозарный
Будешь принятъ ты Творцомъ.
Изъ обители священной
Взоръ на землю обрати,
*
И свой подвигъ довершенный
Въ братней храбрости найди...

30 Іюня 1856 года.
Николаевъ.

Разбирая свои старыя бумаги, я нашелъ стихотвореніе неизвѣстнаго Николаевскаго автора, посвященное памяти братьевъ Батьяновыхъ, написанное въ 1856 году. Я зналъ отца ихъ, камергера Ивана Васильевича Батьянова, служившаго переводчикомъ Восточныхъ языковъ при бывшемъ главномъ командирѣ Черноморскаго флота и портовъ, адмиралѣ М. П. Лазаревѣ. Полагаю, что этотъ листокъ можетъ воскресить память о славномъ быломъ.

И. Ф. Бартеневъ.

20 Октября 1891 г.
Николаевъ.

НАКАНУНѢ СВЯТАГО ПРИЧАСТІЯ.

Стихотвореніе Ѳ. Н. Глинки.

Завтра, завтра въ домъ Закхея
Гость таинственный придетъ!
И, блѣднѣя и нѣмѣя,
Передъ Нимъ Закхей падетъ...
*
И смущенъ, и безпокоенъ,
Скажетъ въ срѣтенье Его:
„Недостоинъ, недостоинъ
Посѣщенья Твоего!“
*

Гость чудесный, Гость небесный!
Ты такъ свѣтелъ и лучистъ!
А сердечный домъ мой тѣсенъ,
И не прибранъ, и нечистъ!

*

Гдѣ-же Гостя посажу я?...
Тутъ и тамъ сидѣлъ порокъ!
Здѣсь и тамъ, гдѣ ни гляжу я,—
Вижу все себѣ упрекъ...

*

Чѣмъ же Гостя угощу я?...
Добрыхъ дѣлъ, въ минувшихъ дняхъ,
Все ищу... и не съищу я:
Весь я въ ранахъ и грѣхахъ!...

*

Былъ отвѣтъ: „Не угощенья,
Нè здоровыхъ я ищу:
Завтра къ Чашѣ исцѣленья
Я болящихъ допущу.

*

Зàвтра, Собственною кровью,
Благодатію Отца,
Духомъ мира и любовью
Весь войду Я къ вамъ въ сердца.

*

И душа, хотя-бъ истлѣла
Въ знойномъ воздухѣ грѣховъ,
Моего вкусивши тѣла
Возродится къ жизни вновь!"

*

Такъ, надеждой въ душу вѣя,
Что-то сердцу говоритъ:
„Завтра, завтра Гость Закхея
Тебя также посѣтитъ!"...

(*Сообщено Васильемъ Сергѣевичемъ Арсеньевымъ*).

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга пятая. Спб. 1892.

Громадный трудъ Н. П. Барсукова постепенно двигается впередъ, и его содержаніе съ каждымъ новымъ томомъ становится все болѣе и болѣе важнымъ и интереснымъ. Это обстоятельство побуждаетъ насъ посвятить нѣсколько строкъ только что изданной пятой книгѣ и указать читателямъ на главнѣйшіе факты и явленія, которые она иллюстрируетъ. 1837—1840 года богаты событіями, въ которыхъ Погодину такъ или иначе приходилось участвовать, богаты новыми дѣятелями въ области науки и литературы, съ которыми ему приходилось видѣться и вступать въ общеніе, богаты впечатлѣніями, которыя онъ испытывалъ и которыя правдиво заносилъ въ свой дневникъ и записи.

Весною 1837 года Москву посѣтилъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и былъ на лекціи у Погодина; въ томъ же году освящена церковь при Московскомъ университетѣ, учреждается каѳедра Славянскихъ нарѣчій въ Русскихъ университетахъ; въ этомъ же году скончались митрополитъ Евгеній и Ив. Ив. Дмитріевъ; тогда же Погодинъ частію завязываетъ, частію продолжаетъ ученыя и литературныя связи съ К. И. Невоструевымъ, Ир. И. Введенскимъ, М. А. Максимовичемъ, Авсеневымъ, Иннокентіемъ, впослѣдствіи архіепископомъ Херсонскимъ, Н. И. Надеждинымъ, В. В. Григорьевымъ, И. П. Сахаровымъ, А. Д. Чертковымъ, О. М. Бодянскимъ, А. А. Краевскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и многими другими. Наконецъ, къ этому же году относится оживленная профессорская и ученая дѣятельность Погодина: онъ продолжаетъ изданіе своихъ лекцій по Герену, приступаетъ къ изданію Всеобщей Исторической Библіотеки, издаетъ Псковскую лѣтопись, Русскій Историческій Альбомъ, приступаетъ къ составленію Похвальнаго Слова Карамзину, выпускаетъ въ свѣтъ Славянскія Древности Шафарика, въ переводѣ Бодянскаго.

Не менѣе богатъ событіями въ жизни М. П. Погодина и слѣдующій 1838 годъ. Тогда случилось извѣстное землетрясеніе въ Кіевѣ, которое произвело на Погодина глубокое впечатлѣніе и возбудило въ немъ первое желаніе приняться за «Простую рѣчь о мудреныхъ вещахъ»; тогда были перенесены памятники прежняго заложенія Храма Христа Спасителя въ Москвѣ на Воробьевыхъ горахъ для приготовленія къ заложенію его на новомъ мѣстѣ, при чемъ Погодинъ

былъ лѣтописцемъ этого событія; тогда въ Московскомъ университетѣ окрѣпъ кружокъ профессоровъ новаго направленія, сравнительно съ прежними, къ которымъ принадлежалъ Погодинъ; тогда же онъ заводитъ знакомство съ К. А. Неволинымъ, И. И. Срезневскимъ и др., и собирается въ заграничное путешествіе. Въ Декабрѣ 1838 года онъ отправился въ Петербургъ и черезъ Варшаву прибылъ въ Бреславль, посѣтилъ Прагу, Вѣну, Тріестъ, Венецію, Римъ, Неаполь, Парижъ, Лондонъ, Брюссель, Амстердамъ, Маріенбадъ, Мюнхенъ, Швейцарію, Миланъ, Парму, Болонью, Флоренцію, и въ концѣ Сентября 1839 г. вернулся въ Москву.

Въ 1840 году М. П. Погодинъ сближается съ С. С. Уваровымъ, выпускаетъ въ свѣтъ свое сочиненіе о Несторѣ, секретарствуетъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, редактируетъ двѣ книжки Русскаго Историческаго Сборника и приступаетъ къ приготовленіямъ для изданія, вмѣстѣ съ Шевыревымъ, Москвитянина, которому предстояла трудная задача занять опредѣленное и достойное мѣсто между уже выяснившимися къ тому времени направленіями Западниковъ и Славянофиловъ. Характеристикою Погодина и Шевырева, какъ журналистовъ, сдѣланною Ѳ. И. Буслаевымъ, заключается пятая книга. Въ видѣ особаго приложенія, въ дополненіе къ примѣчанію на стр. 248 четвертой книги (принадлежащему перу М. А. Гамазова) присоединенъ составленный имъ же весьма интересный списокъ Восточныхъ словъ, по большей части Персидскихъ, сходныхъ по произношенію съ Европейскими, одинаковаго съ ними значенія.

Въ приведенномъ очеркѣ содержанія пятой книги «Жизни и трудовъ Погодина» мы не коснулись и половины того, что̀ она разъясняетъ и описываетъ, но смѣемъ думать, что и изъ сказаннаго читатель усмотритъ справедливость того, что̀ мы заявили въ началѣ нашей замѣтки, что интересъ труда г. Барсукова растетъ съ каждою книгой. Не можемъ не указать и на то, что многія лица и событія выступаютъ передъ читателемъ въ новомъ свѣтѣ, благодаря которому прежнія ихъ характеристики представляются односторонними; для примѣра укажемъ на Ир. И. Введенскаго.

Отъ души желаемъ почтенному біографу почтеннаго дѣятеля «подвигомъ добрымъ подвизатися» и безпрепятственно окончить свою многотрудную, но и многоплодную задачу.

И. Помяловскій.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

РУССКАГО АРХИВА 1892 ГОДА.

(Выпуски 1, 2, 3 и 4).

5. Смутное время. Дѣятельность Русскаго духовенства (1605 — 1613). Историческій очеркъ **Г. А. Воробьева.**

273. Записки **Юста Юля**, Датскаго посланника при Петрѣ Великомъ. 1709-й годъ. Переводъ съ Датскаго **Ю. Н. Щербачева.**

262. О погребеніи великой княжны Анны Петровны (1759).

427. Рескриптъ **Екатерины Великой** князю А. А. Вяземскому (о чиновникахъ въ новыя палаты).

449. Бумаги протоіерея **Петра Алексѣева.**

263. Изъ бумагъ князя Безбородки. (Письма къ Екатеринѣ Великой.—Къ дѣлу о подпоручикѣ Опочининѣ).

487. Письмо **графа Н. И. Панина** графу П. В. Завадовскому.

488. Письма **графа П. В. Завадовскаго** графу П. А. Румянцову.

95. Письмо **графа А. А. Безбородки** Московскому главнокомандующему князю Прозоровскому о Мартинистахъ.

492. Двустишіе князя **Г. А. Потемкина.** — Родители князя Г. А. Потемкина.

305. Императрица Марія Θеодоровна. (Послѣдніе годы до вступленія на престолъ Павла Петровича). **Е. С. Шумигорскаго.**

493. Высочайшіе рескрипты преосвященному Амвросію.

446. Ваятель М. И. Козловскій. **Замѣтка А. Н. Корсакова.**

497. Церемоніалы ханскихъ выборовъ у Киргизовъ. **П. Юдинъ.**

475. Два письма **графини А. В. Браницкой** императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ. (1812).

145, 341 и 417. Эпизоды изъ исторіи двѣнадцатаго года. Посмертное сочиненіе **А. Н. Попова.** Императоръ Александръ въ Вильнѣ.

257. Двѣнадцатый годъ въ Сибири.

50. Сперанскій: 1) Пермское письмо его Александру Павловичу и 2) Оправдательная его записка. Съ предисловіемъ **Н. К. Шильдера** и послѣсловіемъ **издателя.**

91. Письмо **Д. В. Дашкова** А. А. Прокоповичу-Антонскому о В. И. Титовѣ (1818)

87. Владиміръ Павловичъ Титовъ. Письмо о немъ **К. А. Бутенева.**

259. Посланіе Дерптскихъ студентовъ А. Θ. Воейкову.

93. А. С. Пушкинъ въ сельцѣ Михайловскомъ. Разсказы простолюдиновъ-современниковъ.

93. Письмо **А. И. Тургенева** къ князю А. Н. Голицыну по выходѣ въ отставку (1842).

533. Г. Я. Скарятинъ и графиня Потоцкая. Изъ памятныхъ замѣтокъ **Н. Я. Скарятина.**

86. Изъ воспоминаній о князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ. **О. О.**

139. Изъ памятныхъ замѣтокъ стараго гвардейца (о днѣ раскрѣпощенія крестьянъ).

141. Изъ писемъ къ издателю „Русскаго Архива": 1) **Н. В. Ханыкова** о Хивинскомъ походѣ 1839 года. 2) **Г. Д. Щербачева** объ офицерѣ-героѣ Мецгерѣ.

379. Два новыхъ письма **А. С. Хомякова** къ Пальмеру. Англійскіе подлинники съ переводомъ, предисловіемъ и послѣсловіемъ.

98. Воспоминанія юриста. **П. Н. Обнинскаго.**

510. По поводу характеристики Н. Н. Муравьева (съ выдержками изъ Воспоминаній **П. А. Брянчанинова**). **А. Л. Зиссермана.**

185. Два письма **Н. И. Пирогова** къ Эдитѣ Ѳедоровнѣ Раденъ (1860—1862), съ предисловіемъ **А. Г. Тимрота**. (О христіанской любви.—О Крестовоздвиженской общинѣ.—Поляки въ Малороссіи.—Вопросы университетскій и школьный.—Отзывъ о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ).

200. Письма митрополита Кіевскаго **Арсенія** къ архіепископу Костромскому Платону (1856—1872).

526. Торжество тысячелѣтія Россіи въ 1862 году. **Графа М. В. Толстаго.**

269. Памяти С. Г. Милорадовичъ. **Л.**

81. Къ исторіи торговыхъ спошеній Москвы съ Закавказьемъ. **Д. Ѳ. Рязанова.**

467. **П. А. Ковалевъ,** Русскій дѣятель въ Прибалтійскомъ краѣ. **М. Лисицына.**

233 и **391.** Книжныя рѣдкости. Н—О (съ портретомъ). **И. М. Остроглазова.**

536. Три новыхъ стихотворенія **Ѳ. И. Тютчева.**

272. Старинное стихотвореніе (какъ располагаются журнальныя побранки).

53?. Два брата. Стихотвореніе.

539. Накапунѣ Святаго Причастія. Стихотвореніе **Ѳ. Н. Глинки.**

541. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 5-я. Н. П. Барсукова. Отзывъ **И. В. Помяловскаго.**

481. Благотворительность въ древней Руси. **Г. А. Воробьева.**

271. Русскія надгробія въ Ливорно.

Дополненія и поправки.

Въ приложеніи:

Записки Филипа Филиповича Вигеля. (Новое изданіе съ подлинной рукописи). Конецъ первой части и части третьей главы I—XIII.

„РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АРХИВЪ".

Всѣхъ выпусковъ въ году будетъ шесть, по одному выпуску въ два мѣсяца, тетрадями in 4°, въ 10 печатныхъ листовъ текста и 10 таблицъ фототипическихъ снимковъ, такъ что годовое изданіе дастъ 60 листовъ текста и роскошный альбомъ въ 60 листовъ фототипій.

Въ концѣ года будетъ разослано гг. подписчикамъ приложеніе: „Письма Н. А. Рамазанова изъ-за границы", съ рисунками автора въ текстѣ.

Для гг. заграничныхъ подписчиковъ будетъ прилагаться объяснительный текстъ къ рисункамъ на Французскомъ языкѣ.

Цѣна безъ пересылки и доставки въ Москвѣ 10 р., съ пересылкою и доставкою во всѣ города Россіи и съ доставкою въ Москвѣ 12 р.

Для желающихъ дѣлается разсрочка: при подпискѣ вносится 4 р., затѣмъ при полученіи втораго и третьяго выпуска по 3 р. и при полученіи четвертаго выпуска, въ случаѣ подписки съ пересылкою и доставкою, 2 р.

Кромѣ того для любителей печатается всего 25 экземпляровъ особенно роскошнаго изданія, изъ котораго въ продажу поступитъ только 20 экземпляровъ.

Цѣна такому экземпляру съ пересылкой и доставкой 25 р.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Ѳ. И. Булгаковъ, К. М. Быковскій, Дм. Вас. Григоровичъ, И. Е. Забѣлинъ, Б. И. Иверсенъ, Д. И. Иловайскій, М. Ѳ. Каменская (рожд. гр. Толстая), А. М. Мироновъ, И. М. Остроглазовъ, А. И. Сомовъ, К. А. Трутовскій, М. А. Чижовъ, К. Д. Чичаговъ, С. С. Шайкевичъ и др.

Редакторъ **А. П. Новицкій**. Издатель **В. А. Головинъ**.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Пречистенка, Полуэктовскій пер., д. Рожкова; въ отдѣленіи конторы, Москва, Петровскія линіи, антикварный магазинъ П. П. Шибанова, во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ фотографіи К. А Фишера (бывш. Дьяговченко), Москва, Кузнецкій мостъ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1892 года.

(Годъ тридцатый).

Русскій Архивъ въ 1892 году издается **двѣнадцатью тетрадями**, составляющими три отдѣльныя книги, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1892 году съ пересылкою и доставкою — **девять рублей**. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать рублей**.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ Петербургѣ, Сергіевская д. 61-й, кв. 11-я (у доктора Л. Ѳ. Зміева).

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Въ **Петербургѣ** подписка на „Русскій Архивъ“ съ разсрочкою, а также полученіе отдѣльныхъ старыхъ и новыхъ книжекъ и прежнихъ годовыхъ изданій „Русскаго Архива“ у у В. А. Чумикова, на Вознесенскомъ проспектѣ, въ домѣ 22-мъ, кв. 18-я (отъ 3 до 4 и отъ 6 до 8 часовъ по полудни).

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за **одну** по 1 р. 25 к., за **двѣ** по рублю, за **три** по 80 к., за **четыре** и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногороднаго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногороднаго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же документовъ въ новыхъ спискахъ, а равно статей и современныхъ рукописей, оказавшихся непригодными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня. Для личнаго объясненія по дѣламъ „Русскаго Архива“ издателя можно видѣть по **Четвергамъ** отъ 9 до 12 часовъ утра.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ П. Бартеневъ.